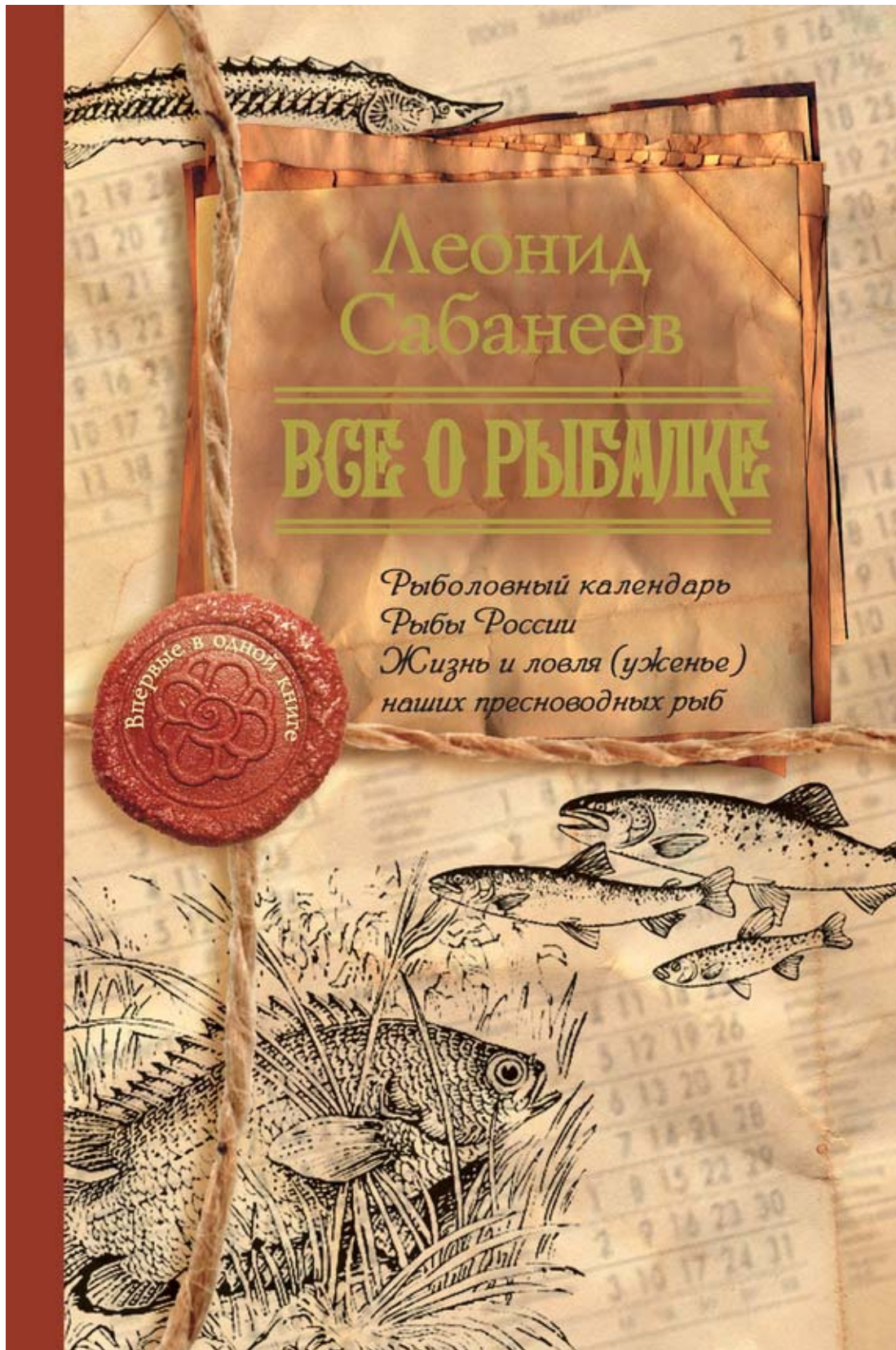

Леонид Сабанеев
Все о рыбалке

«Все о рыбалке / Леонид Сабанеев»: АСТ, Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-17-070940-3, 978-5-271-31914-3

Аннотация

Леонид Павлович Сабанеев – известный русский ученый-биолог, знаток нашей природы, охотник, рыболов и кинолог, популяризатор охотничьего и рыболовного дела в России, многолетний редактор наиболее авторитетных журналов, посвященных охоте и природе.

В эту книгу вошли его выдающиеся труды «Рыболовный календарь» и «Рыбы России», а также статьи и очерки по вопросам рыболовства.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

Леонид Сабанеев Все о рыбалке

От издательства

Эта книга содержит труды известного русского ученого-биолога, исследователя и издателя, охотника и рыболова Леонида Павловича Сабанеева (1844 – 1898) на рыболовную тему и составляет полное собрание его произведений о рыболовстве.

Первую часть издания занимает «Рыболовный календарь», который был впервые опубликован в 1885 г. в качестве II части книги Л. П. Сабанеева «Охотничий календарь» и больше при жизни автора не издавался. Готовя 2-е издание «Охотничьего календаря», автор «Рыболовный календарь» в него не включил. Здесь публикуется полный текст «Рыболовного календаря» в том виде, в каком его подготовил сам Л. П. Сабанеев.

Вторая часть книги содержит различные работы Л. П. Сабанеева по рыболовству.

Третья часть – «Рыбы России» – подготовлена по второму изданию книги «Рыбы России. Жизнь и ловля (уженья) наших пресноводных рыб», вышедшей в 1892 году, последнему прижизненному изданию, подготовленному автором.

Редакция постаралась сохранить оригинальный стиль Л. П. Сабанеева, лишь немного изменив текст в соответствии с правилами современной грамматики. Авторские сноски, помеченные астериском (*), как и было в изданиях Л. П.

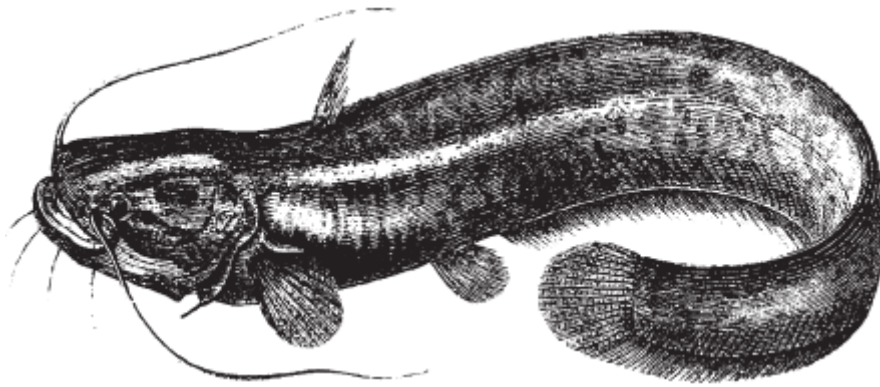
Сабанеева, сохранены по тексту.

Часовое время в книге дается по Гринвичу и без учета декретного времени, введенного в 1919 г., и летнего времени. Поэтому с 1 апреля по 1 октября к указанному времени следует прибавлять 4 часа, а с 1 октября по 1 апреля – 3 часа. Календарные даты даны по старому стилю, поэтому к ним следует прибавлять 13 дней. Температуру воды и воздуха автор указывает то по Цельсию, то по Реомюру. Для перевода в шкалу Цельсия нужно разделить величину на 4 и умножить на 5.

Журнал «Природа и охота», образованный от слияния «Журнала охоты» и сборника «Природа».

Рыболовный календарь

Январь

В Средней России около Крещения начинается нерест налима. Нерест продолжается 7–15 дней и производится парами (самец свивается с самкой) на глубоких песчаных или каменистых (предпочитает белую гальку) местах в больших реках – от 2–4 сажень глубины. Икра мелкая, беловатая. Мечут икру трехгодовалые (около фунта) и старше. Во время хода налима вверх самым стремением реки его ловят местами на белые дощечки с крючками, которые налим, идя по дну, задевает брюхом. Перед нерестом (и во время нереста?) налим продолжает брать на живца и кусочки рыбы. В суровую снежную зиму в небольших непроточных озерах в конце месяца начинает душиться рыба. Сначала снёт ерш. В небольших проточных озерах рыба подходит к устьям или к ключам. Окунь обыкновенно перестает брать (на блесну, мормыша). В Средней Волге (под Сызранью) начинается ход и ловля миноги.

Вязание сетей для наметок, бредников, сачков, кружков (сажалок для рыбы). – Выписка из-за границы рыболовных принадлежностей. – Заготовление шелковых и волосяных лес. – Заказ и приготовление рыболовных ящиков. – Приготовление самодельных складных удилищ.

Февраль

В более северных губерниях нерестится налим (около Сретения). Лов его продолжается. В начале месяца обыкновенно снова начинает брать окунь в Северо-Восточной России (на мормыша) и ерш. Если нет оттепелей, рыба душится в больших непроточных озерах (Средней России). В середине месяца на Средней Волге кончается ход и ловля миноги. В низовьях Волги начинается еще подо льдом ход сначала воблы (морской плотвы), потом леща, чехони и белорыбицы. Лов последней самоловами на живца. В юго-западных губерниях ерш выходит из глубоких ям и в конце месяца начинает метать икру (см. апрель). Тоже щука (в юго-западных губ.). На юге почти вся рыба выходит из глубоких мест, где зимовала, на более мелкие, к берегам. Лов ее наметкою.

Приготовление шелковых, волосяных и жилковых лесок (и подновление старых шелковых), поплавков и др. рыболовных принадлежностей; заготовка кружков (поставуш) на шук и осмаливание бечевков для жерлиц.

Март

В начале месяца кончается ход белорыбицы в Волгу. Вскрытие южных рек. Усиливается ход воблы. Около середины месяца в Южной России язи выходят из глубины. В средних губерниях щука выходит из ям, подходит к окраинам льда и устьям речек и начинает брать на живца (жор перед нерестом). В Юго-Западной России нерест ее кончается. Лов налима в центральных и северных губерниях. Елец

в ыходит из ям и начинает клевать (перед нерестом). В низовьях Волги начинается ход стерляди. В Дон и Днепр идет шемай. На юге во второй половине (в прудах, озерах и лиманах) выход линия из глубины и начало клева. Также начинается клев плотвы. Кончается нерест щуки. Окунь в конце месяца (по окончании ледохода) мечет икру.

По утрам и вечерам в 2–3 приема сначала мелкий (22-месячный), не очень большими стаями, большею частью в старом камыше. Икра выпускается студенистыми лентами в 1–3 арш. длиною, в которой икринки (величиною с маковое зерно) лежат кучками (от 3–5 икринок). Начало нереста судака (в низовьях Волги – до половодья). В неглубоких местах, у берегов, в траве или в коблах, корнях деревьев. Нерестится начиная с 3-летнего возраста. Разбивается на пары: самка становится вертикально, носом в землю, самец ходит кругом и обливает икру молоками. Нерест крупного язя. Большею частью входит в речки. В 2–3 ночи. Около Благовещенья нерестится и жерех – на быстрине, в каменистых местах, уже в половодье. Икра его поедается подустом.

С середины выход рыбы с глубины. («На Алексея с гор вода, а со стану рыба»).

В Средней России в конце месяца (как тронется лед) начинается игра щуки. Сначала нерестятся мелкие, 3–4-летние. Семьями: самку сопровождают 2–3 и более самцов, обыкновенно меньшего роста. На самых мелких местах, разливах, на осоке. Икра зеленовато-желтая. Бой щук острогой, лов силками, стрельба их из ружья.

Приготовление лесок, поплавок. – Покупка крючков и различных рыболовных принадлежностей. – Литье грузил. – Заготовка натуральных цельных удилиц и удильников для донных (в конце месяца, в более южных местностях), жерлиц, шестиков для них, подставок для удилиц и пр.

Апрель

В первой половине в низовьях Волги показываются небольшие косяки сельди (бешенка): судак, уже выметавший там икру, скатывается обратно в море; кончается ход леща (мелкого). Начинается (на юге) нерест голавля. Большею частью в небольших быстрых речках, на песчаных косах, реже на перекатах. Игра продолжается с неделю. Икра очень мелкая, оранжевого цвета. Караси и лини в прудах выходят из тины и ям и начинают брать (на юге) на червя.

В средних губерниях продолжается или начинается нерест щуки. Сначала играют мелкие, потом крупные, прежде в речках, потом в реках и наконец в озерах и прудах (полупроточных). Кончается нерест в 2–3 недели и иногда затягивается здесь до конца месяца.

Около середины или во второй половине на Нижней Волге начинается настоящий ход сельди; мечет икру на песчаных отмелях. Тоже нерестится (на разливах, в траве) вобла (каспийская плотва). В Южной России сом выходит из ям и идет в теплую воду (в заливы, ильмени). В конце иногда начинается его нерест (в юго-западных губерниях). В Нижней Волге синец (*Abramis ballerus*) выходит огромными стаями из ям на глубокую и быструю воду с каменистым дном и выбивает там икру. Тоже подуст, в таких же местах (яйца крупные, беловатые) и сапа (*Abramis sapa*), но в ильменах и тихой воде. На юге в это же время, с середины апреля, выбивает икру плотва, большими стаями в камышах, корнях деревьев, хламе и т. п., на мелких местах, у берега. Мечет икру на 3-м году. После нереста на неделю скрывается вглубь. Молодь выклеивается через 7–10 дней. В ветреную весну много икры выбрасывается на берег. Начало клева язей (с середины, когда зацветет калина). Лов со дна, на червя.

В низовьях Дона и Днепра нерест шемаи. После 15-го числа, во время цветения вербы, в Юго-Западной России нерест самого крупного леща (вербовика); около

Егорьева дня (23-го числа), во время распускания дуба – среднего (6–8 фунт.) леща (дубинника). На травянистых отмелях, в заливах, иногда в затопленных тальниках. Всегда ранним утром. Нерест совершается с большим шумом, на поверхности воды и слышен издали. Потревоженные лещи уходят вглубь.

В средних губерниях во 2-й половине нерестятся: сначала язь (в небольших речках ранее), потом елец (в Южной России позднее?), в речках, на прибрежной осоке – окунь (когда совсем стает лед и кончится ледоход), шереспер, голавль, ерш, иногда (больше в мае) голец и шиповка. В Псковском озере (по вскрытии) начинается нерест снетка (по 2-му году). В Неве (по вскрытии) начинается ход корюшки; там же и в северо-западных больших озерах мечет икру колюшка. Самец строит гнездо и оберегает икру и молодь. В средних черноземных губерниях (Орловской) лещ начинает брать (перед нерестом?) на кучу глист; иногда в конце месяца начинается его нерест, но в Средней России нерестится сначала самый мелкий (большею частью в начале мая). В середине месяца в половодье иногда берет (на неглубоких местах с хрящеватым дном) на червя подуст; ловят на двойчатку. Пескарь в речках выходит на перекааты. Как вода пойдет на убыль, весенняя ловля налимов в ямах ночью на червя (или 2-х) на донную удочку с плота или лодки. Клев продолжается иногда до середины мая. Начинает (в конце месяца) брать язь (со дна), сначала мелкий, тоже плотва (перед нерестом), которая около середины выходит из ям, где зимовала. Все на красного червя. Ловля наметкой в полую мутную воду.

Оканчиваются все приготовления к ужению. – Ловля щук на жерлицы, поставуши, на удочку. – Разыскивание, приготовление и расчистка мест для ужения, покупка и починка лодок.

Май

Первая половина в южных губерниях: кончается нерест речной сельди. Около 9 мая мечет икру мелкий лещ (от 2 до 4 фунт.) и густера. В низовьях Волги показывается молодь леща, а крупные скатываются в море. Ход сырты вверх. С первых чисел бьет икру чехонь (трехгодовалая и старше) на очень быстрой воде, по перекаатам и отмелям, большею частью перед восходом и в туманную погоду. Тоже уклейка (см. ниже). Начало нереста сазана в тихих травянистых заводях, семьями (самка и два самца; самцы прогонистее и с белыми бородавками на голове), при температуре +18 + 20°R. Икра выпускается комьями на траву. Нерест длится 8–10 дней (?). В подобных же местах и при той же температуре начинает тереться линь (по 4-му году), тоже семьями (самка темнее, чешуя у нее крупнее, а плавники, особенно грудные, короче), и красноперка – большими стаями. В береговых камышах и тростнике начинает нереститься крупный карась стаями. Усачи-мироны (когда зацветут груша и бузина) идут вереницами против течения и выбивают икру (при 8–10°) в глубокой и быстрой воде с каменистым или хрящеватым дном. Икра крупная, оранжевая (считается ядовитой), прилипает к камням. Мальки выклеваются через 9–15 дней. По окончании нереста усачи уходят на самые быстрые места реки. Когда зацветает шиповник, начинается нерест сомов. Самка (?) издает звуки, сходные с клохтаньем (токует). Ее сопровождают 1–2 самца. Икра выбивается в глубоких, но тихих промоинах, заваленных хламом и корягами, в ямах до 31/2 арш. глубины, вырывает их сомихой при помощи грудных плавников. Самцы оберегают икру и молодь (?), которая выклевается через 7–10 дней.

Там же начинается ловля сомов на клоковую уду в лодке. Лов этот продолжается весь май и июнь (?). – Нерестующих сазанов бьют на разливах сандовьями (острога). – Хорошо берет (на червя) язь и начинает клевать лещ и все прочие уже выметавшие икру рыбы. – Начинается ловля судака (на живца).

В средней полосе (большею частью во время распускания березы) нерестится

мелкий лещ, затем около 9 мая (во время цветения черемухи) – средний, и около середины (когда колосится хлеб) – самый крупный. Нерест окуня, судака, плотвы, подуста, гольца (на перекатах) и ручьевой миноги (там же); начинается нерест пескаря (тоже на перекатах, в камнях; на Нижней Волге – в рачьих норах) и продолжается с перерывами до июля (?). В Верхней Волге начинает метать икру стерлядь. На самых глубоких местах реки, в хряще. Икра темная, продолговатая. Развитие через 5–7 дней. Молодь сначала держится в хряще. Около 9 мая в более северных губерниях нерест тальменя, щуки (конец нереста), ерша и колюшки. В Неве мечет икру корюшка. Икра желтоватая, развивается в 5–10 дней. Около середины месяца (?) начинается (в средних губерниях) нерест сома.

Жор щуки после нереста и ловля ее на жерлицы и удочку (на живца). – Клев ерша. – С 9–15 мая (под Москвой) начинает брать поверху (на голавлика, уклейку) шереспер на быстрине около мелей, голавль (на угря), язв (на червя и раковые шейки). – В средних черноземных губерниях берет (в прудах?) лещ со дна около глубоких берегов. Позднее – в травах у дна. – Кончается (около 9 мая под Москвой) весенняя ловля налимов. – Пескарь берет на перекатах и песке на червя. – Ближе к середине месяца начинает брать (поверху) уклейка (перед нерестом); крупный окунь уходит в глубину, мелкий и средний держится в травах. – Начинает брать линь. – Расчистка мест для ужения и заприваживание их. – Устройство заязков и мостков для ужения. – Ловля червей-выползков (больших глист).

Во второй половине в Днестре, Буге, Днепре и его нижних притоках, в Нижнем Дону, в Тереке, Куре – нерест вырезуба. Небольшими стайками, на быстрой и глубокой воде, на камнях. Кончается нерест красноперки (мечет икру в несколько приемов). В юго-западных губерниях нерестится (в течение 2 недель) в глубоких быстрых местах русла, на каменистых грядах (или искусственных грядах – греблях) сырть. Выбивает икру средний, потом мелкий карась. Клев сома, сазана, красноперки, усача, леща и др.

В средней полосе продолжается нерест плотвы (во время цветения шиповника), начинается нерест линя и карася в прудах. В реках мечут икру: синец (до начала июня), речная минога, глазач, густера, чехонь; в Средней и частию Нижней Волге (позднее) нерестится стерлядь. Уклейка большими стаями выбивает икру в траве, на мелких местах, хворосте, реже в камнях. В прудах преследуется красноперкой, которая поедает ее икру. В более северных реках нерестится хариус. Семьями (2 самца и самка) на перекатах. Самка выкапывает ямки в хряще. Яйца оранжевые, молодь выклеывается в 14–18 дней.

Лов судака в глубоких местах с песчаным и коряжистым дном на пескаря, голавлика, корюшку в северо-западных губерниях. Ловят со дна. – Начинается настоящий жор сома. – Плотва, выметав икру, хорошо берет на хлеб. – В небольших реках и в речках хорошо ловится голавль на майского жука (без поплавок и грузила). – С середины начинает брать лещ (клев продолжается 2–3 недели) и густера. – В прудах иногда начинают клевать сазаны. – В конце месяца хорошо берет на быстрых местах (после нереста) подуст на мотыля, опарыша и муравьиные яйца.

Июнь

В юго-западных губерниях в первой половине лучший клев усача и сазана. Ужение сырты в глубоких местах с довольно быстрым течением. Начинается линяние раков (сначала в озерах) и ужение на линяного рака. В средней полосе выводятся личинки ручьевой и оканчивается нерест речной миноги. В прудах нерестится карпня. Молодые сомята выходят на перекаты. Продолжается нерест пескаря. В более северных местностях (озерах) мечет икру карась.

Начинается ловля переметами и на подпуски. – Уклейка хорошо берет на мушку (с

поверхности). – Налимы забиваются в коряги, норы и под камни. – Шупанье налимов (ловля руками). – Ловля голавлей на майского жука продолжается. – Хорошо берет в глубокой быстрой воде чехонь (на червя неглубоко от поверхности). – Лучший клев густеры со дна на червя и хлеб у берегов в глубокой и тихой воде. – В озерах и проточных прудах иногда начинает линять рак. – Ловля подуста и плотвы на зелень (водоросль) на быстрине. Ловля щук силками в полдни. – Разведение опарыша. – Приготовление разных прикормок. – Крашение лесок.

Во второй половине форель (в северо-западных и северных губерниях) из речек идет в ручьи или держится около ключей. Почти вся крупная рыба начинает (в средн. губ.) держаться около рачьих нор и хорошо берет на линючего рака. С середины ловля язей на кузнечика (нахлыстом, без поплавок и грузила) в глубоких и крепких местах, а также стрельба их из ружья. Около 15-го числа начало клева сазана. В глубоких, глинистых крутоярах. Лещ б. ч. перестает брать на удочку. Пескарь в конце месяца переходит с перекатов на более глубокие места с песчаным дном и продолжает ловиться на червя. В северных притоках Волги (в конце месяца) начинается ужение (лещей, язей и др.) на метлицу (поденку). В северных реках с середины берет (в наплавную, на червя или паута) по утрам и с 5 пополудни хариус.

Июль

Из моря лещ снова поднимается в Волгу на зимовку. Тоже судак, как только кончится мутная вода. В юго-западных реках усач около 20 июля начинает хорошо брать на сыр и сальные вытопки (шкварки). В Средней России лучший клев сазана. Ловля с прикормкой в местах, где замечается его бой (в ыскакивание из воды). Лещ уходит в глубокую воду.

Ужение на метлу (в начале месяца), на линючего рака и кузнечика. – Ловля голавлей на лягушонка, пиявку и черного таракана. – Вообще в первой половине рыба берет плохо, и клев улучшается только с 20 июля (Ильина дня). – Ужение с самопогружающимся поплавком (поплавок-грузило).

Август

Продолжает хорошо брать сом и сазан. На Нижней Волге лучший клев сазана (на красного червя). – В средних губерниях (на Москве-реке и др.) хороший клев подуста поверху на муху, со дна на червя, также леща и язя на молодой овес (местами) нахлыстом. – Плотва иногда хорошо берет на червя. – Лучшая ловля судака, шерешпера и сома на переметы. – Лучшая ловля на дорожку. – Заготовка дорожек-блесен и смолья для лученья. – Приготовление блесен.

Сентябрь

На севере и северо-западе в начале (или середине) месяца начинается нерест лосося. На быстрой, мелкой воде, в камнях. Яйца (с крупную горошину, сначала молочно-белые, потом желтоватые) кладутся в бороздки, вырывающиеся самками. Нерест семьями. В то же время на севере мечет икру нельма (не менее 7 фунтов), парами (или 2 самца), в холодной и глубокой воде, в ямах. С середины начинает нереститься форель в несколько приемов, тоже семьями. Яйца закапывают в ямки. Личинки речных миног (слепые вьюнчики в Неве: служат там лучшей насадкой) начинают свое превращение.

Рыба (язь, плотва, красноперка, елец, шерешпер, голавль, ерш) начинает уходить в самые глубокие места и собирается большими стаями. За ней следует щука.

Язь со середины месяца вовсе перестает клевать. – Голавль берет на глубине (на

раковые шейки, шкварки, угря) со дна. – Плотва и елец продолжают брать до больших морозов, лучше всего на мотыля (и опарыша?) со дна же. – Шереспер берет только со дна (на живца). – Начинается жор щуки, тоже на глубоких местах. Лов на живца (почти со дна) и иногда на блесну. – Ерш окончательно уходит в глубокие ямы с илистым дном и хорошо берет на червя, мотыля. – Окунь также собирается большими стаями в ямы (с песчаным дном) и хорошо берет на малька, на блесну и (иногда) червя. – В середине сентября или ранее, смотря по погоде, перестает брать сом и ложится в ямы. – С началом дурной погоды (ненастья) начинает брать налим. – Заготовление червей на зиму (в конце месяца).

В конце сентября на северо-западе начинается нерест ряпушки. Самый лучший клев форели.

Октябрь

Нерест ряпушки и сигов (в 1-й половине) на севере и нерест форели в западных и юго-западных губерниях. В Куре и Тереке начинается ход шемаи на зимовку. Около Астрахани начинается ход и ловля миноги. Рыба в южных губерниях начинает залегать в ямы. Сазаны и лещи собираются в стаи и ложатся в заливы, поросшие камышом и шиповником. Линь тоже, но ложится в самых глубоких местах с илистым дном и медленным течением и потом даже зарывается. Пескари и уклейки также уходят в ямы (с песчаным дном); последние иногда хорошо берут со дна. Лещи становятся (в конце месяца) большими стаями на неглубоких песчаных местах реки, где берег идет уступами.

Лов щуки на блесну и окуня на блесну, червя или мормыша (рачок) перед замерзанием рек и озер, позднее по льду. – Ерш продолжает хорошо брать на мотыля. – С Покрова (или ранее) начинается охота с лучом и острогой, преимущественно на озерах и прудах. На севере по первому льду глушат рыбу (больше всего налима и щуку), которая становится подо льдом.

Октябрь – лучшее время для перевозки рыбы с целью ее разведения в других водах и для заготовки удилищ (можжевельных, березовых, ореховых, рябиновых) на будущий год.

Ноябрь

В Переяславском озере нерестится (до 15 декабря) ряпушка (переяславская селедка). На юге лов сомов и сазанов на зимовку х самодерами (крюками) и сандовьями. Форель скатывается в омуты и ямы. Карась окончательно собирается на зимовку в глубокие тинистые ямы или зарывается в ил. На юго-западе залегает в самые глубокие места и усач (в конце месяца).

Ловля из прорубей на кобылки (в Средней России) налима, окуня. – Местами берет подо льдом язь на мотыля. – Лов самоловами (и на блесну) судака, окуня (на зимовке) и белорыбицы на Волге. – Ловля окуней и ершей на мормыша. – В конце месяца прекращается (на время) клев налима. – Продолжается глушение рыбы по перволедью.

Декабрь

Кончается под Астраханью ход миноги. Продолжается нерест переяславской селедки (до 15-го числа). В конце месяца или середине в более южных местностях начинается нерест налима.

Местами (севернее) начинается в рождественский пост зимняя ловля его (перед нерестом) из прорубей на деревянные крючки с наживой (ерш, кусок рыбы), также

на деревянные дощечки с крючками. Ловля на неглубоких, но быстрых местах. – Во 2-й половине окунь (в средних и северо-восточных губерниях) перестает брать (до начала февраля) на блесну, червя и мормыша. – Лов на кобылки в прорубях. – Починка складных удилищ.

Январь

Вязание сетей

Январь-февраль месяцы – вообще зима – самое удобное время для вязания различного рода сетей для сачков, кружков (сажалок) и т. п.

Для вязанья необходимы два инструмента: иголка (рис. 1) и линейка; материалом же служат крепкие суровые нитки различной толщины. Иголка бывает из желтой меди, стали, кости, рога или полированного дерева; из того же материала готовится и линейка, которая должна быть очень гибкою. Иголка служит для продевания ниток, а линейка – для закрепления на ней петель. Нитки должны быть по возможности без узлов, иначе работа затрудняется и теряет правильность.

Рис. 1. Иголка для вязания

сетей

Приступая к работе, наматывают на иглу через верхний и нижний расщепы (или вилки) ее столько нити, чтобы игла могла свободно проходить через петли. Затем из шнура, бечевки или толстой нити делают петлю, которую укрепляют к чему-либо – просто к гвоздю или швейной подушке – неподвижно, и на этой петле уже образуют из нитки несколько или одну петлю, и начинается вязание сети уже иглою. Берется линейка в левую руку и кладется между большим и указательным пальцами. Нитка должна при этом лежать над линейкой (рис. 2). Обводя нитку сзади названных пальцев, делают изгиб нити влево, который крепко удерживается большими пальцами. Затем нить ведется сзади 2, 3, 4 и 5-го пальцев и продевается сквозь образованную петлю на 2, 3, 4-м пальцах; далее игла, пропускаемая спереди линейки, тотчас же продевается в ранее образованную петлю на закрепке (если же работа давно начата, то в петлю предыдущего ряда). Продев таким образом иглу сквозь вторую петлю, нить закладывают за мизинец, а с большого пальца петля спускается. Тогда, задерживая нить, мало-помалу освобождают 2, 3, 4-й пальцы от их петли, и наконец, когда эта петля уже плотно обхватывает линейку, она (петля) спускается и с мизинца и затягивается; таким образом получается узел, и одна клетка (ячейка) сети готова.

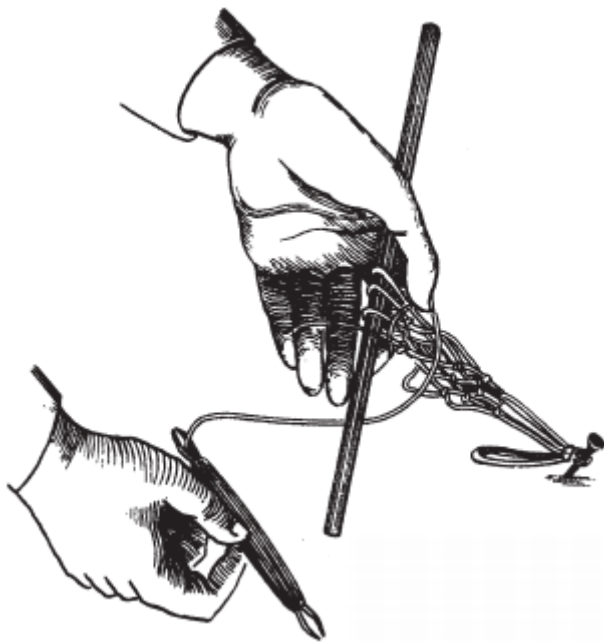

Рис. 2. Филейный узел

Рис. 3

Дальнейшая работа производится таким же образом, т. е. опять нить кладется над линейкою и обводится сзади 2, 3, 4-го пальцев, закидывается налево к большому пальцу и т. д.

Эти сети, связанные таким узлом (филейным), не могут раздвигаться, как это часто случается в продажных, которые вяжутся обыкновенным, рыбацким узлом. Вязание рыбацким узлом гораздо проще и скорее, и этому вязанию можно выучиться очень скоро у любого рыбака-промышленника.

Выбор крючков для ловли рыбы

Крючок состоит из следующих частей: 1) лопаточки, или расширения стержня, служащего для удержания поводка (бывает не у всех сортов); 2) стержня, или спинки, – прямой части крючка; 3) изгиба, или сгиба, – согнутой части его; 4) жала, или острия; 5) бородки, или зазубрины. Крючки делаются 13–14 номеров, не считая нолевых, употребляемых преимущественно для жерлиц; они делаются с лопаточкой, с колечком и с гладким, к концу несколько утончающимся стержнем. Двойные и тройные крючки делаются столько же номеров, как и одиночные.

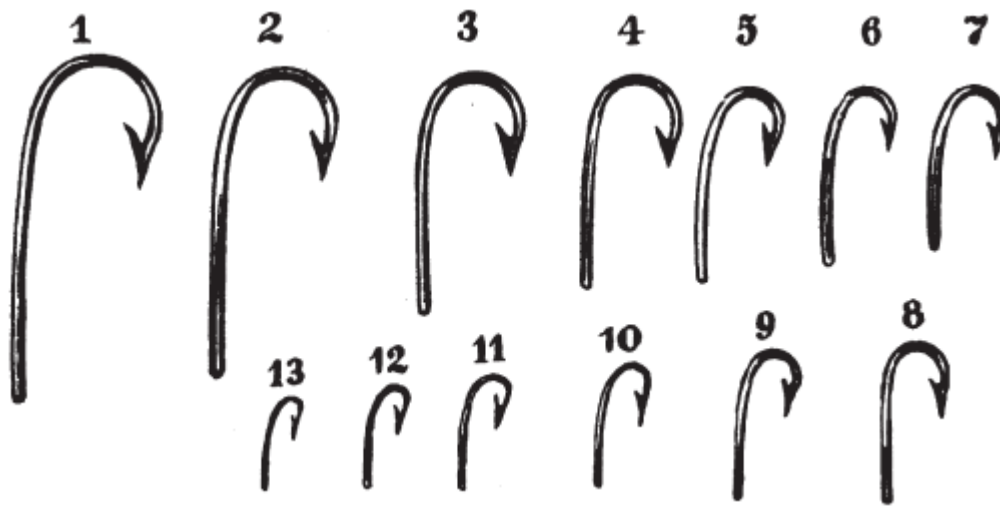

Рис. 4.

Крючки различных номеров

Рис. 5. Жало английских крючков

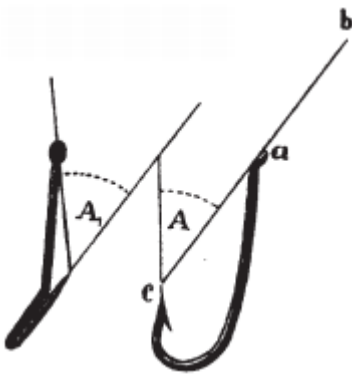

Рис. 6. Крючки Кирби

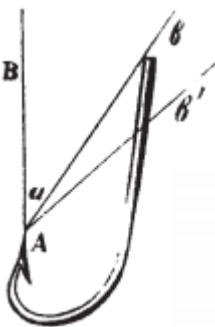

Рис. 7. Обыкновенный лимерик

Рис. 8 и 9. Мотыльные крючки

Самые лучшие крючки английские . Они хорошо закалены, так что не ломаются и не разгибаются, жало у них конусообразно, достаточно длинно и тонко, бородка хорошо поставлена, наконец, все части крючка соразмерны. Немецкие крючки значительно хуже английских, а русские продажные никуда не годятся. Только в некоторых местностях можно достать очень хорошие самодельные крючки для крупной рыбы, изготавливаемые самими рыбаками из косной стали [1 - Лучшим мастером таких крючков считается гармонщик Михаил Васильев, живущий в г. Кирсанове Тамбовской губ. Крючки его довольно дороги – 10–15 к. за штуку, но вполне благонадежны для ловли самой крупной рыбы.]

Из английских крючков у нас почти исключительно употребляется так называемый крючок Кирби (Kirby hook) с лопаточкой, фабрики Хемминга (Hemming), с жалом, повернутым влево; но иногда попадаются Linimerick hook черного цвета, с жалом, повернутым вправо или прямым и без лопаточки. В самой же Англии находится в употреблении не менее одиннадцати различных сортов, различающихся длиной жала, формой изгиба и т. д.

Последние крючки гораздо лучше крючков Кирби, которые имеют следующие недостатки: 1) в них ширина сгиба слишком велика; 2) острие слишком сильно направлено наружу и слишком повернуто в сторону. Все эти недостатки способствуют неверности подсечки и соскакиванию рыбы с крючка. Еще хуже Кирби продаваемые в магазинах крючки с колечками; они обыкновенно бывают низкого достоинства. Исключение составляют т. н. мотыльные крючки с длинными тонкими стержнями (употребляемые б. ч. для ловли ершей на мотыля), которые также хорошо закалены и имеют такое же острое и длинное жало, как крючки Кирби и Лимерик.

Самодельные крючки

Кто умеет обращаться со слесарными инструментами, тот легко может сделать отличный крючок (крупного размера) из обломков косы, вообще инструментальной стали. Но почти всякий может сделать небольшие крючки из обыкновенных стальных иголок, которые будут лучше не только продажных русских и немецких, но и посредственных английских. Хорошие иголки достать можно везде, хорошие же крючки – только в столицах и самых больших городах. Иголку сначала отжигают, потом сгибают, как обыкновенный крючок, и отбивают на стальной наковаленке при помощи мелкого (бархатного) подпилка зазубрину (бородку), острый конец затем подтачивают, а тупой, отпилив ушко, разбивают молоточком и делают лопаточку. Можно, впрочем, обойтись и без лопаточки, но в таком случае тупой конец крючка-иголки немного опиливают (не заостряя) и делают на нем несколько зарубок. Зарубки служат для задержки привязки.

Приготовление двойных и тройных крючков-якорьков

Так как крючки эти, особенно последние, стоят недешево и притом б. ч. нехороши (они часто бывают перекалены, и острие у них почти всегда слишком пригнуто к стержню), то по всем этим причинам выгоднее делать тройные крючки дома.

Все необходимые принадлежности заключаются в следующем: небольшие плоскогубцы, круглые щипчики, тонкий подпилочек, пучок самой тонкой (как конский волос) отожженной медной или железной проволоки, кусок лучшего английского олова (в трехгранных прутиках, так называемого штыкового) и на 10 коп. соляной кислоты. В соляную кислоту кладут кусочки олова до тех пор, пока оно не перестанет растворяться, т. е. кислота делается годной для паяния. Обыкновенно

приходится спаивать крючки Кирби, изогнутые несколько в сторону, и, кроме того, с изгибом, не вполне удобным для двойного или тройного крючка; поэтому, раскалив крючок над свечою или лампою, при помощи плоских и круглых щипчиков выпрямляют его и дают ему требуемый изгиб. Затем два или три крючка связывают (так, чтобы углы между ними были равные) проволокою, смачивают сторонки их кислотою, накладывают на смоченное место несколько кусочков олова и держат крючок над огнем (свечою или лампою) до тех пор, пока олово не зальет все промежутки между стержнями. Тогда, не снимая проволоки, раскаляют неспаянную часть крючка, т. е. его рожки, и закаляют в воде или масле; чтобы закал не был ни сух, ни мягок, следует раскалить до оранжевого цвета. Тогда не нужно и отпускать крючка после закала, и он сразу получит синеватый цвет.

Проволока по большей части припаивается к стержню, и ее приходится счищать подпилком; кто желает иметь крючок с утончающимся к концу стержнем, тот должен спилить последний как можно осторожнее, чтобы не попортить острия крючков. Кто же хочет иметь крючки с колечками, тому нужно до закалки крючка снять с конца стержня проволоку, приладить к нему петельку из медной проволоки такой толщины, как обыкновенный крючок 7-го номера, обмотать ее хорошенько, смочить кислотой и припаять.

Так спаиваются крючки до 8-го номера включительно; более крупные же закаляют прежде, чем спаять.

При спаивании следует особенно остерегаться, как бы не закоптить спаиваемое место, так как по копоти олово ни за что не пристанет.

Приготовление шелковых лес

Шелковые лески у нас не так употребительны, как за границей. Им ставят в укор (кроме довольно высокой цены) то, что они намокают и тонут, скоро гниют и очень путаются, и то, что они не имеют такой упругости и растяжимости, как волосная, т. е. уже вытянутая шелковая леска не может принять своей прежней длины.

Последнее замечание совершенно верно (хотя плетеные шелковые лески вытягиваются менее сученых), но зато шелковая леска одинаковой толщины с волосной по крайней мере втрое, а плетеная впятеро ее крепче. Намокают и скоро гниют и путаются только непросмоленные шелковые лески, дороги они только в магазинах, особенно плетеные, но приготовить хорошие сученые лески может всякий у себя дома, и лески эти обойдутся ему едва ли не дешевле волосных.

Рис. 10. Различные номера шелковых лесок

Рис. 11

Рис. 12. Челнок и дощечка для наматывания лесы

Для этого надо купить хорошего шелку-сырцу (продающегося в Москве в рядах по 10–12 к. золотник) требуемой толщины, белого или желтого небеленого (последний немного крепче). На леску из так называемого тройного крученого сырца едва толще булавки с хорошим удищем новый рыбак может ловить самую крупную рыбу (кроме сома и щуки), и шнурок этот выдерживает до 20 ф. мертвого веса, т. е. полупудовую гирию. Чтобы шнурок не крутился и не путался, его несколько раскручивают. Один конец лесы крепко привязывают к чему-либо, берут ее между большим и указательным пальцами и потихоньку протаскивают между ними до другого конца; для того, чтобы она не закрутилась опять, и другой конец ее привязывается так, чтобы она была довольно туго натянута. Для того чтобы совершенно лишить ее возможности крутиться впоследствии, ее хорошенько смачивают и дают ей просохнуть в натянутом положении. Затем раскрученную лесу делают непромокаемой. 1) Смешивают поровну вареного льняного масла и копалового лака; в эту смесь кладут лесу и, когда она пропитается как следует (2–3 дня), ее вытирают тряпкой, просушивают на воздухе и потом повторяют ту же операцию; 2) В каком угодно количестве вареного льняного масла распускают лучшей тертой зеленой масляной краски такое количество, чтобы получить бледно-зеленовато-желтоватую смесь; в эту смесь кладут леску; когда она хорошенько пропитается, то ее развешивают сушить, стерев с нее предварительно излишек масла чистою тряпкою. Когда леса совершенно высохнет, ее вторично подвергают описанному процессу, и затем она готова к употреблению. Этими же способами, прежде чем убрать лесы на зиму или в конце зимы, необходимо подновлять предохранительный слой. При аккуратном обращении с шелковой леской она может прослужить 2–3 рыболовных сезона.

Гораздо крепче обыкновенного сырца, но значительно дороже (хотя и дешевле, чем сученые шелковые лески, продаваемые в магазинах рыболовных принадлежностей) шелк, употребляемый для шивания ран. Достать его можно во всех аптекарских

магазинах, различной толщины. Пучок (в 1 зол.) стоит (например, на Мясницкой у Лютера и Гиршфельда) 30 к. Шелк этот имеет большую упругость и не так крутится, как сырец, но его все-таки не мешает немного рас*ensored*ть и потом уже сделать непромокаемым.

Английские плетеные шелковые лески, продающиеся в рыболовных магазинах, бывают различной толщины, обозначаемой номерами, а потому при выписке их следует обозначать номер лески, с какою целию и прилагается рисунок (самая толстая 2°, самая тонкая № 5).

Приготовление мотовилец, рыболовных портфелей и рыболовных ящичков

Для того чтобы лески (как волосяные, так и шелковые) не путались, необходимо наматывать их на дощечки, называемые челноками и мотовильцами. Эти мотовильца делаются из дере ва (липовых дощечек) или из тростника, расколотого пополам, т. е. они не плоские, а полукруглые. В обоих случаях делается на мотовильце выемка или несколько (на дощечке) для того, чтобы леска не могла соскользнуть, а на краях делаются зарубки, куда защемляется конец лесы. Для того чтобы крючки, заматываемые с лесками, не тупились, на края дощечки приклеивается тонкая полоска пробки. Мотовильца, конечно, лучше делать в свободное зимнее время, так же, как портфели и ящички. Последние, впрочем, придется заказывать.

Портфель делается из кожи, парусины или толстого растительного пергамента. Величина его может быть различна, но лучше, если он, сложенный, имеет вид большого бумажника, который также может оказаться довольно пригодным для хранения крючков, лесок, поводков и т. п. мелочей. Но лучше, если рыболовный портфель имеет форму, представленную на рисунке, т. е. состоит из 4-х раскладывающихся частей: 3-х с нашитыми кармашками из того же материала и крышки. Продающиеся в магазинах портфели очень удобны, но непомерно дороги.

Для хранения более громоздких рыболовных принадлежностей и для дальних экскурсий портфельчика недостаточно, и приходится брать с собой саквояж или старый ягдташ, сделав в них некоторые приспособления. Но гораздо лучше заказать для этой цели особый рыболовный ящик, или, вернее, шкатулку.

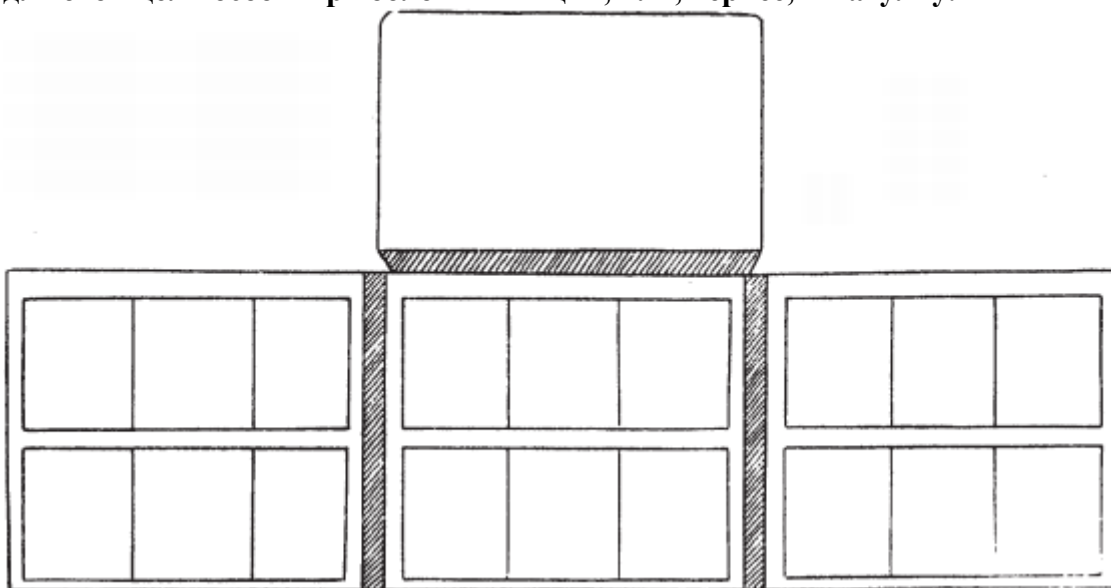

Рис.

13. Рыболовный портфельчик

Предлагаемый на рисунке ящик делится на три отделения: глухое, подъемное и

скрытое, прикрываемое подъемным отделением. Первые два, в свою очередь, делятся на более мелкие отделения; последнее же не имеет перегородок, и в него можно положить все, что не уложится в другие отделения.

Особые приспособления требуются лишь в трех более крупных отделениях глухой части ящика; все же остальные отделения его, расположенные как показано на таблице, устраиваются так же, как в обыкновенных шкатулках, с разделенными, и прикрываются сверху крышечками, держащимися на угольниках. Их всех девять: служат они для: 1) искусственных насадок (блесны, мушек и проч.), 2) свинца и тяжелого груза, 3) пружин и больших колокольчиков, 4) перяных колечек для поплавков, 5) поплавков и 6) тяжелых инструментов.

Первое отделение, требующее особого приспособления и наибольшее по объему, служит для хранения лесок. Две противоположные стенки его должны быть особенно массивны, в них прорезаны широкие пазы, в которые вдвигаются доски для наматывания лесок (рис. 14). Чем больше этих досок, тем лучше можно рассортировать лески, но их должно быть не менее 8. Если леса наматывается на доску без крючков, то нет надобности обтягивать последнюю пробочным слоем. Это отделение прикрывается выдвижной крышкой, которой можно воспользоваться для помещения некоторых инструментов.

Второе отделение предназначается для поводков с крючками, разных величин. Немного ниже крышки, тоже выдвижной, так, однако, чтобы хватило места для самого крупного крючка, по двум длинным стенкам этого отделения наклеены две пластинки пробки. В них втыкаются крючки по порядку их величины, поводки их с конечными петлями прячутся под пробочные слои, где они висят свободно или лежат на дне, смотря по длине.

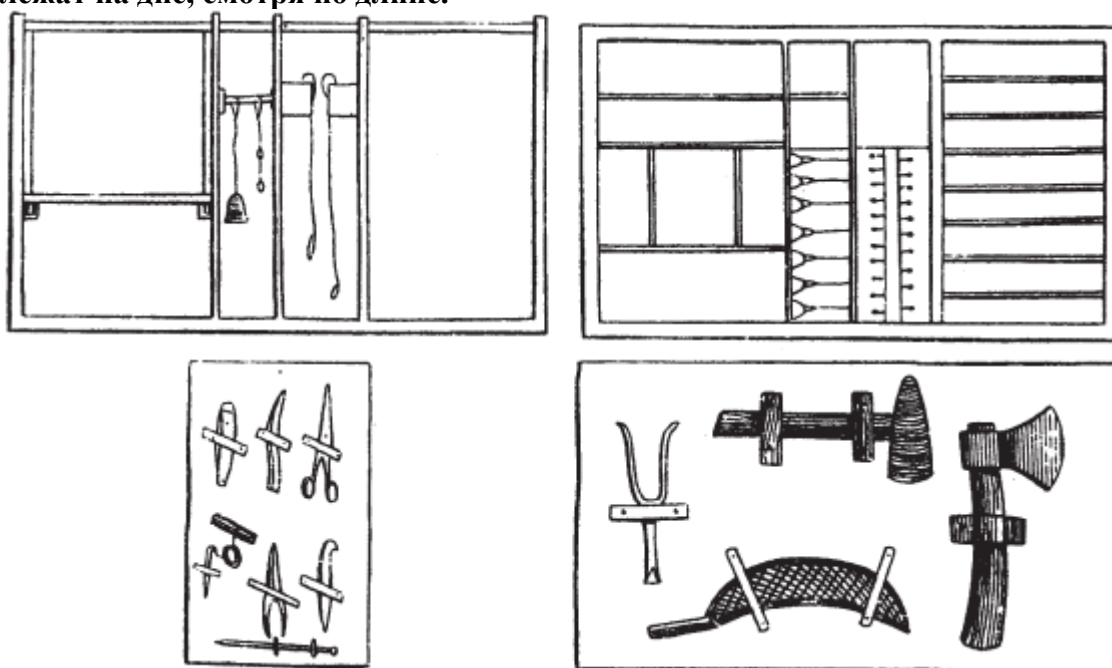

Рис.

14. Справа сверху – план ящика; ниже – крышка с топориком, молотком, отцепом и складным сачком. Слева сверху – вертикальный разрез ящика; снизу – план крышки отделения для лесок с ножиком, скальпелем, ножницами, нитью для рыбы, щипцами, пинцетом и иглою

Третье отделение, требующее приспособлений, служит для хранения груза и звона (мелкого), для чего между двумя длинными стенками его тотчас под выдвижную крышку помещаются поперечные металлические прутья, прикрепленные одними концами на петлях так, чтобы они могли свободно подниматься и опускаться, а на других концах – заканчивающиеся наибольшими крючками, входящим и в

имеющиеся для того металлические кольца, пробои.

На такой прутик надеваются петли, идущие от различного калибра и сорта звонков или нитей с грузами разного веса, и затем прутик запирается опусканием в пробой. Звонки и грузы висят, таким образом, на этих прутиках рядами. Крышка удерживает прутики в пробоях. Чем больше будет прутиков, тем легче сортировать звон и груз.

Инструменты, нужные при рыбной ловле, частью помещаются в крышке ящика и на крышке отделения для лесок, частью в скрытом отделении. Инструменты эти главным образом следующие: топорик, молоток и наковальня для разбиванья свинца, два отцепа, складной обруч для сачка, ножницы, ножичек и пинцет для вынимания крючков, часто глубоко заглатываемых рыбой, большой нож, кукан для нанизывания рыбы, шипцы для закрепления мелких грузил и игла для прокалывания живцов при насадке. Ящик запирается на ключ или иным способом и по бокам снабжен скобками или ремнями для удобства переноса.

Совет владельцам прудов

Если кто желает, чтобы рыба в пруде (в особенности непроточном) не погибала совершенно напрасно в конце зимы, и вместе с тем не производит на нем зимней неводной ловли или же эту ловлю производит на небольшом участке пруда, тот необходимо должен делать как можно больше больших прорубей, особенно же на иловатых местах пруда и близ мельничной плотины, и как можно чаще расчищать эти проруби. Гораздо выгоднее (благоразумно, конечно) ловить неводом подо льдом (для чего необходимо делать много прорубей) или дозволить всем ловить рыбу зимой на удочку, чем не ловить и не позволять никому ужение, если прорубей не делается. К концу зимы (а под очень толстым льдом и в середине) газы, выделяемые илом и тиной (няшей, образующейся из опустившихся на дно и гниющих растений, преимущественно водяного мха), убивают рыбу, и много ее погибает совершенно напрасно, вследствие непростительной небрежности. Не следует допускать валить на лед навоз, который, садясь весной на дно, портит воду и способствует обмелению пруда. В некоторых местах Юго-Восточной России нарочно валят навоз как средство искусственно глушить пруды и озера для того, чтобы рыба задыхалась и лезла бы к берегам, ключам и в протоки, где ее вылавливают мордами (вершами), котцами и т. п. снастями. Всего чаще это средство пускается в ход Великим постом – время наибольшего спроса на рыбу. Весьма вредно также (осенью) мочить в рыбном пруде коноплю, от которой рыба ошалевает, как от кукульвана, и если не успевает уйти подальше от зараженного места, то снет и также пропадает совершенно непроизводительно.

Ловля налимов во время нереста

Так как налим нерестится (около Рождества) на быстрой, б. ч. глубокой воде с каменистым и хрящеватым дном, то на этом основана весьма оригинальная ловля его на дощечку с крючками, употребляемая на некоторых реках (Шексне, Мологе и др.). На железной полосе вершков в 5 на одном конце прикрепляются три крючка, а на другом – петля; между крючками и петлей утврждается липовая дощечка шириною в 3–3 1/2 вершка, и этот снаряд опускают через прорубь в местах главного хода налимов так, чтобы он лег на дно плашмя крючками вверх. Опытные рыбаки чувствуют рукой рыбу, которую, по их мнению, привлекает белая дощечка (говорят, что налим мечет икру преимущественно на белой гальке), и подсекают всегда вовремя. Случается, что вытаскивают сразу двух свившихся (у налимов замечается нечто вроде течки) налимов. Впрочем, там, где налимов много, их во время хода ловят т. н. кокотками – железными якорьками не более вершка с 4 лопастями,

оканчивающимися острым крючком; к якорьку сверху приливается свинец; его опускают в прорубь и водят им по дну.

Февраль

Приготовление волосяных лесок

Февраль, март – пора заготовки лес для весеннего ужения, и всего лучше изготавливать их самому. В России наиболее употребительны волосяные лесы; причин тому несколько: конский волос легко достать, легко из него сплести лесу, волос не гниет и не требует такого частого пересмотра и просушивания, как шелк или пенька, а главное, волосяные лески обладают большею упругостью, чем шелковые. Лесы из него вяжутся или рукой, или особой машинкой. Волосяные лесы бывают цельные, без узлов, и связанные из отдельных прясел; как те, так и другие имеют свои недостатки, зависящие, впрочем, от недостаточно тщательного приготовления. Во-первых, они нередко крутятся оттого, что круто свиты; во-вторых, узлы часто развязываются, а если леса без узлов, то бывает, что она несколько раскручивается в том месте, где соединены концы двух прясел, и вследствие этого рвется.

Главные правила приготовления витых или сученых волосяных лес следующие: волос (обыкновенно белый; рыжий, желтый удобен для ужения в травах; черный волос пригоден для ужения со дна, и то если грунт земли темного цвета) следует брать из хвоста жеребца или вообще сильной лошади, но отнюдь не кобылы; связав весь пучок волос так, чтобы не спутать его, должно вымыть волосы в теплой воде или в щелоче с мылом, затем, сполоснув хорошенько, высушить на солнце (от этого волос делается белее). Волос следует вить в разные стороны, т. е. одно прямо влево, другое вправо, и так попеременно связывать их; это делается затем, чтобы раскручивающее движение одного прясла парализовалось движением другого. Прежде чем связывать прясла, должно положить концы их в воду минут на 20 и затем связать двойным рыбацким узлом (концы каждого прясла накладываются на вершок друг на друга и завязываются в петлю, которая завязывается как можно крепче. См. рис 17). Если же взять два прясла, не намочив их предварительно, то они могут развязаться в первый же раз, как намочнут. Можно вить волос также следующим образом. Берется плоский камень или кирпич фунта в два веса (это для средней толщины лес; для лес в 4–6 волос достаточно и 1 ф., а для очень толстых, волос в 18 и более, нужно взять камень в 4 или 6 фунтов), обвязывается накрест веревочкой и к ней привязывается крючок из проволоки; такие же крючки вставляются в 2 или 3 гладкие палочки, в карандаш толщиной и длиной в один вершок (вместо этих палочек можно употреблять деревянные крючки). Чтобы свить лесу, напр., в 8 волос, нужно отобрать по возможности равные волоски и разделить их, как сказано, в два пучка так, чтобы более толстые концы в каждом были с одной стороны, а более тонкие – с другой. Каждый пучок на обоих концах нужно завязать узлом, на одну из палочек следует положить какую-нибудь тяжесть, а другую взять в руку и, натянув волосы, между двумя ладонями крутить палочку так, как обыкновенно вить нитки. Если длина волос уменьшится при скручивании на одну четверть (т. е. если волосы были длиной 12 вершков, а после кручения уменьшились до 9 вершков), то это значит, что они уже достаточно скручены. Теперь, наложив тяжесть на одну палочку, чтобы волосы не раскрутились, берут палочку с другим пучком волос и скручивают так, как и первый пучок. Затем берут обе палочки в руки и, держа волосы натянутыми, складывают их вместе. В таком положении поднимают палочки вверх настолько, чтобы камень, к которому

прицеплены волосы, приподнялся на вершок от стола; при этом оба пучка волос станут вместе с камнем крутиться в сторону, противоположную той, в которую был скручен каждый пучок отдельно. Когда камень перестанет крутиться, снимите волосы с крючков и свяжите их обыкновенным узлом.

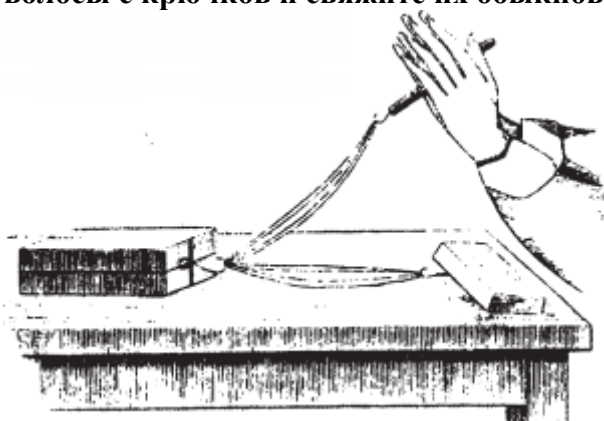

Рис. 15. Приготовление сученых лес

Рис. 16. Машинка для сучения лес

Другой, весьма простой, прибор для той же цели состоит из 2 дощечек с 3 кривыми шпеньками, так что, держа нижнюю дощечку, можно свободно вращать верхнюю. К концу каждого шпенька, загнутого крючком, привязывается один или несколько конских волос с гирею на конце. От вращения верхней дощечки будут закручиваться и самые волосы.

Для лес длиною от 15 до 30 аршин

1) Для ловли крупных хищников с жерличными крючками: шук, шересперов и проч.	От 16 до 20
2) Для ловли крупной рыбы: больших окуней, лещей, голавлей, карпий и проч., <i>окуневых</i>	» 12 » 16
3) Для ловли средней величины рыбы: карасей, язей, подлещиков и проч., <i>карасиных</i>	» 6 » 10
4) Для ловли мелкой рыбы: ершей, небольших окуней, плотвы и проч., <i>еришных</i>	» 4 » 6

Для лес меньшей длины

5) Для ловли еще более мелкой рыбы: пескарей, гольцов и проч., <i>пескариных</i> , длиной от 9 до 15 арш.	» 2 » 4
6) Для ловли уклек длиной от 6 до 9 арш. — <i>уклечных</i>	» 1 » 2

Гораздо

прочнее сученых плетеные лесы: они плетутся либо в 3 пряди, т. е. в 3 волоса, 6, 9 и т. д., либо в 4 пряди, т. е. 4 волоса, 8, 12 и т. д. Лесы, плетенные в 4 пряди, красивее, так как они круглые; что же касается до крепости таких лес, то она значительно больше, чем в витых. На лесу, сплетенную в 3 волоса (из хорошего, разумеется, материала), при некоторой привычке и при хорошем удилице можно выудить рыбу фунта в три; в продаже эти лесы почти не бывают, а когда бывают, то стоят очень дорого. Описывать приготовление их излишне; всякий, кто желает сплести лесу в 4 пряди (в 3 пряди умеет всякий), может этому научиться у любого шорника или даже кучера, так как этим способом часто плетутся кнуты. Навык же лучше всяких объяснений научит вовремя вплетать новый волос, закреплять надлежащим манером концы и т. д.

Толщина лесок зависит от длины их, качества волос а и той рыбы, для ловли которой предназначается леса. В виде примера предлагаются следующие размеры.

Буйволов волос

Под этим названием между охотниками и в продаже известен прозрачный и чрезвычайно крепкий белый волос, из которого делают поводки (последнее звено, соединяющее крючок с лесой) и даже целые лесы; кроме этого наиболее распространенного названия существуют еще другие: жилка, растительный, морской, индийский волос, но все названия эти неправильны, так как он готовится следующим способом: из шелковичных червей, готовых к деланию коконов, выбирают самых толстых и кладут их на сутки в крепкий белый уксус. По прошествии этого времени их вынимают из уксуса и разрывают пополам; в каждом черве при этом находят по два зеленовато-желтых мягких волоса толщиной в тонкую соломинку, вытягивают их в уксусе до требуемой длины и толщины и затем высушивают на особой дощечке в тени.

За границей волосок во всеобщем употреблении, тогда как в России его употребляют сравнительно немногие рыболовы; многие охотники, не испытав его на деле, считают его непригодным на основании чужих слов; другие, не умея с ним обращаться, приписывают ему все неудачи, которые присходят единственно от их неумения. Если же обращаться с волоском с надлежащей аккуратностью, то он будет служить долго и хорошо. Никогда не следует употреблять плоские волоски — они непрочны; прежде чем связать два волоска, концы их должно держать в воде (не горячей) в течение 20 минут; необходимо почаще осматривать узлы, так как волосок больше всего изнашивается около них.

Волосок продается в столичных магазинах рыболовных принадлежностей довольно дорого, именно от 2 рублей за сотню. Там же можно покупать волоски с навязанными крючками, но лучше и выгоднее навязывать крючки самому.

Приготовление жилковых лесок

Самая крепкая леса та, которая сделана из шелковичных жилок. Для приготовления ее следует по возможности отобрать нетолстые, ровные и круглые на всем своем протяжении жилки и опустить их на несколько часов в комнатную воду. Когда жилки окончательно размокнут, каждую пару связывают узелком, умеренно скручивают и закрепляют. Операция скручивания должна производиться по возможности скорее, чтобы не дать жилкам в это время затвердеть. По мере приготовления колена опускают снова в воду, после чего остается их связать тем или другим узлом. Леса, сплетенная таким образом из двух жилок и по толщине не превышающая лесы из 6 конских волос, превосходит все остальные крепостью, тониною, легкостью и прочностью; сплетенная из двух волос, она уже в значительной степени теряет ломкость и при деликатном обращении, которого она вполне заслуживает, может прослужить очень долго. Верхнюю часть лесы, ближайшую к удилице, а равно и ту часть, которая наматывается на удилице, следует делать шелковой, а не жилковой для тех случаев, как, напр., при донной ловле, когда леска не вся лежит в воде и подвергается действию палящих лучей солнца.

При наматывании лесы на удилице во избежание крупных изгибов прибавляют к удилице медными гвоздями с широкими шляпками две пробки на расстоянии вершков шести, и пробки эти потом по шляпкам гвоздей кругло обрезают. Намотанная на пробочки леса представляет собой правильную цифру 8, крючок же без труда и порчи втыкается в одну из пробочек.

Как связывать колена лесок

1) Концы двух колен лесы на вершок накладываются друг на друга и завязываются в двойную петлю, которая затягивается как можно крепче. Это рыбачий узел. 2) На конце одного колена делают простую петлю, в которую пропускают конец другого; этим последним обхватывают первый волосок и завязывают такую же петлю. Петли затягиваются, лески растягиваются в противоположные стороны, так что образовавшиеся из петель узлы сильно нажимают один на другой и этим затягиваются еще крепче (рис. 19). Если леска делается из т. н. буйволоковых волосков или жилок, то употребляется первый способ (рис. 17 и 18), потому что в первом способе связывания нет такого резкого сгиба, как во втором.

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Привязывание жилковых поводков к крючку

Самые удобные следующие два узла. Первый из них делается так: на конце волоска завязывают петлю и пропускают один конец в нее еще раз; если понемногу затягивать петлю, то она образует цифру восемь. Тогда ее надевают на стержень или спинку крючка и затягивают как можно крепче; лишний конец волоска срезается острым ножом наискось и обматывается смоленным шелком. Для того чтобы сделать другой узел, сгибают волосок на вершок от конца и накладывают на стержень сгибом к сгибу крючка; затем короткий конец обвивают раза 3–4 вокруг стержня и длинного конца, начиная от сгиба и приближаясь к лопаточке. Дойдя до последней, короткий конец продевают в образовавшуюся петлю, которая плотно затягивается; с остатком волоска поступают так же, как в первом способе.

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Оба описанных способа известны большинству наших рыболовов, но, к сожалению, никто из них не делает шелковой перевязки, покрывающей срезанный конец волоска; между тем им не следовало бы пренебрегать, так как она скрывает кончик, нередко мешающий при насаживании тонких червей, опарыша, мух, и вместе с тем укрепляет весь узел.

Навязывать леску на крючки надобно непременно так, чтобы поводок шел с внутренней, а не с задней стороны лопатки и стержня, и следить за таким положением поводка должно постоянно во время ужения, потому что при насадке и вытаскивании крючка из пасти рыбы нередко он переворачивается в навязке. За таким положением поводка надобно внимательно и постоянно следить оттого, что если поводок идет с внутренней стороны крючка, то подсечка получается правильная, сильная и лопаточное острие не может подрезать лески; если же поводок находится сзади крючка, то подсечка выйдет неправильная, слабая и притом при вытаскивании рыбы верхнее острие лопатки крючка может упереться в поводок и перерезать его.

Шелковые перевязки всегда следует покрывать лаком, так как лакированная перевязка несравненно больше служит, чем нелакированная; шелк же, употребляемый для перевязок, должен быть хорошенько натерт мягким сапожным варом.

Что же касается способа соединения поводка с лесой, то всего удобнее на конце лесы и поводка сделать по петле (лучше без узла, а обмотать шелковинкой), и в петлю поводка пропустить петлю лесы, и через эту последнюю пропустить крючок, и затем петлю затянуть. При этом способе очень легко менять поводки с крючками.

Привязывание крючков к леске

Очень часто приходится привязывать крючок не к жилковому поводку, а прямо к леске. Обыкновенный способ привязки здесь б. ч. неудобен, во 1-х, потому, что довольно большой узел, образующийся от такой привязки на лопатке крючка, увеличивает подозрительность осторожной рыбы; во 2-х, такая привязка недостаточно прочна, в особенности если крючок мал, а леска довольно толста;

наконец, в 3-х, леса легко подвергается порче от ржавчины.

Следующий способ привязки устраняет все три объясненные неудобства: берут подлежащий привязке крючок, смазывают его пятку густым раствором гуммиарабика и крепко обматывают маленьким клочком ваты. Затем берут лесу, конец ее, который нужно привязать к крючку, развивают не более как на 3/4 дюйма в длину, развитую часть несколько оскабливают ножом, прикладывают лесу к пятке того крючка так, чтоб соскобленная и развитая часть лесы на чиналась там, где верхняя часть привязки должна окончиться; раз 6 или 7 от начала пятки плотно обматывают крючок с лесой по направлению вверх крепкой тонкой ниткой или шелковинкой, оставив в начале пятки конец оной; потом развитую и соскобленную часть лесы загибают вниз к крючку и привязанной лесе и тою же шелковинкой или ниткой плотно и часто обвивают ее с лесой и пяткой по направлению вниз до того места, где остался первый конец нитки, который тогда завязывается несколько раз узлом с концом нитки, находящимся в руке; затем кончики лесы осторожно отрезаются, равно как и концы нитки; наконец, вся привязка слегка смазывается гуммиарабиком. Способ этот, конечно, несколько сложнее обыкновенного, но зато он имеет многие преимущества перед последним.

Привязывание поводков к крючкам с опиленными стержнями (без лопаточки)

Такие крючки, несколько лет назад появившиеся в продаже (в столицах), по своему качеству много лучше обыкновенных (Кирби), у которых, кроме того, поводок часто подрезывается лопаточкой. Но навязывание крючков с опиленными стержнями много труднее. Производится оно следующими способами.

1) На стержне крючка с внутренней и с наружной стороны делают несколько надрезов посредством тонкого напилька; затем, взяв тонкую, но крепкую шелковинку, натертую варом, ее обвивают вокруг стержня редкой спиралью по направлению от сгиба к концу стержня. Теперь на стержень с внутренней же стороны накладывается конец поводка, предварительно размягченный в воде и расплющенный между зубами (на протяжении 1/4 дюйма), и обматывается вместе со стержнем, по возможности туго. Обороты шелковины должны ложиться как можно плотнее один к другому; когда длина завязки покажется достаточная, делают 2–3 петли и закрепляют конец шелковины посредством узла. Петли делаются так: конец шелковины пропускается под один оборот и затягивается как можно крепче. Таким образом оборот шелковины прихватывает ее к стержню. Скрытый узел делается следующим образом: на стержень накладывается сложенная вдвое нитка концами к концу стержня. Шелковинка обертывается не очень туго раза три вокруг стержня, прихватывая и сложенную вдвое нитку; затем конец ее (т. е. шелковины) пропускается в петлю, образуемую ниткою, и протергивается при ее помощи под последние обороты шелковины. Многие рыболовы (даже большинство их) пользуются каким-либо одним из этих способов для закрепления конца шелковины, но лучше пользоваться обоими вместе, как сказано выше.

2) Надрезов на стержне не делают; в остальном же поступают как и в предыдущем случае.

3) Поводок привязывается в сухом виде таким же способом, немного расплющенный между зубами.

Последний способ лучше всех, так как поводки, привязанные в сухом виде, должны держаться гораздо крепче, чем привязанные размоченными. И вот почему. Поводок, привязанный размоченным, высыхая, несколько съеживается и затем, когда опять попадет в воду, размокает и разбухает только до той же степени, как когда его привязывали. Поводок же, привязанный сухим, размокая, увеличивается в объеме,

вследствие чего, конечно, будет держаться привязкою еще крепче.

Шелковые поводки, а равно и поводки в несколько конских волос привязываются так же, как и жилковые, но не подвергаются предварительно ни расплющиванию, ни размачиванию.

Лак для лакирования завязок, лесок и т. д.

Желтый лак: 6 частей 90%-ного спирта, 3 части коричневого шеллака (gummi lase, in tabul), 1 часть ладона (Gummi Benzoë).

Белый лак: 6 частей 90%-ного спирта, 3 части беленого шеллака (Gum. lac. albiss. in bacill.).

Очень быстро высыхающий лак можно получить, распустив шеллак в хлороформе или серном эфире.

Окрашивание поводков

Так как за последнее время между русскими рыбаками появилось немало таких, которые признают пользу окрашивания жилки в тот или другой цвет, чтобы сделать ее менее заметной в воде, то нелишнее сообщить несколько рецептов для окрашивания жилок.

1) Коричневатый или коричнево-оливковый цвет: 14 золотников черного (дешевого) чая варят в 1 штофе мягкой (лучше всего дождевой) воды, в которую не мешает прибавить кусочек соды величиною с горошину. В этом наваре держат жилки, пока они не приобретут требуемый цвет.

2) Для той же цели можно пользоваться горячим отваром шелухи грецких орехов.

3) Зеленый цвет можно придать жилкам, положив их в крепкий отвар зеленого чая или в следующий состав:

4) Дождевая вода (температурой в 32° по Реомюру) смешивается с нейтральным раствором индиго и куркумою в такой пропорции, чтобы получился зеленый цвет требуемой густоты.

5) Серо-синеватый цвет придают жилкам, положив их в черно-зеленые чернила [2 - А лизариновые, фабр. Леонгарди.], разбавленные кипятком.

6) Серо-зеленоватый цвет придается жилкам следующим составом: горсть стружек синего сандала варят в 1/2 штофе мягкой воды с прибавлением соды величиною с горошину. Затем прибавляют кусочек медного купороса такой же величины. Когда купорос распустится, жилки кладут в этот навар и держат до тех пор, пока они не приобретут требуемую окраску.

7) Самый лучший цвет для жилок, по мнению некоторых знатоков, серо-зеленоватый. Он получается, если положить жилки, окрашенные в составе № 1, в № 6.

8) Наконец, можно окрашивать поводки в зеленоватый и голубоватый цвет в краске для яиц, продаваемой плитками.

Лучшее средство для того, чтобы жилки вышли не недокрашенные и неперекрашенные, – вынимать их почаще из краски и ополаскивать в холодной воде; если цвет окажется не довольно темен, их кладут опять в краску; если же цвет достаточно темен, то их хорошенько промывают холодной водою и затем высушивают в тени. Если убрать жилки несколько сырими, они портятся.

Приготовление поплавков

Хороший поплавок должен быть устойчив, т. е. не ложиться на бок от сильного ветра или волн, должен быть хорошо виден, несмотря на рябь, и, конечно, должен

быть прочен и не намокать. Всякий поплавок, удовлетворяющий этим условиям, может быть хорошо выверен, т. е. сделан настолько чувствительным, что будет передавать самое легкое прикосновение рыбы к насадке. Для этого к лесе прикрепляют грузило, настолько тяжелое, что если к нему прибавить еще одну дробицу, то она совершенно погрузит поплавок в воду; но, разумеется, невозможно употреблять для ловли всех пород рыб одинаково чувствительный поплавок, так как одна рыба берет осторожно, другая же с разбега.

Поплавки делают из дерева, древесной коры (ивовой, осокоревой, сосновой), пробки, тростника, гусиных и лебединых перьев, колючек дикобраза и т. д.; самые лучшие из них – пробочные поплавки, в тех случаях, когда быстрота течения требует более или менее тяжелого грузила, и поплавки из одного гусиного или лебединого пера, когда течение незначительно. Для ловли рыб, клюющих нерешительно, последний род поплавков положительно незаменим.

Чрезвычайно легкие и чувствительные поплавки делают также из сухой окуги (ситник, куга). Поплавок не должен быть велик. Кусок окуги не тоньше обыкновенного карандаша и не толще мизинца длиной от 11/2 до 21/2 вершка с обрезанными ровно краями вполне удовлетворяет своему назначению при ловле рыбы в тихой или стоячей воде. Поплавок привязывается к лесе двойною петлею.

Очень хороши и удобны поплавки, выделываемые из ракитовой коры, а еще лучше коры осокоря, в форме слегка заостренных палочек (рис. 24). Иногда, впрочем, этим поплавкам придается миндалевидная форма, тоже представляющая небольшое сопротивление воде при погружении и выходе наружу, с довольно значительным отверстием посредине и с нижним наконечником из гусиного или дрофиного пера, судя по величине поплавок. На наконечник из пера надевается колечко, вырезанное также из пера, которое и удерживает поплавок на надлежащей высоте; дальнейшая же часть лесе проходит сквозь отверстие поплавок. Значит, поплавок может быть удобно передвигаем по лесе и даже вовсе снят, если отверстие в поплавке достаточно велико для прохода крючка. Поплавки эти выделываются очень легко перочинным ножиком, так как ракитовая кора очень мягка. Посредством маленькой стальной высечки, вроде той, какой высекаются рубленые ружейные пыжи, проделывается очень скоро отверстие в поплавке в один или в два порядка, судя по желаемой величине для отверстия. Затем вырезанный поплавок полируется выточенной из крепкого дерева конической палочкою. Так как ракитовая кора очень мягка, то она очень быстро принимает полировку. Затем поплавок опускается в деревянное масло, пропитывается им и высушивается в комнате. Тогда получится поплавок цвета темной мумии, не намокающий в воде, очень красивый и вовсе не пугающий рыбу, так что часто она пытается даже схватить его, особенно на быстроте, вероятно принимая его за какое-нибудь насекомое. Эти поплавки можно делать всех размеров – как для наплавных удочек, так и для ужения с грузилом. Для наплавных удочек на местах самых быстрых и каменистых эти поплавки незаменимы, тем более что, опустивши в перьяной наконечник маленького поплавок одну или две мелкие дробицы, судя по величине поплавок, можно придать поплавку стоячее положение, между тем как лесе без грузила с крючком будет извиваться по быстрой воде и рыба будет хватать насадку без всякого опасения. В таком виде поплавок делается до того чувствительным, что для глаза заметно всякое малейшее прикосновение рыбы к насадке.

Пробковые поплавки делают двумя различными способами: первый, более простой, заключается в следующем: кусок пробки обтачивается в виде яйца или бочонка и просе рливается вдоль. В сделанное отверстие вставляют трубку куриного или утиного пера, пропускают в нее лесе и затыкают трубку ошипанною верхнею частью того же пера. Такие поплавки очень легко сделать дома, хотя их можно найти и в продаже.

Рис. 24. Осокоревые поплавки

Рис. 25

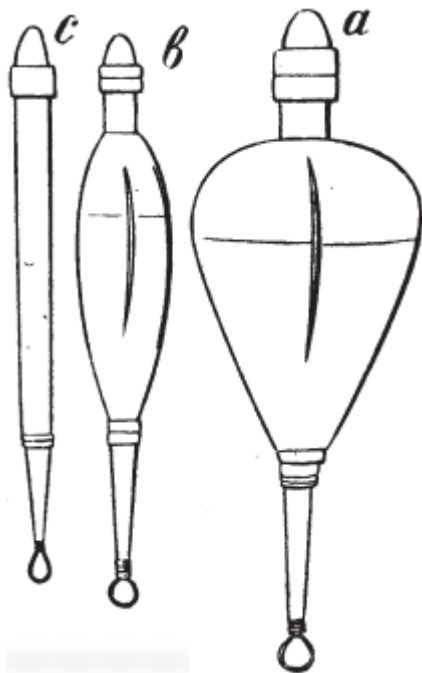

Рис. 26. Различные формы пробочные, с – перьяной

Пробковые поплавки, приготовленные по второму способу, отличаются от описанного сейчас сорта тем, что в просверленную дыру вставляют с одного конца трубку гусиного пера с надетым на нее перьяным колечком, а с другого – заостренную палочку с проволочной петелькой. Чтобы надеть такой поплавок на лесу, следует

пропустить ее сначала через проволочную петельку, а затем через перьяное колечко, которое плотно надвигается на трубку и таким образом удерживает поплавок на одном месте. Для того чтобы леся лучше лежала на поплавке, в последнем делают иногда продольный желобок, в который она ложится.

При ужении перьяная трубка непременно должна быть сверху. Во-первых, потому, что она виднее, чем палочка с петелькой, а во-вторых, потому, что это по большей части требуется устройством поплавка.

Поплавки из одной трубки гусиного или лебяжьего пера у нас довольно трудно купить, и потому лучше делать их дома. Для этого выбирают по возможности толстую и длинную трубку, очищают от сердцевины и кипятят минут десять в воде или снятом молоке, чтобы сделать ее менее хрупкой. Когда внутренние стенки трубки совершенно высохнут, в нее кладут небольшой шарик воска или сапожного вара и посредством тоненькой палочки с тупым концом приминают его в глухой конец трубки, который в это время полезно окунуть в кипяток, чтобы воск хорошенько пристал. Открытый конец трубки затыкается заостренной палочкой, обмазанной клеем; к заостренному концу привязывают петельку из медной проволоки, покрывают весь поплавок лаком и, когда он высохнет совершенно, пригоняют по нему перьяное колечко.

Пробковые поправки приготавливаются следующим образом: берут т. н. бархатные пробки, которые бывают более 1 1/2 вершка в длину, и начинают с того, что просверливают ее вдоль. Для этого с обоих концов провертывают на одну осьмую вершка выбойкой, которую употребляют шорники для пробивания дыр в ремнях (№ 6-м или номером меньше), затем осторожно просверливают обыкновенной наверткой (буравчиком) соответствующей толщины; когда все это сделано, острым ножом придают пробке требуемый фасон и сглаживают все неровности столярным подпилком, не слишком грубым, и пемзой. Если окажутся трещины и пленки, которых нельзя сгладить, не повредив аккуратности фасона, то их можно заделать клеем, смешанным с мелкими пробковыми опилками; когда клей высохнет, то подчищают подпилком и пемзой и получают очень ровный и гладкий поплавок. Когда пробковая часть поплавка готова, то в нее вставляют с одной стороны палочку, к более тонкому концу которой привязана медная петелька, а с другой – перьяная трубка, которая должна хоть на четверть вершка надеться на палочку; места соединения пробки с пером и с палочкой обматываются цветным шелком, который затем покрывается лаком. Последней операции, впрочем, обыкновенно предшествует окраска поплавка; самое лучшее для этого масляные краски, которые при употреблении следует несколько развести вареным льняным маслом.

Всего лучше окрашивать поправки следующими красками: низ поплавок светло-зеленый – цвет водяных растений, верх – белый, а между этими цветами узенькая полоска красного цвета. Когда краски высохнут, весь поплавок покрывается лаком.

Перьяные колечки для закрепления лесы на верхнем (надводном) конце поплавка приготавливаются обыкновенно из гусиных перьев. Можно оставлять их белыми и только прокипятить их, как было говорено о перьяных трубках, но кто желает, тот может окрасить их в зеленый или красный цвет краской (пластинкой или жидкой), продающейся для окрашивания яиц. Необходимо только, чтобы с прокипяченных колечек была снята тоненькая кожица, покрывающая всегда трубку пера, иначе они неравномерно окрасятся. Ополоснув окрашенные колечки в воде и просушив их на воздухе в тени или в комнате (только не около печки), каждое колечко обматывают несколькими оборотами крепкой шелковинки и покрывают все колечко лаком.

Что касается т. н. светящихся поплавков, года два назад появившихся в продаже, то они никуда не годятся, так как светятся только в абсолютной темноте.

О самоогружающихся поплавках см. июнь.

Для скрепления отдельных частей поплавка очень полезен следующий состав: 5

частей смолы, которою натирают смычки (но не чистой канифоли), стапливают с 1 частью воска, к этому примешивают 1 ч. железной окиси в порошке и 1/8 ч. толченого гипса. Прокипятив это минуты две, снимают с огня и промешивают до совершенного сгущения; при употреблении должно быть разогрето.

Для этой же цели пригоден клей, приготовленный следующим способом: 32 золотника лучшего сорта столярного клея варят в снятом молоке или юраге из-под сливочного масла – в количестве одного полуштофа – и уваривают до требуемой густоты. При употреблении этот клей разогревают над свечой или лампой.

Для лакирования поплавок, а также завязок, крючков и пр. очень хорош лак, сделанный из белого шеллака, растворенного в 90%-ном спирте; лак этот должен быть так же густ, как и обыкновенный красный спиртовой лак.

Передвижные поправки

Так как при передвижении поплавок перьяные колечки на пробковых часто лопаются, а осокоревые обыкновенно надо отвязывать, то поэтому иногда удобнее употреблять такие поправки, которые передвигались бы по леске с меньшими затруднениями. С этой целью готовят пробковый поплавок удлиненный, грушевидной формы (или берут уже готовый, но без верхнего и нижнего наконечников, т. е. одну пробку) и, сделав в нем сквозное отверстие, как сказано выше, сбоку пропиливают тоненькой стальной пилкой (лобзиком) до центра такую узкую полоску, чтобы в нее прошла бы толстая леса. Пропустив леску, ее затыкают деревянной палочкой. Можно также обойтись и без затычки, если разрез очень узок и достаточно крепко держит леску (рис. 28).

Для того чтобы иметь возможность передвигать осокоревые поправки без отвязывания, надо придавать им форму очень удлиненного овала, так что оба конца поправка вполне одинаковы. Места прикрепления леса находятся на самых удаленных одна от другой точках поправка, т. е. на его концах, чтобы при подсечке или вытаскивании из воды поплавок представлял наименьшее сопротивление. Надевание поправка на лесу совершается или с непривязанного ее конца, как у прочих поплавок с петельками, или, если леса уже привязана и пулька или крючок не позволяют ей пролезть сквозь петельки, посредством вынимания и вставления последних. Кроме этих петелек, делаемых из медной проволоки или булавок, леса удерживается на месте тем, что изгибается вокруг поправка, для чего в поправке делается неглубокая прорезь в виде удлиненной спирали.

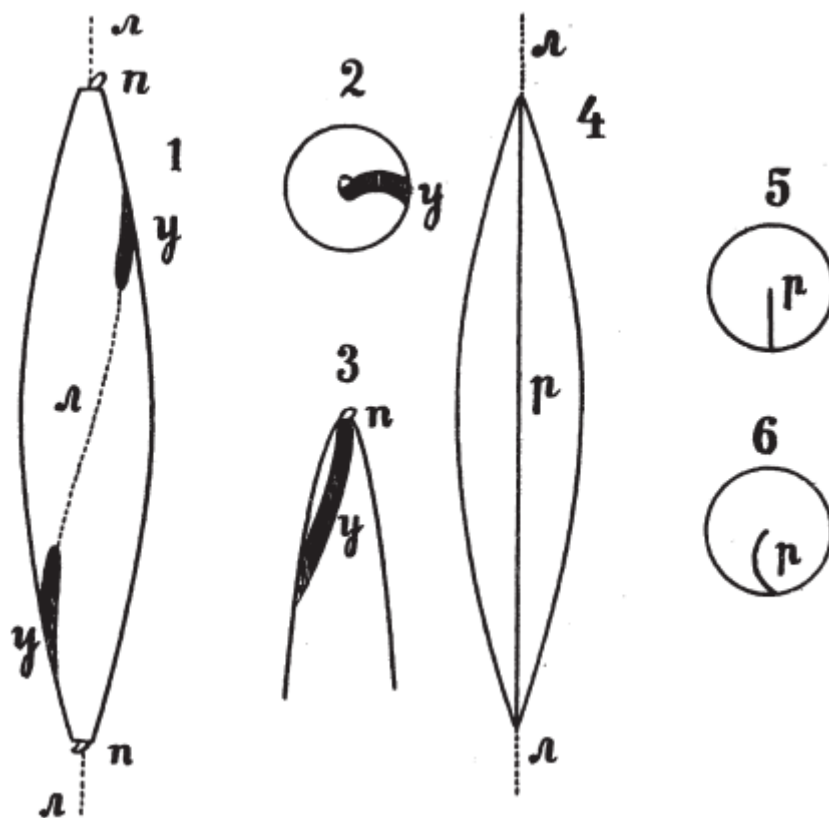

Рис. 27 и 28

1 – вид сбоку: л – леса, п – петельки, поставленные наискось для меньшего перегиба лесы; 2 – вид с конца; 3 – вид сбоку на одно углубление

Март

Заготовление натуральных цельных удилиц

В марте или апреле, вообще до тех пор, пока не набухла почка, можно заготавливать цельные удилица для летнего лова, но удильники весенней заготовки менее надежны, чем осенние (см. октябрь), а потому аккуратный рыболов в это время ограничивается окончательной обделкой удилиц, срезанных осенью и всю зиму сохнувших в сарае – на весу, с камнем у комля или привязанными к слеге, чем достигалась возможная для них прямизна. Обделка эта заключается в том, что вполне завяленные удилица осторожно очищают от шкурки на верхушках, выравнивают подпилком выпятившиеся сучки и в несколько приемов промазывают вареным льняным маслом, особенно верхнюю часть, до тех пор, пока дерево не перестанет впитывать его в себя. Лучше всего делать это над спиртовой лампой или около горячей печки. После каждого раза дают удилицу полежать дня два привязанным к слеге или подвешивают его за тонкий конец с камнем, привязанным к комлю (см. октябрь). От льняного масла (за неимением его можно употреблять и сырое, а также конопляное и другие масла, но они много хуже льняного) удилице приобретает гораздо большую упругость и вязкость, гораздо надежнее непромасленного и, кроме того, в значительной степени предохраняется от действия сырости. Весьма полезно также после этой процедуры слегка отполировать удилица стеклянной бумагой и окрасить их какую-нибудь масляною краскою (серою, желтоватою, зеленою).

Если почему-либо трудно достать и приготовить цельное совершенно прямое удилице или если у цельного хорошего удильника сломалась верхушка, то удилице можно делать из двух частей, съемных или неподвижно скрепленных между собою.

Именно на более или менее длинную березовую или ореховую палку (2–4 арш.) надевается посредством медной или жестяной трубки можжевельный (реже рябиновый – для ужения нахлыстом на насекомое) прутик в 1–2 арш. длины или же этот кончик сращивается с палкою, для чего оба конца срезаются наискосок, сравниваются, склеиваются и натуго обматываются крепкой ниткой или тонкой бечевкой, намазанной варом, которая покрывается затем лаком.

Короткие донные удилища

Донные удилища, употребляемые для ужения без поплавка, большую часть имеют незначительную длину. Для ловли не особенно крупной рыбы в длине удилища и не представляется особенной надобности.

Естественное донное удилище делается из ореха, березы, а лучше всего можжевельника (называемого местами вереск, вересовник); оно должно быть не короче аршина и не длиннее двух, должно быть не слишком тонко в комле и не очень жидко, особенно если приходится удить в быстротекущей воде. По большей части у естественных донных удилищ комли бывают слишком тонки, что чрезвычайно утомительно для руки; лучше обертывать их камышом, который затем довольно часто и туго обматывается бечевкою. Эта камышовая рукоять должна быть не короче пяти вершков; иначе трудно сделать ее аккуратно (рис. 31). Такое удилище можно употреблять с бубенчиком и без него; в первом случае необходимо приделать острие для втыкания в берег или лодку.

О привозных удилищах не стоит распространяться, так как они встречаются в продаже довольно редко; лучшее из них французское (рис. 30), с кончиком из китового уса, но оно очень коротко (всего 10–11 верш.). Все эти удочки очень дороги, так как без прибора стоят не менее 75 коп.

Русского изделия продажные донные удилища бывают двух сортов: один из них (рис. 29) бывает всегда с камышовым кончиком. Палочки с шишками назначены для наматывания лесе, деревянная же вилочка служит (будто бы) подставкою, так чтобы можно было положить удилище, как показано на рисунке. Стоит такое удилище с полным прибором, т. е. лесою, грузилом, крючком и бубенчиком, около рубля; без прибора оно в продаже не встречается.

удилище

Рис. 29. Продажное донное

Рис. 30. Французское донное удилище

Рис. 31. Ручная донная удочка

Другой сорт разнится от предыдущего тем, что не имеет вилочки и что вместо палочек для наматывания лесе вбиты два проволочных крючка; кончик камышовый или из китового уса. Продаются они также с полным прибором; лесе в 8, 12 и больше волос от 6 аршин и длиннее с тремя крючками и коническим грузилом. Цена от 75 коп. и дороже. К сожалению, для крючков, на которые наматывается лесе, и для петельки грузила большую часть употребляют железную проволоку вместо медной, которая на пустяк дороже, зато не переедает лесе.

К числу донных удочек принадлежат также и те кобылки или колодки, употребляемые там, где (на плотях) или в то время (зимой), когда нельзя воткнуть

удилища (см. ноябрь – декабрь).

Складные удилища

Плохое цельное удилище всегда лучше посредственного складного. Но так как городским жителям вообще, а столичным в особенности очень трудно доставать и неудобно возить цельные длинные удилища, то столичные рыболовы почти всегда употребляют или короткие (можжевеловые для ловли на донную, в закидку), или же складные 2–3– и даже 4–5-коленные удильники. В Москве на воскресных птичных базарах (на Трубной площади), а также в магазинах Глазунова, Гофмана и Глейма продаются складные удилища московского изделия. Эти удилища, б. ч. 3-коленные (редко 4-кол.), имеют в длину около 5 аршин, делаются, кроме тонкого конца, б. ч. можжевелового, из орешника, реже сосны и березы, имеют медные (паяные) трубки и такие же оправы вкладываемых концов. Колена или просто вкладываются оправленным концом в трубку большого колена, или имеют замки (в трубке делается прямоугольная прорезка, а на оправе припаян или вколочен шпенек), или же оправка снаружи и внутренность трубки наезываются винтом и колена свинчиваются. На первое (толстое) колено ради того, чтобы можно было воткнуть удилище в берег, насаживается железный конус, продающийся и отдельно. Удилища эти недороги (от 30–60 к., смотря по величине и месту покупки), но очень непрочны (так как приготавливаются крайне небрежно): колена плохо пригнаны, так что обыкновенно болтаются в трубках, и, кроме того, они скоро кривятся. Лучше всех удильники со свинчивающимися коленами, появившиеся в продаже года 2–3 назад. Удилища эти годятся только для ловли мелкой и средней рыбы, притом больше в прудах и озерах.

Заграничные складные удилища, особенно английские, во всех отношениях несравненно лучше московских (и петербургских), но очень дороги, что, впрочем, зависит от того, что почти все эти удилища предназначаются для ловли с катушкой, у нас почти неупотребительной, и имеют кольца и помещение для нее. На катушку эту навивается большой запас лесы (непрерывно цельной, без узлов, и обыкновенно плетеной шелковой), продаваемой сквозь кольца. При первых порывах рыбы ей дают смотать большее или меньшее количество шнурка, т. е. катушка соответствует всем известной жерличной рогулке. Отпуская и снова наматывая шнурок, рыболов имеет возможность ловить крупную осторожную рыбу на самую тонкую снасть, т. е. на такое удилище и такую леску, которые не могли бы без этого приспособления выдержать при всем искусстве рыболова рыбы в половину меньшей величины. Но такая ловля возможна только там, где рыбу можно отпускать на большое расстояние от себя (длина шнурка на катушке бывает иногда более 20–25 сажень), не рискуя, что она запутается в траве или корягах или оборвет более или менее значительную часть шнурка (очень дорогого). Ловить с катушкой стоит только в расчищенных местах, да и то когда крупная рыба очень напугана и плохо берет на более грубую, но более прочную снасть.

Кроме дороговизны (самое плохое стоит редко менее 3 рублей), заграничные удилища имеют и другие неудобства: они не могут быть воткнуты в берег и их надо или держать в руке, или же класть на 2 подставки – рогульки [3 - Подставкою может служить всякая заостренная палка с развилиной на конце, но всего лучше иметь готовые железные вилки-рожки, которые легко можно надеть на любую палку. Для этого две толстые проволоки спаивают под углом в железную конусообразную трубочку. Такие вилки, окрашенные для прочности масляной краской (зеленой), продаются во многих московских магазинах рыболовных принадлежностей, но их нетрудно сделать и самому.] (одна втыкается в берег, другая на некотором расстоянии от берега, в воде); очень часто они бывают чересчур тонки и жидки и

почти непригодны для ужения без катушки.

Складные заграничные удилища бывают трех сортов: из обыкновенного коленчатого тростника, из бамбукового тростника и из дерева.

Удилища из обыкновенного тростника по большей части состоят из четырех, реже из пяти колен, из коих три (или четыре) тростниковых, а верхнее обыкновенно жимолостное или из другого какого-нибудь упругого, гибкого дерева. Такие удилища в полном составе четырех или пяти колен имеют значительную (7–10 аршин) длину при сравнительно незначительном весе. Недостатки описываемого сорта состоят в том, что если тростниковое удилище отсыреет (вследствие сильной росы, тумана или дождя) и затем будет пригрето солнцем, то оно нередко трескается; впрочем, этот недостаток легко устраняется следующим простым способом. Тростниковые колена следует хорошенько вытереть тонкой стеклянной бумагой (для того, чтобы к ним лучше пристал клей), затем взять шелковую узкую ленточку или тесемку, пропитанную довольно жидким и горячим раствором самого крепкого столярного клея, и наматывать ее как можно туже на каждое колено не слишком крутой и не слишком отлогой спиралью. Так конец ленты, с которого начинают обвивание, крепко привязывается к удилищу тонким крепким шелком; так же закрепляется и другой конец. Когда клей высохнет, то ленту и кольцеобразные закрепления на концах ее следует прокрыть несколько раз жидким спиртовым лаком, чтобы клей не подвергался действию сырости.

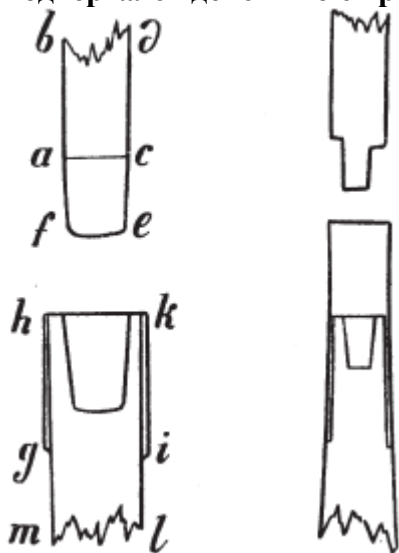

Рис. 32. Способы соединения складных удилищ

Таким способом отделанное удилище кроме того, что не трескается при резком переходе от сырости к жару, еще выигрывает в отношении крепости и становится более благонадежным для ужения более крупной рыбы. Но вообще этого рода удилища дороги, непрочны и мало пригодны для ужения без катушки.

Удилища из бамбукового тростника, или, как его нередко называют в торговле, перцового дерева, редко бывают так длинны, как вышеописанные, и весом несколько превосходят их; длина их обыкновенно не превышает 5 аршин. Что касается более значительного веса, то этот недостаток выкупается тем, что они не так легко трескаются и могут вынести более крупную рыбу, чем простое тростниковое удилище; впрочем, оклеивание лентой и для них бесполезно.

Третий сорт складных удилищ – деревянные; более дешевые делаются из ясеня, более дорогие – из белого американского ореха – хикори (hickory), гринхардта, лансвуда и др. [4 - Greenheart; lance-wood.]. Они делаются весьма различных размеров – от 3 1/2 до 9 аршин и состоят из трех, четырех и пяти колен; привозят их по большей части из Англии. Удилища эти обыкновенно бывают сделаны очень тщательно, но зато и стоят недешево: 6–7 рублей за четырехколенное удилище из

хикори следует считать очень умеренной ценой.

От всех трех описанных сортов удилиц одинаково требуется, чтобы колена совершенно плотно соединялись одно с другим; поэтому при покупке складного удилица должно собрать его, крепко вставив каждое колено в соответствующее ему гнездо, и затем несколько раз сделать движение, делаемое при подсечке. Если колена хорошо пригнаны по своим гнездам, то в удилице гибь при движении будет равная, нигде не почувствуется сотрясения; если же будут чувствительны легкие толчки, то это значит, что медные трубки, находящиеся на соединении колен, слишком широки.

В тростниковых и бамбуковых удилицах способ соединения колен несколько иной, чем в деревянных удилицах; а именно вкладываемое колено не имеет хвоста, как в деревянных.

Приготовление сачков

Сачок (или подсак, подсачек, подхватка) составляет необходимую принадлежность настоящего рыболова, так как без сачка ловить крупную рыбу и трудно и займет много времени.

Самый простейший, но прочный подсачек, доступный средствам и умению каждого рыболова, делается следующим образом. Выбирается прямое, длиною аршина в 3 1/2–5 и в комле толщиной в диаметре не более 2–3 дюймов дубовое деревцо (или березовое), которое в верхней своей части разделялось бы на две прямые ветки одинаковой толщины. Деревцо отрезывается у корня и у самых верхушек объясненных веток, ствол и обе ветки освобождаются несколько от сучьев; ту часть деревца, которая разделена, т. е. самые вилки, следует распарить в горячей золе или на углях, выпрямить, потом верхние части этих вилок соединить между собою, крепко связать и дать кружку овальную форму. В таком виде деревцо, не освобожденное от коры, высушивают не на солнце, а в сухом тенистом месте. Когда оно достаточно высохнет, его очищают от коры, освобождают от остатков сучьев и других шероховатостей, округляют толстый конец, обрезают концы вилок и связывают между собою совершенно так, как связываются части составного удилица, т. е. наискосок. Наконец, к овальному кружку прикрепляется бечевкой связанная из прочных пеньковых или льняных ниток сетка. Глубина сетки должна быть не менее аршина, а ширина – несколько более окружности связанных вилок.

Более удобны и красивы сачки с железными, особенно же медными (нержавеющими) обручами, которые насаживаются на палку. Насаживаются они различно: или же концы проволоки (в 1 1/2–2 вершка) крепко обматывают (бечевкой или тонкой проволокой) вместе с концом палки, или же концы эти припаиваются к железной же или медной трубке, которая насаживается на рукоятку.

Сачок вообще должен удовлетворять следующим условиям:

1) Обруч и трубка, соединяющая его с рукоятью, должны быть крепкие, так, чтобы могли вынести мертвый вес фунтов в 20.

2) Поперечник обруча должен быть не менее 16 дюймов. 3) Сетка сачка должна быть глубокая – не менее аршина глубины. 4) Она должна плестись из крепкой здоровой пряжи, имеющей, впрочем, не более 1 мм в поперечнике. 5) Петли сачка (или, правильнее, ячеи) должны иметь не менее одного дюйма в стороне.

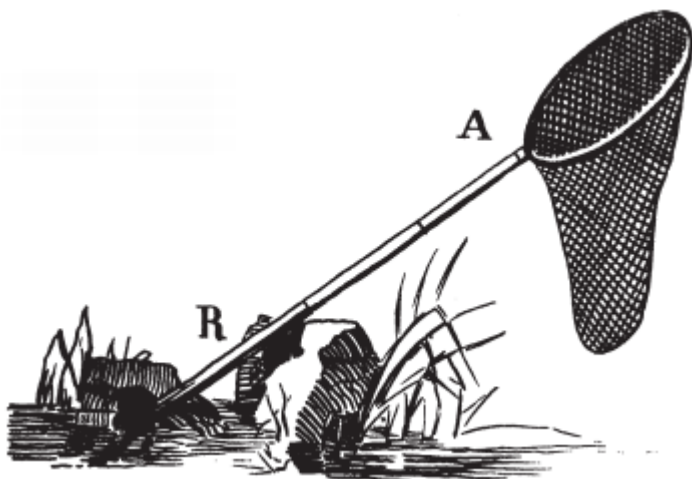

Рис. 33. Сачок

Широкие ячеи делают для того, чтобы сачок был менее заметен в воде и вследствие того меньше пугал бы рыбу. Чтобы сделать его еще менее заметным и вместе с тем более долговечным, полезно класть сетку сачка в вареное льняное масло, в котором распущено незначительное количество зеленой масляной краски, до тех пор, пока нитки не пропитаются этим составом насквозь. Тогда следует сетку вынуть, дать маслу стечь с нее, хорошенько встряхнуть ее, чтобы по возможности удалить с нее весь излишек масла, высушить и повторить ту же операцию. Таким способом приготовленная сетка кроме того, что менее пугает рыбу, вдобавок еще служит несравненно дольше обыкновенной, так как не намокает, а потому и не гниет. Можно также сачки продубить, т. е. вымочить в отваре дубовой коры или каши. Сетка становится прочнее и окрашивается в коричневый цвет.

Приготовление грузил

Назначение грузила – удерживать крючок на известном месте, а если удят с поплавком, то настолько огружать последний, чтобы он передавал малейшее прикосновение рыбы к крючку. Грузила, употребляемые для ужения с поплавком, делают из дроби, картечи, листового свинца; при ужении без поплавка, на так называемую донную удочку, употребляют в виде грузила ружейные пули, четырехугольные, овальные и конические куски свинца.

Относительно первого рода грузил необходимо заметить, что лучше насадить на лесу 10 дробинок, чем одну картечину равного с ними веса; во-первых, это не так пугает рыбу, а во-вторых, не так портит лесу. Что лучше для грузила – листовой свинец или дробь – сказать трудно, ибо этот вопрос решается различно даже самыми опытными рыбаками: один находит, что дробь менее перетирает лесу, чем листовой свинец, другой держится прямо противоположного мнения. Листовой свинец, во всяком случае, легче снимать и надевать. Для надрезания дроби устраивается следующий прибор: в небольшой дубовой дощечке делают несколько углублений различной величины, в которые кладут дробь, чтобы было удобнее разрезать ее. Разрез делается при помощи молотка и какого-нибудь старого ножа, у которого половина лезвия закруглена; разрез начинают острой частью, а заканчивают тупой, так что дробина, разрезанная при помощи этих простых орудий, так же мало портит лесу благодаря отсутствию острых краев, как и дробина, разрезанная особыми щипчиками; только для прикрепления к лесу дробины, разрезанной ножом, необходимо иметь небольшие плоскогубцы. Кроме этих предосторожностей нелишнее всегда обматывать шелковинкой то место лесы, где должно находиться грузило, какое бы оно ни было; правда, что это займет больше времени, чем обыкновенный способ прикрепления грузил, но зато предохранит лесу

от перетирания. Еще лучше, если обмотанное шелком место пролакировать хорошенько и высушить, прежде чем насаживать грузило.

Некоторые рыболовы помещают грузило довольно далеко от насадки – это бывает необходимо тогда, когда рыба очень пуглива; вообще же не следует помещать его дальше как в 10 дюймах, так как при этом насадка лучше играет.

Очень полезно окрашивать грузило в зеленый цвет, через что оно делается менее заметным; самый простой состав для этого следующий. Берут палочку зеленого сургуча, ломают ее на маленькие кусочки и кладут в небольшое количество 90%-ного спирта; через несколько дней сургуч распустится, и его разводят спиртом до густоты хороших сливок. Состав этот очень скоро сохнет, в чем и заключается его главное достоинство.

Донные грузила делают трех различных фасонов: круглые, конические и угловатые (или плоские).

Для круглых грузил обыкновенно употребляют пули, начиная от пистолетной и до самой большой ружейной, смотря по силе течения; нельзя не заметить, что при быстром течении круглая форма этого рода донных грузил представляет некоторое неудобство. Поэтому им предпочитают конические грузила, состоящие из свинцового конуса, снабженного медною петлею; делаются они различного веса, и всякий может приготовить их дома. Для этого свертывают из довольно толстой бумаги конический колпачок, в верхний конец которого вставляют петлю из медной проволоки; края колпачка заклеивают, ставят его в совершенно сухой песок и наливают свинцом. Такие грузила есть и в продаже, но с довольно высокою ценою они соединяют еще один недостаток: петля сделана из железной проволоки, вследствие чего ржавеет и портит лесу. Способ привязывания конического грузила к лесу показан на прилагаемом рисунке (рис. 34).

Всего лучше, особенно на очень быстром течении, донное грузило, употребляемое в Англии; оно состоит из угловатого (по большей части плоского) куска свинца с довольно широким продольным отверстием, через которое проходит леска; для того чтобы грузило не могло съехать на крючок, в известном расстоянии от последнего (от 4 до 6 вершков) к леске прищипывается дробина, величина которой зависит от ширины отверстия грузила (рис. 35).

Так как этого рода грузила в продаже у нас совершенно не встречаются, то нелишнее описать самый простой способ делать их дома. Берут известковый или другой какой-нибудь мягкий камень и обтесывают одну его сторону как можно тщательнее, так, чтобы получить совершенно ровную поверхность дюйма в 3 длины при 2-х ширины; на этой поверхности начерчивают форму грузила и вырезают ее на глубину от 1/4 до 1/2 дюйма. На краях а получившейся формы вырезают по гнезду, в которые вкладывается проволочный гвоздь b (рис. 36); толщина последнего изменяется сообразно с требуемою шириною отверстия грузила. Глубина каждого гнезда должна равняться половине глубины формочки плюс половина толщины гвоздя; вложивши гвоздь, гнезда сверху замазывают хлебным мякишем. Формочка наливается вровень с краями свинцом, последнему дают остыть, затем вынимают его и вытаскивают из него гвоздь; если получившееся грузило будет не совсем ровно, можно подравнять его подпилком. Кто не желает возиться с отливкой, тот может только впаять в грузило плоской формы медное ушко.

Рис. 34. Коническое грузило

Рис. 35. Плоское донное грузило

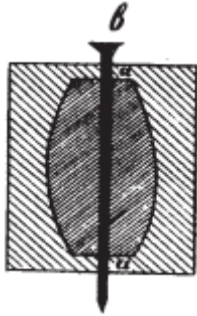

Рис. 36. Формочка для отливки плоских грузил

При употреблении этого рода грузил можно различить малейшую поклевку, так как клюющая рыба прямо тянет за леску.

Приготовление лота

Лот (или грузильце) служит для измерения глубины в месте ужения и необходим при правильной ловле с поплавком. Простейший способ измерения глубины – плосковатым камнем (в 1/2 вершка диаметром или более, смотря по величине поплавка), обвязанным накрест (очень туго) тонкой бечевой, за которую задевается крючок удочки. Настоящий лот делается обыкновенно из свинца. Форма таких лотов различна. Самые простые состоят из круглой просверленной пули или пловбы (продающейся в москательных лавках), причем сквозь отверстие продевается тонкая бечевка и крепко завязывается. Более совершенные лоты делаются из обыкновенной конической пули, сверху которой делается надруб, в котором закрепляется ударами молотка медное проволочное ушко. В проволочное ушко пропускается крючок с поводком, а загиб крючка вкладывается в нижнюю выемку пули. Другие делают лот из полоски листового свинца в 1 миллим, толщины, от 6–10 д. длины и 1 д. ширины (рис. 38, II, в). При употреблении развертывают немного полоску, вкладывают крючок и опять завертывают полоску. Москворецкие рыбаки употребляют для измерения глубины воды четырехугольный кусок свинца в 1/2–3/8 дюйма толщины, 1 дюйм длины и около 3/4 дюйма ширины. Кусок этот разрезан на три четверти (в длину) так, что его половины легко разжать настолько, чтобы вложить лесу или поводок в более широкую часть разреза; когда леса вложена, обе половинки сжимают так, чтобы лот краем лежал на сгибе крючка (рис. 38, II, с). Самый же удобный лот состоит из свинцового конуса или пирамиды, обыкновенно усеченных, и в верхнем конце снабжен медным колечком, а в нижнем – довольно толстой пластинкой пробки (рис. 38, II, а). Крючок продевается сквозь кольцо и втыкается в пробку. При таком лоте крючки не так скоро тупятся и не задевают за неровности дна.

Приготовление отцепок

Так как при ужении, в особенности на донную, крючок при вытаскивании удочки зацепляет за коряги, камни или подводные растения, то необходимо до начала сезона запастись отцепкою.

Самый удобный и доступный отцеп – сибирский, который употребляется при блеснении. Он состоит из свинцового кольца четырех дюймов в диаметре, и сделать его очень не трудно. Нужно взять медный подсвечник груздочком и налить в него фунта полтора расплавленного свинца. Когда последний остынет, его вынимают, просверливают сбоку отверстие *a* (рис. 37) для бечевки и обравнивают края напильком. Отверстие кольца должно быть настолько велико, чтобы в него свободно проходил комель удилища.

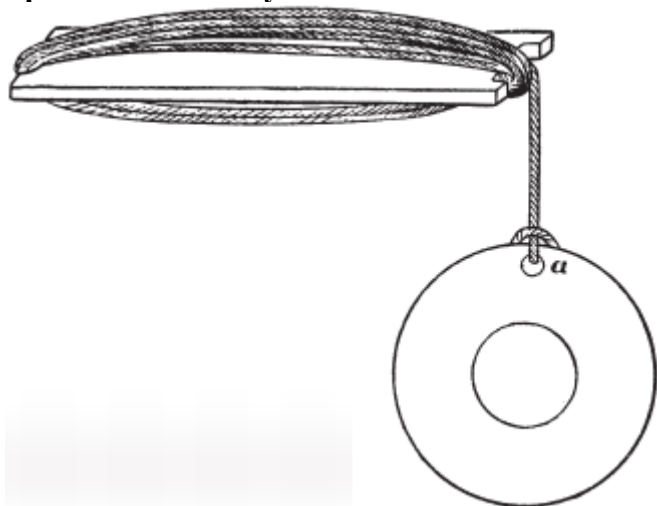

Рис. 37. Сибирский отцеп

Продажные отцепы имеют форму глухого кольца, внизу утолщенного и снабженного зубьями (см. III, а и в, рис. 38) или без зубцов. Такие отцепы делаются также открывающимися, но это необходимо только для ужения с катушкой. Есть еще отцепки в виде якорька в 4–5 вершков с 3–4 лапками, концы которых несколько приплюснуты; стержень якорька обыкновенно облит свинцом (рис. 38, III, с). Последняя отцепка употребляется иначе, чем все предыдущие: ее закидывают несколько далее того места, где зацепился крючок, и потом понемногу притягивают к себе, причем нередко удается сразу захватить и вытащить корягу или другой подводный предмет с засевшим в него крючком. Обыкновенные же кольцеобразные отцепы продевают сквозь удилище, и они, сбегая вниз по лесе, доходят до крючка и своею тяжестью отцепляют его, а в том случае, если снабжены зубцами, то зацепляют подводный предмет, который и вытаскивается на берег. Понятное дело, бечевка, к которой привязан отцеп, должна обладать значительною крепостью. Лучше всего запастись для нее толстой голландской бечевой. Длина бечевки зависит от глубины обычных мест ужения, но не должна быть менее 3 сажень.

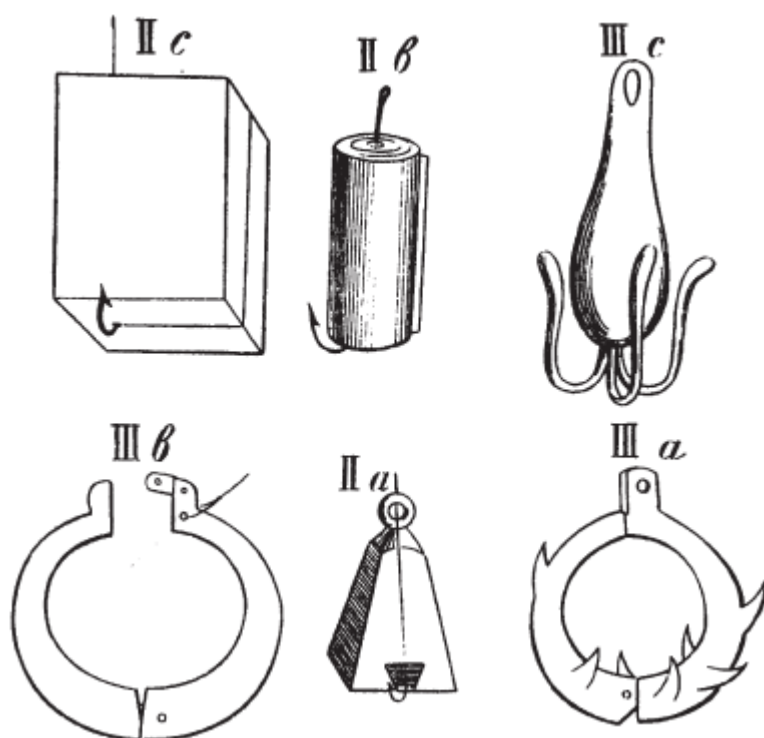

Рис. 38

- IIa. Пирамидальный лот с пробкой в основании
- IIb. Лот из полоски свинца
- IIc. Лот из надрезанного кубика свинца
- IIIa. Раздвижной отцеп с зубцами
- IIIb. Раздвижной отцеп гладкий
- IIIc. Отцеп в виде якорька

Для зимнего ужения в Сибири употребляется особого рода отцеп, при котором нет надобности в бечевке. Отцеп этот будет описан ниже (см. ноябрь).

Рыбачья лодка

Самая удобная лодка для ужения – плоскодонная, а потому достаточному охотнику всего лучше заказать таковую со всеми нужными приспособлениями. Но нетрудно сделать довольно удобную рыбачью лодку из обыкновенной косной лодки средних размеров, с рулем и на двух веслах, помещенных в уключинах. Для этого необходимы следующие приспособления.

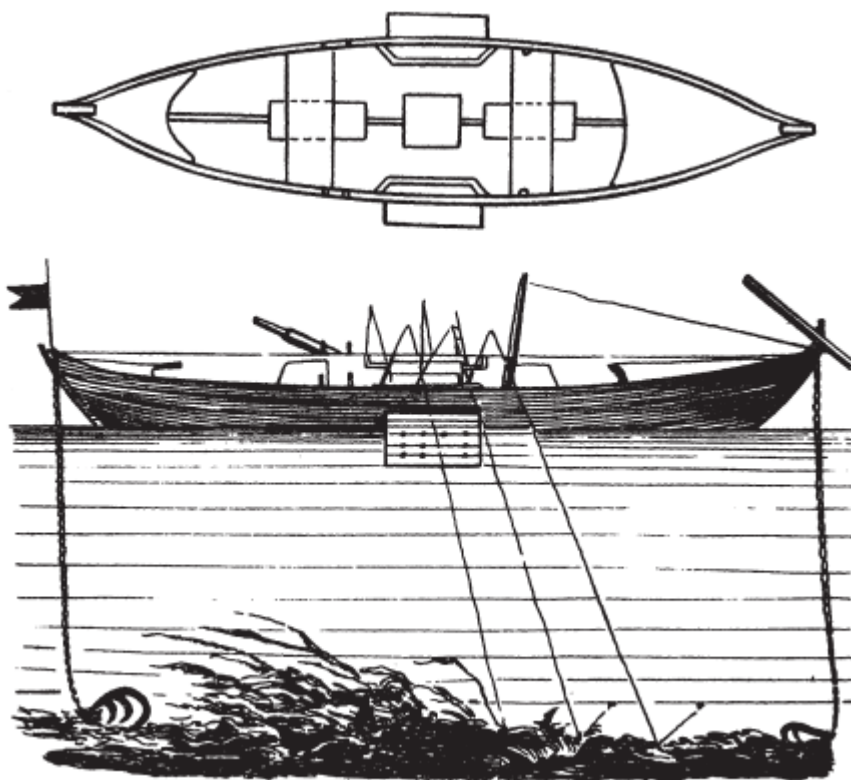

Рис. 39. План и рисунок

рыбачьей лодки

К корме лодки и к ее носу привинчиваются кольца, на которых висят два якоря, настолько тяже лые, чтобы держать лодку на одном месте при ветре и течении.

Руль должен приподниматься и закрепляться на корме так, чтобы в случае остановки он держался на весу над водою и не мешал бы неподвижности лодки, необходимой для удобного ужения.

Вместо средней скамьи устроен прикрепленный к дну лодки стол или шкаф с запором. На верхней доске его придется и трапезовать, и работать над поправкою, починкою и составлением удочек и других снарядов, в запертом же помещении можно держать всякие припасы и материал.

Для помещения того же материала, припасов и снарядов везде, где можно, устроены ящики и затворы, а именно: под носом лодки, под кормою (т. е. под досками носовой и кормовой) и на дне ее по срединной линии под двумя скамьями.

На краях лодки, близ скамьи, соседней с кормой, должны быть привинчены медные трубки, в которые войдут два шеста, сходящиеся свободными концами в угол и составляющие таким образом с веревкою, протянутой от вершины угла к оконечности кормы, основание для шатра или шалаша, на которое накидываются две треугольные полосы парусины, сшитые вместе. Шатер – необходимая защита от солнца.

По бокам лодки приделаны параллельно верхним краям его две планки, служащие для поддержки концов удильников, положенных на края лодки.

В краях лодки (обшивке ее) над кормовой и носовой досками для той же цели – постановки удильников – имеются дыры.

По обоим бокам лодки к подводной ее части приделаны два жестяных ящика-садка с крышками и запорами для живцов. Ящики эти несколько выше линии, отделяющей надводную часть от подводной, предполагая даже полное нагружение лодки, чтобы живцы не выскочили из них, когда придется их открывать. Немного ниже поверхности воды на стенках ящиков идет ряд отверстий, при помощи которых вода в ящиках сообщается с внешнею водою. Отверстий над водяной поверхностью в стенках ящиков может быть нес колько рядов – для

беспрепятственного возобновления воздуха над водою, находящеюся в ящике. При таких условиях вода в ящиках будет всегда свежая, и даже при самом быстром ходе лодки рыбу, в них находящуюся, не будет напором воды придавливать к одной из стенок ящика. Ящики эти сидят крепко, но не наглухо, потому что по временам придется их снимать и выкидывать накопившийся в них сор.

На такой лодке можно проводить целые сутки, переносясь с места на место со всеми снастями, снарядами, материалом и припасами для ужения и ловли рыбы, всегда имея в запасе свежую наживу и останавливаясь для ужения на любом месте.

Относительная крепость удилища, лесы и поводка

Самую ценную часть удочки, несомненно, составляет удилище. Хорошее цельное удилище достать трудно, а хорошее складное хотя и хуже посредственного цельного (для ужения без катушки), но стоит несколько (до 10 и более) рублей. По этой причине лучше, если рыба будет обрывать лесу, чем ломать удилище, и к последнему, стало быть, должно привязывать лесу такой крепости, чтобы она рвалась прежде, чем можно рисковать сломать удилище. Это нетрудно испытать на небольшом (аршина в два) куске лесы (волосяной, шелковой).

В свою очередь, леса, какая бы она ни была, ценнее поводка с крючком, и во всяком случае лучше потерять один крючок с поводком, чем и крючок, и поводок, и большую часть (если не всю) лесы. А потому никогда не следует навязывать к леске жилковые или другие поводки, более крепкие, чем сама леска. К тому же чем тоньше поводок, тем рыба берет охотнее насадку.

Наконец, величина и крепость крючка также до некоторой степени должны соответствовать крепости остальных частей удочки. Чем меньше крючок, тем удилище должно быть гибче, леса и поводок тоньше. Если же это условие не выполнено, то крючки будут при подсечке, необходимо более энергичной, чем бы следовало, разгибаться или ломаться. Наоборот, никогда не следует навязывать на тонкие поводки больших крючков, потому что такие поводки скоро изнашиваются у завязки.

Апрель

Общие замечания о клеве рыбы

Процесс схватывания и проглатывания насадки рыбою называется клевом; рыба клюет – значит ест насадку.

Характер клева зависит от многих условий: от самой удочки, формы и величины ее частей, от насадки, вида рыбы, размера ее сравнительно с величиною насадки, крючка, поплавок и проч., от степени голода рыбы, времени года и дня, от состояния погоды, количества воды, прибыли и убыли ее, от свойства и характера местности, в которой производится ужение, и проч., и проч.

Вообще говоря:

1) Клев энергичнее раннею весною и позднюю осенью, чем летом, т. е. рыба берет чаще и жаднее.

2) Летом лучший клев бывает вслед за рассветом, средний – вечером и худший – среди дня.

3) Чем ближе время года к ранней весне или поздней осени, тем лучше берет рыба среди дня, и, несомненно, есть такие дни, когда лучший клев рыбы приходится среди дня.

4) Пасмурные дни приравняются к весенним и осенним дням, т. е. рыба берет

хорошо и среди дня.

5) Перед метанием икры, а в особенности после нереста, всегда замечается усиление клева.

6) Прибыль или убыль воды заметно отражается на клеве, а именно: чем больше прибудет воды, тем хуже клев, и наоборот.

7) Ветер и до известной степени холод всегда благоприятствует клеву, особенно на донные удочки; затишье и жар – наоборот.

8) Мутность воды мешает хорошему клеву, прозрачность ее большею частью отзывается на нем благоприятно.

9) Чем жирнее вода, т. е. чем более содержит она органических примесей, тем хуже клев, и наоборот.

10) Всякое скопление, скучение находящихся в воде организмов и органических частей на небольшом пространстве усиливает клев в том пространстве.

11) За некоторыми исключениями, чем более отличается какое-нибудь пространство в данном бассейне воды от остального пространства того же бассейна, тем более шансов встретить в нем хороший клев; напр., в узких речках – расширяющиеся водоемы, в широких реках – узкие части, в глубоких водах – отмели, в мелких – ямы, в стоячей воде – протоки, в текущей – заливы, затоны и пр., и пр.

Переходя к тем особенностям клева, для которых у рыбаков существуют особые названия, прежде всего следует различить два периода клева: первый период, когда рыба берет, т. е. когда она обхватывает насадку, помещает ее себе в рот; и второй период, когда рыба взяла, т. е. когда можно с уверенностью сказать, что насадка находится у рыбы в полости рта, насколько насадка может только войти в нее. Уметь различать эти периоды при различного рода клеве, уловить момент, когда кончается первый и начинается второй, и составляет главнейшую задачу ужения.

Слова «берет», «клюет» употребляются в общем смысле и для обозначения более продолжительного клева, но если поплавок выводится на мгновение из спокойного состояния и тотчас возвращается в него, говорят, что рыба клюнула.

Последовательный ряд таких движений рыбы и наплава (поплавка) выражается словом дробит.

При всяком возвращении наплава в прежнее состояние говорят, что его отпустило. Это возвращение сопряжено с выпусканьем рыбою насадки из рта, и, если рыба совсем отойдет от насадки, испугавшись чего-нибудь или почувствовав крючок, и за возвращением наплава в прежнее положение не последует его уклонения, говорят, что рыба бросила насадку. В таких случаях необходимо вынимать удочку, осматривать и исправлять или менять насадку.

Часто одним движением около крючка рыба, в особенности крупная, обуславливает легкое уклонение наплава от прежнего положения. Говорят тогда, что наплав качнуло.

Из сего ясно, что клюнуло, качнуло, задрбило еще не значит взяло, а скорее значит, что только берет или собирается брать.

Но если наплав из вертикального положения принял вдруг положение горизонтальное, если, как говорят, его положило, то это почти несомненный признак, что рыба держит насадку во рту, заглотала ее и, поднявши грузило, рассвободила наплав. Вслед за этим рыба или повернет наплав, т. е. даст ему уклонение в горизонтальном же положении и поведет его по поверхности воды (это в том случае, когда рыба пойдет если не приближаясь к этой поверхности, то параллельно ей), или погрузит наплав и потянет, поведет его на дно в наклонном положении. Это бывает тогда, когда рыба в дальнейших своих движениях будет удаляться от поверхности воды. Когда наплав исчезнет под поверхностью, говорят – его утащило.

В половине случаев, когда рыба повела наплав, можно считать, что она взяла насадку. В другой половине это служит признаком или того, что рыба забирает, старается захватить насадку, на что указывает ряд мелких побочных движений наплава, помимо движения в главном направлении, или признаком того, что рыба не желает или не может сладить с насадкою и схватила ее не всю, а только за какую-нибудь выдающуюся часть – за кончик, за краешек. Последнее в большинстве случаев бывает с мелкою рыбою, и самая быстрота, порывистость движения покажет рыбаку, в чем дело. В обоих случаях, конечно, рыба берет, но еще не взяла. Из вышеприведенного правила существуют исключения, но уловить их все и систематизировать весьма трудно.

Верным признаком того, что рыба взяла, служит то, когда в одно и то же время дробит и ведет непрерывно.

Внезапное, сравнительно медленное и непрерывное погружение наплава на дно или уклонение в сторону выражается словом тянет и служит признаком того, что насадку сразу захватил а крупная, ленивая, неповоротливая и широкооротая рыба.

Внезапное, быстрое погружение наплава на значительное расстояние от поверхности воды, когда наплав нырнет, как говорится, на дно, служит довольно верным признаком, что рыба обхватила насадку, взяла ее, но указывает почти всегда на сравнительно малую величину рыбы.

Таковы главные черты и особенности клева на удочках с наплавами; клев же на донных удочках проявляется не в движении наплава, которого там нет, а в движении самой лесы, замечаемом по движению точки, в которой леса пересекается с водой, или по толчку, чувствуемому рукою рыбака, держащего удильник. В каком бы натянутом положении от действия течения ни была леса, она, во-первых, всегда может быть вытянута еще более рыбою, взявшею насадку, и, во-вторых, двигаться свободно по всякому направлению, не совпадающему с ее собственным направлением (от удильника к крючку). Поэтому рыба, схватившая приманку, взявшая насадку, во-первых, вытянет лесу и, во-вторых, пойдет по направлению, представляющему ей наименьшее сопротивление, т. е. снизу вверх, так как леса идет сверху вниз. И в том и в другом случае в положении лесы произойдут весьма заметные изменения: точка пересечения лесы и воды начнет удаляться от места прикрепления удильника, а вследствие этого угол, образуемый удильником и лесою, – увеличиваться, а угол, образуемый последнею и водою и лежащий по ту же сторону лесы, как и предыдущий угол, – уменьшаться. Постоянное, последовательное без перерыва изменение в этом смысле укажет на то, что рыба ведет, а следовательно, взяла. В этом случае говорится, что лесу натягивает, натянуло. Одно или ряд порывистых движений лесы, толчков укажет на клев другого характера, который при ужении с наплавами выражается словами: клюнуло, дробит, берет.

Правила подсечки рыбы

Движение лесы при подсечке и движение рыбы должны совпасть в одном моменте, и притом в разных направлениях. Это же совпадение может случиться, лишь когда подсечка будет быстрая и когда леса, находясь в сравнительно натянутом положении, передаст рыбе окончательный толчок, достаточный для того, чтобы посадить крючок в мягкие части ее пасти. Поэтому подсечка в тот момент, когда рыба положила наплав, б. ч. неудобна, так как движение наплава может быть почувствовано рыбою раньше, чем выпрямится изогнутая часть лески между наплавом и крючком, и рыба до окончательного толчка может бросить приманку. Поэтому также сдающие удильники, тяжелые, разбухающие, оседающие лески, требующие некоторого усилия и некоторой потери времени, чтобы прийти в натянутое положение, совершенно портят подсечку. Неумелые рыбаки, дающие

удильнику боковое движение или, что еще хуже, подтягивающие перед подсечкою удильник к себе, сообщая лесе предварительное движение и предупреждая этим движением рыбу, также портят подсечку; о плескании концом удильника в воде, конечно, нечего и говорить; рыбаку непозволительно держать уди льник в воде. Наоборот, хорошая подсечка бывает, если рыба взяла и ведет наплав или натягивает леску, и рыба, не дожидаясь окончания этого благоприятного движения, без всяких лишних с своей стороны движений мгновенно и решительно приведет удильник из положения наклонного в вертикальное – и вытянет лесу. Самый звук, производимый при этом лескою, похожий на свист, а не на хлопанье или полосканье, указывает на доброкачественность подсечки.

При подсечке следует избегать другой крайности – несоизмерно сильного и широкого движения удильника, при котором или рыба вылетает из воды с разорванным ртом и падает далеко на берег, или леска лопаётся и крупная добыча, показав рыбаку хвост, уносит крючок в воду. Подсечка должна быть лишь настолько сильна и размашиста, чтобы вытянуть всю лесу от удильника до рыбы. Тогда, почувствовав добычу, с которой имеешь дело, можно вторым размахом вышвырнуть ее на берег или тихонько вытянуть из воды или, если она особенно крупна, добыть при помощи особых приемов и вспомогательных снарядов.

Подсечка бывает особенно удачна при ловле на донные удочки без наплава, так как там можно следить за клевом и глазом, и рукою и придать движению лесы при подсечке направление прямо противоположное движению рыбы, размах и силу, соразмерные с положением лесы и величиною рыбы. При отсутствии наплава, всегда несколько задерживающего подсечку, при натянутости лесы подсечка на донной лесе может быть исполнена превосходно: нужно только, чтобы первый невольный импульс движения, недостаточный на подсечку, не сообщился бы по лесе рыбе ранее окончательного толчка, так как передача движения от крючка к руке и от руки к крючку в донной удочке доведена до сильнейшей степени чувствительности и тонкости. Посему первое движение при подсечке должно быть сделано в направлении, согласном с движением рыбы, т. е. необходимо предварительно несколько ослабить лесу, подать удильник ближе к рыбе и воде и затем уже дать ему быстрое и решительное движение в направлении противоположном.

Ужение ранней весной

Хотя в полую, мутную воду ловят немногие рыболовы, но в это время рыба голоднее и берет очень хорошо, особенно на запруженных реках, где полая вода не стоит выше поднятой. Ловят только на донную, с тяжелым грузилом, вес которого надо убавлять по мере того, как течение становится тише. Насадкою служит непременно красный навозный червь, который в мутной воде виднее и, кроме того, весной чаще попадает рыбе, чем в другое время года. Всего лучше на запруженных реках выбирать для ловли мелкие места с песчаным дном; если нельзя ловить с берега, то закидывают удочки с лодки.

Ловля рыбы наметом

Намет имеет следующее устройство: к длинному шесту, сделанному из возможно легкого дерева, прикрепляется деревянная дуга или же просто на конец шеста насаживается легкая перекладина в 1 1/2–2 1/2 арш. длиною. Концы этой дуги (или перекладины) соединены веревочками приблизительно с 1/3 шеста, так что образуется круговой сектор или треугольник, на который насаживается более или менее глубокая (не менее аршина глубины) и более или менее частая сетка,

связанная из крепких льняных ниток.

Ловить наметом рыбу можно только при следующих условиях: вода должна быть мутная; ловлю лучше производить вечером или ночью. Условия эти потому необходимы, что ночью рыба спит; притом же при мутной воде она держится ближе к берегу. Кроме этих двух весьма важных условий, рыбаку необходимо знать приблизительно дно той части реки, где он будет сакать наметом. Самая ловля производится следующим образом: с наметом в руке рыболов идет по берегу, у самой воды, и через каждые 10–15 шагов тихо опускает намет в воду; для этого берут свободный (толстый) конец шеста, сак выправляют так, чтобы сетка лежала на шесте, и таким образом заносят намет в реку, осторожно кладут на поверхность воды и сильно нагнетают шест, стараясь скорее погрузить сак в воду. Тогда быстро тащат намет по дну, пока наконец совсем не вытащат на берег. Во все это время необходимо плотно прижимать намет ко дну реки. Вытащив таким образом намет, переворачивают его так, чтобы сетка была на весу и сектор обращен вверх, вынимают рыбу, затем намет встряхивают, чтобы освободить от частиц воды и всякого попавшего в него сора, и идут далее.

Лучшее время для ловли наметом, конечно, весна, когда реки полны мутной водой; особенно же хорошо ловить во время ледохода, когда напором льда рыба подгоняется к берегу, и тут-то в отверстия, время от времени открывающиеся между льдинами, опускают намет.

Лучшие места для ловли рыбы наметом – это травянистый и низкий берег, потому что трава – притон мелкой рыбы и щук. Песчаный тоже ничего, хотя щуки тут почти никогда не встречаются. На песчаных местах попадаете больше мелочь. В местах каменистых ловят ночью наметом раков. Ловить их можно и при светлой воде, только непременно ночью. Места же ломистые совсем для ловли наметом не годятся.

В намет попадаете вообще мелочь; из крупных же рыб почти исключительно щуки. Редко-редко судак, налим. Лещ еще реже.

Бой щук острогой и стрельба ее во время нереста

Раннею весною, когда щука трется и подходит к берегам, ее в большом количестве бьют острогой, б. ч., впрочем, простые рыбаки. Для рыбаков-любителей эта охота слишком трудна и не может доставить такого удовольствия, как лучение осенью (иногда позднею весною) с лодки. Она требует большой сноровки, терпения и выносливости, так как нередко приходится бить в накидку, кидая острогу, как дротик, долго стоять, выжидая рыбу на удобное расстояние, и стоять притом в холодной воде. Острога для весеннего боя щук значительно отличается от остроги, употребляемой для лучения: ратовище ее много длиннее, достигает длины 2 и более сажен и должно соединять легкость с крепостью. Легкость снасти здесь – необходимое условие, а потому и самая острога делается из более тонкого железа; зубцов от семи до двенадцати, а ширина ее от 5 до 8 вершков. Заметив приближающуюся щуку или целую артель щук, т. е. самку, окруженную несколькими самцами (более тонкими и мелкими), рыболов выжидает их, держа острогу наготове, и, улучив удобный момент, вонзает ее в плывущих рыб, причем ему иногда удается зацепить сразу двух, даже трех. Если они плывут слишком далеко от него, на расстоянии 3–4 сажен, и острога не хватает до них, рыбак бросает в них острогой, выпуская ее из рук.

Гораздо удобнее в это время бить трущихся щук из ружья. Они плывут почти на поверхности воды, и попасть в них дробью, б. ч. на расстоянии 10–20 шагов, очень легко, если только не употреблять полных зарядов и целить под жабры. Это одна из самых веселых охот, и кому желательно поубавить количество щук в пруде, тому

можно посоветовать прибегнуть именно к стрельбе их во время нереста. Необходимо только иметь на всякий случай лодку поблизости.

Различные способы насаживания живцов

- 1) Острие крючка (обыкновенно одиночного) пропускают через ноздрю живца.
- 2) Живца задевают крючком (одиночным или двойным) за спину около спинного плавника так, чтобы живец, если поднять его на крючке, имел горизонтальное положение.
- 3) Продевают поводок сквозь рот и жабру живца так, чтобы крючок (двойной) торчал у него изо рта. Для того чтобы живец ходил естественнее, поводок иногда пропускают при помощи иглы под спинным плавником (рис. 41).
- 4) Протыкают (одиночным) крючком через рот, голову у глаза, не повреждая мозга.
- 5) Живцу вводят (посредством иглы) поводок в рот и выводят через задний проход; при некоторой сноровке можно это сделать не повреждая живца, который будет долго ходить (рис. 42). Способ этот в большом употреблении у рыбаков Оки, только о них обходятся при этом без иглы, которую заменяет сам поводок, сделанный из вдвое скрученной медной проволоки, в ушко которой вложена петля поводка.

Рис. 40. Через ноздрю

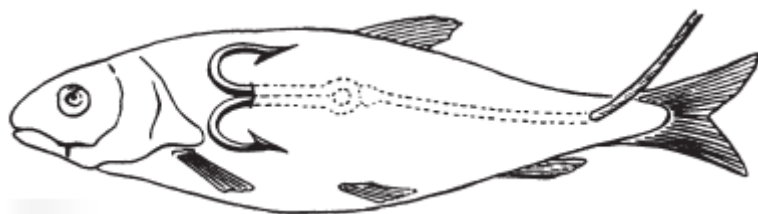

Рис. 41. Через рот и жабру

Рис. 42. Через рот и задний проход

6) Впускают в спину живца на $\frac{1}{8}$ вершка от головы и выводят у начала спинного плавника. Поводок протаскивается вслед за иглой и задерживается рожками крючка, которые совершенно плотно прилегают к спине живца, так что взявшая насадку рыба только тогда заметит присутствие крючка, когда он вонзится ей в горло или в желудок (рис. 44). Еще лучше продевать таким же образом двойной крючок, но уже сбоку (рис. 43).

сбоку

Рис. 43. Живец, прошитый

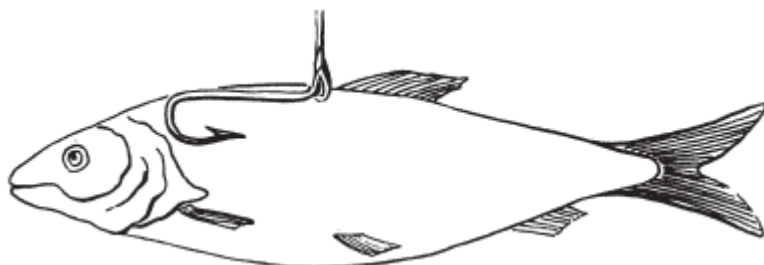

Рис. 44. Живец, прошитый за

спину

< br> При некотором навыке этим способом можно насаживать чрезвычайно быстро, повреждая притом живца так мало, что иногда он живет до трех суток.

При ловле хищной рыбы на жерлицы большей частью насаживают живца на одиночный крючок; при ужении же необходимо употреблять двойные крючки или же, еще лучше, тройные. Самая лучшая форма двойных крючков представлена на рис. 45 и 46, но, к сожалению, крючки эти встречаются у нас в продаже довольно редко. Тройные крючки (рис. 47, с укороченным поводком), или якорьки, бывают и с кольцами, и с опиленными стержнями.

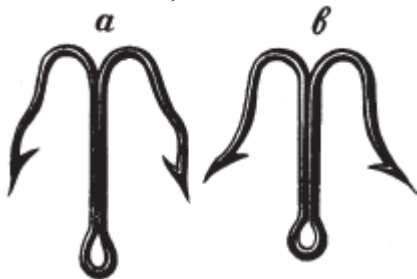

Рис. 45 и 46. Жерличные крючки

Рис. 47. Тройной крючок (якорек)

Способы насаживания живцов для немедленной подсечки

При обыкновенных способах всегда приходится выжидать некоторое время для того, чтобы дать хищнику, особенно щуке, время заглотать насадку. При ужении

щук, а также если они берут вяло и, подержав живца во рту, выплевывают его, гораздо удобнее снаряд, состоящий из тройного крючка (больше или меньше), привязанного к басковому поводку, и одиночного крючка, привязанного на расстоянии 1/8 или 1/4 вершка над тройным.

Одиночный крючок зацепляют за спинку живца, а тройной свободно висит сбоку (рис. 48 и 49).

Рис. 48. Якорек с добавочным крючком

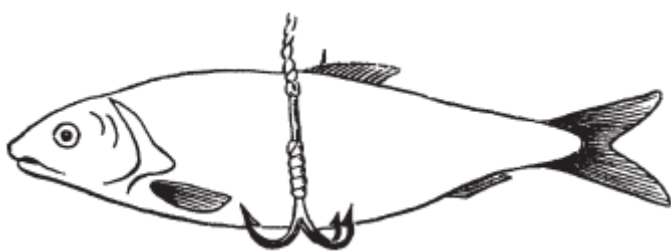

Рис. 49. Насаживание живца за спинку с якорьком, висящим сбоку

Но так как живцы при одинаковой длине имеют различную ширину (например, плотва и елец), то при одиночном крючке, привязанном наглухо, к баску, якорек висит то слишком высоко, то слишком низко. Для устранения этого неудобства предлагаются два способа:

1) берут одиночный крючок (лучше всего прямой, т. е. с жалом, не повернутым в сторону) и к стержню его припаивают две петельки из медной проволоки – одну вверху, другую ближе к сгибу (рис. 50, нижняя петелька не обозначена). Если крючок имеет лопаточку, то ее предварительно следует отломить и несколько опилить стержень, иначе, когда петли будут припаяны, он будет слишком толст. Кому лень паять, тот может привязать петли, крепко обмотав их вместе с стержнем хорошим шелком, который затем должно пролакировать. Петельки должны быть настолько широки, чтобы через них свободно проходила петля баска, к которому привязан якорек: при соблюдении этой предосторожности всегда можно без труда снять или надеть крючок. В нижнюю петлю крючка вдевается поводок, протаскивается сквозь нее до тех пор, пока между якорьком и крючком будет требуемое расстояние, обертывается раза 2 или 3 вокруг стержня крючка и пропускается в верхнюю петлю. Остается потянуть за концы баска выше и ниже крючка, обороты затянутся, и крючок будет совершенно неподвижен. Для передвижения его достаточно ослабить несколько обороты баска, которые снова затягиваются, когда крючок будет поставлен на требуемое место. Крючок должен быть достаточно толст, чтобы не сломаться в случае, если при подсечке вместо якорька он вонзится в рот щуки;

Рис. 50. Крючок с передвижным поводком

2) берут якорек, привязанный к басковому поводку, и вкладывают петлю последнего в ушко иголки, которою прокалывают спину живца поперек. Протасив иголю басок с якорьком так, чтобы последний стал на надлежащее место, игла опять вводится в живца, рядом с тем местом, где была введена первый раз, но выводится в самую средину спины так, что басок образует петлю, какая делается, чтобы завязать обыкновенный узел (рис. 51).

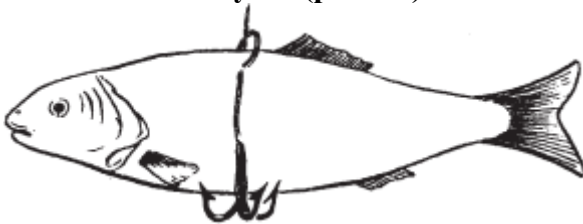

Рис. 51. Привязывание живцов

Этим способом можно при некоторой вычке насаживать очень быстро; но для этого необходимо, чтобы басок был не очень толстый и непременно мягкий. Это последнее свойство можно придать ему, обработав его хорошенько пальцами; процедура эта вернее всего может быть сравнена с приемом, который употребляют, когда хотят отстирать крепко въевшееся в ткань пятно.

Ужение щук весной с берега

В середине апреля кончается нерест щуки, после которого наступает для нее период жора, в продолжение которого щука жадно ест все, что только ей попадает. В это время щук надо искать в неглубоких затоках, около коряг, около берегов с небольшими заливами, над которыми нависли прибрежные деревья, в тихих и неглубоких заливах, особенно тех, берега которых покрыты прошлогоднею растительностью.

Удильник должен быть длинный и умеренно гибкий, лучше всего березовый.

Лесу можно употреблять волосяную, пеньковую или шелковую. Волосяная должна быть толстая, волос 12–18: если же в данной местности щуки очень крупны, то вместо более толстых лес волосяных лучше употреблять английскую бечевку или шелковую непромокаемую лесу из сырца.

Поводок делается из басовой скрипичной струны, которая должна быть возможно тонка и не короче 5-ти вершков. Так как струна покрыта посеребренной проволокой, то, чтобы сделать ее менее приметной и лишить блеска, нужно перед тем, как пустить в дело, положить на несколько минут в раствор сернистого калия, отчего она быстро чернеет. Можно также счищать серебро пемзой или мелким подпилком. Кроме басовых поводков, употребляют еще проволочные, но это можно допустить в крайности – при совершенной невозможности достать басок, так как проволока замедляет движение живца и держит его в совершенно неестественном положении.

Поводок соединяется с лесой обыкновенным способом, т. е. петля поводка продевается в петлю на конце лесы. Но для того чтобы живец, плавая, не закручивал

лесу (особенно шелковую), весьма полезно употреблять т. н. карабинчики. Различные формы их и способы скрепления их с поводком и лесой представлены на рис. 52 и 53.

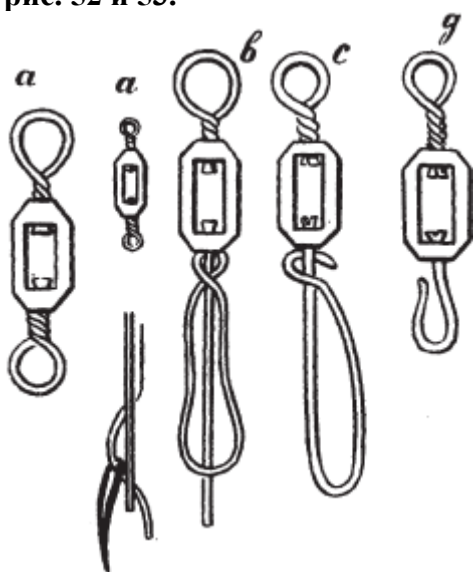

Рис. 52. Формы карабинчиков

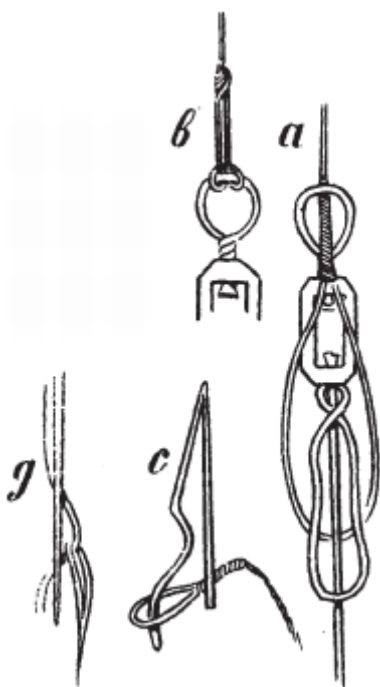

Рис. 53. Соединение карабинчика с лесой и поводком

Крючки употребляются предпочтительно двойные или тройные различной величины, смотря по надобности.

Поплавок делается б. ч. из пробки, грушевидной формы; он на воде устойчив и не позволяет живцу погружать его в воду.

Насадкою служит предпочтительно такая небольшая рыба, которая в воде более заметна, напр. плотичка, голавлик, подлещик, елец. Способы насаживания описаны выше, но при ужении лучше употреблять способы, назначенные для немедленной подсечки.

Насадку надо пускать неглубоко, приблизительно на половину расстояния между поверхностью воды и дном. Только в очень мелких местах можно пускать глубже.

Насадив живца, закидывают его без шума, притом опуская его в воду легко, а не ударяя по воде. Если поблизости есть щука, то она не замедлит явиться, что и будет замечено рыболовом по мгновенному исчезновению поплавка; подсекать и тащить

после поклевки не следует, так как щука имеет обыкновение, взявши насадку, проташить ее и затем уже заглатывать, так что когда после исчезновения поплавка будет замечено, что леса поведена в какую-либо сторону, то в то же время следует удильник сдать рыбе в том же направлении; иногда приходится сделать по берегу несколько шагов, прежде чем щука остановится. Когда леса перестанет резать своим движением воду, значит, щука остановилась, тогда наступил момент подсечки. Подсечка должна быть энергичная и не вверх, а в сторону; после подсечки нужно щуку тащить – это наиболее трудный момент ужения. Если щука порядочная, то, почувствовав во рту крючок, она начинает употреблять все усилия, чтобы освободиться от него. Главная задача в том, чтобы не начинать тащить до тех пор, пока рыба не завернута головой по направлению к берегу. Пока рыба не завернута, ей надо сдавать удильник, насколько это возможно. Сдавая удильник, мы спасаем снасть от возможной ломки и вместе с тем утомляем рыбу, которая вскоре сдастся и ходко подводится к берегу, где ее надо подхватить подсачником или руками под жабры. Если нет необходимости водить рыбу, то можно ее прямо подтаскивать к себе.

Ловля на жерлицы

Жерлица состоит из рогульки, на которую наматывается крест-накрест бечева с басковым или медным поводком и крючками на конце. Рогульки делаются из ивняка, жимолости, березы, можжевельника и т. п. и должны быть правильные, с довольно толстыми рожками, концы коих для защемления бечева раскалываются или же распиливаются неглубоко тонкой пилкой (лобзиком). Рогульки полезно окрашивать в темно-зеленый или коричневый цвет. Бечева всего лучше английская: толщина ее зависит от величины ловимой рыбы. Чтобы новая бечева не крутилась, ее следует вымочить в воде в продолжение 10–12 часов, затем вытянуть и просушить; еще лучше такую рассученную бечеву просмолить, как сказано выше. Длинною бечева делается от 10 до 20 арш. В корягах и узких местах реки лучше короткая, а в чистых и широких – длинная бечева. Петля на конце бечева должна быть настолько велика, чтобы сквозь нее проходила бы самая крупная щука.

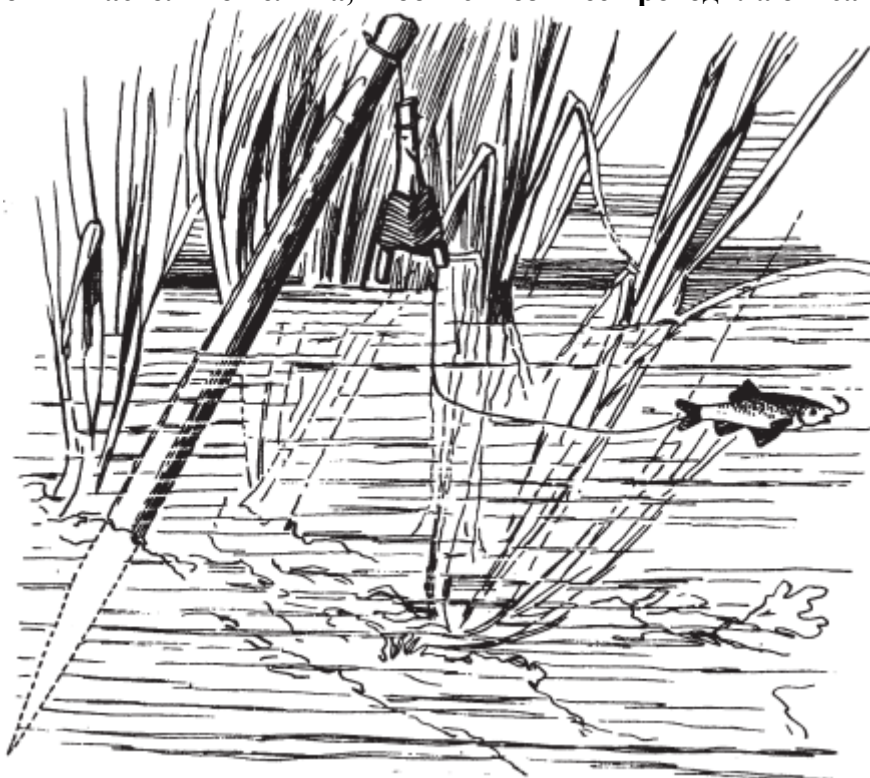

Рис. 54. Жерлица

Поводок делается из баска, т. е. из басовой гитарной струны, реже из медной проволоки [5 - В случае необходимости можно обойтись и без баска или проволоки; для этого надо рас*сensored*ть бечевку у крючка так, чтобы она имела вид пучка ниток.]; он должен быть в пол-аршина длины, тонкий и мягкий, для чего новый басок следует измять пальцами; с бечевой басок соединяется посредством петель, а также и с крючком, если он имеет кольцо. Крючок привязывается к баску или тонкой шелковинкой, или в крайности проволокой, спущенной немного с баска же. Крючки употребляются б. ч. двойные, называемые у торговцев жерличными или просто жерлицами (см. рис. 45 и 46). Для очень мелких живцов можно употреблять обыкновенные крючки из первых номеров.

Для поддержки жерлицы над водою служит довольно длинная палка, называемая обыкновенно шестиком. Шестиком может служить всякое дерево, следует только наблюдать, чтобы он не был очень тонок в верхнем конце и не слишком сух; нижний конец заостряется для втыкания в берег.

Жерлица ставится таким образом: к верхнему концу шестика посредством мертвой петли привязывается рогулька [6 - Лучше в верхнем конце рогульки просверлить шилом отверстие и в это отверстие продеть медную петлю, в которую и продевается конец бечевки, достаточный для привязки к шестику.], с которой бечева несколько спускается и затем защемляется в расколоте рожке. При этом надо наблюдать, чтобы бечева лег ко спускалась с рогульки. Шест ставится наклонно к воде, и крючок с живцом опускается в воду. Если желают сделать жерлицу незаметною, то шестик кладут совсем на воду. Живца насаживают различно, но всего лучше его пришивать (см. рис. 43 и 44). Опускать живца надо примерно на половину глубины места ловли или ближе ко дну (в мелком месте). За живцами, ходящими на жерлицах, надо иметь наблюдение, чтобы они не запутались в траве и были постоянно видны хищникам и бойко ходили; вялых и уснувших следует заменять свежими. Для живцов употребляют всякую рыбку, но всего лучше плотва, голавлик, подъязик, пескарь, карась и иногда окунь; всего хуже берет щука на ершей и линьков. Ставят жерлицы преимущественно на ночь и осматривают по утрам. Весною нужно ставить в местах средней глубины и тихих, летом возле трав и коряг, а к глубокой осени в местах открытых и широких. Если жерлица ставится в месте с быстрым течением, то к бечеве надо прикреплять грузило, дабы живцу легче было ходить в глубине. Для постановки жерлицы в местах, густо заросших травами, надо очистить косой прогалинку и вбить в дно кол, к которому привязать под прямым углом шестик аршина в два длины; рогулька должна приходиться над серединой очищенной прогалины. При этом необходимо обращать внимание, чтобы живец не был пущен слишком свободно: иначе он может запутаться в траве.

Жерлицей ловится разная хищная рыба, но больше всего щуки. На пескарей изредка попадают и голавли. Если жерлицу спустит при вас или видно, что рыба схватила недавно, то не следует торопиться вынимать, а надо дать хорошенько рыбе заглотать насадку. Для вытаскивания крупных рыб следует брать с собой сачок или багорчик. Если щука совсем заглотала крючок, так что его трудно вынуть, то снимают поводок, продев рыбу сквозь большую петлю на конце лесы.

В некоторых случаях, например когда у берега очень мелко, также полезно рогульку с легким шестиком привязывать к крепко вбитому в дно колу. Иногда, наоборот, гораздо удобнее привязывать рогульки к сучкам нависших над водою деревьев.

За границей употребляется следующий измененный способ ловли жерлицами, пользуясь которым можно ставить снасти в таких местах, где их, наверно, украли бы, будь они поставлены иначе. Прибор состоит из большого деревянного или пробкового усеченного конуса-поплавка, имеющего довольно большое сквозное

отверстие, параллельно его основанию. В этом отверстии накрепко укрепляются комли двух шестиков с рогульками; к более тонкому концу поплавок привязывается веревка с камнем, длина которой на пол-аршина или на аршин менее глубины воды, и прибор опускается в воду. При этом надо наблюдать, чтобы шестики были одинаковой длины и одинакового веса, иначе один из них будет перетягивать другой. Поплавок окрашивается в темно-зеленый или коричневый цвет, а верхняя площадка – в белый или красный, чтобы легче было увидеть поплавок под водою. На известном расстоянии от живца прикрепляется к бечеве грузило, достаточно тяжелое, чтобы живец не мог поднять его; грузило должно быть передвижное, всего лучше для этого просверленная ружейная пуля, укрепляемая на месте деревянным клинушкой. Расстояние между живцом и грузилом должно быть несколько меньше (хоть на полвершка) половины расстояния между концом удилища и насадкою. Это делается для того, чтобы живец, сохраняя известную свободу движений, необходимую для привлечения щуки, вместе с тем не мог бы, поднявшись выше удилища, запутать об него бечеву.

Ловля щук поставушами

В прудах и небольших озерах вместо описанных рогулек-жерлиц на шестиках гораздо удобнее и безопаснее употреблять кружки, или поставуши. Кружки эти делаются из пробковой коры и должны быть толщиною в палец, а диаметром около 3 вершков. В центре кружка провертывается буравчиком небольшое отверстие, в которое вставляется натуго палочка вышиною не более четверти. К основанию этой палочки привязывается более или менее толстая бечевка длиною в 5–10 сажень со свинцовым грузилом, баском и жерличным кружком; бечевка аккуратно наматывается на палочку до тех пор, пока не останется конец в аршин или более, смотря по глубине, на которой должен плавать живец, а чтобы этот последний не мог смотать бечевку, бечевка слегка защемляется в прорезку (а) наверху стойки. Щука, схватив живца, выдергивает из расщепления бечевку, опрокидывает кружок и разматывает веревку так же свободно, как с рогульки.

Рис. 55. Поставуша

В кружках, продающихся в магазинах рыболовных принадлежностей, палочки нет и бечевка наматывается на желобок, сделанный в обресе кружка. Такие кружки устойчивее описанных и менее подчинены ветру, но неудобны тем, что бечевка в желобе очень набухает и совершенно напрасно гниет. Поэтому всего лучше делать поставушу из двух кружков – меньшего, с глубоким желобом (на который наматывается бечевка), соединенного деревянными шпеньками с нижним – большим. Последний может быть вдвое тоньше верхнего. Некоторые охотники вместо расщепления (наверху палочки или сбоку кружка) посередине кружка сразу

провертывают шилом два отверстия, в которые из-под низу вставляется головная шпилька, в которую и пропускается конец бечевки. Для того же, чтобы бечевка не сматывалась от усилий живца, в край поставуши втыкается слегка обыкновенная булавка.

Для большей прочности кружки отполировываются и покрываются масляной краской (верхняя сторона – белой, другая – красной). В крайнем случае пробка может быть заменена каким-нибудь легким и сухим деревом.

Финляндский способ ловли щук на мертвую рыбку

Снасть, нужная при этом, самая простая и дешевая: 1) камень величиною с полкирпича, 2) сухая палка-поплавок длиной 2–2½ арш., 3) обыкновенная бечевка длиной 6–8 сажень, не особенно толстая, но крепкая и в 4) крючок (простой или двойной) на медном (или басковом) поводке не менее 6 вершк. дл. ины.

Ставят крючки с вечера вдоль береговых зарослей осоки и камыша на глубине 2–4 арш. и в некотором от них расстоянии (1 саж., напр.) следующим образом: на конец бечевы привязывается камень, кирпич, грузило – одним словом, что есть под рукой; измеряется глубина и навязывается палка-наплав. Чтоб бечева соскальзывала с поплавка, полезно сделать на конце его желобок для бечевы. Когда груз опущен и наплав плавает, рыболов едет, дальше опуская бечеву; свободный конец ее снабжен довольно большою глухою петлюю как для соединения с медным поводком крючка (имеющим такую же петлю), так равно и для того, чтобы легче снимать попадающуюся добычу, не вынимая из нее крючка, что иной раз бывает довольно трудно и всегда мешкотно.

Рыбка наживляется так: поводок крючка пропускают через рот по кишечному каналу и вынимают из заднего прохода; жало крючков прилегает плотно к бокам головы и мало заметно. Затем выпускают бечеву из рук, и рыбка опускается на дно с ама собою. Хищник (судак, щука или окунь), принимая приманку за мирно почившую от трудов денских рыбку, тихонько подкрадывается к ней и быстро глотает. Плавающая палка служит хорошею эластическою пружиною, отлично умеряя бешеные порывы попавшегося хищника, и предохраняет бечеву от разрыва.

Для ужения крючком в проточной воде снасть готовится несколько иначе. Груз берется немного потяжелее, и поплавок должен быть устойчивее озерного, т. е. течение не должно затягивать его под воду; кроме того, надевают на бечеву свободно по ней скользящее грузило – пулю (смотря по силе течения), и рыбка лежит на дне так же спокойно, как и в озере.

Для насадки употребляются большею частью плотва, окунь и даже ерш, но пригодна любая рыбешка, водящаяся в данной местности. Заметим, что финляндцы всегда употребляют медные крючки без бородки.

Вынимание крючков из пасти щуки

Если щука не заглотала крючка, что бывает чаще при ужении ее, реже при ловле на жерлицу, то самое простое средство высвободить крючок, если басок имеет достаточную крепость, следующее. Берут за поводок и держат пойманную щуку на весу. Щука обыкновенно разевает пасть и начинает сильно биться, причем б. ч. и соскакивает с крючка.

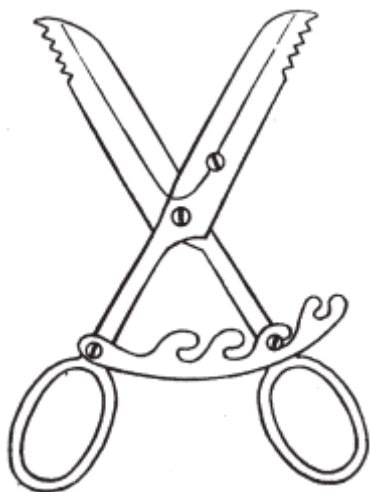

Рис. 56

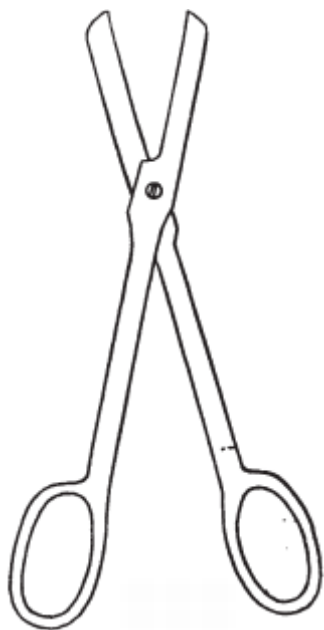

Рис. 57

Зевники

Если это средство не достигает цели, то берут щуку между ног, разжимают ей чем-нибудь пасть и просовывают туда т. н. вилочку – железный или стальной прутик около полуаршина длины, оканчивающийся развилиной. Этой развилиной отцепляют рога крючка и проворно его вытаскивают. Обыкновенно, чтобы заставить щуку разинуть пасть, достаточно бывает взять ее за глаза и крепко сдавить их. Иногда с этой целью вставляют ей в пасть деревянную распорку (или рогульку); за границей же употребляют особого рода инструменты, т. н. зевник и, имеющие сходство с ножницами или щипцами для завивки волос и иногда снабженные предохранительной распоркой. Двойные и тройные крючки удобнее вытаскивать (палочкой или вилочкой, иногда и пальцами) через жабры, а затем снять с поводка (если поводок и леса соединены глухими петлями) или отвязать от него лесу (если она привязана к поводку). Если крючок (в особенности же якорек) глубоко заглотан и не поддается никаким средствам или, наконец, рыболову желательно сохранить щуку живою более продолжительное время и имеются запасные крючки, то лучше всего снять поводок, продев пойманную рыбу в большую петлю на конце лесе; если же этой петли нет, то леску у поводка отвязывают и крючок вынимают дома при потрошении рыбы.

Рыбачья беседка

Если рыбачья лодка служит для рыбака-охотника временным пристанищем, походным экипажем, на котором он делает набег на рыбу, обозом для перевозки его оружия в места рыбные, то рыбачья беседка есть место его постоянного пребывания, крепость, из которой предпринимаются походы, центральный склад оружия.

Нарочно строить беседку – обойдется дорого, но если бы кто из рыбаков-охотников вздумал построить прочную купальню, то было бы грешно не приспособить ее к ловле рыбы.

Питаясь организмами и органическими частями, рыба постоянно жмет к дереву и к древесным остаткам, попавшим в воду. Этим объясняется ее постоянное присутствие около мостовых свай, плавающих мостов, плотов, барок, купален и проч., и проч.; за мелкою рыбою идет крупная, ею питающаяся, и купальня, таким образом, служит постоянною приманкою для всякого рода рыбы, ее излюбленным местом.

Для приспособления обыкновенной купальни к исправлению должности рыбачьей беседки требуются нижеследующие условия.

Сруб купальни должен быть составлен из нескольких ярусов друг над другом лежащих бревен, прочно скрепленных друг с другом. Бревна располагаются преимущественно по краям сруба и ящика, чем достигается, во-первых, сбережение материала, во-вторых, большая высота надводной части сруба и сухость пола беседки даже при большом нагружении и, в-третьих, возможность для рыбы проходить в промежутки между бревнами сруба.

Ящик купальни должен быть сквозной, т. е. с решетчатыми стенками, чтобы рыба входила в него беспрепятственно.

Кругом беседки, в которой помещается купальня, должен быть наружный ход, чтобы можно было удить снаружи беседки, что весьма важно в особенности для установки жерлиц и других снарядов.

Такой же ход должен быть внутри беседки, вокруг ящика для купальни, для установки на нем скамеек для сидения, материалов и припасов и для уженья рыбы внутри беседки в самом ящике.

Часть ящика должна быть отгорожена для постоянного садка для хранения пойманной рыбы. Садок делится на два отделения: 1-е для крупных хищных рыб и 2-е для мелких рыб, живцов.

В ящик, сверх того, для привлечения рыбы ставится привада, т. е. опускается на дно худой мешок или кулек с хлебом, хлебными распаренными зернами и прочею рыбьею пищею.

Наконец, для правильного наблюдения за ловом рыбы в зависимости от состояния воды и погоды близ беседки в дно озера или реки вбивается шест с делениями, измеряющий прибыль и убыль воды, и на вершине беседки устроен флюгер со стрелкою, ходящею по кругу, на котором обозначены страны света для определения направления ветров.

Весенняя ловля налимов

Начинается эта ловля, как только река пойдет на убыль, и продолжается до той поры, пока вода совершенно войдет в берега и сделается чистой, прозрачной.

Для весенней ловли налима на Москве-реке употребляют обыкновенно шестиволосные лески, белые. Длина всей лески от 7 до 10 аршин; к концу ее привязывается буйволос волос длиною в пол-аршина; около узла, связывающего волос с лескою, насаживается свинцовое грузило, величиною с обыкновенный орех, а к концу волоса привязывается крючок № 5. Совсем приготовленную леску привязывают на средней длины можжевелевый удильник, не толстый, ровный,

насколько нужно гибкий, т. е. чувствительный. Удят на 10–15 удочек.

На налима нужно ставить удочки с вечера и сидеть в ночь: днем он не берет. Места ловли – ямы с илистым дном, покрытым камнями и коряжинами, корнями деревьев. Выбрав по реке место, надо подъехать на лодке и, повернув ее поперек течения воды, спустить на дно привязанные на веревках камни, один с одного, другой с другого конца лодки, чтобы ее не относило водой; но лучше, если над ямой или неподалеку от нее стоят плоты, на которых удобнее можно расположиться, чем на лодке. Расставляют удочки одна от другой на расстоянии полутора аршина; насаживают на крючки земляных червей, крупных – по одному, мелких – по два, продевая каждого крючком в голову, так, чтобы он вышел наружу; потом на расстоянии примерно четверти вершка продевают крючок уже в тело червя и т. д. до самого хвоста. Насадив червя, леску кидают в воду подальше от себя, а удильник втыкают между жгутов, которыми связаны бревна, а если на лодке, то пристраивают их у борта так, чтобы рыба не могла вырвать удильник и утащить его в воду.

Расставив удочки, нужно подождать с час или два и потом осмотреть их – не нанесло ли водою травы, не объеден ли червь и не попал ли налим; траву следует снять, червя оправить, объеденных подсадить и кинуть лески опять в воду; если попал налим, то, разумеется, подвести его и вынуть сачком; рыба эта идет на леске без сопротивления, но нужно быть осторожным, когда вынешь, и не брать его руками за тело: он чрезвычайно склизок в руках и увертлив. Всего лучше брать его левой рукою под жабры, а правой вынимать крючок; при этом, если он заглотал далеко внутрь, тогда лучше не вынимать, а отрезать крючок, оставляя его в рыбе, потому что рыба эта очень нежна и, вынимая крючок, ее при всей осторожности придется замять, отчего она скоро заснет. Пойманного налима нужно посадить в садок, а удочку снова поставить как следует; если налим возьмет в то время, когда подходишь к удочке, тогда нужно осторожно взять удильник в руки и держать, пока налим достаточно заглотает червя, что можно чувствовать в руке: когда он заглотал червя, то идет прочь, отчего леска натягивается и дергает удильник; в это время нужно подсекать, дернув слегка удильник на себя; это не мешает делать и над тем, который подсечется сам.

Для этой весенней ловли охотнику нужно брать с собою фонарик, так как ночи в это время еще очень темные.

Сохранение пойманной рыбы

Для этого употребляются: 1) ведро, 2) кружок или сетчатый мешок, 3) корзины и 4) кукан.

Ведро может быть жестяное, железное или деревянное. Удобства его заключаются в том, что рыба (мелкая) может быть перенесена живою на довольно большое расстояние; неудобства – его громоздкость и тяжесть и необходимость часто менять воду, что сопряжено с большой возней и риском выпустить рыбу. Кроме того, крупная рыба в ведре не помещается. Лучше всего сохраняется рыба в деревянных ведрах, особенно дубовых, разумеется не новых. Жестяные и железные скоро нагреваются и, кроме того, ржавеют. Менять воду надо, прикрывая ведро сачком, но лучше, если в дне или немного повыше дна сделано небольшое отверстие со втулкой, так как тогда можно переменить воду, не погружая всего ведра.

Кружком называют сетчатый мешок, натянутый на три обруча, из коих два одинаковой величины, а третий гораздо уже – вершка 3–5 в поперечнике; к глухому концу кружка, то есть к его дну, привязывают камень или свинцовый конус в 1/4 фунта весом, чтобы было удобнее погружать его в воду. Сохранять в нем пойманную рыбу живою можно только при ужении с лодки; при ужении же с берега

он далеко не так удобен, так как, меняя место, каждый раз приходится вынимать его из воды. Кроме того, в кружок нельзя сажать щук, которые в короткое время прогрызают сетку. Сетка кружка скоро гнивает и вообще при вытаскивании не выдерживает большого количества рыбы. Кружок иногда заменяется простою длинною, более или менее частою сеткою в виде мешка.

Корзины, или сажалки, для хранения рыбы обыкновенно имеют форму бочонка с ушками и небольшой крышечкой посредине, как у бочек, или четырехугольной корзины с ручкой и крышечкой наверху в половину длины. Делаются эти корзины б. ч. из ивняковых прутьев. Чем чаще сплетены они, тем лучше, потому что при переездах на лодке рыбу в сажалке не забивает водой и нет надобности предварительно вытаскивать корзину из воды, подобно кружку. При переносе корзины с одного места на другое или перед возвращением домой пойманную рыбу перекладывают в ней мокрой травой. Самые удобные рыболовные корзины – английские косые для ношения через плечо, но они стоят у нас очень дорого (от 3 рублей).

Рис. 58. Кружок

Кукан употребляется преимущественно для крупной рыбы. Это не очень длинная (2–3 арш. и больше), но крепкая бечевка, б. ч. с длинным (около аршина) поводком из самого толстого баска или, лучше, медной проволоки, который привязан к середине 4–6-вершковой палочки. Палочка эта просовывается через пасть рыбы и вытаскивается из-под жабры. Рыба не может, таким образом, сойти с бечевки, не может и перекусить бечевку, если это, напр., щука или сом. На один кукан можно нанизать подряд несколько рыб, но лучше каждую крупную рыбу держать на отдельном кукане. Имея бечевку, нож и прутья под руками, это сделать нетрудно. За неимением баска или проволоки можно совершенно рас*ensored*ть конец бечевки на отдельные пряди и нити, которые застревают между зубами хищника (щуки п преимущественно) и не позволяют ему совсем перерезать бечевку. На такие рассученные бечевки простые рыбаки нередко также ловят щук на жерлицы и удочки за неимением басков и медной проволоки. Если дно не очень иловато, то

рыба на кукуане должна касаться дна, дабы она не так уставала, но при ужении с лодки кукуан по необходимости опускается не глубже аршина от поверхности. При ловле с берега, мостов и плотов кукуан привязывается не очень близко от места лова или поставленной донной удочки, но во избежание разных случайностей на виду у рыболова.

Совет рыболовам-гастрономам

Большинство рыболовов предпочитают сохранять пойманную рыбу живой в сажалках и т. п., но так как во всяком случае рыба в них изнуруется, делается полусонной и вялой и засыпает дорогою при возвращении домой, то мясо такой рыбы делается уже дряблым и не может иметь настоящего вкуса. Во избежание этого всего лучше убивать рыбу, как только она будет поймана, для чего достаточно ударить ее по голове чем-нибудь тупым и затем спустить кровь, сделав ножом несколько разрезов на жабрах; еще лучше разрезать ей позвоночный столб у самого хвостового плавника вдоль.

То же самое надо делать с живой рыбой, купленной немедленно при принесении ее на кухню. Обыкновенно же наши кухарки и даже повара оставляют ее плавать в лоханке или окоренке, пока она не уснет. Кто гонится за вкусом рыбы, тот должен принять за правило: никогда не класть рыбу на погреб, прежде чем из нее будут вынуты внутренности.

Май

Рыболовные приметы

Для рыболова очень важно знать, может ли он при известных условиях погоды, ветра и т. п. рассчитывать на успешный лов. Приметы эти действительно существуют, но о них известно очень мало, так как они в большинстве случаев составляют достояние простых рыбаков, десятки лет ловящих рыбу в одной и той же местности. Они и различаются по местностям, и то, что несомненно для известного района или реки, то в другом месте или другой части реки может оказаться совершенно неверным. А потому всего практичнее разузнать об этих местных приметах от старых рыбаков, которые хотя не покажут своих излюбленных мест, но охотно поделятся своими выведенными из долголетней рыболовной практики наблюдениями, нередко с примесью суеверия.

Несомненно одно, что большая часть рыб кормится, а следовательно, и берет на удочку периодически. После периода жора, продолжающегося около недели, рыба как бы отдыхает значительно больше времени, и если берет, то очень редко, вяло и неохотно. Периоды эти для разной рыбы различны, и б. ч. бывает так, что хищная берет именно тогда, когда нехищная западает. Самый лучший клев бывает обыкновенно вскоре спустя несколько дней после нереста, потому знание этого времени очень важно, и необходимо тщательно следить за ним, хотя бы через расспросы. Замечено, что трение рыб чаще всего происходит в конце последней четверти и в начале молодого месяца. Фазы луны, несомненно, имеют очень сильное влияние на жизнь рыб, но это влияние никак нельзя подвести под общее правило. В одних местах рыба на молодой месяц перестает есть и начинает брать только, когда «молодик остоится», т. е. в 1-й четверти, лучше всего клюет в полнолуние и перестает на ущерб; в других местах, но, кажется, реже, напротив – рыба хорошо берет на молодую и вовсе перестает брать в полнолуние.

Влияние луны на клев рыбы несколько затемняется другими ближайшими

метеорологическими условиями: состоянием погоды, направлением ветра, наконец, прибылью воды от дождей. Самый лучший клев бывает в ясное, тихое, несколько прохладное утро с небольшим туманом. В продолжительно ненастную погоду рыба перестает брать иногда за день, за два до ее начала, почему рыболову не мешает справляться с барометром. В сильный северный, восточный и северо-восточный ветер рыба также не клюет, но щуки, напротив, в такой ветер часто очень жадно хватают насадку, быть может потому, что вся белая рыба прячется тогда в глубину и другие укромные места и не гуляет. Это правило вполне верно, однако только для проточных прудов и озер, в реках же большее значение имеет сильный ветер, дующий против течения. Тогда вся рыба укрывается в заводях и стоит там спокойно, не думая о пище. Исключение составляют, кажется, лишь лещи и густера, почему часто говорят, что буря выбивает со дна лещей. Сильный погонный ветер, т. е. дующий по течению, также не благоприятствует клеву. Малейшая прибыль воды, не говоря уже о паводке, немедленно сказывается ослаблением и даже совершенным прекращением клева. Надо полагать, впрочем, что это зависит от того, что с прибылью воды связано увеличение количества питательных веществ в реке.

Весьма желательно, чтобы образованные рыболовы-любители обратили внимание на эти различные приметы, проверили и дополнили бы их своими наблюдениями и замечаниями простых рыбаков.

< br>

Приготовление и расчистка мест для ужения

Настоящий рыболов-охотник непременно должен иметь там, где ему всего чаще приходится ловить, 2–3 или даже более расчищенных и прикормленных мест, где бы он не рисковал беспрестанными зацепами и мог вытаскивать не одну мелочь. Для этого еще с весны перед началом уженья в реках, как только вода войдет в берега, он должен прежде всего внимательно исследовать свои прошлогодние места, происшедшие в них изменения, расчистить их, т. е. вытащить на расстоянии 3 или более (при ловле на донную) сажен от сиденья полукругом все нанесенные коряги, траву и все подводные предметы, за которые можно зацепить удочкой. Нелишнее устроить себе (или подновить) удобное место для сидения или, еще лучше, мостик со скамейкой. В сильно заросших местах на прудах делают более или менее значительные окошки или прогалины, стараясь выдергивать траву с корнем. Точно так же и при уженьи с лодки необходимо, насколько возможно, расчистить район уженья. Можно быть уверенным, что все эти хлопоты вознаграждаются удачею ловли, особенно если место к тому же прикормлено.

Вытаскивание крупной рыбы

Если попалась такая крупная рыба, что ее нельзя вытащить (на берег или в лодку), не рискуя оборвать леску или сломать удище, то ее необходимо предварительно утомить и потом уже вытащить руками под жабры или подсачить или же подбагрить. Рыбу утомляют тем, что водят ее на кругах, но это удобно только при хорошем и достаточно длинном удище и когда леса не более как в полтора раза длиннее последнего. Обыкновенно рыба, вытянув леску, сама повертывает в другую сторону, но иногда приходится самому заворачивать рыбу, однако не иначе как под острым углом к принятому ею направлению. Во всяком случае леса должна быть всегда натянута и не должна составлять с удильником очень тупого угла: чем угол этот ближе к прямому (что возможно при длинных удищах), тем лучше. Если ловят с лодки на короткие удища и длинные лески, то, поведив немного рыбу, чтобы упругостью удильника несколько обессилить ее, перехватывают понемногу лесу, держа ее непременно на слаби, чтобы при первом же быстром и сильном

порыве рыбы леса сама бы выскользнула из рук охотника. При ловле с плоского берега или плотов на донные удочки с крепкими лесами можно уже совсем утомленную рыбу вытаскивать на удильнике волоком на берег, возможно дальше от воды. Но, если это удобно, лучше совсем уже измученную рыбу подвести к берегу или лодке, взять ее руками под жабры и быстрым движением выбросить в лодку или на берег. Щук при ловле с лодки следует брать за глаза, сильно сдавив их пальцами.

Настоящий рыбак всегда должен иметь с собою сачок, а если может попасть очень крупная рыба или место не позволяет действовать сачком (в кустах, на мелких местах и пр.), то и багор. Сачок полезен еще тем, что при нем нет уже надобности вываживать рыбу до совершенного утомления и ее можно до некоторой степени форсировать. Хороший сачок должен быть широк, глубок и малозаметен; насаживается он на довольно длинную (11/2–2 аршина и более) и крепкую палку. Наводить сачок на рыбу лучше не с хвоста, а с головы; с хвоста удобно подсачивать обыкновенно только совершенно выбившуюся из сил и остановившуюся рыбу. Когда же рыба еще тянет леску и на ходу, то, если ловко и быстро подвести сачок, она не успеет повернуться назад и попадет в сеть по инерции. Подведя сачок, следует возможно быстро поднять его вверх вместе с рыбой, которая ложится в сетку и уже не может из нее выскочить. При ловле вдвоем или в компании иногда бывает удобнее одному вываживать рыбу и вызывать ее на поверхность или к берегу, а другому подсачивать. Багром (большой крюк с зазубриной или без нее, насаженный или навинченный на палку) рыбу подхватывают за жабры или под живот около жабр. (См. также «Щучий топор»)

Ловля и добывание больших земляных червей

Большой земляной червь (*Lumbricus terrestris*), называемый местами выползком (также глистой, глистовкой, буртылем, росником, дождевиком), составляет, как известно, одну из лучших насадок для ловли крупной нехищной рыбы. Достигает он величины 4–5 вершков и почти мизинца толщины; живет в жирной, хорошо обработанной почве в садах и огородах, обыкновенно довольно глубоко, и выходит из нор на поверхность земли только по ночам, по росе или после большого дождя. Присутствие его легко узнается по многочисленным, довольно большим отверстиям в земле, кучкам выброшенной земли (и извержений); в норах часто торчат листья, которыми они как бы затыкают ее отверстие. Доставать этих червей довольно трудно, так как норы их очень глубоки и при выкапывании они уходят на аршин и более от поверхности. Поэтому их большею частью ловят по ночам. Особенно удачна бывает эта ловля после сильного дождя на садовых, очень тенистых и сырых дорожках, в канавах или между грядками. Рыболов, вооружившись фонарем и посудой для собирания туда червей (жестянкой, горшком), отправляется вечером на такие места. При свете огня он увидит множество червей, почти совсем выползших из своих нор, и ему остается, подкравшись без шума, схватить червяка как можно ближе к хвосту, т. е. к норе, и проворно вытащить. Если тащить червя близко к голове, то он так уцепится своим шероховатым хвостом за стены норки, что его скорее разорвешь, чем вытащишь.

Когда стоит очень сухая погода и черви не выходят на поверхность, поступают следующим образом: выбрав место, где хотят собирать червей, в сумерки хорошенько поливают его и вечером вытаскивают их, как сказано выше. Можно также выбранное место прикрыть соломой, которую тоже поливают. В этом случае червей можно выбирать из-под соломы и днем. Как говорят, нетрудно немедленно вызвать червей на поверхность в самую сухую погоду, если лить там, где много их норок, соленую воду.

По замечанию рыболовов, рыба лучше всего берет на молодого червя, не

имеющего узла (утолщения в виде кольца на передней части тела).

Способы хранения червей

Накопанных или наловленных червей нетрудно сохранить довольно продолжительное время. Нужно только иметь достаточное количество деревянных ящичков (с крышками и без щелей) и хороший запас мягкого мху. Положив в ящик (или глиняный горшок) несколько слоев мху, пускают туда червей; мох ежедневно смачивается слегка (по каплям) молоком с медом или несоленым бульоном, а больные и мертвые черви выбрасываются – вот весь уход, который отнимает в день четверть или полчаса. Мох нужно менять раз в неделю, так как это способствует сохранению червей, в жаркое время и чаще. Если же доставать мох трудно, то можно ограничиться его промыванием. Ящички следует ставить в сырое и прохладное место: в погреб, под балкон или крыльцо. Больные черви узнаются по тому, что узел у них распухает и они вытягиваются и почти теряют способность к сокращению.

Можно также сохранять червей следующим образом: берут мешочную холстину, предварительно начисто моют ее и, обмакнув в несоленый говяжий бульон, немного выжимают. Затем в этот холст завертывают червей и кладут в глиняный горшок. Холстину надо мочить через каждые 12 часов, а горшок держать в холодном и сыром месте. Таким образом можно сохранять червей в продолжение месяца.

Никогда не следует сохранять запасных червей в жестянках: они всегда ржавеют, и черви поэтому живут в них недолго, особенно если в крышке нет отверстий.

Очищение свежепойманных червей

Настоящий рыболлов не станет ловить на только что вырытых червей, а даст им вылежаться суток двое или по крайней мере одну ночь. Это делается ради того, что рыба много охотнее берет на червя, уже очистившегося от своих извержений, вероятно потому, что всегда находит их уже пролежавших несколько времени в воде и тем самым очистившихся. Кроме того, очищенный червь не так нежен, делается более красным (особенно обыкновенный коричневый), крепче сидит на крючке и не пачкает рук. В крайности можно осторожно выдавить из червя всю черную дрянь, но лучшее средство очищения червей – положить их на ночь в конопляное масло. Средство это кроме быстроты имеет то преимущество перед обычным способом очищения (2–3-дневным содержанием в ящичках или горшках), что конопляное масло, привлекая рыбу своим запахом, в свою очередь, служит приманкой рыбы. Масло это можно заменить льняным, прованским, вероятно, и другими.

Для того чтобы обыкновенный серо-коричневый земляной червь сделался красным и рыба охотнее бы брала на него, английские рыболловы советуют поступать следующим образом. Когда черви уже полежат дня два в сыром мху и очистятся от земли, которою они обыкновенно наполнены, их кладут на свежий мох, смоченный водою с медом и посыпанный тертым кирпичом, или, еще лучше, порошком краски, известной в продаже под названием «красный бол». Черви, проползая через мох, вбирают в себя частицы красного порошка, которым он посыпан, и становятся ярко-красными. Конечно, для этого необходимо повторить описанную операцию несколько раз.

Различные способы насаживания червей

Земляной, красный и навозный черви обыкновенно насаживаются с головы, так что закрывается весь крючок; хвостик пускается длиннее или короче, смотря по рыбе и клеву.

Большой земляной червь (выползок) насаживается таким же способом, но если крючок мал или рыба отъедает хвостик, то лучше всего насаживать его, прокалывая несколько раз поперек и скрывая острие крючка в хвостике (рис. 59). Иногда, если рыба очень осторожна, выползка насаживают на небольшой крючок, задевая червя посередине или продевая крючок в голову (рис. 60 и 61).

Если рыба берет плохо и объедает хвостик червя, то его (выползка и др.) хорошо насаживать кренделем. Жало крючка вводится в середину глисты по направлению от головки к хвосту, и глиста надвигается на крючок, пока расстояние между жалом последнего и концом ее хвостика не сократится до полдюйма. Тогда жало выводится наружу и вводится в другую половину глисты на расстоянии полдюйма от конца головки.

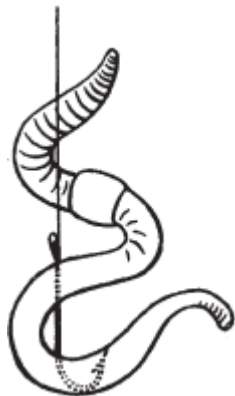

Рис. 59

Рис. 60

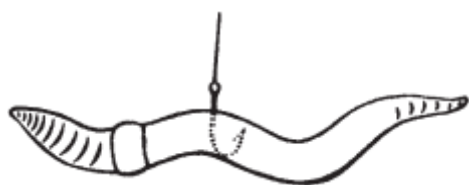

Рис. 61

Для ужения крупной нехищной рыбы насаживают целую кучу червей (б. ч. красных). Способы насаживания кучей следующие:

- 1) Несколько червей прокалывают поперек и в одном из хвостиков или головок прячут острие крючка.
- 2) Черви прокалываются посередине и затем около хвостиков и головок, так что получается комочек, из которого торчат головы и хвосты.
- 3) Черви прокалываются около головы так, что они оказываются нанизанными на крючок, как ключи на колечко; жало прячется в одном из червей.

4) Если крупная рыба берет вяло и только объедает головки и хвостики, то насаживают два червя, прокалывая их вместе, – сперва около головки, потом еще несколько раз поперек тела, а жало прячется кучею.

5) При ужении крупной и жадной рыбы иногда удобно пользоваться небольшим двойным или тройным крючком, на который насаживается целый клубок червей.

Хранение насадок

Для ношения различных насадок во время ужения употребляются различные мешочки, кружечки, коробочки и т. д.

На прилагаемых рисунках (рис. 63 и 64) изображены жестяные кружечка и коробочка для земляных червей, опарышей и т. д.; удобнее всего кружечка, которая носится на шнурке через плечо и потому всегда находится под рукою. Вместо нее многие охотники употребляют довольно глубокий мешочек из фланели или плотной холстины, с отверстием, свободно пропускающим руку; он снабжен петелькою, которою пристегивается к пуговице или поясу, и завязывается отдельною тесемочкою, пришитою к нему, а не вздернутой, как это обыкновенно делается. Чтобы черви лучше сохранялись, в мешок кладут клочок влажного мху; если приходится брать с собою большое количество червей или опарышей, то следует часть их отложить в отдельный мешок, который кладут в корзину, чтобы они меньше терпели от жара, толчков при ходьбе, прикосновения рук, когда достают их и т. п. При очень сильных жарах коробку с червями обматывают постоянно смачиваемой тряпичей.

Никогда не следует держать опарышей (личинок больших мух) вместе с земляными червями.

Мотыля держат в влажной чистой тряпке, которую свертывают блинком. В жаркое время эту тряпицу тоже кладут в жестяную коробку и обертывают мокрым полотенцем.

Для хранения мух делают очень удобные коробочки с дырками и задвижным отверстием, через которое не может выйти более одной мухи зараз; подобные же коробочки (а иногда корзиночки с крышкою) делают для прочих насекомых.

Тесто и хлебный мякиш лучше всего сохранять в тряпке, пропитанной прованским или каким-нибудь другим маслом; завернув тесто в тряпку, его кладут в жестяную коробку, чтобы не пачкать корзину или сумку.

Для сохранения мелкой рыбы, назначенной служить насадкою при ужении с берега, удобнее всего дубовое ведро. Для состоятельных рыболовов можно посоветовать более легкое ведерочко английского образца (рис. 62 и 65), особенно изображенное на рис. 65, которое вогнуто с одной стороны, почему его очень удобно носить на ремне через плечо.

Рис. 62. Ведерко для живцов

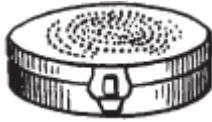

Рис. 63. Коробка для червей

Рис. 64. Кружечка для червей

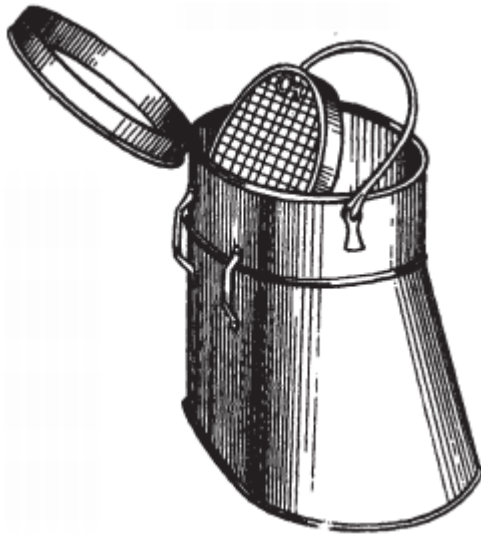

Рис. 65. Английское ведерочко для живцов

Для того чтобы живцы дольше оставались живыми, очень полезно изредка продувать воду для возобновления в ней воздуха. Всего удобнее для этой цели гуттаперчевая трубка, но она может быть заменена любой трубочкой из тростника, камыша и т. д. Чем уже отверстие на свободном конце трубки, тем лучше. Следует дуть непременно частыми толчками, ежесекундно переводя дух.

Как отцеплять задевший крючок

Если крючок задел за какой-нибудь подводный предмет, то прежде всего необходимо осторожно подергать лесу в разные стороны; затем если это не действует, то более или менее сильно, смотря по крепости лески, тащат ее к себе на удилице или руками (если она очень крепка или же удят на короткий удильник). Если крючок засел слабо или задел за небольшой сук, за камень, неровность дна или не очень крепкую траву, то он обыкновенно высвобождается один или вместе с задевом. При ужении с лодки большею частью крючок отцепляется, если под ъехать к месту задева и подергать леску вертикально или, еще лучше, наискось, но с другой стороны, или выдернуть траву, за которую зацепило. На неглубоких местах крючок можно нередко отцепить веслом или багром. Если же все эти средства не помогают, то необходимо прибегнуть к помощи отцепки. Отцепка – это железное, медное или – самое лучшее – свинцовое кольцо весом в фунт или больше, которое привязывается к крепкой бечеве (рис. 37 и 38). Диаметр кольца должен быть не менее $3/4$ вершка, так чтобы оно свободно пропусклось через самый крупный поплавок. Отцеп этот

надевают на удилище (с комля), наклоняют последнее, и кольцо, сбежав по нему и по лесе до задева, своею тяжестью отцепляет крючок. Еще лучше, если отцеп снабжен зубцами, особенно для ужения без поплавок (зубцы за него иногда задевают), так как на крепкой бечевке при помощи такого отцепа можно, если крючок не отцепляется, вытащить и очень большую зацепу-корягу. Если крючок все-таки не отцепляется или нечем его отцепить, то остается оторвать лесу как можно длиннее; летом в крайнем случае (если нет больше крючков) можно раздеться и освободить крючок. Вот именно, ввиду возможности задева, но более всего возможности взятия насадки очень крупной рыбой, никогда не следует ловить на лески, имеющие несоразмерно крепкий поводок. Поводок, вообще последнее звено лесе, должен быть непременно немного слабее лесе, иначе можно лишиться всей лесе, а не одного поводка с крючком.

У аккуратного рыболова, ловящего на одних и тех же местах, задевов не должно быть, так как эти места должны быть им предварительно расчищены.

Ловля щук в прудах с заросшим мелким берегом

В таких местах ставить жерлицы и т. н. кружки неудобно (кроме того, последние требуют непременно лодки), и поэтому всего лучше ловить здесь щук по т. н. измайловскому способу, практикуемому на Измайловском пруду под Москвой, а также и на других прудах. Способ этот удобен еще тем, что при нем нет особенной необходимости брать с собою удилища и шестики. Производится он следующим образом: заготавливается несколько бечевочных (лучше шелковых, скрученных из 2–3 шнурков сырца тройника) лес аршин в 40–50 длины, которые просмаливаются или покрываются непромокаемым составом по описанному уже способу. К этим лесам привязываются на более или менее толстых басковых поводках двойные крючки, а на известном расстоянии (большею частью так, чтобы живец ходил вполводы) прикрепляется большой (не менее 3 вершков) тяжелый поплавок (обыкновенным способом, т. е. концы поплавок захлестываются 2–3 мертвыми петлям и) из березового или ольхового дерева, имеющий форму сложенных конусов. Поплавки эти полезно пропитывать в несколько приемов в вареном льняном масле, пока не образуется на них корка, делающая их непромокаемыми, а затем окрашивать их масляной краской. Такие полавки достаточно тяжелы, устойчивы, нелегко поддаются ветру, движениям живца и тяге лесе к берегу, и их можно забрасывать очень далеко от берега без очень тяжелого грузила. Для того же, чтоб лесе не очень скручивалась (особенно когда она еще не обдержалась) и не позволяла живцу при легком грузиле запутаться, на расстоянии около аршина от большого поплавок на лесу надевается и закрепляется небольшой пробочный поплавок, внутри просверленный. Перед забрасыванием живца свободный конец лесе к чему-нибудь прикрепляется (к кольшку, ветке и т. п.) и укладывается на берег кольцами; нижняя часть ее с живцом слегка наматывается на нижнюю половину поплавок, живец прижимается к поплавку и кидается в известное, намеченное место. Намотанная нижняя часть лесе сматывается тяжестью и усилиями живца, и поплавок принимает вертикальное положение.

Щучий топор

Щучий топор состоит из 3–4 зубцов в три вершка длиною, вколоченных в увесистую березовую рукоятку аршинной длины. Орудие это употребляется рыбаками Вологодской губ. при ловле щук на подольники, небольшие переметы, которые ставятся не поперек, а вдоль реки, ближе к берегу и на тихих плесах. Особенно хорошо садится на них щука около заводей, под мысами, на спокойном

течении. Когда поповшаяся большая щука утомится, рыбак подводит ее к борту и, осторожно приподнимая на подольнике левою рукою голову щуки, изо всех сил вонзает в нее правую рукою шучий топор. Острые зубцы, снабженные зазубринами, глубоко входят в тело щуки, и, как бы рыба ни была велика, она не сорвется с топора и сделается добычею рыбака. Случается, что щука очень велика, около пуда, и перекинуть ее в лодку через борт на топоре у рыбака не хватает сил; в так ом случае он бросает щуку вместе с топором, к концу рукоятки которого привязан на бечевке наплав. Рыба утомится, и рыбак через несколько времени все-таки ее вытащит. Очень большую щуку, тяжелее пуда, если она не подходит к лодке, несмотря на все приемы рыбака, подбагривают здоровым кованым крюком, насаженным на двухаршинную рукоятку. Крюк этот осторожно подводят под жабру щуки или под нижнюю челюсть и быстрым подергом всаживают в намеченное место. После шучьего топора щука живою не остается, что не всегда бывает удобно, когда предстоит рыбакам прожить на рыбной ловле несколько дней; сбегренную же щуку можно сохранить живою в садке или на кукане, прдетом через рот и жаберные заслонки.

Неподвижный плавучий снаряд для ловли щук

Удильник при помощи груза, привязанного к концу, устанавливается в вертикальном направлении так, чтобы под поверхностью воды торчал конец его аршина в два. Затем устраивается челнок, или очень большой нап лав. Сухая вершка два в диаметре и полторааршинная палка раскалывается на две продольные половинки, и получается два наплава, или два челнока. К одному концу такого наплава приделывается из медной проволоки широкое кольцо, к другому прикрепляется басовый поводок с жерличным крючком. На выпуклой поверхности челнока можно поставить небольшой белый флаг, чтобы не пугал только рыбу. Кольцо надевается на установленный описанным выше способом в любом месте озера удильник, крючок наживляется – и снаряд готов. Челнок будет плавать на плоской поверхности флагом вверх. Живец ходит свободно по всем направлениям кругом удильника, никогда не запутываясь, потому что не достает до удильника. Крупная рыба, схватившая его, без труда качнет удильник, стащит и умчит прочь весь снаряд. Попавшую рыбу нетрудно найти через некоторое время у берега, и ее вытаскивают при помощи сачка или багра.

Уженье ельцов

Ельцы чаще встречаются в небольших и средн их, чем в больших, реках; бывают также в проточных озерах с песчаным и хрящеватым дном; в непроточных же озерах и копаных прудах елец никогда не попадает, не встречается также в речных заливах и вообще не любит ила и теплой воды. Большую часть года он держится близко от поверхности на местах довольно мелких. В конце весны и начале лета придерживается средней глубины, а в жары выходит на мелкие места к берегам. Брать он начинает с ранней весны, раньше почти всех рыб. Для насадки употребляются различные насекомые, навозный и небольшой земляной червь. Насаживать червя следует с головы, чтобы хвостик был пущен небольшой; крючок № 7–9; для насекомых же нужны самые мелкие номера. Изредка ловят на распаренные зерна пшеницы, ржи и овса, предварительно прикормив ельцов гречневой крупой. На хлеб елец берет очень плохо. Клев его довольно верен; если его ловят не со дна, он всегда погружает поплавок; если же со дна, то ведет поплавок в сторону, не окуная в воду. При уженьи на донную удилице долж но быть упругое и не очень гибкое; грузило должно соответствовать силе течения; подсекают при

первой потяжке.

Весною, когда река еще полна и мутна, удить надо на донную; когда же вода посольет и течение будет потише, можно удить с поплавком на местах с умеренным течением и глубиной в 1 1/2–2 аршина. Насадку (червя) следует пускать не выше как на 2–3 вершка ото дна.

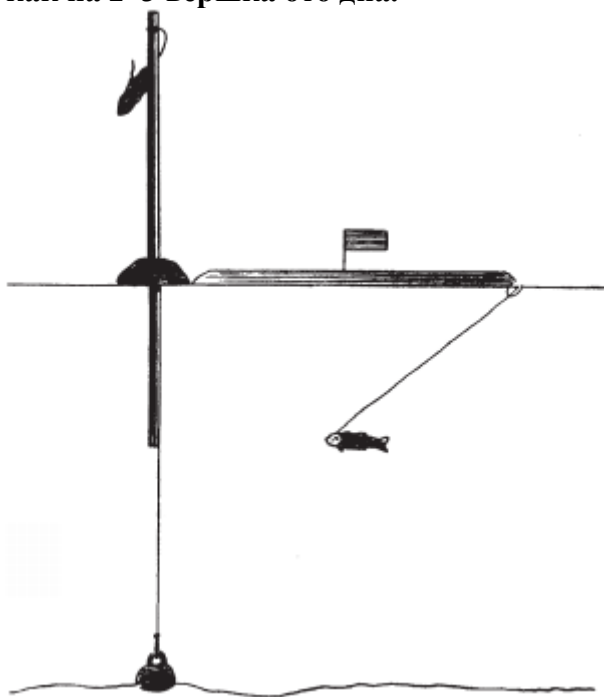

Рис. 66. Плавающий снаряд для ловли щук

Ужение язей

Язь избегает горных, очень быстрых, холодных рек и речек и предпочитает более глубокие реки с довольно тихим течением, также речные пруды и проточные озера. Живет он исключительно на глубине и выходит гулять на поверхность б. ч. поздним вечером и рано утром, почти ночью. Мелкие язи, т. н. подъязики, начинают брать с конца апреля, более же крупные – в мае. Лучшее время для ужения – вечер после заката и в особенности раннее утро. Тут они берут задолго до восхода солнца. С весны надо искать язя на неглубоких местах с довольно быстрым течением и каменистым дном. К началу лета или в конце мая он переходит в более глубокие места и живет уже оседло; осенью же уходит в самые глубокие ямы, где зимует. Для насадки употребляют червей, раков, черный хлеб, насекомых и иногда лягушек. Прикармливать язей всего лучше распаренными хлебными зернами с квасной гущей и конопляной избойной. Язей, за исключением ужения на насекомых, больше ловят со дна на толстые лесы и крючки средней величины. Язь берет довольно верно и прямо утаскивает поплавок в воду. Подсечка должна быть скорая и решительная, но не слишком резкая. Язь – рыба сильная и на удочке ходит довольно бойко, но если тащить его к себе осторожно, то он идет ходко, вероятно потому, что чувствителен к боли. Крупных язей, при ловле на тонкую снасть в особенности, необходимо предварительно вываживать; затем, когда язь всплывет на поверхность, его потихоньку подтаскивают и подсачивают.

С весны язь берет больше на земляного и навозного червя; позднее же – с половины или конца мая – на черный хлеб, смятый шариками в лесной орех величиной.

Ужение окуней

Весною окунь держится в неглубоких местах (1 1/2–2 аршина) с песчаным дном и умеренно быстрым течением; в это время его постоянно приходится ловить вместе с пескарем. Клев начинается часов с 7-ми утра и продолжается до захода солнца; ночью окунь берет редко.

Так как в это время еще нельзя достать малявок и раков, то приходится ловить на червя (земляного и навозного) и белого угря. Насаживают червей обыкновенно по одному, но ловят с успехом и на кучу глист; на червя-выползка окуни берут хуже. При ужении с поплавком в стоячей или медленно текущей воде насадка должна лежать на дне, если таковое чисто; если же дно поросло травой, то пускают насадку на весу, но недалеко ото дна. При быстром течении выгоднее пускать насадку так, чтобы она тащиась по дну. При ужении на червя на донную следует ставить грузило на расстоянии не менее 6–8 вершков от крючка. Позднее окуни хорошо берут под шлюзами; тут грузило надо очень тяжелое, лесу короткую и ловить с лодки. При ужении окуня с поплавком, какая бы ни была насадка, следует подсекать, как только поплавок совершенно скроется под водой. При ужении без поплавка надо для подсечки дожидаться потяжки, которую очень легко отличить от постукиваний, ей предшествующих. Губы у окуня довольно слабы, и потому следует обращаться с ними осторожно и не тащить его через голову. Для вынимания далеко заглотанных окунями крючков употребляется особая вилочка, с помощью которой крючок вдавливается немного внутрь рыбы, вследствие чего жало крючка освобождается из ранки, и затем он вместе с вилочкой свободно вытаскивается вон.

К лету окуни уходят в более глубокие места, которые покидают только часов с 12 дня до 4-х или 5-ти пополудни. В этот промежуток времени его можно найти в полях, около камышей и лопухов. Ловить можно в течение всего дня; утром и вечером надо выбирать чистые места (где отмель сходит в глубину, в омутах и т. д.), а днем – полый.

Весною и вообще при ловле на червя попадают преимущественно мелкие окуни, и потому удочку можно употреблять средней величины, крючки №№ 1–4, не мельче.

Ловля малявки

Малявкой, мальком или мульком называется вообще молодь всякой рыбы, но большею частью так называется в подмосковных губерниях особая порода рыбы, редко достигающая более вершка длины, а именно верховка (*Leucaspius delineatus*), живущая почти во всех полупроточных прудах, а также озерах. Для ужения окуня верховка гораздо пригоднее молодежи других рыб, ибо не так скоро снет. Ловят ее (и молодь вообще) следующими способами:

1) Небольшим очень частым саком <на длинной рукоятке>. Предварительно замутив воду, этот сак осторожно подводят (от себя, отверстием наружу) к стае рыбешки (с мельничного моста, купальных мостков, плотов) и, выждав, когда несколько штук их опустится наравне с обручем или ниже его, быстро поднимают.

2) Частой наметкой также в ясный солнечный день и таким же образом, т. е. выжидая захода рыбешки в сеть или же опуская ее сверху обыкновенным способом. Так можно ловить малявку и вечером у берега.

3) Редким решетом; к которому привязан снизу камень, а внутри кусок хлеба; можно также натирать решето мукою. К решетку привязываются две короткие бечевки и одна длинная; все связываются, длинная привязывается к довольно большой палке, решето опускается в то место, где замечены верховки. Последние не замедлят зайти в решето, и тогда быстрым движением поднимают его кверху. Таким образом особенно много можно наловить малька под мельничным спуском, где вся мелочь питается бусом, т. е. мучною пылью.

4) Всего больше можно наловить малька ночью самым частым бреднем.

5) Можно очень много наловить мелочи, преимущественно пескарей, гольянов и верховок, следующим способом: берут большую бутылку белого стекла с достаточно широким горлом и у которой дно, воронкообразно вдавленное внутрь, просверлено посередине. Горлышко завязывается куском марли, канвы или самой частой сетки (или просто затыкается пробкой, в которую вставлена перьяная трубка); в бутылку кладут несколько навозных червей и крошки хлеба и опускают ее в воду горлышком против течения. Пескари, гольяны (лошки, скоморохи) и молодь других рыб, увидя приманку, набиваются в эту стеклянную вершу в значительном количестве. Неудобство этого снаряда – хрупкость и трудность ношения.

Уженье шересперов

Шереспера (местами жерех, белесть, конь) следует искать всегда в быстрой проточной воде, в реках около перекатов, вообще на быстрине, в запруженных реках под мельницами, в самом водовороте. Очень мелкой воды шереспер не любит и на перекаты выходит преимущественно в полдень, но в глубоких быстринах всегда придерживается поверхности воды и плавает по дну только ночью или поздней осенью. Большею частью он плавает на аршин или менее от поверхности, смотря по тому, на какой глубине держится его главная добыча – елец и уклейка, а в более чистых речных водах – мелкий голавль.

Уженье шереспера начинается по окончании его нереста, в большей части России – в начале или середине мая, по спаде воды. Ловят большею частью с лодки на самой быстрине, всего лучше на глубине около 2 аршин, под шлюзами и т. п., становясь на кошке (небольшом якорю) с двумя веревками, из которых одна зачаливается за корму, другая за нос. Без лодки можно ловить его только в небольших речках или в мельничных омутах, а на больших реках только на донную в закидку. Удилище должно быть длинное, крепкое, не очень гибкое (лучше всего березовое); на складное без катушки ловить больших шересперов почти невозможно. Леска тоже должна быть крепкая – или волосяная, волос в 10–20, или же, еще лучше, шелковая просмоленная и некрутящаяся. Грузило круглое, очень тяжелое (соответственно быстроте течения) прикрепляется вершков на 6 от крючка; весьма полезно окрашивать его в зеленый цвет. Поплавок средней величины, обыкновенной яйцевидной формы, реже крупный осокоревый. В баске нет особенной надобности (если только кроме шереспера не может схватить живца щука или судак), и лучше употреблять поводок из жилки. Шереспер – рыба хитрая и осторожная и на грубую снасть не попадется. Крючок должен быть небольшой, лучше одиночный, от № 1 до № 3. Насадкой служит уклейка, елец или голавлик (которые гораздо прочнее уклейки), в крайнем случае небольшая плотичка. Живец должен бойко и свободно плавать, а потому его насаживают или за верхнюю губу, или за голову, у глаза, или за спинку. Слабого живца необходимо заменять свежим. Пускают живца утром и вечером вполводы или на 11/2 аршина от дна, а днем – не глубже аршина от поверхности. За кидывают леску по течению, довольно часто вынимая ее и снова перебрасывая. Клев шереспера быстрый и решительный: он хватается живца с разбега, большею частью с головы, и сразу топит поплавок; но осторожные и сытые жерехи, если снасть груба, часто сбивают насадку хвостом. Рыбаки по профессии, впрочем, держатся того мнения, что шереспер всегда хватается рыбы, предварительно оглушив ее всплеском хвоста, и, когда она закружится, ловит ее ртом. Подсекать надо сейчас же или выждав несколько секунд, смотря по способу насаживания (т. е. за спинку или за голову). Мелкий шереспер, особенно с весны, берет на червя, а летом иногда на муху. После подсечки шереспер начинает метаться как бешеный во все стороны, нередко выпрыгивая из воды, почему часто перешибает леску; но если леса надежная, можно прямо тащить его к себе, не давая ходу, ибо он не упорист так

же, как и щука. Во всяком случае надо держать леску туго натянутой и всегда быть готовым к кувырканиям шереспера. Сачок, разумеется, необходим даже и при ловле небольших шересперов, потому что на весу он сильно трепещется, да и крючок задевает его довольно слабо.

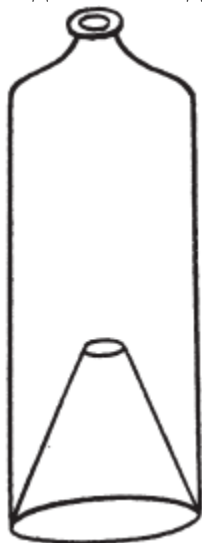
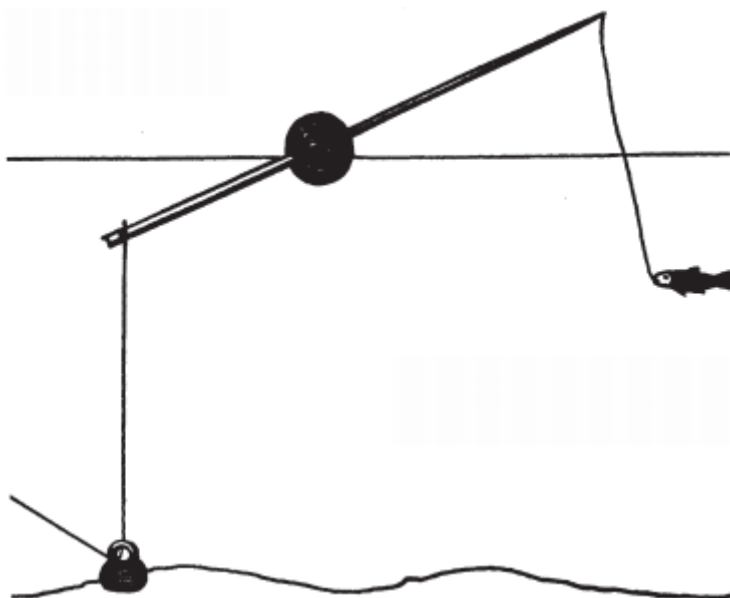

Рис. 67. Бутыль для ловли живцов

шересперов

Рис. 68. Снаряд для ловли

Снаряд для ловли шересперов

На длинное удилище набивается пробка в $\frac{2}{3}$ его длины, в том расчете, чтобы более длинная верхняя часть несколько перевешивала короткую нижнюю. К тонкому верхнему концу прикрепляется басковый поводок с жерличным крючком, к толстому нижнему – бечева, на которой свободно ездит кольцо груза (железная гири), служащее для удержания всего снаряда в известном положении. Таким образом, при помощи этих простых приспособлений и лодки можно установить снаряд на любом месте на поверхности, на любой глубине и под любым наклоном к горизонту. Так как поводок короче длинной части удилища, наклоненной к горизонту, то живец не может запутаться. Все движения его будут только поворачивать весьма подвижный снаряд вокруг оси. Такое приспособление дает возможность воткнуть удилище в воду в тех местах, где бьет шереспер, изменить наклон его, то опуская живца глубже, то выводя его на поверхность, смотря по

надобности; в случае сильного ветра или донного жора (клева) – спрятать весь снаряд в воду на любую глубину; в случае затишья и если рыба бросится хватать поверху – снова вывести его на поверхность, задерживать и попускать захватившую добычу, подтягивая или поддавая бечеву, которая привязывается к берегу, к короткому, но очень упругому удилищу. Необходимо лишь, чтобы бечева шла непрерывно от баска и до руки охотника; при этом он не рискует потерять добычи, если бы даже деревянная часть снаряда сломалась во время скачков и ударов попавшейся рыбы. Необходима также прочная бечева, хорошо просмоленная или проваренная и вытянутая, чтобы она не баранилась (не крутилась) в воде и свободно бы проходила в кольцо груза, которое, ко нечно, следует делать с закругленными краями.

Ужение ершей

Всего лучше берет ерш в мае, по окончании нереста. Этот весенний клев продолжается недели 2, затем несколько ослабевает, но в глубоких глинистых и особенно в иловатых ямах, составляющих любимый притон ершей, их можно ловить круглый год в значительном количестве. Безусловно, лучшая насадка для ершей – красный навозный червь; крючки лучше употреблять средние – №№ 5–8, так как мелкие он глубоко заглатывает. Удилище употребляется легкое, средней длины, леса волосяная (в 4 волоса), реже тонкая шелковая, просмоленная. Во время ужения полезно изредка взмучивать дно железными граблями или просто шестом. Хорошо также изредка подбрасывать вокруг места ужения пригоршни речного песка. Насадка должна касаться дна: на крючок, пущенный на весу хотя бы только на вершок, ерша удается поймать редко. Клев его очень верен, и ерш срывается редко. Обыкновенно он медленно окунает поплавок и ведет его в сторону, но иногда заглатывает насадку, не пошевелив поплавком. Ловят весной по утрам и вечерам; летом – преимущественно ночью, так как ерш, как и налим, рыба ночная. Впрочем, на озерах с плавунками (лавдами) ловят ершей и днем, прорубая в трясине окошко. Зимой ерш берет хорошо и среди дня.

В медленно текущей воде и в проточных прудах ершей ловят с поплавком; в реках же б. ч. на кобылки (с плотов) так, что леса опущена вертикально. При ловле с лодки без поплавка, на быстром течении или в водовороте также следует употреблять короткие лесы, которые хватали бы только до дна. При ловле с берега на глубоких и быстрых местах, если только глубина не под самым берегом, употребляют длинные или короткие удильники с лесой в 15–25 аршин, смотря по расстоянию ямы от берега. Грузило должно иметь достаточную тяжесть, чтобы удерживать насадку на одном месте. На донную удочку, особенно при хорошем клеве, навязывают б. ч. по два, даже по три крючка или же т. н. двойчат ку, или двуххвостку. Берется крупная картечь или пуля и до половины раскалывается; в нерасколотой половине делается сквозное отверстие; в это отверстие вставляется конец лески, завязывается узлом, а в расщеп защемляется (вместе с узлом) довольно толстый, как можно менее гибкий волосяной или, еще лучше, щетинный поводок длиной в 4–6 вершков с привязанными на концах двухволосными или жилковыми поводками, к которым привязываются крючки. Брать ерша в руки надо осторожно, так как уколы его плавников и колючек заживают не скоро и у людей золотушных сильно разбаливаются. Можно ловить и на три крючка, причем последний прикрепляется на поводке к середине, но так они чаще путаются. Некоторые ловят на двойчатку и с поплавком.

При ужении на донную в закидку с тяжелым грузилом почти не приходится подсекать, так как ерш берет играющую насадку с налета и несколько приподнимает грузило, которое своею тяжестью делает подсечку. На двойчатки

обыкновенно навязываются небольшие, т. н. м отыльные крючки с длинным стержнем и колечком вместо лопаточки. Это делается ради удобства доставания их изо рта ерша, который часто заглатывает крючок.

Весною, а также осенью и раннею зимою ерш берет довольно хорошо и среди дня, но летом преимущественно по ночам. Летом, осенью и зимою ловят его почти исключительно (под Москвою) на мотыля, т. е. красненького червячка, личинку комара-долгоножки (*Tipula*), живущей в иле и составляющей едва ли не главную пищу ерша, который также держится в иловатых местах.

Ерш – лучшая насадка для налима, которому, кажется, всего чаще достается в добычу. Другие хищники берут на ерша плохо, а местами не берут вовсе.

Ужение пескарей

Пескарь берет очень хорошо на удочку и ловится в большом количестве, уха из него очень вкусна, и, кроме того, он составляет очень живучую, хотя и малозаметную, насадку для хищной рыбы. Поэтому ужение его пользуется большой популяричностью, особенно между начинающими рыболовами.

Пескарь во всякое время года держится преимущественно в реках и речках, на не очень быстрой воде, редко в прудах, на мелких или глубоких местах, смотря по времени года, но всегда на песке, мелком хряще, реже на песчанистом, вязком иле и непременно на дне.

Весеннее ужение пескаря начинается, как только просветлеет вода, в Средней России обыкновенно в конце апреля или в начале мая. В это время пескаря следует искать на мелких, довольно быстрых местах с хрящеватым дном (около аршина глубины). Ловят их с берега на легкие длинные удилища с тонкой 2–4-волосной леской и небольшой крючок (№ 9–10). Поплавок берется легкий или средний, смотря по скорости течения и, следовательно, грузилу, но можно ловить и без поплавок, с руки. Удят всегда со дна, даже так, чтобы насадка слегка тащи́лась по дну. Можно ловить на удочки с двумя поводками или лучше с т. н. двойчаткой. Насадкою служит весной преимущественно мелкий навозный червь, насаживаемый с головы или хвоста. Больших червей лучше разрывать пополам; при хорошем клеве пескарей можно ловить и на обрывки червей. Пескарь всегда держится стаями, берет верно и иногда сам себя подсекает. Во время ужения каждый раз, как клев ослабевает, полезно взмучивать дно реки железными граблями или шестом. Пескари, стоящие ниже места ужения, встретив струю мутной воды, поднимаются по ней до взмученного места, начинают искать во взрытом песке и подходят к насадке. Пескарь – рыба вполне дневная и хотя в полдни берет хуже, чем утром и под вечер, но вечером, тем более ночью, не клюет вовсе.

Ужение уклейки

Уклейка живет во всех реках, речках, даже ручьях, в озерах и в прудах с чистою водою и песчаным дном. Держится она у самой поверхности и только раннею весною и позднею осенью встречается в глубине. Крупная уклейка в большом количестве водится в местах глубоких и тихих; на быстром же месте она бывает в глубоких омутах под шлюзами, а на перекатах встречается редко. Там, где есть фабрики, уклейку следует искать около отверстия труб, выводящих в реку краски; вообще она любит держаться около водосточных труб. Ловят ее во всякое время дня. Всего лучше удить у моста, плотов или обрыва, вообще на глубоких местах. Перед ужением хорошо бросить несколько горстей отрубей, смешанных с мокрым песком. Удилище должно быть длинное и очень гибкое, всего лучше тоненькое березовое или рябиновое. Леса делается в два волоса с поводком в один волосок, большею частью

без поплавок, длиною аршин 5–6; крючок – самый маленький (№ 10–14). Для насадки употребляют комнатную муху, метлу-поденку, муравьиные яйца, хлеб, навозного червя, мотыля. Муху насаживают всегда с головы. Пускать насадку надо как можно мельче. Клев уклеики быстр и неверен; она б. ч. совсем утаскивает поплавок. Подсекать надо проворнее, но не сильно; всего лучше подать вперед удилище и, если рыба не попала, не вынимать лесы из воды. Выудив несколько десятков, переходят в другое место.

Ужение уклек начинается большей частью с середины мая. С весны ее можно удить на навозного червя, опарыша, хлебный мякиш и т. д.; но с наступлением настоящего тепла, когда уклеики поднимутся к самой поверхности, лучше всего ловить их на комнатную муху и др. мелких насекомых. Эта ловля продолжается почти до половины сентября, вообще до холодов, после которых уклеика сваливается в глубокие ямы и начинает брать со дна на навозного червя и мотыля.

Ужение плотвы

Плотва водится почти во всех реках, речках, прудах и озерах, лишь бы вода в них была достаточно свежа и глубока; она избегает, однако, холодной и очень быстрой воды и предпочитает тихую и теплую, хотя недолюбливает мест очень тинистых и иловатых. За исключением поздней осени и зимы она постоянно держится в мелких заливах, и только самая крупная живет почти всегда на глубине. Обыкновенно же некрупная плотва скитается на средней глубине, вполводы, и только с наступлением холодного времени укрывается в глубоких ямах. Лучшие места для ужения – вблизи трав, свай, плотов и т. д., с песчаным дном. Глубина, на которой приходится ловить, колеблется между 1/2–3 аршинами.

Для насадки употребляют мотылей, опарышей и различных личинок, хлеб, пареные зерна, зелень, мух и др. насекомых, раковые шейки и червей. Для успешной ловли плотвы требуется самая аккуратная удочка: длинное и легкое удилище, самая тонкая леска и самый легкий, чувствительный поплавок. Крючки – из мелких номеров. Ловят плотву больше с поплавком; в полоях же на насекомых удобно ловить и нахлыстом. На донную ловят в местах глубоких и тихих, где попадает очень крупная плотва. При ловле на донную удочку следует употреблять более грубую. Клев плотвы, особенно мелкой, крайне неверен и разнообразен: она больше качает поплавок, чем окунает. Крупная плотва берет вернее и сперва тихо ведет поплавок, а потом топит. Подсекать надо при малейшем признаке, что плотва схватила насадку и повела.

Брать плотва начинает вскоре после вскрытия рек, прекращая клев на несколько дней во время самого нереста. Но настоящий клев начинается с того времени, как покажутся первые признаки растительности на дне. Сначала следует ловить на червей; летом же – на хлеб, мух, кузнечиков, раковые шейки. Когда вырастет водяной шелк (зелень), плотва хорошо берет на него. В сильный жар хорошо ловить плотву в полоях часов с 12 до 4 на черный хлеб, смятый с медом и прованским или анисовым маслом, а также на белый хлеб с медом, окрашенный красной краской, и на мух. При ужении плотвы очень полезно бросать прикормку, состоящую из распаренных корок черного хлеба и поджаренных пшеничных отрубей и толченого конопляного семени.

Ужение голавлей

Голавль любит небольшие быстрые речки с довольно холодной водой. В проточных прудах он редок и держится здесь в самом материке пруда или его верховьях, и то если вода свежа и прозрачна. Крупные голавли придерживаются

более глубоких мест, крутояров, где прячутся под берег и в коряги; небольшие же бывают чаще на местах мелких, на перекатах и в полдень плавают у самой поверхности почти по всей реке. Голавли клюют лучше всего по зорям, даже ночью, а днем – в сильный ветер, когда делаются смелее. Для насадки употребляют раков, разных насекомых, червей, пиявок, белый хлеб, ягоды, сыр, лягушек, малявок и пр. Прикормкою служат: конопляная и льняная избоина, сальные вытопки, черви, улитки, пареные зерна, гречневая крупа и пр. Голавль очень силен на удочке, и потому необходимо употреблять крепкое и гибкое березовое удилице и самые прочные лески. Величину крючка надо соразмерять с величиной насадки. Чтобы благополучно вытащить крупного голавля, надо его хорошенько утомить на кругах и вытаскивать очень осторожно, непременно с помощью сачка. Клюет он верно и сильно, а потому подсечкой спешить незачем.

Весною голавли начинают брать, когда сольет и просветлеет вода. Места для ужения надо выбирать неглубокие, каменистые или песчаные с сильным течением. Когда же поднимутся водяные травы и появятся майские жуки, с большим успехом можно ловить на этих жуков по вечерним зорям, забрасывая насадку близ листьев лопуха, в местах, где слышатся частые всплески голавля. Жука можно пускать так, чтобы он плавал на поверхности, но хорошо также, если он начнет медленно погружаться. На майского жука (настоящего и искусственного) и друг. насекомых, напр. кузнечика, таракана и даже простую муху, можно ловить голавлей нахлыстом. Для такой ловли удобнее употреблять лодку; с лодки же ловят наплавной удочкой голавлей на рыбку.

Ужение линей

Линь живет преимущественно в стоячих водах; может водиться даже в прудах сорных и с дурной водой. В реках он попадается там, где есть заливы, затоны и вообще места, где совершенно нет течения и где дно покрыто массой ила. Любимую пищу линя составляет мотыль и красный навозный червь. Линь берет во всякое время дня, но лучше около времени захода солнца; лучшее же время года для ловли линей – это весна и осень до начала холода, когда клев линей совершенно прекращается.

Клев линя характерен. Сперва его присутствие около насадки замечается на беспокойстве поплавок: он качается то вправо, то влево, то подается вперед, то назад; затем он решительно повертывает в сторону, на минуту останавливается и затем совершенно ложится на воду – это и есть момент подсечки; как только поплавок лег, подсекать надо немедленно (иначе линь почувствует крючок и выплюнет насадку) и довольно резко, так как момент горизонтального положения поплавок есть тот, когда эта ленивая рыба берет насадку в рот и приподнимает ее со дна, чтобы заглотать. Если подсечка не сделана, то линь иногда заглатывает крючок, что и замечается на поплавке, который принимает вертикальное положение и быстро погружается в воду; чаще же линь замечает крючок и выплевывает насадку, которую он не обрывает, а обсасывает.

Кроме этой поклевки, линь в редких случаях клюет еще другим образом – резко. При резкой поклевке поплавок исчезает сразу, леса вытягивается, конец удилица гнется. Линь в воде очень силен, упорист и, ведомый на лесе к берегу, старается запутать лесу, заходя на полукругах вправо и влево в тростник. Стоит только на минуту ослабить лесу – и рыболову придется лезть в воду самому или линь срывается.

Летом, когда лини клюют не особенно охотно, ужение представляет особый интерес, так как в это время от рыболова требуется некоторая сноровка и несколько предварительных действий.

Прежде всего в зарослях пруда надо выбрать место, где по разным признакам можно предполагать присутствие линий. В этом месте от берега по направлению к середине пруда прочищают коридор шириною не менее аршина, для чего водоросли срезают у самого корня и выбрасывают на берег. Когда коридор готов, его оставляют дня два в покое, чтобы распуганная работой рыба успокоилась и забыла тревогу. Дня через два или три приходят на расчищенное место с двумя удочками, которые и закидывают вдоль коридора, не посередине, а ближе к стенкам осоки.

Если ловля идет неудовлетворительно, тогда прибегают к приваде.

Прежде и чаще всего употребляется привада из каши или хлеба, смешанных с прованским маслом, в которое прибавлено несколько капель анисового масла. Эта привада действительна как для линий, так и для карасей. Можно также пропитывать ее *Assa foetida* или мятными и лавровишневыми каплями. Хорошую приваду составляет также творог – сухой, хорошо выжатый и немного облитый конопляным маслом. Все эти привады употребляются одинаково: их кладут в мешок из рединки, к мешку привязывается камень, и привада опускается в воду в том месте, где хотят удить.

Полезно перед началом ужения разбросать пригоршню-другую прикормки и во время ужения время от времени подбрасывать такие же пригоршни. Когда ужение производится с лодки, то лодку следует ставить всегда недалеко от осоки и закидывать у самой осоки. Лодка необходима только в том случае, когда берега низменны, болотисты и вообще малодоступны и неудобны для ужения.

Лини берут насадку лучше всего со дна. Если дно илисто и насадка уходит в жидкий ил, то ее следует пускать так, чтобы она чуть-чуть касалась дна; а для того, чтобы насадка не могла уйти в ил, место, намеченное для ловли и предварительно расчищенное от травы, посыпают слегка песком. Для того чтобы закрыть ил и сделать дно нетопким, нужно весьма небольшое количество песка, который почти всегда можно найти поблизости. Песок прекрасно сдерживает насадку, а также своей окраской способствует более яркому выделению ее в воде. К тому же места более чистые или покрытые песком среди окружающей их грязи и тины весьма охотно посещаются линиями.

В таких усыпанных песком местах можно ловить линией и на донную удочку, особенно если тут вода имеет небольшое течение.

Ужение лещей

Лещи для своего жительства выбирают места глубокие и тихие, б. ч. заводи и заливы с глинистым и песчаным, реже иловатым дном. Но для ловли лучше выбирать места не очень глубокие, с умеренным течением, крутым берегом и дном песчаным. Самые крупные лещи попадают у крутых глинистых берегов. Лещи всего лучше берут вблизи берега. Весенний клев их начинается, как только реки войдут в берега и вода несколько просветлеет. Самый же жадный жор бывает по окончании нереста, через две или три недели после начала клева. Днем лещи держатся в травянистых зарослях, вообще в травах и на чистые места выходят только рано утром и поздно вечером. В это же время следует их ловить, за исключением ранней весны, конца апреля и начала мая, и с августа по октябрь, когда лещи берут с 6–7 часов утра и до 5–6 часов вечера. Мелких лещей можно удить и среди дня в теплую и ясную погоду в местах травянистых, выбирая здесь чистые прогалины. На быстринах лещ попадает очень редко. Лещи любят ветер, дующий сверху и производящий возле одного берега муть и наносы всякого сора. Возле такого мутного и засоренного берега очень любят держаться небольшие лещи, т. н. подлещики, а также густера.

Удилище для лещей необходимо выбирать прочное, упругое, но не слишком

гибкое, так, чтобы оно сгибалось до половины; длиною аршин пять, всего луч ше березовое. Лесы нужны также прочные волосяные от 10–20 волос или шелковые смоленные, надлежащей крепости; крючки средние – №№ 6 и 7. Поплавки надо употреблять хорошо выверенные, т. е. чувствительные, потому что лещ берет очень осторожно. Если удочка делается донная, то надо особенно заботиться о крепости удилица. Донное грузило может быть коническое, овально-плоское или призматическое, но во всяком случае настолько тяжелое, насколько это требуется быстротою течения.

Самую лучшею насадкой для леща служит красный навозный, затем небольшой земляной червь. Кроме того, с успехом ловят лещей на мелких белых червей, опарышей и молодь пчелы или осы; ловят также на хлеб, черный хлеб с творогом и пареные зерна, из которых всего лучше горох. Мелких червей следует насаживать по несколько штук на крючок; больших же – по одному, насаживая петлями. Опарышей можно насаживать до дюжины на крючок, прокалывая поперек зада и стараясь захватить только самую кожу так, чтобы они могли свободно крутиться. Мелких угрей и молодь осы или пчелы лучше насаживать поодиночке. Насадке из мятого хлеба надо придавать грушевидную форму величиною в обыкновенный орех. Для более успешной ловли лещей употребляют приваду, состоящую из гречневой, пшенной и полбенной каши, пареных зерен и т. д. При употреблении привады стараются ловить на то, чем прикормлена рыба.

Поклевка лещей в текущей воде передается различно. Иногда поплавок просто задерживается на месте, иногда начинает плыть против течения, иногда порывисто ныряет, но чаще всего лещ кладет поплавок плашмя, т. е. поднимает вверх. Та минута, когда выплывший поплавок начнет тянуть в глубину, самая лучшая для подсечки. Подсекать следует не резко, но довольно сильно и в сторону, противоположную той, куда потянуло. При ужении на донную подсекают тогда, когда почувствуется потяжка, резко отличающаяся от пощипываний, которые ей всегда предшествуют. Первые порывы подсеченного леща довольно сильны, и потому удила ище надо держать в руке крепко, чтобы рыба не вырвала его и не соскочила с крючка; лесу тоже ослаблять не следует; медленно выпрямляя удилица и поднимая таким образом рыбу ближе к поверхности, левой рукой нужно приготовить сачок. Если лещ очень велик, надо дать ему сделать несколько кругов на глубине и утомить его настолько, чтобы он свободно позволил вести себя наружу. Лещ очень осторожен, пуглив, и при ужении его необходимо соблюдать возможно полную тишину.

Весеннее ужение лещей можно производить с поплавком, на донную, с донным грузилом и поплавком. Донная удочка употребляется больше для ночного ужения; донная с поплавком хороша при ужении в ветреную погоду, когда ужение с поплавком делается затруднительным (особенно при ветре, дующем по течению). Самое лучшее время для ужения весной – это раннее утро, т. е. до восхода солнца.

Июнь

Ловля раков

Рак, особенно линючий, составляет у нас почти повсеместно лучшую летнюю насадку для ловли крупной рыбы, а потому рыболову необходимо знать, где, когда и как его искать и ловить. Рак в большем или меньшем количестве встречается почти во всех речках, реках и во многих озерах и проточных прудах. Так как рак живет в норах, реже под камнями и корягами, то он всегда многочисленнее в реках с крепкими, иловатыми, глинистыми или песчаными берегами; в вязком иле и

сыпучем песке раков почти не бывает, и вообще, чем берега круче, тем более удобств для их жизни и тем их больше. Летом рак роет свою нору (или норы), имеющую два выхода и от четверти почти до аршина длины, в более мелких местах; на зиму же перебирается в глубокие места, большею частью крутояры. Появляются же раки, вернее, начинается их ловля, в конце апреля или начале мая, когда реки войдут в берега.

Самый удобный и самый добычливый способ ловли раков производится рачевнями. Снаряд этот весьма прост, материал для него весьма дешев, и всякий может приготовить его дома. Для этого вяжется из простых суровых ниток сетка колпачком, длиною не более полуаршина, ячейки четверть вершка, нижний конец сетки закрепляется наглухо. Берется толстая железная проволока (употребляемая для мебельных пружин), сгибают из нее обруч в диаметре от полуаршина и более; на этот обруч нанизывается сетка, и концы его обматываются ниткой наглухо; обруч перекрещивается тоже проволокой, но тонкой (печной) и притом пережженной; четыре конца этой проволоки прикрепляются равномерно к главному обручу; к этой проволоке привязываются короткие нити, которые служат для навязывания приманки. Снаряд привязывается четырьмя нетолстыми бечевками так, чтобы проволочный обруч находился в равновесии, и прикрепляется к крепкой, но тонкой бечеве, аршина в 4–5, которая привязывается к трехаршинному крепкому шестику, упругому, но не такому жидкому, как удилище. К тонкой проволоке, к привязанным уже тонким ниткам внутри главного обруча навязывается приманка, состоящая из тухлого мяса, жирной говяжьей кости, мелкой рыбки, корки черного хлеба, дуранды (льняная избоина) и т. п. Можно заменить железный обруч деревянным, но в таком случае надо подвязать или посередине обруча, где приманка, или по бокам его камни или другую тяжесть.

Рис. 69. Рачевня

Рачевни закидываются с берега так, чтобы обруч лег плашмя на дно реки и чтобы бечевка не была натянута, иначе рачевня будет лежать на дне не плашмя, а боком, что, разумеется, помешает ракам подойти к приманке; палка втыкается в берег. Всего лучше ставить рачевни в глубоких, но не быстрых местах, под крутыми берегами, особенно в заводях. Сначала, в первых числах июня, раки идут в рачевни

только ночью, но во второй половине (когда большая часть самцов вылиняет и они очень голодны) раки попадаются и днем. Верной приметой удачной ловли раков рачевнями служит то, что докучливые раки беспрестанно тянут удочку и портят на крючке наживу, когда охотник ловит рыбу; вот тут-то и нужно прибегнуть к содействию рачевен, и можно быть вполне уверенным, что труд не пропадет даром. Вообще можно сказать, что раки начинают идти в рачевни с начала июня и ловятся в июле, августе и даже до половины сентября.

Можно также устраивать рачевни несколько иначе. К обручу из тонкого побега орешника или другого дерева привязывается сетка; посредине этого обруча прикрепляется прутик, к которому на равных расстояниях от его концов, в свою очередь, прикрепляется тычинка с привязанною к ней ниже прутика лягушкой. Заостренный конец тычинки проходит через дно сетки для того, чтобы тычинку можно было воткнуть в грунт реки или озера. Кожа с лягушки снимается и заворачивается на голову, так, чтобы последняя была спрятана. Это делается для того, чтобы сильнее пахла приманка и чтобы были скрыты глаза лягушки, которых раки, как уверяют рыбаки, пугаются. Такие рачевни удобнее первых тем, что менее заметны для постороннего глаза.

; Кроме рачевен можно ловить раков руками, вытаскивая их, как налимов, из нор (см. далее) или из-под камней. В мелких прозрачных речках с каменистым дном можно наловить их очень много, особенно в солнечный день или ночью с огнем. Кто боится рачьих клешней, тот может, приноровившись, ловить раков расщепленной палкой, надвигая расщеп на середину туловища рака.

Пойманных раков всего лучше сохранять в плетеных корзинках с крышкой (чтобы не выползали), укладывая рядами и перестилая крапивой или мокрой травой. Корзину держат на погребке, зарывая ее в снег. В таком месте жесткие раки могут прожить до месяца и больше, а мягкие – 2–3 недели. Мягких надо держать отдельно от жестких.

Ловля линючих раков

Линька раков начинается в конце мая, по замечанию рыбаков, когда рожь начнет колоситься. («Когда рожь начнет колоситься, тогда и рак начинает лупиться».) Сначала линяют самцы, отличающиеся от самок более длинным туловищем, более длинными (и слабыми) клешнями и более клинообразным хвостом; рачихи в это время еще носят под хвостом яйца. Линька совершается не дружно, а постепенно: сначала снимает старую скорлупу мелкий, потом средний и наконец крупный рак. Самый развал линяния самцов бывает (в средней полосе) около середины июня, но только что вылинявшие раки (вылупки) продолжают встречаться до середины июля и даже до Ильина дня (20 июля). Рачихи начинают линять месяцем позднее самцов, когда уже выведут рачат – с первых чисел июля и до середины августа; всего чаще линючие рачихи встречаются около Ильина дня.

За несколько дней или за неделю до линьки, когда старая очень темная и твердая скорлупа легко снимается руками и под нею образовалась новая тонкая кожица, раки перестают есть и безвыходно сидят в норах до тех пор, пока новая очень нежная (синеватая) кожица не затвердеет, что бывает на 2-й или 3-й день. Поэтому ловить их рачевнями, сетями или на какую-нибудь приманку нельзя.

Коренные рыбаки с самого начала линяния раков начинают искать их по заплескам реки; для большего удобства они даже нарочно кладут в воду на такой глубине, где можно достать руками, старые доски, рогожи, бересту и т. п.; все это слегка засыпают землей (или кладут камни), чтобы не сносило водой и не поднимало кверху. Раки, собирающиеся линять, весьма охотно забираются под это прикрытие, и рыбак может быть уверен, что труд его вознаградится и что он всегда будет с

хорошей насадкой. Доску, рогожу и т. п. надо поднимать как можно осторожнее (против течения так, чтобы муть относилась водой) левой рукой; правую же, не торопясь, подводят сбоку (но никак не сверху) и обирают раков. При очень резком движении или шуме раки сейчас захлопают хвостами и быстро разбегутся.

Менее предусмотрительные рыбаки ограничиваются тем, что замечают, в каком месте реки всего более рачьих нор, и ловят раков уже в норах, т. е. шупают, как налимов. Искать раков и в этом случае также следует в тихую погоду, т. е. преимущественно после восхода солнца и перед закатом. В ветер волны и муть около заплеса мешают видеть норы, и ловля не может быть добычлива. Идти следует всегда против течения, чтобы муть, поднятая ногами, относилась назад и не мешала видеть находящиеся впереди норы. Если нора имеет два выхода, то правую руку запускают в главный, большой, а левую – в малый или же последний ход заступают ногою. Руку запускают в нору ладонью кверху, чтобы пальцы руки шли по дну норы. В противном случае можно очень больно уколоться об острый шип на лбу рака. Сначала рак щиплет руку клешнями или пятится в глубину норы, но этим смущаться нечего – руку просовывают дальше и дальше, пока ее не подведут под брюшко рака, который вытаскивается и кладется в мешок.

Ужение на рака

Ужение это начинается вместе с линьнием раков, т. е. с первых чисел июня, и продолжается почти до конца августа. Все это время, в особенности же во 2-й половине июня и весь июль, крупная рыба ночью и по зорям держится почти исключительно около рачьих нор, так как рак составляет тогда ее главную пищу. Днем в жаркую погоду рыба уходит в глубокие места, где холоднее. На рака берет большая часть рыб, начиная со щуки и кончая плотвой (впрочем, последняя берет только на шейку и клешни), но всего более ловят на него окуней, голавлей и яззей.

Смотря по тому, какая рыба берет – крупная или средняя и мелкая, – для насадки употребляют или цельного рака, вернее его туловище, или же его части, т. е. клешни (крупных раков) и шейку (т. е. хвост), которая может быть разделена на 2, даже 4 части. Иногда, впрочем, крупную рыбу ловят, насаживая на крючок по 2 больших или 3 небольших раковых хвостика. Всего удобнее ловить на рака, готового линять или только что вылинявшего, еще мягкого (на вылупка), но за неимением таковых можно обойтись и жесткими раками, еще не готовыми к линьке, выбирая из них самых темных и жестких, или раками с уже затвердевшей молодой кожей. Последние хуже, так как облупить их очень трудно.

Рак, готовый к линьке [7 - Это узнать нетрудно: стоит только сломать у него клешню, и если старая скорлупа снимается с нее беспрепятственно, как бы футляром, то легко можно облупить и самого рака.] или мягкий, насаживается на крючок (средних или лучше крупных номеров) в разных местностях различно. Во всяком случае лапки обрываются, а у жестких, кроме того, предварительно обламывают клешни. Лапки бросаются в воду для приманки, также и клешни, но более крупные из клешней лучше приберечь для ловли мелкой рыбы на мелкие крючки. Всего удобнее насаживать рака таким образом, чтобы острие крючка было спрятано в «шейке», потому что рыба почти всегда хватается рака с хвоста и, следовательно, подсечка будет вернее. Так насаживают б. ч. мягкого рака. Крючок втыкают в (левый) глаз и выдергивают около второй пары ног, потом немного спускают рака на поводок и уже окончательно заправляют крючок в хвостик. Хорошо также насаживать рака, продевая крючок в бока, в края молодой кожи два раза. Последний способ всего пригоднее для раков, готовых к линьке, которых приходится предварительно облуплять. Это делается так: у рака отламывают клешни и лапки почти вплоть и отрезают хвост, но не совсем, а оставляя один-два

сустава или звена (иначе легко выпустить печень); затем подрезывают немного острие на лбу, после чего старая черная кожа сама собой снимается со спины рака.

Большинство рыболовов, имея в виду, что обыкновенно на крючок насаживается или такой недолупок без хвоста и клешней, или же цельный мягкий рак с мягкими клешнями, продевают крючок сначала в середину хвостика, вдоль по кишечному каналу, потом, вынув его внизу 1-й пары ног так, что шейка будет продета поводком, снова, отступя на полпальца, впускают крючок во внутрь рака так, чтобы острие его выходило или под глазами, или под верхнюю кожицу между глаз, причем стараются не проткнуть ее.

Цельную шейку или ее части и клешни насаживают (предварительно облупив их, как сказано) на более мелкие крючки, причем полезно (так как эта насадка слабо держится на крючке) привязывать ее волоском, ниткой или шелковинкой. Цельная шейка насаживается, конечно, посередине и как червяк; клешни лучше употреблять цельные, оторванные и очищенные от самого туловища, во всю длину; насаживаются они с верхнего узкого конца, а крючок прячется в клешне при ее раздвоении.

Толщина лесок, крепость и длина удилица зависят как от средней величины водящейся рыбы, так отчасти и от глубины. Чаще всего у нас ловят на волосяные лески в 12–20 волос (плетенные в 3 пряди), по той причине, что волосяная леса доступнее и, кроме того, более растяжима, чем шелковая. Но последняя много крепче, хотя по причине своей меньшей эластичности требует непременно очень гибкого удилица.

Вот почему на шелковые лески можно ловить или с катушкой, или же на безукоризненные цельные, т. е. натуральные удилица. Чем длиннее удилице, тем лучше, но на глубине, превышающей 3 сажени, и при ловле на донную с берега польза длинного удильника, который позволяет, утомив рыбу, подсачить ее, не хватаясь за леску, уже менее ощутительна, и можно ловить с коротким 1–1 1/2-аршинным, только леска должна быть потолще, чем при длинном.

При ужении же на донную с хорошим поводком из жилки толщина лески не имеет на клев почти никакого влияния. Тяжесть грузила соразмеряется с быстротою течения, увлекающего насадку; для донной лучше всего употреблять грузило сильно сплюсненной овальной формы или четырехугольное передвижное, т. е. свободно ходящее по лесе до поводка; при этом условии рыба не слышит грузила и клев ее непосредственно передается кончику удильника. Иногда грузило привязывают к самому концу лески, а поводок с крючком – на 6–7 вершков повыше.

При таком способе можно заметить малейшую поклевку, и рыба также не встречает такого сильного сопротивления, как при обыкновенном способе прикрепления неподвижного грузила. При всех способах ловли на рака необходимо иметь сачок.

Чаще всего ловят на рака на донную [8 - Для того чтобы закинуть длинную лесу донной удочки, надо взять грузило на руку, часть лески, идущей от грузила до крючка с насадкой, свернуть кругами, придавить эти круги, положив на них насадку, и, махнув раза два, разжать руку и пустить грузило на воздух; таким образом, пока грузило натянет леску и будет остановлено толчком, круги эти разматываются, и насадка, особенно живец, не получив опасного толчка, спокойно опустится в воду. Еще лучше взять при этом в другую руку удильник и, когда натянется леска, подать его вперед, чтобы уменьшить силу толчка, и тогда уже воткнуть покрепче в землю.] и обыкновенно с берега, реже с лодки. В первом случае, т. е. при ловле с берега, ловят больше на короткие (можжевеловые) удильники, которые втыкаются в берег, а так как удят больше ночью и заставляют большое количество удочек, то к кончикам их привязывают бубенчики или колокольчики. Длинные же удилица втыкать неудобно, и они требуют подставок. При ужении же с лодки они много удобнее коротких, которые к тому же надо закреплять; эти длинные

удильники должны быть довольно тяжелы, чтобы рыба не могла сразу утащить их, и вместе с тем очень посадисты (т. е. центр тяжести находится близко от комля); они обыкновенно кладутся поперек лодки. Напомним здесь, что при темном цвете дна для донной лучше употреблять черные лески, а не белые. Самые лучшие места для ужения на рака – на средней глубине и быстрине, с хрящеватым или каменистым дном. Главный клев бывает ночью (особенно лунной) и в первые часы рассвета.

В медленно текущих реках, и особенно в тихих глубоких заводях, можно с успехом удить (с берега и с лодки) на рака с поплавком. Насадка при этом должна не доходить до дна на 3–4 вершка, но удилища должны быть непременно длинные (иначе часто будут неверные подсечки). В таких же местах в некоторых средних приволжских губерниях ловят иногда без поплавка, на весу (тоже на 3–4 вершка от дна), с т. н. клевом, т. е. так, что клев непосредственно передается кончику удильника. Тут, напротив, пригоднее недлинные удильники, особенно в ветреную погоду, когда лодку покачивает волной. Наконец, на реке Мологе ловят на рака с поплавком весьма оригинальным способом, составляющим первообраз т. н. нотингэмского способа ужения [9 - При этом последнем способе употребляется легкая деревянная катушка с двумя ручками (для равновесия); поплавок, грузило и насадка, увлекаемые течением воды, сматывают леску (шелковую) с катушки, и таким образом насадка проплывает расстояние в 10 и более сажен от лодки. Затем леска наматывается на катушку и снова закидывается у лодки.]. Именно ловят с поплавком и грузилом, пуская насадку на четверть от дна, но на очень длинную леску (до 3 саж ен, не считая подводной части) и без удильника; ее наматывают на пальцы и на плаву дают волю плыть по течению воды, спуская лесу. Можно, впрочем, спускать ее просто из рук, не наматывая на пальцы. Эта ловля считается самую добычливою, но она удобоприменима на довольно быстрых и не особенно глубоких местах, где потому рыба не берет поблизости от лодки. Кроме того, очевидно, что лески должны иметь здесь гораздо большую крепость и что подсечка (т. е. взмах руки) должна быть гораздо энергичнее, чем при ловле с удильником [10 - Заметим кстати, что вообще сила подсечки должна сообразоваться с длиной удилища: в противном случае рискуешь, что или рыба плохо зацепит за крючок (при коротком удильнике), или же при очень сильной подсечке длинным удилищем оборвешь рыбе (крупной) губу, или сломаешь крючок, или оборвешь поводок, леску.]. Удобнее бы всего при таких условиях ловить настоящим нотингэмским способом, но так как катушки и удилища для этой цели придется выписывать из-за границы, то можно ограничиться обыкновенным складным (но крепким) удилищем с кольцами и катушкой (на толстом конце). Только тут уже шнурок с катушки надо по мере натягивания лески спускать левой рукой, держа удилище в правой. По всей вероятности, для ловли осторожной рыбы на всякого рода насадку с поплавком всего пригоднее окажется кобылка, или колодка, употребляемая для зимнего ужения или ужения с плотов, у которой внизу, поперек ее, вращается на оси обыкновенная деревянная катушка с ручками на обеих сторонах (иначе она не будет так свободно вертеться). Шнурок (шелковый), наматываемый на эту катушку, пропускается в отверстие, просверленное в передней части кобылки под коротким удильником (можжевеловым или, еще лучше, из китового уса) с несколькими (3–4) кольцами, с нижней его стороны. Приспособление это обойдется очень недорого, леска же будет очень хорошо сматываться с катушки одною силою течения. При клеве рыболов сразу может затормозить катушку тою же рукою, в которой держит кобылку, и подсечь много в ернее и сильнее, чем при моложском способе; кроме того, рыбу можно утомить скорее и с меньшим риском, даже употребляя очень тонкую леску, так как имеется полная возможность спустить еще несколько аршин шнурка. При ловле с поплавком сторожкой крупной рыбы это дальнейшее отпусканье лесы от лодки, пугающей рыбу, вполне может заменить ужение на донную и даже много интереснее

и добычливее его. Необходимо только, чтобы все пространство, на которое отпускают поплавок (оно может быть в 10 и более сажен), имело почти одинаковую глубину.

Заграничные способы ужения на донную

При ужении на донную удочку по большей части употребляют несколько удилиц; вследствие этого нередко случается, что когда рыболов, привлеченный звоном бубенчика, подойдет, то клевавшая рыба, натянув лесу и почувствовав сопротивление, уже бросила насадку. Во избежание этого французы придумали особого рода приспособление, совершенно понятное из прилагаемого рисунка; когда рыба, взяв насадку, потянет за лесу, то плоская катушка *a*, на которую она намотана, поворачивается, ударяет шпеньком *b* по пружине с бубенчиком, с прикрепленной к ножке *d* снаряда, и продолжает разматываться, давая рыбе возможность беспрепятственно удаляться с насадкою и при каждом обороте позванивая бубенчиком.

Употребление бубенчика указывает на то, что донное удилице в большинстве случаев не держится в руке, а берется только тогда, когда звон бубенчика уведомит о поклевке; но можно снять бубенчик и держать удилице в руке, как это очень часто делают москворецкие рыбаки.

Без бубенчика удят на донную удочку и англичане, употребляя для этого обыкновенное удилице с катушкою, какое употребляется для ужения с поплавком; разумеется, степень гибкости верхушки удилице должна соответствовать силе течения и зависящей от нее тяжести грузила. Последнее бывает круглое (при легком течении) или плоское (при сильном); крючок привязан к леске из волоска (жилок) фута в 3 длины с дробинкою, прищипнутою в двух футах от крючка и не дающею грузилу съезжать дальше. Эта леска пристегивается к тонкому непромокаемому катушечному шнуру – и донная удочка готова.

В Англии употребляется один способ донного ужения, производимый следующим образом: приблизительно на один фут над крючком в леску ввязывают двумя петлями небольшую палочку (в 1 дюйм длиною). Затем берут комок чистой мягкой глины величиною от куриного яйца до апельсина; смотря по быстроте течения, прибавляют к глине немного мелких отрубей и червей, опарышей или шкварок (смотря по тому, чем хотят насаживать крючок) и осторожно приминают глину около палочки. Крючок с поводком слегка вдавливают в глину так, чтобы насадка была чуть видна (рис. 71), и шар закидывается в требуемое место; опустившись на дно, он понемногу размывается водою, уносящею вместе с глиною и более лакомые кусочки. Рыба, найдя источник этих благ, начинает разрывать глину, причем почти неизбежно встречает насадку и схватывает ее; сотрясение передается руке рыболова, держащего лесу слегка натянутой, он подсекает и вместе с тем сбивает с лесы остаток глины.

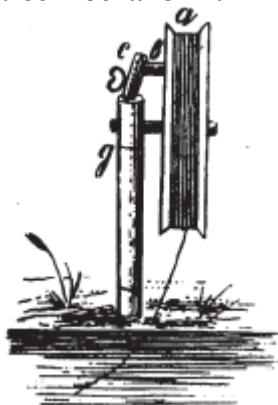

Рис. 70. Катушка для ужения на донную

Рис. 71. Глиняный шар

Способ этот особенно пригоден в тех случаях, когда рыба пуглива и клюет осторожно; единственное его неудобство заключается в том, что он не позволяет закидывать далеко от берега или лодки, иначе шар разбивается, ударившись о воду.

Во Франции этот способ применяется с маленькими изменениями, которые, однако, весьма остроумны и целесообразны. Во-первых, вместо обыкновенного удилища иногда употребляют донное удилище с бубенчиком, а иногда китовый ус, вершков 7-ми, вставленный в пробковую или деревянную ручку вершка в 3 1/2 или 4 длины (рис. 72) [11 - Это удилище уже всегда держится в руке.]. На расстоянии дюймов 3-х или 4-х от крючка прикрепляется дробина и вместе с ним прячется в комке глины, смешанной с сухим конским пометом и опарышами, червями или шкварками; так делается в местах, где дно чисто. В таких же местах, где на дне много задевов, опасно оставлять крючок на дне после того, как глина, закрывающая его, смывается; а между тем, как узнать, цел шар или нет, когда удилище не держится в руке? Для этого придумали следующее простое и целесообразное средство: на расстоянии 4-х или 5-ти дюймов от крючка на лесу вместо дробинки надевают кусочек пробки, такой величины, чтобы он мог поднять крючок со дна, если рыба, разбивши шар, не взяла насадку или если шар распустился раньше, чем рыба нашла его.

Рис. 72. Ручка с китовым усом для ужения на донную

При этом способе ужения можно также пользоваться услугами поплавка; французы при этом оставляют между поплавком и шаром расстояние, превышающее глубину воды в данном месте на 1 или 2 дюйма.<

> Англичане же ставят поплавков фута на два глубже, чем следует; он плывет по течению до тех пор, пока натянется леса между ним и шаром, так как последний водою совсем не сдвигается или сдвигается очень мало. Разумеется, при таких условиях заметна малейшая поклевка.

Этот последний способ можно несколько видоизменить: шар, удерживающий насадку на месте, заменяется грузилом, отстоящим на 1 фут от крючка и настолько тяжелым, что поплавок не может поднять его. Этот род ужения заслуживает внимания со стороны тех, кто не любит пачкаться и возиться с глиною или почему-либо не может удить без поплавка.

Очень часто на лесу надевают поплавок, состоящий из трубки пера вороны или

галки, и закрепляют его клинушкой из того же пера (рис. 73); расстояние между поплавком и крючком должно равняться глубине воды в данном месте. Это делается, чтобы легче заметить, когда насадка коснется дна, так как не у всех осязание достаточно развито, чтобы почувствовать это рукою.

Рис. 73

Ужение рыбы на насекомых

С появлением насекомых, приблизительно в конце мая, начинается время ловли внаплавную. Эта ловля плавом и на насекомое самая добычливая во все время жаров, но вместе с тем требует или совершенно особенной снасти, или радикальной переделки той, которая служила для ловли на червя.

Удильник более, чем при всяком другом способе ужения, должен быть удлинен, а вместе с тем и настолько легок, чтобы не утомлять руки, не выпускающей его во все время охоты. Он должен быть сверх этого очень гибок, причем гибь должна уменьшаться постепенно по направлению от верхушки до комля. Таким требованиям удовлетворяет удильник березовый, высушенный на вольном воздухе.

Леса волосяная, волос в восемь, совершенно пригодна для ловли средней рыбы. Лучше, однако, употреблять лесы сырцовые, тонкие, выдерживающие фунтов 5–6 мертвого веса. Необходимо такую лесу сделать непромокаемой. Длина лесы не должна превышать длину удильника более чем на 2–3 аршина, иначе закидывать будет трудно. При ужении на насекомое надо обратить особое внимание на то, чтобы вся снасть была по возможности тонка и мало заметна, вследствие чего следует избегать всяких лишних узелков и петель на лесе. Поводок – длинная, выкрашенная ализариновыми чернилами буйволовая жилка, прикрепленная к лесе рыбачьим узлом. Поплавок употребляется из гусиного пера или пробки. Всего лучше для этой цели описанные ниже самоогружающиеся поплавки, причем леску полезно смазывать от времени до времени салом.

Крючки для средней рыбы – №№ 4 и 5 Кирби или, еще лучше, крючки без колечка и лопаточки с едва заметным загибом, которые в недавнее время появились в продаже и которые в Москве можно найти, кажется, только у одного Шенбруннера. Крючки эти привязать очень легко, так как они снабжены игольным ушком (а не кольцообразным) и небольшим желобком вдоль крючка. Буйволовая жилка продевается в ушко спереди, и конец, вышедший сзади крючка, привязывается к последнему шелком, причем вдоль крючка делаются тонкие поперечные надрезы мелким напильком, чтобы поводок мог войти в эти зазубрины и не соскальзывать с крючка.

Грузило при ужении на насекомое совершенно отсутствует, так как вся снасть вместе с насадкой должна плавать.

Насадкою служат разные насекомые, из которых надо выбирать преимущественно крупных; наиболее употребительные насадки: крупные мухи, жуки, кобылки, кузнечики. Чтобы с успехом употреблять ту или другую насадку, нужно сообразоваться с тем, к какой насадке рыба более всего привыкла в данной местности.

Лучшее время для ужения на насекомое – вечер перед закатом солнца, когда насекомые толпятся над водой, а рыба всплывает кверху для кормежки.

Техника ужения проста. Выбрав место, где бы фигура рыболова не выделялась особенно резко, что может спугнуть рыбу, гуляющую на поверхности, поместившись, напр., у куста или под большим деревом и оставаясь в тени, наживляют крючок насекомым так, чтобы не умертвить его, помня при этом, что острый конец крючка не должен быть под покровом насекомого, а непременно должен быть наружи.

Наживив крючок, делают взмах и легко опускают насадку на поверхность воды; так как грузило отсутствует, то падение совершается вполне естественно. Если поблизости есть рыба, то она не замедлит схватить насадку; если же нет, то, подождав некоторое время, начинают подводить насадку к берегу легкими толчками; если и после этого рыба не возьмет, закидывают снова и повторяют тот же маневр.

Если рыба взяла насадку, подсекать необходимо только тогда, когда станет заметно, что леса натягивается, – признак того, что насадка во рту и рыба отплывает, чтобы проглотить ее. Подсечка должна быть энергичная, но не резкая. (См. также июль, «Ужение язей на кузнечика».)

<

>

Ужение при помощи ветра

Это очень оригинальный и добычливый способ ужения, но пользоваться им можно только при голых берегах и благоприятном (т. е. дующем с одного берега на другой) ветре. Удилище берется очень длинное (6–7 арш.) и довольно гибкое; леса очень тонкая, шелковая, но крепкая, с поводком в аршин или полтора, из тончайших жилок; длина лесы должна быть больше, чем длина удилища, на 2 аршина; крючок № 9–12 насаживается поденкою, бабочкою или большою мясною мухою. Рыболов поднимает удилище (насколько позволяет длина рук) так, чтобы насадка находилась на расстоянии аршина от земли, становится спиною к ветру и предоставляет ему нести крючок куда следует. Когда последний, так сказать, повиснет над местом своего назначения, кончик удилища опускается, насадка ложится на воду очень легко и естественно и почти всегда тотчас же схватывается рыбою. Если же при первом падении насадки на воду не будет поклевки, то следует предоставить ее течению, стараясь, чтобы по возможности леса лежала на воде.

Так как все условия, необходимые для успешного применения этого способа, не часто совпадают, то им приходится пользоваться довольно редко, но зато, если дождался благоприятного случая, можно щедро вознаградить себя за долгое ожидание.

Самоогружающиеся поплавки

В мелкой, быстрой и прозрачной воде ужение с обыкновенным поплавком и грузилом почти невозможно: рыба хотя и жадно хватается бросаемую прикормку, но, боясь быстро тонущей приманки, не берет ее. Здесь ловят почти исключительно нахлыстом на живых (или искусственных) насекомых, которые не должны тонуть. Ловля эта самая трудная и требует очень острого зрения и большой ловкости. Между тем, если груз поместить в нижней части поплавка, то последний приобретает надлежащую устойчивость, насадка же, извиваясь в воде на тонком поводке, имеет несравненно более естественное положение и хватается рыбою без прежних опасений. Для ловли живцов в жаркие дни такие самоогружающиеся поплавки положительно незаменимы, но с ними можно ловить и крупных голавлей, язей и плотву.

Самый простейший способ приготовления самоогружающихся поплавков заключается в том, что в нижнюю часть перяного поплавка или в перяную трубку осокоревого или же легкого пробочного поплавка кладут несколько мелких дробинок (или наливают ртути) и, выверив поплавков, залепляют эти дробины воском. Или же берут цельную трубку гусяного пера, в нее плотно пригоняют деревянную палочку в 1 дюйм длины так, чтобы она вошла наполовину; на другой конец палочки насаживают дюймовую трубку гусяного пера (глухой конец которой должен быть сделан вполне непромокаемым), в которую впускают несколько капель ртути или

насыпают самый мелкий дунет. Поплавок выверяется и отделяется. На месте соединения обеих трубок привязывается петелька из самой тонкой проволоки для пропуска леса, и завязка лакируется. Закрепляется поплавок (рис. 74) на леске одним перьяным колечком или двумя – на оба конца.

Для ужения на быстрине такие поплавки мало пригодны, но для ловли плотвы и другой белой рыбы в прозрачной, неглубокой и медленно текущей воде они очень удобны.

Самоогружающиеся поплавки для ловли на быстрине делаются несколько иначе: взяв поплавок, в котором леса задерживается перьяным клинышком (деревянные слишком разбухают), пропускают в сквозное отверстие его толстую жилку несколько большей длины, чем поплавок. На концах жилки завязывают по узлу и под этими узелками прищипывают известное число дробинок; если же требуется, чтобы поплавок лежал на воде, то насаживают одинаковое число на оба конца (рис. 57). Когда же надо, чтобы поплавок плыл стоя, то сверху насаживают только одну дробину, не дающую жилке проскользнуть в отверстие поплавка, а снизу – две, три или больше, смотря по надобности. (Рис. 67.) Для того чтобы поплавки из целого, совсем очищенного гусиного или дрофиного пера не соскакивали с палочки, достаточно укрепить ее в пере посредством шеллака или сургуча.

Такого рода поплавки представляют, однако, следующие неудобства: при лежачем положении, если ветер рябит воду, также на перекатах они мало заметны; при стоячем же они хотя становятся и более заметными, но недостаточно устойчивы, и, кроме того, при подобном положении поплавок леса не лежит поверх воды, а пересекает ее поверхность, через это легкая насадка (напр., мухи, мелкие кузнечики) скоро тонет, а рыба, живущая на быстрине, вообще охотнее берет насадку, находящуюся на поверхности воды.

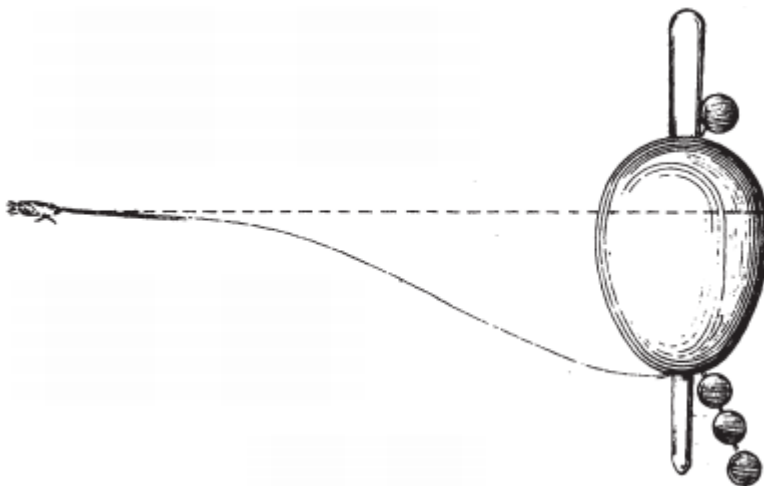
Неудобства эти до некоторой степени устраняются следующим образом. Просверлив хорошую пробку посредине и подчистив сделанное отверстие круглым подпилочком, придают ей форму очень удлиненного яйца. В верхний тупой конец ее вклеивают перьяную трубку, а в нижний, тонкий, – конический кусок свинцу со стержнем из медной проволоки, обмотанной слегка ватой. На расстоянии 1/2 дюйма от верхнего конца пробки прожигают раскаленную проволокою поперечное отверстие и вставляют в него трубку утиного пера, затыкающуюся клинышком из того же пера. Затем свинцовый конус обтачивается, насколько это нужно (для чего выверяют его в стакане с водой), для того чтобы поплавок погружался до нижнего края поперечного отверстия. Поплавок окрашивается масляной краской (подводная часть – зеленой, верхняя, включая и трубку, – белой краской) и покрывается копаловым лаком. (Рис. 77.)

Рис. 74. Перяной самогружающийся поплавок

Рис. 75. Лежачий самогружающийся поплавок

самогружающийся поплавок

Рис. 76. Стоячий

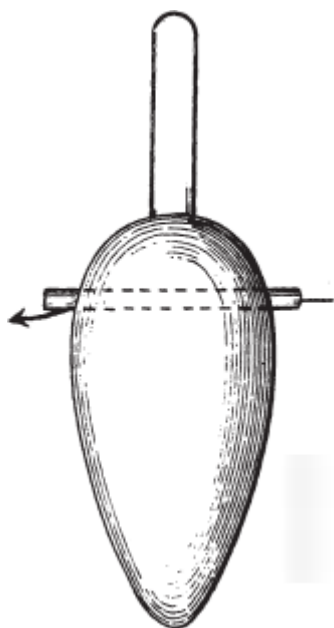

Рис. 77. Поплавок с поперечным отверстием

Но при ужении на быстрине и эти поплавки представляют слишком большое сопротивление при подсечке, почему последняя часто выходит неверною; кроме того, при подтаскивании к себе для перезакидывания он производит некоторую рябь, пугающую сторожкую рыбу. По этим причинам в последнее время придуман новый тип самоогружающегося лежачего поплавка заостренно-овальной формы. Из рисунка (рис. 78) видно, что поплавок просверлен вдоль; в сделанное отверстие вставляется трубка утиноного или другого какого-нибудь тонкого пера, а в эту трубку – клинышек из того же пера. Вдоль поплавка вырезывается полоса пробки, имеющая в разрезе форму треугольника, основанием обращенного к оси поплавка; на место ее вставляется полоска свинца соответствующей формы. Полоска эта обделывается заподлицо с поплавком, и последний выверяется; если окажется свинцу много, то его вынимают и вырезают с внутренней стороны (т. е. с основания) сколько нужно. Выверив поплавок местами в четырех (означенных в чертеже пунктиром), вокруг поплавка трехгранным подпилком нарезают неглубокие желобки и по ним крепко обматывают шелком, чтобы свинцовая «подошва» не шевелилась. Остается выкрасить нижнюю половинку в зеленый, а верхнюю в белый цвет и затем покрыть поплавок копаловым лаком.

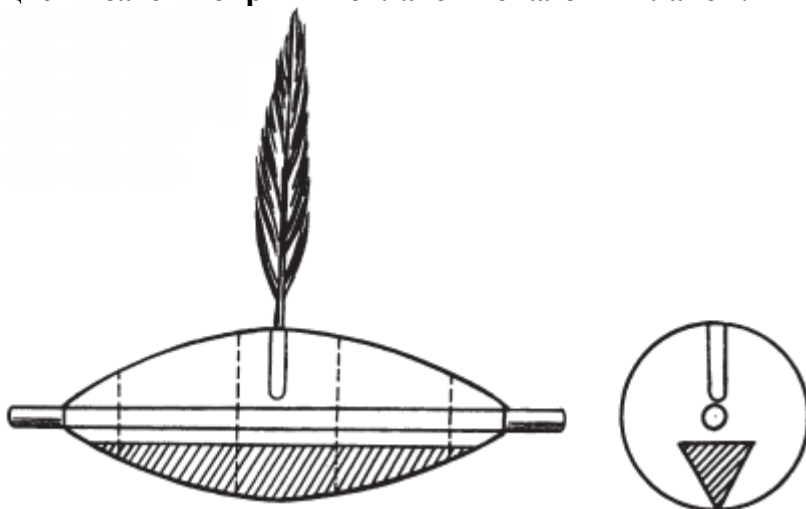

Рис. 78. Лежачий самоогружающийся поплавок со свинцовой подошвой

Для того чтобы поплавок этот был виднее, полезно просверлить в середине его

небольшое отверстие, перпендикулярное к оси его, немного не достигающее до продольного отверстия, в котором ходит леска. В это поперечное отверстие вставляется трубка тоненького пера, а в последнюю, когда понадобится, – белое перышко, как изображено на рисунке.

При ужении с самоогружающимися поплавками необходимо употреблять возможно более длинные удилица с не очень гибким кончиком, так как в противном случае подсечка на быстрине не будет достаточно энергичной. Лески надо употреблять как можно тоньше, лучше всего из одной крепкой жилки, поводок же – непременно; чем меньше крючки, тем лучше, особенно если нас адкою служит насекомое; можно, впрочем, ловить на червей, раковую шейку и т. п.

Ловля сежей

Ловля сежей, почти неизвестная большинству рыболовов-охотников, – одна из самых занимательных, тем более что этим способом добывается самая крупная рыба даже в самое глухое для ужения время. Хотя тут главную роль играет сеть, но эта охота имеет много общего с ужением, и тот, кто познакомится с нею, всегда предпочтет сиденье на сеже постановке жерлиц и даже донных удочек, где рыба большею частью ловится сама и от рыболова требуется только уметь ее вытащить.

Сежа состоит существенно из большой редкочечной мотни, которая укрепляется известным образом в известном месте небольшой реки или речки по ее течению. Рыболов помещается над сетью на помосте и, как только заметит или почувствует рукой, что в сеть вошла рыба, быстро приподнимает нижний край сети, и зашедшая в нее рыба уже не может освободиться.

Рис. 79. Сежа

Величина сети различна, но самое устье ее не должно быть менее сажени в диаметре, а длина менее двух. Вяжется она из тонких, но самых крепких ниток, б. ч. трехпалечными ячейками (так, чтобы в ячейку вкладывались три пальца и мелочь проходила бы беспрепятственно). Чтобы сделать сеть еще менее заметной, нелишне ее окрашивать в светло-зеленую или желтоватую краску, но достаточно и продубить ее. Ставится эта сеть или ближе к берегу, особенно весной, или же посередине русла на самом стремени, вообще же там, где главный ход рыбы. Способ прикрепления сежи следующий. В дно поперек реки вколачивают две пары толстых кольев,

оканчивающихся развилками; каждая пара отстоит от другой на 3–9 аршин, смотря по величине сети; расстояние между кольями каждой пары равняется 1–1½ аршина, а вершины кольев возвышаются над уровнем воды примерно на поларшина. На эти кольца кладутся две перекладины, а на последние настилаются доски, на которых и сидит рыболов.

Верхняя бечева сети привязывается к передней перекладине, т. е. обращенной к течению, а нижняя бечева – к коромыслу, которое делается из еловой легкой жерди с петлюю или деревянным кольцом на каждом конце так, чтобы петли эти свободно ходили по кольям. Для того чтобы не пугать рыбы, как кол, так и коромысло полезно обугливать. К коромыслу прикрепляется батожок с петлей, которая задевается за шпенек. К середине сети прикрепляется 5–12 сим, т. е. ниток или самых тонких бечевок, которые рыболов, сидящий на помосте, держит в руке. Малейшее прикосновение рыбы к симам передается рыболову, который мгновенно сдергивает петлю, коромысло быстро всплывает кверху, и рыба остается как бы пойманной в западню. Можно обойтись и без насторожки, но в таком случае в середину коромысла вделывают вертикальную палку, которую рыбак придерживает рукой и поднимает, когда рыба вошла в сеть. Такое устройство употребляется, впрочем, в прозрачной воде, т. е. где можно обойтись без сим.

Для того чтобы увеличить шансы лова, там, где это можно, т. е. в небольших речках, русло перегораживают заколами с отверстием для сети. Иногда также к сети пришивают крылья большей или меньшей длины.

Ловля сежей начинается с весны и продолжается до осени, но самая лучшая охота бывает в июне. На севере России это один из главных способов добывания самой крупной, осторожной рыбы, например нельмы, тальменя и др. В средних губ. ловля сежей почти не известна, но под Москвой она с большим успехом применяется на Уче, под Пушкином, одним из служащих на фабрике бывшей Прохорова. В сежу попадают этому рыболову очень крупные лещи, шересперы, язи и др., главным образом ночью, когда рыба идет в сеть много смелее.

Ловля и хранение мотыля

Мотыль – красный червячок-личинка комара долгоножки (*Tipula*) – составляет любимую насадку московских рыболовов при ловле плотвы, подуста, ерша и др. Вообще почти все рыбы берут на мотыля с жадностью; мотыль виден издали, а красный цвет особенно привлекателен рыбе, и, кроме того, рыба находит в нем знакомую добычу. Мотыль встречается почти во всякое время года как в реках, так и в прудах, но чаще в последних, так как живет в иле, откуда его добывают, вычерпывая ил решетками и другими подобными снарядами и потом промывая. Добывание мотыля, так же как и выползков, т. е. больших земляных червей, даже служит в Москве, может быть и в других больших городах, предметом особого промысла. В Москве его почти всегда можно купить на воскресных птичьих базарах на Трубной площади, а в другие дни – у удильщиков-промышленников или в табачных лавочках на Моховой, торгующих и рыболовными принадлежностями, также в магазинах аквариумов. Покупая мотыля на рынке, необходимо предварительно осмотреть мотыля у всех торговцев, чтобы узнать, у кого лучший, т. е. наиболее яркого красного цвета (самый свежий), самый крупный и наиболее чистый, т. е. лишь с небольшой примесью ила, земли или песка. За горсть крупного выгоднее дать вдвое дороже, чем за горсть мелкого. В Москве мотыль продается относительно дорого, и горсть его редко можно купить дешевле 20 к.

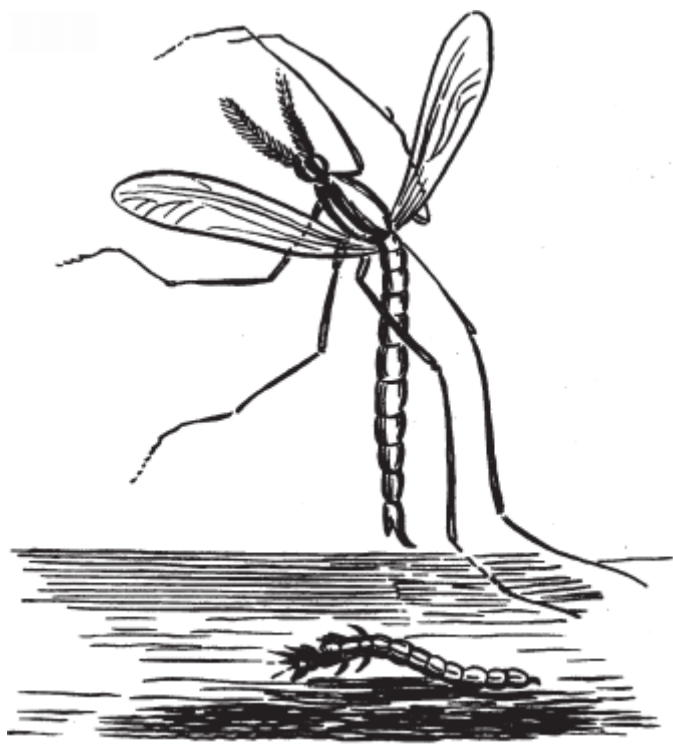

Рис. 80. Долгоножка и ее личинка

(мотыль)

Запас мотыля обыкновенно держат в сырой, но не мокрой тряпочке, складываемой плоско – конвертиком (чтобы мотыль не лежал кучей); тряпочку эту кладут в глубокую тарелку или горшок с сырым песком. Посуду ставят на лед, предварительно подстлав под нее соломы, чтобы мотыль не замерз. Летом, при ужении в жаркую погоду, мотыля б. ч. кладут в сырой тряпочке в жестяную коробку, обертываемую мокрым полотенцем или тряпкою.

Рис. 81. Мотыльные крючки

Рис. 82. Насаженный мотыль

Рис. 83. Искусственный мотыль

Самый лучший способ хранения мотыля более продолжительное время следующий. Берут какую-нибудь жестяную банку или коробку и проделывают в крышке ее гвоздем или шилом отверстия. (Особенно для этого хороши ведерочки из цинка, который никогда не ржавеет и потому всегда чище вымывается.) Затем берут листьев спитого чаю, но только такого, который был недавно обварен, и, выжав их хорошенько, перемешивают с мотылем. При этом особенно наблюдают за тем, чтобы червячки не лежали кучами вместе, а по возможности отдельно, иначе они вскоре начнут преть и тухнуть. Затем чай этот с червями ежедневно встряхивают, чтобы он не слеживался, а чуть он начнет покрываться плесенью, тотчас же подмешивают к нему свежего. Коробку с мотылем следует держать в прохладном месте, а летом даже на погребице. При этом надо наблюдать еще за тем, чтобы коробка была постоянно закрыта крышкой, чтобы влага из чая не испарилась и как самый чай, так и черви не засохли. Один и тот же чай не может служить нескольким порциям мотыля, но каждый раз, как покупается свежий мотыль, коробка должна быть вымыта дочиста и наполнена новым свежим чаем.

В случае надобности место чая может заменить также и белый болотный мох. С мхом мотыль перемешивается так же, как и с чайным листом, только необходимо наблюдать, чтобы он постоянно был влажен и не мокр, иначе с ним произойдет то же самое, что и с перепрелым чаем.

Насаживание мотыля

Насаживать мотыля очень трудно, и для этого требуется навык и сноровка, даже при употреблении самых мелких крючков (№ 14), так как стоит сделать большой прокол – из мотыля вытекает все его содержимое и остается только прозрачная кожица, не имеющая для рыбы ничего привлекательного. На крючки № 10 почти невозможно насадить мотыля. На Москве-реке для мотыля употребляют б. ч. особого рода тонкие крючки с необыкновенно длинным стержнем и колечком; на них насаживают по три или четыре червячка, прокалывая их поперек второго (от головы) сустава. При таком способе насадки рыба, особенно елец, часто сшибает ее с крючка, а потому пригоднее, хотя и труднее, другой способ, именно: жало самого мелкого и тонкого крючка впускается во второй же сустав мотыля, и последний легонько надвигается до тех пор, пока не закроет всего крючка до завязки. Последнюю лучше делать из красного шелка.

Трудность насаживания мотыля, составляющего, однако, любимую насадку большинства рыб, заставила прибегнуть к замене его искусственным. Несколько лет назад в Англии начали делать таких искусственных мотылей из жилки, окрашенной в ярко-красный цвет и привязанной к самому мелкому крючку. Хотя крючок здесь на виду, но надо принять во внимание, что крючок полирован и, следовательно, менее заметен в воде и что искусственный мотыль назначен для ужения на довольно быстром течении, так что рыба не может или, вернее, не успеет рассмотреть крючка. Впрочем, весьма полезно прикрывать жало крючка кусочком красной шерсти. Искусственные мотыли продаются в Англии около 2 р. за дюжину (с отличными

поводками из тончайшей отборной жилки), а у нас встречаются очень редко и стоят значительно дороже. Недавно в Москве появился в продаже искусственный мотыль, приготовляемый каким-то рыболовом-промышленником, но мотыль сделан очень грубо, крючки обыкновенные, неполированные, и поводки из жилки чересчур толсты.

Добывание опарышей

Опарыш, т. е. личинка мясной мухи, довольно редко употребляемый русскими рыболовами, за границей составляет одну из самых употребительных насадок для ужения нехищной рыбы. Добыть опарышей нетрудно: стоит взять кусок мяса, а лучше печени или легкого и, сделав на нем несколько глубоких надрезов, повесить его на солнце. Тотчас соберется множество мясных мух и положат в надрезы свои яйца; тогда печеньку (или мясо) кладут в закрытый горшок, и вскоре из яиц выводятся белые черви с черною точкою внутри. В горшок прибавляют несколько пригорошней пшеничных отрубей, и через несколько времени (3–4 дня) опарыши достигают полной величины; тогда их перекалывают в горшок, наполовину насыпанный пшеничными отрубями, и дают им только необходимое для питания их количество печени. Через несколько дней черное пятно внутри опарышей исчезает, они очищаются и становятся годными для употребления. Некоторые привешивают печень к положенным крест-накрест палочкам над горшком или кадочкою, наполненною до половины сухой глиной (или тоже отрубями). Опарыши падают туда и закапываются. В крайнем случае можно добывать опарышей, бросив дохлую кошку или птицу или отыскивая их на какой-либо падали.

Другой очень хороший способ добывания опарышей разнится от предыдущего только тем, что печень заменяется мелкой рыбой (преимущественно уклейкой, колюшками), которую выставляют на воздух в открытом горшке до тех пор, пока не будет наложено мухами достаточного количества яиц; дальше поступают так же, как говорено выше. Иногда опарыши получаются вдвое больше обыкновенного – до 3/4 д. длины и соответственной толщины. Такие опарыши суть личинки большой синей мухи и много лучше и удобнее как насадка, чем обыкновенные.

Опарышей необходимо сохранять в сухом сосуде, который должен плотно закрываться и не иметь ни малейшей трещины: если стенки сосуда (конечно, внутренние) будут хоть слегка влажны, опарыши по ним всплзут и уйдут. Если сосуд не будет плотно закрыт, то опарыши сделаются добычей крыс, которые до них чрезвычайно лакомы, а если в нем будет малейшая трещина, то опарыши ухитрятся протиснуться сквозь нее и уйдут. Кроме того, опарыши должны сохраняться в прохладном месте; в противном случае они скоро превратятся в коричневого цвета куколку. Хотя куколка эта служит превосходнейшею насадкою для плотвы, но на нее ловят очень немногие, так как она чрезвычайно нежна, требует тонких крючков, осторожного насаживания и быстрой подсечки при первой поклевке.

Насаживание опарышей

Опарыши насаживаются различными способами, только крючки не должны быть крупнее 6-го номера.

1) На крючок № 6–8 насаживают 3–4 опарыша, впуская крючок на 1/2 вершка от толстого конца и пропуская через тонкий, причем жало крючка прячут в последнем опарыше. 2) Многие рыбаки рекомендуют следующий способ: крючком № 9–11 задевают за кожу на толстом конце опарыша так, что закрыта только небольшая часть сгиба; так можно насадить и двух или нескольких опарышей. Способ этот особенно хорош в том отношении, что опарыш живет очень долго и, сохраняя

свободу движения, лучше привлекает рыбу.

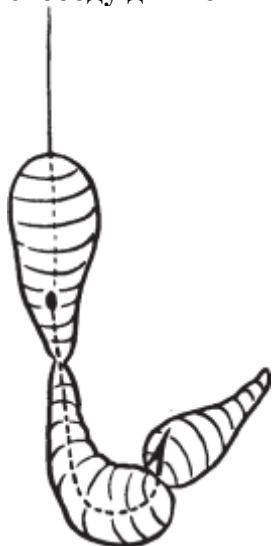

Рис. 84

Рис. 85

Насаживание опарышей

Так как опарыши очень мелкая и нежная насадка, то поэтому в Англии некоторые рыболовы предварительно кладут опарышей в уксус, пока они не напитаются им как следует, а затем слегка пропекают на листе в печи. Через это они делаются крепче и увеличиваются в объеме как в длину, так и в толщину.

Подкрашивание хлебной насадки

Если вода очень мутна, то рыба (плотва, красноперка, уклейка и некоторые другие) берет плохо, и тогда полезно окрашивать белый хлеб в красный цвет. Несомненно, что красный цвет виден в воде дальше, чем какой-либо другой, но, кроме этого, всякая рыба с жадностью бросается на небольшие предметы красного цвета. Для этого берут мякиш сыровато испеченного, лучше сдобного белого хлеба (или пирога), хорошенько сминают его, раскатывая на ладони блинчиком вместе с медом, в который прибавлено очень небольшое количество мелко истолченного сурика или киновари. Мед кроме сладости (не очень голодная рыба, особенно плотва, предварительно пробует вкус насадки) придает белому хлебу вязкость, почти всегда свойственную черному хлебу. Поэтому многие предпочитают мякишу белого хлеба тесто из пшеничной муки, которое не так легко смывается с крючка течением. Хлеб приобретает красный цвет, особенно полежав день или два. Изготовив несколько шариков побольше грецкого ореха, их сохраняют в сыром месте или в выжатой тряпочке. Когда они зачерствеют и начнут крошиться, надо

прибавить меду и опять смять. Такие шарики могут сохраняться годными к употреблению в течение недели и более.

Приваживание рыбы

Для того чтобы приучить рыбу собираться на известное место ловли и тем обеспечить себе успех ужения (а иногда и ловли сетями), необходимо ее привадить, т. е. бросать заблаговременно различный корм, смотря по рыбе, а иногда месту и времени года. Корм же, бросаемый во время ужения, называется прикормкой. Приваду следует периодически возобновлять, особенно же накануне ужения.

Привада для рыбы кладется обыкновенно в реках, когда они войдут в межень, а в прудах – когда подымутся травы, вообще же, когда рыба начнет приискивать себе постоянные притоны. Привада бросается преимущественно около берега – для ужения с берега, плотов или мостов и мостков – в таких более или менее глубоких местах, где может держаться та рыба, которую желают ловить; для ужения с лодки привада употребляется редко, но также весьма полезна. Место должно быть предварительно расчищено, т. е. весь район ужения освобождается от коряг, травы и других задевов. Приваду следует бросать кругом того места, где будет находиться насадка, всего гуще у самой насадки. В местах, вовсе не имеющих течения или имеющих небольшое, т. е. в прудах и речных заводях, привада бросается прямо на дно; там же, где ее нельзя часто возобновлять (в тихой воде) или где нежелательно пресытить рыбу, особенно если прикормка уносится течением, погружают ее, иногда с грузом, на дно в кульках, мешках из рединки, марли или же в пробуравленных многочисленными отверстиями жестянках с крышкой. Мешки эти или сосуды привязываются к крепкой бечевке, которая или втыкается на колышке в берег, или (при ужении с лодки) несет на конце поплавков (палку, щепку, пучок камыша и т. д.). Перед началом ужения мешок вытаскивают на берег, так как иначе крючок будет часто зацеплять за него и бечевку. Еще удобнее в быстрой воде, особенно если привадой служат черви, опарыши и др. животная приманка, закатывать ее в глиняные шары, которые бросаются на дно. Глина здесь играет как бы роль теста, а черви роль фарша, почему глина должна быть хорошо промята; если же приманкой служат зерна растений, то глина берется только в том количестве, какое необходимо для того, чтобы связать эти зерна. Такие шары (различной величины) бросаются обыкновенно за несколько часов до ужения или перед самым ужением, так что являются уже прикормкой.

Постоянное ужение в одном и том же месте – причем выбрасываются в воду негодные для насадки органические вещества, а перед прекращением ужения – вся насадка, которую рыболов не рассчитывает сохранить до следующего раза, – также служит отличным средством привадить к этому месту рыбу. Поэтому надо принять за правило по окончании ловли бросать всю остающуюся насадку и прикормку, если только это не составит затруднения, т. е. если насадку эту вообще нетрудно добывать.

Привады и прикормки могут состоять из весьма многих растительных и животных веществ, которые иногда предварительно слабят различными маслами и сильно пахучими веществами, привлекающими рыбу даже с больших расстояний. Чем заметнее привада в воде (это важно, впрочем, только вначале), чем она пахучее и вкуснее для той рыбы, которую желают ловить, тем лучше; чем крупнее отдельные куски привады, тем более вероятности, что она не достанется мелкой рыбе и не привлечет ее вместе или прежде крупной. Но во всяком случае надо принять за правило, что привада (и прикормка) должна быть менее привлекательна для рыбы, чем самая насадка, и лучше держаться той привады, которая почему-либо чаще всего употребляется в данной местности. Многие полагают, что насадка

должна быть та же, как привада или прикормка, только более крупная, т. е. отборная, но этому правилу нельзя всегда следовать, да и нет в том особой надобности.

Сколько следует бросать привады и как часто возобновлять ее – зависит от того, как часто удят на этом месте (чем чаще, тем меньше), от быстроты течения, свойства дна (в иловатое дно много ее уходит) и других условий. Приваду можно бросать или класть в количестве 2–3 горстей и нескольких (5 и более) фунтов, а возобновлять ежедневно, через несколько дней и (если можно) накануне уженья. Если это невозможно, то бросают перед уженьем такую же прикормку.

Самое лучшее время для возобновления привады – раннее утро и вечер после заката; если ловят в данном месте только ранним утром, то приваду следует всегда бросать ночью; если же ловят только вечером, то утром и даже среди дня; если ночью, то перед закатом.

Никогда не следует бросать хлебную приваду, уже испортившуюся, т. е. заплесневевшие и прокисшие зерна, хлеб, кашу, а также совсем испортившихся червей. Рыба такую приваду не ест, и она привлекает только раков. Можно приваживать рыбу только на гнилой сыр и испортившийся творог.

Необходимо заметить, что, если можно, следует устраивать две или даже три привады в недалеком друг от друга расстоянии. Это делается для того, чтобы, поймав несколько крупных рыб и распугав остальных, можно было продолжать ловлю на другом месте.

Различного рода привады

Привада может состоять из веществ животных и растительных, но первые употребляются гораздо реже последних.

Из животных веществ рубленое мясо, внутренности рыб и различных животных и птиц, куски рыбы употребляются для привады хищной рыбы (сомов, иногда шук, окуней), а черви, улитки, опарыши, мотыль – для привлечения всякой белой рыбы; бросаются они преимущественно незадолго до уженья (иногда в глиняных шарах) или же во время уже нья.

Хлебный мякиш и корки – самая доступная растительная привада, пригодная для очень многих нехищных рыб. Хлеб полезно смачивать конопляным или льняным маслом, а корки распаривать или поджаривать так, чтобы они пригорели. Иногда хлебный мякиш налепливают на пучки камыша или на листья водяных трав (при уженьи плотвы и красноперки в травах); иногда сминают большой кусок хлеба и в середину кладут камень, но лучше всего кидать хлеб небольшими смятыми шариками. Крошить хлеб не годится, ибо его уносит течением или ветром и, кроме того, крошки привлекают одну мелочь. Вообще как в стоячей, так и в текучей воде гораздо удобнее хлеб (а корки всегда) опускать в воду в редких мешках. Нередко вместо хлеба для привады употребляют тесто.

Отруби – пшеничные или ржаные (которые хуже) – употребляются только в смешении с другими растительными веществами и не иначе как в мешках. Назначение их – служить подспорьем настоящей приваде, привлекая к ней рыбу с больших расстояний (при течении). Большею частью отруби предварительно поджаривают в масле.

Зерна хлебных и бобовых растений составляют самую лучшую прикормку для белой рыбы. Лучше всего пшеница, за нею следует рожь, ячмень, горох, бобы и кукуруза. Все эти семена бросаются (или опускаются в мешках) в воду не иначе как предварительно распаренными. Для этого они кладутся в горшок с водою и ставятся в русскую печку (или шкаф); в печке они должны находиться до тех пор, пока не разбухнут настолько, что некоторые дадут трещину. Тогда следует все зерна

откинуть на решето и полить холодной водой, от чего они обыкновенно белеют и становятся, следовательно, более заметными.

Каши из различных круп (гречневой, пшенной, полбенной), а также вареная перловая крупа или вареный рис, в свою очередь, служат отличной приманкой. Кашу надо варить как можно круче, иногда так, чтобы можно было ее резать кусками; лучше, если она сдобрена конопляным или льняным маслом и сварена на молоке. Большею частью кашу (так как она плавает) опускают в мешках или же сминают с глиной.

Конопляное семя, непременно толченое и затем поджаренное, как и отруби, служит также подспорьем к главной приваде, опускаемой в мешке. Впрочем, можно бросать в воду непосредственно только одно семя (и отруби), если его смешать с глиной.

Конопляные или льняные выжимки, остающиеся от производства масла (жмых, колоб, дуранда), составляют превосходную приваду для сазана и других рыб. Их следует употреблять небольшими кусками.

Сыр, как привада, употребляется в России редко и б. ч. в виде примеси к другим веществам. Сыр для привады берется старый, гнилой, но несоленый.

Творог составляет довольно употребительную приманку, особенно для линеи. Он также может быть несвежим. Опускается в воду в кульках или мешках.

Для лещей кроме моченого гороха и различного рода каш очень хорошую приваду составляет рощеный ячмень. Берут 1–2 гарнца рощеного и крупного смолотого ячменя, варят его в воде, дают два раза вскипеть, потом процеживают через холстину. Получается тестообразная масса; ее сминают руками в небольшие комочки и бросают в воду.

Вот еще отличная привада для всякой рыбы. Берут старого гнилого, но несоленого сыру и растирают его на конопляном, льняном или прованском масле так, чтобы составила жидкая смесь. Затем в нее прибавляется небольшое количество камфары (на фунт смеси 2 грана) или несколько капель анисовых или мятных капель, хорошенько все перемешивают и затем подбавляют столько отрубей, чтобы можно было катать из этого теста небольшие шарики. Шарики эти кидаются на месте уженья накануне и в небольшом количестве.

Пахучие вещества, привлекающие рыбу

Сильно пахучие вещества, мельчайшие частицы которых почти так же далеко распространяются в воде, как и в воздухе, привлекают рыбу с таких расстояний, где насадка никак не может быть замечена. Кроме того, они придают острый вкус насадке, которая поэтому проглатывается рыбою с большею жадностью. Это пристрастие рыбы к пахучим веществам давно обратило на себя внимание рыболовов за границей, и последние для снабживания насадки и прикормки употребляют с успехом даже такие вонючие вещества, как ассафетида (чертов кал). У нас, в России, для той же цели ограничиваются прибавлением к хлебу небольшого количества конопляного или льняного масла (реже прованского), в котором иногда вымачивают и червей. Но гораздо лучше к этому маслу прибавлять несколько капель анисового или мятного масла (5 капель на столовую ложку), которое может быть заменено значительно большим количеством мятных или лавровишневых капель. Рыба, в особенности плотва, охотно берет на шарики хлеба с анисовым маслом, когда вовсе не клюет на простой хлеб; на них попадаются также порядочные голавли и лещи. Очень хорошим средством для привлечения рыбы служит камфара, кот орою можно прибавлять к хлебу, но лучше класть ее в ящики (в мох), где хранится запас червей. На таких пахучих червей рыба охотно берет, даже если они больны и неподвижно сидят на крючке. Основываясь на том, что еще в прошлом столетии рыболовы советовали натирать для приманки рыбы кусочки красного

сукна, привязываемые к приманке, петролиумом, надо полагать, что все эти вещества (включая даже конопляное и льняное масло, не всегда имеющееся под руками) можно заменить простым керосином, который всегда под рукой.

Хотя рыба очень любит пахучие вещества, но, по-видимому, не все. По крайней мере за границей еще в прошлом столетии употребляли иссоп, если требовалось выгнать рыбу из очень крепких мест. С этой целью мелкоистолченный иссоп смешивают с землею и бросают в воду. Вреда рыбе он не приносит, но рыба долгое время (?) даже не приближается к тому месту, где было брошено это снадобье.

Прикормка

Прикормкой называется привада, которая бросается в воду перед ужением или во время самой ловли. Для прикормки употребляются те же вещества, как и для привады, но большинство рыболовов ограничивается тем, что подбрасывает к удочкам то же, что ими употребляется для насадки.

В стоячей или медленно текущей воде прикормку бросают около самого крючка; в быстрой воде приходится бросать ее несколько выше по течению, соображаясь с быстротою его и с глубиною воды, что дает опыт. Полезнее в таком случае прикормку закатывать в глиняные шары и бросать их на дно. Опускать прикормку в мешке не годится, так как крючки могут задевать за него и бечевку. Для опускания прикормки на дно употребляются особые снаряды, которые опоражниваются на какой угодно глубине.

Не надо забывать, что цель прикормки не есть насыщение рыбы, а только возбуждение ее аппетита. Поэтому никогда не следует бросать слишком много прикормки, так как это вернейший способ испортить себе ужение. После поимки крупной рыбы, возня с которой распугала других, полезно бросить немного прикормки, но вообще, пока рыба клюет хорошо, прикормку бросать не следует; она пригодится тогда, когда клев станет ослабевать. Очень хорошо, если можно бросить прикормку заранее в нескольких местах (напр., местах в пяти на расстоянии четверти версты) с уверенностью, что ими никто другой не воспользуется; тогда, лишь только в одном месте клев прекратится или возня с очень крупною рыбою распугала других, можно перейти на следующее место и т. д. Когда нельзя себе приготовить большого количества прикормленных мест, можно довольствоваться двумя, отстоящими друг от друга шагов на 40; в таком случае все же больше шансов на добычливую ловлю, чем когда располагаешь только одним местом.

При ужении на такие насадки, которые не сбиваются с крючка подсечкою, очень выгодно употреблять попорченную насадку в качестве прикормки; особенно удобно это тогда, когда рыба хорошо клюет.

Очень часто прикормка и привада поедаются раками, не доставаясь рыбе. Во избежание этого лучше застрелить несколько птиц, ощипать их и бросить (с камнем) в воду подле прикормленного места. Заметив вблизи прикормки более лакомую пищу, раки мало-помалу оставляют ее в покое и переходят к мясу.

Притрава

Притравой называется собственно муть, производимая в месте лова каким-либо способом. Рыба, особенно пескарь, ерш, также плотва и другие, встречая эту муть, далеко относимую течением, с которою у нее связано представление о поживе, подходит к крючкам и берет приманку. Всего удобнее производить муть длинным шестом или граблями, но можно также бросать пригоршни песка, особенно иловатого. Плотву очень хорошо притравливать илом, содержащим в себе мотылей. Ил этот разводят водою до густоты довольно жидкого киселя (или чрезвычайно

густых сливок) и пускают его по дну реки при помощи аппарата, состоящего из воронки с широким отверстием, к которой прикреплена гуттаперчевая трубка надлежащей длины. Конец этой трубки удерживается на требуемом месте посредством какого-нибудь груза, привязанного к нему; ил вливается в воронку через каждые 10 и 15 минут в количестве одного полуштофа (конечно, приблизительно) и, попадая на дно реки, несет вместе с собою и червячков. Рыба, естественно, старается отыскать источник поживы и приближается к крючку, плывущему именно в той мутной струе, которая несет с собою лакомую пищу; этот способ применим только при ужении с лодки, плота или моста.

Снаряды для опускания прикормки на дно

Так как в текучей воде бросаемая прикормка уплывает и ложится на дно вдали от рыболова, то для опускания прикормки употребляются особые снаряды.

Первый снаряд состоит из жестянки вершка 3 вышиною и 1 вершок в поперечнике (или гораздо длиннее и шире). Он до пол овины заливается свинцом и имеет на дне колечко. Жестянка закрывается крышкой, которая также до половины залита свинцом, наверху имеет колечко и легко снимается с жестянки. К нижнему верхнему кольцу привязывается веревочка из тонкой отбойки длиною в 6 вершков. Кроме того, к верхнему кольцу привязывается такая же веревочка длиною в несколько аршин, смотря по глубине. Прикормка насыпается в жестянку, которая после этого закрывается крышкой и спускается на дно. Когда жестянка дойдет до дна, тогда, стоит только дернуть за длинную веревочку, крышка снимается с жестянки, причем жестянка опрокидывается, а прикормка поплывет по дну.

Гораздо удобнее снаряд, обыкновенно употребляемый в окрестностях Берлина. Он состоит из усеченно-конического жестяного сосуда А, снабженного в верхней своей части известным числом небольших отверстий (рис. 86). К верхней части припаяно кольцо а, а к нижней – на петлях крышка b с петлею d. Наполнив жестянку прикормкою, вкладывают облитый свинцом крючок e в петлю d и посредством привязанной к нему веревки, проходящей через кольцо а, опускают жестянку в воду крышкой (b) вниз. Как только жестянка коснется дна, ослабляют веревку, которая до сих пор была натянута; крючок e, благодаря свинцовой рубашке c, выскакивает из петли d, и когда начинают вынимать жестянку из воды, то прикормка своею тяжестью открывает крышку b и ложится на дно.

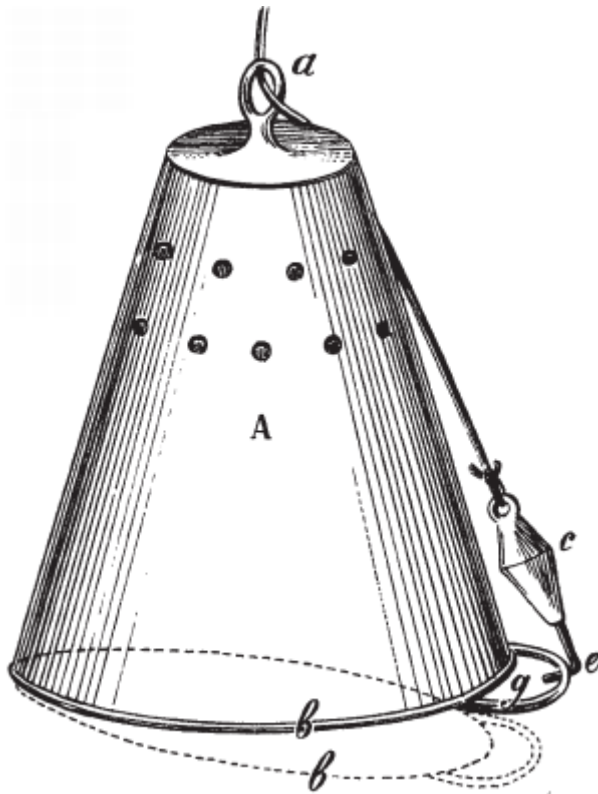

Рис. 86. Снаряд для опускания прикормки

Снаряд этот может сделать не только что каждый медник, но даже порядочный кровельщик.

Устройство гаток, или язов

Чтобы удержать прикормку на довольно быстром течении, не прибегая к помощи мешка, которого некоторые рыбы (особенно карп) боятся, устраивают т. н. гатки, мостки, местами называемые также язами. В месте, избранном для ловли, вбивают по направлению от берега к середине реки перпендикулярно течению воды довольно крепко два ряда кольев, по три и даже по четыре в каждом ряду. Расстояние между кольями не более $1\frac{1}{2}$ аршина, а между обоими рядами кольев – 1 аршин. Колья оплетаются лозой или орешником, причем концы орешника или лозы длиной до $\frac{3}{4}$ аршина оставляются от середины реки незаплетенными. Таким путем образуются в воде два плетня в расстоянии один от другого не более аршина и длиной около 5 аршин. Промежуток между плетнями наполняется в уровень с поверхностью воды разным хворостом. Если мостик или гатка устроены с правого берега, то сиденье устраивается по правую сторону гатки, и наоборот, сиденье устраивается с левой стороны гатки, если гатка находится подле левого берега реки. Течение реки, встречая препятствие в гатке, направляется к концу плетня, а по другую сторону гатки образуется место с весьма слабым, едва приметным течением; здесь будут закидываться удочки; сюда же бросается несколько прикормки, но большую часть прикормки следует бросать прямо на гатку; зерна, падая между плетнями в хворост, задерживаются там некоторое время и затем под влиянием напора на первый плетень текущей воды проскакивают сквозь второй плетень и попадают в тихое место, где и ложатся на дно. Нужно бросать прикормку на другой или на третий день после устройства гатки (см. также июль, «Ужение на метлицу»).

Ловля рыб на подпуски

Ловля подпусками нечто среднее между ловлей переметом и на донную удочку. Длина самого подпуска, делаемого обыкновенно из толстой волосяной лесы (в 30–40 волос) или крепкой бечевки, бывает различна, смотря по количеству крючков, привязываемых на аршинных коленцах, обыкновенно волос в 8 толщиною; один крючок от другого должен быть на расстоянии около пяти четвертей. Количество крючков произвольно, но для скорейшей насадки всего лучше штук 20–25, не более; № крючков 6. К подпуску привязывается грузило (гирька фунта в 3), так, чтобы подпуск был отдельно от грузила или выше его, для чего гирька привязывается к подпуску на отдельной веревочке с пол-аршина длиною и вместе с подпуском опускается на дно; свободный же конец лесы привязывается к небольшому, но крепкому удильнику. Леса от грузила к удильнику натягивается довольно туго, совершенно перпендикулярно, так, чтобы удильник немного пригнулся к воде. Когда возьмет довольно крупная рыба, то по удильнику это можно узнать в ту же минуту. Насадкой служат черви и линючие раки – целые или только их шейки (хвостики), реже живцы (пескари, ельчики).

Ловля на эту снасть производится на быстрой и очень глубокой воде, однако не на самом фарватере, непременно с лодки или с моста. Для ужения с лодки (обыкновенно вдвоем) ее укрепляют на якорь (кошке), от которой идут две бечевки: одна зачаливается за корму, другая за нос ботника, так что лодка стоит поперек реки. Один удильщик сидит в носу, другой в корме; когда все крючки подпуска насажены, каждый спускает свой на дно, где они и ложатся параллельно один другому.

В других местностях Средней России подпуск делается несколько иначе. От короткого удильника (или просто от руки) идет бечева к тяжелому грузу, лежащему на дне, а от груза к крупному наплаву, относимому течением на значительное расстояние от груза. На последней половине бечевы прикрепляются такие же поводки с наживленными крючками. По движению наплава узнают о пойманной (даже небольшой) рыбе.

Ловля сомов на жерлицы

Жерлицы для сомов делаются более крупные и крепкие, чем для ловли другой хищной рыбы. Шест для поддержки жерлицы должен быть березовый, длинный и упругий и крепко воткнут в берег. Наживляются крючки всякой рыбой, но кажется, лучше всего сом берет на карася, подлещика и на небольшую щучку. Жерлицы ставятся в местах чистых, чтобы живец не мог запутаться за траву и был виден хищнику. Насаживают также на жерлицы лягушек, и сомы охотно идут на них; при этом надо стараться, чтобы лягушка все время держалась на поверхности и ворочалась. Для этого грузило с жерлицы снимают, и конец от рогульки до крючка делается такой длины, чтобы крючок только что доставал до воды. Лягушку зацепляют крючком за спину и ставят в некотором расстоянии от листьев водяного лопушника. Стремясь доплыть до этих листьев, она постоянно огребается задними ногами. На этот шум и бежит сом.

Ловля сомов на удочку

Удочки для ловли сомов должны быть особенно крепки. Удилище цельное, березовое, толстое в комле, не особенно длинное и гибкое. Лесу следует употреблять просмоленную пеньковую с металлическим поводком; привязывать ее нужно ближе к комлю удилища и затем обвить вокруг до верхушки. Поплавок – соразмерной величины с остальными частями удочки. На донную ловить сомов приходится редко, так как дно в местах ловли их бывает засорено и завалено. Огромный крючок

наживляется рыбой или лягушкой, раком, куском мяса и проч. Удочки ставятся больше на ночь и укрепляются на берегу, для чего следует удилище крепко воткнуть в берег и даже по возможности привязать к чему-нибудь. На случай же вырывания сомом удилища из берега или из стланей на плотине, куда его часто втыкают, можно привязать к удилищу на особой бечевке род огромного поплавка из куска дерева, палку, доску или большую пробочную пластину. По этому поплавку можно всегда найти затащенную удочку; не мешает окрасить такой поплавок яркой краской, чтобы можно было увидеть его издали. Если сомов ловят с лодки, то закреплять удилище отнюдь не следует, потому что крупный сом может ее опрокинуть. На этот случай лучше привязывать к удилищу длинную веревку.

Местами на юге России ловят сомов без удилища, наматывая очень длинную и крепкую бечеву на блок, укрепляемый в носу лодки.

Ловля сомов на клоковую удочку

Местами, большею частью на юге, ловят сомов с помощью клокуши. Так называется несколько изогнутая палка, делаемая к одному концу тоньше, а к другому толще. На этом толстом конце она несколько выдалбливается. Делают ее иногда и просто прямо. Длинною палка бывает около полуаршина. Выдолбленным концом клокуши рыболов ударяет в воду, от чего получается звук, напоминающий глухое и отрывистое «ббук, ббук, ббук» – звук, похожий на крик выпи или как если бы опрокинутым стаканом ударяют по воде. Некоторые клокуши приспособляются так, что производят нечто похожее на кваканье лягушки. Ловить с клокушей называется клочить сома.

Клокушей ловят с лодки, и удочка при этой ловле несколько изменяется, а именно: вместо длинного удилища на конце лесы привязывается поперек небольшая толстая ручка для того, чтобы удобнее было удерживать рыбу и чтобы не порезать рук в случае, если попадет очень большой сом. Приготовив все нужное для ловли, рыбак садится в лодку на корму и выезжает на середину реки, но не сразу, иначе течением может унести лодку слишком далеко, а постепенно, держась берега, заезжает далеко вверх и затем выплывает на средину. Здесь он перестает грести, а крючок с насадкой опускает в воду. Левою рукой рыболов держит лесу, а в правую берет клокушу и начинает клочить. На этот звук сом подходит к лодке, замечает насадку, но обыкновенно не сразу глотает ее, а как бы сосет, причем виснет точно гирия. В этот момент рыболов спускает с руки понемногу лесу, затем уже подсекает как можно сильнее, чтобы крючок высвободился из приманки. Если сом небольшой, его надо сейчас же тащить в лодку; если же он очень велик, то необходимо спустить бечеву, чтобы она отошла к носу лодки; таким образом рыболов старается достигнуть понемногу отлогого берега, где выходит из лодки и вытаскивает добычу. Наматывать лесу на руку никогда не следует, потому что очень крупный сом может стащить в воду даже сильного человека. Для вытаскивания сома необходимо иметь сачок и топор, которым сом пришибается в голову. Если же оставить сома в лодке неубитым, то он может из нее выскочить.

Рис. 87 . Клокуша

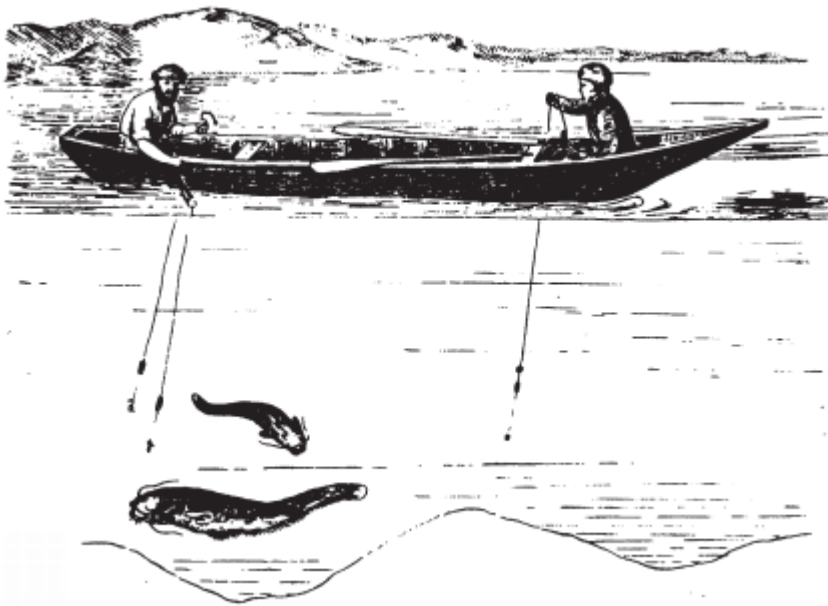

Рис. 88. Клоченье сомов

Всего лучше сом ловится на не очень глубоких быстринах, куда он выходит охотиться за рыбой; но ловят его также и на глубоких ямах. Самая добычливая ловля производится в тихую погоду по вечерам и утрам; вечером сом хорошо ловится с того времени, как садится солнце, и до самых сумерек; утром же – до восхода солнца. Хорошая погода – необходимое условие для ловли сомов; в дурную или ненастную он лежит на дне, не поднимаясь, и не слышит клоченья.

Насадка для ловли с клокушей употребляется различная: белый червь, линючий рак, воробей, большая ракушка (*Unio*), вынутая из раковины, и т. п. На Дону сомов б. ч. клочат на лягушку, на рака и на голову тарани (морской плотвы).

Ужение шереспера на донную

Местами шереспера ловят на донную в закидку. Ловля эта производится непременно ранним утром или вечером, летом даже ночью (только осенью шереспер берет и днем), большею частью с лодки (за исключением небольших речек и мельничных омутов, где можно удильники втыкать в берег или в мельничную стлань). Донная удочка должна иметь относительно более крепкую и очень длинную лесу, очень тяжелое грузило, лучше плосковатое или четырехугольное (не катящееся течением), и очень длинный (лучше жилковый) поводок (не менее 8 вершков длины и до аршина). Весьма полезно грузило прикреплять к концу лески, а поводок привязывать на четверть выше, ибо тогда насадка не может коснуться дна. Насаживается живец за голову или за спинку.

Шересперов ловят также на подпуски, и это едва ли не лучший способ для их добывания. На Волге удят их также на кобылки, с плотов, на самой быстрой воде, с навесу, опуская насадку на 1–2 аршина.

Ловля щук силками

На обыкновенное удище (лучше березовое, но можно какое угодно, лишь бы достаточно упругое и неломкое) привязывается к концу волосяная затягивающаяся петля вершков двух-трех в диаметре. С такой снастью отправляются обыкновенно вдоль берега небольшой речонки; особенное удобство представляют речки от небольших наших мельниц. Особенно в ясную и теплую погоду щука стоит притаившись под кустом около берега или спрятавшись между листьями и, если осторожно подходить, уходит весьма редко. Заметив щуку, начинают понемногу

опускать удилище с петель и надевают ее с головы; хотя щука начинает понемногу отодвигаться назад, но только крайне бесцеремонное обращение заставляет ее уйти. Когда петля уже надета (приблизительно до 1/3 туловища щуки), то нужно сильно дернуть удилище; петля настолько сильно врезается, что можно без затруднения выбросить щуку на берег. Нельзя сказать, чтобы ловля была недобычлива, напротив, при достаточной сноровке она весьма прибыльна. Случается таким образом ловить щук фунта в четыре и более. Волосная петля должна быть довольно толстая (в 15–20 волос) и хорошо с вита; от употребления петли нередко рвутся, но всегда можно иметь запасные.

Ловля судака

Судак живет в реках, реже в больших озерах и проточных прудах с песчаным дном, любит свежую чистую воду и избегает мути, от которой иногда даже засыпает. Держится или в глубоких ямах у перекатов, куда выходит на добычу, или около глубоких берегов, где много коряг и тому подобных засад. Вообще он предпочитает крепкие места, а потому на небольших речках живет главным образом в мельничных омутах. Кормится преимущественно по утрам и вечерам, летом – даже ночью. Любимая пища его – пескарь, елец, уклейка и мелкие щурята; летом он ест, кроме рыбы, раков и даже лягушек. Считается одной из самых глупых рыб и не отличается осторожностью.

Ловля судака начинается обыкновенно после спада воды, но до нереста, который бывает в б. ч. России в конце мая и в июне, судак попадается редко, преимущественно на жерлицы, иногда (в проточных прудах) на кружки. Жерлицы ставят над ямами, и живец пускается глубоко, близко ко дну, и на рогульку наматывается возможно меньший запас лесы (бечевки). Насаживаются жерлицы, как и на щук; крючки лучше употреблять двойные, непременно на басках.

Настоящая ловля и ужение начинаются в июне и продолжаются почти весь июль. Ловят судака или на донную, в закидку, или на удочку с поплавком и без него – на лодке или с берега, смотря по обстоятельствам.

Так как судак живет в местах крепких, то для ужения его необходимы прочные снасти. Удилище должно быть крепкое, не особенно гибкое, лучше всего березовое; чем длиннее, тем лучше. Леса или волосная (в 10–20 волос), или, еще лучше, просмоленная шелковая средней толщины (как леса в 10 волос). Поплавок яйцеобразной формы средней величины; басок тонкий – последний скрипичный бас. Грузило – достаточное для того, чтобы нести крючок с баском над самым дном при сильном течении. Крючок употребляется большею частью одиночный (№ 5/0). Лучшая насадка – елец, уклейка и пескарь (вообще неширокая рыба); живца аккуратно задевают за верхнюю губу или за спинку близ плавника, стараясь как можно меньше мять рыбку и сохранить полную свободу ее движений. Необходимо, чтобы живец бойко ходил на удочке, никуда не забиваясь, и не падал на дно, а потому насадка должна вершка на два не достигать дна. Судак, особенно крупный, держится на дне и на вялого живца берет редко.

Удят или с берега (всего лучше ловить под мельницей), или с лодки, стараясь забрасывать живца к корягам, бревнам, сваям и тому подобным подводным предметам. Ловят обыкновенно ранним утром и вечером. Очень длинная леска употребляется только при ужении на местах относительно безопасных от задевов, большею частью с лодки. Когда течение унесет поплавок и станет толкать его, леску надо подтянуть к себе, не вынимая живца из воды. Если поклевки долго нет, место нужно переменить.

Поклевка судака передается по поплавкам различно. При ужении в тихой воде поплавок окунается медленно, как при поклевке окуня, или же порывисто, как будто

клюнула щука. На быстром же течении судак большею частью не топит поплавок, но ведет его, подобно подлещику, в сторону или против течения. Схватив живца зубами, судак плывет к какому-нибудь убежищу, заглатывая на ходу свою добычу. Поэтому, когда судак потянет, необходимо подавать ему леску как можно дальше (чтобы лучше заглотал) и, когда уже нельзя больше поддать, подсекать очень быстрым, но нешироким размахом. Почувствовав подсечку, судак старается спастись в лом, хворост, коряжник и т. п., а потому в таких местах надо водить его круто и лучше ловить на короткие лесы. В воде судак очень силен и боек, но только сначала, так как устает довольно скоро, и его нетрудно тогда подсачить или подцепить багром. Очень крупный судак иногда ложится на дно и так упорно там двигается, что его не скоро сдвинешь с места. В таких случаях, чтобы расшевелить его и пустить в ход, всег о лучше натянуть лесу и потягивать ее в разных направлениях. Невывоженого судака подсачивать не следует, так как он легко может перешибить леску, но как только его вынули из воды, он совершенно беспомощен и очень скоро засыпает. Мелкого судака на крепкую лесу можно тащить прямо в лодку или на берег, держа леску на весу, так как на крючке вне воды судак почти не двигается.

Ужение судаков под мельницами без наплава

Судак лучше всего берет под мельничными плотинами, около свай, в стлани, под колесами и в самом мельничном омуте, где находит себе много удобных мест для засады. Здесь ловят его, как уже было описано выше, но так как удить его приходится на короткие лески (немного длиннее удилица), то лучше ловить его без поплавка, на весу. При этом можно заставить живца пробежать большее пространство воды, меняя направление и глубину его хода. Живца пускают то над самым дном, то на поверхности воды, то ведут наискось, медленно опуская груз, по мере того как он относится течением, то дают ему постоять поблизости какой-нибудь заранее исследованной засады. Весьма полезно бывает также изредка задерживать живца на несколько секунд и потом вдруг пускать его. Бойкость живца является здесь еще более необходимым условием, чем при ужении с поплавком, с которым живец дольше не снет. Таким образом можно исследовать каждый вершок доступного рыболову пространства воды. Даже сытый судак не преминет схватить плывущую мимо него рыбку.

Снасти употребляются те же, как и при ужении с поплавком, только грузило должно быть немного потяжелее. Поклевка судака слышна в руке, которая чувствует довольно слабый, но резкий толчок, как будто пулька стукнулась о камень; затем леску начинает тянуть из рук, как будто на нее нацепился большой пук подводной травы или широкая щепка и течение как бы стало сильнее. Затем поддают леску как можно дальше и подсекают.

В таких местах около мельниц, где нельзя свободно действовать длинным удилицем, заменяют его коротким удильником. При ловле же на стлани и в щелях пола (в мельничных амбарах), под мельничными колесами, где судак также очень любит держаться, можно обходиться без удильника и держать лесу в руке на весу (только леса должна быть крепче обыкновенной). При ловле же под разными мельничными навесами нужен, наоборот, весьма длинный удильник и самая короткая, аршинная, леска. При ловле на стлани, вообще в таких местах, где подсачивать трудно, крупного судака необходимо подбагривать, стараясь зацепить багром под жабры или между грудными плавниками.

Судаков можно ловить также на подпуск и на так называемый paternoster (см. июль), имеющий много общего с подпуском.

Уженье судака на мертвую рыбку

В южной Германии применяется следующий способ ловли судака на мертвую рыбу. Поймав уклейку, ельчика или голавлика от 3-х до 3 1/2 вершка длины, отрезают голову у самых жабр и снимают мясо с костей двумя пластинками, сделав предварительно надрез по самой середине спины. Снятые филейчики должны по возможности сохранить всю чешую, блеск которой делает насадку более заметною. Прондев крючок сквозь тот конец, который приходился к голове рыбы, закидывают по возможности дальше и затем тащат насадку к себе (подобно тому, как при уженьи на искусственных насекомых). Она получает волнообразное движение, привлекающее внимание затаившихся хищников, которые вместе с насадкою схватывают крючок. Способ этот всего пригоднее для мест, где течения почти нет и где вода завалена всяким хламом, представляющим удобные засады для судака.

Летнее уженье окуней

Более крупные окуни ловятся летом на рака (линючего), раковую шейку и небольшого живца; средние и мелкие – на малявку. Если нет линючих раков, то можно насаживать самых маленьких живых рачков длиной в 1, 1 1/2 и 2 дюйма. Лучшими живцами служат: голян, голец, вьюн, пескарь, уклейка; последняя лучше всех, потому что бойчее ходит на крючке и всюду ее легче достать. Самый простой и лучший способ насадки – это зацепить живца крючком за спину впереди спинного плавника. Если окуни напуганы и осторожны, то можно задевать живца за верхнюю губу; если же они наперебой рвут насадку и вообще жадно берут, то малявку выгоднее насаживать как червя, т. е. пропуская крючок через всю рыбку. Хорошо также насаживать ее, пропуская крючок в голову так, чтобы он весь в ней спрятался и только жало немного обозначалось у головы; в последнем случае насадка держится на крючке особенно крепко. Живца следует пускать не больше как на 2–4 вершка от дна. На местах очень быстрых, напр. под шлюзами, ловят на малявку без грузила и поплавок на длинном удище с такой же длины лесой; малявка надевается осторожно на крючок под жабры. Тогда, поддерживаемая на поверхности течением, она засыпает не так быстро. Еще ловят таким образом: опускают живца в те места, где охотник рассчитывает найти окуней, – в омута, окна между густых зарослей трав, около печур и т. д.; давши дойти ему до дна (чтобы узнать глубину), его передвигают короткими толчками вверх и в сторону, изредка опуская на дно, чтобы не потерять глубину. Таким образом обуживают данное место до тех пор, пока не будет поклевки или охотник не убедится, что по соседству нет рыбы.

При уженьи окуней на рака и живца следует употреблять удочки большего размера, чем при уженьи на червя; для раковой насадки требуется крючок из крупных номеров, но для насадки малявки пригоднее небольшой крючок. При уженьи на живца с поплавком последний должен быть настолько велик, чтобы живец не мог своими усилиями потопить его. Ловят окуней еще на жерлицы, причем нет надобности употреблять металлический поводок. Лучшей насадкой служит здесь небольшая плотичка. Живца следует пускать глубоко, ближе ко дну; места для постановки жерлиц выбирают чистые, с песчаным или глинистым дном.

Привада для окуней

Если хотят привадить окуней к какому-либо месту, то бросают приваду, состоящую из земляных или навозных червей, слизняков и т. п. Один известный английский рыболов-писатель Э. Фицгиббон рекомендует следующий способ, чтобы привадить окуней к одному месту: взяв широкогорлую банку белого стекла, пускают в нее штук 10 голянов, пескарей или другой мелкой рыбы, завязывают горло банки

кисеей и опускают ее в том месте, к которому хотят приваждать окуней. Эта мысль была сначала осмеяна, но за последнее время в английской «Газете рыболовов» нередко встречаются очень хорошие отзывы об этой приваде.

Другая привада, которую также одобряют многие английские рыболовы, – это сырые кости: бараньи, телячьи или говяжьи. Кости эти (разумеется, с небольшими остатками мяса) навязываются на длинную веревку и с камнем вместо якоря опускаются на дно. Чтобы легче было найти приваду, к ней на бечевке привязывают какое-нибудь легкое тело: кусок коры, большую пробку или пучок тростника. Особенно рекомендуется в довольно быстротекущих водах.

Летнее ужение голавлей

К лету голавли, особенно средние и крупные, с мелких мест сдвигаются в более глубокие, с умеренным течением. Ловят их здесь на угря-сальника, кучу глист, рака и раковую шейку. Все насадки пускают утром и вечером по дну или близко к нему; в середине же дня, т. е. от 11 до 4 часов, на расстоянии аршина от поплавка. К тому времени, как поспеет крыжовник, малина, вишня, можно пользоваться для насадки этими ягодами; для них (а также для сыра) лучше употреблять небольшой якорек № 6 без колечка. В июле кроме ловли нахлыстом удят голавлей еще на насекомых с самоогружающимся поплавком. В июле же хорошо ловить на молодой овес (см. июль). Как только появятся мелкие лягушки, начинается ужение на них голавлей. Насаживают лягушонка за кожу на спинке так, чтобы не причинить ему серьезного повреждения. На быстрине удят чаще всего на донную. Кроме того, ловят голавлей из-за кустов и нахлыстом на мертвую лягушку. При ужении на быстрине надо ставить грузило не менее 6 вершков от крючка или даже больше, до аршина. Ужение из-за кустов производится таким образом: леса наматывается на кончик удилица до грузила и осторожно просовывается между ветвями; затем рыболов начинает полегоньку спускать леску, пока лягушка не попадет в воду; потом следует слегка поводить концом удилица вправо и влево, чтобы лягушка постоянно находилась в движении. Если есть поблизости голавль, то он не замедлит схватить насадку.

Ужение на живца бывает наиболее удачно в теплые летние дни, когда крупные голавли ходят поверху или на незначительной глубине. Удить следует на местах, где есть порядочное течение. Самая лучшая насадка – уклейка, ельчик и пескарь. Пускают живца на глубину около аршина. Грузило можно не употреблять. Крючок продевают в ноздрю снизу, так чтобы жало его торчало кверху. Подмосковные рыболовы ловят голавлей на живца исключительно по ночам на донную.

Летнее ужение лещей

Летом, с конца мая, в июне, июле и даже начале августа, самое успешное ужение лещей производится ночью – от 10–11 часов и после полуночи до восхода. Особенно хорошо берет лещ в полнолуние в тихие и теплые ночи. Ловят и с поплавком, но больше ставят донные удочки. Для того чтобы поплавки были виднее, на них надевают черные кружочки из бумаги: к донным же удочкам привязывают колокольчики или бубенчики, по звонку коих можно узнать в темноте, когда взяла рыба.

Ловят лещей на те же насадки, как и весной. На цел ьного линючего рака лещ никогда не берет, но он очень охотно клюет на раковую шейку, а еще лучше на раковую клешню.

Летнее ужение ельцов

С наступлением лета и жары ельцов нужно ловить исключительно на насекомых, всего лучше на комнатную муху удочкой с поплавком без грузила. Насадку пускают очень мелко. Хорошо также в это время ловить ельцов на насекомых нахлыстом: в этом случае можно употреблять и искусственных насекомых.

Летнее ужение пескаря

Отличается от весеннего тем, что пескарь ловится в более глубоких и менее быстрых местах, имеющих уже не хрящеватое, а чисто песчаное дно. Ловят его также со дна на удочку с поплавком или без поплавка – на весу, так чтобы грузило почти касалось дна. Лучшей насадкой служит в это время мотыль, а потому употребляются тонкие мотыльные крючки (с длинным стержнем и колечком, рис. 8 и 9). Крупных пескарей можно в это время ловить на до нную (с берега или лодки).

Сохранение пойманной рыбы летом

В жаркое летнее время, когда дни стоят ясные, совершенно безветренные и солнце сильно печет землю, наилучший способ сохранять уснувшую рыбу свежей – это закопать ее в песок, а за неимением такового – просто в землю на глубину полуаршина или еще больше. Там всегда достаточно холодно, чтобы предохранить рыбу от порчи. Укладывать рыбу следует с травой лопушника или мать-и-мачехи так, чтобы хоронимые особи не касались друг друга своими туловищами. Даже рыбу живую еще, но уже близкую к тому, чтобы уснуть, напр. с попорченными при вытаскивании крючка жабрами, лучше приколоть и зарыть в землю, хорошенько утоптав последнюю. Живую крупную рыбу всего лучше сажать на кукан; опускание в воду сетки с мелочью не спасает последнюю в знойное время от смерти; прятать уснувшую рыбу где-нибудь на берегу – в тени куста или густой травы – бесполезно: рыба в этом случае легко портится; кроме того, большая зеленая муха непременно ее отыщет и не преминет облепить своими яичками.

Стрельба язей

В небольших реках и речках, изобилующих язями, летом трудно ловить этих рыб иначе как нахлыстом на насекомое (кузнечика и др.), а ловля эта требует большого искусства. В таких местах всего удобнее стрелять язей на приманку. Это делается следующим образом.

В ясный день охотник, забрав с собой запас майских жуков, кузнечиков или других крупных насекомых, отправляется с ружьем на омут. Высмотрев из-за деревьев плавающих рыб, он осторожно бросает по тому направлению жука, стараясь не напугать язей взмахом руки, и немедленно же готовится к выстрелу. Если день ясный и клев хороший, то почти тотчас же один из язей отделяется от других и бросается на жука, иногда так стремительно, что вся голова его высовывается из воды; в это мгновение охотник спускает курок. Бывает, впрочем, и так, что язь медленно поднимается со дна головою вперед, и охотник спокойно, не торопясь, выждав тот момент, когда рыба готова уже схватить приманку, пускает в нее заряд.

Убитый язь поворачивается на месте же брюхом вверх и или всплывает на поверхность воды, или же тонет тут же. В том и другом случае его достают сачком, насаженным на длинную тонкую жердь; иногда употребляют и острогу. Почему одни язи тонут, а другие всплывают, вероятно, зависит от того, когда захватит выстрел рыбу – всплывающую ли еще за жуком наверх, или уже опускающуюся на дно.

Дробь для этой стрельбы употребляется крупная, № 4; более мелкая не всегда убивает наповал, хотя и приходится стрелять на расстоянии всего каких-нибудь 8–10

шагов; раненого же только язя достать нет никакой возможности: забьется куда-нибудь в траву и пропадет.

При некотором навыке охота эта довольно добычлива в том случае, конечно, когда рыба не напугана слишком продолжительной стрельбой. Если язи плавают по поверхности, то выстрел обыкновенно разгоняет их, по крайней мере, на полчаса времени; если же язи ходят по дну, то промежутки между выстрелами бывают иногда очень незначительные.

На длинном омуте охоту эту могут производить несколько человек зараз: жуков бросает стоящий вверх по реке, а язь стреляется тем из охотников, в районе которого он схватывает жука.

Майский жук как приманка имеет перед другими жуками следующие два преимущества: его легко доставать, так как в мае и июне его десятками можно стряхивать с каждого листовенного дерева и, во-вторых, он настолько велик, что маленькая рыба не в состоянии его проглотить. Иногда случается, что жук улетает в то время, как его бросают в воду; во избежание этого нелишне надламывать ему надкрылья.

Охота эта очень весела и добычлива: язи идут на жука большие – от 2 до 5 фунтов.

В то время когда язи играют по поверхности воды, их можно бить и без всякой приманки.

Июль

Ужение язей на кузнечика

В небольших реках, текущих в пологих берегах, заливаемых весною, в конце июня и в начале июля, белая рыба, в особенности язь, начинает превосходно брать на кузнечика (называемого также кобылкой или скачком), который к этому времени появляется на лугах в большом количестве и с берега часто попадает в воду. Вообще елец, плотва, голавль и язь, начиная с июня, кормятся насекомыми, падающими в воду, а потому часто плавают на поверхности. Для язя кузнечик составляет самую лакомую пищу, и вечером, с 6–7 часов до заката, утром до полудня в ясную погоду часто можно заметить, как язи поднимаются с глубины кверху, высывая свои толстые морды. В ненастье они вовсе не играют и не берут.

Так как язи летом ведут оседлую жизнь, то прежде всего надо заметить, где они держатся и где чаще замечается их «игра». Любимым местопребыванием их служат в это время глубокие места реки, особенно в заворотах реки около быстрины, заваленные корягами, хламом, затонувшими деревьями; очень хорошо, если в этом месте лежит большой камень или вблизи находится островок камыша или тростника, а на берегу растут кусты. Часто язи держатся также около плотов.

Ловля на кузнечика, как и всякая другая ловля в наплавную, нахлыстом, одна из самых трудных и требует большого навыка и ловкости, ибо приходится закидывать очень длинную леску. Удилище для этой ловли нужно очень гибкое, легкое и вместе с тем очень длинное – от 7 до 8 арш. и более. Лучше всех березовое удилище, но при такой длине их тяжело держать в руках, а потому многие предпочитают употреблять березовые удильники со сращенным, длинным, гибким и легким рябиновым концом. Леска должна быть очень тонкая, волосяная (из 6–8 волос), много длиннее удилища. Волосяную легче закинуть, чем шелковую, но все-таки весьма полезно употреблять т. н. прививок, как и при ужении на овес, т. е. к верхнему концу лески от соединения ее с концом удилища на аршин или полтора прививают еще 2–3 такие же лески. Закидывание много облегчается упругостью прививка. По всей вероятности, и здесь можно применять самоогружающиеся поплавки, которые, имея

довольно значительный вес, позволяют малоопытному рыболову без особого труда закинуть насадку на желаемое место. Обычно же ловят без поплавка; насадка должна плыть по воде, а потому крючок не должен быть очень велик, примерно № 10-го; лучше, если он привязан не к леске, а к самому тоненькому жилковому поводку, который все-таки крепче 6-волосной лески.

Насадкой служит кузнечик, сначала бескрылый, потом крылатый, и чем крупнее, тем лучше, так как мелких очень терпят ельцы, плотва и мелкие голавли и подъязики. Ловля этих насекомых не особенно легка и малодобычлива; без сачка из редкой кисеи их много не поймашь. Лучше всего эту ловлю производить накануне уженья, в солнечный день, когда роса совершенно обсохнет, до 5 часов пополудни, а так как не всегда бывает хорошая погода, то необходимо иметь их в запасе. Хранят кузнечиков в жестянках, коробочках или ящиках с крышкою и небольшими отверстиями. Здесь они живут несколько дней, только надо всегда класть в эти помещения достаточное количество травы, иначе эти драчливые насекомые перегрызутся.

Кузнечика лучше насаживать целиком, не отрывая ног; крючок втыкают в грудь и, оставив голову свободной, сколько возможно, проводят через туловище. Многие втыкают крючок в голову, пропуская его в грудь, но этот способ много хуже, так как рыба обыкновенно хватает кузнечика с головы.

Ловля производится с берега или плота; лодки язь боится, и закидывать с нее не очень удобно. Выбрав место, где замечена игра язей, рыболов начинает закидывать леску, стараясь, чтобы насадка падала около того места, где они чаще всплывают. Как закидывать такую длинную леску – объяснить словами мудрено; можно только сказать, что при этом сильно взмахивают удилищем, как бы намереваясь ударить кончиком по воде. При этом резком движении леска даже свистит. Закинув насадку, дают ей проплыть некоторое расстояние, насколько позволяет длина лесы и удилища, затем подтягивают к себе и снова перезакидывают. С непривычки это может показаться очень скучным и утомительным – до первой крупной рыбы, конечно.

Язь берет кузнечика очень тихо и осторожно; при остром зрении можно видеть, как берет язь и когда следует подсекать его; но клев можно также видеть и чувствовать по леске: сначала кажется, как будто ее кто-то трогает или она за что-то зацепила; иногда она начинает как бы особенным образом крутиться и идет не вниз, а против течения или же в глубину. Выждав несколько секунд и дав рыбе немного проплыть, быстрым, но не очень сильным движением подсекают ее и потихоньку ведут к себе. Язь, если тихо вести его к себе, идет ходко: по всей вероятности, он очень чувствителен к боли или очень робеет от неожиданности; но если сильно тащить его, он непременно оборвет лесу. Берет он очень верно и срывается редко. Крупного язя приходится порядком поводить, прежде чем он утомится; тогда уже можно осторожно брать за леску так, чтобы можно было выпустить ее при первом порыве: рыбу затем подсачивают. Без сачка обойтись очень трудно, и у самого ловкого рыболова много язей будет срываться и запутываться в прибрежной траве при вытаскивании их на берег волоком. Если язь запутается в траве, леску по необходимости приходится ослаблять: рыба снова всплывает, и ее направляют куда следует. Очень хорошо, если имеется поблизости надежный помощник или товарищ, который бы подсачивал подведенную к берегу рыбу, но, как и всякую крупную рыбу, язей лучше ловить одному, даже прячась за кустом или другим прикрытием. Рыба, плавающая у поверхности, очень хорошо все видит и слышит.

Рис. 89. Мошкара

Рис. 90. Поденка (метла)

Ловля эта продолжается до середины, иногда до начала второй половины августа, но всего добычливее бывает в самые жаркие июльские дни. Во второй половине июня язь уже начинает брать, но кузнечиков в это время бывает еще очень мало и они мелки. Лучше всего берет язь под вечер, начиная с 6–7 часов до заката, затем с утра до полудня, после чего клев его прекращается. Мелкие подъязики берут, впрочем, с восхода до позднего вечера в течение всего дня.

Прибавим, что язи местами весьма охотно берут, особенно под вечер, на крупную мошкару (*Phryganea*), которая иногда может вполне заменить кузнечика. Мошкару эту нетрудно наловить сачком, всего лучше с лодки. Насаживается она на маленький крючок (№ 10–12); лучше, если острие крючка находится в голове, а не в туловище насекомого.

Ужение на метлицу (поденку)

На некоторых реках (Северо-Западной, Северной, частью Средней России), имеющих иловатые берега, в берегах этих выводится громадное количество, б. ч. беловатых, перепончатокрылых насекомых, называемых или метлицей (так как, появляясь в большом количестве, они напоминают снежную метель), или же поденками, потому что они живут в виде совершенного насекомого один-два дня.

В этот кратковременный период своего существования поденка кладет яйца, из которых выходят личинки – маленькие беленькие червячки, зарывающиеся в ил или песок и живущие в своих норках до следующего лета; тогда червячки превращаются в куколку, которая вскоре выползает из норки и поднимается на поверхность или влезает на бревна плотов и на берег, здесь оболочка ее лопается, и из куколки выходит крылатое насекомое.

Вылет метлы совершается ночью в различные летние месяцы (большею частью в конце июня и июле, реже в августе и еще реже в мае), смотря по тому, к какому виду она принадлежит, по широте местности и, наконец, по реке. По-видимому, на каждой реке, представляющей удобств для жизни этого насекомого, живет в большом количестве только один вид поденки, валовой вылет которой совершается почти всегда в одно и то же время года (разница бывает не более недели) и продолжается несколько дней. Местами, впрочем, метлица (вероятно, различные виды ее) продолжает падать гораздо долее, несколько недель, но в небольшом количестве. Обыкновенно сначала появляются самцы (более темные и с длинным двойным-тройным хвостиком). Затем, через день-два, вылетают самки, более крупные, белесые (вообще более светлые) и толстобрюхие. Большею частью (но не всегда) прежде всего метла начинает падать в устье, и чем далее вверх, тем она вылетает позднее. Поэтому во время падения метлы рыба стаями поднимается вверх по течению и нередко доходит до верховьев реки. Всего больше падает метлы перед восходом; появляется же метла за час до заката, а к 6 часам утра летающей уже не видно. Большая часть метлицы падает в воду и делается добычей рыб, для которых

она составляет самую лакомую пищу, так что они нередко объедаются ею и умирают. Рыба, пойманная во время главной валки метлицы, очень скоро снет, покрывается красными пятнами, и мясо ее всегда гораздо рыхлее и безвкуснее обыкновенного. Это не мешает, разумеется, рыболовам ловить ее в огромном количестве как в сети, так и на удочку. Ни на какую другую насадку рыба в это время почти не берет, даже на рака (тем более что тогда, обыкновенно в июле, линючие раки встречаются реже), потому что ночью держится близко от поверхности, а на день, наевшись до отвала, уходит вглубь и лежит там, почти не двигаясь, до заката.

Как только появится метлица в большом количестве, рыбаки делают запасы ее для привады и насадки. Наловить ее можно очень много, махая частым сачком (или из кисей), даже мокрым решетом. Другие добывают метлу, плывя ночью в лодке и махая пучком зажженной лучины; обожженные насекомые падают в лодку на разостланное холстинное покрывало. Еще лучше и удобнее делать для этой цели так назыв. заплывы. В берег или в вершину язка (см. далее) укрепляют длинное бревно; к противоположному концу бревна привязывается веревка, бревно заводится несколько наискось против течения и удерживается в этом положении веревкой. К этой заплыву течением прибывает массы метлы, которая частью служит прикормкой непосредственно, частью собирается сачками – для ловли и привады, опускаемой на дно в нескольких мешках из рединки и меняемой ежедневно. Для насадки лучше употреблять метлу, только что пойманную сачком, так как она очень нежна и скоро портится. Впрочем, ее можно сохранять на льду в течение 2–3 дней, укладывая в мелкие корзины или, еще лучше, в луночки, делаемые во льду. Многие делают большие запасы метлицы, высушивая ее в печи или на воздухе. Такая сушеная метла годится только для привады.

Рис. 91. Язок и

уженье на метлу

Удят на метлу преимущественно с берега или плотов на местах с чистым хрящеватым дном, которое заблаговременно очищают от коряг и задевов. В высокое стояние воды замечено, что рыба берет лучше на песках и более мелких местах, поблизости от омутов и крутояров; в низкую воду, напротив, она берет б. ч. на самых глубоких местах. Так как на быстром течении ловить неудобно, то в таких местах весьма полезно устраивать язки, или заязки. На Шексне язки делаются из 8 пар кольев, которые идут от берега вглубь, не совсем перпендикулярно руслу, а

несколько наискось против течения; каждая пара отстоит от следующей на аршин; последние три пары для большей крепости поддерживаются подпорками. Между кольями грузят по поверхности воды фашинник, раakitник, связанный снопами, так что образуется заводь, где рыба охотно задерживается, тем более что к языку прибывает много метлы и других насекомых. Очевидно, что это сооружение может принести большую пользу рыболову только в реках с быстрым течением. В таких искусственных заводях обыкновенно ловят с поплавком, пуская насадку немного повыше дна, непременно с донной прикормкой из той же метлы. В местах с медленным течением в зазях нет особенной надобности, но здесь удобнее ловить без поплавка и грузила, так, чтобы насадка плавала поверху. Вообще во время падения метлы, когда вся рыба вечером, ночью и ранним утром держится у поверхности воды, ужение в наплавную, ловля на нетонущую насадку – нахлыстом – должны быть добычливее ужения с грузилом. Надо полагать, что самоогружающиеся поплавки (см. далее) окажутся здесь весьма полезными. Донные удочки при ловле на метлу почти вовсе не употребляются.

Вся снасть для ужения на метлу, особенно в наплавную, должна быть гораздо тоньше, чем для ужения на рака. Удилище выбирается длинное и гибкое (березовое), леска не толще 8 волос, с тонким поводком и маленьким крючком, не крупнее 10 номера. Поплавок тоже должен быть легкий и чувствителен. Для ловли в наплавную, чтобы удобнее было закидывать легкую леску, необходимо делать так назыв. прививок, т. е. от верхушки удилища на аршин или пол тора леска должна быть в несколько раз толще остальной части (см. август, «Ужение на овес»). Насаживать метлу довольно трудно, так как она плохо держится на крючке. Лучше всего выбирать для насадки самцов, которые хотя и мельче самок, но тверже телом и прочнее. Обыкновенно насаживают по 2 штуки с хвостика, но можно также употреблять для насадки (особенно на крючки средних размеров при ловле с поплавком) небольшую щепотку метлы, обматывая и прикрепляя ее к крючку белым конским волосом или ниткой.

Нечего и говорить, что ловля на метлу в наплавную гораздо труднее ловли с поплавком.

Искусственная приманка для шересперов

Основываясь на привычке шереспера во время жары ходить у самой поверхности, его ловят за границу на больших яркоцветных искусственных мух. За что он принимает их – вообще трудно сказать; несомненно, однако, что некоторых из них он принимает за мелкую рыбу. В России этот способ ужения шереспера не применяется, хотя, впрочем, у нас местами употребляются для него искусственные приманки. Так, напр. в Смоленске, шереспера ловят на длинные куски белой овчины, которую шереспер будто бы принимает за миногу. Местами также ловят его на пучки белой шерсти, перевязанные красною. Радкевич описывает следующую искусственную приманку для жереха: «К крючку, прикрепленному к толстой леске, привязывают два маховых пера, как мне сказали – сойки (*Garrulus* – птица), вогнутостями внутрь так, чтобы крючок был между ними. Удилище употребляется не очень длинное, легкое, лучше всего березовое. Рыбак, разведав, где плещется белезна (шереспер), медленно плывет в лодке по течению и забрасывает свою удочку к берегу, не очень быстро ведет ее к себе так, чтобы крючок с перьями плыл к нему почти по поверхности воды; затем, вынув удочку, опять ее забрасывает и ведет к себе и т. д.» (Радкевич «Ужение рыбы», стр. 133). У Терлецкого описывается «жереховый вабик», как он его называет «Из опахала гусиных белых перьев, связанных по краям и в середине, делается плотный цилиндр в вершок длиною, в 2 линии толщиною. С задней части этого вабика в самом конце укрепляются четыре или три крючка в

одинаковым друг от друга расстоянии, т. е. со всех четырех сторон, а в середине между ними приделывается кусочек красного сукна наподобие хвостика рыбы. К верхней части вабика привязывается длинная – сажень 10 – леса без грузила и поплавок. Закидывая на весьма длинном удилье этот вабик на струю ходовой воды, охотник его постоянно подтягивает и перекидывает. На вабик берет только жерех». Очень пригодны для ужения жереха в наплавную гуттаперчевые шивные рыбки на одиночном крючке Лимерик № 1.

Рис. 92. Гуттаперчевая рыбка

Ужение на paternoster

Это странное название произошло оттого, что леска с несколькими крючками, употребляемая при этом способе и имеющая сходство с нашим подпуском, в первоначальном своем виде несколько напоминает четки (см. рис. 93, а); отсюда и произошло название paternoster. Теперь это сходство с четками совершенно исчезло, так как paternoster имеет всего только одно тяжелое грузило внизу.

Самый лучший способ устроить его – следующий. Берется леса из крепких жилок (или непромокаемого шелкового шнура) длиной от 1 1/2 до 3-х аршин; в ней завязывают небольшие петли, отстоящие друг от друга на 9–12 дюймов, начиная в 3-х дюймах от грузила. К этим петлям пристегиваются крючки на коротких поводках вершка в 3–4; для ловли окуня, форели поводки делаются из жилок, для ловли же щуки как поводки, так и леса делаются из тонкой басковой струны (см. рис. 93, в). Соединять поводки с лесой можно двояко: или двумя петлями, или же посредством узла, показанного на прилагаемом рисунке (рис. 94). Грузило употребляется преимущественно коническое.

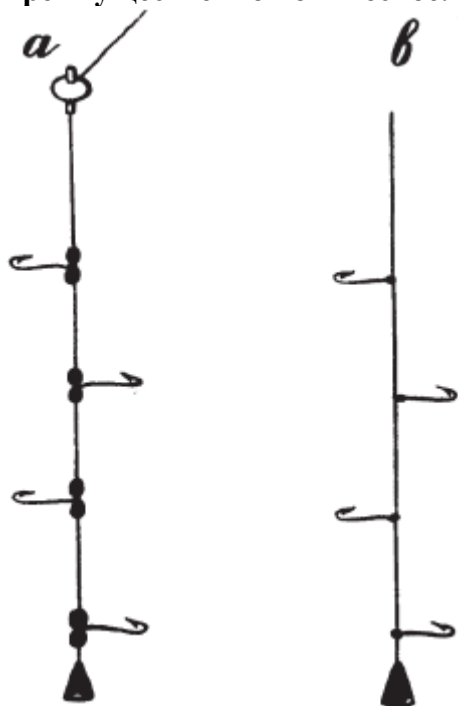

Рис. 93. Paternoster

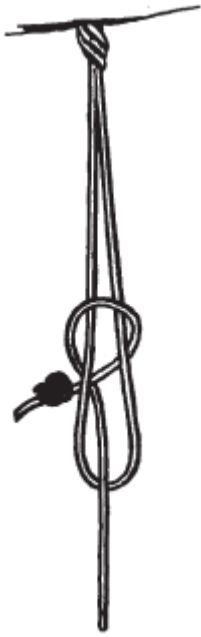

Рис. 94. Соединение поводка с лесой

Для ужения на патерностер с берега берут удилище футов от 14 до 16; для ужения с лодки – футов 10 или 12. Оно должно быть по возможности легко, довольно жестко и вместе с тем упруго. Леса – не слишком толстый шелковый шнурок. Большею частью ловят на складные удилища с катушкой, на которую намотан большой запас леси; при сильных порывах рыбы спускают лесу и потом снова наматывают.

Насадив крючки гольянами, пескарями или уклейками, зацепленными за верхнюю губу, осторожно закидывают; когда грузило коснется дна, его потихоньку приподнимают на аршин и передвигают в сторону. Если почувствуется поклевка, то ждут несколько секунд, чтобы дать клюющей рыбе хорошенько взять живца в рот, и затем подсекают.

Описанный способ ужения очень выгоден тем, что насадка, постоянно двигаясь на различных глубинах, привлекает всех находящихся в соседстве хищников, из которых многие не заметили бы ее, если бы она находилась в покое.

Вместо рыбок иногда насаживают червей.

Удить патерностером следует преимущественно в глубоких местах, в омутах, происходящих от падения воды с высоты или оттого, что быстро текущая вода вырыла в русле яму, в которой она получает кругообразные движения.

Патерностер можно ставить для ловли хищных рыб, как ставят жерлицы; в таком случае его снабжают большим поплавком, как показано на рис. 93, а.

Ужение сазанов

Сазаны, или карпы (карпом б. ч. называется прудовой сазан), водятся в реках, озерах и даже небольших прудах Средней и Южной России. Местами от обыкновенного речного сазана отличают сорт его – горбыля, более толстого и с более горбатою спиною. Горбыли эти гораздо сильнее собственно сазанов, которые, в свою очередь, гораздо труднее вываживаются, чем прудовые карпы. В реке сазаны выбирают для своего жительства самые глубокие омуты, преимущественно где берег обрывистый, т. е. круто сходит вглубь, где много коряг, камней и пр. Такой омут в реках бывает б. ч. на крутых заворотах русла. Всего лучше берут сазаны с глинистого дна, а также и с песчаного, если оно переходит в недалеком расстоянии в глинистое. Лучшее время ловли карпов удочкой – это конец июня, июль и август. Весною до нереста карп берет плохо и далеко не везде. В сентябре, в середине или в конце, клев сазана обыкновенно прекращается. Наиболее крупные чаще попадаются

в начале июля и в конце августа. Лучшее время дня – раннее утро, но можно с успехом ловить и вечером, с 4–5 часов пополудни; днем сазан не клюет, за исключением мелкого. Впрочем, в августе и сентябре он часто хорошо берет с 9 до 11 часов пополудни. Насадкою для ужения сазанов могут служить: красный навозный червь, куча глист, пшенная каша, приготовленная вкрутую, так, что ее можно резать на куски; земляные черви, распаренные зерна пшеницы, клецки из пшеничной муки, измятый мягкий белый и черный хлеб, мелкие сальники, бобы, кукуруза и шейки вареных раков. При начале лова надо испробовать различные насадки, так как сазан иногда предпочитает одну, иногда другую.

Лучшая прикормка для сазанов – вареная пшеница с пшенной кашей; но можно также прикармливать их на пареную пшеницу, рожь, гречневую кашу, творог, белый и черный хлеб, на вареные бобы, пшенную кашу, сваренную на молоке, разваренный рис и перловую крупу. Очень хорошо также бросать для прикормки шары, смятые из глины с толченым конопляным семенем и распаренными зернами (ржи, пшеницы, ячменя). Обыкновенно прикормку бросают просто в воду рукою на то место, где должны быть закинута удочки, а также немного по бокам и в глубину. Если желают удить утром, то заприваживают место вечером, при закате или после заката солнца; если же намереваются ловить вечером, то лучше заприваживать место по утрам или же среди дня. После первой засыпки прикормки повторить ее можно только накануне самой охоты, а еще лучше за день до нее. Прокисшие зерна отнюдь не следует употреблять для прикормки.

Удилище при ужении сазанов должно быть крепкое, достаточно длинное, всего лучше цельное березовое. Леса – по возможности тонкая, а главное – крепкая; лучшая – из жилок; за нею следует плетеная шелковая просмоленная и наконец пеньковый снурок; длина лесы должна соответствовать длине удилища, и леса должна быть не длиннее как на два аршина. Крючок берется небольшой и крепкий; величина его не должна превышать английского крючка № 4. Поплавок должен быть невелик и хорошо выверен, насадка должна касаться или почти касаться дна и даже немного волочиться по дну. Всего удобнее ловить на 3 удочки, которые ставятся на подставках. После подсечки остальные удочки выбрасываются на берег, чтобы рыба не могла запутать другие лесы. С лодки ловить сазанов неудобно, так как они ее боятся.

Нечего и говорить о том, что для ужения сазана на одних и тех же местах, прежде чем заприваживать эту рыбу, необходимо, насколько возможно, расчистить их, т. е. вытащить ближайшие коряги и другие подводные предметы.

В Астраханской губернии ловят сазанов на донную без поплавок в крутоярах, стараясь, чтобы грузило легло на уступе берега, а насадка (крупный красный червь) висела свободно. Всего лучше ловится здесь сазан в августе и сентябре. В прудах сазаны (карпы) нередко берут также весной, в середине или в начале мая, когда вода еще не запружена.

Самая обыкновенная сазанья поклевка следующая: поплавок плывет в сторону с возрастающей быстротою, не вдруг погружаясь в воду. Впрочем, сазан иногда погружает поплавок прямо в глубину, а иногда даже кладет плашмя, как лещ. Бывает также, что крупный сазан берет с разбега; в этом случае обыкновенно он перешибает лесу. Если поплавок погрузился прямо в глубину, то для подсечки нужно удилище быстро подхватить или дернуть вверх; при погружении поплавок влево подсечка делается поднятием удилища вправо и наоборот – при погружении поплавок вправо подсекают в левую сторону. Карп после подсечки с быстротою молнии бросается в сторону – это самый опасный момент: рыболов должен быстрым и энергичным поворотом удилища вправо или влево заставить карпа повернуться к себе головою, затем, встав с места, крепко держать удилище в правой руке, а если карп крупный, то и в обеих руках, не попуская и не подтягивая к себе лесу; карп,

бросаясь в разные стороны, начинает описывать правильные горизонтальные дуги, сначала подле дна, а затем все ближе и ближе к поверхности; когда он поднимется настолько, что видно его в воде, можно его несколько приблизить к себе, подняв немного удочку; но если при этом сазан станет описывать вертикальные дуги и даже покажется на поверхности, следует попустить ему лесу; его появление на поверхности свидетельствует, что он еще не истомлен. Если же, подтянув ближе к себе карпа, вы увидите, что он продолжает описывать горизонтальные дуги и притом не так быстро и не так порывисто, как прежде, это верный признак, что карп устает; подержите еще несколько времени в таком положении удочку: сазан будет вскоре как бы нехотя, медленно описывать дуги и даже остановится на несколько секунд; тогда пора брать сачок и подводить карпа поближе к берегу, но при этом не следует брать руками за лесу даже и тогда, когда карп станет на месте. Подсачиванье следует производить так: когда рыба утомится настолько, что лежит по несколько секунд без движения, то, приподняв ей голову, подхватывают ее сачком, не поднимая последний, но быстро таща его к берегу. Все это необходимо соблюдать с крупными карпами; с мелкими же можно, конечно, обходиться с меньшей церемонией. Сачок должен иметь довольно длинную рукоять – аршина два и более.

Насаживание белых червей и глист при ловле сазана

Едва ли не лучшей насадкой для сазана служат белые черви, особенно черви с рыжей головкой и гладкой блестящей кожей, почти без волос. Однако на мелких белых червей, которые попадаются реже крупных, сазан всегда берет охотнее, вероятно, потому, что крупные очень скоро чернеют. Для того же, чтобы они не чернели, сердобские рыболовы отрывают головку червя, после чего черные внутренности его нетрудно вытряхнуть в образовавшееся отверстие. Затем оба края отверстия прокалывают крючком, за последним протаскивают поводок, жало крючка опять вводится в червя на 1–2 милл. ниже выходного отверстия первого прокола, и червь насаживается обыкновенным способом; поводок натягивается, и отверстие кожного мешка, который теперь изображает из себя червь, стягивается так, что вода легко проникает в него и получается очень пышная и белая насадка. (Рис. 95.) Если червь очень велик, его можно разрезать пополам и насаживать каждую половинку отдельно.

Очень часто при нерешительном клеве сазана случается, что он берет червя за его нижний край, находящийся на сгибе крючка, так что острие последнего остается свободным, и сазан после подсечки, конечно, уходит. В таком случае вместо того, чтобы насаживать червя согнутым, следует надевать его, как футляр, так чтобы сгиб крючка лежал в самом конце червя. Для того же, чтобы последний крепче держался на месте, за него слегка задевают жалом крючка, для чего достаточно надавить на червя в том месте, где чувствуется жало. Всунув крючок (сгибом вперед) так, чтобы сгиб его лежал в самом кончике червя, головной конец последнего привязывают двумя оборотами суровой нитки, кончики которой вплотную обрезают. (Рис. 95, II.) При таком способе насаживания сазан не может взять червя, не взяв вместе с тем и жало крючка в рот.

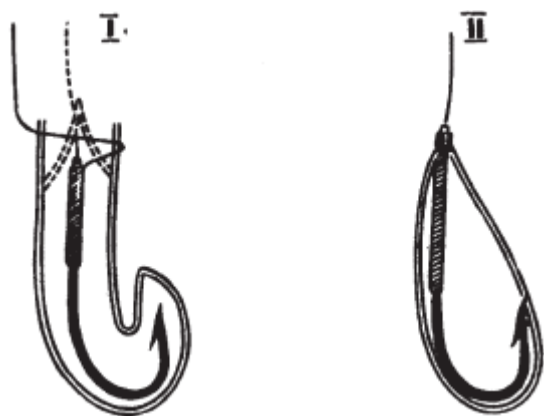

Рис. 95. Способы насаживания белого червя

Глисты для ловли сазана насаживаются на крючок или по одной (при нерешительном клеве), или (навозные) кучей, причем черви по очереди прокалываются посредине, затем около головок и хвостов или же только в середине, причем жало прикрывается хвостиком или головкой. При хорошем клеве насадка кучей очень удобна, но при плохом лучше ловить на одну глисту, а так как и в этом случае сазан часто обрывает кончик (без хвоста он почти не берет), то поэтому лучше насаживать червя кренделем. Жало крючка вводится в самую середину глисты по направлению от головки к хвосту, и глиста надвигается на крючок, пока расстояние между жалом последнего и концом его хвостика не сократится до полудюйма. Тогда жало выводится наружу и пропускается в другую половину глисты на расстоянии полудюйма от конца головки.

Вываживание самых крупных сазанов

К толстому концу (комлю) удилища прикрепляется бечевка сажени 2–3 длиной и более; к свободному же концу ее привязывается порядочный пучок камыша. Подле места ужения в скрытом убежище ставят лодку. Как только сазан возьмет насадку и после подсечки окажется, что рыба из крупных, так что удилище, пожалуй, не выдержит, рыболов бросает удочку с бечевкой и пучком в воду, а сам, не торопясь, берет сачок, садится на лодку и, подбегав к ныряющему удилищу, ловит его в руки, а если русло очень глубоко и удилище скрылось под водою, то хватая снурок, при помощи его подтягивает к себе удилище и, держа его в руке, водит сазана большей частью на середине реки. Чем глубже место, тем меньше шансов потерять рыбу. Если сазан очень силен, то приходится не раз брать в руки удильник, вощить рыбу и опять бросать удилище в воду; только после некоторого утомления сазана, когда удилище перестает нырять и погружаться в воду, берут удилище в руки и, окончательно истомив рыбу, подводят ее к лодке и подсачивают.

Ловля судака на донную

Донную удочку надо забрасывать непременно на песчаном месте, лучше всего около мелей, где к тому же нет и задевов. Удильник (аршина в 1 1/2, лучше можжевелевый) должен иметь достаточную крепость; леска – или крепкая тонкая английская бечевка, или волосяная (волос в 20 и более, смотря по тому, какие судаки водятся); басок не должен быть толст, и его предварительно надо сделать гибким (руками); груз должен соответствовать силе течения, но так как судак не сразу заглатывает добычу, то лучше, если грузило будет немного тяжелее, чем следует, ибо тогда можно пустить лесу ослаби. Крючки для донной употребляются больше одиночные, не очень большие, так как необходимо насаживать некрупных живцов, зацепляя их притом за голову или под жабры. Можно также (на крупного судака)

насаживать живца (большого), продевая басок при помощи большой тупой иглы через рот и задний проход (см. рис. 42), но лучше пришивать крючок к спинке или боку (см. рис. 43 и 44). Зацеплять крючок за спинку отнюдь не следует. Лучшее насадкою для донной служат, кажется, пескарь и голец. При ночной ловле, как водится, к концам удильников привязываются бубенчики или колокольчики.

Ловля рыбы переметом

Перемет состоит из длинной и крепкой бечевы, на которой в расстоянии сажени (или несколько больше) друг от друга навязываются поводки из более тонкой бечевки длиной каждый аршина 3–4 с крючками на концах. Перемет б. ч. перетягивается с одного берега реки на другой и прикрепляется на обоих берегах к кусту, дереву или, если место голое, к прочно вбитому в землю колу. Снасть висит над водою, и поводки опускаются на такую глубину, чтобы живец, не доставая дна, мог свободно ходить на некотором расстоянии от него. Если посреди русла на глубоком месте торчит из воды верхушка большого затопленного дерева, то хорошо ставить перемет несколько наискось вдоль по течению реки, прикрепляя один конец его к означенному дереву, а другой к тому берегу, который глубже. При постановке перемета сначала протягивается поперечная бечева и затем, перебираясь по ней на лодке, рыболов навязывает на бечеву поводки с крючками. Живцы насаживаются или тогда, когда уже привязаны все поводки, или тут же, при самом привязывании последних. Насаживают их, зацепляя крючком за спинку или за губу, в ноздрю. Попадают на снасть: щуки, судаки, шересперы, голавли, сомы и др. Для насадки служит всякая некрупная рыба, но всего лучше пескари и уклейки. Переметы ставят на местах глубоких, оставляют их на ночь и осматривают по утрам; днем же рыба попадает плохо. Снимать с перемета попавшуюся крупную рыбу надо осторожно и, пока рыба не утомилась, отнюдь не хвататься за поводок.

Если желают поставить перемет скрытно, чтобы его не украли, или если почему-либо нельзя загораживать переметом реку, то его опускают среди реки на дно, для чего к концам бечевы привязываются тяжелые камни. Для вынимания его тогда надо иметь багор или маленький якорь; для скорейшего же нахождения можно привязывать к перемету на веревке особые поплавки. Опускают на дно перемет также с целью ловли налимов, которые охотнее берут со дна.

Можно наживлять крючки на перемете также червями (штук по 5 на каждый), раковой шейкой и пр. При ловле на такие насадки нужно поводки привязывать ближе друг к другу и чаще осматривать снасть. Попадает много всякой мелочи: окуни, ерши, подлещики и пр.

Делают еще перемет таким образом: веревка, поддерживающая нити, предварительно вываренная в масле или просмоленная в видах предохранения от гниения, пускается на поверхность воды совершенно свободно, не в натянутом положении, для чего ее продевают сквозь пробки, размещенные на известном одна от другой сообразно с тяжестью веревки расстоянии. Такая наплавная веревка закрепляется наглухо на обоих берегах, на причалах – заостренных колышках, воткнутых в землю. Каждая нить с грузом и крючком (леса) привязывается к поплавку. Поплавок состоит из рогульки, продетой сквозь большую пробку. На раздвоенном конце рогульки, в самом углу рожков, прикрепляется уравнивающий груз, который держит весь поплавок в вертикальном положении простым, нераздвоенным концом вверх. Несколько выше груза до того, как рожки начнут расходиться, привязывается наглухо леска, так чтобы у нее оставался свободный конец длиной немного более аршина. На конце этом привязывается крепкая палочка; в самой середине и несколько отступя от нее на леске делается глухая петля диаметром меньше половины длины палочки. Таким способом образуется

захлестка, при помощи которой можно удержать поплавок на любом месте наплавной веревки. Ненужный запас лесы наматывается на оба конца рогульки известным уже способом (цифрой 8, так, чтобы рожки были в центре обеих половинок), а действующий конец ее с грузом и наживленным крючком опускается в воду. Этот конец может быть закреплен (и аглухо) к одному из рожков рогульки соединительным узлом или же защемлен в расщеп рогульки, смотря по тому, входит ли в расчет предварительно несколько утомить рыбу. Надводный нераздвоенный конец рогульки для отметки снабжается флагом. Существует еще вид перемета, так называемый самолов. Устраивается он подобно перемету, с той разницей, что крючки располагаются чаще (крючки имеют несколько иное устройство сравнительно с крючками обыкновенными) и ставится он на поплавках, чтобы крючки не лежали на дне. На крючке самолова ничего не насаживается, а рыба, проходя мимо, задевает за крючок; стараясь оторваться, она задевает за соседние крючки и таким образом попадает в руки рыбаку. Само собою разумеется, что самоловом можно ловить не всякую рыбу, а только с более нежной и мягкой кожей, как, напр., стерлядей.

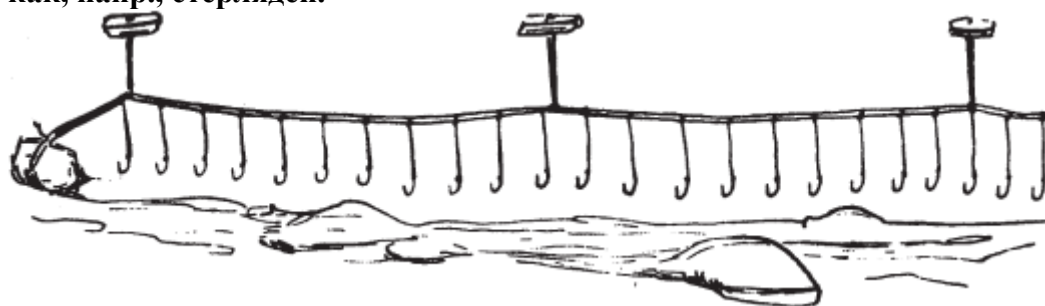

Рис. 96.

Перемет-самолов

Август

Ужение на овес

В конце июля или в начале августа, как только начнет наливаться овес, в некоторых местностях Средней России употребляется особый способ ужения без поплавок – нахлыстом на молодой овес, до которого очень падка большая часть рыб, особенно же лещи, язи и голавли. Эта едва ли не самая трудная ловля может производиться только на небольших реках (скорее речках), имеющих голые берега, и не иначе как вдвоем с помощником.

Удилище здесь должно быть легкое, тонкое, гибкое, но вместе с тем чрезвычайно упругое, так чтобы могло сгибаться в кольцо и потом быстро выпрямляться. Наилучшая длина его 6–6½ аршин. Складные удилища вовсе не годятся, а из цельных всего пригоднее березовые. Леска употребляется здесь очень длинная – от 6 до 10 сажень, смотря по ширине реки, в 3–9 волос, непременно волосяная и лучше плетеная, чем витая. Крючок – самых мелких номеров (№ 12–14); поводок – отборный конский волос или самая тонкая жилка (буйволлов волос).

Для того чтобы иметь возможность забросить такую длинную и легкую леску, гибкости удилища обыкновенно недостаточно, и потому конец лесы, который привязывается к удилищу, должен быть гораздо толще всей остальной части. Это достигается тем, что верхний конец лесы обвивают или оплетают несколькими такими же лесками. Этот так называемый прививок бывает толщиной в 40–50 волос, а длиной от одного до 2 аршин; к удилищу он привязывается не как обыкновенная леска, а крепкими нитками, так что составляет как бы продолжение

верхушки удильника. Вообще при ловле нахлыстом (на кузнечика, метлу, майского жука), когда употребляется леска гораздо длиннее удилица, прививок необходим.

Самая ловля производится следующим образом. Прежде всего заблаговременно насмурыгивают в мешок овса, примерно восьмушку, и самые крупные зерна отбирают. Затем часов в 7 пополудни, когда свалит жар, рыболов с удочкой и отборными овсянами отправляется на реку с товарищем-помощником, несущим мешок с овсом. Оди из них переходит на другую сторону реки, причем рыболов должен стоять на низменном берегу, в расстоянии 100–200 или более шагов от помощника. Последний бросает горстями овес, стараясь забрасывать его на быстрину (иначе овес прибьет к берегу) через каждые 5 минут; овес этот доплывает до омута, против которого стоит рыболов; в скором времени находящаяся здесь крупная рыба, увидав плывущую приманку, начинает подниматься на поверхность и хватается овес, который обыкновенно тут несколько задерживается. Как только рыба начала болтать, т. е. хватать зерна, рыболов ловким движением закидывает леску так, чтобы отборная овсянка, насаженная на крючок, тихо, без шума легла в середину или в передних рядах плывущего овса, и тихо идет вниз по течению до края омута. Необходимо, чтобы крючок весь был спрятан в овсянке и вместе с тем чтобы жало его выходило совершенно свободно. Охотник зорко следит за своей овсянкой и, лишь только схватит ее рыба, подсекает. Подсекать надо несильно, чтобы не оборвать губы или поводка. Прежде чем тащить крупную добычу, разумеется, необходимо ее утомить; только когда она всплывет наверх, можно подтаскивать к себе леску и подсачить рыбу. Перезакидывая удочку, следует вытаскивать удочку как можно осторожнее, чтобы не испугать рыбы, и забрасывать ее снова у верхнего края омута. Перед закатом, когда охотник уже не может видеть своей овсянки, ловля кончается.

Охота эта бывает иногда очень добычлива и по качеству, и по количеству рыбы, но она требует острого зрения и большой ловкости для закидывания длинной лески. Когда овес созреет, рыба уже неохотно берет на него и ужение на овес кончается.

Ловля на дорожку

Дорожкой называется род блесны, спускаемой на длинной бечевке с лодки, плывущей большею частью по течению. Поэтому ловят на дорожку попутно, отправляясь на ловлю, и эта ловля пользуется особенною популярностью у волжских судовых рабочих. На севере и северо-востоке России она, впрочем, употребляется и настоящими рыбаками, чего вполне заслуживает, так как это один из самых веселых способов ловли. Ловля на дорожку начинается во второй половине августа, с началом осеннего жора щук преимущественно, и кончается в сентябре. Чаще всего на дорожку попадает щука, окунь; реже судак и белорыбица (на Волге, а на севере – нельма) и еще реже сом; на севере и в Западной Сибири хорошо берет на дорожку тальмень.

Так как дорожкой ловят на ходу, то она несколько отличается от большинства блесен, хотя некоторыми из них можно дорожить довольно успешно, именно: более легкими и имеющими плоскую форму. На северо-востоке дорожка делается из 2–4-вершковской медной, иногда железной пластинке с небольшим выгибом на переднем конце, в котором просверливается небольшое отверстие; на другом конце припаян крючок и привязан кусочек красного сукна или другой материи. (Рис. 97 и 98.) Приготовление хорошей дорожки, несмотря на всю простоту ее, требует, однако, большой опытности, так как при неправильном центре тяжести она плывет не горизонтально – плашмя, крючком книзу, а несколько наискось и неверно играет (колеблется). Поэтому хорошая дорожка ценится рыбаками очень дорого – до рубля и более.

Рис. 97. Дорожка сбоку

Рис. 98. Дорожка сверху

За границей, где, по-видимому, ловля на дорожку и блесну гораздо распространнее между рыбаками-любителями, чем у нас, существует очень много дорожек-блесен различной формы. Одни из них имеют форму рыбы и делаются металлическими (рис. 99 и 100) и гуттаперчевыми. Последние много хуже, так как не блестят и приметны рыбе только вблизи (см. рис. 92). Чтобы они вертелись в воде, их делают несколько изогнутыми к хвосту или снабжают двумя лопастями, устроенными по принципу Архимедова винта и прикрепленными около головы. Собственно блесны-дорожки делаются за границей из меди, большей частью посеребренной (или из сплава, вроде мельхиора), чаще всего такими, как представлено на рис. 101 и 102. Первая из них, снабженная Архимедовым винтом, может вращаться вокруг своей оси; вторая может только колебаться с боку на бок, но удобнее первой, тем более что ее нетрудно сделать самому из мельхиоровой чайной или десертной ложки. Блесны-дорожки делаются также стеклянными, но такие непрочны и менее привлекательны для рыбы. Для того чтобы дорожка свободнее вертелась или колебалась, к ней прикрепляют карабинчик; снабжают ее или одним якорьком назад или двумя, даже тремя, как в искусственных рыбках-дорожках. Тройной крючок вообще много лучше одиночного, в особенности при ловле щук, которые с обыкновенного крючка очень часто срываются. Поводок делается из баска, редко (у простых рыбаков) из медной проволоки.

Рис. 99

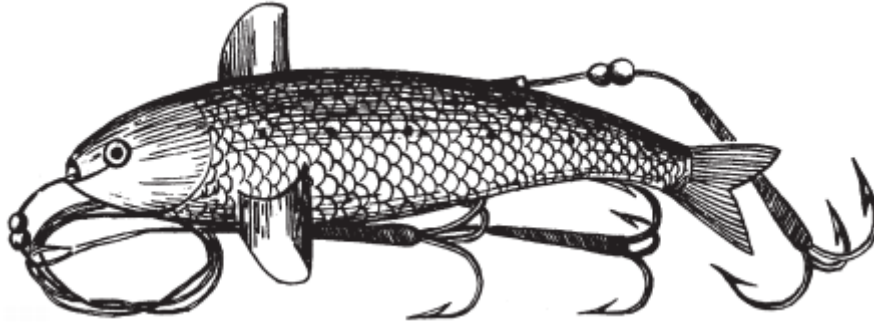

Рис. 100

Заграничные рыбки-дорожки

Рис. 101

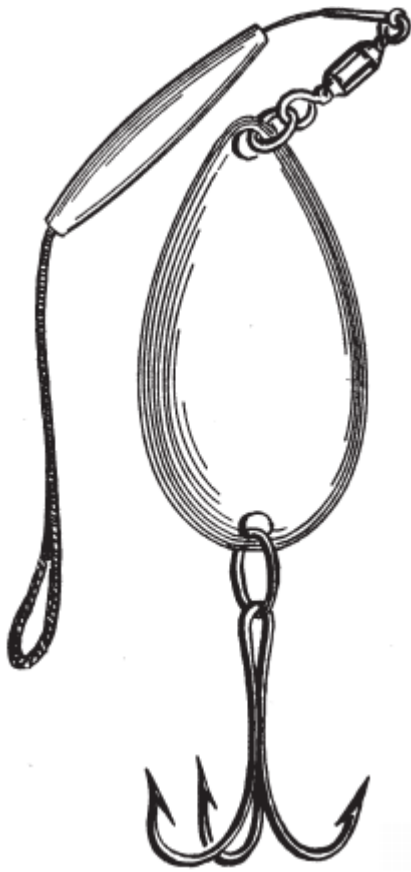

Рис. 102

Заграничные блесны-дорожки

Дорожка привязывается к более или менее толстой, но крепкой бечевке в 10–20 сажен длины, которая навивается или на палку, или, что еще удобнее, на большую деревянную катушку с рукояткой для наворачивания, иногда же на вращающуюся на шпильке рамочку. Все это, т. е. катушки, наворотки и разнородные заграничные блесны, можно достать в любом магазине, торгующем рыболовными принадлежностями.

Ловить на дорожку всего удобнее на небольших легких лодочках, управляемых одним веслом с кормы; впрочем, когда приходится ловить на больших реках или ездить вдвоем, то лучше выбирать более надежную лодку и сидеть самому в корме, а гребцу – на носу (с двумя веслами). Грести, впрочем, приходится очень мало – только на обратном пути, так как рыба всего успешнее ловится на дорожку, когда лодка плывет по течению, т. е. бесшумно. Одному же грести против воды и ловить совсем неудобно. Рыболов, сидя в корме, спускает бечевку с дорожкой так, чтобы дорожка плыла за лодкой в 5–10 и более саженях вполводы или глубже; на перекатах бечевку необходимо укорачивать, на глубоких местах отпускать длиннее, а в траве иногда приходится и совсем ее вытаскивать. Палку или катушку надо держать как можно крепче, иначе крупная рыба может ее вырвать из рук. Если же ловить в одиночку, то по необходимости следует держать веревку в зубах. Некоторые рыбаки для того, чтобы слышать, хорошо ли играет дорожка, закладывают бечевку за ухо, но это довольно опасно. С дорожкой следует держаться ближе к берегу, чем к середине реки, особенно если у берегов растут водяные травы – притон щуки. Другие хищники придерживаются, впрочем, глубоких мест. Можно ловить на дорожку и на больших прудах и озерах, что даже удобнее. Ловля продолжается весь август и почти весь сентябрь. Крупную рыбу вытаскивают при помощи сачка, багра или шучьего топора, но очень большой рыбе нелишне дать повозить лодку до утомления. Лучшее время для ловли – утром и под вечер.

Приготовление оловянных блесен

В конце августа в рыбных водах уже начинается блеснение окуней, щук и другой хищной рыбы, а потому необходимо заблаговременно заготовить достаточное количество блесен.

Блесна есть не что иное, как кусок олова (реже свинца, который слишком тяжел), которому придана известная форма (изменяющаяся, смотря по местности) и в который залит одиночный или двойной-тройной крючок. Нередко также это медная, несколько изогнутая пластинка с загнутым острым концом в виде крючка, но без бородки или же с припаянным стальным крючком.

Самые обыкновенные формы оловянных блесен следующие:

Московская блесна состоит из трехгранного куска олова с подобием рыбьего хвоста наверху и одним крючком внизу. (Рис. 103.)

Новгородская блесна – плоский овальный кусок олова (а иногда свинца) с одним крючком. (Рис. 104.)

Блесны

Рис. 103. Московская

Рис. 104. Новгородская

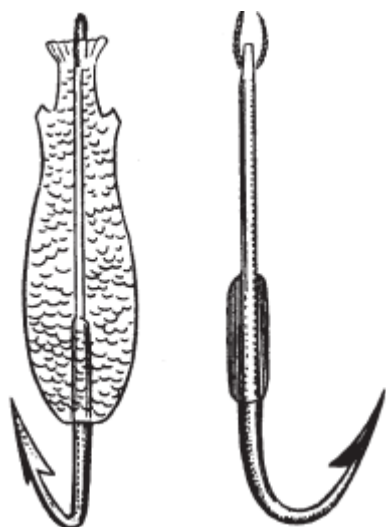

Рис. 105 и 106. Нижневолжская на белорыбицу

Рис. 107 и 108. Нижневолжская на окуня

Сердобская блесна – широкий продолговатый кусок олова, поперечный разрез которого представляет равнобедренный треугольник с очень тупым углом в вершине. Блесна эта делается с одним или двумя крючками; для того чтобы она лучше играла (т. е. шла ко дну не вертикально, а наискось, поворачиваясь с боку на бок), ей дают небольшой выгиб, как показано на рисунке. Стержни крючков закрываются кусочком красного сукна. Эта самая лучшая блесна, пригодная и для ловли на дорожку. Они делаются двух размеров – для окуней и щук (рис. 109–112).

Нижневолжская блесна делается из олова или свинца с одним крючком и отличается от других тем, что на ней сделаны насечки в виде рыбьей чешуи, что делает ее в воде более заметной. Они бывают двух родов: одна – большая, с бородкой на длинном крючке (рис. 105 и 106) – употребляется б. ч. для ловли белорыбицы самоловами (см. декабрь), другая – меньшая, с более коротким крючком, без бородки – для блеснения окуней преимущественно из прорубей. (Рис. 107 и 108.)

Заграничная блесна состоит из оловянной рыбки с тройным крючком (рис. 113). Эта блесна хуже всех, так как не может играть. Вместо нее лучше блеснить заграничными дорожками, описанными выше.

Сердобские блесны

Рис. 109. Для окуней сбоку

Рис. 110. Сверху

Рис. 111. Для щук сбоку

Рис. 112. Сверху

Рис. 113. Заграничная блесна

Рис. 114. Отливка блесен

Кроме того, в Западной Сибири употребляются для зимнего ужения особенные небольшие блесны, имеющие иногда форму жучка, иногда малявки. Приготовление

их будет описано в нояб ре.

Все оловянные блесны отливаются в меловых, глиняных или даже в деревянных формочках. В брусочке величиной немного более блесны выдалбливается углубление, возможно более подходящее к форме блесны. Тот конец формы, который будет нести крючок, должен посредине иметь неглубокий и короткий канал, в который перед отливкой вставляется один или два одиночных, или же двойной-тройной крючок. Для того чтобы крючок сидел крепче в блесне, лучше брать крючки, оканчивающиеся лопаточкой или колечком, и, кроме того, делать на стержне неглубокие надрезы подпилком. Формочка наливается растопленным (в чумичке) оловом через отверстие сбоку или чаще с конца, противоположного крючку, – вровень с краями; затем, дав ей остыть, блесну вынимают из формы и окончательно отделяют, т. е. дают ей надлежащий выгиб (если он должен быть), выравнивают крупным, потом мелким подпилком и затем полируют или оскабливают ножом. В конце, противоположном крючку, просверливается шилом отверстие для привязки лесы или поводка – и блесна готова к употреблению.

Приготовление металлических блесен

Из пластинки желтой или красной меди толщиной в пятак высекается или выпиливается желаемой формы блесна. На обоих концах ее просверливается по одной дырочке. Заблаговременно заказывают кузнецу выковать из обуха негодной косы прутик толщиной в 1/8 дюйма. Конец такого прутика на вершок длины закрепляется и заостряется напильком и отсекается. Нелишне накалить его докрасна на углях и дать ему постепенно остынуть, чтобы он был мягче и при загибании не ломался. Тупую оконечность его а (рис. 118) отгибают в ручных тисках под прямым углом.

Загнутую часть крючка вставляют в дырочку, просверленную на узком конце блесны, и разбивают острым концом молотка, чтобы образовался заклеп. Можно и не заклепывать, а, вставив загнутую часть, припаять железку к пластинке медным припоем. Так будет еще крепче. Затем выравнивают блесну сна чала средним, а потом самым мелким подпилком и загибают крючок и пластинку, как показано на рис. 117. Придав блесне надлежащую форму, нужно крючок закалить, т. е. нагреть его докрасна, и быстро погрузить в воду. Остается только отполировать пластинку, чтобы она блестела. Полируют обыкновенным воронилом или какою-нибудь гладкою стальною вещью, напр. вязальной иглой.

Кроме красных и желтых блесен делают еще белые, для чего серебрят обыкновенную медную блесну.

Западносибирские медные блесны

Рис. 115

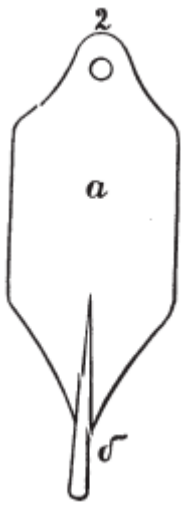

Рис. 116

Рис. 117

Рис. 118. Крючок

Сенежский способ осеннего ужения щуки

В глубоких рыбных озерах и прудах, где щуки в период осеннего жора собираются в большом количестве в известных глубоких местах вслед замелкой рыбой и где по этой причине можно бывает выудить до десятка и более щук, не съезжая с места, всего целесообразнее употреблять следующий, форсированный, способ ужения.

Вся снасть должна быть гораздо крепче обыкновенного. Не беда, если она груба, потому что в жор щука хватается живца с разбега, без всякой осторожности. Удилище должно быть крепкое, с толстым кончиком, почти не гибкое, но и не хрупкое, лучше всего можжевельное или березовое; из складных удилищ для этой ловли годятся только самые крепкие, перцовые, с коротким верхним коленом (или же обыкновенным, наполовину срезанным). Длина удилища не менее 4 аршин. Леса – голландская бечевка или шелковый шнурок, выдерживающий никак не менее 30 фунтов мертвого веса. Поводок – толстый басок (или, еще лучше, медная, вдвое скрученная проволока) – неподвижно прикрепляется к довольно крупному якорьку, т. е. тройному крючку. Поплавок – обыкновенной грушевидной формы самого большого размера (т. е. с грушу), так чтобы полуфунтовый живец не мог бы его топить. Грузило такой тяжести, чтобы поплавок стоял как следует; иногда лучше ловить без грузила, ибо тогда живец менее стеснен в своих движениях и может плавать на различных глубинах.

Лучшими живцами служат плотва и окунь около четверти длиной. Насаживаются они за спинку под спинной плавник крепче, т. е. пониже и глубже обыкновенного.

Ловят непременно с лодки, на значительной глубине, не менее 2, даже 3 сажен, в одиночку или вдвоем. С кормы спускают более или менее тяжелый камень (еще лучше гирию или якорь); нос же остается свободным, так как на одном камне менее шансов на то, что щука запутает леску кругом веревки. Удят на две или на три удочки, пуская живца на аршин от дна; чем дальше будет одна удочка от другой, тем лучше. Далеко закидывать нет никакой надобности, так как на глубине щука отлично берет и под лодкой, но все-таки между поплавком и удилищем должно быть не менее 3–4 аршин леси.

Клев щуки на глубине несколько отличен от клева на мелких травянистых местах. Здесь щука большею частью сразу топит поплавок, ведет немного (на аршин) в сторону, потом останавливается и начинает забирать в пасть живца, которого сначала хватается только за голову или за брюхо. Это самый удобный момент для подсечки. Удильщик при первом погружении поплавка должен встать, быстро отодвинуть остальные удилища, если они стоят слишком близко от той удочки, на которую берет, и, схватив удильник последней, выждать, попуская леску, до остановки поплавка и вторичного хода щуки, который следует обыкновенно через минуту после первого погружения поплавка. Тогда, как только леса начнет вытягиваться, рыбу настолько сильно подсекают, насколько это позволяет крепость леси и собственные силы; затем немедленно тащат рыбу к лодке, быстро перехватывая

леску, и с маху быстрым движением вытаскивают щуку в лодку, если рыба небольшая, и надеются на крепость лесы и на то, что крючки хорошо забрали. В противном случае щуку левой рукой подводят к лодке, а двумя пальцами правой руки (большим и средним) хватают ошалевшую рыбу за глаза и, крепко сжимая их, втаскивают ее в лодку. Сачок или багор, если ловят в одиночку, б. ч. менее удобны, так как при значительной глубине удилище здесь ни при чем и при быстром вытягивании лески обе руки бывают заняты. Главное – не давать щуке опомниться, ибо от сильной подсечки она на секунду ошалевает; если же ее быстро тащить к себе, то вода заликает ей за жабры и она подводится к лодке как бы в столбняке; когда же ей сдавили глаза, то даже большая, 10–12-фунтовая щука только слегка шевелит хвостом, не делая никаких попыток освободиться. Она приходит в себя только уже в лодке и здесь начинает неистово подпрыгивать и мотать головой, разевая свою огромную пасть – самая опасная штука, когда она еще в воде. Но в лодке эта скверная привычка очень даже полезна, так как в большинстве случаев крючок сам собою высвобождается из пасти и не т надобности прибегать к кропотливому его доставанию при помощи разных щипцов и вилочек или отвязывания поводка. Если же якорек засел довольно глубоко, ближе к глотке, что при подсечке, скоро следующей за клевом, бывает редко, то почти всегда достаточно бывает подержать щуку на поводке между ногами на весу.

Как видно, эта ловля основана на быстроте. Вся процедура продолжается не более пяти минут, между тем как при обыкновенном способе ужения с вываживанием для этого требуется почти четверть часа, а при ужении на английский манер с катушкой – не менее получаса. Всякий согласится, что все хорошо на своем месте и в свое время и что неблагоприятно, если не более того, ловить рыбу на тонкие лески, когда она отлично берет и на толстые, и потом поднимать продолжительную возню на большом пространстве, ежеминутно рискуя зацепить в наших «нецивилизованных» водах за корягу и лишиться и рыбы, и дорогой снасти.

Разумеется, если щука попалась очень большая и подсечка не имела на нее большого влияния, не вызвала, так сказать, некоторого сотрясения мозга, рыбу необходимо предварительно вываживать сначала на удилище, а потом на леске, держа последнюю всегда натянутою, но и настолько слабо, чтобы она при резком движении рыбы не могла оборваться. Компаньон тут бывает очень полезен, так как он может поднять веревку с камнем или якорем, за которую вываживаемая щука очень часто запутывает лесу; на неукрепленной же лодке можно выводить крупную щуку и на нее особенно прочную снасть. Если же приходится ловить в одиночку, то при подсечке крупной щуки (более 10–15 фунтов) необходимо немедленно переходить на нос лодки и не допускать щуку до веревки. К тому же лодке при такой позиции рыболова предоставляется большая свобода движения, умеряющая порывы сильной рыбы. Крупная же щука даже и при скорой подсечке редко срывается с якорька, так как в большинстве случаев мелкого живца она глотает в один прием.

Этот способ применяется опытным и московскими рыболовами при ловле щук на известном Сенежском озере, что близ Подсолнечной, станции Николаевской железной дороги, и дает самые лучшие результаты.

Сентябрь

Ловля на блесну

Ловля на блесну начинается с того времени, как окунь и другая хищная рыба удалится в глубокие места, т. е. с начала сентября, реже с конца августа, и с небольшими перерывами продолжается почти всю зиму уже по льду, хотя с

некоторыми изменениями. Ловля эта заключается в том, что рыболлов беспрестанно подергивает блесну и голодная хищная рыба, видя последнюю и принимая ее за рыбку, хватает блесну и зацепляется крючком.

Ловить на блесну можно только на самых глубоких местах реки, озера или большого пруда на т. н. ямах, где позднее рыба собирается в таком количестве, что нередко приходится вытаскивать ее на блесну под жабры. Поэтому блеснят обыкновенно с лодки, очень редко с берега, купальни и плотины. Лодку эту укрепляют на месте при помощи одного и двух тяжелых камней (или якоря), но опытные рыбаки Западной Сибири предпочитают держаться на месте (разумеется, на слабом течении) при помощи весла: одною рукою он блеснит, а другою подгребаются.

Для блеснения употребляются оловянные и медные блесны, описанные выше. Способ прикрепления блесен к леске различен: одни просто привязывают их к волосяной леске или бечевке, другие, если рассчитывают и на шук, употребляют поводок из баска или медной скрученной (вдвое-вчетверо) проволоки, которая, например в Западной Сибири, прикрепляется к медному или железному колечку; проволока эта связывается с лесой (волосяной) не непосредственно, а к ней привязана небольшая петля из крепкой бечевки. (Рис. 119, d.) Всего же лучше как к самой блесне, так и к поводку прикреплять карабинчики (рис. 52 и 53), так как тогда блесна играет много лучше. Для блеснения всего пригоднее волосяные лески; толщина их зависит как от величины попадающейся рыбы, так и от глубины воды, длины и гибкости удилища.

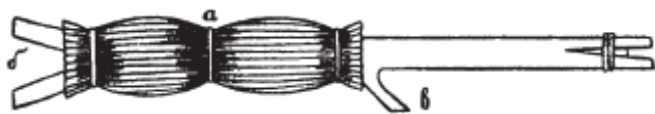
Удилища для блеснения употребляются или довольно длинные, около 4 аршин, и не очень гибкие, или же, напротив, очень короткие и гибкие в виде прутика в аршин и менее, который для того, чтобы его ловчее было держать, обертывается камышом. В Западной Сибири удильником служит т. н. мотылек – прутик вершков 8 длиной и толщиной в мизинец (рис. 120); на середине его оставляется *censored*к в 3/4 вершка длины. Оба конца прутика надкалываются ножом; в расколотые места вкладываются маленькие клинушки и расколы стягиваются тонким шнурком. Затем на часть прутика а (рис. 121) накладывают кругом в несколько рядов камыш, натуго перевязывают его в трех местах шнурком, а концы обравнивают ножом. Один конец лески привязывают к месту мотылька, обозначенному через а, и наматывают ее через *censored*к в и надкол б. На свободном конце ее делается петля, посредством которой она прикрепляется к шнурку д (рис. 119). Такой мотылек в особенности пригоден для блеснения на очень больших глубинах. На глубине же двух-трех сажень удобнее ловить на длинное удилище.

Рис. 119. Западносибирская блесна

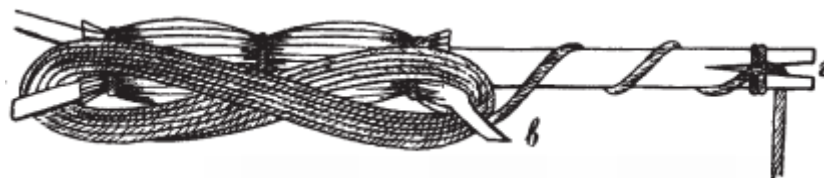

Рис. 120. Мотылек необделанный

камыш

Рис. 121. Мотылек, обделанный в

навитой леской

Рис. 122. Мотылек с

Смотря по тому, какое употребляют удище – длинное или короткое, – блеснят различно: в первом случае длинными размахами, так, что блесна вытаскивается вполводы или выше и потом падает на дно благодаря своей форме не вертикально, а наискось, быстро переворачиваясь с боку на бок, так, что она имеет вид рыбки, спасающейся от хищника. Во втором – удище поднимает вверх короткими толчками, причем блесна, обыкновенно плоская медная, покачиваясь, медленно

падает ко дну почти вертикально. Блесна, однако, отнюдь не должна касаться дна, а потому прежде, чем начать ловлю, необходимо вымерить глубину.

Большую часть блесна сама по себе служит приманкою хищной рыбы, но иногда, особенно для ловли окуней при плохом клеве, нелишне насаживать на крючок червя или малька.

В низовьях Волги, где ловля блесной весьма распространена и очень добычлива, замечено, что жор окуня бывает или в большой мороз, или в верховой ветер, особенно перед сменой северного ветра на моряну (низовый ветер, дующий с моря). Верным признаком того, что окунь не будет брать, служит т. н. стук: окунь не хватается блесны, а только ее толкает – стучит, т. е. играет с нею. Всего больше попадает на блесну окуней; щука ловится на нее хуже и только местами, где ее очень много собирается в глубинах. Другие хищные рыбы, как налим, судак, хватают блесну еще реже, сом же, кажется, никогда, так как в сентябре почти не ест. Щук всегда лучше ловить на блесны с тройным крючком, так как к одиночный крючок с бородкой плохо вонзается в твердую щучью пасть; в противном случае лучше уже ловить на блесну без бородки на крючке. Во всяком случае, почувствовав при поднимании блесны, что она схвачена рыбой, надо сделать подсечку. Очень крупных щук (а также окуней), если не надеются на прочность лесы, необходимо предварительно утомить и потом вытащить при помощи сачка или багра. Западно-сибирский мотылек очень удобен в этом отношении, так как стоит только перевернуть его в руке – леса выскочит из расщепы, и рыбе можно дать смотать с разилок весь запас лесы. Для вытаскивания крупных щук в Западной Сибири употребляется багор особого устройства, без зазубрины. Он делается из мягкой стали (рис. 123); часть его а врезывается в деревянную рукоятку в аршин длины (рис. 124) и прикрепляется к последней медным или железным кольцом (б).

Как крючки блесен, так и багор, должны быть всегда острые, а потому, если они хоть немного притупились, их необходимо немедленно подтачивать мелким подпилком. Кроме того, блесна, имея своим назначением блестеть в воде и этим приманивать рыбу, должна быть всегда светлой, почему ее необходимо чистить как перед ловом, так и во время лова. Оловянные блесны достаточно поскоблить ножом или потереть пемзой, мелким подпилком; медные же лучше чистить наждаком, трепелом и другими порошками или мазями, употребляемыми для чистки медной посуды. На Оби рыбаки чистят свои медные блесны деревянной палочкой, обтянутой кожаным ремнем (рис. 125). Ширина палочки – 1/4 вершка. Ремень (бб) натирается трепелом или самым мелким отмученным наждаком. Потертая этим ремнем блесна тотчас же принимает свой первоначальный блеск.

В случае задева блесну отцепляют свинцовым кольцом-отдевкой (рис. 38), но так как, вынув его из воды, всякий раз приходится наматывать бечевку этого кольца на дощечку, то гораздо удобнее отдевка, употребляемая обскими рыбаками, устройство ее видно из рисунков (рис. 126, 127 и 128).

Рис. 123. Багор

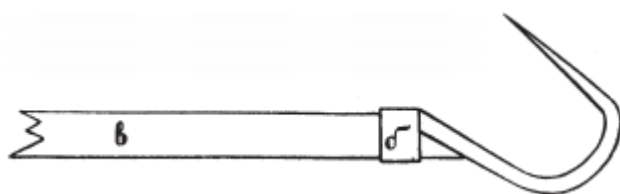

Рис. 124. Багор, прикрепленный к древку

Рис. 125. Палочка

для чистки блесен

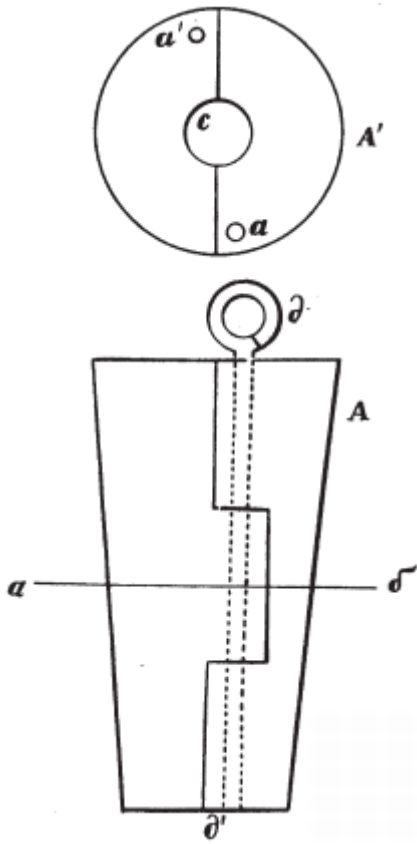

Рис. 126. А – отливка, А1 – вид сверху

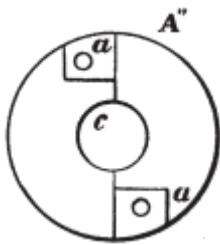

Рис. 127. Разрез по линии

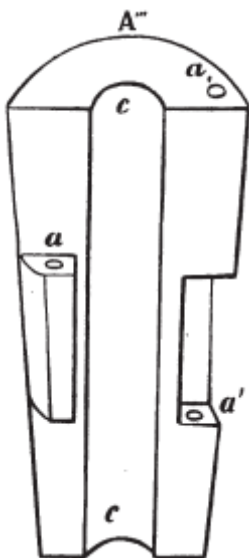

Рис. 128. Половинка отливки

По приготовленной заранее модели отливают из свинца две совершенно одинаковые половинки А'''. Когда их сложат вместе, то образуется усеченный конус А, с круглым отверстием с, с' – по всей длине его. В местах а и а' (рис. 126, А') конус просверливается насквозь; в просверленные места вставляется медная проволока. Одна из этих двух проволок с обоих концов расклепывается, так что тут образуется шарнир; другая проволока д, д', с загнутым в колечко д концом, должна свободно вкладываться в отверстие а и выниматься из него. Когда эта последняя проволока вынута, то обе половинки конуса свободно раскрываются на шарнире; тогда леска вкладывается в среднее отверстие с, с', конус запирается проволокою д, д' и опускается по леске в воду. Упав на колечко (б) блесны (рис. 119), конус отцепляет ее, а вынуть его из воды и снять с лески – полминуты. Можно, разумеется, употреблять для отдавания блесен отцеп в виде раздвижного гладкого кольца (рис. 38, III, в) с защелкой, но внутренн ий диаметр этого кольца должен быть уже диаметра блесны и, следовательно, кольцо должно быть гораздо толще обыкновенного.

Стрельба рыб на небольших речках

Там, где разводят коноплю и пеньку мочат (в сентябре) в бочагах небольших речек, практикуется местами следующий способ охоты на рыб. Когда бабы свалют пеньку в бочаги, вода мутнеет, принимает особенный запах, и задыхающаяся рыба спешит по течению на более глубокую и свежую воду, причем плышет почти вся наружу, подняв до половины голову из воды. Тут-то и поджидает ее охотник с ружьем в одной руке и с сакон, для ловли застреленной, в другой. Зорко следит он за приближающейся мутной водою и стреляет прямо в голову на расстоянии 10–25 шагов дробью № 4-й. Промахнуться трудно – добыча видна издали и может быть выждана на близкую дистанцию. Убитая рыба сейчас же перевертывается кверху брюхом и затем тонет, так что необходимо немедля выхватить ее сачком на берег.

Эта довольно истребительная охота продолжается дней семь, много десять; кроме крупной рыбы, случается, что идет станицами мелкая рыба: голавль, язь, окунь, плотва, иногда, впрочем, от 1 до 2 фунтов весом. Стреляют тут прямо в станицу, и случается одним выстрелом добыть от 5 до 10 фунтов рыбы, причем, разумеется, много уходит раненой.

Ловля налимов на лягушонка

Осенью, начиная с сентября, налим очень хорошо ловится на донные удочки (а также переметы), наживляемые мелкими лягушками. Шекснинские и моложские рыбаки не употребляют в это время другой насадки и заблаговременно делают большие запасы лягушат (шадры), которые осенью целыми партиями собираются в родниковые ямы или просто в ямы у берега. Сохраняют шадру в подвалах. Донная удочка обыкновенная, но с грузилом на конце лески; крючки употребляют мелкие одиночные, и лягушонка (живого) насаживают, просто прокалывая крючком обе его губы снизу вверх. Прягать крючок нет надобн ости. Ловят по ночам в тихую погоду при разведенном костре, огонь которого, вероятно, действительно привлекает бродящих ночью голодных налимов.

Осеннее ужение ельцов

Осенью елец снова берет на червя, но уже со дна и в местах более глубоких. Этот клев продолжается до порядочных морозов. В это же время можно ловить ельца на распаренные хлебные зерна. После сильных морозов, незадолго до замерзания реки

или озера, весь елец уходит в самые глубокие ямы и перестает ловиться до ранней весны.

Осеннее ужение пескаря

С сентября, даже в конце августа, пескари сваливаются с мелких мест в глубокие ямы с песчаным или иловато-песчаным дном и собираются там на зимовку огромными стаями. В это время лучше всего ловить их с лодки на двойчатки; насадкою служит сначала червь или мотыль, а позднее – почти исключительно мотыль.

Сохранение червей на зиму

Во многих местностях России, преимущественно южной, рыба (особенно окунь и мелкий сазан) хорошо берет на червя в начале зимы по первому льду. Поэтому там запасают червей (земляных и навозных) с осени. Держат их в глиняных корчагах с небольшим количеством земли или навоза, в сенях или в подполье и кормят отрубями и лошадиным калом. Прибавим, что хорошо изредка вливать в корчагу небольшое количество бульона, но несоленого, или молока. Вместо земли можно употреблять мягкий мох, употребляемый для построек. При ужении в морозные дни червей держат в тряпочке, банке и т. п., за пазухой, иначе они замерзнут.

В городах земляных червей в небольшом количестве можно всегда достать в садовых заведениях – оранжереях и теплицах.

Октябрь

Лученье рыбы

Лученье рыбы в прозрачной воде может производиться уже с мая, после половодья и до ее замерзания, но в большинстве случаев оно начинается только во 2-й половины сентября или даже с октября, когда трава ляжет на дно и вода в прудах и озерах совсем просветлеет, а кончается в ноябре, когда вся рыба уходит вглубь. В реке лучить можно только в заливах, вообще в таких местах, где течение очень слабо. Кроме прозрачности воды и слабого ее течения, необходимое условие этой охоты – совершенно тихая, безветренная ночь; чем она темнее, тем лучше.

Лученье рыбы заключается, как известно, в том, что при помощи огня освещают неглубокую воду и, заметив в ней достаточно крупную рыбу, спящую или только ослепленную светом, бьют ее острогой. При некоторых благоприятных условиях (например, в медленно текущих речках) можно лучить прямо с берега, причем один светит, а другой высматривает рыбу и колет ее острогой. Но обыкновенно лученье производится с лодки, вдвоем, реже втроем или в одиночку.

Лодка для лученья должна быть очень легкая – всего лучше обыкновенный рыбацкий челн; плоскодонки устойчивее, но зато очень тяжелы, что неудобно, потому что надо грести с кормы одним коротким веслом-рулем. Так как устройство освещения на носу лодки небезопасно и мало достигает цели, то в носовой части всегда прикрепляется так называемая коза. Коза состоит из изогнутой железной рукоятки, к которой привариваются с боков более тонкие железные прутья, на концах согнутые под прямым углом, так что в общем весь снаряд имеет вид продолговатой жаровни около аршина длиною. Конец рукоятки прикрепляется к носу лодки таким образом, что коза находится несколько выше последнего, по крайней мере на аршин от воды, что необходимо для освещения возможно большего

пространства. Для лученья употребляется острога, более тяжелая и насаженная на менее длинное древко, чем острога для весеннего боя щук на поверхности воды. Самая острога делается более массивною и прочною, в 6–8 и более зубьев, насаживается она на легкое, сухое и совершенно прямое ратовище длиною в сажень или полторы. Обыкновенно берут с собою две остроги: одну большую, с более длинным древком – для ловли самой крупной рыбы и на более глубоких местах, другую – в четверть ширины, с трехаршинным древком. Иногда зубцы остроги бывают с гранеными, а не цилиндрическими стержнями; кроме того, на стержне каждого зубца изредка делаются небольшие насечки.

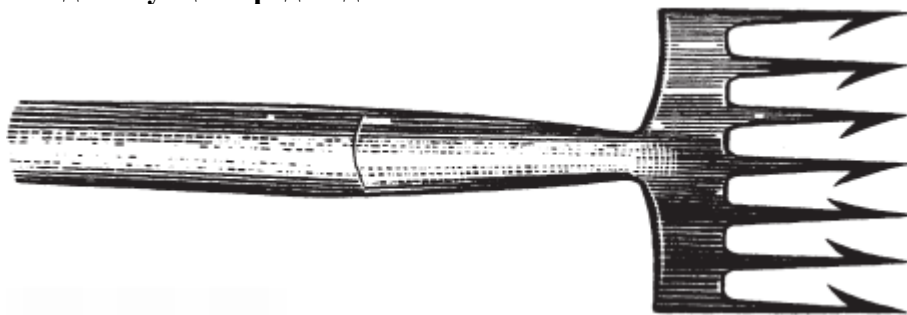

Рис. 129. Острога

Рис. 130. Лученье

Самый лучший осветительный материал для луча – это так называемое смолье, т. е. небольшие поленья и щепки, наколотые из смолистых сосновых пней и дающие самое яркое и продолжительное пламя. Смолье всегда заготавливается заранее, еще в августе и июле, и высушивается как можно лучше; в противном случае оно горит темнее, притом с треском, пугающим чуткую рыбу. За неимением смолья можно довольствоваться сухой лучиною, сухими, мелко наколотыми березовыми дровами, берестой и т. п. Дрова полезно обливать керосином. Кроме того, лучом могут служить смоляные факелы, особо устроенные лампы, также керосиновые и бензиновые кухни. Самый лучший свет, конечно, электрический, но, к сожалению, он слишком дорог и доступен только очень богатым людям.

Собственно лученье производится следующим образом. Взяв с собою достаточный запас смолья и иногда большую корзину для рыбы, когда совсем стемнеет, разводят огонь на козе и едут по реке, пруду или озеру, придерживаясь неглубоких мест – от

аршина до двух и никак не более сажени. Один из участников ловли медленно гребет, сидя в корме, стараясь не булькать веслом, т. е. не вынимать его из воды; другой стоит в носовой части, держа наготове острогу, и, как только заметит стоящую рыбу, дает знак гребцу придержать лодку или направить ее в сторону и пронзает рыбу острогой.

Бой острогой с лучом очень труден и требует большого навыка и верного глаза, так как надо всегда принимать в соображение преломление лучей в воде. Обыкновенно рыбак предварительно опускает острогу в воду и уже в воде наводит ее на рыбу, затем вдруг сильно ударяет ею. Самое главное здесь – угадать то расстояние, на котором медленное движение остроги должно мгновенно перейти в быстрый удар; притом всегда следует бить рыбу не вертикально, а несколько наискось и сначала опускать острогу как бы мимо рыбы и на расстоянии полуаршина или менее осторожно переносить ее на цель, т. е. спину рыбы, впереди спинного плавника, притом поперек, а не вдоль рыбы, так как при поперечном ударе вероятность промаха значительно уменьшается. Самый лучший и верный удар – пальца на три от головы. Пойманную рыбу не мешает прижать ко дну, чтобы зубцы остроги глубже вонзились. Это особенно важно при бое рыбы, покрытой крепкой чешуей, напр. язей, а также для очень крупных щук, которые, будучи втиснуты в ил, скорее изнемогают. Иступившуюся острогу следует тут же подточить подпилком. Рыба, стоящая на дне, срывается реже, чем стоящая вполводы, но попасть в нее труднее. Очень крупная рыба (щука или сом) иногда вырывает острогу из рук, а потому ее бьют только длинными острогами, к древку которых привязана крепкая веревка в несколько сажень длины с поплавком на конце.

Заготовка натуральных цельных удилиц

Всякий настоящий рыболов согласится, что самые лучшие и, главное, надежные удилица – цельные. Самые лучшие заграничные складные удилица не могут спорить с ними в крепости и без катушки почти не пригодны для ловли крупной рыбы. Кроме того, так как эти последние и предназначены для ужения с катушкой, то, во-первых, центр тяжести их находится слишком далеко от комля и держать их в руках без катушки тяжелее, чем с катушкой; во-вторых, их нельзя втыкать в берег. Складные продажные удилица московского изделия хотя и могут быть воткнуты в берег (толстый конец их заострен, и на него набивается железный конус), но еще гораздо менее прочны и посадисты (центр тяжести очень далеко от комля), чем заграничные. Если же многие хорошие столичные рыболовы предпочитают складные удилица цельным, то только потому, что цельных удилиц в продаже не бывает и они не так удобны для перевозки (особенно по железным дорогам), как складные.

Главные достоинства цельного удилица, приготовленного из молодых гибких деревьев известных пород, заключаются в его гибкости и упругости, соединенных с прочностью. Такое удилице может согнуться в крутую дугу, как никакое складное, и не сломаться, а потому, если леса, к нему привязанная, достаточно крепка сама по себе, или же, кроме того, обладает значительной растяжимостью, как все волосяные, то на хорошее натуральное удилице можно вытащить самую крупную рыбу, разумеется, предварительно утомив ее вываживанием. Вот почему опытный русский удильщик ловит на свои березовые или можжевелевые удилица с волосяными лесками не менее, если не более крупную рыбу, чем рыболовы с английскими снастями, катушками и шелковыми лесками. Гибкость и упругость удилица вместе с растяжимостью волосяной леси вполне заменяют ему катушку, которая имеет свой *raison d'être* [12 - Смысл существования (фр.). – Ред.] только в таких водах, где дно свободно от задевов на большое пространство и где рыба особенно напугана и

потому осторожна. А таких вод у нас еще не особенно много.

Приготовить несколько превосходных цельных удилиц вовсе не так трудно, как думают многие, обойдется такое удилице дешевле самых скверных складных московского изделия. Материал для них – можжевельник, береза, орешник и рябина – почти везде имеется под руками; нужно только выбрать их, выправить и выпрямленные завялить, а затем, для большей прочности, пропитать маслом и даже покрыть масляной краской.

Самые лучшие натуральные удильники по своей упругости, прочности, прямизне верхушки и относительной легкости – можжевеловые. Для ловли крупной рыбы они положительно незаменимы. К сожалению, можжевельник (вересовник) только редко достигает значительной вышины, более 4–5 аршин, и только местами (преимущественно в более северных губерниях) растет деревьями до трех и более сажен вышины. Но и при трехаршинной длине можжевелового удилица толстую половину его приходится значительно обстругивать рубанком. Короткие удильники для ловли на донную почти везде можжевеловые. Большинство рыболовов по этим причинам употребляет березовые удилица, которые достать можно везде и какой угодно длины. Они тяжелее можжевеловых и не имеют той стальной упругости, которая свойственна можжевельнику. За березой, как материал для удилиц, следует рябина, потом орешник и, наконец, липа; последние два дерева для ловли крупной рыбы мало пригодны по своей чрезмерной гибкости. Прочие породы деревьев не годятся для удилиц или по своей тяжести, или по своей ломкости.

Самое лучшее время для срезывания удильников – осень, именно октябрь или даже ноябрь, когда лист с дерева спадает и древесина уже приобретет значительную плотность. Можно срезывать удильники и рано весной, в апреле или марте, но тогда древесина уже сыровата и не имеет такой крепости, как осенью. Кроме того, весной уже не до заготовки удилиц, да и удильники хотя весной сохнут почти втрое скорее, чем осенью и зимой, но все-таки к открытию сезона ужения еще не бывают вполне готовы. Самые пригодные для удильников березки большею частью находятся в чаще молодого 10–15-летнего березняка (парусника). Только здесь можно найти почти совершенно прямые деревца длиною до 3 и более сажен и у комля тоньше двух пальцев. Выбирать березки надо (или другие деревца) с лучшей (т. е. с прямой, равномерно утоньшающейся к концу) верхушкой. Срезать лучше ручной пилкой, чем ножом или топором, непременно со всей вершиной до конечной почки.

Срезанные удилица аккуратно очищают от сучьев, а также от коры, за исключением, однако, верхушки (одной трети), которую надо оставлять в шкурке до окончания сушки. Комель, если он очень толст, следует обстругать рубанком, но не слишком, иначе центр тяжести переместится ближе к середине и удилице будет не так ловко держать в руке. Примерно центр тяжести должен находиться от комля не далее как на $\frac{1}{2}$ или даже $\frac{1}{3}$ четв. всей длины удилица.

Приготовленные таким образом удилица следует высушить, вернее, завялить в сарае или на открытом воздухе, но непременно в тени. Но так как безусловно прямых деревцов не бывает, то прежде, чем сушить, удилица выправляют, т. е. придают им возможную прямизну. Выпрямлять удилице можно двумя способами. Первый, самый простой, заключается в том, что верхушку удилица приматывают бечевкой к 1–2-аршинной совершенно прямой тонкой палке или тросточке и эту палку подвешивают к балке или стропилам сарая так, чтобы комель удилица на пол-аршина не касался земли или пола. Затем к комлю привязывают более или менее тяжелую гирию или камень (в 1–2 пуда и даже более); удилице выпрямляется в струнку, и его оставляют висеть так до весны, т. е. до марта. Тяжесть полезно постепенно увеличивать.

При втором способе выстругивают рубанком толстую круглую слегу, вдоль которой проводят две-четыре прямые полосы, делящие слегу на две-четыре равные

продольные части для означения на слеге прямого направления, по которому должны лежать удилища; к этой слеге привязываются срезанные сырые и обделанные удильники и обматываются с толстых концов бечевою как можно туже и чаще. Верхние же тонкие концы, которые от стягивания бечевою могут сломаться, достаточно не очень туго обмотать толстыми прочными нитками. Затем эта слега с привязанными к ней удилищами кладется в сарай под крышу (только не железную) на переметы, где и остается до весны, когда наступит пора ужения. Примотанные к слеге удилища очень полезно, особенно вначале, осматривать через две-три недели и снова перевязывать, переворачивая их теми сторонами, где есть искривления, причем не мешает слегка выправлять эти погибы руками.

Уматывая бечевою удильники на слеге или на доске, необходимо подбирать удильники одинаковой длины для каждой отдельной слеге. При таком подборе выправлять и завяливать удилища гораздо удобнее, так как тонкие, средние и толстые части удилищ будут находиться на одинаковой высоте и, следовательно, подвергнутся одинаковому давлению опутывающей их и выправляющей бечевы. Полезно привязывать удильники и по окончании рыболовного сезона или по миновании в них надобности.

Выпрямление слишком кривых натуральных удилищ

Почти совсем прямые молодые березки или какие другие деревца, для совершенного выправления которых достаточно одного обвязывания веревкой на слеге, попадаются очень редко. В большинстве случаев срезанное удилище при общей своей прямизне имеет одно или несколько искривлений, а потому способы заготовления натуральных удилищ, описанные выше, для такого деревца не совсем пригодны. Такие удилища необходимо выправлять следующим образом.

Приготовив как можно аккуратнее желобки (4) на толстой (около 2 вершков в комле) слеге (или бруске) так, чтобы каждый желобок был совершенно прям и вместе с тем вполне соответствовал какому-либо из четырех удилищ (диаметр желобка должен быть чуть-чуть побольше диаметра соответствующей части удилища, а глубина – не более половины этого диаметра), удилища вставляют каждое на свое место так, чтобы верхушки их лежали на одинаковом расстоянии (на вершок или два) от тонкого конца слеге, и слегу с удильниками слегка обматывают веревкой или же связывают в 3–4 местах. При этом стараются, чтобы большинство искривлений, на толстой части удилища в особенности, лежало бы над (а не сбоку) соответствующими им частями желоба. Затем берут обыкновенные скобки, употребляемые для задвижек, и вколачивают их, начиная от комля удилища до 3/4 длины последнего, на расстоянии полуаршина или менее одну от другой, преимущественно в тех местах, которые оттопыриваются и не прилегают ко дну желоба. Вместе с этим боковые погибы отводятся при помощи долота (всю эту процедуру удобнее производить вдвоем) и удерживаются на своем месте большими гвоздями (проволочные по своей гибкости менее пригодны, чем обыкновенные). Скобки, нажимая на погибы сырого дерева, совершенно их выправляют; для того же, чтобы они не врезывались в удилище, под них подкладывают небольшую деревянную (лучше березовую) пластинку. На 4 удилища требуется от 20 до 30 скобок (стоящих 15 коп. десяток) различной величины от одного вершка ширины и полутора длины до полувершка ширины и 3/4 длины.

Загнав таким образом как можно плотнее все удилища по очереди в желоба, начинают выправлять последнюю четверть каждого деревца отдельно. Для этого в скобках уже нет надобности, и тонкая часть удилища удерживается на своем месте гвоздями, которые вбиваются преимущественно на боковых погибах. Самый кончик удилища примерно на пол-аршина не нуждается в такого рода выправке и

оставляется покуда свободным. Затем все удилища, начиная с последней (тонко й) трети или даже с середины, как можно крепче обвивают крепкой веревкой (потоньше карандаша). Для этого веревка предварительно аккуратно навивается на скалку (всего лучше на медный или железный пестик) и свободный конец ее закрепляется за одну из вбитых скобок. Один наматывает, другой же после каждого оборота слегка ударяет молотком по обвиваемым частям всех четырех удилиц; этим выправляются легкие погибы, и удилице совершенно плотно прилегает ко дну желоба. Обороты делаются на расстоянии не более вершка, но и не менее полувершка.

Не доходя трех четвертей до верхушки, обматывание приостанавливают, веревку закрепляют и начинают выправлять самые кончики удилиц. Для этого на расстоянии полуаршина от вершины привязывают толстую, сложенную вдвое нитку, так, чтобы концы ее были на две четверти длиннее всего кончика. Один из работающих держит кончик удилица, натягивая концы ниток; другой такую же ниткою (или вдвое сложенною) обматывает всю верхушку (обороты на полвершка) и нитку закрепляет на кончике. Затем все концы ниток натягивают возможно сильнее и заматывают за гвоздь, вбиваемый немного повыше самого кончика верхушки. Гвоздь не мешает вогнать после закрепления ниток еще глубже и отогнуть. Через это тонкая часть удильника ляжет в желобок еще плотнее и еще более натянется и выпрямится. Приготовив таким образом все верхушки, заканчивают обматывание слегу веревкой, как сказано выше.

Можно этим и ограничиться, но кто желает иметь к весне безукоризненно прямые удилища или если срезанные удилища были настолько кривы, что даже и при этом способе их выпрямления остались небольшие боковые погибы, тому следует поступить следующим образом. Из сухой березовой лучины или тонкой доски готовят значительное количество небольших клинушков различной величины, начиная от полудюйма толщины при вершковой длине. Эти клинья вбиваются под те места удильника, где он все еще имеет небольшую боковую кривизну, а также впереди и позади каждого его выгиба кверху. Самая верхушка удилица выправляется самыми крошечными клинушками, которые обыкновенно бывает достаточно подложить под веревку с того или другого бока.

Затем слегда ставится в сарай лучше в вертикальном, чем горизонтальном положении, верхушками удилиц кверху, и удилища сохнут здесь до весны, т. е. до марта или апреля, и тогда уже окончательно отделяются, и кора на верхушке удильника осторожно очищается пемзой или стеклянной бумагой.

За неимением скобок можно выправлять оттопыривающиеся части удилиц, завертывая их толстой и крепкой веревкой на палке, т. е. веревку связывают в этом месте мертвым узлом, под узел просовывают палку и вертят ее, пока кривизна не выпрямится. Затем один из концов палки прибивается к слеге гвоздем или привязывается к ней бечевкой.

Перевозка живой рыбы

Перевозку живой рыбы на большие расстояния как для продажи, так, в особенности для пересадки, можно без особых приспособлений производить с успехом только осенью, всего лучше в октябре. Весною рыба хлипкая, зимою она сама или вода, в которой ее везут, скоро замерзает. Некоторые рыбы, например налим, оттаяв, через несколько часов оживают, но вообще зимою перевозка удобна только в теплую погоду.

Главные условия удачной перевозки – свободный доступ воздуха и предохранение рыбы от толчков и ушибов. Первое достигается тем, что рыбу везут в открытых чанах (лучше суживающихся кверху) или же в обыкновенных водовозных бочках со

значительно расширенным отверстием, которое сверху закрывается рединкой. Так как вода, особенно в чанах, сильно расплескивается, то необходимо ее по дороге часто добавлять свежую и везти чан (если еще нет санной дороги) непременно на длинных качках роспусках. Для того же, чтобы рыба не зашиблась при толчках и не тыкалась носом об дерево, вся внутренность чана или бочки выстилается свежей болотной травой (камышом, тростником и т. д.), которая, в свою очередь (выделяя кислород), содействует освежению воды. Траву можно с боков довольно прочно прикрепить к стенкам (расщепленными палками), а если это камыш или тростник, то из него нетрудно сплести нечто вроде внутреннего цилиндрического футляра.

Таким образом можно перевозить самую нежную рыбу на многие десятки верст, а на малые расстояния и ночью – даже в летнее время. Всего лучше ловлю садочной рыбы производить бреднем. В большом неводе, если в мотню много набьется рыбы, много ее мнется и большая часть рыбы не выдерживает дальней перевозки.

Ужение поздней осенью в проточных прудах

Как только начнутся сильные осенние морозы, вся рыба начинает держаться на середине пруда в самых глубоких и крепких местах. Здесь ее можно ловить со дна на лодке, нехищную – на червя, хищную – на живца, малявку и блесну. Червяков необходимо сохранять за пазухой. Когда пруд начнет замерзать, рыба обыкновенно на время пер еходит в верховье пруда, к т. н. трубе, и держится близ середины реки. В это время можно ловить очень много рыбы, прочищая береговой лед длинным шестом и употребляя длинное удилище. Необходимо только наблюдать, чтобы леса не прикасалась к закрайкам (иначе она примерзнет), а также осторожно вытаскивать ее из воды, чтобы не перерезать. Затем зимой рыба берет или из прорубей (лучше всего на глубоких местах), которые сами по себе составляют приманку для рыбы, ощущающей недостаток воздуха, или же в полыньях, у сильных родников, куда иногда рыба собирается массами.

Глушение рыбы по перволедью

Эта весьма интересная охота основана на том, что, как только вода замерзнет, вся рыба первое время держится подо льдом и ясно видна ночью при освещении сквозь еще не покрытый снегом и прозрачный лед реки, озера или пруда. Иногда глушат и днем, но чуткая рыба стоит тогда плохо и уходит прежде, чем рыбак успеет к ней подкрасться со своим кийком – полуаршинной чуркой вершков 6 в отрубе, которая насаживается на двухаршинную рукоятку. Поэтому глушение б. ч. производится по ночам, когда рыба спит, почти касаясь ледяной коры своим спинным пером. При этом необходимы многие предосторожности, и грузному, тяжелому человеку лучше не пробовать счастья: тонкий лед трещит, пугает рыбу и иногда проламывается. Ради возможной тишины рыбак обувается в валеные сапоги (пимы). С небольшой козой в левой руке он осторожно скользит по стеклянной поверхности озера и ловко бьет кийком стоящую рыбу, темная спина которой при свете луча отчетливо виднеется сквозь тонкий лед. Удар должен приходиться прямо против головы рыбы и бывает действителен, только когда последняя стоит не далее полуаршина от внутренней поверхности ледяного покрова: тогда она перевертывается вверх брюхом с одного удара. Крепче всех рыб налим, слабее всех щука; первого редко удается оглушить с одного раза, между тем как щука шалает даже от слабого удара и иногда на аршинной глубине. Оглушенная рыба, однако, скоро приходит в чувство, а потому рыбак немедленно прорубает пешней или топором надлежащее отверстие и мелким сачком на длинной рукоятке выкидывает добычу на лед. Во избежание несчастных случаев лучше глушить вдвоем: один несет огонь и бьет рыбу, другой

достаёт её и на всякий случай имеет при себе достаточно длинную веревку. Иногда киек заменяется обухом топора или простой дубиной, коза – железным ковшом, даже лопатой, а при случайной ловле просто светят горящею берестяною трубкою. В реках и протоках обыкновенно бьют рыбу прямо с берега. По всей вероятности, всего безопаснее глушить рыбу на широких лыжах, подбитых войлоком.

Ноябрь и декабрь

Принадлежности зимнего ужения

Так как для зимнего ужения приходится тащить с собой очень много вещей, и притом очень тяжелых, как напр., пешня для прорубания лунок, то благоразумнее запастись салазками, на которые и укладывают все принадлежности лова. Последние состоят из нескольких кобылок (колодок, см. далее), налимьих удочек (см. д.), дубового ведра, длинного шеста, употребляемого для взмучивания воды, чем приманивается рыба, сачка, рогож, кольев и пешни. Очень полезно также брать с собою железное ведро с угольями, чтобы в случае сильного мороза можно было бы развести в нем огонь и погреться. Зимний сачок делается значительно меньше и мельче обыкновенного: железное кольцо его имеет 6 вершков в поперечнике, надевается на короткую палку не более аршина длины, а сетка вяжется из тонкой бечевки и не более четверти глубиною. Пешня – это четырехгранный заостренный кусок железа в аршин длиною, к острому концу которого приваривается сталь: насаживается она на полторааршинную дубовую палку. Рогожки необходимы для устройства шалаша, или, вернее, щита, служащего защитой рыболову от ветра во время ловли. Обыкновенно шалаш устраивается таким образом, что около той лунки, где рыболов намеревается сидеть, с подветренной стороны вбивают в лед, сделав предварительно в нем отверстия пешней, колья (полтора– или двухаршинные) полукругом и к ним привязывают рогожу. Лучше, если рогожа прикреплена неподвижно к кольям еще дома.

Прибыв на реку и выбрав место (преимущественно яму), обгораживают его рогожами, затем пешнею прорубают лунки в расстоянии одна от другой на четверть. Количество лунок зависит от количества взятых с собою кобылок, но большею частью ограничиваются 3–5 лунками, так как при большем количестве уже трудно уследить за клевом. Насадка обыкновенно пускается на вершок или на два от дна. Многие кроме небольших лунок прорубают во льду около шалаша еще большую лунку в форме корытца аршинной длины и полуаршинной ширины; в середине этого корытца делается сквозное отверстие, в которое выступает вода из-под льда; образуется отличный садок для рыбы, которая по окончании лова пересаживается в ведро. Иногда такие лунки, только сквозные, прорубают и для ловли рыбы на несколько рядом поставленных кобылок.

Блеснение подо льдом

Зимнее блеснение несколько отличается от осеннего. Блеснят зимою из проруби на короткие удильники с более тонкими лесками (рыба зимою очень вяла), и крючки блесен никогда не имеют зазубрины. Это делается потому, что заглотанный крючок вынимать на морозе не совсем удобно.

Самое лучшее время для блеснения – по перволедью, когда лед достаточно крепок, чтобы держать человека, но еще чист и не занесен снегом; всего удобнее ловить в ясный солнечный день и в самых глубоких ямах, куда рыба собирается на зимовку. Прежде всего прорубают несколько прорубей (лунок), одни ближе к берегу, другие к

середине, чтобы в случае если рыба не будет ловиться, то не распугивать ее шумом, прорубая лед в других местах. Проруби делаются такой величины, чтобы крупная рыба могла в них свободно пройти при вытаскивании, обыкновенно вершков 4 или 5 в поперечнике. Для ловли употребляют или короткие удильники, обернутые камышом, или описанный выше мотылек (рис. 122); лески б. ч. делают тогда в 9–12 волос. Блесны употребляют плоские медные, редко оловянные, небольшой величины.

На Оби по перволедью ловят окуней на очень маленькую блесенку, форму свою походящую на мулька (рис. 131); на крючок ее привязывается кусочек губки, который служит приманкой. Такую блесенку не дергают, как осенью, а тихонько приподнимают ее и так же тихо опускают. Затем, когда лед уже совсем окрепнет, здесь ловят на блесенки с надетой на них губкой, а позднее – наживленную мормышом (см. далее).

Делают эти блесны так: свертывают из бумаги трубочку а, б (рис. 132) и обвязывают ее, чтобы не развернулась, ниткой; в конец а вставляют приготовленный заранее крючок в, укрепляют трубочку на чем-нибудь, чтобы она не упала (напр., в сыром песке), и наливают через конец б расплавленное олово с прибавкой свинца. Когда сплав остынет, его вынимают из трубочки и придают ему надлежащую форму. Тупой конец блесны, как это видно на рис. 133–135, отгибается кверху, а в самом сгибе его провертывается насквозь узенькая дырочка (ушко). Это, собственно, блесна, потому она не блестит и не должна блестеть. Назначение ее состоит в том, чтобы формой своей она походила на букашку, а тяжестью погружала бы крючок до дна. Рыба хватает ее потому, что на крючке ее надета нажива. Тоненькая леска наматывается на такой же мотылек, какой употребляется осенью; разница только в том, что пруттик, на котором закрепляется леска, у зимнего мотылька тоньше и немного длиннее, чем у осеннего. Он должен быть более гибок на тот случай, что когда схватит большой окунь, то пруттик, сгибаясь, уменьшает степень напряжения тоненькой (в 4 волоска) лески и тем предупреждает ее разрыв. Свободный конец лески продевается в ушко блесны со стороны крючка и завязывается снаружи узлом (см. рис): вследствие этого блесна держится в воде почти в горизонтальном положении. Если она попадет на задевик, то ее отцепляют свинцовой отдевкой, представляющей усеченный конус с сквозным отверстием а в середине. Отдевку эту при малом ее размере неудобно делать с шарниром: притом же шарнир зимой, обледенившись, не может раскрываться. Чтобы спустить эту отдевку, нужно развязать у лески который-нибудь узелок, продеть отверстие конуса и тогда спускать последний; вынув его из воды, леску связать снова. В первую половину зимы употребляют самую маленькую блесну (рис. 133). Леска при этом должна быть самая тонкая – не толще как в 4 волоска. К концу зимы употребляют блесну средней величины (рис. 134), а к весне, особенно когда начинает местами подтаивать и рыба делается бойчее, блеснят на самую большую зимнюю блесну и леску привязывают не менее 9 волосков.

Зимние блесны

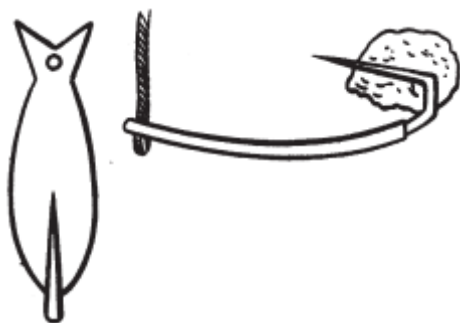

Рис. 131. Зимняя блесенка

Рис. 132. Формочка

Рис. 133

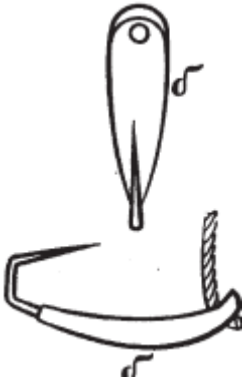

Рис. 134

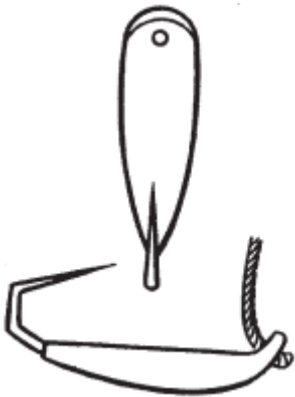

Рис. 135

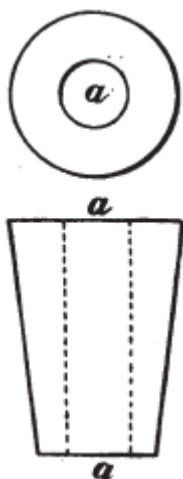

Рис. 136. Отдевка для зимних блесен

Зимний самолов

На Нижней Волге употребляется для зимней ловли судака, окуня и белорыбицы весьма остроумная снасть, которая много практичнее всех других самоловов, не говоря уже о самодействующих подсекателях, весьма непрактичных и неудобных, так как они требуют негибкого удилища, значительно затрудняющего вытаскивание крупной рыбы. Устройство волжского самолова, который ставят иногда десятками, даже до сотни, нетрудно понять из следующего его описания и прилагаемого рисунка (рис. 137).

Длинный шест, снабженный тяжестью на толстом конце, ходит на треножной подставке, попеременно опуская и поднимая один и тот же конец, как журавль, которым достают воду из колодцев. К концу этого шеста привязана леска такой длины, чтобы крючок висел над поверхностью льда, в то время когда тяжелый конец шеста опущен. После наживления крючка его опускают с лескою в воду и пригибают к ней тонкий и легкий конец шеста, поднявши наоборот его толстый и тяжелый конец. В таком положении удильник (бадик) удерживается посредством особого сторожка, устроенного нижеследующим образом. На поверхности льда близ проруби, около которой устанавливается самолов, вмораживается в лед дуга, затем на леске прикрепляются последовательно: клинушек с расщепом, перекладина разме рами длиннее хорды дуги и еще ниже ее маленькая палочка, привязанная посередине, – зацеп.

Короткий конец клинушка (лежащий выше привязи) заводится за верхнюю часть дуги. Тяжесть толстого конца бадика, натягивая лесу, выпячивает остальную часть клинушка, который выскочил бы из-под дуги, отцепился бы от нее, если бы его не удерживал зацеп, входящий в расщеп, в свою очередь удерживаемый перекладиною, помещенной за дугою и в то же время удерживающий и эту перекладину. Таким образом, вся леса держится на весу, на зацепе, который, в свою очередь, удерживается силою, вытягивающею клинушек, т. е. тяжестью на толстом конце бадика. Величина (вес) тяжести – в зависимости от веса и силы рыбы, на которую поставлен самолов. Ясно, что когда рыба схватит приманку и присоединит мускульную силу к действию тяжести лесы, зацеп сползет вниз, выйдет из расщеп и освободит клинушек, который, в свою очередь, выйдет из-под дуги: весь снаряд будет освобожден, рыбе придется уже одною мускульною силою поддерживать удильник в данном ему положении: результат, конечно, тот, что толстый конец бадика опустится и поднимет рыбу, вытащив ее на лед. Насадкою обыкновенно служит блесна, изображенная на рис. 105 и 106.

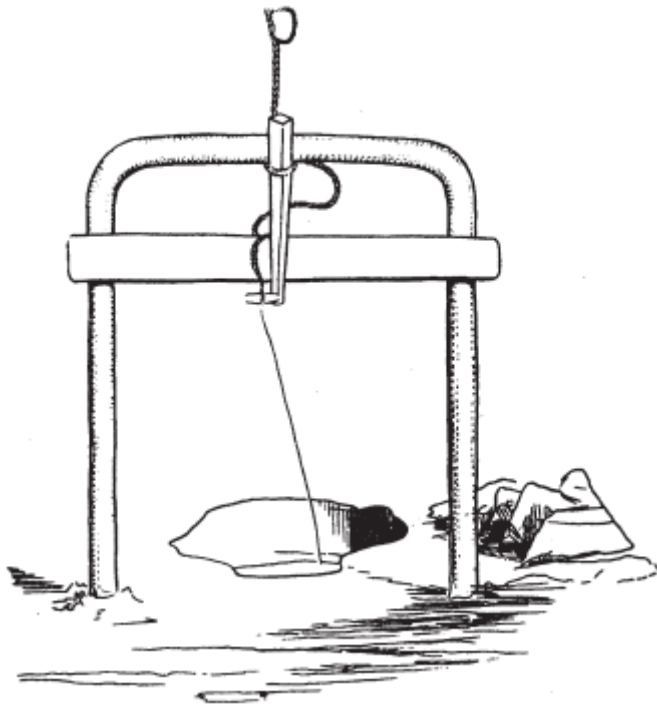

Рис. 137. Волжский самолов

Зимняя ловля рыбы кобылками

При ловле рыбы в прорубях на живую приманку, особенно в том случае, когда нельзя ожидать частого клева, обыкновенный короткий удильник, который нельзя укрепить во льду и необходимо держать постоянно в руке, что при больших морозах весьма неудобно, во многих местностях России (Средней) заменяется кобылками (в Москве) или т. н. колодками (на Средней Волге). Устройство кобылок очень просто: устойчивое деревянное основание небольшого объема, удобное для обхвата одною рукою и вделанный в него наглухо короткий удильник из можжевелевого прутика или, еще лучше, китового уса. Форма кобылок, как видно из рисунков (р ис. 138 и 139), различна по местностям: делают их из различного дерева, б. ч. березы, длиною (без прутика) около четверти, так что она не может проскочить под лед через сделанную во льду прорубь (лунку). Кобылка с навязанной лесой надлежащей крепости (смотря по той рыбе, которую желают ловить, и ее величине) и известной приманкой на крючке, тоже различном по величине, ставится у края лунки так, чтобы кончик удильника приходился над серединою лунки и насадка находилась (б. ч. червь, реже мотыль – красная личинка большого комара-долгоножки) или немного глубже нижней поверхности льда, или у дна (при ловле ершей). Так как зимою почти вся рыба за недостатком воздуха и пищи находится в полусонном состоянии, то даже довольно крупная рыба не оказывает большого сопротивления и может быть без особого затруднения вытащена на лед. Волосяные лески для зимней ловли предпочтительнее шелковых, так как последние скорее могут быть разрезаны нижними острыми краями лунки при сопротивлении крупной рыбы. Полезно поэтому нижние края лунки обивать так, чтобы они образовали бы не прямой, а тупой угол.

Кроме того, при ужении на кобылки нет надобности держать их в руке, они имеют еще то удобство, что можно ловить одновременно на несколько снастей. На кобылки ловят также и в другое время года – не по льду, в том случае, если приходится ловить при отвесном положении леси, на глубоких местах и вообще когда нельзя как-нибудь закрепить толстый конец удильника, чтобы не держать его в руке. Поэтому в средних губерниях ловят на кобылки с плотов, паромов, мостов (плавучих и постоянных), с барок и с лодок.

Рис. 138. Колодка волжских рыбаков

Рис. 139. Кобылка москворецких рыбаков

При ночной ловле на несколько кобылок одновременно необходимо к кончикам удильников, по крайней мере на тех кобылках, которые находятся не под рукой, привязывать бубенчики или колокольчики.

Зимнее ужение на мормыша

Мормышом, или бокоплавом (*Gammarus*), называется небольшой рачок величиною около дюйма. Различные виды его живут преимущественно в озерах Северной России и Западной Сибири, но ужение на мормыша (местное название этого рачка в Пермской и Оренбургской губ.) известно, кажется, только по ту сторону Уральского хребта. Однако он водится и во многих озерах Средней России (под Москвой он встречается в оз. Косине и Сенежском), а потому обращаем на него внимание рыболовов. Летом мормыша почти не видно, так как он живет больше под плавунами (лавдами), которыми зарастают берега озер, реже в камышах и выходит оттуда только по ночам: к тому же рыба тогда берет на него плохо. Но в середине зимы мормыши выходят из-под трясин и садятся иногда в огромном количестве на нижнюю поверхность льда. Особенно много бывает их со второй половины зимы до образования закраин. В это время он служит почти единственною пищей многих рыб, особенно окуня, ерша и налима. В озерах, где мормыша очень много, рыба, впрочем, всегда сыта и берет на него плохо.

Ловят мормышей на гороховину и на льняные, также ржаные снопы, куда они любят забиваться. Еще удобнее ловить их решетом, спуская его на веревочках, к которым привязан пучок мочалы, натертый луком: мормыши, наевшись, падают в решето; затем их осторожно вытаскивают из проруби. В большом количестве для продажи рыболовам в тех местах, где его мало (ведро продается от 20 до 50 коп.), мормыша ловят длинным (около сажени) и узким ящиком, одно из длинных ребер которого густо усажено щетиною. В один конец ящика прикрепляется под углом довольно большая жердь, затем ящик просовывается в довольно большую прорубь, приводится в горизонтальное положение и загребает всех мормышей, сидящих на льду кругом проруби, на радиус, равный длине ящика. Так ловят иногда зараз по несколько ведер: но еще больше мормыша попадает в мотню большого зимнего невода. Хранят его в осиновых кадушках, которые закапываются в землю или ставятся на погреб; здесь он может пробыть живым до 2 недель. Еще лучше хранить мормышей в небольших ямках, выкапываемых в подпольях. Ямки эти смачивают водою, кладут в них чистую тряпицу, в которую сыпают мормыша; сверху покрывают его также чистой тряпкой, которую по временам смачивают.

Ужение на мормыша (на Зауральских озерах) начинается с первым прочным льдом и продолжается до Рождества. В конце декабря и весь январь рыба берет плохо и ловле препятствуют сильные морозы. В начале февраля клев возобновляется и бывает особенно хорош в марте. Ловят короткими, 8–10-вершковыми удочками (березовыми), завернутыми наполовину в камыш, который туго обматывается бечевкой; леса волосяная: при хорошем клеве удобнее употреблять крючок без бородки. Удить лучше всего на глубине 2 аршин с навесу и с

грузилом так, чтобы насадка была на четверть ниже льда. Мормыш насаживается с головы. Удочку держат в левой руке, а в правой – небольшую деревянную лопаточку, служащую для более быстрой и сильной подсечки. Лопаточка эта вообще весьма полезна при ужении с навесу на короткие удильники. Как только клюнет рыба, рыболов мгновенно поддевает лесу и, откинув левую руку, быстро подводит лопатку почти к самой добыче и выбрасывает ее на лед: затем одним ударом лопатки по голове рыбы высвобождает крючок, в одну секунду оправляет мормыша, если он остался на крючке, и снова опускает крючок в прорубь. Окунь берет на песчаных, а ерш – на иловатых местах. Ловят большую часть мелкую рыбу около четверти, так как ловить ее много удобнее и выгоднее, чем крупную, которая держится на большой глубине; длинная же леса легче путается и смерзается, да и крупную рыбу нельзя прямо вытаскивать на лед, как мелкую.

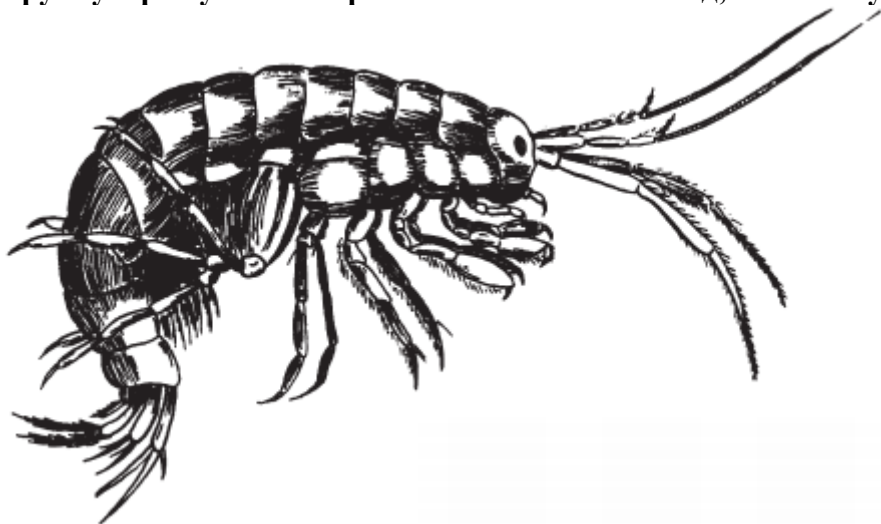

Рис. 140. Мормыш

(увеличен вдвое)

Советуем любителям зимней ловли поискать мормыша и половить на него. Это одна из лучших (если не лучшая) и удобнейших зимних насадок. Ловить на мормыша можно, вероятно, только там, где он водится.

Зимняя ловля налимов

Налимы ловятся зимой удочкой на живую рыбку или, за неимением ее, просто на кусок сырой крупной рыбы. Следует, когда станет река, пока еще не толст лед, нарубить на нем колодчиков четверти по две в диаметре один от другого на расстоянии не ближе десяти шагов, вдоль берега. При этом надо выбрать место на реке не очень глубокое, но быстрое, что способствует не только удачной ловле, но и меньшему замерзанию прорубей. Удилище берется такой длины, чтобы при опускании его в колодчик оно одним концом касалось дна немного в наклонном положении по течению, а другой бы торчал на поверхности.

К удилищу навязывается леска на четверть выше конца, который пойдет в воду, длиной не больше полуаршина, с крючком без бородки. На крючок насаживается рыбка, и удилище опускается в колодчик так, чтобы касалось дна не непременно в наклонном положении по течению. Насаживая живую рыбу на крючок ближе к хвосту, не надо прокалывать позвонка, иначе она скоро засыпает. Выносливее прочих налимчики, ершики и окуньки. Наставив таких удочек, следует осматривать их каждую ночь, вооружаясь предварительно пешней для прорубания застывших за ночь колодчиков и ковшом для вычерпывания из них льда.

На Москве-реке ловят налимов несколько иначе. Именно берется бечевка, называемая шестериком, к одному концу ее привязывается палочка полуаршинной

длины, а к другому – басок с крючком № 3: на полторы четверти от последнего прикрепляется грузило. На крючок насаживается кусок живца, затем в прорубленную лунку опускается бечевка с насадкой до самой палочки, которая кладется поперек лунки на лед, причем насадка не должна доходить до дна на вершок или на два. Ловля эта продолжается с успехом до Николина дня.

В Средней России зимою, именно в Рождественский пост, ловят также налимов следующим простым способом: изготавливается несколько более или менее коротких лес (смотря по глубине воды), к которым вместо крючка привязывается один из концов гибкой рогульки в виде буквы V или острого треугольника толщиной в куриное перо: другой конец лески привязывается к удилищу (более или менее длинному, смотря по глубине) на вышине полуаршина от заостренного толстого конца его, который втыкают в дно реки. Где водятся большие налимы, там следует употреблять более длинную лесу и часть ее наматывать на обыкновенную рогульку, которая и привязывается к шесту. На крючок надеваются кусок рыбы, мяса, куриные потроха, сало и искусно зашиваются так, чтобы крючок был совершенно закрыт. Иногда концы крючка сводятся вместе. Таким образом изготовивши дома удочки, захватив пешню и топор, отправляется рыболов на реку, выбирает там откосье или мель, прорубает небольшие проруби (лунки) вдоль реки на расстоянии нескольких сажен одна от другой и в них расставляет удочки, оставляя их до следующего дня. Налимы по своей неразборчивости в пище и жадности проглатывают вместе с насадкой и деревянные крючки, концы которых расходятся в желудке, вонзаются в его стенки и не дают рыбе сойти с лесы. После полудня следующего дня рыбак идет осматривать свои снасти и те из них, на которых есть добыча, уносит домой, потому что, не разрезав у налима желудка, невозможно высвободить крючка, точно так же, как налиму невозможно, не проглотив крючка, съесть с него кусок рыбы. Вот почему приманка даром никогда не пропадает.

Зимнее ужение пескаря

Там, где пескарь ценится (для ухи) очень дорого, например под Москвой (1 р. – 1 р. 50 к. за сотню), пескарей ловят и зимою, притом в большом количестве, из прорубей в самых глубоких иловато-песчаных местах реки (ямах) с песчаным дном на кобылки, также со дна. Насадкою служит исключительно мотыль.

Починка складных заграничных удилиц

Чаще всего подв ергаются порче трубки, служащие для соединения отдельных колен. Порча эта состоит в том, что трубка лопается по спаяу, или вследствие того, что была дурно спаяна, или же вследствие очень неосторожного обращения. Если спай лопнул в самом конце трубки, у края ее, то трубку очень легко можно исправить. Обернув лопнутое место одним оборотом крепкой отоженной проволоки, закручивают концы ее до тех пор, пока края спая не будут плотно сжаты. Тогда на самый конец трубки напаивают оловом ободочек из тонкой латуни шириною в 2 миллиметра, обращая внимание на то, чтобы спай этого обручика не совпадал со спаем трубки, а находился бы на противоположной стороне трубки. Прежде чем припаивать обручик, надо тщательно соскоблить с конца трубки лак или бронзирровку и смочить это место соляною кислотою. Обручик же во время припаивания также обертывается проволокою для того, чтобы он как можно плотнее обхватывал трубку.

Если спай лопнул на значительном пространстве, то приходится снять трубку и спаять ее вновь серебряным или медным припоем.

Если трубка погнута или помята, ее снимают с колена и выправляют молотком на

болванчике.

Трещины спая встречаются почти исключительно в дешевых удилищах: в более дорогих они составляют величайшую редкость. От поминки же не застрахована не только медная трубка, но даже и ружейный ствол.

Впрочем, для предохранения трубок от поминок и забоин их затыкают деревянными пробками: лучше всего, если пробки оправлены в медь, так как они тогда плотнее входят, не разбухают и не ссыхаются. Вообще носить дорогое складное удилище без чехла и без пробок непростительно.

Погибы удилища лучше всего исправляются при помощи огня. Погнутое колено держат над горячими угольями, и когда оно нагреется, выгибают его легонько рукою. Это повторяют до тех пор, пока оно не будет достаточно выпрямлено. Еще удобнее для этого пользоваться следующим простым приспособлением: в верстак или в стуловые тиски вставляют липовую доску в 1 дюйм толщины, в которой просверлено несколько дыр различного диаметра от 1 дюйма до 1/4 дюйма. Нагрев погнутое колено, его пропускают в дыру соответствующей ширины до того места, в котором оно погнуто, и затем слегка и осторожно погибают его, пока оно не будет выпрямлено.

Переломы могут быть исправляемы различными способами.

1) Если перелом произошел у трубки или оправы, т. е. у верхнего или у нижнего конца колена, то проще всего укоротить колено и вновь насадить трубку или оправу. Но это, конечно, может отозваться до известной степени на гибкости удилища, напр., если пришлось укоротить третье колено четырехколенного удилища, назначенного для ужения нахлыстом, на 2 вершка. В таком случае удилище становится гораздо грубее и потому лучше заменить поломанное колено новым, если это возможно.

2) Если перелом произошел на таком расстоянии от концов колена, что нельзя укоротить колено, не нарушив гармонию всего удилища, можно починить удилище двумя способами.

Если перелом очень косой, то поверхности его склеиваются крепким столярным клеем и затем это место туго обматывается крепкими нитками. Завязка эта прикрывается несколько раз копаловым лаком. Этот лак высыхает медленнее, чем спиртовой лак, но зато от него никак не может отсыреть клей, соединяющий поверхности перелома.

Если перелом более или менее прямой, то приходится удлинить его посредством подпилка. Иногда же может оказаться более выгодным соединить оба куска тем способом, которым соединяются отдельные куски дерева, входящие в состав бильярдного кия. В обоих случаях обломки колена склеиваются и туго обматываются крепкою бечевкою, а когда клей совершенно засохнет (через сутки), то место соединения обоих кусков туго обматывается крепкими нитками, которые покрываются копаловым лаком.

Чаще всего ломается верхушка, и по большей части благодаря какой-нибудь неосторожности рыболова: если она будет тщательно починена каким-либо из описанных способов, то может служить так же хорошо, как и новая. Средние колена ломаются очень редко: но и они могут быть починены так хорошо, что прослужат много лет.

Справочный отдел

Список книг и статей об ужении рыбы [13 - Отдельные издания, т. е. книги, отмечены сбоку звездочкою. Список этот составляет небольшую часть III тома, составленного мною «Указателя книг и

статей охотничьего и зоологического содержания», 1-я и 2-я части которого печатались в журнале «Природа и охота» за 1882, 1883 и 1884 годы. Этот третий том, заключающий в себе почти исключительно перечень статей по рыболовству России, по этой причине не может быть помещен в журнале.]

1. А. В. Уженье на р. Вороне. – Пр. ох., 1884, VII, с. 50–55.
- *2. Аксаков С. Т. Записки об ужении рыбы. М., 1847. 8°. 163 с. (50 к.). – Изд. 2. 1854. 8°. 274 с. (1 р.). – Изд. 3. 1860. 8°. 345 с. (1 р. 25 к.). – Изд. 4. 1871. XV – 363 с. (1 р. 25 к.). – Изд. 5. 1881. 8°. 248 с. (2 р.).
Разборы: Отеч. зап., 1847. т. LII, отд. 6. с. 127. – Библиограф. д. чтен., 1847. т. 82. отд. 6, с. 42–47. – Современник, 1847. № 6, т. 3. отд. 3, с. 113–114. – Финск. вестн., 1847. т. 18, отд. 5. с. 1–4. – Москвитянин, 1854. т. II, № 7, кн. 1. с. 129–131. – Моск. овск. вед., 1854. № 28. – Тр. Ими. в. экон. общ., 1854. т. 2. отд. 3. с. 98–99. – Отеч. зап., 1854. т. 93. отд. 3. с. 84–85. – Отеч. зап., 1857. т. 110. отд. 2. с. 50–51. – Современник, 1857. т. 61. с. 43. – Пр. ох., 1882. II, с. 97–98. (Библиограф. зам. В. В-а о 5-м изд.).
3. Аксаков С. Т. Отрывки из рассказов и воспоминаний охотника. I. Охота с остройгой. – Москвитянин. 1854. т. V. смесь, с. 159.
4. – Несколько слов о раннем весеннем и позднем осеннем ужении. – Журн. охоты (Мина), 1858, т. I, с. 1–8.
5. Арсеньев Ф. Метлица на Шексне. – Русск. дневн., 1859, № 89; – Вестн. естеств. наук, 1860, № 28, с. 881–900.
6. – Ужение рыбы на Шексне. – Жур. Моск. общ. охоты, 1870, № 5 (сентябрь), с. 3–20.
7. Башуцкий. Старинная лампа для привлечения рыбы. – Ж. общепол. свед., 1835. № 20, с. 189.
8. Безобразов С. В. Стрельба язей. – Пр. ох., 1879, VII, с. 148–150.
; *9. Буржинский А. Б. Календарь рыб. (Изд. «Мирского слова»). Спб., 1875. 32°. 171 с. (40 к.).
10. В. (Всеволожский Н. Н.). Бессонное озеро, или Сметанное. (Уфимск. губ.). – Пр. ох., 1879, X, с. 158–159.
11. Вавилов М. Ужение на овес и на стрекозу. – Дом. хоз., 1870. с. 95–98; 109–114. Ж. ох. конноз., 1871. с. 177–178; 181–184.
12. – Ловля сомов. – Дом. хоз., 1870. с. 253–255; Ж. ох. конноз., 1871, с. 213–214.
13. – Сиденье на сеже. – Дом. хоз., 1870. с. 330–331. – Ж. ох. конноз., 1871. с. 136–137.
14. – Зимняя ловля рыбы. – Дом. хоз., 1870. с. 366–367. – Ж. ох. конноз., 1871, с. 89–90.
15. Васильев П. Блеснение. – Пр. ох., 1884. VIII, с. 1–28.
- *16. Вениаминов Н. И. Рыболовство в России всеми орудиями и во все времена года. С рис. М., 1876, 8°, 455 с. (3 р.)
- *17. Виноградов М. Е. Наставление к ловле рыб и раков в наших пресных водах. Спб., 1880, 8°, 112 с. (1 р.). – Отд. оттиск из ж. Семья и школа за 1880 г.
18. Волков П. Ужение рыбы на Рабанской Сухоне. – Вологод. губ. вед., 1876. № 2, с. 8.
19. выправлять (Как) не совсем прямые натуральные удилица. – Пр. ох., 1884. XI. с. 83–85.
20. Венцеславский А. Ловля рыбы удочкою. – Тр. И. в. экон. общ., 1850. т. IV. с. 101–110.
21. Горяев. Охота на щуку с ружьем. – Эконом. зап., 1855, № 25. с. 198.
22. Г. В. Н. (Горбачев). Два новых поплавка. – Пр. ох., 1884, IV. с. 55–56.
23. Глумилин М. Ужение нахлыстом. – Ж. ох. конноз., 1873, с. 282–284.
24. Д. А. О клеве рыб. – Ж. конноз. ох., 1843. II, с. 146–150.
25. Д-в А. (Дунаев, Алексей). Охотничье житье-бытье. (Ужение в Ковровском у.). – Пр. ох., 1879. с. 378–382; VII. с. 75–86.

26. – Зимняя ловля налимов. – Пр. ох., 1880, I, с. 153–155.
27. – Рыбные озера (в Владим. губ.). – Пр. ох., 1882, VIII, с. 112–113.
28. – Письмо удильщика. – Пр. ох., 1882, X, с. 21–24.
29. Дублянский Н. А. Об уженьи карпов. – Пр. ох., 1884, VI, с. 43–66.
30. Е. Ловля рыбы на блесну зимою. – Пр. ох., 1880, III, с. 501–503.
31. Е. Н. (Ермолов). Ловля сазанов. – Пр. ох., 1883, II, с. 65–72.
32. Завадовский И. Несколько слов по поводу статьи Д. Торчилло: «Заметки и воспоминания о ловле рыбы на р. Вороне удочкою и переметом». – Пр. ох., 1882, IX, с. 105–111.
33. замечания (Некоторые) иностранных о рыбных ловлях, а особливо о ужении оных. – Эконом. магазин, 1784, т. XX, № 94, с. 241–255.
34. – (Некоторые практические) о наших деревенских рыбах. – Эконом. магазин, 1786, № 97, с. 289.
- *35. Записки рыбака, или наставления, как находить разл ичных рыб. С фигур. М., 1854, 16°, 76 с. (50 к.).
Разбор: Отеч. зап., 1854, т. XCIV, отд. 4, с. 117–118.
36. Исполатовский Петр, свящ. Рыбные ловли на р. Сеже. (В Тверской губернии). – Тр. И. в. экон. общ., 1865, август, с. 216–227. (Ловля щук и сомов).
37. К. В. П. (Колокольцев). Заметка на статью: «В каком отношении находится сила рыбы и ее вес». – Пр. ох., 1882, IV, с. 103–106.
38. К-в А. Удочка и ужение рыбы. С рис. – Ж. Имп. общ. ох., 1875, I, с. 36–41; II, с. 52–61.
39. Клуб рыболовов (в Петербурге). – St.-Petersb. Herold., 1876; – Ж. Имп. общ ох., 1876, III, с. 67.
40. – (Рыболовный) в Петербурге. – Пр. ох., 1878, V, с. 209.
41. Костромской охотник. Еще о ловле налимов. – Пр. ох., 1880, V, с. 114.
42. Куроедов Н. Б. Рыбный пруд. (Рассказы). – Ж. Имп. общ. ох., 1877, VI, с. 22–28; VII, с. 33–43.
43. Л. А. (Левашов). Ловля шересперов. – Ж. Имп. общ. ох., 1877, V, с. 45–49.
44. – Записки об уженьи рыбы. – Пр. ох., 1789, V, с. 145–161; VI, с. 328–336; VIII, с. 214–232; IX, с. 383–396.
45. – Ужение карасей. – Пр. ох., 1879, X, с. 65–74.
46. – История и география одного пруда. – Пр. ох., 1879, XI, с. 253–262.
47. – Сомовье царство. – Пр. ох., 1880, V, с. 58–77.
48. – Ответ на статью г. Н. Т-ского «Замечания на Записки об уженьи рыбы». – Пр. ох., 1880, X, с. 137.
49. – На судачков. – Пр. ох., 1881, II, с. 1–19.
50. – С Оки. – Пр. ох., 1881, XI, с. 49–59.
51. – С новым сезоном. – Пр. ох., 1882, VII, с. 102–110.
52. – Зима. – Пр. ох., 1882, XII, с. 42–52.
53. – По поводу самоогружающихся наплавов барона Черкасова. – Пр. ох., 1883, VIII, с. 40–43.
54. Либериx. Гатчинская форель. – Бирж. вед., 1869, № 159; – Ж. ох. конноз., 1871, с. 160–161.
55. ловлении (О) рыб удою. Эконом, магазин, 1780, т. IV, № 99, с. 330–332.
56. Ловля налимов на лягушонка. – Пр. ох., 1884, IX, с. 67–68.
57. – (Рыбная) – Народн. ремеслен. газ., 1872, с. 393–398, 417–423.
58. – щук поставушами. – Пр. ох., 1884, V, с. 97–98.
59. ловлях (О рыбных) и о уженьи. Эконом. магазин, 1784, с. 241–255.
60. Лучение рыбы. – Детск. чтение, 1871, с. 560–569.
61. Мочарский Н. Очерк ужения рыбы на Перерве. – Пр. ох., 1883, IV, с. 64–70.
62. – Самодельная катушка. – Пр. ох., 1884, IV, с. 52–55.

63. – Ловля щук весной. – Пр. ох., 1884, IV, с. 80–82.
64. – Котово. – Пр. ох., 1884, V, с. 46–57.
65. – Линь и способы его ловли. – Пр. ох., 1884, V, с. 50–52. (3-й отдел).
66. – Ловля рыбы на насекомое. – Пр. ох., 1884, VI, с. 70–73.
67. Мстинский рыболов. О ловле рыбы наметом. – Пр. ох., 1879, V, с. 273–275.
68. – Ловля рыбы переметом в р. Мете. – Пр. ох., 1879, VII, с. 64–74.
69. Мясницкий И. Рыбу лучат. Рассказ. (Посвящается В. Н. Назарову). – Моск. листок, 1883, № 323.
70. Н., доктор. Воспоминания детства. (Из записок доктора). – Петерб. вестник, 1861, № 7, с. 129–133. (Не кончена).
71. Общество рыбной ловли в Петербурге. – Ж. Имп. общ. ох., 1874, II, с. 45.
72. Охота на сазанов. – Пр. ох., 1879, VII, с. 169.
73. – (Ружейная) за рыбами. – Ж. ох. конноз., 1870, с. 154–155.
74. П. Охота на язей с ружьем. – Ж. ох. конноз., 1873, с. 346–349.
75. Палатин. (Соболев В. Н.). Первое августа. Рассказ. – Ж. Имп. общ. ох., 1877, XI, с. 15–18.
- *76. Петров А. Новейший и опытный рыболов, или собрание редких и любопытных секретов в пользу и удовольствие охотников до рыбной ловли. М., 1829, 12, 26 с. (См. Опытнейший рыболов).
- *77. Петров Н. Рыбак, или средства ловить рыбу удою. М., 1831, 12°, ? с. (1 р.).
- 77*. П. И. (Попов). Сом и охота на него на Дону. – Пр. ох., 1880, 0», с. 66–75.
78. – Ловля стерлядей кивками на Дону. – Пр. ох., 1881, VIII, с. 73–80.
79. привадах (О рыбных). Эконом, магазин, 1784, т. XX, № 99, с. 321–334.
80. Приготовление натуральных цельных удилиц. – Пр. ох., 1884, XI, с. 58–60.
81. примаках (О разных), употребляемых при ловлении рыб. Эконом. магазин, 1784, т. XX, № 97, с. 289–302.
82. Применение электричества к ужению рыбы. – Пр. ох., 1880, IX, с. 160.
83. Проект устава Общества любителей рыбной ловли удочкой в Москве. – Ж. Имп. общ. ох., 1874, VI (декабрь), с. 71–72.
- *84. Радкевич И. Ужение рыбы. Подробное описание различных удочек и других принадлежностей ужения. С 58 рис. Спб., 1874, 16°, 145 с. (80 к.).
85. Р. М. Наставление охотникам удить рыбу. – Ж. общепол. свед., 1835, № 20, с. 189.
86. Родзевич. Ловля угрей. – Эконом. зап., 1856, № 32, с. 251.
- *87. рыболов (Опытнейший). Содержащий в себе любопытные и редкостные секреты, касающиеся до рыбной ловли разного рода снастями, как-то: неводом, вершею, удою и другими средствами, с наставлением разводить рыбу в прудах, сохранять в садках и выкармливать, также ловить, разводить и сохранять раков. М., 1829, 16°, 47 с.
- *88. – (Опытнейший), содержащий в себе секреты, касающиеся до рыбной ловли: неводом, вершею, удами и другими средствами. М., 1862. (30 к.).
- Примечание. Второе издание предыдущей книги (?).
- *89. – (Счастливый). Советы страстного охотника до рыбной ловли удочкою и всеми вообще снастями и орудиями. М., 1865, 16°, 152 + VI с. (50 к.).
90. рыбы (Хищные). – Ж. ох. конноз., 1870, с. 179–181; 190–191; 196; 203–204; 211; 221–222; 227; 248.
91. Сабанеев Л. П. Жизнь рыб и рыболовство на Зауральских озерах. С 2 рис. и 65 полит. М., 1874, 8°, 145 с. Ц. 1 р. (См. также сборник «Природа», 1873, II, с. 220–302 и 1874, I, с. 122–184).
92. – Рыбы России. Жизнь и ловля наших пресноводных рыб. С 6 картин. и 433 политип. М., 1875, 8°, 640 с. Ц. 3 р. 50 к. (в продаже нет).
93. Салов. Мельница купца Чесалкина. Рассказ. – Отеч. зап., 1877, т. CCXXXIV, №

9, отд. I, с. 75–108.

94. С. И. (Сперанский). Из писем к приятелю об ужении язей. – Пр. ох., 1883, VIII, с. 72–88; 1884, VII, с. 60–80.

95. слов (Несколько) об ужении рыбы. – Землед. газета, 1854, с. 366–368; 375–376, 384–386; 392–394. – Арханг. губ. вед. 1854, № 33, с. 258–260; № 34, с. 271–273; № 35, с. 280–281; № 36, с. 288–290. (Ср. Аксаков «Зап. об уж. рыбы»).

96. Соловьев. Ловля налимов зимою. – Пр. ох., 1882, II, с. 99.

97. способе (О) ловить рыбу руками. – Эконом. магазин, 1783, т. XIII, № 1, с. 9–10.

98. способ (Сенежский) ужения шук. – Пр. ох., 1884, X, с. 55–57.

99. средство (Верное) ловить по множеству рыбу удою. – Эконом. зап., 1856, с. 375.

100. Сысоев В. М. С удочкой и жерлицей по Сестре. – Пр. ох., 1884, IV, 24–41.

101. – Три рыбака. (Рассказы). – Пр. ох., 1884, VI, с. 41–55.

102. – Ямога. – Пр. ох., 1884, VI, с. 28–31.

103. Тарасов. Ловля хищных рыб на мертвую рыбку. – Пр. ох., 1884, VI, с. 48–51.

*104. Терлецкий П. Жизнь рыб в наших реках и озерах. Рыбное хозяйство и охота. Практическое руководство, составленное из многочисленных наблюдений, удобопонятно для всех желающих заниматься рыболовством и разведением рыб. рис. 23 С. Спб., 1876, 8°, 312 + 3 с. (1 р. 50 к.). – Изд. 2-е. Спб., 1879. (Только перепечатана обертка).

105. Терюхин Н. Измайловский пруд. – Пр. ох., 1882, IV, с. 65–74.

106. – Несколько замечаний по ужению. – Пр. ох., 1884, IX, с. 30–39.

107. Торчилло Д. В. Ужение на Сенеже. – Пр. ох., 1879, III, с. 260–271.

108. – Ужение на р. Вороне. – Пр. ох., 1881, IV, с. 51–81.

109. – Письмо в редакцию. – Пр. ох., 1882, II, с. 100.

110. – Заметки и воспоминания о ловле рыбы на р. Вороне. – Пр. ох., 1882. IV, с. 20–39; V, с. 54–72.

111. – В защиту здоровой удильной снасти. – Пр. ох., 1882, VI, с. 58–64.

112. – Ответ неопытного рыболова опытному. – Пр. ох., 1883, IV, с. 71–88.

; 113. Т-ский Н. (Томашевский). Замечания на «Записки об ужении рыбы» г. А. Л. – Пр. ох., 1880, VII, с. 70–81.

114. – Ужение лещей. – Пр. ох., 1880, VI, с. 46–56.

115. Тютчев. Ужение сазанов в Пензе. – Пр. ох., 1884, VI, с. 45–47.

116. Ужение рыбы. Ж. конноз. ох. 1855, VII, с. 104–116.

* 117. – (Остроухова). Описание главнейших пород рыб Средней России, их образа жизни и способов ужения. С рис. М., 1877, 16°, II + 86 с. (35 к.).

118. – поздней осенью в проточных прудах. – Пр. ох., 1884, X, с. 57. (Заметка).

* 119. Устав общества любителей рыболовства. М., 1877, 12°, 8 с.

120. Фабрикация рыболовных крючков. – Журн. охоты (Мина), 1858, т. I, с. 290–293.

121. Ф. Д. (Федорчуков). Рыбная ловля на У-ском пруде. – Пр. ох., 1882, V, с. 53–57. (Рассказ).

122. Фенютин. Рыбная ловля на р. Мологе. – Труды Ярославск. губ. статист. комит., вып. VI, с. 49–107.

123. Харинов. Один из промыслов Ямбургского уезда (ужение форели). – Гдовско-Ямб. лист., 1872, № 8, с. 6–7.

124. Ходнев С. Очерки рыбной ловли на Москве-реке. – Ж. Моск. общ. охоты, 1870, II (июнь), с. 19–28; III, с. 62–69; VIII, с. 45–48.

* 125. – Очерки рыбной ловли на Москве-реке и несколько слов о прудовой рыбе. С 2 карт. и 10 полит. в тексте. М., 1872, 12°, 71 с. (1 р.). (Перепечатка пред. статьи с некотор. дополнениями).

126. Черкасов П. Г., барон. Заметки об ужении рыбы. С политип. – Пр. ох., 1880, II, с. 232–250; III, с. 436–450; IV, с. 98–113; VI, с. 19–26; IX, с. 38–54; XI, с. 19–44.

127. – По поводу замечания г. Н. Т-ского на «Записки об ужении рыбы». – Пр. ох., 1880, IX, с. 132–137.
128. – Производство рыболовных принадлежностей в Англии. – Пр. ох., 1880, XII, с. 11–14.
129. – Воспоминания рыбака на Москве-реке. – Пр. ох., 1882, I, с. 33–51.
130. – Ужение отдельных пород рыбы. – Пр. ох., 1881, I, с. 39–56; III, с. 99–121 (щука); XI, с. 28–48 (окунь, судак, ерш, шереспер); 1882, III, с. 67–93 (ерш, пескарь, уклейка, елец); XI, с. 1–16 (голавль); XII, с. 1–31 (язь, плотва); 1883, II, с. 1–2 (красноперка); с. 2–5 (подуст); с. 5–17 (усач); 1883, V, с. 16–52 (сазан); XII, с. 64–78 (сазан); 1884, V, с. 1–19 (лещ).
131. – Заметка о крючках. – Пр. ох., 1881, XII, с. 46–52.
132. – В каком отношении находится сила рыбы и ее вес. – Пр. ох., 1882, II, с. 80–82.
133. – Светящиеся поплавки. – Пр. ох., 1882, II, с. 98–99.
134. – Домашнее приготовление удилищ. – Пр. ох., 1882, VI, с. 70–90.
135. – По поводу статьи г. Торчилло «В защиту здоровой удильной снасти». – Яр. ох., 1882, XII, с. 99–100.
136. – Заметки рыбака. П ривязывание поводков к крючкам с опиленными стержнями. Рецепты варов, лаков и красок для жилок. – Пр. ох., 1883, I, с. 144–148.
137. – Товарищи рыбаки! – Пр. ох., 1883, VII, с. 124–131.
138. – Самоогружающиеся поплавки. – Пр. ох., 1884, III, с. 51–53.
139. – Кое-что из моего рыболовного арсенала. – Пр. ох., 1884, IV, с. 49–52.
140. – Новое кольцо для верхушек удилищ. – Пр. ох., 1884, VI, с. 47–48.
141. Черняев Н. Страстный рыбак. (Рассказ). – Ж. конноз. ох., 1852, IV, с. 120–127.
142. Ц-в В. Об ужении рыбы в Малороссии. – Эконом. зап., 1856, № 45, с. 355.
143. Шамов. Ловля налимов. – Ж. Имп. общ. ох., 1875, IX, с. 30–32.
144. Шведов И. Заметка о весеннем ужении на Ангаре (хариусов). – Пр. ох., 1878, VI, с. 270–271.
145. – Добавление к заметке об ужении рыбы на Ангаре. – Пр. ох., 1880, VIII, с. 15 7.
146. Ширинкин Лев. По речке Бланке. Рассказ. – Пр. ох., 1882, IV, с. 61–68.
147. Юнг А., фон. Средство привлечь рыбу в то место, где предполагается производить ловлю. – Ж. общепол. свед., 1856, август, с. 219.
148. Ю. С. Ловля щук силками. – Пр. ох., 1881, IV, с. 85.
149. Янковский И. Приманка для рыб. (Варен. овес). – Эконом. зап., 1855, с. 163.
- Кроме того, замечания об ужении рыбы можно найти в следующих книгах и статьях:
- А. В. Из Астрахани. – Пр. ох., 1883, V, с. 43–44. * Аксаков. Расск. и воспомин. Изд. 2, с. 17–34. Арсеньев. Шуйга – Ж. Имп. общ. ох., 1876, XI, с. 1–17. Лемье. – Ж. Имп. общ. ох., 1875, IX, с. 1–10. С берегов Вычегды. – Пр. ох., 1884, V, с. 70–72. * Брэм. Жизнь животн. Т. VI. * Вавилов. Ох. в России, IV, с. 99–192. Витте. Охота в Астрах губ. – Газ. лесов. ох., 1856, № 13, с. 101–103; № 14, с. 109–111; № 15, с. 116–118. Поездка в Дарму. – Га з. лесов. ох., 1856, № 33, с. 261–264. * Воропай. Ох. на севере России. С. 33–40. воспоминаний (Из) о Мологе. – Волга, 1863, № 68. * Jawarecki. Polski stawowe gospodarstwo. С. 242–247. Гомилевский. С Кр. Севера. – С. хоз. лесов., 1879, IX, с. 80. Гримм. Из практ. Никольск. завода. – С. хоз. лесов., 1881, IV, с. 293–310.
- * Двигубский. Лексик. гор. и сельск. хозяйства. Т. XI, с. 170–173. Дмитриев. Из записной книжки. – Ж. Моск. общ. охоты, 1860, сентябрь, с. 60–74. Дублянский. Из Железноводска. – Пр. ох., 1884, XI, с. 16–18. р Золотницкий. Аквариум любителя. – Пр. ох. 1882, 1883 и 1884 гг. * календарь (Иллюстрированный охотничий) на 1873 г.. с. 31–74. * книжка (Карманная) русск. барина-охотника, с. 7–22. Лаврентьев. Справочно-памятная книжка-календарь для охотников на 1884–1885 г. Спб. отд. III. с. 1–76. * Левшин. Домоводство. IV. с. 174–209. * Книга для охотников. IV, с. 407–522. ловлях (О рыбных) и ужении. – Эконом. магазин. 1784. XX. с. 241–255. Очерки ох. в

Малороссии. – Газ. лесов. ох., 1855. с. 212–214. Переваленко. – Кавказ. 1851. № 56. Познанский. С Дону. – Пр. ох., 1883. с. 21–34. Поездка в Ахалцих. – Зап. Кавк. отд. геогр. общ., VIII, с. 67. Сабанеев. Княспинское озеро. – Ж. Имп. общ. ох., 1874. Сохранение червей на зиму. – Пр. ох., 1884. IX. с. 68. Цветков. Мухури. – Кавказ. 1851. № 33.

Труды по рыболовству

ЖИЗНЬ РЫБЪ
И
РЫБОЛОВСТВО
НА
ЗАУРАЛЬСКИХЪ ОЗЕРАХЪ.

Л. П. Сабанѣва.

МОСКВА.

Типографія В. Готье на Кузнецкомъ мосту, д. Торгашкина
1874.

Титульный лист

первого издания книги Л. П. Сабанеева

Жизнь рыб и рыболовство на зауральских озерах

I

Вообще мы, русские, не можем похвастать основательным знакомством с естественными богатствами своей страны, и за примерами дело не станет: едва ли кто из читателей и подозревает то значение, какое имеют многочисленные озера юго-восточного склона Уральских гор не только для таких огромных краев, каковы Пермская и Оренбургская губернии, но даже для Уфимской, Вятской и Казанской губерний, куда озерная рыба идет в огромном количестве и успешно конкурирует с рыбой Волги, Камы и других второстепенных рек. Сотни тысяч пудов доставляют ежегодно эти озера, многие рыбопромышленники нажили чуть не миллионы, и никто, даже большинство пермских и оренбургских жителей, не имеет малейшего понятия об этом неистощимом богатстве, хорошо знакомом только людям, заинтересованным в этом деле, результаты которого из расчета и боязни конкуренции держатся ими в строжайшей тайне.

Действительно есть что и скрывать: одна удачная тоня окупает не только арендную плату, вообще очень низкую, но и все затраты на снасти и наем рабочих. О богатстве рыбою можно судить уже по тому, что уловы считаются здесь не поштучно и не пудами, а коробами, вмещающими от 70 до 80 пудов, смотря по величине и породе рыбы. Бывали, да и до сих пор бывают, случаи, что без риска оборвать канаты, тетивы невода и самый невод нет никакой физической возможности вытащить последний в притонную прорубь, и стеснившуюся рыбу вычерпывают сачками в продолжение нескольких суток, причем, само собою разумеется, сотни, даже тысячи пудов успевают уйти обратно в озеро. И все-таки в таких случаях улов достигает невероятно громадной цифры – при некоторых благоприятных условиях до 5000 пудов!

Конечно, подобные тони случаются не каждый год и вообще представляют довольно редкое исключение, но на основании добытых сведений мы имеем полное право заключить, что и средняя тоня зимнего неводного лова для всех озер должна быть не менее двухсот пудов. Для самых больших и вообще наиболее рыбных это количество значительно ниже действительного, и можно положительно сказать, что в улов могут идти в сравнении с ними только Нижняя Волга и Урал. Как это ни странно с первого взгляда, но цены озерной рыбы несколько не ниже, а иногда даже выше средних цен красной рыбы, тоже на месте лова, и это, конечно, самое лучшее доказательство ее выс. ок. качества и большого запаса. Вряд ли где в России можно встретить таких гигантов окуней, ершей, линей, щук, налимов и такую крупную плотву или, вернее, тарань. Вся рыба в приуральских озерах, очень часто соединенных между собою протоками, необыкновенно жирна и вкусна и растет, как мы увидим впоследствии, по крайней мере вдесятеро скорее, чем в реках.

Рассмотрим теперь, что следует понимать под общим названием Зауральских озер, и сделаем возможно наглядный и вместе краткий обзор их, по возможности избегая мелких подробностей и не вдаваясь в сухой перечень фактов, не представляющих общего интереса.

Весь восточный склон Среднего Урала в Пермской губернии, начиная от широты Екатеринбурга, и Южного в Оренбургской, усеян бесчисленным множеством больших и малых озер, которые отчасти находятся в самом Урале и имеют вид настоящих горных бассейнов, но по мере удаления на восток принимают все более и более степной характер; в Челябинском уезде и Троицком в особенности эти озера, частью являясь более или менее солеными или горько-солеными, имеют уже большую аналогию с озерами Барабинских и Киргизских степей. В обширном смысле вся Зауральская черноземная равнина, окаймляющая подошву Екатеринбургского и Златоустовского Урала, вместе с озерами, на ней лежащими, может быть рассматриваема как западная и северо-западная окраина этих громадных степей, в которые она незаметно переходит.

Главная масса Зауральских озер находится в юго-восточной части Екатеринбургского уезда и в западной Шадринского. Последние вместе с челябинскими все принадлежат к числу настоящих степных озер; они большею частью мелки, иловаты и редко находятся в связи между собою; большая часть Екатеринбургских озер расположена, напротив, вдоль хребта, даже в самом Урале, имеют весьма значительную глубину, соединены между собою протоками и служат для некоторых заводов как бы запасными прудами, которые имеют еще ту выгоду, что делают весеннюю прибыль воды почти неприметною и предохраняют заводские плотины от прорыва. Таковы в особенности озера Каслинского и Кыштымского Урала, которые почти все сообщаются между собой естественными, а иногда и искусственными протоками. Не будь этих озер, существование этих заводов было бы весьма сомнительно: при сравнительно небольшом количестве выпадающего дождя и снега на юго-восточном склоне Урала заводская деятельность ограничивалась бы

весьма коротким временем, а для того, чтобы они постоянно были в ходу, потребовались бы целые цепи запасных прудов и, следовательно, громадные затраты, между тем как все это при существующих условиях достигается весьма ограниченными средствами.

В самом деле, чрезвычайно замечательно редкое отличие между западным и восточным склонами Екатеринбургского Урала. Трудно поверить, что только главный хребет, большею частью шириною не более двадцати верст и такой незначительной высоты, разделяет две страны, весьма отличные друг от друга по местности, почве, климату, а частью и по своему животному населению и растительности. Отроги главного хребта тянутся к западу на несколько сот верст, здесь множество мелких ручьев, рек и речек, принадлежащих бассейну Уфы и Чусовой, но зато вовсе нет озер; снега достигают иногда саженной глубины, количество выпадающего дождя весьма значительно, вся почва даже на вершинах гор проникнута влажностью, и вся растительность гораздо разнообразнее и роскошнее. Ель и пихта составляют здесь главные лесные насаждения, но берега рек имеют совершенно особенный характер и ту древесную растительность, свойственную так назыв. урдам Уфимской губернии, столь живо описанным известным охотником-писателем [14 - С.Т. Аксаковым в сборнике «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». – Ред.].

На восточном склоне Урала мы видим, наоборот, необыкновенное однообразие – однообразие, выкупающееся, однако, с лихвою бесчисленными озерами, и нельзя не пожалеть, что эти великолепные озера не находятся на западном, например в Уфимском, уезде; тогда положительно во всей России не было бы другой более счастливой и разнообразной местности. Но не будь этих озер, Кыштымско-Каслинский Урал лишился бы всей своей оригинальности: сухие песчаные или каменистые увалы его не производят почти ничего, кроме угрюмой сосны; здесь почти нет ели, пихты, можжевельника, липы и вяза, вовсе не растет клен, ильм и дуб, и только береза да сосна, изредка прямоствольная лиственница придают некоторую оживленность мрачному виду гор, вершины которых притом, вследствие бесприммерно дурного лесохозяйства, совершенно обнажены во всякое время года. Сравнит ельню со всеми другими частями Урала и звериный промысел тут тоже незначителен и однообразен; он ограничивается исключительно добыванием диких козлов (*Cervus capreolus* var. *pygargus*), которые, впрочем, во множестве – тысячами – со всех сторон, иногда за сто, двести верст, стекаются сюда в позднюю осень.

Вся привлекательность Кыштымского и Каслинского Урала главным образом заключается в многочисленности озер, глубоких, рыбных, в многочисленности и разнообразии пород водяных птиц, находящихся здесь обильную пищу. Все недостатки его забываются, все мелкие и неутешительные частности сглаживаются и исчезают, когда с какой-нибудь вершины увидишь эту громадную массу вод, эту непрерывную цепь бесчисленных озер, окаймляющих подошву Урала.

Трудно представить себе более величественный и вместе оригинальный вид, который открывается с высоты Аракульских утесов, находящихся притом как раз посредине области горных озер Кыштымско-Каслинской дачи. Утесы эти – в весьма замечательное явление в Уральских горах вообще, за исключением Дальнего Севера, отличающихся своими пологими очертаниями, отсутствием скал и глубоких расщелин – издали весьма напоминают огромные полуразвалившиеся каменные здания; но у подножия их сравнение это не совсем верно, так как они имеют более 20 сажен вышины. Вообще Аракульская гора – одна из наиболее любопытных и наиболее уединенных местностей Каслинского Урала: растительность здесь разнообразней, чем где-либо, чаще, чем другие местности, ее посещают медведи, рыси и прочие дикие звери; в последнее время здесь появились даже соболи, вероятно прикочевавшие из Верхотурского уезда, так как в Екатеринбургском

Урале они уже давно сделались анахронизмом. В выступах этих отвесных скал гнездятся сокола, и не так давно на склоне горы в высеченной из камня пещере спасались каслинские кержаки, т. е. раскольники.

Взобраться сюда стоит большого труда, и один неверный или скользкий шаг – и можно жестоко разбиться об острые выступы камней, действием воды и воздуха отделившихся от главной отвесной массы. Но на вершине все трудности невольно забываются, и никакое перо не в состоянии вполне изобразить тот великолепный вид, который открывается удивленному взору в ясное майское утро, когда в воздухе еще не парит и далекий горизонт только синее, не теряясь в беловатых туманных очертаниях. Вверху тишина, изредка прерываемая пронзительным криком и свистом крыльев быстролетных стрижей, которые гнездятся здесь только в Урале, внизу беспокойно шмыгают взад и вперед сокола, неожиданно потревоженные со своих неприступных гнезд; в лесу у подножия утеса ясно слышны разнообразные голоса бесчисленных птишек, воркованье «микитанки» – витютня, чуфысканье и бормотанье тетерева; а с озера у подошвы горы доносится только какой-то неопределенный гул: это кричат невидимые утки, крохали, гагары и лебеди, кажущиеся отсюда едва заметными белыми точками.

Верст на семьдесят кругом все видно, как на ладони, и какая резкая противоположность: на запад – один лес, безграничный, непрерывный лес, среди однообразной синевы которого не на чем остановиться; с великим трудом отличаешь разве дальние колокольни отдаленных заводов. Далеко виднеются Полевские, Уфалейские и Ураимские (Нязепетровские) горы, постепенно сливающиеся с горизонтом, и волнообразные очертания этих гор придают всей местности вид как бы внезапно застывшего моря. А на севере, юге и востоке – всюду, куда только хватает глаз, и леса, и горы отходят совершенно на второй план, получают как бы второстепенное значение, озера же, по-видимому, занимают гораздо большее пространство, чем суша.

Прямо на север в 25 верстах между высокими горами лежит девятиверстный, почти круглый Иткуль, настоящий представитель горных озер; в сравнении с ним небольшие смежные озера, соединенные с ним протоками, кажутся небольшими лужами. На северо-востоке в таком же расстоянии виднеется Синарское озеро – не меньшей величины, Окункуль и многие другие второстепенные водоемы. Все они принадлежат к бассейну реки Синары, вытекающей из Синарского озера или, вернее, Иткуля.

На востоке у подошвы Урала, который здесь круто обрывается и граничит с черноземной равниной Екатеринбургско-Шадринского уездов, глазам зрителя представляется целая масса озер, соединенных между собою широкими протоками. Это – Каслинские озера, которые, собственно говоря, составляют один огромный бассейн с весьма искривленными очертаниями. К югу от этой цепи озер виднеется двадцативерстный Иртяш; он соединен протоком с Каслинскими озерами, и в свою очередь, хотя и в меньшей степени, состоит из нескольких плёсов, т. е. небольших озер. А за этими озерами блестит множество второстепенных, лежащих уже в полосе березовых лесов; последние редуют все более и более, мелкие степные озера уже невидимы невооруженному глазу, и едва отличаешь длинную блестящую полосу – это двадцативерстный Увельки. А за ним уже ничего не видно, и безгранична я степь сливается с далеким горизонтом.

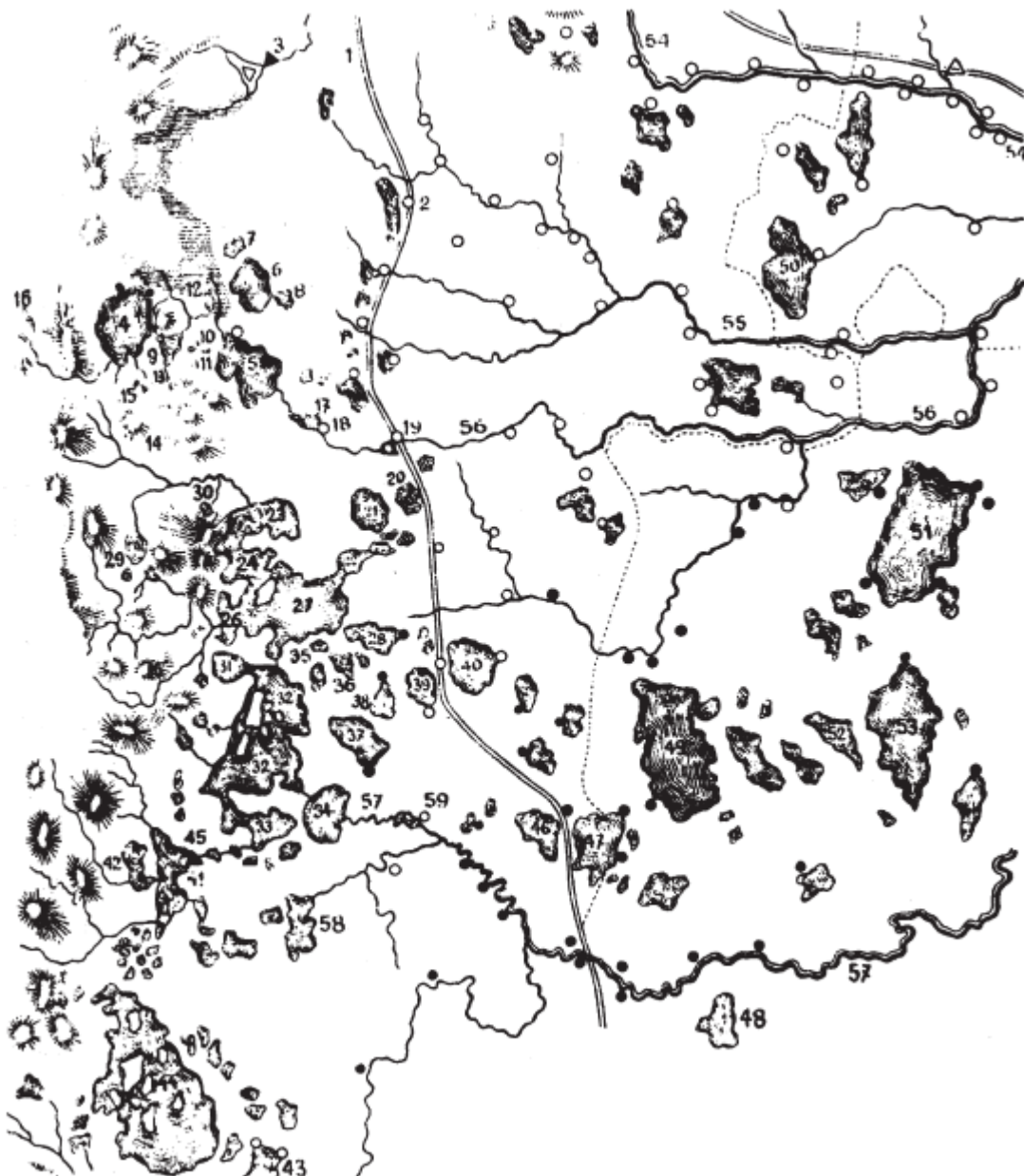

Рис. 1.

Зaurальские озера (20 верст в дюйме) 1. Дорога в Екатеринино; 2. Село Щелкунское; 3. Верхне-Сысертский завод; 4. Оз. Иткуль; 5. Оз. Синарское; 6. Оз. Бол. Окункуль; 7. Оз. Мал. Окункуль; 8. Оз. Черкаскуль; 9. Оз. Карась; 10. Оз. Турундук; 11. Оз. Лебяжьи; 12. Оз. Татош; 13. Оз. Ташкуль; 14. Оз. Семискуль; 15. Оз. Арыткуль; 16. Оз. Чусовские; 17. Оз. Карагуз; 18. Село Воскресенское; 19. Село Тибук; 20. Оз. Мал. Аллак; 21. Оз. Бол. Аллак; 22. Оз. Косигач; 23. Оз. Силач; 24. Оз. Сунгул; 25. Оз. Киреты; 26. Оз. Карась; 27. Оз. Бол. Касли; 28. Оз. Алабуга; 29. Оз. Аракуль; 30. Оз. Булдым; 31. Оз. Щучье; 32. Оз. Иртяш; 33. Оз. Бол. Нанога; 34. Оз. Кызылташ; 35. Каслинский завод; 36. Оз. Мал. Касли; 37. Оз. Бердениш; 38. Оз. Урускуль; 39. Оз. Котакуль; 40. Оз. Куяш; 41. Оз. Кыштымское; 42. Оз. Сугомак; 43. Оз. Ирдяги; 44. Оз. Увельды; 45. Кыштымский завод; 46. Оз. Калды; 47. Оз. Чебакуль; 48. Оз. Тышки; 49. Оз. Увельки; 50. Оз. Шаблиш; 51. Оз. Маян; 52. Оз. Тарталым; 53. Оз. Айдакуль; 54. Река Исеть; 55. Река Багаряк; 56. Река Синара; 57. Река Теча; 58. Оз. Улагач; 59. Село Метлино; 60. Оз. Черновское

К югу от Иртяша, в Кыштымской даче, количество озер еще более увеличивается, но здесь они уже весьма незначительны и в большинстве случаев и вовсе неприметны: за исключением громадного Увельды – красы уральских озер, начинающегося от границы Оренбургской губернии, они не имеют особенного

значения. Но Увельды весьма замечателен как по своей величине и глубине, так и по множеству утесистых островков, которые поросли хвойным лесом и с вершины Аракуля кажутся большими или меньшими темными точками. Более ста озер видно отсюда невооруженному глазу: от Сысертских гор до Златоустовского Таганая с севера на юг, от Нязепетровского завода до больших озер Шадринской степи с запада на восток, легко сказать более полуторы тысячи квадратных верст можно обнять глазом. Действительно, зрелище великолепное, и ради его можно перенести и не такие мелкие лишения.

Все эти озера, конечно, заслуживают более основательного знакомства с ними, и, вероятно, читатель не посетует, если мы дадим краткие описания наиболее замечательных из них. Начнем с Иткуля.

Иткуль, как уже сказано, может служить наилучшим представителем настоящего, и притом большого, уральского озера. Он весь окружен и даже как бы стеснен горами, которые местами спускаются в него довольно значительными крутизнами. Нельзя сказать, однако, чтобы он был очень глубок: есть озера и гораздо меньшие по величине, которые глубже Иткуля, но все-таки в некоторых местах последний достигает до 20 аршин глубины; так, например, у Шайтан-камня – большой скалы, выдающейся из воды на несколько сажен и служащей с незапамятных времен гнездилищем пары соколов, детей которых иткульские башкирцы ежегодно разоряют и продают степным башкирцам, большим любителям соколиной охоты. Главную особенность животного населения озера составляют, однако, необыкновенно многочисленные крохали, которые гнездятся в трещинах каменистого берега, самого Шайтана и небольшого плоского известнякового острова, т. е. Белого камня, занимающего в длину не более 15 сажен.

Иткуль довольно рыбное озеро, но так как оно совершенно чисто, а поэтому в нем очень мало различных растительных и животных организмов, то рыба растет довольно медленно, и иногда даже трехгодичная беспрепятственно проходит в крылья невода, впрочем вообще имеющего весьма крупные ячейки. Не так давно здесь бывали тони в 18–20 коробов, но в зиму 1870/71 года более 8 коробов (около 600 пудов) не вытаскивали; зато и не было тони (всех тоней более ста) менее 35 пудов. Всего же здесь было поймано неводом более 20 000 пудов, доставивших арендатору около 30 000 р. валового дохода. Как странно после этого читать в статистическом описании Пермской губернии, составленном в 1864 году, что во всем Екатеринбургском уезде в 1857 году было добыто только 19 438 пудов рыбы на сумму 11 069 р. с.!

Как и во всех проточных озерах, в Иткуле живут все породы рыб, свойственные всему юго-восточному склону Среднего Урала. Главная коренная рыба озера чебак (местное, собственно башкирское название плотвы) составляет более половины всего количества рыбы: за ним следует окунь, щука, ерш, язь, елец и наконец линь и карась, которые заходят сюда из мелких тинистых озер Семискуля, Арыткуля и проч. Вся остальная мелкая рыба не имеет уже никакого значения: таковы не употребляемые в пищу гольцы, веретей (*Cobitis taenia, barbatula*) или же весьма малоценные, как, например, гольяны (*Phoxinus*) и пескари, называемые обыкновенно пескозобами.

Все эти различные породы рыб придерживаются каждая известного места, особенно зимой, и опытные неводчики всегда знают наверное, какая именно попадается в известную тонию, а каждая тонию имеет свое определенное место и особенное название. На середине озера, у Белого камня и р. Карабайки, вообще на самой глубине постоянно попадается только один чебак; ерши большею частью придерживаются берегов и всего чаще ловятся у Шайтан-камня и между Средней и Дальней башкирскими деревнями; отличная язьяная тонию у р. Казанки; щука тоже ловится у берегов. Главные места нереста хотя и меняются через неопределенный

промежуток времени, также более или менее известны, и рыба главным образом играет у Белого камня, у Долгого мыса, у р. Долгой и у истока, сообщающего Иткуль с Синарой.

Иткуль, как горное озеро, вскрывается очень поздно, значительно позже всех прочих уральских озер, не говоря уже о степных. По этой причине и вся рыба нерестится здесь иногда несколькими неделями позднее: как известно, почти каждая порода требует для метания икры известной температуры воды. Правило это, однако, не всегда верно, и это видно уже из того, что сборная рыба из Синары, Ташкуля, Окункуля и проч., которая опытным рыбаком отличается безшибочно по цвету и относительной толщине, играет несколько ранее коренной рыбы, хотя все-таки развитие икры здесь несколько задерживается, и она начинает ловиться, когда весенний лов ее во время нереста в соседних озерах уже кончился. Таким образом, игра сборной рыбы, сравнительно малочисленной, служит здесь лучшим предвестником скорого нереста коренной рыбы.

Конечно, весенний лов рыбы далеко не имеет таких грандиозных размеров, как зимний, неводной, но все-таки он гораздо значительнее летнего и осеннего. Обыкновенно арендаторы озер ловят рыбу только по льду, начиная с ноября и кончая серединой апреля, немного раньше или позже, смотря по осени и весне и местоположению озера, ловят ее только неводом, а на все остальное время сдают озеро в аренду мелким промышленникам за известную плату, смотря по количеству мереж и других мелких снастей. Здесь же это право предоставлено самим башкирцам-вотчинникам; нельзя, однако, сказать, чтобы этот ленивый народ усердно пользовался таким правом: всякий труд в тягость башкирцу, и поэтому немногие из них постоянно занимаются рыболовством; большей частью они ловят рыбу, только когда в доме не останется куска хлеба. За всем тем количество рыбы, вылавливаемой в продолжение всего теплого времени года и сбываемой обыкновенно за бесценок в окрестные заводы и селения, весьма значительно: по всему вероятно, оно заключает в себе не одну тысячу пудов.

Из небольших озер, имеющих сообщение с Иткулем, всего замечательнее Ташкуль и Татош; остальные – Карасье, Семискуль, Арыткуль – мелки и няшисты и потому неудобны для неводной ловли; притом главная рыба здесь карась и озерной голяк (*Phoxinus phoxinus* Pall) между тем как в первых водятся почти те же породы, как и в Иткуле. Ташкуль – одно из самых глубоких и рыбных уральских озер и, в сущности, гораздо лучший представитель последних, чем Иткуль. Дно его расположено крутыми уступами, которые имеют вид огромной каменной лестницы, и вот почему в нем, несомненно, на его величину (около 8 квадратных верст), всего только четыре годные тони, несмотря на богатство рыбой. Глубина его действительно замечательна: в некоторых местах она достигает семнадцати сажен, а прозрачность воды его такова, что и на этой огромной глубине в тихую погоду можно ясно различать белые камни на дне. Поэтому едва ли не большее количество рыбы, и притом самой крупной, добывается с лучом и острогой, что возможно здесь не только осенью, но и летом. Успешному лученью, однако, весьма часто мешает его глубина, почему оно по необходимости должно ограничиваться одними берегами.

Татош почти одинаковой величины с Ташкулем, но далеко не так глубок и представляет гораздо большие удобства для ловли неводом. В нем всюду около 8 аршин, дно его совершенно ровно, и в нем считается девять постоянных тоней, которые доставляют ежегодно около 30 коробов, т. е. более 2000 пудов крупной рыбы. Всего многочисленнее здесь чебак, за ним следует окунь, ерш, щука и наконец карась, в небольшом количестве; язя здесь нет вовсе, и он заходит сюда только случайно. Татошская рыба высокого качества и ценится почти вдвое дороже иткульской; окуни и караси достигают здесь более 8 фунтов веса, чебак – 2–3 фунтов; ерш-фунтовик здесь не редкость.

Из числа остальных, вовсе незначительных, озер окрестностей Иткуля нельзя пройти молчаливым одним из них – Теренкульчика; он замечателен во многих отношениях и прежде всего представляет наилучший пример, до какой степени рыбного богатства могут достигать здешние озера. Озерко это занимает немного более десятины при трехсаженной глубине и притом расположено на горе, по крайней мере, на 20 сажен выше уровня смежного с ним Ташкуля. Долгое время оно считалось совершенно безрыбным. Лет 5 назад один башкирец случайно обратил внимание на плесканье стеснившейся рыбы и, не давая никому знать о своем открытии, вздумал воспользоваться им по первому льду. Результат превзошел все его ожидания: с одной удочкой первые дни он вытаскивал, трудно поверить, до 15 пудов рыбы, большею частью окуня-двухфунтовика и фунтового чебака. Само собою разумеется, за ним стали следить, и молва об этом открытии разнеслась по всей окрестности: в продолжение 2-х недель более 40 рыболовов каждодневно ловили от 3 до 5 пудов каждый, и в это короткое время было поймано приблизительно никак не менее 2000 пудов. Затем количество рыбы сразу уменьшилось, вся крупная рыба окончательно выловилась, начала клевать уже мелкая, и рыболовство не стало представлять особенных выгод. Но и до сих пор в Теренкульчике все еще много мелкого окуня и чебака, и в 1871 г. он был даже отдан в аренду (за 23 рубля на 12 лет). В нем всего две тони маленьким неводом в 150 сажен длины.

Вторая группа – Синарские озера находятся уже в предгорьях Урала и уже примыкают к черноземной равнине. Все они числом девять принадлежат, однако, не башкирцам, а владельцам Каслинских заводов, частью владельцу Воздвиженской дачи. Первые владеют тремя четвертями Синары, Черновским, Карагузом и другими незначительными озерами, второй – обоими Окункулями, Черкаскульем и остальной частью Синарского озера.

Самое значительное по величине Синарское озеро, с которым все остальные соединены постоянными или временными протоками, имеет такую же величину, как Иткуль, даже несколько длиннее последнего; глубина его местами тоже превосходит наибольшую глубину Иткуля и у Чишеного камня, саженях в ста от берега, недалеко от д. Воздвиженки (Клёпино), достигает 12 сажен. Эта глубокая яма имеет, однако, менее полуверсты длины и ста сажен ширины, и средняя глубина озера вообще не превышает 14 аршин. Весной, когда вся рыба отыграет и уходит отдыхать вглубь, она собирается здесь во множестве и ловится мережами едва ли не в большем количестве, чем во время нереста. Рыба здесь та же, но она гораздо ценнее иткульской, тем более, что главную массу ее составляет ерш, достигающий притом очень больших размеров, о которых, конечно, не имеют и понятия в России.

Окункуль с лишком вдвое менее Синары и имеет незначительную глубину, нигде не превышающую 2-х сажен, почему в жаркое время года большая часть рыбы уходит отсюда в более холодную воду Малого Окункуля, ползатянутого трясиной. За всем тем вода первого чрезвычайно чиста и прозрачна, и эта прозрачность, небольшая глубина и рыбность озера способствуют необыкновенно успешному осеннему и весеннему лучению: нередко один ловкий рыбак набивает здесь острогой более десяти пудов рыбы, которая вообще здесь значительно крупнее, чем во всех других описанных озерах.

Речкою Шумихою соединяется с Окункулем Черновское озеро, замечательное обилием щуки и ерша, которые здесь необыкновенно толсты и жирны, и притом почти совершенно черного цвета: ерши в полтора фунта здесь не редкость, а аршинная щука часто весит более 15 фунтов. Озеро это, несмотря на свою незначительную величину, довольно глубоко (до 5 сажен), но главнейшие благоприятные условия заключаются, однако, не в глубине, а в обилии пищи, обусловливаемом обширной примыкающей к нему трясиной, под которой и течет

Шумиха, выходящая наружу в немногих местах. Через этот проток ерш проходит в Окункуль, но, задерживаемый небольшим водопадом, уже не может вернуться обратно. Осенью, обыкновенно около 8 сентября, он идет из Окункуля и в таком количестве стесняется в небольшой бокалдине, образованной вышеупомянутым водопадом, что его просто выгребают отсюда сачками, даже подолами, и увозят целыми возами.

Еще более замечательный Карагуз лежит уже в черноземной полосе и принадлежит скорее к числу степных озер. В сущности, это огромный рыбный садок, в котором вся пересаженная рыба отъедается и растет необыкновенно быстро. Это т. н. кормное озеро имеет около десяти квадратных верст; оно лежит совершенно отдельно, сообщаясь с Синарой только в весеннее время, и то не каждый год, не особенно глубоко, даже скорее мелко, чрезвычайно няшисто и в крайней степе ни изобилует мормышем – небольшим рачком из рода *Gammarus*, составляющим вообще главную пищу озерных рыб и главную причину их необычайно быстрого роста. Коренная рыба здесь, как и следовало ожидать, карась, но не так давно пересаженные сюда чебаки, окуни и ерши в короткое время необыкновенно размножились и достигли значительной величины. Здесь-то все чаще бывали примеры тех баснословных тоней, которым трудно и поверить, не выдавши массы рыбы, приступающей в жары к берегу и ищущей выхода: озеро колыхается от множества рыб, «рыба воду на себя носит», и вдруг, точно по сигналу, внезапно выпрыгивает из воды и с шумом, подобным раскату грома, падает обратно. Зимой 1871/72 года арендатор Карагуза Бельников ловил здесь от 20 до 24 коробов в каждую тону – средним числом около 1500 пудов!

Переходим к Каслинским озерам и Иртышу. Как первые, так и последний лежат у самой вершины Каслинского Урала который здесь круто обрывается и граничит с черноземною равниною.

; Рыба Каслинских озер как по своему качеству, так и по величине славится по всей Пермской губернии и с давних времен имеет такой верный сбыт, что в большинстве случаев скупается в день лова екатеринбургскими, каменскими и более дальними, например вятскими и казанскими, прасолами, которые, впрочем, везут отсюда исключительно окуня и мелкого, малоценного чебака. Нельзя сказать, однако, чтобы озера эти принадлежали к числу наиболее рыбных, но они, наравне с другими уральскими озерами, имеют то немаловажное преимущество перед степными, что рыбное богатство здесь неистоимо и множество рыбы укрывается в глубине, где ее не достанешь никаким неводом. В Иртыше, например, посредине находится длинная узкая полоса, где глубина достигает 20 сажен. Иногда, хотя и редко, случается, что вследствие каких-то необъяснимых причин вся рыба уходит в самые глубокие места озера и держится там всю зиму; конечно, улов значительно уменьшается, но вместе возрастает и ценность ее, а запрос так велик, что арендаторы при этом почти ничего не теряют, даже выигрывают, хотя, конечно, в следующую зиму. В этом отношении весьма замечательно небольшое, но необыкновенно глубокое, т. н. Бездонное озеро (в Тагильской даче Верхотурского уезда), в котором ловят рыбу в огромном количестве, когда она выходит из глубины к берегам.

Главная рыба Каслинских озер – окунь, достигающий тут баснословных размеров: здесь именно лет 20 назад был пойман окунь-гигант, весивший 30 фунтов, но и теперь изредка попадаются 12-фунтовые. Кроме окуня в них, разумеется, встречаются и все остальные породы рыб, но они уже не представляют никаких особенностей и в этом отношении уступают многим другим озерам. Количество тоней на всех этих озерах и Иртыше весьма велико и приблизительно должно быть не менее четырехсот. Такую же роль рыбного садка, подобно Карагузу, играет здесь оз. Малые Касли, тоже лежащее совершенно отдельно от прочих и также

изобилующее мормышем. Сюда выпускается почти вся рыба, пойманная весной, когда она может скоро портиться, и поэтому не имеет такого верного сбыта.

Иртяш – одно из самых великолепных озер Зауралья. Трудно представить себе всю живописность его островов, оригинальная растительность которых, вовсе не свойственная юго-восточному склону среднего Урала, придает им характер оазисов: липа, вяз, огромные ветлы, боярышник, карагана и красная смородина составляют единственную древесную растительность этих островов, весьма странную посреди сосен на нагорном берегу и березовых рощ на прилегающей черноземной равнине.

Живо вспоминается мне последняя летняя поездка на Иртяш. Погода вполне благоприятствовала плаванию: неугомонное озеро, недоступное и при незначительном ветре, представляло совершенно ровную зеркальную поверхность, и только далеко, ближе к середине, виднелась легкая зыбь. В дальнем северном углу в восемнадцативерстовом расстоянии белела высокая колокольня Каслинской церкви; прямо посередине озера виднелись три небольших круглых острова, и с них в утренней тишине смутно доносились голоса бесчисленного множества гнездящихся там чаек. На берегу мертвая тишина; вся жизнь сосредоточена на этих редко посещаемых островках и ближе к западному подуральному берегу, на больших липовых островах, расположенных длинной и узкою десятиверстной цепью. Не всякий решится и в тихую погоду доплыть до каменистых гряд, окружающих все эти острова; при незначительном ветре даже опытный рыбак, ловко управляющий утлым челноком [15 - Настоящие двухвесельные лодки здесь вовсе не употребительны.] при помощи своего единственного весла, ни за что не согласится выплыть на середину бурного озера. Чем ближе подъезжаешь к островам, тем слышнее и слышнее гул бесчисленных голосов водяной птицы, и в этом гуле постепенно отличаешь то звучный крик лебедя, то пронзительный хохот большой чайки-хохотуньи (*Larus cachinnans*); чаще и чаще в почтительном отдалении ныряют нырцы (*Podiceps*) и большие гагары величиною с гуся (*Colymbus arcticus*), чаще и чаще поднимаются селезни крохалей, гоголей, свиязей и других разнообразных пород уток; на круглых островах уже можно различать сотни сидящих и летающих рыболовов и крачек; подъезжаешь еще ближе, и вдруг целая туча больших чаек вылетает навстречу, кружится над лодкой, и видишь, как неоперившиеся птенцы их ровнорно уплывают от ближнего острова. А на последнем в кустах красной смородины десятки, более – сотни гнезд почти сплошь покрывают его каменистую вершину; весь берег и кусты белеют от извержений множества птицы; везде валяется скорлупа, болтуны, бегают только что выклюнувшиеся птенцы; всюду в кустах, на воде, даже в яйце слышится писк их; все пронзительнее кричат, все назойливее и ближе кружатся чайки, и только выстрелами избавляешься от их неприятного соседства. На другом острове птицы еще более. Подобно рою пчел, кружатся над водой у берегов тысячи земляных ласточек; сотни крачек (*Sterna Hirundo*) и рыболовов (*Larus minutus*) трепещутся над гнездами, видишь, как самки слетают с последних и тревожно летают, присоединяя свой голос ко всеобщему хору. С первым шагом на берег острова – и из-под ног вылетает крохалиха, и едва не давишь ее крупные беловатые яйца; из первого попавшегося дупла ветлы вытаскиваешь крепко сидящего лутка. На смежном островке, угрюмо втянув шею, спокойно сидит на с ухом вязе цапля, а над ней просиживает зоб скопа, только что поймавшая рыбу, и обе равнодушно смотрят на внезапно поднявшуюся тревогу. В сотне сажнях беспokoйно вертится на одном месте лебедь, очевидно опасющийся за целостность своего потомства; украдкой, окольным путем, выплывает к нему лебедка, только что спрятавшая лебедят; там и сям ныряют, кувыркаясь, большие гагары, и далеко слышится их заунывное «погиб». Какая громада птицы бывает здесь на пролете – трудно себе представить!

В этом отношении, как говорят, еще более замечательно Увельды в Кыштымской

даче; но, насколько справедливо это, я не имел случая убедиться, и я могу только сказать, что это озеро со своими многочисленными островами, поросшими густым хвойным лесом, имеет гораздо более угрюмый вид. Да и по своим рыбным ловлям Увельды, несмотря на свою величину (оно занимает более 250 квадратных верст), стоит неизмеримо ниже Иртыша. Все оно чрезвычайно ямисто, почему в нем насчитывается очень немного годных т оней и арендная плата сравнительно незначительна. Однако в нем пропасть всякой рыбы, и годами, когда она выходит из своих глубоких и безопасных убежищ, ловится в очень большом количестве. Не так давно, всего года четыре назад, здесь была поймана огромная щука, весившая три с половиною пуда! Сколько времени этот великан укрывался в недоступных глубинах озера и сколько лет счастливо ускользал от жадности человека!

Кругом Увельдов расположено множество небольших, большею частью мелких и няшистых, озер; они все вместе не имеют и десятой доли значения Каслинских озер и Иртыша. Более сорока озер, соединенных между собою протоками, составляют как бы непрерывное звено вокруг этого большого озера, и весь избыток этих вод вливается в Иртыш; но, несмотря на это количество, едва ли можно насчитать здесь более десяти, которых производится правильная неводная ловля; таковы Ирдяги, Кыштымский пруд, состоящий, собственно, из нескольких озер, Акуля, Улагач и некоторые другие. Кызылташ, Бердениш, Алабуга, прилежащие к Иртышу, уже находятся в черноземной равнине; каждое из них, и в особенности Кызылташ, через который протекает Теча, воспринимающая все воды Кыштымских и Каслинских заводов, имеет большее значение, чем даже огромное Увельды. Кызылташ замечателен, и не по одной своей величине (около сорока квадратных верст), но прежде всего тем, что заключает в себе, так сказать, самую крупную и отборную рыбу. Кызылташские лини и караси, несмотря на чистоту и прозрачность озера, достигают здесь наибольшей величины, и слава их гремит верст на сто в округности. В озере живет только одна крупная рыба, а вся мелкая уходит вниз – в Течинский пруд, частью вверх – к Иртышу и возвращается, достигнув только известного возраста; поэтому ценность ее – более чем где-либо, и вся рыба буквально покупается нарасхват. Обилие крупной рыбы привлекает на озеро, особенно в конце мая, когда линь во множестве подступает к берегам, десятки «вольных» рыбаков, которые набивают острогой целые сотни пудов отборной рыбы. Случается, что иногда зараз выезжает до 50 лодок с лучом, и что за великолепное зрелище представляют постороннему зрителю эти медленно движущиеся огоньки – при ночной тишине, прерываемой только трещанием полуночника и кряканьем испуганных уток!

II

Длинная цепь озер тянется у подошвы Урала с лишком на шестьдесят верст и граничит с другой стороны с черноземной равниной, сначала покрытой березовыми лесами, а затем почти сразу переходящей в настоящую ровную и почти безлесную степь. Иногда всего какие-нибудь 20–25 верст разделяют две совершенно противоположные фауны: типические представители хвойных лесов Урала рысь, медведь, бурундук, белка, куница, глухарь и рябчик и т. д. здесь уже заменяются совсем другими – степными животными. Прежде всего появляются суслики (*Spermophilus rufescens*), называемые польскими кошками, большие тушканчики, ремеза – знаменитые строители гнезд, клинтухи; крохали заменяются т урпанами (*Oidemia fusca*) – большими черными утками, лебеди – бесчисленным множеством гусей; водяная дичь становится все многочисленнее и многочисленнее; на болотах появляются турухтаны, болотные кулики, называемые евдошками, разные породы кроншнепов и других голенастых птиц; в камышах ухает выпь. В березовых лесах

гнездится баснословное количество тетеревов, которых ловят зимой тысячами; в кустах по болотам и у озер появляется белая куропатка – характеристическая особенность Зауральских степей, увеличивающаяся в численности к востоку; еще далее, ближе к границам Шадринского и Челябинского уездов, появляется дрофа, колпица, тиркушка, наконец, корсаки, степные кошки и чекушки – настоящие представители степи. Далеко-далеко отсюда, более чем за полтораста верст, виднеются вершины Уральских гор, как бы подернутые туманом и скорее кажущиеся тучами на горизонте.

Степные озера имеют уже совершенно другой характер: глубина их редко достигает трех сажен, большею частью они бывают гораздо мельче; берега их обыкновенно порастают густым и высоким камышом, и они, видимо, мельчают и зарастают. Лучшим примером такого пересыхающего бассейна служит не уступающее величиною Иртышу Увельки, в котором рыба, прежде многочисленная, совершенно перевелась. С другой стороны, мы также встречаем тут пропасть зарастающих или совсем заросших озер, образовавших наконец топкие трясины с небольшими бокалдинами, где может жить только один карась. Зарастание это совершается следующим, хотя и медленным путем: сухие стебли камыша, обламываемые ветрами, с течением времени образуют в заливах и у подветренных берегов озера целые помосты, увеличивающиеся с каждым годом; они или гниют на месте, или выбрасываются на берег, где из них составляются целые валы, перемежающиеся с песком или илом. Валы эти существуют у всех степных озер, у некоторых горных и достигают наибольшей вышины – до сажени, когда озеро ничем не защищено с северо-запада, со стороны главного, и притом самого сильного, ветра. Очевидно, в юго-восточных углах озер они будут всего выше, всего ниже в противоположных, что замечается и на самом деле. Зарастание озер, следовательно, будет начинаться исключительно с северо-запада: здесь, под защиту берега и прибрежных лесов или кустов, отчасти самих камышей, сухие стебли последних, образовав помост, постепенно увеличивающийся на месте во все стороны и в толщину, сплываются пылью, листьями деревьев, различными другими водяными растениями и образуют рыхлую массу, обсеменяемую наконец некоторыми болотными растениями, которые еще более скрепляют его и в конце концов образуют т. н. трясину. Раз образовавшись, эта трясина, или лавда, все быстрее и быстрее обволакивает озеро; под защиту ее начинается подобное зарастание озера с противоположной стороны, и наконец все озеро получает вид зыбкого болота, на котором мало-помалу оказывается ивняк, а затем и чахлые березки. Иногда, разумеется, зарастание озера стоит в прямой связи с его высыханием, но в таком случае получается уже другой результат – т. н. чистое болото, а не трясина.

В прудах и проточных камышистых озерах эти лавды, образуясь несколько иначе, представляют весьма любопытное явление. Главную роль играют здесь уже не сухие стебли камыша, а та рыхлая и легкая масса, которая образуется из сгнивших корней камыша, частью и других водных растений. От сильной прибыли воды она отрывается от берега огромными глыбами, плавающими на поверхности, и выносится из протока в какое-либо мелкое место пруда, где становится на мель или задерживается камнем, корягой, даже растениями, каковы водяные лилии, горошница (*Potamogeton*) и друг. Глыба эта покрывается болотными растениями; впоследствии к ней, иногда очень скоро, присоединяются новые массы, постепенно связывающиеся и скрепляющиеся друг с другом, и наконец образуется как бы остров; при значительной прибыли воды в пруд и сильном ветре этот остров иногда выносится на глубокое место и плавает там взад и вперед до тех пор, пока при наимысшем уровне воды не сядет окончательно на мель и не образует настоящего низменного и болотистого острова. Такие плавучие острова находятся, например, на

Метлинском (Течинском), Воскресенском, Александровском (у Березовского завода, близ Екатеринбурга) прудах, в Силаче и некоторых других озерах, хотя вообще составляют исключительную принадлежность прудов. В жизни рыб они играют весьма важную роль и имеют для них первостепенное значение: в течение всего июля и августа вся мелкая рыба укрывается под лавдами и только к осени выходит на открытые места; следовательно, эти острова служат как бы убежищем и вместе питомником молодой рыбы, которая находит здесь полную безопасность от щук и окуней и обильную пищу. Один только налим, любитель тени и прохлады, большую часть года живет под лавдами, но это далеко не такой опасный и проворный и притом немногочисленный хищник. Кроме него в петровки собирается сюда весь ерш; последний тоже предпочитает холодную воду и вместе с налимом тоже ведет бо́льшую часть своей ночной жизни; в некоторых местах он ловится все лето не иначе как из прорубей в лавдах и притом клюет здесь только с заката до восхода солнца; таковы лавды на Иртяше и т. н. глубокая лавда на Силаче – одном из Каслинских озер. Само собою разумеется, что все сказанное нами о значении лавд применяется только к плавучим! или укрепившимся на глубоких местах пруда или озера. Такие лавды имеют еще одну странную и не вполне объяснимую особенность: весной, по окончательном вскрытии, они тонут и начинают постепенно подниматься на поверхность уже в июне, когда болотные растения достигнут некоторой высоты. Очевидно, они же и служат главной причиной всплытия лавды: воздух, заключенный в растениях, облегчает всю массу последних, и каждый стебель осоки, каждая былинка является для нее как бы постепенно расширяющимся плавательным пузырем.

Степные озера имеют еще одну особенность, резко отличающую их от уральских: весьма многие из них, например Чебакуль, Малый Аллак, Ка лды и нек. друг., содержат более или менее заметную примесь солей, преимущественно хлористого натрия, частью глауберовой соли. Далее на юг и юго-восток это явление повторяется все чаще и чаще; и в Челябинском и Троицком уездах Оренбургской губернии некоторые соленые озера содержат такой значительный процент хлористого натрия, что могут служить, и частью служат, для добывания соли, хотя последняя редко получается в совершенно чистом виде, что зависит от значительной примеси посторонних веществ. Некоторые озера являются здесь настоящими горько-солеными или горькими, чем много напоминают озера Барабинской степи и, не доставляя никакой пользы человеку, совершенно лишены рыбы и птиц – почти без всякого проявления животной жизни, производят весьма тяжелое впечатление.

Многочисленность озер, большее или меньшее содержание солей как в них, так и во всех низменностях, бесчисленное множество солончаков, толщина и солонцеватость чернозема в низменностях и незначительность слоя его на буграх и небольших степных возвышенностях, выклинивание его у подошвы Урала и Сысертьских увалов и постепенное утолщение на юго-восток – все служит доказательством, что обширная равнина эта составляет непосредственное продолжение Киргизских и Барабинских степей. Нет сомнения, что она вместе с ними еще в последние геологические эпохи принадлежала обширному Арало-Каспийскому бассейну и некогда составляла всего ранее осушившееся дно этого огромного моря. По мере высыхания последнего в отдельных низменностях и котловинах шло постепенное обособление озер; первоначально соединенные между собою протоками, которые существуют или следы которых заметны и до сих пор, последние с течением времени при посредстве дождевой воды все более и более выщелачивались и уносили большую часть своих солей в реки, вместе с образованием озер пролагавшие себе путь с Урала на восток. Очевидно, только позднее образовавшиеся озера и притом никогда не имевшие стока могли и по настоящую минуту остаться с п режним, а при постепенном пересыхании даже с

большим содержанием солей. Вместе с выщелачиванием озер шло и выщелачивание почвы, вообще удобопроницаемой. Оба явления эти продолжают и в настоящее время: на памяти старожилы многие озера пересохли или заросли и превратились в болота, трясины и солончаки; многие солончаки превратились в роскошные луга, дающие ценное сено. Отсюда очевидно, что и самый зауральский чернозем, как исключительно водное, хотя и не вполне морское образование, имеет здесь совершенно другое значение и не может быть тождествен с южнорусским. Впоследствии мы рассмотрим обстоятельно этот важный вопрос о значении зауральского чернозема и постараемся определить границы Арало-Каспийской котловины и арало-каспийской фауны. Заметим только, что весьма многие факты прямо указывают на бывшее соединение Арало-Каспия с Ледовитым океаном.

Большая часть степных озер Екатеринбургского уезда, в сущности, еще не принадлежит к настоящим степным, какими могут называться только озера Шадринского и Челябинского. Все они находятся в полосе лиственных лесов, которые только дальше на восток и юго-восток постепенно редуют и, наконец, на сухих местах заменяются кустами дикой вишни, караганы, *Spiraea*, а в низменностях тальниками – местопребыванием множества белых куропаток. Лиственные леса юго-восточной части Екатеринбургского и западной – Челябинского уездов главным образом принадлежат башкирцам и занимают огромное пространство; окаймляя подошву Урала и цепь подуральных озер длинной, местами суживающейся лентой, они несколько не похожи на наше среднерусское чернолесье. Леса эти состоят почти исключительно из одних березовых насаждений; осина растет здесь только небольшими островами в более сырых местностях леса, и главную массу его составляют столетние и крайне редко расположенные березы, отчего все башкирские леса имеют вид огромных рощ, всюду удобных для проезда; мелкого березняка, который ежегодно уничтожается весенними палами и ленивой привычкой ой башкирцев рубить на дрова только самые тонкие деревья, здесь почти вовсе нет, и весь подсед заключается единственно в кустах шиповника, дикой вишни и *Cytisus* [16 - Еще на памяти старожилы подобные леса покрывали большую часть Шадринского и Челябинского уездов. Весьма вероятно, что некоторая доля участия в образовании чернозема принадлежала и этим лесам.]. Но вернемся, однако, к озерам.

Из озер этой полосы упомянем только о наиболее замечательных. К таковым принадлежит Малый Аллак, Чебакуль, Тышки, отчасти, хотя в отрицательном смысле, Каллы. Особенного внимания заслуживает Чебакуль; это довольно большое озеро лежит на границе трех уездов – Екатеринбургского, Шадринского и Челябинского, и знаменито, как показывает, впрочем, само название, своими чебаками. Последние достигают здесь невероятной величины; не всякий, конечно, поверит, не выдавши тарани южнорусских рек (которая, в сущности, тот же чебак, или плотва, при благоприятных условиях выросшая до огромных размеров), что презренная плотва, почти последняя рыба из обширной семьи сазановых, достигает здесь 5–6 фунтов. Во всяком случае, тут кроме мормыша, тоже многочисленного, должны существовать еще другие причины, обуславливающие необычайное развитие этой рыбы, вообще принадлежащей к числу самых мелких пород; но какие именно эти причины, сказать очень трудно, так как я не имел случая заняться внимательней исследованием мелких беспозвоночных и растительностью озера; но то или другое должно, а priori, представить какую-нибудь интересную особенность, отличающую Чебакуль от всех других озер. Остальная рыба – окунь, ерш и щука – не так многочисленна, судя по всему, не принадлежит к числу коренной, каковой является только чебак, и, хотя вообще довольно крупна, не представляет, однако, таких резких отклонений в величине. Чебакуль принадлежит к числу довольно больших озер; оно занимает около пятидесяти квадратных верст при глубине до трех

сажен и заключает пятьдесят тонн; по ценности рыба его почти и не уступает кызылташской, уловы же здесь также средние.

В этом отношении он резко отличается от Малого Аллака и Тышкова, находящегося уже в Челябинском уезде. В Малом Аллаке, занимающем всего около 9–10 квадратных верст, несмотря на его незначительную глубину, которая нигде не превосходит двух сажен, еще в начале шестидесятых годов уловы доходили до 22 коробов, т. е. более 1500 пудов. В последние годы, вслед за пересадкой окуня и ерша, как мормыш, так и чебак – коренная рыба озера – стали постепенно уменьшаться, и ежегодный приплод и прирост рыбы не стали пополнять ежегодный убыли; но, во всяком случае, и теперь Малый Аллак все еще принадлежит к числу наиболее кормных озер. Этим он существенно разнится от Тышкова, где чебак хотя и находит для своего размножения все благоприятные условия, состоящие главным образом в отсутствии окуня и щуки – главных истребителей как его самого, так его икры [17 - К числу главных истребителей икры принадлежит также ерш, питающийся ею с ранней весны и почти до середины мая.] и приплода, но, не получая достаточного количества пищи, останавливается в своем росте. Тышкинский чебак кроме своей мелкости отличается еще белосоватостью и относительно длиною; он, как выражаются, очень прогонист, что, конечно, тоже зависит от вышеупомянутого условия. В довершение всего он здесь какой-то необыкновенно вялый и хворый, и хотя вообще при удачных тонях много рыбы давится в мотне и вытаскивается уже снулой, но это всего более относится к тышкинскому чебаку. В последнее время вследствие вылова рыбы и появления мормыша вышеупомянутая задержка развития уже не имеет места в полном значении слова: тышкинский чебак, прежде не более четверти фунта и не дороже 15–18 к. за пуд, впрочем, десять лет назад увеличился вдвое и продается теперь до 60 к., даже более. Но во всяком случае это явление представляет большой интерес, а что оно обуславливается недостатком пищи – видно из того, что тышкинский чебак, пересаженный весной в кормное озеро, к осени увеличивается с лишком в пять, а через полтора года в шестнадцать раз: из шестнадцати чебаков на фунт к открытию зимнего лова каждый из них весит треть фунта, а к следующей зиме каждый из них – фунтовик!

Всего удивительнее, что главной причиной подобного быстрого прироста рыбы и этого неистощимого рыбного богатства Зауральских озер является ничтожный рачок величиною около полудюйма и известный в зоологии под названием бокоплава – Gammarus, а у местных жителей Оренбургского края и сибирской половины Пермского, где он распространен до Петропавловского завода, а может быть и севернее 60° с. ш., – под игренем мормыша. Мормыш составляет главную, исключительную пищу здешних рыб; все другие мелкие беспозвоночные не имеют сотой доли его значения [18 - Без сомнения, малочисленность их зависит в большинстве случаев от того, что мормыш, вообще всеядный, в свою очередь, питается ими.], и все рыбы, начиная от хищной щуки до травоядного карася, в большей или меньшей степени, и притом круглый год, кормятся этим ничтожным рачком, который местами, в особенности в карасях – няшистых – озерах, встречается в таком невероятном множестве, что за ночь буквально поедает все выставленные сети. Навряд ли кто может сказать утвердительно, что такая рыба, как окунь и плотва, может где-нибудь в России в полтора года своего существования достигать фунтового веса, а между тем это здесь неоспоримый и общеизвестный факт, хотя и не имеющий всестороннего применения. Во всем Зауралье нет почти ни одного озера без мормыша, но коренное местопребывание его все-таки проточные и непроточные няшистые озера, населенные карасями, менее других рыб употребляющими животную пищу. Главным же истребителем мормыша является ерш, который как летом, так даже в еще большей степени зимой буквально набивается им по горло и, несомненно, только ему обязан своей необычайной

величиной, неслыханной в России.

При громадном запасе гниющих растительных, отчасти животных остатков, образующихся на месте или вносимых в проточные озера многочисленными речками, ручьями и дождевыми потоками с самых вершин Уральских гор, при таком почти неисчерпаемом источнике, очевидно, существование мормыша, а следовательно, и обилие рыбою обеспечено на долгие времена; это тем более вероятно, что все настоящие горные озера имеют сообщения с горными реками и такую значительную глубину, что о вылове рыбы не может быть и речи. Другое дело в степных, непроточных, более мелких озерах, где нечего ожидать прибыли извне; но зато эти самые озера имеют несравненно более богатую флору водных растений, большею частью иловатое дно и еще в сильнейшей степени способствуют размножению пресловутого мормыша. В таких озерах, конечно, нет ничего мудреного выловить в один год почти всю рыбу, но тут-то мы и видим то поразительное соотношение, которое существует между пищею и потребителями. Предположим, что в данном озере рыба размножилась до такой степени, что мормыш почти окончательно истребился. Необходимым следствием будет весьма незначительный прирост рыбы, вынужденной питаться исключительно растительной пищею и в весьма незначительном количестве употребляющей животную. Последующие поколения этой рыбы по мере дальнейшего уменьшения пищевых веществ постепенно уменьшают свой прирост, и наконец наступает такой момент, что озеро будет заключать в себе громадное количество рыбы, большею частью очень мелкой и остановившейся в своем росте. Допустим далее, что озеро это начинает постепенно вылавливаться все более и более; оставшаяся рыба соответственно этому постепенно получает большее количество пищи, которая прежде была едва достаточна для образования икры, не говоря уже о приросте; в то же время уцелевшие или просто случайно занесенные рыболовами-удильщиками мормыши начинают, в свою очередь, необыкновенно быстро размножаться под прикрытием все более и более развивающейся растительности; уцелевшая рыба и ее новый приплод в один год вырастает вдесятеро более, чем при прежних неблагоприятных условиях, и озеро, по-видимому окончательно выловленное, через два года снова доставляет арендатору богатый доход, тем более значительный, что пуд крупной рыбы в несколько раз ценнее пуда мелкой. Подобный замечательный пример мы видим на озере Тышках, много лет кряду доставлявшем баснословное количество мелкой и малоценной рыбы: до последнего времени менее пятисот пудов не вытаскивали, и только очень недавно количество это уменьшилось в значительной степени; вместе с тем появился мормыш, и оставшаяся рыба сразу получила более высокую ценность [19 - То же самое явление наблюдается ныне и в Иткуле.]. Само собой разумеется, что такой случай прекращения прироста возможен только там, где живет только такой вид нехищной рыбы, которая бы питалась мормышом. Все необходимые условия для этого совмещает вполне один чебак, и отсюда ясно, что вполне неистощимыми озерами могут назваться только населенные одни м этим видом.

Последний чаще других рыб подвергается различного рода болезням. Мы уже упоминали о болезненности чебака в Тышках, но внезапный, иногда совершенно необъяснимый мор в большинстве случаев относится именно к этой рыбе, которая вдобавок еще чаще других страдает как от наружных, так и от внутренних паразитов. Например, в Калдах [20 - Также в Шарташе, в окрестностях Екатеринбурга, в Багарях близ Синары и пр.], где чебак составляет главную массу рыбы, он исключительно перед другими видами содержит в кишечном канале больших ленточных глистов, вследствие чего часто задерживается и даже вовсе прекращается развитие икры; вообще Калды, несмотря на свою величину, в чем мало уступает почти рядом лежащему Чебакулю, заключает в себе весьма невкусную

и малоценную рыбу. Впоследствии мы будем еще иметь случай говорить о болезнях рыб и видимых причинах этих болезней, а теперь, оставив в стороне Челябинские и Троицкие озера, весьма мало нам известные, перейдем к Шадринским.

Горные озера со своими более или менее обрывистыми берегами, окаймленными тесною стеною крупноствольного хвойного леса, конечно, величественны и живописны, но живописность эта имеет, однако, какой-то угрюмый и мрачный характер. Совсем другое дело чисто степные озера. Пологие берега их, иногда совершенно лишенные древесной растительности, придают им вид какой-то безграничности, вполне гармонирующей с окружающей равниной; гармония эта в редких случаях нарушается одиноко стоящими березами, между тем как прибрежные тальники вполне сливаются с береговыми очертаниями. И сколько, однако, жизни в этом кажущемся однообразии, жизни, обусловливаемой рыбным богатством этих озер, в свою очередь зависящим от необычайного изобилия растительной и животной пищи! В сравнении со степными горные озера кажутся совершенно пустынными и необитаемыми.

Эта противоположность особенно резко выражается весной и осенью, когда на этих степных озерах присоединяются к местным массам пролетных птиц с дальнего севера и большая часть выведшихся на горных озерах. В разнообразии и богатстве фауны Шадринские и Челябинские озера не имеют тогда ничего подобного; но и летом, когда разнообразие это уменьшается в значительной степени, птичье население их поражает своею многочисленностью: криканье и свист уток, гоготанье гусей и пронзительный крик безчисленных чаек и крачек издали дают знать о присутствии озера, так сказать, центра животной жизни, около которого группируется почти все степное население, привлекаемое отчасти легкою добычею, отчасти прибрежными кустарниками и деревьями.

Во главе Шадринских озер стоят два огромные озера, почти не уступающие величиною Увельдам и Иртышу, – Маян и Увельки; второстепенное значение имеют Айдакуль, Тарталым и многие другие тоже значительные водоемы, перечисление которых будет совершенно излишне. Самое замечательное озеро, бесспорно, Маян – настоящий представитель степных озер, до сих пор дающий громадные, баснословные уловы, которые на других озерах Пермской губернии давно уже сделались анахронизмом. Неиссякаемость его рыбного богатства, в свою очередь, имеет необходимым следствием бесчисленное множество водяных птиц, и в этом отношении Маян тоже имеет себе подобных только в Оренбургской губернии.

Маян – озеро совершенно замкнутое, не имеющее никаких истоков; через это, во-первых, пищевые вещества, состоящие из многочисленных гниющих растительных остатков, которые служат через посредство мормыша и других ракообразных, равно как и личинок насекомых, а также и непосредственно к увеличению прироста рыбы, не уносятся в реку, а, так сказать, капитализируются; во-вторых, сама рыба не имеет никакой возможности уйти в реку или другое озеро. Рыбопромышленники, конечно, косвенным образом озаботились о равновесии между пищей и ее непосредственными потребителями – рыбами, но жадность их не могла все-таки исчерпать громадного рыбного богатства этого огромного озера и и мела следствием большой прирост. Наоборот, в один год отдыха прирост этот уменьшается в значительной степени; после трехлетнего прекращения ловли неводом она здесь почти прекращается, и главную массу рыбы, остановившейся в своем дальнейшем развитии, составляет мелочь: является необходимая потребность, так сказать, процедить рыбу и через это дать возможность мелкой достигнуть к следующей зиме вдвое большей величины. Таких предусмотрительных арендаторов, однако, почти вовсе нет; вся деятельность их в этом отношении заключается единственно в невольном, даже вынужденном выбрасывании рыбы, пойманной весной в т. н. садки, т. е. кормные озера. Польза же подобных отдыхов очевидна до такой степени,

что непонятно, почему большинство рыбопромышленников не следует этому необходимому правилу: факты говорят положительно, что озеро совершенно выловленное, т. е. дающее большею частью холостые тони, через 3–4 года дает уловы, каких не запомнят и старожилы, и один-два года такой благоразумной ловли дает больший доход, чем двенадцатилетняя аренда при непрерывной ловле неводом.

Маян, однако, не глубок – не глубже 5–6 аршин, и эта относительная мелкость несколько уменьшает его прочность на будущее время и не так обеспечивает одинаковость уловов, как это мы видим в горных озерах, глубина которых не позволяет выловить всю рыбу и дает возможность ловить в одинаковой мере целые десятки лет. Однако, как мы уже видели, и здесь косвенным образом пополняется убыль рыбы: годами она уходит в глубь, недостижимую неводом, и держится там в продолжение всей зимы; необходимым следствием этого трудно объяснимого обстоятельства является значительное увеличение уловов следующих зим.

В этом отношении, т. е. в отношении глубины, Тарталым, имеющий до 3-х, даже более сажен и принадлежащий к числу озер средней величины, занимает первое место между Шадринскими озерами; вследствие этого он ценится арендаторами сравнительно очень высоко, значительно выше гораздо большего, но мелкого Айдакуля. За всем тем, независимо от больших или меньших удобств вылова, можно положить за правило, не переходя, впрочем, некоторых границ, что так как с уменьшением глубины озера количество пищевых веществ не уменьшается, а увеличивается, то при одинаковом пространстве озера, имеющее вдвое большую глубину, будет в состоянии пропитать только немного большее, иногда даже меньшее количество рыбы.

Положение это имеет, однако, некоторые пределы: лучшим примером для этого может служить уже отчасти знакомое нам Увельки, где, несмотря на огромное и постоянно увеличивающееся количество пищевых веществ, рыба вследствие постепенного мельчания озера постепенно уходила через исток в реку Караболку, частью выловилась, частью вымерзла или погибла от летних повальных болезней. Между тем еще очень недавно это огромное пересыхающее озеро в богатстве рыбы не уступало Маяну; но одна суровая зима, в которую оно вымерзло, затем сухое и жаркое лето окончательно истребили, часть выгнали всю рыбу; озеро, служившее, по-видимому, неисчерпаемым источником дохода и продовольствия окрестных башкирских селений, сразу потеряло все свое значение и превратилось в огромную, совершенно бесполезную лужу, из которой впоследствии образуется обширное и все-таки более полезное болото. Исчезновение рыбы, в свою очередь, имело последствием видимое уменьшение количества и разнообразия водяной птицы, которая если и до сих пор весьма многочисленна на Увельках, то единственно потому, что не осталось более никаких потребителей огромных запасов пищевых веществ, которые заключает в себе это озеро.

Область озер в Пермской губернии не ограничивается, однако, вышеприведенными местностями Екатеринбургского и Шадринского уездов; она кончается несколько севернее Екатеринбурга и занимает некоторую часть Камышловского уезда, через который проходит граница чернозема и прежде сплошных березовых лесов: далее к северу и северо-востоку в Верхотурском и Ирбитском уездах начинаются уже бесконечные болота и низменные хвойные леса; вся местность принимает совершенно другой характер, напоминает тундру Дальнего Севера, вероятно, имеет другое происхождение и, весьма возможно, обязана им именно Ледовитому океану.

Из этих крайних вод всего замечательнее озера, расположенные на севере, вернее, на северо-западе от Екатеринбурга, в самом Урале и истоках Исети и Пышмы, берущих из них свое начало. Аятское и Верх-Исетское озеро, Таватуй, Балтым – все это озера, примечательные во многих отношениях, и об них можно было бы сказать

многое, если бы дело могло обойтись без скучных и длинных подробностей. Вообще эти озера имеют уже несколько другой характер, отличный от Каслинских и Кыштымских: берега их более или менее болотисты, и они, так сказать, составляют переход к тундряным озерам, которые начинают встречаться, хотя в весьма ограниченном количестве, далее к северо-востоку и обыкновенно с течением времени рано или поздно образуют мохо вые трясиновые болота. Это в особенности приложимо к Аятскому озеру, лежащему у подножия Урала и со всех сторон окруженному обширными болотами. Таватуй и Верх-Исетское озеро занимают тоже около пятидесяти верст в окружности и, следовательно, принадлежат к числу наибольших озер Пермской губернии, но они скорее могут назваться горными, а из второстепенных бассейнов Балтым уже во многом напоминает степные озера; вообще окрестности его составляют как бы оазис среди однообразия хвойных, исключительно сосновых лесов, которые в северо-восточном углу занимают огромное пространство, никак не менее 150 квадр. верст. Это одна из самых диких и пустынных местностей южной половины Пермской губернии, и в этом отношении с нею могут соперничать только т. н. Белые степи Красноуфимского уезда – обширная плоская, почти безлесная возвышенность, так сказать насквозь пропитанная ключами; последние дают начало многочисленным ручьям и речкам и обуславливают необычайно сильную растительность, почти достигающую ч еловеческого роста и служащую приютом и убежищем северных оленей и множества косуль, которые собираются сюда летовать со всех окрестных дач.

Балтым представляет самое лучшее доказательство влияния окружающей древесной растительности на рыбное богатство озера. Несмотря на близость города, количество рыбы почти не уменьшается [21 - Это, конечно, всего более зависит от отсутствия неводного лова.], между тем как соседние даже большие озера не могут поравняться с ним в этом отношении: в последних рыба растет далеко не так быстро и, очевидно, имеет большой недостаток в пище. Это различие объясняется единственно окружающею растительностью и почвою: все эти озера, за исключением Балтыма, окружены сосновым лесом и имеют песчаное дно и песчаные берега; Балтым, напротив, окружен весьма смешанными и преимущественно березовыми рощами, растущими на почве, чрезвычайно изобилующей растительным перегноем. Последний, обязанный своим происхождением отчасти этим же лиственным лесам, в ряду питательных веществ микроскопической фауны озера имеет, очевидно, гораздо большее значение, чем песок, даже перегной хвои, вносимый в озеро; вообще можно принять за правило, что прибрежные лиственные леса имеют весьма сильное влияние на образование озерного ила и вместе с тем обуславливают и большее обилие рыбою. Рыбы в Балтыме действительно много, особенно окуня и ерша, опытному рыболову во время клева ничего не значит выудить два, даже три пуда рыбы, что при близости города [22 - Балтым находится в 18 верстах от Екатеринбурга.] составляет весьма немаловажное количество. Балтым замечателен еще в другом отношении и представляет любопытное, хотя почти необъяснимое явление: один год клюет в нем только окунь, другой – ерш. Последний имеет здесь даже большие размеры, чем в озерах Каслинского Урала, и о величине с балтымским соперничает только таватуйский ерш, достигающий полуторафунтового веса.

Мелкие немногочисленные озера Сысертских увалов и довольно большие бассейны на границах Камышловского уезда замечательны более по отношению к птичьему населению, чем по рыбным ловлям. На небольших озерах близ Соснового выводится необыкновенное количество лебедей: здесь их десятки, даже сотни пар, гнезда расположены в нескольких аршинах одно от другого, даже рядом, подобно гнездам чаек и крачек на островах, лавдах Каслинских и Шадринских озер. Камышловские пограничные озера заслуживают внимания по громадному

количеству пролетных казарок, которые десятками тысяч останавливаются здесь каждую весну и осень, нередко минуя прочие, более южные озера Зауралья. Судя по всему, Шаблиш, Куяш [23 - Это озеро не надо смешивать с другим того же названия, которое лежит южнее, ближе к границам Челябинского уезда.] и др. служат первою станцією, первым местом отдыха и пищи этих птиц, которые хотя выводятся несколько севернее, в Камышловском, Ирбитском и Верхотурском уездах, но исключительно живут на дальнем Севере, на бесчисленных островах устья Оби, где тоже гнездятся общественно, но в несравненно большем количестве, чем лебеди близ Соснового.

Большинство немногочисленных озер северо-востока Пермской губернии в Верхотурском уезде принимает уже тундряной характер и в большинстве случаев имеет вид совершенно замкнутых бассейнов; чаще и чаще встречаются полузатянутые и вовсе затянутые трясинной озера; моховые болота – некогда бывшие озера – занимают огромные пространства. Единственными обитателями этих озер являются карась и озерной гольян, самые неприхотливые представители ихтиологической фауны; чебак, столь многочисленный в мелких степных озерах с песчаным дном, здесь уже является настоящею, хотя и весьма редкою речною рыбою и несколько не отличается от обыкновенной среднерусской плотвы, между тем как на юге он имеет некоторые, хотя и несущественные, отличия.

Вообще карась и озерной гольян во всех Зауральских, исключительно в горных и тундряных озерах, а чебак в степных, составляют виды наиболее устойчивые и безразличные к изменениям озера. Между глубокими и обширными проточными озерами, изобилующими всякого рода рыбой, и озерами, подобно Увелькам, окончательно лишившимися своего рыбного населения, существует множество переходных ступеней. По мере исчезновения протоков, уменьшения глубины, обособления озера и его пересыхания исчезают различные виды рыб, и, наконец, смотря по свойству дна, озеро содержит только чебака или карася, реже оба вида вместе. Настоящие проточные горные, или приуральские озера – Иткуль, Синара, Каслинские и проч., – через которые протекают Синара, Теча и Исеть, имеют все породы рыб, водящиеся в этих реках, хотя, конечно, и здесь вследствие многочисленных условий мы встречаем перевес одних видов над другими. В небольших, но глубоких уральских озерах, имеющих только исток, мы не встречаем более многих рыб; прежде всего удаляются гольян (*Phoxinus laevis*), голец (*Cobitis taenia*), пескарь и веретя (?) (*Cobitis barbatula*) – собственно речные жители, только заходящие в озера, и по преимуществу зимой. Но во многих из них как налим, так и елец еще живут в продолжение некоторого времени, особенно после нереста.

По мере уменьшения глубины озера оба вида эти окончательно исчезают: налим, не находя там достаточно свежей воды, уже не доходит до него, хотя и продолжает жить в истоке; вследствие той же причины – мельчания озера и увеличения количества ила – елец тоже перестает посещать озеро. В таких все еще проточных озерах живут, однако, все остальные виды рыб, но по мере дальнейшего уменьшения глубины и увеличения иловатости исчезает из него язь; далее с постепенным уменьшением истока линь, доселе находивший все благоприятные условия для своего существования, удаляется, в свою очередь, и мы получаем третью категорию озер – полупроточных, к которым относятся Бердениш, Кожаккуль, Куяш и мног. друг., где живут щука, ерш, чебак и карась. При дальнейшем обособлении бассейна протоки совершенно исчезают и озера освежаются временно весной или после проливных дождей притоком воды в бывшие протоки. В таких временно проточных озерах (Карагуз, Малый Аллак), с иловатым дном в особенности, количество ерша уменьшается, и, наконец, весной или осенью, он вовсе уходит отсюда, как это можно наблюдать в Куяше и Кожаккуле, где ерш, прежде необыкновенно многочисленный, в последнее время почти совершенно перевелся. Вслед за ершом постепенно

вылавливается окунь, уже не находящий удобных мест для нереста; в больших замкнутых озерах он, однако, еще может существовать, хотя чебак и карась или один из них, видимо, берут перевес над ним; но в малых замкнутых озерах окуня уже нет, хотя щука все еще продолжает держаться. При постепенном обмелении или затягивании озера трясинной щука исчезнет, в свою очередь, и мелкие озера с песчаным дном заключают только одного чебака, няшистые – только карася и озерного гольяна. При дальнейшем пересыхании даже полупроточного, но вымерзающего озера, как это мы видели на Увельках, жизнь какой бы то ни было рыбы ста новится невыносимой; один только карась еще может иногда перезимовать в глубокой яме хотя бы и мелкого озера, и вообще этот вид является наиболее индифферентным: озеро почти окончательно затянулось трясинной и превращается в зыбкое болото, а карась все еще живет в нем. Вообще же можно принять за правило, что для существования рыбы необходима глубина, несколько превышающая толщину льда, который иногда достигает здесь пяти, а на глубоких уральских озерах даже шести четвертей.

III

Мертвая тишина царствует на озерах, и это безмолвие, нарушаемое только человеком, который спешит воспользоваться ледяным покровом, чтобы извлечь из них наибольшую пользу, представляет резкий контраст той жизни, которая кипит здесь в другие времена года.

Но вот наконец март – наступает весна; все сильнее и сильнее греет солнце; тонкий наст уже не выдерживает днем тяжести охотника; с глухим гулом садится снег, и белая пелена его потемнела местами; почернели дороги. Еще в первых числах быстро тают неглубокие снега на полуденной стороне увалов и на рыхлых парах черноземной равнины, где уже показались глянцевиные грачи – первые весенние гости. Теплый ветер так и съедает снег, насыщенный дождем; горные ручьи текут все быстрее и быстрее; вода прибывает в них с каждым днем и постепенно заливают тонкий лед речек и рек, которые имеют здесь еще весьма незначительные размеры; наконец, в исходе месяца она подтачивает этот лед, остатки его всплывают и силою течения выбрасываются на берег на крутых заворотах реки или нагромождают в теснинах недолговечную, но нередко довольно высокую ледяную преграду, обуславливающую иногда значительные разливы рек в самом Урале. Но вся эта весенняя вода, принимаемая проточными озерами и задерживаемая заводскими плотинами, не оказывает, однако, почти никакого влияния на дальнейшее течение реки и в черноземной равнине, где неглубокие снега тают с большой постепенностью и большая часть снеговой воды уходит в рыхлую почву, разливы уже вовсе не приметны: здесь реки прибывают в незначительной степени и никогда не выходят из берегов.

Но увеличивающейся теплоте и напору речных вод долго не одолеть ледяного покрова озера, который, особенно на глубоких горных бассейнах, как мы уже видели, достигает громадной толщины. Прежде всего именно в середине апреля образуются закраины у устьев рек и ручьев; на непроточных степных озерах сначала тоже около этого времени отъедает берега в прибрежных камышах и тростниках: снег быстро тает на поверхности озера, весенние ручейки скатываются с берегов, и эта коренная и прибылая снеговая вода уходит в щели, образованные водяными растениями, постепенно увеличивает эти щели и превращает лед в решетчатую массу; последняя очень скоро рыхлеет и тает на месте.

На этих закраинах и скучивается вся масса прилетных водяных птиц, которые в скором времени разлетаются по местам или улетают далее на север. Но в начале весны почти все животное население группируется около устьев горных рек, и эти

поймы до середины, даже конца апреля представляют самую оживленную и разнообразную картину. Обилие пищи привлекает сюда множество хищников, куликов, пташек, и вот почему первый момент прилета имеет место не на степных непроточных озерах, хотя они, как мы увидим, очищаются ото льда ранее горных, а в Урале.

Настоящий прилет птицы начинается по вскрытии горных рек, т. е. в конце марта; только орлы и беркута, иногда зимующие, показываются несколько ранее. В первых же числах в Урале начинает токовать по зарям краснобровый глухарь, дико ухает по ночам филин, и при этих звуках – вестниках наступающей весны, – звуках, нарушающих невозмутимую тишину бора, радостно бьется сердце охотника, которому уже наскучило однообразие зимней утомительной охоты.

Но вот на речных и озерных полынях показались лебеди, далеко отдается в горах их звучный крик; вскоре к ним присоединяются гоголи и, неумоимо ныряя, охотятся за рыбой, почуявшей свежую, обильную воздухом воду. Прилетела скопа и, зорко высматривая рыбу, редко дает промах: от ее цепких когтей не избавляется и проворная щука, если только не оказывается сильнее своего врага и не увлекает его безвозвратно в глубину. Черный коршун уже хватает мелкую рыбешку, плавающую на поверхности; многочисленные трясогузки, неумоимо помахивая длинным хвостом, прытко бегают по берегу; в камышах прыгают болотные воробьи, подбирая осыпавшиеся семена; в прибрежных кардашах [24 - Лес на болоте.] свистят голубые лазоревки, прочие синицы и ранние пташки. Наступает апрель; горные речки разливаются все более и более, постепенно подмывают у своего впадения ледяной покров озера и наполняют последнее; лед отрывается от берегов и с каждым днем утончается. Быстро тает снег на озере, снеговая вода, образовав сначала наледи, уходит под лед, разрыхлив его; закраины образуются и в других местах, особенно в курьях – камышистых и травянистых заливах; лед синееет все более и более, только там и сям белеют снежные сугробы, нанесенные снежными метелями около прорубей; скоро он будет уже не в состоянии сдерживать рыбаков и глухо трещит даже под досками, подкладываемыми для большей безопасности; берега все более и более отъедаются, и закраины образуют, наконец, узкое, неправильное и быстро расширяющееся кольцо. Главная ледяная масса остается, однако, неприкосновенной до конца апреля, а на некоторых горных бассейнах и гораздо долее.

Еще в первых числах месяца на очистившихся разливах рек и на закраинах озер появляются многочисленные породы уток, крохали; целыми тучами летают большие рыболовы; в камышах гогочат стаи гусей, которые, впрочем, скоро вместе с кряквами переселятся в болото, далеко не дождавшись окончательного вскрытия озер. В воздухе уже слышится то заунывное курлыканье журавлей, напоминающее валторну, то свист утиных крыльев или токованье бекаса; на прибрежных лугах, надоедая своим пронзительным криком, кур ужатся, ловко перевертываясь на лету, десятки, сотни пугалиц, а в курьях зорко стерегут рыбу ленивые, неподвижные цапли.

Обратимся, однако, к главным – подводным обитателям озера. Вообще вся рыба, почуяв полую воду, выходит из глубины, жметя к берегам и идет в ручьи и реки против течения. Этого требует и самый организм их, нуждающийся для развития икры в большом количестве воздуха, что в особенности относится к рыбам, в скором времени начинающим нерест: ельцу, щуке, язю, которые все мечут икру, как только начнут образовываться закраины.

Прежде всех еще в середине апреля нерестится, или, по местному выражению, играет, елец. С первых чисел месяца целыми массами идет он из озер в ручьи и реки; вообще он мечет икру только в проточной воде и может жить только в проточных озерах, да и там придерживается ходовой воды. К середине апреля здесь не остается ни одного ельца; даже прошлогодние, не имеющие икры, следуют всеобщему

стремлению и вместе с икрянниками и молошниками, вдвое малочисленными и отличающимися от самок беловатыми зернышками на чешуе, особенно заметными на голове, входят в быстротекущую воду и, если бы человек не старался всюду расставлять преграды этому движению, дошли бы почти до самых верховьев, где во всякое другое время года живет только один голяк.

Еще прежде, в марте, когда елец выходит из глубоких озерных ям, где он «словно потеряется» на всю зиму, ловят его в большом количестве на мормыша или червяка, если трудно бывает достать первого, что в это время – самую горячую пору для ужения – случается довольно часто. Но все-таки эта добыча ничтожна в сравнении с количеством, добываемом позже, во время самого нереста, который имеет место около 12–15 апреля. Так называемыми мордами, которые, в сущности, не что иное, как среднерусские верши, ловят их целыми возами и, конечно, продают за бесценок. В самый разгар хода в одну и ту же морду рыба набивается по самое горло по пяти раз в день, что составляет приблизительно до 10 пудов.

Рис. 2. Цапли

(*Ardea cinerea*)

Играет и ловится только двухгодовалый, 2 1/2–3-х вершковый елец и старые; большая часть годовиков уходит через прутья не особенно частой морды. Самое метание икры производится, подобно большей части рыб, целым руном, почти всегда составленным из рыб одного возраста, всегда в прибрежных осоках. Икра выпускается здесь целыми грудками; в конце апреля все плоские берега Вязовки, Будыма положительно улеплены ельцовой икрой, громадное количество ее поедается рыбаками, утками, воронами, которые все жадно истребляют и самих рыб, идущих густыми стаями; еще большая часть по спаду воды остается на мели и высыхает, не достигнув окончательного развития. Ловля ельцов бывает еще добычливее, когда река внезапно сбудет и рыба очутится в ямах и побочных

пересыхающих руслах; здесь ловят ее самым первобытным способом – подолами, штанами, завязанными на концах веревочками, и выбрасывают прямо на берег. Несмотря на все, молоди бывает еще так много, что количество ельцов убавляется в меньш ей степени, чем какой-либо другой рыбы, но это зависит, конечно, не от количества икры, которая, напротив, отличается своею крупнозернистостью, но единственно от неудобства ловли неводом, который не в состоянии захватить глубоких ям, служащих исключительным местопребыванием ельцов в зимнее время.

Между здешними рыбаками весьма распространено странное мнение, что зародыш ельца образуется через слипание четырех икринок; подобный предрассудок существует и относительно развития шук; но, конечно, нечего и сомневаться в невозможности и нелепости подобного факта, в котором, однако, твердо убеждены и волжские рыбаки.

По окончании нереста, обыкновенно в двадцатых числах или исходе апреля, ельцы возвращаются обратно в озеро; в реке остается только небольшая часть, так как им далеко нет здесь того простора и того обилия пищи – обилия, необходимого для рыбы, изнуренной продолжительным постом, плаванием противу быстрого течения и, наконец, самим процессом нереста. Последний весьма любопытен и наблюдается едва ли не легче, чем у других рыб. С невысокой крутизны речного берега в неглубоких заводях, несмотря на помутневшие воды обыкновенно прозрачной, как кристалл, речки, ясно видны тысячи ельцов; ярко сверкая своею серебристою чешуею, исполняют они немногими виденную рыбу пляску; шум и плеск играющего ельца, вообще отличающегося своим проворством и живостью, заглушает журчание быстротекущей речки и бывает слышен за несколько десятков сажен. Елец, однако, довольно осторожен, и потому его можно наблюдать только при соблюдении достаточной тишины и некоторых предосторожностей, что, впрочем, вполне вознаграждается этим необычайным и невиданным зрелищем.

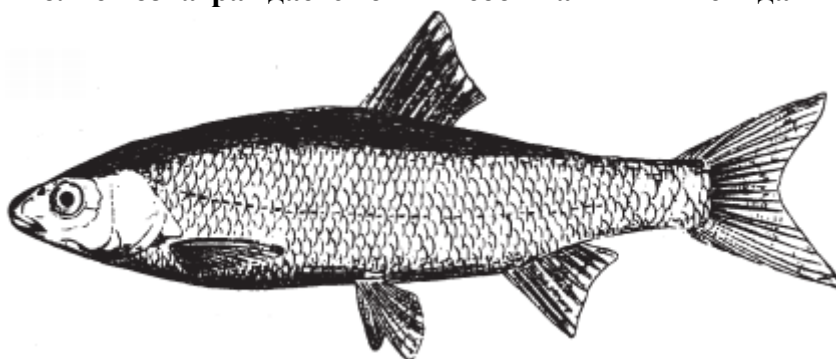

Рис. 3. Елец

Выметав икру, елец, значительно уменьшившийся в численности, идет в глубину озера и отдыхает там в продолжение недели; затем он снова подходит к берегам, где уже образовались очень большие закраины, и на чинает жадно клевать на червяка, что бывает обыкновенно в конце апреля или в первых числах мая, когда у молошников уже не замечается более вышеназванных беловатых крупинки и самцы уже трудно отличаются от икряников. Этот непродолжительный отдых после нереста, уход ее вглубь и затем жадный клев – явления, общие почти всем рыбам.

В конце апреля, как было сказано, у большей части озер образуются большие закраины, но дальнейшая судьба ледяного покрова, представляющегося огромным, большею частью нераздельным островом, бывает весьма различна у горных и степных озер, и вообще надо принять за правило, что чем открыта местность озера, тем скорее очищается последнее. При сильных весенних ветрах, изменяющих свое направление, плавучая масса уже рыхлого и нетолстого льда прибивается поочередно то к тому, то к другому берегу; часть его выпирается на прибрежный песок и тает уже здесь; в центре постепенно образуются трещины, увеличивающиеся

все более и более и, наконец, разъединяющие всю массу на несколько льдинок, которые при сильном ветре разбиваются на еще более мелкие и недолговечные куски; середина озера постепенно очищается, и льдины собираются уже к подветренной стороне. В глубоких горных озерах, имеющих более толстый лед и защищенных от ветров, отчасти и солнечных лучей близстоящими горами и увалами, окончательное вскрытие сильно замедляется; эта разность бывает иногда весьма значительна и достигает нередко десяти, иногда даже четырнадцати дней: часто случается, что на степных озерах не остается и десятой доли ледяного покрова, между тем как в Урале, хотя и не без риска, продолжают ходить, удить и даже ездить. Прежде всех вскрываются озера Шадринского уезда, не защищенные лесом; вслед за ними – степные озера Екатеринбургского – Чебакуль, Калды, Куяш; несколькими днями позднее очищаются приуральские бассейны, каковы Иртяш, Касли, Силач; еще позже Синара и после всех Ташкуль и Иткуль. В последнем лед держится на середине до вешнего Никола, иногда даже до 15 мая.

Сообразно с этим различием окончательного вскрытия различно и время нереста рыбы, который все-таки находится в некоторой зависимости от температуры воды, а иногда и вполне обуславливается ею. Возьмем для примера Каслинские озера. Вся весенняя рыба прежде всего играет в Силаче, в Синаре – 3–5 днями позже, спустя еще три дня – в Окункуле, Татоше; разница между нерестом одной и той же породы в Силаче и Иткуле достигает восьми, даже десяти дней. Со степными озерами это различие заметно еще более, и можно принять почти безошибочно, что нерест рыбы в 2-х различных озерах совершается столькими днями ранее или позднее, насколько ранее или позднее они окончательно расчищаются. Нельзя не заметить, однако, что в Каслинских озерах, соединенных между собою протоками, правило это для непосвященного покажется не совсем верным. Дело в том, что здесь почти всюду бывает так называемая сборная рыба, которая вследствие известной степени развития икры, частью унаследованной и рывычки, играет почти одновременно, как и в коренном озере. Отсюда происходит тот замечательный факт, что в проточных водоемах рыба играет не только более продолжительное время, но даже в несколько приемов, в несколько различных сроков, отделенных несколькими днями один от другого. Опытный рыбак, однако, очень хорошо знает, какая рыба мечет икру – коренная или пришлая; во-первых, последняя всегда гораздо многочисленнее первой; во-вторых, и чебак, и окунь, и щука, и проч. в различных озерах, смотря по составу и цвету воды, большему или меньшему изобилию пищи и вследствие других условий, имеют некоторые различия в окраске и форме, различия большею частью неприметные для непосвященного, но очевидные для зоркого и наметавшего глаза рыболова, выросшего на озерах. Рыба может прийти уже давно, но все-таки она сохраняет свою типическую окраску и форму, все-таки нерест ее совершается почти в то же время; но потомство ее уже мало отличается от коренных обитателей озера.

Во второй половине апреля озера, особенно степные, имеют уже весьма оживленный вид. Многочисленные и разнообразные пташки оглашают прибрежные леса и кустарники своим пением; в ивняках, мелодически посвистывая, прыгают ремеза, собирающие здесь материал для своих артистических гнезд, основа и доньшко которых уже белеются на концах длинных ветвей развесистых берез [25 - Весьма редко в ивняке и никогда в камыше.]; в окраинных болотах свистят красноногие травники, пролетные кулички, и, завидев человека или собаку, безмолвно стонут долгоязыые болотные кулики, вместе с травниками и пигалицами составляющие главное болотное население. Первое время по прилете все эти кулики вместе с кроншнепами держатся на иловатых берегах или лавдах. В последних же скрываются еще гораздо ранее прилетевшие бесчисленные бекасы; неумоимо копаются они в жидкой грязи плавучих кочек, и в воздушной выси уже давно слышится их оригинальное бляение, производимое сотрясением распущенного

хвоста. На уральских озерах голенас тое население гораздо малочисленнее, но зато оно имеет там других представителей: здесь по преимуществу раздается звонкий свист речного и лесного кулика (*T. glottis et ochropus*) и жалобный писк перевозчика (*Actitis*).

Вся эта голенастая птица не принадлежит, однако, к настоящим обитателям озер: она только временно гостит на их берегах и островах и скоро окончательно перебирается в окрестные болота, даже сухие равнины, как, например, большие кроншнепы, или летит далее на север. Главные, коренные жители озер – лысухи, большие и малые гагары, красноголовые нырки, выпь, черные и белые крачки, маленькие рыболовы, составляющие три четверти пернатого населения озера, степного по преимуществу, – прилетают тоже около середины апреля, когда уже образуются большие закраины, очистятся все камыши, когда всюду в лесах расцветет желтый прострельник – первый весенний цветок Зауралья, в болотах заквакают лягушки, впрочем здесь немногочисленные, и под влиянием лучей апрельского солнца быстро начнет набухать березовая почка.

Около Егорьева дня, т. е. 23 апреля, в степных озерах начинает играть щука, которая в горных нерестится значительно позднее: в Иткуле обыкновенно около вешнего Николы, т. е. двумя неделями позже. В очень холодную весну игра щуки, да и некоторых других рыб, вообще запаздывает на целую неделю, и в холодный апрель в уральских бассейнах первая мечет икру даже в середине мая. Это, впрочем, весьма понятно и зависит от известных причин, но в низовьях Волги нерест щуки представляет весьма любопытное и пока совершенно необъясненное явление: известно положительно, что здесь она мечет икру почти после всех рыб, между тем как в верховьях и среднем течении она, как и у нас, нерестится очень рано, прежде чем реки, а тем более озера, совершенно очистятся от льда. Объяснение этого странного исключения из общего правила надо, конечно, искать в каких-нибудь особенных условиях нижнего течения Волги.

Рис. 4. Щука

В противоположность большинству рыб щука играет не рунами, а весьма небольшими артелями – штуки по три-четыре, в числе коих находится обыкновенно одна самка, так что молошников гораздо более икрыников. Вследствие этого, очевидно, большая часть выметанной икры оплодотворяется, чего далеко нельзя сказать о другой рыбе, у которой, частью по недостатку самцов, частью по неправильному распределению их между самками, даже вследствие самой тесноты и безалаберной давки много икры и молок вытекает и пропадает совершенно понапрасну. При огромном количестве щучьей икры не было бы никакого сомнения в необычайном размножении этого хищника, в конечном истреблении всех других видов рыбы, за исключением окуня и хорошо себя отстаивающего ерша, если бы большая часть икры, выметанной щукой, не оставалась на высыхающих разливах и болотах, множество самой рыбы не пропадало таким же образом и если бы громадная масса щуки, необыкновенно смирной во время нереста, в чем ей уступает тогда даже язь, не делалась добычей человека и хищных птиц, например скопы, коршуна, белохвостика. Впрочем, двум первым достаются только небольшие щуки и

щурыта; большие, полупудовые, даже меньшие щуки уже в состоянии утащить своего неожиданного всадника в глубину, и последний – всегда смелая и цепкая скопа – платится жизнью за свою дерзость. Только белохвостики, далеко, впрочем, уступающие в ловкости скопе, пожалуй и коршуну, могут справиться с такими большими рыбами, которые в другое время очень редко делаются его добычей.

Щука мечет икру обыкновенно по третьему году, когда уже бывает здесь более полуаршина. Прежде всех играет не самая крупная, как у всех других озерных рыб, а самая мелкая, потом средняя и, наконец, самая большая, иногда даже с небольшими промежутками, отчего нерест продолжается чрезвычайно долго, дольше, чем у всех других рыб, – нередко недели две, что, конечно, тоже способствует ее более успешному лову. Много щук ловится еще перед игрой мережами, когда они только лезут в камыши и плавают у закраин. Самый нерест имеет, однако, место не здесь, а на самых мелких местах, в осоке, заливаемой водой озера, или реке; вследствие этого часто случается, что они заходят на далекое расстояние от русла реки или летнего ложа озера и нерестятся не только в пересыхающих болотах, но и на твердых, обыкновенных сухих берегах. В это время часто приходится наблюдать щук на такой незначительной глубине, что спина их высовывается из воды. Потом после внезапной убыли воды, особенно на разливах рек, им предстоит много отчаянных прыжков, и хорошо, если удастся перевалиться или перепрыгнуть с разбега в текучую воду или хотя глубокую яму и «ширф» [26 - Т. е. шурф – яма, выкопанная золотопромышленниками.]. Без сомнения, множество этой рыбы остается на мели и рано или поздно делается добычей птиц и человека.

Наступает самая горячая пора для приозерного башкирского населения, где чуть ли не каждый вместе с тем и рыболов. Дело в том, что ельцы играют исключительно в уральских речках и ловятся, и то украдкой, заводчанами, а запрещение весеннего лова по смыслу заключаемого условия – хотя и здесь дело не обходится без некоторых притеснений со стороны арендаторов, – не касается самих вотчинников, главная масса селений коих расположена по берегам степных озер. Кроме того, щука водится не только во всех проточных, но даже и в так называемых карасьих озерах; при обширном распространении вместе с тем по своему количеству, величине и продолжительности нереста, который, заканчиваясь в одних озерах, начинается в других и длится иногда чуть не целый месяц, она представляет более верную и более ценную добычу, а также гораздо большее значение для жителей. Трудно хотя бы примерно вычислить все огромное количество этой рыбы, добываемое во время игры; ценность ее с наступлением теплой погоды, обуславливающей только местный сбыт, уменьшается вдвое-вчетверо; почти все население в это время, можно сказать, питается одной щукой, а потом во всю страду употребляет ее в соленом виде, но за всем тем численность ее уменьшается весьма незаметно, и прирост здесь более, чем у каких-либо других видов, вознаграждает ежегодную убыль. Впрочем, это объясняется отчасти и тем, что неводная ловля вряд ли доставляет большее количество щуки, нежели весенняя, и вообще относительно незначительна, что зависит от исключительности ее местопребывания и неудобства зимнего лова. Несомненно, по весу весенней добычи первое место между всеми другими рыбами принадлежит щуке.

Ловля ее весьма разнообразна и во многих случаях довольно оригинальна. Прежде всего, как только образуются небольшие закраины и вода начнет поглощать воздух, она подходит к камышам и всего охотнее плавает у самого края льда, что объясняется тем, что вода содержит тут наиболее воздуха, пузырьки коего освобождаются при таянии. Явление это свойственно, впрочем, всякой рыбе, а у щук выражено только несколько яснее. В это время, предвещающее скорое наступление нареста, обыкновенно ловят их мережами, и чем чаще запутавшаяся щука выпускает, бившись, икру, тем ближе эта с нетерпением ожидаемая пора. Проходит

неделя, щуки начинают ходить уже целыми артелями: обыкновенно два-три самца, отличающиеся своею прогонистостью, преследуют одну толстую, как обрубок, самку; еще день-два – щуки окончательно теряют свою обычную осторожность, подходят к самому берегу озера, вступают в поднятые водой прибрежные болота и разливы речек; артели их уже представляются одною слившеюся массою: медленно и плавно самка то опускается на дно, то поднимается кверху, и темные спины увивающихся самцов иногда совсем высовываются из воды. Начинается самая главная, самая добычливая ловля. Башкирцы, а тайком и русские, ловят их сильями, колят острогой, бьют из ружья, огромное количество щук входит в тесный лабиринт котцов. С неподражаемою ловкостью, по колена в студеной воде подкрадывается башкирец к замеченной группе, не слышащей и не видящей его приближения, проворно накидывает на нее силок и вонзает острогу и, быстро затянув петлю или прижав ко дну свой семизубец, вытаскивает добычу – иногда целиком всю артель – на берег. Таким образом каждый рыбак ловит целые пуды, иногда даже десятки пудов щуки, но уже 15–20-фунтовый суртан доставляет много хлопот башкирцу, вообще не отличающемуся физической силой, и часто обрывает волосяной силок или выдергивает из рук острогу; поэтому добывается таким образом исключительно мелкая и средняя рыба. Гораздо удобнее стрелять крупных щук, и я сам был свидетелем, как башкирец убил из винтовки почти полторапудовую щуку. Стрельба тоже весьма добычлива, но и здесь требуется некоторый, даже больший, навык, особенно когда приходится стрелять в щук, стоящих на некоторой глубине. Большею частью ловят и бьют их по утрам или перед закатом солнца: в полдень щук как-то меньше видно, и они, вероятно, отдыхают; игра продолжается, однако, всю ночь.

Щука не любит заезков, т. е. плетней, или ряда кольев с промежутками для морд, и обыкновенно старается обойти их около берега или же перепрыгивать через эту преграду, если она не возвышается над уровнем более аршина. Поэтому ловля в морды незначительна, а гораздо более попадает щук в котцы, которые специально назначены для них и карасей. Устройство котцов, почти не известных в Средней России и чаще употребляемых в северных губерниях, очень просто, но вместе с тем и весьма своеобразно. Это не что иное, как ряд воткнутых сосновых палочек или драночек, расположенных в виде четырехугольного лабиринта на расстоянии дюйма одна от другой и наверху переплетенных для крепости мочалой или бечевой; ряд этот начинается от черты самого дальнего стояния воды и сначала идет на большее или меньшее пространство перпендикулярно к берегу, а потом начинает делать завороты, расстояние между которыми должно быть не шире четверти, чтобы рыба не могла поворотиться и уйти обратно. Чем более этих заворотов, тем менее вероятности, что рыба уйдет из этой оригинальной снасти. Щука, да и всякая другая рыба, трущаяся у самых берегов, встречая эту преграду, поворачивает в сторону, а войдя в узкий лабиринт, уже не в состоянии выйти из него и вытаскивается сачком или просто руками.

Количество зеленоватой икры щуки значительно, хотя в этом отношении она и уступает окуню, карасю и многим другим рыбам: известный ихтиолог Блох насчитал в шестифунтовой щуке более 136 000 икринок; могу прибавить, со своей стороны, что средним числом вес икры приблизительно равняется третьей части всего веса щуки, а у крупной это отношение еще более. Такое обилие икры составляет причину ее обширного употребления простым народом, который солил ее в большом количестве. Эта соленая щучья икра продается, однако, весьма дорого – около 15, даже до 30 к. с. за фунт.

В последних числах апреля или позднее, смотря по местности и состоянию погоды, когда щука уже отыграется и лов ее уменьшается в значительной степени, начинается нерест язя, а затем чебака, между которыми существует такое же

отношение, как между ельцом и щукой. За исключением заросших и полужаросших, где живет только один карась, почти нет озер, где бы не было чебака, который вообще по своему количеству и количеству особей по преимуществу не имеет себе соперников, между тем язь живет только в проточных и, следовательно, исключительно горных и приуральских озерах и, подобно ельцу, весь, целыми массами идет играть в реки и речки.

Еще в середине апреля выходит он из глубины на более мелкие места озера и уже не выказывает своей обычной осторожности и юркости. Давно отъело лед от берегов, снеговая вода разрыхлила его, несмотря на подкладываемые доски, трещит и обламывается он под ногами лошадей и людей, а весновка, имеющая главною целию лов этой сторожкой и ценной рыбы, добыча которой во всякое другое время ничтожна, все еще продолжается. Весновкою и заканчивается собственно неводная зимняя ловля; в весьма редких случаях, при особе нно дружной весне, и то большею частию в степных проточных озерах, эта опасная весенняя ловля не имеет уже места – невод забрасывается и вытягивается при помощи больших лодок, называемых здесь баркасами. Но для этого необходимы или очень большие закраины, или сильный ветер, который бы угнал всю массу льда в какую-нибудь одну сторону озера.

Как только речки войдут в берега, обыкновенно после Егорья, язь идет густыми стаями в устья и подымается все далее и далее против течения, пока не найдет удобных мест для метания икры, вслед за чем уцелевшие остатки его возвращаются обратно в озеро. Особенно замечательна в этом отношении речка Булдымка, куда входит для нереста почти весь язь соединенных между собою Каслинских озер. Из Сунгула, Киретов, Каслей вступает он в Вязовку, но, так как там нет удобных мест для нереста, поворачивает отсюда в каменистую и быстро текущую Булдымку и, несмотря на ряды заезков, или, иначе, заязков, преграждающих ему путь и, вероятно, получивши х от него свое название, доходит иногда до Булдыма – небольшого горного озерка, которое дает начало этой речке. И теперь еще украдкой ловят здесь язей в большом количестве, но прежде, когда присмотр был далеко не так строг, да и не мог быть таковым, и сама речка с озерком еще не отдавалась в аренду, воскресенские и каслинские заводские крестьяне буквально нагружали ими целые воза.

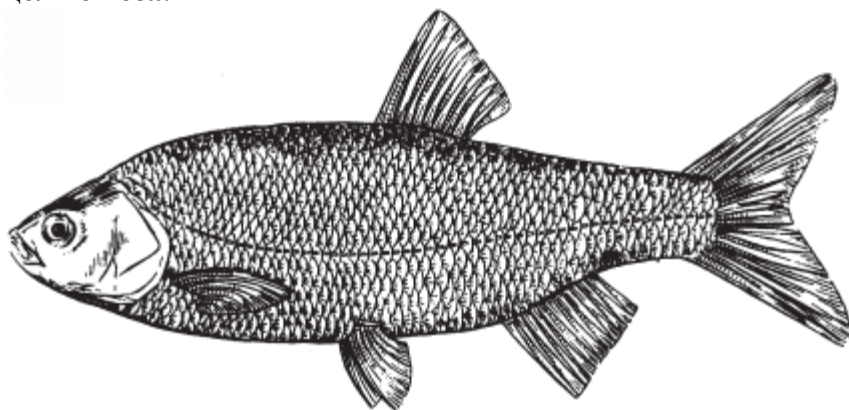

Рис. 5. Язь

А язь вообще представляет для рыбака, как он выражается сам, лестную добычу, и в самом деле есть на что и похвастаться. Играет только крупная рыба, не менее фунта, т. е. на 3-м году своей жизни; подъязки – годовалые и двухгодовалые язи – не участвуют вовсе в этом стремлении взрослых в реки и, очевидно, остаются на глубине; несомненно только, что во время игры не ловится ни единого подъязка, и средним числом каждый пуд заключает в себе от 15 до 20 штук. Сначала, впрочем, играет самый крупный – пяти- и даже десятифунтовый и больший, но последние замечаются уже довольно редко; вообще крупный язь идет в реки почти всегда

смешанными рунами, между тем как стаи более молодых и, следовательно, более многочисленных рыб заключают в себе только один ровняк: каждая стая состоит, например, только из одних трех-, четырех– или пятигодовалых язей. Такие стаи, особенно трехгодовалых, бывают иногда весьма многочисленны, особенно когда только что вошли в устье реки и не успели подвергнуться истреблению. Судя по всему, они заключают в себе до пятидесяти и более пудов, и, следовательно, до 2000 штук. Количество это, хотя далеко уступает количеству играющего чебака и окуня, тем не менее очень велико; притом язиное руно имеет за собой еще то важное преимущество, что состоит только из крупной рыбы.

Игра язя продолжается весьма недолго, всего ночи две, много три, так как он, подобно чебаку, нерестится по ночам. Во время нереста, как было сказано, язь теряет свойственную ему чуткость и осторожность; в самый разгар игры он еще смирнее щуки и часто случается наезжать на него лодкой. Однако и тогда он боится сильного шума не менее другой рыбы; бывает, что в этом случае он поворачивает назад и уходит несколько вниз или же перепрыгивает через заезки и вполне выказывает всю свою прежнюю бойкость и силу. Прыжки его действительно изумительны, и в этом отношении щука не может с ним соперничать; иногда с разбега катает он через плетень, торчащий на полтора аршина от поверхности воды, и стоит перепрыгнуть одному, как за ним следует вся стая без исключения; мы уже упоминали о том, что она почти всегда состоит из рыб одинакового возраста и, следовательно, силы. Но если только передовой язь попадает в морду, последняя набивается битком, по самое горло.

Лов ля в морды, однако, далеко не так добычлива, как ловля мережами и так называемыми фитилями. Заметив место, где собралась стая язей, а это весьма нетрудно, так как они играют на мелких каменистых быстринах и трутся всегда у самых камней, на которые выпускают свою икру, заходят пониже их и с шумом заганивают в расставленную повыше мережу или целый ряд их. Случается, что таким образом запутывается в сеть зараз до десяти пудов крупной рыбы, разумеется если только передний ряд ячей не окажется чрезмерно частым и мережа, как говорится, потрафит на руно.

Еще чаще для ловли язей употребляют т. н. фитили, которые имеют то преимущество перед мордами и необходимыми при них заезками, что удобопереносимее и не требует никаких приготовлений, что весьма важно для тайком ловящих рыбаков. Фитиль этот, называемый в Оренбургской губ. вятелью, – не что иное, как среднерусская крылена; он состоит из редкой сетки, сшиваемой бочкой, которая делается длиною и шириною в аршин или более и натягивается на три обруча; к обоим концам эта бочка постепенно суживается в виде конуса, оконечности которого должны быть не шире одной четверти; один конец фитиля втягивается внутрь бочки, привязывается там четырьмя нитками за последний обруч и составляет т. н. горло; другой же конец, называемый кутец, завязывается бечевкой. К переднему обручу привязываются две веревки для укрепления фитиля на месте. Обыкновенно фитили бывают снабжены наперед двумя крыльями, состоящими из редкой, т. н. трехпалечной, сетки, в полтора аршина вышины и двух-четырёх длины; каждое крыло надевается на бечевку и растягивается с помощью трех палочек. При постановке кутец привязывают к колу и, натянув фитиль, разводят крылья (длина которых вообще соразмеряется с шириною речки) и притыкают к самому берегу, но не перпендикулярно к нему, а под некоторым углом; чем меньше угол образуют оба крыла, тем охотнее идет рыба в эту крылену. Иногда делают и двугорлые фитили; они отличаются от обыкновенных, или, как называют их, одинарных, тем, что к заднему обручу привязывается другая бочка с двумя обручами и кутцом, а кутец первого обращается в горло.

Фитили сами по себе употребляются довольно редко, так как они все-таки

вмещают не очень большое количество рыбы – не более 3-х пудов и большинство язиногу руна поворачивает назад. Вследствие этого реку пониже замеченной стаи перегораживают т. н. мотней, т. е. большим мешком, ячеи которого в противность настоящей неводной мотне делаются, во избежание излишней тягости, тоже как можно реже, почему она может быть употреблена только для самой крупной рыбы других видов. Загородив таким образом все стадо, что все-таки делается как можно осторожнее, начинают ботать, т. е. ударять по воде палкой с железной воронкой, которая производит чрезвычайно сильное и далеко слышное бульканье. Напуганный язь стремглав бросается вперед и, встретив на своем пути фитиль, набивается в него, а главная масса его поворачивает обратно и захватывается мотней. Нередко случается, что в последнюю попадает до шестнадцати и даже двадцати пудов рыбы; но, конечно, половина, даже большая часть яззей успевает перескочить через крылья фитиля и верхнюю тетиву мотни, хотя вообще, надо заметить, они в это время не так опасаются сетей, как заезков, которых очень недолюбливают.

Таким образом, ловится язь исключительно в Булдымке, реже в Иткульском истоке, куда он идет из Синарского озера, в Карабайке и других речках. Отыграв, он уходит вглубь, где держится недели две, после чего в течение трех ночей выходит на песчаные мели озера. В следующей главе мы увидим, как ловят их в таких местах и на глубине.

IV

Наступает май. Степные озера почти совершенно очистились от ледяного покрова, и лишь немногие рыхлые и тонкие льдинки громоздятся на подветренном берегу, быстро тая под яркими лучами весеннего солнца; всюду – в лесу, на лугах, полянах – желтеет прострельник; начинает развертываться березовая почка. На островах и прибрежных болотах целыми сотнями дерутся недавно прилетевшие турухтаны – «петушки», и крестьянские ребятишки усердно ловят их сильями на утопанных токовищах. Кончается валовый прилет, пролетная птица, видимо, убавляется, а местовая разлетается; широконоски, шилохвости – «острохвосты», чирки – все перелетели в болота и сидят на гнездах; еще гораздо ранее покидают озеро гуси и кряковые утки. Но взамен их постепенно являются новые обитатели озера: в камышах всюду раздаются однообразная трескотня камышовок, на середине длинными вереницами плавают черные как уголь красноклювые турпаны (*Oidemia fusca*) и безумолчно галдят, собравшись в беспорядочную кучу, пестрые кавыки (*Harelda glacialis*), скоро улетающие далее на север; на лавдах, беспрестанно посвистывая, перекликаются многочисленные водяные курочки. Настоящая озерная птица вся на местах. Чайки, лысухи, гагары и красноголовые нырки (*Fuligula ferina*) уже сидят на яйцах или несутся; крачки и мелкие рыболовы (*Larus minutus*) строят свои, тоже незатейливые гнезда на таких же кочках, камышовых помостах, лавдах и болотистых островах. Поздним вечером всюду, особенно в Урале, мелькают над водой летучие мыши и то, порхая, подобно бабочкам, трепещутся над гладкой поверхностью озера, то с едва слышным писком и цмоканьем быстро гоняются друг за другом на высоте деревьев, едва различимые от темной синевы безоблачного неба.

Рис. 6

В первых числах месяца начинается игра главной, самой многочисленной рыбы Зауральских озер – чебака. Вскоре вслед за ним почти одновременно нерестятся окунь и ерш, и, наконец, после некоторого большего или меньшего промежутка, когда потеплеет вода, зазеленеют молодые побеги камыша, быстро начнет развиваться растительность озера и подымутся на прудах утонувшие лавды, играют карась, линь, и вместе с окончанием нереста – этого главного и наиболее заметного явления в жизни рыб – наступает знойное континентальное лето.

Подводный мир всего менее доступен наблюдению, и этим, принимая также в соображение значительные осложнения в жизни речных обитателей, объясняется сравнительно небольшое количество биологических наблюдений относительно рыб, без сомнения самых главных и наиболее важных в эконии природы жителей этого малоизвестного мира. В таких незначительных, очень часто вполне замкнутых бассейнах, каковыми являются, между прочим, и Зауральские озера, мы не встречаем уже подобных затруднений: периодические явления и самый образ жизни рыб упрощаются и не представляют подобной сбивчивости; главную массу составляет здесь не пришлая, иногда за сотни, чуть не тысячи верст, а коренная рыба; более равномерный и дружный нерест скорее замечается, легче наблюдается и в связи с одинаковым изобилием пищи делает возможным наблюдения над приростом, столь неравномерным и подверженным таким бесчисленным случайностям в текучих водах, а в темные осенние ночи «луч», ярко освеща я просветлевшую глубину озера, раскрывает нам многие тайны этого прозрачного чертога, недоступные на реках. Одним словом, все явления жизни рыбы, все привычки ее изучаются здесь с гораздо большею легкостью, и этим объясняется тот знаменательный факт, что большая часть отрывочных наблюдений в области ихтиологии относится к обитателям незначительных и замкнутых бассейнов.

Эта неполнота сведений, с другой стороны, легкость наблюдений заставила нас обратить особенное внимание на многочисленные и сами по себе крайне замечательные озера Зауралья – проследить, насколько возможно, жизнь рыб и все частию там собранные и тщательно проверенные факты, частию собственные наблюдения, иногда совершенно новые и неизвестные, избегая мелких, скучных, хотя и нелишних подробностей, передать в той наиболее удобной для чтения форме, в какой предлагается написанная статья. Насколько выполнена наша задача представить возможно полную картину жизни рыб, а также некоторых других второстепенных озерных обитателей, имеющих какое-либо отношение к озеру и его главным жителям, предоставляем судить самим читателям. Итак, к делу.

Вскоре вслед за язем, с промежутком не более недели, в самых последних числах апреля, чаще в начале мая, но иногда – смотря по состоянию погоды и именно в горных озерах – в середине этого месяца, играет чебак, самая многочисленная рыба Зауральских озер, которая не встречается только в мелких тинистых и полужаросших озерах, где заменяется карасем и озерным гольяном. Вообще чебак особенно многочислен в глубоких светлых бассейнах с песчаным или хрящеватым дном и здесь нередко составляет едва ли не 9/10 всего количества рыбы. Так, например, в знакомом нам Иткуле, в Тышках и некоторых других он является единственным и притом самым неприхотливым обитателем. Как настоящая озерная рыба, чебак даже во время нереста не покидает озера и не идет в реки, подобно язю и ельцу, а в большинстве случаев или подходит к песчаным, довольно глубоким берегам озера, поросшим камышом, а не то заваленным хламом, или собирается несметными стаями к каменистым обрывам островов, как уже было упомянуто относительно Белого камня на Иткуле. Здесь мечет он свою мелкую зеленоватую икру, в которой терпеливый немец-ихтиолог Блох насчитал до 84 000 яиц, и крепко прилепляется она к камням, подводным растениям, корягам, деревьям, упавшим в воду, и т. п. Вообще у большей части рыб оплодотворенные икринки необыкновенно сильно приклеиваются ко всяким предметам, и, очень может быть, избыток молок – собственно семенной жидкости – и идет на это прилипание.

Еще около Егорья без того многочисленные стаи чебаков, которые более всех других озерных рыб ведут общественную жизнь во всякое время года, выходят из глубоких ям, собираются все большими и большими массами; со всех сторон стекаются они каждую весну в известные местности, не меняя их в продолжение многих лет; все гуще и плотнее становятся бесчисленные стаи плотвы, заключающие уже по несколько десятков, даже сотен тысяч неделимых. В утренней или вечерней тишине далеко слышен плеск играющего чебака и видно волнение от множества прыгающих и вертящихся рыб; одни разом, точно по сигналу, взвиваются в воздух и шлепаются об воду, другие плавают вверх брюхом или боком, описывая крутые зигзаги или небольшие круги. По мнению рыбаков, выпрыгивают и вообще плавают на поверхности б. ч. молошники, которые легко отличаются по небольшим белым бугоркам, особенно заметным на голове, спине и внутренней стороне плавников, и, по-видимому, принуждаются к тому самками, гораздо более многочисленными. Последние неумолимо преследуют молошников и в таком количестве собираются под ним, что выпирают их наружу, и самцы волею-неволею оплодотворяют вытекающую икру.

Так обыкновенно бывает на более мелких травянистых местах озера – именно в камышах; но у глубоких берегов, где стая трудно собирается около хлама, валежника и упавших деревьев, самая давка рыбы способствует ускорению нереста, хотя и тут, очень может быть, молошники занимают более второстепенную, вернее – более пассивную роль; с некоторою вероятностью можно предположить, что самки окружают и теснят их со всех сторон.

Вообще, надо полагать, вытекание икры и в особенности молок совершается у чебака с большими затруднениями, чем у других озерных рыб: ни у одних не встречаем мы такой давки и такого стремления забиться в какое-нибудь тесное и узкое место. Во время игры чебак часто попадает в морды, которые просто кинуты у берега, без всяких заезков; они сами по себе служат тогда приманкою для него, еще более самые заезки, особенно сосновые. У вершины сосны, сломанной бурей и упавшей в воду, в известное время наверняка можно встретить многочисленные стаи чебака, который любит тереться об жесткую хвою, забивается в нее и тут же массами прилепляет свою икру.

На этом факте, давно замеченном наблюдательными озерными рыбаками, основана весьма оригинальная и вместе самая главная ловля чебака, так как он не

уходит здесь в реки и мечет икру в озере, где уже неудобно устраивать заезки, подобные тем, которые употребляются при ловле ельцов, язей и отчасти щук. С этой целью в известных местностях озера, заведомо ежегодно привлекающих массы играющей плотвы, неподалеку от берега наваливают заранее груды сосновых вершин, устраивают из них целый помост, надавливают последний камнями и, уравнивая, ставят поверх его кольцом различное количество – иногда до двадцати – морд таким образом, что концы их почти соприкасаются, а широкие устья обращены наружу. Раз попав на такое место, вся стая держится тут в продолжение всего нереста, набивается битком во все морды по пуду и более в каждую, улепляет икрой все хвои помоста, все прутья снаряда; чем больше попало рыбы, чем более икринок приклеилось к морде, тем более лезет она туда. Следующая стая выбирает, в свою очередь, такую «счастливую» морду; снова набиваются туда чебаки, снова выпускают в ней и на нее иногда даже совершенно невольно – вынужденные к тому давкой, стоящей многим жизни, – свою икру и молоки. Таким образом, как самая морда, так более сосновый помост являются, с одной стороны, местом прикрепления икры, с другой – дают первоначальный кров и убежище молодой рыбешке, а впоследствии косвенным образом привлекают мелкие организмы – пищу этой молодежи. Такая ловля, очевидно, приносит не вред, а, напротив, большую пользу, чего нельзя сказать о ловле мережами, особенно до начала нереста, когда еще не совсем зрелые половые продукты бьющейся рыбы погибают совершенно понапрасну. Впрочем, мережи, а также котцы, играют второстепенную роль при весенней ловле этой рыбы: наибольшее количество ее бесспорно добывается мордами.

Чебак играет весьма недолгое время – каждая стая или, вернее, каждый возраст редко более одной ночи; вообще же нерест всей коренной рыбы, не принимая в расчет немногочисленной пришлой, оканчивается обыкновенно в трое суток. Раньше всех мечет икру самый мелкий чебак, который в некоторых кормных озерах уже на 2-м году делается способным к размножению, позже всех – самый крупный.

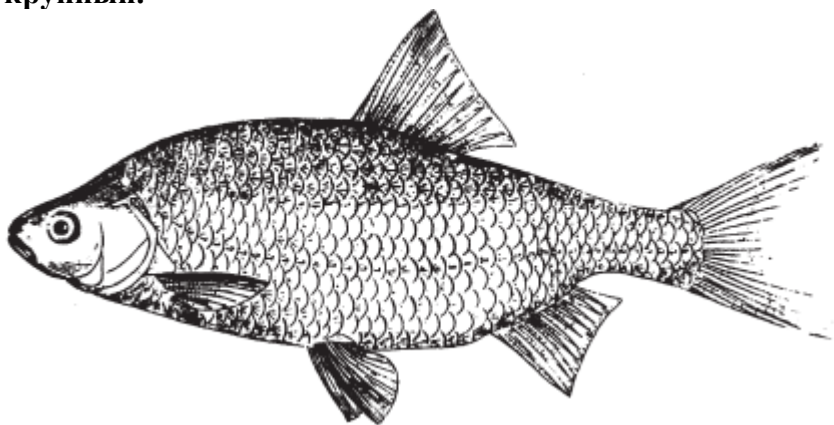

Рис. 7. Чебак

Отыграв, весь чебак, подобно язю и вообще другим рыбам, уходит в омуты и глубокие озера, где лежит спокойно на дне и больше не ловится до конца мая, иногда начала июня, до тех пор, пока не зацветет «шипишник». К этому времени он выходит ненадолго на мелкие места озера, в курьи, уже густо заросшие водяными растениями, разбивается на незначительные стаи и начинает жадно клевать на червяка. Этот кратковременный отдых после нереста и затем сильный клев свойственны почти всем рыбам.

Вскоре после окончания нереста плотвы, иногда почти одновременно с последней, играет окунь, который по своему количеству бесспорно занимает после нее второе место.

Игра окуня, в сущности, немного отличается от нереста чебака. Почти такими же стаями и дет он в заливы озера, очень часто мечет икру в тихих протоках, реже в

реках, быстрое течение которых не доставляет ему достаточно удобных мест: окунь любит травянистые, довольно мелкие курьи, заросшие кувшинками, горошницами (*Potamogeton*); количество самцов здесь тоже, даже в большей степени, уступает количеству самок; окуни также любят тереться около сосенок, главный лов их производится тоже мордами, но последние расставляются исключительно в протоках, побочных руслах, старичках, в узких местах залива и нередко требуют устройства более или менее широких заезков, которые делаются обыкновенно из сосновых ветвей. В степных башкирских озерах сосна заменяется березняком, даже тальником.

К этому времени сами по себе «баские» окуни, особенно самцы, делаются еще красивее: цвета их становятся ярче, резче выделяются черные полосы, плавники краснеют еще более. Но это относится далеко не ко всем: главная масса мелких окуней не принимает участия в нересте; годовалая – самая многочисленная – рыба, наверное, не имеет еще половых продуктов и, кажется, даже остается на тех же местах, где и зимой; только двухгодовалый «алабага» делается способным к размножению и заключает в себе икру или молоки. Длинными, иногда двухаршинными, лентами – «мотушками» [27 - Она никогда не бывает менее полуаршина.] шириною в черенок ножа вытекает икра, прикрепляется к подводным растениям или свободно плавает на поверхности, скоро делаясь добычею бесчисленной водяной птицы, которая всегда указывает рыбаку место нереста. Ловко подхватывая на лету выпрыгивающую рыбу, с пронзительным криком сигают взад и вперед рыболовы и крачки, собравшиеся сюда тучами; всюду ныряют десятки нырцов (*Podiceps*), больших гагар, крохалей, турпанов и прочих уток-рыбалок; у самого берега охотятся прожорливые «карги» – вороны; в высоте плавно кружатся черные коршуны; на высоком прибрежном сухаре сидит зоркая скопа и вдруг быстрее молнии окунывается в волны обыкновенно тихой курьи, которая теперь кипит от мно жества собравшейся рыбы. Десятки, сотни окуней, то желая избавиться от отягощающей их икры и молок, которые сдавили им внутренности, то выпираемые наружу нижними рядами, разом поднимаются на воздух, плещутся и кружатся на поверхности! Нерест в полном разгаре, но ненадолго: стая с каждым часом уменьшается, через сутки он заканчивается, и вся рыба, уцелевшая от преследования птиц и человека, окончательно расходится в разные стороны. Только бесчисленные икряные клубки, белеющие в заливе и скоро достающиеся в пищу уткам и чайкам, ненадолго свидетельствуют о недавнем присутствии множества рыбы.

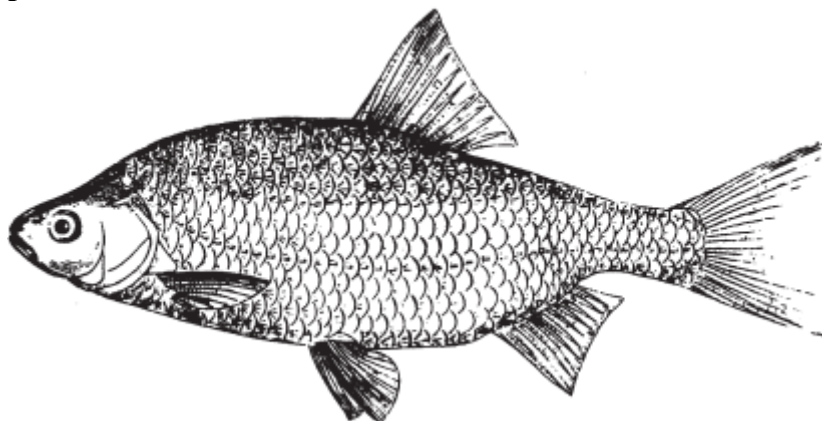

Рис. 8. Окунь

Окунь нерестится исключительно рано утром, иногда незадолго до солнечного заката; в полдневный жар и вечером игра значительно ослабевает, стая на время редет, а на ночь волнующаяся рыба и совсем успокаивается. Каждое руно большею частью оканчивает нерест в два-три приема, т. е. в утро и вечер или в 2 утра и вечер, но игра окуня всех возрастов продолжается весьма значительное время – около

недели, и нерест заканчивают самые крупные окуни.

Эта продолжительность игры, равно как и присутствие мелких годовалых окуней, <является> причиной того, что отдых этой рыбы менее заметен, чем у других видов. Во всяком случае, он должен быть не очень продолжителен, так как в конце мая, даже в двадцатых числах, окуни уже собираются на места, где играл чебак, и во множестве поедают как самую икру, так и только что выклюнувшуюся молодь последнего. Впрочем, окунь, подобно всем рыбам, не дает спуска и своей собственной икре, но последняя в гораздо большем числе истребляется водяными птицами.

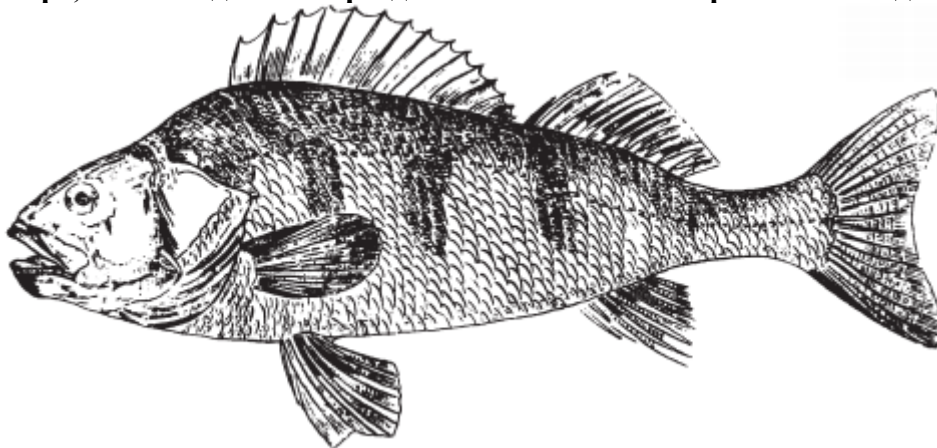

Рис. 9. Ерш

Самый главный истребитель икры всех рыб, и чебаковой в особенности, – ерш – начинает метать икру почти всегда в одно время с окунем, а оканчивает нерест иногда даже ранее последнего. Хорошо еще, что он живет только в проточных озерах; без этого условия и без вмешательства человека, который вследствие большого запроса сильно преследует эту колючую, но очень вкусную рыбу, ерш, метко названный малороссами хозяином, вдобавок еще страшный обжора, наверное, уничтожал бы весь приплод прочей рыбы, оставаясь в полной безопасности от хищной щуки, тем более окуня, икра которого тоже, несмотря на одновременный нерест, в свою очередь, успевает сделаться его добычей. Вообще ерш нерестится около середины мая, и только в немногих горных и глубоких озерах – в Иткуле и Ташкуле по преимуществу – игра его затягивается иногда до первых чисел июня; но это уже исключение.

Собственно, самый нерест ерша известен нам менее нереста других рыб. Это зависит от того, что он играет еще на большей глубине, чем чебак, никогда в траве и береговых камышах, весьма редко в реках, а большею частью на самой середине озера, в глубоких ямах, дно которых усеяно камнями, хрящем или по крайней мере крупным песком, куда и прилепляет он свои желтоватые яйца.

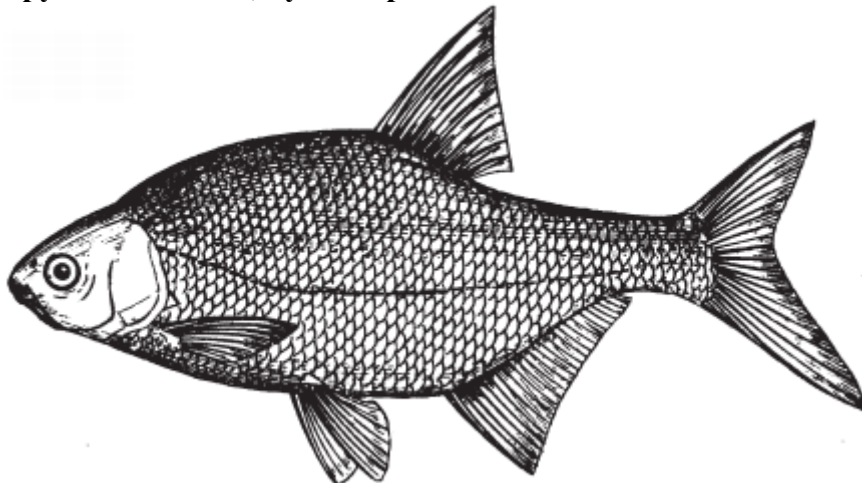

Рис. 10. Лещ

Этим же объясняется незначительность его весеннего улова, который притом подвержен многим случайностям, тем более что ерш играет всего одну, много две ночи. Вообще он ведет вполне ночной образ жизни, что доказывается его большими глазами навывкате, и вот почему наблюдения над его нравами затруднительнее, чем у какого-либо другого вида, за исключением разве одного налима.

Еще менее известен нам нерест другого, но уже некоренного обитателя здешних вод – леща, который, собственно говоря, вовсе не встречается в реках восточного склона Урала. Только недавно, лет десять назад, был сделан опыт пересадки его в некоторые проточные, а именно Каслинские озера (из р. Уфы) в Верх-Исетский и Екатеринбургский пруд (из Чусовой), и потому он до сих пор принадлежит к числу самых малочисленных видов рыб. Всего чаще встречается лещ в Силаче, реже в Иткуле, И ртяше и Больших Каслях; в первом он иногда достигает 5-ти и даже более фунтов, но и здесь большею частью ловится зимой (неводом) и очень редко попадает весной (в мережи). Судя по тому, что в Уфалейском пруде (по сю сторону Урала) эта рыба играет около Николина дня (9-го мая), надо полагать, что она, вероятно, нерестится здесь в одно время с чебаком и, так же как и в том пруде, только весной заходит из озера в реки, и то очень недалеко от устьев.

Относительно нереста пескаря и гольяна, которые принадлежат, собственно, к речным рыбам и почти не заходят в озера, можно сказать тоже очень немного. Являясь чисто речной, даже исключительно ручьевой рыбой, гольян по своей незначительной величине не обращает почти никакого внимания рыбаков, чего нельзя сказать о родственном ему и более крупном озерном гольяне, который живет в большом количестве в тинистых и иловатых карасьих озерах. Притом последний играет почти в середине лета, позже всех рыб, когда рыба вообще ловится очень плохо; нерест же речного гольяна совпадает с игрой многих других, более ценных видов: он играет в первой половине и около середины мая, обыкновенно около царя Константина (11-го мая). В это время во всех речках и ручьях большие стаи гольянов собираются на мелких каменистых быстринах; здесь выпускают они свою очень мелкую икру, блестя радужными цветами, которые скоро бледнеют и вовсе исчезают. Всего ярче окрашены самцы, отличающиеся красноватым пятном под горлом [28 - Во время нереста у всех голова и чешуи покрываются очень мелкими бородавочками, более заметными на голове.], и недаром эту рыбку в других местностях России зовут синькой, скоморохом и красавкой.

Несколько большее, но тоже весьма малое значение для весеннего лова имеет нерест пескаря, или, как зовут его здесь, пескозоба. Последний с первых чисел мая показывается во множестве во всех речках, куда он приходит из озер, где до того времени скрывался в глубокой няше. По крайней мере начиная с сентября он исчезает из всех проточных озер и даже случайно не попадает в мотню невода [29 - Может быть, однако, он уходит зимовать в реки.]. В речках, но не на мелких быстринах, а большею частью в тихих заливчиках, выпускает он свою очень мелкую голубоватую икру, которая прикрепляется к камням, корягам, колодам или плавает на поверхности. Весьма замечательно, что у пескарей количество самок в пять, даже шесть раз превышает количество молошников, отличающихся беловатою сыпью на спине и голове, что мы видели и у самцов прочих рыб, и что пескари мечут икру в несколько приемов, с большими промежутками. Главный нерест бывает, однако, в середине, реже во 2-й половине мая.

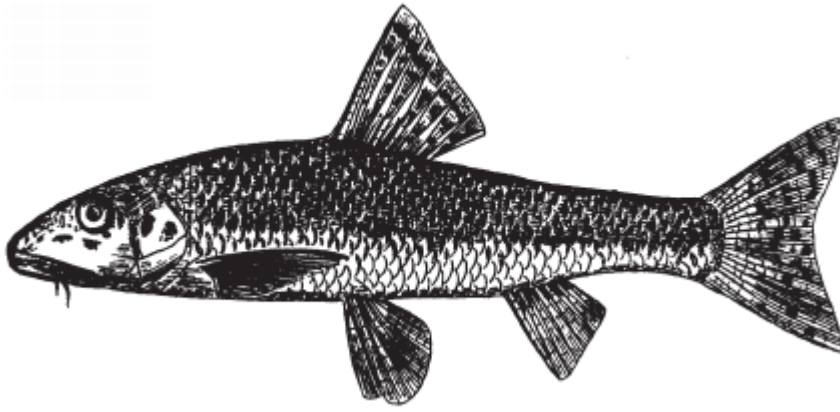

Рис. 11. Пескарь

К тому времени в уральских озерах исчезают последние льдины, быстро нагревается вода солнечными лучами, поднимаются утонувшие лавды и сотенными стаями носятся над ними черные крачки и малые рыболовы, которые предпочитают их прочим гнездовьям; зазеленели березы, но на длинных и тонких ветвях их еще можно различить белеющие издали гнезда ремеза, который уже наполняет его своими крошечными белыми яичками; быстро, не по дням, а по часам, растут тростник и широколистная осока; зеленой щеткой поднимается камыш, резко отделяясь от пожелтевших, переломанных и перепутанных старых стеблей. Вся озерная птица окончательно сбивается в камыши и лавды – на степных, в лавды и острова – на горных, и как те, так и другие озера, по-видимому, пустуют; скоро покинут степные озера турпаны, которые уже начинают нестись в мелколесье, иногда очень отдаленном от воды. Сотни, тысячи птиц выводятся в обширных степных камышах, иногда обволакивающих кольцом все озеро и часто недоступных ни с берега, ни с лодки. Ближе к открытой воде, где камыш уже растет на глубине 2-х аршин и значительно редет, расположены десятки, сотни плавучих гнезд обыкновенных гагар (*Pod. cristatus*); тихо покачиваются они волнением, и отовсюду тревожно высовываются из воды чубастые головы их обладателей; тут же, но еще в большем количестве на камышовых помостах, накопившихся веками и образовавших наконец сплотившуюся, хотя и рыхлую массу, которая, в свою очередь, служит иногда к образованию лавд, лежат яйца крачек и рыболовов, чаще гнездящихся на последних; там и сям, большею частью в каком-нибудь уединенном углу, плавает пара-другая больших «ситцевых» гагар, которые не любят общности; немного далее, ближе к берегу, расположены гнезда многочисленных лысух, а там начинается уже царство камышовок: несметные барсучки (*Salicaria phragmitis*) скачут и прыгают по сухим стеблям, камышовые дрозды (*Salicaria turdoites*) обвивают молодые побеги прошлогодней ветошью. Тут же, почти вместе с ними, но в еще бо лее сухих камышах несется болотный лунь – гроза утят и прочей молодежи, да, пожалуй, взрослой водяной птицы; чуть не рядом возвышается гнездо выпи. Еще ближе к берегу, в более доступных местах гнездятся многочисленные красноголовые нырки, только что севшие на яйца, и некоторые другие породы уток, большинство коих выводит, однако, в ближайших болотах. Множество водяных крыс бегают, плавают и ныряют в береговых камышах, а нередко тут же можно встретить искусное гнездо мыши-малютки, и этот факт, очевидно, указывает на ее коренное местопребывание, измененное впоследствии культурой злаков. Ранним утром, как только проснется птичье население, самые разнообразные голоса несутся из этой чащи водяного леса: жалобно хнычут лысухи, каркают гагары, безмолвно трещат мелкие камышовки, короткою и глухою трелью вторят им камышовые дрозды, ухаёт выпь, крикают осиротевшие селезни уток, привлекаемые безопасностью убежища и обилием корма; громче всех раздаётся резкий крик крачек, ловко хватающих упавших в воду и летающих

насекомых – поденок, мошкару (*Phryganea*), которая, в свою очередь, привлекает сюда красивого копчика. А на прибрежных болотах, когда-то тоже составляющих часть озера, стонут долговязые евдошки, пищат травники, с жалобным криком вьются уже выведшие детей пигалки.

Рис. 12.

Мышь-малютка

Горные озера сравнительно менее оживленны: камыши встречаются здесь редко и никогда не занимают таких огромных протяжений, озерная птица менее многочисленна и размещается частью в кардашах, но преимущественно на островах. Здесь в расщелинах камней кладут свои большие беловатые яйца узконосые крохали, в осиновых и ветловых дуплах гнездятся лутки, хохлатые чернети, гоголи – все самые многочисленные породы водяных птиц в Урале.

предосторожности и ловлю мережами только ночью, редко не делаются они добычей караульщиков, вытаскивающих их железными крючьями, т. н. кошками, привязанными на длинной бечевке. Но как только сторожа уплывут в другую сторону озера и скроются в ночной темноте, являются новые охотники попробовать счастья: зачастую в каждую сеть попадает по нескольку пудов рыбы, б. ч. язя, реже чебака, который часто проскакивает сквозь редкие ячеи «пяти-палочной язёвки».

Как было упомянуто в предыдущей главе, к середине мая язь покидает эти глубокие ямы, но на самое короткое время. Всего в продолжение двух-трех ночей выходит он «полоскаться» на полуаршинную глубину песчаных мелей озера, например Синарского, у истока р. Синары. Здесь и ловят эту бойкую и пугливую рыбу, для чего связывают вместе по пяти мереж, которые волокут на лодках, соблюдая всевозможные предосторожности, так как нет рыбы сторожей язя: при малейшем шуме и всплеске летит он стремглав за сотни сажен, и прощай ожидаемая добыча. Не только борта лодки, но и самое весло обивается войлоком, и им гребут [30 - На озерах вовсе нет настоящих весельных лодок (кроме вышеупомянутых баркасов у арендаторов озера), и лодка управляется одним веслом.] не вынимая из воды; зато при удаче ловят таким образом зараз десятка по два пудов этой рыбы.

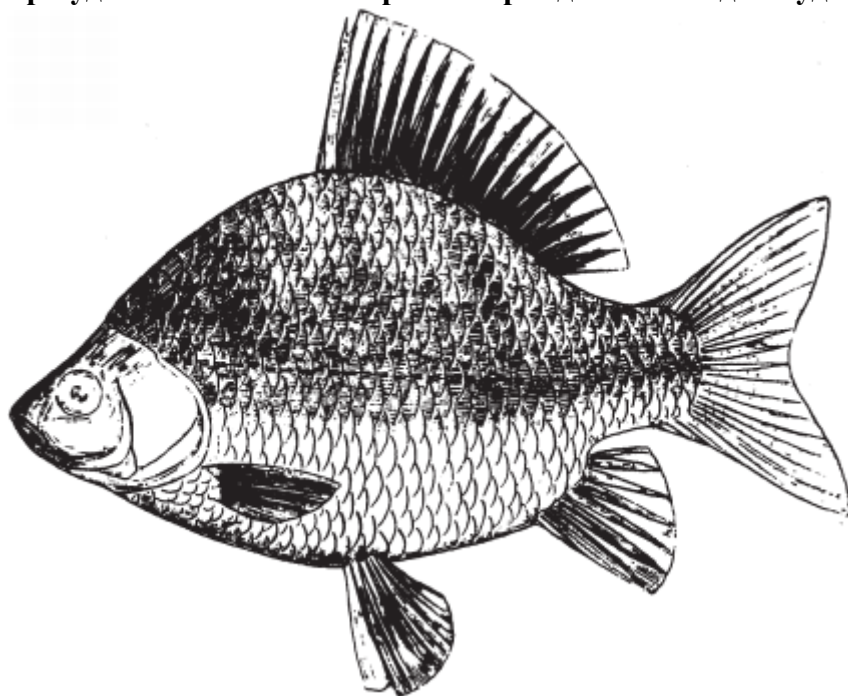

Рис. 14. Карась

Около того же времени, даже ранее, во всех курьях, у всех травянистых и камышистых берегов снова появляются уже отдохнувшие и проголодавшиеся щуки; жадно поедают они свою же собственную детву, только что выклюнувшуюся из яичек. Последние для своего развития требуют немного более двух недель в тенистых местах озера, а в мелких заливах, рано очистившихся ото льда и сильно нагреваемых солнцем, – десять, даже восемь дней [31 - Икра щуки, как известно, требует для своего развития весьма невысокой температуры – 8–10° R.]. Молодые щурята в это время составляют главную пищу отошавших родителей, тем более что последние почти не способны к ловле крупной рыбы: старые зубы выпадают, заменяются новыми, еще небольшими и мягкими, и обезоруженные хищники по слабости тех и других не в состоянии задержать достаточно сильного чебака, подъязика или окуня. Этот интересный факт смены зубов у щуки, замеченный еще покойным Аксаковым, совершенно верен и доказывается прямым и косвенным наблюдением: старые зубы выпадают от одного прикосновения, и исключительно в это самое время не только крупная насадка на жерлицы, но и пойманная рыба часто

носит на себе ясные следы укушения щуки; последняя не в состоянии прокусить твердого покрова своей более крупной добычи, и о крепкую чешую рыбы ломаются ее ослабевшие зубы. В конце месяца щука уже хорошо берет на «животь», начинается клев ее и ловля на жерлицы, а еще раньше, но весьма недолгое время и большею частью в проточных мельничных прудах, производится ловля ельцов на червяка.

В последних числах мая, иногда в начале июня, опять-таки смотря по местоположению озера и состоянию погоды, когда вода значительно потеплеет, помутнеет и достигнет температуры не ниже 13-ти, даже 14-ти градусов, начинается игра карася. Необходимо заметить, однако, что, независимо от вышеозначенных условий, в полужаросших озерах, затянутых т рясинами, в сущности теми же лавдами, нерест его бывает значительно позднее, нежели в камышистых и травянистых бассейнах. Дело в том, что эти самые лавды иногда не растаивают до середины июня, и только к Петрову дню нога начинает глубоко вязнуть и прорывать трясины. Понятно, вода здесь долго не получает надлежащей температуры, потребной для нереста этой рыбы.

Вообще карась всю зиму лежит порознь под лавдами, зарывшись в няш, и окончательно выходит оттуда, когда подымутся водяные травы, зацветет шипишник и начнется клев чебака и окуня. Тогда он собирается в большие, иногда весьма многочисленные, стаи и идет в береговые камыши и ситовники (тростники), где производится самый процесс метания икры. Осоки карась не любит, но часто, особенно в Богословских, северных озерах, где камыш и тростник составляют значительную редкость, он играет во мху и на него же выпускает свою желтоватую икру.

Но несомненно, карась никогда не нерестится одновременно; игра его производится в несколько приемов, иногда с весьма большими промежутками. По замечанию рыбаков, он мечет с конца мая или начала июня «каждый новый месяц», вплоть до августа, т. е. 3–4 раза. Что карась играет по крайней мере в два приема, в этом я мог убедиться лично, так как наблюдал его вторичный нерест в двадцатых числах июня; но, надо полагать, это играет рыба, почему-либо не успевшая выметать икру; весьма невероятно предположение, что каждый карась выпускает икру в несколько приемов, и окончательно нелепа мысль многих рыбаков, будто он успевает в какие-нибудь двадцать дней «нагулять» новую икру. Весьма возможно, во всяком случае правдоподобно, что в мае и начале июня нерестится карась, живший в более теплых местностях, где половые продукты его развиваются быстрее, а в конце июня – обитавший под мерзлыми лавдами.

Каждый нерест карасей, точнее некоторой части их, весьма непродолжителен и много-много если продолжается два утра, причем прежде всего выметывают икру самые крупные, обыкновенно одно утро, и заканчивается к полдням. Поэтому карась идет весьма дружно, и, если следить за ним, игра его замечается и наблюдается легче, чем у многих других рыб. Пена и муть стоит над собравшейся густой стаей рыбы, далеко слышно ее шлепанье и характеристическое чмокание, шелестит камыш и колеблются его верхушки, всюду плавают мох; кишмя кишат караси, весло так и тыркается об них. Обыкновенно икрыники находятся на дне, где и трутся, наверху же вертятся и выпрыгивают самцы; затем, обернувшись вверх брюхом или боком, последние начинают один за другим изливаться молоки, а самки выпускают на них свою икру. Но и за исключением играющих позднее, далеко не все караси, вообще растущие очень медленно, собираются в это время в стаи: карась нерестится только на 3-м, иногда едва ли не на четвертом году, и более молодой остается в той же няше, где точно так же отыскивает себе пищу, состоящую из растительных остатков, частью мелких насекомых. К ним скоро присоединяется отыгравшая взрослая рыба; одно утро, хотя вразброд, она еще полощется у берегов и

продолжает ловиться в рыболовные снасти, но затем расходится врозь, снова прячется под лавдами или укрывается в водяном мхе и вязкой тине.

Главная ловля карася производится стеновыми мережами, поставленными по опыту прежних лет в известных местностях. При удачном выборе места в сети запутывается такое количество рыбы, что мережи буквально тонут на дно: бывают случаи, что из каждой в одно утро вытаскивают по десяти пудов карася. Кроме того, его ловят в значительном количестве в котцы и морды, а днем, когда он уже ходит не так грудно, загоняют в ботальные мережи.

Немного позже играет линь, в противоположность последнему – обитатель одних проточных озер и прудов и вообще сравнительно немногочисленный. Еще за несколько дней до начала нереста выходит он из глубокой няши, где ведет вполне уединенный образ жизни и часто совсем зарывается к берегам озер или в заливы протоков, поросших горошницей, – любимым местопребыванием его и в прочее, теплое время года. Где он малочислен, там игра его проходит совершенно незаметно: играет вместе какой-нибудь десяток-другой рыбы, так что нерест линя – тем более что количество самцов превышает количество самок, отличающихся более крупной чешуей, – приближается к нересту щуки. Но например, в Кызылташе, где составляет почти главную породу рыбы, линь собирается большими, хотя и негустыми рунами, так что, весьма возможно, и здесь игра его имеет тоже, так сказать, более семейный характер. Продолжительность ее, быть может, именно от этого обстоятельства весьма значительна, редко менее недели, часто две; при этом мелкие трутся раньше, крупные позже, почему можно встретить летом и молодых линьков, которые вообще выклеваются скорее других рыб, иногда гораздо менее недели, и свежую зеленоватую икру; последняя свободно плавает на поверхности или прикрепляется к водяным растениям, чаще всего горошнице. Вообще погода и ненасть е имеют весьма большое влияние на продолжительность игры этой рыбы, но, вероятно, тут действуют и те же замедляющие причины, как у карася, с которым он ведет весьма сходный образ жизни.

До начала нереста все линии скрываются в няше и спокойно лежат в ней, так что присутствие их почти неприметно; но в конце мая в светлых водах, хотя и иловатого, Кызылташа нетрудно воочию удостовериться в огромном количестве этой рыбы. Яркий «луч» освещает дно: всюду – справа, слева, впереди – чернеются широкие спины огромных линей; одни неподвижно лежат, другие медленно плывут, пробужденные светом и шумом; даже тут меткая острога ловкого рыбака редко дает промах. Десятки лодок выезжают в это время на озеро; при удаче и уменье многим достается в добычу до десяти пудов самой отборной рыбы, так как вся молодежь скоро рассеивается и немедленно уходит из озера в Метлинский пруд; только достигнув известной величины, именно на третьем году, поздней весной линь, хотя и не весь, возвращается в озеро. В других озерах он добывается обыкновенно ботальными мережами и мордами, которые уже не имеют почти никакого влияния на уменьшение его количества.

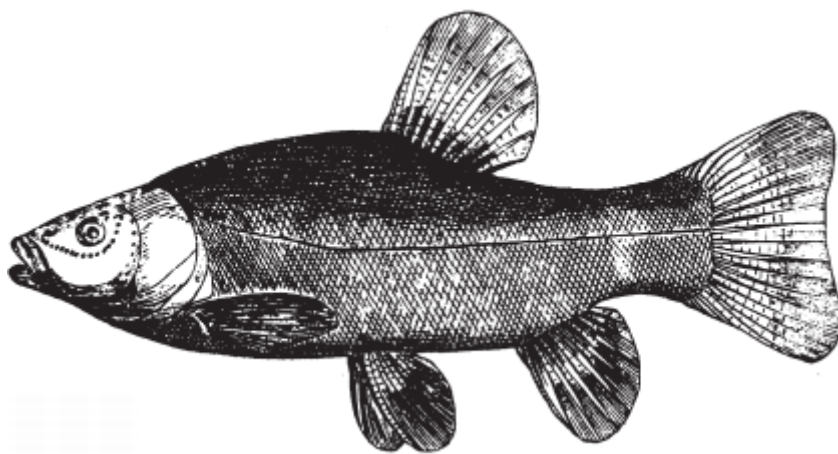

Рис. 15. Линь

Но, за исключением весеннего лученья и отчасти ловли мережами, где тоже икра и молоки бьющейся рыбы большею частью вытекают совершенно произвольно, главная вешняя ловля – котцами и мордами – не только не приносит никакого вреда, особенно последняя, но оказывает даже значительную пользу: как мы видели, морды и заезки служат косвенным образом рассадником и убежищем молодой рыбе. Гораздо большее влияние на уменьшение приплода имеют физические явления: сильный ветер, буря, проливной дождь после нереста, когда огромные массы уже оплодотворенной икры и выклюнувшейся молоди выбрасываются с травой на берег или уносятся на средину озера, наконец, истребление икры водяными птицами и самой рыбой. В первом случае икра и рыбешки окончательно погибают, во втором – развитие их несколько замедляется несоответственной температурой, молодь, не находя себе надлежащего спокойного пристанища и достаточной пищи, гибнет во множестве от одного волнения озера. Вот почему вся рыба мечет икру в курьях или, хотя реже, в камнях, где икра тоже предохранена от этих неблагоприятных условий. Вообще рыба выбирает для нереста воду, содержащую в себе много воздуха, не слишком глубокую, для того, чтобы воздух, необходимый для развития, мог скорее возобновляться, и изобилующую водяными растениями, к которым икринки могли бы прилепляться. Растения эти кроме выделения кислорода привлекают множество микроскопических животных – инфузорий, коловраток, мелких ракообразных и кроме защиты доставляют прямым или косвенным образом пищу молодому поколению.

V

После некоторого колебания, иногда непродолжительного ненастья, в первых числах июня устанавливается лето и начинаются непомерные жары; только многочисленны е озера и частые грозы несколько освежают раскаленный воздух и умеряют зной июльских дней. Безоблачное небо принимает сероватый оттенок, горизонт теряется во мгле, и дальние горы застилаются беловатым туманом.

Но уже с полудня туман в горах густеет, подымается все выше и выше и образует все более и более чернеющие тучи: едва ли один день в Петровки обходится без гроз в какой-либо местности Каслинского и Кыштымского Урала. Эти тучи, однако, далеко не всегда доходят до окраинных селений черноземной степи; в Шадринском уезде грозы и совместные с ними благодетельные ливни относительно редки и почти никогда не бывают так сильны и опасны, как в горах. Жители равнин, конечно, не имеют ни малейшего понятия, что значит гроза в Урале, какой опасности подвергаются заводы и села у его подножия.

Под влиянием этих жаров и частых проливных дождей в то время, когда в безлесной степи травы выгорают, задерживается рост хлебов, трескается земля и

обнаженные солонцы покрываются белым налетом выступившей соли, роскошно развивается растительность Урала. Не по дням, а по часам растут зонтичные растения, достигающие здесь громадной величины, быстро расцветают ярко-красные петушки (*Cypripedium macranthum*), великолепные курочки (*Cypripedium guttatum*), на склонах гор алеет марьян корень – дикий пион, там и сям виднеются красивые саранки (*Lilium marginatum*).

В середине июня поднявшиеся лавды густо зарастают осокой; зеленеет молодой камыш, и за широкими листьями его уже не видать прошлогодних желтых стеблей; в курьях и протоках распускаются белая водяная лилия и желтая кувшинка, называемые здесь лопухами. Озера постепенно оживляются, птичье население их увеличивается с каждым днем. В камышах, тростниках, лавдах – всюду слышится писк утят, молодых чаек, лысух; рано утром везде чернеются десятки утиных выводков. Вся птица снова собирается со всех окрестных болот и не покидает более озер, где ей нет недостатка в пище.

К тому времени во всех заливах, прибрежных осоках и камышах, у всех плавучих трясин появляются мириады мелкой рыбешки; густыми стаями толпится она, привлекаемая затишьем и бесчисленными растительными и животными организмами, которые кишат в мутной воде травянистых прибрежий. В ясное тихое утро, проезжая на лодке мимо камышей и лавд, вы увидите, какие массы молодой рыбы укрываются здесь от ветра и многочисленных врагов; тем не менее и эти несметные стаи дают весьма не полное понятие о количестве мальков в озере. Все это исключительно молодь чебака, частью окуня; других рыб почти не видно: они или укрываются на самом дне озера – в вязком иле, или безвыходно таятся под трясиной, или, наконец, еще не вышли в озеро из рек и протоков. К первым принадлежит весь молодой карась, также линь, ко вторым – весь ерш и значительная часть окуней, к последним – почти вся молодь язей и ельца, которая в начале лета встречается только у устьев и истоков, и то сравнительно редко.

Отсюда очевидно, наибольшему истреблению птицами и хищными рыбами, по крайней мере первое время, подвергаются молодые чебаки и окуни, которые всего менее прячутся, чаще других видов плавают на поверхности воды и выходят на чистые места озера. Действительно, не только большая часть всех уток-рыбалок, чаек, гагар кормятся исключительно чебаковыми и окуневыми мальками, но сюда же, в курьи и камыши, привлекаемые легкостью добычи, собирается почти вся годовалая щука, почти весь прошлогодний окунь. Более крупные щуки и окуни держатся в более глубоких заливах, нередко на значительной глубине и, подобно большинству всех взрослых рыб, живут там в продолжение всего лета.

Не только все прошлогодние щучки и окуни стекаются в мелкие затишья и преследуют стаи молодых чебаков и окуней, но даже и щурята-селетки принимают самое деятельное участие в истреблении мелкой рыбешки. Во второй половине июня они выходят из водяного моху, где укрывались до сего времени, и начинают неутомимо охотиться за мальками, почти не уступая в проворстве и живости взрослым. Всюду в неглубоких курьях, особенно там, где все дно густо заросло различными водяными растениями, там и сям неподвижно лежат щурята в ожидании добычи; при первом взгляде их длинное брусковатое тело кажется небольшим темным сучечком, застрявшим на листьях водяного растения. Вот медленно, не торопясь, выплывает из смежных камышей густая стая молодых чебаков; как молнии выскакивают щурята из своих засад, быстро скользят по поверхности, оставляя за собой едва заметную струйку, постепенно расходящуюся треугольником; испуганная стая спешит укрыться в родные камыши, преследуемые мальки выскакивают из воды, но на шум выходят более крупные и опасные хищники, которые с нетерпением выжидали выхода мелюзги из тесного лабиринта камышей, где преследование не совсем удобно; скоро усматривают рыбу и зоркие

чайки и крачки (*Sterna hirundo*). Происходит полное смятение – молодая рыба, отрезанная от своих надежных убежищ, мечется как угорелая во все стороны, рассыпается дождем, всюду летят брызги, плещется крупная рыба. Но не проходит даром и зачинщикам суматохи: щурята, в свою очередь, даже очень часто делаются добычей окуней и своих более крупных собратьев; они все-таки представляют для них более лакомую добычу.

В это время щурята бывают уже величиной около двух вершков: они растут чрезвычайно быстро, гораздо скорее всех прочих озерных рыб. Они, впрочем, и вылупляются прежде всех. Икра шук, особенно на солнцепеке и в мелкой воде, развивается очень скоро; молодая рыбешка, как мы видели, выклеывается иногда через десять, даже восемь дней, так что в степных озерах уже в начале мая можно наблюдать щурят, хотя еще с желточным пузырем, мешающим им свободно двигаться. В это время они однако, имеют еще не полное сходство со взрослыми щуками, которые около середины мая, как мы видели, истребляют их беспощадно; но по мере всасывания этого пузыря молодь приобретает все более и более полное сходство с о старыми, делается все живее и проворнее, наконец, окончательно расходится в разные стороны и начинает укрываться в мелких местах озера, заросших водяными растениями, в особенности водяным мхом. Как известно, щуки никогда не живут стаями и ведут б. ч. одиночный образ жизни.

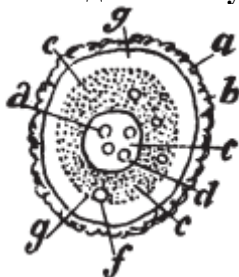

Рис. 16. Разрез икринки костистой рыбы

Рис. 17. Живчики рыб

В глубокой и более холодной воде, также в тени развитие щучьей икры идет гораздо медленнее и продолжается иногда более двух недель; но в большинстве случаев щурята выклеваются ранее всех рыб – в первой половине мая – и в начале лета отличаются только своею относительною длиною. К середине этого месяца в реках и протоках, в прибрежных осоках и под широкими листьями лопуха уже кишат молоденькие ельчики: вскоре вслед за ними на припек в неглубоких камышах выходят из яиц миллионы крошечных чебачков и окуньков; затем – молодые язи, ерши; а в начале июня, даже в последних числах мая выклеваются молодые лини и караси. Икра ерша, язя, ельца, которые мечут в более холодной воде, редко развивается менее чем в две недели; между тем зародыши чебака, окуня, карася выходят из яичек в десять, семь, а молодые линьки даже в три-четыре дня.

Рассмотрим теперь вкратце, каким образом совершается развитие яйца рыбы. При некотором увеличении легко разглядеть, что каждая разрезанная икринка состоит из двойной оболочки и заключенного в ней желтка. Наружная оболочка, называемая

белочную, всегда содержит небольшие поры, через которые может проходить вода; внутренняя оболочка – желточная – отличается своею крайнею тонкостью и прилегает к желтку, который представляется густою, б. ч. желтоватою жидкостью. Кроме того, в каждом яичке замечается т. н. яичная воронка (Micropyle), которая пробуравливает оболочку и доходит до поверхности желтка. Совсем другое замечаем мы под микроскопом на продуктах самцов – молоках. Они состоят из беловатой жидкости, наполненной бесчисленными мельчайшими тельцами, которые имеют сходство с булавкой и находятся в беспрестанном движении, почему и называются живчиками (сперматозоидами). Для оплодотворения яичка не только требуется, чтобы оно было смочено семенем, но и необходимо, чтобы один или несколько живчиков проникли в желток через вышеупомянутую яичную воронку. Только тогда начинается развитие яйца, заключающееся в том, что известная часть желтка начинает делиться на небольшие ячейки, из которых потом слагается продолговатая кожистая пластинка – первый зачаток зародыша.

Однако, как мы уже видели, оплодотворяется далеко не вся икра, выпускаемая рыбою во время нереста; можно даже принять, что в большинстве случаев начинает развиваться меньшая половина, а другая сгнивает и погибает без всякой пользы. Главная причина тому именно неравномерное распределение самцов между самками, но не менее важно и то обстоятельство, что икринка сейчас же начинает всасывать воду через поры белочной оболочки, быстро разбухает и затрудняет вхождение живчика через яичную воронку, которая, вероятно, разрывается. В свою очередь, и подвижность живчиков крайне ограничена и продолжается иногда не более 2–3 минут, так что даже при одновременном излиянии молок и икры все-таки многие икринки не успевают оплодотвориться. Вообще можно принять, основываясь на опытах искусственного оплодотворения, что при обыкновенных условиях оплодотворяется не более половины всего количества икринок. Но оплодотворенная икра имеет такое множество врагов между птицами, также рыбами, водяными насекомыми и прочими подводными обитателями, что навряд ли девять десятых всех зародышей достигает своего полного развития в молодых рыбках, лишенных желточного пузыря, которые уже могут избегать многих опасностей.

Зародыш, смотря по температуре воды, развивается более или менее быстро; в общих чертах можно принять за правило, что чем позже какой-либо вид выметывает икру, тем скорее из нее выклевывается молодая рыбешка: зародыш линя, который, как было упомянуто, играет при наступлении жаров, освобождается из яйца через три, даже два с половиною дня. Обыкновенно деление той части желтка, которая называется образовательной, начинается через несколько часов после оплодотворения; затем в скором времени обособляется зародыш, тело его удлиняется, задний конец увеличивается все более и более и образует хвост, а передний утолщается и образует голову, на которой показываются две точки – зачатки глаз; зародыш растет за счет остальной части желтка, наконец, освобождается из оболочек и выходит из яйца.

Первое время молодая рыбка бывает снабжена довольно объемистым пузырем, который выставляется из брюха и заключает в себе часть питательного желтка, не вошедшего в состав зародыша, и сначала имеет только отдаленное сходство со взрослой рыбой: голова ее отличается несоразмерной величиной; у многих сазановых рыб по выходе из яйца нет ни пищеварительного канала, ни заднепроходного отверстия, недостает непарных плавников, а у некоторых даже грудных. Но с возрастом желточный пузырь всасывается, развиваются органы, бывшие в зачатке, образуются недостающие, изменяются относительные размеры тела – и зародыш постепенно приобретает почти полное сходство с родителями. Пока существует желточный пузырь, молодая рыбка не нуждается ни в какой пище и едва

может двигаться; только по исчезновении его она делается более проворною и отправляется отыскивать и добывать себе нужный корм. Понятно, икра во время своего развития и молодая рыбка, выклюнувшаяся из яйца, подвергаются несравненно большему истреблению, чем впоследствии, когда молодь уже в состоянии спастись бегством от своих многочисленных неприятелей. Мы уже упоминали, в каком множестве истребляется икра и молодь не только рыбами, особенно после нереста, но и птицами, в каком количестве остается икра на мели и высыхает. Но кроме этого, как икра, так и молодь имеет еще множество других врагов, которые становятся безопасными только впоследствии. Сюда принадлежат лягушки, особенно зеленые, еще более плавунцы и другие водяные насекомые; в мелких заросших озерах они даже бесспорно составляют самых главных истребителей икры и мальков карасей, которые по своему исключительному местопребыванию менее других рыб подвергаются нападению рыб. Нередко плавунцы поедают или портят вполне сформировавшихся карасиков, укрывающихся в няше, где сравнительно редко делается добычею водяной птицы, и рыбаки без основания считают водяных жуков одними из самых опасных врагов этой рыбы, которая вообще не отличается проворством и часто не в состоянии спастись от них бегством. Менее значительный вред карасям приносят тритоны, называемые здесь водяными ящерками, которые вообще здесь гораздо малочисленнее, чем на западном склоне Урала; в черноземной равнине они уже вовсе не встречаются, но и в Урале оба вида (*Triton cristatus* и *taeniatus*) заметно малочисленнее четырехпалого тритона, который принадлежит к недавно открытому роду *Isodactylum*. Весьма возможно, однако, что и *Isodactylum* питается карасьею икрой, так как очень часто встречается вместе с этой рыбой в больших ширфах и глубоких разрезах.

Рис. 18. 4-дневный зародыш костистой рыбы

(щуки) < br >

Рис. 19. Зародыш костистой рыбы (*Blicca*) перед

выходом из яйца

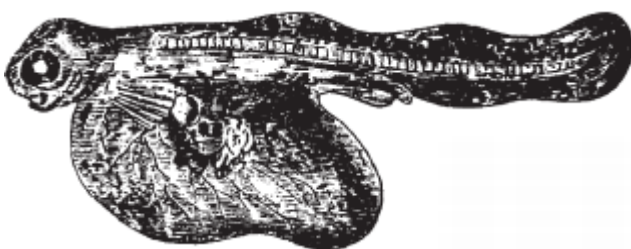

Рис. 20. Молодая рыбка (форель),

вылупившаяся из яйца

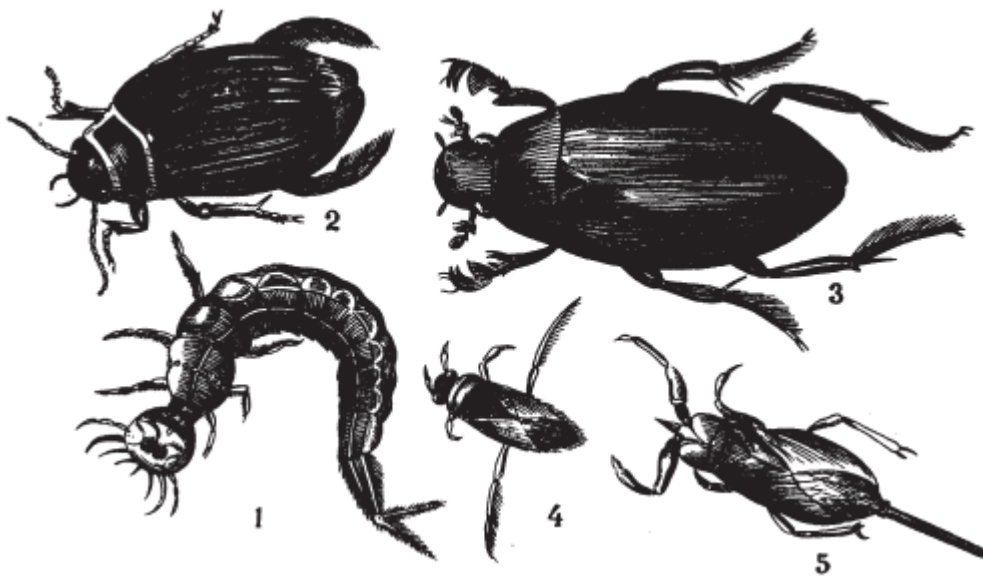
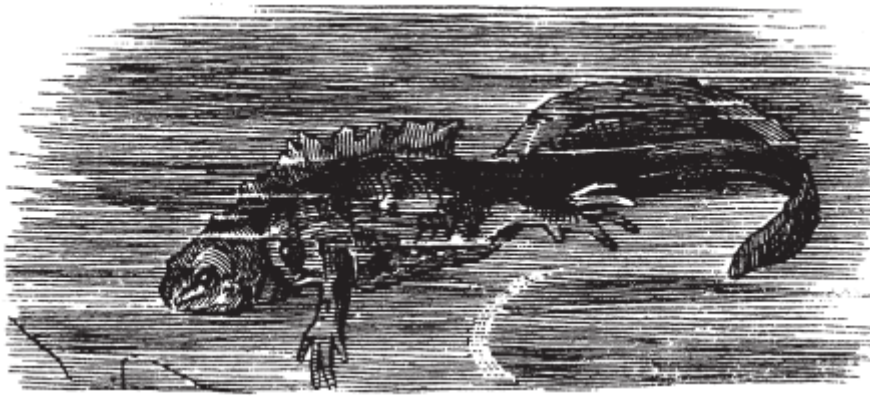

Рис. 21. 1.

Личинка плавунца. 2. Плавунец. 3. Водолюб. 4. Водяной клоп. 5. Водяной скорпион

Таким образом, хотя в заросших и полужаросших озерах карасья икра и молодые карасики не преследуются хищными рыбами, которые уже не могут жить в таких водах, но сильно истребляются всевозможными гадинами, беспрепятственно размножающимися в карасьях озерах. Участь молоди этой рыбы в более глубоких и чистых бассейнах, где уже живут щука и окунь, еще незавиднее: наверное, в скором времени более девяти десятых детвы делается добычей этих хищников, не щадящих и взрослых карасей. Вот почему последние встречаются в большом количестве только в тех озерах, где не встречается этих главных врагов, которые е пользуются их неповоротливостью и находят в них самую легкую добычу. Молодые чебаки, несмотря на более открытый и общественный образ жизни, в скором времени становятся такими шустрými и бойкими, что успевают иногда избежать опасности, между тем как молодые караси едва ли не делаются со временем еще более вялыми и ленивыми. В этом отношении они превосходят даже молодых линей. Взглянув на толстое, неуклюжее туловище карася, желудок которого почти во всякое время года битком набит зеленью водорослей, станет понятно его вялость и неповоротливость, обуславливаемые его растительной пищей: карась не нуждается в быстроте движений, так как корм у него, как говорится, под носом. Зарывшись наполовину в няшу, выставив один хвост, копается он в вязком иле и в этом положении чаще других рыб подвергается нападению различных водяных насекомых, мелких паразитных рачков, а также и хищных рыб. Только по вечерам и ночам карась выходит отсюда и лакомится молодыми стеблями водяных растений, особенно камыша. В это время всегда можно услышать то характерное чавканье и чмоканье, по которому нетрудно отличить его от других рыб, и только в это время попадает он в сети. На зиму частью по недостатку пищи, но еще более по недостатку воздуха в мелких, почти промерзших озерах карась б. ч. вовсе зарывается в няшу и остается там с декабря до конца или середины февраля, т. е. в продолжение периода наиболее толстого льда. Эта т. н. спячка его, которая у других рыб в Зауральских озерах замечается довольно редко и не каждый год, так как они продолжают кормиться всю зиму, и его растительная пища делает понятным, почему карась растет несравненно медленнее всех других озерных рыб.

cristatus)

Рис. 22. Тритон (Triton

Ближайший родственник карася линь, обитатель проточных озер и тинистых протоков, несмотря на свою неподвижность, подвергается уже меньшим опасностям. Очевидно, тут уже не может быть такого изобилия водяных насекомых и прочей гадины. Затем все молодые линьки, которые после окончания процесса всасывания желточного пузыря расходятся в разные стороны, первое время таятся в густой чаще водяных растений, преимущественно горошницы, также в водяном мхе и не выходят оттуда на чистые места озера или протока. Молодые караси по вечерам и утрам выходят в осоку, к мелким берегам; линьки – никогда и потому редко делаются добычей шук, тем более что последние имеют даже некоторое отвращение к этой рыбе. Как бы то ни было, известно достоверно, что жерлицы, наживленные линьками, щука, даже отчасти и окунь берут крайне редко и неохотно. Объяснение этого тем, что лини сильно отзываются тиной, встречает сильное противоречие в этом обстоятельстве, что карась нисколько не уступает линю в этом отношении.

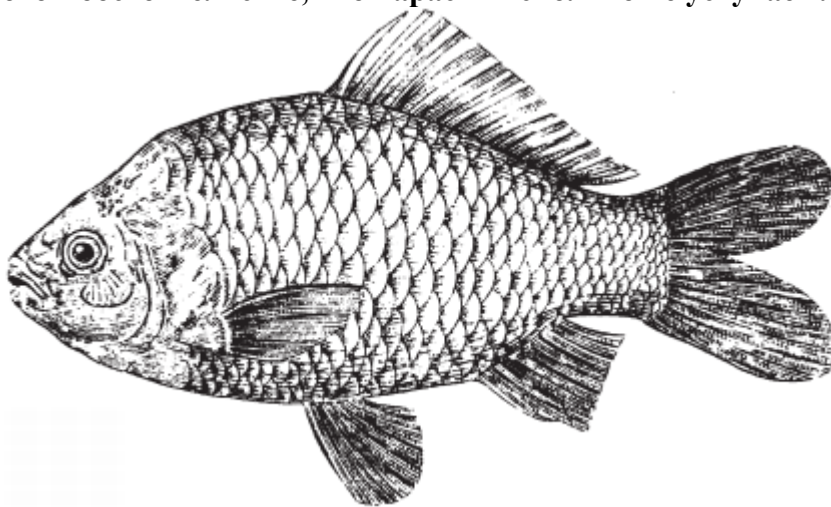

Рис. 23. Карась

Главные враги молоди линей – мелкие полторагодовалые, даже нынешние налимы, которые с января по июнь достигают величины 3–4 в ершков. Все они выбирают своим местопребыванием те же самые протоки, речные русла в пруде или озере и хотя придерживаются иловатых мест, но предпочитают более быстрое и каменистое течение. В камнях или зарывшись в ил, налимы проводят весь день и выходят оттуда только по ночам. На ближних перекатах они ловят молодых ельцов и язей, которые еще довольно долго – до конца июля – остаются в речках и истоках, а в ближайших глубоких курьях охотятся за линьками, и гораздо успешнее, чем за первыми. Молодые ельцы и язи несравненно проворнее линей и притом находятся в движении почти всю ночь, так что налиму, не отличающемуся большой живостью, трудно застать их врасплох. Прочие рыбы очень редко встречаются в текущей воде: весь окунь, карась, чебак, щука, ерш, как мы уже видели, постоянные обитатели

озер. Последний, впрочем, чаще всех этих видов встречается вместе с налимом – именно под лавдами; он тоже любит холодную воду, и вот почему в жаркое время года во всех проточных озерах налимы встречаются б. ч. под этими тряпинами, которые очень долго предохраняют воду от нагревания.

Налим, собственно говоря, житель севера, и это доказывается временем его нереста, бóльшим ростом на севере, чем на юге, и его местопребыванием. Летом он нередко встречается поблизости родников, где и зарывается между камнями в том вязком иле, который вообще характеризует ключи. Летние жары, видимо, не благоприятствуют налиму, и отсюда понятно, почему его нет во многих степных протоках и речках, берега коих лишены древесной растительности. Тень и прохлада необходимы налиму: он не любит температуры свыше $15\frac{1}{2}^{\circ}$ и потому с наступлением теплых июньских дней всегда забивается в хворост, в норы, вырытые течением в берегу, также в камни, трещины и расселины скалистого берега, зарывается в ключевую няшу или, наконец, укрывается под обнаженными корнями подмытых деревьев и нависшими берегами. В Петровки и начинается главная летняя ловля налима. Она, конечно, не может идти в сравнение с осенним ловлением и зимнею ловлею его в морды, тем более что ограничивается более мелкою рыбою, но все-таки довольно значительна. Притом Петровки – самое глухое время для рыболовства, и по этой причине и настоящие рыбаки не брезгают щупаньем налимов, забившихся в камни и норы, откуда вытаскивают их просто руками или (именно из береговых расщелин) зацепляют особыми крючьями. Гораздо реже употребляется острога, но ею, особенно далее к северу от Екатеринбурга и в это время года, добывают громадных налимов, которых, конечно, не только не удержишь, но даже не обхватишь руками.

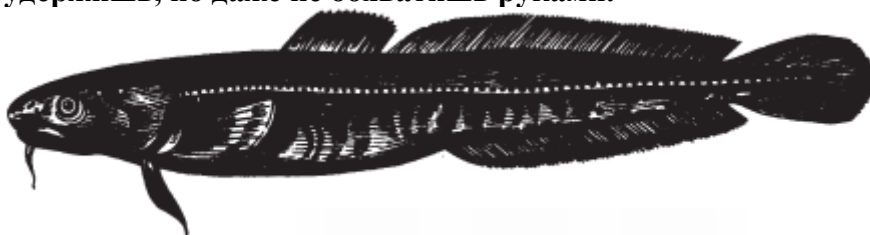

Рис. 24. Налим

Вообще в последних числах июня в озерном рыболовстве наступает полнейшее затишье. Вся рыба укрывается от палящего зноя в самые глубокие ямы или прячется под тень лавд, откуда точно так же мудрено загнать ее в ботальные сети. Только по ночам или зорям выходит она на более мелкую и открытую воду; клев ее почти совершенно прекращается, чему еще более способствуют каждодневные грозы. Один ерш иногда ловится в большом количестве в прорубях на лавдах, но этот клев весьма неправилен и подвержен многим случайностям. Но не только взрослая рыба удаляется в более холодные части озера; к этому времени б. ч. молодичебака, окуня, в свою очередь, укрывается на глубине или уходит под лавды, куда за ними следуют щурята, прошлогодние окуньки. Днем озеро кажется почти безрыбным, и только перед закатом вся рыба выходит покормиться и погулять на широком просторе: стаи мальков выходят из своих убежищ, за ними гоняется мелкая хищная рыба, из камышей выплывают вереницы уток, утят, гагар, крохалей и крохалят. Всюду плещется и играет рыба, оставляя бесчисленные круги на поверхности, которые не успевают сливаться со спокойной гладью воды. Здесь сигают молодые чебаки, преследуемые щурятами, там выскакивают серебристые ельцы, гоняясь за мошками, булькают язи, хватая мошкару (*Phryganea*), которая во множестве падает в воду, там и сям плещет большая щука. Только в глухую полночь рыба несколько успокаивается, но перед восходом снова на два-три часа выходит кормиться, а затем уже укрывается на целый день.

Так бывает на более глубоких или же хотя и мелких, но лавдистых озерах. В

чистых и неглубоких бассейнах вся рыба в петровские жары подходит к берегам и ищет более холодной проточной воды или уходит в другие, менее открытые озера. Такие летние переходы мы видим в Большом Окункуле, откуда вся рыба переходит в Малый; в Кызылташе, откуда она стремится в Метлинский пруд; в Улагаче [32 - Из Улагача вытекает р. Бишеляк, впадающая в Течу ниже Метлина.] и весьма многих других озерах. Мы уже упоминали, какими массами толпится тогда рыба у берегов замкнутых озер, отыскивая выхода: кипит и бурлит вода, шуршат и гнутся камыши от напора рыбы, которая иногда и вовсе выскакивает на берег. В проточных, но мелких озерах она тогда вся стоит у решетчатых запоров, преграждающих ей путь в реку или исток, и в таком качестве собирается здесь, что ее черпают сачками; иногда даже она ломает забойку и успевает выйти из озера.

Но только в исключительном случае – в крайне сухое и жаркое лето и при сильном пересыхании озера – слишком высокая температура воды оказывает на рыбу вредное влияние и имеет для нее опасные последствия. Рыба ищет проточной воды и приступает к берегам не столько от палящего зноя, сколько для того, чтобы избавиться от бесчисленных паразитов, кишящих в стоячих водах озера. Эти паразиты составляют главную причину мора, который замечается здесь периодически, большею частью в самое жаркое время года. Без всякого сомнения, известный вид, не находя соответственной температуры, или вовсе уходит из озера, или вымирает, но вымирание совершается постепенно, в течение более или менее значительного времени, и легко убедиться, что летний мор рыбы зависит не от жары, как полагают многие рыбаки. Обглоданные жабры и плавники, язвы на теле – все показывает, что главною причиною этого явления служит чрезмерное размножение наружных паразитов, известных в науке под названием рыбоедов.

Эти паразитные рачки – главные враги озерной и прудовой рыбы, бич всех рыбободных заведений. Все остальные паразиты – рыбы пиявки (*Ichtyobdella*), ленточные, реже круглые глисты – не имеют и сотой доли значения этих рачков и не приносят рыбе такого ощутительного вреда. Правда, в некоторых озерах, напр., в Калдахе, Шарташе и многих других, почти вся рыба, всего чаще чебак, окунь и карась, глистовата [33 - Особенно замечательно в этом отношении оз. Калды, в котором весь чебак и большинство других рыб заключают по два-три и более ленточных глистов.], во многих случаях вовсе лишена икры и растет крайне медленно, но самый мор несомненно происходит от карбоедов, окунеедов и некоторых других родов замечательного отряда рыбоедных раков, которых рыбаки обыкновенно называют рыбьими вшами.

Название это дается, впрочем, исключительно карпоеду (*Argulus*), который по форме своего круглого зеленоватого тела представляет некоторое сходство с вошью, притом на озерах гораздо обыкновеннее прочих родов рыбоедов, и встречается почти на всех озерных рыбах, особенно на карасе, который потому чаще других видов подвергается внезапному мору. В противоположность другим паразитным рачкам карпоед ведет свободный образ жизни и плавает очень быстро, что, конечно, дает ему большое преимущество перед остальными рыбоедами, которые большую часть своей жизни неразрывно связаны с питающею их особью, и объясняет его многочисленность и громадность вреда, им приносимого.

Карпоед (*Argulus foliacens*)

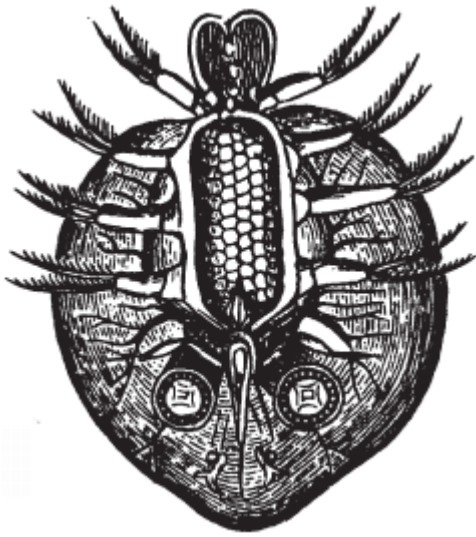

Рис. 25. Снизу

Рис. 26. Сверху

Лернеоцеры

Рис. 27. *Lerneocera surpinasea*

Рис. 28. *Lerneocera gobiana*
Окунеед (*Aechterescarum*)

Рис. 29. Самка

Рис. 30. Самец

Рис. 31

Карпоеды прежде всего обгладывают плавники рыбы, так что последняя почти лишается возможности движения, поворачивается кверху брюхом, всплывает наверх и делается затем окончательной добычей этих мелких хищников, которые десятками, сотнями впиваются в тело беззащитной жертвы и оставляют ее только при последнем издыхании. Большая часть снулой рыбы носит на себе явные следы нападения карпоедов, но кровавые язвы на теле производятся исключительно лернеоцерами, которые внедряются в мускулы рыбы и служат, в свою очередь, причиной ее смерти. Меньшее значение имеют ергазины, живущие на жабрах, особенно шук, также окунееды, не редкие в полости рта окуня.

Редкий год обходится без более или менее значительного мора в каком-либо из озер Зауралья. Чаще всего это случается в травянистых и мелких карасьих озерах, которые вообще отличаются огромным количеством мелких животных организмов, всего реже в проточных бассейнах, тем более реках. Обыкновенно мор начинается в самые жары – в Петровки и в начале июля – и продолжается всего несколько дней,

редко более недели; почти всегда мрет какой-нибудь один вид рыбы, б. ч. карась, окунь, реже чебак, налим, щука и другие. Притом мор начинается исподволь, уснувшая рыба живо подбирается чайками, утками, и иногда дело ограничивается этим, и мор проходит совершенно не замеченным. Но годами он принимает невероятные размеры, и в какие-нибудь два-три дня жертвою его делается громадное количество рыбы. Озеро белеет от множества трупов; тучи рыболовов, воронья, сотни коршунов вьются над озером, добывая полумертвую рыбу; даже жадная ворона от избытка брезгает снулой; сотни, тысячи, целые груды трупов выбрасываются волнением на подветренный берег озера и, сгнивая, заражают окрестности нестерпимым зловонием. Иногда пропадает почти вся рыба какого-либо вида, некоторые озера делаются почти безрыбными, но до окончательного обмеления и зимнего вымерзания озера; неиссякаем его жизненный источник: через два, три, много четыре года в нем рыбы более прежнего.

VI

Летняя ловля рыбы не имеет большого значения. С первых чисел июня, с наступлением жаров, вся крупная рыба уходит на глубину, и клев ее постепенно ослабевает. Лишь изредка, гуляя по ночам или гоняясь за рыбешкой, заходит она в протоки и заливы и попадает здесь в морды или тесный лабиринт котцов; но в это время года озера редко навещаются рыбаками, и пойманная рыба не всегда достается последним. Целые выводки уток, гагар, лысух, привлекаемые скопившейся рыбой, заходят в котцы, пожирают последнюю, но затем, не имея возможности ни выплыть, ни вылететь отсюда, погибают голодною смертью. На уединенных камышистых озерах, изобилующих водяной птицей, нередко случается находить здесь десятки различных утят, а гагары и лысухи как-то ухитряются заползти и в самые морды. Вообще, как эти последние, так и котцы играют второстепенную роль в летнем рыболовстве.

Еще ранее кончается ловля тоже знакомыми нам фитилями. Притом этот снаряд всюду в небольшом употреблении, и его можно встретить только на уральских реках, и то преимущественно в Оренбургской губ. Лишь изредка ловят им запоздавших ельцов и язей, которые иногда недели две-три проводят в озерах, дающих начало речкам, и только в начале лета скатываются обратно – в большие и глубокие озера, где проводят большую часть года.

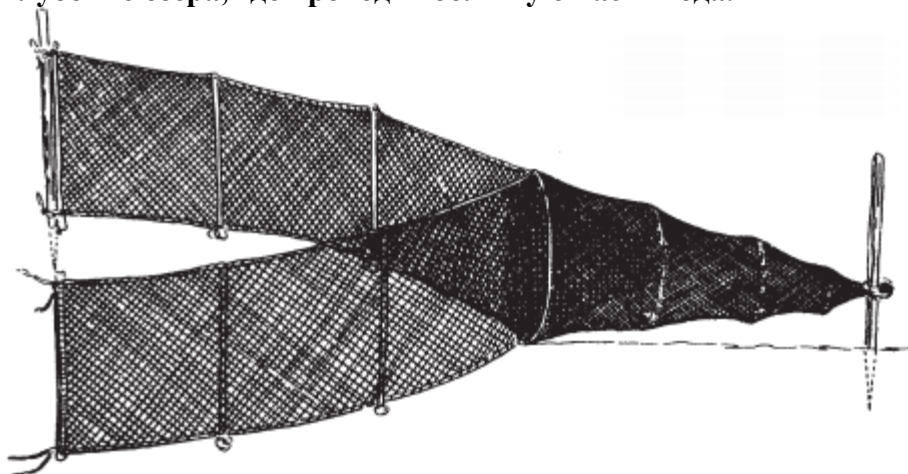

Рис. 32. Фитиль

Настоящая летняя ловля – ботанье – не менее оригинальна, чем ловля котцами, и также всего более распространена на Зауральских озерах. В России она известна только местами – на озерах северо-западных губерний и в низовьях южнорусских рек. Этот способ ловли основан на том, что рыба очень боится всякого сильного

звук, который притом, как известно, приобретает в воде необычайную силу, и бросается стремглав в противоположную сторону, где ее ожидает мережа с двойным рядом сетей. Одним словом, рыба загоняется в сеть. Главное орудие при ботанье – бот или бóхало, на Чудском озере известное под названием мшаги, на юге России – ботва. Это деревянный или железный колокол, насаженный на длинную и тонкую жердь; при ударе им спертый воздух производит такой оглушительный звук, что в тихую погоду ботанье слышно за несколько верст; потрясающий шум от этих ударов бывает еще поразительнее в воде, что можно испытать, нырнув в то время, когда действуют этим несложным снарядом: если опыт сделать шагах в десяти от ударяющего, то для человеческого уха даже мучительно выносить подобное сотрясение слуховых органов.

Рис. 33. Ботанье

Ловят ботальными мережа ми почти всегда по утрам и вечерам: в полдень только линь и карась, реже щука делаются добычей рыбака. Всего более попадает рыбы около восхода и перед закатом солнца, когда красноперый язь, пестрый окунь, серебристый чебак и вообще вся крупная рыба выходит кормиться из глубоких ям озера в травянистые курьи и к береговым лавдам. В тихую погоду вы часто услышите, приближаясь к озеру, какой-то странный отдаленный гул – это «уркает ботало». Подъезжаете ближе, все сильнее и сильнее слышится это урканье, но рыбака все не видно; лишь зоркий проводник указывает вам на другом берегу широкого, чуть не пятиверстного озера едва чернеющую точку – это утлый челнок с рыбаком. Но шум прекращается, точка быстро растет, вы уже видите, как лихой гребец, стоя на ногах, несется стрелой; с неподражаемой ловкостью гребет он, быстро перекидывая весло из руки в другую: одно неверное движение, порыв ветра, и легкий бат, скорее корыто, нежели лодка, неминуемо должен опрокинуться, а между тем есть мастера, которые могут грести так и в довольно ветреную погоду. Вот он наконец весь на виду – в сотне-другой саженьях, тихо вливается в камышистую курью, осторожно обметывает густую траву неподалеку от берега, отъезжает на несколько десятков шагов, и с первым ударом ботала стая испуганных селезней подымается столбом из камышей, делает два-три широкие круга и исчезает у дальнего берега; выводки утят бегут по воде, шлепают неуклюжие лысухи, там и

сям выныривают, даже вылетают гагары, оглушенные шумом; происходит всеобщее смятение. Весь мокрый от брызг, проворно действует рыбак своим орудием, зарыбилась поверхность воды, и широкими кругами расходится зыбь, постепенно сливаясь со спокойною гладью еще неподвижного озера, все ближе и ближе подъезжает он к сети, быстро двигаясь взад и вперед все при помощи того же ботала, наконец ударяет еще несколько раз у самой бичевы мережи, вытаскивает кольца и вынимает рыбу, запутавшуюся своими перьями в редких ячейх наружной сети.

Рис. 34. Котцы

Таким образом ловится исключительно самая крупная рыба, чаще всего огромные лини, которые почти никогда не покидают глубоких тинистых заливов, зарастающих горошницей, лопухами и другими водяными растениями, реже карась и щука, большую часть мелкая и средняя. Иногда в ботальную мережу попадает зараз более двух пудов рыбы, а во время нереста и несравненно более: случается, что сеть с первых ударов боталом тонет на дно от множества добычи. К счастью, ботальные мережи здесь редко употребляют даже при позднем нересте линя и карася: это исключительно летняя ловля, и потому на Зауральских озерах она не приносит такого вреда, как в некоторых местностях России. Можно быть уверенным, что стая рыбы, потревоженная во время метания икры, никогда, или по крайней мере много лет, не возвратится на прежнее место; множество неоплодотворенной икры погибает без всякой пользы, а кроме того, некоторые рыбы (напр., лещ), не выметав икры вовремя, подв ергаются особой болезнью, известной под названием гнилой икры, болезни, которая в большинстве случаев, за исключением осетровых рыб, у которых разлагающаяся икра постепенно всасывается организмом, имеет смертельный исход.

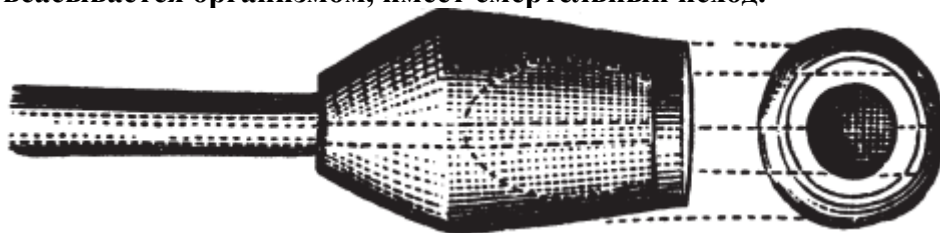

Рис. 35. Ботало

Но, говоря относительно, в Петровки и в первую половину июля летний лов рыбы весьма незначителен, и потому в это время на бызрыбье не брезгают ловлею даже

такой мелкой рыбы, как озерный гольян (*Phoxinus phoxinus* Pall), который нерестится позже всех рыб в первых числах, в уральских озерах даже в середине июля и ловится тогда в большом количестве.

Озерный гольян представляет некоторое сходство с обыкновенным и относится к одному роду с последним, но вместе с тем имеет и значительные отличия. Между тем как брусковатое туловище речного гольяна (*Phoxinus laevis*) покрыто крайне мелкою, почти неприметною чешуею (откуда, разумеется, произошло это название), яркими цветами, особенно во время нереста, – озерной гольян заметно сжат с боков, имеет гораздо более крупную чешую, менее выпуклый нос и далеко не так красив. Спина у него темно-голубовато-зеленая, бока золотистые, плавники оранжевые, изредка красноватые, и красноты на брюхе не бывает у него даже во время нереста. Кроме того, он значительно более речного и в некоторых озерах при благоприятных условиях достигает одной четверти длины и четверти фунта весу.

Так же отличны образ жизни и распространение озерного гольяна. Он постоянно живет в мелких мясистых озерах, где является почти всегдашним спутником карася, и большею частию держится на дне, а на зиму совершенно зарывается в ил; движения его довольно медленны и вялы, пища состоит не из насекомых, а водорослей, и желудок постоянно набит зеленой грязью. Несмотря на свою неприхотливость в отношении качества обитаемой им воды, он засыпает, однако, весьма быстро и летом портится едва ли не скорее всех других рыб. До сих пор местопребыванием озерного гольяна считалась Восточная Сибирь, но в Зауральских озерах от Петропавловска до Златоуста и, вероятно, еще южнее он принадлежит к числу весьма обыкновенных рыб и встречается как в горных, так и степных озерах, но в России на западном склоне хребта его, по-видимому, нет вовсе, так что распространение речного гольяна гораздо обширнее.

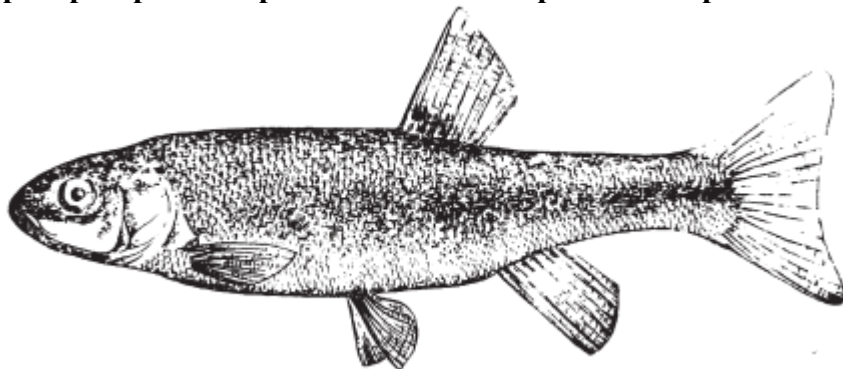

Рис. 36. Гольян

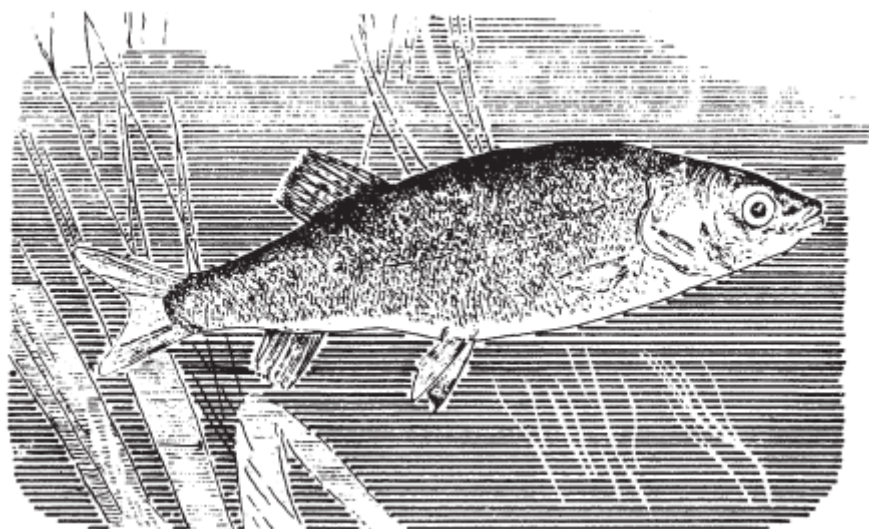

Рис. 37. Озерной

ГОЛЬЯН

В мелких степных озерах Шадринского и Челябинского уездов озерной гольян, по-видимому, гораздо многочисленнее, чем в уральских, что доказывается тем, что он и в этих последних выбирает самые мелкие и няшистые. По слухам, он действительно весьма обыкновенен в озерах степной полосы.

Во время нереста озерной гольян собирается огромными стаями и массами приплывает к берегам или лавдам, входит в самые незначительные заливы и здесь выметывает свою довольно многочисленную икру. В таких курьях, тоже в промежутках прибрежных лавд, расставляют самые частые морды, которые, как сказано выше, плетутся из тонких ивовых прутьев, в виде кувшина со вставным горлом: иногда в одну морду набивается до пуда этой мелкой рыбы. Изредка, и то самые крупные, гольяны, впрочем, попадают в мелкоячеистые и двухпалечные мережи вместе с карасями, но большею частью они проходят беспрепятственно через ячей второй сети. Ловлею гольяна занимаются исключительно на небольших уральских озерах, где местами он составляет самую многочисленную, почти единственную, породу рыб. Таковы Семискуль, Арыткуль, неподалеку от знакомого читателям Иткуля, также Багаряк, Ямское и многие другие небольшие бассейны. На севере Пермской губернии в окрестностях Петропавловского завода есть даже небольшое озеро, населенное одними гольянами и называемое Гольянским; жители этого завода за недостатком другой рыбы ловят его в очень большом количестве и даже сушат и маринуют. В другое время года гольян ловится только в начале сентября, в листопад.

Лов гольяна продолжается недели две – до середины июля; судя по всему, нерест его кончается не ранее как в неделю и совпадает с самою высшею летнею температурою воды, которая с Ильина дня, т. е. 20 июля, начинает быстро понижаться.

Около этого времени в жизни вообще всех обитателей озера также происходят весьма резкие изменения. Огромные стаи молодого чебака и окуня, которые уже достигли величины около вершка, чаще и чаще выходят из-под лавд и камышей к чистым берегам озера. Сюда привлекает их бесчисленная мошка, черною корою покрывающая кусты, всю траву на берегу. Темными тучами подымается она в воздух, относится ветром и несчетными массами падает в воду. Нигде, даже на севере, я не видал такого необычайного множества этих мелких насекомых, как на озерах Екатеринбургского и Шадринского уездов.

Обилие мошки, также и других насекомых, особенно мошкары (*Phryganea*) и поденки (*Ephemera*), которая, впрочем, падает здесь далеко не в таком количестве, как на некоторых реках Средней России, и отличается своею большею долговечностью, также постепенно возрастающая свежесть воды постепенно привлекают к берегам и другим, уже взрослых рыб, которые до того времени скрывались на глубине или держались под лавдами и трясинами. Язи как бешеные хватают добычу, стаи ельцов, ярко сверкая белизною, плавают на поверхности. По тем же причинам молодь этих рыб покидает речки и протоки и окончательно входит в озеро. Выход мелкой рыбы, по преимуществу чебака, имеет влияние и на других рыб, даже водяных птиц. Хищные окунь и щука, в свою очередь, все чаще и чаще встречаются на мелких местах; вслед за молодью перемещаются из камышей поднявшиеся утки и лысухи, собирающиеся все в большие и большие стада; сотнями, тысячами плавают они неподалеку от берега; тучи крачек и рыболовов, вереницы турпанов и гагар указывают опытному рыбаку, где стоит громадная стая мелкого чебака, а следовательно, и крупная рыба. В августе самый разгар ловли ботальными мережами, чаще и чаще попадает рыба в морды, начинается клев окуня, добычливая ловля щук на жерлицы и дорожки. Реки и протоки совершенно пустеют; в конце лета даже налим и пескарь переходят из озера, и только гольян, также голец и веретей, столь обыкновенные в прудах и озерах Средней и Южной

России, по-видимому, вовсе не покидают проточных, вернее, текучих вод. Веретя (*Cobitis taenia*) еще изредка встречается в заводских прудах, голец (*Cobitis barbata*) – никогда; но в реках и протоках оба вида крайне многочисленны: всегда можно усмотреть гольцов, неподвижно приткнувшихся в камнях; в мелких, светлых заливах ясно различишь тонких полосатых «водяных ящерок», напоминающих щурят, а в иле часто замечаешь их ходы. Во всякой незначительной речке можно наловить множество этих рыб недотками, но при изобилии другой рыбы только первый изредка употребляется в пищу; в большинстве случаев голец считается поганой рыбой, а веретя, как показывает вышеприведенное местное название, даже не считается рыбой. Что же касается обыкновенных вьюнов (*Cobitis fossilis*), то, сколько известно, они вовсе не встречаются в озерах и даже присутствие их в небольших речках Каслинского Урала весьма сомнительно. Впрочем, по свидетельству некоторых лиц, заслуживающих полного доверия, он водится в окрестностях Екатеринбурга, и очень может быть, позднейшие исследования покажут, что вьюн принадлежит к числу рыб, весьма недавно перешедших или случайно перенесенных в зародыше через Уральский хребет. На западном склоне Урала, например в Уфалейской, Полевской даче, они весьма обыкновенны, но в пищу никогда не употребляются.

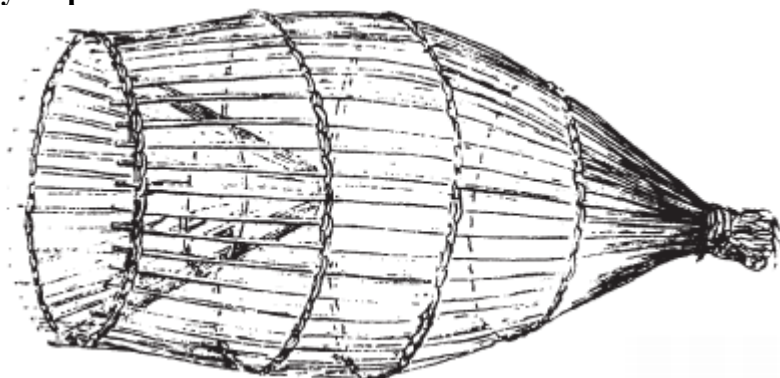

Рис. 38. Морда

Не употребляется в пищу и стерлядь, которая, как уже было сказано, пересажена в озера из Уфы и Чусовой и изредка попадает в морды [34 - См. Миддендорф. «Сибирская фауна»], расставленные весной в каменистых речках Каслинского Урала, где она, по-видимому, нерестится. По крайней мере, это можно заключить из того, что рыбакам попадаются и очень небольшие экземпляры. Во всяком случае, навряд ли в какой-либо местности России можно найти такую местность, как Зауральские проточные озера, которая бы могла быть более пригодной для искусственного разведения этой ценной рыбы, которая известна здесь только в мороженном виде привозная из Оби. Очень может быть, что при употреблении крючковой снасти окажется, что стерлядь вовсе не так редка, как это кажется с первого взгляда.

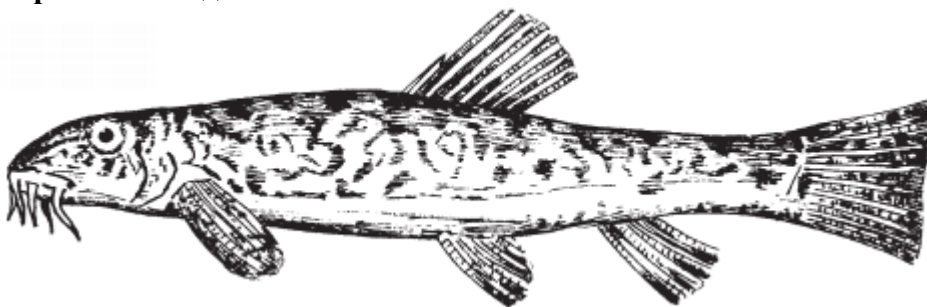

Рис. 39. Голец

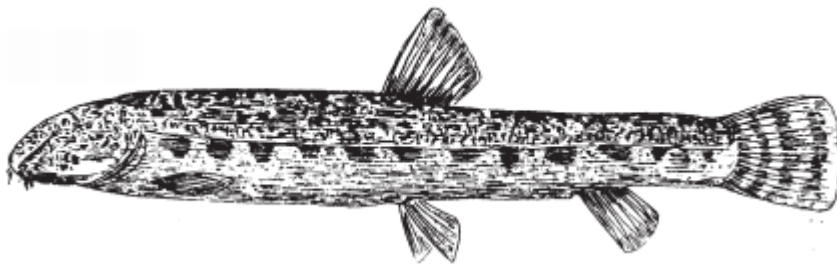

Рис. 40. Веретя

Рис. 41. Вьюн

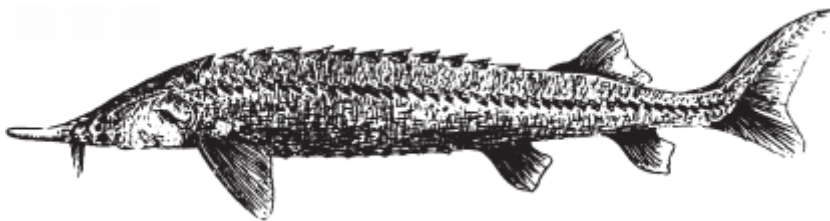

Рис. 42. Стерлядь

Рассмотрим кстати и тех рыб, которые хотя и не принадлежат к рассматриваемым нами озерам, но встречаются в некоторых зауральских реках или в верховьях речек западного склона. К первым принадлежат: тальмень, нельма, хариус и, может быть, бычок; ко вторым – уклейка и голавль.

Тальмень (*Salmo taimen*), местами «лень», – рыба чисто сибирская, вовсе не известная в России, где ее заменяет близкий к ней вид форелей – кумжа (*S. trutta*), называемая в Уфимской губ. лохом или красулей. Впрочем, судя по некоторым данным, этот вид постепенно проникает и в Россию через Ледовитый океан*. От последнего вида тальмень отличается главным образом своим большим ростом, так как в некоторых речках Верхотурского уезда, напр. Какве, Сосьве, Лозьве, он достигает 11/2 и даже 2-х пудов весу. В Екатеринбургском уезде тальмень вовсе не встречается, разве в среднем течении р. Исети, но в Миясе, уже в Челябинском уезде, он не составляет редкости и легко, может быть, заходит отсюда и в озеро Аргизи, через которое протекает эта каменистая и быстрая река. Быстрота течения и холодная вода – необходимые условия для распространения тальменя, и этим объясняется отсутствие его в небольших речках Екатеринбургского Урала, впадающих притом в степные реки, каковы Теча и часть Исеть. На севере, в реках Верхотурского уезда, эта рыба имеет довольно большое значение и (местами) вместе с хариусом принадлежит к числу наиболее обыкновенных, а иногда, как в Вагране (Богословский Урал), бывает почти единственным видом. Большею частью тальмень ловится там на дорожку (см. далее), изредка бредниками и на большие крючки, наживленные рыбой, лягушкой или несколькими крупными земляными червями.

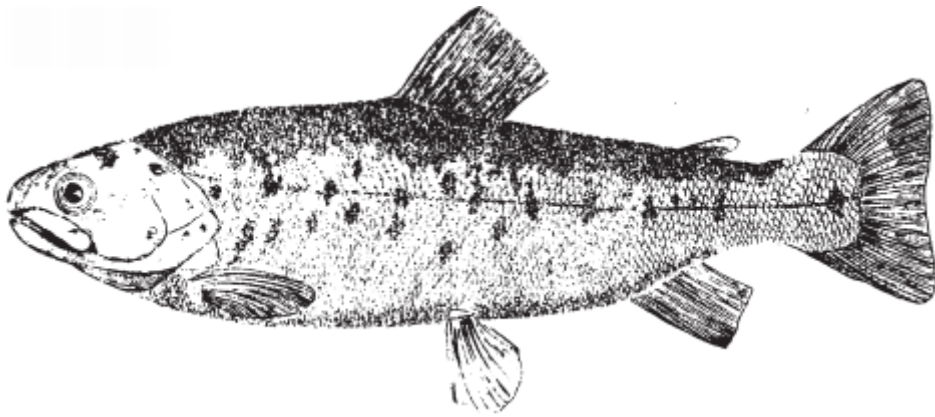

Рис. 43. Форель

Почти такое же распространение имеет нельма и хариус. Нельма, собственно наша белорыбца, тоже встречается в Миясе и во многих реках Верхотурского уезда, только никогда не заходит так далеко вверх по рекам, как тальмень, и не любит каменистого и очень быстрого течения. В низовьях Сосьвы и Лозьвы нельма осенью, когда после нереста скатывается вниз по реке, ловится в большом количестве, т. н. сежами, в сущности сачками, расставленными в отверстиях изгороди, преграждающей всю реку или только наиболее глубокую часть ее. Наверху устраивается сиденье, которое, конечно, и дало название эт ому снаряду; рыбак держит в руке симу – бечевки, привязанные внутри сачка, и при малейшем прикосновении рыбы мгновенно с помощью крайне простого механизма приподымает сачок. Чуткая и бойкая рыба редко успевает выскочить из этой западни.

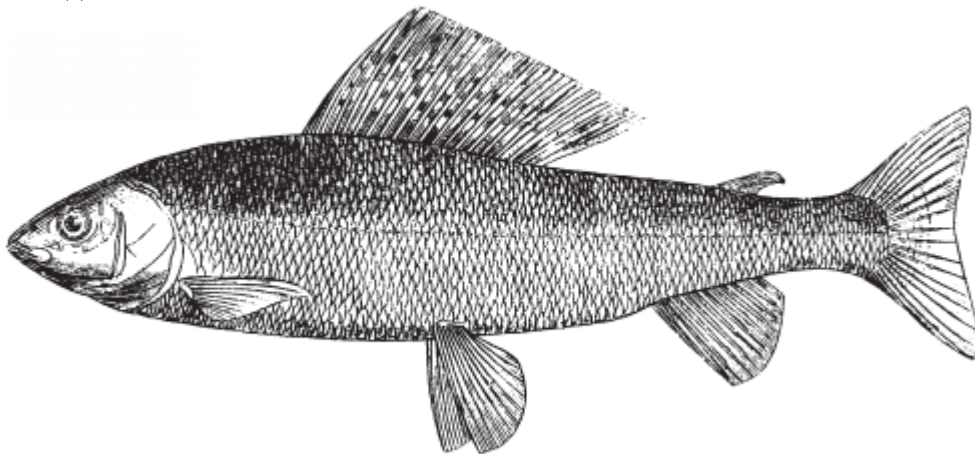

Рис. 44. Хариус

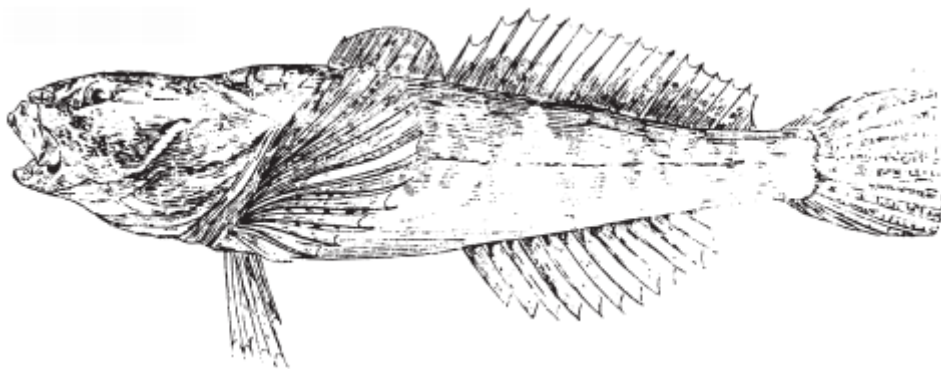

Рис. 45. Бычок

В противоположность этим двум рыбам, поднимающимся на более или менее дальнее расстояние из нижних течений рек, хариус – исключительный обитатель самых верховьев быстрых и каменистых рек, речек и даже ручьев и местами в

Верхотурском уезде, а также и почти во всех реках западного склона встречается в огромном количестве, так что в необитаемых частях Урала его ловят самым первобытным способом – рубахами и штанами, завязанными на конце веревочками. Но вообще это весьма осторожная рыба, и ловля ее довольно затруднительна. В Чердынском, Соликамском и Верхотурском уездах хариуса ловят обыкновенно т. н. сырпами, иногда (во время нереста) в морды, реже удочкой или острогой. Ловля сырпом довольно оригинальна. Это небольшая сеть, связанная в виде сачка в 4–5 аршин длины и 1/2 аршина вышины. К нижней бечеве прикрепляют тонкие шесты около 5 аршин, а к верхней – симы. Лов производится всегда на двух лодках вчетвером: гребцы правят лодкой, а другие два рыбака прижимают ко дну шесты и, как только услышат по симе, наверху на палец, что в сеть ткнулась рыба, ослабевают верхнюю тетиву и вынимают сырп из воды.

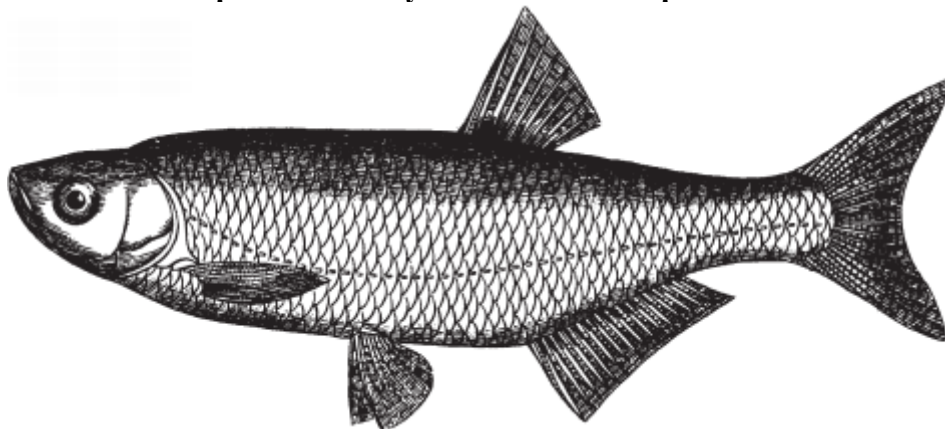

Рис. 46. Уклейка

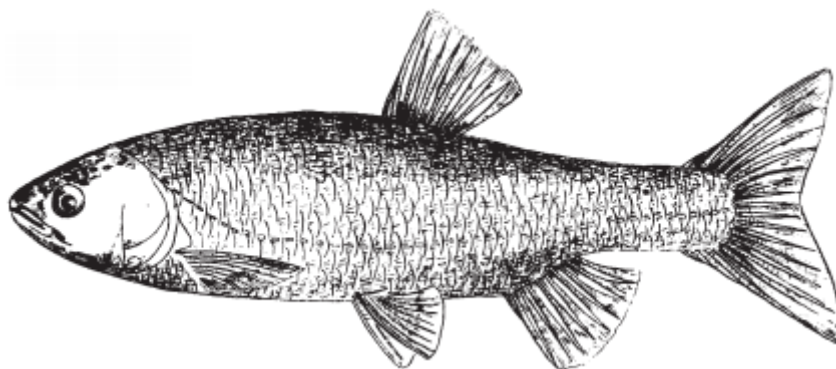

Рис. 47. Голавль

Все другие рыбы встречаются только в реках западного склона, а если и встречаются по ту сторону Урала, то это может объясняться только переходом этих рыб через хребет вышеупомянутым способом – через общие истоки или же перенесением икры. Бычок, иначе подкаменщик, по-видимому, встречается и в Сибири, но в восточной части не он настолько редок, насколько обыкновенен в речках Камского бассейна. По описанию рыбаков, он попадает в Павдинской и Тагильской дачах и даже в Каслинском Урале, именно в речке Вязовке. В притоках Уфы, Чусовой, Вишеры, Косьвы бычок весьма обыкновенен, но в пищу не употребляется.

Точно так же и всем известная в России уклейка – одна из самых обыкновенных рыб наших рек – на восточном склоне принадлежит к величайшим редкостям, а голавль, достигающий в притоках Уфы и Чусовой необычайной величины, здесь уже никогда не встречается. Эта последняя рыба живет, однако, в самых верховьях быстрых и каменистых речек Уфалейского и Полевского Урала и вместе с хариусом принадлежит здесь к наиболее распространенным рыбам.

Вообще фауна рыб всего Зауралья значительно беднее, нежели рыбье население

притоков Камы. Здесь недостает весьма многих других обыкновенных наших пресноводных видов, напр. густеры (*Blicca*), шереспера, подуста, чехони и некоторых других. Рыбы эти, однако, встречаются уже в большем отдалении от хребта, исключительно в Уфе, Чусовой. Собственно восточному склону из сибирских рыб принадлежат только тальмень и озерной гольян.

VII

В середине августа, впрочем, чаще в начале сентября начинаются легкие утренники; постепенно усиливаются они, но еще сильно греет полуденное солнце и дает знать, что еще не кончилось бабье лето. Быстро холодеет вода, бесчисленные мелкие растительные и животные организмы – споры водорослей, инфузорий, коловратки; мельчайшие ракообразные – циклопы, дафнии, впрочем далеко не столь многочисленные, как в прудах и травянистых озерах Средней России, так как, по-видимому, служат главной пищей знакомых нам мормышей (*Gammarus*), – все это мало-помалу погибает, садится на дно и вместе с сгнившими остатками прошлогодних растений образует новый слой ила. Скоро исчезнут и водяные насекомые: один мормыш выходит из-под лавд, подымается со дна, где укрывался в няше; количество его увеличивается с каждым днем и в конце осени, всю зиму и первую половину весны он, бесспорно, служит почти единственной пищей большинства озерных рыб. С каждым днем вода становится все прозрачнее и прозрачнее, в просветлевшей воде озера ясно видны все неровности, малейшие его углубления. Начинается осень и самая добычливая ловля щук, окуней и лученье рыбы.

Не по дням, а по часам растет пернатое население, особенно на степных озерах. Тысячи уток налетают с Далекого Севера, начинается пролет гусей, а затем и казарок; «на море» плавают бесчисленные стаи гоголей, турпанов, крохалей; в камышах и осоках таятся громадные стада уток, особенно кряквовных; озеро иногда чернеет от множества птицы. Вот стая гусей садится на середину озера и осторожно подплывает к голому берегу; низко над водой пролетает орел-белохвостик – и несметная стая лысух, издали казавшаяся темным островом, точно по сигналу, бежит по воде, и далёко-далёко слышится их неуклюжее шле панье. Глухо кричат немые казарки (*Anser arvensis*), пищит мелкая казара-пискулька (*Anser minutus*), сотенными стаями одна за другую пролетая над озером; всюду, на воде и в воздухе, крикают, свистят бесчисленные утки, перелетывающие с одного озера на другое, тысячи рыболовов, крачек с пронзительным криком выются над водою; там и сям каркают гагары, кричит цапля, неуклюже пролетая над озером, а в необъятной выси слышится заунывное курлыканье журавлей, тронувшихся в далекий путь.

Как было сказано, к осени вся рыба собирается на мелкие, следовательно, более кормные места озера и вообще держится у берегов, а в прудах выходит из материка и омутов в полой. В исходе августа крупный окунь жадно берет на малька, всего лучше гольяна, начинается жор щуки. Озеро, безлюдное в июле, начинает понемногу оживляться, но жатвенная страда уже многим мешает выехать на ловлю, и ею занимаются исключительно коренные рыбаки-промышленники или же старики.

Рис. 48. Циклоп

С конца августа, с выходом чебака на чистые места, оба хищника, особенно щука, неутомимо охотятся за мальками. Стаи крупных окуней следуют за каждым передвижением молоди и уже исключительно придерживаются заливов, хотя и довольно глубоких. Тут же стерегут свою добычу и крупные щуки, которые все лето держатся в озерных ямах и речных бочагах. Впрочем, последние редко встречаются в большом количестве и только зимою попадаются в значительном числе в невода: они не любят сообщества себе подобных, всегда ведут уединенный образ жизни, и крупная щука не дает спуска не только мелкой, но и средней. Это обстоятельство очень хорошо известно рыбакам, которым здесь не очень редко приходится вытаскивать крупных щук, заглатавших, иногда наполовину, очень порядочных щурят, взявших на живую жерлицы.

По своему устройству зауральские жерлицы очень мало отличаются от употребляемых в России. Кол, рогулька, крестообразно намотанная на нее бечевка и большой простой (не двойной) крючок – вот и все устройство жерлицы, которая также ставится в курьях, у камышей или тростника, также у неглубоких лавд, под которыми щука лежит по целым часам, неподвижно высматривая добычу. Для насадки обыкновенно употребляется более или менее крупный елец или чебак, изредка окунь с подстриженными плавниками, чаще всего крючок вдевается прямо в спину: это гораздо скорее, а скорость имеет весьма большое значение, так как иные рыбаки ставят жерлицы десятками – до сотни и более. Голодная щука, увидев приманку, стремглав бросается на нее, заглатывает живую, сама себя подсекает, постепенно разматывает бечеву с упругих развилин рогульки, но скоро утомляется и иногда с вывороченным желудком лежит неподвижно на дне, так что при надежной снасти вытаскивается без особых затруднений. Впрочем, очень крупные щуки здесь редки и обыкновенно попадает на жерлицы 2–5-фунтовая рыба. Тем не менее в самый разгар клева щуки опытный рыбак при большом количестве снастей добывает до 5, даже 10 пудов. С раннего утра до поздней ночи расставляет, осматривает и оправляет он свои жерлицы и иногда с одной снимает добычу по 3–4 раза; редкая жерлица остается нетронутой, редкий живец не помят зубами хищника или не сорван с крючка. Последнее обстоятельство много зависит от способа насадки, почему в некоторых местах рыбаки начинают употреблять мешкотную, но более надежную продевку через рот, жабры и спинное перо.

Менее распространена здесь ловля щук на дорожку, весьма употребительная и вместе добычливая на Сосьве, Лозьве и других североуральских реках, где на дорожку берет и хищный тальмень, реже – озерах. Из описания этого несложного снаряда, напоминающего блесну среднерусских рыбаков и волжских бурлаков, легко усмотреть, что он гораздо более пригоден для рек, нежели озер. Как видно из рисунка, дорожка состоит из 2–4-вершков железной, реже медной пластинки с небольшим выгибом на переднем конце, где просверливается маленькое отверстие; на другом конце припаян крючок и привязан кусочек красного сукна или другой материи. Приготовление хорошей дорожки, несмотря на всю простоту ее, требует, однако, большого искусства; при неправильном центре тяжести она плывет не горизонтально, плашмя, крючком книзу, а несколько наискось и неверно колеблется – играет; потому хорошая дорожка ценится рыбаками весьма дорого, и счастливый обладатель таковой не продаст ее и за несколько рублей.

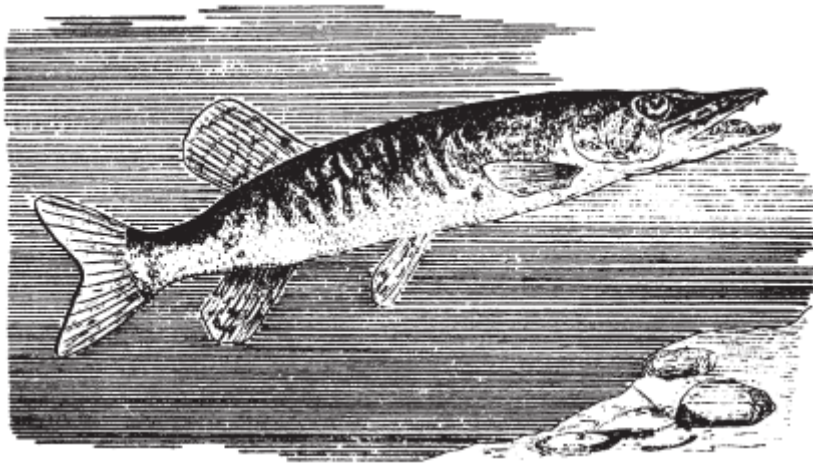

Рис. 49. Щука

Дорóжат всегда с лодки и на ходу: только тогда дорожка принимает некоторое подобие рыбы и обманывает хищников, притаившихся у берега в ожидании добычи. В переднее отверстие продевается короткая проволока, к которой привязывается длинная и крепкая бечевка – до 10 сажен и длиннее, смотря по быстроте течения реки, вообще так, чтобы дорожка плыла на глубине около аршина. Рыбак садится в корму и тихо и мерно гребет, постепенно спуская верев ку; затем, вытравив ее до надлежащей длины, захватывает зубами и закидывает за ухо. Осторожно, едва шевеля веслом, плывет он мимо заливов; мерно колеблется шнурок, передавая свое сотрясение уху – верный признак, что дорожка играет как следует. Мгновенно веревка натягивается и больно режет ухо – это щука схватила с разбега сверкающую приманку; еще мгновение – и рыба подсекается инертивным движением лодки. С большею или меньшею осторожностью вытаскивает ее рыбак или предварительно дает ей увлечь легкий челнок; слегка подсобляя веслом и постепенно убавляя бечевку, подводит наконец измученную рыбу к корме и захватывает сачком. Нередки, впрочем, фальшивые тревоги и промахи, так как щуке, завидевшей мимо плывущую дорожку, большею частию приходится хватать ее не прямо с хвоста, а несколько сбоку; вот почему бывают случаи, когда крючок задевает за жабру, за бок, даже за хвост. На Сосьве и Лозьве, где щука и тальмень достигают громадной величины – до двух пудов, нередко обрывается самая крепкая веревка, и самая крупная добыча обыкновенно ускользает из рук рыбака. Всего чаще дорожат утром и под вечер, но и в полдень мне не раз приходилось ловить довольно больших щук и тальменей.

Лов на жерлицу и дорожку кончается в последних числах сентября, даже ранее, и с первых октябрьских дней, обыкновенно с Покрова, начинается другая, еще более добычливая, еще более занимательная ловля – лученье.

В числе других способов ловли рыбы для рыбака-охотника охота с лучом и остройгой занимает, бесспорно, первое место. Не говоря о том, что эта ловля одна из самых трудных и требует много силы, ловкости, сметки и необыкновенно верного глаза, она имеет еще то значение, что таким образом добывается самая крупная, отборная рыба. Охота с лучом имеет даже много поэзии, и всякий, кто хоть раз был участником, даже свидетелем лученья, непременно согласится, что вид этого чуждого нам подводного мира представляет чудное, великолепное зрелище. В черте огненного круга ясно видны все неровности дна, все растения и спящие обитатели озера; далее во все стороны – непроницаемая тьма и, по-видимому, безграничное пространство воды; медленно и бесшумно плывет лодка, точно предводимая пламенем; быстро сменяются впечатления, и в больших прудах, имеющих столь богатую флору водяных растений, много пород рыб, трудно представить себе большее разнообразие.

Главный снаряд для лучения острога – весьма нехитрое орудие. Большею частью она имеет 7–10, но иногда 12 зубцов, около четверти длины, четырехгранной, резе цилиндрической формы; все зубцы имеют в ширину около 4–5 вершков и с обеих сторон кончаются каждый несколькими зазубринами, а наверху соединяются в трубку, которая прикрепляется неподвижно к сухому и тонкому шесту около сажени длины, редко более 4 аршин.

Второстепенное значение имеет устройство луча. Для этого существует особое, весьма целесообразное приспособление, т. н. коза. Она состоит из изогнутой железной рук оятки, к которой привариваются с боков более тонкие железные прутья, которые на конце тоже согнуты, но под прямым углом, так что весь снаряд имеет вид продолговатой жаровни около трех четвертей длины. Конец рукоятки прикрепляется к носу лодки таким образом, что коза находится несколько выше последнего, по крайней мере на аршин от воды, что необходимо для освещения возможно большего пространства.

Вообще при ловле острогой во всем Зауралье употребляются очень легкие лодки, управляемые только одним веслом. Гребец сидит потому не в передней, носовой, ее части, как на гребных лодках, а в корме лицом к носу, где помещается, обыкновенно стоя, самый рыбак с острогой.

Самый лучший осветительный материал для луча – т. н. смольё. Это небольшие поленья или щепки, наколотые из смолистых сосновых пней и дающие самое яркое и продолжительное пламя. Смольё всегда заготавливается заранее и высушивается как можно лучше; в противном случае оно горит темнее и прито м с треском, пугающим чуткую рыбу.

Трудно описать ощущения, которые чувствуешь, когда темною осеннею ночью едешь в лодке с лучом: кругом мертвая тишина, изредка нарушаемая лаем собак и кряканьем уток; ярко горит смольё, освещая путь; на одну минуту мелькнут мельчайшие подробности разнохарактерного дна озера, малейшие его углубления, каждая травинка – и немедленно сменяются новыми: здесь, точно подводное чудовище, лежит огромная коряга, растопырив свои ослизлые ветви, поросшие мшанками; там желтеет голый песок, тут чернеет глубокая яма, зеленеет водяной мох, виднеются длинные стебли лопуха и его огромные ползучие корни; вот и целая чаща остролистной горошницы, пожелтевшей от осенних морозов. Всюду неподвижно стоят мелкие окуньки, пестрея своими полосатыми спинками; мелькают неугомонные чебаки и бойкие ельцы; небольшими *censored*чками лежат на дне мелкие «нонешние» щурята; медленно, словно нехотя, плывет широкий темно-желтый линь. Тихо и бесшумно движется лодка; ни единая капелька не скатывается с весла, не в ынимаемого из воды; то осторожно подворачивается оно к корме, то снова выносится вперед в разрез воды, почти касаясь краев лодки. Неподвижно, черною тенью рисуясь на огненном круге, стоит рыбак посредине лодки ближе к лучу и держит наготове острогу. Проворно, но без малейшего всплеска опускает он ее в воду, вдруг с силою нажимает и вытаскивает трепещущую рыбу, ударом другой руки снимает добычу, ловко подкидывает на жаровню свежего смолья и подправляет его зубцами остроги. Трещит огонь, с треском падают в воду искры и обгоревшие головешки, и снова вспыхивает еще более яркое пламя. Вот еще новая добыча, другая, третья, чем дальше, тем больше; чаще становятся и промахи. Самое главное здесь угадать то расстояние, на котором медленное движение остроги должно мгновенно перейти в быстрый удар; притом всегда следует бить рыбу не вертикально, а несколько наискось и сначала опускать острогу как бы мимо рыбы и на расстоянии полуаршина или менее, осторожно переносить ее на цель, т. е. спину рыбы впереди спинного плавника. Нередко рыба убегает в то самое мгновение, когда острога готовится пронзить ее; впрочем, многие рыбы, особенно щука, уходят очень недалеко, и глядишь, она снова приткнулась в

каких-нибудь десяти саженьях, почему ее нетрудно найти поблизости, разумеется если по величине она заслуживает этого. Уже полупудовая щука требует значительного усилия от рыбака и нередко вырывает острогу; но в сильных и опытных руках только дрожит древко остроги, и щука, втиснутая в вязкий ил озера, скоро изнемогает и вытаскивается без особых затруднений. Еще более крупные, пудовые, щуки попадаются здесь весьма редко, и рыбаки уже не осмеливаются ударить их острогой.

Трудно представить, сколько крупной рыбы добывается таким образом. При благоприятных условиях опытный рыбак в 3–4 часа добывает до 10 пудов самой лучшей, отборной рыбы, б. ч. щуки, налима и линя, реже делается его добычей осторожный язь, окунь, чебак; мелкие не стоят удара, а очень крупные часто срываются, и от крупной чешуи их, точно от железной брони, отскакивает и самая лучшая острога. Но не одна рыба попадает ловкому «бойцу»; нередко последнему доводится закалывать и уток: точно ошалевшие от внезапно озарившего их пламени, вертятся они на одном месте, налетают на самый огонь; даже гребцу удаётся зашибить их своим коротким веслом.

Впрочем, еще с середины сентября количество водяной птицы постепенно уменьшается; одна за другой покидают озера разные породы уток, и с окончательным замерзанием вод в ноябре улетают и последние стаи гоголей и кряковых уток. С замерзанием озер кончается лучение рыбы, и с первым, еще тонким и прозрачным, как стекло, льдом, еще не запущенным снегом, который обыкновенно выпадает несколько позже, начинается кратковременная, крайне опасная, но весьма удачная осенняя ловля – глушение рыбы.

Эта весьма оригинальная ловля основана на том, что по замерзании озера вся рыба, очевидно не находя себе прежних условий для дыхания, первое время держится подо льдом и ясно виднеется, особенно ночью, при освещении сквозь прозрачный покров озера. Иногда глушат и днем, но чуткая рыба стоит тогда плохо и уходит ранее, нежели рыбак успеет подкрасться со своим кийком – полуаршинной чуркой, вершков 6 в отрубе, которая насаживается на двухаршинную рукоятку. Потому глушение б. ч. производится по ночам, когда рыба спит, почти касаясь ледяной коры своим спинным пером. Тем не менее необходимы многие предосторожности, и грузному, тяжелому человеку лучше не пробовать счастья: тонкий лед трещит, пугает рыбу и иногда проламывается. Ради возможной тишины рыбак обувается в валеные сапоги – «пимы», по-сибирски. С небольшой козой в левой руке осторожно скользит он по стеклянной поверхности озера, ловко бьет кийком стоящую рыбу, темная спина которой при свете луча отчетливо виднеется сквозь тонкий лед. Удар должен приходиться прямо против головы рыбы и бывает действителен, только когда последняя стоит не далее полуаршина от внутр ренней поверхности ледяного покрова: только тогда она сразу перевертывается вверх брюхом. Крепче всех налим, хлипче всех щука, и первого редко удаётся оглушить с одного раза, между тем как щука шалеет даже от слабого удара и иногда на аршинной глубине. Оглушенная рыба, однако, скоро приходит в чувство, и потому рыбак немедленно прорубает пешней или топором надлежащее отверстие и выкидывает добычу на лед. Вот тут-то всего чаще бывают несчастные случаи, и потому редко глушат в одиночку, почти всегда вдвоем: один несет огонь и бьет рыбу, другой достает ее и на всякий случай имеет при себе достаточно длинную веревку. Иногда кийк заменяется обухом топора или простой дубиной, а коза – железным ковшом, даже лопатой, а при случайной ловле просто светят горящею берестяною трубкою. В реках и протоках обыкновенно бьют рыбу прямо с берега, но здесь на зиму остается весьма немного рыбы – она вся уходит в озеро.

Глушенье, впрочем, непродолжительно и вообще имеет случайный характер; только при удаче добывается этим способом пуд-другой большею частью мелкой и

средней рыбы. Быстро утолщается лед от сильных ноябрьских морозов, и уже не действуют самые сильные удары тяжелого кийка; рыба, еще прежде собравшаяся громадными стаями, уходит окончательно на глубокие места озера и не удаляется отсюда, иногда даже не переходит в другие, соседние ямы. Но за исключением карася, и то в мелких озерах, также пескарей, зарывающихся в тину, в глубоких уральских озерах почти вся прочая рыба продолжает, однако, кормиться всю зиму. Пищи им вдоволь: с первым тонким льдом весь мормыш, столь редкий летом и в начале осени, высыпает на внутреннюю поверхность последнего, местами сплошь покрывает его и кишит темными массами в несколько рядов, одни под другими. Окунь и ерш в особенности в продолжение почти всего холодного времени года исключительно кормятся этим рачком, и желудок их постоянно наполнен мормышом; реже, б. ч. в начале и конце зимы, поедается он язем, ельцом, щукою и чебаком .

VIII

Выше было указано, какое громадное значение для прироста рыбы имеет мормыш – ничтожный рачок, в большем или меньшем количестве населяющий все Зауральские озера, начиная от Петропавловска; вероятно, он встречается и гораздо севернее и идет далеко на восток и юг – в Барабу и Киргизские степи. Рыба большую часть зимы питается одним мормышом, и потому быстрота ее роста почти невероятна: в Карагузе полуторагодовалый чебак и окунь весят около фунта; 2–3-вершковая рыба этих видов, пересаженная сюда весной из Синарского озера, к зиме достигает 5–6 вершков; тышкинский чебак в 1/16 ф., перевезенный в садок, т. е. кормное озеро, тоже через 8 месяцев весит 1/5 ф., а через год каждый из них – фунтовик [35 - Впрочем, теперь прирост тышкинского чебака несколько уменьшился, так как последний сделался вообще крупнее и менее способным к такому быстрому откармливанию.]

Примеры эти достаточно объясняют неистощимость Зауральских озер. Конечно, это исключительные случаи, которые не имеют общего применения, но, тем не менее, ежегодный прирост здешних рыб может идти в сравнение только с приростом рыб в низовьях Волги, Урала и Дона и, несмотря на хищничество арендаторов, почти вознаграждает ежегодную убыль. Мы не будем далеки от истины, если примем следующие цифры первоначального роста рыбы, выведенные из наблюдений и расспросов рыбаков. Быстрее всех растет щука, которая через год достигает 5, даже 7, через 2 года – 8–9 вершков длины; затем следует налим – 4–6 вершков, язь – 4–5, линь – 3, чебак и окунь – 2–3, ерш и елец – 1 1/2 вершка. Самый незначительный прирост замечается у карася, который только в самых кормных озерах вырастает в год до 1 1/2 в.; обыкновенная же величина годовалого карася – 3/4–1 вершок. Дальнейший прирост рыбы также подвержен более или менее значительным колебаниям, но, соображаясь с достоверными цифрами прироста в первые два-три года, надо полагать, что он совершается в следующей, хотя и не совсем правильной прогрессии.

	Годовал.	2-годовал.	3-годовал.	4-годовал.	5-годовал.
Щука	6	8	9	9 ¹ / ₂	9 ³ / ₄
Налим	5	7	8	8 ¹ / ₂	8 ³ / ₄
Язь	4	6	7	7 ¹ / ₂	7 ³ / ₄
Линь	3	5	6	6 ¹ / ₂	6 ³ / ₄
Окунь	2 ¹ / ₂	4	5	5 ¹ / ₂	5 ³ / ₄
Чебак	2	3(3 ¹ / ₄)	3 ¹ / ₂	3 ³ / ₄	3 ⁷ / ₈
Елец	1 ¹ / ₂	2 ¹ / ₂	3	3 ¹ / ₄	3 ³ / ₈
Ерш	1 ¹ / ₄	2 ¹ / ₄	2 ¹ / ₂	3	3 ¹ / ₈
Карась	1	1 ³ / ₄	2 ¹ / ₄	2 ¹ / ₂	2 ⁵ / ₈

Начиная с

трехлетнего возраста все рыбы начинают расти более в толщину, нежели длину, особенно в кормных озерах, где и первоначальный прирост значительно, чем показанный выше. Рыба таких озер нередко весит в 1 1/2 и 2 раза более, чем та же рыба одинаковой с ней длины (и притом старше) из озера менее кормного. Отношение между длиной и шириной тела всего изменчивее у щук, карасей и налимов.

Даже этот приблизительно верный прирост значительно превышает обыкновенный рост рыбы не только в реках, но и других русских озерах, и, без сомнения, немногие бассейны могут в этом отношении соперничать с Зауральскими озерами. Но и здесь он весьма различен: свойства дна и берегов, глубина озера, даже состояние погоды во время нереста и множество случайных явлений имеют более или менее значительное влияние на размеры живущей в нем рыбы, и вообще можно принять за правило, что большинство на ших рыб достигает тем большей величины, чем медленнее течение и иловатее дно известного бассейна. Всего медленнее растет рыба в проточных водах с каменистым или песчаным дном и голыми берегами.

Возвращаемся, однако, к мормышу – главному виновнику этого быстрого и, что всего важнее, почти непрерывного роста рыбы Зауральских озер. Зимнее ужение основано здесь единственно на изобилии этого небольшого рачка, служащего, в свою очередь, предметом лова, даже особого, хотя и весьма незначительного промысла. От изобилия мормыша зависит и успех неводной ловли, и, по замечанию неводчиков, «чем более мормыша – тем лучше ловится рыба неводами». Быть может, что периодический уход последней на глубину, где она, вероятно, впадает в зимний сон, зависит т. с. от неурожая на мормыша и что зимняя спячка обуславливается не одним недостатком воздуха, но также и недостатком пищи. Весьма возможно, однако, что немалую долю влияния оказывает большая или меньшая суровость зимы: чрезмерная толщина льда выгоняет рыбу из более мелких и вместе самых кормных местностей озера, а карася и линя заставляет даже закапываться в ил.

По-видимому, во всех Зауральских озерах встречается только один вид Gammarus. Правда, в одних он крупнее, в других или синее обыкновенного, или же с желтым, даже красноватым оттенком, но это объясняется очень просто: различия в величине зависят от свойства дна и самой воды, и всего крупнее и желтее мормыш в карасьих иловатых озерах, всего синее и, заметим, малочисленнее бывает он в свежей, чистой воде более глубоких и проточных озер. В течение всего теплого времени года он держится под лавдами или в няше (редко в иловатом песке), и до сильных морозов присутствие его в озере почти неприметно. Как было сказано, с замерзанием озера бесчисленное множество мормышей высыпает на нижнюю поверхность льда. Во второй половине зимы, с конца января или в начале февраля, они совокупаются и

постоянно встречаются попарно, *in copula* [36 - Совместно (лат.). – Ред.]. По наблюдениям в акварии, они и в это время не отличаются особенною живостью, большею частью неподвижно сидят у поверхности; только по утрам и вечерам между ними замечается некоторое оживление: они беспрестанно то падают на дно, свернувшись клубком, то поднимаются кверху, подгибая под себя заднюю часть тела. Спят они, собравшись в густую кучу, и зимою всю ночь проводят во сне, между тем как летом, напротив, ведут более ночной образ жизни, что доказывается тем, что в карасьих озерах они иногда съедают дотла мережи, поставленные поздним вечером. Мормыш положительно всеяден. Главным образом он питается мельчайшими животными, особенно дафниями, циклопами и коловратками, а также и своим собственным юным потомством, но употребляет в пищу и всякие животные и растительные остатки, отыскиваемые им в няше озера. Во время зимнего ужения его ловят на гороховину, которую он очень любит, также на льняные снопы; иногда с этой целью спускают под лед решето на веревочках, к которым привязан пучок мочалы, натертый мукой: мормыши, наевшись, падают в решето и осторожно вытаскиваются из проруби.

Летом мормыш ловится плохо, да в нем и нет никакой надобности; рыба редко берет на него, да и вообще описанными способами добывается незначительное количество этого рачка. Поэтому при огромной потребности в нем, особенно в таких местах, где он малочислен (где мормыша очень много, там рыба сыта и почти не клюет на него и в зимнее время), для ловли мормыша чаще употребляют более или менее длинный, иногда саженный, узкий и глубокий ящик, одна из длинных сторон которого густо усажена щетиною. В один конец ящика прикрепляется под углом довольно большая жердь, затем ящик просовывается в довольно большую прорубь, приводится в горизонтальное положение и загребает всех мормышей, сидящих на льду кругом проруби, на радиус, равный длине ящика. Иногда таким образом вытаскивается зараз по несколько ведер; но еще большее количество мормыша попадает в мотню невода, откуда он выбирается рабочими и складывается в осиновые кадушки, которые закапываются в землю или ставятся на погреб, где мормыш сохраняется живым иногда в течение 2-х недель. Ловом мормыша вообще занимаются исключительно неводные рабочие, которые и продают его по 20–25 к. с. за ведро; вырученные деньги делятся между всею артелью. К весне по плохому льду в самый сильный клев рыбы, когда количество мормыша значительно уменьшается, ведро мормыша стоит 50 к. с., даже более. Все это показывает, в каком множестве встречается здесь этот рачок и какую важность имеет для зимнего ужения.

Ужение на мормыша, не известное в России, с незапамятных времен употребляется во всех Зауральских озерах, за исключением северных озер.

Лов этот начинается одновременно с неводным, с первым, достаточно прочным льдом и может быть разделен на два периода, отделенные полуторамесячным, даже месячным промежутком; в конце декабря и в январе рыба клюет очень плохо, да притом сильные рождественские и крещенские морозы отобьют охоту и у самого яркого удильщика. В начале февраля клев снова возобновляется, и исключительно в марте бывают те огромные уловы, о которых мы говорили выше: в короткий зимний день опытный рыбак легко выуживает два, иногда три пуда окуней или ершей. Чебак, елец и язь берут на мормыша уже не так жадно; изредка на него попадаются и мелкие щуки, а налиим в начале зимы и вскоре после нереста кормится исключительно мормышем, но попадает не часто, хотя, если удить со дна, удастся иногда вытащить на эту приманку и довольно большого шамбы, как называют налима башкирцы.

Проезжая зимою мимо озера, вы иногда увидите вдали какие-то неподвижные фигуры, ясно выделяющиеся из ослепительной белизны снежного покрова. Это –

рыболовы. В самый разгар клева, который то ослабевает, то усиливается, на озере собираются десятки, иногда сотни рыбаков; но это бывает, впрочем, редко, так как в большинстве случаев и ужение на озерах строго воспрещается арендаторами, которые очень хорошо знают, что при хорошем клеве они в один день могут лишиться не одной сотни пудов рыбы. Но тогда рыболовы прибегают к хитростям, прячутся в камышах, надевают сверх собачьей дохи холщовые балахоны или укрываются между трещинами и ледяными надвигами. Последние, впрочем, бывают только в проточных озерах, которые в большинстве случаев служат главными или запасными прудами здешних заводов. Постепенно возрастающая убыль воды в этих озерах производит ледяные отдувы, расстояние между льдом и поверхностью воды увеличивается, и, наконец, вся громадная ледяная масса, нависшая над озером, с треском и гулом, слышимым за много верст, обрушивается и местами дает широкие трещины, местами образует более или менее высокие сдвиги, скоро заваливаемые снежными сугробами. Высечет рыбак пещеру в этом сдвиге, пешней же выбьет прорубь и спокойно удит себе: здесь он в полной безопасности от непогоды, и даже зоркий глаз караульщика не отличит его от синевы ледяной стены.

Рис. 50. Зимнее

уженье

Самое ужение довольно оригинально. Рыбак, отправляясь на ловлю, берет с собою пешню, корзину для рыбы, бурак с мормышем и запасается несколькими крючками и удами. Живо высекает он круглую прорубь или расчищает старую, для защиты от ветра нагребает кучу снега, садится за ней, поджав ноги и закидывает удочку. Последняя состоит из гибкого 8–10-вершкового березового прутика, завернутого наполовину в камыш, который туго обматывается бечевкой; большую часть удят на глубине не более 2-х аршин с навесу и с грузилом; мормыш насаживается с головы. Удочка держится в левой руке, а в правой у рыбака небольшая лопаточка, которая служит для подсечки рыбы. Как только клюнет рыба, он мгновенно поддевает лесу и, откинув левую руку, быстро подводит лопатку почти к самой добыче, одним ударом лопатки по голове рыбы высвобождает наживу, в одну секунду оправляет ее и снова закидывает лесу. При хорошем клеве и на удачно выбранном месте рыба берет беспрестанно, едва успеет приманка показаться на нижнем крае проруби, и тогда с берега положительно кажется, что рыбаки только махают руками: с таким необычайным проворством орудуя они своим коротким удищем. Почти всегда берет мелкий годовалый или двухгодовалый окунь и ерш; более крупные клюют на более значительной глубине, далее от берега, и ловля их уже более мешкотна, так как длинная леса путается и смерзается, да и более сильная

рыба упирается в нижние края узкой проруби. Вот почему при клеве последней количество добычи редко бывает значительнее, чем при ловле мелкой. Как было сказано, в короткий зимний день иногда легко выуживают здесь по 2, даже по 3 пуда рыбы, иногда более 1000 штук мелкого окуня и ерша. Первый берет на песчаных, второй на иловатых местах озера, и обыкновенно на большей глубине. Клев других рыб в начале зимы не имеет такого значения: чебак, елец, язь берут только в ноябре и со дна.

Рис. 51. Башкирская удочка

Ужение это продолжается до первых чисел, иногда середины декабря – одним словом, до наступления сильных морозов и периода самого толстого льда; затем клев постепенно слабеет и около Крещенья вовсе прекращается. В это время производится главная ловля налимов, которые нерестуют в конце декабря и начале января и реже всех рыб попадают в сети.

Налим, впрочем, встречается в большом количестве далеко не во всех и проточных озерах; всего многочисленнее он в протоках и речках, где проводит большую часть времени года, но зато нигде в России не достигает он таких больших размеров, как в Зауральских озерах. Здесь вообще отличают три варианта этой рыбы. Черный, самый мелкий налим, живет в реках и почти никогда не достигает более 5 фунтов и 8 вершков длины, растет гораздо медленнее (3, 5, 6) и кроме того, несравненно уже обыкновенного желтого налима, который попадает как в иловатых реках, так и в менее кормных озерах. Настоящий озерной налим серого цвета, необыкновенно жирен и толст и бывает иногда до 30–40 фунтов весом, даже более: так, в Иртыше был пойман лет 10 назад один серый налим, весивший почти два пуда. Эти серые налимы иногда в один год вырастают до 7 вершков; во время игры не попадает ни один менее 1/2 аршина и 3-х фунтов, между тем как у черных иногда имеют икру и 4-вершковые полуфунтовики. Но как те, так и другие, несомненно играют по достижении трехлетнего возраста.

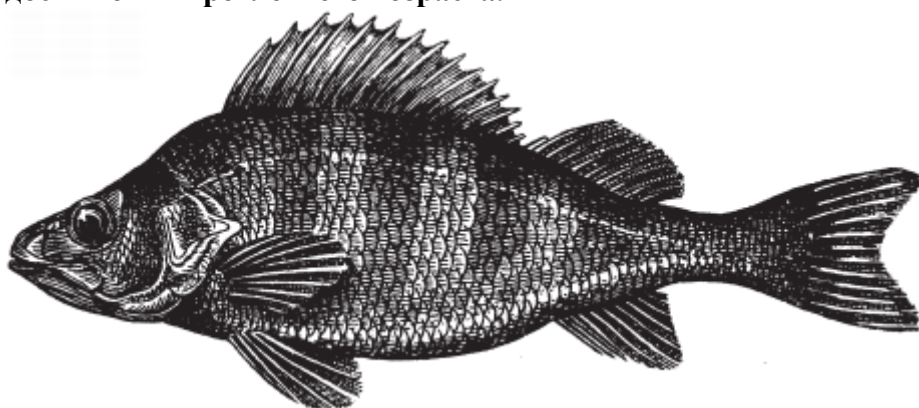

Рис. 52. Окунь

Еще задолго до нереста, в октябре, даже в сентябре, начинается в озерах сильный клев налима, вышедшего из камней на глубине из-под лавд и из протоков. Мелкие налимы берут (по льду) на мормыша, впрочем, непременно со дна, более крупные – сначала на ельца и чебака, а затем на окуня и обстриженного ерша [37 - Лов налимов на лягушку здесь вовсе не известен.]. В начале декабря клев прекращается, и в середине этого месяца начинается ход налимов. Они собираются большими стаями, по сотне и более, и выходят из озера; изредка налимы мечут и в устьях, но всегда

выбирают текучую воду. Икра выпускается обыкновенно в довольно мелких песчаных или хрящеватых местах, и весьма замечательно, что налимы, по свидетельству рыбаков, играют постоянно на белой гальке и во время самого нереста свиваются попарно – самец с самкой. Мнения этого придерживается и большинство рыбаков Ярославской губ., и подобное наблюдение приводится и в сочинении Зибольта. Икра налима довольно многочисленна (около 13 000 икринок), но считается вредною и потому в пищу почти никогда не употребляется.

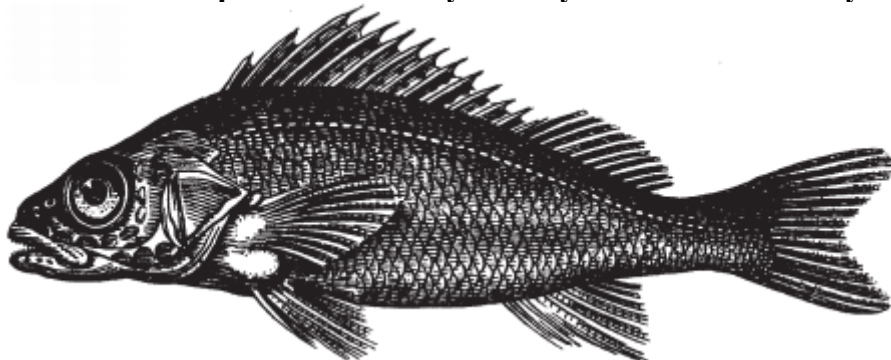

Рис. 53. Ерш

Нерест налима почти всегда продолжается 12 дней, от Рождества до Крещения; он идет только по ночам и днем почти никогда не попадает в морды, которые ставятся через проруби в узких местах речек и протоков. Зато ночью в самый разгар хода и при удаче морды набиваются бит ком, и случается вытаскивать зараз до 2-х пудов этой ценной рыбы. Иногда налимы, не находя себе места в самой морде, помещаются в горле (детыше) и, несмотря на то, что очень легко могли бы выйти оттуда, делаются добычею опытного рыбака, который, зная это, вытаскивает свою снасть с большою осторожностью. Вообще улов налимов весьма значителен, и на Святках они составляют главную рыбную пищу всего населения.

В начале февраля налим возвращается в озеро и снова берет на животку, иногда и на мормыша. В то же время вместе с возрастающею рыхлостью льда и постепенным его утончением поднимаются со дна озера и другие рыбы, снова начинается ужение окуня и ерша, а затем чебака, ельца, частью язя, тоже на мормыша, и ловля, впрочем незначительная, щук на жерлицы. Клев этих рыб продолжается до середины или конца марта и прекращается вместе с образованием больших наледей, полыней и закраин и уходом мормыша на дно. Наступает весна, кончается и неводная ловля, кратким описанием котор ой мы заключаем нашу статью.

IX

С первым осенним льдом в конце октября или в ноябре, иногда гораздо ранее санного пути начинается самый главный – неводный лов: все количество рыбы, пойманное весной, летом и осенью, ничтожно в сравнении с количеством, добываемым неводами арендаторов зауральских озер.

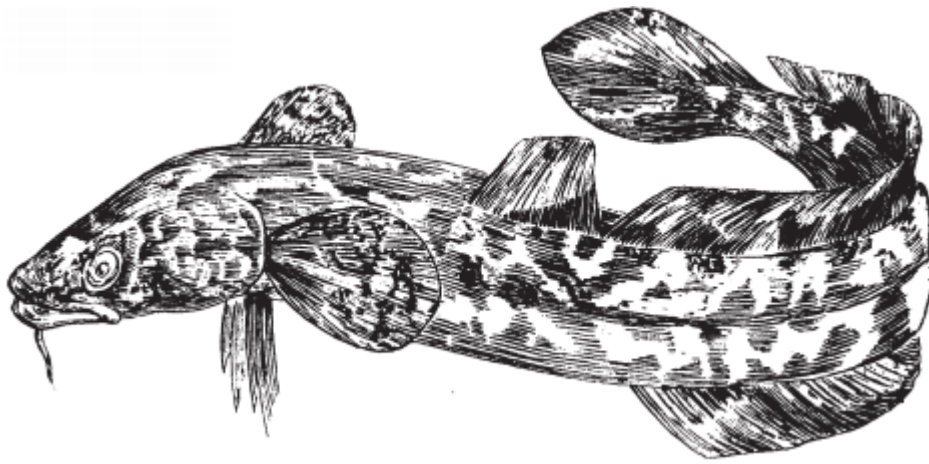

Рис. 54. Налим

Оставляя в стороне массу собранных нами статистических фактов, касающихся озер, рабочих, ловли, уловов и сбыта рыбы, фактов, которые, к сожалению, не могут быть помещены в этой статье, мы постараемся представить возможно краткий и вместе наглядный очерк зимнего – неводного лова.

Большая часть озер Екатеринбургского, Шадринского и Челябинского уездов принадлежит башкирцам и не более трети составляет собственность челябинских казаков, отчасти казенных и частных заводов и, наконец, помещиков (села Куяша, Никольского и Тибука). Но все эти озера в настоящее время вовсе не тянутся самими владельцами и сдаются в аренду исключительно каслинским купцам, которые с давних времен захватили в свои руки почти всю рыбную промышленность зауральского края, включая сюда и часть Троицкого уезда. Братья Наседкины, Трутневы, Бельников, Блиновский, в последнее время Злоказов кортомят почти все озера, за исключением самых южных, эксплуататорами коих являются челябинские купцы. Миллионеры Д. Наседкин, Трутнев с давних времен, чуть не с начала текущего столетия, держат в своих руках почти все башкирские озера и самое башкирское, частью русское население, посредством подкупа нужных людей и влиятельных башкирцев являются главными обладателями самых лучших озер и вместе с прочими, второстепенными, рыбопромышленниками не допускают конкуренции посторонних лиц.

Тем не менее арендная плата как за владельческие и казачьи, так и башкирские озера, возвышается в значительной прогрессии каждое двенадцатилетие – обыкновенный срок найма. Для примера укажем на самые ценные и надежные Каслинские озера, которые с 1819 года по настоящее время кортомятся Д. Наседкиным.

До 1819 года арендная плата была 1900 р. (ассигн.)

С	1819–1830	—”—	10 000	р. с.
	1830–1841	—”—	23 000	—”—
	1841–1852	—”—	43 000	—”—
	1852–1863	—”—	56 000	—”—
	1863–1875	—”—	64 000	—”—

Но даже и эта последняя плата еще весьма низка сравнительно с арендой помещичьих озер Тибуцкого и Куяшского имений и далеко не достигла настоящей нормы. Вообще можно принять, что в первые же четыре года окупается не только вся арендная плата, но и все затраты на невод и рабочих за полное двенадцатилетие, и остальные 8 лет озеро приносит один чистый доход. Такие случаи низкой аренды, как озера Айдакуля, за которое еще не так давно платилось Трутневым 25 р. ассигн. и выручалось 25 000 р. ас, конечно, более не повторяются, но и до сих пор вследствие по степени возрастающего обеднения башкирского населения, живущего одной арендой с озер и земли, бывают

примеры невероятно дешевой кортомы. Так, правда за год или два до истечения срока старой аренды и уплатив вперед все деньги, Грутнев «купил» Иткуль (в котором, как мы видели, ловится до 30 000 пудов рыбы) и прилежащие к нему мелкие озера за 10 000 р. с. Выгоды, получаемые рыбопромышленниками, тем значительнее, что на весну, лето и осень озера сдаются рыбакам за известную плату (около 1 руб. за каждую мережу) или из третьей рыбы.

Переходим к рабочим. Последними в большинстве случаев являются казенные крестьяне из сел Конева, Огнева, Бульзей и пр., также крестьяне (тоже государственные) Ирбитского и Камышловского уездов. Только неводчики (башлыки у башкирцев) и их помощники с давних времен бывают всегда из заводских крестьян и горнорабочих. Наем рабочих совершается очень просто. Осенью, в сентябре или октябре, приказчики рыбопромышленников разъезжают по казенным волостям и, стакнувшись с старшинами, выплачивают подати за бобылей и недоимочников и забирают их паспорта. Поэтому невероятно тяжелый труд неводных рабочих оплачивается весьма скудно. С каждым неводом «ходит» от 12 до 16 человек рабочих (считая в том числе неводчика и его помощника) и собственно рабочих 8–10 пехарей рядят в три срока: 1-й – с открытия лова до Рождества по 80 к. с. в неделю (на хозяйских, относительно весьма плохих харчах); 2-й – с Рождества до Масленицы по 1 р. 10 к., так как лед в середине зимы достигает до 5, а на Иртыше даже 7 четвертей; 3-й – с Масленицы до окончания лова – снова по 80 к. Остальные рабочие получают постоянно одинаковое жалование, именно два прогонщика из мальчишек – по 50 к., два норильщика – по 1 р. 20 к., конюх, который смотрит за 9–12 лошадьми, смотря по неводу [38 - Шесть лошадей завозят крылья, две – на воротах, две – под приказчиком для разъездов, две возят рыбу.], – 1 р. 50 к., помощник неводчика – 1 р. 80 к. до 2 р., неводчики – 3–3 р. 50 к., и, наконец, приказчик, обязанность которого присутствовать при каждой тяге невода, продавать рыбу, закупать овес, дрова, сено и харчи для рабочих, получает по 100–150 р. с. в год.

Обыкновенная длина невода 400 сажен, а ширина 10–15 аршин. Самый большой невод ходит на Иртыше и имеет почти 500 сажен длины, 25 аршин ширины и стоит более 1500 р. с. Устройство невода более или менее известно каждому, и потому мы не станем о нем слишком распространяться. Крылья и матка (мотня) – главные его части. Первая половина каждого крыла, начиная от «кляч», сшивается из трехпалечной (т. е. в ячею проходит три пальца) дели, называемой шадринкой, так как она идет из Шадринска. Эта дель покупается по 12 к. с. за маховую сажень. Вторая половина крыльев состоит из двухпалечных сетей, называемых ураимками (Ураим – Нязепетровский завод): каждая квадратная полоса в 32 петли стоит на месте 14–15 к.; матка же – однопалечная, и дель для нее идет тоже из Ураима и продается по 18 к. за 33–34 петл и [39 - В последнее время дель сильно вздорожала, и теперь входят в употребление сравнительно дешевые вятские сети.]. Матка пристегивается к крыльям шнуром «на вздержку» и имеет всегда около 3-х сажен ширины и 6 длины. К нижней тетиве невода на расстоянии 1 аршина привязываются т. н. кибасы (алташ – у башкирцев) – 2–3 плитки, зашитые в толстую бересту, в которой проделывается отверстие; на небольшом неводе считается более тысячи этих кибасов. Кибасы приготавливаются на досуге самими рабочими, но осокоревые поплавки привозятся из Уфимской губ. и продаются здесь по 1 к. за штуку.

Большую часть на двух-трех озерах ходит один невод, и только в исключительных случаях на очень больших озерах (Иртыше) и перед окончанием срока аренды на одном озере тянут зараз двумя, даже тремя неводами. Обыкновенно невод ходит столько раз в зиму, сколько считается в озере тоней, и только некоторые места, известные как главные зимние становища рыбы, тянутся по несколько раз в

течение всего неводного лова. Количество тоней, можно сказать, пропорционально пространству, занимаемому озером: мели, самые глубокие ямы и очень каменистые места, конечно, не входят в этот расчет, но их не так много, и потому можно принять, что число тоней несколько более числа квадратных верст, занимаемых озером: береговые тони захватывают около половины ($1/2$ версты ширины и 1 в. длины), а моревые – $2/3$ квадратной версты ($1/2$ версты ширины и $1\ 1/2$ длины).

Каждая не только береговая, но и моревая тоня имеет с незапамятных времен свое название и неизменно принадлежащее ей место, которое каждый раз вымеривается неводчиком. Последнему известны в точности как все углубления озера и все большие камни на дне, так и малейший кустик на берегу. Неводчик есть распорядитель неводного лова и единственный начальник рабочих во время тяги, и на нем вместе с его помощником лежит весьма тяжелая работа – «топка» крыльев при вытягивании невода на лед.

Другим рабочим, особенно пехарям, которые бьют проруби, достается еще более. Невод закидывается ежедневно, несмотря на ветер и «клящие» морозы, и только в самую метель – пургу – не бывает тяги на озере. Из ближайшей рыболовной избушки рабочие выезжают до свету, и тяга кончается к 5 часам вечера; с Рождества до Масленицы в самый толстый лед работа начинается еще ранее и позднее оканчивается. В день делается всего одна тоня.

Прежде всего неводчик по береговым приметам или островам назначает место запуска – главной проруби, в которую спускают невод, и отмеривает шагами надлежащее расстояние ($3/4$ – $1\ 1/2$ в.) до притона. Двое пехарей рубят запуск, трое или четверо бьют проруби на левом, столько же – на правом крыле. Запуск делается большей частью в две сажени длины и сажень ширины; боковые круглые проруби (5–6 вершков в диаметре) отстоят одна от другой на 6–8 сажень, и на каждом крыле их бывает от 20 до 25. Эта работа требует очень больших трудов и значительной сноровки, и у неопытных пехарей-новичков от холода и чрезмерных усилий нередко сводит пальцы. Особенно тяжело бить круглые проруби, тем более что они должны иметь правильную цилиндрическую форму: пехари на крыльях редко кончают их ранее чем в шесть часов. Запуск бьется несколько скорее, и рабочие, утопив ледяницы под задний край проруби, рубят притон, из которого невод вытаскивается на лед. Притон имеет треугольную форму с основанием (обращенным к неводу) в $2\ 1/2$ и боками в 3–4 сажени.

Как только готов запуск и ближайшие к нему проруби, норильщики начинают пропихивать с каждой стороны до следующей проруби т. н. норило – жердь в 8 сажень длины и с дырой на одном конце, в которую продевается воротовой канат; по окончании этой работы последний закладывается на ворот, невод спускается в воду и образует под льдом довольно крутую дугу, так что идет на 200–280 сажень. Невод тянется, конечно, лошадьми, и в каждый ворот, который устраивается на дровнях и закрепляется во льду присечным крюком, ввернутым в брус, связывающий салазки, впрягается одна лошадь. Потом, когда вытянут невод на половину расстояния, действует только один ворот позади притона, и лошади тянут оба крыла вместе.

Едва покажутся крылья невода, прогонщики становятся на широком месте притока и захватывают верхнюю тетиву аршинными таловыми крючками и тянут крылья в разные стороны, крепко прижимая ко льду верхний край сети. Нижняя же тетива прижимается ко дну неводчиком и его помощником при помощи т. н. топков – шестов с железной развилиной на конце; у каждого по 2 топки, которые поочередно передаются рабочему. Эта работа чрезвычайно тяжела и требует много силы и умения, особенно в начале вытаскивания невода: в глубоких озерах топки имеют в длину несколько сажень. Все рабочие в это время действуют на крыльях и выбирают из них рыбу, что, впрочем, бывает только при удачных тонях и служит признаком того, что будет поймано не менее 500 пудов. При еще большей добыче рыба

оказывается и в первой пол овине крыльев, а при улове в 1500–2000 пудов матка не может вместить всего количества и рыбу приходится черпать из притона сачками. В тех же, впрочем крайне редких, случаях, как, напр., в Маяне, когда зараз вытаскивают до 5000 пудов, все лошади действуют на воротах, недостаточно крепкие или старые канаты лопаются, и тяга продолжается всю ночь и следующий день, а рыбу, стеснившуюся у проруби, вытаскивают в течение нескольких суток! При богатых тонях почти всегда вытаскивается один, даже два выродка (всего чаще бывают они у чебаков и окуней), которые отличаются своею уродливостью и обыкновенно не достигают большого роста. Таких «князьков» суевверные рыбаки считают за вожakov рыбы и всегда выпускают обратно в воду с 2–3-мя сачками мелкой рыбы.

Большую часть, однако, почти вся рыба помещается в матке. Как только последняя обнаружится, ее отстегивают, каждое крыло складывают на воз, края мотни приступают и постепенно выбирают на лед до тех пор, пока она не будет полна рыбы, которая выбирается оттуда сачками и высыпается для меры в короба – огромные плетеные корзины, вмещающие 70 пудов мелкой и 80 крупной рыбы; затем рыбу морозят на току, для которого расчищают лед поблизости притона, наконец, для весу обсыпают снегом, а иногда (исключительно крупную) при малом запросе макают в воду. В начале весны, когда кончается дальний сбыт, лишнюю и мелкую рыбу выпускают в садки – небольшие кормные, большую часть караси, озера, где она в 8 месяцев достигает вдвое, даже втрое большей величины. Перевозят ее обыкновенно в сороковых бочках с весьма небольшим количеством воды (несколько ведер), и при достаточно холодной погоде рыба остается живою в продолжение 4–6 и более часов, смотря по виду рыбы. Заметим также, что в выборе тони неводчик соображается с запросом: при большей потребности в рыбе невод закидывается в таких местах, где, по опыту прежних лет, стоит главная масса рыбы. Опытность башлыков в этом деле изумительна, и хороший неводчик, принимая во внимание прежние уловы и увеличение или уменьшение рыбы в озере, всегда может с достаточною точностью определить, сколько коробов и какой именно рыбы даст такая тonya, сколько другая, третья и т. д.

При огромном количестве озер, многочисленности арендаторов, которые притом из боязни конкуренции ведут свое дело в строжайшей тайне, мне удалось получить сведения о названиях, количестве тоней и уловов не ото всех неводчиков: некоторые из боязни прямо отказывались от всяких положительных ответов. Тем не менее, принимая в соображение все собранные мною факты, я прихожу к заключению, что количество тоней на одних озерах Екатеринбургского уезда должно быть не менее 1050 и что средний улов здесь (с северными озерами) никак не ниже 2 1/2 коробов, а годами значительно более. Но так как некоторые, самые лучшие, тони тянутся по несколько раз и немалое количество рыбы ловится весною и осенью мелкими арендаторами и местными жителями (не менее 1/10 зимнего улова), общая цифра улова должна быть еще значительно больше, и мы не будем далеки от истины, если примем, что здесь вылавливается более 200 000 пудов на сумму 300 000 р. с [40 - Крупный чебак, окунь, ерш, карась продается от 3–4 р. с. за пуд; щука, язь от 2 р. 50 – 3 р. 50. Мелкая рыба от 50 к. – 1 р. с. На более отдаленных озерах других уездов ценность рыбы понижается до 25, даже 50 процентов.]. Несколько менее уловов всех Шадринских озер, но озера Челябинского уезда по количеству вылавливаемой рыбы даже превосходят Екатеринбургские. Присоединяя сюда и улов Троицких озер, в общем итоге составит до 650 000 пудов на сумму 800 000 р. с.

Таким образом, зауральский рыбный промысел должен занимать одно из первых мест в ряду русских не только озерных, но и речных промыслов.

На Севере. Княспинское озеро

I

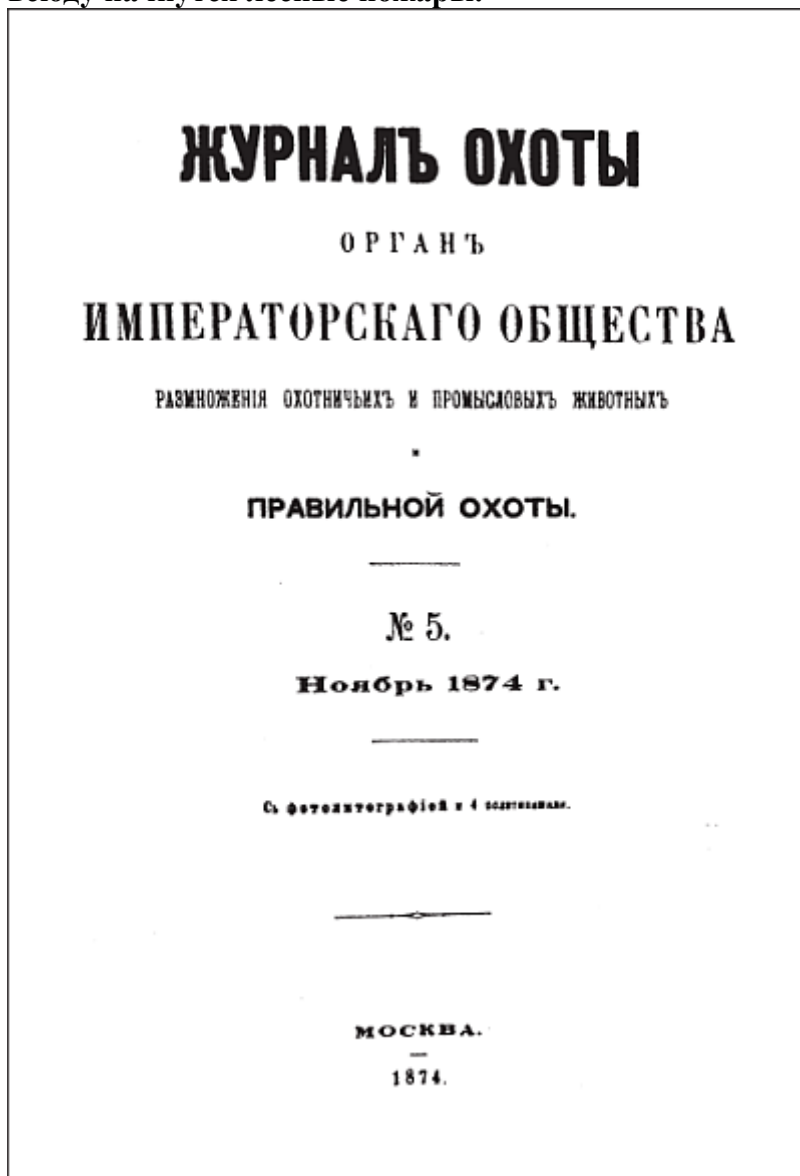
Кому из читателей не известно, что Уральские горы – невысокий горный хребет, составляющий естественную границу Европы и Азии, и что в предгорьях его, на дальнем севере Пермской губернии, в Верхотурском уезде, следовательно в азиатской половине последней, находится Богословский завод, славящийся своими железными и медными рудниками и богатейшими золотыми приисками, которые далеко не все разработаны и далеко не все известны.

Для охотника и натуралиста во всем Богословском Урале трудно найти какую-либо другую местность привлекательнее Княспинского озера. Чего-чего только недостает здесь всякому любителю природы – будь это промышленник, охотник, рыбак или зоолог! Окрестности его кишат лесной дичью, и нигде во всей Богословской даче нет такого громадного количества лосей, называемых здесь сохатыми или еще чаще просто зверями; нигде нет такого множества уток, густо населяющих смежные, обширные болота и самое озеро; ни в одном озере Дальнего Севера Урала не ловится столько рыбы. Путешественник, привыкший к непроглядной чаще бесконечного хвойного леса, сменяемой только гарникам и с обгорелыми остовами и грудями деревьев, заваливших узкую тропинку, по которой часто нельзя бывает проехать и «на вершине» – обыкновенным способом странствия по Северному Уралу – и горными ручьями и речками, о присутствии которых можно чаще слышать или догадываться, – путешественник с облегченною душою приближается к этому озеру, когда глазу его внезапно открывается гладкая зеркальная поверхность трехверстного бассейна и великолепная панорама горного хребта, – давно невидимки.

Прежде всего, на первом плане является Княспинская сопка – невысокая гора, занимающая, однако, почти весь западный берег озера; за нею видны пологие очертания Константиновских сопок и других второстепенных гор – увалов; еще далее на запад синее море, и все это имеет вид как бы внезапно застывших волн бурного моря. В не совсем ясную погоду это сравнение необходимо приходит каждому, кто видит впервые эти волнообразные, почти одинаково высокие холмы; но в безоблачное утро, когда горизонт и вершины высоких гор – «каменной» – очистятся от туч, маскировавших их высоту, эта иллюзия нарушается: жалкими пигмеями, несмотря на свою близость, кажутся эти увалы перед величественным Конжаковским камнем, на северной стороне которого белеют снега, в котловинах и оврагах верхней половины горы не тающие все лето, – даже перед Острогорским и Сухогорским камнями, названными так по своей скалистости: ничто они в сравнении с Денежкиным камнем – царем североуральских гор, который высокой, полутораверстной стеной замыкает горизонт на севере. С вершины высокой горы этот вид еще величественнее: горизонт расширяется, верст на 100–150 видно кругом; резче и рельефнее выступают увалы, уже не заслоняемые другими, узенькими, едва заметными лентами блестят ближние речки, небольшими лужицами кажутся озеро Богословской и смежной, более южной, Павдинской дачи, вообще весьма немногочисленные в сравнении с бесчисленными озерами южной половины Екатеринбургского Урала, где они считаются сотнями.

Княспинское озеро, которое, заметим между прочим, находится в 30–35 верстах на запад от Богословского завода, во всякое время года имеет весьма оживленный вид, выкупающий с лихвой то уныние и тоску одиночества, которые невольно нагоняются мертвою тишиною бесконечного леса, изредка нарушаемой нежным писком рябчика и шумным взлетом глухаря. Только лицом к лицу с могучей первобытной природой гордый ум человека чувствует свое ничтожество и бессилие противостоять грозным силам этой природы: громадные ели, пихты, вырванные с

корнями, столетние сосны, сломанные силою ветра, стволы мачтовых лиственниц, расщепленные молнией, целые массы деревьев, нагроможденных в горных реках, массы, являющиеся наконец в виде огромной плотины в несколько десятков, даже сотен сажен ширины; десятки, даже сотни тысяч десятин, истребленные огнем, – все на каждом шагу свидетельствует о силе стихии и напоминает о невозможности противудействия этой силе. И действительно, трудно отдать себе отчет в том тягостном, подавляющем впечатлении, когда скрипят и с треском падают кругом вековые деревья, когда беспрестанно сверкает молния и безостановочно гремит гром, перекатываясь эхом в горах, или когда после продолжительного зноя и засухи всюду начнутся лесные пожары.

Титульный лист «Журнала охоты», в котором публиковалась статья «На Севере. Княспинское озеро» и другие рыболовно-охотничьи произведения Л. П. Сабанеева

При непрерывности лесов и при таком редком населении нет никакой возможности бороться с этим главным бичом северных лесов, и огонь иногда беспрепятственно проходит целые десятки верст, прежде чем благодетельный дождь не прекратит его губительного действия. В засуху здесь уже не видно солнца: безоблачное небо кажется пасмурным от густой смрадной мглы, носящейся в воздухе; иногда на нескольких саженях исчезают из глаз все очертания предметов, дышишь дымом, а пожар – за десятки, за сотни верст; только изм енившийся ветер

уносит эту мглу, и то ненадолго, если вместе с тем не прекратится засуха. Так было, например, летом 1868 года, когда я странствовал в Павдинском Урале. В это время выгорел весь главный хребет Богословского Урала длиной более чем стоверстною полосой, до десяти и более верст ширины, и только продолжительные дожди в конце июля прекратили это бедствие, угрожавшее сделаться нескончаемым.

С вершины обнаженной горы в сумерки зрелище мимолетного лесного пожара не имеет себе подобного: здесь тлеют и догорают высохшие древесные пни и сухие, отжившие стволы, дающие продолжительную пищу пламени; там и сям с грохотом валятся они, подгорев у основания, дымятся обгорелые остовы сосен, черными, мохнатыми привидениями торчат ели и пихты, кое-где высятся великаны лиственницы, почерневшие в свою очередь. Впереди же свирепствует целый ад: огненные языки то с треском гонятся ветром и принимают вид как бы огненного, быстро текущего и всепоглощающего потока, то высоко вздымаются к небу, и огонь, вспыхнув на минуту, затемняется густыми черными клубами дыма. Это мгновенно обгорают густая хвоя ели, пихты или кедра, еще прежде высохшая от жары, и, судя по тому, зрелище пожара ельников и пихтовников должно быть всего ужаснее.

Вообще здешние леса так часты и настолько завалены высохшим хламом и буреломом, что напольный пожар, столь обыкновенный в редких башкирских березовых лесах южной части Пермской губернии и даже в редких борах Среднего Урала, является здесь немыслимым: все горит или обугливается в этом море огня, и сколько птиц и зверя задыхается и делается жертвою неумолимого пламени! Здесь не может быть и сравнения с напольным пожаром, обжигаящим одну прошлогоднюю ветوشь и губящим только молодую древесную поросль: узкой извивающейся лентой бежит вперед пал, вид его не смущает, не представляет и тени грозного явления лесного пожара. Здесь же горят и хворост, и старая хвоя, внизу и самые стволы и сучья деревьев; нечего думать пресесть этот широкий огненный поток, эту огненную лавину; при сильном ветре остается только немедленное и поспешное бегство. Но и тут, хотя и редко, бывали случаи гибели.

Главная причина лесных пожаров, конечно, неосторожность и беспечность охотников – «лесников» и рабочих на золотых приисках, так называемых «контрачных» (так как они в большинстве случаев нанимаются по контракту). Умышленные пожары, как, например, в Каслинском и Кыштымском Урале, где заводские крестьяне, частью из личной мести, частью для облегчения рубки леса на уголь, так как тамошние редкие бора очень сучковаты, нарочно зажигают прошлогоднюю ветوشь по обычаю своих соседей башкирцев, здесь составляют чрезвычайно редкое явление. Обыкновенно усталый охотник или рабочий, идущий с приисков или на прииск, разложит костер, не расчистив огнище как следует, заснет крепким сном, и какая-нибудь свалившаяся головешка зажжет прошлогоднюю траву. Хорошо, если почва еще содержит много сырости, но в сухое время пожара можно остановить только в самом его начале, и при дальнейшем его развитии, тем более при сильном ветре, большею частью остается только утекать как можно скорее: никакие человеческие силы уже не в состоянии удержать огненную лаву, перебравшуюся снизу на деревья; через несколько минут все объято пламенем, и гул и треск пожара слышен за несколько верст.

Нередко причиной пожаров является гроза. Большая часть грозовых туч образуется здесь, в самом Урале, и потому нередко случаи молний из таких незначительных тучек, которые только за несколько верст далее разрешаются дождем. Отсюда также становится понятною и сила здешних гроз: грозовые тучи идут так низко, в горах столько железных и магнитных руд, что электричество разряжается не в воздухе, как это чаще бывает в Средней России, а каждый удар молнии есть вместе с тем и боевой и ударяет непременно в землю. В Южном Урале

грозы еще обыкновеннее и опаснее: в Кыштымском заводе и всем известном Златоусте редкая проходит без какого-либо несчастного случая.

Вообще, случаи лесных пожаров от молнии не составляют исключительного явления; гораздо реже причиной этого бедствия бывает подземный огонь. Торфяники не составляют здесь редкости и в сильную засуху часто делаются добычею огня. По-видимому, лесной пожар совершенно прекратился, а торф продолжает медленно тлеть, пока не просохнет верхний слой. Тогда огонь прорывается наружу, снова лес делается добычею пламени, и это может повторяться до тех пор, пока проливной дождь не смочит всего торфяникового слоя или уже не останется никакой пищи для огня. После осенней засухи случается, что снег покрывает всю землю глубоким, чуть не саженым, слоем, а подземный пожар все идет своим чередом, и поздней весной, когда наступят продолжительные жары и засуха, подземный огонь выходит на поверхность.

Чрезвычайно редка, но несомненна одна весьма странная причина лесных пожаров. В таких первобытных лесах, где деревья спокойно доживают с вой век без вмешательства человека, сухие подстоины, т. е. деревья, высохшие от старости, от недостатка света и болезней, зависящих исключительно от вредных насекомых, составляют весьма обычное явление. Часто случается, что два таких сухих дерева соприкасаются между собою или одно упавшее увязает в сучьях другого. Отсюда в продолжительную ветреную и сухую погоду происходит следующее явление: оба дерева вследствие непрерывного трения наконец воспламеняются, огонь быстро обхватывает их, переходит на соседние, на высохшую ветвь, хворост и прошлогоднюю хвою и распространяется все более и более.

Как это ни странно, но можно положительно сказать, что лесные пожары последних лет много способствовали к увеличению разнообразия животной жизни окрестностей Княспинского и смежных с ним меньших озер. Окруженные со всех сторон непроходимыми, никогда не пересыхающими болотами, которые тянутся на десять верст вдоль хребта, они являются естественной преградой губительному действию ю пламени, и все окрестные животные – звери и птицы, вытесненные из самого Урала, т. е. главного кряжа, по необходимости скучиваются у берегов этих озер, где и так растительность, а следовательно, и пища представляют большее разнообразие. В свежих гарниках часто не бывает и малейшего намека на жизнь какого-нибудь высшего животного: можно пройти огромное пространство и на всем протяжении обгорелого леса не встретить не только ни одного мелкого зверька, но даже птицы; гадов же здесь вообще немного, а ужи и змеи даже вовсе неизвестны в Богословской даче. Мертвая тишина царствует в недавно горевшем лесу: всё, по-видимому, погибло или удалилось. Черные обуглившиеся стволы деревьев производят самое тяжелое, грустное впечатление; глаз отдыхает только на свежей траве, пробивающейся сквозь почерневшую землю. Много времени пройдет, пока не заселится вновь эта пустыня, но десятки, чуть не сотни лет протекут прежде, чем она получит, да и навряд ли получит когда свой прежний величественный вид первобытного леса, которого не касалась рука, где редко, а то и вовсе не ступала нога человеческая.

Прежде всех, но уже осенью, появляется в гарнике лось, который любит обгладывать молодые побеги, идущие от корня, и молодые березки в особенности. Сюда же привлекает его огромное количество кипрея – известного иван-чая, который через год покрывает иногда сплошь все пространство гарника целым морем красных цветов и, достигая нередко высоты более сажени, является резким контрастом с печальными, угрюмо торчащими остовами деревьев. Но проходит еще год, два, жизнь все более и более заступает место смерти: мертвые деревья не в силах крепко держаться в почве своими высохшими корнями и с первой бурей горами валятся на землю; скоро над трупами их уже высятся молодые сосенки, ели, пихты и

чаще всего березы, семена которых по своей легкости переносятся на гораздо большее расстояние, чем семена хвойных, да и сами они растут быстрее и нередко заглушают всякую другую древесную растительность. Наступает момент преобладания мелких кустарных пташек; но пройдет еще десяток, другой лет, исчезнут и следы прежнего пожарища: павшие стволы истлевают, превращаются в прах, и на этом прахе быстро возникает новый, еще более непроходимый молодой лес. Старые жители постепенно вытесняются, появляется тетерев, называемый здесь «пальником», свиристели – эти красивые обитатели северных лесов, наконец, рябчик, белка и пр. и пр.; более сильные и старшие деревья, вытягиваясь к свету, затемняют более слабые и молодые, которые сохнут: чаща разрежается, лес все более и более получает свою прежнюю физиономию.

Велико бедствие, приносимое лесными пожарами, но его следует искать главным образом не в уменьшении лесов, а в уменьшении кедровников, которые служат предметом всеобщего промысла и, доставляя каждой семье в урожайные годы десятки, сотни рублей, несравненно выгоднее всякой пашни и любого звериного промысла. Кедруют все без исключения – и бабы, и ребятишки, зверует меньшинство, а потому и переселение или истребление птицы и зверя имеет уже тут второстепенное значение. Важность кедрового промысла ясно видна из того, что при урожае орехов каждый добывает до 60-ти и более пудов ценностью около 150 рублей, так что большая семья нередко зарабатывает до 500 рублей.

Последние пожары истребили все главные кедровники, целые кедровые леса, находившиеся в самом Урале. Теперь остались только небольшие рощи около озер Петропавловского завода, у подножия Кумбы и Денежкина камня, и только на юге, в Павдинской даче и далее к Нижне-Туринскому заводу, они остались во всей своей целостности и вообще теперь более охраняются как от огня, так и от топора. А прежде столетние кедры очень часто рубились жадными промышленниками; на западном склоне это было даже повсеместным обычаем, уничтожившимся весьма недавно, когда вишера, т. е. жители селений берегов Вишеры, прежде со всех сторон окруженные кедровниками, принуждены были шишковать за сто-полтора верст от своего жилища. Для этого варварского обычая у них до сих пор сохранился особый термин: «по дводить шишку к земле».

Кедровники около озер, а также около Княспинского, далеко не имеют важности прежних, тем более что кедр растет здесь небольшими группами у берегов, которым своею темно-зеленою густою хвоею и округленными очертаниями придает своеобразную живописность. Большая часть кедров, однако, рассеяна по болоту, где уже далеко не имеет такого привлекательного вида: они никогда не достигают здесь настоящей вышины и толщины, вид их чахла и болезнен от множества мхов, обрастающих его ствол и сучьев, на них никогда не бывает большого количества шишки, которая вдобавок всегда вполовину мельче.

Но довольно о кедровниках. Об них можно рассказать очень и очень много интересного, но это мы оставим до более удобного случая, а теперь вернемся к озеру и его обитателям.

Нет никакого сомнения, что в прежние времена Княспинское озеро занимало несравненно большее протяжение и было некогда соединено с Глухим и Узким – озерами, лежащими в нескольких верстах к северу от него. О том свидетельствует обширное болото, связывающее все эти три озера, в большинстве случаев доступное только когда оно замерзнет – позднюю осенью и зимою. В конце лета и осенью нет никакой возможности пробраться здесь без риска провалиться сквозь плавучую трясику, еще не вполне осевшую на бывшее дно огромного озера, но весной и в начале лета ходьба эта, хотя и представляет большие затруднения и требует большой сноровки и неутомимости, в сущности безопасна, так как моховые болота тают весьма медленно: лед очень долго держится под этим плохим проводником тепла, и

только сильные жары, перемещающиеся с проливными дождями, снова делают это болото недоступным. Даже в начале июля нога охотника на глубине фута или полуаршина встречает твердую опору, и он рискует провалиться только в окошках, ключевых и ржавчинных местах, лишенных предохраняющего мохового покрова.

Эти огромные болота, во многом напоминающие бесконечные тундры Дальнего Севера и, весьма вероятно, составляющие окраину последней, заселены множеством лосей, которых здесь несравненно более, чем северных оленей, которые еще далее на севере, в свою очередь, становятся гораздо многочисленнее. Никогда и нигде, на памяти старожилов, не жило в Богословской даче столько коренного «зверя», как теперь у Княспинского озера. Теснимые с запада неутомимыми вишерями, которым звериный промысел дает главные средства к существованию, и лесными пожарами лоси уже несколько лет назад прикочевали в окрестности озера и, найдя здесь все удобства и сравнительную безопасность, почти не беспокоимые ленивыми княспинскими охотниками, привыкшими кататься как сыр в масле, поселились здесь и размножились до такой степени, что есть много местностей, где можно быть уверенным непременно встретить этого гиганта наших лесов. Не проходит дня, чтобы собаки здешних лесников не погнались лося; очень часто выходят они на берег в виду их жилищ, расположенных в трех различных местах озера; в жаркие летние вечера стоит только выплыть на лодке в исток последнего, и можно поручиться, что по крайней мере добудешь хоть одного. Но, несмотря на все это, несмотря на все удобства стрельбы с лодки, княспинский охотник только тогда отправляется добывать зверя, когда у него выйдет весь запас мяса, хлеба и чая, рыба не ловится, а деньги необходимы до крайности. Вообще он во многом напоминает башкирца, который тоже живет потребностями настоящей минуты: сыт – спит, голоден – работает.

Трудно представить, каким обилием благ пользуются эти счастливые жители озера и вместе с тем как нерасчетливо и опрометчиво пользуются они этими благами: озеро кишит рыбою, несмотря на безрассудный лов, причем нередко бесполезно гибнет более двух третей, заражая воздух миазмами; бесчисленное множество пролетных уток покрывает его поверхность, огромное количество их выводится в окрестных болотах и в середине лета снова выплывают в озеро; к ним вскоре присоединяются и пролетные утки, возвращающиеся с севера. А тут еще лось, кедровники, белка и рябчик, обилие покосов. И несмотря на все это, княспинские охотники далеко беднее всех прочих своих собратьев, приходящих лесовать к ним же, возбуждая их зависть и мелкие притеснения, причем главнейшую роль играет воображаемое колдовство, в которое, однако, большинство безусловно верит. С любовью к труду истинный охотник легко добывал бы здесь сотни, даже тысячи рублей, а оба старожила озера перебиваются со дня на день, не имеют ни лошадей, ни скота, ни курицы, и только третий охотник, недавно поселившийся на озере, живет несколько зажиточнее. Мясо убитого лося большей частью заменяет им говядину; обилие утиных яиц делает излишним содержание домашней птицы, рыбы в озере много; на хлеб и чай можно выручить продажей звериных шкур, лишней рыбой и покоса – следовательно, для чего же особенно трудиться? Дело очень просто: нечего есть – выехал на озеро, наловил рыбы, а то поехал в исток, убил лося, шкуру и часть мяса продал, купил ч аю, сахару и муки, похуже мясо посолил, и опять неделю-две можно пролежать или еще лучше – пропьянствовать.

К чести богословских охотников, большинство их далеко не следует такому мудрому правилу и несравненно деятельнее своих княспинских товарищей по ремеслу. Особенно отличаются своею неутомимостью и любовью к тяжелому труду промышленника ясачные – название, принадлежащее собственно вогулам, которые не так давно еще платили ясак, т. е. подати мехами, и большею частью, за исключением самых северных частей Пермской губернии, совершенно обрусели и

давно забыли свой родной язык. Селения ясачных находятся на границе Богословской дачи, по берегам Сосьвы и далее на север по Лозьве, но они встречаются и гораздо южнее Богословска, даже около Кувшинского завода, и притом на западном склоне. В настоящее время это название уже имеет более обширное значение и дается всякому охотнику, а это уже само по себе заставляет предполагать, что вогулы всегда имели перевес над русскими промышленниками, что зависело, конечно, не от неспособности последних, а скорее от прежней обязательной работы в рудниках, которая много препятствовала выработке настоящего типа охотника-промышленника, не знающего усталости, изучавшего в корне все привычки промысловых животных, никогда не теряющегося в опасности, во всякое время умеющего ориентироваться. Таковы все вогулы – обитатели Дальнего Севера Урала, вишеры – жители берегов Вишеры, большой реки, впадающей в Каму, и некоторые коренные богословские зверовщики.

II

Весна начинается здесь очень поздно. Глубокие двухаршинные снега, которые в самом Урале и на его западном склоне почти достигают сажени, в не проницаемой для света чаще тают весьма медленно и постепенно, и разливы рек, прекращая почти всякое сухопутное сообщение, держатся очень долго. Бурно катит свои помутневшие волны величественный Вагран, текущий в 10 верстах отсюда, подмывая берега и вырывая с корнем огромные вековые деревья; постепенно, сначала у устьев речек, тает лед озера, образуются закраины, полыньи; силою ветра раздробляется он на несколько частей, которые, в свою очередь, раздробляются в еще меньшие льдины, окончательно тающие у подветренных берегов; озеро, питаемое семью небольшими речками, поднимается на несколько футов выше своего обычного уровня и с каждым днем все более и более оживляется. Еще в середине апреля, даже немного раньше, показываются у закраин и на речках кряковные утки, называемые здесь серухами, и гоголи; вслед за ними появляются крохали, лутки, чирки, шилохвости, свиязи, хохлатые чернети и, впрочем малочисленные, широконоски; наконец – без умолку кричащие кавыки и черные, как уголь, красноголовые и краснолапые турпаны. А в лесу в то же время просыпается бурундук, выходит из берлоги медведь, все чаще и чаще слышится мелодичный свист рябчика, громче и громче щелкает и стрекочет краснобровый глухарь, вытягиваясь на обнаженном сучке дерева. В конце апреля и начале мая бесчисленное множество пташек оглашает озеро безумолчным пением; пищат и стонут пролетные кулики, толпящиеся массами у берегов; количество пролетной птицы увеличивается с каждым днем, и только в конце мая, когда береза почти вполне оденется зеленой листвой, птица окончательно размещается для вывода или улетает на север к берегам Ледовитого моря и на бесчисленные острова устьев Оби.

Еще в последних числах апреля начинает играть щука. Во множестве, однако не стаями, как другие рыбы, а небольшими семьями, входит она через исток, впадающий в Турью, на которой стоит Богословск, в озеро и в мелких полях выпускает свою мелкозернистую икру. К вешнему Николе (9-го мая) вся прибрежная осока улеплена бесчисленным множеством щучьей икры, и сколько ни истребляется она водяными птицами, сколько ни высыхает ее от недостатка воды после того, как озеро и реки войдут в берега, все-таки количество щук уменьшается в сравнительно незначительной степени. Легко наблюдать нерест щуки, в это время очень смирной и притом всегда трущейся у берегов, тогда нетрудно накинуть силос на всю эту щучью артель, даже нанизать всех на острогу. Вообще нерест щуки, в противоположность большей части наших пресноводных рыб, нерестящихся огромными рунами, причем количество молошников – самцов – значительно

уступает количеству икрыников, имеет как бы семейный характер, и самцы здесь гораздо многочисленнее. Отсюда ясно – редкая икринка остается неоплодотворенною, что часто бывает у прочих рыб, и, если бы большая часть выметанной и оплодотворенной икры не погибала на высыхающих разливах и болотах и множество самой щуки и ее молоди не делалось тут добычей различных хищных и водяных птиц, самих щук и прочих рыб, не оставалось бы никакого сомнения в необычайном размножении этого хищника и в постепенном уничтожении всех других пород рыбы.

Нерестится большею частию уже трехгодовалая щука, редкая на третьем году. Необходимо заметить, что и здесь, как почти у всех рыб, молодь крупной щуки, в свою очередь, бывает значительно крупнее и делается способной к развитию икры и молок ранее молоди мелких рыб, которая всегда развивается и растет несравненно медленнее. Самый нерест щуки продолжительнее, чем у других рыб, что, конечно, в свою очередь, весьма способствует удобству ее ловли и в лице человека налагает еще большие преграды ее быстрому размножению. Прежде всех играет самая мелкая, полуаршинная щука; затем – средняя и, наконец, – самая крупная; вообще одновременно мечут икру только щуки одинакового возраста; это правило относится и ко всем почти рыбам, хотя здесь оно выражено еще яснее: очень часто промежуток между нерестом щук этих трех категорий равняется нескольким суткам, особенно при неблагоприятной погоде, так что весь нерест длится иногда 10–12 дней.

Сотни пудов ловятся тогда обитателями Княспинского озера, для которых рыбный промысел, как наиболее сподручный в ряду прочих, всегда занимал первостепенное место. Все рыболовные снасти, за исключением невода, здесь неупотребительного, и жерлицы, совершенно излишней, так как во время нереста ни одна рыба не берет наживы и вовсе не употребляет пищи, идут в дело: денно и нощно, забыв обычную лень, плавают рыболовы в своих корытообразных ботах, представляющих первообраз лодки, или в вертлявых душегубках, легко перетаскиваемых и на суше. Последнему члену семьи работы по горло, и все это крошечное население озера ввиду больших барышей, боясь упустить давно ожидаемую минуту, неутомимо копошится и шныряет по озеру, осматривая свои нехитрые снаряды. С солнцевсхода до полудня и затем до заката продолжается эта горячая деятельность: врожденная жадность промышленника, боязнь упустить безвозвратно дорогую добычу, которая чуть не лезет в руки, делает чудеса; куда девается прежняя лень и апатия! В этих ловких и неутомимых гребцах не узнать прежних беспечных людей, спавших зимой большую часть дня и не заботившихся о завтрашнем дне до такой степени, что, благо лес под рукой, никто из них не заготавливает дрова на зиму.

Просты и немногосложны снасти княспинских промышленников. Прежде всего, еще за несколько дней до начала нереста, когда щука еще только входит в озеро из Турьи и впадающего в нее Княспинского истока, отчасти из речек, втекающих в озеро, и начинает жаться к берегам, как бы отыскивая удобные места для нереста, и еще не разобьется на артели, а бродит почти стаями, если только стаями можно назвать несколько десятков щук, находящихся в расстоянии нескольких футов одна от другой, в это время, предвещающее давно ожидаемую минуту, ловят щук мережами. Это небольшая, двойная, иногда тройная, сеть сажен в десять длины, с редкими наружными и более частыми внутренними ячейками; щука свободно проходит сквозь первый ряд, но зацепляет плавниками за частую сеть и, стараясь высвободиться, наворачивает на себя крупные петли наружного ряда. В мережу, как и другие снасти, щука попадает исключительно по утрам; вечером и около полудня и полуночи, даже в самый разгар нереста, она смиренно лежит на дне, в траве, и отдыхает. Ловко и быстро расставляет рыбак мережи, большею частию у берега; в горячую пору он едва успевает осматривать их и вынимать запутавшуюся добычу, которая хотя и не достигает здесь очень больших размеров, но по величине и

ценности занимает первое место в ряду прочих озерных рыб. Быстро скользят по гладкой поверхности озера легкие челноки, управляемые единственным веслом рыбака, который, стоя на корме лодки, с неподражаемым искусством орудует им, быстро перекидывая его из одной руки в другую. Весь мокрый от брызг пойманной рыбы и вынимания мережи, живо распутывает он добычу, предварительно сломав ей позвоночный столб у головы; затем бросает ее в узкий нос лодки, снова оправляет сеть, и через несколько минут, смотришь, вертлявая лодка, на которой с непривычки ни за что не сохранишь равновесия, ковыляя носом то на правую, то на левую сторону, описывая мелкие зигзаги, снова полетела по озеру.

Но ловля мережей продолжается недолго. Щука скоро совсем подходит к берегам озера или вступает в полон болотистых речек, впадающих в последнее, и начинает уже плавать в таких мелких местах, где сеть не может быть расставлена; там и сям можно увидеть высывающиеся спины целой артели щук. Начинается не менее обильный лов мордами – кувшинообразными снарядами, сплетенными из ивняковых прутьев или составленными главным образом из сосновых драночек, с горлом, суживающимся воронкой, обращенной внутрь кувшина. Всюду, в устьях рек, в протоках, заливчиках, так назыв. курьях, расставляются эти морды, и рыболову остается только как можно чаще осматривать их, открывать отверстие на узком конце, вываливать рыбу в лодку и снова втыкать кол, привязанный вертикально к снаряду. Морды или верши, конечно, имеют преимущество удобопереносимости, но для щуки они далеко не имеют такой важности, как котцы, специально предназначаемые для ловли этой рыбы, частью карасей, которых, впрочем, здесь, в озере, почти во все нет. Эти котцы не что иное, как ряд узеньких сосновых драночек, воткнутых на известном расстоянии, связанных вверху и внизу мочальными бечевками и завивающихся в виде четырехугольного лабиринта. Драночки начинаются обыкновенно от самого берега, так, чтобы щуки, идущие вдоль последнего, не могли обойти их выше и по необходимости вступали бы в тесный лабиринт котцов; забравшись сюда, им уже нет никакой возможности повернуться и возвратиться назад. Отсюда рыбак вытаскивает рыбу особым узким сачком, а позже, особенно летом, нередко вместе с рыбой ловит и уток, которые часто заплывают сюда, привлекаемые лакомой пищей, и по тесноте и высоте котцов не имеют никакой возможности ни выплыть, ни вылететь.

Но во время самого нереста, в самый разгар его, когда щуки не обращают почти никакого внимания на человека, кроме этих снарядов, огромное количество ее ловится острогою, силками, бьется из ружья, а иногда вытаскивается и простым сачком. Несмотря на неуклюжесть здешней о строги почти без зазубрин, ею иногда добываются десятки пудов щуки и при ловком ударе случается, что вся артель сразу нанизывается на этот семизубец [41 - Вообще надо принять за правило бить сначала самцов; в противном случае они разбегаются.]. Но ловля силком, весьма употребительная у башкирцев на озерах Екатеринбургского уезда, и стрельба щуки имеют уже случайный характер и употребляются весьма редко.

Вообще вся водяная птица, как сказано выше, прилетающая не ранее начала апреля и исхудавшая от дальнего путешествия, только теперь, перед кладкой яиц, отъедается щучьей икрой и, в свою очередь привлекаемая обильною пищею, теснится у самых берегов. Целые тучи связей, гоголей, лутков, чернетей и турпанов, прилетающих после всех уток, даже чирки, кряквы и шилохвосты все это время держатся в прибрежной осоке, побелевшей от прильнувшей к ней рыбьей икры. Им нечего страшиться: мелкие и средние щуки для них неопасны, крупные редки, да в нерест они не обращают внимания на них. Длинной вереницей, словно шеренга солдат, подплывают черные турпаны; в беспорядке, там и сям, мелькают ныряющие гоголи; галдят, собравшись в тесную кучу, громоголосые кавыки (*Harelda glacialis*), еще не улетевшие далее на север; большинство других уток уже

заметно плавают парочками. Вся эта пестрая толпа кричит и крикает без умолку, ныряет, плещется, хлопает крыльями; не обращая никакого внимания на нее, спокойно высматривая рыбу, сидит на сухой лесине скопа – это хищная птица, питающаяся только рыбой. Вот она завидела крупную добычу, как молния окунывается в воду и вытаскивает двухфунтовую щуку. Не всегда, однако, эта жадность проходит ей даром: крупная десятифунтовая щука уже легко топит своего цепкого всадника и долго ходит с ним, пугая суеверных рыбаков во время осеннего лученья. Нет сомнения, что отсюда-то и произошли большая часть рассказов о виденных ими водяных.

К тому времени побережья озера оживляются еще более. Пролетные стаи куликов самых разнообразных пород толпятся на берегу, звонкий писк и свист их далеко слышатся в воздухе. На песчаных мысах сотнями перелетывают крошечные кулички-воробьи; у самого берега плавают немного большие по величине сметанники, или плавунчики; по покосам проворно семят ржанки, называемые здесь кокошниками; в соседних кустах уже поет соловей-красношейка (*Lusciola calliope*), неизвестный в России; в ельниках у воды летают стаями и свистят без умолку недавно прилетевшие свиристели – обитатели Дальнего Севера, которых мы видим в Средней России только в холодное время года. Каких только птиц не живет в окрестностях Княспинского озера! Но оставим их в покое.

Почти одновременно со щукой, когда полая вода ручьев и рек освежит затхлую воду озера, зимой вследствие причин, имеющих быть изложенными ниже, совершенно лишенного и своих подводных жителей, в него входят из Турьи через исток язь, окунь, затем ерш, составляющий главную массу рыбы озера во все времена, когда оно свободно от льда. Но язь входит сюда в весьма небольшом количестве, и большая часть его вылавливается еще в Турье богословскими рыбаками, которые своими плетневыми заязками заграждают ему дальнейшее поднятие вверх по реке. В начале мая густыми стаями выплывает он из глубоких ям Богословского пруда, составленного этою рекою, на более мелкие места, затем входит отдельными рукавами в «трубу» реки; но здесь его встречают вышеупомянутые заязки – и он битком набивается в морды, расставленные в промежутках плетня. Редко, только в очень большую воду, представляется возможность обойти эту преграду, но за нею следует вторая, третья, так что рано или поздно большая половина язиной стаи делается добычей рыболовов, жадно стерегущих богатую добычу, ценимую еще дороже щуки. В 1872 г. одними богословскими рыбаками было поймано в Турье более 500 пудов этой рыбы, достигающей здесь весьма большой величины – до 8 фунтов, даже более. Играют только крупные, трехгодовалые, язи-фунтовики: меньшие, т. н. подъязки, т. е. годовалые и двухгодовалые язи, остаются в пруде и вовсе не поднимаются в реку. Сначала идет самый мелкий язь – фунтовик, и эти стаи по причинам весьма понятным есть самые многочисленные; вскоре, вслед за ними, иногда в ту же ночь, идет четырехлетний, пятилетний и, наконец, самый крупный и вместе малочисленный язь. Вся игра продолжается, однако, всего ночи две, три, так как он, подобно плотве, нерестится только по ночам. За все это время, даже за несколько дней до настоящего нереста, всегда пугливый, осторожный и необыкновенно чуткий и бойкий язь едва ли не смирнее щуки: в самый разгар игры случается нередко наезжать лодкой на язиновую стаю, и можно подумать, что он видит тогда очень плохо, да и слышит тоже хуже обыкновенного. Но при сильном шуме он проявляет вполне свою прежнюю ловкость и необычайную силу. Нередко случается видеть, как испуганная стая стремглав бросается назад от заязка или перепрыгивает через него, хотя бы он торчал на аршин или еще выше над поверхностью воды.

Гораздо большее значение для озера имеют окунь и в особенности ерш. Первый нерестится в середине, второй – в конце мая, и этим заканчиваются весенние

периодические явления жизни рыб озера. Чебака, т. е. плотвы, нет даже в реках; елец, довольно многочисленный в Турье, там же и мечет икру; налим любит проточную воду и живет главным образом в иловатом истоке озера, а летом составляет единственную рыбу последнего; хариусы и тальмени – уральские форели – жители горных уральских речек и их самые многочисленные обитатели отсутствуют даже в Турье, представляющей для них благоприятные условия, но запруженной в двух местах, в силу чего вся эта рыба, давно скатившаяся вниз по реке, не может подняться в ее верховья и держится только в низовьях.

Итак, в середине мая, как только начнут распускаться березовые почки, вскоре вслед за язем окунь поднимается из Богословского пруда и Турьи в исток, массами входит в озеро и вливающиеся в него речки. Но здесь он далеко не имеет таких огромных размеров, как в проточных озерах Екатеринбургского Урала, где попадаются гиганты в 12, даже 15 фунтов. Окунь 2-фунтовика составляет здесь уже весьма редкое явление; только в исключительных случаях несколько большие попадаются в глубоком Богословском пруде. Причина тому лежит, во-первых, в удобстве вылавливания как этой, так и прочей рыбы, во-вторых, в том, что она находит здесь обильную пищу только летом, а не в продолжение всего года, как в екатеринбургских озерах. Княспинское озеро также кишит мормышем (*Gammarus*) – особой породой небольших рачков менее дюйма, составляющих самую лакомую пищу почти всех рыб, но зимой рыба вовсе не пользуется этим изобилием, так как вся без исключения уходит из озера.

Наибольшее количество окуня приходит сюда из Богословского пруда. Гораздо ранее, еще в первых числах мая, он выходит отсюда в Турью, соединяется там со стаями, прозимовавшими в реке, и густыми рюнами вступает в исток, где княспинские рыбаки встречают его целым рядом заязков. Сотнями, тысячами набиваются они по самое горло расставленных морд; случается зараз вытаскивать по пяти, даже десяти пудов рыбы, но большая часть успевает, однако, обойти разливом и входит в озеро и реки, где заканчивает свой нерест, и в конце мая возвращается в озеро, отдыхает несколько дней и затем начинает жадно отъедаться мормышем. Это явление, т. е. непродолжительный отдых после нереста, большую часть на глубине, и затем жадный клев присущи почти всем рыбам.

Самый нерест, в противоположность игре язя, производится не на каменистых перекатах, но в травянистых мелких заливах – курьях, где молодая рыбешка защищена от непогоды и обеспечена достаточным количеством пищи, состоящей первоначально из мик роскопических животных. В таких удобных местностях собираются тысячи, иногда десятки тысяч окуней, большую часть икрянок, так как самцы гораздо малочисленнее, и здесь-то производится та рыба пляска, которую, конечно, удавалось видеть только немногим, посвященным в тайны подводного мира. Вода кипит от множества рыбы; десятки, сотни окуней, то желая избавиться от отягощающей их икры и молок, то выпираемые наружу нижними рядами, разом поднимаются на воздух, плещутся и кружатся на поверхности воды. Вся эта давка и бешеные скачки увенчиваются наконец успехом: длинными, почти двухаршинными, лентами шириною в черенок ножа вытекает игра и по выходе свертывается в клубок и прикрепляется к стеблям подводных растений, или свободно плавают на поверхности. Стая уменьшается с каждым часом. Через сутки нерест заканчивается; вся рыба уходит обратно в озеро, и только бесчисленные икряные клубки, белеющие в заливе, свидетельствуют о недавнем присутствии множества рыбы. В таких-то курейках и расставляются морды, и вся задача ловли заключается в знании мест, удобных для нереста; а рыба, в особенности играющая большими стаями, сама ищет тесноты и жестких предметов, которые бы способствовали скорейшему вытеканию икры и молок. Нерест окуня довольно продолжителен; вообще он длится 4–5 дней, что зависит от различия игры

различных возрастов; сначала играет мелкий и многочисленный – 2–3-годовалый окунь, позже всех – самый крупный.

Ерши – самая главная, но вместе и самая мелкая рыба озера. В противоположность исполинским фунтовым и полторафунтовым ершам екатеринбургских озер, они только в редких случаях достигают здесь 1/4 фунта веса, и ценность его потому втрое меньше против щуки и окуня, продаваемых на месте по 1 р. 80 и 1 р. 60 к. с. за пуд. Но по количеству как весеннего, так, еще более, осеннего улова для княспинских рыбаков он бесспорно имеет первостатейное значение. Плодовитость ерша, его колючая щетина, предохраняющая от нападения щуки и окуня, достаточно говорят в пользу того мнения, что он до тех пор будет занимать здесь первое место, пока не изменятся местные условия и его пребывание в озере сделается невыносимым и в летнее время года.

В сравнении с окунем стаи ерша, идущего в озеро и в речки для метания икры, несравненно многочисленнее: из озерных рыб только чебак, которого, впрочем, здесь вовсе нет, может поспорить с ним в этом отношении. Десятками тысяч входит он в устья речек и мечет тут икру, выбирая самые глубокие и чистые места с песчаным дном. Никогда не играет он в траве и камышах, и для нереста ему необходимы глубокие ямы с песчаным или хрящеватым ложем. Такие удобные местности находятся в весьма немногих местах озера, и потому он собирается сюда в несметном множестве, такими сплошными стаями, что рыбаки, попав в самый разгар нереста, без труда вытаскивают их сачками, нагружают ими полные лодки и продолжают это истребление до тех пор, пока не закончится самый нерест, вообще весьма кратковременный, или пока у величавшийся шум не распугает рыбы и она не удалится в другое место. Но все-таки весенний лов ершей далеко не имеет того значения, как осенний, когда они вылавливаются почти начисто, так как нет ничего легче пропустить время их игры; они мечут икру всегда одну ночь. В морды же ерш идет плохо, да их и неудобно ставить в широких и глубоких устьях речек. Другое дело, если бы для ловли их употреблялся небольшой невод, но последний здесь почти невыносим, отчасти по мелкости всего озера, имеющего средним числом глубину около полутора аршин и в немногих местах достигающего сажени, но еще более по причине своей необычной иловатости. Этот ил, т. н. «няша», сносимый сюда речками с окрестных гор, главным образом продукт гниения ежегодно обновляющейся растительности, во многих местах достигает глубины одного, даже двух аршин, свидетельствуя о прежней глубине озера и ожидающей его участи. В сравнении прежних лет и теперь уже заметно уменьшение рыбного богатства Княспинского озера, и немного десятку в лет пройдет, когда это озеро окончательно заплывет, когда жизнь рыбы в нем будет уже невыносима.

III

С окончанием нереста ерша, даже еще ранее, так как не всегда удается «потрафить» на него, обитатели озера, заручившись деньгами, снова предаются своему любимому занятию – кейфу и пьянству. Прежней деятельности как не бывало, озеро пустеет и кажется совершенно безлюдным и необитаемым; прежние неутомимые рыболовы покидают большею частью на несколько недель свои лачуги, и иногда со всею семьею, заколотив жалкие избенки, через исток и Турью сплавливают на лодках всю остальную добычу в Богословский завод, оставаясь там до тех пор, пока не останется и копейки из заработанных денег. Десятки, даже сотни рублей оставляют они в кабаках и прежними оборванцами, с каким-нибудь пудом ржаной муки и фунтом чаю и сахара, возвращаются на родное озеро. Плохо дело, надо опять приниматься за работу, а рыба уже не очень-то дается.

Тем временем начинается лето, кратковременное, но жаркое лето холодных стран,

но еще долго не устанавливается оно. Палящие тридцатиградусные жары без малейшего ветра, и сухая мгла от лесных пожаров вдруг сменяются продолжительным туманом и холодным ненастьем. Задымился Урал и все камни – верный признак наступления дурной погоды; с беспредельных тундр дальнего северо-востока несутся испарения, низкие, беловатые облака облекают весь горизонт, вершины и ближних гор не видны за ними, дальние сопки исчезают в тумане. Денно и ночью, иногда целую неделю, льет холодный, мелкий, но спорый дождь, часто в самом Урале превращающийся в снег; быстро тают на вершинах высоких гор обледеневшие снега, сохраняющиеся на сиверах и в оврагах в продолжение всего лета; со всех покатоостей, со всех ложбин вода бежит ручьями, наполняет горные речки и реки, снова разливаются последние, прекращая всякое сухопутное сообщение; бурно катит свои волны величественный Вагран, унося столетние деревья, вырванные с корнем. А в то же самое время на той стороне Урала небо чисто и безоблачно.

Причина тому очень простая: низкие облака, нагоняемые северо-восточным ветром, не могут перебраться через хребет и следуют уже не настоящему направлению ветра, а, постепенно сгущаясь, тянутся вдоль Урала. Отсюда понятна также непрерывность ненастья в Урале и перемежаемость его в предгорьях и далеко к востоку, где приносимые испарения далеко не достигли надлежащей плотности. Справедливо северо-восток называется по всему восточному склону Гнилым Углом: до тех пор пока не подует сильный ветер с запада или севера, горизонт не расчистится и не наступят прежние ясные дни. Беда в подобное ненастье заблудиться в Урале. Местность становится вовсе не узнаваемой, горы, главные пункты для ориентировки, исчезают в непроглядном тумане; за сто сажен, иногда и того менее, деревья неразличимы, и горе насквозь промокшему путнику, если он сбился с дороги в бору; ему предстоит горькая участь замерзнуть летом от холода и сырости; хорошо еще, если он найдет березняк и будет иметь возможность сделать берестяной шалаш, разложить с великим трудом огонь и согреть свое окостеневшее тело. Подобные случаи всего чаще бывают с «контрачными», приходящими сюда издали, не знающими ни местности и не имеющими надлежащей сноровки, врожденной коренному жителю, вполне сроднившемуся со своими бесконечными лесами, в которых он родился и вырос.

Вернемся, однако, к озеру и его животному населению. Одно время, именно в конце мая, когда окончательно улетают все пролетные утки и различные северные породы куликов, заканчивается пролет пташек и – факт интересный, присущий едва ли не одному Северному Уралу – скрываются все селезни уток, как только последние сядут на яйца, – одно время население озера видимо уменьшается, но это продолжается весьма недолгое время и не относится к подводным жителям озера. К концу мая вся рыба из рек собирается в последнее, с каждым днем оно наполняется ею, и, наконец, в Турье остаются только чисто речные: голянь, елец, язь и голец, а в иловатом истоке – один налим; весь окунь, ерш, вся щука приходят в озеро и после продолжительного поста и изнурения жадно отъедаются своею собственною и чужою икрой и мормышем. Пора ловить щук жерлицей и дорожкой, скоро начнется баснословный клев окуня.

В конце мая и начале июня озеро действительно кажется наиболее пустынным, чем в какое другое время года, за исключением поздней осени и зимы. Большинство куликов разлетелось по болотам или удалилось на север; почти все утки, за исключением турпанов и хохлатых чернетей, продолжающих плавать стаями по озеру, сели на яйца; селезни их улетели на озера Екатеринбургского и Шадринского уездов, где для них полное приволье и более пищи. Действительно, целые стаи самцов гоголей, свиязей, лутков и пр. появляются там в огромном количестве около этого времени и не оставляют никакого сомнения в этом странном факте, которым,

в свою очередь, объясняется многочисленность холостых уток, почему-либо лишившихся своей первоначальной кладки. Начиная с июня ни на озере, ни на реках не остается почти ни одного селезня, только турпаны и чернети, улетающие осенью с самками, составляют исключение.

Прежде всех, с середины мая, начинают мало-помалу исчезать кряковые утки, затем шилохвости, чирки, свиязи, гоголи и лутки. Селезни улетают, все самки садятся на яйца в прибрежных болотах и лесах, и к концу месяца чернети и турпаны составляют, по-видимому, почти единственное население озера. Длинными вереницами плавают последние посредине, приближаясь к берегу только ранним утром и к вечеру. На известном расстоянии ясно различаешь, как правильно чередуются черные как смоль красноклювые самцы с бурыми самками и, оглядываясь на охотника, торопливо плывут от него, пока выстрел или чересчур близкое соседство лодки не встревожит их окончательно. Тяжело, но разом, точно по команде, поднимаются они, задевая и хлопая крыльями в тесноте, и, мелька я своими белыми зеркальцами на крыльях, пролетают несколько десятков сажен, грузно шлепаются в воду и снова плывут правильными рядами, заключающими десятки, иногда сотни птиц. Без сомнения, отсюда и произошло сибирское название турпана «неводчик», и едва ли есть другая более общительная порода уток: во всякое время турпанов можно встретить стаями, и между ними всегда существует полный мир и согласие, даже когда все другие утки разбиваются на пары и плавают отдельными выводками.

Очень поздно, позже всех пород уток, в середине июня садятся турпанихи на свои гнезда, иногда весьма удаленные от озера, и непременно на сухом месте леса. Неделю, двумя ранее в болоте, почти у самого уреза воды, несутся хохлатые чернети, красивые самцы которых с длинными косицами на голове, подобно турпанам, улетают отсюда вместе с самками. Это тоже, вместе с гоголем и турпаном, одна из самых многочисленных уток озера, что заметно только по прилете, когда чернети еще не разбились на пары и не скрываются в прибрежной осоке.

Но в то же самое время, когда чернети начинают нестись, а турпаны приискивают в лесу удобные места для гнезда, озеро с каждым днем все более и более оживает. Еще в конце мая мало-помалу со всех окрестных болот начинают собираться в береговую осоку озер и речек многочисленные выводки серушат, т. е. кряковых утят. Вскоре вслед за ними выплывают на озеро и молодые шилохвости, вороватые свиязята, бесхитростные чирята, и, наконец, на середине уже ныряют красивые утята гоголей и лутков, у которых очень часто можно встретить смешанные и необыкновенно многочисленные выводки. Нередко можно наблюдать, как гоголиха, высоко плавая в воде, ведет за собой целую стаю, чуть не два десятка черненьких белощеких утят. Глухо покаркивая и беспокойно оглядываясь на приближающуюся лодку, собирает она все свое многочисленное потомство, наконец поднимается на воздух, свистя крыльями. В то же мгновение, как по сигналу, тесной кучей проворно бегут по воде в ту же сторону гоголята и проплывают несколько сажен под водой, через минуту всюду мелькают их черненькие головки. Выстрел в бегущую толпу разом кладет половину на месте и разрешает недоумение: к вашему крайнему удивлению, оказывается, что половина выводка состоит из гоголят, другая из лутят, весьма похожих на первых и отличающихся только гораздо более узким клювом. Точно так же нередко случается видеть, как гоголиха водит одних или почти одних лутят и, наоборот, как луток плавает с гоголятами. Не трудно, однако, разъяснить эту странность: дело в том, что как гоголь, так и луток несутся в дуплах, и притом почти одновременно – во второй половине мая. Часто бывает, что в одно и то же дерево кладет свои белые яйца лутчиха, и свои синеватые – гоголиха. Как та, так и другая, совершив кладку, обыкновенно ранним утром возвращаются обратно на озеро, и так как для этого требуется не много времени, то обе утки легко могут не

заставать друг друга до тех пор, пока одной из них не придет пора садиться на гнездо. Таким образом, эти сборные яйца чаще всего достаются несколько ранее несущейся и притом более сильной гоголихе, которая нередко выгоняет из дупла несущуюся или же совсем поселившуюся в нем лутчиху. Случается в одном и том же широком дупле находить до 20 яиц обеих пород, даже наблюдать не только побоища между двумя самками, но и как гоголиха или лутчиха поочередно вытаскивает за шейку каждого утенка и, спрятав его у берега, возвращается за другим, за третьим, до тех пор, пока не перетащит все семейство. У многих охотников и вообще во всем Урале распространено мнение, что гоголь зарывает каждого утенка в песок или же опутывает (?) ему ноги, что делается будто для того, чтобы они не могли разбежаться, но это, конечно, очевидная нелепость, вероятно вызванная тем, что гоголята сидят притаившись в углублениях на берегу и некоторые из них случайно запутываются ногами еще в гнезде, в котором между прочими материалами часто случается находить волосы, шерсть, длинные тонкие с тебли растений и т. п.

Вообще, начиная с первых чисел июня, кратковременно опустевшее озеро оживляется все более и более. С каждым днем стекаются в него новые утиные выводки, прибрежная осока кишит серушатами, свиязятами и чирятами, на середине плавают проворные гоголята и лутята. В утренней тишине или на солнечном закате всюду слышится писк утят, кряканье, свист и гоготание уток. Пустеют окрестные болота, берега речек и истока, сотни выводков собираются со всех сторон к озеру, и сколько ни истребляется их мелкими хищниками, привлекаемыми, в свою очередь, легкой добычей, сколько ни давится их собаками и ребяташками, одинаково скучающими от безделья, а при удобном случае и самими княспинскими рыбаками, снова выехавшими на промысел щуки и окуня, количество их все увеличивается и увеличивается. Трудно поверить, чтобы можно было в одно утро или вечер застрелить до сотни утят на выбор, оставляя в покое обыкновенные породы, не нужные для коллекции. Вообще здесь стреляют их очень мало, большею частью богословские охотники, приезжающие иногда к середине июля, а обитатели озера предпочитают не тратить дорогого пороха и ограничиваются тем, что давят собаками, ловят руками и бьют веслом еще не оперившихся.

Им, впрочем, и некогда заниматься такими пустяками. Рыбная ловля и летняя охота на лося дают несравненно больше выгоды, и если представляется крайняя необходимость в заработке, то, конечно, лучше выехать на озеро с рыболовными снастями или спуститься по истоку с «туркой», заряженной пулей, и незаметно подплыть к «зверю», который с наступлением жаров беспокоемый мириадами комаров и паутов – этим неизбежным злом севера, – все время держится у истока, в котором ночью кормится листьями и корнями желтой кувшинки – вахты, растущей во множестве, а днем, стоя в воде по самые уши, спасается от своих назойливых мучителей.

«Бойся не медведей и лихих людей – бойся комарей да мошкарей», – говорят жители Богословского Урала, и совершенно справедливо. Комары в начале, мошки в конце лета – это настоящий бич здешних местностей, о котором, не побывавши на севере, никто не может получить и малейшего понятия. Напрасно таскаешь за спиной дымокурку – жестяную кружку, прикрепленную к дощечке, с которой не расстается богословский лесник ни дома, ни тем более в лесу, напрасно кладешь туда гнилушек и березовых губок, дым от коих не так едок, тщетно обкладываешься на ночь огнями, а то ночуешь на помосте, под которым раскладывается дымящийся костер: стоит ветру отнести дым в сторону – и тысячи комаров или мошек облепляют лицо, руки, проникают под платье, садятся на ствол и цель ружья, не дают ни спать, ни прицелься. Без дымокурки и мази из свиного сала со скипидаром, которая всего действеннее, хотя и на короткое время, нет никакой физической возможности путешествовать на севере, но и с этими

предосторожностями лицо и руки с непривычки опухают от бесчисленных уколов, и в бессильной злобе много проклятий посылаются безо твязным мучителям.

Оставим, однако, их в покое и вернемся к озеру и его подводным обитателям.

Выше было сказано, что рыба после нереста вообще скрывается на глубинах и в продолжение некоторого времени, не попадаясь ни в сети, ни на удочку, не заявляет ничем о своем присутствии. Этот более или менее продолжительный отдых есть явление общее почти для всех рыб.

Прежде всех заявляет о своем присутствии в озере щука. Недели две спустя, т. е. в конце мая, жадно начинает она охотиться за своим же только что выключившимся потомством, во множестве поедает окуневую и ершовую икру, во множестве попадает на жерлицы, дорожки и в ботальные мережи: в начале июня лов щуки в полном разгаре. Княспинские рыбаки, промотавшие весь весенний заработок, спешат захватить хоть конец клева и всюду расставляют кольца с жерлицами, ботальные сети, ловят на дорожку. Всюду шмыгают их ветхие лодчонки, там и сям слышится глухое бульканье ботала, далеко слышное по воде; снова закипает жизнь на озере.

Почти все эти способы ловли не лишены оригинальности и, вероятно, знакомы далеко не всем, почему описание их вряд ли будет излишним.

Самая простая снасть – жерлица – в некоторых частностях несколько отличается от жерлицы, употребляемой в Средней России. Здесь мы также встречаем кол и большой крючок, часто своедельщину, и способ прикрепления бечевки к колу почти тот же. Конец бечевки также привязывается к палке, а далее она наматывается на костылек в виде рогульки, которая и надевается на кончик шеста, воткнутого в наклонном положении. Нажива не должна достигать дна, и нет особенной надобности, чтобы она состояла из живой рыбы – «животи». Ельца – самой лучшей и любимой приманки щуки – достать здесь весьма трудно, и приходится довольствоваться окунем, даже ершом, колючие плавники которых для вящего соблазна обрезают начисто. Голодная щука, не разбирая, хватает с разбега приманку, сдергивает костылек и с некоторым усилием, спустив бечевку с упругих рогулек последнего, начинает ходить кругами, подергивая и самый кол, слабо держащийся в вязком иле озера. Небольшая и средняя щука не в силах оборвать бечевку, крупная же выдергивает иногда и самый кол, но тем дело верней и безопасней; в озере растет только низкая трава, мох и водоросли, хворосту в нем мало, и запутаться ей мудрено, да, пожалуй, намокший шест недалеко утащат и самые «хрушкие» щуки, которые здесь в большую диковинку; более десяти фунтов попадаются весьма редко. Таким образом, костылек предохраняет натянутую веревку от разрыва и, кроме того, дает знать издали, поймана ли рыба или нет. Необыкновенно зоркий глаз рыбака далеко видит спущенную и висящую рогульку и, смотришь, через несколько минут или секунд последний без труда вытаскивает уставшую рыбу, проворно ломает ей голову, снова наживляет крючок, наворачивает бечеву и отправляется к другой, третьей жерлице. В самый разгар клева рыбак едва успевает осматривать все свои жерлицы, и случается, что с одной и той же снасти он снимает добычу по три-четыре раза. Еще интереснее ловля щук на дорожку. В сущности, это та же блесна среднерусских рыбаков. Она также состоит из некоторого подобия рыбы, сделанной из железной или медной пластинки не более четверти в длину и с небольшим выгибом спереди; на широком конце ее просверливается небольшое отверстие, а узкий – хвостовой – конец ее вытянут в вертикально направленный крючок, который иногда и припаивается; у корня последнего привязывается кусочек красного сукна или другой материи, долженствующей изображать плавник рыбы. В отверстие пластинки сначала прикрепляется короткая проволока, а затем длинная бечева, от десяти до двадцати сажен, которую гребец держит в зубах и вместе за ухом, через это слышен самый слабый клев или задев.

Весь успех ловли дорожкой зависит единственно от того, верно ли она сделана и на месте ли у нее центр тяжести; только тогда она плавает как следует, плоскостью кверху – плашмя и, след овательно, крючком книзу [42 - Если делать ее так, чтобы крючок был обращен кверху, то рыба будет очень часто срываться.] и вместе с тем быстро колеблется с боку на бок – играет, по выражению рыбаков. В противном случае колебания эти неправильны, дорожка почти не сверкает в воде и проплывает незамеченная рыбою, да и вообще эти дорожки редко задаются: по-видимому, она совсем как следует, а между тем щука берет ее очень плохо, и потому хорошую снасть рыбак не продаст и за синенькую, хотя она в заводе стоит каких-нибудь 25 копеек. Для большего сходства с рыбою, именно окунем, дорожку иногда делают с поперечными темными полосками.

На озере, однако, дорожат щук сравнительно очень редко, и главная ловля этим немудреным снарядом производится в реках: в Вагране на нее берет, кроме щуки, и хищный тальмень или «лень», а в Сосьве и нельма, столь похожая на нашу белорыбицу. Там ловля на дорожку в большом ходу и по многим причинам играет там одну из первостепенных ролей, но з здесь она употребляется довольно редко и больше к осени, незадолго перед тем, как рыба тронется из озера в исток и оттуда в Турью.

Нельзя сказать, впрочем, чтобы и здесь щука плохо брала на дорожку. Конечно, не всякий год бывает хороший клев ее на последнюю, что зависит от многих труднообъяснимых и, по-видимому, весьма сложных причин; но все-таки нередко случается в утро и вечер, так как вообще вся рыба кормится исключительно ранним утром и перед закатом, выдородить до десятка пудов мелкой и средней щуки. Большие щуки в озере вообще редки, и полупудовая рыбина уже в состоянии остановить и даже потащить медленно и равномерно плывущий челнок рыбака и большею частью, обрывая с разбега недостаточно толстый шнурок дорожки, редко достается в добычу.

Вообще ловля дорожкой в самый разгар клева щуки в озере и еще более тальменя в Вагране и в верховьях Сосьвы есть один из самых занимательных способов ужения, который в большинстве случаев требует большой усидчивости и терпения. С напряженным вниманием сидишь в корме лодки и осторожно, стараясь не нарушить тишины раннего утра, медленно опускаешь весло в воду, заворачивая его у кормы, так что оно служит вместе и рулем; бечевка, наложенная для большей чувствительности за ухо, мерно и часто колеблется – верный признак, что дорожка играет как следует. Вдруг шнурок быстро натягивается и больно режет ухо: это щука схватила с разбега сверкающую приманку; еще мгновение, и она сама собою подсекается инертивным движением лодки; с большей и меньшей осторожностью вытаскиваешь ее или даешь ей предварительно увлечь легкий челнок, слегка подсобляя веслом и постепенно убавляя бечевку, подводишь наконец измученную рыбу к корме и захватываешь ее сачком.

Нередки, впрочем, и фальшивые тревоги и промахи, так как щука, завидевшей мимо плывущую дорожку, большею частью приходится хватать ее не прямо с хвоста, а несколько сбоку; вот почему очень часто случается вытаскивать щук за жабру, за бок и даже за хвост. Но и в промахе не велика беда: и здесь, как и везде, утешаешь себя тою мыслию, что лучше промах, чем ничего, и снова плывешь по невозмутимому озеру, постепенно отпуская бечеву, стараясь грести так, чтобы дорожка сверкала на глубине полуаршина.

К середине июня щука перестает до самой осени жадно брать на жерлицу и дорожку: к тому времени всюду появляется мелкая рыбешка, и она везде находит себе достаточное количество пищи. Озеро кишит мелюзгой, бесчисленные стаи ее толпятся у берега и играют на солнце; проворно разбегается она при усиленном шуме и приближении лодки; подобно брызгам, разлетается во все стороны – верный

знак, что за своим же собственным потомством охотятся алчные щука и окунь. Последний, изнуренный продолжительным постом, начинает сильно клевать, в свою очередь, снова собирается в многочисленные стаи и жадно отъедается своею же собственною молодью, мормышем и другими мелкими животными организмами. С первым цветком «шипшиника», т. е. шиповника, рыбаки с нетерпением ждут начала клева, готовят свои незамысловатые удочки, запасаются червями, чинят ботальные мережи и поправляют разошедшиеся ботала. Летний лов в полном разгаре; скоро начинается и клев ерша, но по своей мелкости он большею частью беспрепятственно проходит через сети и берет на червяка гораздо хуже окуня; любимая пища его – мормыш, в чем легко удостовериться: каждый пойманный ерш буквально по горло набит этим рачком.

Выше мы упоминали, что озеро вообще довольно чисто; в нем почти вовсе нет ни камыша, ни тростника, ни каких других крупных водяных растений, в тени которых в полуденный жар знойных летних дней, когда вода нагревается свыше 20°, так любит держаться рыба. Все озеро, правда, заросло, но мелкими растеньями, которые в виде мха стелются по дну и дают обильный материал для образования няши. Вот почему в искусственной тени, устраиваемой рыбаками посредством целых груд хвороста и срубленных деревьев, рыба собирается в огромном количестве. Здесь-то и удят ленивые и несовершеннолетние обитатели озера, между тем как более старательные, или, вернее, временно понуждаемые потребностью в деньгах, расставляют тут же свои ботальные мережи. Ранним утром далеко слышится урканье ботала, и, ловко владея и вместе управляя им лодкою, загоняет рыбак неподвижно стоящую щуку и непрерывно шныряющего окуня. Ботальная сеть, в сущности, та же двойная мережа, но с весьма незначительными изменениями. Главная разница, однако, та, что рыба заходит сюда не сама по себе, а загоняется помощью особого снаряда, производящего весьма сильный шум. Это ботало состоит из более или менее длинного шеста, к концу которого прикрепляется или вворачивается т. наз. – колокол – деревянный или железный снаряд колоколообразной формы, внутри пустой. Воздух, сжимаемый ударом колокола, производит этот глухой, но весьма сильный звук, заставляющий испуганную рыбу бросаться стремглав вперед, где ее встречает сеть, в которой она и запутывается. Звук этот бывает тем сильнее, чем правильнее сделан самый колокол, диаметр отверстия которого должен быть у краев уже, чем посредине. Все, конечно, зависит от удачного выбора места, уменьшая ботать; соблюдение тишины при забрасывании сети имеет также важное значение. Если рыбы собралось много, то нередко удается вытащить зараз до 5 и более пудов. Тихо и бесшумно подвигается лодка к намеченной гряде хвороста, осторожно выкидывает рыбак сеть; внезапно окрестности озера оглашаются гулкими ударами ботала, отдающимися эхом в горах: стаи турпанов, доселе не обращавших внимание на человека, поднимаются на воздух и улетают; кипит и брызжет вода под ударами, все ближе и ближе к сети подвигается лодка, ловко управляемая тем же боталом; чаще и чаще слышатся его урканья, осторожно вытягивает рыбак сеть, отягощенную рыбой. Случается, что мера буквально тонет на дно от множества запутавшейся добычи.

Впрочем, и ужение в самый разгар клева окуня имеет своего рода приятность и значение. Здесь, да и почти во всех Зауральских озерах, кишат рыбаки, ничего не значит выудить тогда два, даже три пуда рыбы: успевай только забрасывать и скорее оправляй насадку. Окунь берет беспрестанно: еще червяк всего опустился на четверть от поверхности, а жадная рыба уже заглатывает его и не торопясь увлекает его в сторону. Навряд ли кто из жителей России может похвастать, что хоть раз в жизни выудил более тысячи окуней в день, а это здесь весьма нередкое явление: в степных озерах Екатеринбургского и Шадринского уездов такое количество легко добывается и в короткий зимний день. Конечно, большею частью попадает

мелкий окунь, около 1/8 фунта, то есть не старше 1–1 1/2 года, но на последних озерах нередко ловятся и гигантские окуни, в 5–7 и даже более фунтов весу. Любо смотреть зимой, как, скорчившись у многочисленных прорубей спиной к ветру, сидят рыболовы, проворно орудуя своим коротким удилищем; живо при помощи небольшой лопаточки подсекают они клюнувшую рыбу, проворно подхватывают лесу на эту лопаточку и правильными рядами кладут ее на лед; в одну секунду высвобождают крючок, еще скорее оправляют мормыша или налаживают нового. Здесь, на Княспинском озере, однако, никогда не удят на последнего или, вернее, не знают его значения для рыбы: обыкновенной приманкой последней служит земляной червь, насадка которого более кропотлива. Впрочем, и то сказать, что летом доставать мормыша труднее, да и рыба клюет на него не охотнее, чем зимой, когда вообще княспинцы не занимаются рыболовством, конечно, больше по лени, чем потому, что рыба уходит из озера и держится в устьях речек и в истоке. В последнем они, однако, удят иногда и зимой – на тараканов, конечно, более от скуки.

Ужение окуня продолжается довольно долго, иногда до середины июля, ботанье – до августа, даже до середины последнего месяца, до первых заморозков, когда помутневшая вода прояснится, рыба тронется в обратный путь через исток, и вместе с тем снова начнется ловля щук на жерлицу и с лучом, и острогой, столь увлекательно описанная незабвенным Аксаковым.

IV

В начале июля – лето в полном разгаре. Наступают самые жаркие дни, и вместе с тем все более и более увеличивается количество овода и паута, главного бича рогатого скота и лошадей, все лето пасущихся в Урале на полной свободе. Появляются мириады мошек, и в теплый, тихий и особенно пасмурный вечер целыми тучами окружают они человека, назойливо лезут в глаза, нос, рот, забиваются под платье и не дают ему ни на минуту покоя. Тут начинается и без того тяжелая сенокосная страда, тем более утомительная, что обыкновенные косы – литовки – употребляются здесь очень редко, и высокая трава кочковатых болот обыкновенно скашивается, вернее, срубается с помощью горбуш – особенных кос с коротким косовищем. Согнувшись в три погибели, идет косарь между кочек и, переворачивая горбушу, попеременно то справа, то слева срубает высокую осоку. В сравнении с этим первобытным и неэкономическим способом, так как иногда срезается только половина травы, обыкновенное кошение может показаться самой легкой работою, но литовки здесь дороги, народ к ним непривычен, они часто ломаются, да и кошение ими в кочках не так удобно; притом трава в Урале нередко достигает более аршина вышины, и в ней не ощущается недостатка.

Не страшна сенокосная страда ленивым княспинцам, не привыкшим к тяжелому труду: почти всю траву своих лугов они продают еще на корню, конечно за бесценок, более трудолюбивым и предприимчивым богословцам, далеко не так избалованную судьбою, и оставляют для себя только небольшую часть сенокоса, не сбытую с рук. Но и это сено, накашиваемое вместо дней – неделями, с первым снегом перевозится в завод на нанятых лошадях, еще чаще до первоупутья сплавляется по частям на лодках.

До Ильина дня (20 июля), иногда до начала августа продолжается страда, и в этот промежуток времени кончается кратковременное северное лето. Все холоднее и холоднее становятся ночи, чаще и чаще дует северный ветер, еще в конце июля случаются утренники – весьма обыкновенное явление в следующем месяце.

Но около середины июля окрестности озера оживлены более, чем в начале лета; всюду слышится звенящий звук натачиваемых кос, частые выстрелы, ауканье пришлых косцов, лай собак. Около озера кипит живая деятельность.

К тому времени увеличивается и пернатое население озера. Снова показываются стаи плавунчиков, куличков-воробьев и прочих голенастых птиц; все утки окончательно собираются на озеро; к местным присоединяются и дальние, утята начинают летать; скоро соберутся они в огромные стаи, скоро начнут показываться и пролетные утки.

Но только с середины месяца, когда да молодые серушата совсем оперятся, появляются на озере турпаньи выводки. Даже в эту позднюю пору случается находить свежие яйца этих поздненесущихся уток. К концу месяца вся середина озера густо усеяна черненькими турпанятами; мирно и дружелюбно плавают они вместе со старыми селезнями: трудно разобрать, где кончается один и где начинается другой выводок.

В самом деле, ни у каких других пород уток не встречается такой общежительности, ни у какого селезня не найдешь такого чадолюбия. Нечего опасаться, что утенок, отбившись от матки или вовсе ее лишившийся, останется без призора, в котором он, как и все утки, не особенно нуждается, так как всегда и без матки сумеет найти себе пищу и спрятаться или унырнуть от врага, будь то хищная птица или сам человек. Часто можно видеть вместе утят самого различного возраста, ведомых одною уткою или селезнем, который одинаково заботится о их безопасности; нередко два, три десятка турпанят, даже более, плывут вслед за красноклювым черным турпаном-самцом, и последний так же извещает их о грозящей опасности, так же учит их нырять, как и самая чадолюбивая утка. Наоборот, можно видеть последних всего с каким-нибудь одним утенком, и, строго говоря, первоначальной семьи, встречающейся у большинства животных, здесь нет вовсе: сегодня утенок плавает с одним выводком, завтра пристаёт к другому, послезавтра его водит какой-нибудь селезень.

С каждым днем увеличивается количество турпаньих выводков. Все реже и реже можно видеть летающих стариков, и все чаще можно наблюдать их необыкновенное искусство в нырянии, в чем они уступают только гагарам. Целыми минутами остаются они под водой, быстро проплывают десятки сажен, сопровождаемые и утятами, мало, и то в первую неделю своего существования, уступающие взрослым в этой врожденной способности. В безветренное утро на зеркальной поверхности невозмутимого озера легко наблюдать направление, взятое нырнувшей уткой, даже скорость ныряния по мелким пузырькам, у казывающим пройденный ею путь. У серых уток, куда принадлежат кряквы, чирки, шилохвости, свиязи и широконоски, собственно не ныряющих, а скорее ползающих по дну, эти пузыри гораздо крупнее, что, впрочем, и понятно, так как они при этом сдвигают с места как растения, так и самый ил. Часто при этом нырянии попадают они – турпаны и гоголи в особенности – в расставленные мережи, куда иногда нарочно загоняются рыбаками. Обыкновенно турпаны, чтобы их не видали в воде, стараются нырять против солнца и часто, проплыв десятка три, четыре сажен, высовывают из воды один нос и при малейшем волнении на озере продолжают плыть, не замечаемые человеком. Но в тихую погоду пузыри ясно показывают, где плывет унырнувшая утка, и нередко княспинский рыбак, уступающий в ловкости управления лодкой только одним ясачным, нагоняет не только молодых, но и взрослых турпанов и в тот момент, когда уставшая птица начнет высовываться из воды, в одно мгновение наносит ей сильный удар веслом.

Нас тупает и август. Кончается страда, все население Богословского округа, только что успевшее убраться с сеном на великолепных пойменных лугах Сосьвы, спешит в уцелевшие кедровники, если они обещают урожай. Кто уходит шишковать к Петропавловскому, кто в самый Урал, к Павде, к Конжаковскому и Острогорскому камням. Княспинцам нечего, однако, заботиться: кедры, хотя и немногочисленные, у них под рукой, и нечего опасаться, чтобы их предупредил кто-нибудь из дальних

промышленников. Вообще в настоящее время кедровый промысел не имеет здесь большого значения, и перейдем к жизни подводных обитателей озера.

Около середины августа, как только пожелтевший лист начнет облетать с деревьев, в листопад, начинается обратное движение рыбы из озера в Турью; рыба, и окунь по преимуществу, выходит из озера и катится по истоку. Факт этот не имеет, однако, общего значения, и, по-видимому, в этом возврате в реку главным образом участвует взрослая рыба, выведшаяся не в озере, а в реке или в Богословском пруде. Главная масса остается почти всю осень – до наступления настоящей зимы, и ерш, по-видимому, вовсе не принимает участия в этом переходе.

Само собой разумеется, княспинцы зорко следят за этим движением, и первые стаи, вступающие в исток, уже встречаются целыми рядами заязков, приготовленных заранее сообща всеми рыбаками, делящими затем добычу поровну или, вернее, по числу участников в ловле, почему большая семья получает и большее количество рыбы. Конечно, дело не обходится без различных недоразумений, ссор и перебранок, но, собственно говоря, этот последний летний лов и не имеет особенного значения: рыба, встречая на пути преграду, не имея такой настоятельной потребности движения вперед, как весной, перед нерестом, и в начале зимы, перед промерзанием озера, нередко даже возвращается в последнее.

В начале сентября лов в морды по истоку почти совершенно оканчивается. Начинается ловля шук, сначала жерлицами, как в начале лета, затем острогой. К тому времени молодая рыбешка достигает уже порядочной величины и достается в добычу щукам не с прежнею легкостью; большая или меньшая часть ее, смотря по году, уходит из озера в исток; а речки и этим хищникам далеко не прежнее раздолье. Жадно берут они на жерлицу, и иногда этот осенний лов бывает еще добычливее летнего.

Но вот мало-помалу ночи становятся темней и темней, усиливаются утренники и становятся все продолжительнее; стынет земля в лесу, не отогреваемая лучами осеннего солнца, холодеет вода в озере и с каждым днем отстаивается и светлеет. И днем ясно видны все неровности дна озера, стелющийся мох и другие растения, едва различимые летом, несмотря на незначительную глубину озера. Пора лучить, заготавливать «смоль», пора натачивать и поправлять остроги.

В числе других способов ловли рыбы охота с лучом и острогой для рыбака-охотника бесспорно занимает первое место. Не говоря уже о том, что эта ловля одна из самых трудных и требует всего более силы, ловкости, сметки и необыкновенно верного глаза, она имеет еще то значение, что, за исключением невода, только этим способом добывается самая крупная, отборная рыба. Охота с лучом имеет даже в себе много поэзии, и всякий, кто хоть раз был свидетелем этой ловли, не говоря о непосредственном участии, непременно согласится, что не может быть более великолепного зрелища, как вид этого чуждого подводного мира: в черте огненного круга ясно видны все неровности дна, все растения и спящие обитатели озера; далее во все стороны непроницаемая тьма и, по-видимому, безграничное пространство воды; медленно и бесшумно плывет лодка, точно предводимая пламенем, быстро сменяются впечатления, и в больших прудах, имеющих столь богатую флору водяных растений, много разных пород рыб, трудно представить себе большее разнообразие.

Главный снаряд для лученья – острога – весьма нехитрое орудие и имеет здесь более грубую форму, чем на Екатеринбургских озерах, где во всеобщем употреблении остроги изделия знаменитого Каслинского железодельного завода. Там они гораздо легче и менее массивны, железо их имеет почти твердость стали, вследствие чего зубцы притупляются не так скоро, и притом последние, кроме большой зазубрины, как у обыкновенного рыболовного крючка, на самом конце имеют еще несколько мелких насечек, в свою очередь не позволяющих рыбе

сорваться. Здесь нет, однако, особенной потребности в остроте зубцов, так как большею частью приходится бить не крепкочешуйных язей, чебаков, линей и карасей, а исключительно щук, в Вагране же – тальменей, в мягкое тело которых острога вонзается свободно, не отскакивая, как это случается на Екатеринбургских озерах при лучении крупных окуней и язей.

Большею частью острога имеет 7–10 зубцов, но иногда это количество доходит и до 12. Каждый из них длиною около четверти, четырехгранной, реже цилиндрической формы, а все зубцы имеют около четверти в ширину и кончаются железной трубкой, которая крепко и неподвижно прикрепляется к сухому и тонкому шесту около сажени длиною, редко более, а впрочем, смотря по глубине, на которой производится лученье.

Второстепенное значение имеет устройство луча. Но для этого существует особого рода весьма целесообразное приспособление. Эта т. н. коза состоит из железной изогнутой аршинной рукоятки, к которой с боков привариваются тоже изогнутые прутья, идущие сначала горизонтально, а потом приподнимающиеся вертикально, так что весь снаряд имеет вид продолговатой жаровни около полуаршина шириною. Конец рукоятки прикрепляют к носу лодки таким образом, что коза находится несколько выше последнего, вообще по крайней мере на аршин от воды, что необходимо для освещения возможно большего пространства.

Обыкновенно при охоте с острогой употребляется не бат, который, в сущности, не что иное, как большое и несколько подвостренное корыто, выдолбленное из сосны или кедра, а лодка, которая в главных чертах имеет большое сходство с волжскою душегубкою, но еще легче последней. Эта лодка по всему Зауралью, как и бат, управляется одним веслом, которым вместе с тем и дают направление лодке, т. е. оно служит и рулем. Гребец сидит здесь уже не в передней, носовой, части лодки лицом к корме, как на гребных лодках, а в корме – лицом к носу. Большинство подобных лодок делается здесь на Сосьве и в д. Алапахе обрусевшими вогулами – ясачными, с которыми никто из коренных русских не сравнится как в искусстве приготовления лодок, так и в управлении ими. Привыкнув грести двумя веслами зараз, сначала даже вовсе не постигаешь, каким это образом они могут проплывать огромные расстояния, гребя только с одной стороны лодки, переменяя руку только для отдыха соответственного плеча. Такого рода гребля с непривычки крайне утомительна и требует гораздо большего напряжения силы, чем при управлении одним или двумя веслами, неподвижно прикрепленными к борту. Здесь устает только поясица, там очень скоро заломит плечо и лопатку: «запоют крыльца», как выражаются княспинцы.

Отсюда понятно, что все такие лодки, управляемые одним веслом, должны быть крайне легки. В этом отношении они превосходят в значительной степени короткие, но неуклюжие и толстостенные баты, которые, однако, далеко не так вертки и качки; необнабоенная лодка, то есть без бортов, бывает иногда так легка, что один человек без напряжения может ее волочить по земле и даже нести на руках, а вдвоем свободно унесешь ее и за несколько верст. Вместе с тем она до того валка, что достаточно едва наклониться набок или приложиться из ружья, чтобы равновесие нарушилось и лодка зачерпнула воды. А между тем в такой скорлупе часто гребут стоя, когда она становится еще неустойчивее, так как центр тяжести лодки с гребцом поднимается еще выше.

Отвлекаясь раз несколько в сторону, дадим уж заодно и некоторое понятие о том, как делаются подобные лодки. С этою целью выбираются самые толстые осины, вершков 12 и более в диаметре, для этого употребляется тоже более тяжелый кедр. Из большого толстого дерева выходит обыкновенно два челнока, каждый в 2–3 сажени длиною. Оба обрубка гладко обтесываются и обчищаются от коры и лежащего под ней слоя, концы их заостряются, и более тонкий, носовой, более, чем

толстый, кормовой конец; один бок обрубка скалывается на четверть или несколько более; с противоположной стороны и с боков правильными рядами вбиваются деревянные или железные гвозди одинаковой меры с надлежащей толщиной лодки (обыкновенно в палец); затем начинается самая главная и трудная работа – вытесывание лодки. С этою целью употребляется особый инструмент, называемый теском, который в общих чертах имеет вид несколько загнутого топора, надетого не вдоль, а поперек рукояти. Этим теском мастер выдалбливает лодку сначала в грубом виде, затем, когда дойдет до шпенок, начисто и с большою осторожностью, чтобы не протопить, или не прорубить, лодки. Затем лодка разводится, т. е. края ее распяливают над огнем, причем она непрерывно смачивается водой, и между бортами вбиваются все более и более длинные брусья. Наконец она окончательно разведена; брусья, обыкновенно два, утверждаются накрепко, лодка несколько подстругивается с боков и внутри, некоторое время сохнет и наконец совсем готова, мало отличаясь, как видит читатель, от лодок дикарей. Остается только, коли предстоит и в том надобность, наколотить набои, а если чересчур валка, то и бычки – более или менее толстые обрубки, несколько выше той черты, по которую порожняя лодка сидит в воде и которые не позволяют ей вертеться и очень часто зачерпывать.

Такие бычки особенно полезны при лучении, когда бойцу приходится стоять на ногах и нередко делать весьма порывистые движения. Вообще для этой охоты чем глубже, больше и, следовательно, чем менее качка и вертлява лодка, тем лучше и безопасней. Иначе весьма не трудно окунуться в холодную воду, а во втором случае приходится грести то с одной, то с другой стороны: весло булькает и этот шум разгоняет близстоящую рыбу.

Остается теперь один осветительный материал. Для этого нет ничего лучше небольших поленьев или щепок, наколотых из смолистых сосновых пней, или смолья, которое дает самое яркое и продолжительное пламя. Смолье это заготавливается заранее и высушивается как можно лучше, иначе оно горит гораздо темнее и с треском, пугающим чуткую рыбу, у которой вообще изо всех чувств слух наиболее развит.

Сколько раз я ни был участником этой ловли с лучом и острогой на Екатеринбургских озерах, мне никогда не удавалось исполнять как следует главную действующую роль, требующую продолжительного навыка и опытности, и потому я обыкновенно довольствовался более скромным назначением гребца: при трудности сохранить равновесие и отгадать то расстояние, от которого медленное опущение остроги должно перейти в сильный удар, я большею частью давал промах или же попадал слишком близко к хвосту и лишался своей добычи.

Но зато сколько неожиданного удовольствия испытываешь, когда едешь в лодке темной осенью ночью: кругом мертвая тишина, изредка нарушаемая лаем собак и криканьем уток; ярко горит смолье, освещая путь; на одну минуту виднеются все мельчайшие подробности дна озера и постепенно сменяются новыми; всюду неподвижно стоят мелкие окуньки, мелькают неумолимые ельцы и чебаки, которые вообще гуляют почти всю ночь; там и сям виднеются небольшие щурята, не стоящие удара, и тоненьким сучком лежат они в углублениях няши; тихо и бесшумно плывет лодка, ни единая капелька не скатывается с весла, не вынимаемого из воды, и то осторожно оно подворачивается к корме для придачи лодке прямого направления, то снова выносится вперед в разрез воды, почти касаясь краев лодки.

Неподвижно, рисуясь черною тенью на огненном кругу, стоит рыбак посредине лодки и держит наготове острогу. Проворно, но без малейшего шума опускает он ее в воду наискось, вдруг с силою нажимает ее и вытаскивает пойманную рыбу. Ударом другой руки снимает ее с остроги, ловко подкидывает на жаровню свежего смолья, поправляет его зубцами последней. Трещит огонь, искры и обгоревшие головешки с

шипением падают в воду, и снова вспыхивает еще более яркое пламя. Вот и еще новая добыча, другая, третья, чем дальше, тем больше; чаще становятся и промахи: нередко рыба убегает в то самое мгновение, когда острога готовится пронзить ее спину. Впрочем, щука уходит очень недалеко, и глядишь, она снова приткнулась, отойдя каких-нибудь десять сажен; вот почему ее нередко снова находят поблизости, разумеется если она по величине заслуживает этого. Уже полупудовая щука требует от рыбака много силы для того, чтобы ее крепче прижать к земле, и сноровки, дабы не упустить даром добычи, которая нередко вырывает острогу. В сильных, опытных руках только дрожит древко остроги, и щука, втиснутая в вязкий ил озера, скоро изнемогает и через несколько минут вытаскивается без особого труда. Таковые здесь, однако, составляют большую редкость, но на Екатеринбургских озерах случается видеть таких громадных щук, что рыбак даже не осмеливается ударить их острогой. Несколько лет назад в Увельдах, большом и очень глубоком озере у подошвы Урала, на границе Пермской и Оренбургской губерний, была поймана неводом щука в 31/2 пуда. Сколько десятков, даже сотен лет минуло этому гиганту наших пресных вод, где только сом и, уже частью морская, белуга превосходит его величиной.

Не одна рыба попадает на острогу ловкого рыбака. Часто последнему доводится закалывать и уток. Точно ошалевшие от внезапно озарившего их пламени, вертятся они на одном месте, налетают на огонь; даже гребцу удается зашибать их своим коротким широким веслом. Охота с лучом потому нередко доставляет двойную добычу: нет рыбы или ветер зарыбил гладкую поверхность озера, чаще и чаще проглядываешь рыбу и она уходит от неверно направленного удара – можно подъехать к берегу, к ближним курьям, к известным ночлегам уток, и смотришь, пяток, десяток, а то и больше лежит на дне лодки. Впрочем, здесь, на Княспинском озере, они и без того попадают очень часто, и сами рыбаки даже не рады им, так как они своим криком и шлепаньем пугают рыбу, а сами все-таки не так легко делаются добычей последних.

Трудно представить, сколько крупной рыбы добывается таким способом. Как здесь, так и на Екатеринбургских озерах не редко в 3–4 часа удается набить до 10 пудов самой лучшей, отборной рыбы, но в последних, кроме щук и огромных налимов, есть много язей, линей, окуней, даже чебаков, достигающих там невероятной величины – до 6 фунтов. Хорошо еще, что весь успех этой ночной ловли с острогой обуславливается безветренной погодой – довольно редким явлением во всем Зауралье, где в это время года беспрерывно дует сильный северо-западный ветер, только несколько стихающий к вечеру.

Поэтому в общем итоге все княспинцы редко добывают острогой более сотни пудов, и, конечно, одной щуки, так как окунь большею частью, а ерш всегда не стоит и удара острогой. Но здесь эта ловля имеет весьма полезные последствия, так как она истребляет главных хищников: без всякого сомнения, эти сто пудов щуки уничтожили и уничтожают не одну сотню, а может быть, тысячи пудов прочей рыбы.

Но не щука является нарушителем равновесия жизни рыб озера, а все тот же человек!

Наступает октябрь, усиливаются морозы, снег более или менее толстым слоем покрывает всю землю, озеро замерзает, ледяная кора его утолщается с каждым днем. Богословские лесники и сосьвинские ясачные уже давно вышли на промысел сохатого и соболя, белки и рябчика, меткая пуля их не дает пощады и медведю, уже забравшемуся в берлогу. Скоро наступит самый добычливый осенний или, ве рнее, зимний лов рыбы на Княспинском озере.

Выше мы уже упоминали, что озеро вообще очень мелко и дно его покрыто толстым слоем ила, или няши, – собственно сгнивших растительных остатков,

накопившихся веками. Каждый год побитая осенними морозами подводная трава и мох озера гниют и вместе с животными организмами доставляют новый материал для образования ила, которая и в летнее время года делает воду озера негодной для питья. По той же причине, несмотря на большое количество впадающих ручьев и рек, все-таки имеющих освещающее действие, в озере нет вовсе многих рыб, требующих для своего существования более свежей воды, как, например, налима, язя и ельца.

По мере утолщения льда влияние ила на качество остальной массы воды все более и более усиливается: вода мало-помалу настаивается разлагающимися и разложившимися животными и растительными остатками, и наступает минута, когда жизнь рыбы в озере становится уже невозможной. Воздух подо льдом спирается с каждым днем, из проруби так и несет гниль: еще несколько более сильных морозов – неглубокое озеро почти окончательно вымерзает.

Но еще гораздо ранее этого времени, обыкновенно в конце октября и в ноябре, вся рыба массами выходит из озера и стремится в свежую воду рек. Бесчисленные стаи ершей, окуней, множество щук вступают в устья последних, где их встречают целым рядом различных снарядов. Начинается ловля, вернее, истребление рыбы, задыхающейся от миазмов и недостатка воздуха.

В это время рыба ничего не ест и желудок ее пуст, даже хищные щуки мирно идут в стае мелкой рыбы. Все рыбное население стремится из озера, влекомое только одним чувством самосохранения, имея только одно побуждение – как можно скорее уйти от «дохлой» воды. Жабры и перья рыбы белеют, движения ее делаются все более вялыми, вся она становится неприятной на вкус и отзывается илостью, мясо ее делается дряблым и очень скоро разваривается. Сотни, тысячи пудов погибают ежегодно, запертые в озере жадными промышленниками, загрязняющими все устья рек. «Тысячи пудов не задушишь – пятисот не добудешь», – наивно признаются княгининские рыбаки, не понимая всего варварства подобной ловли полусонной рыбы, не разумея, что они сами через это лишаются своих будущих выгод.

И после этого они еще удивляются уменьшению рыбы в озере. Десятки лет подряд, начиная с первого княгининского поселенца, не было ни одного года без большего или меньшего мора рыбы перед наступлением зимы. В 1868 году более 1000 пудов рыбы, ерша по преимуществу, было погублено без всякой пользы, и к весне все устья рек белели от массы их трупов, грудями выкидываемых волнением на берег растаявшего озера. Каждый год вся рыба, оставшаяся в озере и не успевшая скатиться в августе в исток, частью погибает без всякой пользы для человека, остальная часть вылавливается почти начисто. Отсюда понятна относительная мелкость рыбы.

Осенний ход рыбы весьма непродолжителен – не более недели. Прежде всего она идет в реки с более худшей, болотистой водой, но ход ее сюда незначителен, и главные массы рыбы подходят несколько позднее к устьям быстротекущих и прозрачных рек – Большой и Малой Ершовки и реки Лягушки. Здесь-то и производится главный лов, продолжающийся всего двое-трое суток.

Прежде всего сообщая, всю артелью, как эти, так и прочие реки перегораживаются у самого устья редкими котцами, где остается самая крупная рыба, именно щука. Выше, сажень в 5–15, всю речку снова пересекает второй запор из тесно стоящих кольев с отверстием для морды, не заткнутой на конце; затем, в таком же расстоянии, следует запор из досок с промежутками для самых частых морд – из зелья, т. е. сосновых драночек, из которых делаются и котцы, и [рыба] через узкое отверстие морды во втором ряду достигает последнего, глухого запора, откуда уже не может двинуться ни назад, ни вперед и где накапливается такими массами, что уже нет времени и особенной надобности вынимать морды и столпившуюся рыбу, которую денно и ночью, почти без отдыха, вытаскивают

сачками. Вся семья по мере сил участвует в этом истреблении: сильнейшие сакают рыбу, слабейшие члены укладывают ее в берестяные корыта – чуманы или такие же кузова – пойвы вместимостью до 3-х пудов; в последних по окончании лова рыба переносится на плечах домой и затем в завод для продажи. Каждая минута дорога в это время: все население озера от мала до велика собирается у речек и безуданно вычерпывает рыбу и все-таки не успевает управиться: множество ее задыхается от тесноты и дурного качества воды озера, подступившей и к устьям речек. Немногие успевают уйти далее вверх по реке, пользуясь несколькими минутами, потребными для опростания битком набитых морд.

Сотни пудов достаются на долю каждой семьи; снова княспинцы сбывают рыбу сравнительно за бесценок в Богословск и приехавшим по первопутью соликамам, снова проматывают заработанные деньги и прежними оборванца ми и бедняками возвращаются уже в январе в свои жалкие лачуги, запасшись только самыми необходимыми жизненными припасами. До конца февраля, до первого наста, сидят они дома, и только Великим постом выходят на весенний промысел «зверья», белки и рябчика. В осеннем, главном промысле они принимают очень мало участия и в это время охотятся за одними сохатыми.

Как добывают последних в разное время года, как шишкуют богословцы, мы опишем при первом удобном случае.

Заметки московского рыболова

Содержание

Заметки Московского рыболова. I

Заметки Московского рыболова. II

Заметки Московского рыболова. III

Заметки Московского рыболова. IV

Заметки Московского рыболова. V

Заметки Московского рыболова. VI

Заметки Московского рыболова. VII

Заметки Московского рыболова. VIII

Заметки Московского рыболова. IX

Заметки Московского рыболова. X

Заметки Московского рыболова. XI

Заметки Московского рыболова. XII

Заметки Московского рыболова. XIII

Заметки Московского рыболова. XIV

Заметки Московского рыболова. XV

Заметки Московского рыболова. XVI

Заметки Московского рыболова. XVII

Заметки Московского рыболова. XVIII

Заметки Московского рыболова. XIX

Заметки Московского рыболова. XX

Заметки Московского рыболова. XXI

Заметки Московского рыболова. XXII

Заметки Московского рыболова. XXIII

Заметки Московского рыболова. XXIV

Заметки Московского рыболова. XXV

Заметки Московского рыболова. XXVI

Заметки Московского рыболова. XXVII

Заметки Московского рыболова. XXVIII

Заметки Московского рыболова. XXIX

Заметки Московского рыболова. XXX

Первая страница

«Охотничьей газеты», которую редактировал Л. П. Сабанеев. В ней были опубликованы «Заметки московского рыболова» и другие его произведения

I Зимний сезон 1888/89 г. – Ловля на поддев

Весьма распространенное мнение, что под Москвой рыбы очень мало и удить ее не стоит, совершенно неверно. В Московской губернии и даже в ближайших окрестностях столицы есть где половить, и рыбу удят, конечно по временам, пудами. Из озер можно, например, указать на классическое Сенежское, славящееся баснословным обилием окуней и щук. В 1885 г. в августе здесь мною поймано в одно утро 49 щук от 3 до 7 ф.; в прошлом году, на второй день Пасхи 1888 г., поймано мною 21/2 пуда окуней до 3 ф. весом, а 29-го мая того же года даже 31/2 п. На Москве-реке в черте самого города тоже весной и осенью бывают баснословные уловы, и рыбы, правда б. ч. мелкой и средней, несмотря на варварское истребление мелочи, в низовьях реки и в самом городе, где лов неводами и другими снастями запрещен с 1886 года, больше, чем во многих других русских реках. Причина тому – необыкновенная кормность Москвы-реки, обусловленная массой нечистот и вообще органических веществ, даваемых столицей. Часть этих веществ непосредственно потребляется рыбою, главная же масса отлагается в речных заводах в виде ила и

служит местообитанием мири адам мотыля – главной осенней и зимней пищи как мелкой, так и крупной рыбы. Правда, бывают случаи, что много рыбы, обыкновенно во время летних жаров, чумает и снёт от спускаемых контрабандой вредных веществ с фабрик, но такие случаи редки, потому что ядовитых веществ для рыбы гораздо менее, чем обыкновенно думают и (они) не имеют большого значения.

Доказательством обилия рыбы в Москве-реке служит оригинальный способ зимней ловли – так называемое багренье, или ловля на поддев (выговаривается «на поддѣв»). Эта ловля на крючки без насадки практиковалась уже много лет назад при устье Пахры, близ с. Мячкова, у известной Зеленой мельницы, куда рыба собиралась на зимовку. Багрили здесь преимущественно судака, как наиболее ценную рыбу, при помощи больших крючков, приделанных к небольшим палочкам. Как только заметят показавшегося судака, который шел обыкновенно берегом, местные удильщики-промышленники, ловящие здесь изо дня в день ерша, становящегося в устье на зимовку так ими густыми массами, что нередко выгоднее его ловить также без насадки, бросают кобылки, берут свои багорчики и занимают по обоим берегам уже готовые лунки. Так как вода в устье очень чистая (что и привлекает рыбу), то багрят не на ощупь, а на глаз, для чего ложатся на живот, закрываются от света рогожей или другим каким отрепьем и, опустив багор в воду, дожидаются прохода судака, который идет очень тихо. Как только он покажется, осторожно подводят крючок под брюхо (собственно под грудь) и вытаскивают рыбу на лед. Таким способом во время хода здесь ловят по несколько сот судаков в день весом до 10 ф. и более.

Запрещение ловли неводами и вершами в участке Москвы-реки, принадлежащем городу, дало возможность московским удильщикам ловить на поддев еще в другом месте зимней стоянки москворецкой рыбы, именно на яме у Большого Каменного моста. Для того чтобы уяснить значение этой местности, надо иметь в виду, что яма эта занимает (влево от моста до устья Неглинки) пространство около полудесятины, достигает глубины 15, даже 17 аршин, а прежде, пока не затонула здесь большая барка, теперь занесенная илом, говорят даже 30 аршин, и имеет очень много ключей, открывшихся, впрочем, в последнее время. Затем немного выше (с полверсты) находится Бабьегородская плотина, не разбирающаяся на зиму, подобно нижележащим плотинам, а около нее – не замерзающие зимою каменистые перекаты.

Таким образом, с ноября по март, незадолго до водополя, когда разбирается и городская плотина, рыба нижнего течения Москвы-реки и даже Оки может подниматься по реке до города, а весной, с марта до мая, до самых верховьев. Ход рыбы начинается осенью, среди зимы ослабевает и даже временно прекращается и снова усиливается в феврале и марте. Таким образом, яма у устья Неглинки составляет естественный зимний садок, всегда битком набитый рыбой. В прежние времена, когда река сдавалась думою, здесь в одну тоню, несмотря на глубину и неровности дна, брали до 300 пудов рыбы; теперь же вся рыба вылавливается на голые крючки – на поддев.

Ловить этим способом начали еще в январе или феврале 1888 года, слишком поздно, так что рыбы поймано было немного. Но прошлая холодная зима и толстый лед на реке были причиною очень раннего залегания всей рыбы и прекращения всякого клева. Рыбы было много, но она почти вовсе не брала с конца ноября, и гораздо чаще ее вытаскивали за бок. Это заставило переменить тактику и обыкновенные (мотыльные) крючки заменить якорьками. Якорьки эти редко привязывались по одному, а больше по два (на двойчатке из щетины); позднее якорьки и двойники стали привязывать и выше, а некоторые багрильщики явились с целыми снастями в виде напаянных на проволоку (или три в виде пирамиды)

десятков крючков. На такие «машины» вытаскивали сразу по несколько рыб.

Ловля на поддев началась, собственно, с первых чисел декабря. Весть об удаче первых багрильщиков, ловивших по пуду рыбы и больше, быстро разнеслась по городу, и через несколько дней на яме было уже пробито сотни две лунок и на них ловили дено и ночью, конечно меняясь, от 50 до 100 человек, смотря по погоде, кроме зевак. (Днем здесь всегда стояла целая толпа; ловили даже люди, никогда не бравшие удочки в руки, и очень немногие уходили без рыбы.) С лишком три месяца яма была сборным пунктом и чуть ли не единственным местом ловли всех московских рыболовов. С моста и набережной было очень странно видеть десятки людей, стоящих и сидящих на льду и методически махающих то правой, то левой рукой короткими можжевеловыми удильниками.

По самому скромному расчету, в день вытаскивали 5–6 пудов, а так как ловля на поддев продолжалась до середины марта, то, без сомнения, было поймано более 500 пудов рыбы. Немалое количество рыбы, плохо задетой, срывалось с крючка и, получив тяжелые раны, снуло тут же в яме, всплывая потом в лунках. Гибла таким образом больше мелкая рыба, крупная же в большинстве случаев выхаживалась, поправлялась, по крайней мере таковой не всплывало. Перед вскрытием реки трупам снутой рыбы, издававшей зловоние, усеяны были протаявшие места бывших лунок, и тучи ворон заменили все еще порывавшихся на яму рыболовов, которых не пускала полиция.

Этот способ ловли – «не ходи мимо», – очевидно, гораздо истребительнее какого бы то ни было ужения, так как много рыбы погибает совершенно напрасно, но запретить багрение вряд ли можно, так как оно не противозаконно, да к тому же его иногда довольно трудно бывает отличить от обыкновенного ужения. Всего лучше было бы уничтожить багренье косвенным путем, запретив вовсе зимнюю ловлю на яме. Сделать такое распоряжение городская управа имеет полное право, а полиции нетрудно будет привести это распоряжение в исполнение. Правда, есть повыше (около купальни Смирнова, по правому берегу) еще глубокое место (до 6–7 арш. глубины), на котором багрили довольно успешно, но здесь, конечно, не поймано и сороковой доли того, что было взято на яме.

Как во всех глубоких ямах, воду здесь вертит и течение очень изменчиво; грузило требовалось довольно тяжелое (до величины пули 20-го калибра), а удильник грубый и жесткий. Крючки (якорьки) брались большею частью соответствующие 1–5 №№, лески волосяные, от 6 до 12 волос, так как шелковые примерзали к лункам и смерзались. В сильные морозы, во время которых ловля на поддев не прекращалась, хотя и была менее добычлива, так как рыба в такие дни не бродила, а стояла неподвижно, можжевеловые шестики и кончики китового уса (употреблявшиеся немногими рыболовами) ломались при подсечке, необходимо сильной, и потому одним из охотников, И. В. К., были введены в употребление хлысты (оплетенный тонким ремешком камыш), вставленные в деревянную рукоятку.

Главная масса рыбы, пойманной на поддев, средним числом была около полуфунта. Больше всего (около половины) ловилось плотвы от 1/4 ф. до 1 ф., изредка до 1 1/2–2 ф., затем шел подязок (около фунта), елец, по дуст, голавль, окунь, подлещик, щурята. Щук было взято несколько десятков от 3 до 7 ф.; большие же срывались и уходили; также было забагрено несколько десятков лещей (самый крупный вытянул 8 фунтов) и несколько десятков некрупных шересперов от 1 ф. до 5-ти. Наконец, какими-то судьбами попался соменок в 9 фунтов. Язей и крупных голавлей (более 2 ф.) ловили мало, а пескари и ерши, кажется, совсем не ловились, быть может потому, что они придерживаются самого дна. Большая часть крупной рыбы срывалась с крючков и уходила, чем и объясняется небольшой процент пойманной сравнительно с мелкой. Главное препятствие при вытаскивании крупной рыбы заключалось в узкости лунок; рыба же поддевалась в большинстве

случаев за бок и, конечно, не могла никак пройти в отверстие; приходилось его расширять, а тем временем рыба успевала сойти или перерезать об закрайки леску. В довершение всего, крупная рыба, ходя на кругах, зачастую попадалась на якорек ближайшего рыболова, и задача ее извлечения на свет божий еще более осложнялась. Кстати, было бы весьма полезно взамен утомительного, медленного и трудного пробивания льда пешней попробовать сверлить лед особым, приспособленным к тому сверлом. Надо будет эту же зиму попробовать привести в исполнение эту идею, впрочем, кажется, не новую.

Необыкновенный и совершенно неожиданный успех багренья и новизна этого способа ловли в связи с плохим клевом рыбы минувшей зимой отвлекли большинство коренных зимних удильщиков от ужения. Ловили только в начале зимы на мотыля преимущественно подъязка, эту главную рыбы Москвы-реки, затем налима. Ерша было мало, и его ловили больше у Воробьевых гор. Вообще ужение было незавидное – рыбе было душно и не до еды.

Об ужение нынешней весной до следующего раза.

II

Весеннее ужение. – Ловля подъязка на поплавок

Незадолго до вскрытия Москвы-реки Бабьегородская плотина разбирается, и рыбе, уже сошедшей с своих зимних становищ, открывается свободный ход – от устья до верховьев реки. Нижележащие плотины (семь), как было сказано, разбираются еще поздней осенью.

Само собой разумеется, много рыбы с низовьев Москвы-реки и даже Оки успевает подняться выше Бабьегородской плотины, особенно во время половодья, но участок реки от Каменного моста до плотины имеет такие разнообразные течения, глубину и дно, что составляет одно из лучших мест для нереста всех пород рыбы. Главным образом привлекают последнюю сваю под Каменным мостом – остатки прежнего деревянного моста и каменные перекаты ближе к плотине. Здесь потому задерживается большое количество рыбы.

Минувшей весной ужение на Москве-реке, как почти всегда, началось с середины апреля, как только вода сильно пошла на убыль и прошла вторая, так называемая «земляная» вода, характеризующаяся обилием пузырей и даже пены. Первое время по обыкновению ловили выше места плотины у водоотводной канавы, где течение всего тише, – на донную взакидку с тяжелой пулькой, на выползка. Ловился (днем и ночью) преимущественно подъязок, частью налим; на первое время лов был очень скуден; весьма немногие, самые опытные, москворецкие рыболовы ловили около десятка подъязка. Но и позднее, когда у быков Каменного моста, по выражению охотников-удильщиков, показался нос и вода сбывла настолько, что можно уже было стоять на лодке около берегов, язь, даже выметав икру, почему-то брал на выползка довольно плохо.

Зато трудно себе представить, какая масса подъязков около фунта весом и некрупного язя (до 4 фунтов) была поймана в конце апреля и в первых числах мая на муравьиное яйцо. В какие-нибудь две недели с небольшим от устья Неглинки до устья Яузы поймано было не менее 150 пудов этой рыбы – самой многочисленной в нашей реке. Москва-река – царство язя, как Клязьма и Пахра – голавля и налима, и мало найдется таких рек, где бы ловилось столько подъязков-трехлетков, впервые выметавших икру. Крупные язи, более пяти фунтов, попадаются очень редко, но в верхнем и нижнем течении Москвы-реки, где на удочку ловят сравнительно мало, такие экземпляры не составляют диковинки, а изредка выуживают (на донную) и 8-, даже 10-фунтовых язей. Очевидно, крупный язь ведет почти оседлую жизнь и вряд ли поднимается выше ближайшего нерестилища.

Оказалось, что весь язь и подъязок, выметавший икру (еще в середине апреля) в пределах города, собрался у устья Язуы без сомнения на жировку, так как этой речкой вносится масса органических веществ. На выползка рыба, однако, и здесь брала плохо, но зато ловля на поплавочную удочку превзошла ожидания. Достаточно сказать, что первые дни очень многие ловили по полусотне, около 11/2 пудов. Были случаи улова и до ста штук, т. е. почти трех пудов.

Ловили главным образом на муравьиное яйцо, только позднее, когда вода в Язуе убыла и язь поднялся выше, он брал очень хорошо и на красного навозного червя, хотя преиму щественно только ниже устья Неглинки. Независимо от насадки москворецкое ужение на поплавочную удочку с лодки (а не с берега) резко отличается от обыкновенного ужения в тихой или стоячей воде и представляет некоторые особенности, так что заслуживает более подробного описания.

Москворецкое ужение на поплавок, в сущности, есть упрощенное нотингэмское. В обоих случаях выбирается место с ровною глубиною, которое тщательно вымеривается, и насадка плывет почти у дна на значительном расстоянии по течению. Разница только в том, что нотингэмский способ требует катушки с длинной, конечно шелковой, леской, а потому поплавок может быть отпущен от лодки хоть на сто шагов. При москворецком методе ужения катушка не употребляется, леска должна быть непременно 3–4-волосная, которая легче самой тончайшей шелковой, не так тонет и легче перезакидывается и редко превышает длину удилица (4 арш.) более чем в 4 раза. Я сам ловил нотингэмским способом, но нашел его менее удобным, чем мест ный. Во-первых, очень крупной рыбы, для которой бы понадобилась катушка, в Москве-реке нет, а на хорошую охотницкую 4-волосную леску умелый и хладнокровный рыболов поймает и крупную, если только крючок соответствует величине рыбы. Во-вторых, здесь нет ровной глубины и на 50 аршин, да притом и на 30 шагов не всегда и не всякий может увидеть надводную часть поплавка, которая должна быть не более полудюйма. Отпустив поплавок далеко, даже аршин на 20, шелковую леску приходится частью наматывать, так как иначе ее с поплавком не перебросишь, а это скучная канитель, на которую уходит много дорогого времени. Совсем другое дело с не очень длинной волосной леской: отпустить ее, насколько позволяет рука, поплавок, увлекаемый течением, засосало под воду, легкое движение кисти – и он снова у самой лодки. Да, спрашивается, зачем ловить далеко от себя, когда вода еще довольно мутна и рыба берет у самой лодки, вообще около того места, где брошена привада.

Так как постоянно приходится перезакидывать леску, то удилице для речной ловли на поплавок обязательно должно быть легко, а потому и не очень длинно. Обычный вес его около 1/2 фунта, а длина не более 4 аршин. Одни из москворецких рыболовов употребляют двухколенные ореховые шестики, другие такие же или цельные можжевеловые. В последнее время начали входить в употребление цельные тростниковые, года два появившиеся на выставках и в магазинах Глазунова и Гинкеля, но узловатость этих удильников, при всей их легкости (около 1/4 ф. при 4–5-арш. длине), много мешает перезакидыванию длинной лески, особенно в ветреную погоду. Только позднее, уже летом, когда начался клев подуста, удильники из этого тростника, выправленного на огне и совершенно прямого, с слегка опиленными узлами, вернее – закругленными подпилком, по моему почину начали вытеснять все другие. Большинство членов общества любителей рыболовства, ловящих на Москве-реке днем, имеют теперь эти удильники. Большею частью последние окрашены, для чего с них снимается верхняя кожаца.

Весьма немногие москворецкие рыболовы ловят на шелковые лески, и то большею частью за неимением хороших волосяных. Хорошую 3–4-волосную леску действительно надо плести или *censored*ть из отборнейшего волоса самому или знающим мастерам и платить им дороже, чем за шелковую, – не менее 2 коп. аршин.

Хороший ровный, эластичный и блестящий волос, особенно белый, от которого требуется и прозрачность, встречается гораздо реже, чем думают. Качество волоса, впрочем, несколько улучшается кипячением его в молоке.

Поплавок обыкновенно осокоревый [43 - Под Москвой нет настоящего русского осокоря и под названием осокоревых продаются (на Трубе и в рыболовных лавочках на Моховой) поплавки из коры канадского осокоря (растущего, напр., в Коломенском, Кузьминках и многих др. местах под Москвой) или еще чаще из коры обыкновенной ветлы.], а магазинные пробочные и из иглы дикобраза, также перьяные, не в ходу, отчасти потому, что дороги, а отчасти потому, что они и не имеют очевидных преимуществ перед первыми. Близорукие, однако, иногда красят верхушку поплавок белилами. Размеры поплавок соотносятся с силою течения, отчасти глубиною (на глубоком месте легкий поплавок становится уже в значительном отдалении от лодки), но вообще он редко бывает менее вершка и более 1/2 при толщине от карандаша до мизинца. Способ прикрепления лески к поплавку совсем другой, чем в обыкновенных продажных пробковых, где она соединена сверху и внизу: осокоревые поплавки на течении не имеют сверху перьяного колечка, и леска прикрепляется снизу поплавок или при помощи 2–4 петель, если поплавок с шишечкой, или обыкновенной петлей-захлесткой, когда в нижний конец поплавок ввинчено такое же медное колечко, как и обыкновенных пробочных.

Тяжесть грузила зависит от величины поплавок, который должен быть огружен настолько, чтобы видна была малейшая поклевка – с тонким клевом, как говорится. Грузило – дробина или 2–3, а то кусочек расплющенного свинцу, прикрепляется обыкновенно повыше поводка, который бывает или из жилки, или из двух скрученных отборных конских волосинок. Последние предпочитают потому, что жилки (при плохом уходе) скорее изнашиваются, сравнительно жестче и хрупче и трудно доставать тонкие, соответствующие леске. Известно, что поводок должен быть несколько слабее лески, иначе рыболов рискует вместо крючка с поводком лишиться сей лесы или большей ее части. Для того же, чтобы насадка шла ближе ко дну, на вершок или два повыше крючка прикрепляется самая легкая дробинка или кусочек листового свинца. Этот прибавочный груз называется иногда в шутку подпаском.

Что касается крючка, то для весенней ловли подъязка употреблялся большею частью 10 № или 9-й. Большинство ловило сначала на обыкновенные крючки Кирби, но потом очень многие стали удить на новые крючки Пеннэля (фабрики Бартлета), бронзированные, прямые, без изгиба, с колечком, отогнутым внутрь. Крючки эти, только что появившиеся в продаже (у Глазунова), действительно, одни из лучших – они чрезвычайно крепки, при средней толщине очень остры и навязывать их очень легко. Все эти удобства были причиною того, что крючки брали нарасхват, несмотря на их непомерно высокую цену (4 к. штука!) Я, впрочем, с не меньшим успехом употреблял (на жилках) крючки Sneck went без лопаточки и уарнеровские с игольным ушком. Как те, так и другие, по моему мнению, несколько не уступают пеннэлевским.

Ужение производится всегда с лодки, причем при ловле в одиночку нет никакой надобности ставить лодку поперек течения. Такая постановка даже неудобна, так как требует более тяжелых камней. Как известно, москворецкие рыболовы редко становятся на камнях и еще реже на якорях, которые очень легко здесь засадить так, что и не вытащишь. В обоих рыболовных обществах и у всех настоящих рыболовов приняты рельсы с отверстием от 30 фунтов до 11/2 пуд. весом. Последние употребляются только весною на сильном течении, причем приходится иногда выпускать 20–25 аршин веревки. Кроме того, когда лодка стоит поперек реки, правильность течения нарушается и воду у лодки очень вертит. Опустив рельсу с кормы на длинной веревке, а потом другую с носа лодки отвесно, легче устоять на

сильном течении, поплавок идет правильнее и удочку легче перезакинуть без опасения задеть за лодку.

Место для ловли, как сказано, должно иметь ровное дно, причем лучше, если последнее немного поднимается вниз по течению. Самая лучшая глубина – 2 аршина; при глубине же менее аршина и более 3-х ужение значительно затрудняется. Прежде всего вымеривают при помощи лота (кстати, у нас зовут его отмером, что гораздо правильнее) глубину впереди возможно дальше от лодки, и поплавок ставится таким образом, чтобы он при отмеривании весь погружался в воду; на небольшом течении лучше, если видна самая верхушка поплавка, но на быстрине, а также и на большой волне (крайне неудобной для этого способа ловли) приходится даже пускать леску с походцем на вершок. Язь, впрочем, не ползает по дну, подобно подусту, пескарю и ершу, и лучше всего, кажется, когда насадка (идущая с поводком всегда под более или менее тупым углом к подводной части лески от поплавка до грузила) плывет на вершок от дна.

Главная весенняя насадка – крупные муравьиные яйца (т. е. личинки, из которых выходят крылатые муравьи), которые насаживаются по 2–3 на крючок, причем стараются проколоть их сбоку, дабы не выпустить содержащейся в свежих яйцах белой жидкости. Темные яйца с уже развившимися в них насекомыми для насадки не годятся. В начале ловли эта насадка доставалась недешево – платили до 1 р. за фунт, а для притравы выбрали первое время сушеные. Мотыля для этой цели не употребляли, так как весной его почти не промывают. Без притравы же язь брал плохо, что и понятно: такая легкая притрава, как яйцо, приманивала рыбу, стоявшую на той же струе, быть может за сотню и более сажен от лодки. Как и всегда, притрава смешивалась с глиной, вязкость которой соответствовала силе течения.

III

Вторая половина весны. – Ужение ельца. – Ловля голавлей и шересперов нахлыстом. – Ловля шересперов плавом и на искусственную рыбку. – Весенняя ловля на других местах

Клев подъязка у Устьянского и Москворецкого моста продолжался с одинаковым успехом до тех пор, пока река почти не вошла в берега и не заперли Перервинскую плотину, находящуюся в 18 верстах вниз по течению. Ниже Москворецкого моста течение почти прекратилось; к тому же вода Яузы сконцентрировалась и стала заключать в себе много вредных примесей – различных фабричных отбросов. Уже числа с 5-го мая язь стал подниматься к Каменному мосту и Бабьегородской плотине, и около того же времени начала попадаться на муравьиное яйцо плотва, выметавшая икру в 20-х числах апреля.

Некоторое время подъязков и язёв ловили у устья Неглинки (ниже Каменного моста) на красненького, т. е. красного навозного червя. Сюда они регулярно приходили кормиться утром и вечером, и сначала, пока еще не поправились после нереста и когда вода была еще мутная, брали очень жадно. Замечательно, что ловля и позднее, уже летом, шла всего успешнее в банные дни, когда из Неглинки текла мыльная вода, которая несомненно привлекала рыбу. По замечанию рыболовов, язь особенно охотно идет на мыльную струю. Ужение у Неглинки, не особенно привлекательное по миазмам, несущимся из трубы, в которую заключена эта речонка, отличается от описанного выше, кроме насадки, требующей более крупного крючка, еще тем, что поплавок отпускался недалеко от лодки по причине неровной глубины и неверного течения. Поэтому здесь зачастую приходилось ловить навтыжку, т. е. подсекать, когда рука с удилицем совсем вытянулась, поплавок начинает засасывать, а насадку приподымает течением. Если бы не довольно крупные крючки (№ 5–7), то много рыбы покрупнее уходило бы с рваными губами и

оторванным и поводками и лесками, так как при первом порыве поддать ей нечего, а на 3–4-волосную леску, уже растянутую прежде пойманными рыбами, особенно рассчитывать нечего.

Сколько помнится, Перервинскую плотину окончательно заперли к Николину дню, а Бабьегородскую – к 20 мая. В прежние года последнюю ставили всегда в июне, почему значительная часть рыбы успевала исподволь подняться выше и уходила из пределов города. На этот раз ее перехватили ранее, чем она перешла плотину, и масса язя, подуста, ельца и плотвы, к счастью рыболовов-охотников, осталась в районе между Москворецким мостом и плотиной. Особенно много залетовало рыбы ниже Каменного моста по глубоким местам – у Иордани, у купален Смирнова и городской; у самой плотины держалось много подуста, который тут же на камнях и метал икру, голавли, шересперы, и появились даже крупные карпии, которые, судя по всему, тоже нерестились здесь в конце мая или, вернее, в начале июня. Карпии появились у нас в Москве-реке с года ко ронации [44 - 1881 год. – Ред.], и в этом году и следующем здесь ловилось и неводом и на удочку множество мелочи вершка по 3–4, которая шла в продажу и считалась за карася. Позднее, в 1885 году, мелочи уже не стало заметно, но начали попадаться довольно крупные карпии, до 4 фунтов весом, причем, конечно, при тонкости москворецких снастей вряд ли доставалась одна рыба из трех подсеченных. По всему вероятно, карпии попали в Москву-реку из какого-либо подмосковного пруда, прорвавшегося весной, едва ли не из пруда Мещанского училища, в большое половодье 1881 или 82 года заливавшегося Москвою-рекою. В нынешнюю весну поймали 3–4 некрупные карпии и вряд ли столько же позднее, вплоть до осени.

Вторая половина весеннего рыболовного сезона началась с закрытия Перервинской плотины, а кончилась, когда вода окончательно сбыла и пришла в межень, и заключает в себе почти весь май. Этот период характеризовался главным образом ловлею ельца, голавля, шереспера и началом клева подуста, который стал, впрочем, брать как следует уже позднее, в июне.

Ельца весной было сравнительно немного и попадался некрупный, не больше 4 вершков, т. е. двухлеток. Ловили его частью на поплавок, частью на пробочку, на муравьиное яйцо и опарыша, но вряд ли взято за это время более 10 пудов. На двойчатку ловить не стоило вовсе, так как парами елец попадался редко. Брать он стал, как и всегда, после Николина дня, когда уже установился на местах и вновь собрался в стайки, которые после нереста (в апреле), по-видимому, рассеиваются. Отлагая описание ужения на пробочку, этого весьма добычливого способа ловли на быстром, неглубоком и неровном месте, до следующего раза, замечу здесь только, что язь и подязик против обыкновения почти не брали на перекате и у свай Каменного моста и на пробочку их ловили здесь уже много позднее. Необычное явление составляет тоже плохой клев ельца да вообще всякой бели на опарыша. Кстати, нельзя не упомянуть о том, что у нас лучшим опарыше м считается выведшийся на рыбе, а не на печенке, хотя последний бывает много крупнее. Рыба берет на первого гораздо жаднее. Обыкновенно опарыш для ловли сохраняют в коробке с отрубями, в которых он теряет свой неприятный запах и скоро вырастает. Как насадка это одна из лучших, и трудно найти другую, которая бы держалась прямее на крючке. Я и другие ловили ельца, а позднее и подуста, на муравьиные яйца (2–3 крупных) с 1–2 опарышами, и рыба очень редко срывала последних, так что не было надобности часто менять насадку, как при одних муравьиных яйцах.

Голавлей, как и всегда, ловилось весной сравнительно очень мало, по крайней мере, вдесятеро меньше, чем язей. Чаще они попадались на донную (на раковую шейку чаще, чем на выползка) [45 - Иногда ловят здесь голавлей на куски печенки и драчены – яичницы с молоком.], чем на поплавок, но всего больше голавлей, притом крупных, было поймано взабродку, на перекатах ниже плотины. Здесь ловили их

нахлыстом, выбрасывая 10–15-аршинную волосяную леску поперек течения, сначала на прусака, потом на майского жука и шпанку (мясную муху), по 2–3 на крючке, в конце же мая и в начале июня – на так называемого тополевого червя – мохнатую гусеницу какой-то ночной бабочки, во множестве собираемую на листьях тополя. На эти же насадки еще чаще попадался язь и подязок, особенно на шпанку и червя, у свай, что около Каменного моста; на муху же отлично брал на перекате и крупный елец, даже плотва. Изредка голавль брал и на живца, предназначенного для шереспера. Любителей ловли нахлыстом забродку было, однако, немного, вряд ли более 8 человек, так как не особенно приятно стоять чуть не по пояс в холодной воде, хотя бы даже в непромокаемой обуви и штанах. Однако удивительно, что, несмотря на добычливость ужения нахлыстом, или, как здесь говорят, нахлестом, никто из более состоятельных рыболовов до сих пор не завел себе подходящего костюма. Все наличные удильщики этим способом люди если и не совсем бедные, то выносливые настолько, что иногда ловят и на камнях вовсе без сапогов и никакого понятия о непромокаемой одежде не имеют. Ловля с берега нахлыстом возможна здесь только вечером, о чем далее, а на лодке трудно забрасывать, да и устоять на перекатах весной трудно.

Голавли крупнее 5 фунтов попадались по обыкновению очень редко, но и с меньшими при тонкой снасти (в 4 волоса) было немало хлопот, прежде чем они будут подведены к ногам. Все рыболовы нахлыстом сачка не имеют и берут совсем уже утомленную рыбу руками под жабры; только крупную они предварительно зажимают между ног. Прививок, т. е. тоненькую волосяную косичку аршина в 2 длины, привязываемую толстым концом к верхушке удильника, а затем к верхней части лески, употребляют только немногие, именно начинающие, так как с прививком, уподобляющим леску пастушьему кнуту, забрасывать гораздо легче. Впрочем, закидывание на быстрине и не требует такого искусства, как на слабом течении.

Шересперов от 3–5 фунтов весом до 10–12, во всяком случае, поймано было у Бабьегородской плотины никак не менее, чем крупных голавлей. Одним Васильем Гавриловичем, известным удильщиком нахлыстом, взято было здесь, а отчасти у Крымского моста не менее сорока штук, частью на живца, частью на черного таракана и майского жука. Ловили шереспера, как и голавля, больше ночью, т. е. зорями, и по утрам, на 6-волосную леску, которую В. Г., впрочем, уже заменил лескою из двух жилок. Несколько штук (4–5) поймано было на выползка ночью или вечером на закидную донную удочку.

С самой плотины никто никакой рыбы не ловил (кроме мелкого налима позднее), не столько из-за трудности доступа на нее, сколько по неудобству ловли с нее сравнительно с Перервинскою и другими плотинами, главным образом по всегдашнему отсутствию правильного течения.

Немало шересперов было взято другим известным москворецким рыболовом – машинистом Д. Д. Алексеевым. Последний ловит их совершенно иначе – с лодки, в одиночку, плавом. Районом лова был участок Москвы-реки выше Бабьегородской плотины до Воробьевых гор и даже выше. Способ этот имеет много общего с таковым же ловом щуки, уже описанным в журнале (1887 г.), но ловля производится не на ямах, а на перекатах – мелях, где, как известно, шереспер становится необыкновенно смелым и подпускает очень близко. Живец пускается всего на несколько сажен за лодкой, большею частью плывущей по течению и управляемой одним веслом.

Зато с Перервинской плотины в течение мая было взято до сорока шересперов, тоже от 3 до 10 фунтов. Все, или почти все, пойманы на искусственную рыбку с катушкой, совершенно необходимой при этом способе ловли. Как известно, первым начал ловить со шлюзов на искусственную муху известный московский рыболов Э.

С. Бодло; в прошлом же году благодаря англичанину-рыболову Э. Ф. Робинзону, выписавшему для себя и многих товарищей-охотников массу рыболовных принадлежностей из Англии по крайне дешевым ценам, весьма успешно ловили в Перерве, на Песках и в Софьине (с плотин) на искусственных рыбках новейших фасонов, оказавшихся замечательно пригодными для ловли не только шересперов и щук, но даже язей. Рыбки эти металлические, посеребренные или позолоченные, внутри полые, с боковыми разрезами для поводков с якорьками, которых три. Снасть самая ядовитая, и рыбе небезопасно даже понюхать ее. Этот способ ловли требует подробного описания, а теперь скажу только, что удильники для нее большею частью употреблялись не очень длинные (около 4 арш.), английские складные, с кольцами, трехколенные, довольно жесткие (преимущественно щучьи), леска – шелковый шнурок около 100 аршин длины и более, катушка большая, с трещоткой, вообще тормозом; так как ловля производилась на сравнительно умеренном течении и небольшой глубине, то всегда употреблялся поплавок довольно большого размера (красного цвета, так как под плотиной много пены), чтобы можно было отпускать его подале.

Первое время, как только заперли Перервинскую плотину, ловля на искусственную рыбку шла так успешно, что многие самые заклятые враги английских удилиц и катушек в особенности обзавелись таковыми и начали величественно ходить взад и вперед по мосткам плотины, то отпуская, то подтягивая его к себе. Стоило только увидеть кому бой шереспера, как сейчас же на плотине являлись 3–5 и больше рыболовов, которые, конечно, только мешали друг другу при обратном ходе и перепутывали снасти. Но чуть ли не каждый шереспер, подошедший к плотине снизу, рано или поздно бывал пойман, и только позднее, уже летом, когда миновал жор этой рыбы, да и корму стало больше, шересперы перестали брать вовсе. Немало было поймано здесь в мае на рыбку некрупного язя и даже подъязка. Попадались даже ельцы, вероятно очень любопытные. Щук, странное дело, кажется, не было здесь вовсе, но позднее их очень удачно ловили в Софьине и в Песках тем же способом. Всего успешнее бывала ловля после того, как спустят воду на несколько щитов, следовательно, когда усилившееся течение заставит крупную рыбу подняться снизу к плотине.

Что касается других способов ловли, то все они прошлою весною применялись на Перерве крайне неудачно: взакидку на донную подъязок брал чуть ли не хуже, чем в городе, а на поплавок не брал вовсе. Замечательно, в самом деле: ни язь, ни елец здесь на муравьиное яйцо не берут и его не знают, и всякая притрава, кроме мотыля осенью, там совершенно недействительна, тогда как в Москве без притравы поймаетшь только случайно: рыба привыкла ко всякой и очень набалована.

На Клязьме и Уче, по рассказам, недурно брал сначала налим, а позднее голавль; язей же здесь очень мало и (на Уче, по крайней мере) больше красноперок, т. е. помеси язя с шереспером, которых немало, но ловятся на удочку редко. Голавлей уддили на живца и раковую шейку, редко на майского жука. На Пахре же (выше Ивановского и ниже Добрятинской мельницы, так как около г. Подольска рыбы почти нет) это главная, если не единственная я, дневная насадка для голавлей в течение мая и июня, а ночью там они берут только на раковую шейку. Вообще там, где нет приречных огородов, капустных в особенности, выползок мало известен рыбе и она берет на него не особенно жадно; даже язь, который близ столицы берет (ночью) почти исключительно на выползка, в нижнем течении Москвы-реки предпочитает рака и мелкого живца. В разных местах одной и той же реки одна и та же рыба требует различных приемов ловли, и этого никогда не следует упускать из виду. А потому прежде, чем применять на новом месте свой способ, надо всегда познакомиться с местным, употребляемым туземными рыболовами-охотниками. В большинстве случаев местный способ и местные насадки оказываются наилучшими.

Вообще рыболову не мешает помнить, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». Другое дело – качество снастей.

В этом отношении, т. е. в качестве, вряд ли какие подмосковные и даже глухие провинциальные рыболовы употребляют такие, можно сказать, допотопные снасти, как царицынские рыболовы, т. е. охотники, удящие на Царицынских прудах (в 18 верстах по Курской жел. дор.), снимаемых у удельного ведомства Московским обществом любителей рыболовства. Удилища у них – невозможные орясины, целые березовые и ореховые, всего более пригодные для собак, лески – бечевочные или 20-волосяные, поплавки с добрую грушу. Недаром настоящие москворецкие рыболовы называют дачных прудовых удильщиков лягушатниками, а некоторые снисходительнее – поплавошниками. Нынешний год был не особенно благоприятен для царицынцев: зимою в Верхнем и Среднем прудах по недосмотру было спущено очень много воды, а лед был чуть не в 2 аршина и масса рыбы задохнулась. В Верхнем осталось весьма мало, так что в нем никто не ловил, в Среднем тоже на берегу (в апреле) было много снущей щуки и окуней, и только в Нижнем (Борисовском), как самом глубоком, рыбы погибло сравнительно немного, но там почти никто из царицынских рыболовов не ловит, отчасти за дальностью, но больше потому, что, несмотря на обилие крупного судака, леща и обыкновенной прудовой рыбы, там берет, и то плохо, как-то периодически, почти только одна мелочь, всего чаще мелкий прошлогодний судачишка, немного поболее четверти.

Главный лов сосредоточивался в Среднем пруде. Сначала, раннею весною, в апреле ловилась щука, но в небольшом количестве. С наступлением жаров, около середины мая, начался отличный клев лinya. Удили большею частию мелкого лinya, от фунта до 3-х, редко 4-х, а о 5–6-фунтовых и более, какие попадались прежде, что-то не было слышно. Некоторые выуживали за день, вернее, в утро и вечер, по 10, 15 и более штук, и взято было здесь за месяц лова не одна сотня. Большинство ловило близ дач, около т. н. кольца, и вниз, ближе к плотине, отделявшей Средний пруд от Борисовского, ездили немногие. Становились, как всегда, на кольях (лодки-дощаники, принадлежащие обществу, к сожалению, не все удобные для ловли) и ловили в одиночку, причем каждый расставлял по 5–7 удо чек!

Что касается Сенежского озера, в нынешнем году не сдававшегося в аренду обществу новыми владельцами фабрикантами Прохоровыми, то в мае, по словам рыболовов, доставших себе разрешение на ловлю, ни окунь, ни щука почти совершенно не брали. Причиною того надо считать значительные изменения, происшедшие в озере. Во-первых, уровень его подняли чуть не на два аршина, устроив турбину для электрического освещения фабрики, находящейся в трех верстах от шлюза. К последнему вследствие поднятия воды пригнало, кроме того, целый плавучий остров, который занял чуть ли не лучшие места лова.

Зато в мае очень недурно брал лить и некрупный окунь в Белом озере, что у села Косино (в 18 верстах по Рязанской ж. д.). Но так как главное ужение производилось здесь в июне, то описание этого интересного озера вместе с ловлей лещей в Люблинском пруде (в 9 в. по Курской ж. д.) отлагаем до следующего раза.

IV

Необыкновенный урожай молодежи и значение этого урожая. – Уженье подуста. – Ловля плотвы и язей на зелень. – Появление лещей. – Уженье щуки у плотины. – Подъязыки летом. – Уженье на кузнечика. – Ловля в Перерве и других плотинах. – Результаты ужения в Люблине, Косине и Сенеже

Минувшая весна, как известно, отличалась бездорожьем. Обыкновенных майских паводков не было вовсе, а потому как рыба икра, так и рыба молодежь ни разу не

были сносимы водой. Вообще весенний паводок всегда имеет губительное влияние на размножение рыбы, так как много икры и слабых, только недавно выведшихся мальков забивается течением и обсыхает на берегу; в Москве же река вследствие особого устройства ее плотин масса рыбешки, особенно плавающей поверху, даже при небольшой прибыли воды сносится под плотины. В конце мая река на всем своем протяжении кишела мириадами мелочи; у плотов и купален ее можно было просто черпать сачками из марли и час тыми корзинами. Первое время все мальки, разумеется, держались около берегов или хотя на течении, но под защитой крупных камней, напр. молодь подуста и голавля, но уже в июне отошли к середине реки молодые шересперики, достигнувшие почти 2-вершковой длины, за ними голавлики, и ранее не избегавшие быстрины, затем подъязки и, наконец, уже в августе, ельцы. Дольше всех стояли на затишье мальки плотвы, ерша и пескаря. Около плота Московского общества любителей рыболовства я имел возможность наблюдать в течение всего лета мальков почти всех рыб, встречающихся в Москве-реке, и убедиться в том, что почти все рыбы, по крайней мере плотва, елец, ерш, язь и пескарь, не только мечут икру одновременно, по возрастам, но притом в несколько приемов, т. е. каждая из этих рыб выпускает икру не сразу. Несомненно, что названные породы рыб нерестились даже в конце июня, так как в июле рядом с уже выросшими мальками можно было встретить молодь на вид не более как 2–3-недельного возраста.

Летом же я имел возможность убедиться также в том, что лучший и дешевле корм для молоди рыб – это отруби, сначала мелкие, а позднее, в июле, крупные. Я даже удивляюсь, каким образом до сих пор никому из рыбководов не пришло в голову заменить отрубями разные сложные корма, придуманные тупоумными немцами, тем более мелких ракообразных, дафний, циклопов и пр. Не угодно ли вам держать армию мальчишек с сачками для ловли этих чуть ли не микроскопических животных! Это возможно лишь для любителей комнатного рыбководства, можно, пожалуй, допустить при разведении форели, да и то вряд ли необходимо, так как отруби с жадностью ели мальки почти всех рыб, водящихся в Москве-реке, начиная с шереспера, окуня, голавля и кончая пескарем и ершом, подбиравших уже упавшие на дно частицы. Одно из преимуществ отрубей как корма заключается в том, что они очень долго плавают на поверхности и тонут притом довольно медленно, иногда по прошествии нескольких минут, так что большая часть крупинки хватается мелочью на поверхности или близко от нее. Со временем я буду говорить подробнее об этом русском способе кормления молоди, о средствах охранения последней от истребления, а также о моем, тоже чисто русском, способе разведения рыбы в больших рогожанных садках из икры, собираемой на местах нереста. Все это очень просто и вполне доступно каждому безраздельному владельцу замкнутого участка воды. Разводить же рыбу в таких местах, где она может сделаться общим достоянием, может лишь правительство, в редких случаях земство, а никак уж не частное лицо.

Вся эта мелюзга с момента своего появления в первых числах мая росла не по дням, а по часам, питаясь мелкими органическими веществами, которыми так изобилует Москва-река, а также нитчатými водорослями, которыми обрастают подводные части плотов, мостов, плотин и купален. Мелких животных организмов в Москве-реке слишком мало для того, чтобы они могли иметь такое значение для молоди в первые недели ее существования как в стоячих водах – прудах, озерах, так же в речных заводях и ильменах. Только позднее, около середины июля, в корме молодой рыбешки, по-видимому, начинает преобладать мотыль, т. е. личинки некоторых видов сем. комаров, которыми так изобилует Москва-река наперекор всем кабинетным теориям, по которым чем культурнее и заселеннее берега реки, тем рыбе меньше пищи. Наша река, как изобилующая кормом всякого рода не только

одного растительного происхождения, так как каждый дождь дает ей массу больших и навозных червей, опарышей и пр., а в иле, состоящем главным образом из навозной уличной грязи столицы, зарождается бесчисленное множество мотыля, как нельзя нагляднее доказывает ошибочность взгляда, что рыбе население неизбежно роковым образом должно уменьшаться чуть ли не пропорционально увеличению населения. Другое дело уменьшение рыбы и гибель молоди от порчи воды вредными фабричными и другими отбросами, но эту порчу можно предотвратить, и притом нельзя не заметить, что безусловно вредных веществ для жизни рыбы гораздо менее, чем обыкновенно думают. Но все это, равно как и прирост рыбы, настолько важно, что должно служить предметами отдельных исследований.

Для охотников-рыболовов гораздо интереснее знать, какое влияние имеет урожай молоди на ловлю взрослой рыбы. Дело в том, что немногие из них подозревают о том, что в летние месяцы молодая рыбешка служит главной пищей не только мелким хищникам, но что ею кормятся в большей или меньшей степени вся крупная и мелкая прошлогодняя белая рыба, включая карася, линя и пескаря. Это доказывается как вскрытием, так и тем, что мелкие карасики, линьки и верховки в аквариумах весьма охотно едят молодь, особенно недавно выклюнувшуюся. Отсюда, очевидно, следует, что чем более урожай молоди, тем летний клев должен быть хуже; и действительно, в июне и июле рыба по всей Москве-реке брала гораздо хуже обыкновенного, хотя выход рыбы был по крайней мере близ города весьма значителен. Голавли и голавлики не брали почти вовсе, даже на майского жука и раковую шейку, язи и подъязки ловились летом только нахлыстом на жука, шпанку и тополевого червя, позднее, в июле, на кузнеца, частью на зелень вместе с плотвой. На Перервинской же и других нижних плотинах подъязык брал чуть ли не чаще на искусственную рыбку, чем на обыкновенные летние насадки; выползка же, как говорится, и не нюхал. Даже ерш на Перерве, гроза кухарок перервинских дачников, в июне и июле не брал вовсе, а в мае и августе попадался лишь десятками. Причина этого необычайного явления объяснилась, когда даже 1 1/2-вершковыи, т. е. годовалые, ерши оказались буквально набитыми (в мае) мелочью ростом с булавку.

Брал хорошо летом только один подуст, елец же и плотва ловились в гораздо меньшем количестве – первые два на муравьиные яйца, частью на опарыша, последняя почти исключительно на зелень. Подуста, правда, удил немногие рыболовы, так как он требует, во-первых, много притравы, а главное, быстрой подсечки и большой сноровки, но эти не многие не раз за утро брали по пуду-полтора рыбы. Вообще ужение подуста принадлежит к числу самых трудных, так как он берет очень вяло и осторожно, осторожнее даже прудовой плотвы, так что, летом в особенности, вряд ли удастся одна подсечка из десятка, тем более что подуст имеет скверную привычку брать под самой лодкой; затем из трех подсеченных, наверное, один сорвется. Из всех наших рыб, кроме недавно появившейся карпии, подуст самая бойкая, бойчее голавля; после подсечки он начинает делать крутые зигзаги, мотать леску вправо и влево и идет туго. Двухфунтовый подуст (крупнее попадаются у нас очень редко) заставит-таки повозиться с собою и на вытяжке зачастую обрывает леску или поводок или разгибает и ломает крючок (не крупнее 8 №), если он плох.

Ловился главным образом двухлеток и трехлеток – первый в 1/2 фунта, второй в 3/4–1 ф. весом. Последний держался преимущественно около самой плотины, в траве, на течении, где стояла и бесчисленная молодь подуста и голавля. Сверху, с берега и плотины, в мае вода серебрилась от множества подуста, переворачивавшегося с боку на бок; по временам (во время нереста) подусты выпрыгивают из воды вертикально, как выпрыгивают карпии, но обыкновенно присутствие этой рыбы узнается по ее характерному плаванию: выплывая кверху, она

непрерывно переворачивается вверх брюхом.

В общем, летнее ужение подуста мало отличалось от весеннего ужения подъязка на поплавок, только леска отпускалась короче. Насадка – тоже муравьиное яйцо (сначала крупное, потом, в июне, мелкое). Притрава – гречневая каша (ядрица) с муравьиными яйцами, иногда с крупными отрубями и драной коноплей – замешивалась в не очень вязкой глине, так как течение значительно ослабело. По этой причине у нас в Москве-реке подуста очень мало ловят на пареные зерна (пшеницы, ячменя и ржи), как в других местах. Притрава на реке имеет целью привлечение рыбы издали, а потому она должна соответствовать течению, а не оставаться у самой лодки. Так как к подусты часто сходили с крючка, то я пробовал ловить с катушкой; в результате оказалось, что подсечка была слабее, чем при обыкновенном способе ловли, и засекалось меньше рыбы, но сходили они с крючка много реже, только уж слишком много времени уходило на вываживание, и, как говорится, «не стоила овчина выделки». Не знаю, как в других местах, но здесь подуст всего лучше брал, когда солнце поднимется высоко, часов в 8–9 и до полудня, даже до часу. С 2-х клев прекращался и возобновлялся часа через два, но по вечерам подуст брал уже вяло и редкий мог быть подсечен. Причина тому – обилие бросаемой притравы, так что он успевал к вечеру наесться досыта. Вообще следует заметить, что наши москворецкие рыболовы злоупотребляют притравой и чересчур закармливают и без того сытую рыбу. Вытаскиваемые подусты казались пузатыми – так они наедались притравы. Поэтому, уснувши, они портились еще скорее обыкновенного. Как известно, подуст – одна из самых хлипких и скоропортящихся рыб и не отличается своим вкусом. Взято его у Каменного моста, частью выше плотины летом, главным образом в июне и августе, 30–40 пудов, причем специальной ловлей его не занималось и 8–10 охотников.

Подуст, питающийся преимущественно растительными веществами, вовсе не ловится на зелень, т. е. на нитчатую водоросль. Ловля эта, как кажется, известна в очень немногих местностях России, да и здесь удят на зелень немногие рыболовы, хотя между ними есть специалисты, ловящие плотву, частью подъязка и голавля пудами. Плотва составляет главный объект этой ловли, но временем много попадает и подъязка, особенно на перекатах на длинную леску и на пробочку, о которой речь будет еще впереди. Зелень – это нитчатая водоросль, т. н. шелковник, растущий на сваях и камнях, преимущественно на довольно сильном течении, где он гораздо чище (зеленее) и длиннее, чем в затишье, где шелковник, обрастая подводные части купален, плотов и лодок, служит, как сказано, чуть не главной пищей рыбе молодки. Плотва летом, с середины мая до сентября, вообще до больших паводков, совсем сносящих зелень, кормится исключительно ею и ни на какую другую насадку не берет. Клев ее начинается, как только зелень подрастет и выпадут довольно сильные дожди, вследствие которых часть водорослей сносится течением вниз. Рыба, как говорится, вьется в зелень и подойдет к местам, где она растет.

Ловили на зелень главным образом пониже Каменного моста, под которым и добывали насадку. Ужение производилось на ту же снасть, какая употреблялась для подъязка и подуста, но иногда поплавок заменялся круглой пробочкой. Зелень насаживалась прядочкой в 1–1 1/2 вершка длины, края которой ровно подстригались; прядочка эта захлестывалась петлею за крючок (№ 8–10), так что жало было совсем наружу. Большею частью рыба брала не со дна, а почти вполводы, что зависит от того, что оторвавшаяся зелень по своей легкости плавает не по дну или же навтыжку, т. е. когда насадка, приостановленная в своем ходе, приподымалась течением кверху. Плотвы тоже было поймано за лето не менее трех десятков пудов. На Москве-реке главная масса ее держится на яме, что у Каменного моста, но много ее также у левого берега, выше моста, начиная от храма Спасителя,

а на правом – у купальни Смирнова, куда ее вместе с подъязком привлекают ягоды от наливок, приготовляемых на водочном заводе И. Смирнова. Очень часто при вытаскивании рыбы в этой местности она испражняется как бы кровью, но затем оказывается набитою битком ягодами, особенно вишнею.

Плотвы в этом месте, впрочем, ловили мало, а больше подъязка – прямо с берега или с купальни, у водосточной трубы, где течения нет совсем, на поплавок; насадка – красный червь и даже выползок, и крючок, следовательно, уже довольно крупных размеров. Многие удильщики, большею частью заводские, вытаскивали здесь по десятку-полтора подъязков, обыкновенно ранним утром. Говорят, что прежде многие пробовали насаживать на крючок ягоды, но так как они плохо держались, то принуждены были отказаться от этой насадки. Нет сомнения, однако, что ввиду такой постоянной ягодной привады можно с успехом ловить около этого места на крупную, не совсем доспевшую вишню. За границей это весьма обычная насадка для голавлей.

В конце мая и в июне подъязка и голавля ловили, хотя в небольшом количестве, нахлыстом сначала на жука и шпанку, потом на тополевого червя, больше взабродку. Но умелых удильщиков нахлыстом у нас, как и везде, немного, и они известны наперечет. С июня, с Казанской, начали ловить преимущественно у свай Каменного моста на кузнеца с берега взабродку, а также с лодки. Последняя ловля труднее, так как при неумелом закидывании лодка дает волну, что отпугивает рыбу. Ловля нахлыстом на Москве-реке имеет многие оригинальные особенности, и подробное описание этой ловли здесь неуместно. Главное ее отличие – это то, что она производится не посреди дня, как всюду, но главным образом вечером, когда стемнеет, и ночью, или ранним утром и под вечер, и то взабродку и на перекате. Причину тому надо искать в том, что днем рыба держится здесь далеко от берега, слишком грязного, да и вообще в таких реках, как Москва-река, рыба подходит к берегам только ночью и плавится, т. е. плышет поверху, посередине, где ее не достанет самый искусный в забрасывании спортсмен-рыболов, вооруженный английским нахлыстовым удилищем с катушкой и патентованною лескою, выбрасываемую им чуть не на десятки сажен. Полагаю, однако, что успех ночной ловли нахлыстом много зависит от электрического освещения на мосту, которое, во всяком случае, имеет большое значение как для ловли, так и для самих рыб. Кстати, не могу не сказать несколько слов об одном весьма эффектном явлении, вызываемом этим освещением и доказывающем вместе с тем, какая масса мелочи вывелась в этом году. В июле, когда большая часть молодой рыбы отошла от берегов на средину реки, можно было наблюдать следующее явление: ровно в полночь на левом берегу реки у храма Спасителя мгновенно тушили все электрические фонари (кроме мостовых), и вся мелочь, по обыкновению плававшая в верхних слоях воды, испуганная внезапно наступившим мраком, выпрыгивала из воды. Вся река на секунду-две точно кипела и серебрилась, а затем все затихало, и вода из белой становилась черной.

Другая особенность москворецкой ловли нахлыстом на кузнеца заключается в том, что на эту насадку ловили преимущественно на слабом течении у мостовых свай, где всегда почти в большем или меньшем количестве держится язь и подъязок. Поэтому заброшенную леску приходилось подтаскивать к себе, а не отпускать плыть ниже по течению. Насадка – кузнечики (мелкие), надеваемые обыкновенно на 5–6-й № крючка попарно или поодиночке, – обыкновенно тонула после первого же перебрасывания, и рыбе редко приходилось брать ее с поверхности, а больше в то время, когда она тонула. Поклевка узнавалась больше по легкому натягиванию белой лески, ясно видной при электрическом освещении, но иногда подъязки и особенно голавли брали так жадно, что чуть не вырывали из рук удочки. В этом году, впрочем, ловля нахлыстом на кузнеца как в июле, августе, так и позднее, в

сентябре, была почему-то далеко не так добычлива, как в прошлом году, когда главные мастера нахлыстовой ловли – прачешник Василий Гаврилов и газетчик Василий Иванов – брали подъязка пудами и солили их впрок целыми кадками.

Из других летних событий на Москве-реке нельзя не указать на появление выше Каменного моста лещей, а позднее, в середине августа, у плотины довольно большого количества мелкой щуки. Один из лучших рыбаков А. И. Силин взял в июле при мне в одну ночь на выползка и железняка трех лещей в 8, 6 и 4 фунта; затем многие ловили мелких лещей и подлещиков; мне попалась однажды даже густера – рыба очень у нас редкая и очень обыкновенная в Клязьме, ниже Павловского Посада. Клев леща на донную ночь здесь, на течении, совсем отличен от клева его в прудах (напр. Люблинском); кончик шестика часто закачается, и бубенчик начинает дребезжать; это лучший момент подсечки, тогда как на пруде бывает уже поздно и лещ звонит или качает удильник, когда выплевывает приподнятую им насадку. Надо полагать, что леща у нас вовсе не так мало, как это думают, а что он попадает на удочку редко – это несколько не удивительно, если принять во внимание осторожность этой рыбы и изобилие пищи. Вероятно, в яме у Каменного моста, а может быть, и у купальни Смирнова обитает не одна сотня матерых лещей. Но вообще на Москве-реке лещи принадлежат к числу довольно редких пород, хотя в Оке, по крайней мере в среднем ее течении, это чуть ли не самая многочисленная рыба. Всего больше леща, кажется, выше Перервинской плотины, в запруде, где ил кишит мотылем [46 - Большая часть добываемого мотыля промывается именно в этом месте.] и много всякого корма, почему рыба здесь на удочку вовсе не идет.

Конец лета ознаменовался также довольно добычливым ловом щук, подошедших к плотине снизу и привлеченных сюда, вероятно, обилием мелочи, не селетка конечно. Крупной щуки, впрочем, не было (кажется, никто не поймал здесь крупнее 7 фунтов), и попадались больше щурята от 1 до 3 фунтов, вероятно прошлогодние и двух-трехлетки. Ловлей занимались, впрочем, немногие из охотников – человек десять, не более, и всеми поймано вряд ли более 150 штук. Продолжалась она собственно недели две и к сентябрю совсем прекратилась. Ловили почти у самой плотины, саженьях в десяти-двадцати от нее, на шести, даже четырехволосную леску с большим осокоревым поплавком, на крючок не свыше 1 №, который задевали за одну или обе губы пескаря или гольца. Последнего ловили (корзинами) преимущественно в траве и у свай под мостом. На две удочки ловить было трудно, так как приходилось постоянно перезакидывать. Однако течение здесь было не настолько сильно и правильно, чтобы можно было ловить щук на искусственную, даже легкую, рыбку, как на Перервинской и других плотинах, и все попытки заменить живцов металлическими, гуттаперчевыми и шелковыми рыбками кончались полной неудачей: рыбки эти не вертелись, не играли, и щука упорно не обращала на них никакого внимания.

Впрочем, на Перерве рыба все лето, с июня, как сказано, брала плохо, гораздо хуже, чем в городском участке Москвы-реки. Причины тому – сравнительно меньшее количество рыбы на Перерве в настоящее время и чуть ли не большее количество малька-селетка. Отсутствие больших дождей и прибыли воды, заставляющей почти всю рыбу временно покинуть свои становища, а некоторые породы, как, напр., шереспера, щуку, подъязка, голавля, вообще хищников, подняться к самой плотине, имели здесь большее влияние на результаты ловли, чем в других местах. Подъязок ночью почти не ловился, шереспера встречались лишь одиночными особями, но в конце концов попадались на искусственную рыбку, пускаемую с плотины; щук и голавлей, как кажется, не было здесь вовсе, но изредка на искусственную рыбку попадались некрупные язи и подъязки. Зато в Софьине (в 7 в. от ст. Раменское, Ряз. ж. д.) с плотины и ниже плотины (верстах в 2-х) с берега очень хорошо временем брала щука, и очень крупная; с плотины – на искусственную

рыбку, с берега – на живца. Превосходно брал здесь также язь и подъяз, шереспера же почти не было вовсе. Зато последний очень хорошо ловился в конце лета и начале осени на Песках, т. е. на последней плотине.

Летом, в июне, даже в начале июля, недурно ловился в нынешнем году в Люблинском пруду (в 9 в. от Москвы по Курской дороге) лещ и подлещик. Судаки же здесь попадались очень редко и случайно – на жерлицы, предназначавшиеся для щук, которых тоже взято меньше обыкновенного. Многие люблинские рыболовы-дачники брали с лодки в зорю до десятка и более мелкого леща (2–3 ф.), а изредка ловили 4–5 и даже 7 ф. экземпляры. В праздничное время из Москвы приходили сюда целыми десятками разные мастеровые и располагались по берегам пруда со своими удочками. Некоторые из них, более умелые, ловили (главным образом ночью) тоже очень много леща, до пуда. В Люблинском пруду ловят леща, как известно, или на длинные удилища с поплавком, или на короткие без поплавка, взакидку. Последние употребляются преимущественно ночью. Длинные удилища необходимы, особенно при дневной ловле (лещ берет тут нередко и среди дня), так как эта рыба очень осторожна и, несмотря на обильную прикормку (хлеб и гречневая каша, изредка пареный горох), к лодке или берегу подходит близко только в сумерки и ночью. Некоторые люблинские рыболовы употребляют для ловли с лодок тростниковые (цельные и складные) удилища до 9 аршин длины с леской немного подлиннее; другие же более короткие (5–6 арш.) удильники, но с леской до 10–12 арш. длиною. Такую леску с поплавком закидывать очень трудно: обыкновенно ее бросают сначала рукою, а потом резким и сильным движением выхватывают из воды, держа удилище обеими руками, назад, так, чтобы насадка не коснулась воды или не задела за что-нибудь. Затем сильным взмахом удилища заставляют насадку ложиться на 3–4-х саженьях от лодки. Этот маневр очень труден и требует большого навыка и сноровки, а главное, возможен только при очень хорошем и крепком удильнике. Конечно, и те и другие удильники неудобны и крайне затрудняют закидывание, и очень странно, что до сих пор никто еще не додумался до ужения лещей с катушкой и скользящим поплавком, которые дают возможность при легком удильнике закидывать насадку чуть не на десять сажень от рыболова. С берега ловят или на короткие донные (можжевеловые) удильники, или на обыкновенные рыночные удилища подлиннее.

Ловля лещей в Люблинском пруду производится главным образом в правой половине его, т. н. Печатниковском пруде; по левую же сторону железнодорожного моста лещи встречаются главным образом раннею весною и во время нереста; печатниковские мужики бьют их тогда острогою, как раннею весною щук. Удят большею частью (с лодки, на двух заранее вбитых кольях) в нескольких саженьях от берега или посредине, вообще на глубине 3–4 аршин, на шелковые или волосяные (6-волосные) лески; поплавок легкий и должен стоять на одном месте, так как грузило лежит на дне. Крючок средних номеров, около 5-го №, смотря по насадке, которая бывает различная. Одни рыболовы предпочитают ловить на кучу красненьких (навозных червей), другие на белый или черный хлеб, смятый с гречневой кашей, третьи, очень немногие, – на пареный горох. Хлеб с кашей лучше одного мятого хлеба, потому что пухлее, легче, поэтому не вязнет в иле и заметнее рыбе. Подсекают обыкновенно, как только поплавок ляжет на воду, т. е. когда лещ приподнял с земли насадку вместе с грузилом своими хоботообразными губами; некоторые, однако, выжидают, покуда положенный поплавок слегка закачается, что гораздо правильнее, ибо это качание указывает, что лещ вбирает насадку в рот, а не держит ее в губах. На донную удочку ловят только ночью, в тихую погоду, обыкновенно на кучу червей. Так как леска не натянута течением, то подсекают, когда она вытянется и кончик слегка качнет.

В есьма недурно брал также летом линь и окунь в самом большом из Косинских

озерков, именно в Белом. Озера эти находятся в 18 верстах от Москвы, в версте от Косинской платформы Рязанской железной дороги, и замечательны своею глубиною (я ловил на 18–20 аршинах, но есть места, кажется, до 27 аршин) и превосходным качеством воды, почему в нем живет множество пескаря. Лет 12 назад в этом озере было очень много всякой рыбы, даже судаков и стерлядей, так как оно служило садком известному рыботорговцу Мочалову, но когда кончился срок аренды, прорубей не делалось, лед же был необычайно толст, и вся рыба, оставшаяся невыловленною, задохлась, кроме небольшого числа линеи и карасей. Щук теперь нет вовсе, окуни же и пескари были посажены позднее новым арендатором озера старостой села Косина. Кроме того, в озере пропасть очень крупной верховки, довольно резко отличающейся от мелкой верховки смежных озер (Черного и Святого), и небольшое количество плотвы. На удочку ловится здесь линь, окунь, пескарь. Первый брал в середине мая и весь июнь, больше мелкий, в 1/2 ф. – 1 фунт весом, а 3–4-фунтовые попадались редко. Замечательно, что в этом году несколько линеи было поймано в озере на малявку. Точно так же нет здесь и крупных окуней, что, впрочем, понятно. Фунтовики ловятся в очень небольшом количестве, и на удочку идет преимущественно мелкий окунь, в 3–4 вершка, но его можно наловить много – до пуда, а при хорошем клеве – больше. Так как нередко приходилось ловить на большой глубине, то всего удобнее было удить на короткие донные удилица без поплавка, в отвес; ловля же с поплавком была крайне затруднительна и мешкотна. Брал окунишка на малявку и на красного червя, большею частию на малявку лучше, но не всегда жадно и верно, и притом нередко не со дна, а чуть ли не вполводы. Иногда он недурно ловился и на мелкую блесну, как и на Сенеже.

Знаменитое во всех отношениях и по своему происхождению, и по обилию рыбы озеро это в июне все-таки немного порадовало своих поклонников, оставшихся верными своему излюбленному месту и разными путями добывшими право бесплатной ловли на нем от нового владельца. Окунь брал летом очень недурно, и попадались очень крупные, до 5 фунтов; щуки ловились случайно до августа; с этого месяца они стали уже довольно обыкновенной добычей рыболовов; клев же окуня по каким-то причинам вновь почти прекратился.

Об осеннем ужении под Москвой – до следующего раза.

К сезону...

<...>

II. Ужение В Январе

Январь – самый неблагоприятный месяц для охотника-рыболова, так как за редким исключением, именно в случае сильных оттепелей, рыба берет на удочку очень вяло, а то так и совсем не берет. Больше всего ловят в январе налима и ерша; окунь же (на блесну и на живую насадку – мотыля, червя и пр.) берет только к концу месяца. Вообще, едва ли не самый добычливый и самый удобный способ ловли рыбы в эту глухую часть зимнего сезона – это ловля на поддев, т. е. поддевание рыбы на голые крючки без насадки. Способ этот, напоминающий багренье, однако, представляет очень мало интереса для настоящего охотника. Впрочем, и зимнее ужение подо льдом далеко не может равняться с ловлей на воде, и, по правде сказать, не очень большое удовольствие таскать вялую, полусонную рыбу точно из ямы.

Принадлежности зимнего ужения

Главную принадлежность зимней ловли составляет кроме удочек и насадок пешня, необходимая для прорубания льда, делания в нем круглых отверстий, т. е. лунок. Пешня – это четырехгранный, внизу заостренный кусок железа до аршина длиною, имеющий сверху помещение для деревянной рукоятки. Чтобы острие не гнулось, железо или закаливается, или на конец наваривается сталь; некоторые охотники делают даже стальные пешни и имеют их двух или трех размеров, от 3 фунтов для тонкого льда, до 12-ти – для толстого. Рукоятка пешни должна быть непременно точеная, лучше дубовая, с головкой, достаточно толстая, чтобы удобно было держать ее в руке, и длинная (около аршина); для того же, чтобы не утопить пешню, в головке рукоятки делается отверстие, в которое продевается ременная или бечевочная петля, надеваемая на руку во время прорубания льда. Последний выгребается из лунки железным совком, или деревянной лопаткой, или же сачком особого устройства; он состоит из железного или медного обруча в 4–5 вершк ов диаметром, прикрепленного к короткой деревянной рукоятке; сетка его, довольно частая, делается или из бечевки, или проволоки и не должна быть глубже четверти. Присяжные зимняки берут с собою еще следующие предметы: фонарь, для ночной ловли действительно необходимый, жаровню или ведро с угольями для согревания рук в большие морозы, дубовое ведро для живцов и, наконец, двухаршинные колья и рогожи для шалаша. Конечно, все это возится на место ловли в салазках. При ловле на червей и мотыля эту насадку москворецкие рыболовы держат в деревянных ящиках в форме искривленной табакерки (бобом) вершка в 3 длиною, крышка которой не открывается сверху, а откидывается сама собой вбок, параллельно дну червяшницы, так как движется на шпеньке у одного из боков. Такой ящичек, чтобы насадка не замерзла, хранится всегда за пазухой. Само собою разумеется, что костюм рыболова должен быть тепел и удобен, всего лучше меховой кафтан и ватные брюки; валеные сапоги при этом необходимы, но на случай оттепелей к ним полезно приделывать кожаные подошвы и обшивать с боков кожей.

Прорубать лунки следует там, где ожидают найти рыбу, вообще на более глубоких местах, хотя и недалеко от берега; на самой стреже рыба зимою не стоит, так как не может бороться с силою течения. Самое лучшее место для лунок – это над колодцами, т. е. подземными родниками, и такие места необходимо заблаговременно замечать, что не особенно трудно, так как они замерзают позднее, некоторое время образуя полыньи. Число лунок зависит как от количества снастей, так и знания места. Рубить лунки следует так, чтобы они имели вид усеченного конуса, основание которого (от 4 до 6 вершк. диаметром) находится на поверхности льда; нижние края лунок аккуратно обиваются, чтобы не были остры и не резали лесок. Крупные осколки льда выбрасываются совком или лопаточкою; когда же лунка наполнилась водою, то мелкий лед выкидывается сачком. Хотя рыба не особенно чутка зимою, особенно на глубине, но все-таки часто отходит от шума, производимого прорубанием лунок, и берет б. ч. немного спустя после ее окончания, так что благоразумнее делать лунки заблаговременно. Обыкновенно ловят из 3–5 лунок, находящихся на небольшом расстоянии одна от другой, но иногда число их достигает 15–20, особенно при ловле налимов. Завзятые рыболовы делают тут шалаш, или, вернее, загородку от ветра. Пойманную рыбу хранят или в ведре, или, если лед достаточно толст, в т. н. корытцах. Это простое углубление во льду, обыкновенно в форме корыта аршинной длины и полуаршинной ширины, реже обыкновенной круглой формы. В середине этого корытца делается сквозное отверстие, в которое выступает вода.

Ловля на поддев

Эта оригинальная и весьма добычливая ловля возможна только в таких местах, где рыба собралась на зимовку в большом количестве. Такими зимними становищами служат обыкновенно более или менее глубокие устья побочных рек и речек, а также ключевые ямы.

Ловля на поддев, в сущности, то же багренье, которое до сих пор еще в большом употреблении в зимнее время по нижнему течению южнорусских рек. Разница только в том, что в первом случае стоящая в воде или мимоидущая рыба зацепляется за крючки, поддерживаемая в постепенном движении; во втором, ощутив или высмотрев рыбу подо льдом, поддевают ее багром, т. е. большим железным или стальным крюком, насаженным на длинное ратовище. Очевидно, поддевать можно преимущественно мелкую и среднюю рыбу, багром же только крупную рыбу, редко менее 3-х фунтов. В Средней России багренье почти неизвестно, но под Москвой, близ Мячкова, в устье Пахры, временем, преимущественно по перволедью, во время хода сюда рыбы из Москвы-реки на зимовку, забагривается довольно много крупной рыбы, преимущественно судаков, реже щук, налимов и разной белой рыбы (крупных язей, голавлей, шересперов). Здесь обыкновенно рыбу высматривают из проруби лежа на подстилке и чем-нибудь накрывшись, чтобы не отсвечивало.

В устье Пахры собирается на зимовку громадное количество ерша, ужение которого служит предметом особого промысла. Но среди зимы и в большие морозы ерш берет насадку (мотыля) очень плохо или не берет вовсе. В таком случае гораздо чаще удается вытащить ерша за бок, за кулачки (грудные перья) или за что придется, чем за рот. Поэтому когда клев ерша здесь прекратится, то начинают таскать его на крючки без насадки. Прежде ловили их на обыкновенные двойчатки (перекладинка из скрученных щетин с 2-мя поводками), но теперь вместо простых крючков стали навязывать к двойчаткам якорьки. Надо полагать, что мячковская ловля ершей на поддев дала мысль москворецким столичным охотникам попробовать этот же способ на яме, что у Большого Каменного моста, немного выше впадения Неглинки. Прежде (до 1887 г.) всю рыбу, собирающуюся сюда на зимовку в огромном количестве, вылавливали неводами, но теперь неводная ловля в городском участке Москвы-реки запрещена, и вся москворецкая рыба составляет исключительное достояние рыболовов с удочками. В зиму 1887/88 года ловить на поддев начали слишком поздно, когда рыба уже поразошлась, но прошлую суровую зиму, с декабря по 15 марта, только на одной этой яме было взято на поддев не менее 500 пудов рыбы, которая почти вовсе не брала на насадку. За последнее время ловля на поддев значительно усовершенствовалась, особенно в этом году, начиная с крючков и кончая удильниками.

Ловля на поддев, как более грубая, требовала всегда более прочных снастей, чем обыкновенное зимнее ужение с насадкой. Вместо т. н. кобылок или колодок с коротким прутиком или китовым усом по необходимости употреблялись прочные и довольно длинные (до 2 арш.) можжевеловые удильники. Прочность и длина обуславливались сильными подсечками и большими размахами; в сильные морозы при подсечке переламывались не только кончики можжухи, но и самые шестики; кончики же из китового уса, даже толстые, ломались как стекло. На случай очень холодной погоды можно посоветовать обыкновенные можжевеловые шестики, употребляемые для ловли на донную в открытой воде, заменять обыкновенными хлыстами (т. е. камышом, оплетенным тонким кожаным ремешком), только пожестче. Хлысты эти не ломаются даже при 20-градусных морозах.

Лески для ловли на поддев должны быть очень крепки; как и всегда зимой, волосяные предпочтительнее шелковых, на которые скорее намерзает лед и которые чаще перерезаются острыми краями лунки. Лучше всего лески в 9–12 волос или даже больше, если есть очень крупная рыба.

Крючки для ловли на поддев самые удобные, конечно, тройные, т. е. якорьки, но в крайности они могут быть обыкновенными двойными, т. е. жерличными. Но москворецкие рыболовы, недовольные малым наружным, притом прямым, загибом продажных якорьков, стали готовить якорьки сами из самых острых английских крючков с длинными стержнями и с боковым загибом, причем спаивали их таким образом, чтобы 1-й крючок приходился выше 2-го, а 2-й выше третьего. Такой тройник необыкновенно цепок, и редкая рыба может избежать его при малейшем прикосновении. Количество якорьков на леске бывает различно, чаще всего их три: два привязано, т. ск., непосредственно (без поводков) к концам очень толстой перекладинки из щетины (иногда покрываемой для большей упругости лаком), а третий повыше, на самой леске. Перекладинки эти делают также из китового уса, колотого белого камыша (употребляемого для мебели), даже из тонкой медной проволоки. К средней перекладинке неподвижно прикрепляется более или менее тяжелое грузило, обыкновенно небольшая пуля (20 кал.).

Самая ловля очень проста, и успех ее зависит не столько от умения, сколько от счастья. Ловят на одну или две удочки из двух смежных лунок, попеременно подергивая их гораздо более резкими толчками и с большим размахом, чем при блеснении окуней. Если рыба стоит на осенней яме не густо, то чаще приходится задевать ее в то время, когда она начинает бродить, что бывает утром до полудня и отчасти ночью. Замечено, что в теплую и тихую погоду ловля бывает удачнее, чем в холодную и ветреную. Рыба задевается за что попало, но чаще под горло, грудь и брюхо. Разумеется, она очень часто срывается и, если сильно ранена крючком, засыпает, так что много ее пропадает совершенно напрасно, почему ловля эта составляет скорее достояние промышленника, чем охотника.

Белуга <Фрагмент> <...>

Займемся теперь рассмотрением различных способов ловли этой замечательной рыбы, составляющей притом исключительное достояние России. Ограничимся, однако, наиболее оригинальными способами добывания белуги, подробно описанными в известном сочинении Данилевского «Описание уральского рыболовства».

Последняя, кроме неводов, ловится в еще большем количестве т. н. аханами, на кусовую снасть исключительно в море и, наконец, баграми во время зимней стоянки в реках. Багрение, впрочем, употребляется только в р. Урале, где с давних времен все приспособлено к лову красной рыбы исключительно в реке, а не в море.

Ахан – не что иное, как обыкновенная ставная сеть, только с очень крупными ячейками – именно от 4–6 вершков «в лопатке», так что даже трехпудовые белуги не могли бы проскочить сквозь натянутую сеть. Вся сеть имеет в длину от 10–11 сажен, шириною в 8–20 ячей, смотря по глубине, для которой предназначается, и без поплавок и грузил. Аханы всегда устанавливаются подо льдом, и ловля ими начинается с того времени, как лед на море настолько окрепнет, что не представляет никакой опасности для езды. Это бывает почти всегда во 2-й половине декабря, но иногда море не замерзает и до середины января. Вообще же эта ловля продолжается около двух месяцев и кончается всегда к 1-му марта.

Установка аханов, как делаемая подо льдом, требует особых приемов, которые, впрочем, представляют большое сходство с приемами, употребляемыми при подледной ловле неводами. Сначала все аханы, число которых бывает весьма различно, иногда несколько десятков, расстилаются по льду в одну линию. Между

каждую парю аханов кладут по камню в 4–5 ф. весом и по палке длиною около маховой сажени, называемой наслушкою. Затем прорубают круглые проруби около 1/2 аршина в диаметре по числу аханов и постепенно просовывают аханы под лед посредством длинного шеста, называемого прогоном, к заднему концу которого привязана т. н. прогонная веревка в 20–30 саж. длины. Прогон этот прогоняют под лед при помощи вил, т. н. сошила, непременно по линии направления прорубей; вместе с тем прогоняют и самый ахан, привязанный к прогонной веревке. Таким же образом прогоняется второй, третий, до тех пор, пока не пропустят под лед всех аханов, которые составляют ряд висячих сетей, как это видно из рисунка.

Ловля аханами исключительно употребляется уральскими казаками, которые соединяются в артели около 10 человек. В большинстве случаев ахан ы ставятся на глубине 5–6 сажен, где улов всегда бывает значительнее, чем на меньших глубинах. Ловля эта представляет, однако, значительные опасности и требует большой отваги и смелости: нередко огромные льдины, особенно перед приближением весны, откалываются от сплошной поверхности льда и носят с собой аханщиков по нескольку недель, так что им приходится кормиться мясом своих лошадей, а иногда из шкур их делать бурдюки, прикреплять к ним свои сани, из оглоблей делать весла и на этих особого рода судах достигать берега.

Весьма распространенная ловля белуги, и притом исключительно им принадлежащая, есть ловля на живодную, или кусовую, снасть. Как видно из рисунка, снаряд, употребляемый с этою целию, очень прост и не требует подробного описания. Насадкою служит обыкновенно вобла, т. е. каспийская плотва, вообще составляющая почти главную пищу этой прожорливой рыбы.

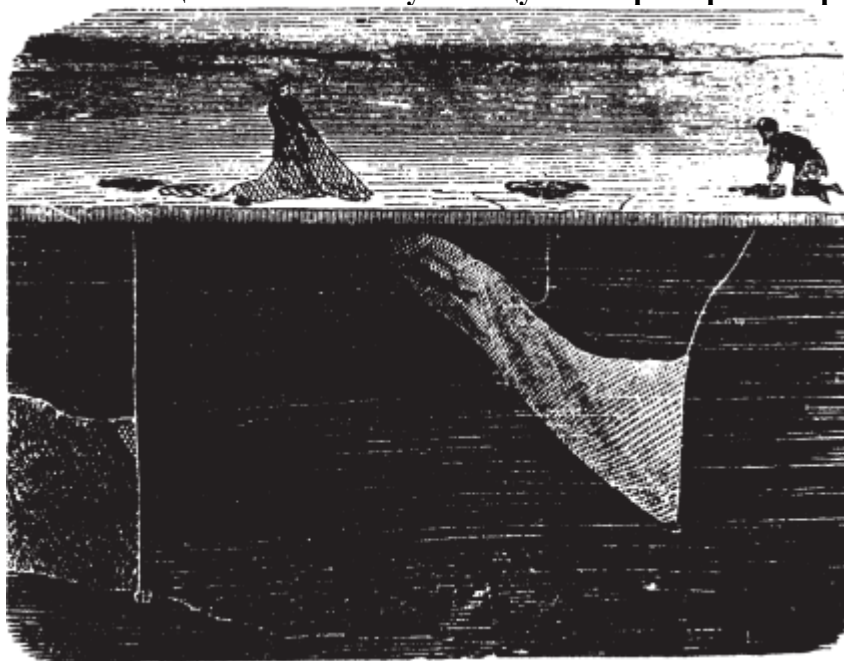

Рис. 1. Ловля аханами

Не менее добычливый лов белуг производится на ятовях, во время зимней стоянки их в Урале, куда они входят еще летом. Ловля на ятовях разделяется на осеннюю – т. н. осеннюю плавню и багренье. Первая ловля производится в нижнем течении Урала, начиная от Антоновского форпоста, до самого моря и производится по «рубезам», причем расстояние от ятови до ятови – лодки, «бударки» – проходят сначала в строгом порядке; затем не в дальнем расстоянии от места лова начинается перегонка, что делается с тем расчетом, чтобы достигнуть прежде всех места скопления рыбы. Всякий гребет с напряжением сил, часто до совершенного изнеможения, и, по свидетельству Данилевского, бывали случаи, что здоровые и сильные казаки догребались до обморока. Осенняя плавня начинается обыкновенно

с 28-го сентября, продолжается с месяц и производится т. н. ярыгами, особого рода плавными сетями, употребляемыми также и весною. Ярыга имеет 7 сажен в длину и состоит из широкого полотнища, сложенного по длине вдвое и сшитого по краям, но не до конца, так что образуется нечто вроде вентера, только не с боковыми, а с верхними и нижними крыльями, и притом вентера движущегося. На нижнем, свободном крыле висят грузила; на верхнем – поплавки; к четырем свободным углам прикрепляются веревки, концы этих веревок каждой стороны берутся в «бударки», в которых один казак сильно гребет, а другой правит и держит веревки. Таким образом, ярыга тянется двумя лодками, как бы разинутая пасть. Как только заметят, что рыба вошла в кутец, т. е. мешок сети, то подбирают нижнюю подбору, запирают выход рыбе и вытягивают ярыгу. По способу своего употребления ярыга составляет нечто вроде астраханской поездухи. В очень глубоких местах ятови-ярыги опускают с камнями на дно и, сильно гребя, волокут за собою некоторое пространство, как драгу.

Но самая оригинальная ловля белуг есть багренье. Это рыболовство начинается, как только лед на реке достаточно окрепнет и будет в состоянии сдерживать значительную тяжесть. Обыкновенно багренье начинается в половине декабря; оно разделяется на малое, продолжающееся 5 дней, и большое, которое начинается дней 10 спустя и продолжается 8 дней, не считая праздников. Вообще этот лов продолжается до Крещения или до середины января.

Единственное орудие, употребляемое на этом рыболовстве, есть багор, т. е. большой железный полусогнутый крюк; верхний конец крюка привязывают к аршинной вязовой палке крепкою бечевою, которая туго обматывает эту т. н. навязь и стержень крюка. Свободный конец навязи, в свою очередь, привязывается к толстому шесту, около вершка диаметром, который иногда прикрепляется еще к другому, третьему шесту, так что на глубоких местах весь багор имеет до 9 сажен длины. Для того чтобы багор находился в вертикальном положении и его не относило течением, к багру повыше навязки привязывается несколько железных гирь, иногда до пуда и более весом.

Самое багренье производится следующим образом: в назначенный день все участвующие в ловле приезжают на санях к ятови и, соблюдая всевозможную тишину, становятся в порядке на берегу. По данному сигналу из пушки все стрелки бросаются на лед ятови и начинают рубить проруби, обыкновенно круглые и не более полуаршина в диаметре. Затем каждый опускает в прорубь багор, слегка двигая его сверху вниз. Неподвижно лежащая рыба или уже разбуженная шумом и начинающая медленно двигаться подцепляется баграми и осторожно вытягивается, что очень легко, пока она в воде, тем более что рыба зимою очень смирна. Но при вытаскивании даже и не очень крупной белуги на лед необходима помощь иногда нескольких людей, почему уральские казаки соединяются в артели от 6 до 15 человек. Число багрящих бывает иногда так велико, что все пространство ятови буквально изрешетится прорубями и багры образуют как бы подводный лес, который трудно миновать рыбе. Нередко обдавливается даже крепкий лед, и вода, окрашенная кровью багрёных рыб, на несколько вершков покрывает его поверхность.

Рис. 2 Ловля на кусовую снасть

В прежние годы на ятовях багрилось огромное количество красной рыбы, исключительно осетров и белуг: рыба лежала здесь слоями, так что случалось из одной проруби вытаскивать до 40 рыб, но теперь это сделалось уже преданием, хотя все-таки при счастье и до сих пор удается многим в какие-нибудь четверть часа заработать до сотни рублей.

Количество белуг, добываемых в России, весьма значительно: в одном Каспийском

море и низовьях рек, в него впадающих, добывается, по последним известиям, до 475 000 пудов на 1288 тысяч рублей, не считая икры и прочих побочных продуктов.

Стерлядь **<Фрагмент>** **<...>**

Самоловная снасть, как известно, состоит из ряда крючков, привязанных к небольшому бечевкам, которые, в свою очередь, прикреплены к более или менее длинной бечевке, смотря по количеству крючков (иногда несколько сот); крючки эти посредством поплавков и камней удерживаются в известном расстоянии от дна (4–6 вершков) так, чтобы плывущая рыба, проходя между крючками, зацепляла за какой-нибудь из них, а затем и за соседние. Заметим, впрочем, что стерлядь, почувствовав вонзившийся крючок, очень мало бьется и обыкновенно лежит очень смиренно, почти не двигаясь, так что почти всегда имеет только одну, и то небольшую ранку. Вред от ловли самоловами, как и всегда, лежит не в самой снасти, а злоупотреблении ею – часто расположенных крючках, через что вылавливается громадное количество молодой стерляди и уменьшается количество крупной, ценность которых, как известно, возрастает далеко не пропорционально их весу и величине. Самая крупная стерлядь продается на месте от 20 до 50 р. с.; гигантские, полуторааршинные рыбы не имеют даже определенной стоимости, хотя, не в обиду сказано нашим гастрономам, и уступают во вкусу средним. Это только редкая диковинка.

Высокая ценность крупной стерляди обуславливается как ее редкостью, так и трудностью сохранения и перевозки в главные места сбыта. Снулая стерлядь уже далеко не имеет своей настоящей стоимости, что зависит от того, что она очень быстро делается дряблою, скоро портится, а соленая или приготовленная впрок другим способом далеко уступает в этом отношении прочей красной рыбе. Мелкая же стерлядь, как живая, тем более снулая, имеет вовсе ничтожную ценность, так что в этом отношении ее превосходят многие другие породы окуневых и карповых рыб. В доказательство этой крайней дешевизны мелкой стерляди достаточно привести свидетельство проф. Овсянникова, которого, конечно, нельзя упрекнуть в том, что он приписывает мало важное значение стерляжьему промыслу: «Один из рыбаков, – говорит он, – продал рыбопромышленнику 10 000 живых стерлядей, конечно не крупных, за 10 руб.». Если мы даже будем считать, что каждая стерлядь была менее 4-х вершков и весила 1/10 фунта, то и тогда окажется, что пуд живых стерлядок стоит менее 50 коп., а эту ценность имеет на Волге только мелкая частичковая, да вдобавок еще снулая или мороженая рыба.

При всей, быть может, исключительности этого факта он служит ярким опровержением распространенному мнению, что стерлядь играет весьма важную роль в волжских рыбных промыслах. Даже проф. Кесслер не избежал этого ложного убеждения. «Стерлядь в промышленном отношении бесспорно занимает первое место между рыбами Волги», – говорит он. Но стоит только принять соображение, нами сказанное, что крупная и непременно живая стерлядь составляет предмет роскоши, что снулая ценится дешевле прочей красной рыбы, что мелкая стерлядь продается за бесценок, – и для нас станет совершенно ясным, что эта рыба, по крайней мере в настоящую минуту [47 - По свидетельству Гримма, в Юрьевце недавно стали мариновать мелкую стерлядь. Весьма возможно, что этот способ приготовления впрок разовьется в будущем, но следует, однако, заметить, что было бы лучше, если бы мариновалась не самая мелкая.], не имеет настоящей торговой ценности. Всякому понятно, что только та рыба будет иметь промышленное значение, которая имеет определенную, а не случайную ценность и которая легко

сохраняется и заготавливается впрок. Подобно тому как заячий или беличий промысел имеет несравненно большую важность, чем соболий, так точно стерлядь стоит гораздо ниже не только прочей красной рыбы, но и многих других видов бели, и судак, лещ, речная сельдь, также тарань и вобла – в итоге каждая играют более важную роль, нежели стерлядь. Нам скажут, что наибольшая часть последней потребляется на месте, но ведь не одной же стерлядью питаются жители приволжских губерний! Вывоз представляет избыток, ту разность общей массы улова рыбы, которая образуется за вычетом местного потребления, не подчиняющегося никакой статистике, и для оценки торгового значения какой бы то ни было рыбы нам необходимо принять в основание именно этот избыток.

Обратимся теперь к искусственному разведению стерляди и посмотрим, может ли оно иметь какое-либо значение в практике. Разберем прежде всего, каким образом производится искусственное оплодотворение и вывод молоди, так как это, может статься, и пригодится любознательному читателю, тем более что основные правила искусственного рыбоводства одинаково приложимы для всех рыб.

Для того чтобы произвести искусственное оплодотворение рыбы, первое и главное условие заключается в том, чтобы достать самцов и самок со зрелыми половыми продуктами, которые вытекают бы при малейшем движении рыбы. Правило это всего более относится к стерляди и вообще осетровым рыбам, так как они, будучи пойманы с незрелой икрой, ее не выметывают и икра подвергается совершенному изменению. Понятное дело, всего лучше производить оплодотворение икры на самом месте лова [48 - По Пельцаму, яички, добытые вечером из стерлядей, пойманных днем, имеют неправильную сегментацию, и через два дня содержимое принимает беловатый цвет и оказывается покрытым грибом (*Saprolegnia monoica*), который заражает и здоровые яйца. Икра же стерляди, переночевавшей в садке, вовсе не годится и выходит комками. У самцов молоки годны еще после двухдневного сиденья в садке. По наблюдениям Овсянникова, выпущенные молоки сохраняют свою плодотворную силу в течение суток, если их держат в сосуде (лучше узком) в тени и без воды.].

Самый процесс искусственного оплодотворения заключается в том, что в плоский сосуд с небольшим количеством воды или вовсе без нее (особенно для стерлядей) выпускают одновременно или последовательно одни за другим икру или молоки, причем необходимо соблюдать, чтобы икринки ложились в один ряд. Оплодотворенная икра приклеивается к стенкам сосуда, ее промывают свежей водой, которая уносит излишние молоки, слизь и неоплодотворенные яйца. Затем тарелки или другие плоские сосуды ставятся в более глубокие, которые наполняются водою и ставятся в тень или чулан. Воду в последних меняют один или два раза в день, сливая осторожно (лучше посредством сифона) старую и наливая так же осторожно свежую, возможно чистую или даже профильтрованную; испортившиеся яички, отличающиеся своим беловатым цветом, немедленно вынимаются при помощи пинцета. Перевозка икры совершается в банках, полных водой и плотно закрытых; еще лучше, если они помещены в другой сосуд или бурок и промежутки во избежание скорого нагревания воды наполняются паклей, по временам смачиваемой.

Вышедшие мальки (через 4–8 дней) пересаживаются в другой сосуд, большего диаметра, напр. аквариум, с растениями, где по прошествии 12 дней после вылупления необходимо доставлять им различных мелких ракообразных, которых можно наловить в большом количестве в каждом пруду при помощи кисейного сачка. Иногда можно выключившихся стерлядок выпускать прямо в бассейны, назначенные для заселения, но во всяком случае следует заметить, что они не могут жить в водах с иловатым дном.

Из сказанного нами легко усмотреть два немаловажных неудобства искусственного

разведения стерляди, неудобства, не замечающегося у других рыб. Во-первых, из каждой самки получается лишь незначительное количество икры, а наибольшая часть последней уже не годится для оплодотворения; во-вторых, вследствие той же непрочности икры добывание самок представляется крайне затруднительным.

Поэ тому желающим разводить стерлядей в реках Петербургской и Московской губерний, чем ездить в Самару, Симбирск и прочие удаленные местности, гораздо выгоднее купить несколько живых стерлядей и пустить их в Неву или Москву-реку, где, впрочем, выпущенных стерлядей и без того бывает много. Если же они здесь не разводятся, то это означает или то, что они не находят себе выгодных условий для размножения, как в Неве [49 - Быть может, и эти стерляди уходят обратно в Волгу через каналы.], или же уходят в большую реку, как в Москве. Нам, собственно говоря, и негде разводить стерлядей, кроме Вислы и Немана.

Перейдем к прудам и озерам. Но здесь, во-первых, они, тем более каспийские селедки, которых проф. Овсянников также предлагает разводить в озерах, не разводятся. Сельдь – рыба проходная, а потому не может быть разведена и в больших озерах, в которые впадают реки, где стерлядь еще может размножаться. Но таких озер у нас немного, да и в них стерлядь давно бы размножилась (Лад ожское, Онежское), если бы нашла себе благоприятные условия. Остается, следовательно, сажать мальков в пруды и озера только для откармливания. Но это представляет на практике гораздо большие невыгоды, нежели пересаживание в озера-садки взрослых стерлядей, давным-давно известное всем рыбопромышленникам. Для последних всегда будет гораздо удобнее, легче и скорее перевести сотню или тысячу стерлядок в ближнее озеро, чем целый миллион оплодотворенных икринок, а этого результата не достиг и знаток этого дела проф. Овсянников, привезший только около 2000 икринок. Притом надо заметить, что если не желают кормить молодых стерлядок, то необходимо выпускать их в избранный бассейн, а нам известно, что они не могут жить иначе как на песке или камнях. А ежели требуется возможно большой прирост, то следует выбирать кормные, а следовательно, иловатые пруды и озера.

Итак, искусственное разведение стерлядей не может иметь у нас никакого практического значения. Скажем более: рацион ально только разведение рыбы в прудах, имеющее безусловно частный интерес; речное же, требующее по понятным причинам общественного или правительственного вмешательства, у нас еще немыслимо. Прежде всего следовало бы оградить молодь рыбы от истребления, а пород рыб у нас достаточно, вводить новые незначит, и достаточно выучиться сохранять прежние.

Да и вообще, все это так называемое искусственное разведение рыбы в практическом отношении не принесло ни на одну йоту пользы. Где те форели, которые шарлатан Коста, знаменитый французский ученый, прославившийся открытиями, ему не принадлежащими, обещал вместо куриц Генриха IV каждому французскому крестьянину? Какую пользу принесли Гюнингенское и прочие рыбободные заведения, включая и наш Никольский завод? Достоверно известно, что ни во Франции, ни в России количество речных рыб с основания их не увеличилось, а уменьшалось по-прежнему.

Другое дело разведение прудовой и озерной рыбы. Но здесь искусственное оплодотворение и разведение есть вещь совершенно излишняя. Всякий согласится с тем, что гораздо легче поймать несколько карасей, окуней в ближайшем озере или реке, перевезти их живыми и выпустить туда, где хотят разводить их. Без сомнения, перевозка живой рыбы, особенно в холодное время года, требует гораздо меньшего знания, искусства и хлопот, чем искусственное оплодотворение. Перевозка травы и морд, облепленных оплодотворенной икрой, все-таки рациональнее последнего.

Итак, практическая польза, приносимая рыбободными заведениями, хотя бы и самых ничтожных размеров, не имеет почти никакого практического значения.

Польза, приносимая ими, есть польза чисто научная, так как благодаря им мы узнали историю развития многих рыб и условия их существования. Наконец, важный вопрос о помехах ждет от них своего разрешения.

Таким образом, жестоко обманываются те непрактические люди, которые ожидают громадных выгод как от рыборазводных заведений, так же как от акклиматизационных садов. Конечные результаты их ничтожны. Где, спрашивается, эти новые домашние животные, обещанные хвастливыми французами? Зоологические сады, так же как и эти рыбоводные заведения, приносят только невещественную пользу для государства, и в этом состоит их главная заслуга. Что же касается собственно нас, то прежде, чем заниматься разведением, нам надо выучиться еще сохранению нашей рыбы и нашей дичи, и прежде всего уважению к закону. Если в заповедных лесах Беловежа нещадно истребляют жалкие остатки вымирающего зубра и мясо и шкуры их продают за границу, если там, в случае надобности, уже покупаются дикие козы, если в запрещенное законом время продаются десятки тысяч пар дичи, то нам, конечно, приходится извинить бедняка, охотящегося в непоказанном месте в непоказанное время.

Хариус <Фрагмент> <...>

Весьма интересное и довольно подробное описание уженья хариусов на Ангаре, близ Иркутска, дает нам Шведов. Ловля здесь начинается с наступлением теплых весенних дней, с конца апреля, когда на нижней стороне береговых камней появляются массы личинок одного вида сем. Perlidae (из сетчатокрылых насекомых), известных под названием липачей [50 - Вероятно, эти же насекомые называются здесь мерсовиками, так же как и хариусы, выметавшие икру и жадно на них набрасывающиеся.]. Ловля всего успешнее производится в ветреную погоду, когда липачи во множестве выбиваются водою из камней и привлекают к берегу рыбу. Насаживают на крючок штуки три живых липачей и забрасывают недалеко от берега на длинной (волос в 7) белой леске с довольно тяжелым грузилом и легким (?) поплавком вершка в 3—4 из тополя. Держа удилище, рыбак идет вниз по течению реки, пуская поплавок впереди себя – для того чтобы рыба не пугалась человека, – и следит за поплавком. Как только последний погрузится, он проворно подсекает и вытаскивает рыбу; затем возвращается назад и закидывает тем же порядком, так как по причине чрезвычайно быстрого течения нельзя оставаться на одном месте. В тихую погоду клева почти не бывает, ибо червячки смирно сидят в камнях и рыбе нет никакой поживы у берега. К тому же и вода тогда бывает очень прозрачна. Обыкновенно дожидаются, чтобы рыба подошла к берегу или отыскивают стаи. Уженье на липачей прекращается в конце мая, когда липачи превратятся (?) в крылатых насекомых. Добычливая ловля хариусов начинается снова только с конца (25-го) июля и продолжается до сентября. В это время ловят их на метляков, которые держатся на берегах Ангары массами. Насаживают по 3—4 метляка на маленький крючок без грузила, но с легким поплавочком, в 2-х четвертях от крючка, и идут вдоль берега, причем подсекают, как только увидят около насадки всплеск рыбы или самую рыбу.

Гораздо более подробные сведения имеются об уженьи хариуса в Западной Европе, где ловля его производится весьма разнообразными способами почти круглый год. В общем можно, впрочем, сказать, что ловля этой рыбы разделяется на ловлю поверху, на совершенных насекомых, и на ловлю на червя и различных личинок, причем на первых ловят в более теплое время года и поверху, без грузила, а на вторых преимущественно весною, осенью и отчасти зимою. Насадки здесь весьма

разнообразны: из живых насекомых – различные двукрылые и сетчатокрылые, ночные бабочки, жучки и мелкие кузнечики; из искусственных – всевозможные небольшие искусственные мушки, те же, как и для форели, также искусственные кузнечики; затем красный, хорошо очищенный навозный червь, личинки ос, опарыш (личинка мясной мухи), гусеница капустной бабочки и многие другие насадки. На живца хариус за границей тоже, как у нас, берет редко, преимущественно крупный и позднюю осенью и зимою, и только на гольяна. Необходимо заметить, что здесь принято за правило, во-первых, ловить хариуса сообразно сезону на такие насадки, которые в данное время могут ему попадаться в воде, а во-вторых, при обильном падении каких-либо насекомых в воду насаживать этих самых насекомых. Немецкие авторы (Moerbe) советуют при ловле хариусов на червей и личинок класть эту насадку на несколько часов в пахучую смесь из яичного желтка, шафрана, богородской травы и нескольких капель анисового масла.

Титульный лист журнала «Природа и охота», в котором публиковались произведения Л. П. Сабанеева на рыболовную тему

Большинство настоящих охотников-рыболовов ловят хариусов на удочку с катушкой не столько потому, что их нельзя удить на простые удилица, сколько

потому, что катушка необходима для быстрого укорачивания и удлинения лески. Хариус, несмотря на быстроту своих движений, на удочке оказывает значительно меньшее сопротивление, чем форель одинакового веса, и гораздо скорее ее устает. Начинается ловля с весны, по окончании нереста (который бывает здесь в марте или апреле), как только вода немного прочистится, и продолжается до глубокой зимы. Ловят преимущественно по небольшим речкам, всегда с берега, стараясь не показываться или входя в воду по колено, так как фигура рыболова тогда менее заметна, чем на открытом, более или менее возвышенном берегу. Иногда, забросив насадку, идут за ней; вообще же, кроме поздней осени, когда хариусы собираются большими стаями, беспрестанно меняют места ловли. Весною и позднюю осенью и зимою ловят на более глубоких местах, в омуточках, в жаркое время года исключительно на перекатах, на глубине 4–5 футов. Что касается погоды, то самую благоприятную считается несколько пасмурная, при западном ветре, особенно после продолжительного ненастья; вообще, в очень сильные жары, когда солнце очень печет, и при восточном ветре клев хариуса бывает всего хуже, и чем холоднее, тем лучше; зимою, однако, лучший лов бывает в ясные, теплые и тихие дни после ночного мороза. Удят вообще по утрам и под вечер, но поверху можно весьма удачно ловить и среди дня.

Ужение на тонущую насадку практикуется весною, в начале лета, в конце осени и зимою. Сначала ловят на червя, затем на опарыша и различных личинок; осенью на живого (с оторванными ногами), а позднее на искусственного кузнечика с грузом в туловище, также на искусственных личинок, которые нетрудно приготовить самому, облив длинный крючок с колечком свинцом или оловом, которому придается форма очень крупного опарыша; свинец этот обматывают зеленою шерстью, предварительно сделав на нем зарубки, чтобы она не скользила. В Англии позднюю осень и зимою весьма удачно ловят хариусов на икру семги. Крючок (за исключением последней насадки) должен быть несколько крупнее, чем при ловле поверху, именно №№ 8–9; грузило употребляется не всегда, но во всяком случае небольшое, так как удят больше в тихой воде и с легким перьяным поплавком. Леска лучше всего жилковая (в одну жилку, длиною около 4–5 аршин), которая пристегивается к тонкому непромокаемому катушечному шнуру. Насадка не должна касаться дна, а должна стоять по меньшей мере на фут выше, так как хариус неохотно опускается вниз за добычей, а хватает ее, поднимаясь кверху. При ловле на кузнечика позднюю осень употребляют более крепкие снасти, так как в это время нет расчета долго возиться с одной рыбой. На искусственного кузнечика удят большею частью без поплавка, беспрестанно слегка приподнимая (кистью руки) и опуская насадку.

Ужение поверху, т. е. с плавающей по воде насадкой, производится несколькими способами, но мало различается от такого же ужения форели. Приманкой служат или живые крылатые насекомые – ночные бабочки, мошкара, поденка, разные мухи, – или же искусственные мушки, почти те же, как и для форели. Хотя ловля на живых насекомых не представляет таких удобств, как ловля на искусственных мушек, но она вообще легче, ибо рыба берет на них вернее и дольше держит во рту, тогда как искусственную насадку почти в то же мгновение выплевывает. Вероятно, последнее обстоятельство и послужило поводом к распространенному за границей убеждению, что хариуса ловить труднее, чем форель, у которой пасть много больше, чем у первого. Как кажется, на живых насекомых ловят поверху преимущественно в начале лета, в то время когда много их падает в воду; на искусственную же мушку удят, когда насекомых значительно убавится, так как лучшим месяцем для этой ловли считается сентябрь, даже октябрь. Оно и понятно: рыба видит в этой насадке редкое лакомство и не особенно в нее вглядывается. Ловят поверху, как сказано, преимущественно на быстрине, довольно часто перезакидывая насадку, однако не

так часто, как при уженьи форели, потому что хариус держится глубже последней и охотнее берет затонувшее насекомое. Крючки во всех случаях употребляются очень небольшие, № 10–13; поплавок и грузило отсутствуют; леска и шнурок могут быть и потоньше, а удилице гибче. Обыкновенно закинутое насекомое не выпускают из глаз и подсекают в то же мгновение, как оно исчезнет или будет замечена близ него промелькнувшая рыба, небольшое колебание воды, а тем более шнурка. Быстрота подсечки еще более необходима при ловле на искусственную мушку. Хариус хватается насекомое снизу, иногда даже поднимаясь перпендикулярно, и с быстротою молнии опускается вниз, не пуская, однако, пузыря, подобно головню, что зависит от того, что хариус берет очень нежно, губами. Вот почему он гораздо чаще срывается и успевает скорее выплюнуть насадку, чем форель. Если удилице имеет очень жесткую верхушку или если слишком резко подсекать, то беспрестанно будешь только обрывать рыбе губы. Понятно, что нельзя ее прямо тащить из воды, а необходимо предварительно утомить и даже спустить часть шнурка. Всего лучше стараться, чтобы рыба шла против течения; она тогда гораздо скорее устает, так как вода заликает ей жабры. Это правило, впрочем, может быть отнесено к уженью всех рыб. Только когда пойманный хариус не оказывает никакого сопротивления, его подтаскивают к берегу и подсачивают. Удилище при этом втыкают в землю или перекидывают его за спину, перехватывают леску и тащат за леску, стараясь подвести сачок под рыбу.

Уженье хариусов на искусственную мушку ничем не отличается от уженья форели, к которому и отсылаем. Заметим только, что во Франции для этой ловли употребляют особые самодельные крючки из тонких иголок, причем иногда ловят на 6–10 таких крючков с искусственными мушками самых ярких и разнообразных цветов, которые прикреплены в известном расстоянии на поводке из 3–4 сплетенных волос до 6 метров длиной. Что же касается до ловли поверху на живых насекомых, то оно может производиться тремя способами: 1) нахлыстом, 2) из-за кустов и 3) при помощи ветра.

Первый и самый употребительный имеет значительное сходство с уженьем на искусственную мушку; [51 - Описание этого способа и следующих заимствуется из статей барона П. Г. Черкасова.] в значительно упрощенном виде практикуется и во многих местностях России (см. язь) и требует значительной ловкости. Удилище здесь должно быть гибкое, аршин 4-х или 5 длины, утончающееся к концу до толщины толстой вязальной спицы; гибь в нем должна проходить от верхушки до третьей части толстого колена. Такое удилице стоит недешево и за границей. К тонкому катушечному шнурку пристегивают волосяную или жилковую, постепенно утончающуюся к концу леску аршина в 3, с тонким поводком и маленьким крючком. Выпустив аршин шесть, семь или десять (сначала, пока не приобретут навыка, ловят на короткую леску), считая в том числе и леску, берут насадку между большим и указательным пальцами левой руки, а правую, обхватив легонько удилице над катушкою, которую удобнее при этом повернуть книзу, делают движение, как будто хотят хлестнуть предмет, находящийся напротив себя в уровень с лицом. Но разница между движением руки, вооруженной кнутом, и руки, держащей удилице, состоит в том, что в первом случае движение может быть резкое, отрывистое, а во втором, напротив, должно быть плавное. При этом кончик удилица отнюдь не должен коснуться поверхности воды, а насадка должна падать как можно тише и бесшумнее, почему в момент ее падения необходимо на мгновение задержать опускание лески обратным движением удилица.

Уженье из-за кустов практикуется в самое жаркое время года и дня, когда рыба стоит почти у самой поверхности воды и ловит падающих насекомых; добычливее всего оно бывает в солнечные дни с незначительным ветром. Удилище для этого рода уженья берется по возможности легкое, упругое и не очень гибкое, с стоячими

кольцами; верхушка должна быть довольно жесткая. Длина удилища колеблется между 10 и 12 футами. Катушечный шнурок должен быть непромокаемый, тонкий, но крепкий; леска из отборных жилок. Насадив крючок (№ 9–10) бабочкою, мошкаркой, поденкою или другим насекомым, осторожно пропускают удилище сквозь ветви и потихоньку опускают насадку в воду; если промежутки между ветвями слишком малы для того, чтобы пропустить леску в 3–4 арш. длины, то ее наворачивают на кончик удилища и, пропустив последний между веток, развертывают до тех пор, пока она не будет висеть из верхней петельки-колечка удилища. При этом способе, очевидно, нельзя давать ходу рыбе и надо держать ее возможно круче, спуская шнурок с катушки только в крайности.

Ужение при помощи ветра очень оригинально и добычливо, но пользоваться им можно только при голых берегах и благоприятном (т. е. дующем с одного берега на другой) ветре. Удилище берется средней гибкости, очень длинное – футов 18–20 длины, с стоячими кольцами; катушечный шнурок чрезвычайно легкий, слабо сплетенный из тончайшего некрученого шелка и, несмотря на тонкость, должен быть довольно крепок. Леска, длиною в аршин или полтора, делается из тончайших жилок; крючок № 9–12 насаживается поденкою, бабочкою, большою мясною мухою и т. п. Рыболов сматывает с катушки столько шнурка, чтобы насадка при удилище, поднятом перпендикулярно (насколько позволяет длина рук), находилась на расстоянии аршина от земли, становится спиною к ветру и предоставляет ему нести крючок куда следует. Когда последний, так сказать, повиснет над местом своего назначения, кончик удилища опускается и насадка ложится в воду очень легко и естественно и почти всегда тотчас же схватывается рыбою. Если же при первом падении насадки на воду не будет поклевки, то следует предоставить ее течению, стараясь, чтобы по возможности только одна леска (а не шнурок) лежала в воде. Способ этот самый легкий из всех, но, к сожалению, все условия, необходимые для успешного его применения, совпадают не часто, и вполне пользоваться им приходится довольно редко, хотя вообще попутный ветер много способствует удачному и более дальнему закидыванию насадки. Все эти способы употребляются за границей не только для ужения хариусов и форели, но также для ловли всякой другой рыбы, берущей насекомых поверху, как-то: язей, голавлей, ельцов, уклек, плотвы и др.

Так как хариус очень хлипкий и, будучи вынут из воды, скоро снет, причем много теряет во вкусе, то обыкновенно его убивают о камень или прикалывают. Немцы очень хвалят вкус свежепойманного хариуса, тут же на месте изжаренного на вертеле-колушке, над углями костра, причем палка просовывается в рот и задний проход. Свежепойманный хариус имеет довольно резкий запах, напоминающий запах корюшки, но более приятный. Одни сравнивают этот запах с слабым огуречным, другие с запахом богородской травы *Thymus*, откуда и латинское название хариуса – *Thymallus*. Жир хариуса считается очень целебным средством при лечении глазных и ушных болезней.

Указатель русской литературы по рыболовству и рыбоводству

VII. Рыболовный спорт

1. О ловлении рыб удою. – Эконом. магазин, 1780, т. IV, № 99, с. 330–332.
2. О способе ловить рыбу руками. – Эконом. магазин, 1783, т. XII, № 1, с. 9–10.
3. Некоторые замечания иностранных о рыбных ловлях, а особливо об ужении оных. – Эконом. магазин, 1784, т. XX, № 94, с. 241–255.
4. О разных приманках, употребляемых при ловлении рыб. – Эконом. магазин, 1784, т. XX, № 97, с. 289–302.

5. Некоторые практические замечания о наших деревенских рыбах. – Эконом. магазин, 1786, № 97, с. 289.
6. Левшин. Всеобщее и полное домоводство. 1800. (IV, с. 174–209).
7. Левшин. Книга для охотников. 1812. (IV, с. 407–522).
8. Опытнейший рыболов. Содержащий в себе любопытные и редкостные секреты, касающиеся до рыбной ловли всякого рода снастями, как-то: неводом, вершею, удою и другими средствами. С наставлением разводить рыбу в прудах, сохранять в садках и выкармливать, тоже – ловить, разводить и сохранять раков. Москва, 1829, 16°, 47 с.
9. Двигубский. Лексикон городского и сельского хоз. 1825 (XI, с. 170–173).
10. Петров А. Новейший и опытный рыболов, или Собрание редких и любопытных секретов в пользу и удовольствие охотников до рыбной ловли. М., 1829, 12°, 26 с.
11. Петров Н. Рыбак, или Средства ловить рыбу удою. М., 1831, 12°. Ц. 1 р.
12. Р. М. Наставление охотникам удить рыбу. – Ж. общепол. свед., 1835, № 20, с. 189.
13. Батуцкий. Старинная лампа для привлечения рыб. – Ж. общепол. свед., 1835, № 20, с. 189.
14. Карманная книжка русского барина-охотника. 1840 (с. 7–22).
15. Д. А. О клеве рыб. – Ж. конноз. ох., 1843, с. 146–152.
16. Аксаков С. Т. Записки об ужении рыбы. М., 1847 (Изд. 1-е).
17. Венцеславский А. Ловля рыбы удочкою. – Тр. И. в экон. общ., 1850, т. IV, с. 101–110.
18. Цветков. Мухури. – Кавказ, 1851, № 33.
19. Переваленко. – Кавказ, 1851, № 56.
20. Черняев Н. Страстный рыболов. (Рассказ). – Ж. конноз. ох., 1852, IV, с. 120–127.
21. Записки рыбака, или Наставление, как находить различных рыб. С фигур. М., 1854, 16°, 76 с. (50 к.).
(Разб. Отеч. зап., 1854, т. XCIV, с. 117–118).
22. Несколько слов об ужении рыбы. – Землед. газ., 1854, с. 366–368; 375–376; 384–386; 392–394. Арханг. губ. вед., 1854, № 33, с. 258–260; № 34, с. 271–273; № 35, с. 280–281; № 36, с. 288–290. (Из кн. Аксакова).
23. Аксаков С. Т. Отрывки из рассказов и воспоминаний охотника. I. Охота с острогой. – Москвитянин, 1854, т. V. Смесь, с. 159.
24. Ужение рыбы. – Ж. конноз. ох., 1855, VII, с. 104–116.
25. Очерки охоты в Малороссии. – Газ. лесов. и ох., 1855, с. 212–214.
26. Янковский П. Приманка для рыб. (Варен. овес). – Эконом. зап., 1855, с. 163.
27. Горяев. Охота на щуку с ружьем. – Эконом. зап., 1855, № 25, с. 198.
28. Аксаков. Рассказы и воспоминания. Изд. 2-е, 1856. (С. 17–34).
29. Аксаков С. Т. Записки об ужении рыбы. Изд. 2-е. М., 1856.
30. Витте. Поездка в Дарму. – Газ. лесов. и ох., 1856, с. 261 и 264.
- 30-бис. Юнг А., фон. Средство привлечь рыбу в то место, где предполагается производить ловлю. – Ж. общепол. свед., 1856, VIII (авг.), с. 219.
31. Ловля угрей. – Эконом. зап., 1856, с. 251.
32. Ц-в В. Об ужении рыбы в Малороссии. – Эконом. зап. 1856, № 45, с. 355.
33. Верное средство ловить во множестве рыбу удою. – Эконом. зап., 1856, с. 375.
34. Ужение особого рода. – Ж. конноз. ох., 1858, VIII, с. 461–463.
35. Аксаков С. Несколько слов о раннем весеннем и позднем осеннем ужении. – Ж. ох., 1858, т. I, с. 1–8.
36. Фабрикация рыболовных крючков. – Ж. ох., 1858, т. I, с. 290–293.
37. Арсеньев В. Метлица на Шексне. – Русский дневник, 1859, № 89. Вестн. естеств. наук, 1860, № 28, с. 881–900.
38. Gawarocki. Polski stawowe gospodarstwo. 1861. (с. 242–247).

39. Н. доктор. Воспоминания детства. – Петерб. вестник, 1861, № 7. с. 129–133. (Не кончена.)
40. Опытнейший рыболов, содержащий в себе секреты, касающиеся до рыбной ловли: неводом, удами и другими средствами. М., 1862. (30 к.) (2-е изд. предыдущего).
41. Попов. Заметки рыбака. – Сев. пчела, 1862, № 238.
42. Из воспоминаний о гор. Мологе. – Волга, 1863, № 68.
43. Счастливый рыболов. Советы страстного охотника до рыбной ловли удочкою и всеми снастями и орудиями. М., 1865, 16°, 152+VI с. (50 к.).
44. Исполатовский Петр, свящ. Рыбная ловля на р. Сеже (Тверск., губ.). – Тр. И. в. экон. общ., 1865, авг., с. 216–218. (Ловля щук и сомов).
45. Брем. Жизнь животных. Т. V. Рыбы. 1866.
46. Слепцов В. Рассказ рыболова. – Собр. соч., т. II, 1866.
47. Фанюшин. Рыбные ловли на р. Мологе. – Труды Ярославск. статист. комит., вып. IV, 1868, с. 44–107.
48. Либерих. Гатчинская форель. – Бирж, вед., 1869, № 159.
49. Ходнев С. Очерки рыбной ловли в Москве-реке. – Ж. Моск. общ. ох. 1870. II (июнь), с. 19–28; III, с. 62–69; VIII, с. 45–48.
50. Арсеньев. Ужение рыбы на Шексне. – Ж. Моск. общ. охоты. 1870. № 5 (сент.), с. 3–20.
51. Дмитриев. Из зап. книжки Тамбов. охотн. – Ж. Моск. общ. охоты, 1870, № 5 (сент.), с. 60–74.
52. Ружейная охота за рыбами. – Ж. ох. конноз., 1870, с. 154–155.
53. Хищные рыбы. – Ж. ох. конноз., 1870, с. 179–181; 190–191; 196; 203–204; 221–222; 227; 248.
54. Вавилов М. Ужение на овес и на стрекозу. – Дом. хоз., 1870, с. 95–98; 109–114; Ж. ох. конноз., 1871, с. 177–178; 181–184.
55. Вавилов. Ловля сомов. – Дом. хоз., 1870, с. 253–255; Ж. ох. конноз., 1871, с. 213–214.
56. Вавилов М. Сиденье на сеже. – Дом. хоз., 1870, с. 330–331; Ж. ох. конноз., 1871, с. 136–137.
57. Вавилов М. Зимняя ловля рыбы. – Дом. хоз., 1870, с. 363–367; Ж. ох. конноз., 1871, с. 89–90.
58. Воропай. Охота на севере России. 1871. (С. 33–40).
59. Лучение рыбы. – Детск. чтение, 1871, с. 560–569.
60. Харитонов. Один из промыслов Ямбургск. уезда. – Гдовско-Ямб. лист., 1872, № 8, с. 6–7.
61. Рыбная ловля. – Народы, ремеслен. газ., 1872, с. 393–398; 417–432.
62. Ходнев С. Очерки рыбной ловли в Москве-реке и несколько слов о прудовой рыбе. С 2 карт, и 10 политип. в тексте. М., 1872, 12е, 71 с. (1 р.).
63. (Перепечатка этой статьи в Ж. Моск. общ. охоты с некоторыми дополнениями).
64. Вавилов. Охота в России. 1873. (Отд. IV, с. 99–192).
65. Гумилин М. Ужение нахлыстом. Ж. ох. конноз., 1873, с. 282–284.
66. П. Охота на язей с ружьем. – Ж. ох. конноз., 1873, с. 346–349.
67. Иллюстрированный охотничий календарь на 1873 г. (с. 31–74).
68. Общество рыбной ловли в Петербурге. – Ж. Имп. общ. ох., 1884, II, с. 45.
69. Сабанеев Л. П. Зауральские озера. – Природа, 1873, II, 220–302; 1874, I, 122–184. – Отд. оттиск: М., 1874 (с. 82–154).
70. Проект устава Общ. любителей рыбн. ловли удочкой в Москве. – Ж. Имп. общ. ох., 1874, VI (дек.), с. 71–72.
71. Радкевич И. Ужение рыбы. Подробн. опис. различных удочек и других принадлежн. ужения, с 58 рис. Спб, 1874, 16°, 145 с. (80 к.).
72. Крючки для удочек. – Технич. сборн., т. VI, 1874, с. 175.

73. Буржинский А. Б. Календарь рыб. Изд. «Мирск. слова». – Спб., 1873, 32е. 171 с. (40 к.).
74. Волков. Ужение рыб на Рабатской Сухоне. – Вологод. губ. вед., 1875, № 84; 1876, № 2.
75. К-в А. Удочка и ужение рыбы. С рис. – Ж. Имп. общ. ох., 1875, I, с. 36–41; II, с. 52–61.
76. Арсеньев. Лемье. – Ж. Имп. общ. ох., 1875, IX, с. 1–10.
77. Шамоу. Ловля налимов. – Ж. Имп. общ. ох., 1875, IX, с. 30–32.
78. Сабанеев Л. П. Рыбы России. Жизнь и ловля наших пресноводных рыб. – М., 1875, 8°, 640 с.
79. Вениаминов Н. И. Рыболовство в России всеми орудиями и во все времена года. С рис. – М., 1876, 8°, 455 с. (3 р.).
80. Клуб рыболовов (в Петербурге). St.-Pet. Herald. 1876. – Ж. Имп. общ. ох., 1876, III, с. 67.
81. Арсеньев. Шуйга. – Ж. Имп. общ. ох., 1876, XI, с. 1–17.
82. Терлецкий П. Жизнь рыб в наших реках и озерах. Рыбное хозяйство и охота. Практическое руковод., составленное из многочисленных наблюдений, удобопонятно для всех желающих заниматься рыболовством и разведением рыб. С 23 рис. – Спб., 1876, 8°, 312 + 3 с. (1 р. 59 к.). – Изд. 2-е, Спб., 1878. (Перепеч. обертка).
83. Л. А. (Левашов?) Ловля шересперов (жерехов). – Ж. Имп. общ. ох., 1877, V, с. 45–49.
84. Куроедов Н. Б. Рыбный пруд. (Рассказ). – Ж. Имп. общ. ох., 1877, VI, с. 22–28; VII, с. 33–43.
85. Савельев. Рыба и ее ловля в Елифанском уезде. – Ж. Имп. общ. ох., 1877, X, с. 38–48.
86. Палатин. (Соболев В. Н.). Первое августа. (Рассказ). – Ж. Имп. общ. ох., 1877, X, с. 15–18.
87. Салов. Мельница купца Чесалкина. (Рассказ). – Отеч. зап., 1877, № 9, отд. I, с. 75–108.
88. Остроухов. Ужение рыбы. Описание главнейших пород рыб Сред. Росс., их образа жизни и способов ужения. С рис. – М., 1877, 16°, 11+86 с. (35 к.).
89. Устав Общества любителей рыболовства. – М., 1877, 12°, 8 с.
90. Рыболовный клуб в Спб. – Пр. ох., 1878, V, с. 209.
91. Шведов. Заметка о весеннем ужении на Ангаре. – Пр. ох., 1878, VI, с. 270–271.
92. Торчилло Д. В. Ужение на (оз.) Синеже. – Пр. ох., 1879, III, с. 260–271.
93. Л. А. (Левашов). Записки об ужении рыбы. – Пр. ох., 1879, V, 145–161; VI, 328–336; VIII, 214–232; IX, 383–396. (С чертежами).
94. Мстинский Рыболов. О ловле рыбы наметом. – Пр. ох., 1879, V, с. 273–275.
95. Д-в А. (Дунаев). Охотничье житье-бытье. (Ужение в Ковровском уезде). – Пр. ох., 1879, VI, с. 378–382.
96. Мстинский Рыболов. Ловля рыбы переметом в р. Мете. – Пр. ох., 1879, VII, с. 64–74.
97. Безобразов С. В. Стрельба язей. – Пр. ох., 1879, VII, с. 148–150.
98. Охота на сазанов. – Пр. ох., 1879, VII, с. 169.
99. Томилевский. С Крайнего Севера. – С. хоз. лесов., 1879, IX, с. 8 0.
100. Л. А. (Левашов). Ужение карасей. – Пр. ох., 1879, X, с. 65–74.
101. В. (Всеволожский Н. Н.). Бессонное озеро, или Сметанное. (Уфимской губ.). – Пр. ох., 1879, X, с. 158–159.
102. Л. А. (Левашов). История и география одного пруда. – Пр. ох., 1879, с. 253–262.
103. Виноградов М. Е. Наставление к ловле рыб и раков в наших пресных водах. – Спб., 1880, 8°, 112 с. (1 р.). Отд. оттиск из журн. Семья и школа за 1880 г.
104. Х-т-ъ М. Вниз по реке. Из воспоминаний рыболова. – Воронежск. телеграф.,

1880, № 109 и 112.

105. Д-в А. (Дунаев). Зимняя ловля налимов. – Пр. ох., 1880, I, с. 153–155.

106. Черкасов П. Г., бар. Заметки об ужении рыбы. С рис. – Пр. ох., 1880; II, с. 232–250; III, с. 436–450; IV, с. 98–113; VI, с. 19–26; IX, с. 38–54; XI, с. 19–44.

107. Е. Ловля рыбы на блесну зимою. – Пр. ох., 1880, III, с. 501–503. 108. Л. А. (Левашов). Сомовье царство. – Пр. ох., 1880, V, с. 58–77.

109. Костромской Охотник. Еще о ловле налимов. – Пр. ох., 1880, V, с. 114.

110. Т-кий (Томашевский). Ужение лещей. – Пр. ох., 1880, VI, с. 46–56.

111. Т-кий (Томашевский). Замечания на «Записки об ужении рыбы г. А. Л.» – Пр. ох., 1880, VII, с. 70–81.

112. Шведов. Добавление к ужению на р. Ангаре. – Пр. ох., 1880, VIII, с. 157.

113. Применение электричества к ужению рыбы. – Пр. ох., 1880, IX, с. 160.

114. Черкасов П. Г. По поводу замечания г. Н. Т-ского на «Записк. об ужении рыбы». – Пр. ох., 1880, IX, с. 132–137.

115. Л. А. (Левашов). Ответ на статью г. Н. Т-ского: «Замечание на “Записк. об ужении рыбы”». – Пр. ох., 1880, X, с. 137.

116. Черкасов П. Г. Производство рыболовных принадлежностей в Англии. – Пр. ох., 1880, XII, с. 11–14.

117. Черкасов П. Г. Ужение отдельных пород рыбы. – Пр. ох., 1881, I, с. 39–56; III, с. 99–121 (щука); XI, с. 28–48 (окунь, судак, берш, шереспер-жерех); 1882, III, с. 67–93 (ерш, пескарь, уклейка, елец); XI, с. 1–16 (голавль); XII, с. 1–30 (язь, плотва); 1883, III, с. 1–17 (красноперка, подуст, усач); V, с. 16–52 (сазан); XII, с. 64–78 (сазан); 1884, V, с. 1–19 (лещ).

118. Л. А. (Левашов). На судачков. – Пр. ох., 1881, II, с. 1–19.

119. Торчилло Д. В. Ужение на р. Вороне. – Пр. ох., 1881, IV, с. 51–81.

120. Ю. С. Ловля шук силками. – Пр. ох., 1881, IV, с. 85.

121. Grimm. Из практики Никольского завода. – С. хоз. лесов., 1881, IV, с. 293–310.

122. П. П. (Попов). Сом и охота на него на Дону. – Пр. ох., 1881, V, с. 66–75.

123. П. П. (Попов). Ловля стерлядей кивками на Дону. – Пр. ох., 1881, VIII, с. 73–80.

124. Л. А. (Левашов). С Оки. – Пр. ох., 1881, XI, с. 49–59.

125. Черкасов П. Г. Заметка о крючках. – Пр. ох., 1881, XII, с. 46–52.

126. Норденшильд. Путешествие на пароходе «Вега». 1882. (Вып. 4. Ужение у чукчей, с. 485).

127. Черкасов П. Г. Воспоминания рыболова на Москве-реке. – Пр. ох., 1882, I, с. 33–51.

128. Черкасов П. Г. В каком отношении находится сила рыбы и ее вес. – Пр. ох., 1882, II, с. 80–82.

129. Черкасов П. Г. Светящиеся поплавки. – Пр. ох., 1882, II, с. 98–99.

130. Соловьев. Ловля налимов зимою. – Пр. ох., 1882, II, с. 99.

131. Торчилло Д. В. Письмо в редакцию. – Пр. ох., 1882, II, с. 100.

132. Ширинкин Л. По речке Бланке. (Рассказ). – Пр. ох., 1882, IV, с. 61–68.

133. Терюхин Н. Измайловский пруд (в Москве). – Пр. ох., 1882, IV, с. 65–74.

134. Торчилло Д. В. Заметки и воспомина ния о ловле рыбы на р. Вороне. – Пр. ох., 1882, IV, с. 20–39; V, с. 54–72.

135. КВП. (Колокольцев). Заметка на статью «В каком соотношении находится сила рыбы и ее вес». – Пр. ох., 1882, IV, с. 130–136.

136. Ф. Д. (Федорчуков). Рыбная ловля на У-ском пруде. (Рассказ). – Пр. ох., 1882, V, с. 53–57.

137. Торчилло Д. В. В защиту здоровой удильной снасти. – Пр. ох., 1882, VI, с. 58–64.

138. Черкасов П. Г., бар. Домашнее приготовление удилиц. – Пр. ох., 1882, VI, с. 70–90.

139. Л. А. (Левашов). С новым сезоном. – Пр. ох., 1882, VII, с. 102–110.

140. Д-в А. (Дунаев). Рыбные озера (во Владимирск. губ.). – Пр. ох., 1882, VIII, с. 112–113.
141. Завадовский И. Несколько слов по поводу статьи Д. Торчилло «Заметки и воспоминания о ловле рыбы на р. Вороне удочкою и переметом». – Пр. ох., 1882, IX, 105–111.
142. Завадовский И. Отчаянная ая щука. – Пр. ох., 1882, IX, с. 129.
143. Д-в А. (Дунаев). Письмо удильщика. – Пр. ох., 1882, X, с. 21–24.
144. Л. А. (Левашов). Зима. – Пр. ох., 1882, XII, с. 42–52.
145. Черкасов П. Г. По поводу статьи г. Торчилло «В защиту здоровой удильной снасти». – Пр. ох., 1882, XII, с. 99–100.
146. Мясницкий П. – Рыбу лучат. (Рассказ). – Моск. листок, 1883, № 323.
147. Черкасов П. Г. Заметки рыболова. Привязывание поводков к крючкам с опилёнными стержнями. Рецепты варов, лаков и красок для жилок. – Пр. ох., 1883, I, с. 144–148.
148. Е. Н. (Ермолов). Ловля сазанов. – Пр. ох., 1883, II, с. 65–72.
149. Торчилло Д. В. Ответ неопытного рыболова – опытному. – Пр. ох., 1883, IV, с. 71–88.
150. А. В. Из Астрахани. – Пр. ох., 1883, с. 43–44.
151. Мочарский Н. Очерк ужения рыбы на р. Перерве. – Пр. ох., 1883, IV, с. 64–70.
152. Познанский. С Дону. – Пр. ох., 1883, с. 21–34.
153. Черкасов П. Г. Товарищи рыболовы! – Пр. ох., 1883, VII, с. 124–131.
154. Л. А. (Левашов). По поводу самопогружающихся поплавков барона Черкасова. – Пр. ох., 1883, VIII, с. 40–43.
155. С-кий (Сперанский). Из писем к приятелю об ужении язей. – Пр. ох., 1883, VIII, с. 72–88; 1884, VII, с. 60–80.
156. Лаврентьев. Справочно-памятная книжка для охотников на 1881–1885 гг. (Отд. 3, с. 1–76).
157. Черкасов П. Г. Самопогружающиеся поплавки. – Пр. ох., 1884, III, с. 51–53.
158. Сысоев В. М. С удочкой и жерлицей на р. Сестре. – Пр. ох., 1884, IV, с. 24–41.
159. Мочарский Н. Самодельная катушка. – Пр. ох., 1884, IV, с. 52–55.
160. Черкасов П. Г. Кое-что из моего рыболовного арсенала. – Пр. ох., 1884, с. 49–52.
161. Г. В. Н. (Горбачев). Два новых поплавка. – Пр. ох., 1884, IV, с. 55–56.
162. Мочарский Н. Ловля щук весною. – Пр. ох., 1884, IV, с. 80–82.
163. Мочарский Н. Линь. – Пр. ох., 1884, V, с. 50–58.
164. Мочарский Н. Котово. – Пр. ох., 1884, V, с. 46–57.
165. Арсеньев. С берегов Вычегды. – Пр. ох., 1884, V, с. 70–72.
166. Ловля щук поставушами. – Пр. ох., 1884, V, с. 97–98.
167. Сысоев В. М. Ямога. – Пр. ох., 1884, VI, с. 28–31.
168. Дублянский. Об ужении карпов. – Пр. ох., 1884, VI, с. 43–66.
169. Гютчев. Ужение сазанов в Пензе. – Пр. ох., 1884, VI, с. 45–47.
170. Сысоев В. М. Три рыбака. (Рассказ). – Пр. ох., 1884, VI, с. 41–55.
171. Черкасов П. Г. Новое кольцо для верхушек удилиц. – Пр. ох., 1884, VI, с. 47–48.
172. Тарасов. Ужение на мертвую рыбку (щук). – Пр. ох., 1884, VI, с. 48.
173. Мочарский Н. Ловля рыбы на насекомое. – Пр. ох., 1884, VI, с. 70–73.
174. А. В. Ужение на р. Вороне. – Пр. ох., 1884, VII, с. 50–55.
175. Васильев П. Блеснение. – Пр. ох., 1884, VIII, с. 1–28.
176. Терюхин Н. Несколько замечаний по ужению. – Пр. ох., 1884, IX, с. 30–39.
177. Ловля налимов на лягушонка. – Пр. ох., 1884, IX, с. 67–68.
178. Сохранение червей на зиму. – Пр. ох., 1884, IX, с. 68.
179. Ужение поздней осенью в проточных прудах. – Пр. ох., 1884, X, с. 57.
180. Сенежский способ ужения щук. – Пр. ох., 1884, X, с. 55–57.
181. Дублянский. Из Железноводска. – Пр. ох., 1884, XI, с. 16–18.

182. Приготовление натуральных цельных удилиц. – Пр. ох., 1884, XI, с. 58–60.
183. Как выправить не совсем прямые натуральн. удилица. – Пр. ох., 1884, XI, с. 83–85.
184. Черкасов П. Г. Возражение на заметки об ужении. – Пр. ох., 1884, XII, с. 44–46.
185. Мочарский Н. По поводу «Обращения» барона Черкасова. – Пр. ох., 1885, I, с. 43–46.
186. Сысоев В. М. Утятник Максимка. – Пр. ох., 1885, I, с. 103–105.
187. Черкасов П. Г., бар. Пересмотр и ремонтровка рыбол. снастей к откр. сезона уженья. – Пр. ох., 1885, II, с. 58–60.
188. Терюхин Н. Кое-что по уженью. – Пр. ох., 1885, II, с. 35.
189. Сысоев В. М. Русские и английские рыболовные снасти. – Пр. ох., 1885, III, с. 43–45.
190. Сысоев В. Несуразная весна. – Пр. ох., 1885, III, с. 57. (Мелк. статьи).
191. Л. А. Осень. – Пр. ох., 1885, III, с. 66–74.
192. Фабрикация червей (личинок мух) в Париже. – Пр. ох., 1885, III, с. 82 (Из газет).
193. Мочарский Н. День в Соколове. – Пр. ох., 1885, IV, с. 76–88.
194. Терюхин Н. В окрестностях Брест-Литов. крепости. – Пр. ох., 1885, V, с. 46–58.
195. Черкасов П. Г. Возражение по статье г. г. Мочарского, Терюхина и Сысоева. – Пр. ох., 1885, V, с. 25–30.
196. Левашов А. Идея. (О влиянии погоды на клев рыбы). – Пр. ох., 1885, V, с. 31–54.
197. Кайгородов Д. Вниманию товарищей рыболовов. – Пр. ох., 1885, V, с. 58–59.
198. Серебровский. Отчаянная щука. – Пр. ох., 1885, VI, с. 33–39.
199. Тютчев П. Ужение рыбы с помощью катушки. – Пр. ох., 1885, V, с. 59–61.
200. Курбатов. Уженье красули. – Пр. ох., 1885, VII, с. 34–45.
201. Домбровский П. С Ирпеня. – Пр. ох., 1885, VII, с. 46–60. (Уженье сомов и щук).
202. Янишевский. Мои воспоминания. – Пр. ох., 1885, VIII, с. 9–10.
203. Ширинкин. К Каспийскому морю. – Пр. ох., 1885, IX, с. 50–51.
204. Сысоев В. М. Похождения рыболовов. – Пр. ох., 1885, X, с. 96–103.
205. Сысоев. Река зимою. – Пр. ох., 1885, XII, с. 5–10.
206. Соколов Н. Уженье рыбы в Онежском озере. – Россия, 1885, № 14, с. 10–13. (О хариусе и др.).
207. Аксаков С. Т. Записки об ужении рыбы и воспоминания о разных охотах. – Полн. собр. соч. изд. Мартынова. Спб., т. V, 1886, 8°, 320. (Ц. 2 р.).
208. Angelsport. Der Wind. (Из D. Fiehere-Zeitung). – Land u. Forstw. Zeitung, 1886, № 22–23.
209. Общество любителей рыболовства в Москве. – Правит. вестн., 1886, № 49.
210. Янишевский. Поездка на Чусовую. – Пр. ох., 1886, I, с. 25. (Об ужен, хариусов).
211. Дублянский. Кое-что об ужении голавлей. – Пр. ох., 1886, I, с. 41–52.
212. Мардеросса А. Из Тифлиса. Уженье на Куре. – Пр. ох., 1886, I, с. 70–72.
213. Мочарский. Карась. – Пр. ох., 1886, II, с. 1–15.
214. Общество любителей рыболовства в Москве. Пр. ох., 1886, III, с. 98–99.
215. Черкасов П. Г. Оригинальный способ ужения на сильной быстрине. – Пр. ох., 1886, IV, с. 65–67.
216. Р-ий (Рудановский). Крюченье на Урале, в Пермской губ. – Пр. ох., 1886, IV, с. 68–71.
217. Черкасов П. Г. Предохранение леса от гниения. – Пр. ох., 1886, IV, с. 85–86.
218. Черкасов П. Г. Линь. – Пр. ох., 1886, V, с. 40–44.
219. Доброклонский Н. Река Клязьма и ловля рыбы на ней. – Пр. ох., 1886, V, с. 45–48.
220. Ф-ъ Ив. Любителям рыболовства. Ловля корзиною. – Пр. ох., 1886, V, с. 49–51.
221. Черкасов П. Г. Лучше поздно, чем никогда. – Пр. ох., 1886, V, с. 52–55.
222. Мочарский Н. Удобный подсачник. – Пр. ох., 1886, V, с. 86–88.

223. Р-ский. Ерш. – Пр. ох.,1886, VI, с. 12–15.
224. К. Александр. Подуст. – Пр. ох.,1886, VI, с. 16–19.
225. Павловский Никиф. Поплавок, измеряют, глубину. – Пр. ох.,1886, VI, с. 55–57.
226. Сорокин А. И. Заметки москворецк. рыболова. – Пр. ох.,1886, VI, с. 115–128.
227. Дублянский. Вырезубы в Северном Донце и Осколе. – Пр. ох.,1886, VII, с. 1–13.
228. Р-ский. Уженье красноперок. – Пр. ох.,1886, VII, с. 14–18.
229. Р-ский В. Охотничьи наброски. – Пр. ох.,1886, VII, с. 19–21.
230. Сорокин А. П. По поводу заметки о ерше. – Пр. ох.,1886, VII, с. 45–49.
231. Левашов А. Кое-что из зимнего ужения. – Пр. ох.,1886, VIII, с. 129–132.
232. Сорокин А. Ловля щук плавом. – Пр. ох.,1886, VIII, с. 153–159.
233. Русский рыболов (Ермолов Н. Н.). Предубеждение и прогресс. Мысли рыболова об английских снастях и способах ужения. – Пр. ох.,1886, IX, с. 15–25.
234. Тхоржевский К. Зимнее ужение. – Пр. ох.,1886, IX, с. 26–39.
235. Сорокин. Заметки москворецкого рыболова. Ловля язей. – Пр. ох.,1886, X, с. 33–44.
236. Мардероссо А. А. Из Баку. – Пр. ох.,1886, IX, с. 66–68; X, с. 77–78. (Мелк. статьи).
237. (Саблин). Мюлля-Кюля. – Пр. ох.,1886, XII, с. 68–70.
238. [52 - Пропуск в подлиннике. – Ред.]
239. Черкасов П. Г. Доморощенные удилица из русского дерева. – Вестн. рыб., 1887, IV–VII, с. 142–143.
240. «Практический рыболов. Карманная книжка». Спб., 1887. – Вестн. рыб., 1887, X, с. 203–205.
241. Спорт (Новые мушки для лососевых). – Вестн. рыб., 1887, X, с. 205–206.
242. Приманка для рыб. – Вестн. рыб., 1887, XI, с. 227. (Смесь).
243. Новое рыболовное общество. – Вестн. рыб., 1887, XI, с. 228. (Смесь).
244. Черкасов П. Г. Ловля жереха и голавля на быстрине. – Охотник, № 1, с. 7.
245. Черкасов П. Г. Как исправить непромокаемый шнурок, сделавшийся липким. – Охотник, 1887, № 3, с. 39.
246. Москворецкий Рыболов (Сорокин). Заметки москворецкого рыболова. – Охотник, 1887, № 6, с. 89.
247. Москворецкий Рыболов (Сорокин). Пузырь-жерлица и его применение к ловле крупной рыбы. – Охотник, 1887, № 8, с. 120, с рис.; № 9, с. 138.
248. Сорокин А. Заметки москворецкого рыболова. – Охотник, 1887, № 10, с. 151–152 (одежда, осен. ловля щук); № 11, с. 168 (окунь, ерш, елец, блесны); № 13, с. 200–201 (багрень, лучень, удилица); № 14, с. 216 (зимн. уж.); № 16 (ноябрь); № 17, с. 264 (ноябрь); № 18, с. 280–281 (глушень, багрень, принадл. зим. ужения); № 19, с. 294–296 (блеснение, ловля на кобылку).
- 1888, № 21, с. 329 (зим. уж. налимов); № 22, с. 360 (то же); № 27, с. 423 (рыбол. снар.); № 32, с. 504–505 (то же); № 34, с. 535–536 (то же); № 35, с. 551–552 (весеннее ужение на донные); № 38, с. 599–600 (весен. ужен. щук); № 44, с. 696 (весен. уж.); № 45, с. 711 (то же).
249. Фабрикация червей. – Охотник, 1887, № 14, с. 217. (Личинки мух).
250. Д. Ю. К. (Искусственные) задевы и ужение на донную с поплавком и донным удилицем. – Охотник, 1887, № 16, с. 249; № 17, с. 264. (В Арханг. губ.).
251. Мочарский Н. Ловится ли рыба во время нереста? – Охотник, 1887, № 18, с. 280.
252. Есилов. Сом и его ловля в Свяиге. – Охотник, 1887, № 19, с. 296.
253. Сорокин А. По поводу статьи г. Мочарского в № 18 «Охотника». – Охотник, 1887, № 20, с. 312.
254. Сорокин А. По поводу статьи об искусственных задевах Д. Ю. К. – Охотник, 1887, № 20, с. 313.

255. Электрическая удочка. – Привит. вестн., 1887, № 151. < br> 256. Дублянский Н. А. Секретарь Дикаревский. (Рассказ). – Пр. ох.,1887, II, с. 107–121; III, с. 78–91.
257. Кайгородов Д. К. К вопросу о влиянии высоты барометра на клев рыбы. – Пр. ох.,1887, II, с. 68–76.
258. Терюхин Н. Из практики ужения. – Пр. ох.,1887, III, с. 25–36.
259. Черкасов П. Г. Добычливый и удобн. способ ужения на живца. – Пр. ох.,1887, III, с. 103–105.
260. Десон (Сонцов Д. Д.). 4-го мая 1887. (Из воспоминаний рыбака). – Пр. ох.,1887, IV, с. 63–72.
261. Черкасов П. Г. Ужение нахлыстом. – Пр. ох.,1887, V, с. 28–41; XII, с. 18–34.
262. Дюк (Протопопов). Несколько слов об ужении рыбы в Архангельской губ.
263. Л. А. (Левашов). Рыболовный летний сезон 1886 года. Наблюдения и выводы (относит. барометра). – Пр. ох.,1887, V, с. 50–61.
264. Мельников. Иртыш. – Пр. ох.,1887, VI, 25–32 . (Ужение).
265. Корде А. Ловля мирона и сырты. – Пр. ох.,1887, VI, с. 101–102.
266. Курбатов А. Ужение рыбы в Сувалкской губ. и на Немане. – Пр. ох.,1887, IX, с. 70–74.
267. Корде А. По ужению. – Пр. ох.,1887, IX, с. 83–84.
268. Спесивцев Е. Заметка. (О Москов. общ. рыбол.). – Пр. ох.,1887, XII, с. 107–109.
269. Практический рыболов. Карманная книжка для удильщиков. Спб., 1887, 8°, IV+ 236 с. (1 р. 50 к.).
270. Соболев А. С. Руководство об (!) ужении рыбы в Москве-реке. М., 1887, 12°, 1–7 с.
271. Ужение рыбы. Рыбы Средн. России, их образ жизни и способы ужения. С 15 рис. Изд. 2-е. М., 1887, 8°, 103 с. (75 к.).
272. Варпаховский Н. – Библиография. Соболев. «Руководство об ужении рыбы в Москве-реке». – Вестн. рыб., 1888, I, с. 26.
273. Электрическая удочка. (С немец). – Вестн. рыб., 1888, V–VII, с. 154–158.< br>
274. Несколько испытанных советов при ловле рыбы. – Вятск. губ. вед., 1888; – Астрах. губ. вед., 1888, № 65.
275. NN. Из Воронежа. Об учреждении общества любит. рыболовства. – Моск. вед., 1888, № 40.
276. Георгиевский М. Д. Рассказы рыбака. – Олонец. губ. вед., 1888, № 81.
277. Электрические полавки. – Охотник, 1888, № 22, с. 345.
278. Мочарский Н. Необходимая заметка. (О клеве во время нереста). – Охотник, 1888, № 24, с. 376.
279. Черкасов П. Г. Зимнее ужение с полавком. – Охотник, 1888, № 25, с. 392. (Под Казанью).
280. Сластиников С. И. Поделом вору и мука. – Охотник, 1888, № 40, с. 663. (Анекдот).
281. Кареев С. А. О ловле голавлей на насекомых. – Охотник, 1888, № 42, с. 662.
282. Сорокин А. О подпусках. – Охотник, 1888, № 52, с. 824–825.
283. Деревенский охотник. Ночная охота на рыбу. – Охотник, : 1888, № 52, с. 825.
284. Сластиников С. И. Ужение в окрестностях Казани. – Охотник, 1888, № 37, с. 584.
285. Деревенский охотник. Рыбная ловля как предмет развлечения ружейного охотника. – Охотник, 1888, № 48, с. 760.
286. Черкасов П. Г., бар. Век живи, век учись. – Охотник, 1888, № 50, с. 793; № 51, с. 808 (блеснение); № 52, с. 825 (то же); № 53, с. 840–841 (ловля шук).
287. Сорокин А. Новые приспособления в переметах. – Охотник, 1888, № 56, с. 887–888; № 58, с. 920–921; № 59, с. 936–937 (жерлица); № 60, с. 953 (то же).
288. Сорокин А. Ловля хищн. рыб ходом. – Охотник, 1888, № 62, с. 985; № 63, с. 999; № 64, с. 1014; № 66, с. 1037–1038.

289. В. В. Насадка навозным червем. – Охотник, 1888, № 64, с. 1014–1015; № 65, с. 1025–1026.
290. Кареев С. А. Ужение зимой на кобылку. – Охотник, 1888, № 66, с. 1038 ; № 67, с. 1049.
291. Сорокин А. Мотыль. – Охотник, 1888, № 69, с. 1074; № 70, с. 1086.
292. Приманка для рыб. – Вестн. рыб. 1888; Ох. газ., 1888, № 1, с. 12. (Из газет).
293. А. Р. Непромокаемые леса. – Ох. газ., 1888, № 2, с. 21–22.
294. Черкасов П. Г. Хорошая дорожка, могущ. быть изго-товл. домашним средств. С 2 рис. – Ох. газ., 1888, № 2, с. 30–31.
295. Черкасов П. Г. Рыболовные новинки. – Ох. газ., 1888, № 6, с. 64–65.
296. А. Р. Из Нижнего Новгорода. – Ох. газ., 1888, № 6, с. 65. (Глушение рыбы).
297. Черкасов П. Г. К заметке о дорожке. – Ох. газ., 1888, № 6, с. 65.
298. Черкасов П. Г. По поводу заметок «Непромокаемые леса» и « Хищность карпов». – Ох. газ., 1888, № 7, с. 79.
299. Черкасов П. Г. Новая насадка для плотвы и два новых состава для прикорма рыбы. – Ох. газ., 1888, № 9, с. 99.
300. Вербицкий Н. О ловле носаря. – Ох. газ., 1888, № 11, с. 126.
301. Годичн. собр. Моск. общ. любит. рыболовства. – Ох. газ., 1888, № 12, с. 138–139.
302. Рында Ив. Из Орла. (Об ужении на Оке и ее притоках). – Ох. газ., 1888, № 9 13, с. 147–148.
303. Морозов Ф. А. О стрельбе рыбы. – Ох. газ., 1888, № 14, с. 159–160.
304. Черкасов П. Г. Новый скользящий поплавок для ужения живца. – Ох. газ., 1888, № 14, с. 160.
305. Кайгородов Дм. Н. К достоинству английских удочек. – Ох. газ., 1888, № 14, с. 163.
306. Черкасов П. Г. Вниманию удильщиков на сверчка (кобылку). – Ох. газ., 1888, № 15, с. 169–170. С рис.
307. Огиевский. О добывании щуки в окрестностях Бердичева. – Ох. газ., 1888, № 15, с. 170–171.
308. Сабанеев Н. Из Ярославля. (Любители-рыболовы. Способы ловли). – Ох. газ., 1888, № 17, с. 191.
309. Р(ында) Ив. Очерк окрестностей Коренной Пустыни в отношении охоты. – Ох. газ., 1888, № 20, с. 227–228. (Есть заметки о рыбах и ужении карпов в р. Тускори).
310. Р. А. Из Гагина, Сергачск. уезда. – Ох. газ., 1888, № 25, с. 289. (Ужение; ловля крыгой).
311. Gerra К. М. (Музурин). Письмо в редакцию. – Ох. газ., 1888, № 27, с. 311–312. (Ловля и ужение морских рыб; охота на дельфинов у берегов Крыма).
312. Р(ында) Ив. Из Орла. Очерк рыбной ловли в Орловск. губ. – Ох. газ., 1888, № 29, с. 332–333. (Ужение под Орлом).
313. Черкасов П. Г. Кое-что по ужению. – Ох. газ., 1888, № 30, с. 344–345.
314. Р-кий В. Из с. Черного, Нижегород. губ. – Ох. газ., 1888, № 31, с. 359–360.
315. Р-кий В. Из-под Юрьевца, Нижегород. губ. – Ох. газ., 1888, № 31, с. 360–361.
316. Анисимский. Вопрос (о ловле форели). – Ох. газ., 1888, № 34, с. 397.
317. Соколов. Ловля шересперов-жерехов. – Ох. газ., 1888, № 36, с. 417–418.
318. Протасов Ив. Новый способ окраски жилок. – Ох. газ., 1888, № 40, с. 467–468.
319. Р-ский. Из Черного, Нижегород. губ. – Ох. газ., 1888, № 41.
320. Шляхтин. О ловле носаря на Дону. – Ох. газ., 1888, № 42, с. 488–489.
321. Черкасов П. Г. О крючках. С рис. – Ох. газ., 1888, № 45, с. 525–526.
322. Черкасов П. Г. О ловле форели. – Ох. газ., 1888, № 44, с. 518–519; № 45, с. 526.
323. Р-ский В. Из Мурома. Способ ужения. К вопросу о вываживании. – Ох. газ., 1888, № 45, с. 530.
324. Черкасов П. Г. Об ужении угря. – Ох. газ., 1888, № 50, с. 610.

325. Дублянский Н. Об ужении рыбы в окрестностях Харькова. – Пр. ох., 1888, I, с. 12–25.
326. Кайгородов. Ловля язей нахлыстом на р. Оредеже. Пр. ох., 1888, II, с. 1–17.
327. Черкасов П. Г. Из дорожных встреч и рыбацкой переписки. – Пр. ох., 1888, II, с. 18–26.
328. Черкасов П. Г. Рыбацкая лодка. – Пр. ох., 1888, III, с. 27–50.
329. Черкасов П. Г. Беседы. – Пр. ох., 1888, III, с. 51–56. (Багорчики и сачки).
330. Л. А. (Левашов). Рыболовный летний сезон (клев и барометр). 1887. – Пр. ох., 1888, IV, с. 43–48.
331. Д-н (Добычин). Заметки любителя удочки. – Пр. ох., 1888, IV, с. 49–79. (Ужение сазанов на р. Сосне и Мотыре, с. 52–56, с. 68–79. Удочки, с. 56–62. Лесы, с. 63–68).
332. Мочарский Н. Воспоминания и заметки. – Пр. ох., 1888, IV, с. 66–78.
333. Дюк (Протопопов). Из записи, книжки арханг. охоты. – Пр. и ох., 1888, VII, с. 3–4 (уженье налимов); с. 7–8 (уженье окуня).
334. Терюхин Н. На Синежском озере. – Пр. ох., 1888, VII, с. 72–81.
335. Л. А. (Левашов). О подсекателях. – Пр. ох., 1888, VIII, с. 42–48.
336. Черкасов П. Г. Парусная лодка. – Пр. ох., 1888, VII, с. 56–71.
337. Русский рыболов (Ермолов Н. Н.). О непромокаемых лесах. – Пр. ох., 1888, VII, с. 82–87.
338. Хохлов. Рыбная ловля под Савиным монастырем (Моск. губ.). – Пр. ох., 1888, VIII, с. 49–74.
339. Вербицкий Н. А. По Десне. – Пр. ох., 1888, X, с. 30–52. (Ужение на метлу, с. 32–35. Сом, с. 38–42. Жерех, с. 44–45. Щука, с. 45. Судак, с. 46–47).
340. К-в П. Лучше поздно, чем никогда. (Из воспоминаний об ужении по р. Ику). – Пр. ох., 1888, XI, с. 66–75. (Лещ, с. 68, 70–71, 72. Щука, с. 68–69. Сазан, с. 73).
341. Бутиков В. Об ужении карпов на р. Айдар, Харьковск. губ. – Пр. ох., 1888, XII.
342. М-р. Рыбный промысел. – Рус. судох., 1888, № 30, с. 39. (Снаряд Топосова для ужения).
343. (Как ловить рыбу бр еднем?) Заметка старого охотника. – Астрах. вестн., 1889, № 220.
344. Щука. Рассказ. – Астрах. листок. 1889, № 245.
345. Гримм О. Первый рыболов и первая удочка. – Вестн. рыб., 1889, I, с. 7–16. (История удочки и деревянных крючков карелов).
346. (Complet Angler). – Вестн. рыбол., 1889, I, с. 48. (Смесь). (100-е изд. книги).
347. Бах. Яцица (Erphetega) как приманка для рыбы (на Немане). – Вестн. рыб., 1889, V, с. 189–190.
348. Лов сома на саранчу. – Вестн. рыб., 1889, IX – X, с. 335–336.
349. Слезский. Волховские удильщики. – Нов. время, 1889, 6 дек. – Астрах. вестн., 1888, № 168.
350. Счастливый рыболов. – Екатер. неделя, 1888. Ох. газ., 1889, № 34, с. 375.
351. Острогорский А. И. Рыбы. Два рассказа. Спб., 1889, 8°, 15 с.
352. Черкасов П. Г. Простой способ выпрямлять поквившиеся колена складного удилица. Ох. газ., 1889, № 3, с. 34–35.
353. Воронин. Ловля марены и угрей в р. Висле. – Ох. газ., 1889, № 8, с. 93–94.
354. Кружок удильщиков в Спб-ге. – Ох. газ., 1889, № 11, с. 135.
355. Черкасов П. Г. Несколько замеч. по поводу статьи г. Воронина «Ужение вблизи Пскова». – Ох. газ., 1889, № 12, с. 145–146. (Об удилицах).
356. Ремезов Вас. Рыбная ловля в окрестности г. Самары. – Ох. газ., 1889, № 13, с. 157–158. (Ужение судака, берша, язя и др.).
357. Черкасов П. Г. Рыболовн. мелочи. – Ох. газ., 1889, № 22, с. 259–260. (Привады для окуней и шук; ловля жерехов-шересперов; сазан в р. Вятке).
358. Воронин. Кое-что о ловле хариуса. – Ох. газ., 1889, № 30, с. 334.

359. Д. Н. (Домбровский). Из Киева. – Ох. газ., 1889, № 33, с. 364–365.
360. Д. В. Из Александрии, Харьк. уез. – Ох. газ., 1889, № 35, с. 383.
361. Д. В. На Волжке (Уженье сазанов). – Ох. газ., 1889, № 35, с. 383–384.
362. Сабанеев Л. П. Заметки московского рыболова. – Ох. газ., 1889. (I. Зимний сезон. 1888–89 г. Ловля на поддев. – № 39, с. 425–427. II. Весеннее ужение. Ловля подъязка на поплавок. – № 40, с. 437–439. III. Вторая половина весны. Уж. ельца. Ловля голавлей и шересперов нахлыстом. Ловля шересп. плавом. Весен. ловля в друг. мест. – № 41, с. 451–453. IV. Необ. урожаем молоди. Ужение подуста. Ловля плотвы и язей на зелень. Появл. лещей. Уж. щуки. Подъязки летом. Ужение на кузнеца. Ловля на Перерве и друг. плотинах. Результ. ужения в Люблине, Косине, Сенеже. – № 42, с. 462–464; № 43, с. 474–476).
363. Р-ский В. (Рождественский). Из с. Черное, Нижегород. губ. – Ох. газ., 1889, № 41, с. 455–456.
364. Д. Д. Борисово озеро (в Зеньковск. у., Полт. губ.). – Ох. газ., 1889, № 50, с. 565.
365. Р-ский В. Из Черного, Нижегород. губ. – Ох. газ., 1889, № 50, с. 566.
366. Черкасов П. Г. Домашнее производство удилищ. – Пр. ох., 1889, I, с. 47–70.
367. Воронин В. Ужение вблизи Пскова. – Пр. ох., 1889, I, с. 89–101. (Удочка, с. 94–95; места, с. 96; лов на блесну окуней и сигов, с. 99–100; ловля налимов, с. 100; лов сетью уклей, с. 101).
368. Кайгородов Д. Н. Ловля щук нахлыстом на искусств. рыбку. – Пр. ох., 1889, II, с. 80–86.
369. Дмитриевский А. В. Царицынские пруды. – Пр. ох., 1889, III, с. 66–76.
370. Глушанин. Кавказск. горн, форель и ловля ее удочкой. – Пр. ох., 1889, III, с. 83–94.
371. Черкасов, бар. Заметки об ужении щуки. – Пр. ох., 1889, IV, с. 25–35.
372. Л. А. (Левашов). Рыбол. сезон. 1888 г. – Пр. ох., 1889, V, с. 36–43.
373. Сабанеев. Хариус. – Пр. ох., 1889, V, с. 61–76.
374. Веневитинов Д. Воронежские лещатники. – Пр. ох., 1889, V, с. 52–74.
375. Секретные наживки. – Пр. ох., 1889, V, обзор иностр. лит., с. 95–96.
376. Наживка для морской рыбы. – Пр. и ох., 1889, V, обзор иностр. лит., с. 96.
377. Сохранение креветок для наживки. – Пр. и ох., 1889, V, обзор иностр. лит., 96–97.
378. Борисов. О мироне. – Пр. ох., 1889, VI, с. 1–13.
379. Л. А. Летний рыболовный сезон. 1889. – Пр. ох., 1890, VIII, с. 77–86.
380. Домбровский Н. Заметки об ужении на юге. – Пр. ох., 1889, IX, с. 1–48. (Способы ужения, удочки, лески, с. 10–14. Лодки, с. 17–22. Ужение наверху, с. 23–26. Верх, удочка, с. 28–29. Закидывание, с. 29–30. Лодка, с. 30–31. Наживка, с. 31–34. Шереспер, с. 34–36. Голавль, с. 36–38. Язь, с. 38–40. Ловля, с. 40–48).
381. Вербицкий Н. А. С Десны. – Пр. ох., 1889, IX, с. 47–56.
382. Жилка для поводков. – Пр. ох., 1889, IX, обзор ин остр. лит., с. 77–78.
383. Дублянский Н. Кое-что об ужении в Черном море. – Пр. ох., 1889, XII, с. 1–26. (Удочки и лески, с. 6–8. Крючки, с. 8. Груз, с. 9. Ужение, с. 10–14. Насадки, с. 15–17. *Corvina nigra*, с. 17–18. *Scorpaena parcus*, с. 18. *Crenilabrus*, с. 18–19. *Sarqus annularis*, с. 19. *Blennius*, с. 19–20. *Motella*, с. 20. *Snaris*, с. 20–21. *Cobius*, с. 21–22. Камбала, кефаль, лобан, с. 22. Скумбрия, с. 23. Сельдь (!), с. 23. Летучка, с. 23. Игла-рыбка, с. 24. Белуга, с. 24. Дельфины, с. 24–25).
384. (Новый) вид рыбного промысла на Волге. «Самарск. газ.», 1889. – Астрах. вестн. 1889, № 81. (Ловля на отрубян. тесто).
385. Кружок удильщиков в С.-Петербурге. «Сын. Отеч.», 1889. – Ох. газ., 1889, № 11, с. 135.
386. Рыбак-любитель. Письмо к любителям рыбной ловли. (Необходимость кружка). – Астрах. вестн., 1890, № 511.

387. Свирилин Л. По поводу письма рыбакова-любителя. – Астрах. вес тн., 1890, № 514.
388. Как выгодно иногда блеснить. – Астрах. листок, 1890, № 29.
389. Пospelов С. Триста верст на лыжах. – Ж. ох., 1890, III. (Черви, с. 70–71. Уженье, с. 72–73, с. 80–82. Окунь, с. 74–75. Минога, с. 74. Семга, с. 77. Хариус, с. 77. Голавль, с. 77–78).
390. Сабанеев Л. Уженье в январе. Принадлежности зимнего ужения. Ловля на поддев. – Ох. газ., 1890, № 2, с. 29–30.
391. Сабанеев Л. Зимняя ловля налимов. – Ох. газ., 1890, № 4, с. 62–63.
392. Нарский. Наши охот. дела. – Ох. газ., 1890, № 4, с. 61; № 15, с. 237–238; № 21, с. 334; № 22, с. 348–350; № 44, с. 700–701.
393. Способ добывания дождевых червей для ужения. – Ох. газ., 1890, № 7, с. 111.
394. Куроедов. Клев пеструхи. – Ох. газ., 1890, № 9, с. 138.
395. Черкасов П. Г. О клеве пеструхи. – Ох. газ., 1890, № 13, с. 203.
396. Черкасов П. Г. Новые рыболовные снасти. – Ох. газ., 1890, № 16, с. 248–250.
397. Кайгородов. Ловля язей нахлыстом с грузилом. – Ох. газ., 1890, № 18, с. 275–776.
398. Ермолов Н. Снаряд для ужения щук. – Ох. газ., 1890, № 19, с. 291–292.
399. Ширинкин К. Из Ташкента. – Ох. газ., 1890, № 19, с. 294–295 (На с. 294 олучении рыбы).
400. Веневитинов Д. О замене стоячих колец на удилицах блоками. – Ох. газ., 1890, № 22, с. 350–351.
401. Домбровский. Уженье щук. – Ох. газ., 1890, № 23 и 26.
402. Новый французский журнал для любителей ужения. – Ох. газ., 1890, № 31, с. 494.
403. Редкая добыча (семга в 51 ф. в Англии). – Ох. газ., 1890, № 34, с. 543.
404. В. Д. (Веневитинов). Из Воронежа. (Уженье). – Ох. газ., 1890, № 37, с. 586–587.
405. Новая насадка для щук. – Ох. газ., 1890, № 37, с. 591.
406. Союз парижских удильщиков. – Ох. газ., 1890, № 37, с. 391.
407. Рыболовный конкурс (удильщиков в Париже). – Ох. газ., 1890, № 39, с. 622.
408. Домбровский Н. Уженье лещей. – Пр. ох., 1890, I, с. 37–55.
409. Васильев М. С берегов р. Терешки. (Хвалынский, у.). – Пр. ох., 1890, II, с. 50–60 (Сом, с. 57–59; налим, с. 59–60).
410. Васильев. Уженье язей с навесу. – Пр. ох., 1890, III.
411. Черкасов П. Г. О домашнем производстве удилиц. – Пр. ох., 1890, III, с. 30–39.
412. Ширинкин. Запис. туркестанского охотника. – Пр. ох., 1890, IV. (Ловля рыбы, с. 31–33).
413. Пропитывание лесок. – Пр. ох., 1890, IV. Обзор иностр. лит., с. 94.
414. Новая наживка для морской рыбы. – Пр. ох., 1890, IV. Обзор иностр. лит., с. 94.
415. Домбровский Н. Придонное карповое ужение. – Пр. ох., 1890, V, с. 32–40 .
416. Веневитинов Д. Воронежские лещатники. – Пр. ох., 1890, V, с. 70–79.
417. Типы английских удильщиков. – Пр. ох., 1890, V. Иностран. обз., с. 105–107.
418. Общество рыбной ловли в Конго. – Пр. ох., 1890, V. Иностран. обз., с. 107.
419. Сысоев. Два окуня. – Пр. ох., 1890, VI, с. 44–48.
420. Домбровский Н. Уженье сомов на юге. – Пр. ох., 1890, VI, с. 47–62.
421. Линтваров А. Уженье на р. Сейме. – Пр. ох., 1890, VII, с. 39–66. (Местность, приспособл., лодка, с. 40–44; лещ, с. 45–53; голавль, с. 53–55; язь, с. 55–56; сазан, с. 56–58; марена, с. 58–59; окунь, с. 59–60; жерех, с. 60; судак, с. 60–61; щука, с. 61–63; налим, с. 63; сом, с. 62–66).
422. Уженье рыбы в открытом море с парохода на ходу. – Пр. ох., 1890, VII. Иностран. обз., с. 109–110.
423. Будущее возвышение цен на испанские жилки (гут). – Пр. ох., 1890, VII. Иностран.

. обз., с. 90.

424. Домбровский Н. По Днепру. – Пр. ох., 1890, IX, с. 11–18.

425. Либерих (умер в 1883 г.). Из записок об ужении. – Пр. ох., 1890, IX, с. 19–41. (Разные способы ужения на быстр. течении).

426. Либерих. Ужение на фальшивую насадку. Пр. ох., 1890, V, с. 1–29 (На мушку, с. 1–15; на фальшивую рыбку, с. 15–19).

427. Вербицкий Н. Очерки из охотничьей жизни: Барабанов и Рыбушкин. – Пр. ох., 1890, XII, с. 35–62. (Рассказ).

428. Черкасов П. Г. По пути. – Пр. ох., 1890, XII, с. 38–43. (Уж. на р. Обве).

429. Удильщик. О заготовлении удилиц домашним способом. – Рус. ох., 1890, № 8, с. 117–118; № 9, с. 243–246.

430. Тхоржевский. Сазан и его ужение. – Рус. ох., 1890, № 15, с. 227–228.

431. Удильщик. Весеннее ужение на донную. – Рус. ох., 1890, № 18, с. 277–278; № 19, с. 295; № 20, с. 314–315.

432. Удильщик. Заметки о катушке и ее принадлежностях. – Рус. ох., 1890, № 24, с. 373–374; № 25, с. 389–390.

433. Экскурсия удильщиков по р. Неве. – Рус. ох., 1890, с. 383. (Разн. изв.).

434. К-в С. Жерлицы и их постройка. – Рус. ох., 1890, № 28, с. 439–440; № 29, с. 454–455; № 30, с. 469–470.

435. Котельников Н. Перемет. – Рус. ох., 1890, № 34, с. 540.

436. Удильщик. Ужение голавля. – Рус. ох., 1890, №№ 36–38.

437. Румянцев И. Сикуша (блесна для сигов). – Вестн. рыбопр., 1891, II, с. 74–77.

438. Румянцев. Что делать с язем? – Вестн. рыбопр., 1891, V, с. 184–189.

439. Отчет Воронежского отдела рыбной ловли. – Вестн. рыбопр., 1891, V, с. 196–197.

440. Львов Ник. Практический рыболов, справочн. книга для удильщиков-спортсменов. Изд. 2-е. Спб., 1891, 8°, IV, 236 с. (1 р.).

441. С-кий П. (Сперанский). С блесной и удочкой. – Охота, 1891, № 4, с. 9–12.

442. Рышков Вл. Рыболовство (Ужение щук и окуней в Финляндии). – Охота, 1891, № 6, с. 10–11.

443. Черкасов П. Г. Новый общедоступный материал для складных удилиц английск. образца. – Ох. газ., 1891, № 2, с. 26.

443-бис. Черкасов П. Г. Вниманию московских рыболовов. (Искусственный мотыль). – Ох. газ., 1891, № 13, с. 205–206.

444. Норский. Наши охотн. дела. – Ох. газ., 1891, № 15, с. 236; № 37, с. 583.

445. Дублянский Н. Из Харькова. Новое общество рыболовства. – Ох. газ., 1891, № 17, с. 267–268.

446. Черкасов П. Г. Московским рыболовам. (Искусств. мотыль). – Ох. газ., 1891, № 17, с. 269.

447. Влияние фаз луны на клев рыбы. – Ох. газ., 1891, № 18.

448. Состязание рыболовов (в Англии). – Ох. газ., 1891, № 18, с. 287.

449. Клементьев Н. Из Бугуру слана. – Ох. газ., 1891, № 19, с. 300.

450. Р-ский В. Из с. Бор, Нижегородск. губ. – Ох. газ., 1891, № 22, с. 343.

451. Веневитинов Д. Из Воронежа. Об ужении и ружейной охоте. – Ох. газ., 1891, № 22, с. 345–346.

452. Сабанеев Л. Водяной змей. – Ох. газ., 1891, № 27, с. 430.

453. Приготовление рыболовных жилок (гут). – Ох. газ., 1891, № 27, с. 431.

454. Рождественский В. Ужение и ловля раков. – Ох. газ., 1891, № 36, с. 573–574.

455. Черкасов П. Г. О дереве для удилиц. – Ох. газ., 1891, № 39, с. 622.

456. Морское ужение во всевозможных морях. – Правит. вестн., 1891, № 249.

457. Черкасов П. Г. О ловле голавлей. – Приволжск. вестн. ох., 1891, № 1.

458. Корнилов (Тхоржевский К?). Ужение рыбы. – Приволжск. вестн. ох., 1891, №№

1–4, с. 6, 7, 15, 22, 32.

459. Тейнер. Приготовлени е рыболовных крючков. – Приволжск. вестн. ох., 1891, № 7.

460. Коллюпанов Б. Рыбака. (Рассказ). – Приволжск. вестн. ох., 1891, № 23, с. 259–261.

461. Черкасов П. Г. Складной обруч для сачков дорсаль-фин. – Приволжск. вестн. ох., 1891, № 26, с. 301.

462. Черкасов П. Г. Руководство к ужению усовершенствованными способами. – Приволжск. вестн. ох., 1891, № 28, с. 332–333 (удил.); № 29, с. 347–349 (удил.); № 30, с. 364–365 (катушки); № 31, с. 379–380 (шнурок); № 32, с. 395–397 (жилка, крючок); № 33, с. 411–413 (поплавок, грузило); № 34, с. 427–429 (сачок, багор); № 35, с. 443–445 (мелк. принадл.); № 36, с. 460–462 (мелкая принадл., узлы, завязки, рецепты).

463. Бутягин О. Кое-что о мотырских сазанах. – Приволжск. вестн. ох., 1891 № 37, с. 475–476; № 38, с. 491–493.

464. Т-ий К. (Корнилов) Шушарская мельница. – Приволжск. вестн. ох., 1891, № 46–47, с. 621–623; 1892, № 7, с. 100–102. (Рассказ).

465. Либерих. Хариус. – Пр. ох., 1891, I, с. 63–80.

466. Вериго А. Как управлять катушкой при ловле крупной рыбы. – Пр. ох., 1891, II, с. 42–49.

467. Спасский. Ужение рыб в р. Оке под Рязанью. – Пр. ох., 1891, II, с. 50–54.

468. Ловля рыбы дрессированными бакланами. – Пр. ох., 1891, II. Иностр. обз., с. 86–87.

469. Ужение в Португалии. – Пр. ох., 1891, II, Иностр. обз., с. 87, 88.

470. Ширинкин А. Ялта (Ужение в море). – Пр. ох., 1891, III, с. 16–30.

471. Либерих. Ужение лосося. – Пр. ох., 1891, III, с. 69–90.

472. Ужение в Норвегии. – Пр. ох., 1891, IV. Иностр. обозр., с. 114.

473. Бутягин С. О сазанах. – Пр. ох., 1891, V, с. 57–64.

474. (Ужение в Триденте). – Пр. ох., 1891, V. Иностр. обозр., с. 81–83.

475. Черкасов П. Г. Московским рыболовам. (Искусств, мотыль). – Пр. ох., 1891, V, с. 122–123.

476. Левашов А. V-й отчет о рыболовн. сезоне (за 1890 г.). – Пр. ох., 1891, VI, с. 82–89.

477. Веневитинов Д. Воронежские лещатники. – Пр. ох., 1891, VII, с. 37–52.

478. Бакановский Ф. Рыбная ловля у берегов Черного моря в Крыму. – Пр. ох., 1891, VII, с. 82–89. (Ужение камбалы, с. 85–86; кефали, с. 88–89).

479. Михайлов А. Рыболовная охота под Новгородом. – Пр. ох., 1891, VII, с. 92–94.

480. Драгоценные книги об ужении (в Англии). – Пр. ох., 1891, VII. Иностр. обозр., с. 56–57.

481. Василенко И. Ужение в Мертвом Донце. – Пр. ох., 1891, IX, с. 89–95. (Ловля сазанов).

482. О-ков. Ужение близ г. Переяславля-Залесского, Владим. губ. – Пр. ох., 1891, X, с. 63–76. (Плотва, с. 63–66. Окунь, с. 66, 73. Щука, с. 73–75. Густера, с. 75. Язь, с. 75–76. Ерш и пескарь, с. 76).

483. Морское ужение в Англии и у нас. – Пр. ох., 1891, X. Иностр. обозр., с. 86–90. (Ужение в Севастополе, с. 88–90).

484. Сабанеев Л. Ловля щук. – Пр. ох., 1891, XI, с. 44–68; XII, с. 1–23.

485. Домбровский Н. Рыболовные пословицы. – Пр. ох., 1891, XII, с. 24–32; Правит, вестн., 1892, № 7; Ур. войск, вед., 1892, № 7.

486. С-кий И. (Сперанский). С блесной и удочкой на р. Луге. – Охота, 1891, № 4, с. 9–12. (Ловля щук).

487. Ш-н К. (Ширинкин). Скворцов. «Охотник-рыболов». – Рус. ох., 1891, № 27, с. 430–431.

488. Первухин Л. Нилайский омут. (Рассказ). – Рус. ох., 1891, № 30, с. 475; № 31, с.

- 488–490; № 32, с. 501–504. (О ловле щук).
489. А-В. Заметка об охоте с острогой. – Рус. ох., 1891, № 31, с. 483.
490. Применение электричества в рыбной ловле. – Рус. ох., 1891, № 31, с. 495.
491. Удильный спорт в Петербурге. – Рус. ох., 1891, № 33, с. 527. (Разн. изв.)
492. Первухин Л. Письма к рыбакам. – Рус. ох., 1891, № 35, с. 548–550. (Щука. – Окунь. – Ерш).
493. Холмогоров М. Заметки московского рыбака. – Рус. ох., 1891, № 51–52, с. 796–800.
494. Добывание дождевых червей для ужения. – Рыбн. дело, 1891–92, № 9, с. 127.
495. Скворцов О. Охотник и рыбак. Записная справочн. книга для молодых охотников и рыбаков. Спб, 1891, 12°, IV, 144 + 42 с. (Ужение, с. 69–139).
496. Воронежское общество правильной рыбной ловли. – Воронежск. телеграф, 1892, Правит. вестн., 1892, № 125.
497. Влияние фаз луны на уловы удочкой. – Вестн. рыбол., 1892, II, с. 89 (Смесь).
498. Завод для разведения червей (личинки мух) в Париже. – Вестн. рыбол., 1892, II, с. 90. (Смесь).
499. Из отчета Московск. кружка любителей рыболов. за 1891 г. – Вестн. рыбол., 1892, III, с. 121.
500. Белевич Н. Ловля рыбы на переметы. – Охота, 1892, № 3 (окт.), с. 13–14. (В Вятск. губ.).
501. Белевич Н. Заметка о лущении рыбы в Малмыжском уезде. – Охота, 1892, № 11, с. 11–12.
502. Белевич Н. Ботанье рыбы. – Охота, 1892, № 12, с. 4. (В Вятск. губ.).
503. Рыбак. Зимняя ловля рыбы. – Охота, 1892, № 13, с. 12–13.
504. С. Вл. Ковши. (Ужение в устьях Невы). – Охота, 1892, № 22, с. 12–13.
505. Плотников В. Н. Крючение рыбы. (С р. Иртыша). – Ох. газ., 1892, № 7, с. 109–110.
506. Ивинский. Как ловят рыбу в Финляндии. Ловля на крючки. – Ох. газ., 1892, № 10, с. 158–159. С рис.
507. Сталь Н. Общество правильной рыбной ловли в Тамбове. – Ох. газ., 1892, № 10, с. 160.
508. Норский. Наши охотничьи дела. – Ох. газ., 1892, № 12, с. 191.
509. Ограничение ужения лосося и форели в Норвегии. – Ох. газ., 1892, № 12, с. 191.
510. Черкасов П. Г. К сведению рыбаков. – Ох. газ., 1892, № 13, с. 206. (Об удищах).
511. К. Л. Ловля форели в Тереке. – Ох. газ., 1892, № 25, с. 399. Правит. вестн. 1892, с. 157.
512. Черкасов П. Г. По поводу статей Белокрысова. – Ох. газ., 1892, № 31, с. 486–487. (О недозволен, способ, ловли).
513. Домбровский Н. Еще о секиренье. – Ох. газ., 1892, № 34, с. 538–539.
514. Воронин. Ужение в Новоржевском уезде. Псковск. губ. – Ох. газ., 1892, № 36, с. 570.
515. Лансере. Ужение карпов. – Ох. газ., 1892, № 41, с. 653–654.
516. Ив-инский. Из Кронштадта. – Ох. газ., 1892, № 49. (Ужение корюшки).
517. Акухановский. Зимнее блеснение на Урале. – Ох. газ., 1892, № 50, с. 792–794. С рис.
518. Ограничение ужения лосося. Правит. вестн., 1892, № 67.
519. Тхоржеский. Сазан. (Рассказ). – Приволжск. вестн. ох., 1892, № 5, с. 66–69.
520. Веневитинов Д. Очерк из жизни Воронежск. общ. правильной рыб. ловли. – Пр. ох., 1892, I, с. 79–93.
521. Дублянский. За карасями. – Пр. ох., 1892, II, с. 54–132. (Рассказ).
522. Сабанеев. Язь. – Пр. ох., 1892, III, с. 11–40.

523. Сергеев. Ловля форели и хариуса в р. Ордеже. – Пр. ох., 1892, III, с. 41–51.
524. Каденац К. И. За рыбой по р. Ворскле. – Пр. ох., 1892, IV, с. 44–56. (Уж. коропов, с. 46–53).
525. Бутягин. Мотырские сазано-поклонники. – Пр. ох., 1892, V, с. 1 – 15.
526. Левашов Н. А. Рыбол. отчет, за лето, сезон 1891 г. – Пр. ох., 1892, VII, с. 43–50.
527. Веселкин В. Ф. Из практики рыболова-любителя. – Пр. ох., 1892, IX, с. 2–63. (Карп, с. 36–47. Лещ, с. 47–49, с. 63. Язь и плотва, с. 49–50. Вырезуб и мирон, с. 50–51. Линь, с. 51–52. Судак, с. 52. Щука, с. 52–55. Окунь, с. 55–56. Сом, с. 56–57. Угорь, с. 57–58. Шереспер, с. 58–60. Лосось в Зап. Буге, с. 62).
528. А. С. Заметки любителя ужения. – Пр. ох., 1892, XII, с. 1–21. (Щука, с. 14. Лини, с. 14–15. Язи, с. 15–16. Сом, с. 16–17. Красноперка, с. 17–18. Подлещик, с. 18. Раки, с. 18–20). (На р. Иква у г. Дубно).
529. Михайлов А. (Ламовский). Мадам Мотыль. – Рус. ох., 1892, № 14, № 7, с. 104–105.
530. Удильный спорт в Париже. – Рус. ох., 1892, № 14, с. 220. (Разн. изв).
531. Знаменский И. Я. Из Казани. – Рус. ох., 1892, № 21, с. 331–334.
532. Первухин Л. Ночь на Ивана Купалу. (Рассказ). – Рус. ох., 1892, № 26, с. 406–407.
533. Эльпин. «Наловилсь!» (Монолог). – Рус. ох., 1891, № 28, с. 436–437.
534. К. Ужение на живца. – Рус. ох., 1892, № 33, с. 518–520.
535. Рыболовный конкурс (во Франции). – Рус. ох., 1892, № 33, с. 525.
536. П-ин Л. Охота с дорожкой. – Рус. ох., 1892, № 34, с. 536–537.
537. Первухин Л. С острогой (Рассказ). – Рус. ох., 1892, № 35, с. 548–551.
538. Удильщик. Переметы. – Рус. ох., 1892, № 39–40, с. 626–628.
539. Отчет Московск. кружка любителей рыболовства за 1892 г. – Вестн. рыбол., 1892, III, с. 119. (Смесь).
540. Утверждение устава Тамбовск. общ. правильн. рыбной ловли. – Землед. газ., 1893, № 40, с. 803.
541. Жуков Н. М. Рыбная ловля. – Наука и жизнь, 1893, № 9, с. 138–139; № 10, с. 154–155; № 11, с. 167–168; № 12–13, с. 197–199; № 23, с. 354–360; № 31, с. 492; № 32, с. 508–509; № 37, с. 587–588; № 40, с. 633–634. (Ужение по врем. года).
542. Рыбак. Ловля рыбы в начале весны и в конце осени. (Ловля наметкой, стрельба, бой острогой). – Прилож. к журн. Охотник, 1893, № 6, с. 143–144.
543. Козловский. Из Калуги. – Ох. газ., 1893, № 5, с. 74–76. (Ужение лещей на р. Оке. О щуках).
544. К. Н. С. Краткий отчет о заседании 1-го Общества любителей рыболовства. – Ох. газ., 1893, № 15, с. 239.
545. Козловский Н. К вопросу о влиянии погоды на клев рыбы. – Ох. газ., 1893, № 21, с. 331–333.
546. Бухоньков И. Любителям ужения. Прочный шнур. Поводок. – Ох. газ., 1893, № 23, с. 236–238. (Ужение сомов и сазанов).
547. Сысоев. Ужение щук в бурю. – Ох. газ., 1893, № 27, с. 427–428.
548. Левашов А. К вопросу о влиянии насадки на клев рыбы. – Ох. газ., 1893, № 30, с. 471–476.
549. Домбровский. Русские рыболовы. – Ох. газ., 1893, № 33, с. 524–525; № 34, с. 534–539. (Об ужении вообще).
550. Алыбин. Об ужении язей (на реке Чембаре). – Ох. газ., 1893, № 43, с. 678–682.
552. Склицкий. Из Новгород-Северского у Черниговской губ. – Ох. газ., 1893, № 50, с. 787. (Ужение).
553. С. А. Заметки любителя ужения. – Пр. ох., 1893, I, с. 1–14. (На р. Ирпени. Сазаны, с. 3–5: ужение в море, султанка, с. 6: скумбрия, с. 6–7: игла и коньки, с. 7: бычки, с. 7–9: снаряды и принадлежности, с. 10–13: раки, с. 13–14).
554. Подбагривание крупной рыбы. – Пр. ох., 1893, I. Иностр. обзор., с. 54–55.

555. Левашов А. Рыболовный отчет за 1892 г. – Пр. ох., 1893, IV, с. 24–28.
556. Черкасов П. Г. Несколько заметок относительно домашнего приготовления удилиц английского образца. – Пр. ох., 1893, IV, с. 32–45.
557. Т-в В. П. Об ужении рыбы около Рязани с 1856 по 1870 г. – Пр. ох., 1893, V, с. 11–31. (Ловля шереспера, с. 15–16; сомов, с. 17–18; налимов, с. 18–20; щук, с. 21–26; язей, с. 26–27).
558. Харитонов. Ужение сазанов. – Пр. ох., 1893, IV, с. 42–59.
559. Александров П. На ужень (на р. Воронеже). – Пр. ох., 1893, VII, с. 102–116.
560. Сысоев В. По ледку с блесной. – Пр. ох., 1893, X, с. 116–122. (Блеснение окуней на Сенеже).
561. Веневитинов Д. Воронежские лешатники. – Пр. ох., 1893, XI, с. 27–52.
562. Черкасов А. А. На Алтае. – Пр. ох., 1893, XI. (Блеснение, с. 8–15; налим, с. 17).
563. Туркин Н. В. Записи, и справочн. книга охотника и рыбака на 1894 г. М., 1893. (Со мног. политапаж., с табл. для ведения запис.)
564. Знаменский П. На приколе с подводкой. – Рус. ох., 1893, № 4, с. 58–59; № 5, с. 71–74; № 7, с. 106–107.
565. М. Х. К рыбакам. – Рус. ох., 1893, № 3, с. 39–40; № 6, с. 85–86.
566. Рыболов-любитель. По рыболовству. – Рус. ох., 1893. № 18, с. 278–279 (снасти); № 19, с. 293–294 (приманки).
567. П. Г. Американск ий рыболов старой школы. – Рус. ох., 1893, № 36–37, с. 358.
568. С. Ч. Ужение зимою. – Рус. ох., 1893. № 49, с. 737–738; № 50, с. 775–776.
569. Скворцов Ф. Руководство к успешной рыбной ловле. (Рыболовные новости). Спб, 1893. С рис.
570. (Усовершенствованный крючок). – Астрах. вестн., 1894, № 15–62.
571. Тамбовское общество правильной рыбной ловли. – Вестн. рыбол., 1894, II, с. 98. (Известия).
572. Бородин. Выставка в Чикаго. – Вестн. рыбол., 1894, VIII–IX, с. 385–389.
573. А. К. Удильщик старого закала. (Перев.). – Друг животн., 1894, № 5, с. 76–77.
574. Кайгородов Д. Несколько слов о рыболовном спорте. «Мир божий», 1894, № 7. – Астрах. листок, 1894, № 167.
575. Ковалев. Ловля карпов. – Ох. газ., 1894, № 1, с. 11.
576. Сысоев В. Полуденный ход рыбы. – Ох. газ., 1894, № 3, с. 46–47.
577. Сысоев В. Зимний бой рыбы острогою. – Ох. газ., 1894, № 5, с. 78.
578. Спасский. Ужение язей. – Ох. газ., 1894, № 7, с. 107–108.
579. Спасский. Как исправить сломанное тростниковое удилице? – Ох. газ., 1894, № 11, с. 175. (Вопрос).
580. Стюарт. Ловля ершей. – Ох. газ., 1894, № 19, с. 301–302.
581. Спасский. Весенний бой щук острогою. – Ох. газ., 1894, № 20, с. 318.
582. Спасский. Ужение плотвы. – Ох. газ., 1894, № 22, с. 319–350.
583. Сысоев В. Из Клинского уезда. – Ох. газ., 1894, № 23, с. 355–356. (О ловле щук на с. 356).
584. Панов В. Из Финляндии, гор. Фридрихсгам и Вильманст-ранд. – Ох. газ., 1894, № 26, с. 414.
585. Спасский П. Заметки рыбака. – Ох. газ., 1894, № 27, с. 430–431. (Ужение под Рязанью, мор раков, влияние нефти).
586. Алыбин А. Новые удильные снасточки. – Ох. саз., 1894, № 31, с. 488–490.
587. Сысоев В. Отчего рыба прячется в ненастье. – Ох. газ., 1894, № 42, с. 666.
588. Александров П. Деятельность Воронежского общества правильной рыбной ловли. – Ох. газ., 1894, № 43, с. 683–684.
589. Сысоев А. Об ужении в дурную погоду. – Ох. газ., 1894, № 43, с. 684–685.
590. Вербицкий Н. Из Чернигова. – Ох. газ., 1894, № 45, с. 716. (Об ужении).
591. Сысоев В. Под водопадами. – Ох. газ., 1894, № 45, с. 717–718.

592. Сысоев В. Блеснение на Сенежском озере. – Ох. газ., 1894, № 49, с. 780.
593. Рекорд удильщиков форели (в Англии). – Ох. газ., 1894, № 49, с. 781.
594. Песков Ф. Рыболов-любитель. (Жизнь, ловля и разведение пресноводных рыб). Спб. 12°. 180 с. С 69 рис.
595. Д-ский И. О. Змейка (Рассказ об ужении скумбрии и бычков в Черном море). – Пр. ох., 1894, II, с. 11–31.
596. Козловский. О весе рыбы в воде. – Пр. ох., 1894, II, с. 78–84.
597. Левашов А. Рыболовный отчет за летний сезон 1893 г. – Пр. ох., 1894, III, с. 63–71. (Ловля лещей, сомов).
598. Алыбин. Ужение язей. – Пр. ох., 1894, IV, с. 1–36.
599. Левашов А. О весе рыбы в воде. – Пр. ох., 1894, IV, с. 92–102.
600. Марков Р. Рассказ старого рыбака. – Пр. ох., 1894, V, с. 54–64. (Карпы, с. 57–58; рассказы о сомах, с. 58–63).
601. Воропай В. Сож. – Пр. ох., 1894, VII, с. 41–63. (Отравление кукольваном, с. 44–45; сежа, с. 45–46; ужение ходом, с. 52–53; ловля сомов, с. 53, 61–63; жереха, с. 54–55; щуки, с. 58–60).
602. Полетика Г. За форелями (в Дербентск. у.). – Пр. ох., 1894, IX, с. 91–120. (Рассказ. Усачи, с. 109–111).
603. Сысоев В. Отчаянный рыболов. – Пр. ох., 1894, XI, с. 28–31. (Рассказ).
604. Смирнов. На налимов. – Пр. ох., 1894, XI, с. 63–72.
605. Маринич Ив. О бое рыбы острогой. – Рус. ох., 1894, № 5, с. 69–70.
606. Полферов Я. Я. Рыбная ловля в Закавказье. (Очерк). – Рус. ох., 1894, № 12, с. 13–14, 15–16.
607. Скворцов. Руководство. – Рус. ох., 1894, № 17–18, с. 259–260.
608. Д-в Ф. Б. Лягушковый спорт. – Рус. ох., 1894, № 26–29, с. 343–344.
609. Песков. Рыболов-любитель. (Разбор.) – Рус. ох., 1894, № 34–83, с. 386.
610. Шилков П. А. В защиту наших рыб. – Рус. ох., 1894, № 34–37, с. 414.
611. Шилков П. А. Важные заметки для рыболовов. – Рус. ох., 1894, № 48–49, с. 465–466. (Влияние погоды и луны на клев рыбы).
612. В. С. На льду озера. – Рус. ох., 1894, № 38–49, с. 466–468. (Блеснение).
613. Сапунов. Зап. Двина. 1895. (См. с. 250–258).
614. Коврайский Ф. К устаревшее производство шелковых лес. (в Тифлисе). – Вестн. рыбол., 1895, XII, с. 547–548.
615. Лучение американского окуня. – Астрах. вестн., 1895, № 1963.
616. Р-ский. Из Нижегородской губ. Река Линда и ужение на ней. – Ох. газ., 1895, № 1, с. 12–13.
617. Неслуховский И. Л. Из Минска. Ужение рыбы в р. Свислочи. – Ох. газ., 1895, № 3, с. 39–41.
618. С. М. А. Правила Владимирского кружка любителей рыболовства. – Ох. газ., 1895, № 9, с. 128–129.
619. Александров К. Заметка. (Об ужении в Переяславском озере). – Ох. газ., 1895, № 17, с. 270.
620. Сысоев В. Ответ г. Александрову. (Совет). – Ох. газ., 1895, № 21, с. 333.
621. Неслуховский Н. Поездка на Березину. – Ох. газ., 1895, № 28, с. 444–445.
622. Сысоев В. С блесной по льду. – Ох. газ., 1895, № 31, с. 617–618.
623. Неслуховский. Подхватка для ловли пескарей. – Ох. газ., 1895, № 34, с. 542.
624. Р-ский. Ловля на дорожку. С берегов р. Линды. – Ох. газ., 1895, № 36, с. 570.
625. Козлов. Ужение язей на Волге. – Ох. газ., 1895, № 36, с. 571–572.
626. Способ добывания земляных червей. – Ох. газ., 1895, № 45, с. 716.
627. Левашов А. Н. Рыболовный отчет за летний сезон 1894 г. – Пр. ох., 1895, I, с. 32–38. (Исчезновение раков, с. 34–35; ужение линия, с. 35; о лещах, с. 36–37).
628. Полаван-Хивали. Ужение везде понемногу. – Пр. ох., 1895, I, с. 75–99. (Ужение

форели в р. Смотроче, в Болгарии, в Закаспийской обл. и Вельском у Смолен. губ., с. 75–89; рыбол. снасти, с. 89–99).

629. Полаван-Хивали. Ериш и мотыль. – Пр. ох., 1895, IV, с. 54–71.

630. Кончак А. Прохорыч. – Пр. ох., 1895, VI, с. 140–151. (Рассказ).

631. Алыбин. Старость не радость. – Пр. ох., 1895, VIII, с. 135–144. (Рассказ).

632. Полетика. Ловля сомов на Рубасе. – Пр. ох., 1895, IX, с. 1–21.

633. Полетика. Под небом Дагестана. – Пр. ох., 1895, XI, с. 1–23. (Уженье бычков в море, с. 17–19; шемая, с. 19).

634. Полаван-Хивали. Общий обзор уженья рыбы в Вятской и Вологодской губ. – Пр. ох., 1895, XI, с. 125–140.

635. Левашов А. Рыболовный отчет за летний сезон 1895 года. – Пр. ох., 1895, XII, с. 1–9.

636. Полаван-Хивали. От Бессарабии до Зимницы. – Пр. ох., 1895, XII, с. 130–147. (Уженье в Дунае).

637. Р-ский. Заметки об уженьи окуней. – Рус. ох., 1895, № 1–7.

638. Алыбин А. Ю. Весеннее уженье. – Рус. ох., 1895, № 11, с. 165–168.

639. Вербицкий Н. Лодинский батюшка. (Рассказ). – Рус. ох., 1895, № 13, с. 204–207.

640. А-у-в. Субботин омут. – Рус. ох., 1895, № 25, с. 400–401; № 26, с. 412–415.

(Рассказ о л овле сомов).

641. Стретенский В. Заметки рыболова. – Рус. ох., 1895, № 28, с. 451–452. (Удилища, лески, насадки).

642. Кончак А. Прохорыч. (Рассказ об уженьи). – Рус. ох., 1895, № 30, с. 479–481; № 31, с. 492–494.

643. П. С. Записки уральского охотника. Охота с острогою. – Рус. ох., 1895, № 40, с. 640–641.

644. Львов Бвг. Яльчевское озеро (Царевококш. у.). – Рус. ох., 1895, № 44, с. 700–701. (Уженье).

645. Знаменский П. Я. На Карасевом озере. (Рассказ). – Рус. ох., 1895, № 45, с. 724–728; № 46, с. 739–745; № 47, с. 756–759; № 48, с. 770–775; № 49, с. 782–787; № 50, с. 796–801.

646. Тхоржевский К. В. Уженье рыбы. (Описание рыб. Способы ловли их удочкой и другими охотничьими орудиями. Рассказы из жизни охотников за рыбой). Спб, 1895, 8°, 160 + 49 с. (Ерш, с. 7–13; окунь, с. 15–22; щука, с. 23–31; судак, с. 33–37; жерех, с. 39–45; угорь, с. 47–56; лещ, с. 57–80; уклейка, с. 81–84; пескарь, с. 85–92; карась, с. 93–96; сом, с. 97–99; голец, с. 101–105; голавль, с. 109–112; сазан, с. 113–124; красноперка, с. 125–128; налим, с. 129–136; язь, с. 137–141; чехонь, с. 143–148; линь, с. 149–154; сырть, синец, глазач и густера, с. 155–160).

647. Уженье рыбы при электрическом освещении. – Астрах. вестн., 1896, № 2008. (В море).

648. Лов сельди на удочку. – Астрах. вестн., 1896, № 2018.

649. (Многочисленность рыболовов-любителей в Уральске). – Астрах. вестн., 1896, № 2058.

650. Рыболов. спорт. – Астрах. вестн., 1896, № 2064. (В Германии).

651. Конкурс (удильщиков в Париже). – Астрах. вестн., 1896, № 2227.

652. Гейнеман. Отдел рыболовов на Кенигсб. выставке. – Вестн. рыбол., 1896, V–VI, с. 225–226.

653. Протоколы общ. собраний Рос. общ. рыб. и рыбол. – Вестн. рыбол., 1896, XI, с. 487–488.

654. Тамбовское общ. правильной рыб. ловли. – Ох. газ., 1896, № 1, с. 2.

655. Рклицкий. Зимняя ловля налима на р. Десне. – Ох. газ., 1896, № 4, с. 59.

656. Сысоев В. Несколько слов о Синежском озере. – Ох. газ., 1896, № 8, с. 121.

657. Р-кий Л. Кое-что о блеснении в Новгород-Северском у. Черниг. губ. – Ох. газ.,

1896, № 8, с. 123–124.

658. Шпиль. Форель и ее ловля на Кавказе. – Ох. газ., 1896, № 12, с. 187–189.

659. П. Н. С. Почему щука не попадает на секушу? – Ох. газ., 1896, № 12, с. 189.

660. Р-кий. О ерше как насадке для хищн. рыбы. – Ох. газ., 1896, № 14, с. 220–221.

661. Р-ский В. Из-под Берликовской пустыни. (Ужение на р. Воре). – Ох. газ., 1896, № 24, с. 349.

662. Фокин Н. Н. Два охотника. (Рассказ). – Пр. ох., 1896, IV. (Рыбн. ловля, с. 24–36; 39–41).

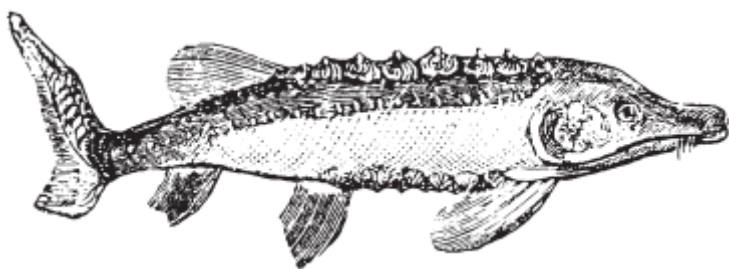
663. Оленев А. На р. Сух оне. – Пр. ох., 1896, V, с. 76–100. (Ужение хариуса, с. 81–88, 92, 95, 98).

664. Полаван-Хивали. Речки, пруды и озера. – Пр. ох., 1896, VI, с. 157–179. (Ужение в окр. Москвы).

665. Алыбин А. Ю. Ловля рыбы переметами. – С. хоз., 1896, № 8, с. 129–131.

666. Скворцов Ф. Руководство к успешн. рыбн. ловле. Изд. 2-е. Спб., 1896, 12°, 145 +IV с. (50 к.).

Рыбы России

Окунь

Perca fluviatilis L. Почти во всей России, Польше и Сибири – окунь; на Кубани и на Дону (Даль) – чекамаз; в Валдае молодой – остри(я)чок, остри(я)ченоч, годовалый – шелматок; на Пейпусе молодой – хохол, хохлик; в Моложск. у. Яросл. губ. – окунчак; на Онежском озере одно- и двухгодовалые – бузунки и пальцевики; в Псковск. губ. – мелик (Даль). Польск. – оконь; лит. – eszerus; финск. – айвен, у ижоров – афен; лат. – асерс, ассарис; эст. – арен; карельск. – агон, молодой – остреччу; перм. – йокиш; вот. – юш; вог. – симра, сюмра, сымир; чув. – хирлекос, уланги; черем. – оланг, алангу; башк., тат. и кирг. – алабага, олабуга и албуга-балык; калм. – шыргы, чорге, торге, черио, чар-таун; арм. – перк, кизиль-гоам; перс., бух. – мешигания; ост. – каза; берез, ост. – шоншеншул; на Оби – тею, теа; на Нарыме – касса; Сургуте – йоих, йох; юрацк. – нега; самоедск. на Тунгуске – тоу, то; в Турух. крае – богодо-андэ (якутск. – алыссар; юкаг. – окилла; бурят. – ологона, алагана. Тунг. – игочан, икочан, йеко; последние названия, вероятно, относятся к другой рыбе).

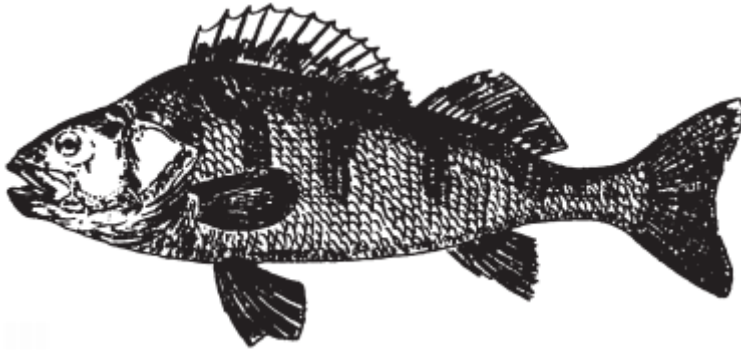

Рис. 1. Окунь

Эта всем известная рыба вместе с плотвой принадлежит к самым многочисленным обитателям наших пресных вод: всюду – в реках и речках, озерах, даже непроточных прудах с достаточно свежою водою – окунь водится в изобилии. Некоторые озера даже заселены о дной этой рыбой, и она водится как в солоноватых озерах Киргизских и Зюнгарских степей, так и в пресноводных частях Каспийского и Аральского морей, в речных лиманах Черного моря и поблизости этих лиманов, в Финском заливе и на мелководье Балтийского побережья (о-в Эзель). Ее не бывает только в горных, быстро текущих ручьях. Окунь встречается во всей Европе (кроме Испании) до 69° с. ш., на Кавказе (кроме бассейна Куры), в Туркестанском крае (в Аральском море и в низовых частях Сырдарьи и Амударьи), в большей части Сибири, до бассейна Лены, по-видимому, и в озере Байкал (Георги). Всего обыкновеннее он в Средней и Южной России и Средней Сибири, а в северных реках, например в Печоре, уже довольно редок; на Енисее, ниже Туруханска, его не встречается. Озера с чистою водою составляют любимое местопребывание окуня, и в них он лучше всего размножается.

По своему складу и цвету тела окунь легко отличается от всех других наших рыб. Туловище его довольно широко, особенно у крупных окуней, и несколько горбато; спина темно-зеленая, бока зеленовато-желтые, брюхо желтоватое; поперек всего тела тянутся 5–9 поперечных темных полосок, которые делают его очень пестрым: в некоторых случаях эти полоски заменяются темными, неправильными пятнами. Кроме того, хвостовой плавник, особенно в нижней части, заднепроходный и брюшные плавники ярко-красного цвета; грудные плавники – желтые, первый спинной плавник – сизый с большим черным пятном на конце, второй – зеленовато-желтый. Глаза оранжевые. Впрочем, цвет окуня зависит, как и у большинства рыб, от качества воды, а еще более от цвета грунта. Поэтому окуни в прозрачной воде со светлым песчаным или глинистым дном очень светлы, иногда даже без черного глазка на спинном пере и с малозаметными поперечными полосками. Наоборот, в лесных озерах с черным тинистым дном они имеют более темные полосы, более темную спину и ярко-желтое брюхо. В некоторых местностях (как, например, в Сенежском озере Московской губернии) окуни имеют даже золотистые жаберные крышки. Кроме того, следует заметить, что молодые окуни до двухлетнего возраста одноцветнее достигших половой зрелости и что самые крупные сравнительно темнее. На жаберных крышках находится по одному острому шипу, которые очень больно колются и даже могут причинить опухоль и легкое воспаление. Рот очень велик и вооружен многочисленными, но очень мелкими зубами.

Обыкновенная величина окуня не превышает 2–3 фунтов. В весьма редких случаях он достигает у нас 5–7 фунтов и только в больших озерах, например Онежском, попадаются 8-фунтовые, а в Чудском даже 10-фунтовые окуни. Но в реках и озерах Западной Сибири подобные гиганты не составляют уже очень большой диковинки, и в озерах Екатеринбургского уезда в настоящее время попадаются громадные окуни в 10–12 фунтов, а прежде, лет 25–30 назад, ловились в Каслинских озерах и 15-фунтовые. Марк Блох упоминает (в конце прошлого

столетия) об одном окуне из Сибири, голова которого была длиной 11 дюймов. Впрочем, крупные – окуни вовсе не так велики, как бы следовало ожидать, это зависит от того, что они растут более в толщину и высоту, нежели в длину. Они почти никогда не бывают более 3/4 аршина, но зато толщина их в спине простирается иногда до 4, а высота до 6 вершков.

Смотря по величине, а также времени года, окунь держится в более или менее глубоких местах реки или озера; летом мелкие и средние выбирают своим местопребыванием заводи, курьи, поросшие водяными растениями (лопухами, горошницей – *Potamogeton*, камышом и тростником), которые служат им также засадою при ловле мелкой рыбешки, и вообще держатся на небольшой глубине, но осенью выходят на более открытые места. Крупные же окуни постоянно живут на глубине – в омутах, ямах – и выходят оттуда только по утрам и под вечер. В Финском заливе и в больших северо-западных озерах он и постоянно держится на глубине десяти и более сажен, между камнями. В Онежском озере, например (также в Боденском, в Австрии), они нередко встречаются на такой огромной глубине (до сорока и более сажен), что плавательный пузырь у них расширяется, сдвигает другие внутренности, иногда вдавливая желудок в самую глотку, а иногда даже совсем лопаются. В теплое время года окуни обыкновенно замечаются небольшими стайками, в несколько десятков, редко сотен штук, и то мелких, годовалых, но весной, перед нерестом и особенно в конце осени они собираются в огромные стаи, которые состоят из рыб одинакового возраста и бывают тем многочисленнее, чем они мельче, так что самые большие стаи бывают осенью и состоят из селетков и полторагодовалых окуней. Судя по тому, что они ловятся в большом количестве почти всю зиму неводами и на удочку, надо полагать, что эти стаи разделяются на меньшие только раннею весной. Вообще окунь – рыба оседлая, никогда не совершает дальних странствий, даже перед нерестом, и нередко, как, например, в прудах и озерах, живет круглый год в одном и том же месте. Это замечается, например, в тех зауральских озерах, в которых лучат рыбу не только осенью, но и весной, даже летом: во всякое время, в глубоких курьях (заливах) этих озер замечаются огромные окуни, твердую чешую которых не пробивает никакая острога, почему рыбаки даже не бьют их.

Крупный окунь весьма проворная, сильная и хищная рыба. Надо удивляться жадности и упорству, с каким он преследует поверху какую-нибудь рыбку, отбитую им от станички. Несчастливая рыбешка как шальная выпрыгивает из воды, а окунь кружится за нею, раскрывая свою огромную пасть с громким чавканьем до тех пор, пока не схватит ее. Чавканье крупного окуня так громко, что в тихую погоду его можно слышать шагов за сто. Мелкие окуньки не уступают крупным в бойкости и проворстве движений. Кто не видал, как охотятся стаи окуньков за мальками, т. е. молодью других рыб; случается даже, что они, увлекшись преследованием, выскакивают вслед за своей добычей на мель, даже на прибрежный песок. Плавают окуни очень быстро, однако толчками, часто внезапно останавливаясь и потом опять бросаясь вперед. Окунь не дает спуска никакому живому существу, начиная от мелких водяных насекомых и кончая довольно крупными рыбами, лишь бы она пришла к нему по силам и могла поместиться в его широкой пасти. Сам же он сравнительно редко достается в пищу другим хищным рыбам, которым не нравятся его острые спинные иглы. Главная пища окуня – мелкая рыбешка, также икра; крупный очень любит раков и во время линьки последних держится у камней, коряг, под берегом – одним словом, около рачьих нор. Мелкие рачки из рода бокоплавов (*Gammarus*) и других близких, встречающиеся во многих озерах Северной, частью Средней России, также составляют весьма лакомую пищу этой рыбы. В зауральских озерах так называемый мормыш, по-видимому, составляет главную пищу окуней с октября по декабрь и в феврале и марте. Этим объясняется,

почему в озерах, изоби лующих мормышом, окунь растет чрезвычайно быстро и достигает огромных размеров.

Половая зрелость наступает обыкновенно на третьем, очень редко, только в самых кормных озерах, к каковым принадлежат многие озера Зауральского края, – на втором году. Здесь можно встретить полуторагодовалых окуней, весящих до 1/2 фунта, но в реках эта рыба растет несравненно медленнее, и окуни, выклюнувшиеся почти два года назад, редко достигают и Звершков в длину (от конца носа до конца хвоста) и почти всегда мечут в следующую, т. е. третью, весну.

Время нереста окуня различно, смотря по широте местности. В Южной России, в устьях рек Черноморского и Каспийского бассейнов, он мечет икру в марте, иногда даже в конце февраля (на Дону); в черноземной полосе – в первой половине апреля; в подмосковных губерниях – во второй половине, чаще в последней четверти того же месяца, иногда в первых числах мая; на севере, тоже в некоторых поздно вскрывающихся озерах Среднего Урала, – в середине, даже в конце мая. Вообще нерест окуня зависит от времени окончательного вскрытия вод: в прудах и озерах он никогда не «трется» ранее совершенного исчезновения льда и только в низовьях больших рек, текущих на юг, кончает нерест до начала прибыли воды и хода льда из верховьев. В Центральной России речной окунь мечет икру обыкновенно, когда вода пойдет на убыль, прежде всего в небольших речках. В полупроточных прудах, т. е. имеющих течение только весною и после сильных дождей, нерест начинается на несколько дней позднее, чем в реках, а в непроточных озерах он замедляется еще более. Таким образом, в одной и той же местности разница во времени нереста может быть более недели, иногда десятидневная. Явление это объясняется тем, что каждая порода рыбы не мечет икру прежде, чем вода достигнет известной температуры, при которой становится возможным развитие икры той или другой породы. Температура эта для разных рыб различна, и окунь, по-видимому, нерестится, когда вода достигнет 7 или 8 градусов тепла.

Вообще у нас, под Москвой, начало нереста окуня в речках и реках совпадает с началом распускания березы, а самый поздний нерест бывает в начале мая, когда лист уже вполне развернулся. Раньше окуня мечут икру многие другие рыбы: елец, щука, язь и шерешпер, только в низовьях Волги окунь, по наблюдениям Яковлева, нерестится раньше всех рыб – в марте, тотчас по вскрытии устьев от льда.

Стаи окуней покидают свои зимние становища – ямы, – как только образуются небольшие закраины, т. е. при первой прибыли воды, разбиваются на меньшие станицы и подходят к берегам. Нередко из больших рек или озер станицы эти входят в притоки, очистившиеся от льда, гуляют некоторое время по разливам этих речек, преследуя здесь мелкую рыбешку и поедая икру ельцов, щук и яззей, никогда, впрочем, не подымаясь далеко вверх по течению. Такие стаи обыкновенно выметывают тут икру и возвращаются обратно в реку, когда она уже войдет в берега. Большая часть ь окуней в больших реках нерестится, однако, в старицах и поемных озерах, куда загоняет их половодье; при быстром спаде вод они иногда остаются здесь до следующей весны или большого паводка. В низовьях Волги большинство окуней трутся в глухих ериках и ильменах, не имеющих во время нереста (до разлива) еще сообщения с руслом, и могут выйти отсюда только много позднее. Стаи же, зимовавшие на речных ямах и на взморье (в тех частях Каспия, где не преобладает пресная вода, окунь не живет), заходят для нерестования в первые попавшиеся ильмени и култуки, т. е. речные и морские заливы.

Численность весенних стай окуня почти всегда находится в зависимости от возраста рыбы и от ее изобилия. Наибольшими стаями мечет молодой, обыкновенно двухгодовалый, почти трехвершковый (считая от носа до конца хвоста) окунь; самые крупные особи трутся небольшими семьями. В реках, однако, весенние станицы окуней всегда гораздо малочисленнее, чем в больших проточных прудах

или озерах, особенно таких, где окунь составляет чуть ли не главную породу рыб. В последних мелкий окунь нерестится огромными стадами, в несколько тысяч штук, хотя очень может быть, что эта численность стай только кажущаяся и каждая стая состоит из многих отдельных станиц, собравшихся в одно место, удобное для нереста. Иначе весьма трудно объяснить, почему в ериках и ильменях устьев Волги, где окунь также встречается во множестве, он, как свидетельствует В. Е. Яковлев, выметывает икру «не косяками, а в одиночку, отдельными парами или небольшими стайками». Это может быть справедливо только там, где окунь очень редок. По моим наблюдениям, молошников бывает значительно менее, чем икряников, но зато в росте самцов и самок не замечено никакой разницы. Кажется, крупный окунь нерестится немного позднее мелкого (на несколько дней), но не могу утверждать этого; весьма вероятно, что большие особи, зимующие в самых глубоких ямах, выходят на мелкую, более теплую воду позднее, чем мелочь, становящая ближе к берегу.

Самый нерест в реках производится почти всегда в местах, не имеющих никакого течения или только слабое, непременно там, где окуни могут найти такие предметы, о которые они могли бы тереться и тем способствовать скорейшему вытеканию икры и молока. Предметы эти различны, смотря по характеру местности. В прудах и озерах окуни трутся в старом, обломанном камыше и тростнике, на неглубоких местах, а за неимением названных растений – на оставшихся стеблях и корнях лопуха (кувшинки); в речках икра выметывается в заводях или заливах тоже на стебли водяных растений или на коряги, разный хлам, на корни подмытых водою деревьев, иногда на ветви затопленных кустарников; в больших реках окунь трется большею частью в старицах и поемных озерах, тоже в травах. Только в северных и северо-западных озерах (частью реках) с каменистым ложем окунь выметывает икру на камни, а иногда на песок. Замечено, что крупные окуни всегда трутся в более глубоких местах, чем мелкие, и всего охотнее бросают икру на старые затонувшие стебли водяных растений. Во время нереста, по тем же причинам, окуни хорошо идут в морды и верши, сплетенные из ивовых прутьев, и их легко привлечь в какое-либо место, наложив туда несколько сосенок или елочек.

Подобно большинству рыб, окуни незадолго до нереста получают более яркую окраску. Близость наступления этого времени всегда можно определить за несколько дней или неделю по более красным плавникам и резко выделяющимся полосам на спине. Окуни с созревшими половыми продуктами поэтому весьма отличаются от молодых прошлогодних и третьегодних окуньков, всегда более бледных и почти одноцветных. Окуньки эти в большинстве случаев массами следуют за стаями нерестующих рыб и усердно подпедают выметанную ими икру.

Самый нерест совершается относительно спокойнее, чем, например, у плотвы, ельца, леща и некоторых других карповых рыб, мечущих икру большими стадами. Нерест крупных окуней даже мало заметен, отчасти потому, что стаи их незначительны, частью потому, что они трутся на большей глубине, чем мелкие, – между глубоко засевших камышей или (в некоторых озерах) между камней. Но мелкий окунь, по крайней мере в так называемых окуневых озерах, выметывая икру большими рунами (к которым присоединяются еще большие стаи несовершеннолетних окуньков) и на мелководье, часто выпрыгивает из воды, а иногда даже собирается в озерные заливы в таком количестве, что верхние ряды, выпираемые нижними наружу, производят сильный плеск, издали слышимый и видимый. Самым лучшим указателем нерестилища и вообще большого скопления рыбы служит, как почти всегда, присутствие чаек, гагар и другой водяной птицы.

Окунь нерестится исключительно рано утром, иногда незадолго до солнечного заката; в полдневный жар и вечером игра значительно ослабевает, стая на время редет, а на ночь волнующаяся рыба и совсем успокаивается. Каждое руно большею частью оканчивает нерест в два, три приема, т. е. в утро и вечер или в два утра и

вечер, но игра окуня всех возрастов продолжается весьма значительное время – около недели, и нерест заканчивают, по-видимому, самые крупные окуни.

Икра этой рыбы весьма многочисленна: в полуфунтовом окуне насчитывается от 200 до 300 тысяч икринок, а в крупных – гораздо более. Весьма характерную особенность икры окуня составляет то обстоятельство, что она выпускается длинными, двух-, иногда треххаршинными студенистыми лентами, в которых отдельные икринки, величиной с маковое зерно, лежат маленькими кучками (от 3–5 икринок), а каждая такая кучка заключена в особую студенистую клетку, отчего вся лента получает вид как бы узенькой сети. Эти ленты по выходе свертываются в неправильные клубки и прикрепляются обыкновенно к подводным растениям или же свободно плавают на поверхности. Некоторые немецкие авторы (Moerbe) утверждают, что самка, сопровождаемая самцом, отыскивает *censored*к, надломленный стебель подводного растения и прежде всего старается приклеить к этому сучку начало своей ленты, для чего некоторое время, так сказать, садится на него заднепроходным отверстием; закрепив ленту, самка начинает плавать зигзагами и выпускает свою мотушку, поливаемую молоками самца. Весьма возможно, что нерест совершается именно таким образом и попарно, но тем не менее не подлежит сомнению, что местами окуни собираются для метания икры большими стаями. Во многих местностях России (например, на Днепре и на северо-западных озерах) рыбаки собирают на местах нереста эту икру и варят ее наподобие каши или употребляют вместо начинки для пирогов. Еще большее количество икры истребляется, конечно, водяными птицами и поедается рыбами.

Этим отчасти объясняется, почему при такой массе икринок, выбрасываемых каждою самкою, окуни местами далеко не так многочисленны, как следовало бы ожидать. Но, кроме того, икра окуня подвержена еще многим случайностям, и «урожай» молоди, едва ли не больше, чем у других рыб, зависит от атмосферных влияний – температуры и особенно ветров. Так как окунь нерестует довольно рано, на неглубоких местах и даже выпускает икру на поверхность воды, то один сильный утренник может погубить почти всю икру и полуразвившихся зародышей. Что же касается ветра, то на развитие икры он чаще имеет полезное, чем вредное, влияние, по той причине, что при тихой погоде окуневые ленты легко слипаются в комья (от 3–4 вершков в диаметре), и в таких комьях большая часть икринок, будучи лишена воздуха, загнивает и заражает здоровые зародыши. Поэтому в тихие, безветренные весны мелкого окуня нарождается несравненно менее, чем в ветреные, когда комья эти разбиваются волнами и прибоем, и по той же причине окуней бывает гораздо больше в открытых озерах и прудах, чем в таких, которые окружены лесом, хотя бы последние были гораздо кормнее первых. Однако сильные бури на больших озерах и на взморье очень вредны для размножения окуня, так как масса икры выбрасывается на песчаные косы и пологие берега и потом здесь обсыхает.

Выметав икру, стаи оголодавших окуней первое время бродят около берега на небольшой глубине и кормятся главным образом икрой других рыб, особенно икрой плотвы, которая нерестится вскоре после окуня, также земляными червями, принесенными в реку или пруд с пашен и огородов. Затем у нас, в Средней России, примерно во второй трети мая окунь разбивается на небольшие стайки и каждая станица выбирает себе известный район, которого, за редкими исключениями, не покидает все лето, т. е. ведет почти оседлый образ жизни. Численность летних стай также зависит от возраста рыбы и от местности; таким образом, самые крупные окуни встречаются в это время даже в одиночку, редко более десятка вместе; мелкие же окуни ходят десятками, а иногда, как в некоторых озерах и в нижневолжских ильменах, – сотнями. Летнее местопребывание окуня также много зависит от местности и довольно разнообразно, но вообще можно сказать, что окунь летом, за редкими исключениями, держится на средней глубине, на небольшом течении и

только там, где может найти какую-нибудь защиту или, вернее, засаду. Крупные окуни всегда выбирают более глубокие и крепкие места. Можно почти принять за правило, что в стоячих или полупроточных водах окуни стоят в более глубокорастущих камышах и в других водяных растениях, преимущественно лопухах и горошнице (*Potamogeton*), ближе к краям поросли, неподалеку от чистых мест. В реках они также выбирают травянистые заводи, старицы, а за неимением их держатся на слабом течении около камней (также во многих северных озерах, Финском заливе на значительной глубине большею частью крупный) или в коряжнике и колоднике, наконец (тоже чаще крупный), в ярах и мельничных омутах с водоворотом.

В небольших речках стайки окуней встречаются только в бочагах (т. е. более широких, глубоких и медленнее текущих местах) и обыкновенно стоят здесь недалеко от переката, выжидая добычи – червей, частью насекомых, приносимых течением, и мелкой рыбешки. Кроме того, окуни всюду любят держаться около купален, свай, мостов и груд хвороста.

Всюду и всегда окунь, подобно щуке, ведет вполне дневной образ жизни и с сумерек до полного рассвета, т. е. вскоре после заката и незадолго до восхода, стоит неподвижно в своем убежище в полусонном состоянии и в это время не принимает пищи. Только в конце мая и в начале июня он бродит всю ночь, но и то в более северных местностях. Окунь выходит на добычу ранним утром, причем увлекаемые преследованием рыбешки часто разбредаются в разные стороны и довольно далеко от становища. В жаркий солнечный день они снова собираются и стоят в тенистых местах, в густой траве, под лопухами, нависшими деревьями или под самым берегом, если он довольно обрывист, до тех пор, пока не спадет жара, и уже не охотятся, а только подстерегают добычу из своих засад. Плавает и стоит окунь большею частью близко от дна, хотя и не на самом дне, как, например, ерш, налим, голец, – именно на расстоянии 1–4 вершка, но по мере менам он подымается выше – вполводы и даже к самой поверхности. Вообще можно сказать, что чем выше поднимаются стайки рыбешки, тем мельче ходят окуневые стайки. Этим объясняется, почему окуни, несмотря на то, что не любят теплой воды, около полудня придерживаются верхних слоев. Впрочем, среди лета, в самые сильные жары, в непроточных прудах и озерах окуни подвигаются к ключам или на глубину, прячутся под наплавы, в проточных выходят в русло на течение и иногда подымаются вверх по реке, доходя до следующей запруды. По-видимому, к этому передвижению побуждают их, кроме теплоты воды, и сильно беспокоящие их паразиты. Что же касается чисто речного окуня, то летние перекочевки его зависят главным образом от недостатка пищи на прежних местах и большею частью бывают временные, как и причина этого недостатка – большая прибывь воды. При каждом паводке образующаяся муть и сильное течение гонят мелочь в затоны, заливы или же в устья мелких притоков, где, понятное дело, вода быстрее очищается и (так как подпружена) имеет более слабое течение. Вслед за мелкой рыбой идет и окунь и вместе с нею же скатывается обратно в реку, занимая прежние места.

В низовьях больших рек прибывь воды может быть вызвана сильным низовым ветром, но последствия ее одинаковы: вся молодь рыбы, ютящаяся около самых берегов и на мелких местах, при наступлении «моряны» идет на разлив, а вслед за ней трогаются с места и окуни. При убыли воды они, вслед за мальками, начинают вместе с водой скатываться обратно в русло реки, почему никогда не обсыхают на мели, как это случается со многими карповыми рыбами.

Главную пищу окуня составляет, конечно, мелкая рыба – молодь и годовалая бель или самые мелкие породы; рыба крупнее 1 1/2–2 вершков достается в добычу только самым большим окуням и то сравнительно редко, так как слишком проворна для этих, сравнительно неповоротливых, хищников. Но окунь не дает спуску ничему

живому и в некоторых местностях временами даже исключительно кормится весной червями, среди лета – линяющими раками (с какою целью крупные окуни в июне держатся около рачьих нор) или молодыми рачками, позднюю осенью, в начале и конце зимы главную пищу окуней во многих озерах Северной, частию Средней России и Сибири составляют мелкие породы рачков, бокоплавы или мормыши (*Gammarus*). Собственно, насекомых эта рыба ест только при недостатке другой пищи. Из мелких рыб окунь всегда преследует наиболее распространенную и всего легче достающуюся ему породу. Те рыбы, которые постоянно живут в чаще водных растений, где преследование их почти невозможно, делаются его добычей только в самом юном возрасте, и окунь предпочитает охотиться на мелочь тех пород, которые любят держаться на более чистых местах, но поблизости от зарослей водяных растений, служащих ему засадой. Почти всюду в реках окунь главным образом кормится прошлогодней плотвой и мальками этой самой распространенной рыбы и только на юге России, кажется, предпочитает ей (близ конца лета и осенью) сазаньих мальков. В прудах и озерах Средней России мелкий и средний окунь, несомненно, предпочитает мелкой плотве взрослую верховку (*Leucaspius delineatus*), которая здесь иногда бывает весьма многочисленна и представляет более легкую добычу, так как держится всегда в верхних слоях воды на еще более открытых местах, чем годовалая, уже довольно юркая плотва. В более северных озерах место верховки заменяет снеток; крупные же окуни, живущие на больших глубинах, питаются здесь молодью снегов и годовалыми сижками. Наконец, в небольших речках, вообще при недостатке мелкой плотвы, окунь охотится преимущественно на мелкими пескарями, гольцами, частию (в Средней и Северной России) гольянами. Всего легче достаются ему гольцы, которых он усердно отыскивает в камнях, там же, где находит молодых рачков. Само собою разумеется, что он всюду не щадит своего собственного потомства, а крупный окунь также никогда не упустит случая схватить 2–3-вершкового собрата. Это самоедство имеет свои хорошие стороны, так как полагает пределы размножению этой плодовитой рыбы и сохраняет много молоди других пород, которую в большом количестве истребляют окуни-селетки (с конца лета) и годовички, чем взрослые окуни.

Вообще по своей прожорливости и вреду, приносимому им другим рыбам, окунь превосходит щуку, тем более что везде несравненно многочисленнее последней. Окунь при избытке мелкой рыбешки часто наедается до того, что не помещающиеся в желудке мальки торчат у него изо рта; иногда, не успев проглотить одной рыбки, он хватает другую. В небольшом, 3-вершковом, окуне нередко можно найти 6 и более крупных верховок. Большинство охотников-рыболовов, основываясь на этой прожорливости, полагают, что окунь, подобно другим рыбам, ест периодически, но периодичность жора вряд ли даже существует в действительности. Всякая рыба непременно всего жаднее перед нерестом, после долговременного зимнего поста, затем вскоре после него, когда она спешит наверстать потерянные силы, и затем с конца лета, когда пищи поубавится или же будет доставаться с большим трудом – вплоть до наступления зимней спячки, не бывающей, кажется, только у налима. Затем в остальное время рыбы неохотно принимают пищу, только когда они, так сказать, находятся в болезненном состоянии и во время нереста (однако не все), день-два после его окончания, при сильном падении барометра и резкой перемене погоды к худшему, наконец, во время сильных жаров, когда она, кажется, линяет и всего более страдает от паразитов. За этими исключениями, все едят ежедневно и если не достаются заурядному удильщику, то только потому, что сытая, заевшаяся, а потому и ленивая рыба всегда осторожнее, осмотрительнее и прихотливее голодной и не бросается как бешеная на предлагаемую ей насадку, быть может, уже приевшуюся. Окунь же настолько жаден и относительно глуп и неосторожен, настолько мало боится шума, за исключением

крупных особей, что его можно ловить, по крайней мере в течение десяти месяцев в году, почти без перерывов. Разница будет только в количестве пойманных.

Молодь окуня вылупляется из яиц обыкновенно через две недели или более, смотря по погоде, и первое время укрывается на дне между густыми зарослями подводных растений, питаясь различными, почти микроскопическими, животными организмами, преимущественно мелкими ракообразными – циклопами, дафниями и т. п., а потом, с середины лета, мелкими личинками насекомых. Замечательно, что окунишки-селетки летом очень хорошо идут в саки, на хлеб и часто попадаются при ловле верховок. Только в конце лета, не ранее последних чисел июля, когда в этой пище начнется чувствоваться недостаток, молодые окуньки, достигшие уже величины половины или трех четвертей вершка, смотря по кормности вод, выходят на более открытые места, преимущественно на песчаные мели, и начинают ловить здесь молодь мелких пород рыб – снетков, верховок, уклек, в свою очередь преследуемые другими хищными рыбами и чайками. Осенью, в сентябре, окунишки (окунички, острячки) могут справиться, хотя и не в одиночку, с мальками плотвы почти одинакового с ними роста.

Почти одновременно с выходом окуневых мальков из трав стайки взрослых окуней, в свою очередь, покидают свои летние стоянки и выходят в более открытые и обыкновенно в более глубокие места реки, пруда или озера. Стайки эти собираются по возрастам в стада, которые продолжают увеличиваться в продолжение всей осени, почти до замерзания вод. Эти изменения образа жизни окуня обуславливаются соответственными изменениями образа жизни мальков карповых рыб, служащих ему почти исключительной осенней пищей. С конца августа окуни неотступно следуют за мелочью, собравшейся тучами, подбирают отсталых и отбившихся рыбок и, врываясь по временам в стаю, производят в ней страшные опустошения. Они охотятся уже не из засады, как летом, а нападают открыто, пища им вдоволь, и она достается им даже легче, чем летом. А так как местопребывание малька осенью еще более зависит от уровня воды и направления ветра (в озерах в особенности), то это обстоятельство необходимо всегда иметь в виду при разыскивании окуня. В паводки, как сказано выше, малявка жметя к берегам или входит в притоки; в сильный ветер она уходит обыкновенно или в подветренную сторону, или вглубь. Кроме того, большую часть осени хорошими указателями местопребывания малька и, следовательно, окуня служат чайки и гагары, которые, в свою очередь, преследуют мелкую рыбу, иногда довольствуясь мальками, заматыми окунями или вырыгнутыми ими. За редкими исключениями, окунь осенью держится близко от дна, поднимаясь вполводы только в очень теплую и ясную погоду. После первых сильных утренников он уже перестает выбрасываться из воды, конечно, потому, что вся рыба, тем более мальки, с этого времени держится в нижних, более теплых слоях.

По той же причине стаи окуней, вслед за стадами малька, с наступлением холодов, в конце осени, мало-помалу перебираются в более глубокие места, вернее, в ямы и выходят оттуда все реже и реже. В конце октября и начале ноября в средней полосе окунь стоит уже на зимних становищах и меняет их только в том случае, если будет чем-нибудь потревожен. Места этих становищ неизменны, и главные условия их заключаются в углублении дна с возможно крепким – песчаным, каменистым или глинистым – грунтом и в хорошей воде; кроме того, чем крупнее окуни, тем глубже и обыкновенно дальше от берега они становятся. Затем, смотря по характеру вод, становища имеют много особенностей. Можно, однако, принять почти за правило, что в ключевых или полупроточных прудах, также в замкнутых озерах, окуни зимуют или в самых глубоких и чистых местах, или же залегают поблизости от ключей. То же замечается и в проточных прудах и озерах, здесь окунь часто зазимовывает в верховьях пруда, в так называемой трубе, или же хотя и в самом

пруде, но в речном русле, в устьях озерных притоков. В больших глубоких озерах Северной и Северо-Западной России окуни предпочитают, однако, становиться на зимовку в камнях (на лудах, нальях), так же как и в некоторых глубоких и каменистых реках, не иначе, однако, как на небольшом течении. В речках же окуни почти всегда зимуют в омутах. Наконец, на Волге, Оке и в некоторых их притоках стаи окуня, по-видимому, большею частью стоят под крутоярами или уступами берега, зачастую также в устьях речек. В низовьях Волги они, однако, предпочитают главному руслу чистые и глубокие ерики, где ложатся в самые глубокие, обыкновенно там, где ерик разделяется на два рукава.

В местах, удобных для зимовки, и там, где окуня много, рыба эта собирается большими массами, иногда десятками тысяч особей. В начале зимы, до сильных морозов, станицы окуней не особенно густы и они часто выходят из ям на более мелкие места, прилегающие к последним, а по перволедью некоторое время (в реках недолго) держатся в верхних слоях воды, более богатых воздухом, почти подо льдом. При этом резком изменении условий своего существования они, видимо, чувствуют недостаток воздуха и, пока не обтерпятся и не привыкнут к новым условиям и не осядут на дно, не принимают никакой пищи. Первую треть зимы окуни еще довольно энергично преследуют стаи мальков, очень часто занимающих смежные с ямами отмели, местами на севере – многочисленных рачков-бокоплавов, не боящихся холода и иногда сплошь усеивающих внутреннюю поверхность льда. Но сила и быстрота движения этих рыб, как и почти всех остальных, значительно уменьшаются после замерзания вод, и они становятся все более и более вялыми. С образованием толстого слоя льда, в середине зимы, окуни, по-видимому, не выходят из своих становищ и лежат здесь на дне, почти неподвижно, тесными рядами, в несколько слоев и почти не принимают никакой пищи. С первыми оттепелями у нас, в средних губерниях, в феврале они мало-помалу начинают выходить из своего полусонного состояния и снова начинают кормиться. В конце зимы главную пищу окуней в большинстве озер Северной и частью Средней России составляют упомянутые выше бокоплавы (мормыш в Пермской губернии, в Западной Сибири горбунчики), которые в это время размножаются и встречаются обыкновенно парами, *in copula*. Затем с образованием закраин и больших полыней стаи окуней трогают ся с зимних становищ, разбиваются на меньшие стада и вскоре приступают к икрометанию.

Так как окунь почти везде принадлежит к самым многочисленным обитателям наших вод и притом в качестве хищника часто приносит вред другим рыбам, то, разумеется, нигде не заботятся об его разведении. В прудах и озерах, изобилующих малоценною рыбою, как верховка, голец и плотва, или трудно добываемую в большом количестве (т. е. неводами, зимой), как линь и карась, при отсутствии щуки размножение окуня, рыбы довольно ценной насчет этих пород, однако, весьма желательно, и часто бывает прямой расчет пустить в пруд или озеро несколько сотен или пудов окуней, которые могли бы прекратить чрезмерное размножение и, следовательно, измельчение нехищных рыб. В таких прудах, где много такой вредной рыбы, как голец, который часто истребляет почти всю икру других рыб, или хотя менее вредной, но уже вполне бесполезной, как верховка, разведение окуня положительно необходимо, так как он в этом случае способствует скорейшему приросту и размножению линя и карася. Необходимо только иметь в виду, что там, где может жить только один карась, т. е. в непроточных мелких прудах, промерзающих почти до дна, окунь жить не может; но там, где есть линь, красноперка, верховка, в особенности плотва, гораздо более прихотливая в отношении качества воды, т. е. в прудах более глубоких, имеющих ключи и хотя временно (весной и после сильных дождей) проточных, окуня можно развести наверняка. Затем остается только позаботиться о том, чтобы он размножался в

достаточной степени, и каждую зиму делать проруби, чтобы он не задохся от недостатка воздуха и от вредных (сернисто-водородных) газов, выделяемых разлагающимися растениями и илом. Разумеется, искусственного оплодотворения делать не стоит, а совершенно достаточно в одном или нескольких местах около берега бросить в воду несколько елочек или сосенок, а за неимением их – кучу хвороста и, пожалуй, по окончании нереста обгородить их частой сетью. Этими же искусственными нерестилищами пользуются и для того, чтобы, наоборот, уменьшить количество окуней, выбрасывая затем елки; с этой же целью собирают выметанную ими икру сачками, к обручу которых не лишнее приделывать зубья для более удобного захватывания как окуневых мотушек, так и травы, к которой она обыкновенно прикрепляется. К таким мерам необходимо прибегать, когда в пруде или озере имеется более ценная рыба, как, например, лещ, карпья, судак; в речках, где окуни даже не особенно многочисленны, разведение форели – труд совершенно напрасный. Из вышеупомянутых рыб всего вреднее окунь для карпии; нередко окуни поедают сначала большую часть икры, а потом всю выведшуюся мелочь, так что бывают такие пруды, в которых нельзя найти ни одной молодой карпии и остаются только крупные карпы, без приплода. Это явление наблюдалось мною в ключевом пруде с. Рождествена кн. Шаховского (близ с. Лопасни Серпуховского уезда), где окуням (попавшим в пруд по чистой случайности), впрочем, помогают и судаки, а по расспросам замечено и в других прудах (Тульской губернии).

Единственное средство против чрезмерного размножения мелкого окуня – это вылавливание его частыми неводами. Правильное и крупное рыбное хозяйство, впрочем, всегда почти требует осенней ловли мелкого окуня-селетка (который сушится и заменяет снетка). В озерах Северной и Северо-Западной России, где окунь живет вместе со снетком, вылавливание мелкого окуня составляет необходимость, так как в противном случае, особенно если весна благоприятствовала выводу окуневых мальков, вся молодежь снетка обречена на истребление, а следовательно, эта более ценная рыба рискует совсем перевестись, что местами и произошло. Что касается леща, то он менее терпит от окуня, так как мечет икру рано и молодежь его первое время растет быстрее; судак же, как хищник, может сам положить предел чрезмерному размножению окуня. То же самое можно было бы сказать и относительно форели, но, к сожалению, ее сравнительно малочисленная молодежь и не требует для своего уничтожения большого числа окуней. Совершенно же перевести окуня там, где ему сытно и привольно, невозможно иначе как спустив пруд и выловив из него всю рыбу.

Врагов у окуня много, и если он почти везде встречается в большом количестве, то только благодаря своей неприхотливости и сильному размножению. Все хищники – сом, щука, судак, налим – не брезгают им, местами сомы и щуки едва ли не предпочитают эту рыбу другим; крупные окуни поедают мелких. Водяные птицы и скопа также немало ловят окуней. Икра его истребляется другими рыбами, в особенности гольцом (на севере и колюшкой) и водяными птицами, часто погибает от безветрия, как было сказано выше, или, напротив, сильных ветров, которые выбрасывают ее на берег. Часто окунь становится жертвой собственной жадности: случается, что схваченная рыбка проскользает в боковую жаберную щель, в которой завязает и умирает вместе с хищником; бывает также, что окунь нападает на колюшку и она смертельно ранит его своими стоячими спинными шипами. Довольно часто подвергается он нападению паразитов, особенно в стоячих водах: в кишках у него нередко находят ленточных глист, а в полости рта живет у него особый вид паразитного рачка, так называемый окунеед (*Aechteris percarum*). В прудах и озерах, хотя и не во всех, огромное количество окуней погибает зимой от недостатка воздуха. Так называемый дух – спирание вредных газов – действует на них раньше, чем на щуку, ерша и плотву, т. е. они снут раньше этих рыб.

За этим последним исключением большая часть окуней погибает, становясь добычей человека. Но, несмотря на свою многочисленность, они не имеют такого промыслового значения, как, например, еще более многочисленные каспийская салака и тарань и более ценные и крупные лещ, сазан и судак; в отпускную торговлю он идет только малосолом или в замороженном виде и большею частью служит для местного потребления. Только окуни северных и северо-восточных (зауральских) озер, в которых они составляют почти главное население, имеют более обширный сбыт и развозятся на сотни верст. Окуня ловят весной во время нереста – в морды, верши, частью в так называемые котцы (см. далее), осенью, а чаще зимою на станах, неводом. Это довольно глупая рыба и при виде приближающейся сети она сначала пьтится, а потом идет в мотню, почти никогда не перескакивая через невод и не ложась в ямки. В садках окунь сидит смиренно и почти никогда из них не выскакивает, подобно щуке, частью линю и налиму. Окунь и щука едва ли не единственные рыбы, которые почти повсеместно добываются в большем числе удильщиками, чем настоящими рыбопромышленниками.

Ужение окуней самое легкое и заманчивое по своей добычливости, и потому любителей этой ловли очень много, особенно между начинающими и неопытными рыбаками. Окунь более или менее жадно берет почти круглый год, за исключением середины зимы, да и то не везде; клев его очень верен, и срывается он редко и большею частью по вине рыбака. Окунь клюет смело, сразу хватается насадку своим большим ртом и сейчас же тащит ее, заглатывая на ходу. Мелкий, впрочем, иногда тербит ее, если она велика или если он сыт. Насадкою служит обыкновенно или земляной червь, или мелкая рыбка, реже линючий рак, раковые шейки и мелкие речные же рачки (преимущественно летом), еще реже, местами, так называемый мормыш (зимою). Кроме того, осенью и зимою ловят большое количество окуней на искусственную металлическую рыбку – блесну. Другие насадки, как, например, угри (личинка майского жука), мотыль (красная личинка зеленого водяного комара), другие личинки насекомых и тем более самые насекомые, употребляются редко, а на хлеб и зерна окунь никогда не берет.

Прикормка и привада для окуня требуются очень редко, только летом, во время плохого клева, да и тогда они мало достигают цели. Прикармливают его чаще всего червями, реже слизняками или (на течении) сырыми костями с остатками мяса. За границей (в Англии) употребляется весьма остроумный способ при влечения окуней в желаемое место, а именно: опускают туда большую широкогрудую бутылку или банку белого стекла с мелкой рыбой, предварительно завязав отверстие какой-нибудь очень редкой материей. Некоторые немецкие авторы сочинений об ужении рыбы (Moerbe) полагают, что камфора, камфорное масло и некоторые другие пахучие вещества привлекают окуней в известное место, и очень может быть, что они правы, так как не подлежит никакому сомнению, что все рыбы при приискивании добычи руководствуются главным образом обонянием, затем уже осязанием и зрением. Наилучшим приманочным составом для окуней немцы считают мазь, сделанную из камфоры, гусяного жира и жира, вытопленного из цапли (серой), который, несомненно, имеет особую привлекательность для всех рыб, а также камфору с медом. В эти составы кладутся на некоторое время (на ночь) черви, раковые шейки, лягушечьи ноги и пр. и затем бросаются, куда надо, как привада или прикормка. Советуют также ловить на червей, смазанных медом, особенно в зимнее время. Для привлечения окуней в верши и тому подобные снасти Moerbe особенно рекомендует жареную козлиную (?) печень, которая подвешивается в дутьше в пузыре (телячьем), предварительно смазанном камфорным маслом. Очень хорошей приманкой для окуней, как и для других хищных рыб, служит также (по Рюлиху) бычачья кровь в пузыре, в котором протыкается небольшое отверстие; пузырь, конечно, опускается в воду с камнем.

В особенно крепких и толстых лесках нет никакой надобности, и совершенно достаточно лески в 6 и никак не более 9 волос или шелковой, потоньше обыкновенной булавки. Только при ловле на жерлицы, на блесну и дорожку, когда вообще более вероятности, что вместо окуня возьмет щука, необходима более толстая леска, иногда даже бечевка, притом с поводом из тонкого баска. Крючки, одиночные, средней величины (от № 1 до 4), привязываются или непосредственно к леске, или на поводках из так называемого буйволочного волоса (жилка, морской волос) или же тонкого баска. Двойные, тем более тройные крючки-якорьки употребляются сравнительно редко, но весьма полезно иногда (при хорошем клеве) навязывать на поводок так называемый мотыльный крючок с длинным стержнем, который не может быть глубоко заглотан.

Способы ужения окуня довольно разнообразны. Его ловят на длинную (4–6-аршинную) цельную или составную (трехколенную, редко четырехколенную) удочку с поплавком и без поплавка, на короткую леску, на короткие, 1 1/2–2-аршинные, удильники с длинной леской, без поплавка (донная удочка, или ловля в закидку), на так называемую кобылку, или колодку, с короткой леской без поплавка – на весу, наконец, на блесну, на дорожку, изредка на жерлицы, на подпуски и переметы. Рассмотрим подробно каждый из этих способов ловли. Где, в какое время года и дня следует искать окуня, уже описано выше.

Ловля с поплавком употребляется в местах со слабым течением или вовсе без течения – в прудах и озерах, в речных заводях, омутах и бочагах, большей частью с берега, купален, мостов, на озерах чаще с лодки. Поплавок (пробочный или из коры осокоря) должен соответствовать насадке, т. е. чем последняя мельче, тем он должен быть легче; на 4–6 вершков от крючка к леске (или поводку) прикрепляется грузило – одна или несколько крупных дробинок или одна картечина, – так, чтобы поплавок стоял вертикально и большая часть (две трети) его находилась под водой. Насадкою служит цельный червь, надеваемый с головы, с более или менее длинным хвостиком, раковая шейка (в обоих случаях насадка должна лежать на дне или висеть на вершок-два от него) или мелкая рыбка, обыкновенно мелкая плотичка (в 1–1 1/2 вершка), еще чаще верховка, изредка карасик. Рыбка пускается на 4–6 вершков от дна и зацепляется крючком за спинку под спинной плавник. При жадном клеве, когда окунь берет не только на уже уснувшую рыбку, но даже на куски рыбы, выгоднее насаживать малявку, как червя, втыкая крючок впереди спинного плавника или сбоку его и пропуская жало позади черепа. Главное, чтобы рыбка имела на крючке правильное, горизонтальное положение, а потому там, где нет или почти нет течения, нет никакого смысла насаживать рыбку за губу или под жабры, как при ловле на течении. При клеве мелкий окунь сначала качает поплавок, а потом окунает его (вероятно, отсюда и происходит его название); крупный же чаще сразу топит его. Момент исчезновения поплавка самый удобный для подсечки, так как если опоздать, то окунь глубоко заглатывает насадку и крючок приходится или вырывать из желудка, или отцеплять особою железкою или медною спицею, оканчивающеюся развилкою. Подсекать сильно не следует, так как губы у окуня довольно слабы (по той же причине кончик удилица должен быть довольно гибок) и можно их оборвать; крупный окунь, кроме того, при сильной подсечке часто обрывает леску, и благоразумнее дать ему некоторое время походить на удочке и тащить к себе только когда он утомится и выплывет на поверхность; затем его подхватывают сачком, а за неимением сачка берут рукою (с лодки) или же вытаскивают волоком на берег, подальше от воды. Крупный окунь довольно сильная рыба; особенно упорист он на поворотах, но утомляется он сравнительно скоро. Очень часто после подсечки он бросается в берег, в траву или под лодку и запутывает леску. Так как окунь берет верно и не срывается, то ловят его большей частью на две или на три удочки, которые втыкают в берег, поставив впереди

колышек с развилкой для поддержки, а при ужении с лодки кладут удочки поперек ее. На одну удочку ловят только при очень хорошем клеве; в таком случае выгоднее ловить на двойчатку (см. «Ерш»). Впрочем, среди лета, когда окунь сыт и становится (особенно крупный) более осмотрительным и осторожным, необходимо ловить его на одну удочку, почаще меняя места. В это время стоит иногда сорваться одному, и он уводит за собою всю стайку.

Ужение на длинное удилище в отвес мало отличается от предыдущего способа, но, само собою разумеется, может употребляться только на глуб оких местах (не мельче сажени) – с лодки, реже с плотин, мостов и купален. Насадкою служит преимущественно малявка. Здесь клев окуня виден по колебанию кончика удилища, и если оно держится, то также ощущается рукою. Поэтому кончик должен быть еще чувствительнее, и чем он тоньше и гибче, тем лучше. Мелкий окунь дергает кончик быстро, порывами, иногда как будто сдвоит, покачает, потом опять начнет дергать, и ловить его без поплавок труднее, чем с поплавком. Крупный дергает сильнее, и кончик удилища начинает наклоняться все ниже и ниже; эта потяжка означает, что он, схватив насадку, поплыл дальше и что время его подсекасть. Качание лодки волнением, с лежащими на ней удочками, нисколько, однако, не неудобно, как полагают многие, так как насадка находится в постоянном движении и берется окунем жаднее и вернее. В глубоких озерах и прудах это самый удобный способ ловли окуней, так как на глубине закидывание удочки с поплавком крайне затруднительно, особенно в ветер, почему озерные рыболовы и не ловят иначе как в отвес. Окунь хорошо берет (на глубине от 3 аршин) под самой лодкой, а в жаркие солнечные дни даже охотнее, чем вдали, так как прячется в тень. На известном всем московским рыболовам Сенежском озере (близ ст. Подсолнечной Николаевской ж. д.) я большую часть окуней (а ловил я здесь редко менее пуда, а один раз, именно в конце мая 1888 года, – 31/2 пуда в день) ловил в отвес, под лодкой, на короткие донные (1 1/2–2 аршина) удилища с бубенчиками. Большею частию рыба брала в отвес, под лодкой, чаще, чем на поплавок, но бывали дни, когда в отвес окуни почти не попадались. При первой поклевке, иногда очень слабой, так что не было слышно даже звона бубенчика, я брал удилище в руки и давал окуню забрать (наживку), держа ее на слаби и немного опуская книзу, затем подсекал. Ловля эта труднее, чем с поплавком, но гораздо интереснее, спокойнее и добычливее, так как вытаскивание и забрасывание лески требует здесь гораздо менее времени, чем при ловле с поплавком. Закидывать поплавок легко, только когда глубина воды не превышает длины удилища, но, понятное дело, закидывание поплавок на 3-саженной глубине при девятиаршинном, хотя бы и легчайшем тростниковом удилище, крайне утомительно. На глубине ловля окуней с поплавком удобна, только когда поплавок скользящий, но ловля со скользящим поплавком (подробное описание ее см. «Щука») требует крупного наплава и пригодна, только когда окунь не очень мелок, не менее 1/4 фунта.

К этому же способу относится английское *sinking and drawing*, т. е. опускание и поднятие, напоминающее ловлю на блесну. Насадкой служит почти всегда рыбка (редко червь), которая зацепляется за спинку и опускается в те места, где охотник рассчитывает найти окуней, – в омуты, в окна между густых зарослей трав, около коряг, печур и т. д.; давши дойти ей до дна (чтобы узнать глубину), ее передвигают короткими толчками вверх и в стороны, изредка опуская на дно, чтобы не потерять глубину. Таким образом «обуживают» данное место до тех пор, пока не будет поклевки, при которой немедленно подсекают. При ужении этим способом на червя полезно изредка опускать его на дно и давать лежать там около минуты.

Ужение на кобылки, специально применяемое для ловли ершей, будет описано далее. Здесь же мы скажем только, что это, в сущности, тоже ужение на весу, что употребляется оно преимущественно для зимней ловли в прорубях, реже для речной

ловли с плотов летом, на несильном течении. Москворецкие рыболовы предпочитают кобылки с двойчатками, которые в других местностях малоизвестны. Насадкой служит обыкновенно червь, реже мотыль, который требует мелкого крючка с длинным стержнем, не крупнее № 8, и она должна лежать на дне или на вершок от него. На кобылки, так же как и на длинную удочку без поплавок, можно ловить и на таком течении, где ловля с поплавком неудобна, так как требует частого перезакидывания; в этом случае употребляется уже более или менее тяжелое грузило, которое может лежать на дне, и малявка насаживается на крючок, как при ловле на донную.

Ловля окуней на донную, т. е. на короткий удильник с очень длинной леской и тяжелым грузилом, употребляется реже ужения на поплавок и на блесну по тем причинам, что окунь не отличается осторожностью и не держится на быстром течении. Удильник (шестик в Московской, бадик в Рязанской губернии) всего сподручнее можжевельный, который, сравнительно с другими натуральными удильниками, может быть толще в комле, так что его удобнее держать в руке, и к тому же он очень гибок и упруг, даже высохший.

Удильники, состоящие из короткой рукоятки (точеной березовой, а еще лучше из толстого красного камыша, из которого делаются трости) в виде усеченного конуса, в которую (на 1–2 вершка) вставлен почти заподлицо длинный (1/2–3/4 аршина) кончик из китового уса, много красивее и надежнее можжевельных, но несравненно дороже и не всякому доступны. Длина удильника должна быть не менее 1 1/2 и никак не более 2 аршин. Леска должна быть довольно крепкая (так как вместо окуня может попасть и более крупная рыба), шелковая или волосяная в 8–12 волос, длиной от 15 до 25 аршин; она непременно натягивается на крючки (медные или деревянные), из которых нижний прикрепляется к шесту (привязывается, ввинчивается, деревянные вклеиваются) на 3–4 вершка от комля, а верхний – на 6–8 вершков выше. Грузило состоит из пульки от 3 до 8 золотников весом, которая раскалывается до половины и надевается на леску в 5–8 вершков от крючка; гораздо лучше, однако, грузило привязывать к леске на коротеньком поводке, так как в этом случае насадка не лежит на дне и потому виднее. Тяжесть грузила соразмеряется с силой течения, и груз отнюдь не должен приподниматься водой (см. «Язь»). Крючок обыкновенной величины привязан к леске на длинном поводке, лучше всего жилковом. Насадкой служит или червь (большой и обыкновенный земляной, реже навозный), раковая шейка, изредка цельный линючий рак, или же мелкая рыбка – голец, пескарик, мелкая плотичка или другая мелкая бель, до 2 вершков длины. На верховку в закидку не ловят, так как она в реках не живет.

Живец насаживается большею частью за верхнюю губу, причем крючок продевается в ноздрю; но на более сильном течении выгоднее задевать крючок за обе губы (живец крепче держится и его не так скоро забивает водой), или крючок пропускается в рот так, чтобы острие его выходило из-под жаберной крышки. Лучше всех как насадка – голец (впрочем, только не в каменистых местах, ибо он имеет привычку прятаться под камни), потому что скользкого гольца окунь всегда берет с головы, тогда как других живцов очень часто хватает на течении с хвоста и потому нередко срывает. Кроме того, голец долговечнее других живцов, употребляемых для ловли на донную, и представляет перед ними еще то преимущество, что гораздо чаще остается целым и невредимым, так как при подсечке выскальзывает изо рта рыбы и вздергивается на поводок. Местами вместо гольцов насаживают щиповок (см. *Cobitis taenia*), а воронежские (и петербургские) ловят окуней также на пескороев – личинок миноги, называемых в Воронеже пискавами (подробное описание добывания их см. «Минога»). В том случае, когда гольцов нет и окуни (или голавли) часто срывают живца, лучше привязать к поводку, на вершок-полтора выше крючка, другой крючок; первый задевается за

хвост или за спинку у хвоста, второй – за губы. Можно, так же как и при ловле голавлей, держать в руке небольшой запас лески (аршина два-три) и подсекать, лишь когда окунь вытянет всю леску.

Закидывание длинной лески донной удочки – вещь довольно трудная, особенно при легком грузиле, и требует гораздо большего навыка и ловкости, чем закидывание обыкновенной поплавочной удочки. Главные условия закидки – закинуть всю леску в намеченное место, чтобы она не попала на соседние, и не зацепить леской за шестик. Это совершается двумя или, пожалуй, тремя различными способами: в ладонь правой руки кладут живца и грузило, и часть лесы, свернутой в кольцо; левая рука держит шестик и (на одном пальце) почти всю другую, т. е. верхнюю половину лесы, тоже в кольцах. Сильным размахом правой руки бросают живца и грузило, одновременно спуская с пальца левой кольца лески и подавая вперед удильник; затем, когда груз достигнет дна (что ощущается рукою), леску немного подтягивают к себе и удильник закрепляют (втыкают) в берег. При ужении на донную с лодки (более правильном, чем ловля с берега) леску собирают (начиная от шестика, а не от крючка) небольшими кольцами на колени или на сиденье, подальше от удильника, правой рукой берут за леску немного повыше пульки и, сделав несколько размахов, закидывают. Способ этот неудобен тем, что при сильном размахе насадка часто слетает с крючка, особенно живец, задетый за губу, а потому гораздо лучше, собрав лесу, как сказано, уложить насадку и пульку в ладонь и не вставая закинуть от себя, но как можно выше.

Что касается подсечки, то при ловле на донную она должна следовать немедленно за тем, как почувствуется так называемая потяжка, которую легко отличить от предварительных постукиваний и пощипываний. Здесь, впрочем, окунь еще чаще сам себя подсекает, чем при ловле на поплавочные удочки.

Самая добычливая и самая характеристичная ловля окуня – это ловля на блесну, или блеснение. Блесною называется блестящая металлическая пластинка или трехгранный кусок олова, имеющие форму рыбки. На одном конце блесны проделывается отверстие, к которому привязана леска, а с другого приделывается крючок. Блесна, поддерживаемая в постоянном движении, видна в светлой воде на довольно большое расстояние (на несколько аршин); окунь, принимая ее за живую рыбку, схватывает ее и зацепляется за крючок. Преимущества этого способа ловли очевидны: он не требует насадки (живца или червя), доставать которую (кроме мотыля) поздней осенью и зимою очень трудно, если не невозможно, и сохраняет много времени, так что дает возможность поймать вдвое, втрое более рыбы, чем с насадкой. Ловля на блесну, однако, может быть успешна только в таких местах, где окуня много, и тогда, когда он собрался в большие стаи (т. е. не ранее августа и до весны) и вода сделалась достаточно прозрачной. Весною и летом окунь берет на блесну обыкновенно лишь случайно.

Блесны делаются обыкновенно или из олова, или меди, но, конечно, вместо меди можно употреблять различные сплавы, имеющие вид серебра (британский металл, польское серебро, нейзильбер, мельхиор), да и вообще медные блесны лучше серебрить, так как они тогда становятся более заметными в воде и окунь берет на них охотнее. От хорошей блесны, кроме блеска, требуется еще, чтобы она опускалась в воду не камнем, а более или менее плашмя и притом быстро колебалась с боку на бок – играла. С этою целью блесны делаются или плоские с выгибом, или же имеют трехгранную форму, причем весьма важно определение центра тяжести всей блесны, иногда с поводком, если он проволочный или басковый. От неумения придать блесне надлежащую форму и происходит то, что некоторые любители совершенно не признают оловянных блесен, однако самых распространенных. Прежде чем ловить на блесну, не обходимо ее предварительно попробовать дома, в кадке. Вообще можно принять за правило, что для осеннего блеснения оловянные, более тяжелые и

быстрее падающие блесны лучше медных, которые, в свою очередь, пригоднее для блеснения подо льдом зимой, когда окунь становится очень вялым. По этой же последней причине зимняя блесна имеет обыкновенно только один крючок без бородки, тем более что и пойманная рыба снимается тогда легче и скорее. Величина окуневых блесен не бывает меньше $\frac{3}{7}$ вершка и более $1\frac{1}{2}$ вершка. Крючок очень часто прикрывается кусочком красного сукна, что делает их еще более заметными в воде.

Лучшею из оловянных блесен, на основании личного опыта, я признаю сердобскую, имеющую выгиб, а в разрезе форму равнобедренного треугольника с очень тупым углом в вершине (рис. 2) и двойным крючком (в хвосте). Московская блесна – трехгранный кусок олова с одним крючком в голове – слишком тяжела и пригодна только для осеннего блеснения, так же как, по всей вероятности, новгородская – плоский овальный кусок олова (а иногда и свинца) с одним крючком. Нижневолжская (рис. 3) блесна, описанная в известном исследовании рыболовства в России Бэра и Данилевского, также не может иметь правильного движения под водою. Обские блесенки (рис. 4) отличаются от нее небольшой величиной и тем, что на крючок насаживается мормыш или, за неимением его, кусочек губки. Много лучше последних астраханская – очень тонкая оловянная пластинка, формою похожая на чехонь, с выгибом посредине, как у сердобской, и одним крючком (без зазубрины), заложеным в голову. Пермские и вятские блесны имеют вид плоской оловянной рыбки (иногда изогнутой) с чешуей и выкрашенными красной краской плавниками. Кроме того, можно указать на нижегородские блесны работы павловских кустарей вроде сердобских, но с одним крючком и неизогнутых, но тем не менее очень хорошо играющие на воде. Довольно сходны с ними казанские блесны. Рязанские (спасские) блесны, с насечкой в виде чешуи, очень массивны и тяжелы, а потому хуже других. Вообще же блесны весьма разнообразны, и чуть ли не каждая местность имеет свой тип блесны. Все оловянные блесны отливаются вчерне в меловой или глиняной, иногда даже бумажной формочке, в которую предварительно вставлен крючок (одиночный, двойной или иногда якорек); затем их отделяют подпилком, придают надлежащую форму и в конце, противоположном крючку, просверливают отверстие для привязки лесы.

Рис. 2. Сердобская блесна

Рис. 3. Нижневолжская блесна

Медные блесны выпиливаются из тонких пластинок желтой, красной меди или томпака. Иногда крючок этих блесен составляет продолжением пластинки, но большую часть к последней припаивается стальной крючок с зазубриной (обыкновенный, продажный) или без нее (из прутика косной стали). Известны саратовские медные блесны, которые бывают трех родов: 1) цельные, без выгиба (рис. 5, а); 2) с небольшим винтовым изгибом (вправо, немного менее 1/8 оборота) и с припаянным обыкновенным крючком и 3) в форме лодочки (рис. 5, б). Западносибирские медные блесны имеют различную, иногда довольно странную, форму, но все делаются с внутренним выгибом (рис. 6). По моему мнению, самые лучшие блесны из легких зимних – сделанные из чайной ложки (мельхиоровой, польского серебра и пр.) или же переделанные из заграничной блесны-дорожки в форме ложки. Крючок, с зазубриной или без нее, припаивается к узкому концу ложки, изнутри ее. Следует заметить, что медные блесны употребляются реже оловянных и также местами, хотя они по своей легкости для зимней ловли большею частью пригоднее оловянных.

Рис. 5. Саратовские медные блесны

Рис. 6. Западно-сибирские медные блесны

Блесна обыкновенно непосредственно привязывается к лесе, но так как при этом

способе прикрепления блесна не может очень быстро колебаться, то лучше вставлять в отверстие небольшое медное колечко, края которого спаиваются. Карабинчики (см. «Щука») хуже этих колечек. В поводке нет особой надобности, но поводок из хорошей жилки никогда не может быть лишним, а если можно рассчитывать на щук, то полезно употреблять поводки из баска, а за неимением таковых – из тонкой медной проволоки, вдвое скрученной. Леска осенью лучше смоленая шелковая, средней толщины (№4 английской), но зимою предпочтительнее волосяная (в 6–9 волос), которая не примерзает ко льду и, вынутая из воды, не смерзается. Удильник для осеннего блеснения должен иметь не менее 3–4 аршин длины и делается или цельный (из можжевельника, березы), или из двух, редко трех колен. В обоих случаях кончик не должен быть очень гибок и жидок; в складном удильнике лучше всего кленовый или жимолостный. Для блеснения из прорубей удильник делается из гибкого прутика (можжевельного, березового) в аршин-полтора длинны; комель, чтобы удобнее было держать, обвертывают камышом. Всего удобнее для зимнего блеснения западносибирский мотылек (рис. 7 и 8), от которого саратовская зимняя удочка (рис. 9) отличается только длиной и тем, что составлена из двух частей. Мотылек – прутик вершков 8 длиной, с сучком в 3/7 вершка посередине; оба конца надкалываются ножом, в расколотые места вкладываются маленькие клинушки и стягиваются тонкой бечевкой. Затем на часть прутика а накладываются кругом, в несколько рядов, камыш (куга), натуго перевязывают его в трех местах бечевкой и обравнивают. Леска наматывается на *censored*к в и надкол б. Саратовская зимняя удочка имеет до аршина длины и употребляется также и для зимнего уженья на червя. Можно, разумеется, блеснить и на кобылки (см. «Ерш») большого размера, но не иначе как с более длинным и очень грубым кончиком.

Рис. 7. Западно-сибирский мотылек

Рис. 8. Западно-сибирский мотылек с намотанной блесной

Рис. 9. Саратовская зимняя удочка

Так как главное условие блесны – блеск, то потускневшую блесну необходимо чистить, и не один раз, во время ловли. Медные блесны лучше всего чистить небольшой палочкой, обтянутой кожаным ремнем, который натирается трепелом или самым мелким наждаком. Оловянные блесны принимают свой первоначальный блеск, если их потереть стальной спицей или обухом ножа. На случай задевов блесневщику необходимо иметь с собою свинцовую отдевку, всего лучше изображенную на рис. 10. Леска у удилица вкладывается в разрез медной трубки, трубку затем поворачивают, и гирька, опускаясь на блесну, отцепляет ее.

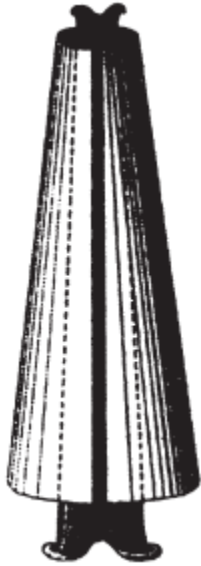

Рис. 10. Барнаульская отцепка

Большую часть ловят на блесну зимою, по льду, но местами, преимущественно на озерах, эта ловля начинается в сентябре. Летом поймать окуня на обыкновенную блесну можно только случайно и местами, по преимуществу в окуневых озерах, но ранней весной, когда лед не совсем еще разошелся, его иногда ловят в большом количестве, так же как и осенью, – с лодки, реже с плотин, купален и мостов. Вообще ловить на блесну лучше на относительно более глубоких местах, на ямах и лучше употребить некоторое время на розыск таких ям или тех мест, где окунь ловит малявку, чем ловить зря. Во всяком случае, если не было поймано ни одной рыбы кругом лодки, необходимо переехать на другое место. При осенней ловле лодку обыкновенно укрепляют на одном или двух камнях (или якорях), но опытные рыбаки Западной Сибири предпочитают держаться на месте (на слабом течении) при помощи кормового весла; одною рукою он блеснит, а другою подгребаются. Длинные удильники для осеннего блеснения предпочтительнее коротких по той причине, что осенью окунь не всегда ходит по дну, а следовательно, приходится делать более длинные размахи. Во всяком случае, блесна не должна доходить до дна а примерно на вершок, а потому надо предварительно вымеривать глубину. Если окунь стоит внизу, то блесну не следует поднимать выше аршина. Окунь хватает блесну большею частью, особенно зимою, в тот момент, когда она, остановившись недалеко от дна, продолжает колебаться, почему надо выждать несколько мгновений и потом резким толчком поднять блесну. Осенью нередко окунь берет блесну вдгонку, когда она падает вниз или, чаще, когда она поднимается кверху. В первом случае он, конечно, редко засекается. Можно блеснить с лодки в две руки, на две удочки, но это не совсем удобно. В сильную качку мне приходилось, однако, довольно удачно ловить окуней даже на три длинные (5–6-аршинные) удилица, положенные поперек лодки. Голодный окунь хватает блесну широко разинутым ртом, но когда он сыт или блесна очень велика для него, то только толкает ее, как бы играя с нею – «стучит», но не попадает (при блеснении не говорят – «рыба клюнула», а «стукнула»), а если и зацепляется крючком, то чаще под нижнюю губу, между грудными плавниками («под кулачки»), за брюхо, даже за хвост. Иногда таким образом вытаскивается на ямах подряд несколько десятков окуней, и вот на этот случай бывают весьма полезны блесны с якорьком, который имеет больше шансов зацепить окуня из густой стаи. Всего удачнее я ловил при таких условиях окуней (весною и в конце лета) на обыкновенную продажную оловянную рыбку с двойным крючком (к голове) и с привязанным на другом конце тройничком, в том же направлении; вернее, на поводке почти у самого отверстия блесны привязан тройничок. Таким образом, крючки находятся на обоих концах блесны. Мне много раз удавалось во время жора

ловить на такую блесну по паре окуней сразу. Иногда можно ловить окуня на две блесны одинаковой величины, надетые (без поводка) на перекладину из свитой вдвое медной проволоки; на этой проволоке посредине может быть неподвижно прикреплена накрест такая же проволока, к которой на коротеньком (2–3-вершковом) поводке привязана третья блесна. Можно также под девать длинным куском свинца, в котором залит внизу якорек, а сбоку несколько простых крючков.

Самое добычливое блеснение начинается спустя несколько дней после того, как замерзнут пруды, озера и глубокие речные затоны, когда рыба уже снова оседет на дно. Производится оно, разумеется, из прорубей – лунок (см. «Ерш»), в известных глубоких ямах, на короткие удильники или же на описанные выше мотыльки такими же резкими, но более короткими толчками, попеременно вправо и влево. Если в продолжение нескольких минут ни один окунь не стукнул, переходят к соседней лунке и т. д., пока не найдут стаю или не убедятся по стучанью, что окунь хотя и есть, но не берет. Зимой же это случается едва ли не чаще, чем осенью, и часто бывает, что окунь ловится с утра отлично и вдруг перестает брать к вечеру или же наоборот – утром не берет, а с 3 часов не успеваешь его вытаскивать. Причину этого странного явления надо искать в перемене погоды и иногда в ветре. Перед наступлением дурной погоды окунь не попадается; также замечено, что, как это ни странно, в сильный ветер, особенно северный, блеснить его не стоит. В низовьях Волги, наоборот, ловля его прекращается при южном ветре – моряне, поднимающем воду в реке. Точно так же там лучший лов его бывает во время сильных морозов, тогда как в других местах обыкновенно окунь лучше берет в оттепели. Зимнее блеснение у нас, в средних губерниях, становится уже менее добычливым в середине, в более южных местностях – в конце декабря, в январе почти прекращается, а возобновляется с первыми февральскими оттепелями; в марте, перед вскрытием, ловят на блесну еще больше, чем по первому льду, иногда до тысячи штук, т. е. несколько пудов.

В некоторых чистых озерах, имеющих ровную глубину, осенью весьма удачно ловят окуней на дорожку или ходовую блесну с лодки. Ловля эта будет описана далее (см. «Щука»), а здесь можно только заметить, что дорожку надо спускать глубже, чем на щук, и что чаще всего ловят на дорожку поп утно, во время переездов с одного конца озера на другой, и для того, чтобы разыскать, где они стоят. Точно так же для ловли окуней редко употребляют так называемые подпуски (см. «Налим»), переметы (см. «Сом») и кружки и жерлицы (см. «Щука»). На все эти снасти окунь попадается больше случайно и в небольшом количестве. На жерлицы он берет, впрочем, хуже, чем на кружки, что объясняется тем, что первые ставятся обыкновенно в мелких травянистых местах, у берега, и живец пускается очень неглубоко.

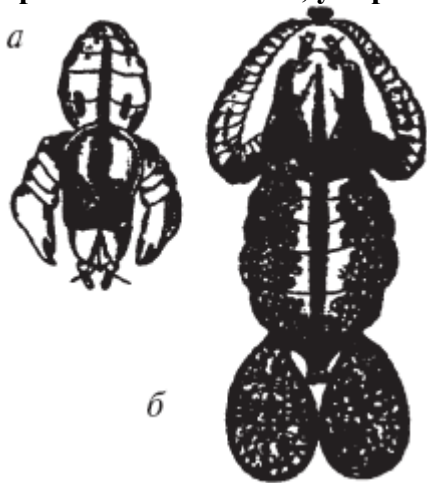

Рис. 11. Окунеед: а – самец, б – самка

Остается сказать, что окунь считается одною из наиболее вкусных и полезных для

здоровья рыб. Уха из него уступает только ухе из ершей, а крупные окуни составляют отличное холодное. За Уралом и в Сибири их очень часто запекают в пирогах, не очищая чешуи. В Лапландии из кожи крупных окуней готовят превосходный клей, который употребляется туземцами для склеивания своих луков. Так как, по всей вероятности, клей этот может оказаться пригодным и для рыбаков, при склеивании кончиков и сломанных колен складных удилищ, то считаю нелишним сказать, что лапландцы готовят его следующим образом: снимают кожу с крупного окуня (обыкновенно нескольких) и высушивают ее; затем, размочив в воде, соскабливают чешую, кладут в пузырь (олений) или наглухо заворачивают в бересту и, наложив на пузырь или бересту камень, кипятят в продолжение часа. Склеивание производится натиранием размякшей шкурки.

Берш

Lucioperca volgensis L. По Волге – берш, бершик; на Дону и Днепре – секрет, на Дону и Донце также – подсула, подсулак, в Никополе неправильно – чоп, чопик.

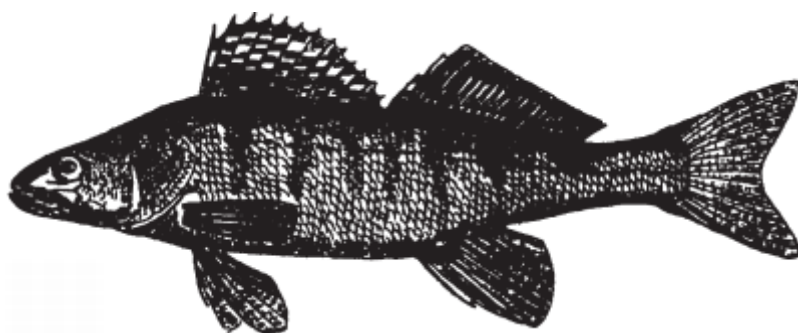

Рис. 12. Берш

Это чисто русская рыба, встречающаяся только в реках Черного и Каспийского морей. Неизвестно, на каком основании Паллас говорит, что он водится в Иртыше. Берш представляет значительное сходство с судаком, но вместе с тем несколько приближается к окуню, так что прежде даже считался за помесь этих двух рыб. От судака он легко отличается по следующим признакам: рыло у него приметно короче и шире, глаза сравнительно больше, все зубы почти одинаковой величины, щеки не голые, а покрыты чешуями, чешуя вообще крупнее (70–75 рядов чешуи, у судака 80–90). По цвету он почти не отличается от судака, но темные поперечные полосы (числом 8) у него явственнее и имеют более правильную форму.

По величине своей берш значительно уступает судаку и только в редких случаях достигает веса 6–8 фунтов, как, например, в Южной Волге. Обыкновенный вес его 2–3 фунта и 8 вершков длины; в Днепре, по свидетельству рыбаков, он никогда не бывает более полуаршина и 3–3 1/2 фунта веса. Пятифунтовый берш в Волге имеет длину 12 вершков.

Распространение берша весьма ограничено, и он нигде не попадает в большом количестве. Главное местопребывание его – Волга с ее главнейшими притоками, но он не поднимается, однако, высоко и, по-видимому, не встречается выше Рыбинска; однако водится во всей Шексне и даже в Белоозере, откуда его нередко привозят в Рыбинск вместе с солеными судаками. Как далеко заходит он в Оку, Суру, Каму, Самару – неизвестно, но в Вятке он встречается, как известно, до Котельнича, а изредка заходит или, вернее, заходил, и в Москву-реку. Кроме того, берш, подобно судаку, находится также в Каспийском море, где доходит до Бакинского залива, но неизвестно, заходит ли и в другие реки, туда изливающиеся. Кажется, однако, он встречается в р. Урале, о чем, однако, желательно иметь подтверждение.

В Черноморском бассейне он встречается почти исключительно в Днепре, но, по-видимому, не поднимается здесь выше Кременчуга: по крайней мере, выше Кременчуга секрет вовсе не известен днепровским рыбакам, да и здесь его часто смешивают с молодыми судаками; под Екатеринославом, напротив, он уже не составляет редкости, и всякий рыбак умеет отличить его от судака, а под Никоподем он принадлежит к числу обыкновенных рыб. В Буге и Днестре (?) берш редок, но довольно обыкновенен в Дону и Донце; но здесь также достоверно неизвестно, как далеко он встречается, и вообще распространение этой рыбы до сих пор еще мало исследовано. По словам Алфераки, берш в Азовском море вовсе не попадает. Еще менее мы знаем об образе жизни этой рыбы, что, вероятно, зависит от того, что большинство смешивают ее с молодым судаком.

Пища берша, по-видимому, одинаковая с судаком: он кормится преимущественно небольшими рыбами, особенно пескарями. Держится он также почти всегда на глубине, на самом фарватере, и любит песчаное дно; в озерах, даже заливных, никогда не встречается; нерест его бывает в Средней Волге в одно время с лещом, несколько позднее судака (в Дону в начале апреля), а в нижнем течении Днепра и Волги гораздо ранее – во второй половине марта, несколько позднее окуня. Главная ловля его производится в низовьях – весной, еще более осенью. По замечанию Яковлева, осенние выходы его из черной всегда более весенних. Мясо берша сходно с мясом судака, но несколько нежнее. В продаже обе эти рыбы обыкновенно не отличаются. Вынутый из воды берш снет еще скорее судака.

На удочку берш местами ловится в очень большом количестве, но, кажется, клев его весьма непродолжителен. Так, например, берш часто попадает на удочку в нижнем течении Оки, едва ли не чаще судака; ловят его преимущественно на червя, но берет ли он здесь на живца – неизвестно. По последним сведениям, самарские рыболовы удят берша в конце мая (на косе, образуемой Волгой и Самарой) на червя; ловля эта продолжается только 2–3 дня, когда рыба эта «катится», т. е. спускается вниз, окончив нерест, но зато можно поймать с 3 часов утра до 8, в течение 5 часов, до пуда рыбы весом от 1/2 до 2 фунтов. Более подробных сведений об ужении берша не имеется. Как берет берш, на что и весной ли только – все это вопросы, требующие ответа, и было бы весьма желательно получить от приволжских рыболовов некоторые подробности о жизни и ловле этой чисто русской рыбы.

Судак

Lucioperca sandra L. Почти всюду – судак, судок; в Южной России местами – сула; молодой иногда неправильно – секрет, также боковня (6–7-вершковый) и чоп (5-вершковый); при устьях Днепра и Днестра – чопик; в Новой Ладогe – пехоль, пяхоль; по Гюльденштедту, в Новгороде более фунта – шибняк (на Ильмене – шабок, вернее, шибак), менее фунта – бурканик, барканик (на Ильмене – баркотник), самый мелкий – гвоздарь (гвоздырь на Ильмене); по Варпаховскому, на Ильмене и Волхове судаком называют только экземпляры от 15 до 20 фунтов (?), а шибак, шибняком и баркаником – в 5–6 фунтов. На Белоозере мелкий судак – юрок; по Далю, мерный судак, не менее 8 вершков, – бершовик; по Кожевникову, крупный судак, ловимый в низовьях Волги в июле и августе, называется махалочным или хлопунном. В Польше – седач, сандач; лит. – стеркас; финск. – куа; у ижоров – судакка; лат. – стакас, сандатс; эст. – капа; тат. – сула, саул; калм. – ботохо, ботохай; у чувовских вогул (Георги) – шин; перс. – су.

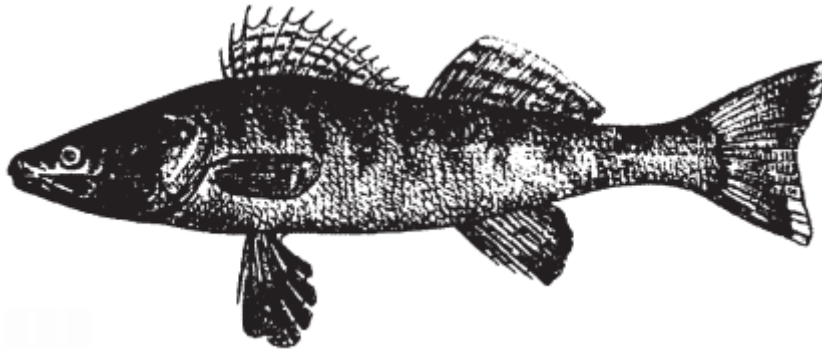

Рис. 13. Судак

<

> В промышленном отношении судак, бесспорно, играет первую роль между всеми колючеперыми рыбами. Наружность его известна каждому. Он легко узнается по своему удлинённому телу и длинному заостренному рылу, придающему ему некоторое сходство с щукой, к которой он приближается и своею хищностью. Челюсти судака вооружены сильными клыковидными зубами, между которыми находятся мелкие. Спина его зеленовато-серая, брюхо белое, на боках туловища находятся большие буровато-серые пятна, которые часто образуют 8–10 правильных поперечных полосок; спинные плавники и хвостовой покрыты рядами темных пятнышек. В юго-западных губерниях встречаются иногда большие судаки очень темного цвета, составляющие как бы особую, черную разность, отличаемую местами самими рыбаками. На Нижней Волге ловцы, по свидетельству Яковлева, отличают ходового – морского – судака от речного по цвету: первый всегда несколько светлее, но, пробывши некоторое время в реке, мало-помалу принимает темный цвет. По-видимому, также некоторые судаки после нереста становятся почти черными.

По величине своей судак также занимает первое место во всем отряде. В большинстве случаев он имеет от 3–7 фунтов, но в больших реках, особенно в низовьях, и в больших озерах он достигает иногда 3 футов длины и веса 15–25 фунтов, даже более, именно 30–40 фунтов, но такие гиганты составляют уже большую диковинку и замечались только в устьях Днепра, Дона и Кубани. Каспийский судак вообще менее ростом, что, впрочем, зависит от усиленного лова.

Коренное местопребывание этой рыбы – бассейны Черного, Азовского, Каспийского и Аральского морей и самые моря, в которых он водится в наибольшем количестве. Однако в Сибири, на севере России и в западных и юго-западных странах Европы он вовсе не водится и замечается, хотя в небольшом количестве, только в реках Балтийского моря до р. Эльбы.

Главное местопребывание судака – большие и средние реки Восточной Европы, также большие озера, имеющие сообщение с реками (Чудское, Белоозеро, Селигер, Ладожское и др.). Он любит глубокую и вместе чистую, немутную воду и потому в Москве-реке, например, встречается или в верхнем ее течении, выше города, или в нижнем (начиная с Угрешского монастыря) и вообще в притоках Москвы-реки, усеянных фабриками, встречается редко. В Клязьме судак также более обыкновенен только с Павловского посада. В небольших, запруженных реках и речках судак держится преимущественно ниже плотины, в омутах, реже в самых прудах, и то если они имеют, хотя бы местами, песчаное дно. Вообще судак хотя живет (пересаженный) даже в копаных прудах с очень сильными ключами, но избегает стоячей воды. В Москве-реке, как только начнут (в первых числах мая) собирать плотины, судак, почувствовав ослабление течения, бросается книзу и успеваает перепрыгнуть через представляющуюся ему преграду, сбрасываясь с разбега с саженой высоты. Зрелище выскакивающих судаков весьма интересно, так как они при этом точно вылетают из воды, падая сажень на пять и далее за плотину. При этом полете ясно слышен треск от взъерошиваемых им перьев. Это скатывание судака замечается и позднее, уже летом, и объясняет редкость его в среднем течении Москвы-реки, где

вода очень плоха для него. Впрочем, и другие рыбы, например голавль, язь и шерешпер, следуют его примеру, но не так часто и, кажется, не с такою ловкостью, так как иногда разбиваются о железные фермы плотины и камни, нагроможденные ниже устоев.

Всего многочисленнее судак в малосоленых участках морей. Азовское и Каспийское моря и низовья рек, туда впадающих, доставляют даже главную массу судака, и здесь эта рыба проходная, между тем как выше в реках она встречается только оседлая. Судак вовсе не боится соленой воды и хотя все-таки придерживается пресноводных участков этих морей, тем не менее, например в Каспии, встречается в большом количестве и в чисто соленой воде, например около Мангышлака, у туркменских и персидских берегов, даже в открытом море, хотя О. А. Гримм полагает, что он вряд ли здесь встречается, на том основании, что далее 20–30 сажен от берега судаков не замечали. Напротив, он вовсе не может жить в мутной речной воде, почему нередко снет после проливных дождей. Этим обстоятельством объясняется отчасти малочисленность оседлого, «жилого» судака в низовьях Волги и других рек, ранний его нерест там и обильный ход осенью и зимою.

Большую часть года судак (оседлый) держится на дне, в глубоких местах реки, с хрящеватым или песчаным дном и обрывистыми берегами. На поверхность воды, также в заливе и на мели он выходит только во время нереста или гоняясь за добычей, обыкновенно утром и вечером; в тихие, ясные вечера судаки нередко небольшими стайками гуляют на поверхности. Вообще они едва ли не более других рыб предпочитают крепкие места, а потому в небольших реках живут главным образом в мельничных омутах, на судоходных же выбирают ямы с корягами, дубами и затонувшими барками. Только мелкие судачки, одно- и двухгодовалые, встречаются в неглубоких и даже травянистых местах вместе с окунями, такими же стайками (иногда в несколько сот штук, даже в реках, не особенно ими изобилующих). Средние судаки обыкновенно попадаются станичками в 5–10 штук; очень же крупные ходят в одиночку и постоянного местожительства, кажется, не имеют. По некоторым наблюдениям надо заключить, что в больших реках судаки разных возрастов распределяются в известных пунктах и каждая стая или станичка, облюбовав себе известный район, держится в нем лишь определенное время и затем уходит в другой, предоставляя свое место подрастающим поколениям.

Своею хищностью взрослый судак превосходит окуня и почти не уступает щуке. По свидетельству Радкевича, нередко он так увлекается погоней, что, подобно окуню, выскакивает на такие места, где вода стоит не глубже вершка. Это чрезвычайно прожорливая, сильная и быстрая в движениях рыба, что, впрочем, видно и по ее наружности. Судак не да ет пощады даже собственному молодому поколению, но, имея сравнительно неширокую пасть, всего более предпочитает ельцов, уклеек, щурят и пескарей, избегая широких рыб, например подлещиков. Схватив добычу, он быстро удаляется в глубину. Вообще, главная его пища – мелкая рыба и только летом он ест также раков и лягушек. Мелкий судак (ок. 1/2 фунта), по-видимому, предпочитает червей и насекомых, так как реже берет на малька, чем мелкий окунь, попадаетея большею частию на червя. Несмотря на свою хищную натуру, судак очень смирен и, по мнению волжских рыбаков, смиреннее и глупее судака нет ни одной рыбы.

За исключением низовьев рек, где нерест судака (проходного) начинается до разлива (очень здесь позднего), иногда, как в устьях Волги, в конце марта, рыба эта нерестится уже после спада вод – в мае, даже в начале июня; к этому времени у судаков значительно отрастают два клыка. Судя по наблюдениям Геккеля, также Яковлева, нерест судака продолжается довольно долгое время, 3–4 недели. С этою целию он выходит заблаговременно из глубины к травянистым берегам (никогда, впрочем, на поемные места), из озер и морей вступает в реки. В низовьях рек судак

весеннего выхода не поднимается, однако, высоко и в Волге, например, мечет в устьях, даже в пресноводных морских заливах и култуках, большей частью, однако, в мелких протоках, ериках, ильменах и затонах. В озерах и реках Средней России он нерестится в конце мая и в июне у заросших берегов, где их ловят бреднями, а иногда бьют острогой. Процесс нереста совершается или ночью, или на заре. Осенний и зимний судак, зимовавший в Волге, напротив, подымается далеко вверх по реке и, вероятно, мечет гораздо позднее.

Самый нерест совершается весьма оригинальным способом. По свидетельству Яковлева, судаки перед этим обыкновенно разбиваются на пары, и самка становится головою вниз, почти в вертикальном положении, и во время выпуска икры не делает никаких сильных движений, какими обыкновенно сопровождается этот процесс у других рыб, а только весьма равномерно поворачивает «махалкой», т. е. хвостом, то в одну, то в другую сторону; самец также тихо ходит и поливает икру молоками. В тихую погоду во время нереста судака можно часто видеть с берега многочисленные «махалки», торчащие из воды наружу, – «как маячки», по выражению ловцов. Пары, мечущие икру, обыкновенно выбирают тинистые места у берегов, возле коблов, у корней деревьев, хвороста и т. п. Яйца, которых в судаке средней величины насчитывают 200–300 тысяч, желтоватого цвета и сравнительно мелки (1–1 1/2 миллиметра).

Выметав икру, судак сейчас же уходит на глубину реки или в озёра, а проходной большей частью скатывается в море, преимущественно потому, что не может выносить мутной весенней воды. В устьях Волги в мае и июне, во время разлива, в реке нет судака, кроме покатного. Точно так же и молодь судака, выклюнувшаяся из икры, скоро уходит из заливов в более глубокие места реки, в низовьях же – тоже на взморье; в Нижней Волге только некоторая часть остается в широких протоках, выбирая самые тихие, где вода менее мутна, чем в русле реки.

Судак растет очень быстро и при благоприятных условиях, например в устьях рек и на взморье, в один год достигает 1 1/2 фунта веса, а через два – 2 1/2 фунта. В других местах, например в Москве-реке, молодь растет гораздо медленнее и в сентябре бывает немного более 2 вершков. Годовалые судаки как здесь, так и в Борисовском пруде (близ Царицына) и Серебрянском (близ Пушкина) имеют (всегонавсего) 5–6 вершков и не более 1/2 фунта (?). По Яковлеву, судаки весеннего помета на Нижней Волге достигают в декабре того же года 12–14 дюймов (с хвостом?), и в то же время, т. е. на девятом месяце, у молодых появляются зачатки половых органов (ястыки) в виде узких, тонких ленточек, от 1–1 1/2 линии в ширину. Двухгодовалая рыба (на третьем году?) уже способна к икрометанию, и, вероятно, средняя продолжительность жизни судака, как принимается это Геккелем, не превышает 8–10 лет. Исключения составляют разве только самые крупные – 30–40-фунтовые особи, которым, надо полагать, не один десяток лет. По наблюдениям Д. Н. Соколова, судак 9-вершковый (рыбачьей меры) весит 5 фунтов; 11-вершковый – 7 фунтов; 14-вершковый – 14 фунтов; аршинный – 23 фунта.

С середины или конца лета начинается вторичный ход судака из моря в устья рек, и этот летний, вернее осенний, выход (а вместе с тем осенняя ловля) этой рыбы бывает нередко изобильнее, нежели весенний. Лишь только полая вода в Волге начнет спадать – судак уже трогается в реку, сначала в небольшом количестве, затем, по мере приближения к осени, ход его все более и более усиливается, приостанавливаясь только временно, частью вследствие противных ветров, частью от сильных дождей, обуславливающих мутность воды. Как известно, движение судака, да и всех рыб в море, особенно на незначительных глубинах, по крайней мере до 4-саженной глубины, находится в полнейшей зависимости от ветров: в северных частях Каспия северо-западный ветер всегда отбивает рыбу от устьев Волги и уклоняет ее к Уралу, так что при первой перемене ветра она входит исключительно

в последнюю реку; при северо-восточном ветре происходит обратное явление. Вообще при южных ветрах (моряхах) всегда как весной, так и зимой замечается самый сильный ход судака.

Этот осенний судак, зимующий в низовьях рек, однако, не ложится на ямы и не впадает в спячку, подобно красной рыбе. В Волге он обыкновенно собирается густыми массами в устьях, менее чем на саженой глубине, и ожидает первой вздышки воды, чтобы тронуться в реку. В теплые зимы и при продолжительной моряне движение судака вверх почти не прекращается, но в суровые зимы он входит в Волгу только при оттепели. Весною же главный ход судака бывает в середине, иногда в начале марта; в начале апреля идет уже поздний судак, смешанный с лещом, так называемый кочешный. За исключением низовьев рек судак всю зиму проводит в глубоких ямах и не выходит оттуда, по-видимому, до покой воды; во время разлива он в большом количестве входит в поемные озера и вообще держится на пойме, где вода чище, чем в русле. Замечено, что местами (например, в Белоозере) судак на зиму ложится в ямы вместе с лещом.

Главная ловля судака на Нижней Волге производится во время весеннего хода. По наблюдениям рыбаков, он никогда не пытается вырваться из невода, и когда на него наплывает последний, то он не мечется во все стороны, подобно другим рыбам, а тихо пятится от него задом, до тех пор, пока не бывает вынужден идти в мотню; иногда же, подойдя близко к сети, он хватается за нее зубами и повисает на ней без всякого движения. В садке он также очень смирен: даже выкинутый на край берега не старается уйти обратно. Впрочем, необходимо заметить, что это рыба чрезвычайно нежная: иногда достаточно бывает тряхнуть судака за хвост, чтобы он заснул. Даже в озерах-садках они спнут в большом количестве, особенно если дно садка иловатое; глаза их затягиваются особой непрозрачной пленкой, и они слепнут; туловище также принимает гораздо более темный цвет. По этим причинам пересадка судаков совершается с большими предосторожностями, и некоторые опускают их в садки на рогоже, что предупреждает образование мути, засоряющей жабры измученной рыбы.

В промышленном отношении судак составляет, вместе с лещом, после красной рыбы наиболее ценный товар и с низовьев рек – Волги, Урала, Кубани и Дона – вывозится миллионами пудов, как в сушеном виде, так и малосолом, а зимою мороженым. Судак, назначаемый для малосола, разделяется пластом, т. е. разрезывается со спины, а приготовляемый колодкой (балыком) режется на тешке, но не распластывается, а прямо солится в ларях, в которых лежит всю зиму до весны, когда уже вывешивается и сушится. Икра и внутренности судака также идут в дело. Из внутренностей судака вытапливается жир, отличающийся нежностью и приятностью вкуса, почему употребляется в пищу. Для топки жира, как и всегда, употребляют чаны, которые наполняют до половины внутренностями рыб и наливают два раза кипятком; плавающий на поверхности воды жир снимается и переливается в другие бочки. Из тысячи судаков получается, таким образом, около пуда жиру, стоимость которого доходит до 4 р. Судачья икра вошла в употребление сравнительно недавнего времени (с 1847 года), а прежде или выбрасывалась, или служила для откармливания свиней и домашней птицы. Икра эта солится целыми ястыками, т. е. в ячниках, и редко пробивается через решето, подобно икре красной рыбы; кроме соли, в нее кладут несколько селитры. Икра эта сбывается главным образом в Грецию и Турцию, и только в последние годы начали ее привозить и на Нижегородскую ярмарку, вместе с икрой прочей частичковой рыбы. В настоящее время, вероятно, этой икры готовится в России не одна сотня тысяч пудов, так как еще в начале 60-х годов одних судачьих «галаганов» вывозилось за границу до 100 тысяч пудов. По свидетельству Яковлева, пуд этой икры стоит в Астрахани от 2 р. 50 к. до 3 р., так что ценность ее в десять лет увеличилась с лишком вдвое.

Наибольшее количество судака добывается в нижнем течении Волги, Урала, Куры и Терека, где еще немного лет назад добывалось до 45 миллионов штук этой рыбы, и Кубани (до 7 миллионов). Теперь улов ее значительно уменьшился, и под Астраханью уже не существует прежнего деления судака на мерных (8-вершковых) и недомерков; тысяча штук весит от 60 до 180 пудов, т. е. средним числом каждый менее 5 фунтов.

Мясо судака не костляво, вкусно и здорово, не так скоро приедается, а потому потребляется в огромном количестве и имеет большую ценность. Живой судак в столицах редко продается дешевле 40 к. фунт, а цена привозного, мороженого (зимою) колеблется между 10–20 к. В последнее время, впрочем, свежего судака стали перевозить на очень большие расстояния (например, с Дона в Западный край), укладывая только что убитых дубинкою рыб в корыта, сколоченные из досок (колымажки) или в ящики (Петрозаводск), выстланные рогожами. Рыбу кладут в несколько слоев (?), отделяя слои льдом и перекладывая рыбу соломой. Уложенную таким образом рыбу закрывают остатками рогож, которые и зашивают. На 11 пудов судака кладется в колымажки 11 пудов льду.

Так как судак одна из самых ценных наших рыб, то, понятное дело, делались неоднократные попытки разведения его в таких прудах и озерах, где судака не было. Большею частью, однако, попытки эти оканчивались неудачею по многим причинам, из которых главнейшая та, что судак может жить далеко не во всех непроточных или малопроточных бассейнах. Затем, судак – рыба крайне нежная, и перевозка ее весьма затруднительна. Где судак может жить и размножаться и где не может – видно из описания его местопребывания, но считаю необходимым заметить, что судака не стоит пересаживать в небольшие и мелкие пруды и даже большие, но очень илистые. Ему необходимы довольно чистая и свежая летом вода, глубина, достигающая местами 4–5 аршин, дно песчаное, в крайнем случае глинистое или мергельное. В таких прудах и озерах, если вдобавок имеются местами коряги, пни, камни, хворост, пересаженные судаки могут не только жить, но и размножаться, а потому если в удобном бассейне нет мест, удобных для нереста, то необходимо устроить (зимою по льду) искусственные нерестилища из вышеупомянутых предметов, конечно, на подходящих местах и там, где эти груды не могли бы мешать неводной ловле. Судак весьма охотно нерестится на хворосте, а потому всего лучше делать плетни из ивняка или вязанки фашиннику и огружать на дно камнями. Молодь судака довольно беззащитна и всего более подвергается опасности едва ли не от родителей, а потому икротетни необходимы и в таких бассейнах, в которых замечено слишком слабое размножение этой рыбы. Заметим кстати, что и для ужения судаков в прудах и озерах, вообще весьма недобычливом, подобные икротетни имеют весьма важное значение (особенно если опущены в воду пни, коряги, древесные стволы, корзины и худые лодки, нагруженные камнями), так как судаки тогда группируются в этих местах.

Лучшее время для пересадки судака – осень: сентябрь и октябрь; весною ловить его труднее, и, кроме того, он в это время хлипче. О летней перевозке нечего и думать, а зимняя возможна только в оттепели. В большинстве случаев судаки из садков не годятся для пересадки и лучше перевозить свежепойманных, причем из невода вынимают их с большою осторожностью и немедленно кладут в бочки, не более одной меры мелких и 1/4–1/2 меры крупных. Бочку наполняют до краев, чтобы вода не приводилась в очень сильное движение и чтобы рыбы не могли поранить друг друга своими колючими спинными плавниками. Во время перевозки воду необходимо менять через каждые 2–3 часа (?) и менять тоже умеючи, так как нельзя выпускать всю воду и сразу заменять ее первой попавшейся. Самое лучшее поручать перевозку самим рыбакам-неводчикам с уговором платить высокую цену только за судаков темного цвета, так как побелевший, бледный судак далеко не всегда может

выходиться. Всего практичнее выбирать для пересадки экземпляры от 1 до 2 фунтов. Так как более мелкие могут быть истреблены щуками, а крупные очень дороги и труднее перевозятся. Кроме того, необходимо иметь в виду, как и при всякой пересадке, что количество пересаживаемых экземпляров должно соответствовать величине бассейна, так как десяток рыб в большом пруде рискуют не найти друг друга во время нереста. Количество это определить трудно, но оно не должно быть менее 20 штук на десятину.

В Западной Европе пробовали не раз искусственный вывод судаков посредством выдавливания половых продуктов, но опыты эти всегда кончались неудачей, так как племенные экземпляры не переносили выдавливания и снули, а из оплодотворенных икринок выводилась только небольшая часть. Поэтому всего целесообразнее для разведения судаков перевозить плетни и фашинник (см. выше) с выметанной на них икрой, обернув их сырой травой.

Уженье судака практикуется преимущественно в больших мельничных омутах и вообще глубоких речных ямах, заваленных разным древесным хламом, служащим ему засадой. В других местах он попадает на удочку редко, хотя маленькие судачки, до фунта (1–2 лет), иногда ловятся в большом количестве вместе с окунями, большею частью на червя. Крупный судак – рыба очень сильная и бойкая, а так как он живет в еще более крепких местах, чем окунь, то для уженья его требуется такая же прочная снасть, как и для щуки, т. е. крепкое, не особенно гибкое удилице, леска от 10 до 20 волос или довольно толстая шелковая, крючок (одиночный, реже двойной) от № 5/0, но лучше всего № 0, непременно привязанный к тонкому, но крепкому баску, так как у судака зубы очень острые; от них на раненой рыбе остаются пробойны, точно от гвоздей, что отличает его от щуки, которая прокусывает живца, иногда даже перекусывает его пополам.

Лучшая насадка – елец, уклея, голец и пескарь (на северо-запад е корюшка), вообще неширокая и мелкая рыба, так как у судака глотка сравнительно с его величиною узка, и судак фунтов в пять с трудом заглатывает рыбу, которую легко может проглотить окунь вдвое меньшей величины. Поэтому на широкого живца – подлещика, густеру, даже красноперку и плотву – судак местами не берет вовсе. Живца аккуратно задевают за верхнюю губу (при сильном течении) или за спинку, под плавник (при слабом), стараясь как можно меньше мять рыбу. Вялого живца судаки хватают неохотно, а потому необходимо, чтобы он бойко ходил на удочке, никуда не забиваясь. Судак, особенно крупный, держится (в ямах) всегда на дне, а потому живец должен плавать как можно ближе ко дну, на вершок или два от него. Изредка голодный судак берет на червя, лягушку и рака (преимущественно линючего), а потому эти насадки употребляются редко.

Ловят судаков только утром и под вечер, иногда даже ночью; около полдня же судаки никогда не берут, да и свет, по-видимому, почти так же не любя т, как и ерш, чем отличаются от своих ближайших сородичей – окуней, прекращающих охоту с сумерками до рассвета. Впрочем, в глухую полночь судак не берет ни на удочки, ни на переметы и жерлицы, а осенью клев его перемежается ночью на несколько часов.

Схватив живца зубами, большею частью с головы, судак немедля плывет к какому-нибудь убежищу, заглатывая на ходу свою добычу. Поэтому, почувствовав поклевку, при разных способах лова передаваемую различно, необходимо подать ему леску как можно дальше и этим дать ему время забрать всего живца. Затем, когда уже нельзя больше поддать, подсекают очень быстрым, но нешироким размахом. Почувствовав подсечку, судак старается спастись в лом, хворост и коряжник, а потому в крепких местах надо водить его круто и не давать ему запутать леску.

Пойманный судак ходит на удочке сильнее окуня, но не бросается из стороны в сторону, еще скорее его устает и всплывает наверх, причем никогда не выскакивает из воды; тогда его уже нетрудно подтащить к себе и вытащить сачком или

подцепить небольшим багорчиком. Вообще судак – рыба нежная на подсечку, «поводливая», а потому при крепкой леске с ним нечего особенно церемониться и надо тащить его смелее, не давая ему опомниться. Тогда он идет ходко, лишь упиравшись по мере сил и возможности и подергивая удочку, вроде того, как это делает играющая собака, которой дали палку в зубы. Очень крупный судак иногда ложится на дно и так упорно там двигается, что его не скоро сдвинешь с места. В таких случаях, чтобы расшевелить его и пустить в ход, всего лучше натянуть лесу и потягивать ее в разных направлениях. Невывоженого судака подсачивать не следует, так как он легко может перешибить тонкую леску, но как только его вынули из воды, он совершенно беспомощен и очень скоро засыпает. Мелкого судака на крепкую лесу можно тащить прямо в лодку или на берег, так как вне воды судак не трепещется, подобно окуню и ершу. В этот момент висенья в воздухе судак, со своими выпученными глазами, согнутым туловищем и взъерошенными перьями, очень похож на громадного ерша. Замечательно, что пойманный судак при вытаскивании почти мгновенно бледнеет; это резкое изменение в цвете можно объяснить только страхом, а никак не влиянием воздуха. Судак, попавшийся на перемет, кружок или жерлицу, всегда ходит по дну, стараясь забиться в хлам или коряги, но только не в траву и не на мелком месте, подобно щуке.

Уженье судака можно разделить на весеннее, от вскрытия до нереста, на летнее, в июне и июле, осеннее и зимнее.

Весенняя ловля имеет случайный характер, и судаки весной попадают на удочку редко. В реках (например, в Москве-реке) они иногда берут на большого земляного червя (выползка) во время весеннего лова язей, на донную удочку, в закидку (с м. «Окунь» и «Язь»); в прудах и озерах – при ловле щук на удочку или жерлицы (см. «Щука»). Последние для ловли судака ставятся преимущественно в ямах, и живец (лучше на двойном крючке, пропущенном через жабру в рот) пускается близко ко дну.

Специальный весенний лов судаков бывает только в таких мельничных омутах, где этой рыбы очень много, но и здесь ловля эта весьма кратковременна и продолжается несколько дней, не более недели. Вызывается она тем, что судак по вскрытии реки вместе с щукой, шереспером и крупным окунем, а иногда и сомом собирается почти со всего следующего участка в мельничный омут и кормится здесь рыбой, увлекаемую из пруда водою, стремящейся в раскрытое отверстие вешняка и образующей бурный водопад. Все эти хищники, не давая скатывающейся вниз рыбе оправиться от стремительности движения, хватают ее на лету, иногда на поверхности воды. Но, имея такое изобилие пищи, они берут на удочку редко и только по спаде воды, когда она уже течет по стлани мелкими струйками и уносит вниз только одну мелочь; проголодавшиеся судаки, щуки и шересперы начинают жадно брать на живца, даже на блесну. Затем, когда вешняк запрут, хищники, совсем лишившиеся поживы, большею частью уходят вниз, судак (и сом) – для нереста, и эта ловля совершенно прекращается до большого паводка.

Ловят судаков со стлани, реже с лодки или с берега мельничного омута, на длинные (до 7 аршин) удочки с короткой (немного длиннее удильника) крепкой лесой, пробочным поплавком величиною с небольшое куриное яйцо и соответственным грузилом. При ловле со стлани вывоженную рыбу непременно вытаскивают багром (стараясь зацепить ее под жабры или между грудными плавниками), а не сачком, который здесь очень цепляет. Длинная леска употребляется только при уженье в местах, относительно безопасных от задевов, большею частью с лодки. Когда течение унесет поплавок и станет толкать его, леску подтягивают к себе, не вынимая живца из воды, так как в момент приподнятия живца часто бывает поклевка. Передается она поплавком различно. На быстром течении судак большею частью не топит поплавок, а ведет его в сторону или против

течения; при ужении на быстрой воде поплавок окунается медленно, как при поклевке окуня, или же порывисто, как будто клюнула щука. Здесь его гораздо лучше ловить на мертвую рыбку, поддерживаемую во вращательном движении способом, называемым *shinning*, который будет описан далее, при ужении семги.

Почти так же ловят судаков после нереста, когда они, проголодавшись, снова жадно берут живца. Ужение это начинается чаще в июне, в июле почти прекращается и снова становится добычливым в августе. Удят также всего чаще под мельницами или на глубоких ямах с поплавком или без поплавок на весу, что иногда бывает много удобнее, так как, передвигая живца в разные стороны, обуживая все место, доступное удилищу, скорее можно разыскать притаившегося в засаде судака, соблазнить его насадкой, поддерживаемой в постоянном движении. Живца пускают то над самым дном, то на поверхности воды, то ведут наискось, медленно опуская груз, по мере того как он относится течением, то дают рыбке постоять поблизости какой-нибудь заранее исследованной засады. Весьма полезно бывает также изредка задерживать живца на несколько секунд и потом вдруг пускать его. Бойкость живца является здесь еще более необходимым условием, чем при ужении на поплавок, с которым живец дольше не снет. Даже сытый судак редко не соблазнится бойко плывущей мимо его носа рыбкой. Снасти употребляются здесь те же, как и при ужении с поплавком, только грузило должно быть немного тяжелее. Поклевка судака передается руке в форме довольно слабого, но резкого толчка, как будто пуля стукнулась о камень; затем леску начинают тянуть из рук, как будто на нее нацепился большой пук подводной травы или широкая щепка и течение как бы стало сильнее. Затем поддают леску как можно больше и подсекают.

В таких местах около мельниц, где нельзя свободно действовать длинным удилищем, заменяют его коротким, в 2–3 аршина. При ловле же на стлани и в щелях пола (в мельничных амбарах), под колесами, где судак также любит держаться, можно употреблять кобылку или обходиться без удильника и держать лесу в руке на весу (только леса должна быть покрепче). При ловле же под разными навесами, весьма обыкновенными на больших мельницах, нужен, наоборот, весьма длинный удильник и самая короткая, аршинная, леска.

За неимением хороших живцов можно ловить здесь судака и на мертвую рыбку способом, употребляемым в верховьях Дуная. Рыбке около 3/2 вершка длины отрезают голову у самых жабер и снимают мясо с костей двумя пластинками, сделав предварительно надрез по самой середине спины. Снятые филейчики должны по возможности сохранить всю чешую, блеск которой делает насадку более заметной. Продев крючок сквозь тот конец, который приходился к голове рыбы, закидывают по возможности дальше и затем тащат насадку к себе. Она при этом извивается и привлекает внимание затаившихся судаков. Способ этот всего пригоднее для мест, где течения почти нет и где вода совершенно завалена всяким хламом.

Из того, что судак живет преимущественно в самых крепких местах, необходимо прийти к заключению о неудобстве ловли его на тонкие снасти, при содействии катушки. Главное назначение последней – дать возможность рыбе с некоторым, более или менее значительным, сопротивлением смотать запас лесы до совершенного утомления – здесь ни при чем, и катушка при ловле судаков может быть полезна только тем, что дает возможность быстро укоротить и удлинить леску при закидывании. Впрочем, катушка дает возможность поддать аршин-два лески для того, чтобы судак успел хорошенько забрать живца. Но это может быть достигнуто и другим, более простым способом, а именно: особым поплавком, на который наматывается часть лески, так, чтобы судак, взявший живца, мог смотать этот запас. Эти поплавки-жерлицы, придуманные одним московским рыболовом, едва ли не более практичны для ужения щук. Делаются они из осокоря или легкого дерева, удлиненной формы, вершков 3–4 длиной. В верхней части прodelывается

большое кольцо, сбоку – другое, маленькое, а внизу просверлена дыра, в которую вставлен расщеп из твердого дерева, леска пропускается сквозь верхнее и боковое кольца, часть ее (1–3 аршина) наматывается на нижнюю половину и затем конец ущемляется в расщепе, подобно жерлице, так, чтобы живец не мог вырвать леску из этого расщепе, но хищник, погружая весь поплавок, легко высвобождал бы ее оттуда и, заглатывая живца, сматывал бы запас лесы, как с рогульки или кружка. Таким образом подсекают рыбу, только когда она смотала весь запас и натянула леску выше поплавок, и подсечка эта не может быть, так сказать, преждевременно-вынужденной, потому что судак или щука успеют если не заглотать живца, то забрать его в пасть. К сожалению, этот способ удобен только там, где поплавок можно пускать по течению, от самой лодки (или моста, плотины), так как закинуть его далеко, не распустив намотанного запаса лесы, очень трудно.

В самых прудах, не под мельницами, а также в озерах (проточных) судаки попадают на удочку сравнительно редко. По крайней мере это верно относительно окрестностей Москвы (Люблинский пруд, Борисовский пруд под Царицыном, пруд селца Рождествено близ Лопасни). Вероятно, это зависит от того, что здесь они сыты и кормятся преимущественно по ночам, не выходя из глубоких мест посреди пруда. Обыкновенно они держатся тут или в речном русле (Люблино), или в ямах (Царицыно, Рождествено). Мелкий судачок (годовалый – около 5–6 вершков), однако, попадает на удочку довольно часто и днем (например, в Серебрянском пруде близ Пушкина и на Борисовском). Крупного же судака подмосковные рыболовы ловят в прудах почти исключительно на кружки, по ночам, с июня до конца сентября, и в небольшом количестве. Кружки эти (см. «Щука») расставляют только в безветренную погоду, с вечера, на самых глубоких местах, пуская живца на 1–2 вершка от дна; если же живец (большею частью плотичка) окажется выше 2 вершков или ляжет на дно, то судак его не берет, почему для успеха этой ловли, кроме тихой погоды, необходимо, чтобы место, где поставлен кружок, имело бы одинаковую глубину на большое протяжение. Большею частью живца (неприменно бойкого) насаживают за губу, реже за спинку. Судак в прудах берет вяло и (так как живец пущен ко дну) нередко везет кружок, не разматывая с него бечевки; почувствовав сопротивление, он останавливается, но, кажется, никогда не выплевывает живца, подобно щуке, хотя бы мог это сделать скорее последней, ибо слабо себя подсекает. Это необходимо иметь в виду при его вытаскивании. Судак далеко кружка не утаскивает и стоит с ним на глубине, а не у берега, подобно щуке.

Судя по всему, всего удобнее было бы ловить судаков в прудах на переметы, которые дают больше шансов на успех тем, что крючков может быть несколько десятков и живцы все время ходят на одной и той же глубине. Для ловли судаков лучше всего употреблять наплавной перемет, который состоит из просмоленной толстой бечевки, на которой в известном расстоянии, равняющемся примерно глубине места, надеты большие пробочные поплавки с привязанной к ним леской (тонкой бечевкой), кончающейся крючком на поводке (из баска) с грузилом. Оба конца веревки привязываются (на слаби) к кольям, воткнутым по краям ямы или в берега пруда (или реки). Для того чтобы поплавки перемета удерживать на любом месте наплавной веревки, леска привязывается к поплавку так, чтобы у нее оставался свободный конец длиной немного более аршина. Конец этот при помощи сделанной на нем глухой петли и палочки, привязанной за середину, образует захлестку. Еще важнее, чтобы леска могла быть пущена длиннее или короче, смотря по глубине. Поэтому поплавки предпочтительнее делать из большого (лучше цилиндрического) куса пробки, в которую закреплена небольшая рогулька, вроде жерличной, причем для того, чтобы поплавок принял вертикальное положение, рожками вниз, в углу рожков полезно прикреплять небольшое грузило. Леска в таком случае привязывается у основания рожков, и часть ее, сколько необходимо

для того, чтобы живец плавал почти на дне, наматывается на рогульку известным способом (цифрой 8, см. описание жерлицы в ст. «Щука») и заземляется в расщеп рогульки так же, как в жерлице.

В реках ловят также судаков на подпуски (см. «Налим»), которые составляют, в сущности, тот же перемет, только продольный, но этот способ ловли удобен только в глубоких местах с сильным и совершенно ровным течением, которого судак обыкновенно избегает, предпочитая ему водовороты. Там же, где вода вертится, подпуски только путаются и вовсе непригодны.

Точно так же довольно редко ловят судаков на дорожку, т. е. ходовую блесну, пускаемую с плывущей лодки. Это объясняется опять-таки тем, что судак живет преимущественно там, где очень много задевов; но в некоторых прудах и озерах, где судака много и он держится в сравнительно чистых, хотя и глубоких местах, как, например, в пруде-озере Сестрорецкого завода, что близ Петербурга, эта рыба попадает на дорожку довольно часто, если дорожка плывет близко от дна, почему необходимо хорошо изучить местность. В некоторых реках судака блеснят осенью и в начале зимы, по ямам и мельничным омутам, как окуня (см. выше), но в гораздо меньшем количестве, что, вероятно, зависит от того, что у нас, в средних губерниях, судак держится не стаями, а в разбивку. На Нижней Волге блеснение судака довольно распространено, но под Москвой оно вовсе не применяется, и здесь эта ловля заменяется другою, аналогичною, именно ловлею ходом, или плавом.

Этот способ ужения – один из самых интересных, есть нечто среднее между ловлей на блесну и дорожку, но приманкой служит, однако, живая рыбка. Как видно из названия, ловят с плывущей лодки, но лодка должна плыть очень медленно, так, чтобы леска имела бы почти вертикальное направление и живец шел почти у лодки, недалеко от дна. Хотя этим способом ловят под Москвой преимущественно щук, но для ловли судака в глубоких и крепких местах, где неудобно ловить его ни на удочку с поплавком, ни тем более на донную, он, этот способ, может быть признан наилучшим из всех других, а потому опишем его подробно.

Ловля ходом производится обязательно в глубоких местах реки, не мельче 2, даже 3 сажень, что весьма понятно, так как на небольшой глубине никакая крупная рыба под лодкой не возьмет. Всего лучше ловить в больших мельничных омутах и в глубоких речных ямах, где много дубья, коряг, затонувших деревьев, особенно же там, где находится затонувшая барка с тяжелым грузом. Лучшее место для ловли плавом на Москве-реке – это Мячковская яма (близ с. Мячкова и устья Пахры) глубиною в 5–7 сажень, в которой находится несколько затонувших барок. Судаки здесь держатся преимущественно в этих барках, а самое любимое место их – под «шакшей», т. е. крытою частью барки.

Отсюда очевидно, что, прежде чем ловить, надо как можно тщательнее изучить яму при помощи гири, определить различные глубины ее и исследовать предметы, в ней находящиеся.

Ловля начинается с конца лета, в августе, редко ранее, когда хищники берут не так жадно, и продолжается до заморозков. Необходимое условие ловли плавом – тихая погода, так как даже при небольшом ветре управление лодкой становится затруднительным; поэтому ловят только ранним утром и под вечер, тем более что среди дня судак почти никогда не берет. Удильники (шестики) должны быть короткие, около 2 аршин, крепкие и гибкие, однако не жидкие и с довольно толстым кончиком. Обыкновенно употребляются здесь можжевельные шестики с толстым комлем, но еще надежнее и удобнее удильники из толстого (в карандаш) китового уса, в 3/4 аршина длины, прочно и глубоко вставленного в деревянную или камышовую (красного камыша) аршинную рукоятку до 1 1/2 дюйма толщины в комле. К удильнику полезно, иногда даже необходимо, при способлять катушку, которая не только дает возможность быстро укоротить или удлинить леску при

изменившейся глубине, но позволяет спустить аршин или два лески перед подсечкой, для того чтобы дать рыбе хорошенько забрать живца. Катушка укрепляется обыкновенным способом (см. «Форель»), и выше ее привязываются не менее четырех колец, в которые пропускается леска. Последняя должна иметь большую прочность и выдерживать до 20 фунтов и более (т.е. поднимать гирию такого веса), почему шелковые, так называемые шучьи, лучше волосяных. Тяжесть грузила, назначение которого поддерживать леску в вертикальном положении, бывает различна: в местах без течения достаточно пуля в 5–6 золотников, но на течении она должна быть значительно тяжелее. Крючки на басковых поводках (которые не должны быть крепче лески) употребительнее № 00 и 0, одиночные. Живец (пескарь, елец, голавлик, уклейка, редко подъязык, плотичка) насаживается через рот в ноздрю, и чем он бойчее, тем лучше: на вялого, а тем более сонного живца, которого часто берет щука, судак не возьмет.

Ловля производится обыкновенно вдвоем, на легкой лодке или на челноке, очень редко втроем, еще реже в одиночку, так как не многие могут одной рукой (левой) грести, зажав рукоятку весла под мышкой, а другую управлять с удочкой. Гребец, сидя на корме, толкает тихонько лодку веслом, медленно подвигая ее вперед, поперек реки, или заставляя ее кружиться на небольшом пространстве. Грести нужно осторожно, так, чтобы весло не ударяло по воде плашмя, а без шума разрезало бы воду ребром, не опускаясь в нее глубоко. Удильщик ловит на одну удочку, опуская живца на четверть от дна или мельче, и время от времени плавно и тихо подергивает леску, медленно поднимая живца кверху или опуская вниз до дна и стараясь не потерять глубины, так как судак всегда берет со дна.

Клев судака в этой ловле сходен с клевом щуки: рука, держащая удочку, чувствует небольшое сотрясение, и кажется, что на крючок зацепился какой-то легкий предмет; в этот момент весьма полезно потихоньку потянуть лесу кверху: хищник, схвативший живца, полагая, что последний сам вырывается из пасти, захватывает его глубже и тянет шест вниз; тогда надо или опускать шест как можно глубже в воду, иногда со всею рукою до плеча, чтобы дать рыбе совсем заглотать живца, и потом уже ее подсекать, или же, при катушке, предварительно спускают столько лески, сколько нужно. При первой поклевке гребец должен остановить лодку и повернуть ее, как это окажется удобнее. Мелкие судаки, а также окуни нередко, когда потянешь кверху живца, поднимаются вместе с ним, так что, дожидаясь, пока рыба потащит, приходится или вставать во весь рост, или намотать на катушку часть лесы; иногда же они, схватив живца, быстро идут в сторону, причем часто, если живец велик, то отпускают его, то вновь хватают. Крупный судак берет всегда верно, но после подсечки нередко запутывает леску в корягах, почему, пользуясь крепостью снасти, надо его поскорее отвести от дна и опасных мест и вываживать покрупче в верхних слоях воды, после чего подхватить сачком. Вообще при ловле в крепких местах задевы неизбежны и без отцепа – тяжелого свинцового кольца, пропускаемого на бечевке через удильник до крючка, – обойтись невозможно; но и с отцепом много приходится обрывать крючков, и необходимо иметь их порядочный запас.

Кроме этого способа ловли судаков, под Москвой, в устьях Пахры, судаков по перволедью в довольно большом количестве вытаскивают баграми из прорубей. Ловля эта основана на том, что, как только замерзнут Москва-река и Пахра, значительная часть рыбы, живущей в ближних омутах, входит в устье Пахры к так называемой Зеленой мельнице, у которой находит еще не замерзшую воду. Идет всякая рыба: лещ, язь, голавль, но багрят преимущественно судака, как самую ценную рыбу. Для этого в устьях Пахры, ближе к берегам, где глубина не превышает двух аршин, ловцы – мячковские крестьяне – делают небольшие проруби и, подстлав соломы, ложатся на нее лицом к устью, опускают в прорубь багор –

острый крюк на двухаршинной рукоятке, – зорко всматриваются в прозрачную воду и, выждав мимо идущего судака, ловким и быстрым движением подцепляют его за брюхо и выбрасывают на лед. Обыкновенно при этом других рыб, кроме разве особенно крупных, не трогают, чтобы не распугать судака. Понятное дело, удача багренья много зависит от выбора надлежащего места, а также от того, как становится река – дружно ли или нет. Продолжается багренья всего около недели, так как в скором времени вся рыба, применившись к новым, зимним условиям жизни, возвращается в ямы, где и держится до начала весны; перед вскрытием судаки снова входят в устье Пахры, на свежую воду, и здесь опять багряют их, хотя не в большом количестве и непродолжительное время.

На ямах судак у нас, на Москве-реке, ловится зимою редко – больше на живца, еще реже на блесну. На Волге же (Средней и Нижней), как уже сказано, местами блеснят судаков в довольно большом количестве, причем блеснение это, по-видимому, мало отличается от блеснения окуней. О зимней ловле этих рыб, впрочем, никто не писал. Мы знаем только, что судаков ловят зимою на Нижней Волге в большом количестве самоловами, на живца. Так как эти самоловы ставятся главным образом для ловли белорыбицы, то они будут описаны далее, при описании последней рыбы.

Чоп

Aspro Zingel Bloch. Повсеместно – чоп.

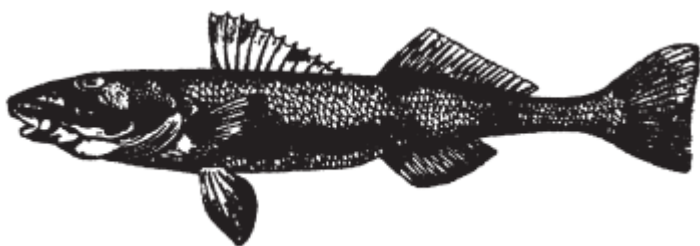

Рис. 14. Чоп

Эта рыба имеет у нас весьма ограниченное распространение и потому почти вовсе неизвестна. Как кажется, она встречается только в Днестре, но доходит в нем до Хотина. Чоп легко отличается от всех других окуневых своим удлиненным веретенообразным телом и выдающимся рылом. Спина и бока у него серовато-желтого цвета, брюхо беловатое, с боков тела находятся 4 косые темно-бурые полосы. Величина его незначительна, и у нас он, кажется, никогда не достигает фута длины. В Дунае же, по свидетельству Блоха и Нордмана, попадаются особи длиной от 14–16 дюймов и весом от 2 до 3 фунтов.

Главное местопребывание этой рыбы – Дунай и его главные притоки, но и здесь она вообще довольно редка. Образ жизни ее очень мало известен: чоп любит свежую и быструю воду, держится обыкновенно на глубине и кормится червяками и т. п., также небольшими рыбками, на что указывает его большой рот, между тем как шиповатые чешуи и острые колючки переднего спинного плавника спасают его от преследования хищников. Чоп довольно живуч, и его легко можно перевозить из одной реки в другую. Трется он в Днестре в первых числах мая, быть может, и в конце апреля; в притоках же Дуная – в марте и апреле (по Бишофу, однако, в мае). По Моербе, икра его желтого цвета, величиною с маковое зерно, и трется чоп на гальке, в местах с неровным дном и большими выбоинами.

В рыболовном отношении чоп не имеет никакого значения и на удочку (в Австрии) также попадает довольно редко. По Моербе и Бишофу, ловят его, как окуня и судака, больше на червя; берет он только в теплое время года – с июня по август, преимущественно в сумерки и когда вода мутна. Это вялая и неповоротливая рыба,

и так же вяло она берет.

Кроме этого вида, в Дунае водится еще другой чоп (*Aspro vulgaris* Cuv.), который отличается своею меньшею величиною (не более 6–7 дюймов), еще более удлинненным телом и узкою укороченною хвостовою частью, гораздо более широкими и длинными брюшными плавниками, числом лучей в переднем спинном

плавнике (только 8–9, а у *Aspro Zingel* 13–14), более крупною чешуею (70 $\frac{IV-V}{VII}$ 80, а у другого $\frac{XIII-XIV}{XIV}$ 90), наконец более темным цветом тела и более явственными черноватыми полосами.

Ерш

Acerina vulgaris L. Повсеместно – ерш; мелкий ерш на Белоозере – шига. В Малороссии местами неправильно – бобырь; местами и в Днестре – кострик (молодой?), ноготь, ногтик (в Могилеве); в Гродн. губ. – сгарь; на р. Стыри – царик. В Польше – ясгарь, ясгарц, ясц. Лит. – пукис; финск. и у ижоров – кииски; лат. – уллис, кизир; эст. – киис; вот. – ерич; чувашск. – кыртыш; черем. – крыш, криш; вог. – перван, тарван, тарри; тат.-башк. – чашбаш; у татар на Свияге – сула (?). Башк. также – юрыш; калм. – хоти-берег, шургус, шюрю, шыргы; бараб.– картеак; телеут. – ит-балык; сам. – нойе, ямечику; ост. – нырета, нырта, хельк, нирза, нырзатауэ; берез. ост. – лар, ларка; на Сургуте – лакул; Нарыме – нырсса; ост.-сам. – нырта; тунг. – поонгой, кангья; бурят. – ермоки.

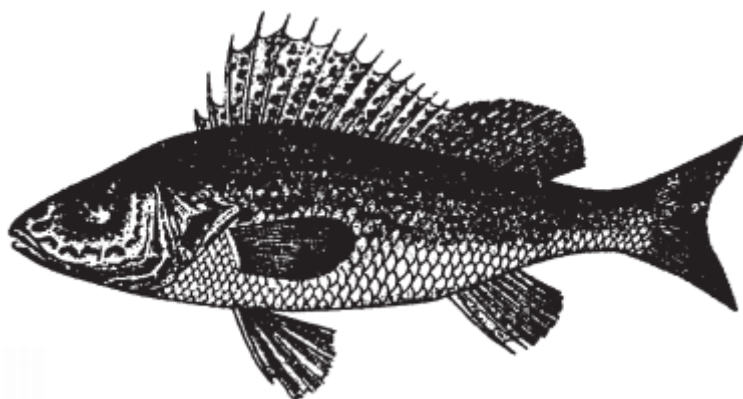

Рис. 15. Ерш

Наружность ерша, конечно, известна каждому, и эту рыбу трудно смешать с какой-либо другой. Будучи вынут из воды, ерш имеет крайне оригинальный вид и с первого взгляда может показаться каким-то чудовищем: он так растопыривает свои острые плавники и «щеки», также вооруженные зубцами, что скорее походит на колючий шарик, но уже никак не на рыбу; вдобавок он и хвост согнет на бок. Это взъерошивание, послужившее поводом к названию этой рыбы ершом, составляет единственное средство ее защиты: перед этим лесом твердых шипов отступает и голодная щука. Из уважения к этой способности постоять за себя и отделяться от всяких врагов малороссийские рыбаки дали ему прозвание хозяина.

Складом своим ерш напоминает окуня, но передний – колючий – спинной плавник его неразрывно связан с задним, толстые колючки (2) заключаются и в заднепроходном плавнике; жаберные крышки (щеки) также усажены 11–12 острыми шипами. Глаза у него очень большие – на выкате, с мутно-лиловой, иногда даже синеватой радужиной. Спина серо-зеленая с черноватыми пятнышками и точками, бока несколько желтоватые, брюхо беловатое. Впрочем, цвет его зависит от

местопребывания; в реках и озерах с песчаным дном ерш всегда светлее, чем в иловатых местностях. Здесь он иногда бывает почти темно-зеленого цвета. В прудах ерш большею частью имеет желтоватое, даже желтовато-серое брюшко. Кроме того, в реках ходовой ерш, как и всякая другая рыба, всегда белее оседлого, «стоялого», или «стоевого», ерша.

Обыкновенно ерш имеет в длину около 5 дюймов, хотя при благоприятных условиях, т. е. при обилии пищи и трудности ловли, достигает гораздо большей величины. Самые крупные ерши встречаются вообще при устьях рек и в больших озерах, например в устьях Днепра, Буга, Оки, Суры, в оз. Селигере, Чухломском, Пудкозере (в последнем до фунта), но самые гигантские ерши ловятся в некоторых приуральских и западносибирских озерах, где они достигают до 14 дюймов длины и весят до 11/2 фунта. Ерши-фунтовики еще встречаются во многих озерах Екатеринбургского уезда и ловились прежде целыми пудами. Этот гигантский рост здешних ершей зависит исключительно от обилия небольших рачков мормышей, которые круглый год, особенно зимою, составляют почти единственную пищу этой рыбы, между тем как в реках она зимою лежит в глубоких местах и почти ничего не ест. Осенью и раннею весною желудок ерша всегда бывает набит мормышами по самое горло.

Вообще мелкие рачки, мелкие насекомые, личинки последних составляют главную пищу ерша; весной он также поедает в большом количестве икру других рыб и потому в небольших озерах скоро истребляет других рыб, почему нередко, особенно в Северной России, встречаются озера, населенные только одними ершами. Несомненно, что они едят не только недавно выклюнувшуюся молодь рыбы, но не прочь поживиться вообще мелочью, так как местами, в очень рыбных озерах, не особенно редко берут на малявку (например, на Сенежском озере).

Ерш имеет весьма обширное распространение; он водится во всех странах Европы, за исключением Испании, Италии и Греции, и в большей части Сибири, по крайней мере до Байкала. Вместе с тем он встречается как в больших реках, так и в речках на взморье, в озерах и проточных или ключевых прудах. Он очень неприхотлив и составляет почти неизменного спутника окуня, подобно которому не любит сильного течения и предпочитает в реках или заливы, или же ямы с водоворотами. Поэтому ерша нет в северных быстротекущих речках, и он как в севернорусских реках, так и в южнорусских встречается чаще в заливных озерах, в лиманах, чем в реке; в Днестре, Днепре и Доне ерш вообще малочисленнее бирючка, почему местами даже называется в отличие от последнего озерным ершом. Впрочем, везде главная масса ерша добывается как промысловыми снастями, так и удочкой, именно в озерах и на взморье.

Ранней весной или, вернее, в конце зимы стаи ерша, зимовавшие на ямах, выходят на более мелкие места и через некоторое время начинают нереститься. По-видимому, время нереста находится в зависимости от таяния льда, а потому происходит в реках значительно ранее, чем в озерах. Последние наблюдения показали, что ерш начинает метать икру немного разве позднее щуки и раньше окуня – еще подо льдом и в реках во всяком случае до большой воды. Таким образом, в Юго-Западной России нерест ерша бывает в феврале, на Дону – в марте, в Средней России – в начале апреля, а на севере и в уральских озерах – в начале мая. По моим наблюдениям, в последних весь ерш выметывает икру в несколько дней (ночей); по другим – нерест продолжается недели две. Надо полагать, что сначала трутся крупные ерши, потом средние и, наконец, мелкие, полутора-двухвершковые (с головою и хвостом) двухлетки. При этом стаи ершей не предпринимают далеких путешествий, подобно другим рыбам, хотя все-таки несколько поднимаются по течению и из больших рек или озер заходят в устья мелких притоков.

Что касается места нерестилища, то здесь мы встречаем некоторые разногласия,

которые можно, впрочем, до некоторой степени объяснить ранним нерестом и тем, что он происходит не на поверхности воды и, кроме того, ночью, а следовательно, и трудностью наблюдения. Кроме того, несомненно, что при различных условиях ерши выметывают икру на различных местах. По моим наблюдениям, в иловатых озерах они нерестятся на глубине, в ямах с хрящеватым или каменистым дном, каковые всего чаще бывают близ устьев озерных притоков. В реках же всего чаще, судя по обилию мелких ершей в старицах, протоках и заливных озерах, соединенных протоками с руслом, ерши трутся в этих местах, опять-таки на жестком, песчаном или глинистом дне, с небольшим течением. Терлецкий говорит, что они (в реке) отыскивают мелкое (?) песчаное или хрящеватое место около берега, что, быть может, объясняется местными условиями. В северо-западных русских озерах, вообще глубоких, ерш, по-видимому, выбирает уже более мелкие места и выпускает икру на песчаных кряжах или откосах, однако на глубине около сажени.

Нерестятся ерши большими или меньшими стаями (от сотни до нескольких тысяч особей), в сумерки или ночью, на самом дне, причем они, по наблюдениям Терлецкого, «бегают взад и вперед кругами, наталкиваются и перепрыгивают друг через друга, трутся и устилают дно молоками и мелкою икрой в виде какого-то киселя». Икра ерша действительно связана между собой студенистою, хотя и нелипкою слизью, посредством которой она прикрепляется к камням или ко дну, в виде исключения к траве, вернее, задерживается неровностями дна, так как она ложится густым слоем. Яйца желтоватого цвета, мелкие (0,8–1 мм) и довольно многочисленны (от 50 до 100 тысяч); развиваются они довольно медленно: молодь выклеывается из них не ранее как через две недели и, кажется, остается на местах вывода до конца лета, появляясь на мелких песчаных местах в конце августа, достигнув немного более дюйма величины. Годовалый ерш около полутора вершка, но в зауральских озерах, на взморьях и вообще в очень кормных местах, изобилующих ракообразными (из Gammarus по преимуществу), ерш растет несравненно быстрее. Полая вода, хотя застаёт стаи ершей на местах нереста в сравнительно тихих местах, все-таки разбивает их и сносит в заводи, затоны и глухие заливные озера, где они нередко и остаются до следующего разлива. Только когда река окончательно войдет в берега и достигнет почти обычного уровня, в Средней России не ранее начала мая, ерши начинают собираться стаями в удобных местах – в ямах, у глинистых обрывов, т. е. в ярах с обратным водоворотным течением, в глубоких затонах с медленным течением, особенно если тут стоят лесные гонки. В судоходных реках ерша чаще всего находят у плотов, по той причине, что здесь всего удобнее его удить, а также потому, что летом, в жары, он находит себе здесь не только необходимую ему тень и прохладу, но и достаточное количество мелких животных организмов, служащих ему пищею. По той же причине много держится ерша в затонувших на глубине барках.

Ерш всегда избегает солнечного света и теплой воды, а потому летом редко встречается на глубине менее сажени, особенно крупный; около берега эта рыба встречается, когда он хотя и неглубок, но обрывист или идет уступами, потому что сильная волна и прибой размывают его, освобождая червей и личинок. Отсюда и произошло мнение, что ерш любит муть и что можно приманивать его, производя эту муть искусственно. Впрочем, молодь ерша и мелкий ерш-селеток идет на муть не хуже пескаря и попадает с ним в подъемные сети (см. «Пескарь»). В проточных прудах ерш, как рыба ночная или, вернее, сумеречная, живет в ямах у тенистых берегов, но всего больше любит он держаться у плотин, свай, купален и мостов, где находит тень, прохладу и пищу. По приметам рыболовов-охотников, ерш питает особую слабость к бодяге, покрывающей иногда сплошь подводные сооружения и служащей гнездилищем различных мелких организмов. Но привлекает его сюда главным образом мотыль – красные личинки комара-толкунчика, живущие

массажи в иле, а потому в прудах ерш гораздо реже встречается на песчаных местах, чем в реке.

В жаркое время, когда вода в пруде достигает температуры до 20° и выше, ерш, смотря по местности, или уходит к ключам и устьям родниковых ручейков, или прячется под плавучие берега – трясины, если таковые имеются. В неглубоких озерах весь ерш целое лето укрывается под этими так называемыми лавдами, или лавами, тем более что в северных зауральских (вероятно, и в среднерусских озерах, как, например, Ростовском, Галицком) под лавдами живет все лето мормыш (горбунчик, *Gammarus*), который служит его главной пищей и тоже не выносит тепло и воды. Наконец ерш летом поднимается из проточных прудов или озер в речное русло и нередко доходит до следующей плотины, поселяясь на дне омута, на самой глубине, где если и есть какое-либо течение, то только круговращательное, самое выгодное для такой непроторенной и флегматичной рыбы. Впрочем, нельзя сказать, чтобы она совершенно избегала течения: крупный речной ерш встречается нередко в таких местах, где ему, кажется, не удержаться, но дело в том, что ерши, как чисто донные рыбы, отлично пользуются всякими закрытиями в виде камней, уступов, неровностей дна, каждой ямкой, ложбинкой, промоинкой и в таких местах стоят тесно, плотными рядами, прижимаясь ко дну. Вообще ерш – рыба общественная, миролюбивая, и даже крупные ерши уживаются с мелкими, но зато, где стоит ерш, там мало вероятности найти какую-либо другую рыбу, кроме налима, ночью. Налим живет всегда в тех же почти местах реки, где и ерш, и может быть назван главным врагом его, так как едва ли не предпочитает последнего пескарю и голец. Сом еще довольно охотно ловит ершей, втягивая их в свою огромную пасть, судак – и только крупный – довольно редко, а щука – в виде исключения и местами.

Все лето ерш ведет довольно оседлую жизнь. Только сильное нагревание воды в прудах и паводки в больших и средних реках заставляют его перекочевывать в другое место. Сильные и внезапные паводки, кроме того что сносят ершей в заводи, но разбивают стаи, и проходит обыкновенно несколько дней, даже более недели, прежде чем они соберутся на прежних местах. В конце лета, когда вода похолодеет, ершиные стайки все более и более группируются на определенных, удобных и кормных, местах, и в это время начинается их главная ловля. К осени ерш собирается уже массажи; в запруженных реках, кажется, с сентября иногда чуть ли не весь ерш собирается в омут, где и зимует; в озерах, однако, мелкий ерш еще долго стоит на мелях и уходит вглубь после сильных утренников.

Случается, что в мелких озерах сильные осенние ветры выкидывают на берег массу ершей, не успевших вовремя удалиться на глубокое место. Зимует ерш всего чаще в устьях небольших рек, в очень глубоких ямах в русле или под плотинами в омутах; в озерах предпочитает или тоже устья ручьев и речек, или колодцы, т. е. подводные ключи, отдаленные от берега. Однако по перволедью ерш еще некоторое время держится сравнительно мелких мест и жметя ближе к берегу, около краев ямы, и только когда лед окрепнет, сваливается в нее и ложится там рядами, в несколько слоев. Сначала он еще принимает пищу, но в середине зимы, особенно при сильных морозах и очень толстом льде, перестает есть вовсе до сильных оттепелей. В Зауралье ерши с февраля уже пожирают во множестве мормышей, усеивающих нижнюю поверхность льда.

Как промысловая рыба ерш не имеет большого значения, так как сетями и неводами ловится в большом количестве только в озерах и в море, а главным образом потому, что потребляется большею частью на месте. Дело в том, что ценится, притом в столицах и больших городах ценится очень дорого, только живой и по меньшей мере совершенно свежий ерш, покрытый слизью, как одна из лучших рыб для ухи; мороженые же ерши стоят дешевле мелкого окуня. Всего более ловится ерша по Балтийскому побережью, где он кишит в заливах, в Финском заливе, в

устьях Невы, во многих северных озерах, например в Ильмене. В Остзейских губерниях и в Пруссии он служит местами главную пищу прибрежного населения.

Ерш чуть ли не единственная рыба, которая едва ли не в большом количестве ловится на удочку, чем сетями, отчасти потому, что его, как рыбу донную и живущую на ямах, ловить неводами неудобно, но больше потому, что он очень запутывается и мнется, так что неводная ловля дает незначительный процент живой рыбы, сравнительно с ловленной на удочки, особенно в зимнее время. В окрестностях Москвы и Петербурга очень многие промышляют ужением ершей, зарабатывая иногда по несколько рублей в сутки; но и между столичными рыболовами-охотниками есть много любителей ужения ершей, да и вообще, кажется, у нас везде последние предпочитают всякой другой мелкой рыбе, начиная с пескаря и кончая плотвой. Весьма странно, что ерш во Франции (по Jobey) в большем презрении, чем какая-либо другая рыба: не только в охотничьем отношении, но и в гастрономическом пескари, гольцы, даже гольяны предпочитают бедному ершу.

Ужение ершей резко разделяется на три периода: 1) весенне-летнее, с того времени, как вода войдет в берега, и до того, как температура ее понизится примерно до 12°, в Средней России – с конца апреля до конца июля; 2) осеннее – до замерзания и 3) зимнее – от замерзания до вскрытия. Так как местами осенью и зимою ерш составляет чуть ли не главный объект ужения, то все способы ловли его удочкою будут описаны мною довольно подробно, в особенности же зимняя ловля.

Прежде всего надо сделать следующие общие замечания, которые, впрочем, всякий может вывести из сделанного выше описания образа жизни. Ерша всегда следует искать на сравнительно глубоких, ямистых или затененных местах; даже и здесь он выбирает углубления, а потому, прежде чем ловить, надо отыскать самое глубокое место. Это рыба сумеречная, и ловить ее среди дня, т. е. около полудня, стоит только зимою, а летом можно только под плотами. Так как ерш всегда держится на самом дне, касаясь его брюхом, то насадка должна касаться дна и в крайнем случае не доставать на вершок от него; рыба эта вялая, ленивая и в редких случаях станет подниматься кверху и за плывущей над нею насадкою. По той же причине нередко бывает, что из двух рядом сидящих на лодке рыболовов один ловит ершей много, а другой очень мало. Несмотря на то что ерш имеет чрезвычайно сильно развитое обоняние, все прикормки и притравы оказываются малодействительны и даже бесполезны: ерши в реках, на течении, с крайней неохотой расстаются с облюбованной ими ямкой и если подаются вверх по течению ради прикормки, то очень нескоро. В прудах же и озерах, вообще, где течение не стесняет свободу его движений, ерш более внимателен к прикормке. Взмучивание же воды, советуемое некоторыми рыболовами, не только излишне, но при обычном способе лова ерша (см. далее) в отвес даже вредно, так как отгоняет ершей от места. Наконец, по замечанию некоторых специалистов по ужению, мною не проверенному, ерши берут всего лучше в полнолуние и в это время берут хорошо среди ночи.

Весенняя и летняя ловля ерша удочкой малодобычлива и мало практикуется рыболовами, которые весной заняты ужением более крупной рыбы. Настоящий охотник если и попадет в это время случайно на стайку ершей, то непременно перейдет или съедет на другое место, так как где стоит ерш, там мало вероятности выудить другую рыбу. В это время ерша больше ловят в стоячих водах – прудах и озерах, – чем в реке, чаще на удочки с поплавком, чем без поплавка. В реках, конечно судоходных, летнее ужение производится чаще с плотов, пристаней, с барок и купален, чем с берега или с лодки; в прудах – с плотин, купален, мостков; на озерах (например, в Зауралье) изредка удят ершей, также делая как бы проруби в плавунах (лавдах), под которыми стоит ерш. Но в травах ерш ловится в виде редкого исключения, так как встречается здесь только во время нереста других рыб, причем

подбирает большею частью ту икру, которая легла на дно. Где его искать – сказано выше, но опять-таки повторяю, что, особенно в реках, надо предварительно найти самые глубокие ямки, а потому необходимо иметь с собою лот для вымеривания глубины: для такой ленивой рыбы ошибка на четверть аршина может повлечь полную неудачу.

Всю весну и первую половину лета ерш берет всего лучше под вечер и ранним утром, но иногда недурно клюет в это время и ночью; днем же – за редкими исключениями, например под плотами, и все-таки много хуже.

Главная, даже единственная, насадка весной и летом – навозный червь, так как мотыля в это время мало, да и его труднее е насаживать, а большой земляной червь (выползок) слишком велик для такой мелкой рыбы. Крючки употребляются поэтому довольно крупных номеров, от 5 до 8-го; при плохом и осторожном клеве лучше обыкновенные (лимерик, кирби), а не мотыльные с длинным стержнем. Леска предпочитается волосяная (3–4 волоса), как более дешевая; доводки делаются из 2–3 волос, а не жилковые, потому что обыкновенные жилки чересчур крепки и при задеве, например, леска будет рваться не у поводка, а много выше, что очень выгодно.

В стоячей воде ловят почти всегда с поплавком. На реках же – как с поплавком, так и без него, т. е. в отвес, с лодки или плота; реже на длинные лески, в закидку не стоит возиться; в последнем случае лески должны быть покрепче. В ловле прудового и речного ерша есть некоторая разница; первый сытее и прихотливее, а потому на обрывки червя летом не берет вовсе, осенью же редко, и для него надо насаживать непременно цельного червя, пуская хвостик длиннее или короче, сообразно о клеву. В реке же, на течении, хотя бы и слабом, ерш всегда голоднее, опрометчивее и проворнее, а потому хвостик бесполезен, даже вреден, тем более что течение часто оставляет его в пасти ухватившейся за него рыбы, не желающей покидать своего места. В стоячей воде поплавок при поклевке ерша сначала дробит, потом медленно погружается, слегка вбок; впрочем, мелкий ерш обыкновенно везет поплавок в сторону, отбегая от конкурентов, а погружает его более крупный. В реке же, на течении, поплавок всегда погружается и поклевка более энергичная, напоминающая поклевку окуня. Впрочем, степень погружения поплавка и здесь зависит от того, волочит ли насадка по дну или на небольшом расстоянии от него, и случается, что поклевка совсем не заметна. Некоторые ловят ершей на двойчатки (см. далее), как осенью, не только на донную, но и с поплавком, даже в стоячей воде, но весной и летом такая ловля неудобна, так как и без того вялый клев еще менее заметен, а подсечка неправильна и часто запаздывает. В п рудах при сильном клеве на поплавочные удочки можно, впрочем, и в это время удить ершей на два крючка, из которых один лежит на дне, а другой (на коротеньком поводке) – на вершок выше, больше ради того, что нижний червяк часто закапывается в жидкий прудовой ил. С поплавком удят ершей и на плотях (гонках), пропуская крючок с червем в щели между бревнами, но здесь правильнее ловля на весу, без поплавка, так сказать на ощупь, с коротким гибким удильником (аршина в 1 1/2, лучше всего можжевелевым), который держится в руке, причем, если клев очень вял, червяка изредка приподнимают от дна на вершок-два мелкими и частыми толчками. Таким образом можно подзадоривать сытых ершей и при ужении с поплавком. Ловля с плотов на кобылки (см. далее) весной и летом практикуется довольно редко, кажется, только на более глубоких и сравнительно быстрых местах, где ловля с поплавком очень неудобна. Этот способ много добычливее, так как ерш сам себя подсекает, приподнимая лежащее на дне грузило, что дает возм ожность ловить разом на несколько кобылок, не держа их в руках. С лодок, с мая по июль, ершей ловят разве только на озерах, в ямах, куда они забираются на лето, чаще без поплавка, неудобного на глубоких местах, на весу, как окуней, на довольно длинные

удилища, с тонкими, чувствительными кончиками, которые кладутся поперек лодки. Понятное дело, так ловить можно только в тихую погоду, так же как и с поплавком. На обыкновенную донную удочку, с длинной леской, в закидку ерша в реках ловить летом совершенно не стоит.

Рис. 16. Навозный червь

Настоящая ловля ершей начинается к концу лета: у нас, под Москвой, редко ранее Ильина дня или даже первых чисел августа, когда они соберутся в многочисленные и густые стаи на известные места – чаще всего ямы близ впадения речек и к омутам под плотинами. К этому времени начинает также брать и селеток, достигший величины 1–1 1/2 вершка (смотря по лету и местности), переселившийся от берегов в более глубокие места со слабым течением или без него. Это так называемый «ерш-глаза», так как голова с огромными выпученными глазами составляет чуть ли не большую часть его туловища. Такого ерша по возможности избегают и в большинстве случаев ловят полторагодовалого, двухвершкового ерша. В Москве-реке ерш вылавливается удочками в таком большом количестве, что лишь весьма немногие ерши достигают 3–4-летнего возраста при длине в 3 вершка.

В стоячих водах, как кажется, клев ерша много слабее, чем в проточных, и здесь его нельзя столько поймать, сколько в реках или в прудах же и озерах зимой. В это время ерш ночью уже вовсе не берет, но зато клюет с рассвета часов до 10 утра и от 2 пополудни до потемок; ночью ерш попадает только в лунные ночи. Уженье производится чаще всего с лодки, реже с берега в реках и на озерах почти исключительно без поплавка. Озерная и прудовая ловля мало отличается от летней, разве только тем, что ерш берет вернее и даже на обрывки червей, но осенняя речная ловля у нас под Москвой по отношению к добычливости, кажется, доведена до совершенства и весьма оригинальна со своими приемами. Бывали случаи, что проворный и неутомимый рыболлов, при сноровке, вытаскивал (на не очень глубоком месте, конечно) в день свыше тысячи штук, т. е. около 2 пудов ерша (мелкого и среднего). Это уже не охота, а каторжная работа, которая заключается только в методическом, но быстром и ловком снятии колючей рыбы с удочек. Ловят обязательно на двойчатки, при хорошем клеве – на две короткие удочки, при плохом – на три или четыре; впрочем, хороший рыболлов, как только клев перемежится, переезжает на другое место. Вся суть действительно в том, чтобы попасть на место, а для этого, установив лодку поперек ямы, закидывают сначала 3–4 и более донных с выверенными, т. е. достаточно тяжелыми, грузилами, на различных расстояниях от лодки, у самой лодки и сажень на десять от нее. Если в течение десяти минут поклевки не будет, рыболлов переезжает на другое место, вправо, влево или ниже; если же окажется, что ерш берет только на одну из удочек, то лодку осторожно спускают к этому самому месту и ловят только на две двойчатки, спуская их в отвес или почти в отвес так, чтобы груз лишь слегка приподнимался течением, а б. ч. лежал бы на самом дне, вместе со щетиной двойчатки, а поводки с крючками и насадкой извивались и колебались.

Насадкою служат чаще всего кусочки червей, всего лучше так называемого железняка, который крепче других; мотыль, который насаживается на крючок (не крупнее № 10), не очень скоро и часто срывается или высасывается рыбой, употребляется только при вялом клеве, так же как и цельные или половинки навозного червя. При сноровке же на один кусочек железняка можно поймать чуть не два десятка ершей, во всяком случае гораздо больше, чем на кусочек красненького, плохо держащийся на крючке. Кусочки эти не должны быть более дюйма, а лучше в 1/2 дюйма, прокалываются крючком посредине, причем нет надоб

ности прятать жало. Головка и хвостик обыкновенно бросаются в воду, а ловят только на средние отрезки; кусочки эти, особенно если они толсты, полезно на концах раздавливать, так как ерш берет тогда охотнее. Вся снасть и все принадлежности должны быть приноровлены к тому, чтобы не было никакой путаницы, задевов и вообще какой-либо задержки. При хорошем клеве рыболов-ершатник превращается в автомат, машинально снимающий ершей с крючков, оправляющий насадку и бросающий ее назад в воду и сейчас же вытаскивающий другую двойчатку, опять большею частью с двумя ершами.

Леска должна быть непременно волосяная, так как всякая шелковая более путается; удильник легкий, с тонким, чувствительным кончиком (очень хороши здесь наращенные кончики из китового уса), чтобы можно было заметить слабую ершиную поклевку; бубенчики и колокольчики привязывать не стоит. Рыболов садится верхом на скамейку (или еще лучше на доску, положенную вдоль лодки на две скамейки) так, чтобы одна удочка была с левой стороны, другая – с правой; с правой же или привязывается плетеная корзина для рыбы с широким (открытым) отверстием, или спускается в воду частый и длинный сачок с обручем; чтобы крючки не задевали за брюки, на пояс надевается кожаный или клеенчатый фартук. Удильщик, быстро вытаскивая леску (иногда приходится ловить на глубине до 5 сажен), складывает ее на скамейке, двойчатку же с рыбой – на колени; затем осторожно берет левой рукой ерша за жабры, слегка сдавливая их, отчего ерш разевает рот, который, когда его тащат, он держит закрытым, а правой высвобождает длинный крючок из глотки, стараясь сохранить на нем обрывок червя. Рыбу кидают в корзину или сачок (иногда прямо в лодку, если в ней достаточно воды), снимают другую, насадку иногда слегка оправляют, затем, взяв двойчатку повыше грузила, бросают ее за борт и сейчас же выхватывают вторую двойчатку. Подсечки почти не требуется, так как обыкновенно ерш берет играющую насадку с налета и несколько приподнимает грузило, которое своею тяжестью делает подсечку. Поэтому весьма важно, чтобы груз был выверен и не был бы тяжелее, чем следует, так как ерш тогда выплевывает насадку. Понятное дело, чем глубже место, тем менее можно поймать ершей и тем ловля их утомительнее. В закидку на длинные лески стоит ловить только с берега, если нет лодки. Некоторые любители, поленивее, ловят ершей на подпуски (см. «Налим»), оказывая им слишком много чести, так как подпуски часто путаются, особенно в водоворотах.

Обыкновенно ерш осенью клюет жадно и верно, но бывает днями, что он почти берет вяло и неохотно. Тогда ловят его на цельных навозных червей, на мотыля и притом часто приподнимая насадку, не выше, однако, аршина, этим подразнивая ерша. Это называется ловить «на потягушку». После изобретения одним московским охотником двойных мотыльных крючков в виде щипчиков как осенняя, так и зимняя ловля на мотыля, т. е. собственно насаживание мотыля, значительно упростилось и ускорилось, так как этими крючками-щипчиками зараз захватывают поперек 2–4 мотылей, которые и защемляются при помощи колечка, спускаемого по стержням крючков до их сгиба.

Изредка, как было уже сказано, ерш (крупный) берет (осенью) на малявку, при ловле окуней, даже попадает на блесну. Вообще ерши гораздо хищнее, чем это думают многие. В 1889 году в Москве-реке ерши все лето кормились молодью рыб, выведшейся в необычайном количестве. Желудок вскрываемых ершей был набит мальками, и потому клев начался очень поздно, почти в сентябре.

Зимняя ловля ерша начинается, как только озеро или река покроется льдом около вершка толщиною, а продолжается до тех пор, пока не образуются большие закраины и наледи. Это зимнее ужение в озерах обыкновенно бывает добычливее осеннего; в реках же за весь короткий зимний день редко удается поймать больше 600 штук ершей. Так как местами ерш составляет главный предмет зимнего ужения,

то считаю уместным дать здесь описание как зимних удочек, так и главных зимних насадок, оставляя описание прочих принадлежностей зимнего лова до главы о налиме.

Зимние удочки бывают двух родов – одни держатся в руках, другие ставятся на лед. И те и другие имеют очень небольшой размер, редко более аршина, обыкновенно гораздо менее. Первые состоят в общих чертах из короткого (и гибкого для ершей) прутика, обернутого для удобства камышом или кугой. Саратовская зимняя удочка отличается от западносибирского мотылька главным образом тем, что обертывается листьями палочника и иногда имеет у нижней рогульки свинцовую тяжесть. Башкирская же удочка, употребляемая на зауральских озерах, не так удобна, так как не имеет рогулек для наматывания запаса лесы. Первой ловят чаще с поплавком, второй – без поплавка, на весу, т. е. непременно держат в руке. В том и другом случаях рыболов может удить только на две удочки из двух смежных прорубей – лунок. Но так как всякая рыба зимою, а тем более ерш, берет только там, где стоит, то прежде всего надо отыскать становище, а потому приходится прорубить до десятка и более лунок, прежде чем попадешь на место. В этом случае ловить на одну-две ручные удочки неудобно и нужно иметь такие снасти, которые можно было бы ставить над прорубями в большом числе и которые были бы видны рыболову.

Этим условиям вполне удовлетворяют так называемые (по своей форме) колодки верхневолжских рыбаков и кобылки москворецких, устройство которых понятно из рисунков и очень просто: устойчивое деревянное основание небольшого объема, удобное для обхвата одною рукою, и вделанный в него (наглухо или съемный) короткий удильник из можжевелевого прутика или китового уса; делаются кобылки больше из березы и имеют около четверти длины (без прутика), так, чтобы не могли свободно проскакать через лунку под лед. Многие московские охотники имеют очень хорошо сделанные кобылки, со съемными удильниками, аккуратно укладываемые в шкатулку-ящик, служащий вместе с тем и сиденьем. При хорошем клеве рыболов, попав на место, удит на 3–2, иногда даже на одну кобылку.

Лески зимою повсеместно, за редкими исключениями, употребляются волосяные, потому что, во-первых, всякая рыба зимой не требует крепкой снасти, а главным образом потому, что шелковые (и пеньковые) лески чаще обмерзают на морозе и примерзают к проруби, чем волосяные. Для ершей зимою достаточно и 3–4-волосяной лески. Грузило должно почти касаться дна при почти вертикальном положении лески, т. е. иметь надлежащую тяжесть. Если ловить на кобылки и вообще на зимние удочки не в отвес, а отп уская насадку много ниже проруби, то при подсечке леска часто перерезается нижними острыми краями лунки.

Рис. 17. Башкирская зимняя удочка

Поплавки для зимнего ужения, кажется, употребляются только на Нижней Волге, в Саратовской губернии, и представляют только то удобство, что удильник (мотылек) можно и положить на лед. Делаются они из пробки, коры осокоря или из листьев палочника, из которых готовится рукоятка зимнего удилица. Для того чтобы на нем не замерзала вода, многие саратовские рыболовы делают такие поплавки, которые тонут от тяжести грузила. Крючки употребляются преимущественно мотыльные, т. е. с длинным стержнем мелких номеров. Московские удильщики ловят обязательно на двойчатки; саратовские тоже на два крючка, но крючки эти привязываются выше груза, как это видно из рисунка. Подмосковные промышленники, удящие ершей для продажи, чтобы сохранить их дольше живыми, нарочно спиливают бородки у крюч ков; на зауральских озерах также ловят зимой ершей (на мормыша) на крючки без зазубрины ради большей скорости вынимания крючка. Вообще все рыбы зимой, а ерш в особенности, настолько вялы и так мало оказывают сопротивления, что при хорошем клеве даже неблагоприятно ловить на обыкновенные крючки, ибо вынимать в мороз голой рукой крючок, заглотанный колючим ершом, не особенно приятно. Крючки же без бородки удобны тем, что большею частью освобождаются из пасти рыбы в тот же момент, когда она выброшена на лед.

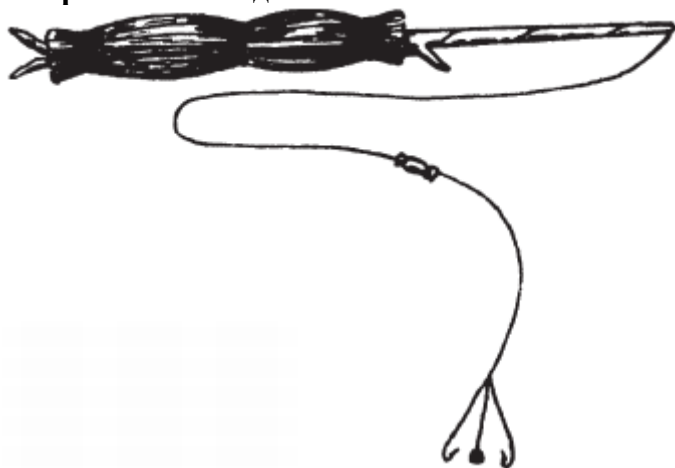

Рис. 18. Саратовский мотылек

Зимними насадками для ловли ерша служат обыкновенный навозный червь, мотыль и местами мормыш, или горбунчик. Навозный червь употребляется чаще, так как он всюду известен. Его обыкновенно запасают на зиму с осени, причем хранят на погребе в корчагах или ящиках с отрубями, смешанными с конским калом; но в навозе, около бань, в оранжереях этого червя можно доставать и среди зимы. Нас аживают его на крючок (№ 6–8) с небольшим хвостиком, но при хорошем клеве выгоднее ловить на обрывки.

Мотыль как насадка пользуется гораздо меньшим распространением, так как добыванием его занимаются, кажется, только в больших городах, но замечательно, что в Москве он вошел в употребление между рыболовами гораздо раньше, чем сделался известен за границей, по крайней мере во Франции, где, по словам Morigeau, мотыль получил известность лет 25 назад и сделал полный переворот в зимнем ужении. Действительно, это лучшая зимняя насадка и одна из лучших вообще – как по своему ярко-алому цвету, наиболее привлекательному для рыб, так и потому, что она живет в воде чуть не повсеместно, в течение круглого года составляет обычный, иногда главный, корм почти всех речных, озерных и прудовых рыб. Этот замечательный червячок – личинка комара-толкунчика (разные виды р. *Chironomus*), который летом мириадами толчется около берегов и над водой, складывая туда свои яички, из которых быс тро развиваются красные личинки, зарывающиеся неглубоко в ил. Поэтому мотыль бывает только в тихих местах, в

прудах встречается чаще, чем в реках, и бывает здесь крупнее и несколько темнее цветом. В мае и июне, даже в июле мотыль выползает наружу, на поверхность ила, причем темнеет и из яркого становится темно-малиновым, и из него выходит взрослое насекомое, живущее очень недолгое время, тогда как в виде мотыля, по-видимому, живет около года, может быть, и несколько лет. Добывание мотыля в Москве и Петербурге служит предметом особого промысла, так как мотыль требуется в огромном количестве для насадки, а также для корма рыб в аквариумах. Обыкновенно его достают со дна вместе с илом, зачерпывая последний решетками и продырявленными ведрами, привязанными к длинной палке, и затем промывая в решете же, пока в нем не останется чистый или почти чистый мотыль. Запас мотыля обыкновенно держат в сыроватой тряпочке и в холодном и сыром месте. Более продолжительное время можно хранить его в коробке с сырым мохом, а еще лучше с сыроватыми листьями спитого чая. Насаживание мотыля на крючок требует навыка и сноровки, так как при неловком обращении из червячка сейчас же вытекает все его содержимое и остается только прозрачная кожица. Москворецкие рыбаки насаживают мотылей, прокалывая их у головы и нанизывая таким образом на сгиб крючка по 3–4 штуки, так что они или висят кисточкой, или извиваются на течении. Рыба при таком способе насадки берет охотнее, чем если мотыль насажен на крючок (самый мелкий) обыкновенным способом, как червь, с головы (или со второго сустава), но часто сшибает или же высасывает. Впрочем, что касается ерша, то он берет на мотыля самым добросовестным образом.

Рис. 19. Московская кобылка (слева)

Рис. 20. Волжская колодка (справа)

Рис. 21. Мотыльные крючки

Рис. 22. Мотыль

Еще менее известная, но еще более интересная зимняя насадка – мормыш, бокоплав, или горбунчик, небольшой рачок из рода *Самнаrus*, величиной около дюйма (большею частью менее), сероватого или рыжеватого цвета, плавающий боком и сгорбившись, откуда и произошли его названия. Различные виды мормыша

живут главным образом в озерах Северной России и Западной Сибири; однако один из них найден был и под Москвой (в озерах Косине и в Сенежском), а потому, вероятно, встречается и во многих других озерах Средней России, на что обращают внимание рыболовы. Мормыш любит холодную воду, и летом его почти не видно: он забивается под лавды (плавунцы), которыми зарастают берега карасевых озер, где он особенно многочислен, и выходит оттуда только по ночам; к тому же рыба на него берет тогда плохо. Где нет плавучих трясин, т. е. в чистых, открытых озерах, мормыша очень мало. К середине зимы, обыкновенно, когда вода начнет портиться, сдыхаться от газов, развивающихся в иле, мормыши выходят из-под трясин, усеивают нижнюю поверхность льда и служат почти единственной зимней пищей всех озерных рыб, кроме карася и линя, зарывшихся в ил. Ловят мормышей на гороховину и на льняные или ржаные снопы, куда они забиваются. Еще удобнее ловить их решетом, спуская его на веревочках, к которым привязан пучок мочалы, натертый мукой: мормыши, наевшись, падают в решето. В большом количестве (целыми ведрами) ловят его (для продажи в тех местах, где его мало), огребая со льда из проруби длинными узкими ящиками, прикрепленными к палке; еще больше попадает мормышей в мотню большого зимнего невода. Хранят его в небольших ямках, в подполье, в мокрой тряпиче, также в осиновых кадушках, которые закапываются в землю или ставятся на погреб; здесь он может прожить живым до двух недель. На зауральских озерах зимой удят (преимущественно ерша и окуня) исключительно на мормыша; гораздо реже – осенью. Насаживать мормыша очень удобно (с головы), и он держится довольно крепко даже на крючке без зубрины, так что на одного мормыша ловят иногда до десятка рыб.

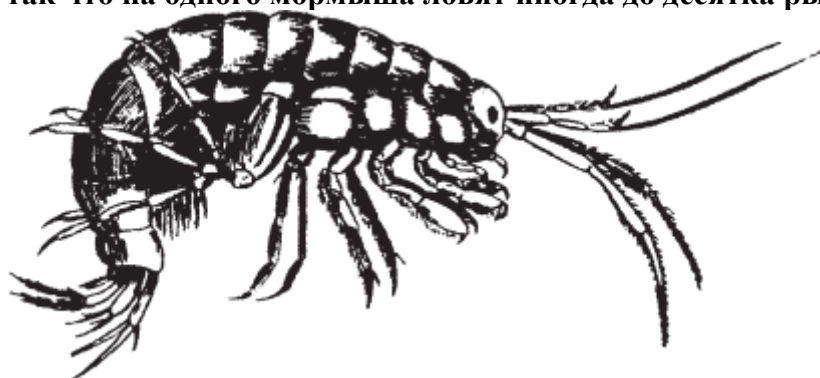

Рис. 23. Мормыш

Зимнее ужение начинается, как только окрепнет лед и установится хорошая погода. Сначала ловят его на более мелких местах, но затем ерш сдается на глубокие ямы, ближе, однако, к берегу, около устьев, ручьев, подземных ключей, береговых родников; в озерах ерш избегает середины и больших глубин и жметя к берегам, где выбирает углубления и ложбины в ямах, не мельче, однако, 3–4 аршин. С некоторыми перерывами клев идет, все усиливаясь, до декабря, затем ослабевает и к январю, вообще на время сильных морозов, совершенно прекращается, начинаясь снова с оттепелями и постепенно усиливаясь до образования закраин, почти до начала нереста.

Как и другие рыбы, ерш в морозы берет слабо, но все-таки лучше, чем в ветреную погоду. При северном и вообще северных ветрах ерш вовсе не клюет и его можно ловить только на голые крючки-якорьки, самодером. Такая ловля, конечно, возможна, только когда ерш стоит на яме очень густо и в несколько рядов.

Ерш берет почти целый день, с раннего утра до сумерек, но клев несколько перемежается около полудня и усиливается к вечеру. При ужении прикормка (черви, мотыль, мормыш) употребляется весьма немногими, более тароватыми рыболовами-охотниками, но если она не будет замешана в глиняных шарах, то скорее приносит вред, а не пользу, так как, даже на слабом течении, достигает дна на

несколько аршин ниже лунки, из которой ловят. Вообще при отвесной ловле прикормка далеко не имеет того значения, как при ловле с поплавком и на донную, в закидку.

Зимняя поклевка ерша еще менее энергична, чем в другое время года, и среди зимы нередко бывает вовсе не заметна как при ловле на кобылки, так и с поплавком: ерш, взяв в рот насадку, стоит на месте без движения. Характер клева остается, однако, прежний и выражается или легким кол ебанием кончика удильника, или слабым звоном бубенчика, который, впрочем, очень редко привязывают к этому кончику; поплавков ерш сначала шевелит довольно продолжительное время, заглатывая червя, затем везет и плавно топит; впрочем, только тогда, когда груз очень легкий и насадка лежит не на дне, также если груз, хотя бы и тяжелый, привязан отдельно или как на саратовской удочке (см. рис. 18).

Подсечкой торопиться нечего, и ввиду тонины лески она не должна быть очень резка: ерш зимой сходит с крючка, т. е. выплевывает насадку редко, и если рыболов попал на место, то вся его деятельность опять-таки сводится на поочередное вынимание двойчаток и снятие с них рыбы. На зауральских озерах подсечка производится не поднятием удочки или толчком, а более практичным способом, который очень удобен, когда удочку приходится держать в руке. Именно здесь ее держат в левой, а в правой озерный рыболов имеет небольшую деревянную лопаточку; при поклевке он только отводит этой лопаточкой леску вбок более или менее резким движением и вместе с тем, если глубина не свыше 4–5 аршин (причем уже левая рука вытянута вбок, а правая с лопаткой высоко поднята кверху), выхватывает рыбу из лунки; а так как зимой ловят здесь на крючки без зазубрин, то, как только ерш или окунь коснется льда, крючок высвобождается сам собой; если нет, то рыбу ударяют по голове лопаточкой, она разевает рот, и крючок выскакивает. Таким образом, если насадка (мормыш) цела, то рыболову довольно редко приходится дотрагиваться до крючка и до рыбы, и, во всяком случае, этот способ ловли дает возможность поймать больше рыбы, чем при обыкновенном выборе лески. В устьях Пахры, притока Москвы-реки, зимним ужением ерша, собирающегося сюда на зимовку, занимались прежде очень многие из жителей ближних селений; в последнее время это место (арендуемое у удельного ведомства за 80 р.) передавалось (только право ужения) за 175 р. одному крестьянину, который держал до 20 работников, получавших плату сдельно (20 к. за сотню). Лучший клев бывает в феврале и начале марта, когда здесь почти ежедневно вылавливается (на крючки без зазубрин) от 10 до 15 тысяч рыб, которых арендатор хранит живыми в садках, отправляя затем в бочках в Москву, где сотня ершей стоит уже около 2 р.

По вкусу мяса ерш, несмотря на свою небольшую величину и костлявость, занимает одно из первых мест, почему ценится дороже всякой другой мелкой рыбы. Особенно хороша уха из ершей и стерлядей, а также заливное из ершей. Вообще ерш составляет самую здоровую, легкую и питательную пищу. Вкусом своим он обязан главным образом обильно покрывающей его слизи, а потому никогда не следует смывать ее.

Ерш составляет, как известно, любимую насадку налима. Недурно берет на ерша и крупный судак, гораздо реже (и только местами) щука.

Ерш-носарь

Acerina rossica Pall. На Дону – бирючок, бирчѣк, волчок, свиночка, ерш донской, в верховьях Дон а, в Данковском уезде – попы и бобыли, в Малороссии – бобырь, бабир, носарь, носарик; на Днестре, на р. Остре (Черниговской губ.) – жигарь, джигир, сирота, сиротка; в**censored**соне – кальма, кальман; в Смоленской губ. –

носирь.

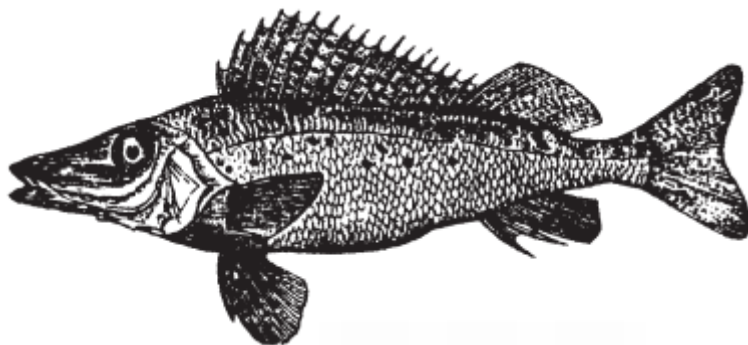

Рис. 24. Ерш-носарь

Своим удлиненным телом и длинным рылом носарь легко отличается от обыкновенного ерша. Кроме того, чешуя у него гораздо мельче (в боковой линии 55–60 чешуй, у ерша 37–40), спина менее выпукла и в переднем спинном плавнике большее число колючих лучей (17–19, а у ерша 12–14). Общий цвет тела желтоватый, спина большей частью оливково-зеленая, брюхо серебристо-белое, а на боках тела и спинном плавнике находится несколько рядов темных пятнышек, отчего эта рыбка кажется очень пестрой; пятнышки эти у дунайского носаря сливаются в узкие продольные полоски. По величине своей носарь вообще превосходит ерша и обыкновенно весит от 1/4 фунта, а иногда достигает более 5 вершков длины (рыбачьей меры) и полфунта веса.

Носарь, иначе бирючок, имеет весьма ограниченное распространение: он встречается только в реках Черноморского бассейна и почти вполне оправдывает свое латинское название. Впрочем, сведения наши в этом отношении еще не совсем полны. Известно, что в Днестре он доходит до Хотина, довольно многочислен в Буге, в Дону попадается выше Воронежа, в Донце до Изюма, а в Днепре встречается до Смоленска, из притоков этой реки бирючок, по Кесслеру, встречается в Припяти, Тетереве, Десне (до Новгород-Северска), Псле. Там, однако, где встречается бирючок, он в большинстве случаев, особенно в бассейне Днепра (вероятно, и Днестра), многочисленнее обыкновенного ерша, который предпочитает здесь озера и проточные пруды, вероятно, потому, что не любит сильного течения и большие реки Черноморского бассейна для него слишком быстры. Поэтому обыкновенный ерш и называется на юге больше озерным ершом, в отличие от бирючка, который в озерах никогда не встречается, даже в заливных и проточных.

Образ жизни этой красивой и очень вкусной рыбки известен еще очень мало. Бирючок очень прихотлив и любит быстротекущие воды, где дно чистое, песчаное, с каменистыми или хрящеватыми отмелями, почему в низовьях встречается редко. Однако он не любит холодной воды и в ненастье и перед наступлением холодов уходит за несколько дней на большую глубину и скрывается в ямы или же уходит с каменистых отмелей на иловатые места. По замечанию рыбаков, бирючок с Ильина дня начинает табуниться все гуще и гуще, а с наступлением осени уже постоянно живет в самых глубоких местах реки, откуда выходит только со вскрытием реки, так как во время прохода льда, по замечанию рыбаков, прячется между камнями. Но вообще он живет врозь с ершом, который почти всегда встречается в иловатых местах. Как и все рыбы, лишенные плавательного пузыря, бирючок плавает по самому дну и очень редко поднимается на поверхность.

Пища его состоит из червей, мелких раковин, водяных насекомых, водяных клопов (*Notonecta*) и водяных скорпионов (*Nepa*), особенно личинок комаров и т. п. Желудок бирючка постоянно бывает переполнен. Судя по всему, он ведет ночной образ жизни, мечет икру в конце апреля и начале мая, почти одновременно с окунем и судаком; по Радкевичу (в Днепре), вместе с ершом, т. е. ранее. Вообще о нересте

носаря ничего не известно.

Ловля бирючка производится (на Дону) неводами, вентерями и на удочку круглый год, кроме ранней весны. Самая удачная его ловля сетями бывает в жаркое время, среди дня; к вечеру он попадает меньше, а ночью и очень мало, так как в это время он стоит на песчаных отмелях. По Тарачкову, он ловится всегда в одинаковом количестве, и как зимою в тоню попадало (близ Воронежа, лет 25 назад) иногда до 10 пудов, так и летом ловили бреднем до 15 мер почти одних бирючков. В последнее время, впрочем, как в Дону, так и на Десне количество носарей значительно уменьшилось, что объясняется легкостью лова и употреблением частых неводов, вылавливающих мелочь.

Ужение бирючков на юге России в довольно большом уважении между охотниками-рыболовами и предпочитается ужению ершей, что весьма понятно. Характером клева он мало отличается от своего родича, но побойчее его, почти всегда утаскивает поплавок и оказывает более значительное сопротивление, почему советуют после подсечки не быстро вытаскивать. На Днепре, около Киева, по Радкевичу, носаря ловят с берега на окуневые удочки с 8-волосной (!) леской и крючками № 4 или 5. Вымерив глубину, пускают крючок от поплавка так, чтобы крючок шел почти ко дну, и идут по берегу за уплывающей удочкой. Вероятно, так ловят здесь днем и на более глубоких и тихих местах, так как на Десне, например, бирючка удят больше вечерами на отмелях, и притом на легкую донную (без поплавка) с небольшим грузилом. Удить с поплавком на быстрых перекатах, конечно, неудобно; притом носарь ленив и не любит гоняться за быстро плывущей насадкой (Вербейник). Весною носарь попадает на удочку редко, и вообще клев его начинается, как вода войдет в берега и просветлеет. Летом и осенью насадкою служит навозный и обыкновенный (мелкий) червь, но носарей с еще большим успехом можно ловить зимою из прорубей на мотыля, как это делается на Дону (здесь мотыля зовут матуликой). Ловля эта производится на местах зимовки бирючка, на быстрых и довольно глубоких местах, вблизи песчаных кос, при помощи небольшого подпуска, с 2–4 крючками. Так как грузило прикреплено на отдельном поводке, то клев рыбы (довольно слабый зимой) легко ощущается пальцами, держащими леску. Короткие удильники и кобылки, употребляемые для зимней ловли во многих местах России, здесь, кажется, не употребляются.

По вкусу мяса носарь даже превосходит ерша, и уха из него считается лучше стерляжьей. Кроме того, славятся также бирючки, жаренные на сковороде в постном или коровьем масле. Мясо бирючка очень нежно и потому ценится очень дорого: в Воронеже в 1858 году пуд этой рыбы стоил от 11/2 до 3р., а фунтами – от 3 до 40 к., обыкновенно зимою дороже, а с мая до Петрова дня дешевле.

Бирючок довольно нежная рыба и в садке (плетеной корзине) в жаркое время выживает не более 3 дней, и то на просторе и если выбрасывается уснувшая рыба. Пущенный в сосуд с водой бирючок, подобно ершу, тотчас отделяет в избытке клейкую слизь и вскоре засыпает, главным образом от насыщения воды этим веществом. Этой слизи носарь и обязан своим вкусом, но Тарачков ошибается, делая предположение, что обильное выделение слизи – причина того, что бирючок избирает места с быстро текущей водой. Ерш и линь выделяют не менее слизи, а быстрого течения избегают.

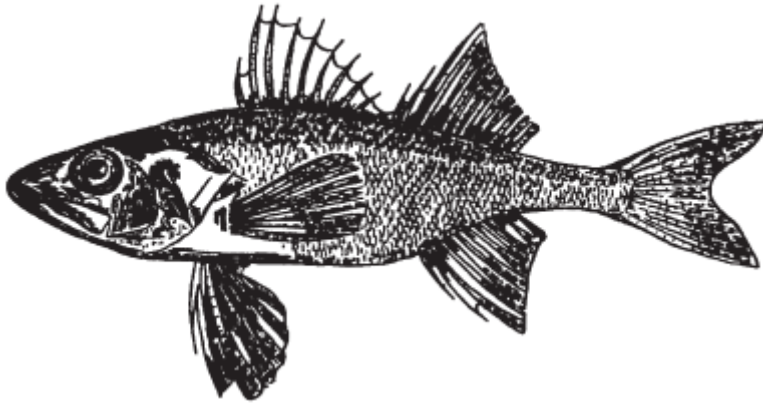

Рис. 25. Сопач

Заметим еще, что (по Геккелю) носарь живет весьма долгое время (15–20 лет) и что мелкие бирючки составляют на Дону отличную приманку для налима, который их очень любит.

Примечание. Довольно близка к ершам небольшая рыбка, водящаяся в устьях Днепра, Днестра и Буга, – сопач (*Percarina Demidoffii Nordm.*), названная так по очень густой слизи, покрывающей все ее тело. Тело сопача, однако, более сжато, глаза еще более, жаберная крышка также с шипиками. Цвет тела желтоватый, с фиолетовым оттенком на спине, бока и брюхо серебристые; начиная от головы до хвоста лежат сверху многие кругловатые темно-бурые пятна; боковая линия обозначена темными точками, все плавники светлые, прозрачные и без пятен. Образ жизни этой рыбки совершенно неизвестен. В последнее время она найдена была также и в Азовском море.

Подкаменщик

Cottus gobio. В Северной России – бычок, подкаменщик, подкаменик, местами – широколобка (тоже в Сибири); в Валдае – головешка, мулюга, головня, баба-рыба, в Пскове – подплитник; в Витебской губ. – баба-рыба; в Вышнем Волочке – бабица; в разных местах по Верхней Волге – агашка, голован, бабура; в Костроме – баба-рыба, катка-рыба; на Усве и Усолке (впад. в Чусовую) – бабка; в Твери, Орле и некоторых местах Московск. губ. – поп, попок; в Москве, также в р. Онеге и на Иртыше – каргал; местами – *Vulva-piscis*, ромша, рявец; на Днепре – печкур; в Ялгубе, на Онежском озере, неправильно – кивелик, киверучи; на Суне – головник. Польск. – головач, бабгур, в Познани – джабелек; у русинов – вильчек. Финск. – кивикала, ранталатикка, рантамайко (в Ладогe). Черем. – куртне-вуй, парак-кол. В р. Кондоме Кузнецкого округа, у татар – пакандас и ипталыг (собачья рыба). Другой вид (*Cattus sibiricus*) называется здесь койбен. По свидетел ьству Петрова («Олон. г. вед.», 1886), в реке Онеге каргалом зовут бычка с более узкой головой, а толстоголового в Онежском озере называют лопарем (?) и голованом (*Cottus roscilopus*).

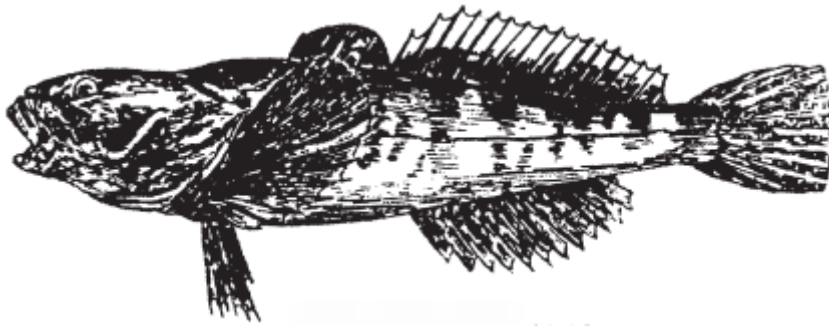

Рис. 26. Подкаменщик

Эта оригинальная рыбка легко отличается от других своею огромною, широкою, довольно плоскою головою, вооруженною с каждой стороны загнутым шипом. Тело ее совсем голое, глаза (красного цвета) почти совсем обращены кверху, грудные плавники очень широки и длинны. Спина бледно-сероватая, усеянная многочисленными темными крапинками и пятнышками, которые почти всегда образуют более или менее широкие поперечные полосы; брюхо беловатое или желтоватое, иногда с серыми крапинками; плавники, за исключением брюшных, и то не всегда, испещрены серыми пятнышками. Впрочем, как относительно цвета, так и склада тела и развития головных шипов и отдельных плавников подкаменщик подлежит многим изменениям, зависящим от местных условий. Между этими разностями у нас довольно часто встречается так называемый узкоротый бычок (*Cottus microstomus*), отличающийся более узкою головою, меньшим ртом и очень толстою хвостовою частью тела, и разноперый бычок (*Cottus poecilopus*) с удлиненными брюшными плавниками и притом испещренными правильными черноватыми (6–7) поперечными полосками. По замечанию Бланшара, крупные бычки всегда темнее молодых и имеют более широкую голову (особенно самцы); самки всегда крупнее самцов и отличаются, особенно во время нереста, своею пузатостью.

Подкаменщики очень редко имеют в длину более 4–5 дюймов; особенно крупные встречаются в Чусовой и в Белоозере, где достигают иногда до 6 дюймов. Водятся они почти во всех странах Европы, впрочем, больше в северных, до 66° с. ш., также в Западной Сибири. Весьма странно, однако, что я не нашел подкаменщика в зауральских речках. На западной стороне Урала он, напротив, весьма многочислен. В низовьях Волги и вообще в устьях бычок редок, впрочем, более потому, что любит свежую воду и каменистое дно. В Средней и Северной России он встречается и в весьма незначительных ручейках, даже в озерах с холодною проточною водою (например, в Белоозере, в оз. Островито Себежского уезда Витебской губернии и других). В Туркестане найден только в протоке р. Чирчика и вообще заменяется другим близким видом, а в Закавказье до сих пор еще не был замечен. В Западной Европе бычок считается спутником форели и одним из главных истребителей ее икры. Он всегда держится под камнями, отчего, конечно, произошли названия его – «подкаменщик», «подплитник», или же вырывает себе норы в песке – печурки, откуда и южнорусское название «печкур». Вообще подкаменщик не любит глубоких мест и потому всего чаще встречается в мелких местах и у берегов. Впрочем, он держится больше в одиночку и никогда не замечается хотя бы небольшими стайками.

Бычок постоянно сидит, спрятавшись под камнями, и плавает очень редко, на небольшие расстояния и непременно по дну, вообще, ведет оседлый образ жизни, но в минуту опасности и преследуя добычу он оказывается, хотя на короткие расстояния, весьма проворным, и это проворство, по-видимому, всего более зависит от сильного развития грудных плавников. Но врагов у него немного; притом, благодаря своей юркости, скрытному образу жизни и колючим щиткам на жаберных

крышках, подкаменщик редко достается в добычу хищникам, всего чаще форелям. Сам он весьма прожорлив, кормится более различными рачками, водяными мокрицами, личинками водяных жуков и стрекоз, но не прочь поживиться лягушачьей и рыбьей икрой, так и молодью рыб, почему и считается на западе весьма вредным для вод, населенных форелью. Крупные бычки ловят даже гольянов и мелких пескарей, которые почти всегда встречаются вместе с ними.

Нерестование подкаменщика весьма замечательно, но до сих пор не вполне исследовано. Он принадлежит к числу немногих рыб, которые делают себе нечто вроде гнезда и у которых самец играет более важную роль, нежели самка. Перед нерестом, который начинается в апреле, иногда, как на севере, в начале мая, самец вырывает хвостом (вероятнее, грудными плавниками) небольшую ямку в песке под камнем и ревниво стережет ее, поджидая самку; других самцов он гоняет и вступает в смертельные поединки, а мелких даже заглатывает; по крайней мере Геккель рассказывает, что рыбаки находят в это время бычков, из широкой пасти которых торчат меньшие. Самка выметывает свою красно-желтую, крупную (в 2–21/2 мм) икру в эту ямку, кучкой в 100–300 икринок, довольно плотно прилегающих одна к другой, иногда, впрочем, и просто под камнем; самец оплодотворяет эту кучку, самка продолжает свой путь, но роль самца еще не кончена. Он остается здесь и стережет зародышей в течение 4, даже 5 недель, до тех пор, пока вся молодежь не выклюнется из яичек, и уходит от ямки весьма недалеко и то только для корма. В это время он отличается особенною храбростью, и его очень трудно отогнать от гнезда. Самец даже кусает палку или прут, которым его прогоняют, и удаляется только в крайности.

Ловлею подкаменщика занимаются редко, да так как он живет в мелких местах и больше в небольших речках, держится всегда на дне под камнями, то редко попадает настоящим рыбакам, хотя очень хорошо известен последним. Только изредка и больше для забавы ловят его крестьянские ребяташки, загоняя в бредники или недотки. Всего легче ловить их по ночам при лунном свете, так как они тогда оставляют свои норы и камни и плавают взад и вперед, так что не нужно отворачивать камни. После дождей, в мутную воду, подкаменщиков легко ловить сачком, забрасывая его около камней. На удочку эти рыбки берут хорошо, но так как они стаями не встречаются, то эта ловля редко бывает добычлива. Всего лучше клюют они на червяка, непременно со дна; клев их очень тих, потому что они заглатывают насадку, не двигаясь с места, и потом иногда подолгу лежат на том же месте. Всего удобнее ловить подкаменщиков на короткую легкую удочку (в 11/2–Заршина) с крючком № 6–8 и грузилом; поплавок излишен. Высмотрев подкаменщика с берега, подбрасывают насадку (червяка). Рыба сейчас же неуклюже подползает к приманке, несколько не пугаясь близости рыболова, хватается приманку и держит ее (всасывает), не делая никаких движений, почему надо подсекать, не дожидаясь резкой поклевки. Поймав 1–2 штучки, переходят на другое место. Так как бычок всегда живет в мелкой и прозрачной воде, то местами, в Германии и у нас, например, в западной половине Пермской губернии, где он весьма многочислен, колют его вилками, как гольцов. Мясо его очень вкусно, сваренное – красноватого цвета, но редко употребляется в пищу.

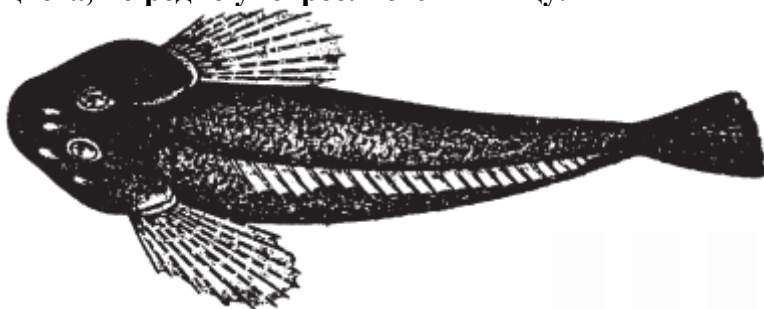

Рис. 27. Подкаменщик (вид

сверху)

В Германии и Франции бычок считается отличной насадкой для форелей и особенно угрей. Для других хищников подкаменщик не годится в качестве насадки, кроме, вероятно, налима. На крючке бычки живут долго, но ходят не бойко и стараются забиться под камень.

Рис. 28. Голова обыкновенного подкаменщика

Рис. 29. Голова узкоротого подкаменщика

Заметим еще, что в некоторых местностях Средней России, например в Ярославской губернии, настой (?) из бычков считается отличным противолихорадочным средством; по Палласу, подкаменщик с тою же целью употребляется как противоядие против укушения гадюки и иногда носится на шее в виде амулета. В Казанской губернии, по Варпаховскому, сушеных бычков также носят на груди, как средство от лихорадки; у татар же Кузнецкого округа существует поверье, что от употребления в пищу пакандасов тело покрывается чирьями.

Колюшка

Gasterosteus aculeatus L. Колюшка трехиглая; вообще всюду – колюшка, колючка; в Одессе – белая колюшка, в Пскове – волчок, в Виленск. губ. – хохолча; у Даля – костюшка; по Георги – рогатка. В Польше – цирник, казык, козка, колка, колачка, кат; финск. – рантакала. *Gasterosteus pungitius* L. Колюшка девятииглая. Колюшка малая; эст. (по Палласу) – оггалык. *Gasterosteus platygaster* Kessl. В Одессе – зеленая колюшка, травяная.

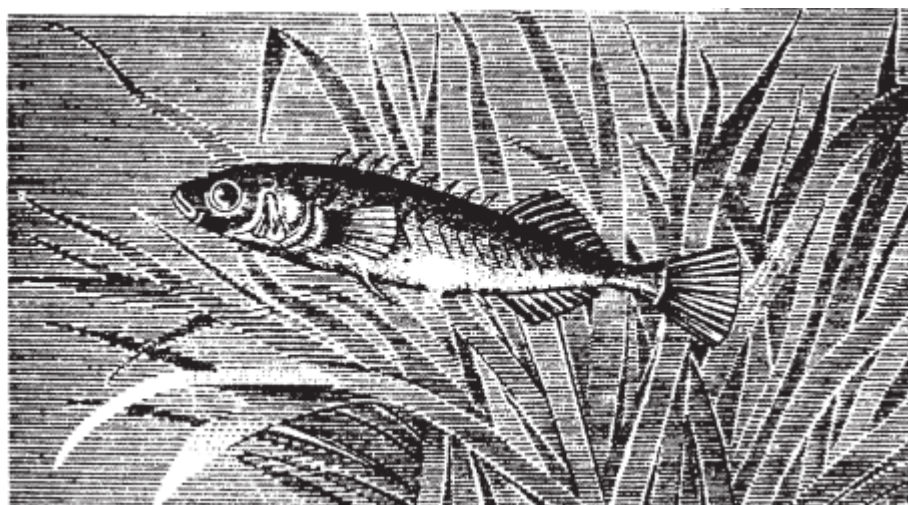

Рис. 30. Девятииглая

колюшка

Под этим названием известно несколько видов небольших рыбок, весьма замечательных как по своему внешнему виду, так и образу жизни. Все колюшки

легко отличаются своими колючками перед спинным плавником, двумя иглами на брюхе, которые заменяют брюшные плавники, брюшным щитом, образованным срастанием тазовых костей, и отсутствием настоящих чешуй.

В Европейской России встречаются три вида пресноводных колюшек – колюшка трехиглая, колюшка девятииглая и колюшка, зеленая, или плоскобрюхая, быть может вариант последней. У первой спина вооружена 3 колючками, по бокам тела находятся поперечные костяные пластинки (обыкновенно 24–30), заменяющие чешую и постепенно суживающиеся к хвосту; подобные, но продолговатые пластинки находятся также на спине от затылка до начала хвостового плавника. Впрочем, в Западной Европе встречаются почти голобокие трехиглые колюшки (с 3–6 боковыми пластинками). Спина у этой колюшки зеленовато-бурая, иногда черноватая, бока туловища и брюхо серебристые, грудь и горло бледно-красноватые, во время нереста ярко-красные. Величина ее обыкновенно 2–2 1/2 дюйма, редко более.

Девятииглая колюшка с первого взгляда отличается большим числом небольших спинных колючек, которых почти всегда бывает 10 или 9, голым и более вытянутым телом; спина у нее буровато-зеленая с более или менее широкими черноватыми полосками, брюхо серебристое. Во время нереста у самцов бока и брюхо делаются совершенно черными, а брюшные колючки белыми. Величина этой колюшки еще менее, чем трехиглой. У плоскобрюхой колюшки, которая водится в Черном море, в низовьях Днепра и в стоячих и льменах окрестностей Астрахани, число спинных колючек одинаково со вторым видом, но бока ее снабжены пластинками, сама она толще, голова больше и брюшной щит гораздо шире, чем у остальных двух видов.

Последние имеют почти одинаковое распространение. Как трехиглая, так и девятииглая колюшки водятся почти во всех странах Европы, не исключая самых северных, а по Палласу, почти во всей Сибири. Их недостает, вероятно, только в Волжском бассейне. У нас они всего многочисленнее в реках, впадающих в Балтийское и Белое моря. В громадном количестве водятся колюшки в реках и озерах Петербургской губернии, в Онежском и смежных озерах, где, по свидетельству Кесслера, размножились в такой степени, что приносят страшный вред рыболовству, так как во множестве поедают икру других рыб. В Онежском озере, по-видимому, трехиглая колюшка появилась позднее девятииглой.

Местопребывание трехиглой и девятииглой колюшки совершенно одинаково. Они любят тихое течение, жив ут как в пресной, так и солоноватой воде; любимым пристанищем их служат небольшие речки, канавы, озера, ильмени с иловатым или иловато-песчаным дном и травянистыми берегами. Они держатся иногда огромными стаями и находятся в беспрестанном движении, бросаются на всякий упавший предмет и в некоторых местах Петербургской губернии просто вовсе не дают ловить прочую рыбу. Иногда даже они размножаются до такой степени, что переводят всех рыб, икру которых пожирают; между тем сами они, особенно трехиглая колюшка, вооруженная более твердыми, длинными и крепкими колючками, крайне редко достаются в добычу щукам, окуням и прочим хищникам, которые если и вздумают с голоду охотиться за этими рыбами, то зачастую бывают наказаны за свою жадность: колюшка растопыривает свои острые спинные и брюшные шипы, обыкновенно плотно прилегающие к телу, и иглы эти вонзаются в пасть рыбы. Так же взъерошиваются они и в драках между собой (что случается очень часто) и вообще в минуту опасности. Отсюда легко заключить, что эти маленькие рыбки, пренебрегаемые рыбаками, должны весьма сильно размножаться. Есть даже некоторое основание предположить, что все колюшки были первоначально морскими или устьевыми рыбами и только постепенно распространялись все далее и далее вверх по рекам.

Рис. 31. Гнездо трехиглой

колюшки

Несмотря на то что количество икринок весьма невелико, эти рыбки, столь хорошо вооруженные, размножаются тем быстрее, что значительная часть икры развивается у молодых рыбок, чего не замечается у других наших пресноводных видов, кроме подкаменщиков и бычков (*Gobius*). Дело в том, что у колюшки мы имеем наиболее замечательный пример настоящего гнезда, подобного птичьему, и встречаем не менее интересное явление попечения самца об яичках, сложенных в этом гнезде. О гнездовании колюшки было известно уже давно, но только лет 30 назад проф. Коста дал нам подробное описание нереста этой рыбы, который он наблюдал в бассейнах. Последующие описания дают нам весьма подробную картину образа жизни колюшек.

За несколько дней до нереста, начинающегося с апреля или мая, колюшки принимают более яркую окраску и становятся очень красивыми. Затем самцы удаляются от пузастых самок, которые продолжают ходить стаями, и, по-видимому, несколько многочисленнее первых; каждый из самцов выбирает себе место в траве или на дне или выкапывает себе сначала ямку в иле, как это всегда делают трехиглые или же как девятииглые, прямо начинает прикреплять травинки в развилинах какого-нибудь водяного растения или к листу его. Чаще всего выбирают они для этой цели белые или желтые кувшинки. Вырыв ямку, самец набирает в рот мелких травинок, корешков, также водорослей нитчаток (девятииглая колюшка) и других растительных веществ, выстилает ими дно ямки, закрепляя их в иле и склеивая слизью, выделяемую боками тела, затем воздвигает таким же образом боковые стены, наконец свод. После этого он приводит свое гнездо в порядок, придает ему более правильную форму, вытаскивает лишнее, расширяет переднее отверстие (заднее всегда менее, а иногда его совсем не бывает), выглаживает края его и вместе с тем старательно отгоняет насекомых и других рыб. Готовое гнездо имеет форму шара или почти шара и очень красиво, но у трехиглой колюшки большая часть его зарыта в ил, и потому оно незаметно; только иногда, и то в

мелкой светлой воде, можно различить небольшие возвышения, до 10 см в диаметре; гнезда девятииглых колюшек найти также очень трудно, так как они почти не отличаются от листьев водяного растения, к которому прикрепляются.

Рис. 32. Гнездо девятииглой колюшки

Окончив постройку гнезда, самец возвращается в стаю, выбирает самку, готовую к кладке, и после некоторого как бы ухаживания, загоняет ее к назначенному месту: самка влезает в переднее отверстие, кладет туда несколько десятков яиц и через 2–3 минуты выходит в противоположную дыру. Это время самец находится в заметном волнении, и едва самка окончит свою кладку, как он, в свою очередь, входит в гнездо и обливает икринки своими молоками. Но гнездо это служит, однако, не для одной самки: в скором времени самец отправляется на поиски другой, третьей и т. д.; кладка продолжается несколько дней подряд, пока все гнездо не наполнится яичками. Последние относительно очень крупны; в самке насчитывается обыкновенно до 100–120 зрелых икринок одновременно, но весь нерест длится иногда более месяца, а у девятииглой даже до конца июля. Икра колюшки не полностью прозрачная.

Но этим не ограничиваются заботы старательного самца. Он остается при гнезде, удаляется от него лишь на небольшие расстояния и ревниво оберегает его от всяких врагов, то отгоняя их от этого места, то стараясь отвлечь от него внимание других, более опасных неприятелей, особенно крупных рыб, которые все весьма не прочь полакомиться икрой колюшки. Даже сами колюшки-самки истребляют свои собственные яйца. Кесслер рассказывает, как он безуспешно старался отогнать одного черного самца девятииглой колюшки: сначала последний при каждом движении палки отбегал от гнезда и снова возвращался к нему, но затем уже стал бросаться на палку, как бы огрызаться на нее, подобно собаке. Эта охрана гнезда продолжается 10–14 дней, до тех пор, пока его окончательно не покинут выклюнувшиеся рыбешки, освободившиеся от своего огромного желточного пузыря, лишаящего их возможности спастись от преследования. Но и то первые дни самец старательно смотрит за молодью и не дает далеко уплывать от гнезда. Мало того, во время развития зародышей заботливый отец, чтобы воспрепятствовать засорению

яиц, нарочно производит волнение воды и усиленно двигает своими грудными плавниками перед отверстием гнезда.

Это крайне интересное гнездование колюшек легко наблюдать в большом аквариуме с растениями и толстым слоем ила на дне, где эти рыбки, вообще очень живучие, очень хорошо уживаются. По-видимому, они делаются способными к размножению на следующий же год, во всяком случае на втором году жизни, но навряд ли живут только 3 года, как это полагает Блох.

Все колюшки крайне прожорливы и принадлежат к числу самых вредных рыб. Впрудах, куда они проникнут, почти невозможно бывает развести какую-либо другую рыбу. Даже в таких огромных бассейнах, как Онежское озеро, по свидетельству рыбаков, вместе с размножением этих рыбок замечается сильное уменьшение прочих видов, особенно ряпушки. Здесь колюшка, с каждым годом распространяющаяся в громадном количестве во всех губах, речках, постепенно переходит и в другие смежные озера и не замечается только в таких, которые связаны слишком быстрыми протоками или речками. Если б колюшки не истребляли и своей икры, то, конечно, они в скором времени перевели бы всех рыб.

По причине своей величины и пребывания в мелких местах или в реках рыба эта редко попадает в сети. Впрочем, с 60-х годов она тоже пошла в дело; так, например, в Днепро-Днепровском уезде Таврической губернии ее употребляют для удобрения; на о-ве Кизи (Олонецкой губернии), как говорят, один крестьянин начал лет 20 назад употреблять ее на корм скоту, предварительно измельчая в порошок; в окрестностях Риги, по свидетельству пастора Бютнера, лет 30 назад один купец устроил даже завод для вываривания из колюшек жира, и результат был настолько блистателен, что в первый же год ему было доставлено 200 тысяч бочек колюшек по цене 40 к. каждая. Нельзя не пожелать подобного же удачного употребления в дело этой не только бесполезной, но и крайне вредной рыбы и в других местностях России.

Остается заметить, что хотя никто, за исключением ребяташек, не занимается ловлей колюшек, но трудно представить, с какой жадностью хватают они не только насадку, но даже голый крючок и обрывок нитки.

В былые годы на Петербургской стороне я лавливал огромное количество этих рыбок просто на кусочек червяка, привязанный на нитку, даже на небольшой голый крючок, принимавшийся ими за червя.

Бычки

Gobius batrachosephalus Pall. В Одессе – бычок-кнут; в Севастополе – кнутовик; в Николаеве – рябой бычок.

Gobius melanostomus Pall. В Одессе – бычок-песочник, бычок-коваль, бычок-кузнец (черная разность); в Николаеве – бычок-губан, черный бычок; в Севастополе – бычок-песчанник.

Gobius fluviatilis Pall. Бабка, неправильно бычок, печкур, бобырь; на Днестре – бабеч; в верховьях – хвиздь; на Дону – бубырь, воронка; в юго-западных губерниях, по Эйхвальду, – кильбовка; в Аккермане – белый бычок; в Николаеве – бычок-песочник.

Gobius kessleri Gunth. Бабка толстоголовая – по Днестру; в Николаеве – бычок-головач.

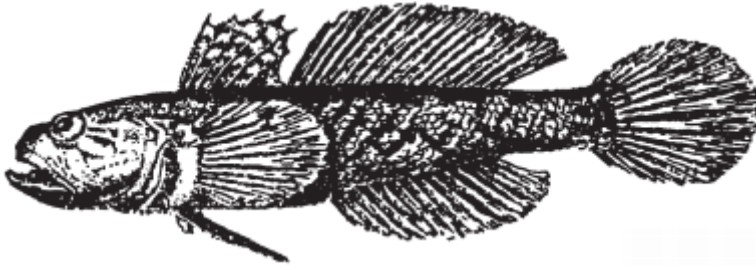

Рис. 33. Бычок-гонец

Весьма многочисленное семейство бычков, или колбневых (*Gobiidae* e), отличается с первого взгляда своими сросшимися брюшными плавниками. Большинство видов живут в морях; у нас – в Черном и Каспийском, частью в реках, в них впадающих, известно более 30 видов, исключительно из главного рода – бычков (*Gobius*), но, вероятно, менее, так как признаки этих рыб весьма сбивчивы. Собственно в реках или в устьях встречается только 8 или 9 видов, а именно: бычок-кнут, бычок-гонец, бычок-цуцик, бычок-песочник, белый бычок, бычок-головач, еще два исключительно кавказских вида (*Gobius cyrius* и *G. Weidemann*) и, наконец, толстоголовая рыбка из рода *Benthophilus* – пуголовка. Так как распространение этих рыб по рекам еще весьма мало исследовано, то мы дадим здесь краткое описание каждой.

Бычок-кнут (*G. batrachosephalus* Pall.), водящийся в устьях Буга и Днестра, отличается голым теменем и затылком, т. е. непокрытыми чешуей, очень широкою большою головою (более 1/4 всего тела), значительно вытянутым и к заднему концу сильно утонченным телом. Тело желтоватое или сероватое и, особенно голова, испещрено бурыми пятнами; спинной, хвостовой и грудные плавники с поперечными темными полосками. На боковой линии 74–84 ряда чешуй; величина 100–300 мм. Водится вдоль северных берегов Черного моря, от Одессы до Керчи; в лимане Буга доходит до Николаева.

Бычок-гонец (*G. gymnotrachelus* Kessl.) – вид совершенно речной и водится именно в Днепре, Буге и Днестре; особенно распространен он по Днестру и его притокам (Сбручу). Темя и затылок у него также голые, но голова меньше и не так широка. Цвет тела желтовато-серый, с бурыми пятнами, которые иногда сливаются в косые поперечные полоски. Чешуя несколько крупнее (60–70 рядов), величина менее (до 145 миллиметров).

Бычок-цуцик (*G. marmoratus* Pall.) имеет весьма обширное распространение и водится как в соленой, так и в пресной воде; он встречается в Каспийском море, в устьях Волги, в Черном море, по берегам Крымского полуострова, в Буге, Днепре и Дунае с их притоками; например, он был найден в р. Ворскле, под Полтавой, в р. Псле, под Миропольем, а в последнее время и в нижнем течении Дона. Тело его сильно сжато с боков; темя и затылок, как и у всех следующих видов, покрыты чешуями; передние носовые отверстия вытянуты в усиковидные трубочки; ширина головы менее ее вышины; нижняя челюсть не выдается, как у предыдущих видов; число чешуй в боковой линии 40–45. Цвет тела бледно-серый или буроватый, с бурыми полосками и пятнами. Речные экземпляры вообще меньше ростом и темнее, обыкновенная величина этих рыбок 40–50 (миллиметров).

По наблюдениям (г-на Рождественского) в аквариуме, цуцики ведут более ночной образ жизни, а днем предпочитают темноту. Они даже выметали в аквариуме икру, притом в несколько приемов и очень рано, начиная с 23 января и до 10 марта; икра была выметана на растения и имела продолговатую яйцеобразную форму. Из нее, однако, не вышло ни одной рыбки.

Бычок-песочник (*G. melanostomus* Pal l.) имеет плотное, довольно короткое тело, не очень большую голову (длина ее менее 1/4 части всего тела), челюсти почти одинаковой длины, с толстыми губами; при конце первого спинного плавника

обыкновенно находится большое черное пятно; в боковой линии 52–55 чешуек. Цвет тела светло-бурый, с большими темно-бурыми пятнами по бокам, иногда же черно-бурый или совершенно черный, вообще подлежит многим видоизменениям. Величина от 100–200 (миллиметров). Вид этот водится почти в тех же местах, как и цуцик. Он был найден в Каспийском море, в Волге под Сарептой, затем по всему северному берегу Черного моря, так и во всех (?) реках, туда изливающихся; по Днестру он доходит до Могилева, по Днепру – до Екатеринослава.

Белый бычок (*G. fluviatilis* Pall.) отличается стройным, кругловатым телом, сильно утонченным к заднему концу; нижняя челюсть его немного длиннее верхней и несколько заворочена кверху; губы узкие. По форме тела он представляет значительное сходство с гольцом, только голова у него приметно больше. Чешуя довольно мелкая (60–65). Цвет тела буровато- или желтовато-серый, с бурыми пятнами, особенно заметными на боковой линии. Из многочисленных разностей его замечательнее белая – зеленовато-белого цвета, с едва приметными серыми пятнами по бокам, и черная – очень темного цвета. Рост этого вида 85–180 (миллиметров). Это по преимуществу пресноводный бычок: всего более распространен он по Днестру (до Хотина) и его притокам, по Бугу (в особенности), Днепру (до Екатеринослава) и в некоторых побочных притоках последнего, например Ворскле и Псле. Особенно изобилует этой рыбкой р. Ворскла. На южном берегу Крыма *Gobius fluviatilis* нет, но он, по-видимому, весьма обыкновенен во всем Каспийском море и в устьях Урала и Волги. Эти каспийские бычки принадлежат большею частью к черной разности и имеют несколько более крупную чешую и меньший рост. Кроме того, речные бычки встречаются также в Азовском море и в Дону, но как высоко они по нему поднимаются – неизвестно.

По наблюдениям (г-на Рождественского) в аквариуме, бубырь очень ленивая, неповоротливая и медленная в движениях рыбка; днем он проводил почти все время в вырытой им яме, откуда выходил лишь для того, чтобы прогнать подходивших близко рыб, и для еды. Иногда он зарывался совсем в песок, оставляя видимою только верхнюю часть головы. По-видимому, это делалось с целью подстеречь подплывавших мальков и схватить их. Ест бубырь не много и более всего вечером, при закате солнца; пищу он не глотает, а жует, а так как нижняя губа длиннее верхней, то жеванье его походит на жеванье стариков; очень часто зевает и при этом тянется, поднимая голову и хвост кверху, растопырив плавники и хвост. Плавает он пoryвисто, делая волнообразные скачки, как бы порхая. Надо полагать, что рыбка эта, зарывшись в песок, очень долгое время может оставаться без воды. По тем же наблюдениям, рыба часто изменяет свой цвет: больная, она становится бледною, а испуганная чернеет и, как бы уменьшившись в объеме, прижимается к камню, где и притаивается. Будучи раздражен, бубырь растопыривает плавники и начинает усиленно раскрывать пасть, а иногда поднимает хвост кверху и ерзает на брюшном плавнике. Дерущиеся бубыри прыгают друг около друга и поднимают сильную муть, пока слабейший не обратится в бегство. Мелкую рыбу в аквариуме бычки эти истребляют начисто, причем иногда хватают малька поперек туловища и рядом быстрых движений, став вертикально, головою вниз, переламывают рыбке голову.

Бычок-головач (*G. kessleri* Günth.) отличается большою сплюсненною головою, верхнею губою, сильно расширенною по сторонам, удлинненно-коническим телом, спереди значительно утолщенным; нижняя челюсть его длиннее верхней, чешуя мелкая (70–77). Цвет тела серовато-бурый или красновато-бурый, с более или менее явственными темными пятнами, у хвоста треугольное черноватое пятно. Роста он одинакового с песочником. Живет головач также больше в реках; по Днестру распространен до Могилева, по Бугу до Вознесенска, по Днепру до Екатеринослава, кроме того, он встречается в Каспийском море и в Волге под Астраханью и Петровском.

Кроме этих видов, в кавказских реках встречается еще собственно морской вид бычков – *Gobius platyrostris* Pall. (у грузин – орджо), найденный в Куре, Тифлисе и в бассейне р. Риона, в ручейках, в него впадающих.

Наконец, пуголовка (*Benthophilus macrocephalus* Pall.) отличается от всех бычков чрезвычайно большой, широкой и приплюсненной головой и отсутствием чешуи, которая заменяется костяными шишками различной величины и формы. Цвет тела буровато-серый, с темными пятнами; вся нижняя сторона беловатая. Водится эта рыбка в устьях Днепра, Буга и Днестра, в Дону и его нижних притоках, а также в иловатых заливах Каспийского моря. Величина ее от 90–150 мм.

По наблюдениям в аквариуме, пуголовка очень ленивая рыбка, постоянно живущая в песке, где зарывается до самых глаз и терпеливо лежит целый день. Выходит она гулять лишь на короткое время, вечером, причем порывисто поднимается кверху, присасываясь брюшными плавниками к стеклу аквариума у поверхности воды, и, повисев там некоторое время, опять опускается на дно и снова поднимается.

Об образе жизни бычков вообще известно очень мало. Почти все они любят свежую воду и дно песчаное или каменистое, охотно прячутся под камнями или же, подобно подкаменщику, устраивают себе норки в песке. Держатся они постоянно на дне (или на подводных скалах) и когда плывут, то опираются на сросшиеся брюшные плавники, как на подставку; иногда они этими плавниками слегка присасываются к камням или цепляются ими, нагибая свое туловище.

Это очень проворные и прожорливые рыбки. «Смотря, как они снуют по дну, – говорит О. А. Гримм, – карабкаясь по сваям, камням и другим подводным предметам, невольно напрашивается сравнение их с мышами из млекопитающих и с воробьями из птиц. Это настоящие подводные мыши, ничем не пренебрегающие, чтобы утолить свой голод, и вместе с тем составляющие любимую пищу морских ежей».

Пища бычков состоит из молодых рыбок, насекомых, червей, мелких слизняков. Некоторые из них (большею частью морские) выют более или менее искусные гнезда и в них складывают свои яички; другие же приклеивают икринки к камням, стеблям подводных растений и т. п. предметам и потом остаются при яичках, как бы для охранения их. Яички при развитии в них зародыша сильно вытягиваются в длину и принимают почти коническую форму, причем зародыш всегда бывает обращен головою частью к свету, т. е. свободному, острому концу конуса. Нерестятся они раннею весною (в марте).

Особенно изобилует бычками Каспий, в котором, по вычислениям О.А.Гримма, живет более 48 миллионов пудов этих рыб. Однако специальной ловли бычков сетями почти нигде не производится, и этих рыб ловят (в бухтах Черного и Каспийского морей, частью в лиманах) в огромном количестве на удочки, на червя, на кусочки мяса или рыбы. Можно даже сказать, что во всех приморских местностях, во всех бухтах бычки составляют главную, иногда даже почти исключительную добычу удильщиков. Ужение бычков так же просто, как и ужение ершей и окуней, которых они превосходят в жадности. До сих пор, однако, никто из южных рыболовов-охотников не дал описания способов ужения этих оригинальных рыбок.

Налим

Lota vulgaris Cuv. В Северной России – налим; в Южной – мень, менёк; в Тверской губернии – мень, меньтюшка; в Псковской – меньш; в Курской – менух; в Смоленск. – менюх; в Ворон. (Даль) – живчик (!); в Симбирской. губ. – ползунок; так

же (как и в Орле) – мантус; в Ка лаче – ментюк; на Суре – минтюг; на Ипути – калека, в Каменец-Подольске – мниух; в Сибири (?) – мендир, в Польше – метус, ментус; финск. – маде, маэ, матикка; у ижоров – лутза; карел. – маатика; тат. – корте-балык, карабал, джумба, шамле; башк., кирг.– шамба-балык, шамбы; чувашск. – шамба, чамба; черем. – ланба, мокшенза; вотяцк. – шатко; калм. – хотубр, хотубре; вог. – чи, чиль; ост. – ниу-коль, сиг, панне, кэсь; юрацк. – нюэ; ост.-сам. – нюни; самоедск. – нойе, нюню; койбал. – нуйя; бурят. – кутар; тунг. – чегачан, чеган, сеган; юкагир. – нетновиа; якутск. большие – желюссар, средние – сенган, малые – болдюнге; гиляцк.– марш; гольд. – сингацу; мандж. – хоан-ю.

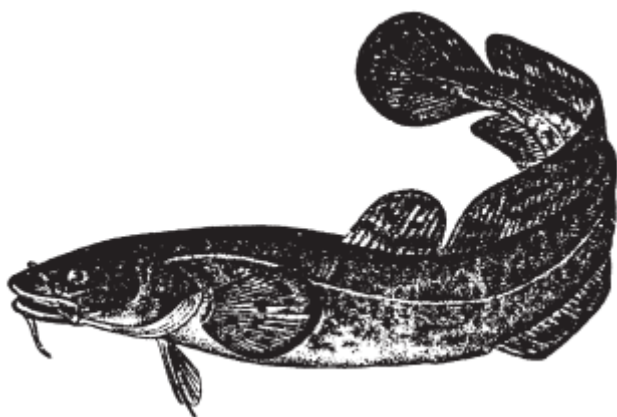

Рис. 34. Налим

Это единственный пресноводный представитель целого отдела рыб – бесколючих, к которому относятся треска, навага и другое семейство – камбалы. Из последних, впрочем, один вид, *Platessa flesus* – камбала, встречается и в Ладожском озере, входит в устья Невы и других рек, а в Северной Двине и в Висле поднимается, по-видимому, очень высоко.

По своему наружному виду налим имеет некоторое, хотя и довольно отдаленное, сходство с сомом. Голова у него очень широка, сильно приплюснута, как у лягушки, на подбородке находится небольшой усик; глаза малые, пасть широкая, усаженная очень мелкими многочисленными зубками, вроде щетки, и верхняя челюсть несколько длиннее нижней. Грудные плавники короткие; два первых луча, брюшных, находящихся впереди последних, вытянуты в нитевидные отростки; спинных плавников два, и короткий передний близко примыкает ко второму, который простирается до закругленного хвостового плавника; последний имеет очень большое количество лучей (36–40) и соединен с заднепроходным, тоже очень широким. Все тело покрыто очень мелкими, нежными чешуйками, которые сидят глубоко в коже, притом покрытой обильной слизью, почему налима весьма трудно удержать в руках.

Цвет тела налима зависит от качества воды и весьма разнообразен; обыкновенно же вся спинная сторона, равно как и плавники, на серовато-зеленом или оливково-зеленом фоне испещрены черно-бурыми пятнами и полосками, а горло, брюхо и брюшные плавники остаются беловатыми. В Екатеринбургском уезде отличают три разновидности налима: черный, самый мелкий и узкий, живет в речках; желтый попадает в иловатых реках и не очень кормных озерах и имеет среднюю величину; наконец, серый налим, необыкновенно жирный и толстый, встречается только в озерах (тоже проточных) и достигает огромных размеров. Вообще, кажется, чуть не повсеместно отличают две породы, т. е. разновидности, налимов – одну пеструю (мраморную) и другую совсем черную. Вероятно, цвет зависит от качества воды и свойства грунта, а также от освещения. В Иркутской губернии, по словам Пежемского, распространено мнение, что в ясную погоду налим имеет желтый цвет с темными пятнами, а в ненастье становится темнее. Все это требует дальнейших

исследований. По моим наблюдениям, чем моложе налима, тем он темнее; самцы также темнее самок, но главное наружное отличие между полами состоит в том, что у молочков голова относительно толще, а туловище тоньше. Кроме того, самцы вряд ли достигают и половины веса самок и гораздо многочисленнее.

Коренное местопребывание налима – северные реки, впадающие в Ледовитый океан, но в настоящее время он встречается и в Средней Европе (в Англии, Италии, Испании и Греции его нет) до восточных департаментов Франции. В Средней и Северной России налим принадлежит к числу самых обыкновенных рыб; еще многочисленнее он в Сибири, а также и в северных частях Северной Америки. В нижних течениях русских рек Черноморского и Каспийского бассейнов, особенно в Днестре, налим уже редок, в устьях Дона, Волги и Днепра составляет довольно исключительное явление и в море положительно никогда не заходит. Его нет ни в Кубани, ни в кавказских реках, ни в бассейне Аральского моря. Вообще, чем далее к югу и западу, тем налимы уменьшаются как в числе, так и в весе. Самые крупные налимы водятся в Печоре, Оби и особенно Иртыше, в котором, по свидетельству Палласа, они достигают 3 аршин длины. Пудовые, даже двухпудовые налимы попадаются также в зауральских проточных озерах и прудах и в Онежском озере, тогда как в Ладожском редкие особи бывают более 15 фунтов. В реках Черноморского бассейна и в Западной Европе налим редко весит свыше 2–3 фунтов. На севере России налим вполне заступает место сома, частью форели, в сообществе которой встречается редко; в более южных странах налим находится в антагонизме с сомом и, кажется, вовсе не уживается с ним, не столько потому, что любит более холодные воды, чем сом, сколько потому, что становится летом легкой добычей последнего.

Редкость налима в низовьях объясняется его образом жизни. Налим любит холодную и чистую воду с иловатым и вместе каменистым дном и медленным течением и потому чаще встречается и достигает большей величины в небольших речках северных лесных равнин, чем в реках или горных речках. Любимое местопребывание его – глубокие ключевые ямы как в проточных озерах, так и в реках; он любит тень и прохладу, почему очень редок в теплых и мутных водах больших южных рек; с постепенным обнажением берегов степных речек налим даже вовсе в них переводится, как это я наблюдал в Шадринском уезде. Проточная вода, однако, ему почти необходима, и исключения очень редки, так как для нереста он всегда входит в реки.

Как чисто северная рыба налим чувствует себя хорошо, только когда температура воды не превышает 15 °С. Когда вода нагревается свыше 18 °С, он уходит в более защищенные от солнца места и впадает в своего рода спячку, причем не принимает пищи целыми неделями. Я полагаю, что в воде, имеющей температуру в 20 °С, он жить уже вовсе не может и погибает. В Средней России, как только реки окончательно войдут в берега, т. е. уже в первой половине мая, налим перестает бродить и избирает себе постоянную оседлость, становясь или под крутояры, или забиваясь в камни и береговые норы; в озерах он стоит или на очень больших глубинах, или в колодцах, т. е. подводных ключах, или под плавучими берегами (лавдами), где вода очень долго остается холодной. Весьма охотно налим держится под плотами, и вообще он почти всегда живет рядом с ершом. До наступления жаров он еще выходит по ночам жировать, но в Петровки весь, за редким исключением, или забивается в норы и камни, прячется под коряги, или даже зарывается в ил. Нор налим сам не делает, как это думают, а занимает случайные углубления и вымоины в берегах, рачьи норы или же (в речках) забивается под корни прибрежных деревьев. Здесь он всегда стоит головой к берегу, и нередко половина тела его высовывается наружу. Если трогать его рукою, то он делает только слабые движения, стараясь забиться подальше, а не выскочить из норы и спастись бегством. Точно так же если

поднять камни, под которыми спрятался налим, то он несколько секунд остается неподвижным, затем, очнувшись, с быстротой молнии бросается к ближайшим камням. Летнее оцепенение, или спячка, этой рыбы доказывается также тем, что если по каким-либо причинам (например, от прорыва плотины) уровень воды внезапно понизится, то весьма многие налимы не успевают вовремя выйти из более глубоких нор и там погибают, так как не могут ни повернуться в трубкообразных норах, ни действовать плавниками в жидкой грязи.

Из своих летних убежищ налим выходит только в холодную и пасмурную погоду, непременно ночью, так как это вполне ночная рыба, не выносящая солнечного света. Даже в лунные ночи налиму чувствуется не по себе, так как в полнолуние вовсе не берет на удочки, а следовательно, и не кормится. Но вместе с тем налим, более чем какая-либо другая рыба, идет на свет огня, который обеспечивает успех ужения. В лунные же ночи, как и перед грозой, он очень беспокоен и даже выплывает на поверхность воды, что бывает с ним только при внезапной порче воды, перед грозой или как только вода покроется льдом. Когда в реку спущены какие-либо нечистоты или краски, все налимы поднимаются со дна, но не плавают на поверхности, подобно другим рыбам, а становятся головою к берегу и пребывают здесь неподвижно. Всего же замечательнее необыкновенная восприимчивость налима к звукам: позднейшие наблюдения, несомненно, доказывают, что налим не только не боится шума, звона и человеческого голоса, но даже идет на эти звуки. Мочарский рассказывает, что когда он ловил сачком налимов, всплывших на поверхность от порчи воды, то при каждом ударе подсачиком о перила купальни ближайшие налимы подвигались к нему, не изменяя своего положения (головой к берегу). «Мне так показалось странным, – говорит он, – что рыба подвигается на звук, а не от него, что я повторил этот опыт несколько раз и получил одни и те же результаты. Позже к вечеру я пришел с одним знакомым сибиряком к этому же месту, который после моего рассказа о том, что утром налим шел на звук, показал мне истинную диковинку: он произносил негромкие звуки – «чш-чш», и ближайший налим после повторения этих звуков решительно повернул в нашу сторону и направился, не удаляясь от берега, к помосткам купальни; когда он остановивался, то немедленно раздавалось равномерное «чш-чш», и налим, как заколдованный, подвигался на звук к мосткам, где и был благополучно подсачен. Вслед за этим налимом таким же способом было подсачено еще четыре штуки, которые подвигались к нам, сохраняя между собою почти те же промежутки, которые были у них во время покоя».

Всего удивительнее здесь то, что налим идет на шум не потому, что ожидает поживы, подобно щуке и окуню, тоже иногда с голода бросающихся на всплеск и негромкие звуки, а совершенно бескорыстно, так как в данном случае налимам было не до еды. Что это верно, подтверждается словами г-на Воронина, который говорит, что налимов в р. Великой во время нереста (т. е. когда налимы не кормятся) ловят на пятигранный якорек небольших размеров, в ушко которого продето большое кольцо. Якорек этот опускают на дно, там, где трутся налимы, и, слегка дергая за бечевку, позванивают кольцом и при малейшем сотрясении подсекают. Чем звонче кольцо, тем ловля (крюченье) добычливее.

Налим вполне донная рыба. Он всегда пресмыкается по самому дну и здесь же отыскивает себе пищу, которая довольно разнообразна, хотя состоит главным образом из других рыб. Мелкие налимы, почти до двухлетнего возраста, кормятся, впрочем, червями, личинками насекомых, мелкими рачками (мормышом), раками и рыбьей икрой. Судя по тому, что мелкие налимы почти не берут рыбную насадку даже осенью и зимою, надо полагать, что они не особенно хищны. Но и взрослые налимы весной и летом далеко не так плотоядны, как в холодное время года; по крайней мере, они чаще попадают на червя и рака, чем на рыбу. Есть, однако,

некоторые основания заключить, что весной, местами по крайней мере, налимы особенно усердно охотятся за лягушками и с этой целью, подобно судакам, заходят по ночам в заливы и заводи, причем изменяют своему обычаю пресмыкаться на дне и хватают квакушек на поверхности, незаметно подплывая к ним во время их концерта. Из рыб летом, кажется, только ерши, живущие в тех же местах, делаются добычей налима; раков же он добывает непосредственно из нор. Во всяком случае, в жаркое время года налим ест очень мало, как бы урывками и случайно.

Но едва только похолодеет вода, начнутся ненастные дни, что бывает у нас, в Средней России, в начале августа, как налим покидает свои летние убежища и начинает вести все более и более бродячую жизнь и все чаще и чаще выходить на мелкие места, за мелкой рыбой, стараясь вознаградить себя за долговременный пост. Чем более понижается температура, чем темнее и продолжительнее ночи, тем более возрастает аппетит хищника. Трудно представить себе, какую массу мелочи пожирает налим зимой, когда полусонная, вялая и почти ничего не видящая рыба достается ему без всякого труда на местах своих зимних сто янок. Из всех хищных рыб налим положительно самая жадная и прожорливая, так как только он один хватается за рыбу в садках. Известно также несколько случаев, что налимы не только охотились в мотне невода, но даже хватали запутавшуюся в сетях рыбу с другой, внешней, их стороны и, проглатывая вместе с нею кусок сети, запутывались, в свою очередь, жабрами в ячейках. По словам рыбаков, налим легко заглатывает рыбу, вполнину меньшую по весу; по свидетельству О.А.Гримма, один раз из 9-фунтового налима вынуто было два фунта снетков.

Любимую пищу налимов служат пескари, потом ерши; очень много истребляют они также своей собственной молоди; местами они жадно берут миног и их личинок; в речках поедают массу гольцов, реже гольянов; в северных и северо-западных озерах – снетка. Другие рыбы по своей чуткости, проворству, величине и более редкому пребыванию на дне сравнительно реже становятся добычей налима, только, однако, не зимою, когда налим не дает спуска и относительно крупной и сильной рыбе. Ему стоит только ухватиться своими мелкими, как щетка, зубами хотя бы за хвост рыбы, и она, наверное, не минует его огромной пасти. Как ночной хищник, налим вряд ли когда ловит добычу стоя на месте, а подкрадывается к ней и хватается за что попало, не делая порывистых движений. Это можно заключить по характеру его клева, весьма незэнергичному. По J. Fischer'у, налим привлекает мелочь, спрятавшись в камнях головою наружу и пошевеливая своим усом на подбородке. По словам Потанина, алтайские рыбаки держатся мнения, что «налим ловит рыбу, становясь головою к утесу и загребая хвостом мелочь в разинутый рот». И тот и другой способ ловли если и употребляется (?) налимами, то очень редко, и они в холодное время года во всяком случае отыскивают себе добычу, а не ждут ее. Хотя автор одной книжонки об уженье, г-н Соболев, и говорит, что налим «своим фосфорическим светом глаз находит себе пищу», но в поисках корма налим всего менее руководствуется зрением, а слухом, осязанием и обонянием; эти три чувства развиты у него гораздо сильнее и дают ему возможность на течении слышать и осязывать движение наживы, передаваемое на довольно большое расстояние, а также, как показал тот же опыт рыболовов, издали чуют пахучую насадку.

Осенний жор налима продолжается до начала зимы, целых три месяца, с небольшими промежутками. Рыболовная практика показала, что этот жор перемежается в лунные ночи, особенно в полнолуние, а также на «молодую», т. е. в новолуние (Терлецкий). До глубокой осени налим бродит всюду зря, и его можно найти в глубоких и мелких местах на быстрине и в заводях. С замерзанием рек осеннее блуждание за поисками пищи сразу прекращается. Резкое изменение среды влияет и на налима: он поднимается кверху и становится под лед; ему, видимо, не по себе и уже не до еды. Это оцепенение продолжается несколько дней или с неделю,

пока организм (плавательный пузырь) не приспособится к новым условиям и измененному давлению; затем, в непродолжительном времени, через неделю-две начинается валовой, правильный ход налимов против течения. Только в немногих больших и глубоких северных озерах часть налима остается в озере, выходя из глубин на более мелкие и каменистые места – гряды.

Прежде всех под Москвой в первой половине или в середине декабря трогается самый крупный налим; затем средний и, наконец, на Святках идет мелкий, 3–5-леток. На севере ход налима запаздывает на неделю или на две, на юге начинается ранее, но все-таки после рекостава. По-видимому, все станицы идут одною и тою же, и притом весьма неширокою, дорогою, которая пролегает, однако, не на самой глубине и быстрине реки, а довольно мелкими, преимущественно песчаными, хрящеватыми или каменистыми местами. Ход налима приостанавливается днем на более или менее продолжительное время (на несколько часов) и начинается снова в сумерки; двигаются станицы довольно медленно, с большими остановками, так как, во-первых, налим не способен к продолжительному движению, а во-вторых, за исключением самого времени нереста, продолжает усиленно охотиться за рыбой, заходя попутно на места ее зимней стоянки. Чем крупнее налимы, тем стайки их малочисленнее и менее густы; 3–4-летки идут стаями в несколько сот штук и довольно тесными рядами. Ход каждой станицы в отдельности продолжается до 2 недель, так что с начала хода до окончания проходит почти два месяца. Под Москвой икранные налимы попадают иногда до конца января.

Как было сказано выше, число молочников значительно превышает число икрняников, вдвое или даже втрое, и самцы чуть не вполовину меньше весом против самок одинакового возраста. Но, несмотря на многочисленность молочников, у налимов замечается, по-видимому, нечто вроде течки или спаривания, так как самец свивается попарно с самкой. Мнения этого, по свидетельству Фенютина, придерживаются моложские рыбаки, которые уверяют, что им часто случается во время игры вытаскивать налимов, «свившимися хвост за хвост и нижними подбрюшными перьями». Подобное наблюдение приводится и в сочинении Зибольда, со слов некоего Штейнбуха, но здесь обе рыбы были соединены друг с другом приблизительно на середине тела, кожистой кольцеобразной связкой в дюйм ширины, таким образом, что брюхо одной было обращено к брюху другой. Связка эта обнимала налимов посредине тела и так крепко, что врезывалась в тело, но при всем том она была без повреждения отодвинута к более тонкому хвостовому концу. По снятии связки оказалось, что половые отверстия обеих рыб находились одно против другого, так что, несомненно, происходило как бы совокупление. Самый же пояс, отличавшийся от кожи только толщиной, по мнению Штейнбуха, вероятно, образуется из особого свертывающегося вещества, выделяющегося из кожи. Однако наблюдение Штейнбуха не подтверждается другими исследователями и подвержено сильному сомнению.

Судя по всему, половой зрелости налимы достигают к третьему году; в большинстве случаев зрелую икру можно найти даже у полуфунтовых налимчиков, но в кормных реках эти полуфунтовики оказываются молочниками. Впрочем, как замечено выше, почти везде одновременно встречаются две разновидности налима – крупная и мелкая, последняя почти черного цвета. Озерный (мраморный и короткий) налим, растущий быстрее речного, иногда, как, например, в Зауралье, мечет икру, только достигнув полуаршина длины и 3 фунтов веса. Икра налима желтоватого цвета, относительно мелка (от 0,8 до 1 мм диаметром) и чрезвычайно многочисленна, так что эта рыба принадлежит к числу самых плодовитых. Последние наблюдения показали, что очень небольшие особи заключают в себе до 200 тысяч, а крупные до миллиона икринок. Судя по этому, пудовые севернорусские и сибирские налимы должны выметывать много миллионов яиц. Относительно

же малочисленность этой рыбы объясняется тем, что только очень немногие икринки р азвиваются в рыбок, большая часть которых еще в юности становится добычей взрослых налимов и других хищников или же погибает, не найдя благоприятных условий для жизни. В последнем отношении, как мы уже видели, налим принадлежит к числу самых прихотливых рыб.

Икра выметывается в реках, всегда на довольно мелких песчаных или хрящеватых местах, с довольно быстрым течением. Хотя икринки выливают совершенно жидкую икру (откуда и произошло употребляемое местное характерное название нерестилища – «ляк») в ямках или между камнями, но значительная часть яиц уносится водой, прежде чем они успеют прилипнуть к почве, и становится добычей других рыб. Сами налимы, как молодые, еще не достигшие полной зрелости, так и взрослые, уже выметавшие икру или только собирающиеся нереститься, поедают во множестве свою икру, которая, выстилая тонким слоем все впадины и углубления нерестилища, составляет самую изобильную и легко добываемую пищу в самое глухое зимнее время. Существует да же одно наблюдение, которое бросает некоторый свет на причины временного прекращения клева рыбы в январе и начале февраля. По словам Терлецкого, станицы окуня, пескаря, плотицы и ерша во время нереста налимов трогаются с мест своих стоянок и, наевшись икры, снова устанавливаются. Таким образом, более нежели вероятно, что к концу зимы остаются в целости только те икринки, которые попали в хрящ, под камень или вообще какую-нибудь защиту. Выклеывается налимья молодеь, кажется, незадолго перед вскрытием или же во время половодья, которое забивает множество мелочи или сносит ее на поймы, где она потом погибает. Отсюда понятно, почему налимы всего многочисленнее в реках, где хотя бы местами имеются каменистые перекаты, и почему мелкие налимчики встречаются чуть не исключительно в таких местах, где много крупных камней, не сдвигаемых течением.

Молодь растет очень быстро, не менее быстро, чем щурята. В кормовых местах к Петрову дню молодые налимчики достигают 13/4–2 вершк ов длины; большую часть в октябре попадают налимчики с очень крупного пескаря, но рост их обуславливается местностью, принадлежностью к крупной или мелкой разности и полом. Озерные налимы (самки) в Зауралье вырастают в год до 5 вершков, в 2 года – до 7, а в 3 года – до 8–9 вершков длины, тогда как прирост мелкой черной разности идет в следующей прогрессии: годовалый – 2, двухгодовалый – 4 и трехгодовалый – до 6 вершков. До годовалого возраста налимчики живут непременно в камнях и уходят на более глубокие и иловатые места, кажется, к лету следующего года. Вполне хищною рыбою налим становится только уже достигнув половой зрелости, по крайней мере мелкие годовалые и полуторагодовалые налимчики не берут (на Москве-реке) ни на мелкую рыбу, ни на кусочки рыб, а только на червя.

Чем питается первое время (т. е. весной) налимья молодеь – сказать трудно, но в мае она, кажется, ест икру пескаря, гольца и других рыб, нерестящихся в камнях и хряще, быть может и выклюнувшуюся молодеь этих рыб. Летом же пища ее состоит из червей и личинок; но в жары мелкий налим тоже ничего не ест, а забивается под камнями.

Как рыба очень чувствительная к качеству воды, налим едва ли не раньше других рыб снет от ее порчи. У нас, под Москвой, при обилии фабрик с их вредными отбросами, при бесцеремонном спуске нечистот, налимы заметно уменьшаются в числе, а местами почти перевелись. По той же причине главная масса налимов живет в верхнем течении Москвы-реки; в нижнем их тоже довольно много, а в среднем (от города до Угрешского монастыря) очень мало. Несомненно, что бóльшая часть этих налимов, выметав икру (у Перервинского шлюза, у Каменного моста и др.), как только откроется (в марте) Бабьегородская плотина, уходит вверх и там остается. В Зауралье очень теплое лето имеет непременно следствием бóльший или меньший

мор налимов в озерах, хотя, надо полагать, мор этот зависит не столько от температуры воды, сколько от множества паразитов, вызванных жарам и. В Северной Двине, близ Архангельска, в 1875–1876 годах замечена была настоящая эпидемия налимов, причем, по словам газет, на печени замечалась раковидная опухоль, а снаружи – язвы. Позднее г-н Дюк сообщал в своей заметке об ужении в окр. Архангельска, что во время этого мора печень донельзя уменьшалась и превращалась в какую-то белую жировую твердую массу, а заднепроходное отверстие сильно опухало. Это последнее обстоятельство в связи с тем наблюдением, что после нереста печень у налимов вообще сморщивается, уменьшается в объеме и становится дряблой, наводит на мысль, что причиною мора было, быть может, то обстоятельство, что налим не мог своевременно выметать икры вследствие порчи воды Двины отбросами моховинокуренного завода, как объясняет автор заметки на том основании, что выше по реке и в озерах рыб, не могших почему-либо своевременно выметать икру, последняя подвергается жировому перерождению, т. е. превращается в жировую массу и всасывается организмом (как, например, у осетровых); у некоторых же рыб эта, так сказать, передержка половых продуктов может иметь более вредные последствия – именно загнивание их.

Налим – коренной житель Северной России и Сибири, может быть назван вполне русской рыбой; в Западной Европе он редок, мелок и находится в пренебрежении, а потому как жизнь, так и ловля его, на удочку в особенности, очень мало известны.

Ловля налима производится как удочками и снарядами, близкими к удочке (переметами, подпусками), так и настоящими рыболовными снастями – вершами, сетями и т. п., почти исключительно зимою, во время нереста. Собственно охотничья ловля может быть разделена на весеннюю, осеннюю и зимнюю; летом же налимы на удочку вовсе не ловятся. Так как эта рыба кормится только ночью и ходит по самому дну, то удить ее можно только ночью и со дна; при этом замечено, что чем темнее ночь и хуже погода, тем налим берет лучше. В лунные светлые ночи он, как уже сказано выше, клюет плохо, также (по крайней мере местами) на молодой месяц; тем не менее огонь костра или фонаря, несомненно, привлекает налимов и улучшает их клев, так что свет необходим не только для удобств удильщика. Многие московские рыболовы помнят небывалый клев налимов (осенью, лет десять назад) у Каменного моста, привлеченных большим пожаром на набережной; на Шексне и на р. Великой, близ Пскова, костер при ловле налимов считается необходимым условием успеха.

Весеннее ужение налимов начинается примерно через неделю после того, как пройдет лед и вода начнет убывать; когда река вошла в берега, клев постепенно ослабевает и, как только она достигла обычного уровня и сделалась чистою, совершенно прекращается, что бывает у нас, под Москвой, в мае. В речках поэтому клев начинается и кончается ранее, чем в реках, и в Московской губернии налим начинает ловиться в Москве-реке на неделю позднее, чем в Уче, Пахре и других ее притоках, также в Клязьме.

Ловля производится весною почти всег да с берега, плотов, реже с лодок – по той причине, что в это время налим держится у берега, под крутоярами, на глубоких местах. Удочки короткие (большею частью можжевеловые шестики, аршина в 11/2 длиною), причем, если ловят с берега или плота, сразу ставится до 10 и даже 15 удочек, втыкаемых в землю или между бревнами. Лески – волосяные, в 6–8 большею частью белых волос; при этом, так как ловят на глубоких местах и налим жметя к берегу, нет надобности, чтоб длина лески значительно превышала глубину воды. Грузило почти всегда требуется тяжелое, сообразно силе течения большой воды; большею частью это пуля 20-го, 14-го калибра. Большинство привязывает крючки непосредственно к леске, но гораздо практичнее употреблять отдельные поводки с петлюю, которая продевается известным способом в большую петлю на конце лески,

так что поводок может быть легко заменен другим, что очень важно, когда налим глубоко заглотал насадку. Псковские рыбаки-охотники употребляют с этой целью особое продолговатое грузило с 2 кольцами, к которым пристегиваются поводок и леска; это приспособление еще удобнее, но продолговатое грузило вообще хуже круглого. Поводок делается или из волоса немного тоньше лески, или из жилки, неправильно называемой буйволовым волосом. Следует, однако, заметить, что там, где попадаются крупные налимы или удочек ставят так много, что не успевают их часто осматривать (многие ставят удочки на ночь и осматривают утром), налимы могут перетереть поводок своими мелкими, как щетка, зубами, а потому благоразумнее делать поводки из тонких басков. Крючки могут быть различной величины, от № 1 (и крупнее) до 6, смотря по насадке и размерам рыбы в данной местности, но лучше, если они будут с длинным стержнем и со спиленной зазубриной; налим заглатывает глубоко, и вынуть короткий крючок с зазубриной очень трудно, не замяв рыбы, и каждый раз приходится или отрезать крючок и навязывать новый, или переменять самый поводок. Вообще, по моему мнению, при клеве рыб, сильно заглатывающих насадку, – окуня, ерша, налима, щуки и др., нет никакого расчета ловить на крючки с бородкой, особенно зимою, когда все рыбы (кроме налима) не проявляют и половины своей обычной силы. Наконец, как и при всякой ночной ловле с многими удочками, к шестикам привязываются звонки – бубенчики и колокольчики, которые давали бы знать в темноте о клеве рыбы. Чтобы не сбиться, звонки хорошо подбирать разных тонов и силы, а так как поклевка у налима весьма неэнергичная, то для большей чувствительности (если только не ветрено) прикреплять их не к кончику шестика, как обыкновенно, а к леске, на вершок-два от верхушки, продевая ушко бубенчика в петлю, сделанную из лески, и пропустив в эту петлю бубенчик.

Обычная весенняя насадка для ловли налимов – выползок, т. е. большой земляной червь, или несколько красных червей; надевается первый с головы, немного отступя от нее, причем часть выползка должна быть на поводке. Весною, как известно, всякая рыба берет на червя лучше, чем в другое время года, так как масса червей попадает в реку с полою водою. Можно, конечно, ловить налима и на кусок рыбы, даже мяса, как и осенью, но эти насадки менее соблазнительны для него, чем живой червь, живцов же весною достать трудно. Впрочем, местами налим недурно берет весною на лягушку. Замечательно, что в Москве-реке он ловится почти исключительно на червя и на лягушку идет только в небольших реках. Это так же трудно объяснить, как и сравнительно плохой клев всякой рыбы в Москве-реке на рака и раковую шейку. Правда, в среднем течении ее раков мало, но почему же в Царицынских прудах, где раков великое множество, никакая рыба на рака не берет? В Уче, близ Пушкина, я наблюдал весьма оригинальный по своей простоте способ весенней ловли налимов – именно на ерша, привязываемого бечевкой за хвост. Изредка налим попадает на обыкновенные жерлицы, но только в том случае, если насадка лежит на дне. Ловлей налимов на жерлицы никто, впрочем, специально не занимается, главным образом потому, что она сравнительно хлопотливее и неудобнее.

Несмотря на то что налим может считаться самою жадною и прожорливою рыбою, поклевка его очень слаба и неэнергична. Вероятно, это зависит от способа схватывания им добычи: налим не бросается стремглав на насадку, а как бы подкрадывается к ней и, разинув свою огромную пасть, подобно сому, втягивает насадку прямо в глотку; движения же рыбы, заглатавшей наживку, понятно, не могут быть очень сильными от боли; к тому же налим – рыба вялая и флегматичная и, как всякая ночная, ночью гораздо смирнее, чем днем. Поклевка налима выражается обыкновенно таким образом: сначала чувствуется в удильнике слабое сотрясение, затем два последовательных, ровных удара. Всего удобнее подсекать при

первом же сотрясении, так как насадка не так глубоко заглатывается; но не всегда его заметишь, особенно на тихом течении. Вообще же чем сильнее течение, тем поклевка налима резче (как и у всякой рыбы), тем он берет жаднее и проворнее. При ловле на очень длинные лески, тем более если ловят на них (по необходимости) в местах с неправильным, водоворотным течением, очень любимым налимом, клев его почти совершенно незаметен, нередко даже не слышно и звонка. Это зависит от того, что налим имеет обыкновение, взяв насадку, идти с ней против течения, так что сплошь и рядом бывает, что натянутая течением леска вдруг опускается. В этом случае лучше поторопиться подсечкой, потому что если есть поблизости камни или коряги, то налим непременно туда забьется и его нескоро оттуда вызовешь периодическим усиленным потягиванием.

Берет налим весной после заката и до восхода; лучший клев бывает, когда совсем стемнеет, но около полуночи он на время ухудшается. Вытаскивать налима очень легко, так как он идет почти без сопротивления, но лучше подхватывать сачком, потому что налим очень скользок и его трудно удержать в руках. Москворецкие рыболовы, впрочем, не любят употреблять сачок ночью, так как в сетке запутывается крючок, притом они ловят очень часто с легких челнов-полотнянок, которые ставятся на камнях или кусках рельсов различной тяжести и на более или менее длинных веревках (сообразно силе течения), с низкими бортами, которые нетрудно наклонить к самой воде, так что даже крупная рыба легко может быть выброшена из воды в лодку. Обыкновенно они берут вытасченного налима левой рукой под жабры (иногда даже приподняв его на леске) или крепко прихватив за шиворот, а указательным пальцем правой руки достают крючок. Но если налим глубоко заглотал насадку и желательно сохранить его живым, лучше снимать поводок вместе с рыбой и надевать новый. В корзине налим, по-видимому, сидит очень смиренно, но если крышка садка не привязана или неплотно закрывается, то он легко уходит из него: стоит ему только просунуть хвост в щель и найти точку опоры. При вытаскивании очень крупных налимов на севере России и в Сибири употребляют также багорчики.

В течение всего лета налимы почти вовсе не ловятся на удочки, разве с лучайно. Впрочем, местами он не особенно редко попадает на стерляжьих самоловы (см. «Стерлядь»), т. е. переметы без приманки, за крючки которых цепляет, ползая по дну реки. Острые крючья самолова вонзаются в мягкое тело налима, и он редко срывается, ибо, подобно стерляди, почувствовав крючок, лежит неподвижно и почти не бьется, когда его вытаскивают. Летом налима вообще можно добыть только руками, вытаскивая из нор, из-под корней прибрежных деревьев и кустов, а также из-под камней. Этот способ ловли, называемый щупаньем или щуреньем, употребляется повсеместно, особенно на небольших крутоберегих реках, и имеет много любителей между крестьянами, особенно мальчишками. Заключается он в том, что ловец в жаркий день входит в воду, не глубже чем по грудь, и осторожно, не производя шума, ощупывает руками все углубления берега, рачьи норы, корни, также камни; услышав осязанием стоящую под берегом или забившуюся в нору рыбу, он проворно выхватывает ее из воды и выбрасывает на берег. Щупанье производится всегда в затененных местах, под нависшими деревьями, в крутобережье, также близ родников и ключей. Ловят этим способом чуть не всякую рыбу – плотву, язей, щук, карпий, но чаще всего наиболее чувствительных к жарам налимов, несмотря на их скользкость, требующую большой сноровки. Замечательно, что налимы совершенно индифферентно относятся к дотрагиванью и при некотором навыке нетрудно даже заставить их принять более удобное положение.

Осеннее ужение начинается, как только вода похолодает и налим вылезет из крепких и глубоких мест на более открытые и мелкие, что бывает у нас примерно в двадцатых числах августа. В общем, правила ловли удочкой в это время те же, что и

весною, разница только в месте ловли и в большем разнообразии насадок. В конце лета и в начале осени налим берет еще урывками, в ненастье и холодную погоду, прекращая клев при поднятии барометра; только в октябре и ноябре налим идет почти равномерно, без перерывов. Ловят больше с лодок, чем с берега, на более длинные лески, чем весной, и с менее тяжелым грузилом. Снасти те же, насадкою служит также червь (выползок и красный червь), но больше для мелкого (1–2-летнего) налима, чаще же пескарь или ерш, местами лягушонок. Самою лучшею приманкою для налима служит пескарь, затем голец и, наконец, ерш, причем нет особенной надобности, чтобы они были живы, а в таких местах, где налим мелок (от 1/2 до 3 фунтов), даже полезнее разрезать этих рыб на 2–3 части. В Пскове, например, разрезанный пескарь считается лучше целого. Цельная рыбка насаживается или за губу (обыкновенный способ насаживания живца на течении, так как при нем рыба живет дольше и принимает натуральное положение), или за хвост, в позвоночный столб, причем рыба хотя и умирает, но держится крепче, и налим не так глубоко заглатывает крючок. Живую рыбу, разумеется, насаживают на крючок с бородкой, так как она легко может сойти с него. Некоторые рыболовы обстригают у ершей спинной плавник, но это совсем напрасно, так как на лимья пасть, по-видимому, совершенно нечувствительна к уколам. Вообще же главная осенняя насадка – пескарь, целый или разрезанный на части. В последнем случае московские рыболовы почему-то бросают голову, а ловят или на туловище, или на хвостик, на который налим будто бы берет всего охотнее (вернее объяснить тем, что хвостик крепче держится на крючке). Насадка во всяком случае должна лежать на дне, и в этом обыкновении налима брать пищу только со дна надо искать объяснение тому, что он охотнее берет на куски плотвы, ельца и других недонных рыб, чем на этих живых рыб. При хорошем клеве и за неимением других насадок иногда успешно ловят налимов на куски печени и мяса, даже бывали случаи – на куски соленой селедки. На эту последнюю насадку не мешало бы обратить удильщикам поболее внимания, главным образом по той причине, что сродича налима – треску – норвежцы, за неимением наживки (мойвы), ловят непременно на соленую селедку. Да и вообще говоря, всякая рыба любит соль; селедку достать можно везде и всегда, и она очень долго сохраняет соленый вкус и на ровном течении может привлекать рыбу с дальнего расстояния.

Так как налим почти всегда заглатывает насадку, то очевидно, что ловля его менее, чем ловля какой-либо другой рыбы, требует подсечки, а стало быть, присутствия рыболова. Поэтому большинство любителей ловят на большое число удочек, особенно при ловле с берега; на лодке же, где место не позволяет ставить много удочек, они привязывают обыкновенные двойчатки с 2 крючками или же ловят на так называемые подпуски.

Подпуск – это, в сущности, та же донная удочка с длинной леской, но с более тяжелым грузилом и с большим числом крючков. Для ловли в глубокой и быстрой воде с мостов, лодок, плотов и барок подпуск незаменим и во многих быстрых реках, например на Неве, на Днепре, где местами течение настолько сильно, что требует почти фунтового грузила, составляет чуть ли не главную удильную снасть. У нас на Москве-реке и Клязьме подпуск всего чаще употребляется для ловли налимов, притом осенью, когда они уже вышли из ям на более мелкие места с правильным течением, необходимым условием этой ловли. Подпуск делается обыкновенно из толстой волосяной лесы (в 30–40 волос) или просмоленной бечевки, различной длины, смотря по количеству крючков (от 5 до 30), привязываемых к леске на отдельных поводках, волос в 6–8 и до аршина длиною, причем расстояние между поводками должно быть, разумеется, более длины поводка во избежание путаницы; с тою же целию поводки часто пристегиваются не к леске, а к привязанным к ней медным кольцам. Грузило состоит из тяжелой свинцовой (или чугунной) гирьки

около фунта и более и привязывается к леске на отдельном поводке в пол-аршина длиною. Насадкою служат чаще всего кусочки пескаря, реже черви и лягушата; крючки насаживаются по порядку, начиная с конечного, и постепенно один за другим опускаются в воду; затем опускается на дно в отвесном положении (к лодке, мосту и др.) грузило; свободный же конец лесы привязывается к небольшому, но крепкому и не особенно гибкому удильнику. Леса от грузила к удильнику натягивается довольно туго, так, чтобы при ловле с лодки удильник немного пригнулся бы к воде. При означенном способе прикрепления грузила клев рыбы передается непосредственно удильнику независимо от тяжести груза.

Ловля подпусками очень добычлива, но скучновата и требует навыка и терпения, особенно при большом числе крючков, и совершенно невозможна без фонаря. Само собою разумеется, что нет никакой надобности в слишком частом осмотре снасти. Вообще последняя может еще назваться охотничьей и удобной снастью, только когда число ее крючков не превышает пяти; при большем же количестве она имеет то же значение, как и перемет, употребление которого для охотника извинительно только в том случае, когда только этим способом можно бывает добыть самые крупные экземпляры хищной рыбы, в особенности сомов. Перемет – тот же подпуск, и главная разница между ними та, что первый ставится поперек, а последний – вдоль реки.

Налимий перемет отличается от других родов переметов тем, что он, в противоположность им, не плавучий, а донный, т. е. бечевка и поводки с насадками лежат почти на дне, ибо налим берет только со дна. А так как москворецкие рыболовы употребляют переметы почти исключительно для ловли налимов, то покойный Торчилло был не прав, выражая сомнение в целесообразности и применимости московского перемета. Устройство последнего очень просто: бечевка толщиной в тонкий или обыкновенный карандаш, длиною от 20 аршин и более, смотря по ширине реки, хотя, надо заметить, переметы ставят от берега до другого только на небольших реках. К бечевке привязываются на аршинном или большем расстоянии одна от другой тонкие полуаршинные бечевки с пятивершковыми басками, к которым привязаны крючки с длинными стержнями средней величины. К каждому концу перемета привязывается более или менее тяжелый камень или гиря; на крючки насаживаются пес кари, ерши или куски рыбы, реже большие черви. Перемет ставится, конечно, с лодки, большею частью вдвоем; сначала опускается камень, потом гребец едет на другую сторону, а ловец спускает в воду поводки, причем иногда наживляет в это же время крючки; когда весь перемет будет спущен, бечевку его натягивают и спускают второй камень. Осматривают перемет утром, а для того, чтобы найти его, привязывают к одному концу поплавок (доску, палку) на веревке или ощупывают снасть при помощи багра или, еще лучше, небольшого якорька, так называемой кошки; поднимаются немного выше места, где поставлена снасть, и потом спускаются, поддевая бечеву этим якорьком. Отдельные части налимого перемета подвергаются различным изменениям и усовершенствованиям, смотря по местности, но сущность его остается одинаковою.

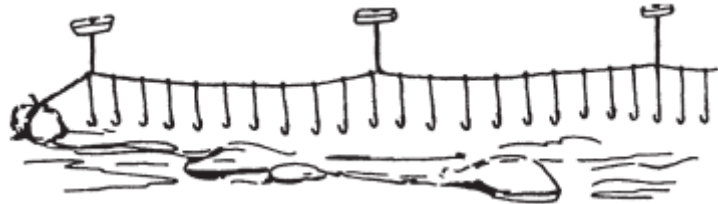

Рис. 35. Плавучий перемет

Весьма охотно налим берет осенью на лягушек, но, к сожалению, их трудно доставать в это время года. Насадка эта в большом употреблении на Шексне, Мологе и других среднерусских реках. Тамошние рыбаки заблаговременно запасают «шадру», т. е. лягушат, добывая их с сентября в родниковых ямах или в нарочно

выкапываемых канавках у берегов и сохраняя в подвалах. Лягушонка насаживают, прокалывая крючком обе губы снизу вверх.

Весьма удачно можно также ловить налимов на мертвую рыбку финляндским способом, употребляемым, впрочем, больше на озерах и притом для щук. Эта своего рода жерлица, но еще более простого устройства, состоит из сухой палки (различной величины, смотря по течению), играющей роль поплавка, камня в несколько фунтов, крепкой бечевки от 5 до 10 сажен длиной и простого или двойного крючка на медном, реже басковом, поводке четверти в 1 1/2 длиной. Финляндцы, подобно шведам и норвежцам, предпочитают употреблять и для этой ловли медные, а не стальные крючки, притом без зазубрин, на том основании, что рыба на первые берет гораздо охотнее; этого мнения придерживаются и некоторые наши рыболовы; например, мне известно, что в Вологде и на Кубани многие удят на медные крючки, но вернее предположить, что это предпочтение меди обусловлено тем, что стальные, тем более железные, крючки скоро ржавеют. Заготовив надлежащее количество палок, камней и концов бечевки, рыболов (чаще вдвоем) расстывает свои нехитрые снасти с вечера на лодке, на более тихих местах реки (и озера), на известном расстоянии друг от друга, следующим образом: на один конец бечевки привязывается камень, измеряется глубина и соответственно ей привязывается палка-наплав; затем спускаются вниз по течению и закидывают насадку. Рыбка (ерш, пескарь) насаживается таким способом: медный поводок пропускают через рот в кишечный канал и, вынув из заднего прохода, петлю на поводке продевают в большую петлю на конце бечевки, через которую пропускают рыбку. Таким образом, жало крючка (или крючков) прилегает к бокам головы и малозаметно; для того же, чтобы насадка не приподнималась течением, на бечевку надевают более или менее тяжелую, просверленную пулю.

К числу осенних способов добывания налима принадлежит также лученье, т. е. бой острой ночью, с помощью огня – луча (см. «Линь»). Главным образом лучат щук, линей, вообще озерную и прудовую рыбу, стоящую на мелких местах, притом с лодки; что же касается налима, то его бьют острой преимущественно в небольших реках и речках, высматривая с берега.

Гораздо чаще лученья употребляется глушенья налима по перволедью, тоже с огнем, но с колотушкой, а не острой. Глушеньем и открывается зимний сезон рыболовной охоты, но оно имеет много неудобств и даже опасно, почему, несмотря на свою привлекательность для охотника, составляет достояние промышленника. Оно основано, как известно, на том еще не совсем объясненном факте, что рыба, как только вода покроется ледяною корою, поднимается на поверхность и некоторое время плавает в очень небольшом расстоянии от нижней поверхности льда, иногда даже прикасаясь к ней спинными плавниками. Замечательно, что рыба весьма охотно держится подо льдом – в заводях, замерзающих ранее русла, хотя бы могла уйти в последнее, так что нельзя сказать безусловно, что вся рыба в это время чувствует себя не совсем хорошо, тем более что многие породы по первому льду очень хорошо берут на удочку, в особенности окунь. Не поднимаются по перволедью только подверженные зимней спячке лини, караси, сазаны, сомы, все осетровые, которые становятся на зимовку еще в середине осени, а также ерши (вероятно, и бирючки) и, кажется, пескари. Налим же приблизительно в течение двух недель, начиная с замерзания и до тех пор, пока лед не достигнет толщины 2 или даже 3 вершков, совершенно изменяет своему обычаю пресмыкаться на дне – и на озерах, в прудах и в медленно текущих реках стоит подо льдом; по-видимому, это необычайное для него положение влияет на его безмерный осенний аппетит, так как жор его прекращается.

Сущность глушенья состоит в том, что высматривают рыбу, стоящую под прозрачным и тонким льдом, и, осторожно подкравшись к ней, оглушают ударом

дубины над ее головою; затем проворно разрубают лед и выхватывают сачком или багром перевернувшуюся вверх брюхом рыбу. Глушат и днем, но больше ночью, с огнем; во-первых, потому, что ночью рыба вообще смиреннее, а затем по тому, что огонь, ослепляя рыбу, по-видимому, приводит ее в состояние, близкое к каталепсии или столбняку. Самый сподручный снаряд для глушенья – топор на длинной рукоятке, в 2–3 аршина, но лучше и удобнее употреблять особую деревянную колотушку, в виде молотка, или же дубинку; иногда в эту дубинку или колотушку ввертываются толстые закаленные крючья, в виде зубцов остроги, вершка в три длиною; если лед тонок и рыба стоит непосредственно под ним, то зубцы, пробив лед, могут вонзиться в рыбу и удержать ее на месте. Как видно, это приспособление редко достигает своей цели и не особенно практично, тем более что рыбе наносятся крючками большие раны. Делаются также и железные дубинки овальной формы, с такими же крючками, насаженные на деревянную рукоятку, но такие еще хуже. Чтобы не испугать рыбы, к ней подкрадываются в валенках или, что еще лучше, а главное, по тонкому льду безопаснее, на широких лыжах, подбитых войлоком. Всего лучше глушить рыбу вдвоем, обвязывая себя у пояса длинную веревку, конец которой или волочится по льду, или держится в руке у товарища. Один обыкновенно светит и высматривает рыбу, другой заходит с противоположной стороны, глушит рыбу и достает ее из-под льда. Высматривают рыбу при помощи фонаря, но лучше со смоляным факелом или с железным ковшом на рукоятке, в котором зажигают смолу. Понятное дело, если на льду лежит хотя бы небольшой слой снега, то под ним ничего не увидишь, а потому глушенья производится только на чистых местах, вообще до выпадения большого или мокрого снега, не сдуваемого ветрами. Можно, конечно, заблаговременно днем расчистить облюбованное место. Как сказано, удар должен приходиться прямо над головою рыбы, иначе она уходит или может опомниться раньше, чем успеют разрубить лед и ее вытащить. Некоторые породы, например щука, очень слабы к удару и перевертываются вверх брюхом даже при довольно толстом льде и когда стоят вершков на 5–6 от его поверхности; налим же оказывается самым крепким в этом отношении и шалет, только когда стоит непосредственно подо льдом толщиной не более 2 вершков.

Глушенья рыбы, тем более налима, продолжается очень недолгое время – неделю, редко две; затем, когда лед достигнет толщины примерно 3 вершков, почти вся рыба уже держится на дне, свыкнувшись с изменениями своей среды. Зимнее ужение налима начинается большею частью, когда лед настолько окрепнет, что по нему можно безопасно ездить на лошадях. Так как налим составляет в Средней и Северной России самую дорогую зимнюю добычу удильщиков, то считаю уместным сказать здесь довольно подробно о зимнем ужении вообще и его принадлежностях, что вместе с описанием зимней ловли окуня и ерша даст читателю ясную картину зимней охоты, известной очень немногим рыболовам-охотникам из боязни холода, совершенно, впрочем, неосновательной, так как зимой рыба хорошо ловится только в тихую погоду и при морозе не выше 10–12°.

Главную принадлежность зимней ловли составляет, кроме удочек и насадок, пешня, необ ходимая для прорубания льда, делания в нем круглых отверстий, т. е. лунок. Пешня – это четырехгранный, внизу заостренный кусок железа, до аршина длиною, имеющий сверху помещение для деревянной рукоятки. Чтобы острие не гнулось, железо или закаливается, или на конец наваривается сталь; некоторые охотники закалывают даже стальные пешни и имеют их двух или трех размеров, от 3 футов – для тонкого льда, до 12 – для толстого. Рукоятка пешни должна быть непременно точеная, с головкой, достаточно толстая, чтобы удобно было держать ее в руке, и длинная (около аршина); для того же, чтобы не утопить пешню, в головке рукоятки делается отверстие, в которое продевается ременная или бечевочная петля, надеваемая на руку во время прорубания льда. Последний выгребается из лунки

железным совком, или деревянной лопаткой (тою же, которая употребляется для подсечки; см. «Ерш»), или же сачком особого устройства: он состоит из железного или медного обруча, в 4–5 вершков диаметром, прикрепленного к короткой деревянной рукоятке; сетка его, довольно частая, делается или из бечевки, или проволоки и не должна быть глубже четверти. Присяжные «зимняки» берут с собой еще следующие предметы: фонарь для ночной ловли, действительно необходимый, жаровню или ведро с угольями для согревания рук в большие морозы, дубовое ведро для живцов и, наконец, двухаршинные колья и рогожи для шалаша. Конечно, все это возится на место ловли в салазках. При ловле на червей и мотыля эту насадку москворецкие рыболовы держат в деревянных ящиках в форме искривленной табакерки (бобом), вершка 3 длиною, крышка которой не открывается кверху, а откидывается сама собой вбок, параллельно дну червяшницы, так как движется на шпеньеке у одного из боков. Такой ящичек, чтобы насадка не замерзла, хранится всегда за пазухой. Само собой разумеется, что костюм рыболова должен быть тепел и удобен: всего лучше меховой кафтан и ватные брюки; валяные сапоги при этом необходимы, но на случай оттепелей к ним полезно приделывать кожаные подошвы и обшивать с боков кожей.

Прорубать лунки следует там, где ожидают найти рыбу, вообще на более глубоких местах, хотя недалеко от берега; на самой быри рыба зимою не стоит, так как не может бороться с силою течения. Самое лучшее место для лунок – это над колодцами, т. е. подземными родниками; такие места необходимо заблаговременно замечать, что не особенно трудно, так как они замерзают позднее, некоторое время образуя полыньи. Налим, впрочем, в начале зимы, по молодому льду, уже держится на песках, на незначительной глубине, где и следует искать его и делать проруби; после же нереста, в феврале и марте, уходит на глубину и обыкновенно держится под крутоярами или на глубоких ямах. Число лунок зависит как от количества снастей, так и знания места. Рубить лунки следует так, чтобы они имели вид усеченного конуса, основание которого (от 4 до 6 вершков диаметром) находится на поверхности льда; нижние края лунки аккуратно оббиваются, чтобы не были остры и не резали лесок. Крупные осколки льда выбрасываются совком или лопаточкой, когда же лунка наполнилась водою, то мелкий лед выкидывается сачком. Хотя рыба не особенно чутка зимою, особенно на глубине, но все-таки часто отходит от шума, производимого прорубанием лунки, и берет большую частью немного спустя после его окончания, так что благоразумнее делать лунки заблаговременно. Обыкновенно ловят из 3–5 лунок, находящихся на небольшом расстоянии одна от другой, но иногда число их достигает 15–20, особенно при ловле налимов. Завзятые рыболовы делают тут шалаш или, вернее, загородку от ветра, вставляя в отверстия, сделанные пешней колья, концы которых предварительно мочат в воде, и привязывая к последним рогожу. Пойманную рыбу хранят или в ведре, или, если лед достаточно толст, в так называемых корытцах. Это простое углубление во льду, обыкновенно в форме корыта, аршинной длины и полуаршинной ширины, реже обыкновенной круглой формы. В середине этого корытца делается сквозное отверстие, в которое выступает вода.

Зимнее уженье налима начинается в Средней России обыкновенно в начале декабря и продолжается весь январь; в феврале клев его прекращается, возобновляется с теплой погодой в конце этого месяца и оканчивается с ледоходом. Рыболовы-любители удят налимов почти так же, как и ершей, – на кобылки и волосяные лески; разница только в том, что вся снасть грубее, насадка другая и ловля производится на песчаных или на хрящеватых неглубоких местах. Так как крупный налим легко может утащить под лед кобылку, то последняя делается покрупнее и, кроме того, или имеет в обеих своих пятках железные шпеньки для втыкания, или же пятки эти мочат в воде и примораживают ко льду. Леска в 6–12

волос, смотря по средним размерам водящихся в данной местности налимов, хотя последние, как известно, оказывают сравнительно слабое сопротивление при вытаскивании, но зимою они, в противоположность другим рыбам, вовсе не теряют своей силы. Ловят в отвес или с небольшим уклоном, чтобы не перерезать лески об лед. Крючки употребляются преимущественно с длинными стержнями от №5 до 0 и крупнее, смотря по насадке и величине рыбы, причем лучше, если бородачка их спилена. Некоторые рыболовы даже ловят налимов на крючки, согнутые из булавок или шпилек. Я полагаю, что налима, как и всякую другую заглатывающую рыбу, можно ловить, продевая насадку швейной иглой, крепко привязанной к леске посредине. Груз прикрепляется к леске не более как на четверть от крючка и должен лежать на дне неподвижно, не приподниматься течением и не катиться по дну; так как среди зимы приходится ловить налимов на довольно быстротекущих местах, то употребляется сравнительно очень тяжелое и притом плоское грузило, спокойно лежащее на дне.

Самою лучшею насадкою для налимов, за исключением мелких, служит или живая мелкая рыба, или кусочки рыбы. В качестве зимнего живца всего чаще, иногда исключительно, употребляется мелкий ерш, так как пескаря достать зимой труднее, а другие рыбы обыкновенно не могут держаться на самом дне или скоро засыпают. Говорят, что налим особенно охотно берет на живого ерша, с которого соскоблена чешуя, почему последний выказывает в холодной воде не свойственную его породе живость, бегая по дну как угорелый. Но вряд ли кто решится испробовать этот способ, изобретенный одним подмосковным попом. Ловят также налимов на червей и лягушек, но очень редко, так как то и другое надо запасти с осени, да и ершей можно достать сколько угодно; притом налим почти так же охотно берет на кусочки рыбы, свежей и соленой, даже на внутренности животных – печень, легкие, куриные потроха, наконец, на кусочки мяса и сала. При ужении на живую рыбку или лягушку двойчатки, конечно, не употребляются, так как поводки очень путаются. Насаживают живца или за губу, или около хвоста, не задевая, однако, спинного хребта.

Таким образом удят налимов московские охотники-рыболовы; но промышленниками Средней и Северной России употребляются другие способы ловли, не требующие присутствия человека и напоминающие жерлицы, только еще более упрощенные. Эти снасти ставятся обыкновенно в большом количестве на ночь и утром осматриваются. Лесой служит почти всегда бечевка (шестерик); привязывается она или к палке в пол-аршина длины, или к можжевельному, вообще довольно гибкому шесту (различной величины, смотря по глубине воды), на четверть аршина выше кончика; длина лески не более аршина. В первом случае палочка с намотанным на нее запасом кладется поперек лунки и груз лежит на дне почти под лункой; во втором – шестик опускается в лунку, в наклонном положении по течению, так, чтобы кончик упирался бы в дно, середина – в передний край нижнего отверстия лунки, а комель – в задний край верхнего отверстия, немного возвышаясь над поверхностью льда. Иногда толстый конец примораживают, а также закрывают от любопытных глаз – вместе с прорубью – снегом. Насадкою большею частью служат куски сырой рыбы, надеваемые или на самодельные железные (в Финляндии – медные) крючки без бородачки, или даже на деревянные, в форме рогульки или цифры V.

Рис. 36. Деревянный крючок

Этот оригинальный крючок имеет довольно обширное распространение и, сколько мне известно, употребляется в Московской, Тверской, Владимирской, Костромской и Новгородской губерниях. Крючки делаются из тонкой (в тонкий карандаш или куриное перо) ветки березы с сучком, причем оба конца рогульки заостряются. У карелов Новгородской губернии крючки имеют несколько другую форму и заострены со всех трех концов. Насадка должна быть довольно крупных размеров; это или мертвая рыбка (живая все равно скоро на ней заснет), или куски рыбы, сала, мяса, куриные потроха. Цельная рыба насаживается или карельским способом, причем крючок пропускается в живот и бечевка захлестывается на спинке, или же крючок просто пропускается в рот за жабру, что гораздо проще и удобнее, особенно на течении. Прочие насадки прямо надеваются на крючок, ко нечно, так, чтобы вполне закрывали его; иногда концы крючка сводятся вместе, чтобы при усилиях рыбы освободиться могли раздвинуться. Это достигается разными путями, из которых самый простой следующий: на бечевке делается небольшая петелька, в которую продевается пригнутая, более тонкая веточка. Действие деревянного крючка понятно: налим заглатывает насадку, и рожки крючка протыкают стенки желудка. Весьма вероятно, что этот нехитрый снаряд окажется пригодным и для ловли других хищных рыб, берущих мертвую насадку, например для ловли сома.

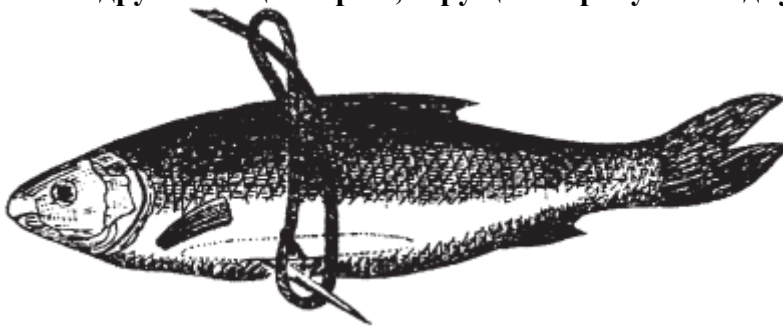

Рис. 37. Способ насаживания рыбы на деревянный крючок

Из других способов ловли налимов с насадкой следует упомянуть о так называемых подледниках, вполне заменяющих осенние подпуски и местами находящихся в большом употреблении. Действительно, ловля подледниками весьма добычлива, особенно когда они поставлены на месте хода налимов, как известно, весьма нешироком. По этой последней и причине переметы, которые и ставить зимою неудобно, в это время года никогда не употребляются. Подледник состоит из бечевки, к которой прикрепляется на поводках, в аршинном расстоянии, от 3 до 10 и более крючков, наживленных червями, кусками рыбы или живыми ершами; в последнем случае поводки несколько укорочены. Устанавливается подледник следующим образом. Пробив лунку, рыбак разматывает подледник и надевает насадку, сначала на крайний крючок, потом на следующий и т. д., последовательно сбрасывая их в воду. Течение тотчас же подхватывает сброшенные крючки и утаскивает их под лед.

Затем, когда весь снаряд вытянется вдоль течения, рыбак спускает в воду грузило (от 1/4 до фунта весом, сообразно силе течения и количеству крючков) и оставшийся

конец привязывает к палочке, примороженной ко льду. Такие подледники рыбаки-промышленники ставят десятками.

Рис. 38. Подледник

Блеснение налима почему-то малоупотребительно, хотя при удачном выборе места во время хода бывает весьма добычливо и занимательно. Нужно только иметь в виду, что налим не отличается проворством и редко хватает насадку, которая находится выше вершка от дна, т. е. заставляет его отрываться от дна.

Поэтому блесна должна быть легка, падать очень тихо, с боковыми колебаниями и поднимать ее надо короткими толчками, не выше 3–4 вершков. Самые лучшие блесны для ловли налимов – плоские металлические, с припаянным крючком без зазубрины, лучше из желтой меди, так как вообще в прозрачной воде желтая блесна виднее, чем белая, которая, напротив, гораздо пригоднее для ловли в мутной. По всем вероятностям, налим можно с большим успехом ловить на звенящие блесны, вроде употребляемых для ловли сигов; это две широкие блесны на одном поводке, которые при опускании расходятся, а при подымании сближаются и, ударя друг о друга, звенят. Во время хода налима их также багрят или особенными багорчиками, или крупным и крючками, привязанными к 2-аршинной рукоятке, как судаков, причем также высматривают идущую рыбу, лежа над прорубью, закрывши голову, или ловят на двойчатку (или две из смежных прорубей) с привязанными к ней якорьками, делая ею более или менее частые подсечки – уже наобум. Впрочем, последним способом налимы ловятся реже других рыб, не ползающих по дну, и большею частью во время нереста.

Местами с большим успехом применяются тогда видоизмененные способы ловли налимов на голые крючки или, вернее, на якоря. Первый, основанный как на потребности большинства рыб тереться во время нереста о твердые предметы, так и на необъяснимой любви налима к звукам, употребляется в Псковской губернии. На месте нереста (на Святках) в прорубь вертикально спускают пятилапный якорек вышиной в четверть, так, чтобы он стоял на дне торчком. Якорек оканчивается, как и все якоря, ушком с кольцом, за которое и привязывается бечевка. От времени до времени ловец слегка подергивает последнюю, причем кольцо, опускаясь, издает звон. Этот звон и привлекает ползающих по дну налимов, и чем кольцо звончее, тем ловля бывает удачнее, т. е. налимы охотнее переползают через якорь, что слышно по руке, держащей бечевку. В Моложском же уезде Ярославской губернии употребляется подобный, но более сложный и рациональный способ ловли налимов во время их течи; именно делают железную полосу в 4–5 вершков длины, на одном конце оканчивающуюся тремя железными острыми крюками с бородкой, которые

могут быть и припаяны отдельно; на другом конце полосы делается петля, уже приподнятая кверху. Между крюками и петлею на полосу кладется чистая белая липовая дощечка шириною вершка в три с половиною. Необходимо, чтобы снаряд, когда будет спущен, висел в воде не вертикально, а несколько наклонно, что достигается частию дощечкой, частию загнутою вовнутрь петлею. Такую лапу рыбак запускает в прорубь, на дно реки, где она и ложится железною полоскою вниз, дощечкою и тремя крючками вверх. Налимы, по мнению моло жских рыбаков, трутся всегда на белой гальке и потому, принимая липовую дощечку за камень, охотно трутся и переползают через нее, что слышно по руке. Рыбак поэтому, при известном навыке и сноровке, подсекает всегда вовремя и нередко вытаскивает сразу пару налимов, иногда свившихся хвостами, как сказано выше. Вообще ловля налимов голыми якорьками во время нереста имеет довольно обширное распространение и употребляется как в Новгородской губернии, так и в Западной Сибири. В первой местности якорьки имеют не более вершка вышины.

Остается теперь сказать несколько слов о ловле налимов сетями и ловушками. В невод налим попадает сравнительно редко, как и следует ожидать по его привычке держаться на дне и прятаться за его неровностями или за камнями. Обыкновенно нижняя тетива невода проходит над плотно прижавшимся к земле налимом, но вряд ли он делает какие-либо другие попытки уйти из невода, и показание иртышских рыбаков, что налимы, видя себя окруженными сетью, подплы вают к верхней тетиве, кладут на нее хвост, загибают его крюком и перекидываются на другую сторону, требует подтверждения. Несколько чаще налим ловится ставными сетями и мережами, запутываясь в них, но самая главная ловля его производится вершами, мордами, воротами, жохами и крыленами, которые все, как известно, основаны на одном и том же принципе; жоха и крылена делаются всегда из сетки, а другие снаряды – из дранок и из прутьев ивняка. Снаряды эти ставятся на месте хода налимов, которые во время нереста охотно заходят в них, так что случается, что в разгар хода морда за ночь набивается битком и из нее вытаскивают до 2 пудов. Иногда в морду вваливаются такие огромные налимы, что едва в ней помещаются, и не постигаешь, каким образом они могли пролезть в узкое отверстие горла (детыша). Всего же удивительнее, что налимы, если не помещаются в самой морде, лежат в детише, привлеченные массой уже попавшейся рыбы и не делают никаких попыток к выходу. Для вящего успеха на месте хода нередко делается завязок, или закол, т. е. плетень, или забой, из палочек ивняка, часто воткнутых в дно, и лучше, конечно, если морда, или норот, имеет не круглую, а четырехугольную форму, так как такие плотнее прилегают ко дну.

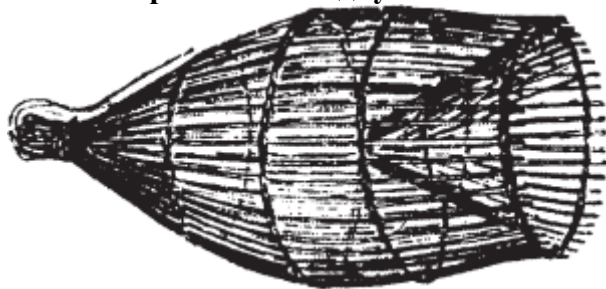

Рис. 39. Морда, или верша

Несмотря на свою ценность, налим не имеет промыслового значения, нигде не добывается в значительном количестве и обыкновенно потребляется на месте, в свежем виде. В Европейской России самый обильный лов налима производится в устьях Водлы на Онежском озере, где его добывается во время нереста несколько сот пудов. Дело в том, что налим, во-первых, нигде не водится в очень большом количестве, во-вторых, ценится, как и стерлядь, только живой или по меньшей мере свежий. Мороженный налим скоро обветривает, вянет, сморщивается и становится

дряблым, невкусным и тяжелым для желудка. Вообще налим не может считаться очень удобоваримой пищей и всего пригоднее для ухи, которая очень ценится ради молок (макса в Сибири) и печени (ксень); в Северной России и в Сибири крестьяне предпочитают делать пироги с налимом и максой и печенкой. Последняя, как известно, несоразмерно велика и у крупных налимов достигает нескольких фунтов веса; из нее также вытапливается превосходный жир, употребляемый в аптеках как целебное средство. В Западной России, именно в губерниях бывшего Царства Польского, налим редко употребляется простонародьем в пищу, кажется, из предубеждения и по примеру жидов, которым закон запрещает есть голую рыбу. На юге России и в Западной Европе налим также находится в пренебрежении, больше, впрочем, по причине своей редкости и небольшого роста. Икра налима почему-то считается немцами ядовитой, но это мнение, быть может, относится к совершенно зрелой, жидкой и вытекающей икре или вырезанной из лежалой рыбы. Напротив, на севере, а на северо-западе в особенности, икра потребляется в большом количестве, местами, например на Онежском озере, даже продается отдельно, подобно икре сига и ряпушки. По мнению Данилевского, налимовья икра по вкусу превосходит икру последних рыб, хотя ценится дешевле. Употребляется она здесь свежую, очищенную и слегка приправленную солью; говорят, что с лимонным соком она подходит вкусом к устрице. Кожа крупных налимов сибирскими инородцами употребляется в оклейку дерева седел, ножен, на штаны, сапоги, летнюю одежду, мешки и на окна вместо стекол. Кроме того, налим дает рыбий клей, но гораздо хуже осетрового.

Что касается искусственного разведения налимов, то в этом отношении сделано еще очень мало опытов. Искусственное оплодотворение выдавливаемых из рыбы икринок не особенно удобно потому, что икринки необыкновенно крепко (и скоро) прилипают. У нас, в России, впрочем, налимы искусственно оплодотворялись Малышевым в Тагиле еще в 1855 году, а также на Никольском рыбноводном заводе. Тем, кто желает, чтобы налим у него в реке (или проточном пруду) было больше, можно посоветовать ставить старые, худые верши в местах (непреренно каменистых) нереста.

Угорь

Anguilla fluviatilis L. Во всей Северной и Северо-Западной России – угорь, в Кроншт. заливе черный угорь называется ходовым, желтый – травником, в Нарве: самые большие – чесмянные, средние – полугарники, малые – давленики. В Гродн. губ. – вингор; в Польше – вингорж; лит. – unguriss; лат. – сугтис, эст. – ангриас; финск. – айрокас, ангерияйнен, энгери.

Рис. 40. Угорь

Эта замечательная рыба с первого взгляда имеет сходство со змеею, а потому у нас во многих местностях даже не считается рыбою и не употребляется в пищу. Длинное тело угря почти совершенно цилиндрическое, только хвост слегка сжат с боков, особенно ближе к концу. Голова у него небольшая, спереди немного приплюснутая, с более или менее длинным и широким носом, вследствие чего иные зоологи

различают несколько видов угрей; обе челюсти, из которых нижняя немного длиннее верхней, усажены (также и соховидная кость) мелкими, острыми зубами; желтовато-серебристые глаза весьма малы, жаберные отверстия очень узки и отодвинуты на довольно значительное расстояние от затылка, вследствие чего жаберные крышки не сполна закрывают жаберную полость. Спинной и заднепроходный плавники очень длинны и вместе с хвостовым сливаются в один неразрывный плавник, окаймляющий кругом всю заднюю половину тела. Мягкие лучи плавников вообще обтянуты довольно толстою кожей и вследствие того с трудом отличимы. На первый взгляд угорь кажется голым, но если снять густой слой слизи, его покрывающий, то окажется, что тело его усажено маленькими, нежными, очень продолговатыми чешуйками, которые, однако, большею частью не соприкасаются и вообще расположены весьма неправильно. Цвет угря значительно изменяется и бывает то темно-зеленый, то синевато-черный; брюхо, однако, всегда является желтовато-белым или голубовато-серым.

Настоящее местопребывание угря – реки Балтийского, Средиземного и Немецкого морей. У нас эта рыба встречается в большом количестве только в Юго-Западной Финляндии, в Петербургской, остзейских, некоторых северо-западных губерниях (даже, по моим сведениям, в Смоленской губернии, именно в р. Белой, притоке Западной Двины) и в Польше. Кроме рек, угорь живет во многих больших озерах – Ладожском, Онежском и Чудском, из которого заходит и в мелководное Псковское озеро. В Ильмене его, однако, нет. Из вод Балтийского бассейна угорь, вероятно в этом столетии, проник через каналы в реки Черного и Каспийского морей, но попадает здесь еще весьма редко. Только одиночные экземпляры изредка добираются до Волги, как это доводилось слышать проф. Кесслеру от рыбаков в Вышнем Волочке, Рыбинске, Ярославле и Юрьевце, но в ней не размножаются; вероятно, их здесь часто смешивают с речными миногами. По свидетельству О. А. Гримма, угри доходят иногда до Саратова, но во всяком случае они составляют в Волге весьма редкое явление и навряд ли доходят до Каспийского моря. Только в некоторых реках, впадающих в Верхнюю Волгу, угри попадают довольно часто, именно в Тверце, куда попали, вероятно, из оз. Мстило, но в последнее время они исчезли и из этой реки.

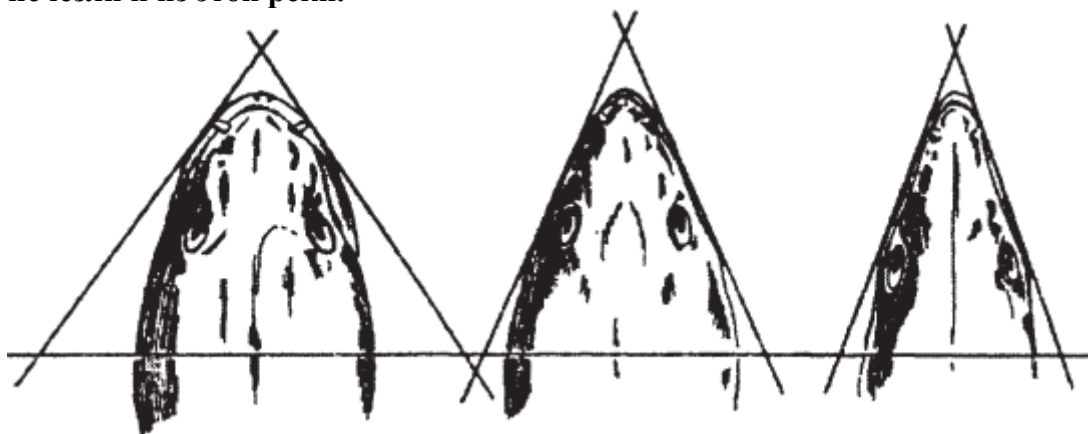

Рис. 41.

Различные формы головы угрей

Точно так же только отдельные, так сказать, заблудившиеся неделимые изредка замечаются в Днепре, Днестре и Дунае, но, по-видимому, с давних времен, так как еще Гюльденштедт (в прошлом столетии) говорит, что угорь находится в р. Остре (в левом притоке Десны), под Нежином. Вероятно, в бассейн Днепра он попал из Немана через Пинские болота, да и вообще верховья Черноморского и Балтийского бассейнов находятся между собою в близком расстоянии и, кроме того, соединены каналами. Киевские рыбаки иногда находят угрей в желудке больших сомов и

полагают, что они должны водиться в недалеком расстоянии от Киева – в Днепре или Припяти; могилевские рыбаки также утверждали проф. Кесслеру, что угорь попадается изредка в Днестре. Наконец, в 70-х годах К. К. Пенго был доставлен угорь, пойманный уже в Азовском море близ Петровской станицы. Что касается нахождения угрей в Дунае, то весной 1890 года общество любителей рыболовства в Галаце выписало из Альтоны в Шлезвиге более полумиллиона молодых угренят, которые и были пущены в Дунай, на румынском берегу. По всей вероятности, угри здесь вполне акклиматизируются и будут размножаться (в море).

«Речной угорь, – говорит проф. Кесслер, – не есть рыба вполне пресноводная, а скорее рыба проходная, так как он не проводит всю жизнь в пресных водах, а периодически уходит из них в море. Вместе с тем, однако, существует важное различие между угрем и другими проходными рыбами. Дело в том, что все другие проходные рыбы, сколько нам известно, вырастают в море и поднимаются оттуда вверх по рекам для метания икры, угорь же, напротив того, в молодом возрасте держится в пресной воде и потом уже для нерестования спускается вниз по рекам в море. При странствованиях угря по рекам ни пороги, ни водопады не могут его остановить; так, например, высокий Нарвский водопад, который служит непреодолимой преградой для лосося, вовсе не составляет подобной преграды для угря. Неизвестно, впрочем, с точностью, каким способом угорь перебирается через встречные ему крутые водопады, подобные Нарвскому, тем более что высоких прыжков он делать не может. По всей вероятности, он их обходит, переползая через влажные прибрежные скалы; верно, по крайней мере, то, что он умеет очень ловко пресмыкаться по влажной земле и может жить вне воды до полусуток и долее. Причина живучести угря вне воды заключается в том, что жаберные листочки, вследствие удлиненной формы жаберной полости и узкости жаберных отверстий, очень долго остаются влажными, способными для поддержания процесса дыхания.

Угорь придерживается предпочтительно вод с глинистым или тинистым грунтом и, напротив того, по возможности избегает рек и озер, у которых дно песчанистое или каменистое. В особенности он любит летом вращаться между осокой и камышом. Так, например, очень значительная ловля угрей производится вдоль южного берега Кронштадтского залива, в тех камышах, которые унижают берег около Сергиевского монастыря и за Ораниенбаумом. Здесь рыбаки различают две разновидности его – ходового угря и травника (оседлого). Рыбаки прокладывают в камышах прогалины или дорожки, на которых и расставляют мережи на угрей. Надобно, впрочем, заметить, что угорь бывает в движении только по ночам, днем же остается в покое – «лежит себе в тине, свернувшись, как веревка», по выражению наших рыбаков. Точно так же и зимой, по крайней мере в нашей северной стороне, угорь остается неподвижным и зарывается в тину, по показаниям Экштрема, до глубины 11/2 фута. Экштрем называет угря очень трусливым и в доказательство его трусости приводит то явление, что угорь, когда днем гроза случится, выползает из тины и начинает ходить по воде, но мне кажется, что если угорь во время грозы гуляет по воде, то следует это приписать его любви к грозе, нежели его боязни ее. Далее Экштрем говорит, что угорь очень тщательно обходит все блестящие предметы, которые встречаются ему на пути, как, например, погруженный в воду ствол березы, покрытый белой корою, – но подобная осторожность угря, по моему мнению, также вовсе не доказывает его трусости.

Угорь есть рыба плотоядная, питается как другими рыбами и икрою их, так и разными мелкими животными, живущими в тине, рачками, червяками, личинками, улитками (*Lymnaeus*). Из рыб чаще всего достаются ему в добычу такие, которые, подобно ему, вращаются более по дну воды, как, например, подкаменщики и миноги; но, впрочем, он схватывает и всяких других рыб, которых может поймать, и потому

нередко попадает на крючки переметов, наживленные рыбками. Мне случилось однажды в желудке большого угря найти остатки маленького голавля вместе с крючком, на который, вероятно, рыбка была насажена, когда угорь ее схватил и проглотил. Весною и в начале лета, когда почти все карповые рыбы мечут икру, угорь предпочтительно кормится этой икрой и истребляет огромное количество ее. К концу лета и осенью в Кронштадтском заливе главную пищу его составляют рачки, идоцеи острохвостые (*Jdothea entomon*), которые слывут у рыбаков под названием морских тараканов. Очень замечательное свойство угря заключается в том, что он, будучи пойман и посажен в тесный садок, изрыгает из желудка значительную часть пищи, которая не успела еще перевариться, особенно если желудок туго ею набит. Так, например, он извергает иногда через рот цельных улиток, рачков, миножек. Пойманного угря нет почти никакой возможности удержать в руках, так как он скользок, силен и изворотлив. Если положить его на землю, то он передвигается по ней довольно проворно, вперед или взад, смотря по надобности, причем изгибает тело совершенно змееобразно. Довольно трудно бывает угря убить: самые страшные раны часто не оказываются для него смертельными. Только если переломить ему позвоночный столб, то он сравнительно довольно скоро умирает. Кроме того, сокращаемость мускулов очень долго сохраняется даже в отрезанных кусках угря. Мне случалось наблюдать правильные движения нижней челюсти, попеременное открывание и закрывание пасти в отрезанной голове угря долее четверти часа. Приказчик одного рыбного садка в С.-Петербурге меня уверял, что самый верный способ для быстрого умерщвления угря состоит в том, чтобы погрузить его в соленую воду, но опыт не оправдал этого уверения; угорь, положенный мной в крепкий соляной раствор, оставался в нем живым более двух часов».

Некоторые интересные сведения об угре из русских авторов даются еще только Терлецким, наблюдавшим его в бассейне Западной Двины. По его словам, угорь живет здесь во многих озерах, из которых по речкам, ручьям, даже по суше переходит в большие реки и скатывается для икрения в море. Ход его начинается с мая месяца и продолжается все лето. В течение этого времени он постоянного жилища не имеет, а перекочевывает с места на место. Холостые угри, т. е. те, которые не размножаются в этом году, не покидают озер, в которых живут, а в реках хотя и путешествуют, но только на известном протяжении. В обыкновенный уровень воды угорь придерживается мест глубоких, тихих, с дном илистым, травянистым или песчаным. При высоком подъеме вод часто встречается в береговых омутках, в которых ползает и роется даже днем. Пищу разыскивает большею частью ночью на дне, а на день закапывается в ил, заползает под корни береговых деревьев, под камни и пр. Всего интереснее опыты Терлецкого, доказывающие, что угри могут переползать из одного водоема в другой по суше на довольно большое расстояние. Он держал угрей в особом бассейне, на ручье, и отсюда относил их на довольно значительное расстояние, даже на полверсты, и давал им свободу. «Опыты производились на заре, вечером и ночью, на влажной почве. Угри тотчас же, изгибаясь кольцеобразно, как змеи, совершенно свободно и довольно скоро ползали, сначала по разным направлениям, но затем скоро поворачивали к реке и направлялись к ней в более или менее прямом направлении. Дорогу свою они изменяли только при встрече с песком или оголенную землю, которых старательно избегали. Попав на площадь, покатую к реке, они усиливались ускорить ход и, видимо, торопились скорее добраться до родной стихии. Два, три и даже более часов угорь свободно может пробыть вне воды теплым днем. Может шататься по суше с вечера и до восхода солнца, особенно если ночь росистая».

Известный петербургский рыболов-охотник полковник Либерих (знаменитый скульптор) в своих рукописных записках также утверждает, что в Виленской губернии угри, несомненно, переползают из одних речек в другие, впадающие в море,

по суше, иногда на 1 1/2-верстном расстоянии. Это замечается здесь в конце лета и в начале осени, ночью, по росе; местные жители бьют тогда угрей дубинами.

Наблюдения эти подтверждаются многими другими за падноевропейскими исследователями, и, кроме того, несомненно доказано, что угорь совершает свои ночные прогулки не только ради насекомых и улиток, но и для того, чтобы полакомиться горохом, очень им любимым и составляющим, как мы увидим далее, одну из употребительнейших насадок. Ruhlich в своем «Praktische Angler» прямо говорит, что ему не раз удавалось ловить угрей на полях, засеянных горохом и находящимся неподалеку от воды. То же подтверждается John Fischer'ом. По свидетельству Валансьена, угри покидают воду даже летом, в грозовые ночи, и преследуют на суше лягушек; иногда они будто бы, если их застигнет день, проводят на суше почти сутки, до наступления ночи.

Размножение угрей до последнего времени оставалось весьма темным, да и до сих пор оно еще не вполне исследовано, что зависит, конечно, от того, что угорь уходит для этой цели в море. В прежние времена Аристотель, затем в XVI столетии Ронделе приписывали угрям самопроизвольное зарождение, и в народе до сих пор распространено убеждение, что угри зарождаются самобытно в болотах.

Еще в 50-х годах нынешнего столетия Шиллинг высказал мнение, что угри принадлежат к гермафродитам, так как, несмотря на все его старания, он не мог найти ни одной рыбы, которая не содержала бы яичников. Яичники эти имеют форму длинных лент, простираются во всю длину брюшной полости и до конца прошлого столетия принимались за пластинки жира; они заключают в себе огромное количество (несколько миллионов) чрезвычайно мелких яичек, так что в большинстве случаев с трудом различаются простым глазом. Только в 1873 году Сырскому в Триесте удалось найти (в устьях и в море) угрей-самцов, которые, оказалось, резко отличаются от самок; во-первых, тем, что никогда не встречаются в реке, а затем своею небольшою величиною (до 50 см), бронзовым металлическим цветом кожи, большими глазами и низким спинным плавником. Дальнейшие исследования показали, что нерест угрей совершается в море, в декабре и январе, на иловатых отмелях, причем из того, что много раз случалось находить в море мертвых угрей-самок с пустыми яичниками, заключают, что угри, подобно миногам, мечут икру только раз в жизни.

Рис. 42. Зародыш угря

Ход угрей (Salata – в Италии), или, вернее, скатывание их в море, начинается в верховьях рек и на севере ранее, чем на юге. В окрестностях Ораниенбаума самый сильный ход и самая главная ловля происходят в течение июля и продолжаются до осени или половины сентября, так что, вероятно, нерест здесь бывает осенью, а не зимою. Скатываются все особи, достигшие половой зрелости, обыкновенно пятилетнего возраста, только в ночное время и с некоторыми промежутками; в лунные ночи ход приостанавливается, и вообще главный ход угрей бывает преимущественно в темные, бурные и ненастные ночи. В ноябре (на западе) все взрослые особи уже оставляют пресную воду, и в это время икринки их достигают величины 1/4 мм.

Молодь угрей частью остается в море, частью поднимается (ночами) в реки – в Италии в феврале, в Германии и Англии в мае и июне – бесчисленными стаями, преодолевая все встречающиеся на пути препятствия и заходя даже в совершенно замкнутые бассейны. Во время этого хода (montee, montata) угренята имеют в длину от 1 до 8 сантиметров, но уже к осени они вырастают до 20 сантиметров.

Около Комачио, на южной стороне устья р. По, находятся озера, которые с помощью шлюзов нарочно приноровлены к лову угрей. Весною шлюзы отворяются, так что молодые угрики свободно могут войти в озера и расселиться по ним, осенью шлюзы закрываются и в них вставляются особые снасти для поимки старых угрей, которые пытаются выйти в море. Замечено, что угри остаются в озерах 5–6 лет и, достигнув там 3–8 фунтов, спускаются вниз. Заметим еще, что угри Онежского озера, где они довольно многочисленны, вероятно, не всегда способны к размножению, так как не всегда в состоянии отыскать себе обратный путь в море. На это указывает как то, что здесь встречаются по преимуществу очень крупные угри (ростом более 2 аршин и весом от 10–15 фунтов), так и то обстоятельство, что в последнее время они стали гораздо реже прежнего, хотя ловлю этой рыбы здесь вовсе не занимаются и попавшихся на масельги (переметы) бросают в воду или употребляют на вытопку жира. При обыкновенных условиях угорь растет довольно медленно, не раньше как на пятом или на шестом году жизни достигает длины 3 1/2 фута, но, впрочем, продолжает расти очень долго, так что иногда встречаются неделимые особи, которые имеют в длину до 6 футов (по свидетельству Экштрема) и бывают толще руки человека. По наблюдениям Кесслера, угорь, имеющий в длину 1,6 фута, весит около 2 фунтов, а угорь длиной в 3,2 фута весит 3,5 фунта; кроме того, имеются показания, что угорь ростом в 4 фута весит от 8 до 10 фунтов, а потому надобно полагать, что самые большие угри должны весить не менее 20 фунтов.

По Бэру, в Нарове для ловли угрей употребляют мешкообразные сети, так называемые волокы. Они имеют в объеме 5 сажень и прикрепляются к порогу, т. е. жерди, длиною в сажень. Главный лов производится у самого истока р. Наровы из Чудского озера. Здесь, в реке, устроены заколы или сежи, состоящие из свай, которые ставятся на расстоянии сажени одна от другой, в виде козлов поперек реки до половины ее. Толстые доски лежат на козлах. Рыбаки, стоя на этих досках, ставят в пространстве между козлами эти волокы, прижимая их посредством длинного шеста ко дну. Открытый конец волока обращен к истоку реки. В южной части Онежского озера ловилось прежде большое количество угрей на порядки крючной снасти – переметы, наживленные мелкою рыбою.

В Германии, по Моербе, угрей ловят в большом количестве частыми сетевыми крыленами и вершами из прутьев, которые ставят большею частию на ночь, реже (только в стоячих водах) и днем. Для приманки угрей в эти снаряды кладут зеленые стручки гороха на стеблях или да же одну гороховую траву, метелки конопля, мелких рыб, лягушат и задние лапки лягушек или подвешивают внутри (в дутьше) ободранную лягушку; при этом советуется животную приманку предварительно выдержать в смеси меда и жира цапли. Нередко здесь ловят еще угрей, опуская на ночь с камнем вязанки хвороста (ольхового), внутри которых находится какая-либо приманка, например гороховая трава. Угри заползают в хворост; утром рыбак осторожно подымает вязанку и быстрым движением выкидывает ее на берег или в лодку.

Кроме того, можно добывать много угрей в норах и под камнями при помощи сачка. Ощупав предварительно рыбу (чего она не боится, если это делать осторожно) и определив ее положение, в том случае, если она сидит головою наружу, другой рукой подводят к ней сачок (частый и крепкий) и затем крепко щиплют за хвост; угорь немедля выскакивает из норы и падает в подставленную сетку. Таким способом можно ловить всякую другую рыбу, забивающуюся в норы, под камни, коряги и пр. у кромные места, в особенности же налимов, и, во всяком случае, так ловить гораздо удобнее, чем руками (см. «Налим»). Наконец, немцы ловят угрей в старые деревянные трубы или насосы, одно отверстие которых заткнуто, а около другого привязана приманка (лягушечьи ножки большею частию), и трубу погружают в воду при помощи камней. Утром снаряд вынимается, но при этом

необходимо быть вдвоем, ибо заползшие в насос угри быстро выскакивают из отверстия; один поднимает трубу, а другой подставляет под отверстие сачок, в который и падают рыбы. Очень может быть, что у нас в России найдутся тоже охотники попробовать ловить угрей этими простыми способами.

Об уженье угрей в России, т. е. в водах, принадлежащих к Балтийскому бассейну, не имеется почти никаких сведений. Известно только, что угрей ловят на удочку как в Неве, так и во многих местностях остзейских, привисленских губерний и в Северо-Западной крае. Мы знаем только, со слов Терлецкого, что клев угря в Западной Двине начин ается с июня, когда он хорошо берет на донные удочки, и что клев, сначала тихий и малозаметный, переходит в сильное качанье удилица.

В Западной Европе уженье этой рыбы весьма распространено и производится довольно разнообразными способами, из которых некоторые, без сомнения, могут быть применены и западнорусскими рыболовами. По этой причине, а также по недостатку сведений об уженье угрей в России я нахожу необходимым дать краткие описания почти всех способов ловли угрей на удочки в Германии и Франции.

Ловля угрей на удочки начинается в Западной Европе с весны и продолжается большею частью до начала октября, так как в ноябре здесь угри или уходят в море (взрослые), или же закапываются в ил, часто целыми клубками, и остаются в спячке до наступления теплой погоды (у нас, вероятно, до слития полон воды). Так как угорь рыба ночная и днем скрывается в норах, хворосте, камнях и подобных убежищах, то среди дня ловят его редко или особыми способами, в норах, или же только после теплой ночной грозы и в очень жаркие дни перед грозой, когда он выходит из нор ближе к поверхности воды и держится под тенью водяных растений. Впрочем, весною, после долгого зимнего поста, угорь хорошо берет даже около полудня.

Как и все ночные рыбы, угорь имеет очень развитое обоняние, и его нетрудно привадить, бросая туда, где намереваются ловить, куски кишок, вываленных в песке, куски падали с камнем или опуская в воду пузырь с грузом, наполненный кровью, и с небольшим отверстием, из которого бы кровь просачивалась. Многие немецкие авторы советуют делать пахучею самую насадку. Одни довольствуются тем, что предварительно опускают ее в прованское или розмариновое масло, другие советуют для слабривания насадки класть ее (на ночь) в смесь (из равных частей по весу) богородской травы, меда и соевых вытопков (шкварок), эту смесь распускают на углях и потом разбавляют мучной (пшеничной) болтушкой, почти до густоты сала. В некоторых случаях, когда угри плавают поверху, прикармливают их горохом (зеленым) или вареным конопляным семенем, растертым с зеленым горохом.

Ловят угря на весьма разнообразные насадки, и его скорее можно назвать всеядной рыбой, хотя собственно хлебная насадка, кажется, нигде не употребляется. Большею частью удят его весною и летом на выползка и красного червя, а осенью – на мелкую рыбу – живых, а за неимением таковых, мертвых: пескарей, гольцов, миног, небольших вьюнов, гольянов, мелких корюшек, также на куски рыб, всего лучше миног. Кроме того, во многих местах Германии и Франции насаживают крючки зеленым, а за неимением его – пареным горохом, фасолью, швейцарским сыром (см. «Усач»), осенью же – небольшими лягушками (крючок втыкают в задний проход и протыкают ляжку, так чтобы лягушка могла плавать) или на ободранные лягушечьи ляжки; также на куски говядины, даже солонины, и на печень, нарезанную червяками. Аккуратные немцы, имея в виду сильно развитое чутье угря, советуют над евать насадку чистыми руками, но полагают, что это и излишне, и неудобно.

Угорь имеет небольшую пасть и всегда заглатывает насадку, а потому крючки не должны быть крупнее № 5, а еще лучше употреблять № 7–8, но с толстым стержнем

(Kirby extra strong flatted; также Virginia hooks); Alquen рекомендует ради удобства вынимания прямые крючки (без сгиба в сторону) с сильно отведенным наружу жалом. Живцы тоже всегда насаживаются на одиночные крючки, которые пропускаются в рот и ноздрю. Так как угорь имеет хотя и очень маленькие, но острые зубы, которыми может перетереть шелковую или волосяную леску, то вообще благоразумнее привязывать крючки к басковым или проволочным поводкам, а при ночной ловле на несколько удочек и на переметы – это даже необходимо. Кажется, басок и проволока могут быть заменены сильно раскрученными пеньковыми поводками. Лески должны быть очень крепки и прочны – шелковые или пеньковые, удилица тоже, и катушка при них никогда не употребляется. Утомить угря невозможно, и вываживать его не следует, если не желают рисковать потерей рыбы и снасти. Угорь, почувствовав себя пойманным, старается всегда укрыться в нору, хвост, под коряги или же обвивается вокруг подводных предметов. В таких случаях нередко не помогает и самая надежная снасть и часто приходится отрывать ее, по возможности у поводка, или же ждать, что рыба, быть может, высвободит леску.

Клев угря очень верен; эта рыба очень жадна и редко выпускает насадку, что, впрочем, объясняется тем, что угорь часто так завязит в ней зубы, что не может сразу ее выплюнуть. Вообще медлить подсечкой не следует, особенно при ловле на небольшие насадки – куски рыбы, горох и т. п., и вытаскивают угря сейчас же после подсечки, без всяких церемоний, стараясь только оттащить его подальше от воды. Сачок при вытаскивании употребляется очень редко, так как, во-первых, он часто проскакивает в петли, раздвигая или обрывая их, а во-вторых, потому что, извиваясь, он тут навертывает на себя леску. По той же причине, вытащив угря на берег, прежде всего наступают ногой на леску у крючка (иначе угорь ее спутает) или же держат ее натянутою так, чтобы голова рыбы была все время приподнята. Затем перерезают ему спинной хребет у головы или у хвоста или же, натерев руки песком или землю, берут рыбу за голову и ударяют хвостом о какой-либо твердый предмет (даже каблук). Хвост – самое чувствительное место угря, так как здесь, непосредственно под кожей, находятся два так называемых лимфатических приемника, сокращение которых легко можно различить. Можно также брать угря шелковым или шерстяным платком, а А. Карр даже говорит, что его можно удержать, взяв таким образом, чтобы средний палец приходился сверху, а указательный и безымянный внизу. Но, само собой разумеется, удержать в руках можно только небольшого угря. Ruhlich советует с рыбами свыше 3 кг (более 7 фунтов) обращаться поосторожнее, так как крупный угорь, обвившись около руки, может ее переломить.

Снимать с крючка еще живых угрей трудно, да в этом нет необходимости, ибо, будучи посажены в корзину, а тем более сетяную сажалку, они зачастую уходят. Лучше всего класть их в корзины с плотной крышкой, дно которых выстлано довольно толстым слоем сырого мха. В таких же корзинах угрей перевозят на значительные расстояния. По Морисо, угорь в сыром и свежем месте (например, на погребнице) может прожить без воды 6–8 дней. Крючок обыкновенно заглатывается довольно глубоко, и его большею частью приходится вытаскивать при помощи металлической спицы, оканчивающейся развилками (см. «Щука»).

Собственно к ужению принадлежат: ужение с поплавком, ужение на донную удочку без поплавка, в отвес или в закидку, затем ужение «на иголку» и ужение без крючка. С поплавком ловят обыкновенно на большого червя, насаживаемого фестоном, или на несколько навозных, но жало крючка должно быть хорошо скрыто, так как сытый угорь очень осторожен. Поплавок нужен легкий, и грузило, тоже небольшое, должно лежать на дне вместе с насадкой. Угорь забирает в рот насадку медленно; поплавок сначала иногда ложится, но подсекать следует лишь спустя 2–3 секунды

после того, как он скроется под водой. Подсекают очень резко и сильно и, как сказано, сейчас же вытаскивают рыбу, на всякий случай подальше от берега. Изредка, именно когда угри плавают поверху, большею частью после ненастья или грозы, в мутную воду их ловят на наплавную удочку, причем насадка (преимущественно зеленый горох) должна быть неглубоко от поверхности. При ужении на весу в местах, имеющих более или менее сильное течение, тяжесть грузила должна соответствовать последнему; удилица употребляются как длинные, так и, при ужении с лодки (на глубоких местах), короткие. При ловле в закидку, на длинные лески, удят только на короткие удильники, причем нет необходимости держать их в руках и можно ловить на несколько. В качестве грузила, особенно на быстрых местах, здесь предпочтительнее круглая пуля, просверленная насквозь и свободно скользящая по леске, до поводка, где она задерживается прищипнутой дробинкой. Такое передвижное грузило дает возможность чувствовать в руке самую слабую поклевку. Кончик удилица при ужении без поплавок должен быть поэтому довольно гибок и чувствителен. На донную ловят большею частью в глубоких местах, например в гаванях, доках, в устьях рек.

Ужение на иголку и на пучок черве й без крючка употребляется преимущественно днем, когда угорь сидит в норах. Норы эти похожи на норы, делаемые водяными крысами, и часто бывают заметны с берега. Присутствие же в них угрей узнается по небольшому облачку мути, производимой дыханием и движениями спрятавшейся рыбы. Можно, конечно, хотя и не так успешно, ловить этими двумя оригинальными способами, особенно первым, и там, где угри имеют привычку прятаться в хвост или камни. Ловля «на иголку», ведущая свое происхождение из Шотландии, заключается в общих чертах в том, что в конец длинной палки или удилица слабо втыкается иголка, на которую надет червяк; иголка эта посредине привязана к крепкой леске, которую держат в правой руке, в то время как левою осторожно опускают палку в воду, у отверстия норы, так чтобы червяк на конце удильника коснулся краев последней. Если в ней сидит угорь, то он не преминет схватить червя, сорвет его с палки и проглотит. При подсечке же проглоченная иголка, привязанная к середине, становится поперек глотки или желудка, рыба не может освободиться от этой перекладки, и ее вытаскивают из норы на берег.

По всей вероятности, этот способ ловли, в более или менее измененном виде, можно применить и к ужению других жадных рыб, особенно налимов, а потому считаю необходимым более подробное его описание. Удильник тут, разумеется, ни при чем, и от него требуется только длина и легкость; иногда к простой палке привязывается 1–2 аршина проволоки, на согнутый кончик которой подцепляют червяка (надетого на иголку) за хвост или голову, или же, также вместо того, чтобы втыкать иголку в конец палки-удилища, червяка ущемляют в развилке, которым оканчивается эта палка. Игла должна быть довольно толста (лучше всего употребляемая портными для петель) и не длиннее 2 дюймов, почему толстая часть ее с ушком отпиливается и заостряется. Леска крепкая, но тонкая пеньковая (поводок из баска неудобен) или шелковая; конец ее и закрепляется на иголке при помощи тонкой шелковинки, натертой варом, подобно завязке на крючках, но только в обратном направлении, так как требуется, чтобы леска прикреплялась к середине иглы. Червяк лучше обыкновенный земляной (небольшой) или крупный навозный; иголку сначала продевают всю в переднюю его часть, потом толстый конец ее пропускают в хвостовую, как это представлено на рис. 34. Само собой разумеется, что подсечкой торопиться не следует и что тащить угря из норы следует осторожно, не ослабляя лески. Иногда для удобства леску наматывают на ручную катушку; в таком случае полезно давать рыбе предварительно смотать (или сматывают сами) несколько вершков шнура.

Менее добычливо и удачно бывает ужение на червей, нанизанных на шерстяной

шнурок, основанное на том, что угорь, завязив свои мелкие зубы в этом шнурке, не может сразу их высвободить. На короткий шерстяной шнур при помощи иглы нанизываются несколько больших земляных червей; концы шнура соединяются, черви располагаются кучей или фестонами, и в середине этой кучи прикрепляется леска с тяжелым грузилом. Удилище должно быть длинное, крепкое, и так как ловить приходится на разной глубине (часто значительной), то для укорачивания и удлинения лески полезно употреблять катушку (см. рисунок ее, «Форель»). Ловят без поплавок, в отвес, немного приподнимая и опуская насадку и оставляя ее несколько минут в покое, – там, где много нор. Угорь, прельщенный обилием предлагаемой ему пищи, схватывает насадку; в тот же момент быстрым движением вытаскивают его из воды, не давая времени разжать зубы.

Кроме этого способа, в Германии часто ловят угрей на мертвую рыбку, с большим поплавком из связки камыша и камнем, для того чтобы угорь не мог утащить снасть. Рыбка насаживается следующим образом: поводок с крючком отрезывается и при помощи иглы пропускается через рот в задний проход так, чтобы крючок торчал изо рта. Для того чтобы рыба лежала на дне стоя, подобно живой, грузило должно находиться в ее брюхе. Шнурок привязывается к одному концу поплавка, а к другому привязывается такая же бечевка с довольно тяжелым камнем. При постановке длина как того, так и другого шнурка должна значительно превышать глубину воды, так чтобы расставленная снасть имела бы форму трапеции, верхняя сторона которой составляет поплавок, а боковые – шнурами. Таких снарядов можно расставлять довольно много, и ловля ими бывает весьма успешна.

Не менее распространена как в Германии, так и во многих местностях Франции ловля угрей на переметы, но эта ловля практикуется уже больше промышленниками. Перемет состоит из крепкой бечевки различной длины, к которой привязывается (обыкновенно во время постановки перемета) от 8–10 до 100 и более крючков (№ 5) на коротких (пеньковых) поводках; на концах бечевки прикреплены довольно большие камни, а на расстоянии 2–4 сажен – меньшие. Перемет этот ставят вдвоем с лодки поздним вечером, опуская его вдоль течения и вообще недалеко от берега. Насадкою служит сначала червь, а затем, в сентябре, когда угри кормятся преимущественно мелкой рыбой, – вьюны, гольцы, миноги и пескари, которых насаживают за губу или ноздрю. Вся снасть лежит, следовательно, на дне, и чтобы отыскать ее, употребляется багор или небольшой якорек на бечевке. Впрочем, в прудах и стоячих водах один конец снасти часто привязывается к колу. Вынимают перемет непременно на рассвете, так как, когда ободняет, угри, стараясь укрыться от света, очень бьются и запутываются. При этой ловле, так же как и при ночном ужении угрей, фонарь необходим.

иглоку

Рис. 43. Ловля угря на

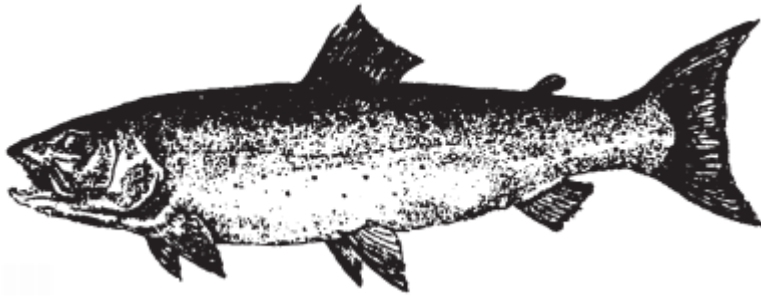
В некоторых местностях Западной Европы ловят также очень большое количество, хотя и мелких, угрей (в палец толщиной) острогами совсем особого устройства, а именно с пилообразными зазубринами на пальцах. Рыбы застревают между этими зазубринами. Кроме того, ею не бьют, а щупают рыбу, разыскивая ее в иле, там, где много нор, часто с помощью факела. Вероятно, эта острога окажется пригодной и для ловли различной мелкой рыбы, ерша например, особенно зимою на ямах.

Угорь доставляет очень вкусную и здоровую пищу. Жители лагун Комачио, питающиеся главным образом угрями, отличаются своим крепким сложением и цветущим здоровьем. Но слабыми желудками мясо угря, особенно старого (с золотистым кольцом вокруг глаза), довольно трудно переваривается. Но главной причиной того, что не только у нас, в России, но даже и в Западной Европе местами вовсе не едят угря, служит сходство его со змеей. У евреев мясо его даже запрещено законом. Самыми вкусными угрями считаются (в Германии) угри с серебристым брюхом; вкуснее всего и удобоваримее угри жаренные с пряностями и большим количеством перца, также жаренные и потом маринованные в уксусе. Крупных угрей, прежде чем жарить, необходимо предварительно хорошенько проварить. В Италии и Германии угрей в большом количестве заготавливают впрок копчением. Из кожи угря местами в Западной Европе готовят очень хорошие ремни и бечевки; кожу снимают чулком, пригвоздив предварительно голову. В Германии (по Moerbe) жир угря, вытопленный на солнце, считается очень полезным для тугих на ухо, так как он прочищает материю, а слизь угрей считается отличным средством быстрого заживления порезов. Последние исследования показали, что кровь угря, введенная в кровь животных (и, вероятно, человека), составляет весьма сильный яд, имеющий аналогию с известным ядом кураре.

Развести угрей или содержать их, хотя бы и не в большом бассейне, очень нетрудно. Но в большинстве случаев угри, посаженные в пруд или озеро, имеющие хотя бы малейшее сообщение с рекой или другими проточными озерами, выросши, скоро уходят. Иногда даже они переправляются и сухим путем, как это было замечено, например, в одном озере Венсенского леса (близ Парижа), откуда все угри переползли в Марну. Относительно долговечности угрей, содержащихся в неволе, Бланшар приводит весьма интересный пример. У Демаре, проф. ветеринарной школы в Альфорте, в небольшом бассейне, диаметром менее самой рыбы и вода в котором менялась через 7–8 дней, жил угорь в течение с лишком 37 лет. В это время он вырос, однако, только на 1/3 против своей первоначальной величины – именно до 1 1/2 метра – и сделался ручным до такой степени, что узнавал (?) людей, его кормивших. Пища его состояла из кусочков свежей говядины, которую ему давали обыкновенно раз в неделю, и он вовсе не ел червяков и мелких рыбок, тем более хлеба и других растительных веществ. С октября по апрель угорь этот лежал почти неподвижно и не принимал никакого корму; еще менее двигался он в мае, но вскоре вслед за этим вторичным оцепенением приходил в сильное волнение и даже выскакивал из посуды на землю, так что его раза два находили полуживым и почти обсохшим. Несмотря на это, он оживал очень скоро: точно так же совершенное замерзание воды бассейна не имело на него никакого влияния.

Лосось

Salmo salar L. По берегам Балтийского моря – лосось, на Белом море – семга, во время нереста – лох, лоховина, но здесь отличают закройку, межень, или тинду, осень и чистую семгу; возвращающиеся в реки лохи зовутся вальчаками, затем кирьяками. В устьях Волги называется лососем, лохом, краснорыбницей или краснухой, вероятно, другой вид, вернее всего, *S. caspius* Kessl. На Суне (Онежское озеро): самец – карлук, после нереста – гонец, самка – мариукса; в Зап. Польше – клемпак; финск. – логи, леге-каала, лохинен; у ижоров – логе; лат. – лассис, большие – кенки. Тат. – кизиль-балык; арм. – кара-цугуну; груз. – орагул, галмыш, кара-ургай (?); перс. – мегисырш, гелокнур. Калм. – ярги (у Фалька Лорцо) и (?) утаншибир (Гмелин).

Либерику)

Рис. 44. Лосось (невский по

Семга, вернее, лосось и белорыбца у нас принадлежат, несомненно, к числу наиболее известных рыб всего семейства лососевых, которые наглядно отличаются от карповых жиромым плавником, находящимся позади спинного. Семейство это разделяется на следующие главные роды: 1) лососи – с большим ртом (так что верхняя челюсть простирается дальше заднего края глаз), довольно крупными зубами и мелкой чешуей; 2) хариусы, отличающиеся высоким и длинным спинным плавником и очень крепкой и плотной чешуей; 3) корюшки – небольшой величины, с чешуей без лучей, неполной боковой линией и очень выдающейся нижней челюстью; спинной плавник начинается у них позади брюшных плавников, а не впереди, как у других родов; 4) сига, имеющие небольшой рот, так что верхняя челюсть редко доходит до заднего края глаза, довольно легко спадающую чешую средней величины и рот с очень мелкими зубами или вовсе беззубый.

Из всего семейства лососевых лосось, бесспорно, занимает первое место как по своей величине, так и по ценности своего нежного красно-желтого мяса. У нас, конечно, семга в ряду других рыб занимает по своей численности второстепенное место, и улов ее не может даже идти в сравнение с уловом осетровых рыб; но в Западной, вернее, Северо-Западной Европе, где эти последние сравнительно малочисленны, промысел семги, в ряду других пресноводных промыслов, всегда играл самую важную роль. Это обстоятельство в связи с уменьшением этой рыбы объясняет нам, почему образ жизни ее, хотя и содержит многие пробелы, известен нам весьма удовлетворительно, и ту важность, которую она получила с 50-х годов в заграничных рыболовных заведениях, а позднее в североамериканских, где искусственное разведение лососей имеет первостепенное значение. Мы постараемся здесь дать возможно сжатое описание образа жизни и разнообразных способов ловли этой замечательной рыбы.

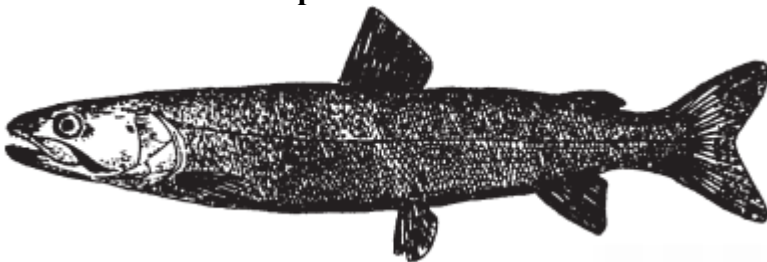

Рис. 45. Дунайский лосось

Тело лосося значительно более вытянуто и сильнее сжато с боков, чем у других видов наших рыб рода *Salmo*. Всего же более отличается он своею удлиненною нижнею челюстью, на кончике которой, притом у старых лососей, преимущественно во время нереста, развивается хрящеватый крючок, который входит в соответствующую ему выемку на конце верхней челюсти. Цвет лосося подвержен значительным изменениям, смотря по местности, а главное, возрасту и времени года, но вообще спина у него голубовато-серая с немногочисленными черноватыми пятнышками, брюхо и бока серебристо-белые, плавники более или менее серые, спинной и хвостовой темнее остальных. Перед нерестом лосось значительно темнеет;

у самцов, кроме того, показываются красные пятна на боках туловища и жаберных крышках; у очень старых мужских особей даже все брюхо и передние края нижних плавников окрашиваются в красный цвет. Вместе с тем кожа самцов утолщается, делается шероховатой, а на кончике верхней челюсти вырастает уже упомянутый хрящеватый отросток, малозаметный у икряников, которые, заметим, подобно всем самкам лососевых, имеют более короткий хвост. Весь этот процесс известен под названием облошания, и лосось в это время называется обыкновенно лохом, или лоншаком. Во время нереста лосось очень худеет, вследствие чего голова кажется у него несоразмерно большой, и мясо принимает белесоватый цвет и делается жидким и безвкусным. Глаза лосося относительно невелики, и вообще он имеет довольно нескладную физиономию.

Лосось – рыба проходная, т. е. входит в реки из моря только для метания икры. Однако ладожский и онежский лососи представляют исключение и, подобно некоторым другим лососевым рыбам, находятся здесь на постоянном жительстве. Они, впрочем, несколько отличаются от морских лососей своим более темным цветом, расположением черных пятнышек на теле, которые у них находятся больше под боковой линией; кроме того, икринки этих озерных лососей приметно мельче, и сами они не достигают такого большого роста. Между тем как настоящий лосось в Западной Европе и Северной России достигает иногда 11/2 пуда веса и до 41/2 фута длины, даже более, ладожский и онежский лососи редко доходят весом до 20–24 фунтов, и только однажды был пойман в устье Вокши у Ладожского озера лосось в 33 фунта.

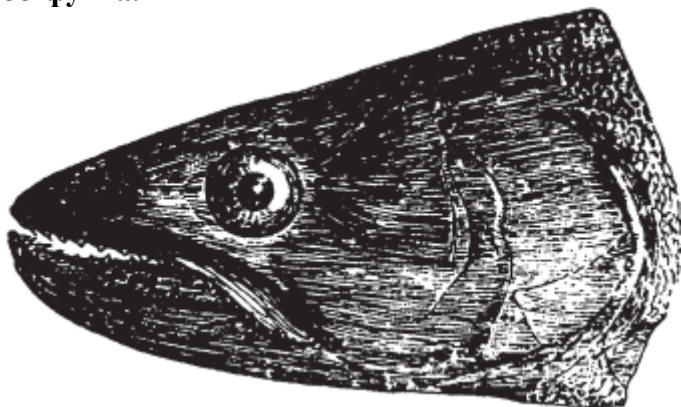

Рис. 46. Голова лосося

Лосось исключительно европейская рыба: в Сибири и Туркестанском крае его уже нет; но он, или вид очень близкий к нему, встречается в Каспийском море и входит в некоторые кавказские и персидские реки. Главное местообитание его – моря Немецкое, Балтийское, Белое и Ледовитое (до р. Черной) и реки, туда впадающие. У нас семга ловится в большей части рек Финляндии, в Неве, Нарове (прежде и в ее притоках, например Плюсе), Луге, Пернове, Западной Двине, Виндаве, Немане, особенно в Вилии; на севере главный лов ее сосредоточивается в Печоре и ее притоках (Щугоре, Почереме), также в Варзухе; затем следует Мезень, Северная Двина, Онега и прочие реки, впадающие в Белое и Ледовитое моря. В Черноморском бассейне лососей вовсе (?) нет, но Кура, Терек, Ленкоранка и вообще реки, впадающие в южную часть Каспия, доставляют весьма значительное количество этой рыбы, и каспийский лосось заходит иногда даже в устья Волги, хотя и не доходит до Астрахани.

Лосось начинает входить в реки большею частью летом, поднимается по ним вверх иногда на огромные расстояния, так что доходит почти до истоков, мечет икру осенью и затем скатывается обратно в море. Смотря по времени хода, рыбаки отличают несколько разновидностей, которые разнятся в величине и цвете. Так, нарвские рыбаки отличают лоха петровского, или земляничника, лоха успенского, лоха

воздвиженского и лоха покровского. Петровскому и успенскому лоху в Белом море, вероятно, соответствует закройка, которая начинает идти в реки вскоре после вскрытия льда, в конце мая и начале июня, она преимущественно икрная, и икры в ней много, притом крупной и близкой к зрелости. Семга эта бывает средней величины и весит около 7 фунтов. Успенский лох здесь называется межень или тинда, которая идет в реки в конце июня и в июле. Это преимущественно (?) самцы, также с близки ми к зрелости молоками: они вообще мельче закройки и кругом не превышают 4–5 фунтов. Наконец, осеннему лоху в Нарве соответствует осень, или (в Онеге) чистая семга, которая начинает идти с первых чисел августа и продолжает свой ход до появления шуги, т. е. мелких ледяных кристаллов; рыбаки говорят, что семга перестает тогда подыматься в реки, а вошедшая в них останавливается, и объясняют это тем, что шуга, проходя сквозь жабры, может их оцарапать. Между осенней семгой встречается и икрная, и молочная, но как икра, так и молоки очень мало развиты, так что она никак не может выметать их в тот же год, чего нельзя сказать относительно воздвиженских и покровских лохов Балтийского бассейна; оба, по Кесслеру, имеют крючок, и покровский только темнее и крупнее всех других. Осень также самый крупный и икрной сорт семги.

Принимая во внимание наблюдения над семгой в Западной Европе, надо полагать, что петровский лох, или закройка, есть четырехгодовалый лосось, межень – трехгодовалая рыба, впервые мечущая икру, а чистая семга – это пятигодовалая и более старая рыба, которая уже мечет через год, будущей осенью, что доказывается тем, что икра у нее далеко еще не созревает и весной. Со вскрытием льда эта семга поднимается выше по рекам и мечет преимущественно в верховьях, между тем как закройка и межень нерестятся у нижних порогов рек, через которые еще не имеют силы перескочить. Вообще следует заметить, что чем старше семга, тем выше она поднимается и что нерест лососей, судя по наблюдениям в Шотландии, начинается с осени и продолжается всю зиму до февраля. У нас, сколько известно, нерест этой рыбы замечался только осенью, именно на севере, в Архангельской губернии, около половины сентября, или, как говорят, на Воздвиженской неделе; на юге – несколько позднее, а в Онежском крае – в конце сентября и после Покрова тоже в реках Балтийского бассейна.

Самый ход и нерест лосося, благодаря многочисленным наблюдениям, произведенным в Западной Европе, хотя и содержат некоторые противоречия и требуют проверки, тем не менее известны лучше, чем у какой-либо другой рыбы. В конце весны или в начале лета, следовательно, еще задолго до нереста, лососи покидают море и входят небольшими стаями в реки; они плывут обыкновенно близко от поверхности воды и иногда крайне быстро, так что производят сильное волнение. Едва ли найдется рыба, плавающая быстрее лосося: в минуту опасности или погони за добычей быстрота его невероятна и, по мнению западноевропейских наблюдателей, достигает 40 миль в час. Хвост лосося действительно могучее орудие для плавания, и сильные хвостовые мускулы позволяют ему перескакивать даже через небольшие водопады; лосось, сгибая тело в дугу и ударяя хвостом о поверхность воды, легко перепрыгивает через преграды в 1–1 1/2 сажени; по Jobey, лосось может прыгать даже на высоту 4 1/2 метра (?). Конечно, это очень часто вовсе не удается, но рыба настойчиво продолжает свои гигантские прыжки. Большой лов лососей производится у нас, например у Нарвского водопада, который составляет неодолимую преграду для их дальнейшего следования; несмотря на все их усилия, им не удается вспрыгнуть на водопад, и тут-то их бьют остроугою. В 60-х годах, для того чтобы хотя бы часть лососей могла достигнуть мест, удобных для икрометания, Кренгольмской мануфактурой была устроена в обход водопада так называемая лососевая лестница, т. е. ряд бассейнов, расположенных уступами один выше другого настолько, чтобы рыба могла без труда перескакивать из одного бассейна в другой.

В других местах, в Англии, Швеции, нередко во время этих прыжков ловят сачками лососей на лету. В противоположность большинству наших рыб, количество лососей-самок почти всюду значительно превышает количество самцов. Рейнские рыбаки уверяют, что самцы всегда опережают самок и что последние их отыскивают и дерутся между собою, когда яйца их достигли зрело сти. Это доказывается опытами, произведенными в Англии, и тем, что у рейнских рыбаков (по Ла Бланшеру) существует весьма оригинальный способ ловли, в котором самец служит приманкою. Тем более странно, что, по наблюдениям в Швеции, количество икрятников значительно менее количества молошников. Как известно, шведский натуралист Кейлер устроил для наблюдения за размножением лосося род ихтиологической обсерватории, состоявшей из будки с одним отверстием внизу. Она была укреплена на горизонтальном бревне, коего свободный конец, на котором стояла будка, висел над рекою, другой же был укреплен на берегу, так что бревно с будкою могло быть передвигаемо. Лежа в этой будке и смотря в воду, конечно чистую и прозрачную, в какой только семга и мечет икру, он видел, как самка, за которою следовало несколько самцов, отыскав место, где дно состояло из крупного песка и мелких камушков, и обратясь головою против течения (чтобы муть не попадала в жабры), терлась брюхом о дно, чтобы выдавить из себя икру. Песок и камушки, сдвинутые с места, уносились течением на некоторое расстояние, но вскоре опять падали на дно и образовывали за семгою род вала. У этого-то вала ожидали самцы и жестоко дрались между собою за право облить своими молоками икру, относимую течением. По Нильсону, назначение крючка у самцов – сделать по возможности безвредными их большие и острые зубы, но тем не менее нередко находят мертвых семг, исключительно самцов. По Бланшару, также между самцами происходят ожесточенные драки за обладание самками, но затем каждая самка выбирает одного и, отыскав себе место для нереста, начинает вместе с последним копать в гравии продолговатые ямки глубиною до 1/4 метра; самка через известные промежутки времени выпускает туда яйца, а самец по мере того поливает их молоками. Затем оба сообща прикрывают их слоем песка, даже небольшими камушками, что делается для предохранения оплодотворенных яичек от быстроты течения и для защиты от других рыб. Особенно истребляют икру лососей форели, кото рые, по Кейлеру, в некотором отдалении стаями ожидают удаления нерестящихся семг. По Ла Бланшеру, самец и самка нередко вместо ямок роют продолговатые борозды длиною в 2–3 и шириною до 1/10 метра.

Нерест лососей производится всегда на быстрине, на перекатах с каменистым или крупнопесчаным дном, иногда на глубине менее полуаршина. Замечательно, что лососи очень часто возвращаются для нереста в то же самое место, где выводились и метали икру в прежние годы. По наблюдениям Жюрина в Англии, который отметил в апреле несколько тысяч молодых лососиков, эти последние пришли на то же самое место в июне. Впрочем, это правило справедливо, вероятно, только для незначительных рек Западной Европы; в больших реках чем старше и, следовательно, сильнее лосось, тем он поднимается выше и встречается даже в самых верховьях, которых более молодая рыба далеко не всегда может достигнуть.

Выметав икру, истощенные и исхудалые лососи, уцелевшие от преследования рыбаков, скатываются в море. У нас этот обратный ход семги начинается с ноября (в Нарве – около Михайлова дня), но в северных реках семга возвращается весною и всю зиму проводит в пресной воде; в Западной Европе, где главный нерест этой рыбы происходит гораздо позднее, чем у нас, лососи идут в море тоже в конце зимы, даже раннею весною. Возвращающиеся в море лохи известны у нас на севере под названием вальчаков; те же, которые провели уже некоторое время в море, но не совершенно еще приняли вид семги и сохранили на жаберных крышках красные точки, называются кирьяками. И те и другие ценятся значительно дешевле чистой

семги.

Яички лосося чрезвычайно крупны и сравнительно с величиною рыбы весьма немногочисленны, так как их редко бывает более 20 тысяч. Количество икринок увеличивается с возрастом; в Англии вообще считают, что семга имеет столько тысяч икринок, сколько фунтов она весит, но это, конечно, вряд ли вполне справедливо. Яички весьма прозрачны и первые дни молоч но-белого цвета, но затем принимают красно-желтый оттенок. Размеры икринок изменяются с возрастом, и у более старых лососей икра крупнее, чем у молодых, а у озерных лососей мельче, чем у настоящих проходных; обыкновенная величина икринок с крупную горошину или ягоду белой смородины.

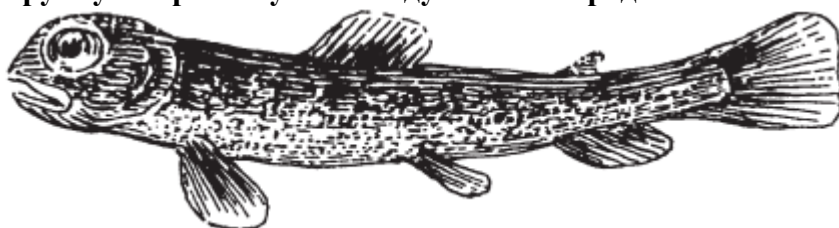

Рис. 47. Первый возраст

(Parr)

Развитие икры лосося идет весьма медленно, но, впрочем, смотря по температуре воды, изменяется в довольно широких границах. По Ла Бланшеру, мальки лососей выклеваются через 40 дней, а по Бланшару – через 70, иногда даже, при нерестовании осенью, через 100–140 дней (!). Вообще, по наблюдениям рыболовов, развитие яйца оканчивается в феврале или марте. Молодые рыбки, вылупившись из яйца, двигаются довольно быстро, несмотря на свой огромный желточный пузырь, который пропадает окончательно не ранее месяца. Вслед за этим мальки начинают вести уже более самостоятельную жизнь и начинают отыскивать себе пищу; но это, во всяком случае, самый критический момент для них: после окончания процесса всасывания пузыря погибает очень большое количество лососиков. Молодая рыбка весьма отличается от старой: она имеет немного более дюйма в длину, несоразмерно толстую голову; общий цвет тела ее палевый с легким зеленоватым оттенком и многочисленными темными поперечными пятнами на спине и боках: количество этих пятен изменяется от 15 до 18. Этот первый возраст лососей известен в Западной Европе под названием Parr. Эти лососики держатся в верховьях рек и потому очень редко попадают рыбакам, а у нас даже и вовсе не известны. Они проводят здесь не менее года, обыкновенно два, иногда даже три года; тело их постепенно принимает более складную форму, голова удлиняется и представляется относительно меньшею, но цвет тела остается без изменения. Пища этих молодых рыбок сначала состоит из мелких, падающих в воду насекомых, затем икры других рыб и, наконец, самих рыбок (вероятнее всего, гольянов), но здесь раст ут они очень медленно.

На вторую весну, редко третью, достигнув величины 5–8 дюймов, молодые лососики быстро изменяются в цвете и делаются неузнаваемыми. Все тело их становится серебристым, спина принимает блестящий голубовато-стальной цвет, и на боках лежат 6–10 широких пятен того же цвета, между тем как промежутки имеют красноватый оттенок. Тогда лососики делаются весьма похожими на форелей, отличаются от последних почти только лучистыми жаберными крышками и вообще формой головы и называются Smolt. Эти двухгодовалые лососики, в противоположность молодым лососикам первого возраста, которые живут в одиночку, собираются в небольшие стайки, в 40–60 штук, и начинают, весною же, скатываться в море. Впрочем, это движение вниз по реке совершается довольно медленно, со скоростью не более двух миль в час, и задерживается на перекатах, которые иногда несколько раз заставляют возвращаться всю стаю: как только рыбы почувствуют, что их уносит быстрым течением, так они поворачивают назад, и это

повторяется до тех пор, пока какой-нибудь смельчак из стаи не решится переплыть через стремнину.

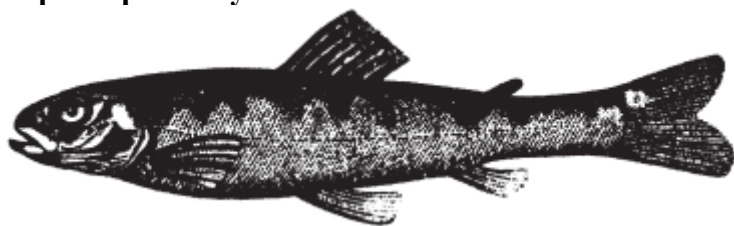

Рис. 48. Третий возраст (Grisles)

В устьях реки, где вода уже принимает более или менее солоноватый вкус, молодая семга останавливается на несколько дней и собирается здесь большими стаями: она как будто привыкает здесь к морской воде и затем вдруг исчезает. Куда девается она – неизвестно, вероятно, скрывается на таких глубинах моря, где ее уже не может достать сеть рыбака.

Но это исчезновение двухгодовалых лососиков весьма непродолжительно. Через два месяца они снова входят в те же самые реки и достигают тех же самых мест, где вывелись, но они настолько отличны от молодых рыб, входивших в море, что долгое время, так же как и эти последние, считались особыми видами. Только в 30-х годах многочисленные опыты, произведенные главным образом в Шотландии и состоявшие в том, что давали различные пометки на Smolt'ах, показали положительно, что эти так называемые Grisles, или семги первого возраста, – те же самые Smolt, только почти принявшие цвет настоящей семги и необычайно увеличившиеся в своих размерах и весе. У них уже вовсе не замечается черных полос на теле, голова более удлинена и хвост только слегка вырезан (на рисунке форма его неверна); от настоящей семги Grisles отличается более тонким телом и бледною окраскою. Всего же удивительнее то обстоятельство, что эта молодая семга весит уже не четверть или треть фунта, как два месяца назад, а при 10–12 вершках длины достигает 3, даже 4 фунтов весу. Такой необычайно быстрый прирост, сколько известно, не замечается ни у какой другой рыбы и, вероятно, обуславливается громадным количеством пищи в местах их кратковременного пребывания в море.

Вообще и более старая семга, побывав в морской воде, растет чрезвычайно быстро: на следующий год Grisles, перед своим вторичным возвращением в реки и принявши вполне вид семги, опять достигают в два месяца почти аршинной длины и весят 6–12 фунтов; даже эта – взрослая – семга иногда увеличивается в весе почти вдвое: всем известна 10-фунтовая семга, выпущенная герцогом Атольским (в Англии), которая через 38 дней была поймана снова и весила 21 фунт! Судя по этому, продолжительность жизни семги весьма незначительна и не должна быть более 10 лет. В Рейне, по фон дем Борне, лосось второго путешествия (3 3/4–4 3/4 года) весит от 7 до 13 фунтов; третьего путешествия (4 3/4–5 3/4 года) – 13–26 фунтов.

Как самцы, так и самки семги третьего возраста способны к размножению и нерестятся без исключения. У самок же молодых лососиков первого возраста вовсе не замечается икры; у Smolt она находится в весьма неразвитом состоянии, но замечательно, что самцы и тех и других способны к оплодотворению. Это обстоятельство косвенным образом доказывает вероятную малочисленность самцов вообще. Способность молок Parr и Smolt оплодотворять икру более старых семг не подлежит никакому сомнению и доказана многими наблюдениями при рыборазводных заведениях. Последние, как известно, предназначаются исключительно для искусственного разведения и воспитания молодых лососевых рыб, между которыми первое место, бесспорно, принадлежит лососю, давшему свое имя всему семейству.

Для рыбаков Северной России и Европы лов семги имеет весьма важное значение, хотя, к сожалению, это значение постепенно уменьшается. Наибольшее количество

семги добывается на побережье Белого моря и во впадающих в него реках, также в Финляндии; в Северо-Западной России улов семги уже менее значителен. Поэтому мы опишем здесь только способы ловли этой рыбы на северном побережье, тем более что здешнее рыболовство весьма обстоятельно исследовано известным специалистом по рыбным промыслам г-ном Данилевским.

Орудия семожьего лова весьма разнообразны, но мы назовем здесь самые главные.

В наибольшем употреблении лов семги неводами, заборами и ставными сетями. Устройство невода ничем не отличается от обыкновенного, и потому мы не станем его описывать. Заборы, в сущности, напоминают заезки, только почти всегда имеют несравненно большие размеры. Они устраиваются следующим образом: поперек всей реки или части ее делают зигзагами перегородку из свай и кольев, к которым прислоняют ряд плетня; в каждом входящем углу этой перегородки оставляют отверстие, в которое вставляется так называемая мережа (род сетяных мешков с деревянным продырявленным дном), попав в которую рыба уже не может выйти обратно. Ставные сети разделяются на завески и гарвы. Первые состоят из двух ставных сетей, утвержденных на кольях; одна из сетей – стена – идет от берега перпендикулярно к его направлению; другая же сеть – завод – примыкает своей серединой к первой, идя к ней перпендикулярно, следовательно, параллельно берегу; к концам завода приставляется тайник – сеть в форме полукруга, обращенная отверстием к стене; дост уп же в тайник сужен двумя сетями, которые оставляют между собою только небольшой проход – воротца. Семга, идущая вдоль берега, упирается в стену, заворачивает вдоль ее, упирается в завод, опять заворачивает и наконец попадает через воротца в тайник, откуда ей уже трудно выбраться. Гарвы также состоят из ряда ставных сетей, идущего перпендикулярно к берегу; часто гарвы располагаются в несколько параллельных рядов и достигают весьма значительной длины, особенно на взморье (в Печоре, например, где они называются тонями), – в несколько верст. В крупных ячеях этих гарв и запутывается поднимающаяся семга.

Кроме того, на севере ловят семгу поездами – мешками из сетей, которые за оба конца тянут в воде, гребя на лодках, – и поплавнями, которые почти не отличаются от волжских плавных сетей и состоят из сетяных полотен различной длины, один конец которых удерживается веревкою с лодки, а другой, прикрепленный к бочонку или вообще поплавку, свободно плавает, так что вся сеть медленно плывет по течению.

Организация лова семги довольно разнообразна, но вообще производится самими жителями. Только на р. Варзухе главный лов – заборами – сдается в аренду; в других местностях нашего северного края арендаторы, уплатив вперед подати, только пользуются правом покупать всю семгу, попавшую в забор осенью; в третьем случае право ловли и вместе устройство заборов передается одному лицу, и рыбе не назначается вперед условленная цена, а получается крестьянами – собственниками забора известная часть улова. Наконец, в Поное, на Терском берегу, лов заборами производится подобно уральскому рыболовству, вполне на правах общинной собственности. На всем пространстве морского побережья, принадлежащем этому селению, места лова – тони, из которых каждая имеет свое название, – распределяются ежегодно по жеребью, так что на каждую приходится одинаковое число душ. На тонях ловят завесками, а с Петрова дня общими силами и средствами строится забор на р. Поное. В се, что попадает в забор, делится по душам поровну. Так продолжается до Ивана Постного (29 августа). В этот день с раннего утра весь народ собирается на берег у забора, молится и затем разом бросается в лодки. Каждый спешит забить в выбранном им месте впереди забора по два, по три кола для означения того, что он берет его в свое владение и затем в этом месте ловит гарвами в свою пользу. Рыба же, попадающая в забор, делится по-прежнему

поровну. На Печоре лов семги производится главным образом неводами и поплавнями артелями, которые ранее выбирают себе место; улов делится между участвующими в артели сообразно количеству доставленных каждым снастей.

Что касается рек, впадающих в Балтийское море, то ловля семги производится здесь тоже исключительно посредством заборов, отдаваемых на аренду, и только в небольших судоходных реках – большею частью различного рода сетями. Небольшое количество семги добывается здесь в финляндских речках, где некоторые рыболовные участки продаются сравнительно очень дорого; например, в округе Кеми Улеоборгской губернии лов лососей настолько выгоден, что 1/10 доля, принадлежащая пастору, продается, по свидетельству Гольмберга, за 4–5 тысяч р. с. В последнее двадцатипятилетие значительное уменьшение в числе ловимых лососей начало замечаться и в Финляндии, и потому здесь в 60-х годах устроено несколько рыболовных заведений с исключительной целью оплодотворения икры лососей. Как вероятно всюду, здесь замечается периодичность в количестве добываемой семги: многочисленный улов лососей в Финляндии бывает обыкновенно спустя четыре года после сильной осенней прильда воды, вследствие чего ломает заборы, и семга беспрепятственно проходит над ними и успеваеет выметать икру.

В последнее время, впрочем, финляндские рыболовы стали сильно сомневаться в безусловной пользе искусственного вывода этой рыбы, так как убедились в том, что семга далеко не всегда возвращается для нереста в те реки, в которых вывелась. Мнение это основывается на том, что в финляндских реках ловится семга, имеющая в пасти одновременно крючки шведские, германские и датские.

В Неве ловят лосося преимущественно крупноячейными ставными сетями, имеющими до 20 сажен длины, которые, однако, при слабой посадке уменьшаются вдвое. Обыкновенно связывают по 2 сети и выставляют от берега к середине реки. Лов лосося начинается здесь с июля; раньше этого времени он попадает на взморье и в самом устье. Ловят его еще так называемыми волочками, т. е. сетяным мешком, который тянут двумя лодками на веслах по течению, ибо лосось, как и всякая рыба, отдыхает в заводях, обращаясь головой против течения.

Кроме названных способов ловли сетями и заборами, в Онежском и Ладожском озерах употребляется еще ловля семги на масельги, т. е. переметы, особенно масельги верховодные, наживленные рыбками (корюшкой). Молодые лососи, длиною от 6 до 8 дюймов, почти постоянно держатся здесь близко к поверхности воды, тогда как большие днем уходят на глубину, где их также ловят на крючья.

За исключением небольшого количества, потребляемого на месте в свежем виде, вся остальная семга солится или самими ловцами, или скупщиками, или арендаторами заборов. Соление производится следующим образом: пойманную семгу обмывают, разрезают и вынимают все внутренности, наполняют внутреннюю полость солью (иногда, как на Печоре, где ловится самая крупная и жирная семга, только пересыпают солью внутри и снаружи), пересыпают ею жабры и втирают в чешую и укладывают в чаны или лари. Количество соли определяется временем года. Различия в качествах этой рыбы зависят, однако, более от ее природных качеств, чем от способа соления. Лучшею считается онежская из реки Онеги, известная под названием «порога», за нею следует двинская, понойская же самая худшая.

Количество улова этой рыбы определить весьма трудно за недостатком статистических сведений. Во всяком случае, оно не должно быть значительно. Данилевский полагает, что средний улов семги во всем Белом море не превышает 20 тысяч пудов. В Печоре семга добывается тоже в незначительном количестве (в 1873 году, по Арсеньеву, только 600 пудов). Сколько ловится ее в реках Балтийского бассейна, в Онежском и Ладожском озерах – вовсе не известно, но, вероятно, не менее, чем в Беломорском. Таким образом, главный улов этой, бесспорно, самой

ценной рыбы, продаваемой на месте от 8 р. за пуд, производится в Куре и Тереке, которые ежегодно дают 40–60 тысяч пудов лосося.

Ужение лосося, рыбы, не имеющей равных по силе, быстроте движений и неутомимости, бесспорно, самое трудное, тем более что оно в большинстве случаев требует большой ловкости при закидывании удочки. По всем этим причинам в Западной Европе, в Англии по преимуществу, ловля лосося составляет высший рыболовный спорт, доступный далеко не всякому даже искусному охотнику, так как это ужение вместе с тем и самое дорогое и более, чем какое другое, обуславливается совершенством всех принадлежностей. Приняв это во внимание, а также и распространение лосося по северным и западным окраинам России, легко понять, почему ужение лосося почти неизвестно русским охотникам и почему не имеется о том почти никаких печатных сведений. Мы знаем только, что в Петербурге есть несколько охотников, преимущественно англичан, которые ловят лосося в Неве, в Нарве около водопада, на Сайменском озере, выше водопада Иматра и в финляндских речках, где семги больше и удить ее много удобнее, чем в большой реке. По расспросам, в Финляндии ужение как форелей, так и лососей вообще более употребительно, чем в какой-либо другой местности России, и им занимаются не одни привилегированные лица, но и рыболовы-промышленники, причем достойно внимания то обстоятельство, что последние, кроме цельных (березовых) удильников, употребляют для этой ловли длинные удилица из тростника, привозимого на кораблях, и притом с самодельной катушкой. Это одно показывает, насколько реки Финляндии богаты форелью и семгой. Недаром сюда ездят не только петербургские англичане, но и досужие лорды Великобритании, которые с тою же целью посещают и далекую русскую Лапландию.

Как ловят петербургские рыболовы лосося на Неве – достоверно неизвестно, но нет никакого сомнения в том, что они употребляют английские снасти с катушкой, по всем вероятностям, с лодки. Некоторые из столичных спортсменов, как, например, недавно умерший генерал Асташов, специально для ловли лосося и форели арендовали финляндские речки и платили за это право довольно большие деньги. Близ Иматры приезжие охотники и местные рыболовы-промышленники ловят, по расспросам, с легкого челнока вдвоем, причем один гребет одним веслом, а другой закидывает удочку (с живцом, мертвой рыбкой или искусственной, местного приготовления, из разноцветных тряпочек). По причине чрезвычайно быстрого течения плавание это весьма затруднительно и даже опасно, и не многие спортсмены, несмотря на искусство гребцов-чухон, решаются подвергнуться риску быть увлеченным в водопад. Гребут с одного берега на другой зигзагами, а закидывают с носа лодки вперед, беспрестанно перебрасывая удочку. Более подробных сведений об ужении лосося в окрестностях Петербурга и в Финляндии я достать еще не мог, но надеюсь, что кто-либо из местных охотников-рыболовов даст в журнале «Природа и охота» или в «Охотничьей газете» обстоятельное описание этого малоизвестного в России ужения.

Весьма краткое описание ужения лосося в Западной Двине дает Терлецкий, и это единственный русский печатный источник о ловле семги удочкой, если не считать сообщения о том, что в Куре лососи (другого вида) изредка попадаются на донные удочки с крепчайшей леской и чрезвычайно тяжелым грузом (по причине быстрого течения). Всего интереснее то обстоятельство, что автор корреспонденции, поймавший огромного лосося (в пуд семь фунтов), мог удержаться на берегу только при помощи нескольких лиц и что затем он изобразил из себя в некотором роде живую катушку, т. е. для того, чтобы подвести свою добычу, должен был наворачивать леску на себя.

Судя по всему, ужение с катушкой неизвестно и на Западной Двине, так как Терлецкий говорит о ловле только на растяжную удочку. Последняя напоминает

удочки, употребляемые в Средней России для ловли шересперов на быстринах, но делается еще длиннее, а именно достигает 20 сажен. Через каждые полторы-две сажени прикрепляются к лесу (шелковой, вероятно) небольшие пробочки, и одна около поводка (из 2–3 жилок, т. е. буйволовых волосков). Назначение их – поддерживать леску на поверхности воды. Поплавка и грузила нет. Удилище употребляется очень длинное, крепкое, т. е. гибкое и упругое, преимущественно березовое, разумеется цельное, тщательно завяленное и выправленное. Ловят с челнока, придерживаясь середины реки, и насадкою служит исключительно живец (елец?), который, вероятно, зацепляется за губу. Грубость снасти не допускает другой насадки; да к тому же л о в л я производится осенью. Лосось берет живца с размаху, налетая на него, как вихрь, но при виде малейшей опасности, стрелою уносится вдаль, придерживаясь поверхности воды. По-видимому, он делается здесь добычей только немногих лучших удильщиков.

«Поймать лосося удочкой, – говорит Терлецкий, – составляет славу и гордость охотника; это все равно что убить льва. Знание его ходов, необыкновенное терпение и осторожность, тишина около прикола (два вбитые в дно кола, к которым прикрепляется челнок; отсюда следует заключить, что ловят не на очень глубоких местах), надежная длинная удочка на гибком упругом удилище с растяжной невидимой лесой и бойким живчиком составляют необходимое условие, чтобы лосось подошел и взялся. Затем второе необходимое условие – это искусство вытащить его, не дав ему сорваться с крючка или порвать лесу. Бешено, как дикий конь, почувствовав первый раз во рту уздечку, кидается он в стороны, напирает со всей силы против течения или, опустившись ко д ну и натянув лесу, кидается стрелой на поверхность и, выкинувшись, со всего размаха ударяет по ней могучим хвостом, рассыпая во все стороны брызги и пену. Полчаса и более хладнокровный охотник, стоя на челноке, уверенною, твердою рукою сдерживает его порывы, то ослабив (?) лесу, то натянув ее на удилище, которое, то выпрямляясь и сгибаясь в кольцо, парализует и ослабляет мало-помалу силы удалого противника. Не только поймать самому лосося, но и смотреть со стороны на борьбу охотника с этим силачом наших вод доставляет истинное удовольствие».

В Западной Европе удят лососей довольно разнообразными способами, хотя в общем ужение это мало отличается от ужения форели, особенно при ловле молодых, несовершеннолетних лососок (Grisles). Считаю не лишним дать краткое описание этих способов, которые, без сомнения, могут быть применены как для кавказских лососей, так и для тайменей Северной и Северо-Восточной России.

Как уже было упомянуто, на западе ловят семгу преимущественно на удилища с катушкой. Это весьма понятно, если принять во внимание, что главною насадкою служит искусственная муха, требующая легкой лески, которая не топила бы ее, а при этом условии можно ловить без катушки только мелких лососей, да и то умеючи. Но как удилище, так и леска все-таки должны быть прочнее, чем для ужения форели. Вообще на всякую насадку здесь ловят большею частью поверху, на быстрине, без поплавок и грузил; менее распространено между спортсменами-рыболовами ужение с грузилом, тоже без поплавок и с катушкой. Еще реже ловят лососей (собственно дунайского лосося – *Salmo hucho*) на снасти, напоминающие наши жерлицы и не требующие непременно присутствия рыболова. Насадками служат, кроме искусственных мух, также живые крылатые насекомые (крупные мухи, бабочки); но последние не представляют удобств первых, тем более на быстром течении, а потому малоупотребительны. Затем лосось берет на живца, на мертвую (и искусственную) рыбку и блесну, поддерживаемые в беспрестанном движении реже на червей, пиявок, раковины и куски спинного бычачьего мозга.

Рис. 49. Искусственные семотры мухы

Искусственные мухы для уженья семги отличаются от форелевых мух своей величиной и пестротой. Замечено даже, что чем крупнее, красивее и оригинальнее эти мухы, или, скорее, бабочки, тем они охотнее хватаются рыбой. Большею частью ловят на этих мух небольших лососей, так как крупные предпочитают рыбок, особенно осенью. У нас этих мух можно достать почти только в Петербурге по очень дорогой цене (от 50 к. до рубля и более за штуку), но при помощи иностранных руководств нетрудно выучиться готовить их самому из различных пестрых и яркоцветных перьев и серебряной и золотой мишуры. Закидывают муху так же, как при уженье на нее форели, чаще с берега (на речках), чем с лодки (на больших реках).

Так же как и на живых насекомых, за границей редко ловят семгу на живца, а преимущественно на мертвую рыбку, поддерживаемую в постоянном вращательном движении. Способ этот, называемый *spinning*, подобно другому, довольно сходному с ним – *trolling*, употребляемому преимущественно для щук, возник в Англии, этой классической стране охоты и уженья рыбы в особенности. Выгоды и преимущества этих двух способов перед уженьем на живца очевидны. Во-первых, они требуют от рыболова известной ловкости и постоянного движения; во-вторых, дают возможность закидывать приманку так далеко, как живца невозможно закинуть, не повредив его. В-третьих, уженье на мертвую рыбку позволяет удить на таком быстром течении, где живца скоро бы забило водой или сорвало с крючка, а в таких местах большею частью и держится семга. Наконец, при уженье на мертвую рыбку можно запасть насадкой на весь день и носить ее в небольшом ящичке, наполненном отрубями, для того чтобы рыбы не мялись, не обтирали бы чешую и больше не портились.

Для успешного применения обоих способов (*spinning* и *trolling*) необходимо, чтобы насадка постоянно вертелась и имела вид ослабевшей или больной рыбки, не могущей справиться с течением, – условия, при которых, как известно, охоты о берут рыбку и не особенно голодные хищники. Плохо играющую в воде мертвую рыбку лосось почти никогда не берет, так как замечает, что приманка, предлагаемая ему, мертвая и что она покрыта крючками. При способе *spinning* вращательное движение придается насадке посредством так называемого *spinning flight*, или *spinning set*, системы крючков, на которые рыбка насаживается так, чтобы тело ее к хвосту было несколько изогнуто; для того чтобы вращательное движение насадки не скрутило катушечный шнурок, между последним и сэт (рис. 54) находится так называемый трэс (*trace*), состоящий из жилок, соединенных между собою вертящимися карабинчиками, имеющими различную форму и величину (рис. 53). Трэс должен быть от 3 до 4 футов длины. Над карабинчиком, к которому пристегнут сэт, находится (обыкновенно) грузило, тяжесть которого соразмеряется не только с быстротою (и глубиною) воды, но и с тем, на какой глубине должна играть насадка. Грузило это обыкновенно бывает цилиндрическое, спущенное к обоим концам, но так как такие грузила вертятся вместе с трэсом и очень закручивают шнурок, то гораздо удобнее грузило, у которого центр тяжести находился бы ближе к одному боку (рис. 52). Такое грузило, будучи крепко, т. е. неподвижно, надето на трэс, для

чего в отверстие первого втыкают деревянную палочку, не дает вертеться той части трэс, на которой оно находится, и вследствие этого все вращательное движение сосредоточивается в насадке и той части трэс, которая находится между насадкою и грузилом. Поэтому при употреблении таких грузил необходимо, чтобы между насадкою и грузилом находилось не менее двух карабинчиков. Лучшее из этих грузил – грузило Пэнэля. Грузило помещают обыкновенно не далее 10 дюймов от насадки (так как чем оно ближе, тем насадка лучше играет) и часто окрашивают в зеленый цвет, через что оно делается менее заметным.

Рис. 50. Различные виды сэта

Рис. 51. Мертвая рыбка, насаженная на сэт

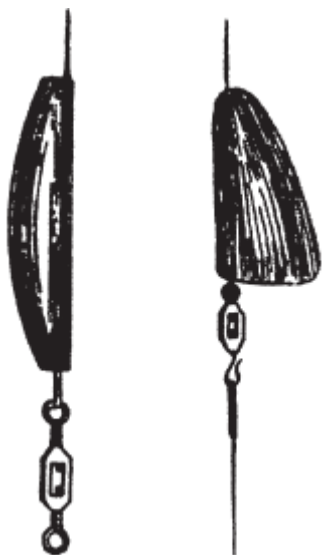

Рис. 52. Грузила Фрэнсиса и Пэнэля

Так как успех описываемого способа зависит от постоянного вращательного движения рыбки – ее игры, то для достижения этого придумано много различных сэтов. Последние должны удовлетворять следующим требованиям: 1) давать насадке по возможности лучшую игру, особенно в том случае, когда для успешного ужения необходимо, чтобы рыбка подтаскивалась (толчками) к себе довольно медленно, так как хищник может увидеть крючки на плохо играющей рыбке; 2) зацеплять наибольший процент клюнувших рыб, для чего крючки и якорьки сэта должны быть расположены так, чтобы они не мешали друг другу; 3) терять наименьший процент зацепленных рыб, т. е. быть устроенным таким образом, чтобы по крайней мере один якорек, как бы рыба ни взяла насадку, спереди, сбоку или сзади, при подсечке забрал как следует.

Самый простой сэт состоит из большого крючка и губного крючка, укрепленных на толстом жилковом поводке, к которому на коротком поводочке привязан небольшой якорек. Расстояние между крючками зависит, разумеется, от величины насаживаемой рыбки, которая надевается на этот сэт с сильно изогнутым хвостом, как показано на рис. 54, но иногда верхний, т. е. губной, крючок, к которому прикреплен и тройничок, делается подвижным, на петлях; тогда один сэт пригоден для рыбок разных размеров. Таким образом, т. е. с якорьком у середины тела, ловят на этот сэт преимущественно щук, которые хватают рыбу чаще за туловище; для семги же, берущей с хвоста, якорек привязывается на более длинный поводочек, так чтобы он висел свободно, немного позади большого крючка, или же к губному крючку привязывается другой якорек.

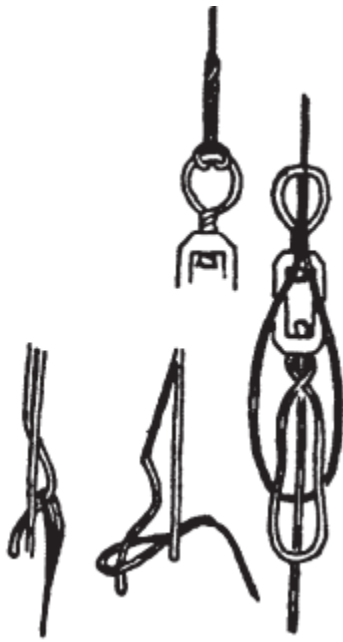

Рис. 53. Различные виды карабинчиков и способы их соединения с леской

Рис. 53. Различные виды карабинчиков и способы их

Рис. 54. (справа). Сложные сэты и насаженные на них мертвые рыбки

Рис. 54. (справа). Сложные сэты и

; Более действительные сэты состоят из одиночного верхнего или губного крючка и известного числа якорьков и одиночных крючков. Для передвижения губного крючка с двумя петлями достаточно ослабить обороты жилки, обвитой вокруг завязки в два или три оборота; когда он будет поставлен на надлежащее место, обороты опять затягиваются. Губной крючок с одним колечком передвигается еще проще, но употребляется довольно редко. Как якорьки, так и одиночные крючки сэта должны быть полированные (т. е. не синеные и не крашеные). Иногда даже их серебрят гальваническим путем, шелк, которым они привязаны к жилке, должен быть белый или красный, причем очень полезно обертывать эти завязки узенькой полоской серебряной мишуры.

Как рыбка насаживается на эти сэты, легко можно понять из прилагаемых рисунков; следует только заметить, что жилки между крючками должны быть не слишком ослаби, не слишком натянуты, так как и то и другое мешает бойкой и правильной игре насадки. Последн ею служат обыкновенно рыбки брусковатой формы (ельцы, голавлики, мелкие усачи, также пескари и гольяны), которые играют лучше плоских. За неимением первых, можно употреблять, например,

плотичек, но в таком случае вместо изгиба хвоста ей дается изгиб спины, как это иногда делается и с брусковатыми рыбами (рис. 55).

Рис. 55. Брусковатая рыбка на сэте

Как сказано выше, сэт соединен при помощи карабинчика с трэсом, который, в свою очередь, скрепляется с катушечным шнурком. Последний должен быть плетеный, особенно крепкий, хотя и не толстый (этот сорт шелкового шнурка стоит очень дорого), длиной около 100 аршин, так что катушка, на которую он наматывается, должна иметь значительную величину; обыкновенно при ловле семги употребляют катушку с пружинкой, которая до некоторой степени задерживает движение катушки и дает возможность скорее утомить рыбу при меньшей длине шнурка. Удилище должно быть значительно крепче и го раздо менее гибко, чем при ужение на искусственную муху, но почти такой же длины (15–20 футов) и такой же легкости. Обыкновенно употребляют одни и те же удилища, но для ловли на рыбку вместо длинной верхушки вставляют короткую и, следовательно, более жесткую. Для того чтобы всадить как следует (т. е. ниже бородки) несколько крючков сэта в рот рыбы, понятное дело, требуется гораздо большее усилие, чем необходимо для того, чтобы настолько же вонзить один крючок, а чрезмерная гибкость удилища всегда значительно ослабляет подсечку. Кольца на удилище, в которые пропускается катушечный шнурок, обязательно делаются стоячими и довольно большими.

Рис. 56. Charman's spinner

Закидывать мертвую рыбку довольно трудно, так как надо бросать ее на весьма значительное расстояние и притом возможно тихо, чтобы не испугать рыбы. Эта снаровка дается только практикой, и сначала следует забрасывать рыбу недалеко от себя. Самый удобный и употребительный способ закидывания заключается в следующем: шнурок, захватываемый между первым кольцом и катушкой, сматывается в известном количестве и по мере сматывания кладется широкими

кругами у его ног. Если же есть опасность, что лежащий шнурок зацепится при закидывании, то при сматывании его собирают кругами в левой руке. Приготовивши шнурок, правой рукою берут удилище над катушкой, прихватывая при этом и шнурок, а левую – под катушкой, между концом удилища и насадкою, пускают расстояние в 3–5 аршин, смотря по длине удилища. Насадка раскачивается, и когда она получит надлежащий импульс, то удилище подается вперед и вместе с тем приоткрывается правая рука и этим освобождает шнурок; последний, увлекаемый насадкою, быстро сбегает сквозь кольца, и если весь прием исполнен был удачно, то рыбка попадет именно туда, куда следует. Затем дают ей немного погрузиться в воду, удилище упирают в бедро и держат параллельно поверхности воды. Правая рука опять обхватывает удилище и шнурок вы ше катушки, между тем как левая его опять выбирает, складывая кругами в ладони или у ног. Во время потяжки, производимой левой рукою, правая открывается, чтобы дать ход вбираемому шнурку, затем снова открывается, прижимая его к удилищу, и вместе с тем поднимает конец удилища; этим достигается то, что рыбка находится в постоянном движении – вертится и мечется самым привлекательным образом. Доведя рыбку, все время играющею, почти до самого берега или лодки, вновь закидывают несколько в сторону и т. д., до тех пор, пока не найдут нужным перейти или переехать на другое место. Закидывать следует не прямо по течению и не поперек его, а наискось, под углом градусов от 30 до 60. Подсекать надо весьма энергично.

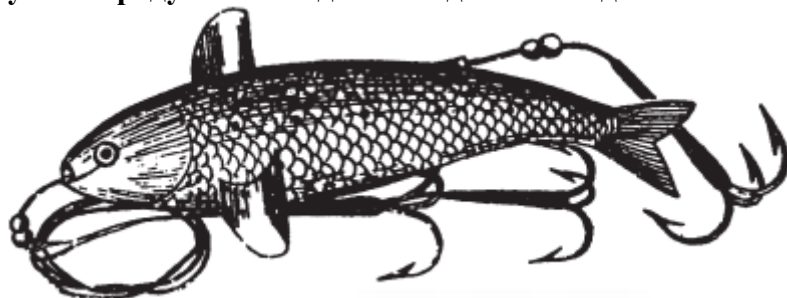

Рис. 57. Искусственная металлическая рыбка

Рис. 57. Искусственная

Как было говорено раньше, для того чтобы рыбка хорошо играла, она должна быть хорошо насажена; между тем это не всегда удается, особенно пока не приобретется известный навык. Чтобы облегчить эту задачу, англичане придумали различные снаряды, spinner'ы, из которых лучший так называемый Charman's spinner (рис. 56). Состоит он из двух медных лопастей, изогнутых по принципу архимедового винта; к ним припаяна медная проволока с крючком, верхняя часть которой облита свинцом; сквозь меднопроволочное ушко, находящееся между лопастями, пропущены накрест жилковые поводки, к которым привязаны якорьки. Проволока впускается в рыбку через горло до тех пор, пока нижние края лопастей не упрутся в углы ее рта; вместе с тем крючок, находящийся посредине проволоки, там, где начинается свинец, легким давлением руки на живот рыбки вонзается в него и не дает лопастям сдвинуться с места. По одному крючку от верхних якорьков вонзается в насадку, а третий якорек оставляют свободным.

В Австрии и Баварии ловят лосося (дунайского – *Salmo huch*) тоже преимущественно на мертвую рыбку, насаживаемую в изогнутом положении на один двойной или тройной крючок, пр одеваемый или сбоку, под кожу (двойной крючок), или пропускаемый внутрь – тоже на коротком поводке, с карабинчиком и грузилом. Весьма оригинальна здесь ловля лосося на мертвую рыбку, на тычках, напоминающих наши жерлицы, и могущая заменить их там, где течение достаточно сильно, и при ловле другой хищной рыбы. Рыбке сгибается хвост, затем при помощи иглы пропускается, начиная от заднепроходного плавника, вовнутрь и в рот поводок с якорьком, два крючка которого несколько сближены и должны торчать наружу,

тогда как третий находится в рыбе. Пеньковая бечевка длиной около 10 сажен оканчивается грузилом и карабинчиком, к которому пристегивается петля очень короткого поводка, так что грузило находится очень близко от рта рыбы. Свободный конец бечевки привязывается к колу, на берегу (преимущественно на мысу и вообще на быстрине), и укладывается кольцами, которые придавливаются небольшим камнем. В некоторых случаях необходимо бывает употреблять более или менее длинный тычок с развилиной, через которую пропускают конец бечевки с насадкой. Лосось, привлекаемый насадкой, поддерживаемой течением в колебательном движении, хватает ее, стаскивает камень и заглатывает рыбку, прежде чем успеет вытянуть всю бечевку.

В некоторых, впрочем довольно редких, случаях ловят семгу на искусственных рыбках, металлических, стеклянных или гуттаперчевых, которым или придаются лопасти, или изогнутое положение, или же то и другое вместе, для того чтобы рыбка быстрее играла. Замечательно, однако, что лосось берет всего охотнее на так называемое *tue-diable*, представляющее собой нечто среднее между рыбою и насекомым. Эта «чертова смерть», названная так, вероятно, потому, что снабжена двумя или тремя якорьками, имеет удлиненное, слегка согнутое туловище из олова или свинца, перевитое спирально разноцветным шелком и серебряной и золотой мишурой: хвост *tue-diable* сделан из жести. Очень редко также ловят семгу на больших земляных (2–3) червей, насаживаемых на большой крючок или на два крючка, из которых один привязан на поводке немного выше другого, так называемый стюартовский тэкл (*tackle*), или стюартовская снасточка с грузом. Так удят только в тихих и глубоких местах, куда иногда лососи заходят в большом количестве на жировку, особенно после больших дождей и в мутную воду. Впрочем, в таких местах с гораздо большим успехом можно ловить их, подымая и опуская живца, способом, называемым у англичан *sinking and drawing*, или на мертвую рыбку, подобно *spinning, trolling* (описание см. «Щука»).

Главным же образом ужение семги производится на быстрине, на сравнительно неглубоких местах, в порогах, ниже водопадов, обыкновенно посреди реки, почему на больших реках и в устьях ловят ее с лодок, укрепленных на якорю. Лосось держится почти всегда в верхних слоях воды и только при падении барометра ходит ближе ко дну и у берегов. Обыкновенно же он держится не на самой сильной струе, а там, где течение несколько слабее; в особенности любит он стоять в таких местах, где две струи от двух соседних больших подводных камней сливаются в одну. В небольших реках ловить его вообще много удобнее, так как он здесь дольше держится на одном месте и можно обойтись без лодки, но в устьях рек он берет жаднее, так как, входя туда из моря, он бывает и голоднее и менее осторожен, особенно молодой. Ловля начинается (в устьях) иногда очень рано (в Англии с февраля) и продолжается до поздней осени, причем большую часть добычи второй половины сезона составляют, кажется, молодые лососки, скатывающиеся вниз, в море, для того чтобы в будущем году возвратиться в реку для икрометания. Весною самый лучший лов бывает с 10 часов утра до 5 пополудни, особенно в теплые дни или оттепель, после ночного мороза; поздней весной и летом – ранним утром до 10 часов и затем с 5 пополудни; в июне и июле, при низкой и очень светлой воде, удят семгу даже преимущественно ночью. При падении барометра семга берет плохо и ее можно поймать только на насадку, пускаемую на дно. Что же касается ветра, то он на ловлю не имеет влияния, помимо неудобств закидывания насадки.

Теперь скажем несколько слов об ужении лосося на искусственную муху, которое в общем мало отличается от такового же ужения форели, подробно мною описываемого ниже, куда и отсылаю читателя.

Снасть, употребляемая при ужении на семговую муху, состоит из удилица, соответственного силе удильщика, длиной до 20 футов, из катушки с трещоткой,

катушечного шнура длиной 350–400 футов и жилковой лесы футов двенадцати длины; на этой лесе, в трех коленах ее, жилка должна быть скручена втрое, в двух коленах она должна быть двойная, а уж в остальном конце простая, обыкновенная.

Удить можно на одну и на несколько мух. В последнем случае прибавочные поводки делаются из жилки, в 3–4 дюйма длины, и прикрепляются к главному поводку.

Забрасывают семговую муху так же, как и форелевую. Можно забрасывать через правое плечо и через левое. При забрасывании через правое плечо надо брать удилище так, чтобы правая рука держала его выше катушки, а левая ниже. Размах делается тот же, что и при обыкновенном ужении на мушку, с удочкой, забрасываемой одной рукой, но только шире; необходимо выждать, чтобы леска совершенно вытянулась после размаха назад, и только тогда уже можно делать размах вперед.

Нередко приходится забрасывать и через левое плечо; иногда это делается, чтобы ужение не так было утомительно, иногда же по соображению условий, как-то: направления ветра, изгибов берега. В данном случае удилище берут, наоборот, левой рукой выше катушки, а правой ниже, и все движения, которые в первом случае делались вправо, направляют теперь влево.

Дальность забрасывания насадки вполне зависит от опытности и практики. Начинаящий рыболов должен сперва упражняться на коротких лесах и потом уже постепенно удлинять их. При забрасывании чрезвычайно важно уметь соразмерять силу, т. е. не расходовать ее более того, сколько требуется. Мера эта определяется тоже опытом. Конечно, если приходится забрасывать на очень далекое расстояние, тогда необходимо большее или меньшее напряжение силы, но при забрасывании на обыкновенные расстояния не требуется ни малейшего напряжения, все равно, как бы сильно и в какую бы сторону ни дул ветер. Далеким считается расстояние в 90 футов от катушки до насадки; самый высший предел, которого можно достигнуть при забрасывании, – это 120 футов, т. е. более 50 аршин, – обыкновенное расстояние выстрела дробью. При таких далеких забросах главная трудность заключается в том, чтобы при размахе назад уметь выждать, пока леса вытянется вполне, но так, чтобы насадка не касалась при этом земли. Вполне достаточно почти во всех случаях забрасывать на 70–80 футов.

Если приходится забрасывать поперек реки, то мушку предварительно вытягивают на некоторое пространство вниз по течению и затем уже делают размах вышеописанным способом.

Как вести семговую муху. Когда муха уже заброшена, ее обыкновенно ведут против течения, в быстротекущих водах. Во все время, как она придвигается к рыболову, он непрерывно шевелит удилищем, попеременно то поднимая, то опуская его кончик, вследствие чего мухе сообщается зигзагообразное движение, так как и она тоже попеременно то поднимается, то опускается. Когда муха выскакивает кверху, вода, стекая, производит давление на жилки ее крыльев и до известной степени съедивает ее; когда же мушка, при опускании кончика удилища, погружается в воду, то на воде ее крылышки расправляются, и она является во всем блеске своих красок. Вести муху нужно настолько медленно, чтобы крылышки ее действительно могли вполне закрыться и расправиться, потому что семга берет муху преимущественно в то именно мгновение, когда крылья мухи расправляются. Ясно, что в этот же миг нужно быстро ослабить шнур.

Если нахождение рыбы предполагается на каком-нибудь определенном месте, то муху нужно опустить на этом месте так, чтобы она показалась в своей полной красе.

Само собой разумеется, что выгоднее удить вверх по течению, но это почти никогда не удается, потому что в тех реках, где приходится применять семговую муху, течение бывает обыкновенно слишком сильно и быстро сносит муху со струи.

Вследствие этого муху большею частью приходится вести вниз по течению.

Забрасывают также еще поперек реки, пуская муху на произвол течения; при этом постепенно опускают кончик удилица и сматывают по возможности больше шнура, чтобы захватить для ужения возможно большее пространство воды. Когда шнур течением натянется совершенно туго, тогда муху вышеописанным способом начинают вести вверх по течению.

Вести по воде муху приходится тоже иногда равномерно, покойно, иногда ее нужно заставить играть, метаться из одной стороны в другую, а то так медленно погружать в воду. Все это зависит от того, что найдет удильщик для каждого да иного случая наиболее целесообразным.

При ловле на искусственную муху самое трудное – определить момент подсечки, так как первое время, видя такую большую рыбу около насадки, часто кажется, что она уже взяла ее. Надо подсекать лишь тогда, когда насадка, которую, конечно, не следует ни на секунду выпускать из глаз, исчезнет, около нее образуется как бы небольшой водоворот и шнурок начнет шевелиться. Если же около насадки замечено будет лишь волнение, то надо обождать и вообще лучше немного опоздать подсечкой, чем поторопиться, ибо лосось, прежде чем схватить муху, часто разглядывает ее – стоит ли ее взять, и если в этот момент подтянуть к себе насадку, то он обыкновенно уходит. Подсечка должна быть резкая, хотя и не такая сильная, как при ловле на рыбку; обыкновенно при этом удочку закидывают за плечо. Затем пойманную рыбу вываживают, спуская и укорачивая шнурок, до совершенного ее утомления. Если рыболов подсек крупную семгу, то он прежде всего должен выждать, что намерена она предпринять. Надо дать ей волю сматывать шнурок с некоторым усилием и только стараться отводить ее от опасных мест; иногда она успевает смотать более 160 аршин шнурка, прежде чем удастся приостановить ее стремительное движение, в быстроте которого семга не имеет соперников. При ловле с берега всего лучше, когда она бросается вниз по течению, так как тогда рыболов может следовать за ней, спускает значительно меньшее количество шнурка и держит рыбу короче, что имеет весьма важное значение при резких и внезапных ее заворотах, так как ослабнувший шнурок, прежде чем будет намотан на катушку, легко может зацепить за камень. В общем, держат удилице так же, как и при ловле форели. Иногда пойманный лосось ложится на дно или забивается под камень, так что бывает трудно, если не невозможно, сдвинуть с места. В таком случае приходится или бросать в это место камни, или же спускают на нос рыбы особые раздвижные кольца, надеваемые на леску. Еще хуже, когда рыба начинает выпрыгивать из воды; так как семга делает почти саженные прыжки, то этот случай требует большой опытности и проворства; в момент прыжка необходимо спустить шнурка сколько надо и быстро намотать его при обратном падении. Но самый трудный случай, при котором рыба, большею частью крупная, всего чаще срывается или обрывает леску, бывает, когда рыба начинает быстро мотать головой и трясет шнурок, так как тогда трудно решить, как надо поступать – спускать ли шнурок, или его наматывать. Вообще ловля семги самая трудная из всех, и действительно не многие избранники могут назваться настоящими ловцами этой самой сильной, бойкой и вкусной рыбы.

Совсем утомившуюся рыбу вытаскивают или сачком, обыкновенно складным на длинной (3–4-аршинной) рукоятке, или при помощи особого багорчика на шарнире, который позволяет пригнуть жало крючка к стержню; крюк этот ввинчивается в рукоятку. Английские спортсмены большею частью имеют для вытаскивания рыбы из воды особого помощника.

Если желают сохранить рыбу живою, то лучше всего посадить ее на пеньковый кулан, который продевается, однако, не через пасть под жабру, как обыкновенно, а через обе жабры, поверх языка; бечевка затем связывается у подбородка, и рыбу

пускают в ту же воду, где она была поймана, но в затишье и в укромном месте, привязав свободный конец к кусту. В холодной ключевой воде лосось засыпает гораздо скорее, чем в обыкновенной речной. Этот способ сохранения рыбы живую самый лучший, так как она может гораздо свободнее дышать, чем на обыкновенном кукане.

Таймень

Salmo trutta L. По берегам Балтийского моря – таймень, тайминь, тамешка, иногда неправильно форель; местами на Онежском озере летом неправильно торпа; молодые на Свири – ловьяшки. В Архангельской губ. – кумжа. В Польше – троць. Финск. – таймень, пойолайнен; лат. – таймени; эст. – таймед.

Близкий к тайменю вид, водящийся в реках Северо-Восточной России и почти во всей России, *Salmo fluviatilis* называется на Каме строжневым линем, красною щукою; в Оренбургской и Уфимской губ. – лох, красуля, но красулей большею частью зовут здесь форель. В Верхотурском уезде – тальмень (как почти во всей Сибири), лень; тат. – ргай-балык, мир (Фальк); башк. – кизиль-балык; телеут. – бел-балык; на Енисее у русских молодые – гольцы; вот. – ален; берез. ост. – альна; на Иртыше – ален и альтэн; на Енисее – тоть; Нарыме – тиу; Васюгане – асс-ту-сарт; лак.-ост. – тынг; юрацк. – недахали; самоедск. – ненгагай и негай; на Енисее – тэнё; ост.-сам. – муетоли; тавгинск. – аргалэ; тунг. – джели; якутск. – миндимен, средние – бил-балык, малые – билеях; бурят. – тулу. На Уссури: у ходзенов – джели, у китайцев – дзёло. Вероятно, *S. caspius*. Калм. – чебен (Фальк); перс. – гакнур; арм. – гегакун.

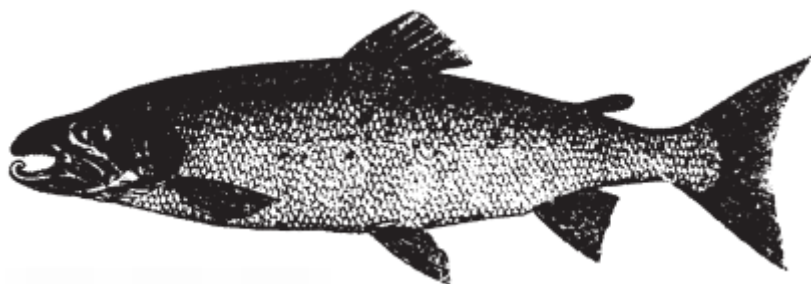

Рис. 58. Таймень (по

Геккелю)

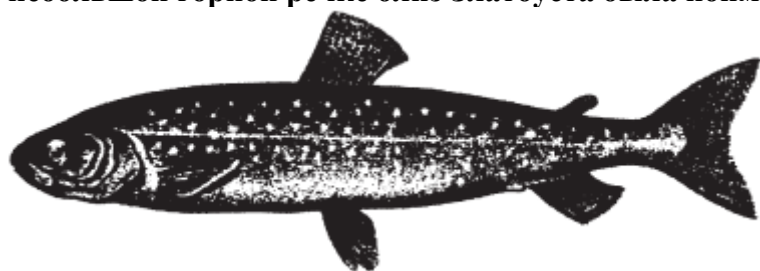
Рыба эта во многих отношениях составляет как бы переход от лососей к форелям. К первым она приближается своей величиной и образом жизни, ко вторым – общим складом тела. Тело у тайменя толще, брусковатее, нежели у лосося, нос короче и тупее; пятна на теле крупнее, резче и правильнее распределены и, кроме того, спинной плавник бывает почти всегда усеян продолговатыми темными пятнышками, расположенными в несколько рядов.

От форели таймень отличается более заостренными парными плавниками, продолговатую (особенно у старых) формою чешуи, голубовато-серою спиною, серебристо-белым цветом боков и брюха и более мелкими черноватыми пятнышками на жаберных крышках и боках туловища и серыми плавниками; у взрослых тайменей, так же как у лосося, развивается хрящеватый отросток на кончике нижней челюсти. Кроме того, таймень, подобно лосою, достигает весьма значительной величины, до 20–30 фунтов, и живет в морях и больших озерах, откуда только подымается в реки, ин огда, впрочем, на весьма большие расстояния, и после нереста лошает, чего никогда не замечается у форелей.

Распространение тайменя, которого можно назвать озерным лососем, по-видимому, одинаково с распространением лосося, но, вероятно, его нередко смешивают с последним или же (более мелких) с форелями. Сколько известно достоверно, эта

рыба встречается в финляндских реках, в Неве, Нарове; находится также на постоянном жительстве в Ладожском и Онежском озерах, откуда входит в Свирь, Волхов, Сясь, Шую и некоторые другие реки. Кроме того, таймень находится тоже в Чудском озере, куда был пересажен в 1852 году. Вероятно, он встречается и во всех наших северных реках, но, по мнению Миддендорфа, там встречается сибирский тальмень (*Salmo fluviatilis*), который отличается главным образом по красному цвету заднепроходного, жирового и хвостового плавников и очень большой величиной. По Палласу, *Salmo fluviatilis* перешел из рек Обского бассейна через Яйву и Косьву в Каму, но в другом месте он сообщает, со слов рыбаков, что стряжневый линь пришел через р. Мылву (впадающую в Верхнюю Каму), которая весною соединяется будто с каким-то притоком Вычегды, берущим начало из одного и того же болота. И то и другое объяснение, принимая во внимание то, что таймень встречается в самых верховьях рек, совершенно правдоподобно. По словам г-на Самарина («Вестник рыболовства», 1889, № 1), ему говорили, что красная рыба, или красная щука, перешла в Каму из Печоры через Екатерининский канал и что прежде, когда этот канал еще не зарос, в Каму заходила и настоящая семга. Встречается красуля здесь, в Камском бассейне в Вишере, Колве, Чусовой, в Уфе и (по Палласу) в Белой, а также и в мелких притоках этих рек. Есть ли она в Вятке и вообще в правых притоках Камы – неизвестно, но, кажется, линь заходит в Обву. Близ Перми красули попадаются редко и не крупнее 10–15 фунтов (Янишевский), но и не мельче 2 фунтов. Надо полагать, однако, что мелкую *S. fluviatilis* смешивают здесь с форелью, которую тоже называют красулей или красулькой. Все или почти все сведения, которые дает нам о красуле и ее уженье (на р. Ирени, притоке Сылвы) г-н Курбатов в своей статье «Уженье красули», относятся, очевидно, к форели, которая, весьма возможно, что достигает здесь и очень большой величины. Ниже по Каме лень встречается в исключительных случаях, хотя, быть может, доходит до Самары, как передавали О. А. Гримму тамошние рыбаки. Еще Лепехин, впрочем, нашел стряжневого линя в Симбирском крае.

Красуля, лень, под названием тальменя, известна во всей Западной и значительной части Восточной Сибири, где также встречается как в больших реках, так и в речках, достигая здесь громадной величины – до 3 (в Оби, по Потанину, также на Лене) и более пудов (в Енисее, по Кривошапкину, до 3 1/2, а по Третьякову – до 5). Двухаршинный таймень, по словам Потанина, весит не менее 2 пудов. Впрочем, длина его не всегда соразмерна тяжести, и в более кормных реках (например, Сосьве) он гора здо толще, жирнее и тяжелее, чем в Вагране и Какве (на Урале). Вообще же он относительно гораздо тяжелее щуки. Огромные красули встречаются также и в некоторых заводских прудах Пермской и Уфимской губерний. Мне рассказывал один охотник, вполне заслуживающий доверия, что когда прорвало пруд Нязепетровского завода, то под Сергинским заводом видели трех огромных красуль, длиною в сажень, коих поймали нарочно заказанною острогою в 18 фунтов весом, с привязанным на веревке ведром. На Сосьве и Лозьве лень нередко достигает веса 1 1/2 и 2 пудов. Еще в 1886 году, по свидетельству Янишевского, в небольшой горной речке близ Златоуста была поймана красуля в 48 фунтов.

Либериha)

Рис. 59. Таймень (с рисунка

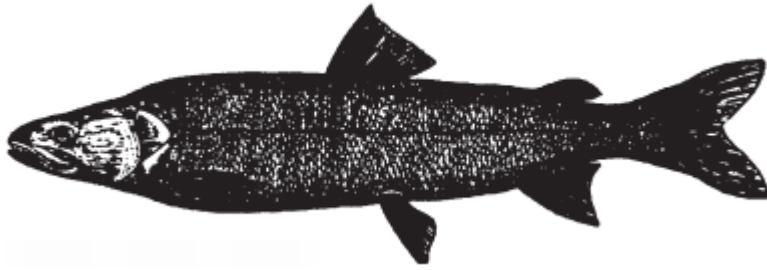

Рис. 60. Таймень – речной

лосось

Недавние исследования Смита в Стокгольме показали, что сибирские тальмени (*S. fluviatilis* у Палласа) – чрезвычайно близки к дунайскому лососю (*S. huscho*), который держится среднего и верхнего течения Дуная, нерестуя в нем весной и никогда не выходя в море. Тальмень тоже, как давно известно, нерестится весной и всю свою жизнь проводит в реке. Каким путем он мог проникнуть в Дунай – объяснить совершенно невозможно.

Образ жизни европейского тайменя известен нам исключительно по наблюдениям в Западной Европе, где некоторые ихтиологи разделяют его на два вида – озерного и проходного (*Trutta lacustris* и *Trutta trutta* у Зибольда), из коих первый иногда постоянно живет в горных озерах Западной Европы; но это, вероятно, только разность обыкновенного тайменя, который мечет икру в озере.

По Геккелю, озерный таймень держится большую часть года на огромных глубинах и только утром и вечером выходит на поверхность и ловит мелкую рыбешку. Икру мечет он в небольших речках, предпочитая самые каменистые, избегаемые лососями. Нерестится он, по-видимому, весной и имеет беловатое мясо. Морской таймень (*Fario marsiglii* Некк.), напротив, имеет мясо красноватое, мечет икру в ноябре и декабре (у нас, по наблюдениям Кесслера, в октябре), входит в реки гораздо ранее этого срока – еще летом, иногда не достигнув веса 1 фунта. Перед началом нереста они выкапывают себе длинные и глубокие борозды, в которых мог бы свободно уместиться самец, и кладут здесь свои желтые яички величиною с горошину; ямки эти отыскиваются потом другими самками, нерестящимися позднее. Сравнительно с озерным, морской таймень отличается большою живучестью и, будучи вынут из воды, снет не так скоро.

Что касается сибирского тальменя, то благодаря наблюдениям Потанина на Алтае, моим на Урале и некоторым другим отрывочным сведениям имеется возможность составить себе довольно полную картину жизни этой рыбы, замечательной своей величиной, силой и вкусом мяса.

Из этих наблюдений видно, что тальмень – рыба чисто пресноводная, вряд ли даже встречающаяся в море. Она круглый год живет в реке, каждый раз поднимаясь для нереста, иногда на значительное расстояние, на сотни верст от своего прежнего местопребывания, а затем скатываясь обратно. Во всех сибирских реках, впадающих в Ледовитый океан, тальмень вполне заменяет семгу, здесь не встречающуюся, а в небольших, быстрых и холодных горных речках – щуку. За исключением зимнего времени, он всегда избегает второстепенных течений, а выбирает самую стрежь, откуда и его название. Разница только в том, что днем тальмень стоит в глубоких местах, а ночью выходит на мели и перекаты. В заводских прудах на Урале он редок, так как не любит теплой воды, и, вероятно, только заходит сюда из верховьев реки, где живет по глубоким ямам и бочагам, опять-таки в русле, а не в заливах. Глубокие и тинистые ямы у самого берега с зависшими елями составляют, по моим наблюдениям, его любимое местопребывание. Редко в одной яме живет по нескольку рыб, конечно, почти одинаковых размеров, но иногда, когда их поднимается много, в Вагране например, замечали летом до двадцати штук в одном бочаге.

В течение дня тальмень держится на дне, прячась под затонувшими деревьями, и

редко выходит на поверхность, разве затем, чтобы схватить упавшую мошкару. Весьма интересно показание рыбаков, что тальмень в яме иногда издает звуки, похожие на урканье и слышные на расстоянии нескольких сажен. Напротив, ранним утром, на солнечном восходе, или вечером, перед закатом, можно видеть очень часто, как он играет и плещется на перекатах, хватая мелкую рыбешку. Не думаю, однако, чтобы тальмень был вполне ночной рыбой, как полагает Потанин, которому передавали, что таймень не выходит на мели раньше заката, а в лунные ночи – даже пока не скроется луна. Кормится тальмень круглый год, за исключением времени нереста, по крайней мере он ловится на удочки и зимою. Главною пищею его служат мелкая рыба, больше хариусы, налимы и мелкие тальмени, лягушки, а также мыши. Крупные экземпляры глотают не только утят, но и взрослых уток (чаще всего делают его добычей крохали и хохлатые чернети), даже гусей (по Третьякову), также и белок, нередко переплывающих через реки. Мелкие тальмени (годовалые?) кормятся и червями. Весьма возможно, что эти хищники, подобно многим рыбам, кормятся периодически; Потанин говорит, что они больше всего попадаются в новолуние, во время жора, и что в последней четверти желудка тальменей всегда бывают пусты.

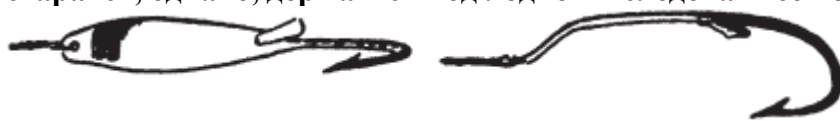
Ход тальменей для нереста начинается раннею весною, но, кажется, многие остаются на прежних местах. Вероятно они, как и другие лососевые, мечут икру не каждый год. В это время года тальмени встречаются в самых верховьях, в таких местах, куда позднее и не могут пробраться; перекаты и мели не составляют для них препятствия, и они легко перепрыгивают через небольшие водопады и завалы, весьма обыкновенные в Северном Урале, а на мели перебираются так, что видна половина спины. Самцы многочисленнее самок, отличающихся толщиной, и икра выметывается на камнях. Икринки – в еличиною с горошину, темно-янтарного цвета (по Черепанову и Кривошапкину) и весьма малочисленны. По словам Г. Самарина (см. выше), пудовый тальмень содержит будто только фут с небольшим икры, но, вероятно, это было летом. В алтайских горных реках нерест совершается еще в апреле, в реках же Северного Урала – в мае (на Вагране около 9 мая). По наблюдениям Малышева, в Тагиле лень выходит из р. Тагила в небольшие речки в конце апреля и, положив икру, в половине мая скатывается обратно в Тагил.

Выметав икру, тальмени скатываются обыкновенно вниз и занимают свои летние места. Весьма возможно, что часть уральских тальменей доходит до Иртыша, но, вероятно, скатывание совершается весьма медленно. Потанин говорит, что эта рыба идет вниз уже в мае, но до августа еще держится в нижнем течении горных рек (Чарыше), притоков Оби, пока здесь от дождей не прибудет вода; если прибыль воды запоздает, то тальмень остается на месте. По замечанию местных жителей, он катится вниз (в Обь) в туман, и чем он сильнее, особенно в дождь и листопад (ветер), тем рыбы катится больше.

Зимует тальмень в тихих, хотя глубоких местах, а не на быстринах, по крайней мере на Урале его ловят зимою на крючки (см. далее) там же, где и шук, а в Западной Сибири (Потанин) зимою он попадает по перволедью в невода, в курьях (заливах), т. е. когда еще русло не замерзло, причем стоит подо льдом.

По силе, быстроте движений и уму тальмень не имеет себе соперников в сибирских реках. Пудовый тальмень стаскивает рыбака с лодки и не может быть вытасен без посторонней помощи. Более крупные экземпляры хотя и упористее, но уже далеко не так бойки и поворотливы. Челюсти тальменя, усеянные большими и острыми зубами, необыкновенно сильны, так что он нередко перекусывает ими пополам нельму одинакового с ним роста. При ловле неводами тальмень выпрыгивает из воды почти отвесно на значительную высоту или же мчится большое расстояние сверх воды, едва касаясь ее брюхо и рикошетируя подобно брошенному камню. Крупные рыбы легко, впрочем, пробивают невод, бросаясь в него с разбега.

Рассказывают, что застигнутые врасплох тальмени стараются разорвать сеть, для чего набирают в пасть сети, а также, что при лученье они охотно идут на свет, стараясь, однако, держаться под лодкой и следовать ее поворотам.

и сбоку)

Рис. 61. Дорожка (сверху

Лень ловится на Урале различными способами – бредниками, сырпами (см. «Хариус»), на удочку и на так называемую дорожку. Бредниками, также ботальными мережами ловят его на глубинах, с загоном; на удочку и жерлицы тальмень берет не каждый год; приманкою служит или мелкая плотва, или же насаживают на крючок по три червяка, но самая лучшая насадка для этой рыбы – лягушка, до которой лень большой охотник. Клев его не особенно верен, и он плохо заглатывает, так что часто срывается, но если попадетсЯ, то причиняет много хлопот; крупные тальмени всегда об рывают бечевку и никогда не достаются в добычу рыбаку. Таких большею частью лучат, бьют острогой и в середине лета, а иногда стреляют из ружья, поджидая вечером. Зимой, наконец, ловят тальменя на блесну из прорубей и на жерлицы.

Самая интересная и оригинальная ловля тальменей, однако, ловля на дорожку. Североуральская дорожка несколько напоминает обыкновенную блесну, но имеет и некоторые отличия. Она состоит из 2–4-вершковой железной, реже медной пластинки с небольшим выгибом на переднем конце, где просверливается небольшое отверстие; на другом конце припаян крючок и привязан кусочек красного сукна или другой материи. Приготовление хорошей дорожки, несмотря на всю простоту ее, требует, однако, большого искусства: при неверном центре тяжести она плывет не горизонтально-плашмя, крючком книзу, а несколько наискось и неверно колеблется – играет; поэтому хорошая дорожка ценится рыбаками весьма дорого, и счастливый обладатель таковой не продаст ее и за несколько рублей. Самая ловля производится всегда в лодке, на ходу, так как только тогда дорожка, поворачиваясь с боку на бок, принимает некоторое подобие рыбы. В переднее отверстие дорожки продевается длинная и крепкая бечевка, до 10 и более сажен, смотря, впрочем, по быстроте течения, так как необходимо, чтобы она плыла не глубже аршина. Рыбак садится в корму и тихо и мерно гребет, постепенно спуская веревку; затем, вытравив ее до надлежащей длины, захватывает конец зубами и закладывает за ухо. Осторожно, едва шевеля веслом, плывет он мимо бочагов и крутояров; мерно колеблется шнурок, передавая свое сотрясение уху – верный признак, что дорожка играет как следует. Тальмень, завидев ее, бросается стрелой, хватая с разбега и большею частью сам себя подсекает. Случается, что крупная рыба останавливает плывущий челнок и вырывает бечевку из зубов или же обрывает ее. Кроме того, тальмень часто срывается, особенно если крючок зацепил его только за губу; но это небольшая беда: стоит еще раз проехать тем же местом, и можно быть уверенным, разумеется при хорошем клеве, что он еще раз бросится на приманку. Всего успешнее ловля на дорожку по утрам и вечерам, в конце лета и осенью в малую воду. По всей вероятности, тальменя можно ловить способами, употребляемыми для ужения семги, даже с большим успехом, так как он менее осторожен. Я не раз наблюдал, как он хватал падавших на воду насекомых.

Рис. 62. Насаженная животь

В Верхотурском уезде Пермской губернии ловят тальменей также зимою, как шук, способом, напоминающим волжские дурилки или зимние жерлицы, которые будут описаны далее (см. «Щука»). Ловля эта, называемая крюченьем, начинается с ноября, как только уральские реки покроются достаточно прочным льдом, но большинство туземных рыболовов предпочитают крючить в конце января или в начале февраля, после сильных рождественских и крещенских морозов, так как всего удобнее ловить в теплую и ясную погоду. Но еще прежде, до замерзания вод, ловцы запасаются «животью»; т. е. живцами – ельцом, сорогой (плотвой), а в крайности мелким окунем, которых держат всю зиму в продырявленных ящиках, погружаемых с помощью камней на глубоких местах. Отправляясь на ловлю, рыбак берет с собою десятка 2–4 «животи» (в бураке или в каком-нибудь закрывающемся деревянном сосуде), крюки, мелкую сенную труху в мешке и пешню с лопатой. «Животь» стараются не заморозить и поэтому окутывают сосуд чем-нибудь теплым и по приезде на место немедленно придалбливают т. н. ледянку (небольшую яму во льду, на дне которой делают маленькое отверстие – около вершка диаметром – для свободного доступа свежей воды), – куда и опускают рыбу, наблюдая за тем, чтобы ледянка не покрылась льдом. Затем тут же всегда в курьях, т. е. ямах, делают 5–10 прорубей диаметром от 6 до 8 вершков, цилиндрической формы с закругленными нижними краями, чтобы пойманная рыба не могла перерезать шнурка. Вынутый из проруби мелкий лед сгребают в пирамидальную кучу, в которую втыкают под углом 45° к поверхности воды тоненький гибкий прутик длиной до двух четвертей, так чтобы выставившийся конец был не более четверти и, согнувшись при поклевке, не касался противоположного края проруби; если же время стоит теплое и прутик не держится в кучке, то употребляют надколотую деревянную плашку, вставляя прутик в надкол.

Самая снасть состоит из мотылька – дощечки вершков 8 длиною, мотушки голландского шнура с движущимся по нем кусочком черного сукна и изогнутого крючка с ушком (рис. 61) местного приготовления (из мягкой стали или телеграфной проволоки). Крюк этот вводят под кожу живца, начиная от хвоста почти до жабр (рис. 62), что делается весьма тщательно, чтобы не повредить мясо или внутренности. Измерив глубину, опускают наживленный крюк в прорубь, почти к самому дну. На шнуре делают петлю, придвигают к ней *censored*нышко (чтобы видеть издали, когда клюнет рыба и сдернет шнурок с прутика), надевают на прутик петлю, так чтобы рыба могла сорвать его без малейшего усилия и не наколоться. Впрочем, тальмень так жаден, что хватает живца и несколько раз наколовшись. Затем прорубь засыпают слоем трухи, около пальца толщины; оставшийся шнур, спустив с мотылька, укладывают кольцами около проруби, так, чтобы попавшаяся рыба свободно могла стащить его в прорубь; оставляется он на том основании, что тальмень и особенно щука не сразу заглатывают живца, а постепенно удаляясь от проруби, тащат и шнур за собой. Выбор момента подсечки и составляет трудность этого рода охоты. Расставив таким образом крюки, рыболов выбирает более подходящее место, с которого были бы видны все, и, разложив огонь (большею частью в большом железном ковше), зорко наблюдает за своими снастями и, как только заметит, что на одном из прутиков *censored*нышка не видно, стремглав бежит к проруби и, выбрав время, подсекает рыбу. По замечанию г-на А.Р-ского, в

ненастье, когда у рыбы будто распухают десны и почти затягивают зубы (вероятно, это относится больше к щуке), она часто с рывается с крючка.

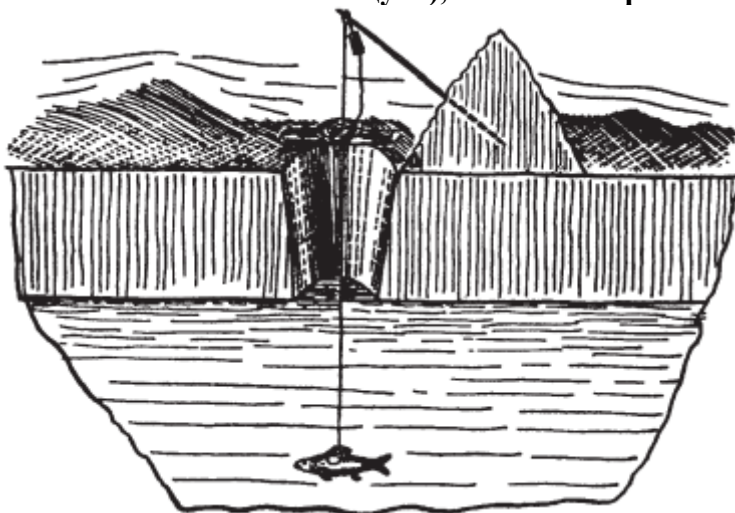

Рис. 63. Снаряд для ловли

тайменя

На Алтае, по словам Потанина, а также, вероятно, почти во всей Сибири, кроме ловли на дорожку, особенно успешной при устьях рек (на так называемое сулое), лученья поздней осенью, стрельбы на перекатах, боя острогой (киргизы на Кайджаре бьют тальменей на лету, когда они стараются перепрыгнуть через водопад), ловят на переметы, а зимой – неводами по перволедью, весной во время нереста – мордами, позднее, когда скатываются, – сурпами (корзинами, вроде верши, с четырехугольным отверстием), в которые ослабевшая рыба вносится течением воды. В притоках Камы (Самарин) ловят леней на живца и на самоловные снасти, так как они, подобно осетровым рыбам, любят играть крючками.

Мясо тальменя чрезвычайно вкусно и во всей Сибири считается самым ценным, но только совершенно свежее. Лежалый тальмень невкусен, так как очень жирен и скоро горкнет и покрывается ржавчиной. В Иркутске большую часть тальменей употребляют в пищу свежепросольными (Пежемский). Мясо этой рыбы, как и у других видов лососей, варьируется в цвете: в Восточной Сибири (Кривошапкин, Черенов) оно белого цвета, на Урале – желтоватое или розоватое. Пирог с североуральским леном – верх гастрономического совершенства.

Палья

Salmo salvelinus L. На Ладожском озере – нериус, нериас, палья; в Петербурге – палья. На Онеге отличают палю лудожную, или мягкую, красную, красноперую и палю кряжевую, кряжевку; на Ладожском озере кряжевая палья называется ямною. Яловой самец пали на Онежском озере – гонец. Финск. – ниериз, молодая – пегули.

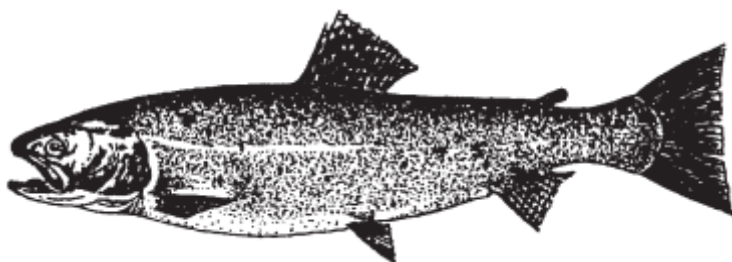

Рис. 64. Палья (по Либериху)

Эта рыба, еще недавно, лет 20 назад, исследованная у нас проф. Кесслером, имеет весьма ограниченное распространение в России. Палья – рыба глубоких озер и встречается у нас только в некоторых финляндских озерах, в Ладожском, и то исключительно в северной его части, в Онежском и немногих других озерах Олонецкой губернии, именно Пальозере, Сегозере и Ельмозере. В Западной Европе она водится в горных озерах Тироля, Швейцарии, Шотландии и Швеции.

До сих пор, однако, неизвестно, встречается ли у нас только один вид палий или несколько. Большинство онежских рыбаков отличает две породы этой рыбы, именно палю лудожную, или лудную, и палю кряжевую. Первая, по их словам, светлее, с красноватыми или беловатыми плавниками, отличается большою головою, имеет мясо мягкое, рассыпчатое, держится в меньшей глубине, нерестует осенью, около Покрова, по лудожьям и пескам, особенно по лудам, состоящим из мелких камешков, и доходит весом до 14 и даже до 18 фунтов; вторая, по их показаниям, бывает темнее, имеет серые плавники, почти одного цвета с «корою» тела, сравнительно небольшую голову, отличается мясом более плотным и красным, живет на огромной глубине, нерестует весною, а иногда вовсе не нерестует, и весит наичаще от 2 до 5 фунтов, очень редко до 10 или 12 фунтов. Лудожная палья местами называется также мягкой, красной или красноперой пальей. Красной называется она не от цвета мяса (которое, напротив, у нее белесоватое), а от цвета брюха. Кряжевая палья, иначе кряжевка, названа так потому, что держится на глубине около каменных кряжей и нерестует также около каменных луд. Эти две породы палий, различаемые онежскими рыбаками, очевидно, соответствуют двум породам, принимаемым также на севере Ладожского озера, только лудожная и более мелкая называется у ладожан нериусом, а онежская кряжевая палья именуется ямной. Первая держится здесь обыкновенно на глубине от 2 до 5 сажен, имеет брюхо и плавники красноватые и доходит весом до 11 фунтов, а так называемая ямная живет на глубине от 25 до 80, даже 150 сажен (смотря по времени года), имеет плавники серые или беловатые и редко доходит весом до 8 фунтов. Конечно, весьма возможно, что одна порода палий произошла от другой, но приведенных отличий, если принять во внимание то обстоятельство, что кряжевая палья, по показаниям онежских рыбаков, нерестует весною, а не осенью, достаточно для того, чтобы считать их особыми видами. Вопрос этот, во всяком случае, требует дальнейших исследований, так как настоящих кряжевых палий, которые ловятся значительно реже, не видел, по-видимому, и сам проф. Кесслер.

Вообще же палья подлежит весьма большим изменениям не только в цвете тела и плавников, но даже в форме головы. Бока туловища бывают голубовато-серого цвета, который на брюхе постепенно переходит в беловатый, желтоватый или красноватый, иногда даже в яркий розово-красный. Голова всегда темнее туловища. Непарные плавники почти всегда зеленовато– или буровато-серые, к вершине черноватые; спинной плавник притом часто с неясными темными пятнышками, заднепроходный с более или менее красным оттенком, а передний край заднепроходного почти всегда бывает белый или белесоватый. Парные же плавники всегда более или менее согласуются с цветом брюха. Судя по всему, самые красивые и самые краснобрюхие пальи встречаются не во время нереста; напротив, по показаниям онежских рыбаков, это бывают всегда холостые неделимые. Такая яловая палья называется некоторыми простою, или красною, попадает чаще и никогда не имеет икры. Гонцами, вероятно, называют здесь яловых самцов; эти гонцы отличаются худобою тела, вследствие чего кажутся длинными и толстоголовыми. Самцы пальи – «мужики», как называют их онежские рыбаки, – имеют притом относительно большую голову и бывают обыкновенно относительно крупнее (?) «маток».

Впрочем, следует заметить, что вообще у пальи относительная величина головы не

уменьшается с возрастом, как у других рыб, а скорее увеличивается.

Судя по многочисленности яловых неделимых, следует прийти к заключению, что не все пальи нерестуют каждый год, а проходит иногда два года и более от одного нереста пальи до другого. Кроме того, надо полагать, что икра этой рыбы не вся сразу достигает зрелости, так что нерест ее должен продолжаться весьма значительное время. Это можно заключить из того, что у палий, пойманных в октябре, проф. Кесслер замечал зрелую, крупную икру и в то же время очень мелкую.

Нерестится палья около Покрова, по каменным лудам и крупнопесчанистым отмелям. Икра ее относительно немногочисленна (от 10 до 30 тысяч, по Бенеке), но зато крупна, именно величиною с горошину (4–5 миллиметров). Развитие ее должно идти очень быстро сравнительно с икрой других нерестующих осенью рыб и, по-видимому, кончается в том же году, так как молоденькие рыбешки, меньше пальца длиною, по показаниям рыбаков, ловятся зимою во множестве подо льдом.

Вообще, палья любит холодную и стоячую воду, а потому живет исключительно на больших озерных глубинах, где температура воды почти во всякое время года остается одинаковой. Это чисто озерная рыба, которая только крайне редко и случайно замечается в реках (например, в Суне, и то только один раз), и показание Лепехина, что она водится в горных потоках Олонецкой губернии, вероятно, вызвано какою-либо ошибкою.

Главный лов пальи производится не в Ладожском, а в Онежском озере, где она распространена повсеместно и где даже два острова (Пальеостров и Пальяк) получили от нее свое название. Ловят ее с 15 августа до начала октября, главным образом во время нереста – неводами, в другое время (летом) – на глубокие донные масельги (т. е. переметы), наживленные корюшкою.

Главную пищу пальи, даже мелкой, составляют различные рыбы, особенно ряпушка и корюшка, также водяные жуки и рачки, чаще всего различные виды бокоплавов (*Gammarus* – мормыш на уральских озерах), весьма многочисленные в Ладожском и Онежском озерах.

Как крупная, так и мелкая палья все лето держится на глубинах, очень редко выходя на мелкие каменистые места, и то, по-видимому, только потому, что ее в это время года крайне беспокоят наружные паразиты, встречающиеся на палье чрезвычайно часто и в большом количестве. Почти нет пальи, у которой нельзя было бы найти несколько штук паразитных рачков из рода лернеоподов (*Lerneopoda salmonea*) на различных частях ее тела, на плавниках, на внутренней стороне жаберных крышек и на самых жабрах, даже на чешуе. Всего охотнее эти рачки присасываются к нижним плавникам, особенно к грудным, где их часто можно найти до десятка и более. Кроме того, к брюху и плавникам (большею частью заднепроходному) присасываются рыбы пиявки (*Acanthobdella pelidina*). Эти паразиты очень хорошо известны рыбакам, по свидетельству которых иногда совершенно разъедают плавники пальи. Рыбаки рассказывают, что палья, мучимая своими паразитами, нарочно поднимается из глубины, подходит к кряжам и старается всячески, посредством теплой (!) воды и трения, избавиться от них. Кроме того, многочисленные желудочные придатки пальи бывают набиты битком ленточными глистами (особенно *Bothrioccephalus proboscideus*, который водится и в других сродных рыбах – лососе и таймене). Если принять, что палья имеет средним числом около 45 желудочных придатков и что в каждом придатке заключается не менее 12 глистов, то выходит, что в каждой рыбе обитает около 540 ленточников, из которых иные имеют в длину до 1 фута и больше.

Без всякого сомнения, этому обстоятельству следует приписать мягкость и непрочность мяса пальи; это подтверждается и моими наблюдениями над глистоватыми рыбами зауральских озер и тем обстоятельством, что палья, живущая

на большой глубине, имеет более крепкое, плотное и более красное мясо. Я полагаю даже, по аналогии с рыбами зауральских озер, что многочисленность яловых палий обуславливается именно истощающими рыбу паразитами; вероятно, красный цвет брюха и плавников зависит от трения рыбы о камни.

Вообще мясо палы всегда бывает мягче и рассыпчатее, нежели мясо лосося и особенно сига, а вследствие того менее прочно и пригодно для сохранения. По той же причине палы, по мнению знатоков, хороша для пирога, но не годится для ухи. Рыба эта привозится в Петербург только осенью и зимою живою в садках или мороженою и, по-видимому, нигде не готовится впрок солением и копчением.

Что касается уженья палы, то у нас, кажется, ее нигде не ловят на удочку, если не считать ручного лова ее на Выгозере и Сегозере, где, по свидетельству Гомилевского, ее удят на крючок в 5 вершков (?) длины, вделанный в оловянную лопаточку овальной формы и весом в 1 фунт. Леса, сажен в 20 длины, привязывается к отверстию, сделанному в лопаточке, и опускается на глубину, причем на крючок насаживается (?) ряпушка или корюшка; леску держат в руках, без удильника. В озерах Западной Европы палы (или очень близкий к ней вид) тоже ловится на удочку весьма редко, по той же причине, т. е. почти постоянному пребыванию на огромных глубинах. Только в ветер и дождь, когда палы выходит на поверхность, она попадает иногда на больших семговых мух; всего удобнее ловить ее на дорожку или на живую, тоже мертвую, рыбку, которую спускают вполводы или глубже, за лодкой, или же ловят на рыбку, как на блесну, опуская и приподнимая ее. Так как палы, в противоположность форели, держится большими стаями и вообще ведет более общественный образ жизни, чем другие близкие к ней виды, то ловля эта может быть довольно добычлива.

В горных баварских озерах, по словам Бишофа, палю (собственно *Salmo umbla*) ловят преимущественно на плавучие подпуски с бочонком вместо поплавка, к которому прикреплен крепкая бечевка до 100 сажен длины; на расстоянии каждых 3–4 сажен этой бечевы привязываются, когда опускают подпуск в воду, короткие (в 1 фут) поводки с двойными крючками; поводок предварительно продевают, при помощи иглы, рыбке через рот в задний проход, так, чтобы крючок торчал из рта. Верхняя насадка должна быть на 6 сажен от поверхности. Весь этот снаряд пускается на волю ветра, причем бечевка принимает косвенное положение.

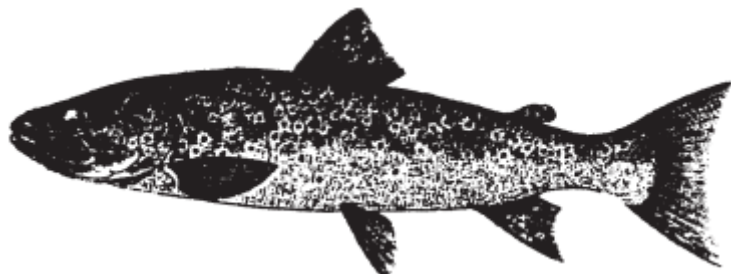
При другом способе насадкою здесь служит живая рыбка, пускаемая на очень длинной бечевке, привязанной к доске, бочонку или пузырю; рыба насаживается на двойной крючок без бородки, который продевается с поводком за жабрами, сбоку, при помощи иглы; под кожу, так что поводок выходит наружу у заднепроходного плавника тоже сбоку туловища.

Несмотря на то что палы живет почти исключительно в глубоких озерах, в последнее время ее стали содержать во многих ключевых прудах Австрии и Баварии, и здесь она очень легко уживается, чрезвычайно скоро откармливается мясом рыб и млекопитающих, изрезанным на кусочки, но почти никогда не плодится, почему ее приходится разводить искусственно, доставая племенные экземпляры или оплодотворенную икру из больших озер. Палы – рыба общительная и смирная, далеко не так хищна, как лосось и форель, и потому может жить везде с рыбами других пород и разных возрастов. Ублюдки палы с форелью и лососем отличаются превосходным вкусом и растут чрезвычайно быстро, как и все бесплодные животные.

Форель

Salmo fario L. Пеструшка, пеструха, пестряк, форель, в Нарве – крошница; по

Палласу, также – трошница, грошица; на р. Тикше и Сарке, впадающих в Оять: большие – тарпинки, маленькие – синюшки; в Олонецк. губ. – торпа; в восточных губерниях – красуля, лошок (?). В Подольской и Минской губ. – пстронга; в Польше – пестрек. Финск. – форелли, таймен; лат. – таймини, мелкие – тырнад; эст. – нооряз. У каз. тат. – эшнеш; крымск. тат. – ала-балык и чуба р-балык; у татар на р. Белой – кирка; груз. – калмак, кармрахет, кармрахант; перс. – кзыл-алла.

Либерику)

Рис. 65. Гатчинская форель (по

Эта рыба имеет в Европейской России гораздо большее распространение, нежели предыдущий вид. Впрочем, распространение форели заметно суживается: возрастающее население мало-помалу вытесняет ее, и она исчезла уже из многих речек, где еще не так давно была довольно обыкновенна, или удалась в самые верховья.

Пеструшка очень красива, и это название дано ей весьма удачно: она вся испещрена красными, черными и белыми крапинами, так что вообще гораздо пестрее тайменя. Кроме того, она сложена заметно плотнее и кажется шире и плосче последнего; нос у нее тупой, и только у очень крупных самцов, отличающихся своим более удлиненным рылом и более ярким цветом тела, образуется на кончике нижней челюсти небольшой хрящеватый крючок; парные плавники приметно более округлены, чем у тайменя, и чешуйки всегда имеют кругловатую форму. Наконец, пеструшка никогда не лошает, живет постоянно в реках и, несмотря на бесчисленные изменения в цвете, всегда бывает темнее тайменя: спина у нее большею частью бурая или буровато-зеленая, бока туловища желтые или желтоватые, плавники желтовато-серые, красные пятна на туловище наичаще находятся вдоль боковой линии или по сторонам ее и нередко имеют голубую каемку. Впрочем, случается иногда, что красных пятен совсем недостает или, наоборот, не бывает черных и остаются только красные крапины. Спинной плавник также почти постоянно бывает усеян черными и красными пятнышками.

Вообще же цвет форели находится в очень большой зависимости от цвета воды и почвы, от пищи и даже времени года, так как во время нереста он бывает значительно темнее. Замечено, что в известковой воде форели всегда светлее и серебристее, а в речках, текущих по илистому или торфяному дну, они бывают очень темного цвета. Первые у немцев известны под названием каменной форели (Steinforelle); к этой разновидности принадлежит, например, известная гатчинская форель (из р. Ижоры), светлая, почти совершенно серебряная, со светло-коричневой спиной и белым, слегка желтоватым брюхом. Мясо этих форелей почти совершенно белое, только у крупных светло-розовое, тогда как у ябургских темное, а у мелких розовое. Ябургская форель гораздо темнее цветом, и пятен на ней меньше, и расположены они неправильно. По наблюдениям английских рыбодоводов, форели, питающиеся насекомыми, имеют красноватые плавники и больше красных пятен, а форели, питающиеся мелкой рыбой, – большее число черных пятен. Считается также за правило, что чем сытее форель, тем она одноцветнее, пятна менее заметны, спина становится толще, голова меньше, а мясо принимает желтоватый или красноватый оттенок. Из опытов известно, что мясо форели краснеет с

уменьшением количества кислорода в воде. В одном из торфянистых шотландских озер водятся даже форели с темно-красным мясом. Самцы отличаются от самок относительной величиной головы и большим числом зубов; у старых самцов конец нижней челюсти иногда загибается кверху, как у семги. Кроме того, самки всегда сравнительно крупнее.

Что касается величины форели, то хотя последняя никогда не достигает размеров семги и тальменя, но при исключительно благоприятных условиях вырастает до 11/2-аршинной длины и 30, даже более, фунтов веса. Вместе с тем во многих горных речках и в ручьях, текущих на большой высоте, форели бывают ростом не свыше 20 сантиметров, так что едва ли найдется другая порода рыб с такими значительными колебаниями в росте. В большинстве случаев форель имеет в длину около 6–8 вершков и весит 1–2 фунта. Вообще же величина форели находится в зависимости от величины обитаемого ею бассейна, обуславливающего обилие пищи. В Западной Европе самые крупные форели водятся в горных озерах Швейцарии и Тироля (до 15 кг) и в Англии – в Темзе (до 7 1/2 кг). У нас, в России, крупные пеструшки замечены в Ропшинских прудах, близ Петербурга (до 10 фунтов), где я ловил их лет 30 с лишком назад на куски мяса; в Ижоре (8–10 фунтов и около аршина длины), в притоках Камы (например, в р. Ирени, впадающей в Сылву, – до 15 фунтов и в одной из рек Бугульминского уезда – до 11/2 аршина ростом), а также в притоках Кубани (до 18 вершков длины). Продолжительность жизни этой рыбы должна быть весьма значительна, так как известен достоверный случай, что одна форель прожила более 60 лет. При благоприятных условиях, т. е. при обилии корма, форель растет очень быстро и 2 лет достигает половой зрелости.

Коренное местопребывание форели – Западная Европа. Здесь она встречается почти всюду, кроме больших рек. У нас же форель имеет сравнительно весьма ограниченное распространение и встречается, можно сказать, спорадически, т. е. местами. Всего обыкновеннее она в Северо-Западной России, в родниковых речках бассейна Балтийского моря; в Черноморском бассейне она встречается в немногих ручьях Подольской и Волынской губерний (например, в ручье, впадающем в р. Ущицу при с. Кужелеве) и во всех крымских и кавказских речках. В Каспийском бассейне (кроме кавказских и персидских рек) форель всего известнее в притоках Камы и очень редка в притоках собственно Волги. В Северной России, т. е. в реках, впадающих в Белое и Ледовитое моря, а также во всей Сибири форели нет вовсе, и она появляется только в Средней Азии, начиная с верховьев Амударьи.

Причина ограниченного распространения форели в России, по моему мнению, заключается в том, что форель, собственно говоря, жительница горных, притом почти незамерзающих речек с холодной водой, где не могут жить никакие другие хищники, с которыми она никоим образом конкурировать не может. Наши русские реки и речки текут медленно, воды их мутны и весной разливаются на огромное пространство, унося выклюнувшуюся, еще не окрепшую молодежь, а зимою, в то время когда форель только начинает метать икру, покрываются льдом. Налим и щука водятся у нас чуть не в ручьях, так что для форели остаются только самые верховья немногих чисто родниковых, никогда не замерзающих речек, где еще нет щук и окуней. С такими плодовитыми хищниками форели не под силу бороться за существование. А так как у нас очень мало таких вод, где бы не было щук, налимов и окуней, то это следует иметь в виду и не особенно увлекаться культурой форели, т. е. не разводить ее напрасно, в качестве дорогого корма для дешевой рыбы. Хотя западноевропейские рыбоводы и уверяют, что форель совершенно не чувствительна к мутности воды, даже может жить в родниковых ямах, наполненных навозной жижей, что они выносят очень теплую воду (до 32 °С), но тем не менее, быть может в силу упомянутой конкуренции, эта рыба у нас может жить или в верховьях родниковых речек, или в нарочно для нее выкопанных родниковых прудах. Точно

так же и за границей всем известно, что форель тем изобильнее в данной речке, чем последняя изобильнее ключами; поэтому речки, текущие в меловых и известковых формациях, отличающихся богатством подпочвенных вод, всегда богаче форелями; по наблюдениям английских рыболовов, только в таких речках не замечается уменьшения форелей. Очень холодная вода, заключая в себе мало пищи, именно червей и насекомых, правда, сильно задерживает рост форели, но они тут по крайней мере в совершенной безопасности. Американские рыбоводы считают температуру (летнюю) в 11 °С неблагоприятной для роста форели, а самой выгодной для нее – температуру до 20 °С и не свыше 22 °С. Во всяком случае, форель не любит резких перемен температуры, и это, вместе с продолжительностью наших зим, одна из причин ее редкости в русских водах. Ранняя зима заставляет форель нереститься ранее, чем в Западной Европе, – в октябре, даже сентябре, так что развитие икры сильно замедляется и неминуемо уменьшается процент благополучно выведшейся молоди.

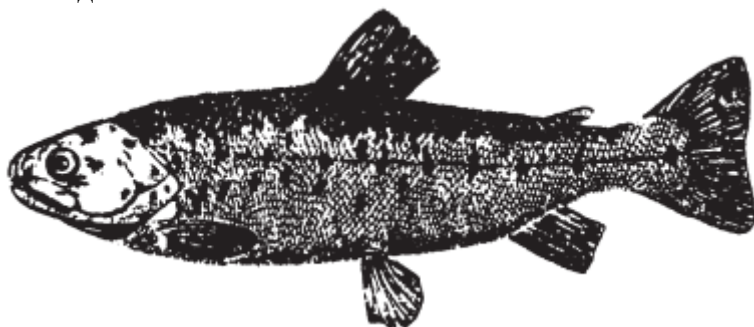

Рис. 66. Форель (по Геккелю)

Образ жизни форели, благодаря значению ее для рыбоводства и для ужения, а также прозрачности вод, ею обитаемых, довольно хорошо исследован. Зимой, после нереста, форель скатывается вниз и держится поблизости родников, в глубоких местах реки – бочагах, на самом дне, и, по-видимому, питается больше мелкою рыбою, именно гольянами, – постоянными ее спутниками, вместе с гольцом и подкаменщиком. Впрочем, мелкая форель, не достигшая фунтового веса, редко бывает хищною и, кажется, подобно особям, не достигшим зрелости, кормится икрой, выметанною взрослыми рыбами, разыскивая ее в хряще, на перекатах. Весенняя мутная вода, так же как и паводки, заставляют форель держаться крутого берега и даже забиваться под него; в это время главную пищу ее составляют земляные черви, вымываемые из почвы ручьями. Но едва оденется лес, появятся крылатые насекомые, форели занимают свои летние места. Самые крупные экземпляры держатся под водопадами, в омутах, под мельничными колесами или в омуточках, лежащих на поворотах реки, где течение ударяет в берег, образуя водоворот, также близ впадения ручьев; эти форели живут здесь оседло иногда до глубокой осени, притом в одиночку и питаются главным образом мелкою рыбой, выжидая ее под каким-либо прикрытием: корягой, камнем, под корнями деревьев. Мелкие форели держатся каменистых перекатов, стоя здесь небольшими стайками; они постоянно кочуют с одного места на другое, большею частью поднимаясь вверх по течению, особенно после сильного дождя и, следовательно, паводка. Чтобы не утомляться, форель стоит здесь иногда за большим камнем, где течение менее сильно.

Главную пищу форелей составляют крылатые насекомые: мошкара, различные жуки, мухи и кузнечики, падающие в воду, также личинки. Проворство и ловкость, с которыми они ловят насекомых, достойны удивления: они часто хватают их на лету, прежде чем упадут в воду. Ловля эта продолжается почти весь день, кроме середины дня и середины ночи. Кормятся форели главным образом ранним утром и под вечер или, вернее, в это время они бывают всего голоднее. Самую обильную пищу

доставляет им ветер, стряхивающий с прибрежных деревьев и кустов массу насекомых. По той же причине форель, обыкновенно держащаяся вполводы, в грозу всегда плавает на поверхности. Только град заставляет ее уходить в глубину, лечь на дно и не выходить из своего убежища еще несколько часов после того, как пройдет градовая туча. Для форелей, более чем для какой-либо другой рыбы, необходимо, чтобы река не текла в голых берегах, тем более что деревья доставляют им крайне необходимую тень и прохладу. В сильные жары, если вода нагревается свыше 15°, все форели держатся около ключей, родничков и у устьев мелких ручьев или же забиваются под корни, камни, в норы, приходя в некоторого рода оцепенение. В это время их нетрудно ловить руками, как налимов и пр. рыбу; рассказывают даже, что она любит, когда ее гладят рукой, и не делает никаких попыток к бегству. В такую погоду форель, по-видимому, ничего не ест: говорят, что она также не бродит и не кормится в лунные ночи, но это еще требует подтверждения.

Вообще же она ест почти круглый год и может быть причислена к самым прожорливым и быстро растущим рыбам, с самым быстрым пищеварением. Один из досужих французских рыбоводов вычислил, неизвестно каким методом, что для того, чтобы достигнуть веса одного килограмма, форель должна съесть 10 кг мелкой рыбы. Между тем достоверно известно, что форель, при благоприятных условиях, съедает в день количество пищи равное 2/3 веса ее тела. Во время нереста голянов форели поедают их в таком множестве, что кажутся набитыми ими. Jourdeuil рассказывает, что им была поймана на голяна форель, немного более полуфунта, в желудке которой было найдено 47, частью уже переварившихся, голянов! Последние исследования американских рыбоводов показали, однако, что всего быстрее растут форели, в изобилии питающиеся мухами, вообще летающими насекомыми, а не рыбой.

К концу лета, а в сильные жары при нагревании воды, и в Петровки, форель, особенно мелкая, начинает понемногу подниматься все выше и выше по реке. В притоках Кубани начало подъема, по-видимому, совпадает с группированием форелей в стайки в половине августа; общественную жизнь они ведут здесь до половины октября, т. е., вероятно, до окончания нереста. При своем подъеме эти сильные рыбы легко преодолевают такие препятствия и стремнины, которые совершенно не по силам всякой другой рыбе, кроме лосося и тайменя. Они делают прыжки до 2 аршин; согнувшись в дугу и оперевшись хвостом о камень или какой другой твердый предмет, форель в несколько приемов, выбрав место сбоку, потише, взбирается на водопады до 2 сажень высотой, при падении в 45°. При этом они выказывают изумительную настойчивость и при неудачной попытке возобновляют ее несколько раз. В это время они бывают так заняты своей задачей, что теряют обычную осторожность и их легко поймать простым сачком.

Время нереста различно, смотря по широте местности, абсолютной высоте над уровнем моря и температуре воды. Вообще чем севернее местность и чем холоднее вода, тем нерест начинается ранее, иногда в половине сентября; в Западной Европе он иногда замедляется до зимы, до конца января, даже (во Франции) до конца февраля (нов. стиля). У нас форели в притоках Кубани нерестятся большею частью в октябре; в Петербургской губернии так называемая гатчинская форель мечет икру с половины сентября до конца октября, тогда как ямбургская гораздо позднее – в декабре и до половины января (Либериx). В одном и том же определенном районе все форели, как мелкие, так и крупные, выметывают икру в продолжение месяца с небольшим, причем каждая особь нерестится в несколько приемов в течение 7–8 и более дней. Замечено, что форели трутся главным образом начиная с заката солнца до совершенной темноты, затем утром перед рассветом, но уже не так энергично. По некоторым наблюдениям, форели выбирают для нереста преимущественно лунные

ночи.

; Половая зрелость достигается форелью обыкновенно по достижении 3-летнего возраста, но очень часто двухлетние самцы заключают в себе зрелые молоки; икряники же этого возраста встречаются только при исключительно благоприятных условиях роста и питания. Последние исследования показали, что пеструшки мечут икру не ежегодно, как думали прежде, а через год; по-видимому, холостые молошники встречаются реже холостых икряников. Холостых форелей не следует смешивать с бесплодными, т. е. яловыми, которые отличаются сильно укороченным туловищем и небольшою головою.

Количество икры у форели сравнительно незначительно и только у очень крупных экземпляров достигает нескольких тысяч. Обыкновенный 2-фунтовый, т. е. 4–5-летний, икряник заключает до 1000 яиц; 3-летний – около 500; 2-летний – 200. В горных, малокормных речках, находящихся на большой высоте, встречаются форельки, вероятно 3-летние, в 12 см длины и с 80 икринками. Во время нереста и, кажется, до его наступления пеструшки в значительной мере утрачивают свою красоту, именно получают темный, грязно-серый цвет, не исключая живота, а красные пятна теряют яркость и у иных даже совершенно исчезают.

Самый нерест производится на перекатах, иногда настолько мелких, что видны спины трущихся рыб, однако не на самой стреже, а где течение слабее, т. е. большею частью ближе к берегу. При этом форели выбирают перекаты с каменистым дном, именно усеянным гравием – галькою от лесного ореха до куриного яйца; реже нерестятся они в крупных камнях или плитняке, также на хрящеватом, а тем более на мелкопесчаном дне. Это предпочтение гравия обуславливается самым способом икрометания, почти таким же, как у семги. Самка хвостом и частью грудными плавниками выкапывает предварительно неглубокую продолговатую ямку, отгребая в сторону гольши; вместе с этим переворачиванием она очищает последние от грязи и водорослей, вредных для икры. В реках с плитняковым дном работа самки заключается только в этой о чистке от травы и плесени; в р. Ижоре, например, место нереста форели поэтому узнается по большому белому пятну, аршина 2 диаметром, резко выделяющемуся на темном фоне. Там, где нет гальки, также во избежание дальнего подъема рыбы в места, более удобные для нереста, полезно сваливать на перекатах несколько возов гольшей, устраивая таким образом искусственные икрометни, не тратясь на разные приборы, аппараты и приспособления для искусственного вывода икры.

Хотя за каждой самкой следует по несколько самцов, вообще более многочисленных, и на удобных для нереста местах замечаются целые стаи этих рыб, но оплодотворение совершается всегда одним молошником с наиболее зрелыми половыми продуктами, а прочие самцы отгоняются. Едва только самка сложит несколько десятков икринок, как самец оплодотворяет их; вслед за этим самка заваливает ямку, или, вернее, рытвинку, гольшами, прикрывая ими икру, чем предохраняет последнюю от хищников и от опасности быть снесенной течением. Замечательно, что первое время яички крепко прилипают ко дну и теряют свою липкость по прошествии 30 минут, т.е. когда они прикрыты. Величина их весьма значительна – с мелкую горошину, на которую они походят и цветом. Впрочем, у форелей с красноватым мясом икринки бывают оранжевого или красноватого цвета.

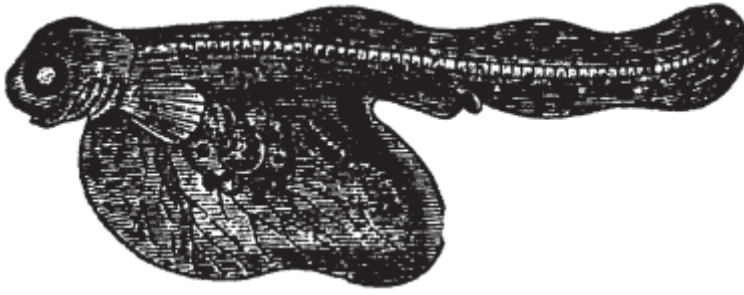

Рис. 67. Молодая форелька

Несмотря на то что икра так хорошо защищена, большая часть ее пропадает бесплодно. Главным образом истребляется она рыбами же, усердно ее разыскивающими; самые опасные враги ее – налимы и хариусы, а также сами форели, преимущественно молодые, еще не достигшие совершеннолетия; хотя нерестящиеся форели вовсе не принимают никакой пищи (т. е. около недели), но еще не выметавшие или уже выметавшие икру рыбы также охотно подбирают икру других форелей, нередко разгребая гальку, ее прикрывающую. Всего губительнее продолжительность срока развития икры, из которой молодь выклеивается не ранее как через 40 дней, а иногда через 2, даже 3 месяца. Кроме того, молодая форелька, обремененная громадным желточным мешком, который заменяет ей недостаток корма раннею весною, в течение 3–5 недель почти не двигается и избегает опасности только тем, что прячется между камнями. Убежища свои молодь оставляет, только уже несколько окрепнув; кажется, в середине или в конце весны она скатывается вниз, на более кормные и тихие места. Пища ее состоит главным образом из падающих в воду комаров, мелких личинок и затем поденок. При благоприятных условиях форель позднею осенью вырастает до 1 1/2–2 вершков, а в год, т. е. к весне, 2–3 вершков, иногда попадаются пятивершковые двухлетние форели.

Форель относительно роста, бесспорно, самая сильная и бойкая из наших пресноводных рыб, а потому ужение ее требует большого искусства и навыка. Можно положительно сказать, что сила и осторожность этой рыбы, осторожность, зависящая, впрочем, от прозрачности вод, обитаемых форелью, послужили к изобретению ужения с катушкой и вообще ко всем многим усовершенствованиям в рыболовном спорте. Несомненно, что крупная и даже средняя форель не может быть поймана на муху и насекомое иначе как на тонкую леску, обуславливающую катушку, которая дает возможность с большим или меньшим сопротивлением отпустить рыбе количество шнура-лески, достаточное для ее утомления. Но и при других способах ужения, требующих несколько более грубой и крепкой снасти, катушка тоже не бесполезна. Вот почему там, где форель и лосось являются обыкновенными рыбами, катушка, хотя иногда в весьма упрощенном виде, употребляется не только интеллигентными охотниками-рыболовами, но и простолюдинами. Финляндцы, например, ловят семгу, а иногда и форель, приделывая к цельному (березовому) удилищу с кольцами деревянную катушку. У нас же, собственно в России, тоже нельзя сказать, чтобы катушка вовсе была не известна и безусловно отвергалась простыми рыболовами, так как блоки, прикрепленные к лодке (на Дону) для ловли крупных сомов, та же катушка.

Тем не менее последняя никогда не приобретет у нас полного права гражданства и никогда не будет настолько необходима, как за границей, прежде всего потому, что форель и семга редки и встречаются в немногих местностях; во-вторых, потому, что крупная рыба вообще у нас менее напугана и живет в крепких местах, где без расчистки ужение с катушкой немислимо; в-третьих, потому, что хорошие снасти английского образца дороги и достать их трудно; плохие же только способны укрепить предубеждение большинства русских рыболовов в полной их

непригодности и нецелесообразности. Главное назначение катушки – в тот критический момент, когда леска близка к разрыву, дать рыбе хоть несколько аршин – у нас в большинстве случаев выполняется гибким натуральным удилищем, волосяною лескою, обладающею, если она свежа, по крайней мере вдесятеро большею растяжимостью, чем несмоленные, тем более смоленные шелковые лески, исключительно употребляемые для ужения с катушкой. А москворецкие рыболовы, едва ли не самые искусные в России, на свои усовершенствованные русские снасти с превосходными волосяными лесками ловят на четыре волоса рыбу, например шересперов, до 8, даже 10 фунтов весом, т. е. такую, которая могла бы оборвать малорастяжимую шелковую леску, выдерживающую втрое больший мертвый вес. Шелковые лески, безусловно, незаменимы только при катушке; при ужении без нее они хороши, когда очень крепки и не путаются; для ночной ловли на донную с коротким удильником хорошо и правильно свитые или сплетенные, а потому некрутящиеся волосяные лески, бесспорно, пригоднее шелковых.

Независимо от высокого качества употребляемых у нас волосяных лесок мы имеем еще одно, весьма остроумное, приспособление, отчасти заменяющее катушку и замечательное по своей простоте и целесообразности и еще ожидающее разработки, – это жерлица, или, вернее, жерличная рогулька, совершенно неизвестная в Западной Европе. Хотя настоящая рогулька еще не употребляется для ужения, но принцип ее уже применен в мотыльках – коротких зимних удильниках, при ловле подо льдом в отвес. Как мы видели, рыболов, если попалась крупная рыба, постепенно спускает с крючков мотылька запас лески, намотанной восьмеркой.

Все известные способы ужения форели могут быть разделены на три главных вида: 1) ужение на червя; 2) ужение на рыбку и, наконец, 3) ужение на насекомых.

Ужение на червя – самый легкий и, сподручный и, у нас в особенности, самый распространенный способ. Смотря по обстоятельствам, ловят с поплавком, но чаще без него, так как большею частью приходится ловить на мелких и быстрых местах. Ловля на червя, где река не замерзает, может производиться почти в течение целого года, кроме времени нереста, но всего удачнее бывает она в холодное время, весною и осенью; летом же форель хорошо берет на червя только в мутную воду, после дождей, однако не во время прибыли воды, а когда она начнет очищаться и сбывать. Но прежде чем перейти к описанию ужения форели на червя, рассмотрим снасти, при этом употребляемые.

Удилище может быть цельное, натуральное или складное, но во всяком случае оно должно быть крепко и гибко при небольшой тяжести (не более фунта), так как приходится ежеминутно перебрасывать насадку. Поэтому длинных удилиц стараются избегать, употребляя их только в крайности, например при ловле в более широких речках, с открытыми берегами. Во Франции обыкновено удят на цельные тростниковые удилица, от 5 до 9 аршин длины, которые для большей крепости и ради предохранения от продольных трещин обклеивают очень тонкою ленточкою. Лучше, конечно, если удильник, цельный или складной, будет снабжен кольцами и приспособлением для прикрепления катушки, но если в данной местности нет крупной форели, то можно обойтись и без этих усовершенствований и усложнений. При ужении из-за деревьев и кустов достаточно, если удочка имеет в длину 3–4 аршина. Во всяком случае, она не должна быть жидка, и хлыстообразные удочки, употребляемые для ужения той же форели нахлыстом, здесь вовсе не годятся.

При ловле без катушки леска обыкновенно, для удобства закидывания, не должна много превышать длину удилица и может быть волосяною, но за границей употребляются только шелковые, преимущественно плетеные, очень тонкие при ловле с катушкой и довольно толстые при ужении без нее. К леске привязывается обыкновенным способом поводок с навязанным на него крючком. Поводок этот

делается из одной жилки, иногда толстой отборной, так называемой семожьей, а там, где водятся крупные форели и ловят без катушки, даже из трех; лучше, иногда даже необходимо, чтобы он был окрашен под цвет воды, т. е. в серо-голубой, когда она прозрачна.

Размеры крючков зависят обыкновенно от величины рыбы и насадки; в этом отношении, как и в форме крючков, существует большое разногласие: одни советуют употреблять крупные (№ 00) крючки Кирби, а другие средние (№ 5 и 6) Лимерик без загиба, признаваемые первыми негодными. В последнее время для ловли форели стали употреблять луженые (или посеребренные), а также бронзированные крючки, менее заметные в прозрачной воде, чем обыкновенные. По всей вероятности, крупные крючки всего целесообразнее при ловле на выползка, а средние – при ловле на навозного червя. Не так давно в Англии стали ловить форель на так называемую стюартовскую снасточку из 2 мелких крючков (№ 9–10), привязанных на одном поводке, в небольшом расстоянии один от другого. Поводок из баска, несмотря на зубастость форели, совершенно излишен, так как зубы эти, по своей величине, не могут перекусить или, вернее, перетереть поводка.

Грузило бывает различной тяжести, смотря по тому, как ловят, и сообразно глубине воды и силе течения. При ужении с поплавком оно должно, конечно, соответствовать последнему. Если же ловля производится на мелких и быстрых местах, а следовательно, без поплавка, то, как кажется, всего удобнее ловить с мелким грузом на песчаном, хрящевом или мелкокаменистом ложе и с тяжелым сквозным (пуля или обыкновенное оливкообразное просверленное грузило), когда на дне находятся большие камни и вообще задевы, не позволяющие ловлю с движущейся насадкою.

Рис. 68. Стюартовская снасточка

Поплавок, как сказано, удобен только в более глубокой и тихой воде или в водоворотах, под шлюзами. Во всяком случае, при осторожности форели и прозрачности воды, он не должен быть велик и окрашен в яркие цвета; лучше, если это будет кусочек пробки с закругленными углами или даже камыша и палки, чем красивый продажный поплавок. По всей вероятности, форель на перекатах можно ловить с большим успехом с самоогружающимся поплавком, как голавлей (см. далее), или (особенно на очень каменистых местах, где без поплавка крючок будет беспрестанно задевать) с очень легким поплавком, почти без груза (см. «Язь», ловля на пробочку), так, чтобы насадка шла по дну далеко впереди поплавка. При обыкновенной ловле поплавок становится таким образом, чтобы насадка, т. е. червяк, плыла несколько выше дна; в глубоких же местах, где форель держится вполводы, иногда на аршин от него.

Черви для насадки выбираются смотря по местности. Иногда форель лучше берет на мелкого червя, иногда на крупного, но вообще следует заметить, что по глухим речкам лучше ловить на обыкновенного земляного червя, живущего тут же в берегах и хорошо знакомого рыбе, которая здесь вовсе не знает красного навозного, а тем более большого червя (глист, глистовка, выползок, бертыль, росовой, дождевой червь), который водится преимущественно в садах и огородах. Есть местности, где никакая рыба почти не берет на выползка. Насаживается червь на крючки соответственной величины, крупные на № 0 или 1–2, а простые земляные и навозные – на № 3–6, пониже головы, отпуская длинный хвостик, если форель не объедает червя. В последнем случае удобнее насаживать червя на стюартовскую

снасточку из 2–3 небольших крючков. Червь предпочитается очищенный, т. е. лежалый и с пустыми внутренностями, так как такой крепче сидит на крючке и рыба охотнее его берет. В мутной воде, однако, по мнению многих иностранных авторов, лучше насаживать свежего, неочищенного и более вонючего червя, потому будто, что форель дальше его чувствует. Обоняние у рыб вообще гораздо сильнее развито, чем обыкновенно думают.

У нас, в России, большая часть форелей выуживается на червя и лишь небольшая часть на мушку. На Кавказе, именно в притоках Кубани, а также почти по всему Черноморскому берегу, казаки ловят форелей главным образом на куриные кишки (или разной дичи), обыкновенно в мутную воду, чуть ли не за недостатком червей. Кишочки, вероятно, могут служить хорошей насадкой и в других местах. В Западной Европе, местами, именно там, где форелей подкармливают (в форелевых прудах) всякой всячиной, эти рыбы делаются такими же всеядными, как карпия или усач-мирон, и отлично берут на картофель, сало и т. п. Последнее время в Германии и Бельгии быстро распространяется один вид американской форели, так называемой радужной (*arc-en-ciel*), которая, превосходно уживаясь в теплой прудовой воде, предпочитает растительную пищу червям и насекомым и превосходно ловится на различные зерна.

Общие правила ловли форели на червя те же, как и для ужения на мушку. Главное, надо стараться прятаться за кусты или какую-нибудь защиту, во всяком случае, избегать ярко-цветных костюмов и не становиться таким образом, чтобы тень падала на воду, т. е. спиной к солнцу, а также не стучать и не шуметь, ходя по берегу. Надо всегда иметь в виду, что всякая рыба лучше слышит шум шагов через сотрясение берега, чем голос и другой шум. Понятное дело, когда вода очень мутна, нет такой надобности прятаться, а в ветреную погоду – соблюдать безусловную тишину. Так как форель – рыба пугливая и не стайная, то, поймав на одном месте несколько штук, иногда 2–3, необходимо переходить на другое место, так что и эта ловля почти такая же ходовая, как и ужение нахлыстом: обудив известный район во всех направлениях, если не было поклевки, необходимо спуститься ниже по реке. Ловят почти всегда с берега, почти никогда с лодки и редко с мостов, плотин, шлюзов, под которыми форели, однако, очень любят держаться и бывают всего многочисленнее. Забрасывать насадку надо всегда немного выше того места, где замечено или предполагается присутствие рыбы.

Собственно говоря, существует три способа ловли форели на червя: без поплавок с легким грузилом, так, чтобы насадка волочилась по дну или плыла недалеко от него; без поплавок, опуская и поднимая насадку, и с поплавком. Первый способ употребляется на перекатах, остальные два – в более глубокой и тихой воде – в ямах, под шлюзами и в омуточках в извилинах реки. При ловле с берега и на мелком месте закидывают червя взмахом кисти, придерживая крючок с насадкой пальцами левой руки, немного выше того места, где стоят; ужение в отвес производится большей частью из-за кустов (см. «Голавль») и в небольших речках или даже в ручьях. В озерах на червя (с поплавком) форель ловить не стоит, так как для успешной ловли надо закидывать очень далеко от берега.

Что касается времени ужения, то у нас, в России, форель берет на червя почти круглый год, кроме периода нереста и вскрытия рек. За границей же, напротив, клев форели на червя летом почти везде совершенно прекращается, и она в это время ловится только на муху (натуральную или искусственную). Всего лучше повсеместно форель идет на червя в апреле и мае, затем поздней осенью после нереста. В Петербургской губернии форель в конце августа собирается в бои, на перекаты, и перестает брать. Местами форель хорошо ловится и зимою, из прорубей (на ямах), но зимнее ужение ее малоизвестно и малоупотребительно. Кажется, она лучше ловится ночью, с фонарем, в отвес и со дна. В Англии форель ловят поздней осенью и зимою

на икринку лосося, насаженную на небольшой крючок. Раннею весною и позднею осенью форель также берет лучше со дна и в более глубоких и тихих местах, почему удобнее ее ловить с поплавком.

Как и следует ожидать, лучшее время для ужения форели на червя у нас – раннее утро до восхода и сумерки после заката. За границей и на юге вообще, где летние сумерки очень коротки, вечернее ужение непродолжительно и начинается часа за два до заката; точно так же утренний клев иногда продолжается до 10 часов пополудни. На севере России в мае и июне форель, кажется, берет всю ночь, кроме полуночи.

Погода и состояние воды, как и всегда, имеют очень важное значение при ужении форели. Всего удачнее бывает оно в пасмурные, тихие дни, а также после дождей, но когда муть уже начинает проходить. Вообще в мутную воду можно ловить только на червя или на рыбку, а удить на муху поверху не стоит. Во время сильного дождя, когда вода очень мутна, форель держится под самым берегом, в заводях, и берет плохо. Когда же идет град, она впадает в оцепенение, забивается в норы и под камни, и ее можно ловить руками. Весьма возможно, что это бывает с нею и при очень сильных ударах грома, но замечу кстати, что во время грозы она большею частью плавает на поверхности, имея обильную жатву в снесенных ветром на воду насекомых. По наблюдениям западноевропейских рыболовов, при сухих и холодных ветрах форель держится на дне, при влажных и теплых – на поверхности.

;Поклевка форели на червя передается различно, смотря по местности и времени года. На перекатах и быстрине, также там, где форель не напугана и голодна, она хватается червя сразу, причем топит поплавок, а при ловле без него передает руке довольно сильный толчок; поэтому подсекать должно сейчас же. При более вялом клеве руке передается сначала более или менее резкий толчок, затем следуют 2–3 удара и потяжка, при первом толчке удище необходимо поддать вперед или опустить; подсекать лучше, не дожидаясь потяжки, потому что последняя означает, что форель совсем заглотала червя. При ловле на стюартовскую снасточку необходимо подсекать при первой же поклевке. Сытая и напуганная форель, особенно в речных омуточках и в прудах, берет гораздо осторожнее, чем на быстрине, и хватается насадку сбоку, зачастую, особенно при тяжелом поплавке, объедая ее. Подсекать тогда лучше всего, как только дрогнет поплавок.

Подсечка, при ловле на поплавок, должна быть довольно энергична; при ужении же без полавка, особенно на быстрине, достаточно небольшого движения кисти, а при более резкой подсечке можно оборвать и крепкую леску. Не следует забывать, что форель самая сильная из наших рыб и что даже полуфунтовая пеструшка оказывает весьма сильное сопротивление. Некоторые считают, что полуфунтовая форель ходит на удочке так же бойко, как 3-фунтовый хариус, т. е. вшестеро сильнее рыбы тоже не из слабых. Подсеченная форель бросается стремительно в противоположную сторону и выскакивает из воды. Эти маневры особенно опасны бывают на перекатах, а потому ловля даже средней форели, около фунта, на быстрине, без катушки, требует большого умения и сноровки. Приходится сплошь да рядом заменять катушку ногами, т. е. бегать за рыбой, а иногда даже и входить в воду. Нередко, кроме того, пойманная форель забивается под камень или запутывается в траве, и тогда хлопот с нею бывает еще больше.

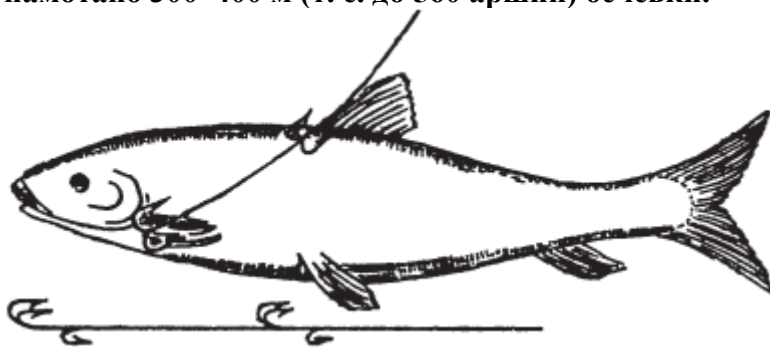
При ловле на каменистых быстринах крючок, задевая за камни, очень быстро тупится, а потому необходимо от времени до времени его подтачивать и для этого брать с собою мельчайший подпилоч (часовой) или брусочек, в карандаш шириною, из аспида. Жилковые поводки тоже быстро здесь изнашиваются и мшатся.

Ужение на икринки лосося очень добычливо и теперь, кажется, в Англии запрещено. Всего употребительнее был этот способ в Шотландии. У Стодарта (а у фон дем Борне в извлечении) имеется очень подробное описание ловли форелей на

лососевую икру. Автор советует заготавливать лососевую икру заблаговременно и впрок (солить), вырезывая ее осенью из самок лососей незадолго до нереста и очищая от пленок. Из раздавленной икры делается также нечто вроде теста, на которое форель идет очень хорошо, отчасти благодаря содержанию соли, которую очень любят все рыбы. Такая смесь вместе с тем служит превосходной притравой, на которую форель приходит с очень больших расстояний. Тесто это (величиною с конский боб) насаживается на небольшой крючок (№ 6–8), и так как оно плохо на нем держится, то закидывать его надо весьма осторожно.

Ужение на рыбку – живую, тем более искусственную, распространено у нас, пожалуй, еще менее, чем ужение нахлыстом на насекомых. К тому же не везде форель и берет на эту насадку. Мелкая редко бывает хищною, а крупные форели водятся не везде и всегда редки. Но там, где их много, а пищи мало, например в Ропшинских прудах, они берут превосходно даже на кусочки рыбы. На искусственную или мертвую рыбу форель попадает еще реже и только в том случае, если приманка находится в сильном вращательном или колебательном движении, т. е. или на очень сильном течении, например под шлюзами, или когда закидывают ее далеко от себя на глубине и потом притягивают к себе легкими толчками, т. е. способом, называемым *spinning*, описанным выше (см. «Лосось»). Ужение форели на искусственную металлическую рыбку со шлюзов производится так же, как и ужение шересперов. Поэтому прибавлю только, что в большинстве случаев форель попадается на искусственную рыбку весной и осенью (поздней и притом или в мутную воду, или же когда совсем стемнело, даже ночью). Кроме того, форель берет только на небольших искусственных рыбок, никак не более 2 вершков, притом на легкие лучше, чем на металлические. Всего жаднее она хватается пестренькие шелковые рыбки, изображающие гольянов.

У женеvских рыболовов существует оригинальный способ ловли, несколько напоминающий ужение шереспера со шлюзов: они ловят с моста (вероятно, в истоках Роны из Женевского озера), имея только большой блок, на котором намотано 300–400 м (т. е. до 560 аршин) бечевки.

снасточка

Рис. 69. Джардиновская

Насадку (искусственную рыбку или живца) спускают по течению, затем снова наматывают бечевку и т. д. По всей вероятности, ловят с поплавком. Впрочем, женеvские форели отличаются от обыкновенной ручьеvой своей огромною величиною и другими особенностями.

Об ужении на живую рыбку тоже не стоит особенно распространяться. Живцом могут быть гольян, пескарик и голец, иногда подкаменщик. Лучше всех гольян, который хотя и не так крепко сидит и не так долго живет на крючке, но бойчее ходит и не забивается под камни, как прочие. Местами форель недурно берет на небольшую уклею, но последняя очень хлипкая и гораздо скорее снет, чем гольяничик. Насаживают большею частью за губу, на одиночный крючок № 1–4, привязанный к крепкому, но нетолстому жилковому поводку на карабинчике. Иногда, при неверном клеве в особенности, употребляют джардиновскую снасточку

с двумя двойниками и добавочными третьими крючками. Способ насаживания виден из рисунка. Ловят на живца почти всегда с катушкой, и удище должно быть довольно жестко, а шнурок толще, чем при ловле на червя, тем более на мушку. Можно удить с поплавком, но лучше без него, опуская и приподнимая живца (в глубоких омучках) или пуская его по течению (на перекатах, под шлюзами). При ловле с поплавком рыбку пускают вполводы и никак не глубже как на четверть от дна. При ловле на одиночный крючок надо выждать, чтобы форель забрала живца; при джардиновской снасточке подсечка должна следовать немедленно за поклевкой. В общем, ужение форели на живца мало различается от таковой же ловли лосося.

Перейдем теперь к описанию самого главного и наиболее интересного способа ловли форели – ужению нахлыстом наверху на живых и искусственных насекомых. Большая часть рыб очень лакомы до насекомых, падающих на поверхность воды, но из всех рыб форель, бесспорно, самая насекомоядная, так как большую часть теплого времени года держится в верхних слоях воды и кормится исключительно насекомыми. Рыболовы, конечно, давно заметили, что рыбы очень жадно хватают падающих в воду мух, кузнечиков, поденок и бабочек, а потому ловля поверху на насекомых практиковалась с незапамятных времен. Но ужение на легкую нетонущую насадку требовало тонкой и легкой лески. Обыкновенные речные рыбы, лакомы до насекомых, – голавль, язь и другие, – сравнительно небожие, легко могли быть вытаскиваемы на тонкие волосяные лески, без всяких приспособлений; но такие сильные рыбы, как форель, а тем более лосось, при первых же порывах легко рвали тонкие лески, волосяные и шелковые, особенно на быстрине. Следуя, в воде или берегом, направлению движений рыбы, можно было до известной степени ослабить сильные порывы ее и утомить добычу, но так как этот способ не всегда удобоприменим, то с давних времен, много столетий назад, рыболовы-удильщики Северной Европы, Великобритании и Скандинавии, изобилующих лососевыми, стали употреблять небольшое приспособление, которое давало возможность ловить рыбу на самые тонкие лески. Приспособление это – катушка, на которую наматывается более или менее значительный запас лески, так что последняя по мере надобности может удлиняться и укорачиваться, до совершенного утомления рыбы. Последняя, бросаясь стремглав после подсечки, сматывает с катушки леску, а так как на это сматывание требуется, смотря по обстоятельствам, более или менее значительное усиление, то рыба, раньше или позже, истощает свои силы и останавливается. Этим моментом усталости и пользуется рыболов, чтобы подтащить рыбу к себе, до нового ее порыва после передышки. До некоторой степени катушка представляет аналогию с нашей русской щучьей жерлицей, т. е. собственно рогулькой, на которую наматывается восьмеркой запас волосяной или бечевочной лески. Та и другая имеют одинаковое назначение – истощить силы рыбы сматыванием лески и этим предохранить последнюю от разрыва.

Первобытная катушка была очень груба и несовершенна. Такие катушки, в виде катушки из-под бумажных ниток, но большого размера и с приделанной сбоку рукояткой, и теперь еще встречаются у английских рыболовов-простолюдинов и у финляндских крестьян. Спортсмены же употребляют преимущественно медные, реже очень дорогие, но зато очень легкие алюминиевые катушки; деревянные же преимущественно для одного способа ужения, называемого ноттингемским, который будет описан во втором томе (см. «Мирон-усач»). Обыкновенная катушка состоит из медного станка, прикрепленного к удищу планкой; планка эта прикрепляется недалеко от комля удища, большею частью вставляется в желобок и закрепляется здесь кольцами. Иногда вместо планки катушка снабжена кольцом, которое можно сузить или расширить посредством винта и надеть на толстый конец удища. В станок вложена медная же шпулька, приводимая в движение рукояткой. Форма и величина катушек весьма разнообразна; есть катушки с трещоткой, тормозами,

мультипликаторами и задвижками, но описание их заняло бы слишком много места.

Изобретение катушки послужило ко многим дальнейшим усовершенствованиям удочки. Прежде всего к удилищу стали приделывать кольца, через которые пропусклась леска; кольца эти прикреплялись на известных расстояниях и имели целью облегчить правильное сматывание лески с катушки и дать возможность рыболову вполне воспользоваться гибкостью удилища. Позднее, уже, кажется, в текущем столетии, удилища приняли более изящный вид, и вместо натуральных цельных начали употребляться, главным образом ради удобства перевозки, складные удильники, требовавшие для своей фабрикации столяров и токарей. В настоящее время фабрикация удилищ английского образца, т. е. для ужения с катушкой, в Западной Европе, особенно в Англии, родине рыболовного спорта, достигла высокой степени совершенства. Лучшие удилища делаются из чрезвычайно упругих и вязких сортов деревьев тропического происхождения, а потому очень дороги и стоят нередко несколько десятков рублей.

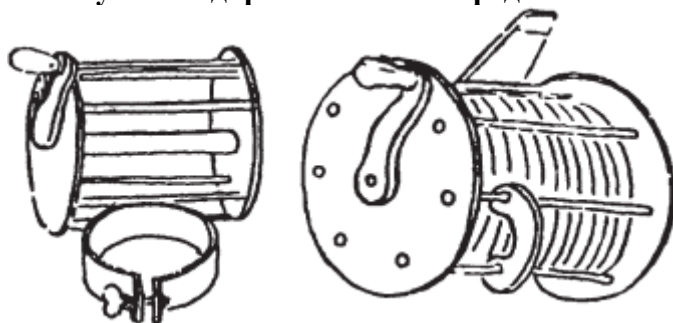

Рис. 70. Катушки

В настоящее время катушка и английское складное удилище с кольцами нередко употребляются западноевропейскими достаточными охотниками и для ловли всякой рыбы, ввиду удобства укорачивания лески по мере надобности и возможности удить очень крупную и осторожную рыбу на очень тонкую и малозаметную леску. Но там, где рыба еще проста, где очень много хлама и коряг, как в большей части русских вод, там катушка, за редкими исключениями, излишня, а зачастую и вовсе не применима. Поэтому катушка приносит у нас пользу и даже необходима в довольно редких случаях, а именно: во-первых, при ловле форелей и лосося на мух, — безусловно, вообще при ловле нахлыстом других рыб, как, например, голавлей и язей, хотя далеко не всегда и везде; при ловле крупных хищников-лососей, форелей, шересперов — на искусственную рыбку на быстрине или со шлюзов; при ужении крупных сазанов, миронов и вырезубов, на чистых плесах, наконец, в тех случаях, когда приходится закидывать или отпускать леску очень далеко. Надо всегда иметь в виду, что удобства катушки не всегда выкупаются ее неудобствами и что хороший рыболов на хорошую и свежую четырехволосную леску должен ловить довольно крупную рыбу без всякой катушки. Английские снасти дороже, требуют деликатного обращения, катушка увеличивает тяжесть удилища, не всегда уравнивая последнее, леска в кольцах провисает, особенно в ветреную погоду, и подсечка нередко бывает очень слабою; наконец, катушка требует обязательно шелковых лес, которые не всегда могут заменить хорошую, более упругую и менее путающуюся леску из конского волоса.

Вернемся к ужению форели нахлыстом. Первое время, без сомнения, ловили нахлыстом только на настоящих, хотя и не всегда живых, насекомых. Но так как их не всегда можно было достать, а главное, насекомые плохо держались на крючке и часто сбивались течением, то на сильной быстрине, где рыбе некогда разглядывать быстро плывущую насадку, стали употреблять подобию насекомых, делаемые из птичьих перьев. Эти искусственные мушки, имеющие очень давнее происхождение, не только в Англии, но даже у нас в Новгородской губернии, теперь употребляются

чаще настоящих, и приготовление их достигло высокой степени совершенства. Выгода искусственной мушки несомненна: она прочнее, может быть дальше закинута, сподручнее, ибо нет возни с ловлей и насаживанием живых насекомых; наконец, она служит для поимки чуть не десятков рыб. Но зато закидывание ее труднее, и рыба берет на нее менее охотно, чем на настоящих насекомых, вернее сказать, чаще успевает выплюнуть ее, так как имеет очень тонкий вкус. Между тем как на настоящих насекомых можно ловить форелей и другую рыбу на тихой воде и не на поверхности, а давая насадке тонуть, на искусственную мушку ловят почти всегда на быстрине и на самой поверхности и подсекают, не ожидая потяжки, а на глаз и без всяких промедлений, так как рыба в то же мгновение выбрасывает насадку. Следовательно, ужение на искусственную мушку есть действительно настоящее ужение поверху.

Так как ужение на искусственную мушку у нас, в России, применяется исключительно для ловли форели и, хотя реже, лосося очень немногими рыбаками и малоизвестно, то считаю уместным дать подробное описание этого способа, тем более что оно может принести большую пользу всем удящим нахлыстом поверху не только на английские, но и на обыкновенные удильные снасти.

Прежде всего необходимо заметить, что ужение на мушку составляет один из любимейших sports англичан и доведен последними до высокой степени совершенства. Это самая трудная и самая утомительная рыболовная охота, так как требует очень верного глаза и постоянного передвижения, иногда по подводным камням. Для успеха ловли действительно необходимо закинуть мушку как можно дальше и притом в определенный пункт. Это своего рода стрельба в цель, и в Англии и Америке уже несколько лет существуют особые состязания удильщиков на искусственную мушку, вроде садок, причем главный приз получает тот спортсмен, который попал в цель диаметром менее полуаршина далее всех, т. е. выкинул наибольшее количество лески. Некоторые артисты семголовы могут закинуть мушку на расстояние недалекого выстрела дробью. На состязании 16 октября 1883 года в Нью-Йорке коротким удищем в 10 футов было выкинуто 85 футов шнура, с лишком 12 сажен. Длинным же закидывают на 50 шагов. Для того чтобы достигнуть такого дальнего закидывания, кроме ловкости и большого навыка, необходимо обладать безукоризненною снастью, прежде всего гибким английским удищем с кольцами и катушкою. Обыкновенным натуральным нахлыстовым удильником, употребляемым у нас для ужения голавлей, язей и других рыб на насекомых, преимущественно кузнечика, вряд ли можно будет закинуть насадку и на вдвое меньшее расстояние, во-первых, по несовершенству снасти, а во-вторых, по той причине, что живая насадка легче сбивается с крючка, чем искусственная. Простое нахлыстовое ужение на насекомых будет описано далее (см. «Язь»), а теперь перейдем к подробному описанию ужения нахлыстом на искусственную мушку при помощи английских складных удищ. Цельные удища (большею частью тростниковые), с кольцами и помещением для катушки, употребляются сравнительно редко, преимущественно рыбаками-промышленниками (во Франции, в Финляндии), и имеют только одно удобство – сравнительную дешевизну.

Английские нахлыстовые удища отличаются от других складных удищ, употребляемых большею частью для ловли с поплавком и грузилом, своею гибкостью и легкостью. Эти качества необходимы – первое для закидывания легкой насадки без груза, второе потому, что беспрестанное перебрасывание лески сильно утомляет рыбака. Хорошее нахлыстовое удище должно гнуться дугой на три четверти своей длины, так, чтобы кончик не доходил до комля примерно на аршин. Следует заметить, однако, что для ловли на искусственных мух оно должно быть немножко жестче, чем для ловли на живых насекомых, а потому для последней ловли надо или выбирать самые гибкие складные удильники, или же привязывать

недалеко от кончика тонкого колена небольшую тяжесть в виде свинцового прутика, который придает снасти требуемую гибкость.

Что касается веса английского нахлыстового удилица, то он находится в прямой зависимости от размеров и материала, из которого оно сделано. Обыкновенно для ужения нахлыстом употребляются 3-коленные удильники от 10 до 14 футов длины. Такими удильниками, если они (без катушки) весят немного более фунта, можно забрасывать леску одной рукой. Разумеется, длинное удилице имеет то огромное преимущество перед коротким, что дает возможность дальше закинуть, притом с меньшим риском, что мушка при этом заденет за траву на берегу. Поэтому сильному человеку лучше ловить на длинные двухсаженные удилица. При большей длине, в 15–20 футов удилица бывают уже двуручными, т. е. приходится их закидывать уже обеими руками. Такие употребляются сравнительно редко или когда необходимость заставляет закидывать далеко от берега, главным же образом для ужения лосося. Эти семговые удилица делаются обыкновенно 4-коленными (большею частью из очень крепкого и тяжелого ост-индского дерева, так называемого гринхарта) и значительно тяжелее (от 11/2 до 21/2 фунта) форелевых. Последние могут весить до 30 золотников, именно те нахлыстовые удилица, колена которых склеены из продольных осколков ост-индского тростника; деревянные же делаются большею частью из американского белого ореха (хикори) с кончиками из лансвуда и весят от 50 до 100 золотников.

В последнее время начали входить в употребление легкие нахлыстовые удилица с утолщенной рукояткой, в которую клеено первое колено, которое иногда бывает тоньше мизинца. Склеенные удилица значительно дороже обыкновенных и требуют еще более внимательного ухода и деликатного обращения. Стоимость их, смотря по работе и размерам, от 30 до 100 р., тогда как деревянное форелевое можно купить вчетверо, а такое же семговое – вдвое дешевле.

Кольца у обыкновенных нахлыстовых удилиц обыкновенно делаются откидными и состоят из штампованного металлического колечка, прикрепленного к удилицу посредством металлической же пластинки. Стоячие кольца, однако, много удобнее, так как леска ходит в них свободнее и ровнее, а потому они предпочтительнее. Барон Черкасов советует не только заменять лежачие кольца стоячими (стальными, лакированными), но даже навязывать два ряда колец, друг против друга, с этой целью, чтобы по очереди пропускать шнур то сквозь один ряд, то сквозь другой и этим уравнивать погиб, полученный волокнами дерева как при закидывании, так и при вываживании рыбы. Но так как всякие кольца имеют и очень важное неудобство – в ветреную погоду леска может на них захлестнуться, то совет этот непрактичен и гораздо целесообразнее при вытаскивании рыбы перевертывать удилице, т. е. если обыкновенно держат удилица кольцами и катушками вниз, то вываживают рыбу катушками и кольцами вверх. Обыкновенные кольца составляют слабую сторону английского удилица и способны привести в отчаяние неопытного рыболова – это не подлежит никакому сомнению. В последнее время, впрочем, круглые кольца стали заменять трубками (на дорогах склеенных удилицах) и изогнутыми наискось дужками.

Для нахлыстового удилица всегда употребляется небольшая медная, легкая катушка диаметром от 2 до 23/4 дюйма для одноручного и от 3 до 4 дюймов – для двуручного – лососевого. Вообще размеры катушки находятся в зависимости от длины шнурка и его толщины. Для ловли лосося, например, требуется иногда толстый шнур до 150 аршин длины. Катушка должна быть или с трещоткой, или, еще лучше, с глухим тормозом. Назначение трещотки или тормоза – скорее утомить рыбу, сматывающую шнурок, а также не дать шпульке перевертеться, т. е. остановить ее вращение тотчас же, как рыба остановилась. В противном случае катушка, развертываясь, начинает наматывать ослабнувший шнурок в обратную

сторону.

Катушка закрепляется, как и всегда, близ комля, между двумя кольцами— глухим и надвижным. У одноручных удилищ она помещается в расстоянии 2–4 дюймов, а у двуручных – в 5–9 дюймов от комля. Вес катушки с намотанным на нее шнурком бывает иногда (у семговых удилищ) весьма значителен, но вообще он должен быть в полном соответствии с весом удилища, так, чтобы катушка служила противовесом и облегчала бы труд закидывания. Центр тяжести удилища должен быть немного выше места прикрепления катушки, именно на 1 фут; у двуручного вдвое дальше, чем у одноручного, т. е. на 2 фута. Если же центр тяжести будет далеко впереди катушки или очень близко от нее, то дальнейшее закидывание становится совершенно невозможным, а потому в обоих случаях центр тяжести необходимо выверить добавлением свинца.

Леска, или, правильнее, шнур, имеет очень важное значение для успеха ловли, так как от нее т ребуется очень многое. Шнур должен соответствовать удилищу, т. е. не быть слишком толстым или чересчур тонким, должен быть упруг, непромокаем, гладок, прочен и довольно тяжел, так как тогда его легче закидывать. Очень толстую леску трудно закинуть легким удилищем, и наоборот. Все поименованные качества лески совмещаются только в плетеном шелковом шнурке, покрытом непромокаемым составом. Волосяные лески, сплетенные без узлов, имеют большую упругость и растяжимость, чем шелковые, но для ловли нахлыстом с катушкой почти никогда не употребляются, так как их очень трудно наворачивать на катушку, и, кроме того, волосяная леска, давно накрученная на катушку, при забрасывании ложится кольцами. Сколько известно, волосяные лески употребляются только чухонцами в Финляндии, ловящими семгу и форель на цельные березовые или тростниковые (желтого японского тростника) удилища с кольцами и с деревянною самодельною катушкою. Не так жестки шнурки, сплетенные (редко скрученные) из волоса и шелка (иногда бум аги), но так как кончики волоса выбиваются наружу и цепляются за кольца удилища, а шелк в воде садится, т. е. волокна его укорачиваются, тогда как волос в воде не сокращается, то преимущества упругости не выкупаются его меньшей гладкостью и прочностью.

Самыми лучшими лесками для ужения нахлыстом считаются английские или, вернее, американские эмалированные шнуры, сплетенные из лучшего шелка и отличающиеся своею упругостью, гладкостью и прочностью. В последнее время англичане и американцы начали употреблять для ловли на искусственную мушку шнуры «Акме», изобретенные Фостером, которые отличаются от обыкновенных эмалированных только тем, что в них вплетена тончайшая проволочка красной меди, и гораздо большею стоимостью. Мне кажется, что медная проволочка может быть с успехом заменена волосом или жилкой. Такие шнурки, именно с вплетенным конским волосом как бы в виде стержня, недавно стали приготовляться в Москве одним рыболовом-охотником, Дудиным, выписавшим из Парижа машинку для плетения; едва ли эти лески уступают в упругости шнурам «Акме», хотя и стоят много дешевле. Последние, впрочем, кажется, у нас в продаже и не появлялись.

Шнур для ужения нахлыстом делается или ровным, т. е. одинаковой толщины, или же спущенным, т. е. к концу он постепенно утончается, так что шнур на одном конце в несколько раз тоньше, чем на другом. Преимущество такого шнура кнутиком очевидно, так как им легче закидывать мушку. Говоря об ужении нахлыстом на волосяные лески и цельные удилища без катушки (см. «Язь» и «Лещ»), мы еще вернемся к рассмотрению удобств постепенно утончающейся лески. К сожалению, стоимость шелковых спущенных шнурков намного выше стоимости обыкновенных, да, кроме того, их придется выписывать из Англии, так как они в продаже у нас не имеются. Главное же неудобство спущенных шнуров – это их недолговечность; так как кончик скоро изнашивается, обрывается или подрезается, то в конце концов из

спущенного шнура получается ровный. Поэт ому практичнее заменять дорогой, утончающийся к концу шнур обыкновенною шелковою лескою, к которой привязано 3–5 аршин лески, связанной из жилок или сросленной из шнурков разной толщины. Такой подлесок, облегчая закидывание (узлы его нисколько не мешают, так как подлесок не приходится наматывать на катушку), стоит недорого и легко может быть заменен другим. Из экономии же можно брать столько шелкового шнура, сколько его требуется для самого дальнего закидывания, и шнур этот (от 30 до 50 ярдов) привязывать к более дешевому пеньковому и льняному шнуру, тоже лучше плетенному, длиною в 50–100 ярдов (ярд – аршин с четвертью).

Поводок для ужения на искусственную муху должен отличаться своею прочностью и тонкостью, а потому должен быть сделан из самой лучшей и ровной жилки. Обыкновенные искусственные мушки продаются с навязанными поводками, но гораздо практичнее мушки, сделанные на крючках с колечком, так как тогда ничего не стоит заменить износившийся или надломившийся по водок другим, свежим или требуемой толщины. Так как большею частью приходится удить в прозрачной и синеватой воде, то поводок должен быть непременно синеватого цвета; обыкновенная же белая жилка очень заметна, и осторожная рыба пугается ее и не хватается мушки, так что рыболов, удящий с тонким и малозаметным на воде поводком, всегда поймает гораздо больше рыболова, ловящего с толстым и белым поводком. Такие синеватые поводки у нас достать нетрудно, хотя они большею частью продаются с навязанными на них крючками; но было бы заблуждением полагать, что такие жилки пригодны для всякой воды и всякой рыбы. Там, где вода мало прозрачна и желтовата, т. е. в большей части наших рек, не говоря о таких, как Ока, Волга, Дон, поводок должен быть не синеватым, а желтоватым; окраска эта достигается крепчайшим чайным настоем.

Искусственные мушки, как известно, составляют одно целое с крючком, к которому привязываются. За границей, особенно в Англии, фабрикация их достигла высокого совершенства и необыкновенного разнообразия. Об искусственных мушках и их приготовлении домашним способом из перьев, шелка и канители написаны целые трактаты – это целая рыболовная энтомология, весьма своеобразная, так как большинство мушек довольно фантастичны и в редких случаях напоминают какую-нибудь муху, бабочку или перепончатокрылое насекомое. В Англии, где форель весьма осторожна, при выборе мушки для ужения соображаются не только со временем года, но и временем дня и состоянием погоды; в Шотландии же и на материке Европы рыболовы менее педантичны и ограничиваются ловлею на несколько мух, похожих на наичаще встречающихся в данной местности насекомых. Этим правилом следует руководствоваться и русским рыболовам, не имеющим к тому же большого выбора мушек. Наши рыбы берут, впрочем, недурно на грубые подобию искусственных мушек, приготовляемых местами в Финляндии и в Новгородской губернии.

Главные отличия искусственных мушек заключаются в их величине и форме. Самые большие мушки, размеров обыкновенной бабочки, употребляются большею частью для ловли семги или очень крупных форелей; средние – для форелей, мелкие – для форелей и хариусов. Большая часть искусственных мух имеет крылья, но делают и мохнатые, бескрылые мухи, напоминающие ежа, почему и называются ежами или пауками. Последние считаются менее прочными, но вообще надо заметить, что редко и на крылатую мушку удается выудить более 12 рыб.

Вообще надо принять за правило, что в верховьях рек, где течение быстрее и рыба голоднее и не так напугана, можно удить форель на всяких мушек; чем ниже спускаешься по течению и чем оно становится тише, тем более искусственные мушки должны походить на натуральных насекомых. Затем, что касается цвета и величины мушки, то в мутную воду и пасмурную, ветреную погоду, а также после

заката следует употреблять крупных мух, и наоборот. В ясную погоду и в прозрачной воде ловят большею частью на темных мушек, а в пасмурные дни и в мутной воде – на мушек светлых или ярких цветов.

Величина крючка находится, конечно, в зависимости от размеров мушки: для самых крупных мушек употребляются крючки № 1 и крупнее; для самых мелких – № 10. Лучшие мушки теперь, как сказано, делаются на крючках с колечками; колечки эти для удобства отогнуты под углом в 45°. Крючки у мушек всегда бывают прямые, без загиба, только со слегка повернутым в сторону жалом, самого высокого достоинства и самые острые. Обыкновенно стержень крючка занят мушкой, а изгиб и жало остаются свободными и изображают как бы хвост насекомого, но в Америке приготовляются искусственные мушки, у которых нижняя часть крючка с жалом скрыта в крыльях. Иногда для искусственных мушек употребляются бронзированные крючки или посеребренные, а в последнее время, кажется, начали входить в употребление легкие крючки из алюминия (?).

Рис. 71. Форелевые мушки

Прежде чем удить нахлыстом (нахлѣстом, как говорят в Москве), необходимо выучиться закидывать. Техника этого ужения самая сложная и трудная, и для того чтобы совершенно правильно, т. е. прямо, выкинуть леску и тихо положить искусственную мушку или живое насекомое на воду, требуется большая ловкость и, главное, большая практика. На эту науку надо употребить немало часов, причем нет надобности проделывать все манипуляции непременно на воде, а гораздо удобнее обучаться закидыванию во дворе, на лугу, в большом сарае или большой зале. Всего легче и скорее можно выучиться закидывать от опытного рыболова, но так как удильщиков нахлыстом у нас очень мало, то приходится учиться по описанию, которое никогда не может заменить примера и живого слова. Во всяком случае, присутствие другого рыболова, хотя бы малоопытного, весьма полезно, так как он может следить за движениями удилица и шнура и делать замечания и поправки.

Главное, что требуется от хорошего закидыванья, – это чтобы шнур выкидывался совершенно прямо, чтобы насадка, живая или искусственная, падала плавно и без шума и чтобы движения удилица не были слишком резкими, так как в противном случае легко можно отщелкнуть искусственную мушку, т. е. переломить поводок у крючка, или сбить кузнечика или другую натуральную насадку. Что же касается расстояния, на которое закидывают, то на практике редко когда встречается надобность выбрасывать шнур длиннее 20 аршин, т. е. вдвое длиннее удилица. Обыкновенно же мушку приходится закидывать не далее 15 шагов от себя, что может быть достигнуто и простым (цельным) нахлыстовым удилицем с волосяною лескою, особенно если она спущена, т. е. имеет вид длинного пастушьего кнута.

Для того чтобы легче и скорее выучиться закидывать леску без поплавок и груза, необходимо начать это закидывание с небольших расстояний, постепенно их увеличивая, причем должна быть какая-нибудь цель, в которую следует попадать. Такой мишенью может служить или лист бумаги, или фуражка. Затем, при обучении, лучше употреблять более тяжелый и грубый шнур (иногда даже пеньковый),

так как его легче закидывать, и, наконец, закидывают сначала только леску без поводка и мушки, так как крючок может задевать за платье или за траву и ближайшие предметы. Полезно, однако, привязывать к кончику шнура небольшую тряпочку. Само собою разумеется, что обучение на воздухе должно совершаться в тихую погоду.

В общем, закидывание лески, или, вернее, хлестание, имеет большую аналогию с хлестанием пастушьего кнута или длинного кнута, употребляемого при езде гусем по зимним проселкам. Как тут, так и там те же самые движения, только с кнутом более резкие. Отличие заключается в том, что кнут имеет короткую негибкую рукоятку, а удилище гораздо длиннее и очень гибко, но эта гибкость облегчает закидывание и заменяет утолщенную часть кнута.

Закидывание лески одноручным удилищем должно совершаться следующим образом. Прежде всего собирают удилище, т. е. вкладывают колена одно в другое, так, чтобы кольца находились бы на одной линии, закрепляют катушку в гнезде и, смотав потребное количество шнура, сначала не более 6 аршин, пропускают его через кольца и привязывают лоскуточек. Затем становятся сажень в трех от цели, почти прямо против нее, берут удилище правою рукою над катушкою, повернутою книзу, так, чтобы большой палец лежал сверху на удилище и чтобы остальные пальцы легко обхватывали рукоятку удилища без всякого напряжения. Удилище держат почти вертикально, слегка наклоненным вперед, причем кисть руки находится на уровне лица, на расстоянии 6 дюймов от него, а локоть опущен свободно и не приподнят. Затем большим и указательным пальцами левой руки берут лоскуточек, заменяющий мушку, и оттягивают его подалее от туловища, так, чтобы леска висела совершенно свободно, не прилегая к платью.

Второй и главнейший прием заключается в том, что рыболов делает удилищем взмах назад и немного вверх и вбок (влево); движение удилища назад не должно переходить границ, обозначенных на рисунке (рис. 72). Этот взмах не должен быть сильным и резким, а напротив, очень плавным. Вообще для хорошей закидки требуется очень мало силы, и чем меньше ее тратится, тем правильнее ложится кончик лески. Выше локтя рука должна быть совершенно неподвижной, а работать должны только кисть и мускулы предплечий.

При этом движении удилища леска, одновременно выпущенная из пальцев левой руки, летит назад. Когда шнур вытянется назад во всю свою длину, что при небольшом навыке ощущается осязанием, то рыболов сравнительно резким движением кисти и мускулов предплечья посылает шнур к мишени. Последнее движение напоминает до известной степени щелкание бича, но только гораздо более плавное.

Рис. 72. Положение удилища при взмахе назад

Ввиду того, что мушка должна падать на воду очень тихо, необходимо целить не в самую мишень, а от 1 1/2 до 2 аршин выше ее. Кроме того, чтобы еще более ослабить падение мушки и достигнуть того, чтобы в цель (или на воду) падал только кончик шнура, в тот момент, когда последний будет над мишенью, надо вдруг подать конец удилища на 1–2 фута кверху или же резко остановить его движение. Неопытный рыболов первое время всегда будет задевать кончиком за землю или воду, между тем как конец шнурка еще находится в воздухе. Поэтому, во избежание риска сломать удилище, необходимо помнить, что при движении удилища вперед последнее должно составлять с туловищем угол не более 45° (рис. 73).

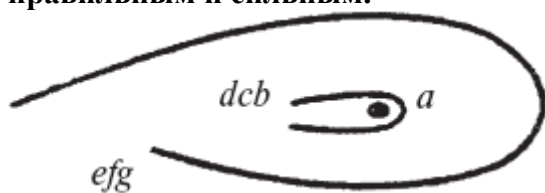

Рис. 73. Предельное положение удилища при взмахе вперед

Главные условия успеха: работать только кистью и предплечьем, не делая усилий; при взмахе удилища назад усиливать это движение равномерно, т. е. сначала плавно и несколько ускорять его до поворота; не посылать шнур вперед, прежде чем он не вытянется позади во всю свою длину; взмахивание удилища вперед и выбрасывание лески совершать с возможною быстротою, умеряя это движение перед его окончанием.

Путь, проходимый концом удилища и концом лески, в простейшем своем виде может быть изображен графически в виде двух вытянутых подков. На рисунке (рис. 74) буква *a* обозначает шляпу рыбака, видимую сверху, *dcb* – кривую, по которой проходит конец верхушки, и *efg* – кривую, проходимую концом шнура (или насадкою), причем *e* изображает точку, в которой находится конец шнура, когда

начался взмах назад. В этом случае закидывание совершается с левого плеча, но чаще закидывают с правого. Можно делать размах удилища не вокруг головы, как на чертеже, а сбоку (с правой стороны), но такое закидывание не может быть таким правильным и сильным.

концом лески

Рис. 74. Путь, проходимый концом удилища и

Так как вначале, от непривычки и чрезмерного напряжения, рука очень скоро утомляется, то упражнение в закидывании не должно продолжаться более 5 минут подряд. Прибавлять длины следует, только когда в забрасывании более короткого шнура достигнута безукоризненная чистота, т. е. насадка (кусочек тряпочки) падает плавно, прежде шнурка, а самый шнур ложится на землю (или на воду) прямо, стрункой. Весьма полезно, именно когда устанет правая рука, учиться закидывать левой, хотя бы и на меньшее расстояние.

Точно так же закидывается и двуручное, семговое удилище, о котором уже говорилось выше (см. «Лосось»). Разница только в том, что при закидывании с правого плеча правая рука обхватывает удилище выше катушки, а левая под катушкой; при закидывании же слева положение рук обратное. Само собою разумеется, что двуручное удилище требует больше навыка, силы и ловкости, чем легкое одноручное, а потому учатся закидывать двумя руками, только когда уже выучились закидывать одной рукой.

Что касается перезакидывания, то оно значительно облегчается тем, что при этом имеют дело не с висющим, а вытянутым шнуром. Манипуляции, в сущности, остаются прежними, только перед взмахом назад кончик удилища немного приподнимают. Затем шнур равномерно ускоренным движением отбрасывается назад, и в то самое мгновение, когда леска вся вытянется назад, рыболов сильным движением кисти и мускулов предплечья посылает кончик шнура в воображаемое место выше мишени. Это движение, как сказано, очень напоминает хлопанье английского бича, но только менее резко.

Постепенно увеличивая длину выбрасываемого шнура, будущий рыболов нахлыстом на искусственных и живых насекомых может добиться того, что будет закидывать совершенно чисто и правильно, т. е. прямо, леску вдвое длиннее удилища, следовательно, от 9 до 12 аршин шнура при одноручном и до 18 аршин при двуручном. Если прибавить к этой длине по крайней мере пол овину длины удилища, то выйдет весьма приличное расстояние, которое оказывается вполне достаточным на практике. Можно, конечно, выучиться забрасывать шнур втрое длиннее удилища, но при этой длине трудно добиться чистоты и, главное, меткости — качества совершенно необходимого для ужения поверху всех рыб, а тем более для ужения форели.

Основательно выучившись забрасывать леску на сухом пути, можно уже практиковаться в закидывании искусственной мушки и на воде, а затем уже ловить. Учиться ужению нахлыстом на рыбе, как это делает большинство, неблагоприятно, так как неопытный рыболов только пугает рыбу, и неудачи могут отбить у него всякую охоту к этому высокому спорту.

Параллельно с обучением закидыванию лески в тихую погоду или в закрытом помещении еще лучше, уже вполне усвоив себе, что такое закидывание нахлыстом, можно учиться забрасывать шнур в ветреную погоду. Это необходимо по той причине, что всякая рыба, в особенности форель, всего охотнее и смелее хватает

мушек с поверхности воды во время ветра, когда на воду падает много настоящих мушек и рябь мешает ей видеть рыболова. Очень сильный ветер составляет, однако, почти непреодолимую помеху, так как при неосторожности очень легко сломать удилище, особенно когда он дует прямо в лицо, т. е. противный; но при некоторой сноровке очень часто можно даже пользоваться ветром в качестве пособника при закидывании, хотя о меткости нечего и думать. При боковом ветре, если он не очень силен, забрасывают точно так же, как и в тихую погоду, но метятся, конечно, правее или левее цели, т. е. того пункта, куда должна упасть мушка. Понятно, что ветер, дующий вдоль реки, по течению, мешает закидыванию, а потому, если можно, лучше перейти на другую сторону. Замечу здесь кстати, что вообще ловля на левом берегу текущих вод гораздо удобнее, чем на правом, потому что на левом берегу подсекают вправо, а на правом необходимо подсечку делать, поворачивая кисть (правой руки) влево и приближая ее к лицу, т. е. совершать более трудное и непривычное движение.

Что касается ветра, дующего в спину или, наоборот, в лицо, то оба они делают большие затруднения рыболову, так как первый мешает вытянуть леску назад, а второй – выбросить ее вперед. В обоих случаях необходимость заставляет укорачивать леску и забрасывать мушку на более короткие расстояния. Противный ветер всегда, однако, будет противным и неудобнее попутного, так как при последнем достаточно бывает выпустить из рук кончик шнура, легким движением махнуть удилищем вперед и немного кверху – и мушка летит вперед и совершенно плавно ложится на воду. Поэтому обычный способ закидывания, т. е. взмах назад и вперед, применяется при ветре, дующем в спину, только тогда, когда он довольно слаб. Точно так же и при перезакидывании не следует выхватывать леску с воды и относить ее назад, а благоразумнее приподнять удилище, так, чтобы насадка взлетела на воздух, и опустить ее, где требуется; иногда, впрочем, леску приходится перехватывать, брать кончик ее (т. е. мушку) пальцами левой руки и повторять закидывание сызнова. Наоборот, ветер, дующий в лицо, облегчая откидывание лески назад, так как он относит мушку, сильно затрудняет выбрасывание лески вперед и требует более сильного взмаха, что очень опасно. Если ветер очень силен, то неопытному рыболову благоразумнее или не ловить вовсе, или перейти на другую сторону, так, чтобы ветер сделался попутным. Общие правила забрасывания против ветра следующие: выпустив мушку (или заменяющую ее тряпочку) из пальцев руки, дают ветру отнести ее назад, делая легкий взмах удилищем; затем, когда шнур совершенно вытянется, посылают мушку вперед, совершенно так же, как бы желая стегнуть длинным английским бичом в лицо неподалеку стоящего человека. При перезакидывании достаточно легкого взмаха удилища, чтобы мушка полетела назад и шнур вытянулся бы в прямую линию позади охотника.

На практике нередко приходится иметь дело с другими помехами кроме ветра. Так, например, очень часто, в очень удобных для рыбы местах, сзади рыболова находятся кусты, деревья или крутой берег, которые не допускают откидывания лески и взмаха удилища назад. В таких случаях закидывают мушку также наподобие хлопанья бичом, при каждом перебрасывании осторожно подтаскивая к себе леску и перехватывая мушку левою рукою. Само собою разумеется, что при таких условиях, так же как и при противном ветре, нечего и думать о том, чтобы разбросить шнур вдвое длиннее удилища. Иногда также встречается необходимость ловить под нависшими над водой ветвями. Такие места очень любит всякая рыба, особенно форель, хариус и голавль, но обычный способ ловли нахлыстом здесь уже совершенно не применим. Надо укоротить леску в полдлины удилища, стать на колени и, держа удилище горизонтально, ладонью вниз, боковым движением кисти послать мушку на воду.

Форель хорошо берет на искусственную мушку по верху воды только в

определенное время года, именно летом, когда главную ее пищу составляют насекомые, падающие на воду с прибрежных деревьев, кустов и трав, и рыба держится поэтому в верхних слоях воды – плавится. Впрочем, форель не везде берет на мушку, и там, где много другой пищи – червей, моллюсков и мелкой рыбы, а насекомых мало, например на озерах, на многоводных реках с голыми берегами, – ее скорее можно поймать на червя или на рыбку, чем на мушку. Можно даже принять за правило, что форель успешно ловится на искусственную мушку только в ручьях и речках, берега которых поросли древесной растительностью, дающей приют многочисленным крылатым насекомым всевозможных родов и видов. К тому же и ловить здесь гораздо легче, так как на больших реках и на озерах необходимо закидывать мушку очень далеко от берега.

Продолжительность сезона ловли на искусственную мушку бывает различна: там, где ловят только на мушку, например на многих речках Великобритании, форель берет на нее с ранней весны до осени, почти до начала нереста. Лучшие месяцы для ловли – май и июнь, но изобилие падающих в воду насекомых вредно отзывается на ужение форели, так как она тогда сыта, а потому во время валового вылета поденок (метлы) и других насекомых, личинки которых живут в воде или в берегах, можно поймать лишь очень мало форелей, а то и ни одной. В Петербургской губернии и в Финляндии (на Иматре) лучшее время для ловли на искусственную мушку – июль, а на Воксе чухонцы уже прекращают это ужение и ловят форель на червя или на искусственную рыбку. Заметим здесь кстати, что в мае, незадолго до начала ужения на искусственную мушку, на Воксе ловят весьма удачно форель на голый луженый крючок, расплюснутый и имеющий вид небольшой блесны. Такие блесенки употребляются на уральских речках преимущественно для ловли хариуса, причем крючки постоянно перезакладываются. Рыба, вероятно, принимает их за водяных насекомых. В Петербургской губернии форели берут на мушку до первых чисел августа, хотя уже довольно плохо, а в конце месяца, когда они начнут собираться в боях и порогах для метания икры (в сентябре), перестают брать и на червя и на рыбку.

Что касается времени дня, наиболее удобного для ловли, то об этом еще труднее сказать что-либо определенное, так как тут играют роль климат, характер местности, привычки рыбы и, наконец, погода. Местами форель хорошо берет и среди дня, в полдень, но все-таки главный клев ее чаще бывает под вечер или ранним утром. В некоторых случаях ловля прекращается с восходом; на материке Западной Европы (кроме Скандинавии), где летние ночи темнее, чем у нас, например в Петербургской, Новгородской губерниях и в Финляндии, форель лучше всего ловится до заката и на восходе; у нас же, напротив, – после заката и до восхода и, кроме того, хорошо берет и ночью. Вообще можно сказать, что на быстрине и на мелкой воде можно ловить на искусственную мушку во всякое время дня, если настолько светло, что форель может увидеть насадку. На глубине же, в бочагах, омутах, под мельницами и под мостами, форель можно успешно ловить на мушку, только когда она кормится и плавает ближе к поверхности, выскакивая по временам из воды. В большинстве случаев это бывает вечером или утром.

Состояние погоды имеет для этого рода ловли едва ли не большее значение, чем для других способов ужения форели. В тихую и ясную погоду форель обыкновенно берет плохо, главным образом потому, что лучше видит рыболова и леску, и потому, что падающая на воду мушка внушает ей подозрение. Поэтому ловля в такое время может производиться с успехом только на некоторых речках, притом так, чтобы тень рыболова не падала на воду, и вдобавок специалистами по забрасыванию. По весьма понятным причинам форель всего лучше ловится в ветреную погоду, когда по воде идет мелкая рябь и с прибрежных деревьев падают живые насекомые. Впрочем, на быстрине, на перекатах, опять-таки можно ловить при всякой погоде и ветер почти необходим только при ловле в тихой и глубокой воде. Замечено, что

форель очень жадно начинает брать при начале бури или грозы, когда в воду падает множество насекомых. Этим кратковременным моментом надо всегда пользоваться, так как в начале грозы нетрудно поймать несколько штук подряд одна за другою, хотя бы перед этим вовсе не было клева. Направление ветра не имеет никакого влияния на интенсивность клева, т. е. безразлично, будет ли ветер северным, южным; важно только, чтобы он не был холодным, а потому градовые тучи и при южном ветре прекращают клев; к тому же град заставляет всех рыб укрываться в глубине.

Переходим к описанию самого процесса ловли на искусственную мушку. Сколько известно, везде, кроме, быть может, Финляндии, ловят нахлыстом форель всегда с берега, реже взабродку; с лодки же и в Финляндии (на Воксе, например, близ Иматрского водопада) удят форель и семгу, большею частью или исключительно, на рыбку. Лодка действительно очень редко бывает применима и полезна на узких, мелководных и быстрых речках – главном местопребывании форели, но все же вероятно, что в некоторых более глубоких водах форель можно ловить на искусственных мушек или живых насекомых – плавом, т. е. спускаясь вниз по течению и забрасывая насадку далеко впереди лодки, так, чтобы мушка некоторое время плыла по течению. Описание этого оригинального и очень трудного способа ловли нахлыстом будет помещено далее (см. «Голавль»).

Рыболову нахлыстом, однако, сплошь да рядом по необходимости приходится лезть в воду и ловить взабродку. Ловля взабродку имеет очень многие преимущества перед ловлей с берега: леска откидывается назад, ни за что не задевая; рыба менее боится человека, стоящего в воде, чем стоящего на берегу; наконец, район действия рыболова значительно расширяется и ужение более добычливо. Разумеется, взабродку можно ловить с удобством, только когда вода не глубже аршина; ужение по пояс в воде почти невозможно. Летом еще можно некоторое время ловить разувшись или в обыкновенном нижнем одеянии и худых сапогах или штиблетах, но так как форель живет в холодной воде, то это время не может быть продолжительным. Настоящий рыболов взабродку, если имеет возможность, должен удить или в очень высоких болотных сапогах, или же надевать особые рыболовные чулки или чулки-штаны из материи, пропитанной гуттаперчей, весьма распространенные между английскими рыболовами. Это гуттаперчевое одеяние надевается ими на шерстяные чулки и брюки, а обувь служат особые, чрезвычайно тяжелые штиблеты, вроде альпийских, на толстейшей подошве с огромными гвоздями. На скользких камнях и на быстрине в обыкновенных сапогах, впрочем, трудно удержаться. Настоящий английский спортсмен-рыболов на искусственную мушку имеет также особое верхнее платье и шапку, как бы форму. Необходимые принадлежности составляют: портфель-бумажник с различными мушками, складной сачок на довольно длинной рукоятке, которая пристегнута с левого бока, и, наконец, плетеная корзинка на ремне – через плечо, в которую кладется пойманная и сейчас же прикалываемая форель.

Прежде чем приступить к описанию различных подробностей ужения на искусственную мушку, необходимо сказать, что до сих пор существуют два метода ужения. Рыболовы старой школы ловят форель на несколько мушек – редко на две, чаще на три и более, причем конечная и самая крупная называется «грузовую мухою», а последняя – «попрыгунчиком», так как предполагается, что первая должна тонуть, а крайняя, поддерживаемая в постоянном движении, прыгать. Эти побочные мушки привязываются на коротких (в 2–3 дюйма) поводках к жилковому подлеску, иногда на аршинном расстоянии одна от другой. Прежние спортсмены думали, что чем больше и разнообразнее будет выбор мушек, тем больше шансов, что рыба возьмет на какую-либо из них. Но, не говоря о том, что невозможно уследить даже за двумя мушками и вовремя подсесть, закидывание нескольких

мушек производит больше шума, мушки чаще задевают, и воображаемые удобства ловли на несколько мушек не выкупают ее неудобств. Поэтому последний метод употребляется теперь немногими рыболовами, и большинство спортсменов ловит на одну мушку, не давая ей погружаться в воду. Эта унитарная система ловли гораздо рациональнее и удобнее, так как форель сравнительно редко берет мушек под водой, а сплошь и рядом хватает их на лету, выпрыгивая из воды, чего карповые рыбы почти никогда не делают. Для того чтобы мушки дольше не намокали и не тонули, их необходимо было делать более легкими и из ненамокающего материала и, кроме того, просушивать перед каждым забросом. Это просушивание совершается несколькими плавными взмахами удилица взад и вперед, напоминающими очень легкие удары бича.

Правила закидывания уже были описаны, а потому не стану повторяться. Скажу только, что, прежде чем закидывать, необходимо высмотреть место, где выпрыгивает или плавится форель. Это сохранит очень много времени. До начала ловли необходимо тщательно выпрямить поводок, к которому привязана мушка, а также и жилковый подлесок, если он имеется. Это выглаживание совершается при помощи резины, которую с этой целью спортсмены носят в петличке. Затем, не надо забывать, что форель не ищет добычи, подобно карповым, а стоит на одном месте, ведет вполне оседлую жизнь, избирая свою постоянную резиденцию за каким-нибудь камнем, где струя разбивается на две, и ждет, покуда мушка не приплывет к ней на самое близкое расстояние, чуть не в рот. По правилам надо стараться закинуть на аршин выше того места, где была замечена форель, так как она всегда стоит головою против течения. Мушку, плывущую очень далеко в стороне, форель не возьмет, так как, держась близ поверхности воды (иногда на 2 дюйма), вряд ли видит дальше сажени, на быстрине к тому же всегда бывает рябь или даже волна. Закидывать потому необходимо в струю, которая несет все попавшее в реку, и прежде всего надо это проверить бросанием соломинок и прутиков. Где струи нет, т. е. в стоячей воде, ловить на искусственную мушку совершенно не стоит.

Большинство рыболовов закидывает мушку вверх по течению, становясь вполоборота, против течения, причем, повторяю, удобнее закидывать на левом берегу. Затем, дав мушке проплыть несколько аршин, ее снова переакидывают. Другие, напротив, закидывают почти прямо против себя, дают ей плыть вниз по течению, пока ее не прибьет к берегу или не станет забивать течением – при ловле в забродку. Но последний способ менее правилен, так как мушка, плывущая по течению, съеживается, а закинутая вверх, напротив, растопыривается. А потому следует прибегать к этому способу в очень редких случаях, например когда быстрота течения или ветер препятствует закидыванию вверх. Некоторые удильщики тянут плывущую муху против течения и при этом ее подергивают, но это движение неестественно и нецелесообразно. Лучше в таком случае дать мухе затонуть вполводы и тогда уже подергивать ее толчками. Рыба принимает мушку за водяное насекомое или личинку, и попадаются крупные форели. Иногда, впрочем, на очень большой быстрине, равномерно спуская (левой рукой) шнурок с катушки, отпускают мушку на 30–40 шагов, вроде как при ловле ноттингемским способом (см. «Мирон-усач»). Но и при закидывании вниз по течению чем чаще перебрасывают мушку, тем лучше. Впрочем, уже десятка-другого забросов бывает достаточно для того, чтобы убедиться в том, что тут форели нет или она не берет и что следует переходить на другое место, причем лучше спускаться вниз по реке, чем подниматься. Нечего ждать, что форель рано или поздно подойдет: это не голавль, а тем более язь, которые, сравнительно с форелью, могут назваться бродягами.

Ужение на мушку может быть с некоторою натяжкой разделено на ловлю в тихой воде и на ловлю в быстротекущей, на перекатах. Последняя легче, потому что не требует ни такой осторожности, ни такого чистого забрасывания, как первая, ибо

плохо выброшенная леска скоро натягивается течением; кроме того, мушка дольше поддерживается на поверхности течением, чем в тихой воде. В обоих случаях правила ловли почти одинаковые, но на быстрине часто приходится ловить взбродку, по колено или выше в воде. Если течения нет, то можно ловить здесь только в ветер. На быстрине всегда надо стараться забросить туда, где лежит большой камень и струя как бы раздваивается, образуя позади препятствия небольшой водоворот. Это любимое местопребывание форели. Точно так же на шлюзах надо закидывать между двумя течениями.

При ужении в бочагах сначала обуживают свой берег, потом стараются закинуть к противоположному, а так как крупная форель держится на глубокой воде, то стараются стоять у мелкого берега. В маленьких речках всего лучше закидывать мушку на противоположный берег и затем осторожно стащить ее в воду. В большинстве случаев, при ловле на бочагах, мушку бросают вверх, став вполоборота, даже в 3/4 оборота, дают ей потихоньку проплыть 1–2 аршина, стараясь, чтобы часть шнура, находящаяся на воде, отнюдь не шевелилась. Лучше, если мушка все время будет на поверхности, но большой беды в том, что она затонет, нет, так как форель иногда недурно берет мушку, затонувшую на несколько дюймов. При этом постепенно приподымают кончик удилица, чтобы леска была натянута и касалась воды только концом. Несоблюдение этого правила затрудняет подсечку, да и форель пугается лежащей на воде лески. Когда мушка проплывет 2 аршина, ее опять переакидывают; если же волнение покажет присутствие рыбы, то закидывают 6–7 раз подряд в одно и то же место (на аршин выше предполагаемой стоянки), перебрасывая леску немедленно после того, как мушка коснулась воды, так как форель всего охотнее хватается насекомое в момент его падения.

При ужении в тихо текущей воде, не волнуемой ветром, как только мушка упала на воду и движение лески остановилось, необходимо сейчас же потихоньку подтаскивать ее к себе, чтобы мушка не переставала двигаться, иначе рыба замечает обман. Впрочем, иногда, когда мушка намокнет, необходимо бывает подергивать ее и на быстром течении. Подергивание мушки делается с той целью, чтобы мушка более походила на живую. Оно совершается различно, смотря по тому, как выскакивает рыба и как в данное время прыгают на воде живые насекомые. Иногда надо дергать равномерно и плавно, а иногда заставлять ее прыгать на поверхности, подобно мошкаре, комарам-толкунчикам и др. Некоторые рыболовы могут даже заставить мушку как бы летать в нескольких дюймах от воды.

В некоторых случаях полезно бывает, бросив мушку, оставить ее без движения секунд 30, давая ей постепенно погрузиться в воду; затем подтягивают ее к себе очень короткими подергиваниями, с необходимыми промежутками. Этот способ ужения на тонущую мушку имеет много общего с ужением на кузнечика в тихой воде москворецкими рыболовами нахлыстом.

На глубокой воде, под нависшими ветвями, обыкновенно стоят крупные форели и голавли, на глубине 1–2 дюймов от поверхности и хватают падающих и приплывающих насекомых. Поэтому, заметив предварительно, каким местом плывут туда предметы, т. е. определив направление струи, стараются забросить муху именно в эту струю и дают мушке доплыть до места стоянки рыбы. Можно также, о чем было уже сказано, забрасывать мушку на короткой леске непосредственно под ветви, став для этого на колени.

Форель берет мушку на воде бесшумно, высывая морду, при повертывании часто показывая хвост и спинной плавник. При этом она не булькает и не пускает пузыря, подобно голавлю. Поклевка на течении передается непосредственно руке и на быстрине ощущается очень резкий толчок. В тиховодье поклевка почти незаметна, а потому надо подсекать в самый момент исчезновения мушки. Медлить нельзя ни на одно мгновение, так как искусственная мушка не насекомое и форель

сейчас же выбрасывае т ее изо рта как предмет несъедобный. Поэтому для уженья на искусственную мушку требуется большее проворство и зоркость, чем при какой-либо другой ловле. Подсекать в то время, когда видишь волну, уже поздно, так как волну эту делает рыба при повороте, уже выплюнув мушку. Странно, что в Петербургской губернии, да и почти везде в Западной Европе, клев форели считается более верным и решительным, чем клев хариуса, тогда как в Уфимской и Пермской губерниях – наоборот: форель как на червя, так и на насекомое (живое) берет очень слабо и неверно.

Уже из того, что подсечка должна следовать немедленно за поклевкой, можно видеть, что крючок искусственной мушки в редких случаях может зацепить за глотку, а почти всегда бывает в губе форели. Поэтому ловить такую сильную рыбу, не рискуя оборвать ей губы, можно только на удильник с катушкой, а простое нахлыстовое удилище, хотя бы и с крепчайшей леской, годится только для уженья форели на живых насекомых, которые часто даже заглатываются рыбой. Не знакомому с ловлею форели даже трудно себе представить, сколько хлопот и возни доставляет небольшая форель менее фунта весом, особенно на сильном течении. После подсечки она стремглав бросается в бой, выскакивая аршина на два кверху, и, уносимая течением, плещется на поверхности, делая невозможные сальто-мортале. Стараясь освободиться от крючка, форель бьет хвостом по леске, и если не подавать ей шнура, то она легко может перешибить его или поводок. Обыкновенно, спуская катушку, вместе с тем идут берегом или по воде; для крупной форели это даже необходимо. Диагональное движение к противоположному берегу показывает, что взяла крупная форель.

Само собою разумеется, что чем быстрее течение, тем труднее вываживание рыбы. Но и совершенно утомившаяся рыба, особенно крупная, часто прячется за камень, уткнув под него нос, вероятно от боли, причиняемой крючком. Случается, что пойманная форель по получасу и более упорно стоит за камнем, несмотря на энергичные подергивания лески. Но рано или поздно она выходит из засады и становится добычей терпеливого и хладнокровного рыболова. Иногда форель прячется в траву и водоросли, растущие по перекатам, и бывали случаи, что, запутавшись в них, от страха замучивалась до смерти. Если форель забилась в траву, надо также выждать ее выхода оттуда, изредка подергивая леску в разных направлениях, чтобы перерезать травы и расширить отверстие в них.

Совершенно утомившуюся рыбу потихоньку подтаскивают к себе, постепенно наматывая леску на катушку, и подхватывают сачком. Опытные рыболовы, впрочем, вытаскивают форель без сачка, спуская по леске большой и указательный пальцы и хватая ими рыбу снизу, под жабры. Если берег пологий и мелкий, то можно выволочить ее подалее от воды.

Форель, раз сорвавшаяся с крючка, очень долго не берет на искусственную мушку, и ее скорее можно поймать на живое насекомое. Рыба понятие об обмане связывает с обстановкой, а потому попадает на искусственную муху, только когда будет выгнана из этого места или после паводка и вообще когда изменится все ее окружающее. Крупные форели, неоднократно бывавшие в переделках, местами вовсе не берут, несмотря на самые лакомые приманки. Есть даже одно наблюдение, показывающее, что такие старушки не только не хватают какой бы ни было приманки, но даже отганивают от нее молодых форелей.

Что касается ловли нахлыстом на живых насекомых, то она почти не отличается от такого же уженья голавлей и язей, к которому и отсылаем. Катушка при этой ловле уже не составляет необходимости, потому что риск оборвать губу меньше. Удилище должно быть гибче, чем для уженья на искусственную мушку, почему иногда приходится подвязывать к кончику свинцовый прутик. Ловить можно и поверху и под водою, даже со дна. Грузило (небольшая дробинка) употребляется

лишь на большой глубине, когда насадка иначе не доходит до дна или когда ветер настолько силен, что мешает закидыванию. Общие правила закидывания те же, как и для искусственной мушки, только надо стараться забрасывать как можно осторожнее, чтобы не сбить насадку. Жало крючка должно быть совершенно свободно, и крючки выбираются возможно более крупные, насколько позволяет насадка. Отнюдь не следует торопиться подсечкою и иногда благоразумнее дать рыбе заглотать. Первый признак поклевки – некоторая задержка лесы, которая как бы за что-то задела. Поэтому леску слегка натягивают, а если осязание покажет, что рыба берет насадку, т. е. подергивает леску, подсекают, на тихой воде сильнее, на быстрой – только приподнимая кончик удилища. Обыкновенно форели дают вернуться на свое прежнее место, вниз, и тогда уже подсекают. Закидывать следует вверх по течению и ловить на насекомых по течению еще неблагоразумнее, чем на искусственную мушку, так как они течением скоро сбиваются с крючка.

Лучшая насадка из насекомых для форели – мошкара, или ручейник (*Phryganea*), которой несколько видов. Это любимая мушка форели, в изобилии летающая над речками и ручьями летними вечерами. Добывают для ловли мошкару утром до солнца, пока воздух не согрелся, отыскивая ее в тростнике и высокой прибрежной траве. Только надо хватать ее сразу, возможно быстрее, так как она сейчас же падает вниз и быстро скрывается в траве. Насаживают с головы на крючок № 5–6 и ловят на нее большею частью на перекатах. Лучший лов на мошкару – с заходом солнца и почти всю ночь; в августе форель берет на это насекомое и в течение дня. Голавли, язи и другие карповые, наоборот, предпочитают мошкаре кузнечиков и больших мух.

У нас в России ловля форели на искусственных насекомых практикуется только в Финляндии и в некоторых местностях Северо-Западной России. В мелких речках Камского бассейна пеструшку удят на червя или на живых насекомых; на Кавказе же, а вероятно, и в крымских речках, ловля на насекомых совершенно неизвестна: даже англичане, живущие по Черноморскому берегу, удят форель на червя, на кишки или на мясо и считают ловлю нахлыстом совершенно здесь неприменимою.

Главное ужение форели на Кавказе бывает весной, с марта, вообще в мутную воду; в мелкую и светлую воду форель стоит в бочагах и берет почти исключительно ночью. Черви (простые земляные, а не выползки) насаживаются обыкновенно на 3-й номер крючка, до 4–5 вместе. Удилище и леска самые первобытные, поплавок не бывает. Большею частью здесь, начиная от Владикавказа и кончая речками, впадающими в Черное море и в Куру, форель ловят на подпуски из толстой бечевки с 3–4 крючками на расстоянии 6 вершков один от другого, на коротких волосяных (в 20 волос) поводках. Грузилом служит свинцовая гиря в 2–3 фунта с кольцом вверху. Крючки (английские) № 3/0 и крупнее насаживаются кусками сырой баранины или говядины. Грузило закидывается на середину реки, а конец бечевки прикрепляется к кусту или к камню; иногда, впрочем, ее наматывают на палец.

В Юго-Западном Кавказе, по свидетельству г-на Глушанина, форель ловится также на перемет, который делается таким образом: берется тонкий шпагат, так чтобы егохватило через речку, а к нему привязываются 3–4 поводка, длиною каждый не менее аршина, и на таком расстоянии, чтобы крючки не доставали друг друга. К лескам прикрепляется, на четверть от бечевы, поплавок (пробка, разрезанная на 3–4 части) и грузило, так, как это делается в обыкновенной удочке. Поплавки эти для того, чтобы леска металась по сторонам. Переметы ставятся там, где течение воды хотя и сильное, но ровное и широкое, но не там, где вода пенится, где по причине открытых берегов днем нельзя ловить форель. Ни шпагат, ни крючки не должны лежать на дне; лучше, если шпагат лежит на поверхности воды или близко от нее. Концы шпагата укрепляются на обоих берегах речки. Насадкой служат обыкновенные черви, только надо выбирать здоровых и сильных. Лучше

всего ставить перемет за 1/2 часа до рассвета, а вечером – за час до заката. Осматривают его тогда ночью с фонарем, так как попавшуюся на крючок можно снять и надеть свежего червя, который проживет до рассвета. Днем форель на перемет не идет, а потому его надо утром снимать совсем.

Рис. 75. Мошкара

Промысловой ловли форели другими снастями нигде не производится: эта рыба в бредни, невода, а тем более в верши и крылены попадает очень редко, так как слишком для того хитра, осторожна и проворна. Даже в окрестностях Петербурга форель ловят на удочки, а не снастями. Только здесь форель имеет некоторое, хотя и небольшое, промысловое значение, так как доставляет хороший заработок нескольким десяткам лиц. В продаже она ценится здесь, кажется, до 1 р. фунт, даже более, но и в глуши Уфимского Приуралья тамошняя красуля продается на месте по 30 к. фунт. На Кавказе местами довольно успешно ловят форель известной наикдой, малушкой, метко бросая ее в то место, где замечена форель, преимущественно в бочагах. Кроме того, как известно, на притоках Кубани казаки загоняют форель осенью, когда она соберется в стаи для нереста, в расставленные поперек всей речки сети. Так как вода в это время холодна, то загон совершается очень оригинальным способом – верхом на лошадях.

Форель имеет чрезвычайно нежное мясо, белого или розоватого цвета, смотря по качеству воды и корма. Вкусом она напоминает стерлядь, но имеет какой-то особенный, ей одной свойственный запах, немного похожий на запах свежих огурцов, но более слабый. Заснувшая форель уже через сутки теряет вкус и начинает портиться, даже на снегу. По словам рыболовов (уральских), если пронести заснувшую форель 5–6 верст, то она теряет в весе – «истекает» – на целую четверть (!). Зная это, старые рыболовы кладут ей в жабры крапиву, которая, по их словам, не дает ей уснуть. Трудно поверить, чтобы уснувшая рыба могла потерять четвертую часть веса, и скорее это может случиться с живою рыбою. По крайней мере за границей все рыболовы, чтобы сохранить вкус пойманной форели, не дленно прикалывают ее и кладут в корзинку, выложенную сырой травой. Иногда форель убивают особым молоточком, а в случае необходимости ударяют головой о камень.

В заключение следовало бы сказать об искусственном разведении форели и других лососевых рыб. Но такая широкая тема увлекла бы нас очень далеко, а потому лучше ничего не говорить об этом предмете, тем более что практическое значение разведения у нас форели, семги и сигов еще не вполне доказано и может быть оспариваемо. Да и вообще разводить рыбу в таких водах, откуда она может уйти, не в интересах частного лица. Таких же замкнутых вод, т. е. прудов и озер, притом с достаточно глубокой и холодной водой, в которых могли бы вполне прижиться и размножиться форель и сиги, у нас очень немного. Не следует забывать, что форель никогда не может конкурировать с несравненно более плодовитыми хищными рыбами и может процветать только там, где последних нет или очень мало. Щуки, судаки и окуни не дают пощады форелям, не ра збирая того, вывелись ли они сами, будут ли они доморощенные или выписные. Кто имеет ключевые пруды, тот, впрочем, имеет возможность если не развести форелей, то выкормить форелей, выписанных с казенного Никольского или из частных петербургских и остзейских рыбободных заводов. Искусственное оплодотворение форелей слишком хлопотливо и в малых размерах очень убыточно. В последнее время появились в продаже более выносливые и быстро растущие мальки – помеси форелей с палей, но

американской радужной форели – всеядной, самой неприхотливой, самой вкусной и выгодной – у нас еще нет, хотя за границей она уже разводится с большим успехом. Кто желает ознакомиться с разведением форели и других лососевых, тот может обратиться к руководству фон дем Борне, переведенному на русский под редакцией г-на Гримма.

Хариус

Thumallus vulgaris Nills. Во всей Северной России – хариус, гариус, харьюз, харез; в верховьях Волги неправильно – сиг; на Каме – хорус; на р. Княжей, впадающей в Унжу, – серьёз-рыба (исковерканное хариус); в Уфимской и Оренбургской губ. употребительно башкирское название кутема; на Пейпусе – голландчик; в Западной России и в Польше – липень; в Польше также – топорек; по Неману – топор. В некоторых местностях Онежского озера – кузнец; в Иркутске иногда – мерсовик; в Енисейском округе худой хариус (летом) называется синяком; то же на Алтае. По-фински – гарьюз, гарри. У качинских татар – кора, хора-балык; у киргизов на Маркакуле – табан-балык. Якутск. – джерга; бурятск. – хардара и хадаран; ост. – лун; сов. вог. – ассугул и астагул; пермяцк. – кумы; самоед. – туйю; койб. – канегулла; тунг. – неручан, наруга, ширючан. Ламут. – лаптари; коряцк. – кычагу; юкагирск. – гурчи; камчад. – таджотадж, таджун, японск. – учуй.

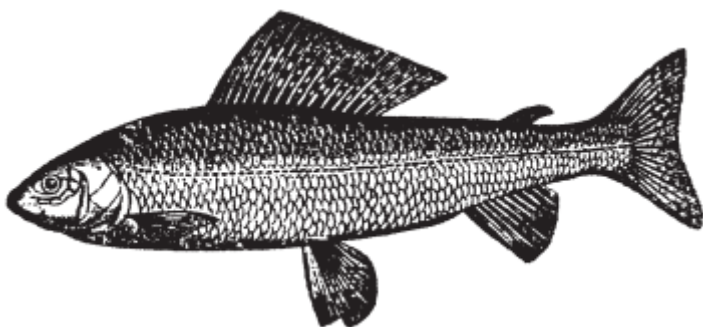

Рис. 76. Хариус (по Либерику)

Название это, употребительное во всей Северной России, очевидно, не русское и имеет финское происхождение. В Восточной России оно чаще заменяется башкирским кутема, что, по-видимому, означает светлый, блестящий.

По многим признакам своим хариус составляет как бы посредствующее звено между лососями и сигами. К первым он приближается образованием своей пасти, усаженной более крупными зубами, чем у сигов, также широким языком, своим образом жизни и местопребыванием, к последним – небольшим ртом, формой тела, довольно крупной чешуей и меньшими изменениями по возрасту и полу, которые столь значительны у рыб собственно лососевого рода.

Хариуса очень легко отличить от всех других рыб по огромному спинному плавнику, который иногда, будучи сложен, почти достигает (у самцов) языковидного жирового плавника, характеризующего все семейство лососевых. Туловище его менее брусковато и более сжато, чем у лососей, форелей и тальменей, и покрыто довольно крупными, плотными и крепко держащимися чешуями; только на груди и на брюхе до брюшных плавников находятся чрезвычайно мелкие чешуи, да при основании грудных замечаются более или менее развитые голые площадки. По Мюллеру, желудок хариуса отличается необычайно жесткими, почти хрящевыми, стенками.

По своему цвету хариус – одна из самых пестрых и красивых наших рыб. Спина его обыкновенно серо-зеленая, усеянная более или менее многочисленными и

ясными черными пятнышками, бока туловища светло-серые с продольными, иногда, впрочем, малозаметными буроватыми полосками; брюхо серебристо-белое. Парные плавники обыкновенно грязно-оранжевые, а непарные – фиолетовые с темными полосками или пятнышками. Молодые хариусы всегда бывают окрашены менее ярко и в Западной Европе обыкновенно имеют темные поперечные полосы. Цвет хариуса, впрочем, подвержен большим изменениям: в водах быстрых он гораздо светлее; хариус, живущий в омутах, более стального цвета. Усмотреть хариуса в воде очень мудрено, так как его трудно отличить от грунта и камней. Североуральский хариус, по-видимому, несколько отличается от обыкновенного; именно он никогда не имеет большого количества пестрин и продольные полосы на нем весьма неясны. Кроме того, в некоторых речках Пермской губернии, например в р. Ирени, отличают особую разность (или вид) хариуса более темного цвета и с более горбатой спиной, почему его зовут горбачом. В Сибири, несомненно, водятся несколько видов хариусов.

Хариус редко достигает величины 1/2 фута и 3 фунтов веса и в большинстве случаев бывает гораздо менее. Только в реках Северного Урала, принадлежащих к Обскому бассейну, он бывает значительно больших размеров – 12 вершков длины и 5 фунтов веса, а по свидетельству некоторых лобвинских рыбаков, даже одного аршина и 10 фунтов, но такие гиганты и там являются редким исключением.

Хариус главным образом живет в гористых местностях и вместе с форелью составляет главную рыбу население холодных и быстротекущих речек почти всей Европы, Северной и Северо-Восточной России и всей Сибири, где он встречается и в озерах (Маркакуль, Байкал и др.); в огромном количестве хариусы ловятся в Ангаре (несколько миллионов штук). В реках, впадающих в Черное море, он встречается только в горных притоках Дуная и Днестра; в крымских же и кавказских реках и в Туркестане хариуса нет вовсе, так что распространение его в России представляется довольно ограниченным. Он водится, однако, почти во всех как больших, так, особенно, малых реках, впадающих в Балтийское море, весьма обыкновенен в Финляндии, Олонецкой губернии, тоже в Петербургской, отчасти в остзейских губерниях; кроме того, распространен по Ладожскому, Онежскому, Пейпусу и, вероятно, многим другим озерам Северо-Западной России. Также обыкновенен хариус и в наших северных реках, впадающих в Белое и Ледовитое моря, весьма многочислен во всех притоках Камы, Уфы и Белой, особенно в верховьях как этих, так и небольших, второстепенных рек; но собственно в притоках Волги, а тем более в самой Волге хариус является уже довольно редкою рыбою. В Средней и Нижней Волге его даже нет вовсе (он найден лишь в р. Шуйке Казанской губернии), и всего чаще встречается он в ее верховьях и притоках, в Тверской губернии; в Ярославской губернии хариусы живут только в немногих реках и речках, впадающих в Волгу с левой стороны (например, в Пошехонском уезде); он есть в верховьях Мологи, Шексны (в притоке ее Суде) и в некоторых притоках р. Унжи, в Костромской губернии. Отсюда он иногда заходит и в самую Волгу, но в последней встречается постоянно только в верховьях, откуда изредка заходит в Селигер и, вероятно, другие озера Тверской губернии. В правых притоках Волги, по крайней мере начиная с Ярославской губернии, хариуса уже нет, что зависит от большей густоты населения и сопряженной с тем меньшей чистоты воды этих рек.

Хариус вообще отличается большим проворством и живостью и в этом отношении несколько не уступает форели.

Французы недаром называют его *G'ombre*, так как он скрывается и гновенно, как тень.

В солнечный день он очень часто выскакивает из воды, ярко блестя радужными цветами своего широкого плавника, и хватает упавших насекомых. Прыжки его при этом бывают иногда изумительны; но тем не менее он, по-видимому, скоро

утомляется, что замечается и при ловле его на удочку. Хариус ведет почти дневной образ жизни и кормится исключительно днем; главную пищу его составляют, по-видимому, насекомые, падающие в воду с ветвей нависших над рекой деревьев, почему он и любит держаться в таких местах, также мошкара (*Phryganea*) и поденки (*Ephemera*), личинки водяных насекомых и водяные улитки, для чего часто тыкает головою в камни, почему и называется в некоторых местностях Онежского озера кузнецом. Кроме того, он истребляет икру других рыб, что, очень может быть, бывает причиною того, что в тех речках, где хариус многочислен, все карповые рыбы, несмотря на огромное количество своей икры и при достаточном количестве тихих заливов и старых или побочных русел, встречаются уже очень редко.

В северных и северо-западных реках хариус истребляет и хорошо укрытую икру лососей, а в Онежском озере весной кормится икрой корюшек, осенью – икрой палы (*Salmo salvelinus* L.). В Западной Европе он считается очень вредной рыбой, так как истребляет икру форели, с которой живет вместе, хотя никогда не встречается в верховьях рек. Где нерестятся лососи и форели, всегда можно наблюдать поодаль нескольких хариусов, выжидающих удобного времени, чтобы пожрать выметанную икру. Англичане поэтому ловят хариусов на икринки лосося, как свежие, так и сушеные (весною). Изредка он ест также молодь рыб и гольянов, последних, кажется, больше осенью, при недостатке своей главной пищи – насекомых.

Большую часть времени года хариусы живут небольшими стайками, которые бывают тем менее, чем большего возраста они достигли. Есть некоторые основания предположить, что до своей возмужалости стая молодых хариусов составляет, так сказать, как бы одну родную семью; но и взрослые особи в известное время составляют небольшие стайки, тоже большею частью одинакового возраста. Молодые хариусы обыкновенно живут в более мелких местах и на перекатах, а крупные уже предпочитают более или менее глубокие ямы, где все-таки им уже не предстоит такой опасности от хищного тальменя и крупной форели.

Любимые места хариуса – выше и ниже порогов и перекатов; на последние он часто выходит жировать. С половины сентября (в Петербургской губернии) хариус уже не держится на быстринах и уходит в ямки и заводи на зимовку. По замечанию некоторых рыбаков (именно нарвских), хариус в теплое время идет на плитняковое дно, т. е. на мелкие места, а в холодное время отыскивает песчаные и более глубокие места. Местами осенью он собирается в многочисленные стаи и иногда спускается с верховьев рек в большие реки и озера, где весной и летом не встречается вовсе, и весьма возможно, что на зиму уходит из Немана и Луги в Балтийское море, как говорят Терлецкий и Либерих.

По всей вероятности, в больших озерах, как Ладожское и Онежское, он не встречается круглый год, разве у самых устьев или истоков рек.

Вообще это одна из самых оседлых рыб. Замечено даже, что в течение всего лета хариусы стоят днем постоянно на одних и тех же местах, покидая их только к вечеру, когда выходят на перекаты или к порогам, где вода еще течет ровною струею, так что рыбе удобно высматривать на ней падающих насекомых. Днем хариусы обыкновенно держатся в местах более глубоких, в траве и за камнями, приближаясь для корма к мелкому берегу, где течение сильнее и травы нет. Здесь хариус стоит на одном месте, беспрестанно выскакивая на поверхность за плывущими мимо насекомыми. Иногда, говорит Либерих, на каменистой отмели их собирается несколько десятков, но не рядом, а врозь, и каждый занимает особую позицию, с которой удаляется только при виде плывущего насекомого; хариус выплывает к нему навстречу, бросается на него или же, завидя издали в стороне, догоняет его, схватывает и затем немедленно возвращается на свое место. Движение же его, вызываемое течением, ограничивается кругом не более аршина в диаметре. Что

действительно каждый хариус держится известного пункта, доказывается тем, что самый крупный или самый мелкий всегда замечается на одном и том же месте, а также тем, что место, которое занимал выуженный хариус, несколько дней остается вакантным; затем оно занимает, по всей вероятности, новым пришлецом.

Очень крупные хариусы, по наблюдениям Либери́ха, выходят из ям на отмели-быстрины только ночью, редко днем. Они предпочитают стоять (в реках Петербургской губернии) в коридорах, образуемых травой, или под обрывистыми берегами, где им легче скрыться. Тут они тоже всегда держатся на одном месте и поодиночке, и местные рыболовы знают, где и какой величины крупные хариусы держатся.

Ранней весной, иногда еще до вскрытия рек, хариусы выходят из мест, где зимовали, и с низовьев рек поднимаются вверх. В это время они встречаются большею частью поодиночке и бывают всего ярче окрашены, особенно самцы, которых, по-видимому, более, нежели самок. Иногда, впрочем, встречаются и бесплодные – яловые особи, отличающиеся менее короткими плавниками и менее яркою окраскою, но зато очень жирные.

Самый нерест имеет место на небольших глубинах и даже перекатах и в общих чертах (кроме времени) имеет большое сходство с нерестом других лососевых рыб. Он начинается в более южных местностях еще в апреле (в Западной Европе даже в марте), но на севере обыкновенно в мае, даже в начале июня. Нерест длится иногда очень долго – почти целый месяц; так, например, в 1872 году в речках Богословского округа он продолжался почти весь июнь. В Иркутской губернии хариусы мечут икру с половины апреля до середины мая. В Петербургской губернии, по Либери́ху, нерест начинается в конце марта (?), еще подо льдом, что, по-моему, очень рано. Вероятно, хариусы, как и другие близкие ему рыбы, выпускают свою икру в несколько приемов, но это может зависеть и от того, что, как замечено мною в уральских речках, сначала играют самые крупные хариусы. Обыкновенно все это время они встречаются попарно – самка с одним самцом, редко с двумя или тремя. Тогда их часто можно видеть трущимися брюхом о камень, отчего почти все брюхо обнажается от чешуи и краснеет. Для помещения своих, не особенно, впрочем, крупных, икринок самки, как говорят, выкапывают хвостовым плавником (?) небольшие ямки в хряще и икринки, по оплодотворении, прикрывают мелкими камешками. По словам рыбаков Петербургской губернии, хариус мечет икру будто бы между корнями от сгнившей за зиму травы, а в бойких местах не нерестится. Икра эта в большом количестве истребляется рыбами, особенно сибирскими нельмами, которые в это время бывают битком набиты хариусовою икрой (Потанин).

Икра развивается довольно быстро; молодые рыбки имеют небольшой желточный пузырь, поднимаются к поверхности воды, вскоре после того как выклюнутся; растут очень скоро. При благоприятных условиях хариус уже через 2 года достигает веса одного фунта, даже более, и вообще уже на третьем году достигает половой зрелости.

По наблюдениям Либери́ха над хариусами в р. Ижоре (очень кормной реке), молодь, выклюнувшаяся в апреле, до конца июля ведет очень скрытный образ жизни, так что неизвестно, где она держится – скрывается ли под или между камнями, подобно лососкам и форелькам, или же находится в местах своего рождения, т. е. в густой траве, между корнями на дне. Появляется мелкий хариус сперва в самых мелких быстринках, имеющих вершка два глубины и каменистый грунт, или, при тех же условиях, около берега. В это время молодые рыбки имеют от 1 1/2 до 2 вершков длины. В сентябре они уже достигают 3 вершков и местами попадаются в таком множестве и так надоедают рыболову, ловящему на искусственную мушку, что приходится менять место. В течение зимы хариусы-

селетки почти не кормятся и не растут, так что весной попадают те же трехвершковые рыбки. К осени, т. е. через полтора года, они имеют уже 5 вершков росту; затем через год увеличиваются еще на вершок. Замечено, что хариусы, стоящие на быстрине, растут быстрее своих ровесников, живущих в более тихих местах. Это объясняется большею питательностью нас екомых сравнительно с личинками их и червями, что доказано английскими учеными относительно форелей. Дальнейший прирост проследить почти невозможно, но хариусы в 8 вершков длиной и 1 1/2 фунта весу должны иметь здесь (на Ижоре) не менее 5 лет; 3-фунтовые же, длиной от 11 до 12 вершков, вероятно, не моложе 10 лет.

После нереста хариусы снова собираются небольшими стайками и, в противоположность лососям и форелям, очень скоро отъедаются.

Хотя промысел этой рыбы не имеет особенной важности, но тем не менее в верховьях уральских рек, где хариус составляет главную породу рыб, а также и во многих реках и речках севера России ловля хариуса не лишена значения и по крайней мере удовлетворяет местным потребностям. По причине своего нежного и жирного мяса хариус вряд ли когда может служить предметом сбыта: даже в копченом виде он довольно скоро подвергается порче, почему на севере летом его немедленно солят после лова. Свежий и копченый хариус принадлежит к числу наиболее вкусных наших рыб и нисколько не уступает в этом сига, но хороши копчеными только крупные хариусы, не менее 2 фунтов, так как мелкие очень сухи и невкусны. В Петербурге он, однако, ценится дешевле последних, почему рыбные торговцы продают их (свежих) за сига, предварительно подрезав спинной плавник. Весною и летом до августа хариусы не так вкусны, и в Западной Европе всего дороже ценятся пойманные зимою. Притом, как и всякая другая рыба, они в одной местности бывают вкуснее, чем в другой. Только что пойманный хариус издает очень сильный запах, напоминающий запах корюшки, но более приятный. Одни сравнивают этот запах со слабым огуречным, другие – с запахом богородской травы (отсюда латинское его название – *thymallus*). Запах этот, однако, скоро исчезает. У молодых хариусов мясо очень похоже на мясо форелей, у старых же приближается вкусом к мясу сига. Чем темнее цветом хариус, тем он считается вкуснее. По Кривошапкину, китайцы предпочитают холостых рыб, как более вкусных и жирных; если верить ему, сибирские хариусы имеют гораздо более прочное, крепкое мясо, чем европейские, так как, по крайней мере на морозе, сохраняются дольше других рыб, не заветриваясь.

Искусственное разведение хариуса довольно затруднительно, так как он мечет икру в довольно теплое время, когда пересылка икры и икреной рыбы очень неудобна, и потому что половые продукты рыб, содержащихся в садках, не развиваются. Сколько известно до сих пор, хариуса не удавалось еще ни разу с успехом содержать и откармливать в прудах, где, однако, хорошо прижилась форель. В тех самых садках, в проточной холодной воде, где форели живут летом по нескольку месяцев, хариусы, при самом тщательном уходе, не выдерживают более недели; на них показываются белые пятна с опухолью; они поднимаются на поверхность, затем переворачиваются вверх брюхом и, покрываясь желтоватой слизью, засыпают. Зимою, впрочем, хариусы живут в петербургских садках очень долго.

Самая добычливая, весьма распространенная в Богословском округе ловля хариусов – это вершами, поставленными весной в устьях речек, по течению. Она имеет то преимущество перед другой ловлей – сырпами, что в эти снаряды попадают самые крупные рыбы, поднимающиеся вверх для метания икры; случается иногда вытаскивать из одной верши до двух пудов самых отборных хариусов. Эти верши устраиваются несколько иначе от ивняковых морд: они также имеют форму конуса, но гораздо больше – от 2–3 аршин в длину и делаются из

сосновых драночек, прикрепленных на 4–5 черемуховых обручах различного диаметра и, кроме того, для большей крепости переплетенных тальником в 8–9 рядов. В широкий конец этого снаряда вставляется горло – короткий конус, тоже из драночек; кроме того, прикрепляется еще широкий и крепкий раструб овальной формы, из черемуховых веток и тоже на обручах; концы верши связываются веревочками, и рыба вынимается через устроенное сбоку отверстие.

Ловля сырпом начинается здесь после Петрова дня, когда хариусы уже снова собрались в небольшие стайки и скатываются из верховьев на более глубокие и широкие места реки, где уже есть возможность плавать на лодке. Самый сырп состоит из небольшой сети, связанной в виде сачка, 4–5 аршин длины, вершков 8 в высоту и глубиною до 2 аршин; ячеи в сырпе обыкновенно 2–3-палечные, т. е. в них могут свободно пролезть 2–3 пальца. Своим открытым концом этот сак нанизывается на крепкую бечевку, так что его устье, будучи растянуто, имеет вид длинного прямоугольника. К нижней бечеве прикрепляются тонкие шесты, около 5 аршин в длину, а к верхней с обоих концов привязываются так называемые симы – тоже бечевки, которые рыбаки держат в руках.

Самый лов сырпом производится на двух лодках, или, вернее, челноках, вчетвером: гребцы, сидя в корме, своим единственным веслом направляют лодку наискось, как бы к берегу, и растягивают сырп, который прижимается ко дну шестами другими двумя рыбаками, сидящими на носу каждой лодки. Таким образом плывут они против или по течению, через каждую яму до перебора, и как только рыбаки услышат по симе, наверху на палец, что в сеть попала рыба, опускают верхнюю тетиву и поднимают сырп.

Еще удачнее бывает ловля сырпом с четырьмя лодками. Доплыв до ямы или заметив рыбу в прозрачной воде горной речки, все четыре лодки становятся рядом против воды, ниже рыбы; средние две, у которых сырп, дружно выступают вперед и погружают его, а остальные две в ту же минуту со всею быстротою, в два весла, бросаются выше сети и хлопают веслами по воде против мешка. Занимаясь с малолетства этим промыслом, североуральские рыбаки приобретают такую ловкость и проворство, что, видя издали бег хариусов, преследуют их до тех пор, пока не переловят почти всего руна. Точно таким же образом ловят здесь и тальменей.

Осенью, а изредка и весной, хариусов в уральских речках добывают также острогой с лучом, и нередко, при удаче, каждая лодка набивает в ночь и при местных тупых и неуклюжих острогах до 2, даже 3 пудов хариусов, частью тальменей, которые, как более ночные рыбы, менее стоят в это время, чем хариусы, обыкновенно спокойно лежащие на дне ям, поблизости перекатов. По словам Воронина, острогой бьют хариусов и в Олонецкой губернии. По его словам, колоть хариуса легко, так как он стоит смирно и огня не боится, но при шуме бросается в бегство. Бить надо легко, с задержкою, потому что при сильном ударе хариус ломается на две части, причем хвост падает на месте, а голова с половиной туловища уплывает на 2–3 сажени. В речках Кузнецкого округа (в Сибири) хариус всего успешнее ловится руками, подобно налимам, так как очень любит здесь прятаться под нависшие берега, вымытые водою, и под корчи. Здешние хариусы отличаются непугливостью и очень скоро возвращаются на прежнее место, даже после выстрела.

В Неве, по словам Данилевского, хариусов ловят порядками крючьев, которые выставляют поперек реки зигзагами; крючки навязываются на расстоянии $1\frac{1}{2}$ сажень; через каждые 13 крючков прикрепляется камень в $\frac{1}{2}$ фунта, а на концах по камню в 3 фунта. Наживкою служат, вероятно, червяки, а может статься, слепые вьюнчики (личинки миноги), которые вообще составляют одну из главных насадок в Неве. Всего хуже хариусы ловятся здесь в июне, так как в это время наедаются эфемерами и фриганеями, во множестве падающими в воду.

Вообще ловля хариусов в небольших речках нашего севера довольно значительна, хотя, конечно, не может быть выражена даже приблизительно верною цифрою. Однако в одном Богословском округе количество улова этой рыбы, по некоторым данным, должно быть никак не менее тысячи пудов. Жир хариусов (*Oleum aeschii*) употребляется в медицине как целебное средство.

Уженье хариуса в большей части Европейской России совершенно неизвестно, но в северных, северо-восточных и северо-западных губерниях и в большей части Сибири оно весьма распространено и пользуется почти таким же уважением, как и уженье форели, которая в Европейской России встречается почти там же, где и хариус. Это весьма понятно, так как ловля обеих рыб, почти одинаково вкусных, гораздо труднее и требует большего искусства, чем ловля других рыб, хотя, разумеется, в глухих речках и форель, и хариус берут на удочку гораздо смелее, чем там, где их часто преследуют.

Об уженье хариуса до последнего времени у нас имелось очень мало печатных сведений. Как ловят его на удочку в Северо-Западной России, нам неизвестно; вероятно, подобно форели – на насекомых и изредка на искусственную мушку. Терлецкий говорит, что только в притоках Немана его ловят на длинную ходовую удочку, с длинною лесой и без грузила, которую закидывают с берега, меняя места.

В северных уездах Вологодской губернии в лесных речках, куда ездят специально для уженья хариуса, его ловят (летом) в большом количестве – пудами, – так что солят в кадушках. По замечанию Арсеньева, хариус берет только на перекатах; в омутах же, куда уходит после грозы, в ненастье, после дождя, когда вода очень мутна, в полдни, вероятно, и на ночь, почти никогда не хватается насадки, хотя бы стоял тут массажи. На переборы хариус выходит здесь большими, густыми стаями – «плотом», почти поверху, плавится. Главный лов начинается с половины июня и продолжается до августа, а самый лучший клев бывает здесь в конце июня. Берет он с раннего утра до 11 часов, причем чем ближе к полудню, тем больше плавится; затем снова начинает брать с 5 часов до заката, но уже не так жадно, как утром. Ловят на легкую длинную удочку с волосяной лесой, без поплавок и грузила, на обыкновенного навозного червя или на овода, причем закидывают насадку прямо туда, где рыба плавится, почему иногда приходится заходить в воду. Здесь хариус считается очень жадной рыбой, так как, во время жора по крайней мере, берет очень верно, нередко хватается насадку на лету, прежде чем она коснулась воды, ловится зараз по паре, на два крючка, и очень смелой, так как не боится шума.

Вообще у нас уженье хариуса считается более легким, чем уженье форели, тогда как в Западной Европе, наоборот, принимается, что первый гораздо чаще срывается, чем форель. Г-н Курбатов также говорит, что хариус берет вернее форели (красули) и не объедает так часто насадку. Это странное противоречие трудно объяснить и, вероятно, обуславливается тем, что наша форель значительно отличается и по внешности, и по образу жизни от западноевропейской. Г-н Янишевский замечает, однако, что хариус берет с налета и что его тотчас же надо подсекать и выкидывать на берег; следовательно, для ловли его требуется немало ловкости и проворства. Здесь, на Чусовой, хариуса тоже ловят нахлыстом, на стрекоз (?) и паутов, закидывая удочку на середину реки, в самую быстрину, почему большею частью удят стоя по колени в воде, в лаптях, чтобы предохранить ноги от острых камней. В уральских речках восточного склона я много раз наблюдал ловлю хариусов сырпами, но не удил сам и не видел, как удят другие, но знаю, что их ловят здесь, как и на Чусовой, больше на паута (*Tabanus*) летом, а под осень – и на небольшой крючок, сверху облитый оловом и, следовательно, напоминающий блесну – без насадки. Судя по всему, этим крючком ловят только в омутах.

На р. Ваге, в Вельском уезде, по словам Пospelова, ловят хариуса на хлеб (?) и на таракана-прусака, непременно на переборах, т. е. на быстрине. Удочка легкая, с

леской без грузила и с маленьким поплавком. Ловят стоя в воде или с лодки. В Вельске и не знают другой насадки, кроме таракана.

Об ужении хариусов в Олонецкой губернии Воронин сообщает следующее.

Удят хариусов со вскрытия рек до 15–20 сентября, т. е. до заморозков. Удилище ореховое или березовое, редко длиннее 4 аршин, леса волосяная, в 3–4 волоса, белая, наплавок – круглая пробка не более волошского ореха; поводок в один волос. Крючок маленький, вероятно настоящий 12-й номер, без гр узила. Лучшее время ужения – утром и вечером, в омутках вблизи горных ручьев, которые в изобилии вливаются в Аять. Насадка ранней весной – маленький красный навозный червяк, притом только такой, который при прокалывании выпускает желтую массу, потом шитик (кажется, что личинка комара), а затем почти до конца ужения – личинка мясной мухи (сальник или опарыш). Самую позднюю осенью лавливали на крупные сушеные муравьиные яйца, которые перед употреблением ошпаривали кипятком. Вполдень и в жаркое время ловили в середине реки, стоя на отмелях и камнях, иногда по пояс в воде, на малого кузнечика или на серую вонючую бабочку, иногда на крупных мух. С берега ловили, выбирая прикрытием куст или ловили с того берега, где тень от человека не падала на воду. В реке ловили с длинной лесой, пуская наживку по течению, причем в большинстве случаев хариус подсекался сам. Самые крупные экземпляры не превышали 11/2 фунта; чаще всего попадались полуфунтовые. Лучший клев бывает после ночного дождя. Водить рыбу избегали, а тотчас старались подсачить, так как пойманный хариус сильно плещется, отчего временно прекращается клев. В ясный жаркий день самым добычливым был полуденный лов. Клев хариуса своеобразен: на быстрине он берет с налета, а в омутках клюет очень осторожно – поплавок как будто всасывается (как клюет рак), потом сразу появится, точно подскочит, и опять начнется всасывание; затем, уже не погружаясь, движется медленно в какую-нибудь сторону. Рыбу сохраняли, зарывая в речной песок под водою.

Самые подробные сведения об ужении хариусов дает нам Либериx, удивший преимущественно в Петербургской губернии и притом на удилица с катушкой. Его описание ужения хариуса на червя, а в особенности на искусственную мушку, помещенное в январской книге «Природа и охота» за 1891 год, полнее и подробнее всех иностранных, так что требует лишь немногих дополнений из заграничных источников.

Ловля на червя производится главным образом весной, когда вода еще мутна и хариус после нереста очень голоден. Летом берет на червя сравнительно плохо, а иногда и не берет вовсе; в это время он питается, по Либериxу, мелкими черными улитками, раковинками (моллюсками), также крошечными серыми червячками, живущими на водяных растениях, особенно на тростнике, а главным образом падающими на воду насекомыми; поэтому его всего лучше ловить нахлыстом на живых или искусственных насекомых. Осенью, в сентябре и октябре, он опять начинает хорошо брать на червя, особенно после дождей. За границей его ловят и зимою, причем лучший клев бывает в ясные, теплые и тихие дни после ночного мороза; у нас же зимняя ловля хариуса из прорубей, кажется, совершенно неизвестна; по крайней мере о ней еще никем ничего не сообщалось. При ловле на червя нет необходимости в удилице с катушкой, если только в данной местности не водится хариусов крупнее двух фунтов. В силе и бойкости хариус хотя и превосходит почти всех наших карповых рыб одинакового с ним роста, но значительно уступает в этом форели. Катушка нужна больше потому, что крупный хариус, если не заглотал червя, обрывает губы, которые у этой рыбы очень слабы, кроме того, она дает возможность быстро укорачивать и удлинять лесу, что при ужении хариуса приходится делать нередко. Следует напомнить, что весной попадаются самые крупные хариусы, какие очень редко ловятся летом.

По Либерику, на червя можно ловить тремя способами: с поплавком, внаметку и на донную. Насадкою во всех случаях служит небольшой (навозный) червь, а еще лучше два, три. Черви должны быть, особенно при ловле внаметку, очень крепки и довольно долго выдержаны во мху. Притравы никакой не употребляется, так как она недействительна. Можно только бросать в струю, во время уженья, червей, но и это не имеет полезных результатов, потому что хариус, как и форель, стаями не встречается, по крайней мере в Петербургской губернии, и бросается на наживу из засады, опять в нее скрываясь. Немецкие авторы (Moerbe) советуют, впрочем, при ловле хариусов на червей (и личинок) класть насадку на несколько часов в пахучую смесь из яичного желтка, шафрана, богородской травы и нескольких капель анисового масла, но, по тем же причинам, едва ли это даст возможность поймать большее количество рыбы.

Ловят с поплавком, преимущественно, иногда даже исключительно, в омуточках, со слабым или водоворотным течением. Можно, впрочем, ловить с поплавком и на течении, закидывая червя в струю между травой, так называемый коридор, – любимое местопребывание хариусов, причем берегом проходят шагов 20, возвращаясь обратно по 2–3 раза. Червя пускают так, чтобы он не задевал за дно. Проплывая мимо засады хариуса, он привлекает внимание рыбы – она бросается на червя с разбега и берет верно. Клев на червя сходен, по Либерику, с клевом окуня, и хариус заглатывает глубоко, почему не следует торопиться подсечкой. Впрочем, почувствовав крючок, хариус сейчас же выплевывает червя, а потому поплавок должен быть очень чувствителен и огружен как следует. Лучше всего перьяной, с небольшой дробинкой в качестве грузила. В тихой воде можно ловить и без грузила, так как червяк все равно, хотя и медленно, опустится на дно.

На неглубоких местах с каменистым неровным дном и более или менее сильным течением всего удобнее ловить внаметку – на длинную леску без поплавка, с небольшим грузилом. Этот способ уженья довольно оригинален и применяется для многих других рыб, кроме хариуса, поэтому приведу описание его дословно.

«Подойдя к реке, закиньте червяка прямо против себя как можно далее или даже возьмите несколько выше; затем, подтянув немного лесу, движением удилица заставьте ее попасть в самую середину струи или, лучше сказать, между двумя струями; ослабляйте лесу с тем, чтобы грузок погрузился примерно на 1/2 аршина и шел со струей далее. Секунд через пять опять поддергивайте леску с целью приподнять или поддержать грузок – действуйте таким образом до тех пор, пока его течением подведет к самому берегу; поддернув его еще раз под самым берегом, где часто стоит рыба, забрасывайте снова выше и т. д. Глаз здесь при клеве не играет никакой роли, а только ощущение в руке, которое объяснит вам, задевает ли грузок или нажива за дно или камень, и тем побудит вас делать движения рукой чаще. Частым движением руки вы поддерживаете наживу выше, редкими же она будет идти ниже. На этом основано все ужение внаметку.

Насадка ваша, рыба или червяк, должна обойти все место, находящееся против вас, обойти каждый камень, побыть в ямках и водоворотах; хороший рыболов умением своим вовремя поддернуть заставляет насадку на проходимом ею пространстве опускаться где глубже или в ямках; поддернув ее, когда она подходит к камням, заставляет идти между ними так, чтобы крючок нигде не задел; миновав камни, внезапным наклоном удилица спускает лесу и дает возможность грузилу снова опуститься в воду.

Клев рыбы выражается довольно сильным чувством в руке; это не есть мелкое дерганье – даже мелкий хариус вам покажется большою рыбою. Почувствовав толчок в руке, рыболов делает самое легкое содрогание удилицем, чего уже слишком достаточно, чтобы вогнать жало крючка или даже проколоть насквозь губу рыбы, если это произошло в бою, то бывает великолепная сцена: испуганная рыба

бросается в бой; почувствовав сопротивление в губе, выскакивает наверх и, уносимая сильным течением, плещется на поверхности, кувыркаясь. В этих случаях рыболов должен быть крайне осторожен; при поимке крупной рыбы, увлекаемой таким образом течением, колесо (катушку) должно пускать свободно, но все-таки придерживая лесу пальцем; сам же рыболов должен немедленно спуститься вниз по берегу и следовать за рыбой».

Ловля внаметку удобнее тем, что рыба берет с разбега жаднее и живость червя не играет никакой роли, так как он, поддергиваемый удилищем, находится в постоянном движении. Но зато он должен быть очень крепок, ибо, задевая за дно и траву, часто рвется. Лучше всего насаживать двух на крючок с лопаточкой, чтобы первый был пропущен на леску. На быстрине хариус берет на червя смелее, охотнее и раньше, чем в омутах.

На донную ловят хариусов сравнительно редко, что весьма понятно. При ловле в омутах груз должен отстоять от червя по крайней мере на $\frac{3}{4}$ аршина, чтобы наживка, увлекаемая течением, могла описывать большие круги. Величина грузила зависит от течения: если в омуте кружит, достаточно 1–2 дробины № 1; тогда крючок будет и ходить по дну, и выступать к поверхности. Кроме того, с тяжелым грузилом клев всегда неверен. При ловле на донную в сильной струе, а также с лодки, когда леса вытягивается течением, груз должен быть гораздо более. Хариус на быстрине хватает жаднее и часто подсекается сам. Поэтому в омутах надо дать заглотать после поклевки, а на течении подсекать немедленно.

Во всяком случае при ловле хариуса на червя, как и при ловле на мушку, приходится часто менять место, так как хариус стоит на месте, а не гуляет по реке для отыскания пищи. Поймав в омуте 2–3 рыбы, надо выждать полчаса и переходить на другое место. Вот почему хариусов очень редко удят с лодки, а почти всегда с берега. Полагаю, однако, что хариусов можно было бы весьма удобно ловить на насекомых (живых и искусственных) с лодки на ходу, плавом – самым интересным и добычливым способом, который будет описан далее (см. «Голавль»).

Самою благоприятною погодою для ужения хариусов считается за границей (вероятно, и у нас) несколько пасмурная, при западном ветре, особенно после продолжительного ненастья; в сильные жары, когда солнце очень печет, и при восточном ветре клев бывает всегда хуже. Вообще, чем холоднее, тем хариус берет лучше. Удят на червя преимущественно по утрам и под вечер.

В Западной Европе ужение на тонущую насадку практикуется весною, в начале лета, в конце осени и зимою. Сначала ловят на червя, затем на опарыша и различных личинок; осенью – на живого (с оторванными ногами), а позднее на искусственного кузнечика с грузом в туловище, также на искусственных личинок, которые нетрудно приготовить самому, облив длинный крючок с колечком свинцом или оловом, которому придается форма очень крупного опарыша; свинец этот обматывают зеленою шерстью, предварительно сделав на нем зарубки, чтобы она не скользила. В Англии позднюю осень и зимою весьма удачно ловят хариусов на икру семги. Крючок (за исключением последней насадки) должен быть несколько крупнее, чем при ловле поверху, именно № 8–9; грузило употребляется не всегда, но во всяком случае небольшое, так как удят больше в тихой воде и с легким перьяным поплавком. Леска лучше всего жилковая (в одну жилку, длиною около 4–5 аршин), которая пристегивается к тонкому непромокаемому катушечному шнуру. Насадка не должна касаться дна, а должна стоять по меньшей мере на фут выше, так как хариус неохотно опускается вниз за добычей, а хватает ее, поднимаясь кверху. При ловле на кузнечика позднюю осень употребляют более крепкие снасти, так как в это время нет расчета долго возиться с одной рыбой. На искусственного кузнечика удят большею частью без поплавка, беспрестанно слегка приподнимая (кистью руки) и опуская насадку.

На рыбку (гольяна, гольца) и раковую шейку хариус берет очень редко и на эти насадки ловят его случайно, при ужении других рыб. На живца обыкновенно попадает крупный хариус, и большею частью осенью, во время ловли форели.

Перехожу теперь к описанию самой главной как по добычливости, так и по интересу ловли хариусов – на живых и искусственных насекомых, причем всего более буду пользоваться наблюдениями г-на Либериха.

Прежде всего следует заметить, что ловля хариусов на мушку за границей и у нас, межд у рыболовами на искусственную муху, считается более трудной, чем ловля форели. Хариус – самая капризная рыба при ужении – сегодня ловится отлично, завтра, при тех же условиях, не берет вовсе, хотя ловит падающих мушек. Он также весьма прихотлив на величину и цвет мушки: самые крупные хариусы иногда берут только на самую маленькую мушку. Главное же затруднение составляет то обстоятельство, что хариус хватает мушку гораздо осторожнее, чем форель, притом губами, а так как губные хрящи у него очень мягки, то очень часто обрываются. Очень хороший рыболов на искусственную мушку вытаскивает не более трети попавшихся на крючок хариусов: большинство же уходит наколотыми и с оторванными губами. Ловить без катушки на искусственную, даже на живую мушку можно только там, где хариусов очень много и никто их не удит. Кроме того, надо иметь в виду, что это рыба очень бойкая: пойманный крупный хариус бросается во все стороны, выскакивает из воды и бьется на поверхности, норовя хвостом отбиться от лески, что ему нередко и удается.

Ловля на мушку нахлыстом начинается с весны, когда установится теплая погода, и продолжается все лето и половину осени. Весною хариус берет, однако, на мушку хуже, чем на червя; летом же выходит в места бойкие и быстрые и гоняется за мушкой только ночью, так что в июне и июле редко удается поймать его днем, преимущественно перед грозой или переменной погоды. Летом хариус сыт и на искусственную мушку идет гораздо хуже, чем на живую, особенно когда по воде много плывет мушки (мошки); в этом случае, чтобы поймать его, надо насаживать живую мушку. Вообще летом он берет плохо, и главная ловля начинается с августа и продолжается весь сентябрь, а иногда даже и октябрь.

Ловят нахлыстом поверху почти исключительно на течении; в омутах со слабым течением ловят на мушку очень редко, притом большею частью из-за кустов, на короткую леску и на живое насекомое. Насадив на крючок (№9–10) бабочку, мошкару, поденку или т. п., осторожно опускают насадку в воду; если промежутки между ветвями слишком малы для того, чтобы пропустить леску в 3–4 аршина длины, то ее наворачивают на конец удилица и, пропустив последний между веток, развертывают до тех пор, пока он будет висеть из верхней петельки колечка удилица. При этом способе, очевидно, нельзя давать ходу рыбе и надо держать ее возможно круче, спуская шнурок с катушки только в крайности, почему шнурок должен быть крепче обыкновенного. Вообще, чем течение ровнее и тише, тем хариус осторожнее, прихотливее и разборчивее на насадку.

Всего удобнее ловить на мушку в более или менее быстрых местах, на перекатах. Лучшие места – перед порогами, где вода еще имеет гладкую поверхность. Сюда к вечеру или вообще к падению мушки выходят все скрывавшиеся за ближними камнями хариусы. Они очень любят также держаться в чистых местах между травой, в так омываемых коридорах, где вода бежит со значительною быстротою. Такие места особенно любят крупные хариусы, даже и предпочитают их боям. Хариус, подобно форели и многим другим рыбам, очень любит держаться там, где сливаются два течения, две струи, а потому надо закидывать немного повыше такого места. Кроме того, непременно следуют забрасывать мушку впереди каждого камня, даже кола, на который наплыла трава, так как тут образуется небольшой водоворот, в котором стоит рыба, в защите от быстроты, и выжидает добычи.

Ужение на живых насекомых употребляется, только когда хариус, гонясь за живыми насекомыми, не берет на искусственную мушку. Лучшими насадками считаются большой комар, затем поденки и желтая мошкара (*Phryganea*). Иногда крупный хариус берет только на мушку и ни за что не идет на большую. В Ивановском, на Неве, у порогов, восточным ветром иногда нагоняет с Ладожского озера мириады черных мушек (мошек), которые вызывают к берегам всех хариусов, обыкновенно стоящих здесь в порогах. Большой комар (вероятно, *Tipula*, комар-долгоножка) составляет одну из самых любимых насадок хариусов. Ловят его до солнца, когда он сидит смирно, на заборах и на листьях, в каком-то оцепенении. Когда взойдет солнце, комар отогревается и поймать его трудно. Насаживают его с головы на крючок № 9–10.

Вся трудность ловли на живых насекомых заключается в том, чтобы забросить насадку далеко, не сшибив ее. Поэтому нередко приходится прибегать к различным уловкам.

«Если по реке плывет крупное насекомое, например большой комар или желтая мушка, – говорит тот же Либериш, – то советую вам на крючок № 10 или 11 насадить пару таких насекомых; забрасывая их, вы должны наблюдать, чтобы они непременно поплыли на поверхности; старайтесь становиться под ветер; против ветра даже не пробуйте. Если мушки затонули – ловите новых и насаживайте снова... Вся трудность заключается в забрасывании, особенно если нет ветра и надо бросить далеко; советую поступить так: вытяните лесы столько, сколько надо для достижения той точки, в которую хотите забросить мушку; в откнув удилице у самого берега, откуда будете забрасывать, отойдите назад в поле, имея крючок в руках; вытяните лесу, насадите насекомых и положите их на землю; возвратившись к удилице и взяв его в руку, ускоренным движением руки взмахните длинною лескою двумя кругами по воздуху, чтобы леса пришла в полное повиновение, и тогда забросьте. Когда леса начнет тонуть, то спускайте удилице книзу, иначе плывущая мушка ваша затонет. Дав проплыть мушке сколько возможно (поддергивать нельзя) и видя, что она начинает поворачивать к берегу и тонуть, усиленным же движением вытяните леску из воды (причем мушка непременно окунется в воду) и опишите опять две или три дуги по воздуху, для того чтобы стряхнуть с мушки воду; во второй раз она непременно поплывет, в третий может быть, а в четвертый уже затонет. Тогда, вытаскив ее тем же порядком из воды, откиньте мушку опять на поле, не делая никаких взмахов, воткните удилице и займитесь снова ловлей насекомых... Это делается в таком случае, если леса в два и ли три раза длиннее удилица и если вы не можете, как при фальшивой мушке, выпускать ее понемногу, забрасывая прежде ближе, потом дальше, так как через это вы замочите живых мушек, прежде чем успеете забросить до избранного вами места.

Вместо живой мушки я часто делаю то же самое с фальшивой, и сухая фальшивая мушка, попадая на воду, плывет долгое время, как живая; поэтому, если форма и цвет ее соответствуют живым, вы можете, покружив ее на воздухе или высушив, отступя в поле, действовать так, как описано для живой. Успех будет одинаковый, но замочшая фальшивая мушка требует более времени для просушки, чем поимка живых насекомых, если их много».

Что касается ужения хариуса на искусственную мушку, то оно очень мало отличается от ужения форели, к которому и отсылаем читателя. Надо заметить только, что для хариуса пригодны только мелкие мушки, в виде комара – любимого его насекомого. Мушек ярких и светлых цветов хариус не любит и предпочитает темные. Вообще при выборе мушки руководствуются величиною, цветом и формою падающих в воду насекомых. Любимые мушки хариуса – самые мелкие черные, не очень пышные, такие же коричневые, а иногда серые. «Из долгого опыта, – говорит Либериш, – я убедился, что с весны хариус любит мушку более темную, временами

крупнее, к концу осени же он особенно жаден на мушку с оранжевым брюшком и светло-серо-желтыми крыльями; подобные живые мушки появляются иногда в конце августа и держатся до самых морозов».

Как уже сказано, хариус берет на искусственную мушку, сравнительно с форелью, очень плохо. Иногда клев бывает так вял и слаб, что крючок только слегка задевает за губу; случается, именно когда на воду падает очень много мушки, что сытый хариус только слегка щиплет насадку, не забирая ее в рот. Быстрота подсечки при ловле хариуса еще более необходима, чем при ловле форели, пасть у которой гораздо больше. Хариус хватает насекомое снизу, иногда даже поднимаясь перпендикулярно, и с быстротою молнии опускается вниз, не пуская, однако, пузыря, подобно голавлю, что зависит от того, что он берет насекомое очень нежно, губами, лишь немного открывая рот. Впрочем, случается, что он хватает бросаемую мушку на лету, выскакивая на поларшина из воды.

Хариус, побывавший на крючке, становится весьма осторожен и редко обманывается фальшивой мушкой.

Подсекать надо очень легко, особенно на быстрине; следует иметь в виду, что губы у хариуса очень нежны. Крупного хариуса необходимо прежде поводить, причем полезно даже спускаться вниз по реке. Такой хариус обыкновенно тянет ко дну, и потому в травянистых местах надо держать его круче, стараясь, чтобы он держался ближе к поверхности.

В больших реках, например в Неве, где его почти не ловят на удочку, так как он стоит здесь в порогах, хариус берет гораздо лучше и ужение его весьма просто. В Ивановском, например, его ловят в большом количестве на так называемую обшивку. Это нечто вроде искусственной мушки, очень плохо сделанной из двух довольно длинных перьев, около дюйма длиною, прикрепленных к крючку № 5. Так как хариус подходит (как и на других больших реках) к берегам редко и только во время падения мушки, то ловят здесь на обшивку с лодки и плавом, отпуская довольно далеко от себя, т. е. эта ловля напоминает ловлю на дорожку (металлическую рыбку) хищной рыбы. На Свири, наконец, по словам Либериha, ловят хариусов особыми подпусками, без грузка, на которые насажено от 10 до 20 обшивок. Леса, привязанная к короткому удильнику, который держится в руке, вытягивается по течению вместе с обшивками. Ловля эта производится с лодки и на значительной быстрине. После этого понятно, почему на севере и северо-востоке России и во всей Сибири клев хариуса считается очень верным и эту рыбу зачастую ловят на удочку пудами.

Корюшка

Osmerus eperlanus L. В Северной России – корюшка, корюха; на Онежском озере также – кереха, в Архангельск. губ. – корешок; в устье Печоры средняя форма между корюшкой и снетком называется нагышем. В Могилевск. губ. – стынка. Лат. – саллакас, стинт, эст. – тинт. Ламутск. – ильта; камчад. – шагач (вероятно, это какой-либо другой мелкий вид из семейства лососевых).

Рис. 77. Голова корюшки

Эта небольшая рыбка, бесспорно, самая популярная в Северо-Западной России: в Петербурге она потребляется в громадном количестве менее зажиточным классом населения.

Корюшка и снеток принадлежат к особому роду (*Osmerus*) семейства лососевых, который отличается довольно большим ртом, более длиною нижней челюстью, многочисленными и большими зубами и очень нежною чешуею; спинной плавник начинается не впереди брюшных плавников, как у сигов и хариуса, а позади; боковая линия неполная. Обе рыбы отличаются друг от друга почти только величиной, и последние исследования Кесслера доказали положительно, что они принадлежат к одному виду. Тщательно сличая между собой корюшек и так называемых снетков из очень многих озер, наш известный ихтиолог пришел к убеждению, что нет возможности удовлетворительно отличать их между собою. По мнению прежних исследователей, корюшка, кроме величины, отличается от снетка своими зубами, менее выдающеюся нижней челюстью, менее сжатою головою, относительно меньшими глазами; но профессор Кесслер убедился, что признаки эти весьма изменчивы и непостоянны. Даже величина корюшки обуславливается величиною и глубиною бассейна, и в каждом озере эта рыба имеет свои особые, более или менее характерные приметы. Нет никакого сомнения, что снеток есть не что иное, как выродившаяся корюшка – первоначально исключительно морская рыба, что доказывается ее наибольшим ростом в Финском заливе. Уже в Онежском озере корюшка мельче, чем в Ладожском, а в других озерах бывает еще мельче и часто называется снетком.

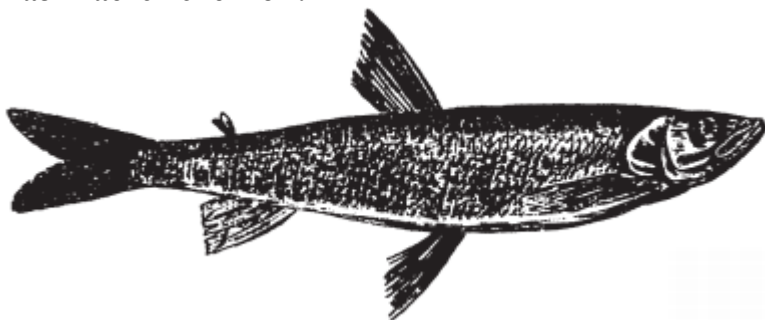

Рис. 78. Корюшка

Живая корюшка очень красива. Спина у нее буровато-зеленая, несколько просвечивающая, так как спинные чешуйки не выложены внутри серебристым пигментом; бока серебристые с голубым отливом сверху и снизу; эта серебристая полоса бывает то шире, то уже, то более или менее блестяща (смотря по местообитанию), начинается от жаберной крышки и, постепенно суживаясь, тянется до основания хвостового плавника; у молодых ее вовсе не бывает. Этот серебристый цвет боков туловища зависит от пигмента, отложенного в самой коже, под чешуями. Брюшная плева тоже серебристая; а на внутренней стороне жаберной крышки находится отложение черного пигмента в виде более или менее густых пятен. Плавники корюшки беловатые, но иногда бывают то светлее, то темнее. Самцы отличаются от самок более выдающеюся нижней челюстью, а во время нереста – большим количеством бородавочек на голове и нижних парных плавниках.

Величина этой рыбы незначительна: наичаще корюшка бывает ростом от 6 до 7 1/2 дюйма и в редких случаях достигает длины 10 дюймов.

Корюшка водится в северных морях Старого Света: Ледовитом, Белом, Балтийском и Немецком. Это главное ее местообитание, но, кроме того, она встречается в очень многих больших и глубоких озерах Северо-Западной России и Швеции. У нас она всего многочисленнее в Финском заливе, откуда весной входит в несметном множестве в Неву и Нарову. Затем, она весьма обыкновенна в Ладожском озере, где отличается от морской более темным цветом, в Онежском и весьма многих смежных с ним озерах (Укшозере, Кончозере, Урозере, Сандале, Пальозере,

Лижмозере, Пудкозере, Водлозере и т. д.), также в Чудском и Псковском озерах. По свидетельству Кесслера, корюшка появилась в оз. Мстино, из которого вытекает р. Мста, только в 1851 году и скоро размножилась до такой степени, что в 1863 году здесь ловилось ее на 3 тысячи рублей. По всей вероятности, она перешла сюда не из Чудского озера, так как этому переходу препятствуют Боровицкие пороги, а из озера Велье, через разные промежуточные озера и речки. Корюшка водится также и в некоторых озерах Курляндской губернии и заходит весной в р. Пернову Лифляндской. Кроме того, она держится в большом количестве в устьях Северной Двины.

Корюшка ходит всегда очень большими табунами. Обыкновенно она живет на глубоких песчаных местах моря или озера, но для метания икры вступает в реки, хотя редко поднимается по ним очень высоко и избегает быстрого течения. Пища ее состоит из различных мелких животных, исключительно небольших рачков: дафний, циприсов, циклопов, но крупная корюшка едва ли не кормится исключительно молодью других рыб или даже собственной; на хищность этой рыбы указывают и острые зубы ее. По Кесслеру, эта склонность крупных рыбок к пожиранию мелких рыбешек своего же племени замечается в особенности в таких озерах, где нет другой, более подходящей пищи, например в Валдайском озере. Корюшка весьма прожорлива, и случается находить в желудке семидюймовой рыбы трехвершковую. Вероятно, корюшка питается весьма разнообразными животными; этому следует приписать то обстоятельство, что в редкой невской корюшке нельзя не найти в плавательном пузыре (сообщающемся с пищеводом) несколько штук, а иногда несколько десятков крупных глистов. Эти рыбки отличаются от всех видов сем. лососевых своею живучестью: будучи вынуты из воды, они остаются живыми по целым часам, вероятно от того, что над жабрами находятся две небольшие полости в виде мешочков, в которых может сохраняться вода.

В противоположность сигам, корюшка нерестится весной, в конце апреля или в мае, смотря по местности и погоде; в это время самцы покрываются сверху шероховатой белой пленкой. В Северной Германии она поднимается в марте и апреле из глубины моря (Балтийского и Немецкого) в верхние слои и входит в реки, поднимаясь по ним довольно высоко – до среднего их течения. В Неву корюшка входит из Финского залива немедленно по вскрытии реки, не поднимаясь, однако, по ней очень далеко, и начинает метать икру, когда вода несколько потеплеет – в мае, иногда даже, при холодной погоде, в конце этого месяца. Вероятно, причину сравнительно позднего нереста ее служит здесь низкая температура невской воды, обуславливаемая ходом ладожского льда. По Ла Бланшеру, корюшка нерестится при температуре воды в 8–10° С. В Онежском озере ход корюшки в губы и устья рек начинается подо льдом, в конце апреля; в Вытегру, например, она идет в течение 4–5 дней или, вернее, ночей. Корюшка избегает быстрины, придерживается более песчаных берегов и, выметав здесь икру, вскоре возвращается обратно. За стадами корюшки идут хищные рыбы – щука, палья, налим, также сиви, хариус и особенно колюшка – истребители ее икры. Желтоватая икра эта, сравнительно с икрой сигов и лососей, очень мелка (диаметром 1 мм) и многочисленна, так как в рыбе средней величины насчитывают около 50 тысяч икринок. По Ла Бланшеру, последние прилипают к песку, и рыбки выклевываются через 5–10 дней; последнее вряд ли справедливо. Молодь держится в верхних слоях воды и растет очень быстро, так что в августе достигает 3 дюймов. По Борне и Яреллю, молодая корюшка в это время скатывается вниз к устьям и держится здесь некоторое (?) время, то загоняемая в реку приливом, то отбрасываемая отливом в море.

Главная ловля корюшки производится во время весеннего ее хода: в Неве особыми сетями – мережами, в Онежском озере, в устьях рек – большими неводами, а в реках – сетями, растянутыми на ряде кольев, которые вбиваются, начиная от берега, не

поперек реки, а под острым углом. В Ладожском озере, кроме весеннего лова в реках, после их вскрытия, корюшку ловят и летом (в северной части озера) большими неводами. В Белом море главная ловля этой рыбы производится в начале зимы – до Рождества, около берегов, трехстенными сетями (длиною до 20 сажен и не более двух аршин ширины), в которых она запутывается.

Кроме того, по берегам Бело го моря значительное количество корюшки добывается ужением, которым занимаются здесь преимущественно женщины, старые и подростки. Удят корюшку по льду, почти в течение всей зимы, но главным образом в феврале и марте. К короткой (около 6 вершков) и узкой (в вершок) дощечке (клещице), заменяющей удилище, с вырезками для наматывания лесы привязана волосная леса в 2–3 сажени длины со свинцовым грузилом длиною в 11/2 вершка и диаметром в 3/8 вершка. Сквозь нижний конец грузила продевается «перевесло» – проволока (или тонкая железная палочка) в 3 вершка длины, к концам которой привязаны на волосяных поводках (тоньках) в 3 вершка длины довольно большие крючки без загиба (т. е. жало и стержень в одной плоскости) и с жалом, отогнутым наружу. Иногда перевеслом служит само грузило, которому придана форма пологой дуги; в этой свинцовой дужке (привязываемой посредине) проделывается от 3 до 5 дырочек, в которые продеваются тоньки с крючками. Насадкою служит небольшой кусок рыбы (наваги, корюшки, мелкой сельди, вьюна или сижка); наживленные крючки спускают через прорубь (до полуаршина диаметром) так, чтобы они стояли вполводы (корюшка держится в далеком расстоянии от дна), и кладут клещицу поперек проруби или прижимают ее рогулькой, воткнутой в снег. Обыкновенно в одну прорубь спускают по две лесы. Время от времени, подергивая за клещицу, рыболов узнает, попалась ли рыба; в последнем случае быстро вытаскивает леску и ударом маленькой палочки по голове или просто ударом об лед высвобождает крючок и снова опускает леску в прорубь. Таким же способом удят (с февраля) корюшку и в южных частях Ладожского озера (на куски корюшки же), но здесь только при хорошем лове удается поймать до 300 штук в день.

У нас охотники-рыболовы, кажется, нигде не занимаются ужением корюшки, вероятно по той причине, что ее можно ловить только в море. Но в Германии и в Англии, где корюшка дольше держится в реках и дальше заходит в них, ужение это довольно распространено, хотя, за свою легкость, не пользуется особым уважением. В устьях Темзы ее удят в большом количестве с плотов, доков, кораблей – с середины июня до конца ноября, главным образом летом, на глубине не менее 7–8 футов, маленькой удочкой с поплавком и несколькими мелкими крючками (№ 8–9), привязанными к леске на коротких поводках в расстоянии 9 дюймов. Насадкою служат черви, куски раков, крабов, морская мокрица (*Asellus aquaticus*), но лучше всего берет корюшка на кусочки угря, вырезанные с брюшной части. При поклевке поплавок ложится на воду, и в этот момент надо подсекать быстрым и резким движением. По Алькену, в Германии ловят корюшку (в море и речных устьях) с июля (по Борне – с июня) по декабрь, на короткие крепкие удилища с тяжелым поплавком и длинной бечевкой с грузилом (на конце) и 10–12 (и более) крючками, привязанными, как сказано выше, всего лучше, однако, на поводках из щетины. Грузило должно касаться дна. На крючки насаживаются преимущественно куски рыбы (угря, корюшки) величиною с ноготь, при чем нет надобности закрывать крючок, так как корюшка берет очень жадно: при хорошем клеве иногда в несколько минут (?) выуживают 60–70 штук.

Иногда удят корюшку без поплавка, беспрестанно опуская и приподымая леску, так как клева ее не слышно. По своей необыкновенной живучести корюшка служит превосходной насадкой для ловли всех хищных рыб.

Несмотря на то что количество корюшки, добываемой на севере и северо-западе

России, весьма значительно и, вероятно, должно считаться сотнею-двумя тысяч пудов, рыба эта далеко не имеет такого важного промыслового значения и такого обширного сбыта, как снеток, т. е. выродившаяся и измельчавшая корюшка. Большую часть она поступает в продажу свежую, и ценность ее, сравнительно с ряпушкой, весьма незначительна; в Петербурге сотня корюшки продается от рубля до трех, а в Ладожском и Онежском озерах стоит гораздо дешевле. Мясо ее очень нежно и вкусно, но имеет специфический запах, похожий на огуречный, который усиливается во время нереста и многим не нравится. Запах этот, однако, исчезает после копчения. Коптят корюшку, впрочем, редко, по причине ее дешевизны; большую часть летнего улова в северной части Ладожского озера сушат в печах, причем из трех пудов свежей выходит пуд сушеной рыбы.

Из всех лососевых рыб корюшка самая неприхотливая и легко может быть разведена во всяком значительном озере, имеющем достаточную глубину и довольно холодную воду. В Англии, по словам Борне, эту рыбу содержат даже в прудах (вероятно, ключевых), и там она очень хорошо и сильно размножается. Всего выгоднее было бы разведение корюшки в озерах Центральной России, в которой она имеет сравнительно довольно значительную ценность.

Снеток

Osmerus eperlanus var. *spirinchus*. По всей Северной России – снеток, сняток, снет, у карелов – снитти; финск. – норсси, синейнен; лат. – стинт, у ижоров – тинти. По Палласу, у камчадалов – ингая, инг ачич, но, вероятно, это название принадлежит какой-либо другой рыбе.

Как уже было сказано выше, снеток отличается от корюшки почти единственно меньшим своим ростом. Обыкновенная его величина 3–4 дюйма, очень редко 6 дюймов, как, например, в Валдайском озере, так что снеток, бесспорно, самая маленькая рыбка, имеющая промысловое значение. Это значение даже гораздо более, нежели значение корюшки: сушеный и мороженный снеток развозится по всей Северной и Средней России, и количество его надобно считать сотнями тысяч пудов.

Главное местопребывание снетка – озера Северной Европы, и то, впрочем, весьма немногие. Есть ли он в Сибири – достоверно неизвестно, хотя Паллас и утверждает, что снеток водится на Камчатке. Сколько известно, эта рыбка составляет исключительную принадлежность озер Северо-Западной России; на севере, по-видимому, она редка и большую часть попадает в форма, составляющая переход к корюшке (например, в Голодной губе, у устьев Пе чоры, где она называется нагышом). Из других местностей Европы снеток встречается во многих озерах Швеции, в некоторых местностях Пруссии и Бранденбурга, но уже довольно редко, и здесь он не имеет никакого промыслового значения и даже редко употребляется в пищу.

Главное местопребывание снетка – озера Псковское, Чудское, Ильмень, Валдайское и Белоозеро, где и производится его главный лов. В Онежском озере настоящий снеток очень редок, а в Ладожском встречается только в некоторых губах западного берега, к северу от Кексгольма. Кроме того, он водится во многих глубоких озерах Новгородской и Тверской губерний, также в Остзейском крае, по-видимому, даже в Смоленской губернии и во многих озерах Северо-Западного края, именно в Сувалкской губернии. Вообще с пятидесятых годов распространение этой небольшой рыбки весьма расширилось. Так, она появилась в озере Лаче (из озера Челондского), в канале Герцога Вюртембергского, перешла в озера бассейна Северной Двины, например в Зауломское и изредка попадает в Кубенском озере.

Точно так же она появилась в озере Вирцьерве не ранее 1851 года, а в озере Мстино (Тверской губернии) – с 1857 года. В Селигере снеток водится в большом количестве с незапамятных времен, но в древних известиях о Пейпу се не упоминается о снетках. Вообще распространение этой рыбы, видимо, расширяется, и причиной тому, конечно, каналы, соединившие между собою бассейны Белого, Балтийского и Каспийского морей. Во время весеннего половодья снеток иногда заносится из Белоозера в Шексну и даже Волгу.

Впрочем, даже в таких озерах, как Чудское и Псковское, где снетки составляют главную массу всей рыбы, они, по-видимому, годами почти совершенно исчезают на более или менее продолжительное время. Так, в 60-х годах, по Данилевскому, снетков вовсе не было в Чудском озере; лет 17–18 назад он был снесен оттуда в Нарову и снова появился только в конце 60-х годов из Псковского озера, так что в зиму 1870–1871 года ловился в гораздо большем количестве, чем в последнем. Точно так же и 1839 год был замечателен отсутствием снетков в Псковском озере, которые были угнаны ветром в Пейпус. Вообще снеток – рыба периодическая, и многочисленность ее в одни годы и малочисленность в другие зависит главным образом от состояния погоды в летнее время: сильные ветры и бури выгоняют снетков в другие озера, уничтожают икру, а дождливое и холодное лето имеет большое влияние на развитие их молоди, а также на прирост ее, потому годами снеток бывает крупнее или мельче. В теплое время в озерах образуется множество водорослей, наполняющих собой в виде зеленых шариков целые полосы воды. Эту органическую массу рыбаки называют снетковым кормом и при ловле всегда отыскивают места, где вода окрашена водорослями в зеленый цвет. Особенные удобства в этом отношении представляет Псковское озеро, которое как бы окаймлено обширной береговой песчаной террасой; здесь глубина воды не превышает сажени и во множестве растут *Potamogeton* и разные водоросли – приют и пища мелких ракообразных, главный корм снетков. Далее эта терраса круто обрывается, и дно озера представляет горизонтальную равнину без отмелей, где глубина воды равняется 2 1/2–3 сажням и где держится взрослая рыба. Весь снеток Псковского и Чудского озер все лето проводит в этом месте и только при ветреной и дурной погоде временно уходит на илистые места, в глубь озера, куда совершенно удаляется к осени, собравшись в огромные стаи. По Бэру, снеток Псковского озера осенью постепенно переходил в северный отдел Пейпуса, оставался для метания икры до половины мая и затем снова возвращался в Псковское озеро; но, по свидетельству Васильева, снеток для метания икры попадает в Чудское озеро редкий год и загоняется в него ветрами или льдами, да и вообще последнее при чистоте дна и воды, а также по обилию хищных рыб не может представить тех удобств для размножения снетка, какие он имеет в Псковском. По этим причинам снеток, очевидно, должен быть гораздо малочисленнее в Пейпuse, хотя достигает в нем большого роста, а потому замечание Бэра о ежегодных переходах снетков должно быть признано неверным. Вероятно, случайное было возведено им в общее. Напротив, основываясь на том, что после неурожайных годов (т. е. когда снеток для метания икры попадает в Чудское озеро) в Псковском озере попадает снеток в большем против обыкновенного количестве, надо полагать, что значительная часть и коренного чудского снетка уходит в Псковское озеро.

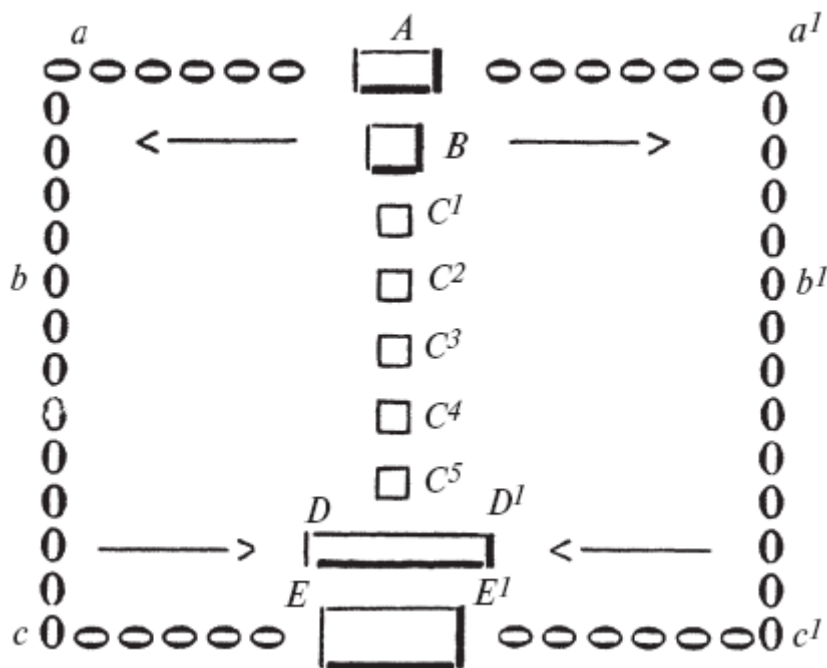

Рис. 79. Схема

закидывания невода:

А – подавальное корыто; В – подъемница; С1, С2, С3, С4, С5, – глядельницы; D, D1 – заставная прорубь; E, E1 – корыто (подъемное); aa1 – росстань угол; bb2 – средний угол; cc1 – остатный угол

Нерестится снеток, так же как и корюшка, ранней весной, но обыкновенно после вскрытия озер или, по крайней мере, впадающих в эти озера рек. При ранней весне и благоприятных ветрах снеток мечет икру, кажется, на прибрежных отмелях озера; в противном случае массами входит в реки, так что его можно в это время черпать ковшами. В Псковском озере нерест (в озере и в устьях р. Великой) происходит в конце марта или в начале апреля, то же в оз. Селигер; в Чудском и Ильмене (в р. Шелони и Ловати) несколько позднее; в Белоозере же, по Данилевскому, ход снетка (в устья Ковжи и Кемы, особенно последней) продолжается с Егорья (23 апр.) до Николина дня (9 мая), причем, однако, главный лов (в самый разгар нереста) продолжается не более трех дней, вернее ночей, так как снеток идет и нерестится по ночам.

Икра выметывается им на песчаных или хрящеватых местах и плавает здесь такими массами, что при весенней ловле вытаскивается в огромном количестве на берег. Хотя вместе со взрослым снетком ловится и мелкий годовалый, в полвершка величиною, но икры он не имеет, а потому надо принять, что эта порода становится способной к размножению только в конце второго года жизни, все-таки раньше всех других промысловых рыб, которые нерестятся обыкновенно по третьему или четвертому году. Во время нереста снетки покрываются мелкими бородавочками. Васильев говорит, что икра снетка задерживается водорослями, покрывающими дно озера (Псковского), которые таким образом предохраняют ее от истребления другими рыбами, но это мнение не выдерживает критики, потому что в начале апреля может быть только прошлогодняя водяная растительность и водоросли, и водяные растения могут иметь значение для снетков не раньше мая, даже июня, доставляя убежище для взрослых рыб, а для молоди, кроме того, и пищу (водоросли). Молодь, впрочем, несомненно, живет в более мелких местах и ближе к берегу, чем крупный снеток.

В Ильмене снетки, выметавшие икру, держатся некоторое время на мелкой прибрежной полосе (с песчаным дном) и уходят в глубокую и илистую часть озера еще в июне. В июле их начинает преследовать мелкий окунь-селеток (окуничик,

окунец, острячонок), т. е. выведшийся тою же весной, и стада молодых снетков до глубокой осени всегда бывают окаймлены мелким окунцом, следующим за ними всюду и находящим для себя постоянную пищу в отсталых и слабых; в середину стада окунец пробраться не может. По свидетельству того же Васильева, окунец оставляет снетка, когда последний перерастает своего преследователя. Для ловцов Псковского озера отсутствие между снетками окунца служит признаком их зрелости, и смешанные уловы ценятся очень низко. Вообще размножение снетков зависит как от весенних ветров, выбрасывающих на берег их икру, так едва ли не более от урожая окуней, который, как было сказано выше (см. «Окунь»), бывает наибольшим при весенних ветрах. По наблюдениям г-на Гримма, в годы обильного урожая острячка совсем не ловится молодой снеток, так как весь он делается добычею окуньков, и сильно размножившиеся окуни могут даже совершенно истребить всех снетков в озере. Так, например, в Пестовском озере Никольского рыбопроизводного завода (Новгородской губернии Валдайского уезда) последние совершенно исчезли в 1865 году вследствие слишком бережливого лова рыбы вообще, а в частности окуней, и развелись здесь снова только в 1875 году, после того, как сюда было пересажено (к 1872 году) 5 пудов снетков из озера Велье. Снеток также во множестве истребляется водяными птицами, особенно чайками, и скопление этих птиц в известном месте служит указателем местонахождения рыбы. Кроме того, надо всегда иметь в виду, что снетковые стаи в ветреную погоду всегда собираются на подтишь, т. е. к подветренному берегу.

Ловля снетков производится, например, в Белоозере в течение всего года почти без перерыва, но в Чудском озере зимняя ловля незначительна, вероятно потому, что здесь снеток уходит на зимовку в самые глубокие места. В последнее время весенний лов практикуется уже далеко не повсеместно, так как даже сами рыбаки начинают приходить к тому убеждению, что ловля во время нереста уменьшает количество осенних и зимних уловов, дающих рыбу более ценную и с более обширным сбытом. Весенний лов производился прежде в Псковском озере, главным образом в устье Великой, неводами около 200 сажень длины с мотней до 5 сажень. Почти такими же неводами ловят во время нереста в устьях Шелони и Ловати, на озерах Ильмене, Ковжи и Кемы, на Белоозере, но здесь, кроме того, вычерпывают большое количество рыбы частыми саками, вроде наметки. Летний лов начинается обыкновенно с 1 августа (Псковское озеро) или с Ильина дня (Ильмень); ловля мелкочейными неводами, имеющими более Зячей на вершок, на Чудском и Псковском озерах с 24 июня по 1 августа запрещена законом, и невода эти отбираются и запечатываются, так же как и сушильни. Осенний лов считается с 3 сентября до замерзания, зимний – с замерзания озера до его вскрытия. Наибольшее количество снетка добывается, конечно, зимою, а так как неводная ловля подо льдом производится совершенно иначе, чем летом и осенью, и известна весьма немногим, то я приведу здесь описание этого лова в Псковском озере, который в общем, кроме названий терминов, немногим лишь отличается от зимнего неводного лова в других русских озерах и реках.

Для ловли снетков употребляется в это время большой невод (запас), состоящий, как всегда, из двух крыльев и мотни (матки), только эти части невода имеют более частые ячей, чем для ловли другой рыбы. Как матка, так и крылья связаны из нескольких частей различного вязанья и носящих особые названия. Весь невод имеет в длину до 300 сажень; ширина его от 8 до 10 сажень, а матка – длиною до 10 сажень, шириною при устье до 7; стоимость его колеблется от 700 до 1000 руб. Для перевозки невода требуется не менее 6 лошадей, а потому зимняя ловля начинается, когда лед достаточно окрепнет. Производится она следующим порядком. Прежде всего делается большая прорубь, так называемое поддавальное корыто, длиною в 3 и шириною в 3/4 аршина; параллельно ей, в расстоянии сажень 200, делается другая

прорубь, заставная, или просто корыто, длиною в 2сажени и шириною в 2аршина. Первая прорубь служит для опускания невода, а последняя – для вытаскивания. На небольшом расстоянии от первой проруби, в параллельном же направлении, делается небольшая прорубь, называемая подъемница, для развязывания и поправления матки. Впереди же корыта делается узкая прорубь – застава для воспрепятствования обратному проходу рыбы из невода. Между подъемницей и заставною прорубью прорубается несколько небольших отверстий, называемых глядельницами; через эти отверстия последовательно, одно за другим, наблюдают за тем, есть ли подо льдом рыба, для чего ложатся на лед, прикрыв чем-либо голову. Для подвозки невода употребляются очень большие сани длиною до 2 1/2 сажени, а шириною до 2 1/2 аршина.

Самый невод закидывается в следующем порядке: в первую прорубь или подавальное корыто А с обеих сторон под лед опускается по жерди длиною до 15 сажен, одна против другой по прямой линии, по направлению к аа1; к концам жердей прикреплены железные кольца, к которым привязываются веревки для тяги невода, каждая не менее 100 сажен. По направлению жерди в ту и другую сторону отмеривается 43 шага и прорубается небольшое отверстие, куда опускается дугообразный деревянный крюк, которым захватывается находящаяся подо льдом жердь и прогоняется далее же лезной вилкой, называемой сошиллой. Далее еще делается несколько таких же отверстий и таким же точно образом прогоняется жердь на расстояние 100 сажен от подавального корыта. То же делается и на другой стороне большой проруби. Из конечных прорубей аа1 вынимаются прикрепленные к жердям веревки и к каждому концу впрягают тройку лошадей или привязывают его к вороту-цилиндру, называемому бочкой, по сходству с ней, и поставленному на салазках, прикрепленных ко льду. Таким образом опущенные под лед крылья невода притаскиваются к конечным прорубям аа1. После сего жердь поворачивается под прямым углом в ту сторону, где назначено вытаскивать невод, т. е. к заставе и подъемному корыту. Этот поворот называется или первый угол, или росстань. Отсюда жердь прогоняется подо льдом прежним порядком на расстоянии 100 сажен, где делается прорубь, называемая средним углом, куда также подтягивают невод. Последняя прорубь сс1, которая должна находиться на прямой линии с подъемным корытом, называется остатни й угол. Отсюда жердь поворачивается по направлению к корыту, и невод сводится с обеих сторон. Здесь, в корыте, он вытаскивается руками. Зимняя неводная ловля требует большего числа рабочих (16 человек) и гораздо мешкотнее, чем летняя и осенняя.

В Псковском озере большая часть пойманного снетка продается скупщикам-прасолам и поступает на снето-сушильные заводы, но в других местах он сушится только летом и осенью, а зимний снеток поступает в продажу мерзлым. Лучший сушеный снеток – талабский, желтоватого цвета, а из мороженых всего дороже ценится крупный и белый белозерский снеток. Сушится он в больших печах, нарочно для этого устраиваемых, и сушится в различной степени, смотря по тому, имеется ли в виду ближний или дальний сбыт. Один называется полусушеным, и его выходит из пуда свежей рыбы 30 фунтов, другой называется сушеным, и его выходит от 1/4 до 1/2 пуда. Обыкновенно сушка производится следующим образом: жар в печи разгребается, середина посыпается чистым песком или солью и затем аккуратно, рядами, кладутся (лопатой) снетки, слоем в 2 пальца, и сверху также посыпаются солью. Удостоверившись, что снеток с нижней стороны достаточно просох, перевертывают его на другую сторону – также лопатой. Главное искусство мастера состоит в том, чтобы не пересушить или недосушить рыбы.

Хороший мастер получает за каждую посадку 8 к. и делает в день до 40 посадок. Вкаждую посадку идет три-четыре четверти снетков и 12 1/2 фунтов соли, а из печи получается, смотря по высушке, от 1 пуда 30фунтов до 2 пудов 30 фунтов. Из печи

снетки ссыпаются в амбары, а потом запаковываются в корзины и поступают в продажу. Иногда для лучшего запаха снеток вспрыскивается прованским или тминным маслом. На Ильмене сушат очень сухо, так что из пуда свежего выходит только 10 фунтов, но зато его не пересыпают солью.

Снеток, особенно сушеный, частью и мороженный, имеет весьма обширный сбыт и, сравнительно очень высокую стоимость. Псковский и белозерский снеток идет в самые отдаленные местности России и покупается на месте (от скупщиков) от 3 до 5 рублей за пуд, смотря по спросу, количеству уловов и времени года. Всего дешевле он бывает во время непродолжительного весеннего лова, когда его не успевают сушить и снеток скоро портится. Тогда его покупают свежего (от ловцов) не дороже 30 (иногда 15 и 10 к.) за четверик, т. е. полпуда.

Как велико количество снетка, добываемого в северо-западной части (частью на севере) России, определить трудно, но во всяком случае всего более добывается его в Псковском озере, с которого ежегодно вывозится (по сведениям, собранным Васильевым) от 150 до 300 тысяч пудов одного сушеного снетка. По другим данным, одни талабские купцы сбывают ежегодно в Петербург, Москву, Киев и Варшаву до 100 тысяч бочек (или 50 тысяч четвертей) снетка, а весь улов считается около 400 тысяч пудов сушеного. В Белоозере, по Данилевскому, общий улов снетка может быть принят в 30–40 тысяч пудов. Вообще у нас, вероятно, добывается до двух миллионов пудов сырого снетка – этой самой маленькой рыбы из всех употребляемых в пищу человеком.

Это важное экономическое значение снетка объясняется как его многочисленностью и быстротою размножения, так еще более его высокими качествами. Обладая большим количеством жира, снеток дает дешевую и питательную пищу, и одного фунта (сушеного) достаточно для того, чтобы приготовить суп на 10 человек, а из сырого выходит очень наварная уха. Свежий снеток, только что вынутый из воды, прозрачного синеватого цвета, так что в нем просвечивают внутренности, и имеет очень тяжелый запах, подобный запаху корюшки, даже сильнейший; но заснувши, снеток белеет, и запах этот постепенно слабеет, а высушенная рыба почти его утрачивает.

Хорошо высушенный псковский снеток имеет сероватый цвет, ильменьский же – желтоватый. Своим вкусом особенно славится крупный белозерский мороженный снеток, почему и ценится относительно дороже других.

Более нежели вероятно, что со временем промысловое значение снетка значительно увеличится, так как не подлежит никакому сомнению, что он всего успешнее размножается там, где крупная рыба почти выловлена. Таким образом, очень многие озера ожидают участь Псковского озера, в котором с давних времен производится едва ли не самый интенсивный неводный лов, обусловливаемый удобствами этого лова. Можно даже сказать, что разведение снетка в сильно вылавливаемых озерах Средней России было бы весьма желательно, во всяком случае более желательно, чем разведение, например, форели и сига – рыб несравненно более прихотливых и все-таки, несмотря на свою ценность, гораздо менее важных, чем снеток. В неглубоких (хотя и не особенно мелких) и кормных бассейнах снеток с выгодой мог бы занять место щуки, окуня, плотвы и других сравнительно дешевых озерных рыб, имеющих некоторую ценность только в свежем виде, тем более место совершенно ничего не стоящей верховки. Всего удобнее и целесообразнее было бы на первое время озаботиться разведением снетка в Ростовском озере и, пожалуй, в Переяславском, где, впрочем, снеток вряд ли найдет особенно благоприятные условия, так как оно не принадлежит к числу кормных озер. Отсюда снетка можно было бы пересадить в Чухломское и Галичское озера. К сожалению, снеток нерестится весной, и икра его вряд ли может быть пересылаема на большие расстояния так просто, как икра зимних лососевых рыб.

Я полагаю, однако, что зимою будет нетрудно доставить в Ростов достаточное количество взрослых сетков (пудов 10–20) по железной дороге (из Новгородской губернии) в больших бочках, и ростовскому земству не мешало бы иметь это в виду. Снеток, подобно корюшке, очень живучая рыба и, если не помят и осторожно вынут из невода, без сомнения, может выдержать более дальнюю перевозку, чем, например, окунь и щука.

Само собою разумеется, что для рыболова-охотника снеток может иметь только значение хорошей насадки для уженья окуней.

Чолмужский сиг

Coregonus Tscholmugensis Danilevski. Повсеместно – чолмужский сиг, иначе белый, или большой сиг.

Встречается преимущественно в Онежском озере, очень редко в Ладожском, да и в первом озере попадаете гораздо реже других сигов. Редкость эта вместе с величиной рыбы и ее названием не служит; однако, подтверждением мнения Кесслера, что чолмужский сиг – белорыбица, зашедшая сюда из Волги и не успевшая размножиться, а объясняется тем, что белый сиг живет на огромнейших глубинах и даже мечет икру на значительной глубине. Очень может быть также, что большая часть нерестилиц его вовсе неизвестна. Уже по одному тому, что белорыбица и нельма для метания икры входят в реки, а чолмужский сиг никогда, следует предположить, что он принадлежит к особому виду крупных сигов.

Недавние исследования покойного (не романиста) Данилевского показали, что белый онежский сиг резко отличается от белорыбицы тем, что, как и у других сигов, у него верхняя челюсть выдается над нижней. Кроме своей величины, так как сиг этот достигает до 25 и даже до 27 фунтов веса, т. е. такой же, как белорыбица и нельма, он отличается от всех известных сигов чрезвычайной малостью глаз, горизонтальный диаметр которых содержится в расстоянии от конца носа до переднего края глаза только 21/4 раза. Верхнечелюстные кости задним концом своим не доходят до переднего края глаз, подобно тому как у лудожного и зобатого сигов (*Coregonus fera Wideogeni*), но от обоих чолмужский сиг отличается короткостью своих плавников. В этом отношении приближается к сиголовному сигу (*Coregonus baerii*) и швейцарскому *Coregonus wartmanni*, так как грудной плавник его, будучи пригнут к голове, далеко не хватает до угла рта. Голова чолмужского сига относительно больше, чем у всех ладожских и онежских сигов, кроме зобатого, и относится к длине тела до начала хвостового плавника, как 1: 4,5.

Мнимое происхождение чолмужского сига от белорыбиц, попавших в Онежское озеро вследствие того, что на озере, по преданию, несколько десятков лет назад разбилась живорыбная сайма, не выдерживает критики, во-первых, по резким отличиям между этими двумя рыбами, во-вторых, потому, что лов белых сигов производится исстари отцами и дедами чолмужских старожилов, хотя всегда в небольшом количестве. Наконец, если даже действительно несколько десятков белорыбиц как-нибудь попали в Онежское озеро, то весьма невероятно, чтобы они, разойдясь по его обширному пространству, могли встретиться ко времени метания икры в удобном для того месте.

О жизни этого сига не имеется почти никаких сведений, кроме того, что он живет в северных, самых глубоких частях Онежского озера и в небольшом числе входит для нереста в Чолмужскую губу, так что его ловится не более 60 пудов, годами значительно менее, а в прежние времена едва ли лов этот когда достигал 200 пудов. Из того, что белый сиг, дабы попасть в Чолмужский пролив, должен пройти сначала

пролив Выр-Сагоме, где также встречается, надо заключить, что он из той части Повенецкого залива, которая лежит к западу от Заяцкого острова и гряды островов, тянувшихся с северо-запада на юго-восток. Лов начинается в конце октября, еще до замерзания озера, особого рода ставными сетями, называемыми белосиговыми. Сеть эта, не нанизанная еще на тетиву, имеет с лишком 60 сажен в длину, но на саду она уменьшается до 30 сажен. Для сего сеть нанизывается непосредственно своими ячейками не на тетиву, а на особую веревку, называемую поджилкою, и притом весьма слабо. Поджилка же прикрепляется к тетиве фестонами через 8 вершков; в этих местах на тетиву навивается по поплавку из свитка коры (киборка). На нижнюю тетиву через 7 аршин привязывается по грузилу из камня (опока), который висит на веревке (колбице) вершков 6 длиною. Вышина сети в 18 ячей – 5 аршин. Ячей очень крупны – по 11/3 вершка в стороне (от узла до узла). Главное усло вие удачи лова как этими, так и вообще всеми ставными сетями на глубокой воде, где они не могут хватать от дна до поверхности, состоит в том, чтобы расставленная сеть представляла в воде волнистую неправильную поверхность. Правило это настолько важно, что, не соблюдая его, можно в течение нескольких недель ничего не поймать при изобилии рыбы. Белосиговые сети отличаются от всех прочих сетей еще тонинною пряжи. Кроме сетей, ловят чолмужских сигов и неводами, как летними, так и зимними. Лов летними неводами производится только при входе в пролив со стороны озера и в Выр-Сагоме, когда успеют возвратиться с лова ряпушки, так что застанут сигов во время хода их в губу; в самой же губе перед проливом и в проливе ловят лишь сетками. Зимними неводами ловят (подо льдом) только в те года, когда губа и пролив ровно замерзнут.

Сиг этот – самая дорогая рыба из всех онежских рыб, дороже самого лосося, так как на месте продается по 6 руб. и более за пуд. Относительно цены сигов Данилевский замечает, что на озерах Онежском и Ладожском она не столько определяется различием их пород, сколько величиною и белизною – серебристостью их цвета. Поэтому-то чолмужские сии так высоко и ценятся, что соединяют в себе эти два качества в высшей степени. Чтобы сохранить в полном блеске серебристость чешуи, опытные чолмужские рыбаки кладут их всегда на снег и снегом перекадывают. Если их положить на землю, то столь ценная белизна их пропадает. Чтобы восстановить ее, оттаивают рыбу, трут снегом и снова замораживают, предпочитая испортить оттаиванием вкус, но сохранить красивый вид. Это относится не к одним только чолмужским сигам, но и ко всем рыбам, величина и белизна которых заслужили особое внимание торговцев.

Сиг-лудога

Coregonus Fera Jurine. В Ладожском озере – лудога, закорный сиг (весною), паровой сиг (летом), черный сиг; в Новой Ладого также озерной сиг, олонецкий, олонка. На Онежском озере – онежский сиг. Финск. – валькеа сиика. Зобатая разность (*C. widegreni Malmgr.*) на Ладожском озере и на петербургских садках – еалаамка, зобатый сиг; финск. – валаамка сиика. Молодая лудога, вообще всякий молодой сижок, пока не достигнет роста более 5 вершков, называется мойкучей или мойкушей, а в 6 вершков или несколько больше – полусигом. Летом сиг вообще, по Далю – мошкарь, мошкалов.

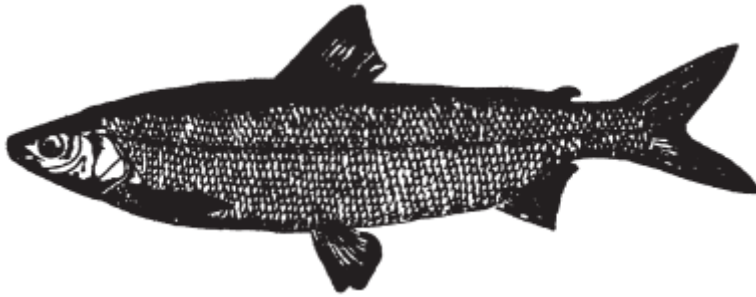

Рис. 80. Сиг-лудога

Лудога принадлежит к числу небольших сигов и большею частью бывает весом от 2 до 5 фунтов, хотя в Повенецкой части Онежского озера достигает часто 7 и даже 10 фунтов. Он отличается небольшою головою, очень утонченною к переднему концу, значительно выдающейся верхнею челюстью, которая образует как бы выпуклый нос, числом коротких тычинок на передних жаберных дугах (24–27). Тело его сильно сжато с боков, спина плоская, ровная; цвет тела, особенно цвет спины, бывает то светлее, то темнее, но вообще буровато-зеленый; бока туловища серебристые, иногда с голубым отливом, брюхо белое, плавники серые, нижние при основании белесоватые; глаза серебристые.

Лудога, сколько известно, водится у нас в озерах Ладожском (кроме западного берега) и Онежском и, вероятно, в некоторых больших озерах Финляндии. Кроме того, он встречается в Швейцарии, Австрии, Баварии и Швеции. Местопребыванием его постоянно служат большие и глубокие озера, и в реки он никогда не заходит. Название «лудога» дано этой породе сигов вследствие того, что лудога выходит нереститься в октябре на луду, т. е. каменистые или крупнопесчаные подводные гряды. Впрочем, ей даются и другие названия, частью заимствованные от ее обычаев, частью от местностей, в которых она ловится. Так, например, в Новой Ладогке ее называют весной закорным сигом, летом, когда она подходит к берегам, чтобы кормиться поденками, – паровым, зимою, когда ловят лудогу подо льдом, – зимником; также называют ее озерным сигом в противоположность волховскому или же черным, олонецким сигом, олонкою и т. д. Под олонецким берегом, как утверждают рыбаки, лудога чернее и хуже вкусом, нежели у южных берегов Ладожского озера.

Образ жизни этого сига и его ловля еще весьма мало исследованы. Обыкновенно он держится на глубине и только изредка показывается на более мелких местах. Пищу его составляют различные рачки, насекомые, а также мелкие раковинки (*Succas*) и небольшие рыбки. По Ла Бланшеру, беловатые яйца *Coregonus feae* весьма многочисленны (?), молодые сижки выклеваются через 25–30 дней и первое время своей жизни держатся на поверхности воды.

В Онежском озере лудога ловится неводами и так называемыми продольниками, или масельгами. Неводная ловля начинается в конце сентября (в Повенецкой части) или с середины октября (в юго-восточной части и, около Муромского монастыря) и продолжается до образования у берегов ледяных закраин. Ловят на самых лудах, обметывая их неводами (кереводами). Масельга состоит из пеньковой веревки длиною от 50 до 1000 сажен, к которой при помощи аршинных бечевок на расстоянии 1–4 сажен привязываются железные крючки, наживляемые почти всегда ряпушкой. Для ловли сигов (в летнее время) масельги большею частью погружаются на дно озера посредством грузил. Кроме того, в Повенце лудог ловят ставными сетями или, вернее, заганивают их туда, стуча о камни шестом, обитым железом.

В средней части Онежского и в северной, глубокой части Ладожского озера близ острова Валаама водится порода сигов, очень близкая к лудоге и называемая валаамкой или зобатым сигом (*Coregonus Widegreni*), так как брюхо этой рыбы

позади грудных плавников, в то время когда ее вытягивают сетью из воды, более или менее раздувается от напора плавательного пузыря. Валаамка постоянно живет на огромной глубине, где газы, и аполняющие плавательный пузырь ее, подвергаются чрезвычайно сильному давлению; когда же ее захватят неводом и вытаскивают к поверхности воды, то газы эти начинают расширять и раздувают плавательный пузырь, который, в свою очередь, напирает на другие внутренние органы. Кроме зоба, она отличается от лудогы своим еще более удлиненным носом и большим количеством жаберных тычинок (26–31), меньшею величиною (более 2–3 фунтов) и более темным цветом туловища и плавников; но, с другой стороны, попадаются сиги, составляющие как бы переходную форму между этими двумя рыбами (такие называются верхосвирками), и некоторые онежские рыбаки утверждают, что лудожный сиг бывает иногда с зобом и что вообще тот и другой принадлежат к одной породе. В Повенецкой части озера полагают, что зоб происходит от того, что лудога сильно наедается икрой ряпушки, но это мнение, конечно, ошибочно. Кесслер полагает, что зобатый сиг произошел от лудожного вследствие пребывания на огромной глубине и местами, как, например, в средней части Онежского озера и северной Ладожского, успел совершенно обособиться и отделиться от лудожного сига, тогда как в других не успел еще вполне сложиться и сделаться самостоятельным. Нерестится валаамка очень поздно – около половины ноября или еще позднее, но ловля ее (ставными сетями в 18 сажень длины и 23/4 аршина вышины) начинается также с середины октября, а продолжается до Николина дня.

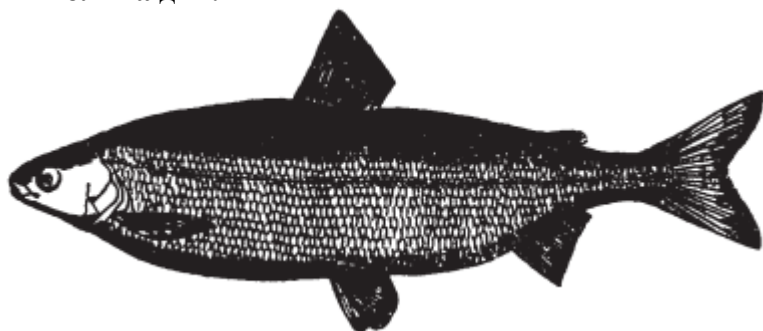

Рис. 81. *Coregonus Wartmanni*

Как рыба, живущая на огромной глубине, лудога не имеет никакого значения в охотничьем отношении и на удочки, кажется, не ловится даже в Западной Европе. В Женевском озере рыбаки ловят лудогу на переметы с крючками, на которые навязан волос в виде насекомого. Летом, вероятно, ее можно ловить (в Онежском озере) на искусственную мушку в то время, когда она подходит к берегам. По замечаниям женевских рыбаков, *C. feae* очень бьется, так что вытаскивать ее надо осторожно, а вынутая из воды мгновенно засыпает.

Весьма возможно, что в Западной и Юго-Западной России встречается еще одна порода небольших сигов – именно *Coregonus Wartmanni*. Этот сиг отличается от лудогы еще более удлиненным носом и сравнительно узкою хвостовою частью. Кроме того, он несколько меньше его ростом, туловище его шире и весьма равномерно утончается к голове и хвосту; цветом он также темнее последнего. Формула его совершенно одинакова. В озерах Средней Европы *Coreg. Wartmanni* принадлежит к самым обыкновенным рыбам своего рода; у нас он водится, по Эйхвальду, в озерах Каменец-Подольской губернии, что еще требует подтверждения. Вероятнее, что сиги озер Юго-Западной России, как и Польши, принадлежат к виду *Coregonus maraena* – песочнику.

Coregonus Baeri Kessl. Сиголов, сиг сиголовный, волховской, иногда белый; на Онежском озере – ладожской, низовый, приходный сиг.

Этот сиг отличается от других своею большою удлиненною и толстолобою головою; вместе с тем он более вытянут в длину, круглее и горбатее. Верхняя челюсть его немного только длиннее нижней, но образует толстый выпуклый нос; чешуя широкая, особенно ниже боковой линии, на каждой передней жаберной дуге находится по 22–23 довольно толстых коротких тычинок. Кроме того, он светлее всех прочих сигов, почему рыбаки и называют его белым; спина светло-серо-зеленоватая, бока серебристые, брюхо белое, спинной и хвостовой плавники светло-серые, нижние беловатые, к вершине сероватые; глаза серебристые. Сиголов относится к крупным сигам, весит средним числом от 4 до 5 фунтов, но часто достигает и гораздо большей величины – 10, даже 12 фунтов.

Местопребыванием этого сига, не очень давно отличенного проф. Кесслером от сига-песочника, к которому он всего более подходит, служит главным образом южная часть Ладожского озера, где он весьма многочислен. Отсюда он заходит через р. Свирь в Онежское озеро, где и называется потому ладожским, низовым или приходным. Кесслер полагает, что свирский сиг составляет особую разность сиголова и отличается более темным цветом тела и плавников, более выпуклой спиной и большим числом жаберных тычинок (29). По свидетельству тамошних рыбаков, сиголовый сиг лет 50 назад поднимался по Свири во множестве, но потом стал приходить все в меньшем и меньшем количестве. Заходит он по преимуществу осенью, перед метанием икры, и, вероятно, встречается тогда во всей южной части Онежского озера. Есть основание полагать, что он изредка попадает в Белоозере и что отсюда через Шексну заходит во время половодья в Верхнюю Волгу.

Главный лов сиголова производится в Сяси и особенно в Волхове, куда он идет из Ладожского озера; отсюда через северную часть Ильменя он направляется в Мсту, где встречается еще довольно часто, и мечет икру, доходя до оз. Мстино. По этой причине этот сиг более известен под названием волховского. Нерест его бывает в октябре, но в реки он вступает гораздо раньше, начинает показываться в них уже с мая месяца, так что бывает в реках в течение всего лета, вероятно, зимует в них и весною возвращается в Ладожское озеро.

Весьма значительная ловля производится или, вернее, производилась, на самых волховских порогах с помощью саков, крупнейшей мешков, прикрепленных к длинным рукояткам. Рыбаки ночью входят в реку, надев на себя особый кожаный костюм, ловко подхватывают в сак сиголовов, которые стараются преодолеть быстрое течение. Здесь в настоящее время добывается, вероятно, не более 1000 штук, но прежде ловили несравненно большее количество; например, в 1844 году поймано было более 225 тысяч штук. В устьях Волхова и в Ладожском озере сигов ловят мережами, а в самых реках – большими (от 150 до 200 сажен длины и до 4 сажен вышины) неводами, начиная с июля.

По свидетельству Богословского, сиви, попавши в невод, всегда ищут себе выхода: сначала обходят всю середину и отыскивают отверстия и, если не находят их, опускаются на дно и стараются подвернуться под нижнюю тетиву. В тихую погоду, как выберут часть невода, видно, как сиви ходят в неводе – сигают, как выражаются рыбаки. Данилевский же говорит, что если верхняя тетива плохо натянута, то сиви непременно переплывут или, вернее, перевалятся через нее, почему плутева (поплавки невода), состоящие здесь из дощечек вершков 10 длиною и до 5 шириною, подвертывают под край сети, чтобы они приподнимали ее своею легкостью. Если тетива лежит на самой поверхности воды, то этого достаточно, потому что перепрыгнуть через нее сиг не в состоянии (?). В р. Мсте ловят сигов, как и прочую

рыбу, особыми сетями – поездами, довольно оригинальным способом, сходным с ловлею поездухами на Волге, уральскими ярыгами и сырпами на северных реках (см. «Хариус»). Поезд-мешкообразная (сшивная или связанная; последняя лучше) сеть (без поплавок и грузил) до 3 сажен длиной и с ячейками, имеющими вершок в стороне. Эту сеть тянут по дну с двух челноков так, чтобы нижняя тетива шла по возможности плотно у самого дна, а верхняя доходила до поверхности. Это достигается тем, что у обоих концов нижней тетивы делается по петле, в которые вставляют по колу, которым кормщик каждого из челноков пригнетает ее ко дну, между тем как верхнюю тетиву натягивает за идущую от нее веревку, наматываемую на палец. В каждом челноке кроме кормщика сидит еще по гребцу, которые усиленной греблею тянут поезд, натянутый между челноками. Поездами ловят на мелких местах с быстрым течением и хрящеватым дном, состоящим из мелких камешков, где сига мечут икру. Грести надо равномерно и осторожно, по возможности не производя шума, чтобы кормщик, держащий в руках сеть, мог слышать, как рыба натывается на нее. Тогда оба кормщика одновременно поднимают кольца, спускают с пальца шнурки и стараются вытягивать сеть из воды так, чтобы оба продольные края сошлись и заперли в нем рыбу. В то же время оба челнока съезжаются вместе. Сиг начинает попадать в поезда с ав густа, и ловля его продолжается до поздней осени.

Из всех наших видов сигов волховский сиг, кажется, единственный, который может быть акклиматизирован во многих не особенно глубоких озерах Средней России, так как он легче других переносит летнее нагревание воды и не нуждается в большой глубине. Но в непроточных и иловатых озерах, а также в прудах, не имеющих 2–4 сажен глубины, сигалов вряд ли может разводиться непосредственно, без помощи человека, и ему все-таки необходимо песчаное и хрящеватое дно. Например, его всего бы легче было развести в Переяславском озере, тогда как в мелком и иловатом Ростовском он едва ли может существовать. В семидесятых годах были сделаны опыты пересадки молодых сижков, выращенных на Никольском заводе, в озеро Селигер, и, судя по всему, эти опыты оказались весьма удачны. В течение нескольких лет выпущено было в это озеро более ста тысяч рыб от 6-недельного до полугодичного возраста, и так как местным рыбакам внушено было выпускать обрат но ловимых ими сижков, то в настоящее время эта рыба, по-видимому, здесь развелась и не составляет редкости. Из Селигера она перешла также в Волгу и недавно появилась даже под Нижним Новгородом, где называется волжским сигом. В этом разведении сигов в верховьях Волги заключается главная заслуга Никольского завода, деятельность которого сравнительно с североамериканскими заводами весьма ограничена за недостатком средств. Вероятно, в Крыму стали разводить в прудах именно этот вид сига.

Вместе с сигом-песочником волховский сиг, вероятно, не особенно редко ловится на удочку. По крайней мере, в р. Мсте он попадает на переметы, на живца.

Сигалов по вкусу мяса ценится выше всех других сигов, особенно сигалов, ловимый в порогах, где он, однако, бывает менее жирен, нежели тот, который ловится ниже. Лет десять назад за каждого живого сига здесь платилось по 42 к., теперь, вероятно, значительно дороже.

Сиг-песочник<

>

Coregonus Maraena L. Сиг чудской; на Онежском озере – песочник, песчаник, преимущественно самка, а самец – мордак; также корюшной сиг, корюшник. Молодые сига этого вида, идущие из Онежского озера (у Вытегры), называются

пасижки и евдушки. ВПольше – сея.

Рис. 82. Голова песочника

Этот сиг по форме носа всегда ближе подходит к сиголовному, а по числу и образованию жаберных тычинок – к проходному сигу. Голова у него небольшая, верхняя челюсть немного длиннее нижней и кончается тупо закругленным и широким носом; у самца, называемого на Онежском озере мордаком, голова приметно больше, нежели у самки, и он еще более сходен с сиголовом. На передних жаберных дугах находится около 40 шиповатых тычинок. По числу рядов чешуй и лучей в плавниках он почти вовсе не отличается от сиголова. Спина у него толще, ровнее, нежели у проходного сига, голова продолговатее, глаза больше и круглее. Цвет тела сверху буровато-зеленый, бока серебристые, брюхо белое, все плавники серые, только нижние бывают при основании белесоваты, а к вершине черноваты; кроме того, спинной плавник у основания испещрен продолговатыми темно-серыми пятнами. Следует заметить, однако, что песочник подлежит многочисленным видоизменениям и представляет много разновидностей, почему многие рыбаки утверждают, что каждое озеро имеет своего сига. По величине своей песочник относится к крупным сигам и чаще имеет от 3 до 7 фунтов веса, но иногда до 10 и даже 12 фунтов (например, в Пудкозере и Туростомозере), где сиви эти, кроме того, отличаются белизной, а потому ценятся очень высоко.

Песочник водится во многих больших и глубоких озерах Северо-Западной России, например в Ладожском (преимущественно в северной части); Онежском, Укшозере, Кончозере, Сандале, Польозере, Лижмозере, Пудкозере; он весьма обыкновенен в Пейпусе, откуда изредка заходит и в Псковское озеро. Вероятно, этот же сиг живет в Череменец ком озере Лужского уезда, в оз. Лаче, в оз. Виграх (Сувалкской губернии, с глубиною свыше 25 сажень), в Трокском озере Витебской губернии, и (по Эйхвальду) в озерах Подольской губернии. Он держится постоянно в озере на глубине, только по временам выходит на мелкие места, преимущественно песчаные, и в устья рек (например, р. Великой). Потому навряд ли сиг, встречающийся в большом количестве в Северной Двине и прочих реках, впадающих в Белое море, принадлежит к этому виду, как это полагает Данилевский. Песочник, впрочем, нерестует (осенью) на неглубоких местах, именно по песчаным мелям, поросшим тростником; по крайней мере это наблюдали в Повенецкой части Онежского озера. Вероятно, сиви, которые, по словам Полякова, в темные сентябрьские ночи нерестятся с сильным шумом и плеском по лудам и песчаным отмелям в устьях Вытегры, принадлежат к этому виду. Икра песочного сига сравнительно многочисленна, и в Западной Европе на каждый фунт рыбы считают по крайней мере по 50 тысяч икринок. Поэтому не удивительно, что после сильных северных и северо-западных ветров сиговую икру собирают по берегам ведрами.

Пища его одинакова с другими сигами, но он в особенности любит кормиться икрой корюшки, отчего иногда называют его корюшным сигом или корюшником.

Ловля этих рыб производится посредством невода, керевода, но иногда песочники попадают и на масельги, т. е. переметы. В Ладожском озере ловля начинается с августа.

По Беру, сигов часто удят зимою из прорубей на так называемые сигушки и литки. Сигушка – та же блесна с двойным крючком, залитым оловом, в виде маленькой рыбки, к хвосту которой привязана бечевка, оканчивающаяся аршинным удильником, который беспрестанно подергивают. Литка употребляется здесь исключительно на сига и состоит из обертываемого голубою ниткою крючка, к которому привязаны красные кисточки. По словам Воронина, на р.Великой ловят сигов только в оттепель. Вырубается несколько лунок на одной линии в расстоянии сажен; в каждую лунку опускается пеньковая тонкая леса длиною от 9 до 12 аршин с маленьким медным облетнем, не более 1/2 вершка (сигуха), с двойным же медным крючком; все лесы привязаны к одному шнуру, который подергивает рыбак. Более 6 облетней к одному шнуру не привязывают. Если попадут на ход, то лов бывает весьма успешен.

По Тидебелю, главная ловля сигов в Чудском озере производится большими (до 300 сажен) переметами с 200 крючков, наживленных рыбками (горявочками, т. е. плотичками), причем иногда выставляют до 12 тысяч крючков. Последние медные, местного приготовления. Ловят здесь сигов также плавною одностенною сетью (воротком), от 40 до 60 сажен длины и около 3 вышины, а зимою – ставными сетями. По Борне («Wegweiser für Angler»), сиги-песочники ловятся (в озере Мадю) на мелкую корюшку (снетка) и червя.

Речная сельдь

Clupea pontica и *Clupea caspia* Eichw. Оба вида обыкновенно не различаются; только в низовьях Волги некоторые опытные рыбаки называют первую чернотубкою или черноспинкою, а последнюю – желтотубкою, краснощёчкою, железняком. Вообще же в низовьях Волги – бешенка, весёлка, железница; в Пензенской губ. – бешеная, веселая рыба; у Даля также названа медуничником. Соленая известна под названием астраханской сельди. В Южной России (большею частью *Cl. pontica*) – сельдь, селедка, оселедец, оселедня; по возрастам: пластулец, пузанок (вероятно, только *Cl. caspia*), тачковая (тачек), или мерная, сельдь, самая крупная – буркунец, бешак, залом; в Одессе также руссак; в Очакове и*сensored*соне 2-годовалая сельдь – подтумок. Польск. – следзь, тат. – джулер-балык; в Феодосии – май-балык. Калм. – ма-балык, мя; чувашск. – темир-пола.

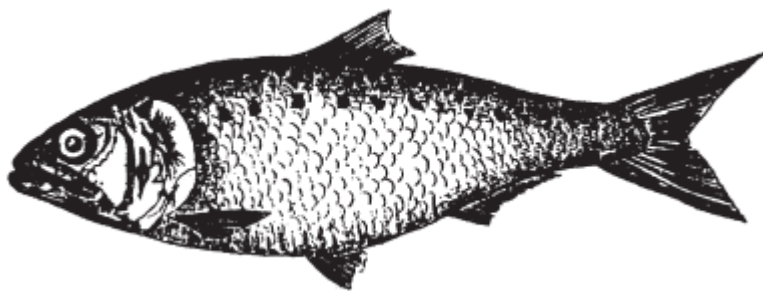

Рис. 83. Каспийская сельдь

Под этим названием известны у нас две весьма, впрочем, сходные между собою рыбы из семейства сельдевых, которые принадлежат к числу проходных рыб и входят невероятными массами в реки, впадающие в Каспийское и Черное моря, особенно Волгу и Дон.

Оба вида эти, впрочем, еще не очень давно приобретшие себе большое промышленное значение, подобно другим рыбам сем. сельдевых, имеют сильно сжатое с боков тело, покрытое крупною, но нежною чешуею, мелкие, нередко легко спадающие зубы и ряд зубчиков на средней линии брюха.

Что же касается отличия между обеими сельдями, то оно вообще незначительно. Черноморская сельдь (*Clupea pontica*), которая водится, впрочем, и в Каспии, имеет более узкое, удлинненное и заметно вальковатое туловище, высота которого около 1/5 всего тела с хвостовым плавником, более крупные и многочисленные зубки, которые находятся и на нижней челюсти, меньшее количество тычинок на каждой передней жаберной дуге (35–55), очень прочную чешую и, наконец, более темную спину; позади жаберной крышки находится только одно черное пятно, а часто и того недостает.

У каспийской сельдки (*Clupea caspia*) более редкой в Черном море, тело очень широкое (высокое) и у крупных неделимых составляет до 1/4 длины всего тела (с хвостом); кроме того, оно слегка сжато с боков; зубы очень мелки, и их обыкновенно не бывает на нижней челюсти; на каждой передней жаберной дуге сидит от 110 до 140 длинных, тонких тычинок; чешуя очень слабая, легко спадающая; цвет спины у нее серовато-бурый, а боков туловища и брюха серебристо-белый (как у *Clupea pontica*).

Впрочем, каспийская сельдка, водящаяся в Черном море, образовала там особую разность, которая во многих отношениях составляет переходную форму между обоими видами речных сельдей, именно: у черноморской *Clupea caspia* зубки крупнее, встречаются и на переднем конце нижней челюсти, на подбородке находится почти такой же бугорок, как у *Clupea pontica*, и число жаберных тычинок приметно меньше (от 75 до 106). В свою очередь, каспийские экземпляры черноморской сельди имеют более тупое рыло и меньшее количество жаберных тычинок (25–28). Черноморская сельдь вообще заметно крупнее каспийской и достигает иногда почти 1 1/2 фута длины. *Clupea caspia* редко бывает более фута и 1–1 1/2 фунта весом; иногда, впрочем, как уверяли проф. Кесслера, она достигает (вероятно, это *Clupea pontica*) веса 3–4 фунтов.

В последнее время О. А. Гримм (в своей монографии «Каспийская сельдь», 1887) каспийскую разность *Clupea pontica* отделил в особый вид, названный им в честь проф. К.Ф.Кесслера *Clupea kessleri*, и описал еще третий, мелкий вид сельди – *Clupea saroschnikovii*.

По его словам, последняя ближе к *Cl. caspia*, имеет легко спадающую чешую, но отличается меньшей величиной, узким трубковидным плавательным пузырем (у *Cl. caspia* пузырь широкий, объемистый), гораздо меньшим числом жаберных тычинок на первой дуге (от 20 до 43), очень развитыми зубами на нижней челюсти и, главным образом, тем, что жаберная крышка не трапецевидная, как у *Cl. caspia*, а округленная. Ловцы считают эту сельдку мелким, пузанком (т. е. каспийской сельдью). По свидетельству Гримма, эта мелкая сельдь входит в устья Волги немного ранее других видов, но с большим количеством молочников *Cl. caspia*.

Очень может быть, что это только мелкая разновидность последнего вида или, что еще вероятнее, помесь между двумя коренными видами, так как формой плавательного пузыря, количеством жаберных тычинок и зубами на нижней челюсти *Cl. saroschnikovii* приближается к *Clupea kessleri* (или *pontica*). Число же тычинок в жаберной дуге составляет весьма непостоянный и очень сбивчивый признак, который вряд ли имеет значение, ему приписываемое.

Кроме этих двух или трех видов речных сельдей, в Черноморском, Азовском и Каспийском бассейнах водятся еще два очень мелких вида сельдей, очень близких между собою, – *Clupea delicatula* и *cultiventris*, которые принадлежат уже к морским рыбам. *Clupea delicatula*, впрочем, поднимается в низовья Волги, верст на 60 вверх, и да же здесь мечет икру.

Все сельди имеют в воде, когда они еще живы, великолепную окраску, зависящую от освещения: на солнце фиолетовый переходит в зеленый с серебристым отливом различного напряжения. Плавники, кроме почти белых брюшных, серые, но перед

самым нерестом у самцов они окрашиваются в красноватый цвет.

Из Черного и Каспийского морей сельди раннею весною вступают громадными стаями в реки, но далеко не во все эти рыбы входят в одинаково большом количестве. Вэтом отношении первенство принадлежит Дону и Волге. В Днепр они идут уже в гораздо меньшем числе, и ловля их производится главным образом только до порогов, которые составляют, по-видимому, важную преграду для дальнейшего их поднятия; уже под Екатеринославом весенняя ловля селедок бывает очень незначительна, а под Кременчугом и Киевом эти рыбы попадаются редко, хотя замечаются и в Псле, а по моим расспросам, встречаются в Десне до Брянска. ВБуг и Ингул речная сельдь не подымается высоко и замечается там редко, то же в Днестре и Дунае; в Кубань же она, по Данилевскому, не заходит вовсе. Как далеко она поднимается в Дон и его притоки – достоверно неизвестно, но в Волге селедка известна почти до самой Твери и во всех главных притоках, например в Оке (по которой доходит иногда до Калуги), Каме (где она, по Палласу и Лепехину, даже гораздо многочисленнее, чем в верхней половине течения Волги), в Вятке, Черемшане, Суре, Свияге и, вероятно, в других второстепенных реках. Следует заметить, однако, что, судя по всему, очень высоко подымается только железница – *Clupea caspia*, так как *Clupea pontica* (*kessleri*) до сих пор не была замечена выше Нижнего Новгорода, откуда, собственно, рыбаки и начинают отличать оба вида. В Урал селедка входит только случайно – в косяках воблы, что, вероятно, зависит от того, что сельди, плывущей с юга, трудно не заплывать в пресноводный разлив Волги. ВКуру, Терек и в быстро текущие персидские реки сельдь вовсе не заходит.

;Рис. 84. Черноморская сельдь

В Каспии селедка держится преимущественно в средней и северной части моря, в открытой, глубокой его части, где живет громадное количество мелких морских рачков, и входит в Волгу раз в год, весною – для метания икры, вообще после вскрытия реки, в конце хода воблы (см. «Плотва»). Обыкновенно единичные особи появляются в реке с конца марта; настоящий же ход, громадными косяками, открывается гораздо позже, именно в 20-х числах апреля. Случается, однако, что сельдь начинает идти в конце этого месяца или 8–10 апреля, но это бывает очень редко.

Ранний или поздний выход сельди, как и всякой другой проходной рыбы, зависит от ветра: северные выгонные ветры задерживают ход и даже заставляют рыбу вернуться; напротив, моряна, которая приносит с собою и тепло, ускоряет и к тому же облегчает его. При этом чем позднее сельди входят в реку, тем ход бывает дружнее и тем в более кратчайший срок они проходят вверх. По-видимому, почти всегда идет сначала крупная черноспинная сельдь (*Cl. pontica*, var. *kessleri*); мелкая (*Cl. caspia*) входит в устья Волги, обыкновенно когда уже пройдет вся крупная или большая часть ее. Годами, впрочем, один из этих видов положительно преобладает; так, в 1856 году шла сельдь редкой величины, 2 1/2 фунта веса. Главное значение имеет *Cl. caspia* (пузанок), но под конец лова больше идет *Cl. kessleri* (Гримм).

Наибольшая масса сельдей, которые идут сначала почти непрерывными косяками, проходит в устьях Волги в несколько дней; затем, уменьшаясь мало-помалу в количестве, они тянутся вверх несколько недель. Нередко случается, что главный ход (выход) сельди распадается на два периода. Сельди выбирают преимущественно

ясные, солнечные дни, которые обыкновенно устанавливаются при продолжительных южных ветрах; северные же ветры, приносящие с собою холод, задерживают ход, и сельди в ожидании более благоприятных условий уходят от устьев в глубь моря. Случающиеся иногда во время хода штормы разбивают косяки в реке на мелкие части и загоняют рыбу на заливные места и в ильмени. По Гриму, при тихой воде сельдь идет строжнем, при быстрой – жметя к берегу.

Сельди вступают в Волгу разными рукавами; иногда главные массы их идут по западным, иногда же по восточным, что находится в зависимости от направления ветров, так как во время постоянно меняющихся ветров сельдь входит и западными и восточными рукавами. Впрочем, в последние годы замечено, что сельдь идет преимущественно Бузаном и Ахтубой, что объясняют увеличением пароходной деятельности в западных рукавах. Действительно, не подлежит сомнению, что пароход, идущий в самых устьях навстречу косяку сельди, отгоняет ее обратно в море, хотя на непродолжительное время. Кроме того, влияние пароходного шума доказывается тем, что Бузан и Ахтуба – самые неудобные протоки для хода сельди, так как имеют сильное течение, которого рыба эта избегает, не будучи в силах с ним бороться. Поэтому в последних рукавах сельди не идут сплошными массами, а разбиваются на части и прижимаются к тому или другому берегу, смотря по направлению ветра.

По наблюдениям Бэра, стада сельдей в устьях Волги идут с быстротой 50 верст в сутки, но чем выше они поднимаются, тем движение их все более и более замедляется, и они долее остаются на одном месте. По последним наблюдениям (вероятно, расспросам) О. Гримма, скорость хода сельди около 20 верст в сутки; выше, где течение сильнее, только 13. Это слишком мало для такой быстрой в движениях рыбы, хотя бы она шла только днем. По общему мнению рыбаков, сельдь на ночь уходит в глубину и здесь ночует. Однако она (Гримм) попадает в плавные сети ночью, но с грузилами (днем – в сети без грузил), из чего можно заключить, что она идет и ночью, только на глубине.

Близ Царицына сельдь показывается обыкновенно в первых числах мая, и ход ее продолжается здесь около месяца. У Хвалынска главный лов сельди бывает в июне (около середины), а у Казани она начинает попадаться только в июле, притом же в небольшом количестве, так как большая часть уцелевшей сельди поднимается в Каму. Судя по тому, что одиночные особи встречались в верховьях Волги (в Калязине) в июле, надо принять, что сельдь может в исключительных случаях зимовать в реке. Факт этот отчасти подтверждается наблюдениями Кесслера, который находил сельдей в Верхней и Средней Волге в сентябре. В первом случае сельдь не могла подняться из устьев до верховьев в июле, во втором – достигнуть моря ранее наступления зимы.

Сельди входят из моря в Волгу с совершенно незрелыми половыми продуктами, поэтому они в низовьях этой реки не мечут икры и поднимаются для этой цели выше. Надо полагать, что сельди начинают нереститься уже в пределах Саратовской губернии, и только самые поздние мечут икру, может быть, в Черноярском уезде. По свидетельству Кноблоха, сельдь мечет икру в затоках около Сарепты обыкновенно в конце первой половины мая; ниже нерест не наблюдался никем из ловцов (Гримм). Время метания икры с точностью еще не определено, но, по-видимому, оно приходится в более нижних частях реки на май (вторую половину), а в средних – в июне. Вообще сельди нерестуют в разные сроки, так как входят в Волгу с неодинаково развитыми половыми продуктами. *Cl. kessleri*, входящая в устья с сравнительно менее зрелыми молоками и икрой, нерестится выше, чем *Cl. caspia*. Вообще ранняя сельдь должна по тем же причинам метать выше, чем поздняя. По мере созревания икры рыбы, отделяясь от общей массы, заходят в речные затоны, где и выметывают икру на песчаных отмелистых местах или около берегов, куда

рыбу прибывает течением. По наблюдениям Гримма, самцы со зрелыми молоками встречаются раньше, чем зрелые икряники, и обыкновенно молочники жирнее, хотя мельче. По-видимому, количество самцов должно быть более количества самок.

Во время нерестования наружный покров головы у сельдей претерпевает сильное изменение: он значительно утолщается и из прозрачного становится мутным, молочно-белого цвета; при этом и глаза рыбы совершенно затягиваются такою же непрозрачною пленкою, вследствие чего сельди, как говорят ловцы, слепнут. Во время самого акта метания икры она сильно бьется и мечется, причем нередко выскакивает из воды на берег; освободившись же от икры, сельдь так слабеет, что выплывает на поверхность воды и кружится (быть может, вследствие своей слепоты) как одурелая, что и послужило поводом к названию ее бешеной, или веселой, рыбой. Предрассудок этот, как известно, долгое время служил причиною неупотребления в пищу сельдей в Поволжье.

Впрочем, до сего времени нерест сельди никем не был наблюдаем, кроме самих рыбаков. Не подлежит только никакому сомнению, что он совершается по ночам, что выпущенная икра не падает на дно и не прикрепляется к подводным предметам, а плавает довольно свободно в воде, подобно икре других близких западноевропейских и североамериканских сельдей, и уносится вниз течением. Относительно североамериканского *Shad* (*Alosa praestabilis*) известно, что совершенно взрослые рыбы (почти одинакового роста с нашими крупными сельдями (*Cl. caspia*)) содержат обыкновенно около 100 тысяч икринок, что икра выметывается в очень теплой воде (23°C) и что мальки выклеваются через 3–5 дней в значительном расстоянии от места нереста.

Выметав икру, чрезвычайно истощенная и исхудавшая сельдь сносится течением воды вниз по реке, но уже в одиночку или нестройными стаями. В это критическое для них время большая часть сельди, по-видимому, погибает не столько от сильных жаров, сколько от сильных ветров, которыми ее выкидывает на берег массами. Рыбы эти, выходя из моря, перестают есть и, борясь с противным течением на протяжении многих сотен верст, конечно, сильно утомляются; выметав же икру, совершенно лишаются сил; недостаток обычной пищи, а быть может, и продолжительное влияние пресной воды (которое, вероятно, и служит причиною образования пленки на глазах) довершают истощение сельди; поэтому достаточно даже незначительного волнения, чтобы убить и без того полумертвую рыбу.

По мере того как наружные покровы головы сельдей приходят в нормальное состояние, покатная сельдь перестает кружиться и начинает уже справляться с течением. Вместе с сельдями скатываются в продолжение лета и даже осенью развившиеся из икры мальки, которых никогда не замечали в средних частях Волги; в устьях же молодь сельдей показывается нередко вместе с другими мальками; некоторые ловцы уверяют, что мальки сельдей идут сверху протоками и всегда придерживаются главного русла реки, а потому никогда не встречаются ни в затоках, ни в ильменах. Несомненно, что молодь эта спешит попасть в море, где и достигает своего полного развития. Академик Бэр наблюдал молодых сельдей, около вершка длиною, в глубоких частях Каспия между морскою травою. Молодая сельдь, не достигшая половой зрелости, встречается летом также массами в заливах Каспия, особенно в Кара-Богазе, где даже вода принимает от нее селедочный запах. По мнению г-на Пельцама, большая часть сельдей живет в море круглый год и там же мечет икру; в Волгу же входит с этой целью только меньшая, а молодь, выведшаяся в реке, едва ли попадает в море. Последнее положение совершенно невероятно; что же касается первого, то, приняв во внимание тот факт, что часть сельди Азовского моря, как мы увидим далее, выметывает икру не в реке, что двухлетняя азовская сельдь (11/3–2 пуда в тысяче) уже способна к размножению, тогда как в Волгу идет только крупная сельдь, вдесятеро большего веса (22 пуда на тысячу), нельзя

отрицать возможности нереста мелкой каспийской сельди в морских заливах. По-видимому, в Волгу и вообще в реки входят только самые сильные и крупные особи, которые в состоянии справиться с течением.

Ход сельди Азовского моря весьма обстоятельно описан Данилевским. Сюда возвращается она из Черного моря в марте и в это время бывает очень худа, так как перед нерестом начинает меньше есть. Минувя устья Кубани, она быстро проходит через Керченский пролив и уже со второй половины марта начинает ловиться под Таганрогом, сначала, впрочем, мелкая. У устьев Дона сельдь показывается не ранее мая, подымается в него по слаботекущему северному рукаву – Мертвому Донцу – и ловится не более месяца. Нерест, однако, происходит не только в самой реке, но и по лиманам и мелким бухтам почти пресноводного Таганрогского залива; в начале июля тут же можно найти множество мальков не более 1/3 вершка в длину. Наиболее крупная рыба мало входит в Дон.

Выметав икру, вся сельдь возвращается в Азовское море и начинает отъедаться. Пища ее состоит из водяных растений, червей, насекомых, а также и маленьких рыбок. Азовские рыбаки даже считают главной пищей сельди так называемых морских снетков – особую породу морских рыб из сем. атеринок (отдела колючеперых рыб), именно *Atheria hepsetus*, также анчоусов, или хамсу (*Engraulis*). По Данилевскому, годовалая сельдь называется здесь пластунцом (в тысяче 20–25 фунтов); пузанок, уже мечущий икру, есть двухлеток, увеличившийся втрое и вчетверо (11/2–2 пуда в тысяче); осенью пузанок принимает уже название снетковой сельди. Трехгодовалая сельдь – тачковая – увеличивается еще вдвое (31/2 пуда), а на четвертом году сельдь называется уже мерною (5–6 пудов), осенью – мерною керченскою. Самая крупная рыба известна под названием буркунца или бешака, который к осени достигает еще большего веса и называется заломом.

Осенью начинается обратный переход сельди – из Азовского моря в Черное. Переход этот рыбаки объясняют боязнью льда и доказывают это тем, что однажды, когда появился у берега, где было много сельдей, шерех (т. е. шуга), то вся стая бросилась на берег, так что до 2 миллионов рыбы осталось на суше. Кроме того, охлаждение воды гонят отсюда и снетков. В Керченском проливе первая сельдь показывается в начале сентября, именно снетковая, очень жирная, вкусная и чрезвычайно нежная. За нею идут все более и более крупные сельди, так что ход самой большой (заломы) продолжается до тех пор, пока не покажется тонкий лед. В южной части пролива, где вода солонее и замерзает поздно, а то и вовсе не замерзает, сельди держатся иногда всю зиму. Стаи их вообще подвигаются очень медленно и часто, особенно при обратном ветре, возвращаются назад в Азовское море. Выходящая отсюда сельдь идет на запад не далее Феодосии; большая же часть ее направляется к юго-востоку и доходит до малоазийского берега, даже, хотя в небольшом количестве, до Трапезунда. В западной части Черного моря встречаются, следовательно, особые стаи сельдей, которые осенью и зимою держатся здесь уже далеко не так грудно, как в восточной. Тоже и в Днепр они входят уже далеко не в таком множестве, как в Дон, и ход этот замечается здесь немного ранее – около Благовещения; сельдь ловится до конца мая, сначала мелкая, потом средняя (подтумок) и, наконец (в мае), крупная.

Ловля сельдей производится всегда неводами, реже плавными сетями (в Днепре), но мы не станем здесь распространяться о ней. Наибольшее количество этой рыбы ловится в низовьях Волги, Дона и в Керченском проливе, и здесь нередко удавалось захватить неводом до 50 тысяч штук зараз. Ловля сельдей производилась с давних времен лишь на Дону и по берегам Черного моря; астраханская же сельдь долгое время оставалась без всякого употребления, и только в Саратовской губернии она солилась в тридцатых годах; потом стали топить из нее жир, которым она проникнута насквозь, подобно семге. Сама же она употреблялась в пищу только

чувашиами и мордвинами и считалась русскими ядовитой рыбой; даже и теперь голова этой рыбы считается вредной. Академик Бэр, имея в виду недостаток привозных заграничных сельдей во время Крымской войны, посоветовал некоторым арендаторам рыбных промыслов солить бешенок по голландскому способу. Опыт оказался настолько удачным, что в 1855 году было посолено их на разных промыслах до 10 миллионов, которые по имени каспийских сельдей нашли себе сбыт на Нижегородской ярмарке, в Москве и отчасти Петербурге. Затем с каждым годом количество соленых сельдей увеличивалось, а количество вытапливаемого из этой рыбы жира уменьшалось. Теперь жир добывается только из миноги, но и эта рыба находит более выгодное употребление, и, вероятно, жиротопление на Волге скоро и вовсе прекратится. Оно находило себе извинение единственно в том обстоятельстве, что бешенка шла в таком большом количестве и проходила так скоро, что при всем желании невозможно было успеть посолить всю пойманную рыбу. Притом сельдь очень нежна, быстро снет и в теплую погоду скоро портится.

Хорошо приготовленная астраханская и азовская сельдь очень вкусная рыба и несколько не уступает в этом норвежской и даже шотландской сельди (настоящей). Дешевизна ее стала причиной того, что она вошла в употребление между простонародьем: в средних губерниях и по всему Поволжью это самая любимая закуска всего рабочего люда. На месте цена тысячи соленых сельдей, например в Астрахани (за последнее десятилетие), – от 8 до 25 р. (в 1882 году). Количество улова увеличивается с каждым годом и от 166 миллионов штук (в устьях Волги) в 1879 году постепенно возросло до 315 миллионов (в 1885 году). В прошлом десятилетии только один год (1872) оказался небывало высоким по улову, именно до 350 миллионов.

Несмотря на то что в Дону и в Азовском море производится гораздо более интенсивный лов сельди, чем в низовьях Волги, а что в самом Каспии сеledочного лова еще не производится, что количество уловов на Волге не только уменьшается, а увеличивается, в последние годы возник довольно странный и по меньшей мере преждевременный вопрос – об урегулировании ловли каспийской сельди. Основываясь на том, что будто бы в устьях Волги вылавливается почти вся сельдь, входящая в реку, и таким образом лишается заработка население большей части Астраханской губернии, и сельди не дают возможности выметать икру, владельцы заводов, расположенных выше Астрахани, имея, конечно, в виду только свои собственные интересы, добились значительных ограничений лова в устьях.

Ограничения эти не имеют, однако, никакого смысла. Лов в устьях и без того ограничен обширным пространством, ими занимаемым, и тем, что сельдь идет здесь в течение нескольких дней. Затем, что касается населения, то, в сущности, совершенно безразлично, на кого из рыбозаводчиков оно будет работать. Наконец, улов сельди не только не уменьшается, но и с каждым годом увеличивается; следовательно, достаточная часть сельдей успевает выметать икру. Известно, что значительный лов этой рыбы производится даже вне пределов Астраханской губернии, например в Саратовской, где она продается уже за бесценок – как по причине еще господствующего здесь предрассудка, так, вероятно, еще по причине своего дурного качества, вызванного дальним поднятием против течения и продолжительным постом. Лучшая, т. е. самая жирная и ценная, сельдь ловится именно в устьях, и не в интересах потребителей получать дурной рыбный товар вместо хорошего.

Если уж заботиться о том, чтобы дать возможность сельди выметать икру в возможно большем количестве, то логичнее всего было бы ограничить лов именно выше Астрахани, в пределах Астраханской губернии, где она, потеряв уже часть своей ценности, еще не нерестится. Дело в том, что ловля этой рыбы на местах

нереста и во время метания ею икры не может быть признана так же безусловно вредною, как такая же ловля других карповых рыб Волги, потому что неприлипающая икра сельдей немедленно уносится водой с нерестилища. Ловля в момент нереста или незадолго до него, способствуя, как всегда, вытеканию зрелых половых продуктов, при таком свойстве икры менее, чем при ловле других рыб, может послужить причиною уменьшения рыбы. А так как не подлежит сомнению, что в море возвращается лишь самая ничтожная часть сельди и что большая часть ее, выметав икру, погибает совершенно непроизводительно от истощения сил, то необходимо прийти к заключению, что в Нижней Волге прямой расчет вылавливать всю сельдь, как бы дешево она ни ценилась. Во всяком случае, выгоднее, если эта сельдь будет съедена мордвой, чем воронами и чайками.

Вообще об оскудении волжского сельдяного лова еще не может быть и речи. Напротив, следовало бы озаботиться тем, чтобы найти новые рынки для сбыта соленой астраханской сельди, падающей в цене до 8 р. за тысячу, т. е. около копейки за фунт, в свежем виде продававшейся в 1885 году даже до 74 к. за тысячу. Между тем в Западной Европе речные сельди (*Alosa vulgaris* и *Alosa finta*), близкие к нашим и вряд ли превосходящие их вкусом, ценятся весьма дорого. Так, в устьях Рейна весною 1887 года было поймано несколько десятков тысяч *Alosa*, причем каждая ценилась около 65 к.!

Когда же наступит время действительного уменьшения уловов наших сельдей или даже когда спрос на них усилится, то по аналогии с североамериканской *Alosa praeestabilis* размножение их не может представить никаких затруднений. Двадцать лет назад Сес-Грином были произведены первые опыты разведения *Shad*, и в настоящее время ежегодно в североамериканских реках оплодотворяются сотни миллионов икринок этой рыбы, так что не только было достигнуто прежнее ее изобилие, но она стала ловиться в большем количестве. Икра, выделенная из рыб, пойманных во время нереста, оплодотворялась на блюдах молоками и бросалась в плавучие ящики с решетчатым дном, утвержденные посредине реки таким образом, чтобы течение направлялось на дно и таким образом поддерживалось движение воды в ящике. Уход заключался в удалении мертвых икринок. Через 3–5 дней выклевалась молодь, и ее в первую же ночь (для большей безопасности от рыб) выпускали из ящика, предоставляя собственным силам, так как наибольшие опасности, угрожавшие ей в эмбриональной жизни, уже пережиты.

Во всяком случае, не мешало бы нашим ихтиологам сделать подобные опыты разведения такой важной промысловой рыбы и вместе с тем попробовать акклиматизировать ее в реках Балтийского и Северного бассейнов, а также в больших озерах (Ладожском и Онежском), что уже достигнуто американцами, а по аналогии с корюшкой, тоже коренной морской рыбой, весьма возможно. Особенно важное значение имела бы сельдь для наших малокормных и скудных рыб северных рек: в реке сельди, как известно, не нуждаются в пище, а в Белом море и Северном океане они найдут ее в избытке. По всей вероятности, при опытах разведения сельди на Волге или Дону можно было бы на первое время заменить искусственное оплодотворение вылавливанием сельдевой икры на местах нереста по китайскому способу, т. е. сачками из кисеи или газа, а затем уже помещать икринки в плавучие ящики. Что же касается перевозки икры бешенки в другие местности, то есть основание предположить, что икра эта может перенести очень дальний путь весьма простым способом. Проф. Бэр говорит в своем отчете об рыболовстве в Сев. Америке, что д-р Даниэль, из Саванна выжал большое количество икры и молок *Al. praeestabilis* на темную бумагу, дал ей несколько обсохнуть и послал по почте м-ру Куперу, который поместил икринки в небольшом притоке Алабамы. Так как Купер наблюдал за икрой и тем не менее она спустя несколько времени исчезла, то, по всем вероятностям, из икринок выклюнулись рыбки, затем уплывшие. Это предположение

подтвердилось тем, что через несколько лет бешенки появились в бассейне Алабамы, в котором (как и в Мексиканском заливе) прежде никогда не встречались, и затем стали ловиться здесь в большем или меньшем количестве непрерывно. Было бы весьма интересно окончательно разрешить возможность подобной пересылки, так как появление рыбы в Алабаме можно приписать и другим причинам.

Сколько известно, бешенки на удочку в реках никогда не попадаются, что весьма понятно. Впрочем, может быть, она изредка попадает под осень, и потому желательно, чтобы волжские рыболовы-охотники сообщили об этом. По словам г. Мардерос со, сельдь в море (у Баку) берет на червя.

Ряпушка

Coregonus albula L. Во всей Северной России – ряпушка; в Тверской губ. – ряпуха; местами – селедка; в петербургских садках крупная – рипуса, рипус; в Москве (копченая) – переяславская селедка; в Могилевск. губ. – селява. Польск.– тичапка; у латышей – репсен, rebriš, irta; финск. – муикку, муйе (Саволак), ряпус (Кексгольм); эст. – ребус; вог. и остяк. – енышем (?).

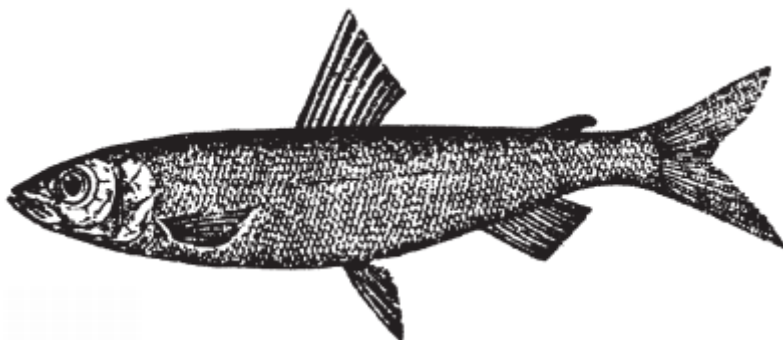

Рис. 85. Ряпушка

Несмотря на свою незначительную величину, ряпушка во всей Северной России принадлежит к наиболее известным рыбам и служит там предметом значительного промысла.

За исключением корюшки и снетка, ряпушка – самый малый из европейских сигов. Чаще всего она бывает ростом от 5 до 8 дюймов, реже от 10 до 12 и только в Ладожском озере и Переяславском достигает длины 13, даже 14 дюймов, а в Пудкозере и Туростомозере (в Олонецкой губернии) – до фунта весом.

По своему наружному виду ряпушка отличается от других сродных с нею рыб тем, что более всех сигов похожа на селедку, т. е. тело ее очень сжато с боков и спина менее выпукла, нежели брюхо. Нижняя челюсть у нее заметно длиннее верхней и посредине, как у белорыбицы, содержит выемку, в которую входит утолщенный кончик верхней челюсти; задний конец верхнечелюстных костей заходит далее переднего края глаз, которые довольно велики и несколько продолговаты; язык у нее усажен едва приметными зубками, и на передней жаберной дуге находится от 39 до 52 хрящевых тонких и длинных тычинок. Чешуя ряпушки относительно крупнее, чем у прочих настоящих сигов, но, впрочем, не всегда одинакова: так, у невской ряпушки в боковой линии насчитывается иногда только 69, а у валдайской (в Ушинском озере) до 91 чешуи; также непостоянно число лучей в плавниках.

Рыба эта подлежит многочисленным видоизменениям: не только морская ряпушка заметно отличается от озерной, но эта посл едняя, в свою очередь, представляет множество разностей, и почти в каждом озере ряпушка имеет свои особенности. Главные отличия этих вариететов заключаются в количестве чешуй, жаберных тычинок, также в величине и цвете. Так, невская ряпушка бывает всегда

небольшого роста, блестяще-серебристого цвета, и чешуя у нее очень нежная и легко спадающая.

Обыкновенно ряпушка цветом очень походит на белорыбицу: спина у нее серо-голубая, бока туловища серебристые, брюхо белое, спинной и хвостовой плавники серые, другие плавники белые или белесоватые с черноватой верхушкой; глаза серебристые.

Ряпушка чисто озерная рыба. Она живет почти во всех более значительных озерах Северной Европы; реже попадается, и то большею частью зимою, в реках. Она встречается в Северной Германии, Шотландии, Дании, Скандинавии, Финляндии и Северной России (до полярного круга), а также находится в Ботническом и Финском заливах. У нас главными обиталищами ее служат озера: Чудское, Псковское, Белоозеро, Ладожское и в особенности Онежское, где ряпушка, бесспорно, занимает первое место в промышленном отношении. Вообще озера Северо-Западной России составляют главное местопребывание этой рыбы; в Архангельской и Вологодской губ., также в Сибири она встречается уже гораздо реже и, по-видимому, чаще попадается в реках; так, по Гофману, она водится в большом количестве в р. Усе, а по Данилевскому, встречается в Печоре. Дальше, во внутрь Европейской России, ряпушка живет в некоторых глубоких озерах Тверской губернии (Селигер, Ушинское, Заречье, Имоложье, Овилуцкое), остзейских губерниях и в Переяславском озере (Плещеево), Владимирской губернии, где достигает весьма значительной величины и водится в довольно большом количестве. По преданию, она пересажена сюда Петром Великим, но весьма вероятно, что она попала сюда из Белоозера через Шексну, Волгу и Нерль, вытекающую из озера под названием Вексы. Кроме того, есть положительные указания, что в Западной России ряпушка идет еще далее на юг; так, она была доставлена Кесслеру из оз. Саро Сеннинского уезда Могилевской губернии и водится также в оз. Дрисвяты и Дривяты в Новоалександровском уезде Ковенской губернии и во многих озерах Сувалкской.

Подобно всем сигам, ряпушка живет почти всегда на глубине. Она любит песчаное или, по крайней мере, глинистое, всегда чистое дно, холодную воду и держится обыкновенно в ямах глубиною от 5–12 и более сажен, откуда выходит по временам и бродит густыми стаями по заливам, нередко у самой поверхности воды, причем ей всегда сопутствует множество чаек, которые и дают знать рыбакам о выходе рыбы с глубины.

Пища ряпушки заключается главным образом в мелких ракообразных: дафниях, циклопах, циприсах, которые толпятся мириадами около песчаных берегов и, по исследованиям Бэра в Псковском озере, днем собираются на поверхности, а ночью опускаются ближе ко дну. Поэтому ряпушка днем держится всегда на глубине, а к вечеру идет к берегам, почему летом и попадается в сети только к вечеру или ночью. Желудок ее постоянно набит этими рачками, а так как они трудно различаются простым глазом, то у многих рыбаков распространено мнение, что ряпушка питается песочком. Но, кроме того, она кормится и различными личинками насекомых, червями и мелкими моллюсками.

Рыба эта нерестится обыкновенно позднею осенью, несколько раньше или позже, смотря по местности: на севере, например в Онежском озере, в сентябре и октябре, наичаще, однако, в первой половине октября – от Покрова до Дмитрия, как выражаются рыбаки. Южнее, например в Переяславском озере, она мечет икру с 15 ноября по 15 декабря; то же и в Чудском озере. Вероятно, ряпушка мечет икру на камнях, по крайней мере в Онежском озере центром осенней ловли служат острова, лежащие в узкой части озера, и береговые луды. Икра ее сравнительно с икрой прочих сигов довольно мелка и многочисленна (от 2 до 5 тысяч, в 2 мм диаметром, по Бенеке; выметывается икра ночью), и этим объясняется ее огромное количество в некоторых озерах. Впрочем, в последнее время она начинает, видимо, уменьшаться:

частью от усиленного лова, например в Пейпусе, Переяславском озере, Великом и др., частью от необычайного размножения колюшки. Эта мелкая рыбка, отличающаяся своими иглами на спине, во многих озерах Северо-Западной России кормится исключительно икрой и молодью ряпушки. В последнее пятидесятилетие она появилась в несметном множестве в таких озерах и губах Онежского бассейна, где прежде или совсем не водилась, или встречалась только в самом незначительном количестве. С умножением количества колюшки везде совпадает уменьшение количества ряпушки; во многих озерах Онежского края (Укшозере, Кончозере, Пудкозере, Лижмозере, в заливах Ялгубском, Кондопожском, Пергубском, Кижском) последняя почти вовсе не попадает и вытеснена колюшкой. Доказательством этого пагубного влияния колюшки служит то обстоятельство, что в таких озерах, в которые еще не удалось проникнуть колюшке, до са мого последнего времени не замечено никакого уменьшения ряпушки. Кроме колюшки, икру ряпушки пожирают сиги и другие рыбы: сама же рыба преследуется лососями, пальей и другими хищниками. Впрочем, что касается Онежского озера, собственно Чолмужской губы, то уменьшение уловов здесь, кажется, произошло от того, что ряпушка почему-то стала нереститься на большей глубине, именно на 14–17 сажнях, вместо прежних 7.

Следует заметить, что в улове ряпушки замечается некоторая периодичность. Как на Онежском, так и на Чудском озере несколько лет сряду ловится много ряпушки, потом лов ее бывает очень плохой и снова делается обильным. Так, на Чудском озере лет 25 назад она водилась в огромном количестве, так что партия рыбаков лавливала в сутки до 200 тысяч рыб; затем она было исчезла и появилась во множестве только весной 1871 года, так что один рыбак ловил в сутки более 80 тысяч штук.

Главный лов ряпушки производится обыкновенными неводами, а на Онежском озере кереводами – неравнокрылыми неводами, которые имеют то преимущество перед первыми, что стоят дешевле, требуют только одной лодки с 3 работниками (тогда как для невода необходимо иметь две лодки и не менее 4 работников), которые могут вытащить 3 или 4 тони вместо одной неводной. В Переяславском озере, имеющем при 10 верстах длины и 8 ширины до 20 сажень глубины, кроме невода, употребляемого в зимние месяцы, подо льдом ловят ряпушку так называемыми выпарками, имеющими от 25–50 аршин длины и 6 аршин ширины и состоящими также из мотни и двух крыльев. Эти выпарки ставятся на манер развесных сетей, обыкновенно на ночь.

Наибольшее количество ряпушки добывается, по-видимому, на Онежском озере; здесь, у Чолмужа, где сосредоточивается главный лов этой рыбы, ее ловят иногда до 250 тысяч пудов. Немалое количество доставляет Чудское озеро. Добыча ряпушки на других озерах, за исключением Ладожского, сравнительно ничтожна: так, на озере Великом, по Бакшееву («Памятная книга Новгородской губернии» за 1864 год), ее ловится не более 6400 пудов, а в переяславском (по Гриму) – до 400 тысяч штук, около 5000 пудов; в 80-х годах количество это значительно уменьшилось. Но, во всяком случае, во всей России количество выдавливаемой ряпушки должно быть не менее полумиллиона пудов, и она, следовательно, играет весьма видную роль в нашем северном рыболовстве.

Свежая ряпушка употребляется в пищу только местными жителями, для которых в большинстве случаев она служит весьма важным источником пропитания. Будучи вынута из воды, она весьма скоро снет и портится; во льду, однако, сохраняется (Бэр) в течение суток. Поэтому в продажу ряпушка поступает или в соленом виде, как на Онежском озере, или же копченою, как на Переяславском. Икра обыкновенно продается отдельно, от 2 до 3 р. за пуд (на Онежском озере); из десяти пудов рыбы выходит ее около пуда. Соленая и затем прокопченая ряпушка гораздо вкуснее

соленой, и, вероятно, всем известны копченые переяславские сельди. В Переяславском озере ловлею ряпушки занимается 120 семейств рыбаков, которые платят за это 650 р. аренды, но тем не менее эта ловля составляет здесь монополию купца Ниткина, помимо которого, по условию, не может быть продана ни одна сельдь. Самое приготовление переяславской селедки заключается в следующем: сначала ее потрошат, очищают от чешуи, затем кладут в слабый раствор соли (на тысячу штук около 5 фунтов) и держат там в течение двух часов. Затем сельдей связывают мочалкой за хвостовые плавники попарно и относят в простую баню, называемую копильней, где рыба и висит в дыму тоже около 2 часов. Каждая сельдь принимается Ниткиным по 61/2 к. с., а копченая продается им в Москве и Сергиевом Посаде по 10–15 к. с.

К ряпушке по величине, сложению и некоторым другим признакам близко подходит сиг-килец (*Coregonus nilssonii*), называемый также в Онежском озере и в Кубенском озере нельмушкой. Распространение его еще мало известно, но, вероятно, килец встречается во многих местностях Северной России. Довольно близок к нему небольшой сижок, найденный мною в р. Сосьве Богословского округа (на той стороне Урала) и называемый там нелемкой. В Онежском озере килец встречается только в южной – широкой части, преимущественно близ западного берега; в северных губах и в смежных озерах его нет, но, по Мальмгрену, он водится и в Ладожском озере. Здесь он держится на большой глубине и выходит в более мелкие места, от 7 до 8 сажен глубиной, только осенью, начиная со второй половины августа, для нереста. Он никогда не ходит такими густыми стаями, как ряпушка, так что редко удается захватить в одну тоню более 100–200 штук. Для ловли его, впрочем, употребляются главным образом довольно крупноячейные ставные сети, которые и называются килечными. Мясо кильца синеватое, не очень вкусное, и весит он большею частью от 1/2 до 1 фунта, изредка только доходит весом до 1 1/2 фунта. Пища кильца, вероятно, та же, как и у других сигов, но он, несомненно, кормится также и мелкою рыбою, например ряпушкою.

В Кубенском озере нельмушка составляет предмет довольно значительного промысла, так как ее добывается здесь в течение одного месяца, во время нереста, на сумму до 5000 р. с. Для метания икры она идет из озера в реку Кубину, обыкновенно в начале октября. При начале лова река делится на участки, и каждый рыбак не может выставить более определенного числа верш. Нельмушка продавалась на месте в 50-х годах от 20–25 р. ассигн. за тысячу, икра отдельно – от 15–20 к. за фунт.

Сосвинская нелемка гораздо меньше онежского кильца (с ельца) и никогда не держится на таких больших глубинах, но все-таки встречается постоянно в самых глубоких ямах реки. Здесь она начинает ловиться с конца июля в малую воду, когда выходит под вечер к песчаным берегам. Нерестится нелемка около 12 сентября. О нельмушке в Верхотурском уезде (в р. Туре) упоминает, впрочем, еще Паллас и вместе с тем приводит ее название на Енисее – тугун. Вообще следует заметить, что речная нелемка навряд ли принадлежит к одному виду с озерной нельмушкой.

Белорыбица

Coregonus lencichtys. По Волге и Уралу – белорыбица, белая рыбица, белая рыба; в Астрахани – белинькая, яловая – аист; на Суре – каменка; каз. тат. – ак-балык; черем. – ошкол; вог. – унж; вот. – поджерик; чувашск. – шориполе; калм. – цебын.

Var. *Nelma*. На Севере и в Сибири – нельма, нельмина; молодая – нельмушка; у качинск. тат. – тул-балык; вог. и берез. остяк. – унж, утшку; у остяк. – ларку; на Сургуте – самон-кул; на Нарыме – уенчэ; на р. Каз – сул; ост. сам. – венды; самоедск. – сьяута и юрацк. – сявотта, адде; якутск. – тут-балык, ырым-балык; анты;

юкагирск. – чаманей; алеут. – какидок, бурятск. – толо; тунг. – нёра.

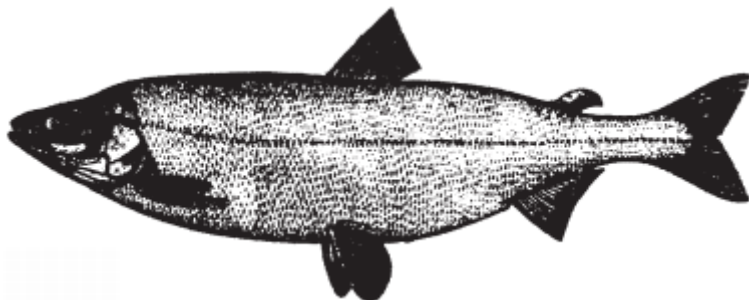

Рис. 86. Белорыбица

Белорыбица относится к сигам и составляет самый крупный и вместе самый вкусный и ценный вид их. Кроме величины, она легко отличается от других сигов тем, что у нее, как у ряпушки, нижняя челюсть длиннее верхней. Тело ее очень удлиненное, веретенообразное, несколько брусковатое, сверху буровато-голубого цвета, сбоку серебристое, снизу белое; спинной и хвостовой плавники буровато-серые, другие – беловатые, к вершине серые или черноватые; глаза серебристые с желтоватым оттенком. Величина белорыбицы весьма значительна: в Волге она наичаще бывает весом от 12 до 18 фунтов, но иногда достигает роста с лишком 3 футов и веса от 30 до 40 фунтов; по свидетельству саратовских рыбаков, изредка попадаются белорыбицы даже в 2 аршина длины и в 2 пуда весом, но это едва ли верно. Самцы всегда приметно менее самки. Яловые самцы (?), называемые в Астрахани аистами, имеют несколько иной вид и весьма похожи на северную и сибирскую разность белорыбицы, известную под названием нельмы и считаемую многими за особый вид. Впрочем, судя по описаниям известного путешественника прошлого столетия Лепехина и проф. Кесслера и принимая в соображение сходство нельмы с яловым самцом белорыбицы, вернее принять, что последняя произошла от нельмы и обособилась в Каспийском бассейне после отделения Каспийского моря от Ледовитого океана. Главные отличия нельмы от белорыбицы заключаются в том, что у нее голова заметно длиннее, глаза больше, дальше отстоят от вершины носа и в грудных плавниках одним лучом меньше, а в заднепроходном тремя лучами более. То же замечается и у аиста, так что, быть может, последний есть нельма, попавшая в Каспийское море через Северный канал, соединявший Каму с бассейном Северной Двины. И его бесплодие может быть объяснено тем, что он еще не успел приспособиться к воде и прочим условиям. Странно, однако, что между аистами, по видимому, не попадается самок.

Как нельма, так и белорыбица – рыбы проходные, т. е. живут в море и поднимаются на некоторое, хотя довольно продолжительное время в реки. Нельма водится во всех больших северных реках: Двине с ее притоками, в Печоре, Усе, Онеге, откуда заходит в некоторые озера, например оз. Лача, Кубенское и др. В Сибири нельма, как показывают уже одни ее местные названия, водится во всех или почти во всех реках, особенно в бассейне р.Оби, где поднимается очень высоко по второстепенным и даже небольшим рекам, хотя и не заходит так далеко, как тальмень. Настоящая белорыбица живет только в северных частях Каспийского моря, откуда подымается в Волгу, Терек и, в значительно меньшем количестве, в Урал; в кавказских и персидских реках ее нет вовсе, также в Аральском море и Сырдарье. В бассейне Волги она заходит очень высоко – до Твери и Ржева, в Оке – до Серпухова и Калуги (Гюльденштедт), в Суру (Сталь) и в Шексну – до Белоозера, но мнение Кесслера, что чолмужский сиг Онежского озера тождествен с белорыбицей, по исследованиям Данилевского, неверно, так как этот сиг принадлежит к особому виду. В озере Мстино была однажды поймана белорыбица (?) более 35 фунтов, и надо полагать, что она пришла сюда через Тверцу и

Вышневолоцкий канал. Но вообще в Верхней, даже Средней Волге (выше Казани) эта рыба составляет теперь большую редкость и попадает случайно, что зависит всего более от изменения температуры Верхней Волги, вызванного уничтожением лесов и обмелением реки. Между тем в Рыбинске, при царе Алексее Михайловиче, каждый из 50 так называемых дворцовых рыбаков был обязан доставлять ежегодно по 20 штук белых рыб (кроме 30 осетров и 85 стерлядей), что в настоящее время совершенно немыслимо; в Ярославле также изготовлялись особые крупноячейные сети, называвшиеся оханами и предназначавшиеся специально для ловли белорыбиц.

Рис. 87. Голова белорыбицы

Гораздо большее количество белорыбицы подымается в Каму. Многие рыбопромышленники считают ее даже более камскою, нежели волжскою рыбою, и говорят, что она, поднявшись по Нижней Волге до устьев Камы, направляется главным образом в эту последнюю реку, давая как бы предпочтение более холодной камской воде. Здесь она подымается также в побочные реки: Уфу, Белую, Чусовую и Вишеру. В этих реках, по всей вероятности, и происходит ее нерест, который, как у всех сигов, имеет место осенью – в сентябре. В низовьях Волги она навряд ли мечет икру, так как там нет каменных гряд, на которые она выпускает икру. С этим согласны и мои наблюдения над нельмой в р. Сосьве Богословского округа. Вообще как та, так и другая любят воду холодную, глубокую, вместе с тем не особенно быструю и постоянно придерживаются дна реки; по крайней мере нельма боится перекатов и в Сосьве не доходит до них (до д. Масловской). Относительно времени нерестования и образа жизни белорыбицы имеются лишь довольно сбивчивые сведения. В Верхней Волге, по одним, она мечет икру около 8 сентября, по другим – в октябре, после Покрова (то же в Каме) и притом в течение двух недель. В Нижней Волге, по Овсянникову и Яковлеву, она показывается в октябре и идет всю зиму, но главный ход ее – в феврале и в начале марта, перед вскрытием реки. Она выбирает самые широкие рукава и идет под самым льдом, против довольно сильного течения. Востальное время года белорыбица в устьях не встречается. Таким образом, вместе с проф. Кесслером надо принять, что она входит в Волгу преимущественно в конце зимы, в Нижней Волге не остается, а идет больше в Среднюю Волгу, особенно Каму, там проводит лето на глубине, в ямах, и выходит нереститься осенью, но в разных местах в разное время; затем скатывается вниз и опять, уже в меньшем количестве, достигает моря в октябре и ноябре. Прежде ход белорыбицы был гораздо правильнее, но в настоящее время она, как говорится, идет зря, без всякого определенного порядка. Судя по всему, белорыбица не входит в реки в очень большом количестве; по крайней мере редко удается захватить ее много зараз и в низовьях Волги, где главная ловля ее производится в Бахтемире, одном из рукавов на промыслах князя Долгорукого. Еще в меньшем количестве она встречается в Верхней Волге и Каме, даже во время нереста, так что она мечет икру если не семейно, подобно щуке, то весьма немногочисленными стайками. Это подтверждается и наблюдениями над нельмой, которая хотя и входит, по Лепехину, в Обь «в ужасном множестве», но на местах нереста – в Исети, Пышме, Миясе, Туре, Тавде, Сосьве и Лозьве – ловится больше в одиночку.

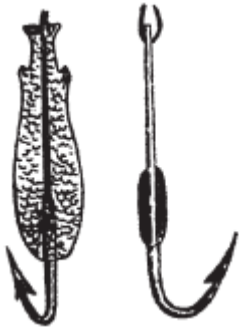

Рис. 88. Блесна на белорыбицу

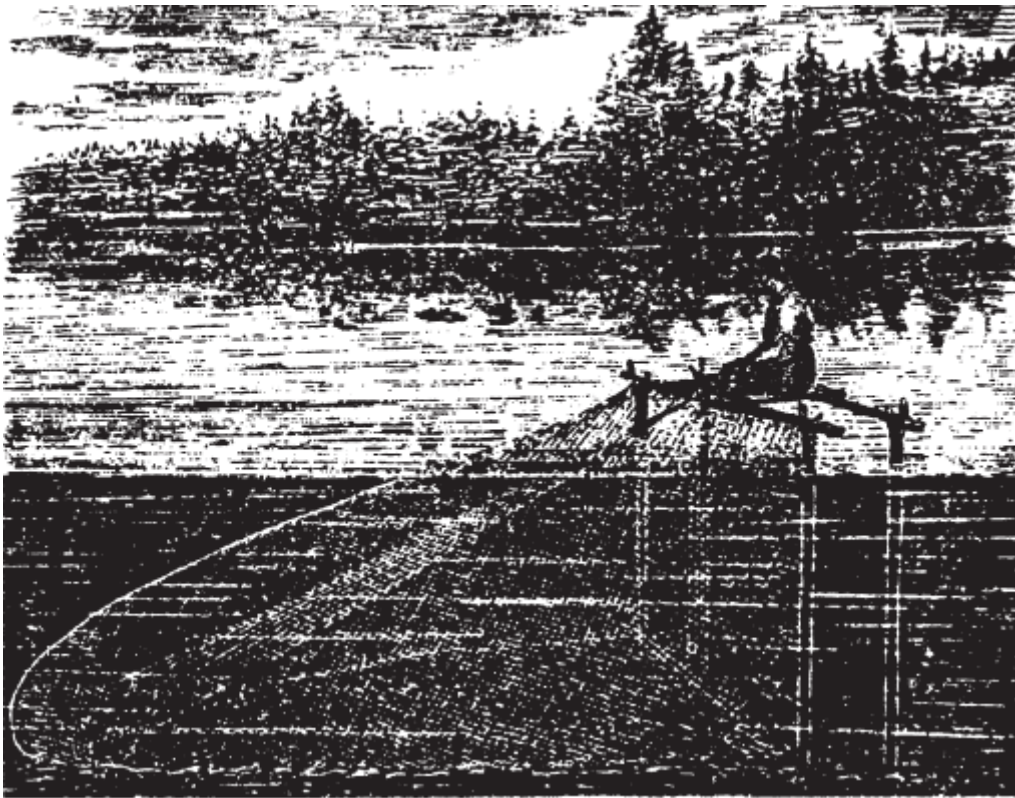

Рис. 89. Сежа

Весьма замечательное явление заключается в том, что молодь белорыбицы почти вовсе неизвестна волжским рыбакам. Последние почти единогласно показывали проф. Кесслеру, что им никогда не попадалась белорыбица менее 7, даже 10 фунтов, и только в Новом один рыбак говорил ему, что у них встречается и самая маленькая белорыбица. По всей вероятности, молодь, подобно малькам осетровых, в весеннее половодье скатывается вниз по реке в море и выходит оттуда только по достижении зрелого возраста, именно когда достигнет не менее 7 фунтов веса. Некоторые рыбаки, однако, объясняют это явление необыкновенно быстрым ростом белорыбицы и утверждают, что молодь ее в одну неделю достигает величины ельца и в один год становится взрослой (в Саратове есть даже поговорка: «Белорыбица растет, как овца»), но, конечно, это мнение лишено всякого основания.

Средняя величина нельмы, как и белорыбицы, до 18 фунтов, но встречаются экземпляры до пуда (Иртыш) и даже до 50 фунтов (Енисей).

О жизни сибирской белорыбицы мы имеем все-таки несколько более подробные сведения. Нам известно, что главная масса нельмы идет из Ледовитого моря весной, но что многие особи встречаются в реках круглый год, подымаясь во второстепенные притоки в конце лета для нерестования. Нельма поднимается в реку быстрее других рыб и к Петрову дню уже появляется даже, например, в притоках Черного Иртыша. Идет она сначала большими стаями, непременно руслом, самыми

глубокими и быстрыми местами; большинство этих стай состоит из молодых рыб (7–10 фунтов) – трехлетнего (?!) возраста. В больших реках нельма никогда не мечет икры, а входит с этой целью в небольшие речки, избегая, однако, подобно белорыбице, очень быстротекущих и порожистых. По всей вероятности, рыбы эти, подобно другим проходным рыбам, мечут там, где вывелись. Есть некоторое основание предполагать, что, достигнув своих родных речек, стаи нельмы останавливаются в устьях; так, например, известно, что в притоках Черного Иртыша (Кальджире, Бельшехе и Буурчуме) нельма некоторое время стоит «плотными рядами в несколько ярусов».

Самое нерестование совершается не стайно, а семейно или попарно, подобно щукам, в сентябре или в конце августа. Потанин рассказывает, что чарышские рыбаки (в Алтае) нередко во время лучения имеют случай наблюдать ход нельмы для метания икры. Они идут парами или втроем и все одним и тем же путем; иногда самка бывает так грузна, что не в состоянии сама идти против течения, и два самца поддерживают ее с боков, сдавив ее своими боками. Поэтому лучельщики кидают всегда острогу в бокового; другой самец убегает, а самка, оставленная ими, не в состоянии скрыться или даже справиться с течением и переворачивается вверх брюхом.

Икра выметывается на глубоких и быстрых местах, на камнях и хряще и во множестве поедается хариусами. В сентябре же и не позднее октября (в Северном Урале) нельма начинает скатываться вниз, но это скатывание совершается весьма медленно, и весьма возможно, что некоторые особи остаются в реке не менее года, а то так и совсем не уходят в море.

Молодь нельмы показывается в большом количестве уже по вскрытии льда (Енисей) и, надо полагать, весной же уходит в море. После нереста, поздней осенью и зимою, нельма часто встречается в тихих, илистых местах, в заводях, изобилующих мелкой рыбой (редко 4-вершков длины), которая и составляет ее главную пищу; кроме того, она пожирает во множестве, в свою очередь, икру хариусов. По замечаниям сосвинских рыбаков, нельма всегда ходит на глубине, не появляясь на поверхности, кормится ночью и на восходе, и на закате; она очень боится шума и едва ли не самая осторожная и пугливая рыба.

На Сосьве и Лозьве нельма ловится на так называемую дорожку – искусственную рыбку из железной, несколько изогнутой пластинки с куском красного сукна на противоположном конце; пластинка эта привязывается к бечевке (в 14–20 маховых сажен), которая закладывается за ухо, и рыбак едет в лодке по течению, еще лучше вверх по реке (см. «Тальмень»). Нельма берет очень верно и никогда не срывается. Замечательно, что клев ее бывает только ходом, что она никогда не хватается широкую дорожку и вытаскивается, как доска.

Кроме ловли на дорожку, нельму здесь луют, как и в Сибири; нельма имеет очень нежное мясо, и при сильном ударе острогою ее можно пересечь пополам. От удара нельма ошалеет и не двигается, но, очнувшись, начинает сильно биться. Кроме того, когда она скатывается вниз, ее ловят так называемыми сежами. Этот весьма оригинальный способ ловли, употребляемый во многих местностях Северной и также Южной России, например на Днепре (где рыбу, однако, загоняют), особенно применим к ловле этой чуткой и осторожной рыбы; нельма и белорыбица никогда не попадают в морду, и первая даже в сежу спускается хвостом. Название сежи, очевидно, происходит от сиденья, устраиваемого при этом снаряде. Последний состоит из большой сети в виде очень редкой (трехпалочной) мотни и четырех совершенно гладких кольев, вбиваемых посередине реки, на самом глубоком месте; они отстоят друг от друга на две сажени, и вершина их на 1/2 аршина выше поверхности воды; в развилины этих кольев кладутся перекладины, а на последние настилаются доски, на которых и сидит рыбак. Верхняя бечева сети привязывается

к задней перекладине, т. е. обращенной вниз по течению, а нижняя – к коромыслу, которое делается из еловой легкой жерди с петлей на каждом конце и, чтобы не пугать рыбы, обугливается, так же как и колья. К коромыслу прикрепляется батожок с петлей, которая задевается за шпенек. Таким образом настроенная снасть имеет вид, изображенный на рис. 74. К середине сети прикрепляются 12 сим, которые рыбаки, сидящий на помосте, держит в руке между пальцами. Малейшее прикосновение рыбы передается последним, мгновенно сдергивается петля, коромысло быстро всплывает кверху, и рыба как бы поймана в западню. Все-таки нельма часто успевает выскочить из сети, и потому редко удается поймать в ночь более 5 штук, тем более что здесь нельзя даже пошевеливаться, чтобы не испугать чуткой рыбы.

Подобными сежами ловится белорыбица и в Урале, только мотня вставляется в отверстие между крыльями из сетей же, утвержденных на кольях.

В Уфе и Белой, по Черемшанскому, она нередко попадает на переметы, даже иногда на Волге, но здесь ее ловят большею частью плавными сетями и неводами, а в самом море – редкочейными ставными сетями, так называемыми белорыбичными аханами. Последние не имеют ни поплавков (балбёр), ни грузил, длину в 6 сажень, а шириною от 10–13 ячей, имеющих по 21/2 вершка «в лопатке» (квадрате). Ловля аханами в особенном употреблении у уральских казаков и начинается обыкновенно зимой, когда лед на море достаточно окрепнет. Несколько таких сетей, иногда весьма большое количество, пропускается через проруби под лед, так что все они вытянуты в одну прямую линию, и нижняя бечевка сетей плотно прилегает ко дну, а верхняя иногда очень далеко отстоит от поверхности воды. Впрочем, этот род морского рыболовства предназначается исключительно для красной рыбы.

Весьма оригинальна зимняя ловля белорыбицы так называемыми самоловами, которые употребляются больше на Средней Волге. Устройство их понятно из приложенной таблицы. Приманкою служит блесна или живая рыбка, и белорыбица, окунь или другая хищная рыба, схватив насадку, сдергивает насторожку, и тяжелый очеп подымает ее на воздух.

После красной рыбы по своей ценности белорыбица занимает первое место. Мясо ее отличается белым цветом, удобно режется на пластинки, и вкус его хорошо известен каждому. Будучи вынута из воды, она в зимнее время оказывается довольно живучею, но летом чрезвычайно быстро засыхает и не может содержаться в садках. Поэтому в продажу поступает только мороженая, свежепросоленная и в особенности так называемая «провесная», провяленная белорыбица. Икра ее тоже весьма ценится: в Угличе и Рыбинске за фунт свежепросоленной икры платили по 50 к. и дороже. Но улов этой рыбы сравнительно незначителен, и навряд ли ее добывается и 100 тысяч пудов, как это принимает Данилевский; при этом большую половину улова составляет, надо полагать, п ечерская и двинская нельма. Впрочем, улов белорыбицы подлежит значительным колебаниям, что зависит от того, многие ли из них выметали икру. Так, например, в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов ее ловилось в Волге так мало, что высказывалось предположение, что она совсем перевелась; в 1885 году белорыбицы шло из моря так много, что в Астрахани она продавалась по 1 р. за пуд.

Речной сиг

Coregonus Lavaretus L. Сиг, сиг морской, невский в Петербурге; на Онежском озере – речной, также шуйский, сунский и т. д. по названиям рек; на Ладожском озере – кряжевой, черный, или паровой, сиг. Лит. – sykas. Финск. – сиика; лат. – сиска, sihga;

эст. – сииг, сиякалле. Заметим, что в Сибири на Енисее остяки называют сига тотом, юраки – палкур (вероятно, *Coregonus Polcur*), самоеды – сига, тунгусы – шури. На остяцко-самоедском наречии сиг – чукоря.

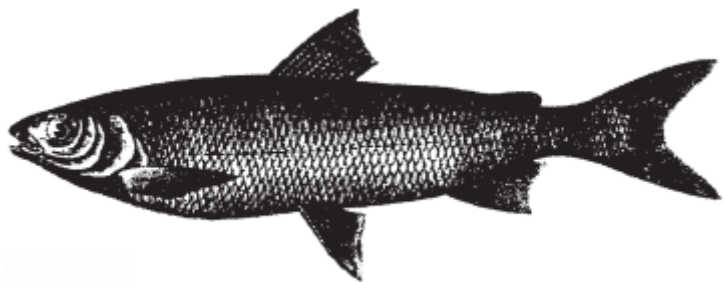

Рис. 90. Речной сиг

Этот сиг называется речным потому, что он чаще других сигов встречается в реках, куда входит из моря или больших озер для нереста. Он чернее и длиннее описанных видов, голова у него небольшая, нос тупо закруглен и над боковой линией находится не 10 рядов чешуй, как у других сигов, а 11. Число жаберных тычинок одинаково с песочником, но тело его значительно сжато с боков, и спина поднимается от затылка до начала спинного плавника очень плоскою дугою, а грудные и брюшные плавники имеют сильно заостренную форму. Кроме того, речной сиг отличается от песочника серовато-зеленой спиной с приметным стальным отливом, голубым отливом серебристых боков со светлыми продольными полосками; голова (быть может, только весной) покрыта у него темными пятнышками, так же как и основание серого спинного плавника; хвостовой и заднепроходный плавник темно-серые; грудные и брюшные плавники с верхней стороны зеленовато-серые; с нижней белесоватые, к вершине черноватые. Серебристая радужина глаза сверху несколько серовата. Сиг этот бывает весом от 2–4 фунтов и очень редко достигает 7 фунтов.

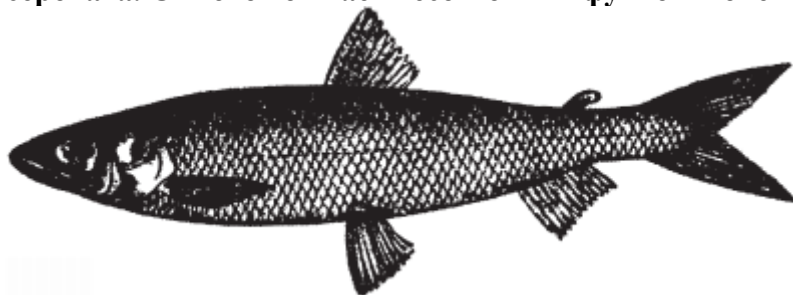

Рис. 91. Омуль

По всей вероятности, речной сиг встречается у нас в весьма многих реках Северо-Западной и Северной России, но, сколько известно до сих пор, он найден в Финском заливе, в северо-восточной части Ладожского и во всем Онежском озере; по Платеру, он встречается также в Немане, а по другим – в Западной Двине и Висле. В озерах, однако, он живет только зиму, а все остальное время проводит в реках. Это, собственно, морской сиг, почему он нередко называется этим именем или проходным сигом, а в больших озерах он, вероятно, акклиматизировался впоследствии; Ладожское и Онежское озера по отношению к этой рыбе служат как бы морями. Это доказывается тем, что онежский речной сиг отличается от настоящего, проходного, сига, который из Финского залива входит в Неву, тем, что имеет нос менее выпуклый и бывает более темного цвета, с черноватыми парными плавниками. Впрочем, по уверению шлиссельбургских рыбаков, невский сиг не доходит до Ладожского озера. Онежский сиг представляет в каждой реке свои особые приметы: в одной бывает крупнее, в другой меньше, почему и отличают шуйского и сунского сигов.

В Неве и других реках, впадающих в Финский залив (и Балтийское море), речной

сиг показывается уже в мае, как только просветлеет в них вода, поднимается все выше и выше, проводит здесь все лето, нерестует после Покрова и потом зимою возвращается обратно. Из Онежского озера сиг этот идет в реки (Немену, Суну, Водлу, Вытегру и др.) в начале или в конце августа. В Суне отличают новинских сегов, идущих около времени созревания хлебов, спасских (около 6 августа) и семёнских (около 1 сентября). Самый же большой ход их бывает здесь в половине октября, во время метания икры, в так называемые назарьевские ночи. Молодь в реках не остается, а тоже скатывается вниз, как достоверно известно относительно Онежского озера. Взрослые рыбы, выметав икру, немедленно (в октябре) возвращаются назад, как это замечено относительно Волги и Онежского озера. Икра этих сегов, по Ла Бланшеру, довольно многочисленна (50 тысяч) и несколько светлее, чем у форели.

По свидетельству проф. Кесслера, между всеми реками Онежского бассейна всего богаче сегоми Шала и Водла, в которые они поднимаются иногда уже в июне. В бытность его на восточном берегу Онеги, в начале августа 1866 года, ему рассказывали, будто бы в селах, лежащих по Шале, крестьяне почти совсем покинули полевые работы вследствие чрезвычайно обильного улова сегов. В реке Суне также очень много сегов, и в зиму 1865 на 1866 год отсюда (ниже Кивача) было отправлено в Петербург более ста возов этой рыбы (по 400 сегов на воз), а по другим показаниям, даже до 200 возов. Сунской сиг несколько мельче шуйского: первого круглым числом идет на пуд 21–22 штуки, а второго – только 16 штук. Ловят сегов этих ставными сетями и неводами.

Кроме этих сегов, у нас, в Северной России, особенно в Печоре, водится еще несколько других, но малоизвестных видов рода *Coregonus*. Все они, впрочем, более принадлежат сибирским рекам, и некоторые, как, например, зеледь и саурей, еще до сих пор вовсе не исследованы. Из печорских сегов замечательнее всех омуль (*Coregonus omul* Lepech.) – небольшая, но весьма вкусная и жирная рыба, которая во всех больших сибирских реках, кроме Оби, ловится в очень большом количестве. Настоящее местопребывание его – Ледовитый океан, но он весьма многочислен также в оз. Байкал, где служит предметом значительного промысла. Омуль редко бывает более 8 вершков и весом до 4 фунтов и более; голова у него небольшая, острая, почти коническая, с выдающейся нижней челюстью, жаберное отверстие очень большое, почему вынутый из воды омуль скоро снет; рот без (?) зубов; туловище его несколько сжато, но довольно высоко и покрыто мелкою чешуею, жировой плавник толстый и с зазубринами; спина у омуля темноватая, бока синеватые, брюхо серебристое. Омуль в известное время подымается в огромном количестве в реки. В Печору он идет из моря осенью и вскоре возвращается обратно; в Мезень же он входит в небольшом числе.

Кроме омуля, в Печоре и озерах, соединенных с ней, водится так называемая пелядь (*Coregonus peled* Lepech., печорский сиг (*Coregonus polcur* Pall.) и чир (*Coregonus nasutus* Lepech.). Первая рыба (у остяков – шика) с первого взгляда походит на обыкновенных сегов, но только шире их; челюсти у нее почти одинаковой длины, спина сначала толстая и горбоватая, но сзади спинного плавника постепенно утончается; цвет спины и боков сизый, сверху темнее, нижняя половина тела серебристая; голова, щеки и жаберные крышки испещрены мелкими пятнами каштанового цвета; спинной плавник с косыми темными полосками. Пелядь достигает 7 фунтов веса и ростом бывает до двух футов. Кроме Печоры, она водится в Каре, но в Мезенской системе попадает очень редко (например, в Калининских озерах, соединяющихся с Пезой).

Чир (*Coregonus nasutus* Pall.) отличается с первого взгляда своим выдавшимся горбоватым и толстым носом; рот у него большой. Туловище его ниже, чем у пеляди, а чешуя мельче; спина сизая, бока серебристые; ростом чир значительно более

пеляди и достигает 10–13, иногда даже 25 фунтов, но по вкусу и жирности своего мяса далеко уступает последней. Живет он преимущественно в озерах, соединяющих с Печорой, и в шарах (протоках) самой реки. По свидетельству Арсеньева, чир встречается также в Вычегде и Сысоле.

Печорский сиг (*Coregonus Polcur Pall.*) имеет короткую толстую голову, тупое, выпуклое перед глазами рыло, туловище толстое, продолговатое; заднепроходный плавник с 16 лучами (у пеледи 15, у чира и омуля 13).

Щука

Esox lucius L. Повсюду – щука; в Волынск., Подольск., Гродненск. губ. и в Польше – шупак; молодая щука – щуренок; в Тверск. губ. – цукленок (Д аль); в Яросл. губ. прошлогодня – лончак. Литовск. – лидека; финск. – гауки. У каз. татар – чортан; башк. – суртан; чувашск. – туртан; по г. Ружскому – щупке (?); перм.– чери; вот. – ципе, чопуг; черем. – куш; вогульск. и остяцк. – зарт, сорто; калм.– цурха, цурба, царба; остяцк. – пыча, курь; юрацк. – пырэй; самоедск. – дюддадо, пюрре, джедалче; ост.-сам. – пичча; тавгинц. – кинтэ; юкагирск. – найчиска; якутск. – сордон, малые – сордохай; монг. – цурухай; бурятск. – чурохай, сурохай; тунг. – гутчаган, гуткон, гутькор.

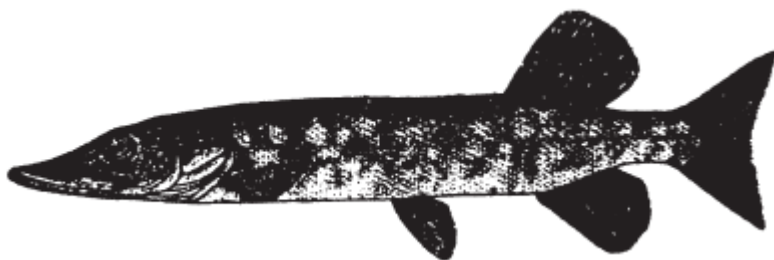

Рис. 92. Щука

По своей хищности, повсеместному распространению и величине, в которой уступает только далеко не столь многочисленному сому, щука, несомненно, составляет одну из наиболее замечательных и наиболее известных пресноводных пород рыб. Хищность, прожорливость и проворство ее вошли в пословицу; она не водится только в небольших стоячих водах и то с многочисленными исключениями; во многих местах, наконец, она достигает 2, даже 3 и более пудов весу и трехаршинной длины.

Уже по одной наружности щуки можно судить о ее проворстве и хищности. Почти цилиндрическое туловище оканчивается огромною длинною и плоскою головою, имеющей вид челнока, с выдающеюся нижнею челюстью; широкая пасть ее усеяна сверху и снизу сплошными острыми скрестившимися зубами. Длинная и плоская голова, напоминающая крокодилю, и далеко отодвинутый назад спинной плавник отличают ее от всех других пресноводных рыб. Глаза у щуки сравнительно очень подвижные: она почти так же хорошо видит над собою, как и сбоку. Чешуя щуки мелкая, гладкая; спина у нее темная, бока туловища серые или серовато-зеленые с более или менее значительными желтоватыми пятнами и полосками; беловатое брюхо обыкновенно усеяно сероватыми крапинками; непарные плавники буроватые с черными крапинками или извилистыми каемками, парные – оранжевого цвета.

Цвет этой рыбы, впрочем, весьма изменчив; вообще щука бывает тем темнее, чем она старше; то же самое замечается и в глухих и иловатых озерах, где вся рыба заметно чернее, нежели в озерах и реках с песчаным дном. Кроме того, замечено также, что в Северной России щуки бывают всегда заметно светлее и пестрее, нежели в Южной. Щурята в течение первого года жизни всегда бывают более или

менее темно-зеленого цвета; на втором году основной зеленый цвет сереет, и на нем уже резко выделяются бледные пятна, которые на третьем году становятся желтыми. В подмосковных губерниях различают по цвету и местопребыванию две разновидности – крупную донную, черную щуку, живущую в ямах на большой глубине, и мелкую щуку-травянку, зеленоватую, живущую на мелких местах. Этим разновидностям соответствуют так называемые апрельчуки и марчуки Юго-Западной России, из которых первые крупнее и темнее последних и нерестятся позднее, в апреле. Марчуки же редко достигают 6–7 фунтов веса. По моему мнению, всякая щука может сделаться донной или травяной, но несомненно, что большинство этих рыб, достигнув известного возраста, поселяется в глубоких местах.

Щука достигает огромной величины и глубокой старости. Пудовую щуку можно найти всюду. У нас самые крупные щуки водятся в северных реках и озерах, вероятно по причине их меньшей доступности сравнительно с южнорусскими. В Каме и в глубоких бочагах многих уральских небольших рек изредка попадает трехпудовая; также в некоторых илистых озерах Приуральяского края; в оз. Увельдах, например, была поймана лет 25 назад щука в 31/2 пуда. Четырехпудовые щуки, по свидетельству проф. Кесслера, встречаются в Онежском озере, тогда как в Ладожском эти хищники редко бывают более пуда весом. Самые огромные щуки водятся, по-видимому, в Вычегде и других северных реках. По свидетельству Арсеньева, монахом Ульяновского монастыря поймана здесь на дорожку, т. е. на ходовую блесну, щука в 5 пудов. Тот же писатель рассказывает следующий интересный случай. В Нювчимском заводе (в 30 верстах от Усть-Сысольска) в пруде речки Нювчима рабочие в июле 1885 года услышали у шлюзов необыкновенную возню; масса рабочих увидела голову громадной щуки, которая схватила поперек другую, более двух аршин, следовательно, около пуда весом; возня продолжалась около десяти минут, наконец пойманная перестала биться, и победительница опустилась с нею на дно.

В Сибири очень крупные щуки, кажется, встречаются реже, чем в Северной России, и только в озерах. Аргентов говорит о трехаршинных щуках (может быть, это другой вид) в озерах водной системы р. Колымы, но других указаний о больших щуках не имеется. Весьма возможно, что причина редкости больших щук в сибирских и южно-русских реках – совместное жительство с более сильным хищником. Крупный таймень в Сибири, а на юге России большой сом легко могут справиться и с пудовой щукой.

В Западной Европе гигантские щуки встречались и в XIX столетии, а в прошлом и в Средние века они были даже нередки. Еще в 1862 году у, по словам Гензика, передаваемым Борне, в Брегенце была поймана щука в 14 фунтов. Самая крупная щука из когда-либо пойманных – это историческая щука императора Фридриха II Барбароссы, пущенная им, как значилось на кольце, в 1230 году в одно озеро близ Хейльбронна и вытащенная неводом в 1497 году, т. е. через 267 лет. От старости рыба совершенно побелела. Величина ее была 19 футов, т. е. с лишком 8 аршин, а весила она 8 пудов 30 фунтов. Портрет этой щуки сохраняется до сих пор в замке Лаутерн, а скелет и кольцо – в Мангейме.

Несомненно, что щуки могут жить не одну сотню лет. Под Москвой при чистке Царицынских прудов (в конце прошлого столетия) была поймана трехаршинная щука с золотым кольцом в жаберной крышке и с надписью: «Посадил царь Борис Федорович». По всей вероятности, она весила около 4 пудов. Бланшар говорит, что в 1610 году была поймана в Маасе огромная щука с медным кольцом, на котором был обозначен 1448 год.

Судя по этим данным, щука растет очень быстро, хотя, разумеется, в кормных местах гораздо скорее, чем в малорыбных. Самцы притом всегда бывают

значительно менее или, вернее, легче (более чем на треть), чем самки одних лет; и отличаются от них более удлиненным телом и большею прогонистостью. Впрочем, относительная толщина зависит не только от пола, но и от изобилия корма и от возраста. В очень кормных озерах крупные икрняники похожи на короткие обрубки и весом в полтора раза, даже вдвое больше, чем самки одинаковой длины, живущие в водах, бедных рыбою. В более умеренном климате щука растет быстрее, чем на севере, где она обречена на более продолжительный зимний пост. У нас, в России, прирост этой рыбы никогда не бывает так значителен, как в Западной Европе. Наконец, следует заметить, что молодь крупных щук растет скорее, чем молодь мелкой, и что прирост год на год не приходится и зависит от урожая молоди и количества мелкой рыбы, вообще корма. Это замечание относится и ко всем другим рыбам.

Таким образом, точное определение возраста щуки и ежегодного ее прироста весьма затруднительно и возможно только приблизительно для какого-либо отдельно взятого водоема. В москворецких заводах я находил в июле прошлогодних щурят, весивших только около полуфунта, тогда как таковые же в Сенежском озере имели уже более фунта. В зауральских озерах щуки растут еще быстрее. Вообще годовалая щучка имеет у нас от 5 до 7 вершков длины, двухгодовалая – 7–9 вершков и вряд ли достигает 3 фунтов веса. Приблизительно можно принять, что у нас в рыбных водах щуке (самке) столько лет, сколько фунтов она весит. В Западной Европе при особенно благоприятных условиях ежегодный прирост может достигать, по Борне, двух фунтов. По Геккелю и Кнеру (также Эренкрейцу), щука в Дунае при большой воде достигает через год 2 фунтов весу, в следующий – 3–4 фунтов; при малой же воде годовалые щурята всего полфунта весом, а двухлетки – в 2 фунта. В очень кормных озерах, например в Леопольдарте близ Зальцбурга, по свидетельству этих ихтиологов, щука через два года весит 6–7 фунтов, и даже молодь ее (?) бывает в фунт весом, 4-фунтовая щука, по Борне, может весить через год до 8 фунтов; известен пример, что годовалая щучка в 3/5 фунта, посаженная в пруд, к осени достигла 5 фунтов. Несомненно, что щука растет быстрее всех наших чисто речных рыб (т. е. не считая полуморских белугу и осетра), за исключением сома. Достигнув величины аршина, т. е. 5–6 фунтов, у нас на 4–5-м году жизни она увеличивается в длину медленно и растет больше в толщину. По моим наблюдениям, взрослая щука вырастает ежегодно около полувершка. Пудовые экземпляры имеют в длину всегда около 2 аршин и должны иметь не менее 20 лет, а чаще 30 и более.

Щука имеет весьма обширное распространение. Она встречается во всей Европе, за исключением Пиренейского полуострова, в Сибири и в Туркестане. Ее, кажется, нет в реках Таврического полуострова и на Кавказе.

В Восточной Сибири, по всей вероятности, встречается уже другой, хотя и близкий, вид – *Esox Reichertii*. По некоторым данным, щука появилась в Англии уже в доисторические времена, иначе трудно объяснить, почему в Средние века она еще ценилась здесь дороже лосося.

Хотя щука всюду принадлежит к числу наиболее обыкновенных рыб, но она, видимо, избегает холодных, быстро текущих и каменистых рек и предпочитает спокойное течение. Реки и проточные озера с камышистыми и травянистыми берегами и заливами составляют ее любимое местопребывание, что объясняет, почему она так редка в некоторых горных реках Северного Урала, также в Смотриче, Днестре и Буге, куда большею частью заходит только случайно из протоков. Но, кроме рек и проточных озер, щука водится в изобилии и во многих стоячих водах, в невымерзающих зимою прудах, даже болотах, дающих начало рекам, наконец, в глубоких ямах от кирпичных заводов и плитных ломок. На севере нередко можно встретить ее в озерах, почти совершенно затянутых трясинной, в которой остались лишь немногие т. н. окошки. Весною щука встречается даже в

неглубоких ямах и в лужах заливных лугов, куда заходит во время нереста. Вообще она почти так же неприхотлива в местообитании, как и карась, и, подобно ему, живет в солоноватых озерах, например в таких Барабинских озерах, где на фунт воды приходится летом до 1/2 драхмы соли. Озера с сернистой водой также изобилуют как щуками, так и окунями. Но в мелких, промерзающих до дна водах щука не может перезимовать, а в суровые зимы погибает во множестве даже в глубоких озерах, если в них нет ключей или не делалось прорубей. Причина гибели – «сдыхание», или замор, обусловливаемый развитием вредных газов из гниющих остатков растений, а иногда от большого содержания окисей железа.

Всюду как в реках, так и озерах щука выбирает своим местопребыванием места не очень глубокие, травянистые и обыкновенно держится около берегов. Только очень большие живут на глубине, в ямах и под крутоярами, где держится и крупная рыба, которою они питаются. Мелкая же и средняя щука живет постоянно в камышах, в траве и, за неимением того или другого, на севере зарывается в мох или прячется за корягами, под кустами, нависшим берегом, большими камнями и подобными убежищами, в которых подстерегает свою добычу.

Щука обладает большим проворством движений, что, конечно, обусловливается удлиненною формою ее тела. Редкой рыбе удастся избежать зубастой пасти погнавшегося за ней хищника, тем более что последний преследует ее не только в воде, но даже и в воздухе. Прыжки щуки изумительны: в этом отношении она уступает разве только язю, жереху и лососям. Несмотря, однако, на быстроту свою, щука все-таки большею частью хватает свою добычу из засады ила же, подобно сомам, прибегает к хитрости; так, например, Аксаков рассказывает, что щука нередко становится на мели головою вниз по течению и хвостом мутит ил, так что совершенно закрывает ее от мимоидущих рыбок. Справедливость этого наблюдения могу удостоверить, так как мне много раз приходилось замечать подобные маневры. Барон Черкасов, основываясь на своих наблюдениях над пойманными щуками, полагает, что малек потому так часто замечается около неподвижно стоящих в траве щук, что последние выделяют слизистые нити, которые привлекают мелочь, становящуюся добычей притаившейся хищницы. Но вольные рыбы выделяют гораздо меньше слизи, чем пойманные, и эта слизь не затвердевает и не получает формы нитей или вуали.

Вообще щука бродит очень мало и, строго говоря, есть вполне оседлая рыба; только весною перед нерестом она несколько подымается вверх по реке или на пойму, а к зиме уходит в ближние омуты, где отдыхает и иногда не ест вовсе. В это время щуки встречаются довольно многочисленными стаями, хотя, впрочем, следует заметить, что и тогда они лежат больше вразнобой, в приличном отдалении друг от друга, далеко не так грудно, как все карповые рыбы. Притом в такие ямы собираются на зиму щуки одинакового или почти одинакового возраста, что, вероятно, происходит оттого, что и зимою крупная щука не прочь поживиться более мелкой; кому из рыбаков не случалось находить, в желудке или слышать от других, что в желудке крупных щук находили тоже немалых ее собратьев: двадцатифунтовая, например, легко, может заглотать 3–5-фунтовую, а Терлецкий рассказывает о 6-фунтовой щуке, схватившей 4-фунтовую, и их продолжительной возне. Вероятно, жадная хищница не могла разжать пасти, увязив в непосильной добыче свои крючковатые зубы.

Прожорливость этих хищников и разнообразие их пищи поистине удивительны, и надо считать большим счастьем, что щука беспощадно истребляет свою собственную молодежь, что громадное количество икры в выклюнувшихся щурят пропадает и съедается птицею в тех пересыхающих лужах, куда икра была выметана в половодье. В противном случае при своей плодовитости рыба эта в самом непродолжительном времени неминуемо истребила бы всех других рыб, с ней

живущих. О прожорливости щук можно судить уже из того, что, по свидетельству одного английского автора, 8 щук, около 5 англ. фунтов каждая, в восемь недель съели 800 пескарей. Во время нереста других рыб, в особенности же плотвы и верхоплавки (в прудах), желудок щук битком набит мелкой рыбой.

Кроме рыбы, щука не дает пощады никакой живой твари, и жадность ее не знает пределов: во время так называемого жора, когда она всего голоднее, щука бросается на крупных птиц, например гусей, с которыми, конечно, не может сладить, и на рыб одинакового с нею роста. Вавилов рассказывает, как раз она ухватила за ногу гуся и не разжимала пасти и тогда, когда последний вытащил ее на берег; в Саратове рыбаки говорили Гримму, что там однажды нашли 8-фунтовую щуку, которая задохлась от торчавшего у нее в пасти восьмифунтового голавля. Это, впрочем, весьма невероятно, так как голавль относительно гораздо сильнее щуки. Крупные щуки беспрепятственно глотают утят, даже взрослых уток, почему местами и называются утятницами. Я лично много раз наблюдал в Павдинском пруде (Верхотурского уезда), изобилующем этими хищниками, как они ловили мелких и крупных куликов, весьма многочисленных здесь на пролете, в конце лета. Первое время я положительно не знал, чему приписать жалобный писк и затем внезапное исчезновение птиц, но потом убедился, что это проделки щук; стоило иногда только кулику отойти подальше от берега, по грудь в воду, как хищник хватал его за ноги, и несчастный долгоносик не успевал жалобно пропищать и растопырить крылья, как щука утаскивала его вглубь. Плавающие кулики, особенно плавунчики, глотались целиком, почти без всякой тревоги.

Точно так же щуки пожирают водяных крыс, землероек, в Сибири мышей и белок на переправах во время их переселений. Лягушки и головастики составляют лакомую пищу (прудовых) щук, и где водятся последние, там зеленые (водяные) лягушки составляют редкость. Схваченную жабу щука немедленно выбрасывает. Мелкие едят иногда червей, линючих раков; падаль же, даже уснувшую рыбу, щуки едят очень редко, разве очень голодные. Но и живая рыба не в одинаковой степени пользуется расположением нашей пресноводной акулы, по временам, а также при изобильном корме весьма разборчивой в пище. Так, например, щука не любит линея, и алимов, а местами не берет на карасей, окуней и ершей. Вообще щука хватается свою добычу как придется, но заглатывает непременно с головы, а если пойманная рыба слишком велика, зажимает ее в зубах до тех пор, пока не переварится проглоченная часть. Крупные щуки глотают рыб целиком, почти без повреждений, и где их много, там нередко эти «выпоротки» поступают в продажу. Пищеварение у щук очень слабое, и через два дня можно еще найти в желудке непереваренных рыб. Этот факт несколько объясняет периодичность жора щуки. Она ест до тех пор, пока не будет набита битком рыбой, буквально по горло, затем переваривает проглоченную пищу в течение многих дней, даже неделями. Громадное количество проглоченной и непереваренной рыбы дало весьма ошибочное понятие о количестве рыбы, истребляемой щуками, и их прожорливости.

Ключекрылых рыб, например ершей, окуней, щуки ловят с большою осторожностью и, во всяком случае, сжимают в зубах до тех пор, пока жертва не перестанет биться. Довольно часто, однако, случаются и промахи, и, вероятно, каждому приходилось ловить рыб с широкими ранами на боках и у хвоста – это следы зубов щуки. Особенно часто вырывает она целые куски мяса, и вообще крупная добыча успевает вырваться из пасти хищника, когда у него происходит смена зубов: старые отваливаются и заменяются новыми, еще мягкими. Это любопытное явление происходит обыкновенно в мае; в это время щуки, ловя относительно крупную рыбу, нередко только портят ее, но удержать по слабости зубов не могут, почему и насадка на жерлицах часто бывает тогда только измята и даже не прокушена до крови, что хорошо известно каждому рыбаку.

Выше мы уже упомянули о том, что зимой щука ничего не ест и вместе с тем, вопреки своему обыкновению, не ведет такого уединенного образа жизни. Но и в другие времена года она ест периодически, и большею частью клев ее, или жор, бывает 3–4 раза в год: перед нерестом, еще по льду, затем в апреле или мае–июле и особенно осенью – в сентябре–октябре. Периоды эти изменяются, смотря по местности и климату, и летний жор ее почти незаметен, так как в это время она не имеет недостатка в пище и плохо идет на удочки и жерлицы: всюду кишат тогда миллионы молодой рыбешки. По мнению многих рыбаков, каждый жор щуки продолжается недели 2–3 и узнается по тому, что тогда перестает клевать мелкая рыба. Это не совсем верно, но начало жора щуки нетрудно узнать по тому, что она начинает бить, т. е. ловить, рыбу на поверхности и нередко хватается плотниц и прочую бель, взявшую на удочку. У зырян на севере существует примета, или, скорее, поверье, что щука берет только в те числа, в которые она метала икру, т. е. если терлась в середине апреля, то в пятнадцатых числах каждого месяца, вплоть до заморозков. Несомненно, что периоды жора не имеют правильности и обуславливаются главным образом состоянием погоды. При высоком стоянии барометра, т. е. при установившейся хорошей летней погоде, щука стоит, т. е. не двигается, по целым часам, даже днем, находясь в каком-то полусонном состоянии. Эта стойка прекращается, как только барометр начинает падать, и чем дольше продолжалась хорошая погода и дольше стояла щука, тем сильнее бывает ее жор, тем жаднее она хватается рыбы.

Проголодавшаяся щука теряет всякую осторожность и как бешеная бросается на все живое, даже только блестящее. При ужении окуней на озерах нередко бывают случаи, что на малька возьмет окунь, которого хватается щука. В очень рыбных озерах щуки во время жора подходят к берегам массами, хотя ходят вразнобой. В шлюзованных реках, например в Москве-реке, Мсте и других, вообще многоводных, жор щуки, как и других хищников, находится в зависимости от количества воды, т. е. от количества выпавших дождей. Течение уносит под плотину много молоди и мелкой рыбы, и это обилие пищи заставляет всех щук подниматься кверху, иногда за несколько десятков верст. Заметим кстати, что во время запора шлюзов щука почти никогда не сбрасывается вниз, подобно судаку, шересперу и голавлю, а остается в тиховодье, которое предпочитает быстрине. Под шлюзами и мельничными плотинами щуки тоже выбирают ямы с водоворотным течением и избегают струи.

Кормится щука по утрам и под вечер, в полдень же и ночью почти всегда отдыхает – спит; нередко на глубине нескольких вершков; желудок ее переваривает проглоченную пищу, вслед за тем твердые части, как кости и чешуя, изрыгаются ею, подобно тому, как это делается жерехом и налимом. В некоторых случаях пойманная на крючок щука изрыгает даже все содержимое желудка.

Первый жор щуки начинается в феврале или в начале марта, когда она, истощенная продолжительным постом, изнуренная и исхудалая, подходит к закраинам, к устьям впадающих рек и речек и жадно хватается всякую рыбу, которая только может поместиться в ее ненасытную утробу. Этот февральский или мартовский лов щуки многим рыбакам вовсе не известен и бывает всего удачнее на озерах. Стаи щук выходят из ям, рассеиваются и начинают плавать около закраин. Вслед за этим периодом еды щука уже не уходит на глубину и не прячется в укромные места, как обыкновенно, а подымается вверх по реке, идет в речки и ручьи, заходит в пойму и через неделю–две, вообще с разливом рек, или, вернее, речек, начинает свой нерест. В руслах больших и средних рек щука никогда не мечет икры: она всегда выходит отсюда или в ручьи и речки (первое время), или (уже позднее) в пойму, преимущественно в заливных озерках. В Средней России нерест ее имеет место в марте, редко в начале или середине апреля, как это обыкновенно

бывает на севере. В озерах щука вообще играет позднее, нежели в реках, что обуславливается их поздним вскрытием. В некоторых горных зауральских озерах, например в Иткуле, нерест этой рыбы бывает иногда в конце мая. Наоборот, в реках Южной России, в Нижней Волге, в низовьях Дона и Днепра щука начинает метать икру в феврале. Впрочем, весь период нереста довольно значителен и продолжается около месяца: сначала мечут мелкие трехгодовалые, после всех – самые крупные. Эти мелкие 3–4-летние щуки местами называются щука голубое перо, так как плавники их становятся ярче; в Киеве – вербнянками или марцовками. Крупные в Киевской губернии называются березовками (в Белой Церкви), также апрельчуками. Вообще крупные щуки мечут икру одновременно с лягушками.

Описание самого нереста заимствую из статьи своей «Зауральские озера», на которых я не раз имел случай наблюдать как нерест, так и весеннюю ловлю этой рыбы.

«В противоположность большинству рыб щука играет не рунами, а весьма небольшими артелями – штуки по три-четыре, в числе коих находится обыкновенно одна самка, так что молошников гораздо более икрятников. Вследствие этого, очевидно, большая часть выметанной икры оплодотворяется, чего далеко нельзя сказать о других рыбах, у которых, частью по недостатку самцов, частью по неправильному распределению их между самками, даже вследствие самой тесноты и безалаберной давки, много икры и молок вытекает и пропадает совершенно понапрасну. При огромном количестве щучьей икры не было бы никакого сомнения в необычайном размножении этого хищника, в конечном истреблении всех других видов рыбы, за исключением окуня и хорошо себя отстаивающего ерша, если бы большая часть икры, выметанной щукой, не оставалась на высыхающих разливах и болотах, множество самой рыбы не пропадало таким же образом и если бы громадная масса щуки, необыкновенно смирной во время нереста, в чем ей уступает тогда даже язь, не делалась добычей человека и хищных птиц, например скопы, коршуна, белохвоста.

Щука мечет икру обыкновенно по третьему году, когда уже бывает более полуаршина. Прежде всех играет не самая крупная, как у всех других озерных рыб, а самая мелкая, потом средняя и, наконец, самая большая, иногда даже с небольшими промежутками, отчего нерест продолжается чрезвычайно долго, дольше, чем у всех других рыб – нередко недели две, что, конечно, тоже способствует ее более успешному лову. Много щук ловится еще перед игрой мережами, когда они только лезут в камыши и плавают у закраин. Самый нерест имеет, однако, место не здесь, а на самых мелких местах, в осоке, заливаемой водой озера или реки; вследствие этого часто случается, что они заходят на далекое расстояние от русла реки или летнего ложа озера и нерестятся не только в пересыхающих болотах, но и на твердых, обыкновенно сухих берегах. В это время часто приходится наблюдать щук на такой незначительной глубине, что спина их высовывается из воды. Потом, после внезапной убыли воды, особенно на разливах рек, им предстоит много отчаянных прыжков, и хорошо, если удастся перевалиться или перепрыгнуть с разбега в текучую воду или хотя глубокую яму и «ширф». Без сомнения, множество этой рыбы остается на мели и рано или поздно делается добычей птиц и человека.

Прежде всего, как только образуются небольшие закраины и вода начинает поглощать воздух, щука подходит к камышам и всего охотнее подлаивает у самого края льда, что объясняется тем, что вода содержит тут наиболее воздуха, пузырьки коего освобождаются при таянии. Явление это свойственно, впрочем, всякой рыбе, а у щук выражено только несколько яснее. В это время, предвещающее скорое наступление нереста, обыкновенно ловят их мережами, и чем чаще запутавшаяся щука выпускает, бившись, икру, тем ближе эта с нетерпением ожидаемая пора. Проходит неделя, щуки начинают ходить уже целыми артелями: обыкновенно два-три самца,

отличающиеся своей прогонистостью, преследуют одну толстую, как обрубок, самку; еще день-два, и щуки окончательно теряют свою обычную осторожность, подходят к самому берегу озера, вступают в поднятые водой прибрежные болота и разливы речек; артели их уже представляются одною слившейся массой: медленно и плавно самка то опускается на дно, то поднимается кверху, и темные спины увивающихся самцов иногда совсем высовываются из воды».

Молошники, сопровождающие самку, всегда бывают значительно менее последней, иногда вдвое. По словам О. Гримма, с 9-фунтовым икрянником ходят 3–5-фунтовые самцы. Я, однако, никогда не замечал особенно резкого отличия в росте, тем более что нерест совершается не одновременно, а начинается самыми мелкими (редко двухлетками, а больше трехлетками) и кончается самыми крупными. По уверению некоторых рыбаков, в партии принимают участие и мелкие годовалые самцы, которые будто бы держатся зубами за плавники самки, но это очевидная нелепость. Какая цель держаться щуриатам зубами и для чего они рискуют быть съеденными взрослыми кавалерами? Достоверно известно, что между последними происходят частые и продолжительные драки, так как каждый старается быть поближе к самке. Эти поединки оканчиваются тяжелыми ранами и даже смертью. Весьма возможно, что изредка крупные самки пожирают своих очень мелких любовников.

Зеленовато-желтая и очень мелкая икра щуки выметывается прямо на дно, чаще на прошлогоднюю траву, и ложится в один слой. Количество ее весьма значительно, хотя в этом отношении щука уступает окуню, карасю и многим другим рыбам; известный ихтиолог Блох насчитал в шестифунтовой щуке 136 тысяч икринок, могу прибавить со своей стороны, что средним числом вес икры приблизительно равняется 1/5 части всего веса щуки, а у крупной это отношение еще более. По уверению многих иностранных авторов, щучья икра, съеденная птицей и извергнутая из заднего прохода, не теряет способности развития, но это вряд ли справедливо; внезапное появление щук, да и других рыб, в совершенно замкнутых бассейнах объясняется тем, что клейкая икра прилипает к ногам и перьям водяных птиц, ее пожирающих, и затем переносится ими на огромные расстояния. Впрочем, известны случаи, что и взрослые щуки во время сильного дождя переходили из ближайших бассейнов в соседние, где их не было.

Развитие икры щуки идет сравнительно быстро; для этого достаточна температура в 8–10 °С. На солнце и в мелкой воде молодые рыбки выклеваются в 11/2 недели, даже в 8 дней, в тени и на более глубоких местах – в две недели и более. Молодь сначала прячется во мху, в густой траве близ берега, но очень скоро, лишь только исчезнет желточный пузырь и она почувствует потребность в пище, рассеивается и уже не встречается в большом количестве в одном и том же месте. Первое время молоденькие щурята держатся на самых мелких местах, мало пугливы, питаются больше насекомыми, червями и другими мелкими беспозвоночными и редко ловят молодь других рыб ранее июля, когда переходят в более глубокую воду. Но в августе и сентябре щурята кормятся исключительно мелкой рыбой и быстро увеличиваются в росте. В мае они еще менее вершка, в июне немного более, но в октябре уже нередко бывают более четверти в длину и более четверти фунта весом. Затем зимой они почти не увеличиваются в росте до ранней весны. С этого времени они начинают расти не по дням, а по часам. Большая часть щурят погибает еще в самом юном возрасте в высохших разливах, становясь добычей уток и других водяных птиц. Во множестве они поедаются годовалыми и двухгодовалыми щучками и судачками, а в прудах и озерах – окунями.

Большинство полагает, что щука, как хищник, приносит громадный вред рыбьему населению и рыбному хозяйству, что это водяной волк, которого следует истреблять всевозможными средствами до полного искоренения. По их мнению, если не будет

щук, то количество рыбы значительно увеличится. Взгляд этот не совсем верен и основан на неправильной оценке значения в экономии природы хищных рыб вообще, а в частности щуки, и на преувеличенных понятиях о количестве рыб, ею истребляемых.

Дело в том, что, за очень редкими исключениями, т. е. когда ведется совершенно правильное рыбное хозяйство и разводятся искусственно и с большими затратами такие ценные рыбы, как, например, форель, щука или другой хищник даже необходимы. В «диких» и «полудиких» водах щуки служат как бы регуляторами рыбьего населения: поедая малоценную мелочь, больных и слабых рыб, они дают возможность более крупным и здоровым особям расти быстрее и давать более здоровое потомство. Некоторые иностранные авторы выставляют щуку такой ненасытной, обжорой, что остается только удивляться, что на свете существуют еще другие рыбы, кроме этого хищника. По словам этих писателей, щука не только съедает в неделю вдвое больше рыбы, чем весит сама, но может в один день съесть одинаковое по весу количество, что физически совершенно невозможно. Наблюдения и факты показывают нам, что щука переваривает пищу очень медленно, почему ест периодически; набив желудок битком, она переваривает содержимое весьма продолжительное время, затем снова начинает «жрать». Из того же, что в желудке находят во время жора много рыб, заключили, что такое количество она потребляет чуть не ежедневно, почти круглый год.

Между тем щука едва ли в состоянии съесть в течение года пищи больше, чем десятикратно против того, что сама весит, и то только в юном возрасте; чем она становится старше, тем относительно меньше ест, и пудовая щука, конечно, не истребит в год десяти пудов разной живности. Если принять во внимание, что щука ест не одну рыбу, а также раков, лягушек (особенно на юге), мышей, червей и насекомых, что добычею ее делается преимущественно малоценная, а зачастую и вредная рыба, как, например, гольцы, шурята, что щука растет чрезвычайно быстро, крайне неприхотлива, имеет значительную стоимость и очень верный сбыт на месте, то окажется, что в наших некультурных прудах, озерах и речках этот вредный хищник составляет чуть не самую выгодную породу рыб, не исключая даже сазана. Конечно, судак и налим еще выгоднее щуки, но, к сожалению, они не везде уживаются. Окунь везде ценится теперь дешевле щуки, сравнительно прожорливее, а потому невыгоднее. Что же касается сома, то он, несомненно, крайне убыточен, так как является потребителем крупной и гораздо более ценной рыбы, чем он сам. Считаю необходимым оговориться, что крупные щуки по тем же причинам также крайне невыгодны и должны быть истребляемы. Самые вкусные щуки – двух-трехлетки; начиная же с 10-фунтового веса, они имеют уже жесткое, довольно невкусное мясо, а крупные, пудовые щуки даже почти несъедобны. Дело благоразумного хозяина – соблюдать надлежащее равновесие между щуками и прочей рыбой и не давать щукам достигать большой величины. Самый же удобный способ регулирования – это стрельба их во время нереста.

За границей уже давно сознали пользу и выгоду мелких щук и нарочно пускают их в те пруды, которые назначены для корма взрослых карпов. Поедая молодь последних, они дают возможность развиваться быстрее крупным рыбам. У нас также бы следовало пускать щук в такие пруды, где развелось слишком много мелкого карася, плотвы, а в особенности гольца. Если мало шансов на то, что хищники выживут зиму, что может случиться очень редко, если делаются проруби, то достаточно даже летнего пребывания нескольких щук в пруде, чтобы очистить его от больных и слабых рыб и уменьшить число гольцов – самых вредных рыб, так как они истребляют икру других рыб, сами не представляя почти никакой ценности. В таких условиях находятся, например, пруды Петровской академии, где голец вытесняет линей и карасей. Как кажется, щуки были здесь (в главном пруде) еще

лет 20 назад. Но так как их беспощадно стреляли весной, то в одну из суровых зим погибли и уцелевшие. Щуки переводятся иногда даже в очень глубоких озерах. Например, в известном и очень глубоком (до 25 аршин) озере Белом, близ с. Косина (в 12 верстах от Москвы), лет 10–12 назад зимою издохла довольно загадочным образом вся рыба, за исключением немногих линей и карасей, и теперь в нем нет ни одной щуки.

Как было уже сказано, щука доставляет очень вкусное и ценное мясо: только у одних римлян она находилась в большом презрении; у англичан в Средние века щука, наоборот, считалась самой вкусною и дорогою рыбою. Особенно ценится щучье мясо евреями, а потому за последнее двадцатилетие оно сильно поднялось в цене как в Москве, так и везде, куда расползлась эта клопоподобная нация. Замечательно, что Донская область – единственная в России страна, застрахованная от еврейского нашествия, – вместе с тем единственная местность, где щука считается поганою и никогда и никем в пищу не употребляется. Казаки бросают ее обратно в воду на том основании, что у щуки змеиная голова и она ест лягушек. Большая часть щук добывается в озерах, прудах и небольших реках; в судоходных же реках ловля ее сравнительно ничтожна. Молодая щука, приготовленная по-жидовски, с фаршем и с яйцами, или по-польски, составляет весьма вкусное рыбное кушанье; недурны также маринованные щуки, а также жареные, подобно наваге, шурята. В очень иловатых прудах и озерах щуки сильно отзываются илом и иногда даже пригодны только для маринования. Самою вкусною считается молодая (речная) щука – так называемая щука голубое перо – перед самым нерестом. Молошники предпочитают икряникам, потому что зрелая щучья икра в о многих местностях России, например в низовьях Волги и во всей Западной Европе, имеет не только сильное слабительное действие, но довольно ядовита. В Германии существует убеждение, что даже мясо щуки, убитой во время нереста, съеденное в большом количестве, производит боль желудка, тошноту, рвоту, головокружение и понос. По-видимому, соленая икра не имеет уже вредных свойств; там, где много щук (на больших озерах), икру их солят в большом количестве и продают (простонародью) по 30 и более копеек за фунт.

За исключением человека и своих собратьев, щука почти не имеет врагов. Впрочем, на юге России сом, а в Сибири таймень не дают спуска зазевавшейся хищнице. Мелкая щука иногда становится добычею скопы, но крупная (даже десятифунтовая) обыкновенно топит своего неожиданного всадника. В Западной Европе много щук истребляют выдры, но у нас последних сравнительно очень мало (кроме Польши, почему выдры и называются польским бобром). Зато щуки очень страдают от глистов, к оторым заражаются от съеденных рыб и мышей. Изредка встречаются почему-то слепые щуки, а также ненасытные до бешенства обжоры, бросающиеся даже на людей. Известно несколько случаев, что такие бешеные щуки хватили людей за руки или за ноги. Наконец, у щуки бывает эпидемическая болезнь: брюхо покрывается желваками и рыба всплывает мертвою. Щучья желчь доставляет очень хорошую желто-бурую краску, а также употребляется в качестве лекарства от колики.

Добывание щук производится весьма разнообразными способами – различными сетями и вершевидными снарядами, острогой, силками, стрельбой из ружья, глушением и, наконец, крючками, насаженными большею частью живою рыбою.

Главная масса щуки добывается, однако, не в больших реках, а в мелких запруженных притоках, в озерах и речных старицах. Только в этих водах, особенно в озерах, щука имеет большее или меньшее промысловое значение, хотя никогда не ловится одновременно в таком большом количестве, как, например, судак и окунь, не говоря о белой рыбе. Впрочем, в так называемых щучьих озерах зимою, когда щуки собираются в определенные места для зимовки, на таких тонях, называемых

щучьими, их ловят неводами десятками пудов, по несколько сотен за раз. Но такие случаи редки, и почти всюду большая часть щук добывается вершами, острогой и крючками, главным образом весной. Неводная ловля может производиться с успехом только подо льдом, так как в другое время года щука ускользает из невода, нередко перепрыгивая через верхнюю тетиву; крупная, видя себя окруженную сетью, даже пробивает ее с разбега. Притом с весны до поздней осени щука держится в таких местах, где неводная ловля немыслима, а потому эта рыба составляет чуть ли не главную добычу мелких рыбаков-промышленников и имеет местный сбыт, продаваясь большею частью в свежем виде, редко мороженою и еще реже (как, например, на Барабинских озерах) вяленую. Эти мелкие или даже случайные промышленники ловят щук так называемыми курицами, различного рода небольшими сетяными снастями, ловушками из прутьев, ставят переметы и жерлицы, также бьют щук острогой и глушат их подо льдом.

Бредень, или волокуша, – очень небольшой невод, не длиннее 10 сажень, а чаще гораздо менее, глубиною до сажени; сетка его, особенно в мотне, делается очень частою, почему в него попадает много мелочи, которая, разумеется, погибает без всякой пользы. Иногда бредни делаются без грузил, поплавков и мотни, а в наипростейшем виде представляют широкий кусок рединки, т. е. самого редкого и грубого холста. Как видно из названия, ловят бреднем вброд – бредут с ним около берегов, чаще по ночам. В реках с голыми берегами летом, ради привлечения рыбы, кладут заблаговременно на воду срубленные кусты и вершинки деревьев и затем, когда стемнеет, осторожно окружают это искусственное убежище. В травяных зарослях и в коряжниках, где бредень легко можно изорвать, употребляются (на севере) так называемые курицы. Это, как видно из рисунка (рис. 93), две легкие кокорки, к которым пришит сетяной мешок с отверстием до 4 аршин. Курицей ловят всегда втроем: двое ташат, а третий управляет прик репленным к «пяте» колышком.

Немало щук ловится (большею частью летом в травах) мережами – весьма оригинальными сетяными снастями, которые будут подробно описаны далее. Эта тройная, трехстенная сеть: в середине находится частая сеть, по бокам – ряжи, т. е. редкие сетки с ячейками около 4 вершков в квадрате. Рыба, ударившись с разбега в мережку, проскакивает через первый ряж, запутывается, потому что частая сеть образует, продвинувшись в петлю другого ряжа, узкий кошель, в котором рыба не может уже повернуться. В большинстве случаев в эти сети щук загоняют при помощи боток, или боталов, которыми бьют в травах и под берегом; но по ночам рыба попадает в мережки и самоловом, т. е. без загона. Загнать щуку из-под заросшего берега довольно трудно, так как она выказывает в этом случае большую хитрость и очень долго бежит, пока не зацепится; бывает, что она вырывается из загона, проскользнув сбоку или перепрыгнув через сеть. Крупная щука, не найдя выхода, старается проби ться силой и отчаянно бросается на сеть. Нередко щука перехитрит и попадает снаружи; а также случается, что снаружи попадают совершенно посторонние щуки, которые пришли на шум ботанья в ожидании поживы. Дневная ловля мережками принадлежит к числу самых занимательных и даже охотничьих способов ловли, так как производится большею частью в одиночку и требует от рыбака большой ловкости и сметки.

К числу охотничьих, т. е. активных, способов ловли щук принадлежит ловля наметками, сежами, накидками (малушками и корзинами). Сежа уже описана выше (см. «Белорыбица»), накидные сети, или малушки, известны только на юге, и об них будет говорить далее. Наметка – более или менее всем известный снаряд – употребляется главным образом в водополь или паводок, вообще в очень быструю и мутную воду, когда рыба жметя к берегам и не видит надвигающейся сети. Простая наметка (или сак), впрочем, употребляется и летом для ловли рыбы, стоящей у

берега, под корнями или в траве, т. е. ночью, а в жары также и в полдень. Такая наметка состоит из большого (до 4 аршин глубиной), более или менее частого сачка, прикрепленного к длинному, но легкому шесту. На конец последнего насаживается перекладина – деревянный брусок в $1\frac{1}{2}$ – $2\frac{1}{2}$ аршина длиною, концы которого соединены толстой бечевкой, привязываемой к шесту, так что образуется треугольник, нижняя сторона которого состоит из перекладины, а боковые – из бечевки. Сеть прикрепляется к этому треугольнику. При ловле наметкой обыкновенно осторожно кладут ее на воду плашмя, подальше от себя, затем быстро погружают сеть до дна и вытаскивают ее на берег. При летней ловле щук наметкой обыкновенно приходится загонять их в нее настойчивым и продолжительным вытаптыванием из травы, откуда щука идет в сеть крайне неохотно; большею частью это делается вдвоем: один входит в воду с наметкой и заводит ее под берег, куст или траву, а другой выгоняет рыбу. В полоую воду наметку просто держат отверстием против течения, прижимая сеть ко дну и подымая ее по временам для того, чтобы вынуть зашедшую в сачок рыбу, что иногда чувствуется осязанием. В Ярославской губернии для весеннего «сакания» рыбы употребляют очень большую сетку, внутри которой, к самой вершине конуса сетки, прикреплена тонкая бечевка или нить; эту нить держат в руках, и она дает знать о каждой попавшей рыбе. Таким образом усовершенствованная наметка составляет как бы переход к известной сеже (см. «Белорыбица»).

Рис. 93. Ловля рыбы

курицею

Малушка, или накидка, у нас, в средней и северной полосе, почти совершенно неизвестна, но, судя по всему, ловля ею щук может быть весьма добычлива, во всяком случае малушка гораздо удобнее белорусской корзины, которая также набрасывается на замеченную рыбу. Этот оригинальный снаряд, также требующий большой сноровки и опытности, но очень мало известный, делается из гладких и сухих дранок (40–50) длиною до $1\frac{3}{4}$ аршина, а шириною в нижнем заостренном конце $1\frac{1}{2}$, в верхнем один вершок. Эти дранки прикрепляются с помощью бечевки к двум обручам, из которых нижний диаметром около 18 вершков, верхний вдвое менее. Ловить корзиною можно только на мелкой воде, не глубже $1\frac{1}{2}$ аршина, и там, где растет более или менее густой хвощ. Щуки и другие рыбы очень любят ночевать в этой траве, а по колебанию верхушек последней совершенно ясно видно их малейшее движение и нетрудно даже определить размер рыбы. Ловят ранним утром до восхода и немного позднее, только в совершенно тихую погоду, большею частью вдвоем: один с корзиной становится на носу челнока, другой – с шестом – в

корме. Въехав в хвощ, останавливаются и смотрят, не побежала ли поблизости рыба. Обыкновенно, проплыв 1–2 аршина, она останавливается. Заметив место остановки, а особенно где ее голова, осторожно подъезжают к щуке (или другой рыбе), ловец держит корзину наготове за верхний обруч и, когда лодка достаточно приблизится к намеченной добыче, с силою бросает свой «кош» (не выпуская его из рук) так, чтобы голова рыбы была в центре или внутри корзины. Если бросок был удачен, что зависит только от навыка, то рыба тотчас дает о себе знать, забарабанив хвостом в стенки. Остается, за*сensed* в рукава, вынуть рыбу из корзины.

Местами, под Москвой, например, ловят щук тоже корзинами, но обыкновенными большими бельевыми, заводя эту корзину в траву или под берег, бродом наподобие наметки. Только эта ловля еще труднее и возможна лишь в жаркие дни, около полудня (не ранее 10 часов), когда щука стоит у берега в полусонном состоянии. Однако, заметив стоящую щуку, не следует подавать вида, что ее увидели, а необходимо идти как бы мимо и затем вдруг опустить корзину и быстро выкинуть добычу на берег.

Огромное количество щук добывается весной, во время нереста, в известные снаряды-ловушки в виде двух вложенных один в другой конусов. Снаряды эти делаются из сетей, большею частью с таковыми же крыльями, и носят тогда название жохов, крылен, фитилей и с тавятся большею частью непосредственно в протоках, в тростниках и камышах; верши, сурпы и морды (см. «Линь») делаются из прутьев ивняка (подобные снаряды изготовляются на севере и из дранок) и устанавливаются обыкновенно в промежутках, оставляемых в перегораживающих речку или проток плетнях, называемых язами или заплетами. В последние снаряды щуки идут менее охотно, чем в сетяные, хотя позднее жадность пересиливает осторожность: они заходят в эти ловушки, привлекаемые попавшейся мелкой рыбой. В зауральских озерах и в южно-русских речных заливах и лиманах много щук ловится весной в так называемые котцы – лабиринты из дранок или прутьев, воткнутых в дно. Описание этой остроумной снасти, основанной на том, что рыба почти вовсе не имеет заднего хода, т. е. не может пятиться, будет помещено ниже (см. «Карась»).

Местами, именно в озерах и больших прудах, очень много бьют щук острогами, особенно весной; весенний бой щук отличается от осеннего лученья (см. «Линь») тем, что производится не ночью, а днем и притом очень легкими острогами, всегда с берега или стоя в воде, а не с лодки. Эта охота требует большой сноровки, терпения и выносливости, так как нередко приходится кидать острогу, как дротик, и долго выжидать, стоя по колени или по пояс в холодной воде. Весенняя острога делается из толстого листового или котельного железа с 7–12 зубцах и очень широкою (до 8 вершков); насаживается она на сравнительно очень длинное (3 сажень), но легкое ратовище.

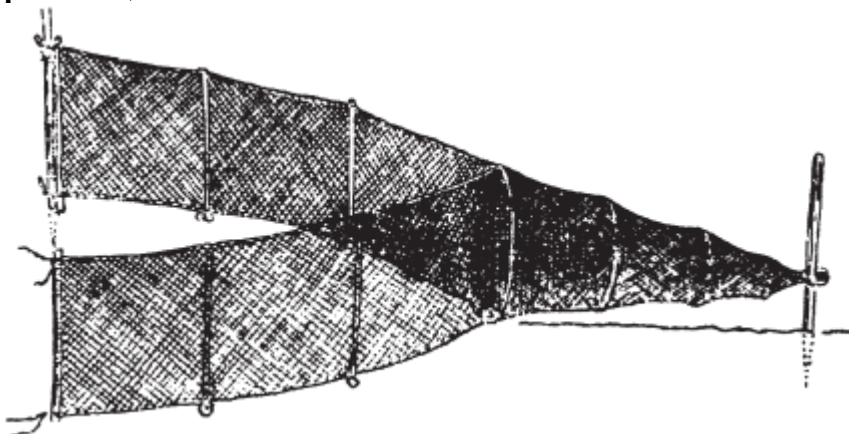

Рис. 94. Фитиль

Всего удобнее бывает бой ясным и тихим утром, когда солнце находится впереди или сбоку и можно видеть рыбу издали. Заметив приближающуюся щуку или целую артель, рыболов вонзает ее в плавающих рыб, стараясь держать ее не плашмя, т. е. параллельно поверхности воды, а вертикально, потому что тогда больше шансов зацепить не одну, а несколько рыб разом. Целить надо в переднюю часть тела, позади головы, и чем глубже идет шук а, тем больше брать ниже, под брюхо. Затем острогу с рыбой прижимают ко дну, чтобы зубцы крепче вонзились, и кладут добычу в мешок или бросают на берег. Ловкие и привычные бойцы кидают без промаха острогу в шук, плывущих на расстоянии 3–4 сажень. Вообще эта ловля гораздо добычливее осеннего лученья, и даже под Москвою на многих прудах (например, в люблинском, царицынских, что по Курской ж. д.) мужики украдкою легко набивают за весну по 5–10 пудов щуки на острогу.

Еще более добычлива, но малоупотребительна стрельба шук во время нереста. В это время они плавают почти на поверхности и попасть в них дробью, большею частью на расстоянии 10–20 шагов, очень легко – надо только стрелять небольшими зарядами и целить или в голову, или же под брюхо. В последнем случае рыба только на время оглушается выстрелом, чего совершенно достаточно. Если же будет прострелен плавательный пузырь, она идет камнем ко дну и очень часто пропадает для охотника. Здесь также чем глубже стоит щука, тем ниже следует целить; иногда приходится брать на четверть под нее, но глубже 3 футов, даже аршина, выстрел уже не действителен. Еще удобнее стрелять из винтовки, так как винтовочный выстрел менее пугает близстоящих рыб. Нет надобности, чтобы пуля попала в цель: достаточно, если рыба будет оглушена, а потому следует брать под брюхо, где внутренние органы всего менее защищены. Само собою разумеется, что оглушенную рыбу надо скорее подхватывать сачком, пока она еще не очнулась. Удобнее поэтому стрелять с лодки, чем с берега. Вообще щука очень чувствительна к удару и впадает в обморочное состояние легче других рыб, хотя нельзя сказать, чтобы она боялась шума. Эта хлипкость ее всего яснее видна во время глушения ее по первому, еще тонкому и прозрачному льду, когда от верно направленного в голову удара кийка щука шалеет, даже когда стоит почти на аршинном расстоянии от ледяной поверхности. Стрельба шук, как и другой рыбы, может производиться также летом (см. «Язь») и осенью и принадлежит к числу самых истребительных, так что ее следовало бы несколько ограничить.

Малоупотребительна, хотя очень легка, ловля шук петлями в летние жары, во время их стойки под берегом. Петля делается или из проволоки (лучше медной, отполированной), или свивается из волос (в 15–20 волос) и должна иметь 3–4 вершка в диаметре. Свободный конец ее привязывается к легкой палке в 3–6 аршин длины или же к обыкновенному, но очень крепкому и негибкому удилищу. Высмотрев притаившуюся под берегом щуку, начинают потихоньку опускать шестик с петлей и осторожно надевают ее с головы; полусонная щука легко позволяет это сделать, иногда даже не слышит прикосновения силка и только при слишком бесцеремонном обращении немного отодвигается назад. Как только петля будет пропущена за голову, т. е. приблизительно на 1/3 всей длины щуки, резким ударом захлестывают петлю, и если рыба невелика, то тем же движением выкидывают ее на берег. При очень сильном ударе проволочный силок может перерезать небольшую щуку пополам. Всего удобнее для этой ловли небольшие речки.

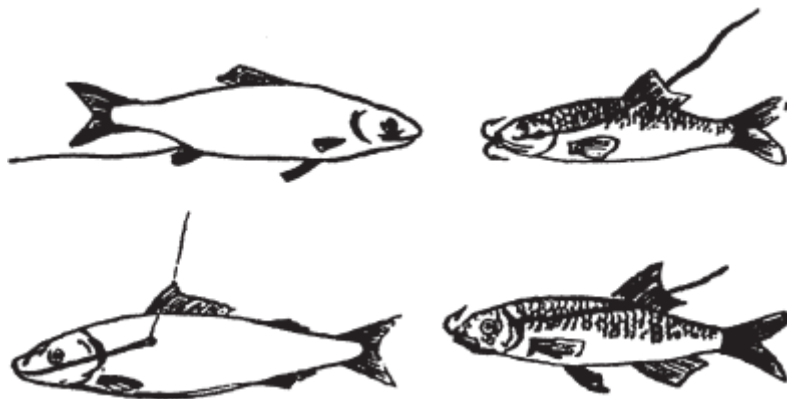

Рис. 95. Способы насаживания живца на крючок через рот и жабры

Рис. 95. Способы

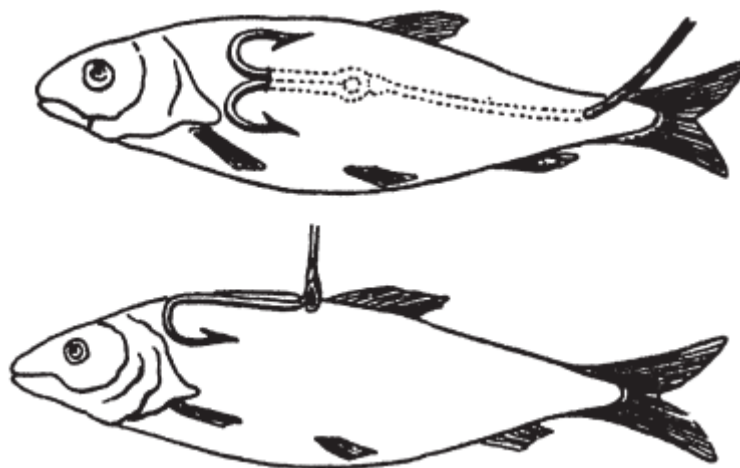

Рис. 96 . Способы насаживания живца на крючок под кожу

Рис. 96 . Способы насаживания

Перейдем теперь к ловле щуки на крючки с насаженной на них приманкой.

Способы этой ловли крайне разнообразны, но все-таки, как и описанные выше способы ловли различными снарядами, могут быть разделены на две категории – пассивную и активную ловли. Первая не требует присутствия рыболова: щука попадается сама – «самоловом», и нужно только ее вытащить. Таковы переметы, жерлицы и разные поставушки, соответствующие вершам, жохам, котцам и другим ловушкам. К активной ловле, которая только и может быть названа охотой в тесном значении слова, принадлежат различные методы ужения на живых и искусственных рыбках, способы, аналогичные с не менее охотничьими, т. е. активными, способами, как бой острогой, стрельба, ловля малушкой и т. д.

Как уже было сказано, щука кормится периодически. Определить в точности эти периоды невозможно, так как правильность их нарушается состоянием погоды и высотой воды. Впрочем, есть некоторые основания считать, что щука, за исключением, быть может, двух зимних месяцев, в которые совсем не ест, как и летом в продолжительные жары, кормится ежемесячно в течение недели или десяти дней. По приметам рыболовов, как русских, так и западноевропейских, щука всего жаднее берет на ущербе или даже в последнюю четверть луны и на новолуние, особенно после дождей, когда вода начала очищаться и сбывать. Этой примете не противоречит зырянское поверье, что жор щуки бывает в те числа, в которые она метала икру, так как и нерест щук совершается чаще на ущербе и на новый месяц, у молодых – недели на три ранее, чем у старых. Из ветров наиболее благоприятствуют клеву щуки западные и южные, но в больших озерах направление ветра не имеет большого значения, и надо здесь иметь в виду, что мелкая рыба, а за ней и щука держатся при волнении у подветренного берега. Примером может служить известное московским рыболовам Сенежское озеро (близ ст. Подсолнечной Клинского уезда), в

котором при северном и северо-восточном ветрах собирается к плотине (имеющий около версты длины), в затишье, масса мелочи чуть не со всего озера; за ней окунь, а за окунем щука.

Что касается времени клева, то весной щука берет почти в течение целого дня, кроме времени около полудня и полуночи; летом – только по утрам, вечером и иногда (именно в начале лета) – среди ночи; осенью и особенно зимою щука ловится всего лучше среди дня и начинает кормиться довольно поздно.

Приманкою служит живая или если не живая, то движущаяся, хотя бы искусственная, рыба или ее подобие. На мертвую рыбу, в особенности перевернувшуюся вверх брюхом, щука берет в редких случаях, когда очень голодна. Местами, большею частью в прудах, щука недурно берет на лягушку, хотя и менее охотно, чем сом, налим и голавль. Лягушка насаживается на одиночный крючок за спинку или за обе губы. Немцы ухитряются ловить щук на живых мышьях, искусно зацепляя их за спинку, но вряд ли у нас найдутся подражатели, хотя несомненно, что даже мышьяная шкурка может служить отличной искусственной приманкой. Весьма возможно, что голодная щука будет брать на мелких убитых птиц, например воробьев, на куриные потроха; во Франции и Германии ловля на мясо и вареную печенку в довольно большом употреблении и эта же приманка кладется в верши для привлечения щук. По Эренкрейцу, можно приучить щук к месту, бросая туда падаль, а также выливая старый деготь (?!). Надо полагать, однако, что щук всего скорее могут привлечь живые рыбки в стеклянной банке, опущенной на дно у места ловли. Летом щуки охотно хватают на линючего рака, а весной на червей, как больших (выползков), так и навозных, преимущественно мелких. Впрочем, бывают такие места, где щуки предпочитают во всякое время червей живцам, например в омуте Глебовской мельницы на Яузе, близ Москвы.

Точно так же на Северной Двине ловят летом (около Петрова дня) огромных щук с лодки, плавом, насаживая на крючок кучу червей, с кулак величиною и постоянно то приподымая, то опуская насадку на дно.

Довольно трудно определить, какие породы рыб всего пригоднее в качестве живцов для ловли щук, так как в разных местах они берут на разных рыб. В общем можно сказать, что не особенно голодная щука почти не берет на незнакомых ей рыб. Речная щука всего лучше ловится на разную бель, особенно же на плотву, ельца и более прочного голавлика, также на пескаря, который хотя и очень живуч, но мелок, малозаметен и забивается под камни подобно гольцу, почему они всего пригоднее в чистой воде с ровным дном. Псковские рыбаки весьма остроумно насаживают на двойной крючок двух пескарей за губы. В озерах лучшими живцами служат плотицы или окуни, причем последние местами даже считаются лучшими. Мне кажется, это происходит оттого, что щука берет на колючего окуня вернее, почти всегда с головы, а не как придется, крепче сжимает его зубами и, наколовшись крючком, все-таки не выплевывает добычи, приписывая укол рыбе. По той же причине озерные щуки не пренебрегают даже ершами, которые не употребляются для насадки больше потому, что мало заметны в воде и имеют привычку затаиваться. Есть даже наблюдение, показывающее, что годами не только щука, но и крупный окунь берет всего лучше на ерша (Вербицкий). Пескари и даже караси зачастую вовсе игнорируются озерными щуками. В прудах же, если они, впрочем, изобилуют карасями, щуки берут на них очень хорошо, хотя и хуже, чем на плотву или красноперку. Но линьки, безусловно, не годятся в качестве живцов, так как к ним все хищники питают какое-то отвращение, которое трудно объяснить обилием покрывающей линей слизи. Хорошо берет (в заводях и старицах) щука и на большого выюна, но часто срывает, так как его трудно насадить иначе как за губу. Как кажется, эта насадка всего употребительнее в болотистых местах Полесья и вообще Северо-Западного края. Более употребительны в качестве живцов личинки

миног, реже самые миноги. В подмосковных губерниях, в бассейне Оки, Клязьмы и Верхней Волги эта насадка, по-видимому, вовсе неизвестна рыболовам и ими не употребляется, вероятно, потому что миноги здесь редки. В Неве живчик (*Ammocetes*) – молодая форма речной миноги, – напротив, предпочитается местными рыболовами не только для щук, но и для других рыб, как весьма бойкая и живучая насадка. Добывается она здесь из ила или песка, в котором водится, и в этом же иле сохраняется. Насаживается здесь живчик, или слепой выюнчик, за спинку возможно осторожнее; для большей крепости следовало бы хвост привязывать к поводку, как это делается дунайскими рыбаками. Точно так же в Вологодской и Архангельской губерниях, в Северной Двине и ее притоках, судя по способу и легкости добывания, ловят, несомненно, на личинки миног, а не на взрослых миног (называемых здесь, как и на Каме, «семидырками»), как это полагает г-н Пospelов. Щука будто берет здесь на семидырку охотнее, чем окунь. В бассейне Дона, в Воронежской губернии, пискава, тот же слепой выюнчик, составляет весьма обыкновенную насадку для ловли крупной рыбы – голавлей, мелких сомов, язей, даже лещей, но для щук малоупотребительна. В Смоленской же губернии, по словам г-на Корде, на веретеницу щука даже вовсе не берет.

Способы насаживания живца на крючок весьма разнообразны. Чуть ли не в каждой местности существует свой излюбленный метод, считаемый, не всегда основательно, наиболее удобным и пригодным. Всего чаще насаживают у нас живцов, пропуская крючок (одиночный) через ноздрю или голову у глаза, не повреждая мозга (рис. 95), или же задевая крючком за спину около спинного плавника так, чтоб живец висел горизонтально. Первый способ употребляется в реках, вообще на течении и при ловле со дна; так насаживаются преимущественно пескари, гольцы и мелкие усачи, вообще крепкогубые рыбы; второй – при ловле на весу и в стоячей воде. В обоих случаях живец держится на крючке непрочно, и щука часто его срывает, а потому более предусмотрительные рыболовы насаживают рыбу, пропуская отвязанный предварительно поводок с крючком через рот под спинное перо, реже – через самый плавник; другие впускают крючок (одиночный) в спину живца, под кожу, стараясь не задеть мясо, так, чтобы крючок плотно прилегал позади головы, а лопаточка находилась у спинного пера. Таким образом насаженный живец, как видно, очень пригоден для жерлиц, так как щука не может наколоться преждевременно. Для переметов и донных удочек удобнее прошивать живцов сбоку, как это показано сверху, выводя поводок у хвоста. В Мезенском уезде рыбу наживляют, пропуская крючок через жабры в рот и привязывая поводок (проволочный) у хвоста ниткой. Самый же прочный способ насаживания – это через рот и задний проход (на Оке, Днепре и в Финляндии). Живцу вводят (посредством иглы) поводок в рот и выводят через заднепроходное отверстие, что при сноровке делается очень быстро и без повреждения внутренностей, особенно если поводок из медной проволоки и можно поэтому обойтись без помощи иглы. Здесь нет никакой надобности, чтобы крючок имел бородку (зазубень), которая сильно затрудняет вынимание крючка из желудка. Поэтому при ловле щук во многих местах, особенно зимою, бородка спиливается или употребляются особые крючки. В Мезенском уезде употребляют даже деревянные крючки, как для налимов (см. выше «Налим»), а в Киевской губернии живцов насаживают (через рот и задний проход) на особые крючки с сильно отведенным в сторону острием (рис. 96).

Собственно для ужения, т. е. для активной ловли щуки, все эти способы мало пригодны, так как приходится очень долго ждать, пока она заглотает живца. Поэтому в последнее время вместо двойных и одиночных больших крючков стали употреблять, ради возможности скорейшей подсечки, тройные крючки и даже целые системы крючков, так называемые снасточки. Впрочем, местами эти снасточки до некоторой степени заменяются у нас очень большими и тяжелыми

крючками, имеющими изогнутый (во внутрь) стержень и продеваемыми под кожу живца. Такие крючки очень распространены в Финляндии, откуда, вероятно, перешли на север, где известны в очень грубом виде под названием унги (в Архангельской губернии), крючьев (в Пермской губернии) и даже на юго-западе России под названием секирки. Крючья эти будут, впрочем, описаны далее, а теперь перейду к якорькам и снасточкам.

Самый простой способ насаживания живцов для немедленной подсечки заключается в том, что под спинной плавник продевается один из крючков тройного якорька, так что рожки двух остальных крючков прилегают к спине живца. Самые действительные якорьки, однако, те, у которых жало несколько отогнуто наружу. Этот способ особенно пригоден при ужении на небольших окуней и при жадном клеве. Для большей верности полезнее, однако, насажи вать живца таким образом, чтобы якорек висел сбоку около брюха. Это достигается двумя путями: 1) повыше якорька, на расстоянии от 1/8 до 1/2 вершка, к поводку (баску) привязывается небольшой крючок, которым и задевают за спинку живца; 2) добавочный крючок заменяется простою петлюю, для чего надо отстегнуть басок от лески, вложить петлю баска в ушко большой иголки (вроде той, какая употребляется для зашивки тюков), которою прокалывают спину живца поперек. Протасив иглою басок с якорьком так, чтобы последний стал на место, иглу опять пропускают или рядом, или в то же отверстие так, чтобы басок образовал петлю. Для этого необходим тонкий и очень мягкий басок. Последнее свойство легко может быть придано ему, если басок взять большим и указательным пальцами обеих рук и последовательно мять его от одного конца до другого, наподобие того, как отстирывается пятно, въевшееся в ткань.

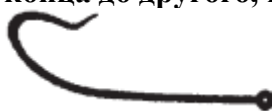

Рис. 97. Киевский крючок для ловли щук

Рис. 98. Двойные крючки

Так как щука очень часто хватает живца с головы, то такие якорьки не исключают возможности промаха, т. е. при подсечке крючки ни за что не задевают, а живец остается большею частию в пасти щуки. Еще с давних времен как у нас, так и за границей некоторые рыболовы насаживали живцов на два одиночных крючка, привязанных к одному поводку; нижний крючок пропускался через жабру в рот, а верхний – под спинной плавник. Эта же снасточка употребляется и при ужении на течении, но в этом случае нижний крючок зацепляется около хвоста или позади спинного плавника, а верхний продевается в верхнюю губу. Так насаживают, например, пескарей и гольцов при ловле щук и шерешперов с москворецких шлюзов ввиду того, что хищники эти на течении хватают живцов с хвоста и щуки часто перекусывают их пополам. Весьма удачно также употреблялись мною снасточки, состоявшие из небольшого крючка (№ 5), к которому прикреплялась согнутая вдвое тонкая медная проволочка около вершка длины с одиночным или двойным крючком на концах. Верхний крючок зацеплялся под спинное перо, нижние же лежали с боков в виде стремян. Иногда, впрочем, я отгибал их – один к хвосту, другой к голове. С таких седловидных снасточек щука почти не срывалась.

Самая усовершенствованная и самая действительная при подсечке – снасточка Джардина, при которой осечка невозможна. Снасточка эта, как известно, состоит из двух двойников на одном баске, к которым припаяны или привязаны

дополнительные меньшие крючки. Способ насаживания живца можно понять из приложенного рисунка (рис. 84). Верхний двойник иногда для удобства делается передвижным.

Размеры крючков, употребляемых для ловли щук, зависят от средних размеров хищниц в данной местности и затем от способа ужения и величины живца. Вообще выгоднее употреблять крупные крючки, чем мелкие, особенно при ужении щуки. При ловле на переметы и жерлицы, т. е. с заглатыванием живца, лучше употреблять не очень большие крючки, примерно № 0 и даже менее, если насадкою служит пескарь или голец. Якорьки могут быть таких же размеров, а двойники джардиновской снасточки даже до № 4. Из одиночных крючков предпочтительнее прямые с довольно толстым стержнем; из двойных самые забористые крючки – изображенные на рис. 83, но, к сожалению, редко встречающиеся в продаже. Что касается пружинных, раздвижных крючков, то они дороги и, главное, зацепляют хуже обыкновенных, а потому о них не стоит и говорить.

Поводки, на которые навязываются крючки для ловли щук, бывают или медные, или басковые, т. е. сделанные из шелка, обвитого тонкой медною, большею частию посе ребренною проволокою. Медные поводки прочнее, но недостаточно гибки, хотя иногда делаются из нескольких звеньев в виде цепочки: обыкновенно они скручиваются из вдвое сложенной проволоки. Баски употребляются различной толщины: самые лучшие и крепкие имеют основу из белого шелка. Чтобы уничтожить блеск баска, его кладут в раствор хлористой платины или в серный аммоний, а всего лучше в коробочку с толченым серным цветом, которую ставят в теплое место. Басок привязывается к крючку шелком, натертым варом, и завязка покрывается несколько раз масляным лаком. Наспех баски можно привязать проволокою, размотанною с того же конца. Так как зачастую щука заглатывает крючок и приходится за недосугом оставлять его в желудке, то для удобства на другом конце баска делается петля, которая продевается в петлю на конце лесы. Последняя петля должна быть таких размеров, чтобы в нее можно было пропустить туловище пойманной щуки, т. е. в 3–4 вершка диаметром. Если некогда возиться с вытаскиванием крючка, то и оводок со щукой пропускают в петлю лески и, сняв его, заменяют запасным. Длина поводка при ужении с немедленной подсечкой может быть в 3–4 вершка, но для жерлиц и других снастей басок или медный поводок должен быть не менее 5–6 вершков, а там, где водятся очень крупные щуки, – до полуаршина. За неимением металлических поводков можно употреблять поводки из рассеченной на пряди бечевки или из крепких льняных ниток; нити застревают между многочисленными зубами щуки, и она может перетереть только часть нитей и то не всегда.

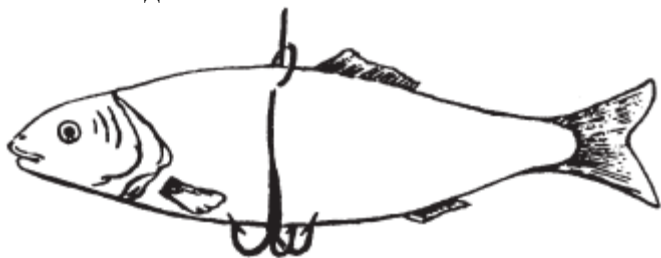

Рис. 99. Насаживание живца

Из вспомогательных орудий, общих для всех способов ловли щук, следует упомянуть о сачке, багорчике, щучьем топоре, зевнике, кукане и, наконец, ведре для живцов. Остальные приспособления будут описаны в своем месте.

Сачок для вытаскивания пойманных на крючок щук должен быть глубок (около полутора аршин) и довольно широк (6–8 вершков). При ловле с берега необходима длинная рукоятка, до 2 и более аршин; при ловле с лодки, напротив, чем короче палка, тем лучше. В простейшем виде сачок, сак, или подхватка, как известно,

состоит из палки с развилками, к которым прикрепляется сетка, связанная в виде конуса или мешка; продажные сачки состоят из медного или железного кольца, припаянного к трубке, которая нагоняется на палку. Самые удобные для переноски и перевозки – складные сачки, но они стоят гораздо дороже. В последнее время у москворецких рыболовов стали входить в употребление сачки, сделанные из согнутого грушеобразного камыша (белого) в палец толщины и длиной около 21/2 аршина; концы на протяжении 5–8 вершков обматываются вплотную бечевкою и образуют рукоятку. При ловле с лодок такой сачок очень удобен и к тому же не может потонуть. При вытаскивании щук сачком надо принять за правило вводить ее головой в сачок; щука вообще идет ходко и почти всегда попадает в него по инерции; поддевать же ее с хвоста никогда не следует.

; Местами, в особенности при ловле крупных щук, сачки вовсе не употребляются и заменяются багорчиками, т. е. большими стальными крюками с зазубриною, редко без нее, насаженными на короткую, при ловле же с берега – на длинную рукоятку. Подведенную рыбу стараются подбагрить правой рукой позади брюшных плавников, а еще лучше между жабрами, придерживая леску левой; затем резким движением выбрасывают рыбу в лодку или на берег.

Багры, употребляемые больше южными промышленниками, на севере при ловле щук заменяются обыкновенно щучьими топорами или колотушками, которые, однако, неудобны тем, что убивают рыбу.

Щучий топор состоит из 3–4 железных зубцов в три вершка длиной, вколоченных в увесистую березовую дубинку аршинной длины. Когда попавшаяся крупная щука утомится, рыбак подводит ее к борту лодки и, осторожно приподняв левой рукою голову щуки, из всех сил вонзает в нее правую рукою щучий топор. Острые зубцы, снабженные зазубринами, глубоко входят в тело щуки, и она ни в каком случае уже уйти не может. Если рыба очень велика и рыбак не в силах перекинуть ее в лодку, то он бросает щуку вместе с топором, пока она окончательно не утомится. В Финляндии, прежде чем тащить в лодку крупную щуку, ее оглушают ударом (по голове) деревянной дубинки-колотушки, так называемые куррики.

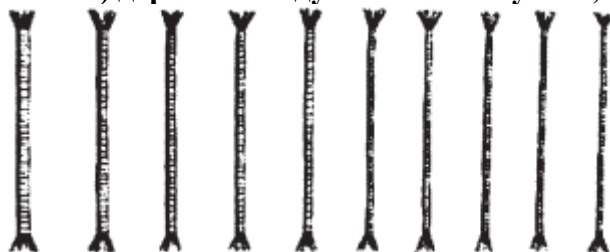

Рис. 100. Баски различной толщины

Если щука не заглотала крючка и он находится у нее в пасти, то высвобождение его не представляет большого затруднения. Обыкновенно при ловле с немедленной подсечкой щука сама соскакивает с крючка в лодке или на берегу. Но если крючок находится в глотке, то доставать его довольно трудно и приходится прибегать к помощи деревянных распорок или даже особых инструментов, называемых зевниками. В простейшем виде это укороченные щипцы для завивки волос; более удобны зевники в виде ножниц с предохранительною распоркою. Щуку сжимают между ног и в разинутую пасть ее пропускают металлическую вилочку, которою отцепляют крючок. Если же последний находится в желудке, то лучше отстегнуть поводок с рыбой и заменить его новым. Да вообще гораздо удобнее вместо зевника и вилки иметь десяток запасных крючков с басками и вытаскивать крючки дома.

Пойманных щук иногда прикалывают, реже переламывают им хребет, большую же часть пускают невредимыми в обыкновенный плетеный садок-корзину или сажают на кукан. Сажалки из сетки для щуки не годятся, так как она почти всегда из них уходит. Кукан – это медная проволока или толстый басок с контрабаса, в

аршин длиною и с петлями на обоих концах; одна из петель привязывается к крепкой и толстой бечевке в сажень и более, другая же остается свободною. Пойманную щуку нанизывают на этот кукан, продевая свободную петлю через рот и жабры рыбы, а затем в конец бечевки. Удобнее, впрочем, если свободная петля будет задеваться за карабинчик, прикрепленный в месте соединения баска с бечевкой.

Так как всего чаще приходится ловить щук на живых рыб, то добывание и в особенности хранение живцов имеет первостепенную важность. Живцов ловят или на удочку, или наметкой по ночам; также вершами, но всего скорее можно поймать их накидкой (малушкой). Держат живцов или в вершах же, или в садках – деревянных с дырами или в виде плетеных корзин. В жаркое время живцов необходимо сохранять в глубоком и тенистом месте, огружая садок камнями. Для перевозки живцов всего удобнее дубовые ведра, вообще деревянные, в которых вода дольше не нагревается; железные и цинковые ведра в жаркое время следует обматывать полотенцем или большой тряпкой, постоянно смачиваемыми водою.

Однако всех этих предосторожностей при дальней перевозке живцов, особенно нежных, бывает недостаточно и необходимо или много раз менять воду, или же как можно чаще продувать ее, т. е. возобновлять кислород, поглощаемый рыбами. В простейшем виде это достигается обыкновенной гуттаперчевой трубкой, в которую от времени до времени дуют, чтобы воздух, заключавшийся в трубке (а не в легких), прошел через воду. Но так как этим способом воде доставляется очень мало воздуха, то в последнее время стали употреблять инжекторы, известные всем любителям аквариумов.

Самый удобный инжектор состоит из обыкновенного гуттаперчевого пульверизатора, т. е. трубки с двумя шарами на конце; к трубке наглухо приделан гуттаперчевый же плоский мешочек, во многих местах которого делаются тончайшею иглою проколы. Воздух, накачиваемый во второй, раздувающийся шар, переходит в мешочек, но может освободиться лишь постепенно, в течение минуты или более, и выходит оттуда в виде тончайших пузырьков, которые частью растворяются в воде. Действие этого инжектора на рыб бывает поразительно: плававшие вверх брюхом немедленно совершенно поправляются. Однако всегда надо помнить, что в очень нагретой воде рыба долго не проживет и с инжектором. Температура воды ни в каком случае не должна превышать 25 °С; охлаждение легко достигается сильным испарением воды из мокрой тряпки, которой обернуто ведро, только надо наблюдать за тем, чтобы полотно было постоянно влажное.

Простые рыбаки, не знакомые с инжектором, употребляют лягушку, сажая ее в ведро с живцами. Несомненно, что кожа лягушки выделяет кислород. Известно, что лягушку кладут также в молоко, для того чтобы оно не скисалось.

Переходим к описанию различных способов ловли щуки при помощи крючков с насаженной на них приманкой. Эти способы могут быть разделены на ловлю пассивную, большую частью промысловую, и ловлю активную, требующую присутствия рыболова, – собственно ужение.

К первой категории принадлежат переметы, подпуски, подольники, подледники, дурилки, жерлицы и поставуши.

Переметы (см. «Сом») специально на щуку никогда не ставятся, и они попадают на них даже реже прочих хищников. Щука держится большей частью в стоячих водах или в речных заводях, где переметы не особенно удобны. Гораздо чаще ловят щук на подольники, или подпуски. Это, в сущности, те же переметы, только подольники ставятся вдоль реки. Щучьи подпуски отличаются от налиминых главным образом тем, что их бросают ближе к берегу и на плесах, около заводей, под мысами, вообще на спокойном течении. Это крепкая бечевка в несколько сажень, на которую навязаны в 2–2 1/2-аршинном расстоянии более тонкие бечевки с поводками

из медной проволоки или баска с одиночными крючками. На одном конце хребтовины привязан большой наплав (большею частью сухая короткая жердь, до сажени длиною), на другом – камень в несколько фунтов весом. Живцы насаживаются обыкновенно под спинной плавник, начиная от наплава, который пускают по течению; затем спускается камень. Более 15 крючков на шущьем подольнике никогда не бывает, и ставят его, конечно, с лодки (челнока).

Подледники или, пожалуй, зимние подпуски для щук почти непригодны, так как зимою последние ник огда не встречаются на течении. На Немане, а также на Дунае для ловли щук употребляется снаряд, составляющий нечто среднее между переметом и подпуском и называемый (в Сувалкской губернии) шнуром. Это крепкий шнур с несколькими крючками на поводках; на конце шнура привязывается камень фунтов в 5–7 (?), который закидывается (или завозится на лодке) в воду поперек течения; другой же конец прикреплен к тычке – довольно гибкой палке в 1 1/2–2 сажени. В большинстве случаев шнур лежит по откосу дна, а живцы ходят на поводках над дном. Палка втыкается иногда в берег, но чаще около него в воде, так, чтобы не была заметна. Дунайский шнур делается о 7–8 крючках, имеет свинцовые грузила в фунт весом, а свободный конец его привязывается к камню на берегу. Впрочем, как кажется, этим снарядом ловят на Дунае преимущественно речного лосося (*Salmo huchó*).

Самый распространенный способ добывания щук – это ловля их на жерлицы, которой не гнушаются даже охотники-рыболовы. Устройство же рлицы известно всякому – это рогулька с намотанною на нее бечевкою с крючком на поводке. Название жерлицы дается собственно рогульке, а не крючку, и жерлица есть чисто русское изобретение, весьма простое и остроумное, совершенно неизвестное в Западной Европе, даже, кажется, в Польше. Другие хищные рыбы на жерлицы попадают довольно редко, и это специально щучий снаряд, почему необходимо описать его подробнее.

Жерлица, или рогулька, – это деревянная вилка, большею частью натуральная, т. е. срезанная с дерева, реже выпиленная из доски. Делаются рогульки из березы, липы, ивняка и т. п., причем нет надобности счищать с них кору, так как они тогда не так заметны для постороннего глаза. Многие, впрочем, очищают рогульки и красят в зеленую или коричневую (масляную) краску. Рогулька не должна быть очень велика (вся длина ее 3–4 вершка); рожки по возможности делаются почти одинаковой толщины; оба кончика рогульки расщепляются или, еще лучше, пропиливаются лобзиком примерн о на глубину дюйма; в верхнем же конце ее полезно просверливать отверстие. К этому отверстию привязывается конец крепкой бечевки в 10–20 аршин длины, толщиною от шпильки до спички; промасленная, продубленная (в дубовой, ивовой коре или т. н. катеху) или просмоленная бечевка аккуратно наматывается на рогульку в виде цифры 8; затем свободный конец ее, к которому привязан поводок (медный или басковый, длиною 6–8 вершков) с крючком, слегка защемляется в одном из расщепов.

Рогульки привязываются иногда к ветвям кустов или деревьев, нависших над водою, но чаще к шестам или тычкам. Последние имеют в длину от 3 до 5 аршин и не должны быть толще вершка в комле и тоньше полдюйма в вершине. Шест заостренным толстым концом крепко втыкается в берег или прибрежную траву в наклонном положении, так, чтобы рогулька висела не выше аршина над водою, а живец ходил на четверть или пол-аршина от дна. В мелких местах нет большой надобности в грузиле, но на глубине оно необходимо и долж но быть довольно тяжело. Жерлицы ставятся почти всегда около травы, которую несколько расчищают, чтобы живец не мог в ней запутаться, реже в бочагах или омутах; в последнем случае полезнее, чтобы живец плавал вполводы: щука очень хорошо видит на дне, что делается на поверхности, почти над нею, а потому нет никакого

расчета пускать живца близко ко дну. Рыба (чаще всего плотва) насаживается на крючок, большею частью за спинку, реже за губу (на течении) или через рот и задний проход. Обыкновенно ставят жерлицы с вечера, иногда десятками, но не ближе 5, даже 10 сажен одна от другой, а утром, часов около 9 или ранее, осматривают. Днем щуки попадаются редко, чаще всего утром после восхода, но иногда в мае и июне они охотно берут ночью, особенно если будет разведен на берегу костер.

Самые лучшие месяцы для ловли – конец апреля и начало мая (в Средней России) и сентябрь. Летом щука сыта и обыкновенно срывает живца, осторожно стаскивая его с крючка после довольно продолжит ельных эволюций кругом своей жертвы. Обыкновенно щука, крадучись в траве, еще за несколько сажен замечает живца и осторожно, как тень, подплывает к нему аршина на 2, на 3; если она голодна, то стремительно бросается на него, хватая за что попало, без всяких разглядываний, большею частью поперек, за середину туловища, если живец насажен за спинку. При этом если бечевка забухла в расщепе и не выходит из него, то она или бросает насадку, или срывает ее с крючка. В момент схватывания щука часто плещется – бьет, высовывая из воды хвост. Затем она, крепко сжав пасть, идет дальше, обыкновенно вдоль берега, за исключением крупных донных щук, которые уходят вглубь. Бечевка легко сматывается (или, вернее, сваливается) с рогульки, и хищница не встречает никакого сопротивления: проплыв несколько аршин и задавив живца, она останавливается, начинает переворачивать добычу так, чтобы она прошла в глотку головой вперед и, заглотав, идет дальше, пока не натянет бечевы. Почувствовав себя пойманной, щука сначала бьется и выбрасывается из воды, но вскоре, устав, забивается в траву или под берег, причем зачастую запутывает бечевку. Поэтому осматривать жерлицы, так же как и ставить, удобнее с лодки. Тащить пойманную щуку надо осторожно, не горячася, так как крупная может сорваться, оставив на крючке желудок.

Рис. 101. Жерлица

Ловля на крючки в Юго-Западной России, в сущности, есть та же ловля на

жерлицы, только упрощенная тем, что рогульки не имеется. К палке привязывается бечевка, которая складывается кольцами на берегу, затем защемляется в расщеп, сделанный в конце шеста. Щука, схватив живца, вырывает бечевку из расщепа и без задержки стаскивает бечевку в воду, пока упругая тычка не подсечет хищницу. Крючки для этой ловли употребляются (под Киевом) совершенно особенные, самодельные, и не имеют бородки, которая заменяется тем, что острый кончик крючка круто отведен в сторону (см. выше). Обыкновенно живец насаживается через рот и задний проход, для чего поводок отстегивается. Это делается ради того, чтобы легче можно было (при помощи вилок) вынуть крючок из заглотавшей его рыбы.

Зимой, по льду, жерлицы не употребляются, и в это время их заменяют саратовские дурилки и уральские крючки, другого, впрочем, устройства, чем описанные выше. Дурилками ловят на многих местах Средней России, преимущественно на озерах. Это тоже бечевка с поводком и крючком; последний пропускают в прорубь (лунку) так, чтобы живец ходил на вершок от дна (щука зимой берет со дна), и привязывают бечевку к тоненькому пруту, который неглубоко втыкают в снег; затем, отступя несколько аршин (2–3), бечевку привязывают к довольно толстому, крепко примороженному кольшку. Щука, схватив живца, утаскивает прут в прорубь, под лед, но не в состоянии выдернуть кольшка.

Уральское крючение уже описано было выше (см. «Таймень»). Это, так сказать, усовершенствованная дурилка, отличающаяся формой крючка, способом насаживания живца и другими особенностями. Крюк представляет улучшенную унгу (см. далее), однако он не так уравновешен, как финляндский, на котором живец имеет горизонтальное положение. В Тагиле и смежных местностях крючение – весьма распространенный и добычливый зимний способ ловли щук и тальменей, причем щуки большею частью попадают в заводях, озерах и заводских прудах, а тальмени – в самой реке. Достоинство замечания и подражания весьма остроумное средство, придуманное приуральскими рыбаками против замерзания прорубей: лунки засыпаются мелкой сеной трухой, слоем толщиной в палец. Труха, вероятно, может быть заменена отрубями, опилками, льняной лузгой и т. п. веществами.

Лет двадцать назад охотники-рыболовы начали употреблять для ловли щук особые снаряды – плавучие жерлицы, так называемые кружки, поставуши, поставухи. Кажется, кружки – английское изобретение, но следует заметить, что они давно известны псковским рыбакам-промышленникам под названием кружала. Настоящий английский trimmer по виду имеет большое сходство с волчком. Это пробочный диск около дюйма толщины с глубоким желобом на ребре, диаметром в 3–4, редко в 5 вершков; в отверстие посередине вставляется короткая палочка в четверть длины и в палец толщины; на одном конце ее сделана прорезка. Кружок, предварительно зашпаклеванный, обыкновенно красят масляной краской: одну сторону белую, другую – красную. Бечевка в 5–10 сажен наматывается на желоб, а на крючок с баском насаживается живец; затем, отпустив его на надлежащую глубину, перекидывают бечевку через зарубину на оси и пускают снаряд на воду.

Понятное дело, кружки можно ставить только в прудах и тихих речных заводях; в больших озерах и в речках они совершенно непригодны, так как могут уплыть неведь куда. Кроме того, я заметил, что там, где вовсе нет лопухов (листьев кувшинок), с которыми кружки имеют большое сходство, щуки берут на поставуши не особенно охотно. Кружок играет при ловле роль катушки или жерлицы: щука, схватив живца, первым делом перекувыркивает кружок и освобождает бечевку из прорезки, почему бечевка начинает разматываться с желоба, иногда так быстро, что кружок принимает вертикальное положение, т. е. вертится колесом.

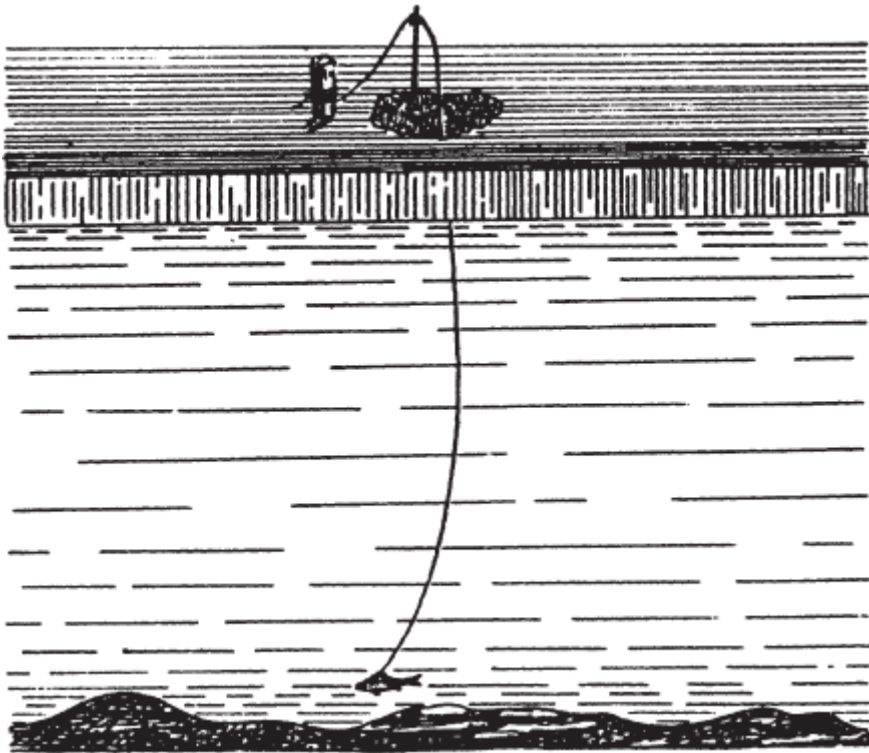

Рис. 102. Дурилка

Кружок имеет очень много вариантов – усложнений и упрощений, которые, впрочем, не стоит описывать. Кружки делаются иногда неподвижными, на якоре или камне, причем довольно длинная бечевка привязывается к нижнему концу стержня, и тогда могут быть употребляемы во время ветра и на течении. Некоторые рыболовы наматывают бечевку не на кружок, а на палочку, как показано на рис. 104, но такие кружки очень парусят, и их далеко уносит. Вместо пробочных, довольно дорого стоящих кружков, можно заказывать точеные деревянные, всего лучше липовые. Иногда ловят на кружки без стержня, защемляя бечевку в расщеп на ребре диска.

Самая дешевая плавучая жерлица – это обыкновенная пустая бутылка, закупоренная пробкою; бечевка наматывается на горлышко, а свободный конец ее слегка прищипливается булавкой (как и на кружках без стержня), чтобы щука могла легко выдернуть последнюю. Идея этих упрощенных снарядов принадлежит мне, и рекомендую их вниманию любителей. Наконец, можно довольствоваться простою палкою, к одному концу которой прикрепляется бечевка с поводком и крючком; часть бечевки может быть намотана на этот наплав.

Рис. 103. Кружок

Еще проще снасть, употребляемая в юго-западном крае под названием жмака. Жмак – это пучок из 6–12 палочек прошлогоднего крепкого ситняка, ровно срезанного по краям и связанного на одном конце бечевкой. Последняя навивается на пучок правильными рядами и оканчивается жерличным крючком с поводком. Большею частью в Киевской губ. для ловли на жмаки употребляют двойные медные крючки без зазубрин, согнутые из куска медной проволоки, закругленного на обоих концах; жмаки обыкновенно прикрепляются слегка к ситняку, камышине, но, конечно, они могут и свободно плавать на воде. Щука прежде всего отрывает жмак, затем начинает разматывать бечевку, так что жмак принимает вид круглого веера, видного с большого расстояния.

В Финляндии существует весьма остроумный способ ловли щук при помощи неподвижного плавучего снаряда, на мертвую рыбку. Для этого требуются кроме бечевки (в 6–8 сажень) с одиночным или двойным крючком на медном поводке камень в несколько фунтов весом и сухая палка в 2–2½ аршина длины. Живец насаживается через рот и задний проход, для чего петля поводка снимается с петли на конце бечевки. Ставится снаряд с лодки, недалеко от берега, около травы, преимущественно в озерах. Сначала опускают в воду камень, привязанный к свободному концу бечевки; затем, измерив глубину, навязывают наплав и плывут дальше, постепенно спуская бечевку и, наконец, самую рыбку. Вследствие тяжести крючка и поводка последняя ложится на дно брюхом и имеет вид спящей. Щука, проходя мимо, принимает ее за таковую, хватает, вытягивая затонувшую бечевку, и заглатывает рыбку. В реках надо брать груз потяжелее, наплав побольше, а на бечевку надевать свободно скользящее по ней грузило (пулю). Для этой ловли финляндцы обыкновенно употребляют медные крючки без зазубрин.

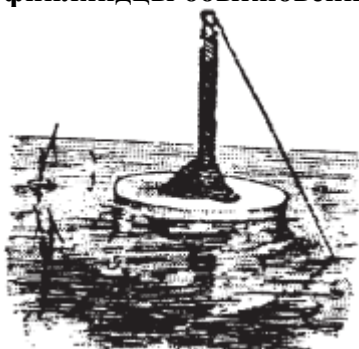

Рис. 104. Поставушка (киевская)

Для курьеза изредка употребляют вместо кружков пузыри, лучше всего бараньи или телячьи. Эта ловля, давно известная во Франции, неудобна тем, что пузырь очень парусит ветром и что на него почти невозможно наматывать запас лесы. Ради глупой забавы некоторые любители прикрепляют иногда к пузырям бубенчики и колокольчики, потешаясь звоном, производимым испуганной рыбой.

Ловля щук на донные удочки обыкновенно считается ужением, но это не всегда бывает верно, и большею частью она несколько не отличается от же рличной. Ловят на донные, впрочем, довольно редко, всегда в реках, там, где почему-либо неудобны ни жерлицы, ни удочки с поплавком, большею частью с вечера до утра, так как щука берет изредка и среди ночи. Насадкою служит почти всегда пескарь. Шестики должны быть довольно длинны (около 2 аршин), иметь бубенчики, и надо втыкать их покрепче.

Способов ужения, т. е. активной ловли щук, очень много. Сюда относятся: ужение с поплавком, имеющее довольно различные варианты, ужение на блесну, способом, называемым *trolling*, ужение нахлыстом, или *spinning*, ловля финляндским снарядом. Последняя, как и блеснение, может производиться с лодки – ходом, но к числу собственно плавных способов ловли, требующих постоянной перемены места, принадлежат: ловля на дорожку и вообще на искусственных рыбок, на унгу и на живца плавом в ямах и так называемое секирение.

Ужение щук с поплавком в последнее время значительно усовершенствовалось. Главным образом совершенствование это касается поплавка: скользящий поплавок как нельзя более облегчил закидывание и ловлю как с мелкого, заросшего травой берега, так и на глубоких ямах. Обыкновенно щучьи поплавки по своей величине (с куриное яйцо и более) и тяжести не позволяли дальнего закидывания и, кроме того, если имели не удлиненную, чечевицеобразную форму, а яйцевидную, затрудняли или, вернее, ослабляли подсечку.

Как известно, продажные щучьи наплавы делаются из пробки и довольно дороги (от 30 до 50 к.). Дешевле стоят точеные деревянные (из липы или другого легкого

дерева), покрытые масляной краской. Превосходные поплавки можно делать из деревянных яиц, счистив с них краску, оклеив полосками коленкора и окрасив масляной краской; в тупом и остром концах просверливается или прожигается по отверстию и через яйцо наглухо пропускается палочка с колечком на нижнем конце.

Неудобства обыкновенных щучьих поплавок давно обратили на себя внимание любителей. Прежде всего был изобретен ими разрезной поплавок. Устройство его понятно из рисунка: в пропиленый, сделанный сбоку, вставляется леска и затыкается палочкою. Это давало, однако, только возможность надевать и снимать поплавок, не отстегивая поводка. Дальнейшее и главнейшее усовершенствование щучьих наплавов состояло в том, что они стали делаться подвижными, скользящими. Последние, в сущности, крайне просты, и надо удивляться, почему они не употреблялись прежде; большею частью они имеют чечевицеобразную, т. е. удлиненную, форму. В своем простейшем виде это обыкновенный длинный щучий поплавок, у которого колечко на нижнем, деревянном, стержне отогнуто под прямым углом, а сбоку, на верхней части, в том же направлении, довольно глубоко прикреплено колечко же или верхняя половинка головной шпильки. Леска пропускается сначала в верхнее, потом в нижнее отверстие; затем петля на конце лески продевается в петлю поводка с крючком и прикрепляется грузило. Для того же, чтобы поплавок не мог идти по леске дальше, чем это требуется соответственно глубине данного места, к леске привязывается на известном расстоянии от крючка или кусочек резины, или захлестывается (петлями) простая спичка. Если взять леску с поплавком в руки, то поплавок скользнет вниз до грузила, т. е. на 4–6 вершков от крючка с живцом, а при этом условии легко забросить живца очень далеко. Грузило и живец, понятное дело, тянут леску в воду, что заставляет поплавок подниматься вверх по леске вплоть до препятствия в виде завязки или спички, не проходящих в верхнее отверстие.

Более удобные, так сказать, более скользящие полавки устраиваются из таких же пробочных поплавок, хотя бы яйцевидной формы, у которых вынуты как перо, так и палочка при помощи спирта, растворяющего клей. В образовавшееся сквозное отверстие, которое может быть расширено, клеивается как можно аккуратнее и плотнее перьяная и ли какая другая трубочка.

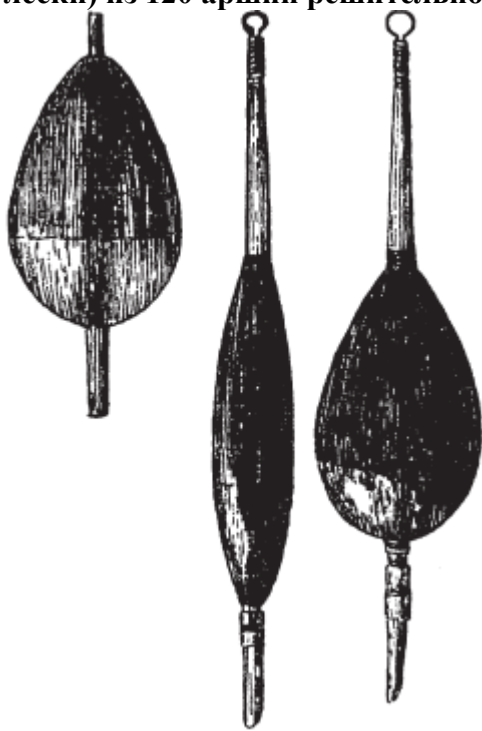
В колечках здесь уже, очевидно, нет никакой надобности, и леске не за что захлестнуться. Подобные полавки можно делать и из упомянутых выше деревянных яиц, если загнать натуго в отверстие медную или цинковую трубочку.

Наконец, вполне усовершенствованный скользящий поплавок соединяет в себе удобства разрезного, так как делается из последнего; для того же, чтобы леска не могла выскользнуть, снизу и сверху обыкновенного разрезного полавка бочонком делается по выемке, на которую надевается резиновое колечко – узкий отрезок резиновой трубки (потолще карандаша). Колечки эти предварительно должны быть пропущены на леску и с нее уже не снимаются.

Так как ужение щук в большинстве случаев требует длинных лес и дальнего забрасывания живца, то неподвижный поплавок крайне затруднял это забрасывание и заставлял прибегать к очень длинным удильникам или различным приспособлениям. Так, например, при ужении щук с берега, очень заросшего травой, приходилось прибегать к тяжелым деревянным (березовым) поплавкам, на которые навивалась нижняя часть лески до грузила. Закинутый живец уже сам разматывал леску с полавка. Дальнее закидывание достигалось также при помощи совочка, вроде употребляемого для муки (или ковша), в который клали сначала живца, потом леску правильными кругами и сверху поплавок; совок исполнял тут роль пращи и давал возможность при некоторой сноровке забросить живца на расстояние до 20 и более аршин. При ужении с лодки на небольшой глубине – до 2 аршин – дальнее закидывание достигалось при помощи катушки. Смотав предварительно большее

или меньшее количество шнура, рыболов берет удилище в правую руку, левой подтягивает поплавок почти к кольцам, затем, раскачав живца, посылает его вместе с поплавком вперед; брошенный живец увлекает за собою смотанный с катушки шнур. Эта манипуляция будет, впрочем, подробнее описана далее.

При употреблении скользящего поплавка а дальнейшее закидывание становится доступным каждому новичку, а при некотором навыке и ловкости можно забрасывать живца на невероятно далекое расстояние. Нет уже более надобности в длинном удилище, и оно должно быть длиной около 3 аршин. При ловле на обыкновенные шестики (можжевеловые, березовые и пр.) без колец и катушки спускают поплавок к грузилу и живца закидывают правой рукой, предварительно раскачав его. В этом случае весьма полезны бывают почти не мешающие при забросе один, два или три добавочных поплавочка в виде небольших (в мизинец толщины) бочонков или шариков из пробки, которые нанизываются на леску и закрепляются на ней палочками или спичками. Эти пробочки особенно необходимы при легком поплавке, который длинною лескою постепенно оттягивается к берегу или лодке. Имея удилище с обыкновенной медной катушкой без тормоза или с большой деревянной, так называемой ноттингемской (см. «Мирон»), можно закинуть живца на расстояние самого дальнего ружейного выстрела, до 100 и более шагов. Поплавок спускают к грузилу, затем подбирают леску через кольца до ввязанной в нее спички или резинки; размахами удилища рыбка посылается вперед через голову, подобно тому, как забрасывается вдаль камешек из пращи, привязанной к палке. Живец, брошенный вперед, сматывает леску с легко вертящейся катушки, и если только она не перевернется, т. е. от быстрого вращения леска не получит обратного движения, если шнурок несмоленный и не липок, грузило тяжелое, рыба крепко насажена и летит, описывая крутую параболу, то можно закинуть живца на такое расстояние, что нельзя рассмотреть самого большого поплавка. Я выбрасывал таким образом до 80, даже более аршин лески с простой ноттингемской катушки, но видел не раз на Сенеже, как слуга одного из известных охотников-рыболовов закидывал живца так далеко, что на катушке (усовершенствованной ноттингемской, с проволочной рогулькой для направления лески) из 120 аршин решительно ничего не оставалось.

Разрезной поплавок

Р и с. 105. Обыкновенные щучьи поплавки.

Ужение с поплавком практикуется большею частью в прудах, озерах, а в реках – только на тихой воде; на быстрине поплавок бывает необходим только при ловле со шлюза (см. далее). Ужение с берега нередко очень мало отличается от ловли жерлицами, так как удочки могут быть в неограниченном числе и находиться далеко одна от другой. Раз присутствие рыболова не представляется необходимостью, нет также надобности и в удильнике как орудии подсечки, и щука ловится взаглот. Свободный конец бечевки привязывается обыкновенно к колышку, ветке, реже к короткому удильнику.

Подобная ловля с поплавком в прудах и озерах с мелким и заросшим на большое расстояние берегом вполне заменяет жерлицы, ставить которые здесь без лодки невозможно. При употреблении тяжелого скользящего поплавка и большого грузила можно закидывать такие удочки на озерах с очень широко заросшим травою берегом. В таких озерах, особенно в небольших поемных и в очень ямистых речных старицах (т. е. старых руслах), щук всегда бывает очень много, а иначе их здесь и не возьмешь. Лескою служит очень крепкая бечевка, выдерживающая пуд мертвого веса; крючки лучше употреблять двойные, которые надежнее одиночных. Щука в таких местах всегда страшно запутывается в траве, и чтобы вытащить ее не входя в воду, необходимо иметь очень надежную снасть.

Заметим кстати, что при всех способах ловли и ужения щук на крючки волосяные лески употребляются очень редко и повсеместно заменяются или пеньковыми бечевками, или шелковыми шнурами. Волосяная леска по своей упругости совершенно непригодна для жерлиц, кружков и для ужения с катушкой; кроме того, собственно, при ужении такая леска неудобна, потому что очень растяжима: подсечка выходит очень слабою и крючки не задевают как следует.

Рис. 106. Скользящий поплавок

Настоящее ужение щук на удочку и с поплавком у нас еще мало распространено; большинство даже охотников-рыболовов предпочитает ставить на щук жерлицы или кружки. Причину надо искать в том, что очень немногие имеют понятие о том, что щук можно и даже следует удить, не выжидая того, чтобы живец был совсем заглотан. Щука, как известно, употребляет на это большею частью весьма

продолжительное время – до 5, даже 10 и более минут, если сыта и живец крупный. При ловле на одиночные крючки, очевидно, нельзя торопиться подсечкою, а так как не всякий способен к выжиданию, да и необходимость заставляет подсекать преждевременно, то большинство шук срывается и уходит.

Особенно часто случается это в стоячих водах, где приходится ловить на крупную бель и щука не имеет привычки торопиться. В реках, на течении, особенно под шлюзами и плотинами, щуки проворнее и берут много вернее, но вообще при ловле на одиночные крючки катушка если и не всегда необходима, то очень полезна. Она нужна не столько для вываживания и утомления крупной рыбы, сколько для того, чтобы можно было подавать леску, чтобы щука не накололась преждевременно и не выплюнула живца, а также для более дальнего закидывания. Последнее достигается, впрочем, употреблением скользящего поплавка. В таком случае нет необходимости ни в катушке, ни в длинном удилище.

Всего проще ловля с поплавком на течении. Производится она с лодки, реже с шлюза, плотины или моста, на тихой воде и в ямах с неправильным течением. Щука на быстрине никогда не встречается. Лодка устанавливается поперек реки, на двух камнях, гирях или кусках рельс, местами на якорях (кошках) или шестах. Удилище употребляется натуральное можжевельное или березовое, цельное, длиной около 2 1/2 аршин, иногда, впрочем, и до 4. В катушке и скользящем поплавке необходимости нет, но вреда они, конечно, не принесут. Леска должна быть шелковая, лучше плетеная и непременно просмоленная; тонкая плетеная пеньковая тоже весьма пригодна. Поплавок обыкновенно употребляется я средних размеров, грушевидный, с небольшим куриное яйцо, но под шлюзами, где много бывает пены, необходимы удлиненные наплавы и притом окрашенные сверху (вместе с пером) в красную краску. Добавочных поплавочков не нужно. Грузило должно соответствовать поплавку и течению, а лучшими живцами служат здесь пескарь или голец, хотя в мутную воду следует предпочесть им плотичку, голавлика, вообще какую-нибудь серебристую и более заметную бель. Пускается рыбка на 1/2 аршина от дна, но если щука бьет, то вполводы и даже выше. Насаживается же чаще за губу (голец и пескарь) или за обе, если крючок одиночный, или (при двойном крючке) через рот в задний проход (рис. 110), а также через рот и жабру, и поводок привязывается (ниткой) к хвосту. Весьма полезно насаживать на двойной крючок двух пескарей или гольцов. Всего же целесообразнее употреблять два крючка, один выше другого, зацепляя верхний за губу, а нижний за хвост, или же джардиновскую снасточку. Это дает возможность подсекать немедленно после того, как поплавок скрылся под водой.

Как далеко следует отпускать поплавок от лодки? Это зависит главным образом от глубины места. Если под лодкой более 3 аршин глубины, то нет надобности, чтобы наплав стоял далее 2 сажень от лодки; на мелких же местах чем дальше он будет от рыболова, тем щука берет смелее. Некоторые рыболовы, особенно при ловле с шлюза или моста, отпускают живца на 10 и более сажень. Тут уже катушка почти необходима, тем более что весьма полезно то подтаскивать живца, наматывая леску, то снова давать поплавку плыть по течению. Заметим, что при ужении на течении можно ловить на крупных живцов только с катушкой или же когда они насажены на снасточку. При несоблюдении этого правила частые осечки неизбежны.

Клев щуки состоит обыкновенно, хотя и не всегда, из трех моментов: 1) она схватывает живца и топит поплавок, затем 2) медленно плывет в сторону, большую часть к берегу, на ходу переворачивая живца головою к глотке, и 3) останавливается и заглатывает. При ужении на одиночные крючки полезнее выждать третьего момента, но при употреблении системы крючков, т. е. снасточек, можно подсекать немедленно после погружения поплавка. Момент этот, при своей внезапности, обыкновенно застаёт рыболова врасплох, однако близость щуки и

вероятность скорой поклевки указывается беспокойными движениями живца, завидевшего хищницу. Поклевка крупной щуки узнается по более продолжительному исчезновению поплавок, который иногда и вовсе не показывается. Мелкая часто только везет поплавок, не погружая его. При вялом клеве щука играет с живцом, то схватывая, то выпуская его из зубов. В таком случае необходимо подтащить леску к себе, что подзадоривает баловницу. При ловле на одиночные крючки при первой же поклевке надо схватить удильник и подавать его вперед, насколько это возможно, и не торопиться подсечкой.

Подсечка во всяком случае должна быть сильной, насколько это позволяет крепость лески, крючка и удильника. Если снасть прочна и щука не особенно велика, не свыше 10 фунтов, то церемониться с ней при вытаскивании нечего, особенно при употреблении снасточек. Вываживать щуку, не заглатывшую живца, следует только в крайности. Сильная подсечка, по-видимому, производит у щуки легкое сотрясение мозга, так как на одну секунду она остается без движения, а потому, перекинув за спину удильник, немедленно перехватывают леску и как можно быстрее перебирают ее руками. Ошалевшая щука, не успевая опомниться, так как вода заликает ей за жабры, ходко, без всякого сопротивления, идет к лодке, где ее подхватывает сачком компаньон; если же такого не имеется, то, во избежание опасного промедления, надо как можно скорее большим и указательным пальцами правой руки схватить ее за глаза и выкинуть в лодку. При такой манипуляции щука впадает в обморочное состояние и слегка только пошевеливает хвостом. Она приходит в себя только в лодке, где начинает жестоко биться, причем очень часто сама освобождается от крючков, если он и ею не заглотаны. Этот форсированный способ ловли, повторяем, необходим при употреблении якорьков и снасточек, особенно в таких местах, где щуки во время жора берут чуть не ежеминутно и где время очень дорого. Копаться тут с вываживанием, тем более с катушкой, совершенно нелепо, так как при нежном обращении гораздо более риску потерять добычу. Щука, опомнившись, употребляет все силы, чтобы если не сорваться, то запутаться. Она бросается в сторону и, вытянув вглубь всю леску, вдруг выкидывается в вертикальном положении и, разинув пасть, начинает быстро мотать головой, причем нередко успевает выплюнуть живца и даже отрыгнуть все содержимое желудка. Это самый опасный маневр ее, который может быть отчасти парализован своевременною подачею лески при употреблении катушки, а без нее предупрежден погружением всего удилица в воду. Другие щуки после подсечки немедленно бросаются под лодку, захлестывая леску за шесты или веревки, или же кидаются к берегу, в траву и камыши. Продолжительная возня не представляет ничего заманчивого, и надо ее избегать.

Ужение в мелкой стоячей воде отличается от описанного тем, что требует более длинного удилица, пожалуй, катушки, не столько ради дальнего закидывания, легко достигаемого при скользящем поплавке, сколько для того, чтобы можно было перед подсечкой подобрать провисшую леску. Поэтому добавочные поплавошки необходимы, большой же наплав может быть и несскользящим. В большинстве случаев при этой ловле бывает выгоднее ловить на одиночные или двойные крючки, задеваемые за спинку живца, и давать щуке вытянуть всю ослабнувшую длинную леску и заглотать живца как следует. Удильник должен быть 4–5 и более аршин длины, лучше трехколенный, очень мало гибкий, с грубым кончиком, кольца – стоячие, катушка с 50–60 аршинами крепкого шелкового шнурка (смоленого) или тонкой голландской бечевки. Ловля эта производится больше в прудах, с лодки, установленной на кольях или камнях, заменяемых иногда мешками с песком или землей, неподалеку от травы и тростниковых зарослей. Подсеченную рыбу тоже стоит вываживать только в исключительных случаях.

Ужение на глубине производится большею частью в озерах, у самой лодки, если

глубина около двух сажен, непременно с скользящим поплавком. Удильник же может быть и коротким, и без катушки. Если ветер или течение (на некоторых озерах всегда противное направлению ветра) относит поплавок, то лодку надо ставить поперек этого течения и закидывать поплавок как можно дальше. Удилище с катушкой дает возможность по временам подтягивать к себе живца и снова отпускать. Живец насаживается со спины на тройник или снасточку; подсекать надо, как только окунется поплавок, и затем тащить щуку, не давая ей опомниться. Заметим, что перед тем, как схватить ее за глаза, необходимо приподнять ей голову: щука, захлебываясь воздухом, окончательно шалет. Кстати, чтобы не забыть, скажем здесь, что в случае крупных щук некоторые советуют, сильно накренив лодку, подвести рыбу левой рукой к борту, а правой выбросить в челн, подхватив под середину брюха. Другие рекомендуют употребление деревянных щипцов с гвоздями на конце. Однако всего практичнее, предварительно утомив гиганта, подхватить его если не крупным сачком, то багром, или же оглушить колотушкой. На некоторых глубоких озерах щук, как и окуней, ловят с навеса, без поплавка, но только с длинными удилищами, которые кладутся поперек лодки.

Перехожу к ужению щук на мертвую рыбку по английским способам. Их два – spinning и trolling.

Первый способ уже был описан выше (см. «Лосось»), и потому скажем о нем несколько слов. Это нечто среднее между ловлею нахлыстом и ловлею на дорожку. Различие от последней заключается главным образом в том, что для spinning лодки не требуется, так как насадка может быть также искусственной (см. далее).

В общем ловля щук на spinning мало отличается от таковой же ловли лососей. Однако сэт почти необходимо делать на басках и с крупными крючками, а закидывать мертвую рыбку надо глубже, особенно на глубине. Затем, так как щука часто держится около берега и неохотно бросается на добычу, если она плывет далеко от нее, то насадку сначала закидывают ближе к берегу, шагов на 10, в нескольких направлениях, затем это расстояние постепенно увеличивают еще на 10 аршин и т. д., пока не достигнут предела забрасывания 40–50 аршин. Таким образом, рыболову на одном и том же месте, прежде чем перейти на другое, приходится закинуть насадку много раз (до 10 и даже 20), и тем чаще, чем вода мутнее и рыболов искуснее, т. е. дальше закидывает. Удилище, как и всегда для береговой ловли, должно быть длиннее, чем для ужения с лодки, и именно в 12–14 аршин, с жесткой верхушкой и стоячими кольцами. Катушка большая, с 50–70 аршин шнура, лучше с глухим тормозом, чем с трещоткою.

Что касается насадки, то вообще для ужения щук выгоднее употреблять не брусковатых рыб, которые хотя и хуже играют на сэте, но зато видне е. В прудах всего пригоднее мелкая плотва, в реках – елец или уклейка. Для них употребляют обыкновенно простой сэт, предварительно отогнув хвост. Заготовленная рыба сохраняется в особых ящичках, где перекладывается травой; в жаркое время не только полезно, но даже необходимо просаливать, тем более что щуке, как и многим рыбам, вкус соли очень нравится. Некоторые сохраняют насадку в спирту, но хотя рыбки сохраняют в нем цвет и становятся более крепкими, но вкус спирта (или уксуса?) щукам не очень нравится. Самой прочною насадкою для spinning считается мелкий угорь или хвост большого с искусственною головою из кожи спины. Цельные угри насаживаются на обыкновенный сэт, хвост же можно надевать, как червя, на крупный одиночный крючок с прищипленной к его стержню картечиной; жало выводится недалеко от хвоста так, чтобы насадка получила легкий изгиб. Соленых угрей перед употреблением надо вымачивать в воде (часов 10), чтобы они сделались толще и гибче. Так как крючков (якорьков) на сэтах много и они, ради лучшей игры рыбки, делаются мелкими, а щука имеет очень жесткую пасть, то для того, чтобы всадить несколько якорьков в эту пасть, подсечка должна быть очень

сильной. К тому же щука, схватив рыбу, иногда так крепко завязит в ней свои крючковатые зубы, что для того, чтобы сдвинуть насадку с места, надо употребить значительное усилие. Конечно, подсечка должна соответствовать крепости шнура, который для удобства закидывания бывает сравнительно очень тонок (№ 3 и 4). Мелкость крючков и тонина лески не допускают слишком грубого обращения с добычей, и если она не очень мелка, то приходится ее вываживать, хотя довольно круто, особенно если щука направляется в траву или коряжник. Ужение этим способом, следовательно, удобно только в расчищенных местах и там, где щук не особенно много и они очень осторожны. Притом насаживание и закидывание рыбки требуют большого искусства, а потому у нас практичнее вместо spinning ловить на дорожку, т. е. на ходовую блесну, – с лодки. За неимением в последней можно, впрочем, закидывать дорожку или искусственную рыбку с берега, как и мертвую рыбку. Надо также принять во внимание, что вообще у нас гораздо легче достать живую рыбу, чем различные снасточки и трэсы.

Другой английский способ ужения, называемый trolling и употребляемый почти исключительно для щук, гораздо проще и имеет большую аналогию с нашим блеснением, о котором в Западной Европе вообще имеют очень смутное и неверное понятие. Trolling удобнее тем, что может производиться в довольно травянистых и крепких местах, где spinning невозможен. Этот способ также не требует поплавок, но груз составляет одно целое с крючком, который единственный, двойной, с отогнутыми наружу жалами, как показано на рисунке. Крючки с грузилом для trolling редко, впрочем, встречаются в продаже, и приходится готовить их самому. К двойничку прикрепляют поводок из скрученной вдвое медной проволоки, который заливается свинцом (рис. 109, а). К петельке, которою кончается проволочка, привязывают басок и посредством иглы продевают его сквозь всю рыбку так, чтобы он вышел у самого хвоста, и протаскивают проволоку со свинцом, как это показано на другом рисунке (рис. 109, б); чтобы рыба не могла скользить, хвост ее привязывается к поводку ниткою.

Так как это привязывание хлопотливо и неудобно, груз же лежит слишком близко к голове и распирает рыбе жабры, которые задевают за траву, а проволока придает насадке неестественную деревянность, то в последнее время описанные крючки со свинцом заменили так называемые пэнэлевские, отличие которых видно из рисунка (рис. 110). Насаживание по способу Пэнэля также значительно проще: хвостовой плавник отрезается в плоть, поводок, выведенный в середине его, проводится сквозь хвост рыбки (прокалывая его поперек) в 1/4 дюйма от конца его и пропускается в образовавшуюся петлю. Острия крючка должны приходиться около глаз рыбки, которой, для того чтобы она лучше играла, отрезают с одной стороны один из грудных плавников, а с другой – один из брюшных.

насаженная на сэт

Рис. 107. Рыба,

Удилище и леска для trolling употребляются те же, что и для spinning, но леску лучше брать потолще; т. н. трэс, или подлесок, должен быть аршина в полтора и состоять из тонких басков на карабинчиках; число последних должно быть не менее трех, иначе шнур будет крутиться, а рыбка плохо играть. Забрасывают рыбку так же, как и при spinning, только не так далеко от себя, чтобы рыбка погружалась в воду головою вперед, а не плашмя, и выбирают не особенно заросшие травой места.

Закинув рыбку, тащат ее к себе и потом опять забрасывают; в большинстве случаев щука хватается насадку во время ее поступательного движения, так как в это время рыбка играет гораздо лучше, чем задним ходом. Напротив, при spinning большая часть щук ловится в то время, когда рыбку тащат к себе, что, впрочем, понятно. По понятным же причинам торопиться подсечкою при trolling нельзя, и надо дать щуке время совершенно проглотить насадку. Почувствовав некоторое сопротивление, сейчас же опускают кончик удилища; если шнурок придет в движение, то это значит, что насадка взята рыбою, а не задела за траву или корягу. Затем левою рукою сматывают известное количество шнура, чтобы щука не могла почувствовать никакого сопротивления. Если щука, проплыв некоторое расстояние, остановится, ей дают от 5 до 10 минут, чтобы проглотить рыбку, и затем слегка подсекают, для чего достаточно натянуть леску; при резкой подсечке может случиться, что насадка будет выдернута из желудка, не зацепив нигде крючками, так как они плотно к ней прилегают.

насаженный на сэт

Рис. 108. Хвост угря,

Главные преимущества способов spinning и trolling, особенно первого, заключаются в том, что они дают возможность обудить с берега весьма значительное пространство. Но у нас есть один способ ловли щук, который, сохраняя обычную простоту русских снарядов, в этом отношении много превосходит spinning. Это нигде еще не описанная ловля на дощечку, или водяной ого змея, довольно распространенная в Финляндии, а в России еще мало известная. Водяной змей поистине может назваться гениальным изобретением. Трудно поверить, что он дает возможность на довольно широкой реке подвести живца к противоположному берегу, стоя на месте, а в озерах, плывя на лодке, заставить снаряд с живцом обойти почти кругом лодки.

Рис. 109. Крючок с грузом для trolling и насаженная рыба

Рис. 110. Пэнэлевский крючок

На самом деле тут нет ничего удивительного, и если кто имеет понятие о летучем змее и видел тягу судов на реках, тот легко поймет, в чем дело. Представьте себе тонкую продолговатую дощечку около четверти длины и 3 вершков ширины; к одному из длинных ребер прибиты полоски свинца, так что дощечка стоит в воде, высовываясь на палец над поверхностью. В углах дощечки повернуты 4 небольшие отверстия; к одному из верхних привязывается бо лее или менее длинная бечевка с баском и крючком; к трем другим – короткие бечевки, связываемые вместе наподобие того, как у летучего змея. Выверив эти бечевки и привязав к ним на карабинчике длинный шнурок, намотанный на обыкновенную деревянную шпульку (а если угодно, то на катушку) и пропущенный через кольца обыкновенного щучьего удилица, на крючок насадив живца (за губу и большую часть пескаря), забрасывают снаряд подальше от берега. Дав ему спуститься вниз на некоторое расстояние, начинают подергивать его толчками, после каждого толчка спуская несколько шнурка. При каждом толчке дощечка, отбиваемая течением, подымается вверх по реке несколько наискось, т. е. на воду; если отпустить бечевку, то дощечка плывет вниз, параллельно прежнему направлению, но дальше от берега.

После более или менее значительного числа толчков и подергиваний весь снаряд может подойти к другому берегу против того места, где все время стоял рыболов. Само собою разумеется, что при помощи этого снаряда можно передать на другую сторону реки веревку, лодку. По всей вероятности, его можно видоизменить; например, вместо дощечки употреблять наплав в виде лодки или челнока с широким и тяжелым килем и наискось прибитым рулем. В этом случае бечевка может быть привязана за нос и за середину челнока-поплавка.

Вооружившись этим нехитрым снарядом, можно, если идти одним берегом, обуживать противоположный с гораздо большим успехом, чем если бы рыболов плыл в лодке и ловил на дорожку или ходовую блесну. Дощечка, собственно говоря, и выдумана потому, что дорожка идет следом лодки, которая, конечно, пугает рыбу и заставляет ее отойти в сторону. Водяной же змей дает возможность плыть по середине реки или пруда, между тем как он, т. е. змей, с живцом на хвосте будет идти около прибрежной травы и тростников. Понятно также, что если отпустить змея подальше от лодки и потом подвигаться на ней в известном направлении, подтягивая к себе снаряд, то этими двумя движениями можно заставить его описать вокруг лодки почти сомкнутую кривую. Выгоды водяного змея очевидны: соединяя

простоту дорожки и других «плавных» способов ужения щуки, он так же мало возбуждает в ней подозрения, как и далеко от берега закинутая мертвая рыбка способом spinning. Надо полагать, что живая рыбка в некоторых случаях, именно на довольно сильном течении, может быть заменена дорожкой, блесной или искусственной рыбкой.

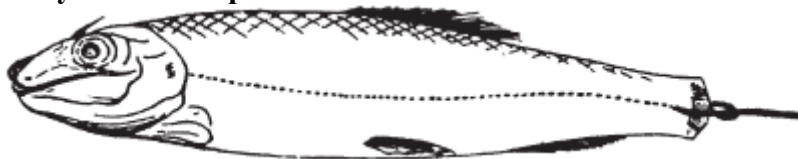

Рис. 111. Насаживание

мертвой рыбки по способу Пэнэля

Таким образом, водяной змей может быть также причислен к числу плавных способов ужения, к которым принадлежат: ловля на унгу, ловля плавом и ужение на секирку; к плавным же относятся ходовая ловля на искусственные приманки: на дорожку, на ложку, на искусственных рыбок, а отчасти и самое блеснение, которое, впрочем, чаще производится стоя на месте.

Простейший и вместе самый оригинальный способ ловли щук плавом практикуется на Северной Двине архангельскими рыболовами. Последние ловят щук «на поезду», насаживая большой крючок кистью червей толщиной в кулак. Это ужение ходом на кучу червей в других местностях совершенно неизвестно и вряд ли даже возможно. Всего удачнее бывает такая ловля около Петрова дня и в ясную погоду. Рыболов гребет в лодке вдоль и поперек реки (правильным веслом), постоянно подергивая леску, но так, чтобы при опускании грузило доставало дна. Таким же путем ловят здесь и окуней, только на крючок надевают до десятка червей и притом не за середину, а за головки; на жало же крючка надевается раковая шейка или кусок рыбы. Лов на червей продолжается до заморозков.

Ловля на унгу тоже архангельский способ. Унга – это огромный, согнутый дугой железный или стальной крюк с тяжелым кольцом, напоминающий крюк, употребляемый в приуральских речках для ловли тальменя и щуки, но унга, будучи повешена за кольцо, должна сохранять горизонтальное положение. Насадкою служит мертвая рыба, большею частью крупная сорога (плотва); крюк продевается под кожу от хвоста к голове или же плотва пришивается к нему нитками. Ловят без поплавок и грузила на очень крепкие бечевки, привязанные к прочному «гугалу» (шестик), всегда в ямах и во время жаров – плавом, реже стоя на месте. Насадка должна висеть в горизонтальном положении, верхка в 6 от дна; гугало крепко втыкается в борт лодки. Берут на унгу крупные (ямные) щуки. Схватив рыбу, хищница сначала потянет за гугало, затем начинает дергать его, т. е. поворачивать сорогу и укладывать в пасть головою вперед. После 2–3 подергиваний рыболов сильно подсекает и, упершись ногой, тащит щуку как можно скорее, не давая ей ни на мгновение опомниться, иначе она выплюнет крючок из пасти.

Московская ловля щук плавом, завезенная сюда лет 30–40 назад каким-то провинциальным охотником-рыболовом, в общем, по-видимому, мало отличается от ловли на унгу. Только унга заменяется здесь, и, пожалуй, не к лучшему, обыкновенным одиночным английским крючком, задеваемым за спинку. По моему мнению, тройники и снасточки были бы гораздо пригоднее для этой ловли, чем одиночные крючки. В общих чертах она уже была описана (см. «Судак»), а потому можно ограничиться лишь главным. Ловля щук плавом – одна из самых занимательных и добычливых, но вместе с тем самых трудных. Это нечто вроде блеснения, только не на металлическую приманку, а на живую рыбку. От ловли на дорожку ловля плавом отличается тем, что насадка должна идти почти под лодкой. Как известно, уже на глубине 2 сажень, даже менее, стоящая на дне рыба несколько не боится плывущей над ней лодки и не обращает на нее внимания. Очевидно, такое ужение может быть

удачно только на очень глубоких ямах, притом таких, где лежат коряги, разный лом, дубы и затонувшие барки, а «дорожить» вообще, т. е. ездить с ходовой блесной, мертвой или живой рыбкой, совершенно невозможно. Начинается эта ловля с августа или сентября; только в исключительных случаях, при особенно благоприятных условиях, например временном скоплении щук, она может в некоторых омутах производиться весной и летом. Самое лучшее время – вторая половина сентября и первая октября, когда большая часть щук уходит из трав и тростников на глубокие места вслед за мелочью.

Снасть требуется здесь, конечно, очень прочная; леска делается или из голландской бечевки, или – еще лучше – самого толстого (крученого желтого) кавказского сырца, выдерживающего около пуда мертвого веса. Удильник от 2 до 3 аршин, можжевелевый, очень грубый и с довольно толстым кончиком для более энергичной подсечки. Крючок, обыкновенно одиночный от № 1 до 3/8, смотря по величине живца, привязывается к крепкому баску; поводок этот должен свободно сниматься с лески, оканчивающейся большой петлею (около 3 вершков в диаметре), и выдерживать несколько меньший вес, чем леска, что, впрочем, необходимо при всякой ловле, если не желают рисковать потерей всей лески. Грузилом служит пуля величиною до 16-го калибра; для большей свободы движений живца она прикрепляется на аршин или полтора выше крючка. Лучшим живцом считается крепкогубый пескарь, также голавлик; елец, плотва, подъязики менее пригодны, так как щука гораздо чаще их срывает.

Ловят плавом только утром и под вечер, в тихую безветренную погоду, с лодки или даже челнока, обыкновенно вдвоем, причем один гребет кормовым веслом, не производя шума, а другой, сидя в носовой части, держит в руках одну или две удочки. Некоторые предпочитают ловить в одиночку, причем нередко одною (левою) рукою гребут, оперев рукоятку правильного весла под мышку и как бы мешая воду кругообразными движениями, другую же поддерживают шестик. Главное, необходимо плыть как можно медленнее, так, чтобы леса стояла стеной, почти перпендикулярно к лодке. Живец должен идти примерно на аршин от дна, а потому следует предварительно хорошо исследовать яму, ее глубину и задевы.

Обыкновенно сам живец, если, конечно, он оправдывает свое название, дает знать о близости щуки, так как начинает усиленно бегать и метаться, что слышно в руке. Поклевка щуки выражается в том, что кончик удильника начинает тихо склоняться вниз; в этот момент надо совсем остановиться, взять шестик и приготовиться подать леску. Обыкновенно щука, схватив за что попало живца, держит его в зубах несколько секунд, затем начинает заглатывать и большею частью плывет с добычей под лодку или к своей засаде. Поэтому не мешает иногда потихоньку приподнять удильник; щука, полагая, что живец сам высвобождается из ее пасти, тянет к себе и начинает его заглатывать; мелкие, впрочем, если потянуть удильник, поднимаются кверху, так что иногда приходится вставать и вытягивать руку, насколько это возможно. Небольшая щука очень часто упускает живца, средняя же, от 5 до 10 фунтов, всегда тянет вниз, а потому надо опускать шест в воду, иногда с рукою по локоть, а затем сильно и резко подсечь. Крупная щука берет сразу: она или вдруг рванет вниз, под лодку, причем над о подавать удильник сколько возможно больше, или же сразу остановит леску, как будто крючок зацепил за корягу. В таком случае, если только есть малейшее сомнение в том, что это не задев, следует подсекать немедленно, не выжидая, пока щука пойдет в ход: мелкий живец крупной щукою проглатывается, как пилюля.

Пойманную щуку надо вытаскивать довольно круто и без больших церемоний, но 10-фунтовую рыбку, даже более мелкую, необходимо предварительно утомить: с одиночного крючка она легко может сорваться. Ямные щуки редко когда выпрыгивают из воды и обыкновенно стараются укрыться под ближайшую корягу.

20-фунтовая щука довольно долгое время возит лодку взад и вперед, и гребец должен быть очень опытен, чтобы согласовать движения лодки. Лучше всего, утомив крупную добычу, плыть с нею к мелкому месту и вытащить ее на берег. Сак при этой ловле употребляется редко; щуку берут рукою, лучше всего за глаза (мелкую и среднюю); багор или щучий топор были бы крайне полезны для крупн ой.

Нет никакого сомнения в том, что если сделать некоторые усовершенствования в этом способе ужения, то оно будет давать еще лучшие и более верные результаты. Мне кажется, например, что короткий можжевелевый удильник было бы практичнее заменить или более длинным – до 4 и более аршин, или же, наоборот, более коротким, вроде мотылька, употребляемого западносибирскими рыболовами при блеснении, дающем возможность спустить некоторое количество лески, если взяла большая щука. Затем грузило и самый крючок, хотя и одиночный, часто задевают, живец легко срывается, а потому лучше было бы употреблять большие, очень тяжелые крючки, пропускаемые под кожу живца, делающие грузило излишним и почти не допускающие осечки, каковы уже описанная архангельская унга, уральский крюк и киевская секирка.

Ловля плавом, очевидно, возможна только на более или менее значительных реках с очень большими мельничными омутами и ямами глубиною не менее 5 аршин, а потому удобны х для нее мест бывает очень мало. Любители ходовой ловли предпочитают ловить щук около травянистых берегов, пуская за собой на очень длинной бечевке – до 30 и более сажень – живца, как при ловле шересперов (см. далее), а чаще дорожку или искусственную рыбку. В небольших реках с заросшими берегами гораздо успешнее бывает ловля плавом в закидку, так называемая ловля на секирку, или секиренье.

Секиренье – это весьма остроумный способ ужения щук на живца, известный, кажется, только в одной местности Киевской губернии. Оригинальность его выражается в поплавке, крючке и способе забрасывания. Из всех ходовых способов ловли это, бесспорно, самый совершенный, так как дает возможность ловить самых крупных, осторожных и сытых щук не только в глубоких, но и на мелких местах. А потому опишем его со всеми подробностями, со слов Домбровского.

Удилище для этой ловли должно быть 11/4–13/4 сажени длиною, крепкое и жесткое, но легкое, лучше всего, вероятно, бере зовое; бечевка – очень прочная, так что могла выдерживать пуд с лишком, пеньковая или шелковая, плетеная или крученая; она привязывается к шесту таким образом, чтобы свободный конец ее был на четверть короче последнего.

Поплавок для этой ловли делается из сосновой коры или из большой пробки и формою представляет усеченный конус. С широкого основания он выдалбливается, так что, плавая, содержит в себе воздух. Привязывается он к леске на 11/2–1 аршин от крючка ниткой в двух местах.

Крючок, или секирка, делается из хорошей стали и воронится; она напоминает унгу или уральский крюк, но секирка согнута очень мало и не так уравновешена, а главное – она совершенно тупая. Секирка (рис. 112) вместо острия кончается широкою, но тонкою пластинкою а, напоминающей кухонный, но не отточенный нож. Бородка, или «зазубень», тоже не толста и не отточена; далее же секирка постепенно утолщается и имеет четырехгранную форму, затем, после загиба, она имеет уже од инаковую толщину вплоть до кольца, которым оканчивается стержень (кольцо это на рисунке не показано). Так как секирка имеет значительные размеры (рисунок сделан в 1/2 натуральной величины) и самая большая щука не успевает проглотить весь крючок, то бечевка привязывается к кольцу непосредственно и живец (разная белъ) должен быть не менее 1/2 фунта, еще лучше в 1 фунт весом.

Насаживается живец следующим образом. Концом а прокалывается кожа около шеи, потом секирку осторожно поворачивают под шкуркой в обратную сторону, по

направлению к хвосту, стараясь не прорвать здесь кожи, так, чтобы конец а отнюдь не выходил наружу. Поэтому он и должен быть совершенно тупым. Живец, очевидно, только очень недолго плавает на поверхности, а затем опускается вниз, насколько допускает это поплавок, и держится в несколько наклонном положении, боком, а потому виден на очень далекое расстояние.

Ужение это чаще производится вдвоем: один тихо гребет кормовым веслом, не вынимая его из воды, другой сидит на носу лодки. Необходимо соблюдать полную тишину – не разговаривать, не стучать, даже не двигаться и не пускать волны. Всего удобнее бывает оно весной, после нереста, и осенью, когда трава уже осела на дно. Наиболее благоприятное время – раннее утро, начиная с рассвета, а лучшей погодой следует признать пасмурную и облачную: крупная щука, бывавшая в переделках, очень осторожна и боится тени, а потому лодка, костюм, леса, удилище – все должно быть темного цвета. Плыть можно как по течению, так и против него, но стараются держаться ближе к берегу и траве.

Обыкновенно живца надевают на секирку у того места, где будет производиться охота. Перед забрасыванием живца берут в левую руку, правую же держат удилище, упирая комлем под локоть; затем удилище вытягивается вперед, а живец выпускается из руки и падает далеко впереди. Главное, чтобы живец погружался в воду без плеска, вытянув всю бечевку, а поплавок садился на воду широким основанием и без малейшего шума. Удилище стараются держать параллельно воде, а иногда, чтобы оно не бросало тени, даже кладут на воду. Если плывут по течению, то поплавок таким образом может плыть впереди лодки на значительном расстоянии. Если поблизости, т. е. на расстоянии нескольких сажен от живца, находится щука, то редкая пропустит его мимо – щука стремглав бросается к нему и схватывает зубами. Небольшая рыба не производит сильного удара поплавком и обыкновенно вытягивает за собой всю леску. Крупная же берет иначе: поплавок с страшным бульканьем моментально погружается в воду, рассыпав вокруг себя брызги и производя оглушительный звук, проходит один-два вершка под водой и застывает в такой позе; если он немного двинулся, бечевка дрогнула – значит, щука укладывает в пасть живца – нужно подсекать сильно, коротко. Чем громче удар – звук – делает поплавок, чем меньше протягивается бечевка, тем больших размеров хватила щука. До момента подсечки рыболовы и лодка не должны вовсе двигаться.<

Рис. 112. Секирка

Уже из величины секирки и из того, что она почти вся скрыта под чешуей рыбы, можно заключить, во-первых, о том, что секирка с первого момента необходимо должна находиться в щучьей пасти, во-вторых, что она никак не может преждевременно наколоть рыбу. При подсечке, которая не должна быть очень сильною, секирка прорывает кожу живца и вместе с тем прокалывает тонкую пленку, охватывающую продольные челюсти щуки, параллельно этим челюстям. Выражено это не совсем ясно, и вообще трудно себе уяснить, почему секирка непременно должна задеть за плеву, соединяющую челюсти. Еще более непонятно значение пустоты в поплавке, которая, по моему мнению, производит только совершенно излишний шум.

Остается теперь рассмотреть ужение щуки на искусственную насадку. Сюда относятся: блеснение, ловля нахлыстом на искусственную рыбку и на искусственную муху, наконец, ловля на дорожку и вообще на х одовые блесны и искусственных рыбок.

Блеснение щук, в сущности, очень мало отличается от блеснения окуней. Главная разница заключается в величине блесны и толщине лески. Блесны также употребляются различной формы, оловянные или медные, смотря по местности, но оловянные большею частью употребляются для осенней ловли, а медные – зимою, подо льдом. Причина та, что щука, как окунь, зимою очень вяла и не в состоянии поймать слишком быстро падающую на дно тяжелую оловянную блесну, тогда как широкая и плоская медная падает плашмя, не делая зигзагов, переворачиваясь с боку на бок. Летние и осенние блесны отличаются от зимних еще тем, что выгоднее делать их с якорьками и даже с добавочным крючком на другом конце, хотя это и ухудшает игру блесны, но зато щука реже срывается. Напротив, зимние блесны могут быть не только об одном крючке, но и бородка на крючке почти излишня. Нечего и говорить о том, что блесна должна быть привязана к басковому или медному поводку, хотя нет на добности, чтобы он был длиннее 3, даже 2 вершков. Для лучшего колебания блесны не мешает привязывать поводок к двум карабинчикам.

Рис. 113. Обыкновенная

искусственная рыбка

Главный лов щук на блесну производится осенью – в сентябре и октябре, когда они собираются в ямы на зимовку. В это время на некоторых озерах, а также реках их можно поймать очень много. Зимою щука берет тоже недурно, но много хуже, и разыскать ее гораздо труднее. Местами блеснят щук даже весной и летом, непременно на глубоких местах и, разумеется, с лодки. На Сенежском озере (Московской губернии) щуки попадают на блесну с мая и берут все лето, хотя довольно редко и только во время жора. В Ивановском, на Неве, рыбаки близ порогов ловят на блесну преимущественно во время цветения ржи, т. е. в конце мая; по их словам, редкая щука в это время пропустит блесну. Лодка может быть установлена на камнях, якорях, но опытные рыболовы предпочитают блеснить одною рукою, подгребаясь другою таким образом, что лодка стоит на одном месте. На очень глубоких ямах такая ходовая ловля на блесну гораздо удобнее стоячей.

Щука берет на блесну с разбега и обнаруживает себя более или менее резким толчком, после которого должна немедленно следовать подсечка, иначе блесна будет выплюнута. Мелкую и среднюю щуку надо тащить без дальних околичностей, но большую приходится вываживать, а иногда бывает необходимо подавать ей леску и опускать удильник в воду по самое плечо. Поэтому обыкновенный короткий удильник менее удобен, чем «мотылек». Стоит только перевернуть его – леска спускается с расщепы, а затем ее можно понемногу спускать с развилок до окончательного утомления рыбы. Для крупной лучше употреблять багор. Разумеется, зимою лучше ловить на волосяные лески, не так скоро обмерзающие. В общем же блеснение мало отличается от ловли плавом.

Блеснить можно только там, где щук много и они голодны, но на искусственную рыбку, закидываемую нахлыстом, как при способе spinning, одиночных щук можно ловить с весны до поздней осени. Это береговая ловля, но, вероятно, она может производиться и с лодки, подобно секиренью. Хотя она ничем существенно не отличается от spinning, но, ради полноты, приведем ее подробное описание, руководствуясь главным образом статьей Д.Н.Кайгородова об этом предмете.

Удилище для этой ловли делается довольно длинное, двуручное и не очень гибкое,

с стоячими кольцами и катушкой с 50–70 аршин крепкого непромокаемого шелкового шнура средней толщины. К шнуру привязывается подлесок (трэс) аршина в два, из жилок, с карабинчиками, а к шнуру – искусственная рыбка на басковом поводке, хорошо оснащенная 2–3 якорьками. Лучшими рыбками считают сделанные из гуттаперчевой клеенки, более прочные и тяжелые, чем шелковые, скоро изнашивающиеся от зубов щуки, но на глубоких местах, вероятно, будут пригодны и полые металлические, с раструбами, употребляемые для ловли шересперов со шлюзов. Можно, впрочем, надевать надлежащий груз на поводок.

Цвет и размер рыбки зависит от местных условий, но общее правило: чем вода мутнее, тем рыбка должна быть виднее, т. е. блестящее. Главное условие, чтобы она безукоризненно вертелась в воде, не закручивая лески.

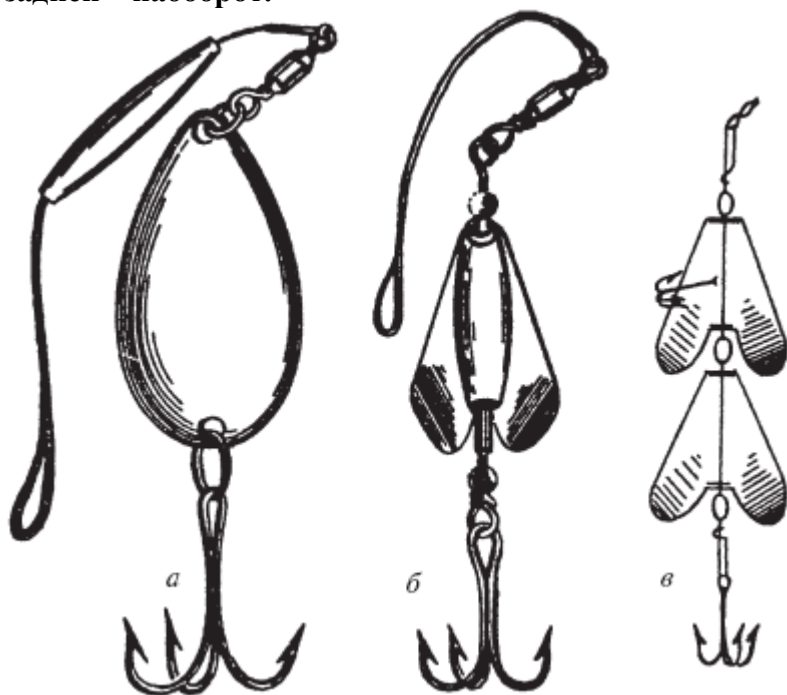
Забрасывают рыбку двумя различными способами: можно, во-первых, бросать ее так, как обыкновенно забрасывается длинная донная удочка при ловле с берега, т. е. спущенная с катушки леса кладется на землю (или собирается кольцами в левую руку); затем, держа удилице в левой руке, в правую берут басковый поводок, на котором прикреплен рыбка, и после раскачивания эту последнюю сильным движением руки бросают в желаемом направлении. Но так закидывают очень редко, пока еще не выучились попадать в намеченное место или когда приходится действовать между деревьями. Обычный же способ закидывания почти тот же, как у *spinning* и *trolling*. С катушки спускается 10–25 и более аршин шнура, которые укладывают кругами на землю или собирают кольцами в левую руку. Рыбка опускается от верхушки аршина на два, затем, держа удилице почти перпендикулярно к направлению бросания, раскачивают рыбку, придерживая шнур большим пальцем правой руки, держащей удилице выше катушки, и, отняв своевременно палец, бросают приманку в намеченное место. Во время полета рыбка увлекает своею тяжестью шнур, который, скользя по кольцам, подбирается сам собою с земли и вытягивается во всю свою длину, сколько было его спущено. Вслед за падением рыбки в воду левая рука, державшая удилице ниже катушки, перемещается на место правой, которая схватывает шнур между катушкой и первым удилицным кольцом и начинает подтягивать его толчками. Щука бросается на вертящуюся рыбку и попадает на крючки.

Толчки не должны быть очень резкими и не должны следовать очень быстро один за другим. Практика покажет, как следует подтаскивать рыбку в глубоких, как в мелких местах, где она может зацепить за дно. Надо также иметь в виду, что щука часто хватается рыбку в тот момент, когда ее вынимают для перезакидывания, иногда даже на лету, а потому это надо делать не торопясь. Рыбку забрасывают затем в новом направлении, постепенно двигаясь вперед и не задерживаясь долго на одном месте. Более двух-трех раз в одно место бросать не стоит, так как щука обыкновенно хватается рыбку по первому разу. Разумеется, первое время следует забрасывать только на небольшие расстояния. Пойманную щуку или прямо вытаскивают на берег, или же, предварительно утомив, бьют по голове небольшой колотушкой (куррика у чухонцев), которую затыкают за пояс. Сачок или багорчик удобны здесь, только когда есть помощник.

Точно таким же образом закидывают искусственных щучьих мух, которые, впрочем, употребляются очень редко даже англичанами. Щучья муха вовсе не отвечает своему названию, так как больше похожа на птичку, чем на муху, и, вероятно, хищница принимает ее за упавшую в воду птичку. Делается эта насадка из крупных пестрых перьев, на двойном крюке, с толстым телом из разноцветной шерсти, перевязанной мишурой.

Те же самые искусственные рыбки могут быть употребляемы для ловли плавом, как и обыкновенная дорожка, о которой уже говорилось мною выше (см. «Гальмень»). Дорожка всего пригоднее для озер; форма ее бывает весьма различна –

от простой изогнутой пластинки до самой затейливой, английского изделия. Для дорожки годится почти всякая блесна. Из заграничных самые лучшие имеют вид ложки и треугольника и должны быть довольно массивны. Для того чтобы ходовая блесна правильно играла и не закручивала лесы, необходимы по меньшей мере два карабинчика; только недавно изобретенная дорожка двойного действия не имеет недостатка, общего всем ходовым блеснам. Она состоит из стержня, на котором вращаются две пластинки с загнутыми лопастями, так что одна вертится при поступательном движении вправо. Другая – влево. Это достигается тем, что у передней пластинки правая лопасть загнута, положим, вправо, а левая – влево, а у задней – наоборот.

б – треугольная; в – двойного действия

Рис. 114. Дорожки: а – ложка;

В больших глубоких озерах, а также и на реках ловля на дорожку, особенно осенью, может быть очень интересна и добычлива. Но вообще ее употребляют больше попутно. Чем длиннее отпускают бечевку (наматываемую на деревянную шпульку или на вращающееся четырехугольное мотовило), тем лучше, так как главное неудобство дорожки состоит в том, что она идет следом лодки. Несомненно, что дорожка с чухонским водяным змеем-поплавком дала бы здесь превосходные результаты.

Собачья рыба

Umbra krameri Fitz, Hundfisch в Австри и. Русское название этой рыбы неизвестно.

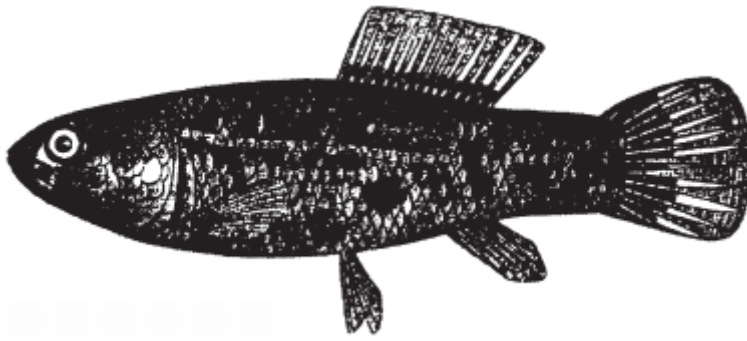

Рис. 115. Собачья рыба

Это небольшая рыба, недавно найденная и у нас в Южной России, по своим анатомическим признакам относится к семейству шуковых. По внешнему виду она, впрочем, имеет весьма небольшое сходство с нашей пресноводной акулой. Туловище *Umbra krameri* короткое, покрыто, так же как и почти вся голова, очень крупными чешуями без черточек, образующих боковую линию, взамен которой находится только светлая полоса. Пасть у нее гораздо меньше щучьей и вооружена очень тонкими и острыми зубами. Глаза большие, носовые отверстия двойные и очень малы. Спинной плавник широкий, очень высокий, и все лучи его имеют одинаковую длину; хвостовой – закруглен. Общий цвет тела красно-бурый, на спине темнее, на брюхе светлее; боковая полоса светло-желтая, у самца красноватая; на голове и туловище неправильно рассеяны темно-бурые пятна и точки; спинной и хвостовой плавники бур оватые; первый с темными пятнышками.

Величина этой рыбки весьма незначительна – не более 3 1/2 дюйма, обыкновенно еще менее. Самки вообще крупнее и многочисленнее самцов, которые редко достигают более 2 дюймов. По этой причине, а также весьма скрытному образу жизни *Umbra*, распространение ее еще мало исследовано. Сколько известно, она водится только в Австрии, Венгрии – в торфяных озерах и болотах в окрестностях Нейзидлерского озера, Моосбруна, около Вены, в одном пруде (Teufelsbach), у Пешта, около Платенского озера и в немногих других местностях. У нас она была найдена в окрестностях Одессы проф. Нордманом, а в позднейшее время – Вилдгальмом (в Турлацком озере и в Карагальском болоте Днестровского лимана). По Кесслеру, она встречается также в Днестре и в Дунае.

Собачья рыба живет всегда в сообществе с бабками (*Gobius*), карасями и вьюнами и держится в глубокой, но светлой воде с тинистым дном, почему попадает весьма редко, тем более что она весьма осторожна, проворна и очень быстро закапывается в ил. Плавая, *Umbra* попеременно передвигает свои грудные и брюшные плавники, подобно бегущей собаке, а спинной у нее колеблется волнообразно, как будто каждый из лучей снабжен отдельным мускулом. По наблюдениям Геккеля, державшего этих рыб по 1 1/2 года в стеклянном сосуде, они лежали больше на дне, только изредка сильным движением хвоста как бы вспрыгивали на поверхность, глотали воздух и снова ложились на дно, выпуская большую часть воздуха сквозь жаберные крышки, а оставшийся как бы медленно пережевывая. Рыбы эти, по-видимому, живут всегда небольшими семьями, в 5–6 особей в одной норе. В аквариуме они очень скоро приручаются, едят из рук (мелко изрубленную говядину) и живут подолгу, но только в числе нескольких штук. Они даже питают друг к другу такую привязанность, что если умрет одна из ужившихся рыбок, то вскоре следуют за ней все остальные. Нереститься в неволе они, однако, не могут, и самки, не будучи в состоянии выметать кр упную, как ячменные зерна, икру, большей частью погибают. В последнее время, впрочем, вследствие большого запроса со стороны любителей аквариумов на эту оригинальную рыбку, в Берлине (у братьев Зассе) она разводится искусственно в больших бассейнах.

Карп

Cyprinus carpio L. В Средней России – карп, карпия (преимущественно прудовая); в южных и юго-западных губерниях – корб, мелкие – коропчата, местами – подройчик, подрыйчик, на Волге, на Дону, на Кавказе и в Туркестане – сазан, в Астрах. губ. мелкий – лапыш, у донских казаков – сазомята. В низовьях Днепра и Днестра карпы меньше 10 фунтов – шаран, шаранец, саран, саранец – названия, принадлежащие собственно помеси речного коропа с карасем (*C. Nordmanni*). В Польше – карп, в Западной – стопняк, в верховьях Вислы – цвик, мелкий – крочек. Карп-карась, помесь карпии с карасем (*C. Collarii*) – карпик, ставной коропа, польски – дубиль. Тат. и кирг. – сазан, калм. – беюрга-саз ан, берёг-сазан; арм. – тетсак, у ходзенов – хартко, у китайцев – лидза, лидзе. Я буду называть карпом безразлично как речной коренной вид, так и прудовую его разность, отличая, где надо, первый под названием сазана или короба, а последнюю под названием карпии.

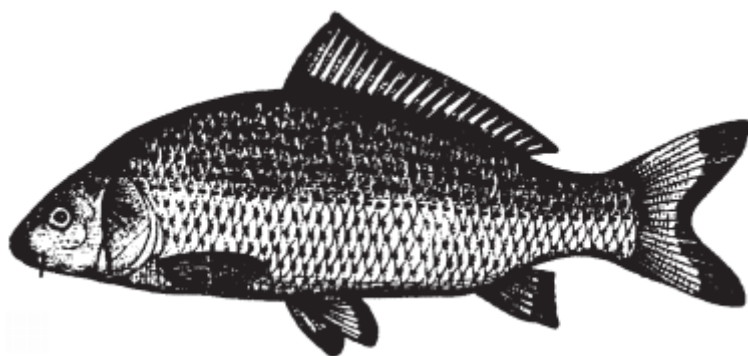

Рис. 116. Карп

По своей величине и значению для рыболовов и рыболовов-охотников карп, бесспорно, занимает первое место между всеми рыбами своего семейства, которое получило от него название.

Но в промысловом отношении, несмотря на то, что в Южной России и особенно в низовьях больших рек бассейна Черного, Каспийского и Аральского морей карп ловится в огромном количестве, он не имеет такого значения, как, например, лещ, сырть, тарань и вобла, и впрям до сих пор почти нигде не заготавливается.

Название карп, собственно, не русское, а так же, как все его европейские названия, происходит от греческого слова *Carpos* – плод, которое, очевидно, дано по причине необычайной плодовитости этой рыбы. Впрочем, название карп, чаще – карпия, употребительно только в Средней России и относится исключительно к карпам, живущим в больших прудах и озерах; в Юго-Западной России оно заменяется другим – корб, а в Юго-Восточной, на Волге и Урале карп известен под киргизским названием сазана.

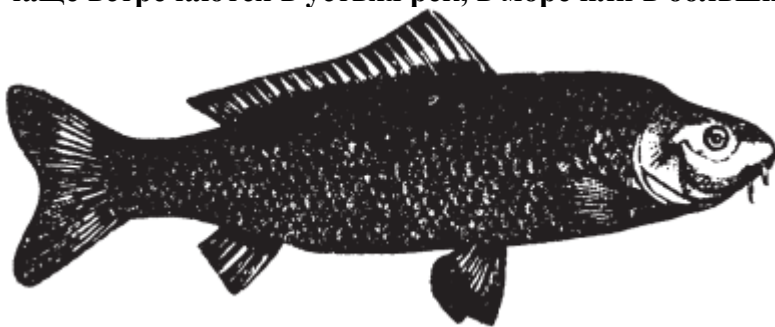
Настоящий речной карп, или сазан, очень красив. Он покрыт необыкновенно крупною темно-желто-золотистою чешуею, которая на спине темнее, с синеватым оттенком, а на брюхе светлее; кажется, будто по золотому полю он весь усыпан гвоздиками с темными шляпками. С первого взгляда карп, особенно молодой, имеет довольно большое сходство с карасем, но он не так высок в спине (вышина тела только вдвое более толщины), толще и длиннее и сразу отличается от последнего своими четырьмя толстыми и короткими усиками на желтых, необыкновенно мясистых губах, почти таких же подвижных, как у леща; усики эти сидят парно с каждой стороны и оканчиваются кругловатыми, плоскими головками. Спинной плавник очень широк, шире, чем у других карповых, и занимает почти всю заднюю половину спины, цветом темно-серый. Кроме ширины, он отличается очень крепким пилообразным, зубренным передним лучом. Такой луч имеет спинной плавник мирона-усача, но у карпа такое же строение имеет и передний луч заднепроходного

плавника. Все нижние плавники серовато-фиолетового цвета, хвостовой— красно-бурый; глаза золотистые. Глоточные зубы, лежащие в глотке, имеющиеся у всех карповых рыб и служащие для перетирания твердой пищи, отличаются своей массивностью; их находится с каждой стороны по пяти, расположенных в два ряда. Молодые карпы, 2–3-летнего возраста, значительно плосче, шире, горбатее и светлее взрослых, почему называются местами лапышами и горбыльками. Крупные карпы имеют почти цилиндрическое туловище.

Рис. 117. Глоточные зубы карпа

Но как в цвете, так и складе тела карп, эта далеко распространенная и даже, можно сказать, одомашненная рыба, подвержен многочисленным и сильным видоизменениям. С одной стороны, встречаются различия с очень удлиненным, почти цилиндрическим телом, с другой – бывают карпы, по форме тела подходящие к серебряному карасю. Последние, по-видимому, все чаще встречаются в прудах и вообще в небольших замкнутых бассейнах, между тем как продолговатые карпы чаще встречаются в устьях рек, в море или в больших озерах.

(продолговатый) карп

Рис. 118. Венгерский

Сюда относится так называемый венгерский, или продолговатый, карп (*Cyprinus hungaricus*), который водится в Нейзидлерском озере, также в устьях Днестра и Днепра, где достигает громадной величины. У днепровских рыбаков он известен, кажется, под названием морского коропа и кроме удлиненного туловища отличается ими по более черной спине и по синеватому мясу, которое притом всегда грубее и хуже вкусом, чем у обыкновенного. В других русских реках эта порода, т. е. разновидность карпа, до сих пор не была найдена.

Из вариететов замечателен также горбатый карп (*Cypr. gibbosus*), у которого спина сразу поднимается крутой дугою и потом до начала спинного плавника тянется прямою линиею. По-видимому, этот вариетет довольно распространен в южно-русских реках и отличается рыбаками от речного сазана под названием горбыля (в Саратовской губернии) или (неправильно) коропа (в верхнем течении Сев. Донца). Эти горбатые и широкие карпы темнее цветом и сильнее обыкновенных, но, по-видимому, малочисленнее последних и встречаются главным образом в крепких местах.

В Средней России, особенно в Балтийском бассейне, настоящий речной карп встречается довольно редко. Здесь преобладает прудовая карпия, разведенная в конце прошлого и начале нынешнего столетия во многих прудах крупных польских и великорусских имений и оттуда, большею частью случайно, перешедшая во второстепенные реки и там размножившаяся. Этот прудовой карп большею частью

немецкого происхождения и отличается от речного более темным и зеленоватым цветом чешуи, шириною, менее тупую мордую, с еще более резким переломом к спине, чем у продолговатого карпа, а главное – необыкновенную выносливостью, в чем значительно превосходит настоящего речного сазана, или коропа, который в непроточных прудах размножается редко. В реках Балтийского бассейна, также в Москве-реке, Упе и многих других, даже в верховьях Дона, Воронежа встречается, по-видимому, почти исключительно немецкая карпия, местами уже смешавшаяся с коренным видом и своим родоначальником – сазаном.

Истоки Дона, принадлежащие имени графов Бобринских и образующие огромный пруд, с давних времен, много десятков лет, заключают в себе особую серебряную разность карпии, достигающую очень большой величины. Чешуя на этих карпиях (по словам покойного графа А. В., вывезенных его отцом из Германии) такого же цвета, как у серебряного карася, и не так толста и крепка, как у обыкновенных карпий, тем более сазанов. Это, однако, не помесь карпа с карасем, никогда не достигающая большого роста.

В Западной Европе встречаются также особые выродки прудовых карпий, так называемые зеркальные карпы, отличающиеся необыкновенно крупною и неправильно расположенною чешуею. В виде исключения попадают там карпии почти вовсе лишенные чешуи. Помеси карпа с карасем занимают как бы средину между двумя видами и являются в весьма разнообразных формах. Общее между ними то, что они никогда не достигают значительной величины, имеют усики, как у карпа, но значительно меньшие или по крайней мере более тонкие, а телом гораздо шире обыкновенного, даже прудового карпа, и в этом отношении схожи с продолговатым – серебряным карасем. Кроме того, жаберные крышки у этих помесей не гладкие, как у карася, а бороздчатые. Вообще, по всем признакам, это, несомненно, убудки от карпа и карася. Одни из них по глоточным зубам, длине усиков и всего тела более приближаются к карпу, другие – к карасю, но между ними существует множество переходов. Обе помеси имеют в России почти такое же распространение, как и карп, но в средних широтах встречаются, по-видимому, чаще, чем на юге.

Рис. 119. Карп-карась

Рис. 120. Глоточные зубы карпа-карася

Первая помесь, более близкая к карпу, – *Cyprinus Nordmanni*, водится, впрочем, исключительно в реках Черноморского бассейна – в Днепре, Днестре и Буге, где называется шаран, шаранец или саранец, саранчик, местами (по Днепру) – подрок или подрык. Иногда у шаранца усики бывают даже длиннее, чем у карпа, хотя

гораздо уже, а глоточные зубы совершенно сходны с зубами *Cypr. Carpio*. Цвет его, однако, значительно темнее, и иногда шаранец кажется почти черным. Сколько известно, в этих местностях он держится преимущественно по заливам и заливным озерам, также в проточных ставах, происходящих от запруживания речек, и, по свидетельству рыбаков, показывается в устьях названных рек весьма редко, большею частью в тех случаях, когда от сильных дождей прорвутся плотины на побочных реках. Вообще он более придерживается болотистых вод, хотя не избегает (?) и мелких каменистых речек (в Крыму). Мясо шаранца обыкновенно отзывается тиной, а ростом он бывает не более 10 (?) дюймов при 2 1/2 фунта весу. По всей вероятности, под общим названием шаранца смешиваются две разные рыбы – одна помесь речного карпа или сазана с карасем, другая – мелкая разновидность или особый вид речного коропа, живущего в небольших и быстротекущих реках Черноморского бассейна.

Другие убудки известны под названием ставного коропа, в Литве и Польше – карпа-карася – *Cyprio Kollarii* Неск. и еще более приближаются к карасю, как по глоточным зубам, так и по форме тела и другим признакам.

Эта помесь водится в тех же местах, как и шаранец, но, кроме того, встречается во всей Западной России – Литве и Польше, даже в Курляндии, также найдена в Крыму (?). Под Саратовом, вероятно, именно эту рыбу отличают под названием горбатого карпа, который, по свидетельству тамошних рыбаков, живет в озерах, имеет белый серебристый цвет, сильно сжат с боков и вообще весьма сходен с продолговатым карасем. Точно так же сазан-горбылек р. Пензы, называющийся также карпом и никогда не бывающий более 3 фунтов, очевидно, помесь карпа с карасем. Он встречается, по-видимому, и в Свияге, где отличают стрежневого карпа (сазана) от широкого черноспинного карпика, предпочитающего заводи и позднее нерестящегося. В юго-западных губерниях *Cyprio Kollarii* тоже встречается исключительно в ставах и озерах. Величина его почти одинакова с шаранцем.

Что касается настоящего карпа – прудового и речного, то как тот, так и другой достигают иногда огромных размеров, как ни одна из других карповых рыб, и глубокой старости. С амьей большой из современных нам сазанов имел 3 пуда 17 фунтов. Этот гигант, по свидетельству С. Н. Алфераки, был пойман на крючья, в 80 верстах от Таганрога, на Кривой косе. Лет 7–8 назад, т. е. в начале восьмидесятых годов, в р. Воронеже Лебедянского уезда попался в невод, по словам очевидцев, передававших об этом факте известному московскому охотнику и рыболову А. А. Беэру, громадный и вместе с тем необыкновенно уродливый сазан. Он вытянул 4 пуда 10 фунтов, но имел вид полуторааршинного обрубка почти аршинной ширины. Озерные, тем более прудовые карпии Западной Европы вряд ли могут достигать таких больших размеров, как настоящие речные и морские сазаны Юго-Восточной Европы. Наибольшие карпии, известные из заграничной литературы, не превышают 110 фунтов и происходят из Цюрихского озера в Швейцарии. Знаменитый карп (из Одера), о котором, со слов Блоха, говорится во всех иностранных сочинениях о рыбах, весил всего 70 фунтов и пойман был еще в 1711 году. Пудовые и полупудовые сазаны в встречаются у нас во многих больших и малых реках Южной России и не составляют диковинки. Волжские сазаны в общем мельче нижнеднепровских и в настоящее время редко достигают пудового веса, чему причину усиленная ловля. Лет сто назад, по свидетельству Палласа, в Каспии встречались сазаны до 5 футов длиной.

Само собою разумеется, что такие огромные рыбы должны были прожить много лет. Действительно, имеются достоверные сведения о прудовых карпиях, достигших не только столетнего, но даже двухсотлетнего возраста. Карпии прудов Поншартрена имели, по свидетельству Бюффона, 150 лет, а Шарлотенбургским (близ Берлина) было более 200; последние, кажется, целы и по настоящее время. Достигают ли

сазаны такой глубокой старости – подлежит сильному сомнению, но, вероятно, и у нас в некоторых прудах удельных имений около Петербурга, а также в ставах польских магнатов найдутся столетние карпии.

Дело в том, что прудовые карпии попали к нам через Германию позднее, чем в другие европейские страны, не ранее 1729 года, кроме Польши, где эта рыба разводилась в прудах значительно ранее и, вероятнее всего, проникла сюда не из Западной Европы, а с низовьев Днепра и Днестра. Черное, Каспийское и Азовское моря и низовья рек этих бассейнов, несомненно, составляют родину карпа. Достоверно известно, что римляне, очень высоко ценившие эту рыбу, привозили ее из Малой Азии, вероятно с Черного моря (Дуная). В бассейне Средиземного моря карп, или сазан, был разведен уже в христианскую эру. Во Франции он появился в царствование Франциска I, в Англии – в 1504 году, в Дании (и Швеции) – около 1560-го, а в Восточной Пруссии будто даже только около 1769 года, что весьма сомнительно.

Первые опыты разведения речных карпов в прудах, надо полагать, принадлежат еще римлянам, и из Италии карпия постепенно распространялась все далее и далее к северу в качестве прудовой рыбы, а затем из прудов попала почти во все реки Западной Европы, кроме Дуная, где карпы с низовьев постепенно распространялись кверху, до самых верховьев, как это замечается и во всех реках Черноморского и Каспийского бассейнов в Европейской России. Это постепенное расширение области распространения одновременно как прудовой карпии, так и речного сазана все еще продолжается.

В настоящее время карп водится почти во всех больших и средних реках России, за исключением рек, впадающих в Белое и Ледовитое моря. Всего реже встречается он в Балтийском бассейне: в Петербургской губернии, Лифляндии и Эстляндии, сколько известно, его нет в текучих водах, и карп, называемый в Петербурге, в отличие от язя, немецким, водится исключительно в немногих прудах при царских дворцах, например в Гатчине, Ропше, Петергофе, Красном Селе, также в некоторых имениях Курляндской губернии. В Царстве Польском он изредка встречается в Висле, но тоже более принадлежит к обитателям прудов. В Средней России карп еще весьма редок в верхнем течении Волги, а в верховьях последней и в озере Селигер бывает только случайно, годами, большею частью, очень мелкий; начиная с Твери, он попадает почти ежегодно, а далее встречается все в большем и большем количестве и достигает значительной величины. В Каму сазаны заходят весьма редко, гораздо чаще бывают в Оке и ее притоках, например в р. Проне, Цне и Мокше; в верхней Оке они, по свидетельству Тарачкова, живут круглый год под Орлом, не более 50 лет назад и, без сомнения, попали в реку из прудов и сажалок. В последнее время, именно с 1882 года, карпы (прудовые) появились в Москве-реке и, кажется, начинают здесь размножаться. По крайней мере, уже в 1886 году нередко ловились 2–3-фунтовые карпы на удочку, а в 1885 году много попадалось 2–3-вершковых. По справкам, карпии попали в Москву-реку из прудов Мещанского училища по причине необыкновенно высокой воды 1882 (?) года. По свидетельству Аксакова, сазаны показались в р. Свияге также в тридцатых годах сначала средней величины и крупные, а затем и множество мелких; это по явление карпий Аксакову объясняли тем, что в верховьях прорвало огромный пруд (Колдомасовский), не уходивший лет сорок и в котором эта рыба водилась в большом количестве. Через несколько лет сазаны показались и в других небольших реках Симбирской и даже Пензенской губерний (в Суре, Пензе, Ардыме, Чембаре, Уче). Здесь они, конечно, мечут икру, как и в Оке; но в самой Волге, во всем верхнем ее течении, сазаны составляют большую редкость и в значительном количестве ловятся каждую весну только начиная с Самары, да и во всякое время попадают здесь в одиночку; идут нерестовать в р. Самару и ее притоки.

В самых низовьях Волги и Урала карп является в огромном количестве, особенно перед метанием икры, так как все-таки большая часть их обитает в устьях названных рек и самого взморья. Кроме того, он весьма многочислен в Куре и, вероятно, заходит в другие кавказские реки, где, однако, очень невелик ростом; в маленьких речках, по Менетрие, часто встречается горбатый вариант. Всего многочисленнее карп в реках, впадающих в моря – Черное и Азовское. В Днестре, Буге, особенно в Днепре, Дону, также Припяти, Горыни, Стыре, Десне, Сейме, Суле, Псле, Ворскле и других второстепенных реках он принадлежит к самым обыкновенным рыбам; по Днепру доходит до Смоленска, а по Десне – до Брянска.

Распространение карпа в Малой Азии и Персии еще не исследовано, но он водится в огромном количестве в Аральском море, в Сырдарье и Амударье; в сибирских же реках карпа нет, кроме бассейна Амура. В Северную Америку карп попал очень недавно, лет 10–20 назад. В общем, карп живет теперь почти в тех же странах, как и сом.

Что речной карп и сом – коренные жители Юго-Восточной Европы и Средней Азии, вообще стран с высокою летнею и сравнительно низкою зимнею температурою, косвенно доказывается высокою температурою, необходимою для нереста и развития икры этих рыб, а также их глубоким зимним сном. Сазан нерестится очень поздно, иногда даже позднее сома, линя и карася и, подобно этим рыбам, проявляет большую чувствительность к низкой температуре, еще с осени залегая на зимовку и переставая кормиться до окончательного вскрытия вод. Но линь и карась зарываются в ил, сазан же, подобно сому, зимует на ямах, а если закапывается, то только в прудах и озерах, и то очень редко. Поэтому сомнительно, чтобы сазан и сом могли бы когда-либо акклиматизироваться на севере России и Сибири.

В теплых странах Западной Европы с никогда не замерзающими реками и прудами зимнее оцепенение карпов бывает непродолжительно, и карпы кормятся здесь почти круглый год, а потому и растут обыкновенно быстрее, чем у нас. В России карпы с первыми осенними заморозками залегают в ямы и уже почти не принимают пищи; в редких случаях, при особенно теплой осени, они попадают (на удочку) в октябре, и то в Южной России. Замечательно, что южно-русские сазаны зимуют очень часто вместе со своими постоянными спутниками и злейшими врагами – сомами. Последние залегают еще раньше на самом дне, а потому сазаны ложатся на них. В низовьях Днепра коропа становятся на зиму в глубоких ямах главных протоков; в Нижней Волге сазаны ложатся под ярами и обрывами, вообще на глубоких местах реки или взморья (в последнем случае в глубоких приморских култуках), тоже сплошными массами, иногда в несколько тысяч штук. В низовья Урала собирается, по-видимому, не только большая часть сазанов, живших в реке, но и живших на взморье и в море. Судя по всему, зимующие сазаны также покрываются слёном (т. е. слоем затвердевшей слизи, предохраняющим от холода), как и осетровые рыбы. Зимнее скопление замечается, хотя в меньшей степени, у прудовых и озерных карпов, которые тоже на зиму выбирают или самые глубокие места пруда или озера близ истоков и притоков, или становятся в камышах и тростниках, что, по моему мнению, зависит от того, что стебли этих растений, вдобавок надломленные ветрами, до некоторой степени заменяют проруби. Иногда и в реке, по свидетельству днепровских рыбаков, карпы выбирают такие мелкие места, что вся почти сплошная масса рыбы покрывалась слоем льда и затем еще ее заваливало снежными сугробами, отчего, понятно, рыба задыхалась и пропадала. Впрочем, по мнению рыбаков, в камышах зимуют только не очень крупные коропа, так называемые юрьевские, – от 5 до 10 фунтов весом. В снежные зимы в камыши надувает столько снега, что при оттепели лед может осесть на дно и задавить рыбу. Это явление замечено было, например, на р. Сейме в Курской губернии, а потому, во избежание

этого, полезно камыши выкашивать.

Из всего оцепенения сазан выходит только с ледоходом, на юге – в марте, а в Средней России – в апреле, в прудах и озерах даже в конце. Первое время он, впрочем, ничем о себе не заявляет и почти не удаляется от своих зимних становищ, но с прибылью воды подымается кверху, хотя на небольшие расстояния, а когда вода зальет луга, выходит на пойму для нереста и для жировки. В Южной России икрометание находится в несомненной зависимости от водополя, и только крупные карпы нерестятся в русле, когда уже река войдет в берега, или же в поемных озерах и старицах.

Самый ранний нерест бывает на юге в последних числах апреля, но в Средней России, именно в подмосковных губерниях, сазаны мечут икру во второй половине мая, а большею частью даже в начале июня. Продолжительность же всего периода нереста весьма различна и обуславливается как возрастом рыбы, так и местными условиями. Повсюду, однако, прежде всех трется самый мелкий сазан, затем средний и, наконец, самый крупный, а весь нерест продолжается около месяца, причем нерест каждой группы продолжается не более десяти дней. Наблюдения рыбоводов показали, что карпы, подобно многим другим рыбам, освобождаются от своих половых продуктов не сразу – единовременно, а в два или даже три приема, иногда через значительный промежуток времени; большая часть икры выметывается, однако, в первый раз. Некоторые особи по каким-то еще неисследованным причинам крайне опаздывают с икрометанием, а известно много случаев, что зрелая икра замечалась у карпов даже в августе. О таком случае упоминает, например, Рузский (в Суре, под Симбирском); Шляхтин сообщает о 30-фунтовой самке с совершенно зрелыми икринками, пойманной в Дону 5 августа (1890 года); самый же интересный случай приводится бароном Черкасовым, который говорит о 14-фунтовой самке, пойманной 25 июля и заключавшей в себе 6 ф унгов икры. Очевидно, рыба эта в этом году еще вовсе не метала икры, и более нежели вероятно, что количество икры у таких запоздавших нерестом особей значительно превосходит нормальное, что может быть объяснено обильным летним кормом. У некоторых иностранных авторов встречается указание даже на более поздний нерест. Так, например, Карбонье наблюдал осенний нерест карпий, а Хлюдинский говорит, не указывая источника, что в Констанском озере (в Швейцарии) 15 декабря (нов. стиля) были пойманы однажды карпы с совершенно зрелую икрою и молоками.

Весьма вероятно, что на некоторое время карпы, выжидая более благоприятных условий, могут задержать окончательное развитие половых продуктов, но, конечно, зрелость последних всего более зависит от температуры воды. По свидетельству А. Безра, на одном из участков р. Воронежа в Лебедянском уезде настоящие сазаны никогда не нерестятся ранее 15 июня, прежде чем не будет заперта мельничная плотина (Добринская), притом все единовременно, большие и малые, и в течение нескольких (3–4) дней. Между тем в соседних участках реки, запруживаемых ранее, сазаны начинают метать икру с первых чисел мая, исподволь; нерест же карпов (вероятно, это прудовые карпии, попавшие в реку, или какая-нибудь особая разновидность сазана) совершается и в Добринском участке, независимо от времени запора плотины.

В низовьях Волги, Дона и Днепра нерест сазанов начинается всегда в конце апреля, почти одновременно с разливом, который на юге бывает продолжительнее, чем на севере. Сазан в Волге начинает играть одновременно с прибылью воды – «идет на игру вместе с водой», – и нерест его продолжается по июнь. Самый же развал нереста бывает под Астраханью около Николина дня (9 мая). То же самое можно сказать и про Дон и его притоки. В Северном Донце, по Дублянскому, карп начинает метать икру в конце апреля и продолжает тереться почти до половины июня. Местные рыболовы разделяют карпов на юрьевских, николевских и троицких; к юрьевским о

тносятся небольшие карпы, до 10 фунтов (от 3-х), ко вторым средние – до 20 фунтов; самые крупные карпы, около пуда весом, нерестятся в конце мая. В Днепре, под Киевом, нерест карпа тоже бывает в самом разгаре около Николина дня. Затем уже в р. Мотыре Орловской губ. карпы мечут икру во второй половине мая, как и в верховьях Оки и Дона (Бобрики). В Москве-реке, по-видимому, карпы нерестились (в 1889 году) между 10–15 июня; в первых числах того же месяца мечут икру карпы в прудах Николо-Угрешского монастыря. В Суре под Симбирском – в мае, иногда запаздывая до середины июня; в Ардыме (впадающей в р. Пензу) – в июне. По-видимому, везде прудовые и озерные карпы мечут икру ранее речных, так как проточная вода согревается позднее стоячей.

В Германии главный нерест карпии совпадает с цветением пшеницы (Эренкрейц), и, вероятно, эта примета окажется верной и для России, так как цветение пшеницы обуславливается наступлением сильных жаров, быстро нагревающих воду до надлежащей температуры. На пойме, в мелких местах, вода нагревается скорее, чем в русле, а потому ранний нерест и имеет место на займищах. В низовьях рек (например, Волги) речные сазаны мечут икру ранее морских, так как имеют возможность раньше выбраться на разлив. Высоко вверх сазаны не поднимаются, едва ли на много десятков верст, и этим объясняется необыкновенно медленное расселение их в верховьях рек и вообще в Средней России. Температура воды, при которой нерестится карп, должна быть не менее 22°, даже 25 °С; по наблюдениям рыбоводов, вода должна иметь температуру парного молока, чем объясняется различие во времени нереста в северных и южных местностях. В холодных ключевых прудах карпия вовсе не нерестится, и икра, вероятно, всасывается организмом. Рыботорговцы, всегда отличающие сазана от карпа, держатся мнения, что речной сазан никогда не нерестится в непроточных прудах, и это весьма вероятно. Но надо также иметь в виду, что если в пруду очень мало даже не сазанов, а карпий, то они могут вы пускать ее зря, неоплодотворенную; десяток-другой карпий, выпущенных в большое озеро, не дадут приплода, потому что и не могут найти друг друга в период нерестования. Кроме того, в прудах нередко встречаются яловые, бесплодные особи. О них упоминает еще Аристотель, как о самых жирных и вкусных. Их отличают по укороченному телу, толстым губам, малому брюху и по некоторым другим признакам. Известны также случаи нахождения карпов-гермафродитов, у которых на одном боку находится икрной мешок, а на другом молоки.

Не подлежит никакому сомнению, что в реках урожай молоди сазана находится в обратном отношении к высоте весенних вод. Чем больше разлив, тем дальше от русла уходят взрослые рыбы, и икра, выметанная ими, и молодь обсыхают и становятся добычей птиц. Напротив, при малой воде значительная часть карпов, особенно крупных, нерестится на ямах или на плесах, т. е. в заливах, и гораздо производительнее. Впрочем, речной, более производительный нерест бывает иногда, если вода долго не нагревается, т. е. при холодной весне.

Самцы отличаются от самок одного с ними возраста чуть не в половину меньшим ростом и прогонностью, т. е. более тонким и удлинненным туловищем. Во время нереста их нетрудно бывает отличить по мягким неправильным бородавкам беловатого цвета, усеивающим затылок, щеки, жаберные крышки и грудные плавники. Кроме того, самцов всегда бывает вдвое или втрое более самок, что зависит от строения икринок карповых рыб.

Некоторые наблюдения показывают, что речные карпии, прежде чем начать нерест, делают иногда рекогносцировку, то есть в данной местности появляются несколько передовых особей, которые возвращаются обратно и вскоре, обыкновенно на другой же день, приводят массу рыб. Эти разведки известны, например, на р. Воронеже, у с. Доброго, где появление лазутчиков на затопленном лугу, вскоре после

запора мельничной плотины, предвещает скорый и притом валовой нерест, с большим нетерпением ожидаемый местными жителями. На Нижней Волге сазаны, как сказано, «идут на игру вместе с водой», часто очень мелкими местами, так что им приходится плыть боком и перепрыгивать через бугры. По таким полям, поросшим травой, сазаны разбиваются на мелкие табуны, штук по 10–15, и гоняются за самками, которые всегда идут впереди стаи. Для нереста выбираются здесь самые мелкие разливы, так что бывают видны спинные перья.

Самый процесс икрометания происходит главным образом по утренним зарям, особенно на восходе, и к 11–12 часам совсем прекращается. Совершается он небольшими партиями, и обыкновенно крупные икрюники-самки сопровождаются 2–3, иногда 4 более мелкими молошниками. Самцы в это время стараются плыть бок о бок с самкой, оттесняя друг друга; шум и плеск, производимый ими в тихую погоду, бывает слышен за версту. Молоки выпускаются с необыкновенной силой, даже со свистом, что хорошо известно ловцам, бьющим сазанов сандовьями (острогой) во время нереста. По вечерам на низовьях Волги сазаны вовсе не мечут, а только бродят по разливам, отыскивая такие места, где вода перекачивается в ложбины, т. е. держатся уже в более глубокой (в 2–3 аршина глубины) и иногда быстро текущей воде. Здесь они выпрыгивают и всплескиваются, почему, надо полагать, сазаны в таких местах, подобно другим рыбам, «разбивают себе икру», по выражению рыбаков, готовясь к нересту. Очень может быть, что сазаны и выпускают иногда икру в таких протоках, и во всяком случае проточная вода им необходима. В верховьях Оки под Орлом карпии, по наблюдениям Тарачкова, даже всегда (?) нерестятся на быстрых и мелких местах, но, вероятно, это исключение из общего правила, которое можно объяснить тем, что река входит здесь в берега очень рано и быстро, прежде чем созреют половые продукты карпий. Как очень сильная рыба, карпии во время своего хода на бой могут преодолевать довольно значительные препятствия и свободно перескакивают через невысокие плотины, заплоты, завязки и другие преграды на своем пути. Известно, что карпии иногда выскакивают из воды на высоту двух метров, т. е. человеческого роста. Что касается прудовых, уже акклиматизировавшихся карпий, то они еще менее прихотливы, чем речные, и трутся большей частью в камышах, хворосте и корягах, также в зарослях кувшинок и других водяных растений, к которым и прикрепляется икра. На речных же разливах икра ложится обыкновенно слоем на прошлогоднюю ветошь.

Икра карпий – зеленоватого цвета и по величине не отличается от икры лещей, язей и других родственных пород. Количество икринок громадно, и карпия действительно может назваться чуть ли не самой плодовитой рыбой.

Икра и молоки появляются в зачатке уже на 2-м году, но нерестятся карпии только по 3-му, даже по 4-му году, большей частью достигнув одного, даже двух фунтов. Уже 2–2 1/2-фунтовая самка имеет до 342 тысяч, а у 9-фунтовой было найдено 621 тысяча икринок. Цифры эти дают, однако, не совсем верное понятие о количестве икры, так как у самок одинаковой величины оно может быть весьма различно. Несомненно, что икры бывает тем более, чем рыба сытее. В некоторых случаях вес икры может равняться почти половине веса рыбы, на что указывает Бишоф и другие немецкие авторы. Этому легко поверить, потому что 14-фунтовой сазан барона Черкасова заключал в себе 6 фунтов икры. А так как известно, что 600 тысяч икринок весят 1 фунт (торговый) 14 унций, то, следовательно, черкасовская сазаниха имела не менее 1,7 миллиона икринок. Отношение молоки к общему весу тела самца значительно менее и вряд ли достигает 1/6. По этой причине, а также потому, что самцы одного возраста с самками наполовину или на третью часть менее последних, икрюная карпия сопровождается несколькими молошниками. Вообще следует заметить, что икра карповых рыб по своему строению резко отличается от икры лососевых и для своего оплодотворения нуждается в большом

количестве молоки. Яйца лососей, форелей и сигов имеют толстую оболочку с многочисленными отверстиями; попав в воду, они не прилипают, а разбухают; образуются токи, которые притягивают живчиков, так что небольшого количества молок достаточно для оплодотворения гораздо более значительного количества (по весу) икринок. Поэтому самок у лососевых больше, чем самцов. У карповых же оболочка яйца прикрывает желток в виде клейкой слизи, токов не бывает; а потому молок требуется гораздо больше. Таким образом, число молошников а priori должно значительно превышать число икринок.

Время, потребное для полного развития икринки в молодую рыбку, бывает весьма различно и зависит от температуры воды. При 22–25°C градусам зародыш выклеивается через 10 дней, может быть, неделю; при низшей температуре он выходит из яйца через 3 недели и более, а при резкой перемене погоды и сильном охлаждении воды (градусов на 10 (?)) совсем погибает.

Главные враги икры и молоди карпии, однако, не холода, которые бывают не каждый год. Большая часть икры на разливе обсыхает после спада воды; много только что выклюнувшихся мальков не успевает скатиться в ямы, поемные озера, старые русла и остается на суше. Но и эти озерки, ямы и ерики к концу лета часто пересыхают, и сазанята становятся добычей водяных птиц и цапель и свиней. Щурята и мелкий окунь также производят сильные опустошения в их рядах, и к осени вряд ли может уцелеть более десятой части выведшегося малька. Я имею в виду речных, а не прудовых карпов, икра которых и молодь менее подвержены различным случайностям, даже если не ведется правильного рыбного хозяйства. Полагать надо, что едва ли сотая доля икринок развивается в молодых рыбок и из этих рыбок вряд ли через год уцелеет одна десятая, т. е. если принять, что самка с двумя самцами дает средним числом 300 тысяч оплодотворенных икринок, то из них выклюнется только 3 тысячи рыбок, из которых через год остается 300, т. е. по 100 на каждого производителя. У карпов, нерестящихся на мелких разливах, вся икра и молодь пропадают без всякой пользы.

; Так как большая часть молоди карпии выводится летом, позднее молоди всех речных рыб, и в конце сентября или в начале октября почти перестает кормиться и залегает на зимовку в камышах, то, понятное дело, первый год растет она сравнительно медленно. Хотя на Нижней Волге уже в июле и августе попадаются сазанята-селетки в 2 вершка, а 8–9-дюймовые сазанчики, встречающиеся в мае во время разлива, должны иметь год, но встречаются также, несомненно, годовые сазанчики, имеющие уже зачатки половых продуктов, в 5 дюймов. В верховьях Оки, близ Орла, молодые карпии к концу осени того же года достигают длины до 13/4 вершка, считая от конца морды до конца хвоста. По словам А. А. Беэра, весной в р.Воронеже самый мелкий сазанчик имеет 3–4 вершка. Известный знаток нижеволжского рыболовства В. Е. Яковлев говорит, что с убылью воды молодь сазана скатывается в реку или в ильмени, но что в ильменах, несмотря на огромное количество растительных и животных пищевых веществ, сазанята растут много медленнее, чем в реке.

В этом странном противоречии нет ничего удивительного: любителям известно, как медленно растут в аквариумах их питомцы, несмотря на обилие пищи. Существует даже мнение, что величина рыб находится в зависимости от величины водного бассейна, ими обитаемого, и мнение это до некоторой степени справедливо, особенно относительно травоядных и всеядных видов. Рыбы растут в течение всей своей жизни, и рост их не подлежит тем законам, которым подчинен рост высших позвоночных. С первого взгляда кажется несомненным, что прирост рыб прямо пропорционален количеству пищи, но здесь упущен из виду один весьма важный фактор, обуславливающий быстроту роста при достаточной пище, – это аппетит рыбы, или большая или меньшая прожорливость ее. В небольших стоячих водах,

хотя бы изобилующих пищевыми веществами, нехищная рыба почти лишена моциона, пища переваривается у нее медленнее, она ест меньше и растет не особенно быстро, гораздо тише, чем в больших, тем более текучих, водах, где пища добывается с некоторым трудом, ценою некоторого моциона и где самый простор и, в особенности, течение способствуют моциону, быстрому пищеварению и ненасытности.

Кроме того, надо принять во внимание еще один весьма важный фактор прироста, до сих пор упускавшийся из виду, – это присутствие некоторого, конечно небольшого, количества хищной рыбы в данном бассейне. Роль хищников в экономии природы гораздо важнее, чем это обыкновенно думают, и большинство хищных рыб прямо и косвенно гораздо полезнее человеку, чем некоторые нехищные рыбы, как, например, колюшка, голец, бычки (*Gobius*) и другие. Судак, налим, щука и окунь, во-первых, уничтожают всех больных и слабых рыб, и уже в этом их огромная заслуга; во-вторых, разрежая слишком густое население, увеличивают порцию пищи здоровых и сильных рыб, и в-третьих, там, где недостатка в пище нет, они своим преследованием побуждают вялую и сытую рыбу делать моцион, больше есть и скорее расти.

Рыбоводам известна польза, приносимая небольшими щуками в прудах, служащих для откармливания карпов. Они подьедают их молодь, которая «отбивает хлеб» у родителей, а взрослых карпов беспокоят и заставляют их двигаться, а следовательно, и больше есть. Нет сомнения, что и в диких водах, хищники могут играть – и большею частью играют – роль возбuditелей аппетита. А так как хищники многочисленнее и разнообразнее в больших проточных водах, то нет ничего удивительного, что они еще в большей степени, чем простор и быстрота течения, способствуют быстрейшему приросту рыбы.

Я полагаю, что в большинстве случаев хищные рыбы приносят более пользы, чем вреда, именно тем, что прямо и косвенно содействуют более быстрому росту рыб, заставляя их делать необходимый моцион и уменьшая число их конкурентов. Весьма возможны даже такие случаи, что количество рыбы, съеденной хищниками, окажется менее той цифры, на которую увеличился прирост. Поясню это примером. Положим, что какой-нибудь пруд заключает в себе 100 пудов мелкой рыбы и что через год вес ее увеличивается вдвое, т. е. до 200 пудов. Пускаем туда пять пудов мелкой щуки и допустим, что они истребят в год 50 пудов мелочи. В большинстве случаев окажется, что нехищной рыбы к концу года будет не 150 пудов, а более 200 и, кроме того, не менее 10 пудов щуки. Рыбоводам и рыболовам прежде всего следует исследовать соотношение между хищною и нехищною рыбою, держать их в равновесии и не забывать, что мелкая рыба, даже из ценных, стоит вдесятеро дешевле, чем все наши достаточно крупные хищники. Вылавливать часть мелочи поэтому невыгодно, и не вполне достигает цели разрежение населения. Необходимо изучить экономию природы и не нарушать в ней гармонию!

Прирост рыб вообще, а в частности карпов, как рыбы почти одомашненной, имеет для рыболовства и рыбного хозяйства огромный практический интерес и составляет самую важную биологическую задачу. Но задача эта настолько сложна и состоит из стольких трудноловимых факторов, что она может быть решена только приблизительно и притом для каждого отдельного бассейна путем опыта. Относительно карпий можно принять за правило, что первые годы своей жизни они растут сравнительно медленно, и показания некоторых авторов, что карпия при особенно благоприятных условиях достигает в год веса одного фунта, вряд ли заслуживают доверия. В общем, надо полагать, что западноевропейские карпы (большею частью прудовые) растут сначала гораздо медленнее, чем южнорусские, бол. частью речные карпы, что объясняется обилием пищи, простором и большим моционом. Однако необходимо принять во внимание, что западноевропейский карп

кормится иногда почти круглый год, тогда как наш среднерусский пребывает в зимнем оцепенении без пищи чуть не целые пять месяцев. Прирост карпа, несомненно, зависит от большей или меньшей продолжительности зимы.

Иностранцы единогласно утверждают, что при обыкновенных условиях карпы первые два или три года, до своего, так сказать, совершеннолетия растут крайне медленно. Годовалый карп весит, по их словам, всего 2 лота, по другим – даже 1 лот; двухгодовалый – 4–5 лотов, трехгодовалый – 1/2–1 фунт. Следовательно, голавли, язи, даже подусты растут сначала быстрее карпа. У нас, по-видимому, речной сазан растет в реках быстрее, так как годовалые достигают величины 3–4 вершков, двухлетки, по третьему году – 4–5 вершков, а трехлетки, мечущие икру, – 5–6 и даже 7 вершков. Но затем, когда выметаны первая икра или первые молоки, карпы растут гораздо быстрее всех своих родичей: 4-летний весит уже свыше 2 фунтов, 5-летний – 4–8 фунтов, 6-летний – 8–10 фунтов, 7-летний – 14–17 фунтов. Полупудовый карп имеет 8, редко более 10 лет; в прудах около Бауцена даже пятилетние карпы достигали 20-фунтового веса.

Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	20
Прирост в %	500	400	300	200	100	70	50	25	20	15	10	9	8	7	6	5
Приблиз. вес	1 л	5 л	20 л	2 ф.	4 ф.	7 ф.	10	12 ¹ / ₂	15	17	19 ³ / ₄	21	23	24 ¹ / ₂	26	32

По последним наблюдениям фон дер Борне, карпы даже на второе лето (т. е. по второму году?) могут достигать 5 фунтов, а один достиг даже 7 ф. Рыбоводы отличают так называемых карпов-обжор, растущих гораздо быстрее своих ровесников, и считают таких обжор лучшими производителями, так как они дают тоже очень быстро растущий приплод. Вероятно, южнорусские сазаны растут не менее быстро; по крайней мере, в р. Воронеж близ с. Доброго, где сазаны развелись с 1882 года, сазаны в 10 фунтов уже весьма обыкновенны, но попадаются и более крупные. В Москву-реку карпии попали в 1882 году и выметали здесь икру, а в 1886 году ловили уже 2–3-фунтовых. По достижении 20-фунтового веса и десятилетнего возраста карпы растут гораздо медленнее, и прирост их, вероятно, можно выразить в арифметической прогрессии (см. табл.).

Вряд ли затем карпы по достижении 15–16 лет ежегодно увеличиваются в весе менее чем на 5%, за исключением, впрочем, достигших 2 пудов весу, которые, вероятно, растут еще медленнее. На это указывает сравнительная редкость сазанов свыше 2 пудов.

По этому расчету 30-летний карп должен иметь около 50 фунтов, 40-летний – 2 пуда. Пятидесятилетний карп вряд ли может быть более 21/2 пудов, а столетний едва ли достигает 3 пудов. Притом надо заметить, что эти приблизительные расчеты относятся только к самкам, которые весят по крайней мере на 1/3 или даже вдвое более, чем самцы одинакового с ними возраста. По-видимому, различие в весе между полами обнаруживается только по достижении половой зрелости, т. е. по третьему или четвертому году, и с каждым годом становится более резким. Я не думаю, чтобы молошники могли достигать пудового весу.

Причина такого быстрого роста карпа, несмотря на продолжительность его зимнего сна, – необыкновенная его прожорливость и притом всеядность. В этом отношении он превосходит мирона-усача, который и не достигает такой величины, как карп. Между этими двумя рыбами вообще замечается большая аналогия: мирон имеет почти то же самое географическое распространение, но это уже чисто речная рыба, избегающая тиховодья; он держится на самой стреже и потому оказывает на удочке еще большее сопротивление, чем карп. Как мирон, так и карп – настоящие свиньи между рыбами, не брезгающие никакими растительными и животными веществами. Но как речной сазан, так тем более прудовая карпия предпочитают

растительную пищу червям, личинкам и разным насекомым. Главный корм этих рыб – весной и в начале лета – молодые побеги камыша (*Typha*) и некоторых других водяных растений, а также икра рано нерестящихся рыб в прудах и лягушечья. Камыш, надо полагать, составляет одно из необходимых условий благоденствия карпов, доставляя пищу и защиту, и где его нет, там они вряд ли могут жить в большом количестве. Нежные, сочные и сладкие побеги этого растения карпы предпочитают другим и весьма охотно обсасывают, обглаживают их, пока они еще не загубели, что бывает в Средней России до конца, а в Южной до начала июня. Где много карпов, там всегда по утрам можно слышать в камышах их характеристическое чавканье и чмокание, более громкое, чем у других травоядных рыб. Мне кажется, что изобилие этого корма бывает главной причиной того, что карпия, несмотря на то, что должна быть очень голодна после продолжительного зимнего поста, местами вовсе не берет весной на удочку. Позднее карпы, особенно прудовые, кормятся слизью, покрывающей листья подводных растений, и слизняками, личинками стрекозы, даже самими стрекозами, которых весьма ловко хватают, когда они сидят на листьях; в реках карпии питаются также раками, особенно линючими. Карп не брезгает даже падалью и калом, коровьим и в особенности овечьим, который составляет для него лакомство. На полднях и водопоях скота карпы очень любят жировать по утрам и вечером. Хотя карпы имеют отличное зрение, но при отыскивании пищи руководствуются главным образом осязанием и запахом. В очень населенных местах речные карпии имеют после каждого сильного дождя огромное количество пищи в виде навозных и больших земляных червей и полупереваренного овса из конского помета. В судоходных реках различные зерна – овес, рожь, пшеница и просо – составляют, вероятно, даже самую главную пищу сазанов. По нашим главным рекам проходит в течение 6 месяцев такая масса зернового хлеба, что, конечно, многие тысячи пудов выбрасываются в реку водоливами на барках. А сколько барок с хлебом ежегодно разбивается и тонет на Волге, Днепре и других реках! Значительный процент затонувшего зерна достается на долю речных обитателей.

Подобно всем другим рыбам, прудовая карпия, как и речной сазан, не брезгает своею и чужою молодью. Есть даже основание думать, что они кормятся ею до самых заморозков, даже поздней осенью. Крупные карпы местами ловят и не одну мелочь, а хватают и довольно крупную рыбу. Но, по-видимому, это случается только в самые голодные времена года – ранней весной и зимою. На Нижней Волге сазанчики поздней осенью попадают на блесну; по словам барона Черкасова, весной 1885 года в одном омуте р. Сердобы было поймано изрядное количество сазанов тоже на блесну, причем большая часть засечена за рот, т. е. попали не случайно – самодером. Тот же автор говорит о сазане в 36 фунтов, пойманном в Сердобе на живца. Н.А. Дублянский также упоминает о блеснении сазанов и сазанчиков и рассказывает о пойманном поздней осенью (неводом) сазане в 15 фунтов, в желудке которого был найден совершенно свежий окунь в 31/2 вершка. Очевидно, сазаны на своих зимних становищах хватают иногда мимо плывущую рыбу.

Как было сказано выше, сазаны всюду принадлежат к числу оседлых рыб и не совершают по реке дальних странствований для отыскивания удобных мест для нереста. В. Е. Яковлев полагает, что сазаны, живущие на взморье и чернях, не поднимаются вверх по реке на 200 верст и, выметав икру, всегда возвращаются обратно. Речные сазаны, по его мнению, могут уходить дальше от своих обычных притоков, но, разумеется, как и у всех других рыб, дальность путешествия зависит от степени зрелости половых продуктов, т. е. далеко вверх поднимаются только те сазаны, которые нерестятся позднее, стало быть самые крупные. Выметав икру (на разливах), сазаны скрываются вниз и возвращаются на прежние места, но, по-

видимому, начинают вести вполне оседлую жизнь через несколько недель, целый месяц после нереста. В Киевской губернии, по крайней мере, сазаны в мае и частью в начале июня еще кочуют по всей реке и бродят по большим плесам.

Мелкий сазан, до 3-летнего возраста, постоянно живет по этим плесам и заливам, выбирая такие, которые изобилуют камышом (очеретом). Здесь он и зимует, но весной также выходит на разливы – не для нереста, а ради более обильного корма на займище и по причине сильного течения в русле реки во время водополя. Взрослый же сазан редко избирает своим местопребыванием такие плесы и заливы, хотя и выходит туда жировать. Как в открытой реке, так и в больших проточных прудах пристанищем его служат более или менее глубокие (в несколько сажен) ямы, недоступные неводу. Крупные сазаны живут всегда в больших ямах, заваленных ломом (щепой) и корягами. Горбатый вариант сазана, известный на Волге, Сердобе и других реках под названием горбыля, а местами (по Северному Донцу) неправильно называемый коропом, всегда предпочитает подобные неприступные убежища. Вообще сазаны в реке, кроме горбылей, избегают слишком иловатых или песчаных мест и избирают своим местопребыванием ямы с глинистым дном – по той причине, что такие ямы расположены почти всегда уступами или имеют много глыб; эти уступы и глыбы заменяют недостающие коряги. Большею частью такие ямы бывают под обрывами и крутоярами, в изгибе, делаемом рекой. В озерах и прудах карп предпочитает ямам плавучие берега, а иногда держится и в камышах. В небольших реках он часто живет под мостами, где обыкновенно бывает глубоко между сваями.

Вообще сазан любит тень и в солнечные дни редко выходит на поверхность воды, подобно другим карповым рыбам. В прудах это замечается чаще, чем в реках, и здесь можно наблюдать иногда целые ряды карпий, обращенных головами в одну сторону, всегда против ветра, и стоящих на четверть ниже поверхности воды. Самым верным признаком присутствия карпов в данной местности служит его выбрасывание, которое нельзя никак смешать с выпрыгиванием других рыб. Сазан выскакивает из воды весь, почти торчком, т. е. перпендикулярно, с необыкновенною силою, и при этом издаст (вероятно, губами) какой-то особый звук, похожий на отрывистое кваканье лягушки. Этот прыжок достигает иногда вышины до двух аршин: очевидно, сазан проделывает эту эквилибристику с разбега, поднимаясь со дна кверху и притом только ради моциона, а не из каких-либо других целей. Очень часто он выскакивает таким образом недалеко от лодки. Назад же он падает как придется – боком, плашмя, на голову – и, падая, производит сильный плеск хвостом и пускает большую волну. По-видимому, сазаны начинают выбрасываться только по окончании нереста, не ранее мая, когда уже несколько отъедятся и соберутся с силами, а кончают бой в сентябре. Обыкновенно прыжки сазана в известном месте показывают, во-первых, что эта рыба имеет здесь постоянный притон, во-вторых, что она отправляется на жировку. Частое выбрасывание сазана при полном отсутствии клева предвещает перемену погоды к худшему. Среди дня они почти никогда не выпрыгивают, а только по утрам и вечерам.

В это время, а также и ночью сазан жирует, т. е. кормится. С этой целью он выходит из ям на мелкие плесы или в камыши иногда еще с вечера и возвращается в свои притоны не позднее 8–9 утра; в осеннее время, особенно при пасмурной погоде, сазан кормится почти весь день. На мелких местах сазаны бывают только ночью или ранним утром, до восхода, но их нельзя, однако, назвать такой ночной рыбой, как язь, лещ, тем более налим, так как если сазаны сыты и дело подходит к осени, то они жируют только по утрам и вечерам, оставаясь ночью на ямах.

Карпы – рыбы стайные, общительные, и хотя самые крупные живут отдельно от более мелких, но в одной и той же стайке бывают карпы различного возраста, величины и веса – от 3–4 фунтов до 15 и более. Однако они ходят не очень густо, а

довольно длинными вереницами; из некоторых наблюдений можно заметить, что в ветреную погоду, когда шелест камыша и шум деревьев пугают эту чуткую и осторожную рыбу, она ходит вразнобой, т. е. в одиночку. Число особей в отдельной стае никогда не бывает так значительно, как в стае лещей, и обыкновенно равняется нескольким десяткам, редко сотням, и очень немногие ямы заключают в себе тысячи сазанов, и то большею частью в конце осени, когда они собираются на зимовку. Исключение составляют только низовья Волги, Дона и Днепра, где сазаны очень многочисленны. Мелкая несовершеннолетняя карпия, 1–2 или даже 3-летнего возраста, держится огромными стаями по заливам и затонам.

По своему уму карп занимает одно из первых мест между рыбами. Англичане даже называют его водяной лисицей. Большинство рыболовов считает его умнее леща на том простом основании, что сазана никогда ни неводом, ни на удочку нельзя поймать столько, сколько леща. Только на Нижней Волге, по свидетельству Яковлева, рыбаки держатся противного мнения, потому что, по их словам, сазан слишком надеется на свою силу и часто попадает впросак, обсыхая на мели после убыли полной воды. Но они забывают, что хорошему лещу трудно плавать и на полуаршинной глубине и что ему по необходимости приходится заблаговременно скатываться в реку. Лещ умен, осторожен, но далеко не так смел и находчив, как сазан. Некоторые действия последнего положительно показывают в нем недюжинные для рыбы умственные способности. Не подлежит сомнению, например, что зазубренный луч спинного плавника, а иногда таковой же заднепроходного служит сазанам, попавшим в вентерь или на крючок удильщика, для перепиливания нитки или лески. Этот факт известен всем рыболовам вентерщикам и удильщикам. Сазан, попавши в вентерь, поднимается кверху и, зацепив за нитку зазубренным лучом, с силою бросается вниз и вперед и таким образом прорывает нитку; затем пробует пролезть и если не успевает в этом, то повторяет свой маневр вторично.

Обыкновенно он проделывает эти штуки, когда сделается совсем светло и взойдет солнце; ночью же никогда, почему у вентерщиков существует правило осматривать свои снасти до восхода. Даже мелкие сазанята, в 2–3 вершка, пытаются делать то же самое, и часто можно найти их прицепившимися к нитке верхнего свода вентера или к полотну бредня. Рыболовы-удильщики тоже знают, как часто пойманный сазан, если ему не удалось с разбега оборвать леску, старается перепилить ее с воим спинным лучом, но об этом будет говориться далее. Кажется, что эти жесткие лучи служат сазану и орудием защиты против хищников и человека. По крайней мере, когда приходится схватывать сазана руками, то иногда ему удается очень больно полоснуть пилою по ладони или между большим и указательным пальцами. Для того чтобы избежать невода, сазан употребляет ту же уловку, как лещ, т. е. ложится плашмя на дно головою к неводу, выбирая неровное место, так что нижняя тетива скользит по его спине; иногда карп успевает даже подкопаться в ил под идущий невод. Сплошь и рядом сазаны на юге подкапываются под частокотлы и язы глубиною более аршина, преграждающие им обратный путь в реку по окончании нереста в старицах и поемных озерах, и успевают уйти из своего плена. Еще чаще им удается перепрыгнуть через это препятствие, если оно немного выше аршина: сазаны упираются головами в плотину, потом с силою пригибают голову к хвосту и, выпрямившись подобно пружине, перебрасываются через плетень. Точно так же перепрыгивают сазаны через невод, когда уже не имеют другого выхода; крупные с разбега иногда прошибают сеть насквозь, подобно сому и щуке. Поэтому редко удается захватить их в одну тоню очень много, кроме поздней осени, когда они вялы и, подобно большинству рыб, теряют способность выскакивать из воды. Следует заметить, что прудовые карпии далеко уступают в отношении ума, силы и находчивости речным сазанам и выпрыгивают из невода и перепиливают рыболовные лески сравнительно редко и вряд ли разрезают нитки вентера. По

крайней мере, способность карпа перепиливать лески в Западной Европе находится под сильным сомнением, а об уходе из вентерей ничего не известно.

Как прудовая карпия, так еще в большей степени речной сазан такие сильные, крупные и вкусные рыбы, что нет ничего удивительного в том, что в значительной части Европейской России ужение их считается первоклассным и самым трудным спортом после ужения лосося и форели. Но лосось у нас редок, и его удят всею а немногие рыболовы, а форель, хотя имеет более обширное распространение, чем семга, но все-таки, сравнительно с карпом, редка, а главное, мелка. Из карповых рыб только вырезуб, несомненно, сильнее сазана одинакового веса, он, т. е. вырезуб, имеет в России весьма ограниченное распространение и притом редок; что же касается усача-мирона, то сила его сопротивления на удочке много зависит от того, что он ловится на более или менее значительном течении; поймать сазана на быстрине еще труднее, чем такой же величины мирона. Впрочем, быстрота течения и простор развивают силу всякой рыбы, и всем рыболовам известно, что озерная, тем более прудовая рыба гораздо слабее на удочке, чем речная, хотя бы последнюю ловили тоже в стоячих заводях. Разница в силе прудовой и речной рыбы выражается особенно резко у карпов: прудовая – немецкая – карпия оказывает чуть ли не вдвое меньшее сопротивление на удочке, чем сазан такого же веса; озерный сазан тоже далеко не так боек, как речной. Карпия, попавшая в реку, впрочем, никогда не может сравниться в силе с коренным, диким видом.

Специальное ужение карпов начинается у нас только с 55° с. ш. Начиная с южной части Уфимской губернии, в Симбирской, Пензенской, Тамбовской, южной части Рязанской и Тульской, в Черниговской и далее к западу карп принадлежит уже к числу довольно обыкновенных рыб и хорошо известен почти всем рыболовам. Севернее карпы попадаются сравнительно редко и большею частию в прудах, где они разведены почти исключительно от привозных немецких или польских карпий, большею частию в начале этого столетия. Несомненно, что в проточных прудах и реках средней полосы России, вернее в центральных губерниях, водятся как настоящий сазан, так и карпия и что они отчасти уже смешались между собою. Чем далее к югу, тем увеличивается количество карпов вообще и уменьшается количество карпий, т. е. особой полудикого вида. В Южной России – Оренбургской, в Астраханской губерниях, в Донском, Новороссийском и в юго-западных краях – сазан или короп предпочитается всеми рыболовами-удильщиками другим рыбам.

Время ужения карпов находится в зависимости от климата и начинается тем ранее и бывает тем продолжительнее, чем он теплее. В Средней Европе (Ruhlich) карп начинает брать с марта, и клев его кончается в последних числах ноября. По словам Пуатевена, карпы во Франции ловятся на удочку до конца октября. У нас, даже на юге, клев начинается не ранее апреля и кончается редко позднее начала октября. По наблюдениям г-на Буткова, в Харьковской губернии карпы начинают показываться, т. е. выходить из ям, только в первых числах апреля, когда температура воды достигнет 15°С, и начинают брать в двадцатых. В октябре же попадает на удочку, кажется, только мелкий 11/2–21/2-годовалый сазан (Нижняя Волга).

Главный клев карпов бывает у нас летом, а весной и осенью они клюют плохо или вовсе не берут. Как кажется, весеннее ужение возможно только на небольших реках (р. Ардым Пензенской губернии, Мотыра Орловской, Воронеж в Лебедянском уезде, во многих реках Харьковской губернии), которые очень скоро входят в берега и где нерест карпов совершается после того, как запрут плотины. Большие же реки начинают после вскрытия разливаться очень медленно, и всякое ужение на них, начиная с первой прибыли воды до того момента, как река войдет в межень, весьма затруднительно, а иногда и вовсе невозможно. Поэтому весенний клев проголодавшихся за зиму карпов проходит почти незамеченным, тем более что он и

довольно непродолжителен. Настоящий клев начинается здесь, когда река войдет в берега и карпы займут свои постоянные места, сделаются вполне оседлыми. Это бывает, как известно, в конце весны или в начале лета, через одну, чаще через две недели после нереста: в более северных местностях в конце июня или в начале июля, а в более южных даже с середины мая. Замечательно, что, по наблюдениям харьковских рыболовов, клев карпов начинается всюду сразу, одновременно, даже в озерах. Этот клев, с большими или меньшими перерывами, продолжается все лето и в начале осени. Лучшими месяцами для лова в одних местах считается июнь, в других – июль и август. В сентябре большею частью берет уже мелкий карп.

Интенсивность клева сазана, как и других рыб, находится в зависимости от различных условий, главным образом от погоды. Вообще перед каждой резкой переменой погоды клев ослабевает или совершенно прекращается; однако известно, что сазаны очень хорошо берут во время грозы. Продолжительные жары, как и холодное ненастье, крайне не благоприятствуют для ужения, так как сазаны затаиваются, мало бродят и теряют аппетит. Когда вода достигнет температуры свыше 25°C, карпы или забиваются в норы, под корни и плавучие берега, или подходят к ключам и ручьям; в прудах и озерах они в это время иногда стоят неподвижно в тени камышей. Во всяком случае, при высокой температуре карпы выходят жировать только по ночам, а потому и редко попадаются на удочку. Пасмурная теплая погода с небольшим дождем весьма благоприятствует ловле; при резком понижении температуры воды клев всегда прекращается. Паводок нередко заставляет сазана, избегающего быстрого течения, сбиваться в наиболее тихие омуты, и здесь в течение нескольких дней очень часто бывают весьма обильные уловы. Многие рыболовы, наконец, убеждены в влиянии фаз луны на клев карпа и говорят, что сазан лучше всего берет на молодую и хуже всего на ущерб. По другим, на какую перемену (фазу) поднялась вода (и начался, следовательно, нерест), на ту и клев будет самый сильный каждый месяц. Подобное поверье существует на севере относительно щук, жор которых будто бы бывает в ту фазу, на которую они терлись. Но самой верной приметой клева карпов служит выкидывание их по утрам и вечерам. Но нет правила без исключения, и случается, что сазаны беспрестанно выбрасываются, а на удочку вовсе не берут. Это всегда предвещает резкую перемену погоды и холода. В ветер и волну сазан почти не берет, быть может, потому, что насадок а не остается неподвижной; однако за ветром, в затишье, образуемом крутым берегом или прибрежным лесом, лов нередко бывает весьма удачен.

Лучшее время дня для ловли карпа, бесспорно, раннее утро, особенно летом. В жаркое время карп, как было уже замечено, жирует и ночью, но так как ужение его на донную неудобно и малоупотребительно, то ночная ловля почти вовсе неизвестна и имеет случайный характер, тем более что ловить приходится в неглубоких заводях или даже на мелях. Впрочем, я полагаю, что в мае и в июне можно ловить почти всю ночь с поплавками, надевая на них черные бумажные кружочки, достаточно заметные на более светлом фоне поверхности воды.

Н. Домбровский, придавая очень важное значение ночному ужению, советует ловить с фонарем, с сильным рефлектором, освещающим поплавки. Я имею основание думать, что утренний клев сазана летом на своих обычных местах, т. е. в глубоких ямах с слабым течением, может быть разделен на ранний – от рассвета до восхода и поздний – с 6 до 8 или 9 часов утра. В первом случае карпы берут приманку, возвращаясь с ночной жировки, во втором – отправляясь на утреннюю кормежку. Самые крупные сазаны берут почти исключительно ранним утром или даже на рассвете. Большинство рыболовов, кажется, не пользуется ранним клевом по многим причинам, хотя сазан до восхода берет гораздо решительнее и смелее, чем когда совсем ободняет. Продолжительным бросанием привады в известные утренние или вечерние часы можно приучить карпов посещать прикармливаемое место и в не

совсем урочное время, а этих рыб очень редко ловят без предварительной прикормки. Но вечерний клев почти всегда бывает хуже утреннего, и вечерами обыкновенно идет на удочку мелкий карп. Вообще вечерний клев неправилен и непостоянен: в одних местах карпы берут с 2–3 часов пополудни до 6, в других – от 6 до 8. В конце лета и в начале осени, т. е. в августе и сентябре, когда вода похолодеет, сазаны нередко всего лучше ловятся на удочку с 9 часов утра до 11.

В большинстве случаев местом ужения бывает та самая яма, которая служит постоянным жильем сазанов. Впрочем, весной, когда сазан еще бродит, в проточных прудах всего лучше ловить его около устьев ручьев, где он любит держаться до нереста. Позднее, летом, обилие коряг и задевов заставляет иногда выбирать для ужения и заприваживать места поблизости от настоящего притона, которые обязательно посещаются карпами на утренней и вечерней жировке. Эти места должны быть, однако, аналогичны с постоянными притонами, т. е. иметь значительную глубину и слабое, лучше всего обратное, т. е. водоворотное, течение, глинистое или иловато-глинистое дно, идущее уступами. Такие ямы имеют обрывистый берег, находятся большею частью под ярами и в длинном, т. е. наружном, изгибе реки. В небольших запруженных реках карпы держатся и ловятся (после запруды и окончания нереста) в мельничных омутах или у плотины, самой глубокой части пруда, иногда в русле, если его не замыло. Местопребывание карпов всегда можно узнать от пастухов и местных жителей (только не от рыбаков), которые всегда могут указать, где находятся омота с корягами, не доступные неводу. Еще лучше самому отыскать такое место, наблюдая, где сазаны чаще выкидываются. Если указанное или замеченное место удовлетворяет вышеупомянутым условиям глубины и качеству дна, то можно быть уверенным, что здесь именно и находится притон карпов. Признаком их местопребывания служат также мелкие пузыри, пускаемые карпом, когда он копается, на ходу, в иле, но подобные пузыри пускают язи, лещи и другие рыбы. Это целые букеты пузырей, образующие на поверхности кружок в 3–4 вершка диаметром.

Прежде чем перейти к общим правилам ужения карпов, считаю необходимым дать подробное описание снастей и приманок, употребляемых при ужении карпов. Самые способы ловли их весьма разнообразны. Собственно говоря, существует только один метод – ужение на длинное удище с поплавком, но с крайне различными приспособлениями ми, прикормками и насадками сообразно местности и привычкам рыбы.

Большинство русских рыболовов при ужении карпов употребляют цельные натуральные удища от 4 до 7 аршин длины и при некоторой сноровке, крепких лесках и крючках, иногда с помощью очень простых приспособлений ловят экземпляры в пуд и более весом. Лучшим удищем считается хорошо завяленное и выправленное березовое, но, вероятно, 4–5-аршинный можжевельник окажется еще более надежным, хотя, к сожалению, таковой можно достать только там, где карпов не бывает. После березы следует вяз, рябина, орех (лещина) и черемуха. Удища менее 3 аршин длины употребляются очень редко, потому что не дают возможности вывести, утомить рыбу, подобно длинному гибкому шестуку, умеряющему порывы сильного карпа. Донная удочка не в ходу именно по этой причине, а еще потому, что ее длинную леску рыба легче может запутать или даже перерезать своим зазубренным лучом, чем короткую. В Лебедянском уезде Воронежской губернии, впрочем, ловят на короткие удильники из бересклета (*Evonymus*), едва ли не самого крепкого и вязкого дерева (из него точат веретена и делают гвозди для обуви). Только его очень трудно выправить. Местные жители нарочно оставляют на нем сучки, чтобы они задевали за борт лодки и сазан не мог бы сразу утащить удильник. Очень длинная удочка тоже не совсем удобна, так как при поимке крупного сазана ее очень трудно бывает удержать в руках. Только в редких случаях, когда, например,

приходится ловить на отмели, сразу переходящей в глубину, бывает необходимо прибегать даже к 9-аршинным шестикам. Некоторые рыболовы иногда отрезают кончик и наращивают (срезав наискось и обвязывая смоленой ниткой) более длинный.

Удилища английского образца, с кольцами и катушкой, только недавно стали употребляться более достаточными и любознательными рыболовами, но большинство даже достаточных упорно и неосновательно отрицает пользу катушки. Если где и нужна катушка, то всегда более для ловли карпов, так как крупные на толстую леску не берут, а тонкую рвут, как паутину. Само собою разумеется, что ловить по-английски можно только там, где вовсе нет корней или травы, по крайней мере на расстоянии нескольких десятков сажен. Но нет никакой надобности ловить карпов там, где они живут, а достаточно, если притон, дом их, будет близко и место лова постоянно ими посещается. Складное удилище для ужения карпов должно быть трехколенное, длиной около 2 сажен, со стоячими кольцами, довольно жесткое и поднимать гири до 2 фунтов весу.

Лески для ловли карпов бывают трех родов – волосяные, пеньковые, или нитяные, и шелковые. Волосяные, по-видимому, начинают выходить из употребления, потому что для ловли крупных экземпляров надо делать лески в несколько десятков волос, а на очень толстые лески эта осторожная рыба не берет. Для донного ужения, где леска лежит на дне, а не висит отвесно, как при ловле с поплавком, можно, конечно, ловить успешно и на 48-волосные и более толстые лески, особенно если они имеют поводки из 3 сплетенных жилок, волос не белого цвета, а желтого или черного и ловля производится на рассвете. По моему мнению, ловля на донную с коротким удильником, по известным причинам редко практикуемая, требует волосяной лески, растяжимость которой уравнивает малую гибь короткого шестика. Там же, где нет или очень мало крупных карпов, т. е. свыше 10 фунтов, я полагаю, можно с успехом употреблять для ловли 12–24-волосные лески, сделанные из отборных волос солового цвета, предварительно вываренных в молоке, придающем им еще большую эластичность. Белый же волос необходимо или продержать некоторое время в вареном льняном масле (но не олифе) с небольшим количеством зеленой краски, или, еще лучше, красить его, как поводки, о чем дальше. Надо всегда иметь в виду, что хорошая и свежая волосяная леска «охотничьей работы» до некоторой степени заменяет катушку, так как, прежде чем лопнуть – до своего разрыва, – должна вытянуться на 20%.

Дороговизна хороших волосяных лесок заставляет большинство простых рыболовов предпочитать им бечевки – льняные или пеньковые. Первые крепче, но их необходимо готовить самому. Крепость же обыкновенных продажных бечев (голосинника, шестерика) вовсе не соответствует их толщине. Лучше пеньковые бечевки английские; им немного уступают в качестве, но гораздо дешевле финляндские. Плетеные, само собою разумеется, и крепче, и менее крутятся, но дороже крученых. Последние перед употреблением в дело необходимо намочить, раскрутить, высушить и натереть воском.

Самые крепкие и в большинстве случаев самые удобные лески – шелковые. В последнее время большинство южных охотников-рыболовов стали ловить на лески из желтого крупного кавказского сырца, самые толстые номера которого выдерживают более пуда мертвого веса и могут служить для ловли крупных карпов без катушки. Эти лески необходимо только предварительно раскрутить; весьма полезно также их просмолить и вместе подкрашивать, опуская в жидкую масляную краску с прибавкой разных смолистых лаков. Тонкие номера кавказского шелка могут быть употребляемы и для ужения с катушкой, но с последней гораздо удобнее ловить на плетеный шелковый шнурок английского изделия. Можно, впрочем, брать только аршин 20 английского шнурка и сращивать его с простым

крученым, более толстым. Некоторые предпочитают ловить на шнурок несмоленный, своего плетения. Для ужения сазанов необходимо, чтобы на катушке было намотано не менее 30, даже 50 аршин лески; некоторые даже ловят с стоаршинным шнурком. Шнурок должен быть не толще № 2 и не тоньше 4, вообще выдерживать не менее 10 фунтов мертвого веса, т. е. 10-фунтовую гирию. Лучшим цветом лески считается желтовато-зеленый, под цвет водорослей; при ловле с обрывистого берега иногда полезно, чтобы леска имела тот же цвет, как дно и берег, т. е. большею частью бурокрасный. Замечу кстати, что при ужении карпов надо избегать катушек с трещотками, которые очень пугают этих чутких рыб. Трещотки эти должны быть заменены глухим тормозом.

Поводок имеет очень важное значение для ужения такой осторожной и недоверчивой рыбы, как сазан, но употребляется далеко не всеми рыболовами. Большинство привязывает крючок непосредственно к леске. Главное условие хорошего поводка – тонкость и малозаметность; при крепости, немногим уступающей крепости лески, всего лучше выполняется так называемыми жилками или буйволовым волосом. В сущности, это толстая шелковая нить, вытянутая из железы гусеницы шелкопряда. Лучшие е, так называемые семожьи, жилки выдерживают более 10 фунтов мертвого веса, даже самые тончайшие – более 2. При простой ловле приходится нередко употреблять для поводка 2 или 3 жилки, скрученные или сплетенные, но при ужении с катушкой достаточно бывает только одной хорошей жилки, на 1–3 фунта слабее шнура лески. Чем длиннее поводок, тем лучше: некоторые употребляют поводки в 1–1½ аршина, связанные из 3–5 жилок. Хорошие жилки должны быть прозрачны, как конский волос, но так как они довольно резко выделяются на темном дне, то весьма полезно их окрашивать, смотря по обстоятельствам, в буроватый цвет (очень крепким чайным настоем), в синеватый (ализариновыми чернилами) или в зеленый цвет (зеленою анилиновою краскою). Некоторые довольствуются тем, что держат жилки сутки в масле (прованском или другом), которое дает им прозрачность, желтизну и делает их менее ломкими. За неимением жилок можно с успехом заменять их более или менее толстою струною. Намокая, этот струнный поводок делается очень эластичным и похожим на глисту. Карп берет насадку на таких поводках гораздо смелее, а иногда даже сосет их. Кроме того, сазан не может перепилить струну зазубренным лучом спинного плавника, подобно другим поводкам и лескам, в особенности волосяным.

Так как обыкновенно приходится ловить сазана на слабом течении или даже в стоячей воде, то грузило должно быть по возможности легче, не тяжелее крупной картечи. Чем далее оно находится от крючка, тем лучше, потому что (при условии лежания груза на дне) сазан тогда может и не заметить стоящую «стеной», ближе к берегу, леску. Но ради большей чувствительности поклевки грузило должно оказывать как можно менее сопротивления и потому иногда делается подвижным, т. е. сквозным, и надевается на леску, прежде чем пристегнуть поводок; для того же, чтобы грузило не могло спуститься на крючок, в начале поводка прищипывается небольшая дробинка. Лучшая форма грузила удлиненная, в виде просверленной чечевицы. Иногда полезно бывает грузило выкрасить в зеленый цвет, что достигается раствором зеленого сургуча в спирте.

Качество крючка играет весьма важную роль, так как и некрупный карп может сломать или разогнуть плохой крючок. По этой причине провинциальные рыболовы, не имеющие возможности достать первосортные английские, предпочитают низким сортам иностранных крючки местного изделия, из костной стали, ценимые сравнительно очень дорого (около 20 к. за штуку). Крючки эти делаются особыми мастерами, довольно крупны (около № 1), толсты, имеют короткий стержень, иногда с нарезками вместо лопаточки, для привязки, и очень острое жало. Лучшие английские крючки превосходят, однако, самодельные и стоят

гораздо дешевле. Наиболее пригодны для ужения карпов короткие крючки, например *Virginia hooks*, необычайно крепкие, но, к сожалению, с коротким жалом. Очень хороши для ловли с катушкой крючки *Sneck bent*, но их длинный стержень приходится отпиливать. Вообще надо иметь в виду, что крючок должен быть весь закрыт насадкой, а потому он не может быть длинен и велик. Крупнее № 1 никогда почти не употребляются, а чаще № 3–5; при ужении же с катушкой достаточно № 6–7. Мелкий крючок при ловле без катушки неудобен тем, что крупный карп часто срывается, оставив на нем кусок губы. Вообще для ловли без катушки необходимо употреблять крючки с толстыми стержнями, которые бы не разгибались. В последнее время передовые рыболовы, следящие за усовершенствованием снастей, стали отдавать предпочтение крючкам Пэнэля, несколько сходным с крючками Лимерик, но отличающимися от последних ушком, отогнутым перпендикулярно к стержню. Это самые лучшие крючки из всех известных по своей необыкновенной крепости и остроте, почему они исключительно идут в настоящее время для ужения лосося и форели. Делаются они всегда бронзированными и чаще с прямым жалом, не отогнутым в сторону. Впрочем, для ужения крупной рыбы в большинстве случаев выгоднее употреблять прямые крючки, как более крепкие, при одинаковом качестве стали. Крючки Пэнэля появились в продаже (в столицах) только года два назад и стоят дороже всех прочих сортов; не менее 2 к. штука и 2 р. сотня. К сожалению, эти превосходные крючки не совсем удобны для ловли сазанов на хлебные насадки и вообще – хлеб, горох, – так как имеют длинный стержень.

Чем меньше поплавок и менее заметен, тем лучше, и обыкновенные пробочные поплавки ярких цветов, продающиеся в магазинах, вовсе не пригодны. Самыми лучшими поплавками для ловли сазанов считают у нас поплавки из сухого ситовника (куга, окуга). Это действительно самые легкие, чувствительные и дешевые из всех и притом всего менее возбуждающие подозрение карпов, привыкших к подобным плавающим обломкам. Приготовление таких поплавков очень просто. Берут желтую сухую ситю не толще мизинца и нарезают ее кустами в 3/4–1 1/2 вершка, затем концы опускают в кипяток, стягивают ниткой и заклеивают сургучом. Такой поплавок прикрепляется к лесе одним концом, двойною петлею, и выверяется соответственным грузилом как можно аккуратнее. Немного хуже поплавков, сделанный из коры осокоря или даже ветлы и вербы; недурны также поплавки из гусиного или лебединого пера и из иглы дикообраза.

Опишем теперь те приспособления, которые употребляют для ловли самых крупных карпов, когда не надеются на крепость леси.

Всего лучше достигает этой цели катушка, но она дорога, неподручна и не везде применима. А потому приходится довольствоваться более простыми приспособлениями. Самое простейшее из них заключается в том, что к комлю удилища привязывается довольно длинная бечевка (2–3 сажени и более) с пучком куги на конце. Едва рыболов почувствовал, что добыча его угрожает целостности снастей, он бросает удильник и следует за ним в лодке, которая должна стоять поблизости от места ловли. Как только рыба остановилась, он ловит поплавок, берет удильник и начинает водить рыбу, снова бросая все в воду. Таким образом удается ловить и без катушки карпов до пуда и более весом, но с еще большим риском, что рыба запутает леску в траве и корягах и затем оборвет ее.

Второй способ заключается в том, что, несколько отступя от комля удильника (на аршин и больше), привязывают к нему толстую и крепкую бечевку в несколько десятков сажен длиной, намотанную на клубок или очень большую рогульку-жерлицу, а еще того лучше – на большую шпульку, т. е. простую деревянную катушку. После подсечки, в крайности, бросают удилище и начинают вытравливать бечевку, как можно более задерживая ее. В Хвалынском уезде при помощи жерлицы с 20–30 саженьями бечевки в последнее время стали ловить на донную и с поплавком

очень много крупных карпов, причем жерлицу укрепляли на отдельной гибкой (?) хворостине. Один тульский рыболов говорил мне, что на юге Тульской губернии катушка до некоторой степени заменяется «соскакивающими» кольцами. Но он не сумел объяснить это приспособление, и из слов его я могу только понять, что кольца эти делаются разной величины; кажется, двойными, и нагоняются довольно туго на цельное удилище; леска пропущена через наружные, меньшие, кольца. При сильном порыве крупной рыбы ближайшее к комлю кольцо, т. е. первое, соскакивает ко второму, которое может соскочить, в свою очередь, к третьему и т. д., и все эти снятые кольца задерживаются на последнем, прикрепленном к кончику удильника. Весьма сомнительно, чтобы приспособление это достигало своей цели.

Самое лучшее средство для утомления крупной рыбы, не выпуская удилища из рук, – это гуттаперчевые трубки. Первое указание на пользу этих трубок встречается у Пуатевена, затем я применил их к донным удилищам, бывшим на первой выставке Московского общества рыболовства, почти в том же виде, как они были описаны позднее бароном Черкасовым в применении к длинным удильникам. У Пуатевена трубка прикреплялась неподвижно одним концом к носу лодки, к другому привязывалась очень длинная леска. Закинув насадку, леску натягивали и раза три обертывали вокруг кончика донной удочки, воткнутой в нос лодки. Подсеченная карпия сдергивала обороты лески с удочки и начинала вытягивать трубку. В моей донной удочке (из красного камыша, с кончиком из китового уса) трубка была совершенно скрыта в отверстии, просверленном наискось в камышовой рукоятке. При ловле с поплавком на короткие лески с длинным удильником в очень крепких местах, где нельзя отпускать рыбу далеко от себя, можно, взамен поплавков, катушек и жерлиц с бечевкой, привязать к удильнику бечевку с гуттаперчевой трубкой, прикрепленной к вбитому в берег колу, но гораздо целесообразнее, если трубка будет находиться на удильнике, как это указано бароном Черкасовым.

Для ловли с гуттаперчевой трубкой необходимо очень крепкое и не слишком гибкое цельное, лучше всего березовое удилище с навязанными на нем стоячими кольцами, наподобие английских; в полуаршине от комля должны быть прикреплены два крючка для наматывания лески, которая таким образом легко может быть удлиняема и укорачиваема. Резиновая трубка (красная или черная) должна быть около 4 вершков длины и не свыше 6; толщина ее и растяжимость должны быть в соответствии с крепостью удилища и лески в особенности, но в большинстве случаев бывает достаточно полудюймовой (считая стенки). Очевидно, что трубка должна быть немного слабее лески, т. е. разрываться при меньшем весе. Простейший способ прикрепления трубки заключается в том, что в оба конца ее вставляются деревянные шишечки, прочно укрепленные на месте несколькими оборотами тесьмы или толстой нитки. К этим шишечкам привязывается леса в 2 местах – около крючков и затем отступя на аршин, смотря по тому, насколько может быть вытянута трубка; таким образом леска образует довольно длинную петлю. При сильных порывах рыбы трубка будет вытягиваться настолько, насколько позволяет эта петля. Еще лучше, если трубка будет укрепена одним концом у комля (не совсем на одной линии с крючками для наматывания лески), а другим – к леске. Таким образом, трубка может быть вытянута на расстоянии вдвое больше длины лески, находящейся между концом трубки и верхним крючком (для наматывания). По моему мнению, еще лучше, если гуттаперчевая трубка будет вся целиком скрыта в соответственном «туннеле», просверленном из центра комля наискось, с выходом на 4–5 вершков выше нижнего отверстия. Такое устройство дает возможность зажимать выходное отверстие большим пальцем и делает подсечку действительнее; после подсечки палец отнимается, и трубка беспрепятственно вытягивается. Эластичность резины сильно ослабляет подсечку, и при наружной трубке приходится подсекать очень сильно.

К числу снарядов, облегчающих ловлю карпов, принадлежит также дощечка, описанная Пуатевеном. В середину дощечки (четырёхугольной) пропущена палочка, один конец которой привязывается ниткой к колу, вбитому в берег или в дно, а другой – к длинной (?) донной леске, закидываемой по течению. Карп, почувствовав себя пойманным, обрывает нитку и отправляется гулять с дощечкой. Очень может быть, что в прудах, для ловли карпов в травах и лопухах, окажутся пригодными известные кружки или щучьи поставуши с некоторыми незначительными видоизменениями.

Из принадлежностей ужения нам остается только сказать несколько слов о лодке. Большинство любителей ловли сазанов отрицает ее пользу и предпочитает ловить с берега: они говорят, что сазан боится лодки, что лодка, качаясь при малейшем движении, пускает волну и пугает рыбу, что, наконец, она, если неподвижно укреплена, уменьшает вероятность на успех, так как рыба может запугать леску за шест или веревку с грузом и не дает рыболову такого простора для передвижения, как на берегу. Все это справедливо, и большею частью лодка излишня, так как карпов почти всегда ловят на крутоярах, с значительной глубиной у берега. Но карпы очень хорошо берут и около камышей, особенно если от них сразу начинается глубь; а также бывают случаи, что у берега очень мелко, а далее начинается настоящая сазанья яма. Во всех этих случаях можно ловить или с лодки, или же устраивая на мели постоянные мостки, называемые в Пензе гатками, а на р. Сердобе кроватями. Но этими мостками, в отсутствие их владельца, пользуются очень многие, лодка же дает возможность ловить в таких местах без непрошенных пособников, да и там, где можно ловить с берега, при обилии конкурентов, она весьма нелишняя, потому что позволяет бросать приваду и насадку очень далеко от берега, на место, недоступное сухопутному рыболову-шаромыжнику. Самое лучшее, когда лодка отчасти скрыта в камышах или тростнике, которые притом можно подогнуть под себя, но можно становиться, уперев нос лодки в берег, а с кормы спустив веревку с камнем. Если эта веревка будет иметь на другом конце дощечку и она скоро может быть освобождена, то карп, запутавшийся за веревку, еще скорее может утомиться, чем на удилице. Самое важное значение для ловли карпов, не меньшее, чем при ловле лещей, имеет привада, или принада, т. е. корм, бросаемый заблаговременно для приваживания рыбы к известному месту, чтобы она являлась сюда в известные часы, по привычке, в чаянии найти здесь лакомую пищу, какую находила здесь ранее. Только там, где рыболовов очень много и нет расчета трудиться для других, приходится довольствоваться ловлей в постоянных притонах и ограничиваться киданием прикормки перед началом ловли. Но настоящая привада тем хороша, что может побудить брать сазанов не там, где они живут, а на жировках или на перепутье и в местах, более удобных для ужения.

Карпов можно, однако, приваживать не одним кормом, а доставлением им некоторых удобств для жизни. Карпам нужны, кроме глубины и глинистого или иловато-глинистого дна, безопасность от невода и слабое течение. Поэтому если дно очень ровно или не имеет коряг, то для того, чтобы карпы держались здесь, нередко приходится нарочно сваливать в воду корчи и даже целые древесные стволы с привязанными камнями; бросают же приваду и ловят в приличном отдалении от таких крепких мест. Кроме того, карпов соблазняют искусственными заводями, устраивая на чересчур быстром течении так называемые гатки, или язы, которые не следует смешивать с мостками, кроватями и седалками, цель которых – давать возможность рыболову закидывать дальше от берега. Гатки – это два ряда кольев, вбиваемых перпендикулярно течению воды и заплетаемых лозою. Оба плетня находятся в расстоянии один от другого не более аршина и имеют в длину около 5 аршин. Промежуток между плетнями заполняется в уровень с поверхностью воды разным хворостом. Таким образом, ниже гатки течение будет очень слабым, иногда

даже обратным. Кроме того, язы удобны тем, что дают возможность правильнее распорядиться с привадой и прикормкой и задержать рыбу на более продолжительное время. Если зерна и прочий корм бросают в хвост между плетнями, то они задерживаются здесь некоторое время и под влиянием напора на первый плетень текущей воды исподволь проскакивают через второй и ложатся на дно ниже последнего. Собственно привада для карпов со стоит из различных, преимущественно растительных, веществ. Всего удобнее по своей дробности зерна, но вообще надо избегать слишком однообразной привады и лучше употреблять смешанную. Большинство рыбаков не считает необходимостью, чтобы привада была одинакова или даже аналогична с насадкой, но все согласны в том, что она должна быть не так вкусна, как последняя. Всего лучше, если большая часть привады будет состоять из не очень лакомого и питательного корма с небольшой примесью более вкусного и сытного. Много бросать привады отнюдь не следует, чтобы не закормить рыбу, кроме того, она должна быть свежа, так как испортившийся корм карпы берут неохотно, а сытые не берут вовсе. Прокисшая привада привлекает только раков, которые и без того очень часто надоедают рыбакам, заставляя их напрасно подсекать, оправлять насадку, перезакидывать удочку и отпугивать этим крупную рыбу. Во избежание подобных фальшивых тревог бросают поодаль кусок испортившегося мяса или застреленную птицу: раки, пред почитая мясо растительным веществам, оставят в покое приваду и насадку. Лучше, если привада будет белого или желтого цвета, чем темного, так как такая заметна издали. Затем, так как карпы берут на слабом течении или в стоячей воде, то прикорм большею частью бросается непосредственно в воду, а не в мешках, жестянках и других приспособлениях, необходимых на быстрине; притом же крупные рыбы их боятся и близко не подходят. Мешок до некоторой степени заменяется на течении описанной выше гаткой. Бросать приваду надо насколько возможно дальше от берега, за редкими исключениями, но во всяком случае там, где карпы держатся постоянно или на их пути, так сказать, большой дороге, которой они ходят. Ошибка на 2–3 аршина может иногда служить причиной неудачи. Главная масса прикормки должна находиться около того места, где будет лежать насадка, но первое время от этого центра привады должны идти радиусами довольно длинные дорожки с зернами или другим кормом. Приваживать место следует по крайней мере за три дня до начала ловли, еще лучше за неделю, притом ежедневно и в те часы, в которые предполагают ловить, т. е. обыкновенно ранним утром. Впрочем, некоторые рыбаки считают более удобным бросать прикормку с вечера или ночью, когда думают ловить ранним утром, и после полудня, когда намереваются удить вечером. Само собой разумеется, что для постоянного успеха ужения необходимо заприваживать по крайней мере два или три места в приличном (не менее 30–50 сажен) расстоянии одно от другого и после каждого удачного лова или чересчур большой возни с одной привады переходить на другую, даже в то же утро или вечер.

Притрава и прикормка состоят почти из тех же веществ, растительных и животных, которые пригодны и для насадки. Из животных веществ для приваживания карпов годится только творог, в редких случаях старый сыр; черви и т. п. живая привада употребляются у нас редко, но в Англии и Германии многие приваживают карпов, бросая за сутки до 1000 и более (!) крупных дождевых червей (выползков, глист) и 100–200 штук перед самым ужением. Черви эти режутся предварительно на 2–3 части. Но я полагаю, что такого рода привада слишком сытна и дорога и достигает цели хуже различного рода зерен.

Приваду из растительных веществ можно разделить на естественную и искусственную. К первой принадлежат различные зерна и семена в натуральном их виде, ко второй – разные каши, хлеб и т. п. Худшею зерновою привадою считаются

овес и рожь; затем следует ячмень и пшеница; кукуруза и более крупные семена, хотя еще лучше и удобнее, потому что не привлекают мелкой рыбы, но употребляются реже, например горох или же, только местами, именно кукуруза (в Бессарабии); бобы же (конские, русские) почти вовсе не известны русским рыболовам. Сухие зерна можно бросать только в крайности, и необходимо их парить, так как при этом они становятся вкуснее и приобретают особый сильный запах, привлекающий рыбу с довольно значительного расстояния, особенно на течении. Некоторые рыболовы советуют ради сохранения запаха бросать пареные зерна еще теплыми. Приготовление пареной привады требует немалой сноровки. Лучше всего предварительно мочить зерна в течение суток в воде; затем разбухшие зерна кладут в горшок, наливают немного воды, плотно закрывают крышкой и, вскипятив один раз, держат в шкафу или русской печке в течение 1–2 часов. Таким способом получается очень разбухшее зерно с цельною, нелопнувшею кожицею. Можно парить зерна еще проще: в горшок в 10 стаканов вместимостью всыпают стакан зерна – ржи, пшеницы – наливают воды на 2/3 и закрывают раз в восемь сложенной тряпкой, затем крышкой. Когда вода вскипит, отодвигают горшок и держат на слабом огне 3/4 часа, затем снимают с плиты и, открыв через час крышку, вываливают ложкой совсем упревшее зерно в холодную воду, отчего оно белеет и теряет клейкость. Можно, как было сказано, бросать приваду горячей. Некоторые прибавляют в горшок соли, которую любят все рыбы и которая предохраняет зерно от прокисания. Горох, а тем более бобы требуют более продолжительного кипячения. Самую лучшую или, по крайней мере, самую вкусную привадою для карпов в Англии считается рис и перловая крупа, но эта превосходная прикормка, очень скоро и легко приготовляемая, у нас почти неизвестна. Малоупотребительно также конопляное семя, которое только иногда (раздавленное и поджаренное) идет в качестве пахучей примеси к другим привадам, чаще заменяясь жмыхами.

Вареные рис и перловая крупа составляют уже переход к кашам. Лучшею кашею для привады считается пшенная, за нею следует полбенная и, наконец, гречневая, неудобная тем, что малозаметна. Они должны быть сварены как можно круче (о приготовлении каши для насадки будет сказано дальше) и бросаются довольно большими комочками, до грецкого ореха величиною. Но главною составною частью привады должно быть зерно, а не каша. Хлеб, белый и черный, употребляется реже каши; за границей очень хорошей приманкой для карпов считается недоваренный картофель, мелкий или нарезанный кусками. В России, кажется, он не в употреблении, но жмыхи, т. е. конопляные, а чаще льняные выжимки (колоб, дуранда, макуха), служат довольно распространенной привадою. Их бросают небольшими кусками и в малом количестве, в качестве лакомства. Иногда жмыхи растирают в порошок и варят с зерном в качестве пахучей приправы. Во Франции рыболовы кидают жмыхи или очень большими кусками, с кулак величиной, так чтобы рыба могла только отщипывать крошки, или же, напротив, мелкими, в глине. По моему мнению, лучше всего и выгоднее, даже в стоячей воде, большую часть приправы (зерно, жмыхи) бросать вместе с глиной, но только невязкой: рыба дольше задерживается на месте и не так скоро наедается. Эти глиняные шары делаются величиной с апельсин. Полезно замешивать глину на солоде, квасной гуще или барде и прибавлять отрубей и муки, особенно овсяной.

Вообще не следует бросать много приправы, и достаточно бывает 3 горстей; харьковские рыболовы считают, что двух фунтов пшеницы и фунта пшена достаточно на двукратную засыпку. Но пшеница и каша составляют чересчур лакомый корм для сазана, и киевские рыболовы правы, предпочитая им пареную рожь с небольшим количеством гороха. Закармливать и лакомить рыбу отнюдь не следует, так как она не будет брать насадку. В последнее время в Западной Европе начали делать довольно удачные опыты с различными слабительными веществами

с целью возбудить аппетит чересчур наевшихся и разжиревших карпов. Именно зерна и кашу для притравы и прикормки (но не для насадки) варят на касторовом масле. Впрочем, еще de Massas упоминал о бобах, варенных в отваре кассии и александрийского листа, а Ла Бланшер советовал варить бобы с небольшим количеством толченого сабура. У нас, кажется, еще не дошли до таких тонкостей, но идея заставлять брать сытую рыбу весьма остроумна и заслуживает внимания рыболовов. К этому вопросу я еще вернусь при описании ужения язей.

Насадки, употребляемые для ловли карпов, еще разнообразнее, но также большею частью растительного происхождения. Из зерен идет распаренная рожь, ячмень (редко перловая крупа), а всего чаще пшеница; затем горох (за границей и зеленый горошек), кукуруза и бобы. Зерна для насадки отбираются самые крупные или покупаются в семенных магазинах; в этом случае их парят отдельно от привадных. Очень хорошо варить их в молоке. Пшеница и т. п. мелкие зерна требуют мелких крючков (№ 6–8), а потому служат насадкой только при ловле на удилица с катушкой; на крючок насаживаются 2–3 зерна, причем они протыкаются со спинки. Горох и кукуруза могут быть насажены на более крупные номера крючков (№ 4–5), тем более бобы. По мнению французских рыболовных писателей, на бобы берут только крупные карпы – от 7 до 10 фунтов. Горох, кукуруза и бобы составляют неоцененную насадку, когда надоедает мелочь и раки.

Из каш для насадки почти исключительно идет пшенная каша, а так как это, бесспорно, самая лучшая и наиболее распространенная насадка, то необходимо сказать несколько слов о ее приготовлении, требующем большой тщательности. Пшено должно быть самого высокого качества; его предварительно просеивают и несколько раз промывают. Некоторые рыболовы даже перетирают пшено на ручной мельнице в муку. На стакан пшена (или муки) наливают в горшок (или лучше кастрюлю) два стакана воды и варят, пока пшено совершенно не разварится. Затем кашу растирают ложкой или пестиком, пока она не получит вид совершенно однородного теста, и, закрыв скважистой дощечкой, ставят в легкую духовую печь, где она упревает в течение 2–3 часов, причем кашу несколько раз вынимают и вдавливают в кастрюльку. Упревшую кашу вынимают из последней и кладут в прохладном сухом месте, где она может храниться неделю. Некоторые варят кашу на молоке и, кроме того, прибавляют к ней конопляного масла. Не мешает варить кашу одновременно в нескольких кастрюлях, так как часто она не задается и оказывается мало пригодной для насадки. Перед ужением это пшеничное тесто режется на кубики с игральную кость, иногда сминается в шарики с лесной орех, а хранится в деревянном ящике, где оно не так скоро сохнет, трескается и киснет, как в металлической коробке. Кубики эти насаживаются на крючок (№ 4–5) с угла и могут лежать в воде, не размокая и не разваливаясь, целые сутки.

Немного менее распространена насадка из белого и черного хлеба, на которую карп берет обыкновенно не так охотно, как на пшенную кашу. Белый хлеб он предпочитает черному. Для большей соблазнительности хлеб сдабривают молоком, сырым желтком, медом, конопляным и льняным маслом, а за границей даже мочат в камфорном спирте; так же удачно ловят карпов на тесто с ромом. В Киевской губернии хлеб разминают с небольшим количеством сыра (швейцарского), распущенного в сметане.

У нас, в Малороссии, местами ловят сазанов на галушку, в Бес сарабии же и в Румынии в большом ходу мамалыга, нечто вроде драчены из кукурузы, т. е. маисовой муки. Настоящая драчена (на яйцах и молоке) также должна быть отличной насадкой. Что же касается конопляных и льняных выжимок, то хотя всякая рыба берет на них очень жадно, но они так плохо держатся на крючке и так скоро разламываются на части (особенно сухие машинные выжимки, почти не заключающие масла), что они довольно редко употребляются в качестве насадки.

Впрочем, французы режут жмыхи на кубики, поджаривают эти кубики на сковороде, чтобы усилить их запах и крепость, и перекрещивают (тонкой) шелковинкой, за которую и задевают крючком. Еще менее употребительны у нас следующие насадки, довольно обыкновенные в Западной Европе: варенный в просырь мелкий (молодой) картофель, величиною до грецкого ореха; его всего лучше насаживать на якорьки (№ 5–6), продевая их при помощи иглы, вдетой в петлю снятого с лески поводка. На картофель сазаны берут очень охотно. В Германии ловят также карпов на протертый картофель, смешанный с отрубями, на куски слив, тыквы, огурцов и на вишни. У нас эти насадки вовсе не известны, но зато в Пензе, например, удят сазанов на кедровые орехи. Животная насадка употребляется для ловли карпов реже растительной, но несомненно, что в таких водах, где много растительных отбросов, карпы берут на живую приманку охотнее, чем на зерна, хлеб и кашу, особенно же весной и в начале лета. Самой обыкновенной насадкой служат, конечно, черви: выползки, обыкновенные земляные и красные навозные. Первые, кажется, хуже всех, и из них надо выбирать мелких, молодых (без узла) и насаживать (по одному) кренделем; лучшими считаются простые земляные, хорошо очищенные, а красные навозные, по-видимому, сазан берет не так охотно, едва ли не оттого, что они часто очень сильно пахнут. Мелких червей насаживают по несколько штук на крючки №4–5, за середину или за головку, стараясь, чтобы весь крючок был замаскирован. За червями следует белый червь, сальник, или грабак, – личинка навозных жуков, которую некоторые рыболовы считают чуть ли не лучшей насадкой. Сазан предпочитает очень мелких, не свыше дюйма длины, и притом с темно-коричневой головкой (а не рыжей) и с гладкой блестящей кожей. Их необходимо предварительно выдержать несколько дней или в пшеничных отрубях, муке, или в твороге, отчего они становятся белыми и очень упругими. Насаживаются они под головку снизу, и затем жало пропускается к хвосту. У очень крупных сальников отрывают головку, вытряхивают через образовавшееся отверстие черно-зеленый слизистый комочек и оба края отверстия прокалывают крючком в 3 местах, как показано на рисунке (рис. 121, а), затем поводок натягивают, и получается как бы мешок, в который свободно проникает вода, а следовательно, очень пышная насадка. Барон Черкасов, кроме этого способа насаживания, рекомендует еще другой, весьма практичный, когда сазан берет вяло, за сгиб червя, а именно: оторвав головку сальника, всунуть крючок сгибом вперед, как в мешок, так, чтобы сгиб лежал в самом кончике червя, затем головной конец привязать двумя оборотами нитки к крючку, а все лишнее отрезать ножницами (рис. 121, б). Эта процедура, однако, еще хлопотливее. Местами, но не везде, карп недурно берет на раковые шейки, даже вареные, также на ракушки (*Unio*, *Anodonta*). В Англии одною из лучших насадок для ужения карпов считаются личинки пчел и ос, которые насаживаются по 3–4 на крючок. Личинки эти можно заготавливать впрок, обварив кипятком, отчего они делаются твердыми, и потом держат в отрубях или, еще лучше, заливают медом. У нас ловят сазанов только на опарыши и то очень немногие, так как эта насадка требует мелких крючков и, следовательно, катушки. Опарышей насаживают (на крючок № 7) от 3 до 7 штук. Еще менее пригоден мотыль. За границей изредка ловят карпов на кузнечика и стрекозу поверху, также на зеленого капустного червя и большую синюю муху, но большею частью в траве и прудах.

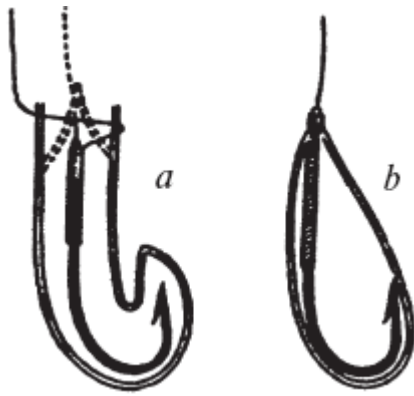

Рис. 121. Насаживание сальника

; Вкус и тесно связанное с ним обоняние развиты у карпа едва ли не более, чем у всех наших рыб, что ясно доказывается мясистостью его губ, рта и языка, изобилующих сосудами и нервами. А потому нет ничего удивительного в том, что в Западной Европе, а отчасти и у нас, для привлечения карпов к приваде, прикормке и насадке прибавляют разные пахучие и сдабривающие вещества, а именно растительные масла, в особенности льняное и конопляное, иногда с примесью нескольких капель анисового, мятного, лавандового и других сильно пахучих эфирных масел, которые карп чувствует, особенно на течении, с очень больших расстояний. С целью подзадорить аппетит рыбы прибавляют к растительной приманке мед или солят ее, о чем говорилось выше. Старинные английские писатели советуют употреблять для привлечения карпов красные *censored*нные лоскутки, намоченные в горном масле, но, кажется, керосин, несомненно привлекающий карасей, сазану приходится не по вкусу. Вообще влияние нефти и керосина на рыбу еще требует исследований. Несомненно, что в большинстве случаев эти вещества не только безвредны, но даже могут служить для привлечения рыбы. Немцы, придающие очень важное значение разным снадобьям, имеют очень много более или менее сложных рецептов для сдабривания насадок. Из других пахучих веществ достойна внимания камфора, которую прибавляют к насадке, большею частью растворенной в спирте; вкус спирта, по-видимому, сам по себе нравится некоторым рыбам. Во Франции в большом употреблении между рыбаками так называемый *liqueur aux sauges*, очень полезный при ловле всякой бели, в особенности карпа, леща и плотвы. Этой жидкостью большею частью смачивают хлебную насадку, но иногда ее прибавляют к уже распаренному зерну. Главную составную часть этого карпового ликера служит, несомненно, богородская трава, т. е. вернее, ее экстракт; рыбе действительно очень нравится сильный запах этой травы. Ликер стоит довольно дорого (5 франков бутылка), и у нас, кажется, нигде не продается, да вряд ли в России дозволен к ввозу из-за границы. В Англии карповый ликер заменяется белым очень пахучим порошком в виде муки, который может быть превращен в очень вязкое и крепко сидящее на крючке тесто, весьма охотно хватаемое всякою белою рыбою.

Прежде чем ловить, следует как можно тщательнее исследовать место, избранное для ужения, познакомиться с помощью шеста или свинцового отмера (лота) со всеми уступами и неровностями дна, определить, где и как лежит коряга, затонувшее дерево или какая другая «цепя», и определить размеры последней. При ловле без катушки необходимо, чтобы не было никаких задевов *minimum* на двойную глубину, т. е. если удят на глубине 6 аршин, то на 2 сажени во все стороны от поплавка ничто не должно препятствовать ходу вываживаемой рыбы. Ужение с катушкой возможно, только когда ближайшие коряги, камыш, лопухи находятся не ближе 10 сажен от рыбака. А потому если место несомненно «сазанистое», то для вящего успеха требуется большая или меньшая расчистка его, что иногда бывает сопряжено со значительными затруднениями и некоторыми расходами. Кроме того, при выборе

места для привадного ужения надо всегда соображаться с положением солнца и помнить, что крайне неудобно ловить с поплавком, когда солнце светит прямо в глаза. Следовательно, при утренней ловле привада не должна быть обращена на восток и юго-восток, а при вечерней – на запад. Затем, чтобы до некоторой степени замаскировать себя от глаз зоркой и осторожной рыбы, часто выплывающей наверх и выскакивающей, если нет естественной защиты в виде кустиков на берегу, необходимо делать искусственную, постоянную или даже переносную. Лучше всего втыкать на берегу аршинные пруты ивняка или устраивать низкий плетень. Пруты и плетень могут служить к тому же второй подставкой (вилкой) для удильника; другая должна быть уже в воде, в большем или меньшем удалении от берега, смотря по глубине и другим условиям ловли.

При ужении в совершенно новых, незнакомых местах никогда не следует забывать правила, что одна и та же порода рыбы в разных водах имеет различные привычки и свой излюбленный корм, а потому нередко вовсе не берет на насадку, которая предпочитается ее собратьями в той же реке на несколько десятков верст дальше. К незнакомой насадке и приваде надо еще приучить рыбу, а потому если последняя успешно ловится местными рыбаками, то благоразумнее, по крайней мере первое время, в чужой монастырь со своими уставами не ходить и от «добра добра не искать», т. е. ловить сначала с той же привадою и на обычную насадку, хотя и более совершенными снастями. Весьма полезно по временам вскрывать пойманную рыбу, так как исследование это покажет, чем рыба питается в данную минуту и какой прикорм предпочитает. Какой, сколько и как бросать прикорм – об этом уже было сказано выше.

Подходить к приваде, «седалке» своей, надо крайне осторожно. Не следует ни стучать на берегу, ни показываться во весь рост, а подходить крадучись, пригибаясь и закидывать удочку у не вставая. Благоразумные рыбаки, хорошо изучившие глубину своего места, ставят поплавок на определенную высоту (если вода не прибывала), надевают насадку поодаль от берега, и, пригнувшись, закидывают куда следует. Лучше, если поплавок будет поставлен выше, т. е. глубже, так как если грузило будет сквозное и лежать на дне, а самый поплавок будет самопогружающимся (т. е. если в нем самом или немного ниже, на леске, будет груз, заставляющий поплавок погружаться по крайней мере наполовину), то не велика беда, если он будет и лежать на поверхности, так как при скользящем грузиле видна самая слабая поклевка. Ловят на одну или на две, редко на три удочки, в последних случаях закидывают их на разное расстояние от берега, на разную глубину и нередко с различными насадками; каждая удочка должна лежать на двух развилках, так, чтобы комли были под рукой. Самая удачная ловля бывает, когда берег обрывистый и сразу идет вглубь уступами. Вся задача состоит в том, чтобы груз был на уступе, а насадка свешивалась бы вниз и несколько качалась течением. Сазаны всегда ходят такими порогами, не сразу замечают грузило и леску и берут много смелее. Вообще лучше забросить (не вставая) подалее и потом притянуть насадку к себе. Чем меньше выдается удище, чем короче расстояние между его кончиком и поплавком, тем лучше, так как сазан менее пугается шестика, подсечка бывает сильнее и (на простом удильнике) можно водить его круче. Свободная часть лески от кончика до поплавка не должна быть длиннее 2 аршин, и при ловле без катушки лучше, если вся леска до крючка будет лишь немного длиннее удища (не более аршина). Обыкновенно, закинув удочки, бросают на поплавок и подалее немного прикормки, перекидывают не вставая; главное, стараются не бросать тени на воду.

Вот общие правила ловли сазанов на приваде с поплавком и длинным удильником, т. е. главного, иногда единственного ужения этих рыб. Другие способы ужения употребляются редко; только в более населенных местах привада часто заменяется

прикормкой, бросаемой перед началом или во время ужения. Ужение на донную с обыкновенным коротким удильником весьма неудобно и мало распространено. Кажется, оно возможно только на отмелях и в ночное время. В Астраханской губернии, по свидетельству Витте, однако, весьма успешно ловят сазанов без поплавок на довольно длинную леску с длинным же удилищем; поклевка при этом передается непосредственно гибкому кончику. Так как леска большею своею частью лежит на дне, а не висит перпендикулярно, то рыба должна брать насадку смелее, а потому мне кажется, что в некоторых случаях, когда, например, глубина находится далеко от берега, выгоднее ловить этим способом. Как кажется, в Астраханской губернии удят больше на двойчатку, или, вернее, волосяную перекладину, привязываемую к кончику лески и оканчивающуюся крючками. Грузило привязывается на верхковом поводке к середине этой двойчатки, т. е. ниже ее.

Во Франции довольно употребителен следующий вариант ловли и карпов с поплавком. Удят с лодки, укрепив ее кормой к берегу, на очень длинное удилище (до 3 сажен длины) с катушкой, со сквозным оливкообразным грузилом и поплавком, поставленным значительно выше, чем требуется глубиною. Смотав довольно большое количество шнура с катушки, берут удилище в левую руку, уперев его комлем в живот, а правой раскачивают грузило с насадкою (большею частью бобом) и бросают, как пращу, вдаль, сажен на 5 и далее от себя. Этот способ особенно пригоден, когда глубь находится далеко от берега и карпы близко к нему не подходят.

При ужении карпов, как видно, груз и насадка лежат на дне; у нас иначе и не ловят. Однако у некоторых иностранных авторов встречаются советы ловить карпов на весу, так, чтобы насадка на несколько сантиметров не доходила до дна. Это странное противоречие объясняется очень просто – тем, что здесь имелось в виду ужение прудовых карпий в иловатых местах, т. е. таких, где грузило и насадка могут совсем увязнуть. Кроме того, бывают случаи, когда карпов приходится ловить не только на весу, но даже очень близко от поверхности воды и даже совсем поверху – именно в травах (лопухах), во время жаров, когда карпы ходят поверху и кормятся животною слизью, а также мелкими раковинками, часто покрывающими нижние поверхности листьев кувшинок. В Германии весьма удачно удят в таких местах на большую синюю муху, зеленого капустного червя и на красного навозного с небольшим грузилом без поплавок, закидывая таким образом, чтобы дробишка упала на лист кувшинки, а насадка свешивалась бы вниз. Тут же можно ловить карпов на кузнечика и стрекозу вовсе без грузила – поверху.

Точно так же, поверху, приходится ловить карпов в таких прудах, где они привыкли к бросаемому им хлебу. Рыба здесь сыта и со дна берет редко, но если снять поплавок и грузило и бросить предварительно несколько кусочков черного или белого хлеба, один из таких кусочков (не смятых) надеть на крючок и осторожно закинуть, то не пройдет и мнуты, как насадка будет схвачена. Только таким образом мне удалось поймать довольно крупного (10-фунтового) карпа в пруде Николо-Угрешского монастыря. К сожалению, было уже поздно и поднялся ветер, карпы перестали гулять, и более поймать я не успел. Судя по всему, такие подкармливаемые карпы берут лучше всего в ясную и тихую погоду, когда всего охотнее выходят на поверхность.

Поклевка карпов чрезвычайно разнообразна и иногда бывает почти незаметна, так что ловля их требует очень чувствительного поплавок. Различия в клеве зависят от весьма многих причин: величины рыбы и принадлежности ее к тому или другому сорту, места ловли, течения, времени года и дня и, наконец, качества и величины насадки. Прудовые карпии берут всегда сравнительно слабо и тихо, и клев их имеет большую аналогию с клевом леща. Речные карпы, сазаны имеют уже (хотя не всегда) характерную поклевку, но всегда стремительнее берет сорту

сазана, называемый горбылем, а местами и коропом. Чем крупнее рыба, тем она (если голодна) клюет вернее и сильнее. На глубоких местах карпы хватают насадку смелее, чем на мелких, на донную удочку смелее, чем на поплавочную; весной до нереста клев их хотя и верен, но вял; всегда резче он в июле и августе; вялый и неверный клев бывает также, когда ободняет, т. е. солнце подымается высоко, в очень жаркие утра и перед переменной погодой, когда, наконец, рыба сыта или чересчур закормлена на приваде и много рыбы срывалось за все время лова. Наконец, не подлежит никакому сомнению, что сазаны берут мелкую насадку, в особенности зерновую, смелее и вернее, чем крупную хлебную (кашу, мятый хлеб) и червей. Хлебную насадку сытый или бывалый карп часто сосет, не шевеля поплавок, и выплевывает при малейшем шуме или колебании лески, у червей же безнаказанно объедает хвостики.

Типичная поклевка карпа следующая: поплавок сначала идет в сторону с возрастающей быстротой и стремительно погружается в воду, так что рыболлов не успевает взять удильник в руки, как рыба уже сама себя подсекла, а если ловят с катушкой, то уже успела смотать несколько аршин шнура. Иногда эта поклевка бывает совершенно неожиданна: «в вашем представлении продолжает рисоваться неподвижный поплавок, как вдруг вы замечаете, точно какая-то яркая змейка метнулась у поплавка и скрылась в глубину». Впрочем, в некоторых случаях близость поклевки предвещается приближающимися к поплавку пузырями, пускаемыми подходящими к приваде карпами. Самые крупные сазаны берут с невероятной и даже совершенно непонятной силой, так как умудряются с разбега отшибать крючки до подсечки. Барон Черкасов тоже говорит, что сазаны не раз отрывали поводок у середины, не смотав ни одного аршина с катушки. Каким образом они ухитряются это делать? Можно только теряться в догадках, но лопающийся у середины поводок едва ли не показывает, что тут действует пресловутая пилка спинного или, пожалуй, заднепроходного плавника. Быть может, что бывалый карп, прежде чем взять насадку, ползая по дну, пропускает поводок за твердый луч и затем, стремглав схватывая насадку, резким движением тела перерезает жилку.

При слабом клеве, напротив, поклевка сазана представляет большое сходство с поклевкой линя, плотвы или даже рака. Сытый или осторожный карп слегка колышет поплавок, затем ведет его в сторону, не погружая, и останавливается; в некоторых случаях он кладет поплавок на воду, как лещ, т. е. взяв насадку в рот, поднимается выше, приподнимая и грузило. Иногда, наконец, поклевка сазана выражается в слабом вздрагивании поплавка, либо в едва заметном погружении его (как у рака), или кручении на одном месте. Это бывает, когда рыба сосет насадку, не трогаясь с места, или когда рыба, плавая по дну, задевает насадку брюхом или нижними плавниками. В этих случаях нечего ждать более ясной поклевки, т. е. чтобы поплавок поплыл в сторону или скрылся под водою, и надо подсекать немедленно. При ужении на горох поклевка также передается обыкновенно следующим образом: поплавок сначала дрогнет, погрузится, потом колеблется, не погружаясь, и вдруг выскакивает и ложится. Это значит, что рыба взяла своими твердыми губами насадку, размяла ее, высосала и затем выплюнула вместе с крючком.

Так как губы и рот сазана очень мясисты, то подсечка никогда не должна быть сильной и резкой; эта сильная рыба почти всегда сама себя подсекает или, по крайней мере, почувствовав укол крючка, своим стремительным движением заставляет жало крючка вонзиться очень глубоко. Поэтому подсекать надо кистью руки, а не с маху. Впрочем, при ловле на простые снасти и крупные крючки можно и даже должно приподнимать удище кверху, но при ужении с катушкой и на мелкие крючки достаточно легкого встряхивания кончика удильника, предоставив самому

сазану засесть на крючок как следует. В общем, с подсечкой медлить не следует и надо расположиться на берегу, лежа или сидя, таким образом, чтобы руки были как можно ближе к комлям удильников, но надо также принимать в соображение место лова и насадку, на которую ловят. В прудах, тихих заводях, а также при ужении на хлеб и кашу, т. е. на крупную и мягкую насадку, не следует торопиться с подсечкой, но на течении, хотя бы и водоворотном, и при зерновой насадке медлить отнюдь не полагается. Кроме того, при ужении сазанов, тем более при слабом, нерешительном клеве, необходимо принять за правило – подсекать перед каждым перезакидыванием. Нечего и говорить о том, что подсекать следует в сторону, противоположную направлению, принятому поплавком.

После подсечки, если рыба окажется зацепившейся, быстро вскакивают на ноги и прежде всего выкидывают свободной рукой или ногой остальные удочки на берег, чтобы не мешали. Вываживание рыбы производится непременно стоя. Небольшого карпа, до 3–4 фунтов, впрочем, более или менее, смотря по крепости лески, вытаскивают без всяких церемоний и как можно скорее, чтобы не распугать более крупную рыбу, но с более крупными приходится порядочно возиться. Главная задача рыболова, если он ловит на обыкновенные снасти, заключается в том, чтобы воспользоваться всею гибью удилица и растяжимостью лески, не дать рыбе вытянуть леску и шестик почти в прямую линию, т. е. держать удилице насколько можно выше, и постараться, не форсируя слишком, заворотить попавшуюся рыбу в сторону и заставить ее ходить на кругах, или, точнее, дугами. Слишком круто водить крупного карпа не следует, так как если даже и выдержит снасть, то может не выдержать сазанья губа. Обыкновенно приходится держать удилице обеими руками, а если оно длинно, то даже упирать комлем в живот. Конечно, если рыба тянет вдоль, то стоять на месте нет расчета и гораздо благоразумнее следовать за ней берегом, если только она не направляется заведомо к какой-либо коряге или в траву. При ужении с катушкой круто водить сазана, даже мелкого, нельзя и приходится спускать большее или меньшее количество шнура, сообразно силе рыбы и крепости прилежащих мест. Удилище держат здесь всегда левой рукой выше катушки, упирая комлем в пах; правая рука находится около катушки и спускает или собирает леску, задерживает, тормозит катушку, если она чересчур быстро разматывается. Шелковая леска обыкновенно гудит при этом, подобно телеграфной проволоке.

Чаще всего карп, подобно другим рыбам, зацепляет за крючок левым или правым углом рта, верхнею челюстью, около ноздрей, очень редко за нижнюю губу, гораздо реже, чем за середину верхней челюсти, – в лоб, как выражаются некоторые рыболовы. В последнем случае крупные сазаны зачастую ломают или разгибают крючок, что весьма понятно. Почувствовав подсечку или наколовшись, сазан с необыкновенною стремительностью бросается прочь; если поблизости есть коряги или вообще какая-нибудь крепь, то прежде всего он направляется туда; если же это ему не удалось, то катит на середину реки в прямом направлении, стараясь вытянуть удилице и леску в одну линию и с разбега оборвать снасть. Это самый обыкновенный его маневр и самый опасный, но раз сноровка рыболова и качество снасти выдержали это испытание и удалось заворотить сазана в бок – все шансы за успех. Видя, что силой ничего уже не поделаешь, карп начинает хитрить: он или бежит к берегу; прямо на рыболова, стараясь ослабить леску и освободиться от крючка, который, если ранка очень велика, легко из нее выпадает, или же, стоя на одном месте, к берегу хвостом, начинает крутиться и вертеться. Это делается им с той целью, чтобы леска (вернее, поводок) попала за твердый луч спинного пера (иногда заднепроходного), по сле чего сазану уже нетрудно если не перепилить ее, то перетереть или измочалить и вообще уменьшить ее крепость. Всем сазанятникам очень хорошо известно, как это делается, и многие не раз видели, как карп ложится сначала на бок и, пропустив леску куда следует, начинает крутиться на одном месте.

Замечательно, что это делают только сазаны, прудовые же карпии никогда не перепиливают лесок, и ни один иностранный автор не упоминает об этой хитрости, даже говоря о речных карпиях. Очевидно, в умственных способностях, как и в силе, акклиматизированный карп уступает своему дикому родичу. Маневр этот иногда удается, особенно с волосяною лескою, и карп уходит с крючком и обрывком лесы. Поэтому не следует позволять ему стоять хвостом к берегу и при остановке надо стараться завернуть ему морду, а если это не удастся, то частыми и довольно резкими подергиваниями заставляют сазана тронуться с места. Вероятно, эти дерганья причиняют ему сильную боль, так как большею частью сазан не выдерживает и летит к берегу, кувыркаясь по пути и наворачивая на себя ослабнувшую леску. Вот почему надо всегда быть настороже и держать леску натянутой, а так как это вполне достигается только при том условии, чтобы леска была лишь немного длиннее (не выше человеческого роста) удилица, то понятны неудобства коротких донных шестиков и длинных лесок. Тем более что не вполне, т. е. не до бесчувствия, утомленного сазана подтаскивать к себе на леске крайне опасно. Замечу кстати, что утомленного сазана, идущего к берегу, если тут находится трава, коряга или корни, необходимо (особенно при ловле с катушкой и вообще на длинную леску) отпугивать от опасных мест, бросая в него камнями или комками глины. Эту бомбардировку удобнее поручать своему спутнику или товарищу.

Пойманный сазан выскакивает из воды довольно редко, когда, кажется, уже потеряет всякую надежду оборвать или перепилить леску. Сначала он ходит почти по дну, но, постепенно ослабевая, делает все меньшие и меньшие дуги и наконец всплывает на поверхность. Особенно тяжело, хотя и не бойко, ходят карпы, подавшиеся на крючок не в рот, а за бок, брюхо, за глаз и другими незаконными путями, что часто случается, когда к приваде подойдет целое стадо карпов, и они, плавая по дну, задевают насадку, шевелят поплавок и заставляют подсекать. Впрочем, даже небольшие сазаны, пойманные таким образом на обыкновенные удочки, почти всегда срываются, но при ужении с катушкой можно с успехом вытаскивать и довольно крупных рыб. Опытный рыбак по ходу рыбы после подсечки чувствует по руке, крепко ли зацепил крючок и в рот или не в рот. В последнем случае рыба идет очень тяжело, но не бойко, как-то боком и сильно упирается. Неопытному рыбаку и небольшая рыба, попавшая за бок, покажется крупной.

О силе карпа было уже сказано выше. Самые слабые из его разновидностей – карпики, или карпушки, т. е. помеси с карасем, затем следуют прудовые немецкие карпии, прудовые карпы русского происхождения, речные сазаны и, на конец, так называемые горбыли. Вероятно, продолговатые (венгерские) карпы по силе займут средину между сазанами и горбылями (иногда называемыми карпами). Даже прудовая карпия оказывает на удочке по меньшей мере в 1 1/2 раза большее сопротивление, чем лишь одинакового веса; 4-фунтовый сазан никак не слабее 8-фунтовой щуки и такого же линя, а 4-фунтовый горбыль по силе равняется 12-фунтовой щуке. Вообще сазан вдвое или втрое сильнее всех других рыб такого же веса, за исключением усача, который немного ему уступает, вырезуба, лосося и крупной форели, которые еще сильнее. Живая сила сазана, по мнению компетентных рыболовов, в 3, даже 4 раза превосходит его вес, т. е. 12–15-фунтовый экземпляр может, при неблагоприятных условиях, конечно, оборвать леску, выдерживающую 30–40 фунтов, тогда как большинство наших рыб не в состоянии оборвать леску, которая их может удержать на весу. Сила сазана очевидна при поверхностном взгляде на его крепкое сложение. Вальковатое и гибкое туловище, огромный хвост объясняют его стремительность и снастесокрушительность. Кто наблюдал карпов в пруде, когда они гуляют поверху, тот знает силу и быстроту их

движений: один взмах хвостом – и рыба скрывается из глаз; сазан же еще могучее и проворнее. Главный камень преткновения при его ловле – это та стремительность, с которою он бросается прочь от берега, большею частью на середину, и та быстрота, с которою он вытягивает удилице и леску в одну линию, иногда прежде чем рыболов успеет схватить шестик. Немалое значение в сопротивлении сазана играет и огромный, т. е. широкий, спинной плавник, который не позволяет завернуть рыбу в сторону, т. е. сазан потому так и упорист на поворотах, что растопыривает спинное перо. Замечательно, что очень крупные, старые сазаны неповоротливее, ленивее, пассивнее в своем сопротивлении, чем матерые, но еще не старые. Самые бойкие и опасные для снастей – это сазаны около 10 фунтов весом. Более же крупные сравнительно вялы, двигаются медленно, без характерного стремительного разбега и обрывают лески своей тяжестью, очевидно надеясь на свою силу. Сазаны средней величины поэтому чаще успевают смотать шнурок с катушки, чем старые, и оборвать его. Крупный же сазан, не знакомый с предательскими свойствами катушки, скорее утомляется, но надо заметить, что слишком тонкая снасть не в состоянии сдвинуть с места даже совсем утомленного гиганта. Поэтому не следует особенно увлекаться тонкостью снастей даже при ужении с катушкой.

При ловле карпов сачок почти необходим, и вытащить даже среднего карпа без помощи последнего трудно. Впрочем, некоторые опытные рыболовы ухитряются вытаскивать довольно крупных сазанов, предварительно утомив их и заставив глотнуть несколько воздуха; затем схватывают их большим и указательным пальцами правой руки за глаза, как щук, но с берега прием этот затруднительнее, чем с лодки. Так делают, например, астраханские рыболовы (Витте). Сазан, схваченный за глаза, не делает ни малейшего движения и, очевидно, впадает в обморочное состояние. Большинство удильщиков прибегает, однако, к помощи сачка или подхватки, очень редко – к багру. Подхватка для сазана несколько отличается от обыкновенного сачка. Она должна иметь более длинную и прочную рукоятку и более глубокую (в 1 1/2 аршина длиной) сетку; некоторые предпочитают металлическому обручу развилины рукоятки, что прочнее. Подсачивают только совсем утомившегося сазана, если только он не из мелких; левой рукой, держащей удилице, ему предварительно приподнимают голову, затем наводят сзади сачок, стараясь не задеть за рыбу, и тащат ее волоком, не вынимая из воды.

Как очень живучая рыба, карп может долго оставаться без воды. Большинство рыболовов предпочитает держать их живыми или в больших плетеных корзинах, поодаль от места лова, или же просто в холщовых мешках, в которых они ведут себя очень смирно. Очень немногие гастрономы пришибают пойманных карпов ударом колотушки по лбу и затем делают надрез в жабрах, чтобы спустить кровь. Может быть, что такие пришибленные карпы и окажутся несколько вкуснее карпов неубитых, но так как их можно принести домой живыми (в мокрой траве за десятки верст), то большинство благоразумно предоставляет опускание крови поварам и кухаркам.

Промысловая ловля сазана производится главным образом весной, во время хода и нереста, местами также поздней осенью и зимою – на зимних становищах.

Наибольшая масса рыбы добывается в низовьях Урала, Волги, Дона и Днепра главным образом неводами – весной и в начале лета, когда вода еще мутная и сазаны, не видя приближающейся сети, не прибегают к своим обычным уловкам. Во время нереста они даже забывают всякую осторожность, и можно целую стаю не только окружить неводом, но и подождать потихоньку к берегу. Летом и осенью речные карпы попадают в невод в значительно меньшем количестве, так как живут в ямистых и крепких местах; даже прудовые карпии очень ловко ускользают от надвигающегося невода, залегая в углублениях дна.

В огромном количестве добываются также сазаны острогою, во время нереста.

Этой ловлею на всем юге России (от 50° с. ш.) занимаются десятки тысяч лиц; местами чуть не большая часть мужского населения занимается боем сазана. Бьют особыми двузубыми острогами, называемыми садовьями или сандовьями, а иногда и простыми вилами. Настоящее сандовье состоит из железного двузубца, к которому прикреплен длинная веревка, и древка, или ратовища, которое свободно вынимается из трубки. Чаше, впрочем, острога неподвижно прикреплена к палке. Ловля эта производится только на мелких местах, именно на разливах, когда самцы гоняются за самками и сазаны ходят семьями по самой поверхности. Обыкновенно приходится стоять в воде, но иногда бьют сазанов и с челноков. Опытный садовщик сначала всегда бьет самку, которая отличается величиною и идет впереди более мелких самцов; во время нереста удается иногда заколоть сразу двух рыб. Если не убить сначала матку, то вся артель убегает. Кроме того, следует стараться бить рыбу против ветра или против течения, чтобы кровь не наносило на живых, и как можно горизонтальнее, т. е. в бок, а не спину. Так как вечером сазаны не играют, а только бродят, отыскивая места для нереста, то в это время ловят их очень немногие, наиболее ловкие ловцы. Особенною ловкостью отличаются астраханские татары, которые бьют и идущую довольно глубоко рыбу по колебанию камышинок или по волне, которую она несет перед собою.

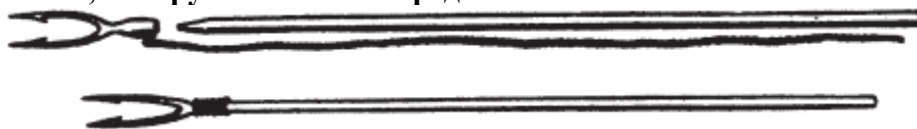

Рис. 122. Садовья

В тех местах, где с главным или побочными руслами реки соединены естественными или искусственными ериками (т. е. узкими протоками) небольшие озера, ловля сазанов еще добычливее, но имеет то преимущество, что производится по окончании нереста, когда они возвращаются в реку. У таких ериков и стерегут появление карпов, для чего в дно ерика втыкают несколько тростинок, располагая их вершка на два одну от другой поперек ерика. Сначала, по общему мнению рыбаков, проходит только 1–3 сазана, так называемые разведчики; в это время всего более заботятся о соблюдении тишины. После соглядатаев ждут целого стада, и вскоре вслед за ними появляется множество карпов, которые внезапно опрокидывают тростники. Тогда ерики перегораживают наглухо частоколом, перед которым ставят еще редкие мочальные сети – уры, необходимые ввиду того, что эти рыбы часто подрывают частокол и уходят обратно в реку. Озеро, таким образом, делается как бы садком, из которого, конечно, уже нетрудно выловить всю рыбу. В так называемые котцы (см. «Карась»), которые часто делаются в ериках, карп попадает весьма редко, что тоже доказывает его смышленость, и заходит туда только во время сильного ветра или бури, когда старается укрыться где попало...

Немалое количество сазанов попадает весной, во время нереста в ятеря (вентеря), т. е. сетяные верши, только необходимо ставить эти снасти на ночь и осматривать до восхода, так как карпы, когда ободняе т, перерезывают сверху несколько петель зазубренным лучом спинного пера и уходят. Вобыкновенные ивняковые верши сазаны идут в мае и июне также довольно охотно. На р. Буге около г. Винницы для ловли сазанов устраивают на мелких местах так называемые сплавы. С этой целью вбивается несколько кольев, на них накладывается легкий помост из хвороста и все сверху покрывается травой. В середине такого острова помещается верша. Сазаны наперебой стараются занять место на узенькой площадке перед входом в отверстие верши и, протискиваясь все вперед, залезают в вершу. Местами, кажется именно на Дону, ловят карпов и летом, обмазывая верши хлебом и тестом («Вестник рыболовства»).

Но после нереста, в течение всего лета и половины осени, большая часть сазанов добывается удочкой, а не рыболовными снастями. В ботальные сети (см. «Карась»)

эта осторожная рыба попадает редко, хотя в последнее время и стали прибегать к таким радикальным средствам для выгона ее из ям, как бросание в во ду раскаленных камней. В сильные жары местами, например в Тульской губернии (в верховьях Дона), когда карпы стоят в камышах, около родников, их удается изредка колоть остроугою; в некоторых речках Тульской же губернии карпов летом щупают в норах, куда они забиваются. Наконец, в жары, когда карпы стоят на поверхности и спят, в Западной Европе изредка удается ловить их волосяными и очень мягкими медными силками, которые осторожно надевают (на шестик) с головы и быстро затягивают, как только петля минует жабры.

Осенняя промысловая ловля начинается с заморозков, когда сазаны постепенно собираются в густые стаи и залегают на зимовку. В удобных местах они становятся плотною массою в несколько рядов, толщиной до двух и более аршин. Рыбаки заблаговременно замечают эти становища, стараются не беспокоить рыбу преждевременно и, лишь только она окончательно установилась, что бывает перед самым замерзанием реки, обметывают заповедное место двойным или тройным рядом мереж и, про бравшись в середину, поднимают сильнейший шум веслами и особыми снарядами, так называемыми боталами (см. «Карась»). При сильном оцепенении карпов, что бывает при больших холодах или когда рыба давно уже улеглась, даже и этот необычайный шум и гвалт собравшихся рыбаков не в состоянии расшевелить полусонных, вялых рыб. Тогда приходится прибегать к железным острогам или самодерам, о которых будет говорить при описании ловли сомов в глубоких местах, очень часто становящихся вместе с карпами, причем обыкновенно они занимают самый нижний слой, так как ложатся всегда ранее карпов. Это обстоятельство в связи с тем, что, во-первых, этим хищникам вовсе не до еды, во-вторых, что ложатся в ямах большею частью самые крупные карпы, вполне объясняет такое с первого взгляда весьма странное сообщество. Подобные зимние становища обыкновенно известны рыбакам наперечет, хотя иногда меняются, а всего многочисленнее, как было сказано, в низовьях южнорусских рек, особенно Урала, между Гурьевым и морем. Сюда собирается, по-видимому, не только большая часть сазанов, живших в реке, но и живших на взморье и в море, так что в удобных местах они собираются в невероятном множестве. Даже в Днепре, который в рыбном богатстве не может даже идти в сравнение с Уралом, и теперь, по свидетельству рыбаков, есть такие места, в которых вылавливаются сотни пудов рыбы.

Количество сазанов, добываемых на юге России, должно быть весьма значительно, но так как эта рыба большею частью потребляется на месте и только небольшая доля пойманной изготавливается впрок (малосольною и вяленою) и замораживается, то карпы до сих пор имеют второстепенное значение в рыбной торговле. Несомненно, что в одних низовьях наших южных рек добывается не менее миллиона пудов сазана.

Едва ли не большее количество сазанов погибает без пользы или почти без пользы для человека, становясь добычей пеликанов, бакланов, цапель, чаек и других вредных птиц, не говорим об утках, уничтожающих массу икры и молоди, и о свиньях, которым достается на юге немалая часть рыбы в пересыхающих летом ериках, озерах и ямах на займищах. Совершеннолетнему сазану, правда, опасны только сомы и крупные щуки, но враги сазанят бесчисленны, и на юге давно бы следовало принять какие-нибудь меры против безусловно вредных рыбоядных птиц. Огромное количество карпов погибает зимою в озерах и прудах от спертых вредных газов, немало их обсыхает весною на поймах. Большой вред прудовым карпиям приносят окуни, поедающие их икру и мальков; в некоторых прудах, где много окуней, по моим наблюдениям, мелких карпов вовсе не бывает, хотя они нерестятся ежегодно. Щуки, напротив, до некоторой степени бывают даже полезны, о чем уже

говорилось выше. Щука необходима в карповых прудах еще для уничтожения лягушек, очень вредных для карпов, так как они, кажется, главным образом раннею весною, бывают причиною смерти даже крупных карпов. Самцы лягушек, именно зеленых (*Rana esculenta*), вскакивают на спину карпа у головы и, сидя на нем верхом задними ногами, запускают передние в глазные впадины. По другим сведениям, лягушки впиваются также зимою во время спячки карпов. В обоих случаях последствием бывает ослепление рыбы, которая затем погибает от голода. Вообще прудовые карпы едва ли не более подвержены разным случайностям и нападениям паразитов, чем речные. Они чаще страдают от глистов, а в особенности от паразитных рачков-карпоедов, называемых также рыбными вшами (*Argulus foliaceus*), присасывающихся между чешуями; на жабрах карпа весьма часто также замечается весьма странный паразит из низших червей, так называемый *Diplozoon paradoxus*, который состоит из двух сросшихся индивидуумов. Кроме того, прудовые карпы нередко подвергаются разным кожным болезням: выпадению или размягчению чешуи, причем поверхность тела становится слизкою, полипам или мясистым наростам на голове и спине, язвинам между чешуями. Старые карпы нередко порастают мохом, т. е. грибами, и эта болезнь бывает большею частью смертельна; иногда ей подвергаются и молодые рыбы, если вода начала загнивать.

Рис. 123. Карпоед

Карп принадлежит к числу самых вкусных и жирных пресноводных рыб. Мясо карпа, особенно прудового, несколько сладковато и весьма обильно кровью, почему более всего приближается к говядине. Ловцы считают сазана самой кровяной рыбой и избытком крови объясняют горячительные свойства сазанины. На Нижней Волге всем известно, что в жаркое время мясо сазана производит головную боль и лихорадочные припадки, особенно у приезжих людей, а в холодное время имеет усыпительное действие; по этой причине астраханские ловцы всегда ужинают сазаниной. Весною (на Южной Волге) карпы имеют горьковатый вкус (в прудах же и летом), а потому ловцы, когда варят уху, сначала вынимают жабры, которые будто бы пропитываются соком травы. Печень сазана большая, темно-зеленого цвета и очень горькая, почему надо осторожно ее вынуть целиком. Из желчи карпа готовится очень хорошая зеленая краска. Горечь мяса, а также запах ила у прудовых карпий нетрудно уничтожить прибавлением крепкого уксуса. Французские рыболовы говорят, что если влить в рот карпу рюмку крепкого белого уксуса, то на коже образуется выпотение, которое счищается вместе с чешуей; мясо же становится крепче и не отзывается тиной. Жирный карп узнается по яркости цвета, твердости тела и брюха, на котором не должно оставаться углубления, если надавить пальцем. В Западной Европе для того, чтобы карпы скорее жирели, нередко холостят их, вырезывая яичники или молоки, а в Голландии и Англии даже откармливают карпов в погребах, помещая рыб в корзины с сырым мохом, ежедневно спрыскиваемым водою; корм состоит из хлеба, вымоченного в молоке или вине, который дают с ложки. Карпы в больших рыбацких садках также весьма охотно едят брошенный им хлеб, зерна и т. д., но зимою никакой пищи не принимают. Откармливание продолжается 3–4 недели. Мясистые сазаньи языки на юге считаются лакомством, и еще в прошедшем столетии, по свидетельству Фалька,

в Астрахани их мариновали в уксусе и отправляли в Петербург.

Такая живучая рыба, как карп, может выдержать живой очень дальнюю перевозку, причем совершенно достаточно, если он будет находиться в влажной траве или сыром мху. Необыкновенная сложность органов дыхания карпа дает ему возможность очень долгое время оставаться без воды. У него насчитывают 17 400 костей, мускулов, нервов, артерий, вен и сосудов, имеющих отношение к дыханию. Как и следует ожидать, прудовые карпии значительно крепче речных сазанов и не уступают в живучести карасям. Особенно долго живут молодые карпы, что доказывается следующим опытом. Из аквариума были вынуты две карпии; когда они уснули, то через 4 часа одну положили в лоханку с водою, наполовину разбавленного спиртом, а другую – в чистую воду. Через несколько минут первая карпия совсем ожила, а другая, пролежав в воде 4–5 часов без движения, все-таки, когда ее положили в водку, ожила через пять минут и также совершенно оправилась. Вообще карпия снет не столько от недостатка воды, сколько потому, что слизь, ею выделяемая, затвердевает и заклеивает жаберную крышку: рыба, следовательно, задыхается. Если же опасность заклеивания будет устранена, то карпия может быть перевезена на расстояние нескольких суток езды. Этот факт давно известен и объясняет быстрое распространение карпии в Западной Европе и Северо-Западной России, откуда они перешли и в помещичьи пруды средних губерний. Если в рот карпа положить кусок хлеба, смоченный в водке или уксусе, то он может прожить в сырой траве более суток. Для этой цели лучшею травую считается глухая крапива. Можно также безопасно пересылать карпов в снегу на значительное расстояние, так как, хотя они и замерзнут, но в воде скоро выхаживаются. Лучший способ перевозки карпов обуславливается полной их неподвижностью и свободным действием жаберных крышек. С этой целью карпий укладывают в ящики рядами на спину так, чтобы голова одного находилась рядом с головой ближайшего; за жаберы каждой рыбы предварительно кладется небольшой ломтик яблока, а в рот – кусок хлеба, смоченный водкой; ряды перекладываются травую (крапивою) так, чтобы рыбы не могли шевелиться. Если путешествие длится несколько суток, то весьма полезно, а иногда (в жары) даже необходимо раз в день вынуть рыб из ящика, освободить их от ломтиков яблока и кусочков хлеба и пустить на несколько часов в воду. При таком уходе карпии могут быть привезены за тысячи верст по железной дороге и за многие сотни верст – по грунтовым путям.

Сазан всюду у нас принадлежит к довольно малоценным рыбам. В Москве спрос на него весьма незначителен и он продается немного дороже крупных язей, голавлей, шересперов; карпии, лещи, щука, тем более судак ценятся здесь гораздо дороже, а потому вряд ли разведение карпов в подмосковных прудах будет особенно выгодным. Я полагаю, что выгоднее будет разводить здесь даже сравнительно медленно растущих карасей, которые, как и лещи, всегда найдут в столице верный сбыт. Надо всегда сообразоваться со вкусом потребителей и требованиями рынка, которые весьма мало изменчивы. Не следует забывать, что выгодно производить лишь то, что требуется, что имеет постоянный и обширный сбыт при сравнительно дорогой цене.

Мирон-усач

Barbus fluviatilis L. В Белоруссии и Волынск. губ. – мирон; в Пскове (Даль) – мерен; в Южной России – марена, марина; в Каспийском море – усач; а в западных губерниях – барвена; русинск. – мжанка; в Польше – болен, бружана, бжана, поллосось (В. Petenyi – бржанка); в приток. Вислы – брынка, в верховьях – парма; в верх. Днестра – мажана; в верх. Прута – маренчук; на р. Быстрице – совак, совочник.

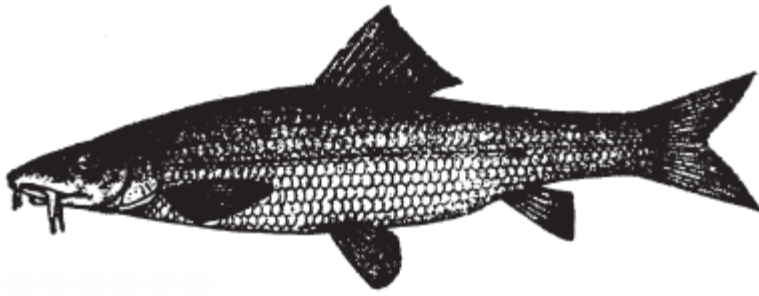

Рис. 124. Обыкновенный усач

Вероятно, весьма многие вовсе не слышали об этой рыбе. Мирон встречается только в Западной и Южной России и вовсе не известен ни в бассейне Волги, а тем более в северных губерниях. Правда, с давнего времени было известно, что в низовьях Волги встречается усач, но последние исследования показали, что этот усач составляет совсем особый вид и заходит туда случайно в косяках другой рыбы. Вообще род усачей, весьма многочисленный видами, принадлежит более Южной и Средней Европе, также Средней Азии; в Сибири не известно ни одного *Barbus*, но уже в Туркестанском крае, сколько известно в настоящее время, водятся 3–4 различных усача, и кроме того, в Каспийском море и частью в реках Юго-Восточного Кавказа встречается еще не менее пяти. Почти все каспийские усачи представляют, однако, довольно большое сходство с *Barbus barbus* и даже, может быть, и обособились от него в последние геологические эпохи, после отделения Черного моря от Каспийского. Но всех этих весьма малоизвестных, собственно уже азиатских, усачей мы оставим пока в покое и перейдем к главному, европейскому представителю этого рода.

Рис. 125. Глоточные зубы усача

Обыкновенный усач водится в Англии, Франции, во всей Германии и Австрии и в юго-западной части России. В реках наших, впадающих в Балтийское море, его нет вовсе, и только в Висле встречается другой вид (*Barbus petenyi*). Однако, судя по описанию г. Курбатова, этот усач (не более 2–3 ф.) недавно появился и в Немане. Главное местопребывание мирона – Днепр, где любимым пристанищем его служат Днепровские пороги и так называемые заборы, также Днестр, Буг и все главные притоки этих рек, особенно Горынь и Стырь. По всей вероятности, он идет тут очень далеко вверх, так как в Днепре, под Смоленском, и в Десне, у Брянска, рыбаки причисляют его к самым обыкновенным рыбам. Кроме того, усач встречается в большом количестве в реках Крымского полуострова, как, например, Салгир и Альме, но вообще он не любит холодной воды, так же как и очень теплой и сильно освещенной солнцем. В Дону он уже довольно редок, но доходит до Кременчуга и Павловска, а иногда замечается в Псле и даже в Сейме, хотя весьма редко, и то только ранней весной, пока река еще не вошла в берега. В Воронеже и других реках донского бассейна его, кажется (?), уже нет.

Усачи легко отличаются от всех других рыб своим выдающимся хоботообразным рылом и 4 длинными усами, из которых два расположены на конце верхней губы, прикрывающей нижнюю, а другие два – по углам рта. Тело у него длинное, почти цилиндрическое, сверху оливково-зеленого, снизу белого цвета; глаза маленькие, светло-бурые; спинной плавник голубоватый, и первый костяной луч его зазубрен:

остальные плавники более или менее красноваты. Вообще эта рыба как в Европе, так и в России представляет, по-видимому, довольно много видоизменений: так, например, у нас днестровская марена, по замечанию проф. Кесслера, отличается от днепровской очень широкими грудными и брюшными плавниками и гораздо более светлым цветом. У последней также плавники, особенно хвостовой, очень яркого красного цвета и даже спинной имеет красноватый оттенок. Глоточные зубы, по 10 с каждой стороны, у обеих разновидностей одинаковы, имеют ложкообразную форму и расположены в три ряда (2. 3. 5).

Марена принадлежит к довольно крупным рыбам. По свидетельству днепровских рыбаков, изредка встречаются усачи в тридцать фунтов, но обыкновенно они редко достигают величины более аршина и 10 фунтов веса. Средняя продолжительность жизни этих рыб 15–20 лет; растут они очень быстро, но делаются плодовитыми только на четвертом году, по мнению Бланшара, самцы достигают половой зрелости ранее самок, что весьма вероятно. Мелкие усачи живут большею частью на мелких каменистых перекатах, часто встречаются вместе с пескарями и тогда очень похожи на последних, отличаясь только мелкою чешуею, 4 усиками и удлинненным рылом. Взрослые также предпочитают быструю, достаточно свежую и чистую воду; это отчасти составляет причину их редкости в Дону и отсутствия в Волге. В озерах и вообще в стоячих водах они никогда не встречаются. Взрослые мироны большею частью держатся в каменистых, хотя и глубоких местах рек, всего охотнее около мостов, мельниц, свай, под пристанями, часто забиваясь в норы под берегом или залегая в небольшие, но глубокие ямки в русле реки; держатся большею частью на самом дне, где и добывают себе пищу, состоящую главным образом из червяков, раковин, изредка, несмотря на большой рот, мелких рыбок. На мелких местах они замечаются только во время разлива. Тогда усачи часто плавают у самых берегов и на поемных лугах на такой незначительной глубине, что спинное перо высовывается из воды. Сюда привлекает их обилие различных животных и растительных остатков, так как они кормятся также илом, животными извержениями, даже падалью (почему нередко встречаются у водосточных труб) и червями, которых очень искусно выкапывают из дерна своим хрящеватым хоботообразным носом. Иногда, впрочем, усачи выходят и летом на песчаные отмели, заросшие травой, чаще по утрам и в сумерки, даже ночью, так как вообще ведут более ночной образ жизни.

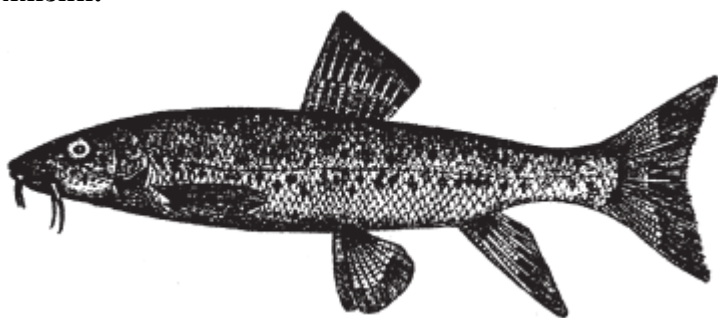

Рис. 126. Крапчатый польский

усач

Это весьма сильная, проворная и бойкая рыба, что видно по ее большим плавникам, форме тела и по той силе, с какой она вбирает и выталкивает воду при дыхании. Мироны очень быстры в своих движениях, нередко выскакивают из воды, и прыжки их иногда достигают изумительной вышины. Притом они редко ведут оседлый образ жизни, а постоянно переходят с одного места на другое и встречаются чаще поодиночке или незначительными стайками, и то больше в низовьях рек.

Большие стаи замечаются только во время нереста, который, по замечанию днепровских рыбаков, бывает в начале мая, когда зацветут груша и бузина. Вообще время нереста усача, как и других рыб, вполне зави сит от состояния погоды, а

потому всегда вернее определяется цветением и распусканием листьев растений. Тогда усачи собираются по несколько десятков и сотен и идут длинной вереницей далеко вверх по течению, причем впереди плывут самки, затем крупные самцы; шествие, наконец, замыкают самые молодые 1/2-фунтовые (годовалые!) молошники, по-видимому не достигшие полного развития. Самцов обыкновенно более, нежели самок, и иногда за одним икрянником ходит по несколько молошников, которых можно легко отличить по небольшим зернышкам на темени и спине, где они имеют вид одного непрерывного ряда. Самый нерест происходит в глубокой и быстрой воде, на каменистом или песчаном дне. Икра большею частью выметывается на камни; самки на некоторое время остаются на местах нереста, затем переходят в самую быструю воду, даже под водопады. Икра мирона оранжевого цвета и относительно весьма крупна и малочисленна: в самке средней величины насчитывается не более 800 яичек величиною с просяное зерно; молоки самца в красноватого цвета. Для развития икры потребна температура в 10–12°C, и зародыши выходят из оболочек через 9–15 дней. Молодые рыбки растут очень быстро, так что в 4 месяца достигают величины крупного пескаря. Замечательно, что икра этих рыб во многих местностях Европы считается ядовитой и не употребляется в пищу. Действие этой икры и причины ее ядовитости, впрочем, вовсе не исследованы, и мнения тут разногласят: по одним, отравление икрой усачей имеет некоторое сходство с отравлением беладонной, по другим (Бланшар), за отравлением следуют холерные припадки (рвота, понос); некоторые, наконец, как известный ихтиолог Блох, вовсе отвергают ее ядовитость.

На зиму мироны, по-видимому, снова собираются в большие стаи, залегают тесной массой в самые глубокие места реки и все время проводят в так называемой зимней спячке. По крайней мере, во Франции находили зимой усачей, укрывшихся в большом количестве под мостовыми устоями и затонувшими баржами, где они лежали так смиренно, что их легко можно было ловить на голый крючок вроде упомянутого самодера (см. «Сом» и «Карп»), даже руками. В России, однако, кажется, еще никто не замечал зимнего сна усачей.

Ловля миронов не представляет никаких особенностей, и они обыкновенно попадают в небольшом количестве вместе с другими рыбами – в невода и другие рыболовные снасти. Притом это очень бойкая и вдобавок осторожная и хитрая рыба. Главный лов ее, разумеется, производится весной во время нереста и поздней осенью, а всего более добывается ее в низовьях рек. По свидетельству Кесслера, екатеринославские рыбаки нередко вытягивают в одну тоню по несколько сот штук этой рыбы.

Белое и довольно вкусное мясо усача очень костляво и потому не имеет у нас, в Юго-Западной России, большой ценности и уважается, кажется, только одними жидами, которые одни умеют хорошо готовить усачей с разными пряностями. Недоваренное мясо этой рыбы, по словам Радкевича, производит расстройство желудка, икра же считается положительно вредною.

В последнее время на Кавказе и в Туркестанском крае, а также на Балхаше открыто очень много новых видов усачей и близких к ним рыб. Из этих усачей только один, именно тупоносый усач, встречается иногда в устьях Волги, но главное его местопребывание – Каспий и Аральское море, откуда он входит в значительном количестве в Куру (осенью), Сырдарью и Амударью. Тупоносый усач (*Barbus brachycephalus* Kessl, s. *oblusirostris* Kessl.) отличается от обыкновенного короткой, сравнительно небольшой головой, весьма небольшими и широко расставленными глазами, очень тупым носом, более удлиненным туловищем и более мелкою чешуею (на боковой линии 70–75 чешуек). Достигает он очень большой величины – 29 дюймов. Булат-май, или желтый усач (*Barbus chalybatus* Pall., s. *Capito Nordm*), отличается крупною чешуею, темным (стальным) цветом верхней стороны тела и

бледно-желтоватым нижней и меньшею величиною (до 40см). Встречается он в южных частях Каспия и в реках, сюда впадающих. Мурза (*Barbus mystaceus*) тоже небольшая рыба (до фунта), но имеет мелкую чешую (94–100 чешуек на боковой линии), а главным образом характеризуется чрезвычайно мясистым и хоботообразным рылом и нижней губою, разделенною на три лопасти. Кроме Куры и ее притоков, мурза, вернее очень близкий к нему вид (*Conocerphalus Kessl.*), водится также в Туркестанском крае. На Кавказе найдены еще два или три вида усачей с крапинками на теле. Из них *Barbus ciscaucasicus*, встречающийся в Тереке, Куме и других реках Каспия, средней величины (до 40 см), рыжевато-серого цвета с темно-серыми пятнышками и крапинками (особенно резкими у молодых экземпляров) на теле и на спинном и хвостовом плавниках и с светло-красными нижними плавниками. В Куре, Араксе и их притоках живет еще более пестрый усач небольшого роста, *Barbus caucasicus*, с многочисленными черно-бурыми пятнышками на боках, спинном и хвостовом плавниках, беловатым брюхом и красными или красноватыми нижними плавниками. К нему очень близко подходит гокчинский усач (*B. goktschalicus*) из озера Гокча с желтоватым брюхом и более пестрыми плавниками. В Верхней Куре и ее притоках водится горбоносый усач (*B. suri*), тоже пестрый, но отличающийся сильно загнутым книзу рылом. В закавказских речках живут еще рыбы, очень близкие к усачам, так называемые храмули, с одной парой усиков и крупною чешуею, почему они отнесены к другому роду (*Sapoeta*). Более известен из них тицуль, или храмуля (*Sapoeta fundulus*); у грузин – болоцителы, т. е. красный хвост, до 13 вершков длины, складом тела напоминающий голавля и водящийся в Куре, Араксе, Рионе и их притоках, особенно в р. Храм (откуда и название храмуля); в Каспии он, кажется, не встречается и любит быструю речную воду. Очень близка к нему гокчинская храмуля (когак у армян, кора-балык у татар) из оз. Гокча, отличающаяся почти только тем, что чешуя у нее не серебристая, а золотистая.

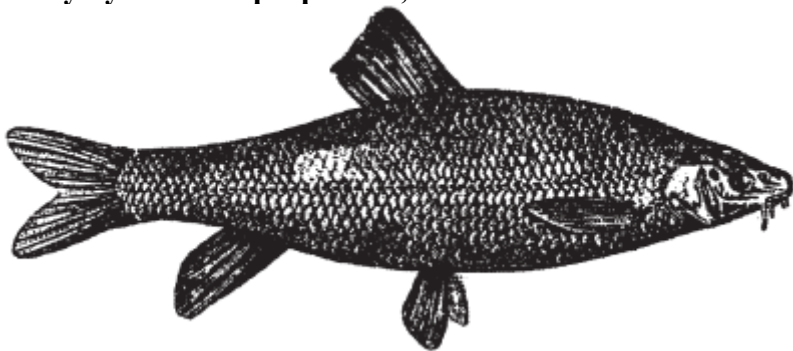

Рис. 127. Пищуль

; В Туркестанском крае, кроме собственно усачей, общих с каспийскими (*B. mystaceus, brachycephalus* и *caucasicus*), водится довольно много видов так называемых маринок (*Schizothorax*), отличающихся от усачей очень мелкою чешуею (почти как у линя) и особыми крупными чешуйками у заднепроходного отверстия. Самые верховья рек населяют так называемые османы (*Diptychus*), заменяющие здесь форелей, найденных только в немногих притоках Амударьи. Османы живут на высоте до 10 тысяч футов и отличаются от усачей и маринок двумя усиками (как у *Sapoeta*), а главным образом тем, что бока и хвостовая часть тела покрыты мелкими, совершенно разрозненными редкими чешуйками; брюхо же совершенно голое, и только по бокам заднепроходного плавника находятся крупные чешуи.

Несмотря на то, что мирон имеет у нас довольно обширное распространение и, как одна из самых сильных и бойких рыб, пользуется большим уважением между охотниками-рыболовами днепровского бассейна, до последнего времени об ужень е его на удочку в России не имелось почти никаких сведений, кроме поверхностных указаний о том г. Радкевича. Только теперь, после заметок г. Корде и Воронина, а

главным образом статей П. З. и Борисова об ужении мирона в Десне и Болве, можно составить себе некоторое понятие о ловле этой дорогой для охотника рыбы.

В Висле марена (*Varbus regenyi*) ловится, по Воронину, весьма немногими рыболовами. Вообще поляки недолюбливают удочку, а кроме того, очень быстрая, всегда мутная Висла с ее крайне изменчивыми берегами и глубиной не особенно благоприятствует ужению. Ловля производится на быстрых и относительно мелких местах, и чем более движется на дне песок и вода мутнее, тем клев чаще. Лучшим местом считается край отмели между серединою реки и глубоким местом у берега. Ловят здесь с руки (без удильника, взакидку), с полуфунтовым грузилом, причем на 6 вершков от крючка надевается маленький пробковый поплавок, с горошину величиною, чтобы подымал крючок; иначе он будет сейча с замыт песком. Крючок мелкий, как для ершей (?!), насаживается маленьким шариком сыра, лучше всего швейцарского. По причине сильного течения, тяжелого груза и осторожного клева осечки не редкость.

В верховьях Днепра, в Смоленской губернии (Корде), мирона также ловят на донную с очень тяжелым грузилом, от 1/4 до 1/2 фунтов, в самых быстрых местах реки и на очень прочные снасти. Насадкою служат: 1) мелкий линючий рак или раковая шейка; 2) пшениное тесто, неудобное тем, что легко сбивается с крючка и размывается быстрым течением; 3) веретеница (вероятно, ручьевая минога и ее личинка – слепой вьюнчик) длиною до 1/4 аршина; ее отыскивают в мягком иловато-глинистом дне, доставая оттуда черпаком или откапывая руками. Эта насадка считается здесь чуть ли не лучшей. Крючок продевается веретенице в рот, и жало и борода выпускаются наружу, непременно снизу, на расстоянии 1/2 дюйма от рта.

В дополнение к ужению мирона в верховьях Днепра, со слов одного из бывших смоленских рыболовов Глуховского, жившего на Днепре лет 15–20 назад, могу сообщить, что миронов ловят здесь большею частью с лодок, на тычках (шестах), втыкаемых в берег или неподалеку от него; по причине быстрого течения иначе удержаться на месте здесь невозможно. Главною насадкою служит здесь линючий рак, реже выползок. Для привлечения миронов ловят очень часто с привадою, состоящею из жмыхов с отрубями и тестом, чтобы не так скоро размывало ее течением. Все это кладется в мешки из рединки или в кульки, которые привязываются на бечевке к довольно длинной палке или шесту, с петлею на противоположном конце, надеваемою на вбиваемый (постоянный) кол или колья. Эти колья и привада составляют неотъемлемую собственность владельца, и ими не могут пользоваться другие. Мироны очень скоро подходят к приваде и начинают толкать мешок носом, что узнается (если она на весу) по сотрясению, передаваемому палке. Некоторые верхнеднепровские рыболовы пользуются этой смелостью мирона и ловят его на так называемые «подвязи», а именно: к мешку привязывают на коротких крепких поводках 2–4 крючка с насадкой (раком). Мирон, схватив рака, сам себя подсекает и вытаскивается вместе с мешком; если же он очень велик, то приходится снимать шест с колея и предоставить рыбе таскать его вместе с кульком до полного утомления. Как кажется, простые рыболовы ловят здесь миронов на нитяные лески, как и рыбаца (сырть), только более толстые. Эти лески приготавливаются (*censored*тся) самими рыболовами из отборных ниток домашнего прядения и в крепости будто бы мало уступают шелковым из сырца. По свидетельству того же лица, смоленские рыболовы ловили миронов до 20 фунтов весом.

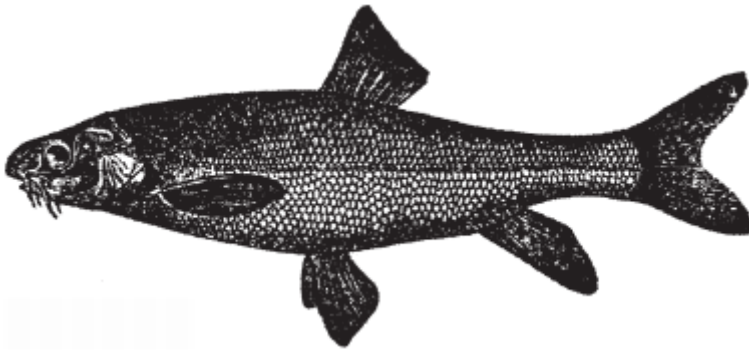

Рис. 128. Маринка

На Нижнем Днепре, по свидетельству Домбровского, ловят марену на каменных грядах, как и на Волыни: садятся на камень и пускают длинную донную удочку с раком вниз по течению. По Радкевичу, лучше всего удить марену на донную удочку с крючком № 1–3, но можно ловить и на поплавочную удочку и на перемет. Место должно быть прикормлено. Крючки наживляются земляными червями, кучею глистов, сальником, раковой шейкой. Подсеченная марена почти всегда будто бросается против течения, и если рыболлов подсек марену, что узнается по двум сильным толчкам, то он должен сейчас же встать и быстро следовать за рыбой, не позволяя ей вытягивать леску в одну линию с удилищем и давая шнурку сматываться с катушки, если ловить с таковою, что почти необходимо.

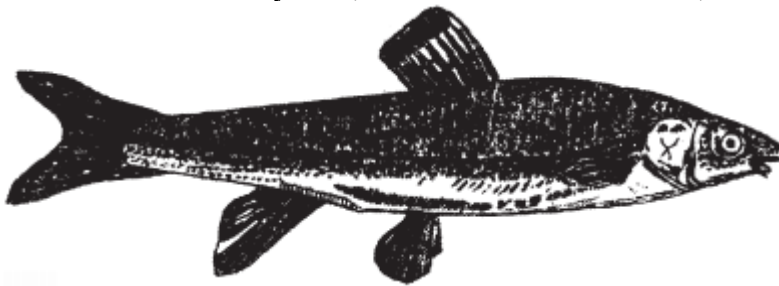

Рис. 129. Осман

В Десне и Болве местные рыболловы удят мирона большею частью на донную. Это объясняется тем, что донная удочка удобнее для ночной ловли крупной рыбы, так как может быть гораздо грубее и крепче. По наблюдениям П. З., мирон живет здесь больше в ямах и под корчами, на быстрых местах, где сетью его не взять, почему он попадает в невод лишь в мутную воду. На перекатах держится преимущественно мелкий мирон, крупный же любит более спокойное (и глубокое) течение, хотя на очень тихих местах никогда не попадает; нередко он подходит к берегу на мель и берет там, где его вовсе не ожидаешь. Ужение начинается сейчас после нереста, и к половине июня настоящий лов уже кончается, хотя усач продолжает брать изредка до половины августа, а в очень хорошую и теплую погоду, по словам местных рыболлов, попадает даже в начале октября. При хорошей погоде мирон начинает брать с начала мая, но при ненастье и холодах клев запаздывает иногда до двадцатых чисел. В сильный и холодный ветер, в непогоду и муть ловля всегда бывает неудачна; то же во время грозы. Насадкой служит сначала большой земляной червь, позднее, в июне, мирон хорошо берет на крупную клешню линючего рака. Всего лучше ловится он зорями. Автор удил миронов (не особенно крупных) на длинные цельные удилища с катушкой, но с волосяной леской (в 16–20 волос), что, конечно, не выдерживает критики: поплавок не употреблялось, так что это та же донная удочка. Крючки для мелких усачей брались № 1, для крупных – 3/0. Особенно сильно рвется мирон первые моменты после подсечки; в это время надо давать ему свободно сматывать шнурок, не опасаясь, что он засядет под корч, что он норовит сделать, когда начнет ослабевать. Поэтому после первых порывов надо натягивать леску как можно сильнее. Всего более надо быть осторожным, когда мирон пойдет

вглубь. Это значит, что он увидел корягу и хочет подойти под нее, а потому вся задача в том, чтобы не дать ему в это время хода и отвести его от опасного места. Если мирон зайдет под корч, то надо держать леску сильно натянутой, так как часто случается, что мирон (понуждаемый болью) выходит из-под корча. Если же это не действовало, то употреблялось следующее приспособление: к концу самого длинного удилища крепко прикручивалось кольцо из ивняка диаметром в 21/2 вершка; кольцо это пропускалось через толстый конец удильника, которым ловили, и по леске подводили его до крючка. Разумеется, это возможно, только когда коряги недалеко от берега. По замечанию г-на П. З., мирон довольно капризен и нередко бывает, что на одну насадку вовсе не берет, а на другую хорошо. Он пробовал также, и успешно, заменять катушку каучуковой трубкой (см. «Карп»).

Об уженье кавказских усачей ничего не известно. В притоках Кубани (Зеленчуке, Урупе и др.) они, как говорят, хорошо берут в лунные ночи. В Куре, под Тифлисом, усачи попадаются, кажется, чуть ли не чаще других рыб (на червей, куски баранины, бараньего сердца и др.). Здесь по причине очень быстрого течения употребляются для ловли очень тяжелые свинцовые плоские грузила (более фунта) оригинальной формы – в виде плоской выдолбленной репы; в углубление это вкладываются завернутые в бумагу крючки (5–6?), навязанные на короткие поводки; леска же (бечевка), прикрепленная к грузилу, наматывалась сверху клубком, так что весь снаряд оказывался весьма укладистым. На месте лова втыкались колья, к которым и привязывался конец бечевки.<

> По наблюдениям г. В. Борисова, в той же Десне (под Брянском) успешно ловившего миронов на складное английское удилище с катушкой и шелковым шнурком, мироны держатся здесь преимущественно в таких местах, где берег из обрывистого переходит в пологий, косой, вдаваясь в воду, и состоит из разной величины комков и комочков какой-то коричневой, похожей на железную руду массы самого неправильного излома и твердой, как камень. Впрочем, он предпочитает глубокие места, но только если они имеют быстрое течение и такое же железисто-глинистое дно. Вероятно, эта руда заменяет миронам крупные камни, которых в Десне (около Брянска) нет. На глубоких и быстрых притоках Десны с песчаным и отчасти хрящеватым дном усачи встречаются, но, кажется, только мелкие. В заводях и вообще тихих местах их никогда не бывает, и вообще на чисто глинистых, тем более в иловатых местах они здесь вовсе не встречаются. Лучшим доказательством постоянного пребывания миронов служит их выкидывание из воды: по добно сазанам, усачи играют только там, где живут постоянно.

По словам того же автора, мирон ловится на Десне еще с весны, когда вода еще не совсем вошла в межень, и пригородные и городские (брянские) рыболовы иногда очень успешно ловили его на переметы, наживляемые выползками, и, вероятно, его можно было бы удить в это время, но только с лодки. Лучший клев мирона бывает большею частью в мае (конце), именно во время цветения пшеницы, но иногда (при дождливой весне) переходит на июль. В конце августа мирон попадает только случайно. Лучшее время дня для ужения – раннее утро, часов до 8 или 9; вечером мирон берет часов с 3 до 5–6, но хуже и большею частью мелкий. Погода, по наблюдениям г. Борисова, не имеет особенного влияния на интенсивность клева, но в сильный ветер, дующий по течению или против него, мирон будто бы не берет вовсе. Лучшей насадкой здесь, как почти всюду, считается рак. «Линючий рак с темно-зеленой мягкой шкуркой – это миронье лакомство»; вероятно, они чувствуют его издали, так как поклевка следует всегда очень скоро, и возня с пойманным распугивает остальных ненадолго. За раком следует выползок, который, впрочем, часто тербится мелкими миронами; обыкновенными же червями, насаживаемыми по несколько штук вместе, пользуются здесь только в крайности. Прикормка (кусочки червей или раков) весьма полезна, а при плохом клеве даже необходима.

Уженье производилось с берега на английскую снасть с катушкой, шелковой леской № 2 длиной в 50 ярдов, без поплавка, с плоскими скользящими грузилами весом золотника в 3 каждое. Самый крупный выуженный мирон вытянул 141/2 фунта. Поклевка передавалась непосредственно удилице, лежавшему на подставках; за первым толчком следовал обыкновенно другой, а затем подтяжка – и подсечка. По-видимому, после подсечки мирон чаще всего сначала летит к противоположному берегу; затем, если ему удалось выдержать этот порыв, начинает описывать дуги и, передохнув, опять стремительно направляется вглубь, повторяя эти маневры несколько раз. Иногда он подымается вверх, вероятно, с целью выпрыгнуть, а потому в этом случае полезно окунывать почти все удилице в воду. Опаснее всего, когда рыба направится к берегу. Другие мироны сейчас же после подсечки залегли на дно и, несмотря на все старания, не могли быть подняты кверху. Вероятно, это делают очень крупные усачи; средние же задевали за корягу, уступ берега (или за упомянутые куски руды). При этом слышны бывают движения рыбы – как она шевелит плавниками и ворочает хвостом, – но, несмотря на все старания рыбака, не трогается с места. Вероятно, в таких случаях надо выждать, чтобы мирон сам пошел в ход, как это советуется другими рыбаками. Некоторые мироны берут насадку с разбега с такою силою, что обрывают поводок у самого крючка, почти не смотав лески с катушки. Небольшие мирончики, от 2 фунтов и менее, берут насадку так же решительно, как и крупные, и, пойманные, отличаются от крупных своею юркостью и вороватостью: они то вылетают и вверх, то тянут вглубь и летят оттуда в сторону или к берегу.

Об уженье марены на Днестре и его притоке Смотриче, а также на Березине говорит несколько слов г. Линтварев. На Днестре и Смотриче эта рыба держится постоянно на дне, сплошь усеянном большими камнями, под которыми она и имеет постоянное местожительство. Ловят здесь, как и на Березине, на очень прочные донные удочки с тяжелым передвижным грузилом и струнным поводком. Насадка на Березине – преимущественно пшенная каша, круто сваренная и нарезанная небольшими кубиками. Кроме пшенной каши, средняя по величине марена хорошо берет (на Днестре и Смотриче) на червя, крупная же предпочитает живца. Прикормкою служит (на юге) мамалыга, т. е. каша из кукурузы. Клев, по словам автора, выражается в сильной и отрывистой потяжке; крупная марена легко может вырвать удилице из рук. Подсеченный усач оказывает очень сильное сопротивление и быстротою своих движений и отчаянными прыжками значительно превосходит голавля. В каменистых местах марену иначе нельзя ловить, как с длинным (не короче 2 аршин) струнным поводком, так как после подсечки она моментально прячется под камень, и если рыбу тащить к себе, то леска непременно будет перерезана об острые края камня. Поэтому, если марена забьется под камень, ее отнюдь не стараются вытащить оттуда, а держат леску слегка на слаби и терпеливо дожидаются (иногда минут десять), пока она сама не выйдет из-под камня. Как только рыбак почувствует по натягиванию лески, что марена выплывает из-под него, то понемногу отпускает леску, стараясь, чтобы она все время была на слаби. Отпустив немного лески и тем дав рыбе возможность выплыть из своей засады, следует быстро тащить марену на берег. При этом случается, что она снова задевает за камень, и приходится прибегать к той же уловке.

Уженье усачей в Западной Европе весьма уважается любителями и едва ли не занимает второе место после лосося и форели. Особенно много ловят усачей в Лондоне, на Темзе, в которой они держатся во множестве, привлекаемые обилием пищи. Здесь многие лодочники промышляют тем, что возят на прикормленные ими (салом, мясом, шкварками, червями) места богатых рыбаков, которые выуживают тут усачей пудами. По своей силе усач не уступает, а на быстрине даже превосходит речного карпа и нашего сазана, а потому, ввиду того, что ловля этой

все-таки довольно распространенной рыбы находится у нас в первобытном состоянии и крупные мироны выуживаются, вероятно, очень немногими западно-русскими охотниками, употребляющими усовершенствованные снасти, я считаю необходимым сделать весьма подробное описание всех способов ужения, известных на Западе, и особенно в Англии.

Сколько известно, ужение усачей за границей производится двумя главными способами – с поплавком и на донную, взакидку, в обоих случаях непременно со дна, так как мирон всегда держится понизу, не всплывая кверху, как и пескарь, и обязательно с прикормкой. Что касается последней, то, мне кажется, вполне следовать советам заграничных рыболовов нам, русским охотникам, нет никакой надобности, главным образом потому, что у нас вообще всякой рыбы и больше, и она, как говорится, много «простее». К тому же в Германии и особенно в Англии привадою положительно злоупотребляют до нелепости, и я не могу даже решиться, подобно барону П.Г.Черкасову, советовать, со слов Бэли, ограничиться для привады мирона только полутора тысячами больших глистов, так как, по мнению последнего, нельзя следовать словам некоторых писателей, которые говорят, что для того, чтобы с успехом удить миронов, надо 3–4 вечера подряд бросать по 2 или 3 кварты червей (кварта – несколько менее 1/10 ведра). Вряд ли кто из русских рыболовов исполнит и это скромное требование знаменитого английского писателя, так как, вероятно, всякий из них найдет, что для того, чтобы удачно поудить через день после прикормки, полторы тысячи выползков чересчур много и что этого слишком достаточно для того, чтобы накормить и даже закормить несколько десятков крупных рыб, что это немножко для нас дорого (тысяча выползков продается в Москве от 2 до 5 рублей).

Многие русские рыболовы полагают, что ловля с привадою находится в таком же отношении к ужению без нее, как, например, стрельба волков на падали относится к охоте на волков. С своей же стороны, признавая некоторую пользу привады на местах постоянного ужения, а также значение ее в том случае, когда приходится удить на незнакомую рыбе насадку, я полагаю, однако, что при знании местности, где держится известная порода рыб, в большинстве случаев достаточно прикормки, бросаемой или опускаемой на дно во время ужения, и что приваживать необходимо только на те вещества, которые редко могут попасть в воду, например сыр, шкварки и т. п., и приваду эту бросать в небольшом количестве, но как можно чаще. Не могу, однако, не заметить, что западно-европейские рыболовы не менее, если не более, злоупотребляют и прикормкой. Бэли советует бросать для прикормки в начале ловли штук 20 глистов, разрезанных на четыре части; «если и минут через 10 первая порция не воздействует, следует бросить еще такую же. Если, продолжая делать так в течение часа, рыболов не добьется успеха, то пусть он нарежет червей двести и бросит их; коли минут через 20 и эта порция не подействует, то остается лишь переменить место». Мне кажется более чем неблагоприятным советовать выждать клева почти полтора часа (иногда на месте, уже прикормленном 1500 глистами) и тратить для прикормки с лишком 300 червей. По моему мнению, если первая порция прикормки не подействовала, значит, рыбы тут нет или она еще не подошла, и чем ждать, пока она придет за несколько десятков или даже сотен сажень, привлекаемая такой массой червей, уносимых течением, не проще ли будет ловить пониже, на той же струе.

Как для привады, так и для прикормки и насадки при ужении миронов, кроме больших земляных червей, наиболее пригодных для этих целей, за границей употребляют еще сыр, шкварки, хлеб, тесто, пареные зерна, вареный картофель, вареную говядину, мозг бычий (головной и спинной), бычью кровь, красных навозных червей, опарышей, т. е. личинки мясной мухи. Хорошею насадкою служит также икра лосося и куски миноги, но обе эти насадки, первая в особенности, вряд

ли могут употребляться русскими рыболовами, так как лососи и усачи встречаются вместе только в кавказских реках.

Сыр – весьма распространенная приманка для усача – должен быть бел, мягок, вязок и не солон; всего пригоднее обыкновенный швейцарский сыр; но эти качества необходимы только для насадки, а для привады они не имеют такого большого значения, какое им приписывается. Если сыр слишком сух и, следовательно, ломок, его необходимо предварительно вымочить в сырой тряпке, а еще лучше в молоке. Затем его нарезают на кубики в 3/8–1/2 дюйма, т. е. с обыкновенный орех, несколько закругляют углы. Сыр должен иметь консистенцию резины, и необходимо как для насадки, так и для прикормки, чтобы он был свежий, непрокисший. На сыр мирон идет очень хорошо, но на него можно ловить с поплавком только на местах с не очень сильным течением, так как при частом перезакидывании удочки сыр скорее смывается течением и скорее слетает с крючка, чем при ловле на донную, хотя бы на быстрине. Для прикормки считается достаточным (!) полторы пинты (пинта – около 1/20 ведра) сыру, нарезанного на кубики (!), и бросают его без всякой посторонней примеси часов за 30 до уженья. Шкварки, или вытопки, считаются лучше сыра, особенно для насадки, по упомянутой причине, но для привады некоторыми, например Бэли, не одобряются на том основании, что хотя «нет ни одной насадки, на которую можно было бы так быстро выудить 3–4 мирона одного за другим, как на вытопки, но они так быстро пресыщают рыбу, что она может есть их лишь в незначительном количестве». Поэтому он советует бросать шкварки по малости только во время самого уженья, постоянно меняя места. Из того, что вытопки скоро приедаются рыбе, кажется, можно только заключить, что их следует бросать для привады поменьше, и в этом скорее надо видеть некоторое удобство. Прежде чем употреблять в дело вытопки, их предварительно разбивают молотком, опускают в кастрюлю с водой и кипятят минут 20, часто размешивая; затем остуживают и отбирают лучшие, т. е. белейшие, куски для насадки. На шкварки, так же как и на сыр, ловят на не очень сильном течении и преимущественно во второй половине лета. Кровь употребляется только для привады в пузыре с небольшим проколом и с привязанным камнем. Рыбаки в Германии (по Moerbe) для приваживания усача кладут в воду льняные снопы. Впрочем, еще Блох в прошлом столетии приписывал вкус и жир усачей р. Везера тому обстоятельству, что в этой реке тогда мочилось много льну. Не подлежит сомнению, что одной из лучших привад для большинства рыб может служить льняная и конопляная избоина (дуранда, выжимки, колоб), которая у нас местами (в Вятской и друг. губ.) употребляется и для насадки при ловле лещей, язей и прочей бели.

На опарыша, так же как и на красного навозного червя, мирон берет очень охотно, но, к сожалению, обе эти насадки очень неудобны, потому что их объедает мелочь. Опарыша насаживают на крючок (№ 8) обыкновенно 3–4 штуки; красных червей – тоже по 2–3 (№ 6–7); первые всего пригоднее для уженья летом, в прозрачной воде, а вторые, подобно выползкам, для ловли весной и осенью в мутной воде, а также при ночной ловле летом, когда другая, менее яркая, насадка малозаметна. Для привады опарышей можно бросать не иначе как в глиняных шарах, причем опарыш является как бы начинкой, а глина (которая должна быть хорошо отмыта) тестом. Французы обыкновенно замешивают в глине опарышей вместе с конским калом, который сам по себе служит хорошей привадой для мирона. Красных же червей они советуют с этой целью разрезать на куски и замешивать в глину или же (при более слабом течении) в шары из сдобного хлеба, который обваривается кипятком и обильно посыпается наскобленным сыром. Во Франции ловят (и прикармливают) усачей, особенно в конце лета, так же на куски сырого теста с бараньим салом и на куски говядины, сваренной с чесноком. Отличную весеннюю насадку составляет личинка мошкары, живущая в трубочках, но она очень нежна и плохо держится на быстрине.

Насаживают по 2–3 личинки на крючок № 6–8. Моербе советует употреблять как насадку пиявок, за неимением живых даже сушеных и размачиваемых в воде. Он же рекомендует для усача насадку из смеси творога, желтка и камфары, которая (т. е. смесь) завертывается в тряпочку. Ruhlich предлагает еще более оригинальную и весьма остроумную (особенно для ловли в прозрачной воде) насадку, именно кусочек малинового сукна (в мизинец ширины и длины), вымоченный предварительно в каком-то пахучем составе его изобретения. Без сомнения, главную роль в этом составе играют эфирные масла и другие сильно пахучие вещества. Усач будто стремительно хватается эту приманку, но необходимо подсекать его как можно быстрее, как и на всякую искусственную насадку.

Как и всегда, ловят на те же самые вещества, которые были употреблены для привады или прикормки, только для насадки отбирают лучшие куски или отборнейших и крупнейших червей, которые к тому же должны быть очищены, т. е. лишены содержимого внутренностей в виде черной земли. Черви очищаются или сами собой, по прошествии двух дней, или же искусственно, для чего кладут их накануне ловли (на ночь) в масло. Следует заметить, что английские рыболовы особенно рекомендуют для насадки не самых крупных глистов, а молодых самок этих червей, которые еще не имеют узла в передней трети и бывают не более 2 1/2–3-х дюймов. Прикормку во время уженья усачей, держащихся обыкновенно на быстрых и глубоких местах, приходится бросать выше места лова, и здесь сказывается удобство снарядов для опускания прикормки на дно. Лучший из них, изображенный на рис. 130, в последнее время появился в продаже и в московских магазинах, состоит из усеченно-конического сосуда А, снабженного в верхней своей части известным числом небольших отверстий. К верхней части припаяно кольцо а, а к нижней на петлях крышки в с петлею д. Наполнив жестянку прикормкою, вкладывают облитый свинцом крючок г в петлю д и посредством привязанной к нему веревки, проходящей через кольцо а, опускают жестянку в воду, крышкой (б) вниз. Как только жестянка коснется дна, ослабляют веревку, которая до сих пор была натянута; крючок г, благодаря свинцовой рубашке в, выскакивает из петли, и когда начинают вынимать жестянку из воды, то прикормка своей тяжестью открывает крышку б и ложится на дно. За неимением такого или подобного снаряда приходится бросать прикормку в глиняных шарах. Очень хорошей заменой привады, т. е. предварительной прикормки, а вероятно также и прикормкой служит взрывание дна реки железными граблями, которыми обнажаются различные личинки. Фэннэл даже прямо советует прибегать к граблям (без последующего прикармливания) в тех случаях, когда мирон упорно отказывается брать на удочку, и после этого заявления еще более странным кажется то злоупотребление привадой, о котором было говорено выше.

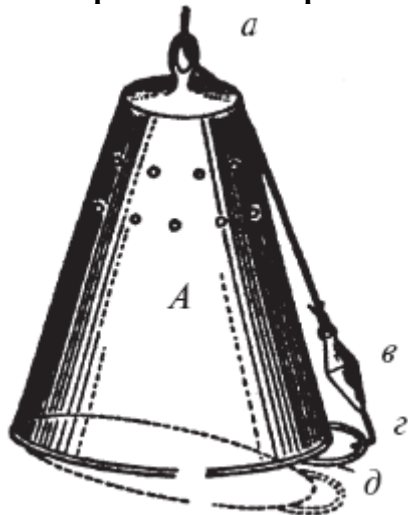

Рис. 130. Снаряд для прикормки

Из всех способов ужения миронов, употребляемых за границей, самый сподручный и удобный для русских рыболовов – это ужение на донную, которое, однако, не пользуется на Западе большим уважением. Так как ужение на донную будет подробно описано далее (см. «Язь»), то я ограничусь здесь только указанием, что во Франции, где эта ловля, кажется, более распространена, чем в других странах, употребляется короткий, довольно нескладный удильник – рукоятка с воткнутым в нее китовым усом, камышом или прутиком с очень крепкой шелковой (смоленной) леской аршин в 25 длины и тяжелым грузилом на 60 см от крючка. Грузило бывает круглое, в виде пули или удлиненно-овальной формы и иногда просверливается так, что может двигаться по леске (см. «Язь»). Для поводка употребляют 2 или 3 жилки, вместе скрученные, причем, разумеется, как и всегда, крепость поводка должна быть менее крепости лесы. Крючки предпочитают довольно крупные – от 3-го до 1-го номера. Насадкою служит обыкновенно сыр, шкварки и выползок. Ловят на донную преимущественно ночью, а днем, только когда вода мутна, с лодки, моста, плотин, редко с берега.

Для ловли с берега во Франции употребляется большею частью приспособление вроде жерлицы, представляющее те же выгоды, так как рыба не может наколоться на крючок и, не чувствуя сопротивления, редко бросает насадку, что случается очень часто при ужении на несколько удильников. Приспособление это совершенно понятно из прилагаемого рисунка 132, когда рыба, взяв насадку, потянет за лесу, то плоская катушка а, на которую она намотана, поворачивается, ударяет шпеньком б по пружинке с бубенчиком в, прикрепленной к ножке г снаряда, и продолжает разматываться, давая рыбе возможность беспрепятственно удалиться с насадкою и при каждом обороте позванивая бубенчиком. В Англии для ловли со дна на глубоких местах употребляется удилище с катушкою, какое употребляется для ужения с поплавком; разумеется, степень гибкости верхушки удилища должна соответствовать силе течения и зависящей от нее тяжести грузила. Последнее большею частью просверлено и бывает круглое (при легком течении) или плоское (при сильном); крючок обыкновенно привязан к леске из жилок фута в 3 длины, с дробинкою, прищипнутою в 2 футах от крючка и не дающею грузилу съезжать дальше. Эта леска пристегивается к тонкому непромокаемому шнуру.

удочка

Рис. 131. Французская донная

Англичане употребляют еще один способ донного ужения, производимый следующим образом: приблизительно на один фут над крючком в леску ввязывают двумя петлями небольшую палочку (в один дюйм длиною). Затем берут комок чистой мягкой глины величиною от грецкого ореха до апельсина; к глине прибавляют опарышей, шкварок, нарезанных червей (смотря по тому, чем хотят насаживать крючок) и осторожно приминают глину около палочки. Крючок с поводком слегка вдавливают в глину так, чтобы насадка была чуть видна (рис. 133), и шар закидывается в требуемое место, однако недалеко от берега или лодки; опустившись на дно, он понемногу размывается водою, уносящею вместе с глиною и прикормку, в ней заключающуюся. Рыба подходит к глиняному шару, начинает разрывать его, причем неизбежно встречается насадку и схватывает ее; сотрясение передается руке рыболова, держащего леску слегка натянутой; он подсекает и вместе с тем сбивает с лесы остаток глины.

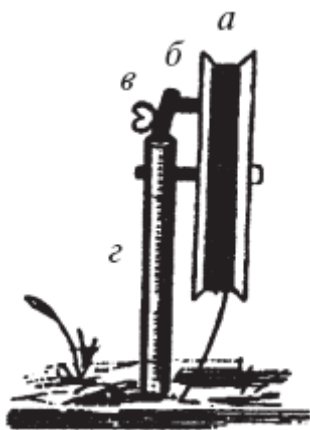

Рис. 132. Французская жерличка

Рис. 133. Уженье с глиняным шаром

При этом способе ужения можно также пользоваться услугами поплавка. Обыкновенно оставляют между поплавком и шаром расстояние, превышающее глубину воды в данном месте на два фута; поплавок плывет по течению до тех пор, пока натянется леса между ним и шаром, так как последний водою совсем не сдвигается или сдвигается очень мало. Разумеется, при таких условиях видна малейшая поклевка.

Во Франции этот весьма практичный метод донного ужения применяется для большинства рыб, берущих со дна, и производится с некоторыми остроумными видоизменениями различными способами: с длинным удищем с поплавком и без поплавка, с коротким донным удильником, который держится в руке, и на несколько коротких донных, взакидку. На длинные удочки ловят только на глубине не менее сажени, в упор, т. е. леска имеет отвесное или почти отвесное направление; поплавок – легкий, употребляется только на слабом течении и служит скорее для поддержания лески, чем для указания клева, который передается непосредственно удильнику; последний надо держать как можно ближе к поверхности воды. Крючок насаживается 3–4 опарышами и вдавливается в глиняный шар с грецким орехом величиною с предварительно замешанными в него 20–30 опарышами, большую часть таким образом, что вся насадка скрыта в глине. Другие французские авторы (Liersel) советуют ловить на более длинные лески (при глубине в 6–7 аршин она должна быть в 12–15 арш.) с небольшим грузом, прикрепленным в 2 1/2 дюйма от крючка, который привязан непосредственно к леске, без поводка; грузило вдавливается в глиняный шар (с 20–30 опарышами) величиною с голубиное яйцо; шар этот закидывают осторожно подале от берега или лодки таким образом, чтобы кончик удища почти касался воды. Через 8–10 минут глина смывается и

заменяется новой.

На донную с руки ловят только с лодки. Для этой цели употребляются короткие удильники из китового уса, вершков 7, вставленного в пробковую, реже деревянную рукоятку в четверть длиною; иногда к рукоятке приделывается кольцо дюйма в два диаметром, в которое просовывается палец; делается это ради того, чтобы крупная рыба не могла вырвать удочку из рук. Леска тоже 12–15 арш.; на крючок насаживают 8–10 опарышей, задевая их за головки; грузило (тоже легкое) находится на расстоянии 4 дюймов от крючка и держит глиняный шар величиною с небольшое куриное яйцо. Донные с колокольчиком (рис. 131) имеют очень длинные лески, до 30 и более аршин; грузило употребляется редко, а вместо него на небольшом расстоянии от крючка находится небольшой кубик из пробки, который и служит для поддержки глиняного шара (с опарышами) величиною с куриное яйцо или более. Леску собирают в кольца, закидывают обыкновенным порядком, рассчитав потребную силу размаха, а удильник втыкают железным острием в берег или в дно лодки. Обыкновенно ловят на 2–3 такие удочки зараз. Клев и время подсечки узнаются по звону бубенчика или колокольчика. Если рыба, разбив шар, не взяла насадку или если шар распустится раньше, чем рыба взяла его, пробка всплывает кверху и поднимает крючок. Грузило может быть заменено куском пробки и при ловле с руки на длинную и короткую удочки, но в этом, конечно, нет такой надобности, как в данном случае. Moriceau советует ловить на два крючка так, чтобы один был над, а другой под пробочкой. Во всех случаях стараются закидывать в одно и то же место, что не требует пояснения; туда же бросают иногда и прикормку в глиняных же шарах, но гораздо больших размеров (в 2 кулака), причем иногда к глине примешивают сухой конский помет, служащий тоже приманкой для рыбы. Ловят преимущественно вечером или даже ночью. Обращаем внимание русских любителей данного ужения на эти способы, в которых так остроумно соединены насадка с прикормкой-грузилом. Нет никакого сомнения в том, что они легко могут быть применены и у нас для ловли язей, лещей и других рыб и много совершеннее, чем наши. Опарыши могут быть с успехом заменены мотылем или кусками червей.

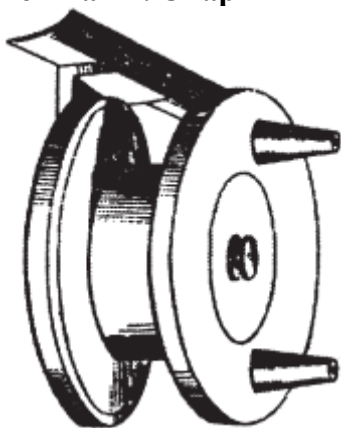

Рис. 134. Ноттингемская катушка

Что касается обыкновенного ужения миранов с поплавком на подвижную насадку, то оно представляет очень много неудобств, зависящих от того, что усачей обыкновенно приходится ловить в глубокой и довольно быстрой воде и непременно таким образом, чтобы насадка касалась дна. Поэтому в последнее время в Англии, а также и в других странах Западной Европы настоящие рыболовы-спортсмены прибегают к обыкновенному способу ужения миранов довольно редко и, если только позволяет местность, ловят их, а также и многих других рыб так называемым ноттингемским способом, главные преимущества которого заключаются в том, что он дает возможность, так сказать, обуживать значительно большее пространство и позволяет с берега закидывать в такие места, которые нельзя достать никаким удищем; единственный его недостаток, если не считать того, что он труднее

других, требует более дорогих снастей и довольно острого зрения, в том, что он применим только в местах с очень ровной глубиной на большом протяжении и с довольно сильным течением.

Рис. 135. Соединение петель

Сущность ноттингемского ужения заключается в том, что поплавок и насадка отпус каются на расстояние десяти и более сажен от рыболова. В общем, оно напоминает москворецкое ужение навязку или впроводку, а в первообразе своем уже давно применяется рыбаками р. Мологи, которые ловят на быстрых местах с ровной глубиной на очень длинную леску с поплавком; леска эта намотана на кисть руки и постепенно сматывается, так что поплавок может проплыть очень большое пространство. В ноттингемском же способе леска наматывается на катушку, прикрепленную к довольно длинному удилищу с кольцами, притом на катушку особого устройства, так как обыкновенная мало пригодна для этой цели и может быть употребляема только за неимением первой.

Главное отличие ноттингемской катушки от обыкновенной заключается именно только в том, что она до такой степени неустойчива по своей оси, что малейшее усилие приводит ее в быстрое вращение, так что леска сматывается с нее силою течения, увлекающего поплавок. Эта легкость вращения обуславливается прежде всего тем, что она имеет две рукоятки совершенно одинаковых размеров, затем ее большой величиной и толщиной средней части; делается она обыкновенно деревянною и, как видно из прилагаемого рисунка, имеет вид шпульки, вращающейся на медной оси, крепко утвержденной в вертикальной медной стойке, которая, в свою очередь, прикреплена к медной планке, вставляемой между двумя кольцами— подвижным и неподвижным, находящимся на толстом колене удилища. Последнее должно быть не особенно длинно, по возможности легко и упруго, но не слишком гибко, вообще высокого качества и обязательно со стоячими, хотя и небольшими, кольцами, что не требует объяснения.

На катушку наматывается от 60 до 100 аршин тонкого (с толстую суровую нитку) шелкового шнура (смотря по величине катушки и его толщине), плетеного или особым способом крученого. При этом лучше, если он не будет пропитан непромокаемым составом, т. е. не просмолен, так как в таком случае он легче будет сматываться; в сырую погоду такой шнурок, однако, намокает и липнет к удилищу, почему последние 20–30 аршин обыкновенно пропитываются прованским маслом.

Собственно леска или подлесок большею частью делается из отборных, но тонких жилок, имеет в длину от 3 футов до 3 аршин и более, смотря по глубине воды, и должна быть слабее шнура. На леску надевается не очень легкий, но чувствительный (т. е. удлиненной формы) пробочный поплавок, к ней пристегивается еще более тонкий поводок, от 6 до 10 вершков длины, с крючком без лопаточки № 3–9, сообразно насадке (выползок, сыр, шкварки, опарыш). Некоторые английские авторы, например Beiley, советуют не привязывать крючок к поводку, а пристегивать поводок обыкновенным способом (рис. 135) к шелковой петельке, привязанной к крючку. Этот способ соединения поводка с крючком рекомендуется

во избежание надламывания поводка над самую завязкою во время насаживания крючка или вытаскивания последнего изо рта рыбы. Принимая, однако, во внимание, что в этом случае образуется значительное утолщение над крючком и что слегка поврежденный поводок может быть в минуту заменен новым, мне кажется, что о совету Бэли лучше не следовать. Вообще трудно понять как безумную расточительность в прикормке, так и эту скарედность в таких малоценных вещах (особенно в Англии), как крючок с поводком. Груз большею частью прикрепляется к леске и состоит из нескольких дробинок различной величины, так что первая, и самая меньшая, находится в расстоянии одного фута (редко на четверть аршина) от крючка; вторая, покрупнее, прищипывается на несколько вершков (до фута) выше и т. д., не более 5–6. Впрочем, на очень быстром течении допускается одно или, лучше, несколько просверленных грузил (очень удлиненно-овальной формы), которые задерживаются дробинкой, насаженной на леску. Вообще грузила должны быть настолько тяжелы, чтобы крючок дошел до дна не позже, когда поплавок отплывает на аршин от того места, где была брошена насадка.

Ужение ноттингемским способом производится как с берега, так и с лодки. В обоих случаях, как сказано выше, оно требует довольно значительной, а самое главное, ровной глубины на большом протяжении; впрочем, многие рыболовы предпочитают, чтобы дно было совершенно ровно на протяжении 10–30 шагов, а затем слегка повышалось. Очевидно, что не всякое место пригодно для этого ужения и что почти необходимо предварительно измерить глубину заранее лотом. В крайнем случае, когда такое измерение почему-либо неудобно или же опасаются распугать стоящую на месте ужения рыбу, поступают так же, как и москворецкие рыболовы при ужении навтыжку. Насадив на крючок насадку, на которую хотят удить, поплавок ставят на ту глубину, которую считают вероятною, и удочку закидывают (см. далее); если поплавок плывет совершенно свободно, нигде не задевая, его поднимают; если же его затягивает под воду, то это значит, что грузило тащится по дну и поплавок надо опустить. Таким способом пробуют до тех пор, пока ход поплавок не покажет, что только один крючок касается дна. Прежде всего бросают в то же место (или немного выше, если течение очень сильно), в которое будут закидывать удочку, некоторое количество прикормки в глиняных шарах, причем, как всегда, последняя должна соответствовать употребляемой насадке. Если дно на некотором расстоянии слегка повышается, то прикормка, увлекаемая течением, неизбежно останавливается на этом подъеме и привлекает значительное количество рыбы. Часть этой рыбы поднимается по течению навстречу прикормке, другая же остается на подъеме и на нем же берет насадку.

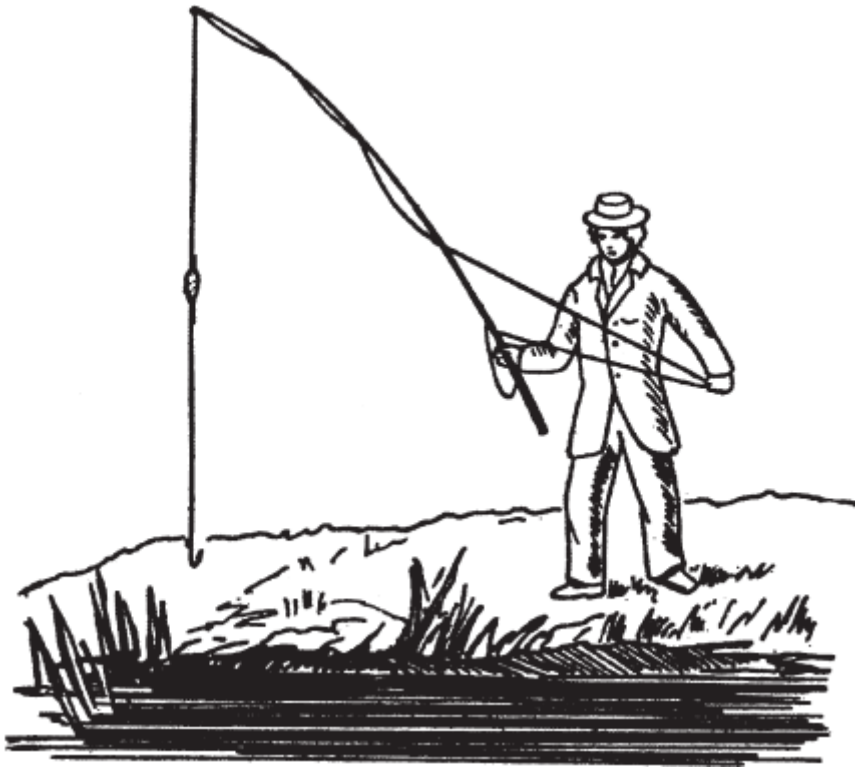

Рис. 136. Забрасывание

лески

При ужении с лодки по ноттингемскому способу нет надобности в длинном удилище и в дальнем забрасывании насадки, так что закидывание удочки не представляет никаких трудностей. Здесь необходимо только заметить, что лодку выгоднее ставить не поперек течения, как это всегда делается, а наискось или даже на очень быстром течении вдоль реки, так как при этом у лодки не образуется более или менее значительного водоворота, в котором поплавок, конечно, не может иметь правил ьного поступательного движения. При ужении с берега закидывание удочки требует сноровки и практики, так как для большего успеха необходимо закидывать далеко от берега; в этом дальнем закидывании и заключается главное преимущество ноттингемского ужения. Достигается оно двумя различными способами. Первый из них (применяемый также при ужении с обыкновенной катушкой) употребляется, когда удят с легким поплавком и грузилом, и состоит в том, что рыболлов, взяв удилище правою рукою выше или ниже катушки, смотря по надобности (см. далее), левою сматывает с катушки большее или меньшее количество шнура и, собрав его петлями, придерживает эти петли пальцем правой руки; затем, дав леске достаточную для удобного закидывания длину, т. е. немного меньшую против длины удилища, берет шнурок между первым и вторым пальцами и оттягивает его в сторону, как показано на рисунке 136. Леска раскачивается по направлению к тому месту, куда должен быть закинут крючок; когда она получит надлежащий размах, выпускаю т шнурок из левой руки и приподнимают палец правой, который придерживает остальную часть смотанного шнура. Шнурок, увлекаемый тяжестью насадки, грузила и поплавок, сбегает сквозь кольца удилища, и насадка, ничем не задерживаемая в своем полете, может быть при некоторой ловкости закинута на расстояние 5–7 сажен от берега, почти немыслимое для обыкновенной удочки без катушки, например при ужении нахлыстом или ловле лещей с тяжелым грузилом и лежащим поплавком (см. «Лещ»).

При ужении с ноттингемской катушкой, которая приводится в быстрое вращение при малейшем усилии, можно, конечно, закинуть крючок дальше, чем при ужении с обыкновенной катушкой, так как даже очень легкая леска при своем падении в воду

в состоянии смотать с этой катушки несколько лишних аршин шнура. По всей вероятности, при ноттингемском ужении с берега можно употреблять и другой, несколько видоизмененный способ закидывания легкой лески, употребляемый мною при ужении щук (см. «Щука»), но с тяжелым грузом, насадкою и поплавком и с обыкновенною катушкою, даже с трещоткою, которая, конечно, представляет значительное сопротивление. Предварительные манипуляции со шнурком те же, но насадка забрасывается вдаль сильным размахом самого удилица. А так как последнее необходимо держать в одной (правой) руке (левая оттягивает шнурок вбок, как показано на рисунке), то такое закидывание возможно только при легком удилице или при значительной физической силе.

Рис. 137. Скользящий поплавок для ноттингемского ужения

Гораздо легче закидывание при ноттингемском ужении, когда поплавок, грузило и насадка достаточно тяжелы для того, чтобы привести катушку в движение. В этом случае поступают следующим образом. Леску укорачивают, насколько это нужно, наматывая ее на катушку; правую рукою обхватывают удилице несколько выше катушки, под шнурком, так, чтобы он был совершенно свободен, а указательным пальцем левой руки слегка придерживают катушку, чтобы она не могла вертеться преждевременно. Затем леску раскачивают как сказано выше, в известный момент снимают палец от катушки, и шнурок, увлекаемый тяжестью лески, быстро сматывается. Это вращательное движение катушки может сделаться настолько быстрым, что шнурок не будет успевать сбегать сквозь кольца и может наматываться на катушку в обратном направлении. Чтобы избежать такой путаницы, в ту минуту, когда насадка коснется воды, пальцем (левой руки) снова слегка прикасаются к краю катушки и как бы тормозят ее. Когда удилице так легко, что его можно держать в одной руке ниже катушки, то закидывают правой рукою, придерживая катушку большим пальцем той же руки. В этом случае, без сомнения, удобно может применяться и способ закидывания размахом удилица, о котором было говорено выше, но, конечно, и при легком удильнике легче закидывать двумя руками.

Все сказанное относится к ужению на глубине, не превышающей длину удилица. Между тем очень часто, а миронов в особенности, приходится ловить в очень глубокой воде. При ужении с лодки это обстоятельство не представляет большого

неудобства, так как можно бросать насадку рукою, но при ловле с берега, понятное дело, в этом случае поплавок сильно затрудняет закидывание лесы даже на небольшое расстояние от рыболова. Поэтому здесь необходимо прибегать к помощи так называемого скользящего поплавка, который, спускаясь по леске до первого грузила, давал бы возможность укоротить леску, насколько это требуется для того, чтобы с удобством раскочерить леску. Всякому рыболову известно, что забрасывать удочку тем труднее, чем значительнее расстояние между поплавком и крючком. Очевидно, что при таком сосредоточении тяжести на конце лески закидывание лески вдаль значительно облегчается, и употребление скользящего поплавка, с некоторыми незначительными видоизменениями, можно рекомендовать и при ловле обыкновенной удочкой без катушки (например, лещей и щук) на значительной глубине и далеко от берега или лодки. Скользящий поплавок для ноттингемского ужения отличается от обыкновенного поплавка главным образом тем, что вместо перьяного колечка, удерживающего поплавок на леске, он имеет вторую проволочную петельку очень небольшого диаметра, но так, чтобы леска могла скользить сквозь нее без малейшей задержки; для того, чтобы уменьшить трение лески о поверхность поплавка, лучше (но не необходимо) придавать ему несколько изогнутую форму, как это представлено на рисунке 137. Понятное дело, поплавок должен подниматься по леске только на известную высоту, соответствующую глубине воды. При ужении на удочку без катушки можно было бы в этом месте лесы надеть небольшой кусочек пробки или привязать отломок спички и нет надобности в том, чтобы поплавок имел очень узкую верхнюю проволочную петельку; но так как при ужении с катушкой пробочка или палочка, как бы малы они ни были, будут задевать за кольца удилица и тем делать весьма затруднительным укорачивание лески и ее забрасывание, то в надлежащем месте лесы ввязывается посредством двух петелек кусочек резины, которая употребляется в подвязках. Резина эта настолько тонка и упруга, что совершенно беспрепятственно проходит сквозь кольца удилица, останавливаясь, однако, на верхней петелке поплавка и не позволяя ему опускаться глубже, чем следует.

Поплавок для ноттингемского ужения должен быть довольно велик, так как удить этим способом можно только на довольно сильном течении. Из личного опыта (при ловле язей и др. рыбы) я убедился, что ноттингемский способ имеет преимущество перед обыкновенным ужением в проводку лишь тогда, когда последнее совершенно невозможно (см. далее – «Язь») по причине быстрого течения и значительной глубины.

Тем или другим способом закинута удочка, поплавок, увлекаемый течением, плывет и сматывает шнурок с катушки. Удилище при этом держат несколько иначе, чем при забрасывании, а именно: левая рука обхватывает удилище с его нижней стороны выше катушки, оставляя большой палец свободным, поверх шнура; правая же держит удилище ниже катушки (дальше или ближе от нее, смотря по надобности), так, что большой палец остается свободным и находится с левой стороны. Когда удилище так легко, что его можно держать в одной правой руке ниже катушки, то положение руки не изменяют, т. е. большой палец держат у левого края катушки, наготове задержать или вовсе остановить движение катушки. Если сила течения недостаточна для того, чтобы привести последнюю в движение, что бывает, впрочем, редко, то вытравливанию шнура помогают большим пальцем руки, которая, слегка скользя по катушке, вращает ее настолько быстро, насколько это требуется для того, чтобы поплавок плыл совершенно равномерно. Особенно важно не задерживать ход поплавка при ужении с берега, так как, если поплавок плывет медленнее, чем следует, его постепенно приберет к берегу, причем он неминуемо попадает в более мелкую воду; а раз ужение производится с лескою, очень сильно волочащейся по дну, шансы на успешный лов становятся весьма сомнительными.

Очевидно, при некоторой сноровке можно таким образом отпускать поплавок на далекое расстояние (особенно при ужении с лодки) и с обыкновенной катушкой, но обязательно со стоячими кольцами. При этом удилище надо держать в левой руке, а правую вертеть рукоятку, равномерно сматывая шнурок с нее. Можно, впрочем, повернуть удильник кольцами и катушкой вниз, и тогда рукоятка катушки будет приходиться слева и может быть приведена в движение левою рукою. Но ужение с катушкой, обращенной вниз, представляет то неудобство, что тогда кольца обращены вниз и всякое усилие рыбы, натягивающей шнурок, ложится на них гораздо более, чем на самое удилище. Шнурок вместо того, чтобы представлять равномерно изогнутую линию, подобно удилищу, представляет ломаную линию и, проходя сквозь кольца, испытывает значительное трение; кроме того, кольца оттягиваются от удилища, завязка их ослабляется, и они начинают шататься. Поэтому, если иногда и приходится почему-либо держать уд илище кольцами вниз, то вытаскивать рыбу должно, непременно повернув кольца кверху.

Главные условия успеха ужения при ноттингемском способе заключаются в равномерности движения поплавка, в том, чтобы он шел немного позади насадки, которая не должна задевать за дно, как и при отвесном положении лески, а плыть над ним, почти касаясь его. Таким образом, ход поплавка надо слегка задерживать и непременно всегда держать леску между ним и кончиком удилища немного натянутою. Отсюда само собою следует, что ветер, дующий по течению, подгоняя поплавок, неблагоприятен для ноттингемского ужения и, наоборот, легкий ветер, дующий против воды, задерживая несколько ход поплавка, регулирует правильный ход насадки. Кроме того, необходимо, как уже сказано, чтобы крючок шел в той же струе, которая несет прикормку, вымываемую течением из глиняных шаров.

Как далеко следует отпускать поплавок путешествовать? Это расстояние зависит не столько от длины шнурка, сколько от большей или меньшей остроты зрения, почему, само собою разумеется, верхняя, надводная, часть поплавка должна быть, возможно, более заметной для глаза. Когда поплавок пройдет определенное пространство, катушку останавливают нажимом большого пальца левой руки или правой, смотря по тому, держится ли удилище двумя руками или одною, подсекают резким движением удилища вверх, наматывают шнурок и опять закидывают. Подсекают, несмотря на то, что не было поклевки, потому что при остановке поплавка насадка, слегка приподнимаемая нижним течением, этим движением привлекает близстоящую рыбу, которая хватает ее особенно охотно в это мгновение, как бы опасаясь, чтобы она не всплыла на поверхность. Опытные рыболовы подметили это и приняли за правило всегда подсекать, прежде чем наматывать шнурок; очень многие из них при ужении с лодки находят полезным задержать на секунду поплавок раза два или три на протяжении всего проходимого им пространства. Подсеченной рыбе дают, конечно, смотря по ее усилиям, смотать большее или меньшее количество оставшегося шнурка (почему и неблагоприятно спускать его без остатка), причем катушку сильнее или слабее тормозят большим пальцем левой руки, даже и в тех случаях, когда держали удилище в одной правой руке. Утомив рыбу, осторожно наматывают шнурок и, подведя ее к лодке или берегу, подсачивают. Одним словом, самый процесс ловли, начиная с подсечки, не отличается от ужения с обыкновенной катушкой.

Как видно из описания, это, бесспорно, лучший способ ужения с поплавком в глубоких местах с сильным течением, и остается только пожелать, чтобы он пользовался у нас таким же распространением, каким пользуется за границей, особенно в Англии. Для ловли крупной рыбы, берущей со дна, он незаменим, так как насадка на донных удочках, остающаяся неподвижной, всегда возбуждает подозрение в осторожной рыбе, которая поэтому и ловится на них преимущественно ночью, между тем как ноттингемский способ дает возможность ловить ее днем, даже

в летнее, самое глухое, время и в полдни. А вряд ли кто станет отрицать, что дневное ужение крупной рыбы гораздо удобнее и приятнее ночного.

Что касается вообще ужения и клева усача, то остается сделать еще некоторые замечания. Ловить его следует преимущественно в глубоких и быстрых местах – у мостов, свай, в устьях небольших рек. Только после дождей мироны подходят близко к берегам и отыскивают тут червей, вымытых водою, почему и ловить их следует тут же. Клев их начинается с весны и продолжается до осени (в Западной Европе до ноября), но перед ненастьем, во время хода вверх, а также во время нереста они не берут никакой насадки; но, выметав икру, они ловятся всего лучше. Рыба эта ведет сумеречный и частью даже ночной образ жизни, почему всего лучше ловить ее с поплавком рано утром или под вечер, особенно в ясную погоду, а на донную – даже почти исключительно ночью. Особенно хорошо берет усач в дождь, после дождя и вообще в мутную воду, а также незадолго перед наступлением ненастья, если перед этим долго стояла хорошая погода, именно как только барометр начнет падать; чем дольше не было дождя, тем лучше. Если место не прикормлено заранее, необходимо как можно чаще менять места: лучше, выудив одну крупную рыбу, переходить немедленно на другое и возвращаться на прежнее через час. При ужении без катушки почти необходимо употреблять более крупные крючки с толстым укороченным стержнем, так как обыкновенные крючки крупные усачи часто ломают. Всего вернее, сразу берут они на червя, говядину и сыр. Во всяком случае необходимо, чтобы весь крючок был закрыт насадкой.

Клев мирона очень резкий и сильный, и он обыкновенно сразу утаскивает поплавок. При ловле на донную время подсечки узнается по сильной потяжке, следующей после 2, редко 3 более или менее сильных толчков; чем крупнее усач, тем эти толчки менее ясно отделены, переходя иногда в один резкий. Мелкий при большой насадке этими толчками и ограничивается. Подсечка должна быть очень сильная, чтобы крючок вонзился как следует в его толстую и жесткую губу. Почувствовав себя пойманным, мирон обыкновенно стремглав бросается против течения. И это самый опасный момент, так как он может с разбега оборвать леску, если удят без катушки. Иногда усач становится вниз головой, упиравшись ею в дно, и стоит в этом положении минуты две, так что никак не сдвинешь его, затем внезапно бросается. Большие плавники и необыкновенная сила делают крупного усача очень трудной и редкой добычей: он представляет на быстром течении еще большее сопротивление, чем сазан одинакового веса, и еще труднее последнего заворачивается в сторону и дает водить себя на правильных кругах, так что с ним приходится иногда возиться по полчаса. Вот почему при ужении на обыкновенные удочки выгоднее употреблять самые крупные снасти и не особенно церемониться (в пределах благоразумия, конечно), так как рыба эта утомляется очень нескоро, а губы у нее очень крепкие. Раз усач подсечен как следует, нечего опасаться, что он сорвется. Заметим еще, что ни у одной рыбы не замечается таких частых случаев так называемого фальшивого клева и ни одна не попадает так часто за брюхо и другие части тела, как усач. Объясняется это тем, что он держится на самом дне, подобно пескарю, ползая, задевает брюхом насадку и, слегка зацепив за крючок, погружает поплавок или качает кончик удилица; следует подсечка, усач оказывает, как и следует ожидать, еще большее сопротивление, чем попавшийся за губу. Вероятно, большая часть скрывающихся миронов бывает подсечена именно таким образом. При ужении на донную с глиняным шаром, в котором заключается прикормка, фальшивый клев замечается сплошь и рядом. Усач очень живуч и, будучи вынут из воды, может прожить без воды, в сырой траве, до пяти часов. Мелкие усачи составляют отличную насадку для сомов.

Карась

Всюду – карась. *Carassius vulgaris* L. Обыкновенный карась – круглый, золотой, желтый, красный карась; серебряный карась (*C. gibelio*) – продолговатый, белый, серебряный, местами – черный, озерный, речной карась. В Польше – карась; в верховьях Вислы – опачняк; финск. – коури, руутана; эст. – карус-кала, коккер; у ижоров – карусси; латыш. – карузе, куре; черем. – корак, карака; вот. – карась; чувашск. – хурапол; башк., тат. – табан, иногда – тубан-балык; тат. также – карака; у оренбургск. тат. – корене; зыр. – гюч; калм. – киту, кете-балык; у татар на Чулыме – пазирр; у телеутов – езу-балык; у самоедов на Мангазее – джус; на Нарыме и Кети – тюдо; у тавгинцев – лето-халле; бурят. – дзодай; тунг. – довачан; на Амуре – коленты; у ходзенов на Уссури – кайча (?); у гольдиев – абуаха, мандус. – джигоаса; гиляк. – леренк.

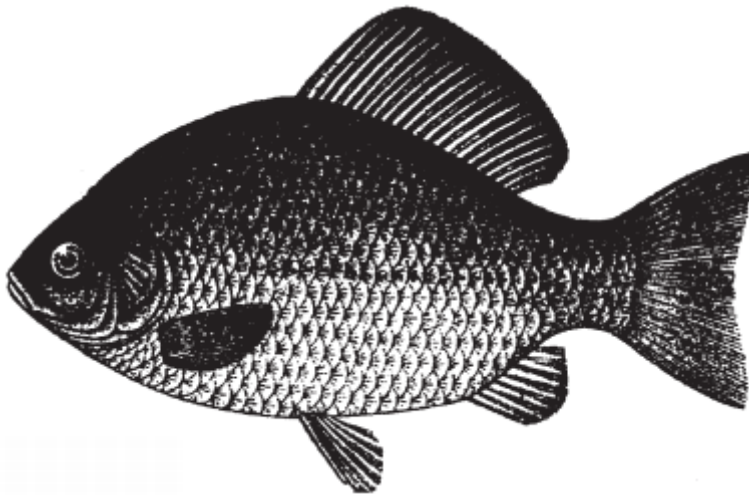

Рис. 138. Золотой карась

Карась принадлежит к числу весьма распространенных рыб. Только в Испании он разведен искусственно, а во Франции почти вовсе не встречается, так как водился в небольшом количестве в Эльзасе и Лотарингии. У нас, в России, он распространен до Архангельска, а в Финляндии до 64° – 65° с. ш.; его нет только, кажется, в Крыму и в Закавказье, по крайней мере, он там не был еще никем найден. На востоке карась идет очень далеко в Сибирь и, по-видимому, не встречается там только на Крайнем Севере и Востоке (на Камчатке). В Туркестанском крае, где карп весьма обыкновенен, карась найден только в арыках Амударьи. Вообще эта рыба принадлежит исключительно болотистым, низменным озерам, в горных озерах и вообще в горных местностях карась составляет довольно редкое явление.

Рис. 139. Глоточные зубы карася

Наружность карася очень хорошо всем известна, и потому нет надобности описывать ее во всех подробностях. Карась легко отличается от всех других наших пресноводных рыб своим более или менее круглым туловищем, сильно сплюснутым с боков, хотя он все-таки значительно толще леща. Слово «карась», как известно, прилагается иногда в нарицательном смысле – и толстого, неуклюжего человека как раз назовут этим прозвищем. Своим высоким, сжатым телом и

отсутствием усов карась легко отличается от ближайшего своего родственника – карпа, так же как числом и положением глоточных зубов, которых у него по 4 с каждой стороны и в одном ряду.

Впрочем, караси, по примеру карпов и вообще всех рыб, которые по своей организации могут жить при самых разнообразнейших условиях, имеют множество разновидностей, весьма отличных не только по цвету и величине, но и в самой форме. Но все эти многочисленные вариететы могут быть отнесены к двум видам, или, пожалуй, породам, – круглому, или обыкновенному золотистому, карасю, и продолговатому, или серебряному. Первый принимается обыкновенно за типическую форму, а второй – за вид, обособившийся и происшедший от круглого карася. Некоторые зоологи, а также рыбаки и рыботорговцы, считают даже продолговатого карася круглым карасем, выродившимся вследствие недостатка пространства и корма, но это мнение не совсем справедливо. Теснота обиталища и недостаток пищи действительно оказывают сильное влияние на развитие карасей, но более, кажется, на рост их, нежели на форму тела. Это доказывается тем, что продолговатые караси встречаются вместе с круглыми и иногда не только не уступают в величине, но даже бывают крупнее их. В этом случае, конечно, весьма часто встречаются и помеси между обоими карасями, но помеси, как мы увидим и даже отчасти видели, бывают и между весьма разнородными рыбами.

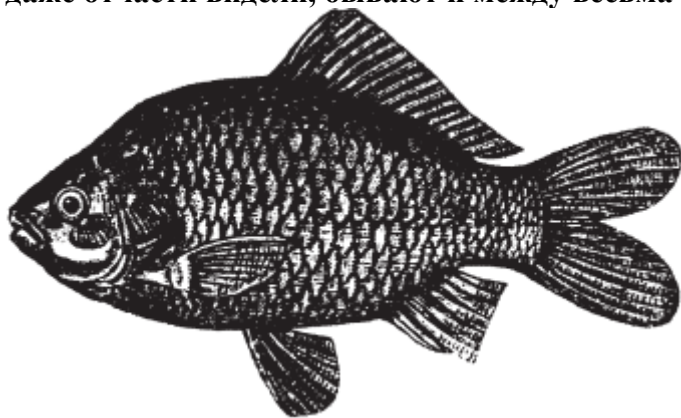

Рис. 140. Серебряный карась

Главные различия между круглым и продолговатым карасем видны из самых названий их. Первый гораздо шире (вышина его составляет $2/5$ длины всего тела), спина у него поднимается от затылка крутою дугою; обыкновенно он бывает более или менее темно-золотистого, иногда красновато-золотистого цвета. Продолговатый карась имеет более удлиненное туловище, спина у него образует гораздо менее выпуклую дугу, так что вышина его составляет около $1/3$ всей длины тела; чешуя на нем серебряная, но иногда принимает черноватый оттенок; хвост более вырезан. Местопребывание как тех, так и других карасей почти одинаково: как круглый, так и серебряный караси живут исключительно в стоячих водах, также в тихих заливах и старицах рек, но последний, впрочем, чаще первого встречается в проточной воде, особенно в реках, почему иногда и называется озерным или речным карасем. Следует заметить, что серебряный карась у нас относительно формы тела подлежит гораздо большим изменениям, нежели круглый, и у него не только тело бывает удлинено в различной степени, но изменяется иногда и форма головы, отчего он получает как бы совсем другой вид. Между разновидностями продолговатого карася особенно замечателен так называемый степной карась, или подройка, подрыйка, – который многими рыбаками юго-западных губерний принимается за особый вид. Эти караси отличаются весьма небольшою величиною, зависящей, вероятно, от того, что они живут в небольших озерах и притом в относительно большом количестве, так что чувствуют заметный недостаток в пище. Таких крошечных карасиков, не более 6 дюймов, я встречал в Пермской и Ярославской губ., тоже в

небольших озерах и прудах, даже в ямах, вообще в таких местах, где по неудобству ловли сетями или по причине отдаленности от жилья, обилия крупных карасей и других более ценных рыб на них не обращают внимания. Иногда эта малорослость замечается и между золотыми карасями, а случается, что в таких неблагоприятных условиях находятся и оба вида вместе. По свидетельству Кесслера, у степного карася голова заметно острее, спинной плавник ниже и у основания хвостового с каждой стороны лежит по темному поперечному пятну, которое довольно редко встречается у обыкновенных серебряных карасей и никогда не бывает так заметно.

Оба вида карасей – круглый и серебряный – встречаются почти во всех местностях России, но, на основании моих наблюдений в Пермской губ. и принимая в соображение наблюдения проф. Кесслера, надо полагать, что первый многочисленнее и достигает наибольшего роста в северо-восточных губерниях, между тем как серебряный карась чаще встречается и гораздо крупнее круглого на западе и северо-западе России. В настоящее время оба карася разводятся повсеместно, и довольно трудно определить коренное местопребывание обоих видов. Однако, так как в Западной Европе караси появились в позднейшие времена, даже очень недавно, мы не будем далеки от истины, если примем за родину его озера ледникового периода Северо-Восточной Европы и Западной Сибири. Если бы мы могли сделать историческое исследование первоначального распространения обоих видов, то можно было бы с большею достоверностью указать, какой именно вид произошел от другого. Очень может быть, что тогда мы придем к совершенно другому заключению – именно, что круглый карась произошел от продолговатого – речного или что оба вида имеют родичем вымершего третьего, еще более речного, вида и что первый находится ко второму (или третьему) виду в таком же отношении, как карп к сазану.

Перехожу к образу жизни. Так как в этом оба вида представляют небольшую разницу, которая заключается главным образом в том, что серебряный карась чаще встречается в проточной воде, чем золотой, то мы не будем говорить о каждом отдельно.

Из всех наших рыб карась, бесспорно, самая неприхотливая и невзыскательная. Это обстоятельство придает ему довольно большое промышленное значение в местностях, изобилующих стоячими водами, которые составляют главное местопребывание этого вида. Карась живет в более или менее значительном количестве не только во всех озерах, прудах, но часто попадает и в полуподземных озерах, почти совершенно затянутых трясинной, и в небольших ямах, где совершенно немыслима жизнь ка кой-либо другой рыбы. Можно даже положительно сказать, что чем хуже свойства воды обитаемого ими бассейна, чем иловатее пруд или озеро, тем караси многочисленнее и быстрее развиваются. Тина – их стихия. Здесь добывают они пищу, состоящую исключительно из органических остатков и частиц, также мелких червяков, а на зиму совершенно зарываются в этот ил и остаются живы даже тогда, когда в жестокие бесснежные зимы мелкие стоячие воды вымерзают до самого дна. Бывали примеры, что карасей выкапывали живыми из ила совершенно высохшего пруда, с глубины аршина («Подземная рыба». – «Казан. вестник», 1886, № 19). Золотые караси вообще значительно выносливее серебряных. Отсюда понятно, почему в настоящее время редко встретишь хотя бы самый незначительный пруд или озерко, в которых бы не было разведенных или случайно попавших карасей. Последние, как известно, после половодья часто замечаются в самых небольших бокалдинах на заливных лугах. Иногда караси появляются внезапно в совершенно обособленных бассейнах, но это обстоятельство может быть легко объяснено тем, что карасья икра, прилипая к перьям водяных птиц, легко заносится даже на довольно значительную высоту и не только развивается здесь в молодых рыбок, но эти последние, найдя себе изобильную пищу, через несколько лет

размножаются в такой степени, что озеро или пруд, до сего времени казавшиеся безрыбными, через пять лет кишат карасями.

Вообще карась может водиться во всякой воде, и если иногда и бывает редок в реках и некоторых озерах, то это, конечно, всего более зависит от того, что он при первом удобном случае старается уйти в более спокойные и тинистые воды. Толстое, неуклюжее тело его не может справиться и с довольно медленным течением, а при песчаном или каменистом дне ему негде добывать себе пищу и негде укрываться от хищных рыб, которые, конечно, пользуются его неповоротливостью и в скором времени вконец истребляют как его, так и его икру и молодь. Доказательством того, что карась вовсе не боится холодной воды, может служить то, что он нередко, особенно в Уральских горах, встречается и в родниковых ямах – обстоятельство, замеченное еще покойным Аксаковым. Во всяком случае, понятно, почему караси всего многочисленнее и крупнее в замкнутых и тинистых, почти заросших озерах и прудах, где нет, да и не может быть, никаких других рыб.

В небольших бассейнах, особенно вблизи от жилья, караси редко достигают более 2–3 фунтов веса, но при благоприятных условиях, особенно на севере, они имеют несравненно большие размеры и тогда уже растут исключительно в толщину или высоту. Наибольшей славой в этом отношении, как известно, пользуется Чухломское озеро в Костромской губ., где встречаются гигантские караси, в 10–12 фунтов. Такие же караси встречаются изредка даже в Сенежском озере (Клинск. у. Московск. губ.) и в некоторых озерах Киевской губернии (Домбровский).

Очень крупные караси попадают также в озере Осанове и Федовском в Вышневолоцком у. (Т верск. губ.). Громадной величины достигают также караси многих зауральских озер в Пермской и Оренбургской губ.: в Катаминском озере Богословского округа (Верхотурск. у.) изредка ловятся караси неслыханной величины – 14, даже 15 фунтов. Это, вероятно, крайний предел роста этой рыбы, тем более что она сравнительно с другими рыбами растет довольно медленно. Обыкновенно рыбаки говорят, что карась к осени вырастает не более как в «старый грош», а делается способным к размножению на третьем году и в весьма редких случаях достигает веса одного фунта ранее четырех, даже пяти лет. Большая часть трехгодовалых икряных карасей, как известно, обыкновенно бывает значительно менее полуфунта. Нормальная величина двухгодовалого карася вершок, но при особенно изобильной пище, например если бросать карасям корм, караси будто бы на втором году (вероятно, в 2 года) достигают 3/4 фунта (Радкевич). В Чистых прудах (в Москве), которые чистились в 1882 году, в 1887-м ловили уже карасей по фунту и более.

Без всякого сомнения, рост карася, как и всякой другой рыбы, зависит главным образом от количества пищи, а так как он питается исключительно растительными веществами, то понятно, почему в бассейнах с песчаным дном, лишенных водяных трав, он растет весьма медленно. При чрезмерном количестве карасей прирост их также уменьшается, но иногда замедление в росте происходит от совершенно других причин. Вероятно, весьма многим случалось видеть карасей, как бы покрытых кровавыми пятнами. При внимательном исследовании окажется, что пятна эти производятся небольшими крутыми рачками, которые имеют, однако, довольно отдаленное сходство с последними. Эти паразитные рачки называются карпоедами (*Argulus*), (см. «Карп»), так как едва ли не чаще попадают на карпах, встречаются иногда во множестве в стоячих водах и впиваются в покровы этих рыб в таком количестве, что иногда служат причиной их смерти. В некоторых случаях внезапный мор карасей зависит исключительно от необычайного количества карпоедов. Стоит только взять живого карася и пустить вместе с ним в какую-нибудь посуду штук 10–20 *Argulus*, как последние живо нальнут на него в одну минуту, «словно собаки», отгрызают хвост и перья, рыба теряет равновесие,

всплывает и делается окончательною добычею этих хищников, так что на полумертвых карасях можно найти более 100 впившихся карпоедов, которые после смерти немедленно покидают свою жертву. Нередко причиной замедления роста карасей бывают также ленточные глисты; иногда во внутренностях можно найти несколько штук их, но эти внутренностные паразиты все-таки встречаются у карасей реже, нежели у многих других рыб. Такие глистоватые, иногда и крупные, караси очень часто бывают вовсе лишены икры. Молодые карасики в огромном количестве истребляются многими водяными насекомыми, в особенности плавунцами и водяными скорпионами.

Вообще карась, по исключительности своего местопребывания, много страдает и от насекомых и прочей «гадины», которая беспрепятственно размножается в стоячих водах, особенно иловатых и заросших травой. Икру и только что выклюнувшуюся молодь его истребляют во множестве зеленые лягушки, даже тритоны, иначе уколы или водяные ящерицы, которые, так же как и первые, очень часто обитают вместе с карасями. Это всего лучше можно наблюдать в аквариумах, но зато здесь же часто случается видеть, как взрослые караси беспощадно отрывают жабры у молодых тритонов. Самые же главные истребители икры и мальков карасей, бесспорно, плавунцы – большие водяные жуки; прочие водяные насекомые, как, например, водяные клопы и др., далеко не приносят им такого значительного вреда. Плавунцы нередко поедают или портят уже довольно больших карасиков, преследуют даже совершенно взрослых, и недаром рыбаки считают их самыми злейшими врагами этой рыбы, которая не отличается проворством и часто не успевает спастись от них бегством. Взглянув на толстое, неуклюжее тело карася, желудок которого почти во всякое время года битком набит зеленой грязью, ста нет понятной его вялость и неповоротливость, обуславливаемая отчасти и растительной пищей: карась не нуждается в быстроте движений, так как корм у него, как говорится, под носом. Зарывшись наполовину в ил, иногда выставив оттуда один хвост, копается он в вязком иле и в этом положении чаще других рыб подвергается нападению различных водяных насекомых, паразитных рачков, а также хищных рыб. Только по вечерам и ночам, в ясный жаркий день, иногда в полдень карась выходит отсюда к берегам и лакомится молодыми стеблями водяных растений, особенно побегами камыша. В эту пору часто слышится его чавканье и чмоканье, по которому нетрудно отличить карася от других рыб, и только в это время попадает он в сети. На зиму, в ноябре и декабре, по недостатку воздуха, частию пищи, караси забираются в тинистые глубокие ямы, а в мелких, промерзающих озерах даже и вовсе зарываются в тину и выдерживают невзгоду, все глубже и глубже зарываясь в нее; но, конечно, в жестокие бесснежные зимы, в очень мелких с тоячих водах и эта выносливая рыба делается жертвою мороза и совершенно закоченеваает. Совершенно замерзший карась может снова ожить спустя несколько часов. В сыром мху карась проживает до 3 суток. Это самые прочные живцы для всякой хищной рыбы, но употребляются они сравнительно редко, так как окуни и в особенности, щуки берут на них гораздо не так охотно, как на других рыб.

В глубоких тинистых ямах, более или менее зарывшись в ил, караси проводят всю зиму и начало весны, и только когда пруд или озеро совершенно очистятся от льда, начинают показываться у камышистых берегов. Собственно говоря, главный выход их начинается незадолго до нереста, когда вода уже значительно потеплеет, помутнеет, когда подымутся со дна водяные травы и зацветет шиповник.

Смотря по климату, погоде, также местоположению озера, игра карася начинается раньше или позже, но обыкновенно он мечет икру почти после всех рыб (кроме линя и карпа). На юге – в начале мая, в Средней России – в середине или в конце мая, а на севере даже в июне. Замечено также, что в заросших озерах, покрытых плавучей трясинной, караси всегда нерестятся позже, нежели в открытых озерах. Это

обстоятельство зависит от той простой причины, что эти трясины (на северо-востоке называемые иногда лавдами) часто оттаивают только в июне и вода в таких полуподземных бассейнах очень долго не принимает надлежащей температуры. Для нереста карася, вернее для развития икры, необходимо, чтобы вода была не холоднее 16°, даже 17,5°C, и потому навряд ли икра его может успешно развиваться в ключевых ямах, где тем не менее он встречается иногда в довольно значительном количестве.

К этому времени карась собирается в густые, иногда весьма многочисленные, стаи и идет в береговые камыши и ситовники (тростники), где и производится самый процесс метания икры. Осоки он не любит, но часто, особенно на севере, где камыши и тростники составляют большую редкость, он играет во мху и на него же выпускает свою мелкую желтоватую икру, икринки которой, имеющие величину макового зерна, считаются десятками тысяч; они во множестве прилепляются к подводным растениям или же плавают кучками в виде клочьев шерсти на поверхности, где и делаются добычей водяных птиц. Вообще икра карасей, да и большей части карповых рыб, имеет одинаковый удельный вес с водой и может плавать на всякой глубине.

Самый нерест карасей весьма непродолжителен и много-много если продолжается два утра, причем прежде всего выметывают икру самые крупные – обыкновенно одно утро, и заканчивается к полдням. Поэтому карась идет весьма дружно, и если следить за ним, то игра его замечается и наблюдается легче, чем у большинства других рыб. Обыкновенно икринки – самки – находятся на дне, где и трутся, наверху же вертятся и выпрыгивают самцы, которые в конце концов оборачиваются кверху брюхом или боком и начинают один за другим изливать молоки на икру, выпускаемую одновременно самками. Пена и муть стоит тогда над собравшеюся стаею рыбы, в утренней тишине далеко слышно ее шлепанье и характерное чмокание, шелестят верхушки колеблющегося камыша, всюду плавают мох; кишмя кишат караси, и весло рыбака так и торкается об них. Весьма замечательно, что во многих местностях карась нерестится в несколько приемов, отделенных один от другого довольно большими промежутками. В Пермской губернии, за Уральским хребтом, все рыбаки вполне убеждены, что карась играет «каждый новый месяц», начиная от мая до августа, т. е. 3–4 раза. Я сам наблюдал его вторичный нерест в конце июня, но не могу, однако, сказать, зависит ли это от того, что караси различных возрастов нерестятся в различное время, или от того, что каждый карась выпускает икру не сразу, а в несколько – именно два или три – приемов. Последнее в настоящее время я считаю более вероятным.

В этот период или, вернее, периоды нереста производится ловля карасей сетями и прочими рыболовными снарядами. На зауральских озерах, да и в о многих других местностях, всего более добывают их так называемыми стеновыми мережами. Эти мережи ставят обыкновенно около камышей в известных, по опыту, местностях; при удачном выборе места и времени в них запутывается такое количество рыбы, что сеть буквально тонет на дно. Бывают случаи, что из каждой мережи в одно утро вытаскивают до десяти пудов отборной рыбы (смотря по величине ячей наружных рядов).

Кроме того, карась ловится в большом количестве, но уже во всякое время года, за исключением зимы, в морды. Морда, нероть, или верша, – есть не что иное, как плетенный из ивовых прутьев круглый, продолговатый кувшин или бочонок; внутри широкого отверстия вплетается из прутьев же горло в виде воронки, для того чтобы рыбе можно было свободно проходить в морду, но никак нельзя было выйти. В Германии нередко в подобные снасти кладут какую-нибудь приманку (хлеб и т. п.). Можно ловить карасей даже в бельевую корзину, закрытую плотной крышкой или рогожей – с отверстием около 2 вершков диаметром. В такую корзину кладут кулек с

творогом, затем опускают ее с камнем в воду, большею частью на ночь.

Очень много карасей попадает осенью, особенно в котцы, на юге России называемые котами. Это целый лабиринт из сосновых драночек, ивняковых прутьев или камыша, где попавшаяся рыба не может ни повернуться, ни пройти через промежутки между палочками. В большом употреблении также ловля карасей в ботальные мережи, которые, так же как и стеновые, состоят из 2 или 3 рядов; главное отличие их заключается в том, что рыба загоняется при помощи шеста с полым наконечником (см. «Линь») – орудия, называемого на зауральских озерах боталом, ботвой на юге и мшагой на Чудском озере. Ловля неводами и бредниками возможна только в не очень травянистых и иловатых прудах и озерах и употребляется большею частью поздней осенью и зимою, когда подмерзлая трава сядет на дно и не будет уже мешать вытаскиванию сети. Впрочем, в Зауралье принаравливаются ловить неводом и в очень няшистых озерах, укорачивая верхнюю тетиву таким образом, чтобы нижняя волоклась несколько сзади ее и не загребала ил. В других местах с той же целью вплетают в нижний подбор невода пучки соломы, которые не позволяют неводу погружаться в ил.

По вялости клева и малому сопротивлению, оказываемому пойманным карасем, ужение этой рыбы не особенно интересно и для речных охотников еще скучнее, чем ужение линя. Последние редко попадаются на удочку менее фунта весом, тогда как мало таких прудов и озер, где бы часто попадались фунтовые караси. Но так как есть много мест, где поневоле приходится ловить только карасей, и так как есть даже большие любители их ловли (вернее, жаренных в масле карасей), то считаю необходимым сказать несколько слов об ужении этой рыбы, к которому сам прибегал только в крайних случаях, когда не было никакой другой. По моему мнению, рыба должна цениться охотником не по качеству и вкусу мяса, а только по степени трудности ловли и величине сопротивления, ею оказываемого.

Кроме того, карась, по отношению к клеву, принадлежит к самым непостоянным рыбам: сегодня он берет отлично, завтра совершенно не клюет, и трудно объяснить почему. Дней с хорошим клевом карася в году очень мало, меньше, чем у других рыб. Там, где караси малочисленны или, кроме них, живут и другие рыбы – лини, голец или верховки, они иногда вовсе не берут, разве случайно, после нереста. Лучший клев карася, и притом более постоянный, замечается только в чисто карасьих прудах, где нет никакой другой рыбы, кроме разве верховки – почти неизменной спутницы карася в стоячих водах Средней и Южной России, начиная с межевых и кирпичных ям. Если карасей в таких местах не ловят бреднями, то они разводятся в таком большом количестве, что пищи им уже не хватает, и они поэтому бывают очень голодны и берут чуть не ежедневно с весны до поздней осени. Но таких мест очень мало, и притом здесь караси очень мелки, около 2 вершков, так что ловля их не доставляет особенного удовольствия.

Самое лучшее время года для ужения карася – это июньские и июльские дни, после того, как он выметал икру. Местами, кажется, в более чистых, т.е. незарастающих, малокормных и более мелких, скоро прогревающихся прудах караси недурно берут и в мае. В августе клев их ослабевает или вовсе прекращается, хотя есть пруды, в которых они сносно берут и в теплые сентябрьские дни. Но с наступлением утренников караси начинают зарываться в ил и уже не идут ни на какую, даже самую лакомую, приманку. Впрочем, окончательно залегают карась незадолго до замерзания пруда, позднее линя и карпа, которые гораздо чувствительнее его к холоду, что и объясняет их меньшее распространение на север.

Карась постоянно держится в траве и редко выходит из нее на совершенно чистые места, особенно там, где встречаются щуки и другие хищники, а потому ловят его большею частью с берега и редко бывает надобность в лодке. Всего лучше заблаговременно расчистить небольшое местечко, в одну-две квадратные сажени,

среди зарослей водяных растений – кувшинок, горошницы (*Potamogeton*), водяных елочек и других. Эту расчистку лучше всего производить при помощи длинных железных граблей. Глубина в этом месте должна быть не менее аршина, еще лучше, если она будет в два: крупные караси подходят близко к мелким берегам только ночью или когда стемнеет. Некоторые рыболовы советуют посыпать расчищенное место песком, но я считаю это излишним, потому что песок может быть полезен лишь в том случае, когда приходится ловить со дна на насадку темного цвета, которая поэтому на черном иле почти незаметна. Карасей же почти всегда удят на весу.

Лучшим временем дня для ужения считается раннее утро, до 9–10 часов утра (летом); под вечер карась тоже берет очень хорошо, хотя и хуже, чем утром. Местами, а может быть всюду, в жаркие дни, когда караси гуляют на солнце, лучший клев их бывает около полудня. Впрочем, в это время они берут почти повсюду, о чем далее. Есть, наконец, пруды, где карась лучше всего берет ночью. Крупный (т. е. более фунта) везде попадает на удочку только ранним утром или поздним вечером.

Для ловли употребляются самые простые снасти: легкие удилица длиной от 4 до 6 аршин, без катушки, совершенно излишней и даже вредной; леска волосяная в 4–6, редко 8 волос – только в травянистых местах и там, где попадаются 3-фунтовые караси; шелковые лески хуже, потому что в прудах вообще, в карасях в особенности, они очень скоро гниют, даже если они просмолены, т. е. покрыты непромокаемым составом. Мелкие водоросли, может быть, также мелкие рачки (дафнии, циклопы) действуют на шелк крайне разрушительно, и он очень скоро здесь созревает. Поплавок должен быть легок и чувствителен и делается большею частью из осокоря, кусочка куги или небольшой пробочки. Грузило небольшое; крючок, на поводке из тонкой жилки, никогда не бывает крупнее 5 номера предпочтительнее 8 или 9, но размеры его, разумеется, обуславливаются насадкою и размерами карасей, водящихся в данном месте. Некоторые рыболовы ловят крупных карасей по ночам на донные, закидочные удочки, как лещей (см. «Лещ»), и на более крупные крючки.

Для того чтобы много поймать карасей, необходима привада, т. е. надо заблаговременно приучить их искать корм на избранном для ужения месте. Карась – рыба вялая, ленивая, бродит мало и редко, еще реже линя, и почти не удаляется от своей главной резиденции, благо пища, т. е. трава и водоросли, а то так и тина, у него под боком. Но, как и у всех рыб с мясистыми губами, вкус и обоняние у него довольно хорошо развиты, он любит полакомиться и пахучую приманку слышит с довольно значительного расстояния, даже в стоячей воде, где запах распространяется во все стороны, а не в одном только направлении, как в реке. Чем пахучее будет приманка, тем лучше, а потому ее сдабривают различными пахучими маслами – льняным, конопляным, к которым прибавляют несколько капель какого-либо эфирного масла (анисового, мятного, лавандового) или же лавровишневых капель. Последние имеют для карасей, несомненно, большую привлекательность. Мне известны случаи, что караси очень хорошо шли на прикормку, смоченную керосином. Один известный московский рыболов весьма успешно приваживал карасей в прудах Петровской академии, опуская на дно склянку с вставленной в пробку волосной трубкой, из которой каплями просачивался керосин. Для удобства ловли он делал предварительно глубокую ямку. Собственно прикормкой служит хлеб, гречневая и пшенная каша, также творог; последний опускается в воду в кульке или в мешке из рединки и считается едва ли не лучшей прикормкою, что весьма понятно.

Насадки для ловли карасей довольно однообразны. Их ловят обыкновенно или на красного навозного червя, или на хлеб, лучше черный, чем белый, так как первый

пахучее. Замечательно, однако, что есть пруды, где карась берет преимущественно, иногда даже исключительно, на хлеб, и такие, где он берет только на червя. Хлеб необходимо сдабривать каким-либо пахучим или сладким веществом – анисовым маслом (капля на чайную ложку прованского), лавровишневыми каплями, медом, даже керосином или метать с зеленым сыром. Другие насадки малоупотребительны; изредка и местами караси берут недурно на опарыша (личинку мясной мухи), а крупные с большим успехом ловятся (на донные ночные удочки) на больших земляных червей (выползки, глистовки).

Обыкновенно насадку пускают на вершок или два от дна, но в жаркие солнечные дни, когда караси ходят густыми стаями поверху, их необходимо ловить почти поверху, пуская насадку очень мелко, вершка на два от поверхности воды. Особенно успешно бывает ужение карасей, когда сильным ветром собьет всю ряску в какой-либо угол пруда. Эти рыбы очень лакомы до молодых листочков и корешков плавучей травы и собираются тут массами, так что если есть возможность забрасывать насадку на границу зелени, то можно всегда рассчитывать на блистательный улов. Ловят, конечно, поверху. Иногда карась ловится на червеобразные полоски мяса, хотя на червей и не берет. На зауральских озерах караси почему-то вовсе не кормятся мормышами (*Gammarus*), которых в карасьих озерах всегда бывает великое множество. Я думаю, что неповоротливый карась не в состоянии поймать шустрого мормыша летом, а зимой и раннею весною, когда мормыш составляет главную пищу других озерных рыб, караси пребывают в спячке, закопавшись в ил.

Поклевка карася не имеет определенного характера и довольно разнообразна. Вообще о ней можно сказать только, что она тихая и неверная, так что примениться к ней можно после многих промахов: преждевременные и запоздалые подсечки неизбежны. Мелкий карась обыкновенно ведет насадку и поплавок в сторону; это движение поплавок сначала постепенно ускоряется, затем становится тише. В этот момент замедления и надо подсекать. Иногда поплавок, прежде чем плыть в сторону, начинает припрыгивать. Крупный и даже средний карась берет вроде линя и леща. Поплавок слегка вздрагивает или припрыгивает, затем идет в сторону и ложится набок. Подсекают, именно когда поплавок начнет ложиться; если же опоздать, то карась обыкновенно успевает выплюнуть насадку. Он почти всегда берет вяло и не скоро проглатывает корм, если только не очень голоден, предварительно смакует его, держа в губах, почему часто накалывается, почти никогда не попадаясь самоловом, без подсечки. Очень большие караси иногда очень долго водят поплавок, подобно линю. Обыкновенно ловят на несколько удочек, редко менее трех, как и линей.

Вытаскивание мелких и средних карасей не сопряжено ни с какими трудностями, так как они оказывают лишь незначительное сопротивление, меньшее, чем все другие рыбы (кроме прудового леща) одинакового роста или, вернее, веса. Крупных карасей, около 3 фунтов и выше, конечно, нельзя вытаскивать через голову, но они далеко не так упористы, как лини, и скорее утомляются, всплывая наверх боком, подобно лещу.

Карась принадлежит к довольно ценным рыбам, но так как он почти не встречается в таком большом количестве, как другие карповые, то не имеет промыслового значения и большей частью потребляется на месте, имеет ограниченный сбыт и почти нигде не заготавливается впрок соленьем или копчением. Сколько известно, только в Западной Сибири вялят карасей, но мороженые караси привозятся за несколько сот верст. Чухломские, например, доставляются в Москву и Петербург, а зауральские озерные идут зимою в довольно значительном количестве (несколько тысяч пудов) в Уфимскую, Вятскую и даже Казанскую губернии. Ценятся только живые караси и не очень крупные, около 1/3 фунта, так называемые

порционные; такие продаются в Москве около 50 к. фунт. Более крупные или мелкие стоят почти вдвое дешевле.

Хотя прудовой карась почти всегда более или менее отзывает тиной, но, будучи изжарен в сметане, он теряет этот запах и составляет довольно изысканное кушанье, имеющее многих любителей. Уха из карасей, а тем более вареные караси довольно невкусны, главным образом потому, что пахнут травой; караси, пробывшие несколько дней (неделю) в проточной воде, теряют неприятный вкус, но все-таки карась хорош только в жареном виде. Интересен способ приготовления в Северо-Восточной Сибири, описываемый Аргентовым. Гастрономы города Якутска начиняют крупных карасей сарачинским пшеном (рисом) с различными пряностями, вынимая только желчь и оставляя все внутренности; затем жарят (пекут) в истопленной, уже закрытой печи на сковороде, с ореховым (кедровым) маслом .

Карась – такая выносливая и настолько распространенная рыба, что о разведении его не стоит и говорить. Его нет только в недавно выкопанных прудах или там, где он не может выдержать борьбы за существование с другими видами. В небольших и неглубоких непроточных прудах может жить только карась, так как лини, а тем более карпии, рано или поздно в них задыхаются зимою. Однако и для карасей проруби необходимы, так как не все успевают зарыться в ил; особенно много погибает мелочи. При большом количестве прудов и благоразумном лове караси могут служить довольно крупной статьей дохода, особенно в подгородных усадьбах. В таких местностях, где нет ни своих карпий, ни привозных сазанов, разведение карасей может быть даже выгоднее, чем разведение карпий, за которых никогда не дадут такой цены, как за карасей. Нашим будущим рыбоведам необходимо прежде всего принимать в соображение требования рынка и разводить в большом количестве только тех рыб, которые вместе с ценностью имеют и постоянный верный сбыт. Привычки потребителей изменяются с большим трудом и очень медленно. Например, если кто станет разводить угрей под Москвой или вообще там, где они неизвестны, то может быть уверен, что никто покупать их не будет, разве за самую смешную цену. Известен факт, что когда в Москву привезли сразу всего какие-нибудь две тысячи пар фазанов (из Туркестана), то они продавались здесь, где съедаются сотни тысяч пар разной дичи, по одной цене с тетеревами.

Линь

Tinca vulgaris L. Повсеместно – линь; на Шексне – жировой карась; в Каненец-Подольск. губ. – швия (?!); финск. – сунтари, тунтайн; у эстов – линаск-кала; у ижоров – опокала; латыш. – линнис-слейе; каз. тат. – шамба; башк. – кара-балык; кач. тат. – карал; черем. – шругор, тото; вотяцк. – алмей; калм. – укир-сагассун (корова-рыба); арм. – цугна; ост. – каве; чувашск. – горавал; вог. – гальма.

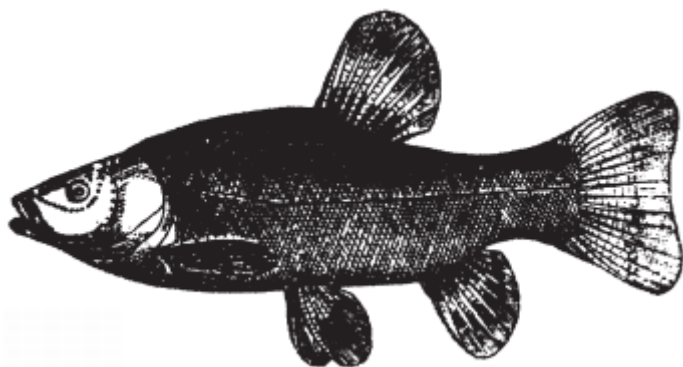

Рис. 14 1. Линь

Без всякого сомнения, название «линь» дано этой рыбе вследствие характерной особенности ее изменять свой цвет по вынуждению из воды; пойманный линь немедленно покрывается большими черными пятнами. Это происходит оттого, что он весь покрыт толстым слоем чрезвычайно густой и прозрачной слизи, которая на воздухе твердеет, темнеет, а затем отваливается кусками, оставляя на этих местах большие желтые пятна.

Своим складом линь несколько напоминает язя, но от всех карповых рыб он легко отличается своим толстым неуклюжим телом, очень толстою хвостовою частью туловища, очень мелкою чешуею и очень небольшими ярко-красными глазами. Кроме того, линь имеет непарное число глоточных зубов (с левой 4, с правой 5), расположенных в один ряд и с внутренней стороны вытянутых в маленький крючок; рот у него очень мал, мясист, даже кажется как бы распухшим, а по углам его сидит по одному очень небольшому усика.

Цвет линя находится в большой зависимости от воды, в которой он живет. Вообще спина у него темно-зеленая, бока оливково-зеленые с золотистым блеском, брюхо сероватое; в реках и чистых озерах он всегда гораздо желтее, нежели в тенистых прудах, заросших водяными растениями, где бывают иногда почти совсем черные лини. В низовьях Волги рыбаки отличают ильменного и речного, или золотого, линя, у которого туловище стройнее, нижняя губа заметно заворочена кверху, а цвет красновато-желтый. Настоящего золотого линя (*var. chrysitis*) у нас, впрочем, нигде нет, и эта красивая разновидность встречается, кажется, только в Богемии и Силезии.

Рис. 142. Глоточные зубы линя

Линь растет довольно медленно, но живет долго и потому в больших прудах, заросших тростником, где находит себе безопасное убежище, достигает иногда огромной величины. Так, например, по свидетельству проф. Кесслера, в одном пруде на р.Ирпени, в окрестностях Киева, был пойман (в 1857 году) линь, который имел в длину около аршина, весил 181/2 фунтов и был весь как бы покрыт мохом. Другой линь, в 15 фунтов, по словам того же лица, был вытасчен из небольшого озера (Любани?) на границе Витебской и Лифляндской губ. Самые крупные лини, говоря вообще, встречаются, по-видимому, в зауральских башкирских озерах, особенно в южной части Екатеринбургского уезда, где местами 7–8-фунтовый кара-балык вовсе не составляет редкости; иногда попадаются здесь лини и более десяти фунтов; так, мне известен один случай, что на озере Окункуле были заботаны, т. е. пойманы в ботальную мережу, два линя по 13 фунтов каждый. Но обыкновенно эти рыбы редко бывают более 5 фунтов.

Линь имеет гораздо меньшее распространение и всюду малочисленнее карася. Впрочем, он водится во всей Европе, начиная с Испании. На севере его вовсе нет, и он навряд ли встречается в бассейне Белого и Ледовитого морей, хотя Данилевский и утверждает, что он водится в некоторых озерах около Архангельска. На восточном склоне Уральского хребта я замечал его только до 57° с. ш.; в Финляндии (по Мальмгрену) линь доходит до 62° с. ш., но в Петербургской губ., даже в Остзейском крае он водится в весьма немногих речках и озерах. Главное местонахождение этой рыбы – стоячие воды Средней, Южной России и Юго-Западной Сибири. В кавказских (и крымских?) водах он составляет уже большую редкость (найден

только в оз. Палеостоме). В Туркестанском крае линь еще никем не был найден.

Линь любит воду тихую, травянистую; быстрой и холодной он избегает и потому держится более в речных заливах, ильменах, протоках, озерах и прудах, заросших камышом и тростником. Он, однако, не боится несколько солоноватой воды, а потому весьма обыкновенен в низовьях Волги, Дона и Днепра, даже у самого взморья. В небольших непроточных прудах лини составляют довольно большую редкость, потому что все-таки во время нереста для них потребна довольно чистая, хотя и теплая вода; любимое местопребывание их составляют тихие заводи рек, проточные, иловатые и камышистые озера и такие же пруды.

Вообще это очень вялая и ленивая рыба. Линь крайне медлен в своих движениях, живет большей частью в одном и том же месте реки или пруда и показывается в других местах только в полую воду. С быстрой водою он не может справиться и при весеннем или осеннем разливе рек, прорыве прудов нередко сносится течением на далекое расстояние. В таких заливах рек, заводях, полях или в вершине пруда, густо заросших камышами, тростником и особенно горошницей (*Potamogeton*), линь держится большую часть дня, копаясь, подобно карасю, в вязкой тине и доставая оттуда червяков – свою главную пищу; впрочем, он кормится также самую тиною и различными водяными растениями. Только по вечерам и утрам и ночью линь выходит гулять на более чистые места пруда, но и тогда очень редко выходит на поверхность, разве ему вздумается схватить упавшую в воду крупную мошкарку (*Phryganea*).

Как рыба оседлая линь редко встречается на одном месте в большом количестве; за исключением периода метания икры, да и то далеко не всегда, и зимнего времени, он большею частью ведет вполне уединенный образ жизни и плавает в одиночку. В октябре, реже в начале ноября, лини собираются в более или менее значительные стаи и залегают на зимовку в самых глубоких местах озера или залива. Иногда они совершенно зарываются в тину и, добытые оттуда, долго не подают никакого признака жизни.

Отсюда выходят они очень рано – в марте или апреле, – и как только появятся закраины, подходят к ним и, истощенные продолжительным постом, начинают жадно клевать, почему весьма многие рыбаки, основываясь на том, что всякая рыба лучше всего берет после нереста, полагают, что линь мечет икру ранней весной (в апреле) и летом в июне. Это поверье распространено и в Германии (Эренкрейц). Но весенний нерест линей тем более невероятен, что для развития их икры потребна еще более высокая температура (18°C и более), чем у карася. Даже на юге нерест линей никогда не начинается ранее первых чисел мая, а большею частью происходит в конце этого месяца, даже в июне, но не в конце июня, как полагает барон Черкасов.

В середине или в конце мая (смотря по местности) линь перестает клевать и скрывается в тине, откуда выходит за два или три дня до начала игры к камышистым берегам озера или в самые травянистые места речных заливов и протоков. В особенности любит он горошницу (*Potamogeton*), которая иногда поэтому называется рыбаками линёвой травой; здесь можно встретить его и во все остальное теплое время года. Где лини малочисленны, там нерест их проходит совершенно незаметно, тем более что они никогда не собираются в такие густые стаи, как, например, ерш, плотва, язь и большинство карповых рыб. По моим наблюдениям, нерест линей имеет семейный характер и этим приближается к нересту шук: иногда всего два, три самца преследуют одну самку. Последние вообще малочисленнее и отличаются больше им ростом, темным цветом, более крупною чешуею и сильно развитыми брюшными плавниками, у которых второй луч значительно утолщен и расширен. В период нереста эти плавники сильно припухают и становятся более выпуклыми, принимают как бы ложкообразную форму. По всей вероятности, эти плавники играют какую-нибудь важную роль во время нереста.

Может быть, что самки зарывают с помощью этих плавников выметываемые икринки в ил или между корнями водяных растений. На это наводит меня то обстоятельство, что, несмотря на все свои старания, я нигде на травах не мог найти икры линя, даже в тех местах, где они, несомненно, только что нерестились.

Во время нереста, даже там, где лини весьма многочисленны, они не собираются густыми рунами. Это зависит от той причины, что нерест их продолжается весьма долго, иногда две-три недели. Обыкновенно мелкие трутся раньше, крупные – позже, почему можно в одно время встретить и молодых линьков и свежую зеленоватую икру этой рыбы. Есть много оснований предположить, что лини выметывают икру в два приема.

Количество икры у линей весьма значительно: Блох насчитал в 4-фунтовом икрятнике почти 300 тысяч икринок. По другим наблюдениям (Эренкрейц), самка в 2 1/2 фунта заключает 350 тысяч икринок.

Икра линя развивается необыкновенно быстро, скорее, чем у какой-либо другой рыбы, – иногда в три дня, но всегда менее чем в неделю. По наблюдениям западных европейских рыболовов, для развития икры требуется температура в 22–24°C. Молодые линьки, отличающиеся от других мальков своею золотистостью, по окончании процесса всасывания желточного пузыря рассеиваются и ходят большую часть в одиночку или небольшими стайками в густой чаще водяных растений, ближе к дну; попадаются они редко и почти никогда не выходят в чистые места и в осоку, подобно молодым карасям. Поэтому они реже других рыб подвергаются нападению хищных рыб, тем более что щуки и окуни, видимо, недолюбливают эту рыбу и крайне редко берут на нее, так что она вовсе не составляет отличной приманки, как это можно было бы предполагать по крайней ее живучести. Быть может, обилие слизи на теле линя вызывает отвращение в хищниках, но, как бы то ни было, достоверно известно, что на жерлицы, наживленные линями, щука и окунь берут крайне неохотно. Главные враги линей не эти рыбы, а налимы, которые притом, так же как и лини, держатся постоянно на дне, в тине, хотя непременно в проточной воде, а ночью выходят кормиться и в ближние заливы, населенные линьками. Во всяком случае, весьма странно, что, несмотря на многочисленность икринок у линей, последние нигде не встречаются в очень большом количестве. Это обстоятельство может быть объяснено только весьма поздним и продолжительным нерестом этой рыбы, почему большая часть выметанной икры успевает сделаться добычей всех других рыб, уже кончивших свой нерест, также птиц, водяных насекомых и, может статься, тех линей, которые выметали икру несколько ранее.

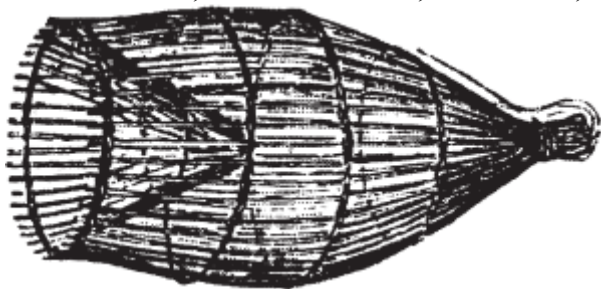

Рис. 143. Морда, или верша

Молодые линьки растут довольно быстро, значительно скорее карася, даже язя, и в некоторых кормных озерах и прудах в два-три года достигают фунтового веса. Обыкновенно они делаются способными к размножению на 3-м или даже на 4-м году. По моим наблюдениям, лини в кормных прудах в год достигают 1/2 фунта веса, в два – 1 фунта, в три – до 2 фунтов и более. Всего чаще попадаются на удочку 4-летние лини около 3 фунтов весом. По наблюдениям, в Западной Европе лини достигают фунта веса в 3 года, 2 1/2 фунта в 5 лет, а 5-фунтовые имеют 7–8 лет. Иногда, впрочем (O. Freiherrn), они в 7 лет вырастают до 7 и более фунтов.

Главная масса линий ловится в большей части озер и прудов – в конце весны и в начале лета, во время нереста в морды, или верши (рис. 143), жоха и крылены, известные снаряды из прутьев, или сети. Ставятся эти орудия на местах хода линий, обыкновенно около берегов, в промежутках, или, вернее, прогалинах, между купами тростника или камыша. Ловля эта основана главным образом на том факте, что почти все рыбы во время икрометания ищут твердые предметы – травы, прутья, камни – для того чтобы освободиться от половых продуктов. Отсюда термин – рыба трется. Морды, верши предпочитают нерестящейся рыбой другим подобным снарядам, и она жмет к ним и заходит в детыш. Стоит только ввалиться в ловушку икрынику, как за ним влезает несколько самцов; эта компания привлекает других, и в конце концов снаряд оказывается чуть не битком набитым рыбой. При удачно выбранном, т. е. не ходовом месте, в морду и жох попадает по несколько десятков крупных линий, большею частью не менее 2–3 фунтов.

Зимняя ловля во время нереста обыкновенно считается вредной для размножения и убыточной для правильного рыбного хозяйства, но мнение это на деле – на практике – далеко не всегда оказывается верным, и, мне кажется, нет никакого основания безусловно воспрещать ловлю во время икрометания. Вредны всегда – весной и зимою – только истребительные способы ловли, когда рыба вылавливается начисто – взрослая вместе с мелочью, когда более или менее значительная часть рыбы погибает зря, например, при багренье или ловле самодером на голые крючки, при бое острогой, когда, наконец, рыбе, идущей на место нереста, преграждается ход заплетами-язами и она вылавливается целиком. Рыба детей не высиживает и не выкармливает, число же икры у нее считается тысячами и десятками тысяч, а потому оберегание рыбы весной не может иметь одинакового смысла с обереганием четвероногой и пернатой дичи. Вся суть заключается в том, чтобы некоторая часть икры была благополучно выметана, а потому ловля до нереста вреднее, чем во время нереста. Некоторые способы ловли даже положительно способствуют увеличению количества рыбы; такова, например, ловля как различными вершевидными снарядами, так и сетями около устроенных для приманки трущейся рыбы и более успешного лова искусственных нерестилищ, греблей и т. п., в виде наваленного хвороста, лапника (ельника), груд камней. Деревянные вершевидные снасти представляют даже сами по себе приманку для рыбы, искусственное нерестилище, и при условии более или менее продолжительного пребывания под водой из икры, прилипшей к стенам верши, выклеивается масса молоди. По той же причине ловля котцами, описанная выше (см. «Карась»), также не может быть названа истребительной, если такие снаряды не загораживают устьев рек и начала верных источников, а устроены около берегов.

Справедливость этого воззрения на незначительность вреда весенней ловли рыбы и на нерациональность безусловного ее запрещения можно доказать тем, что главная ловля некоторых рыб производится именно во время нереста; местами она возможна только в этот период. Щука, например, добывается главным образом весной, когда она мечет икру, и вскоре после. Карась и линь тоже, как обитатели водяных зарослей в иловатых озерах, прудах и речных затонах, ловятся преимущественно весной и в начале лета. Линь, как рыба не стадная, и не может попадаться в большом количестве в другое время года; позднее же осенью и зимою линь, как и карась, недоступен рыболову, так как зарывается в ил. Неводной ловли линя, собственно, нет, да и быть не может.

Весною можно ловить линей и стеновыми мережами, только не загоняя их, а самоловом. Ловля мережами, собственно летняя ловля, и употребляется главным образом для добывания рыб, укрывшихся в траве, где их почти нельзя взять иначе.

Рис. 144. Бота

Ловля ботальной сетью или мережкой, как ловля преимущественно активная, требующая присутствия рыбака и, кроме того, большой ловкости и знания, принадлежит вместе с ловлею острогою к охотничьим способам рыболовства. Название мережки, очевидно, есть сокращенное «между ряжами». Действительно, она состоит из двух редких сетей, между которыми находится частая сеть. Ловля основана на том, что рыба, спасаясь от шума и преследования или не замечая (ночью) сети, бросается в сеть, стоящую стеной (отсюда название стеновые сети, мережи), проходит через первый ряд ячеей, но, встречая непосредственно за ним частую сеть, запутывается в последней и большей частью вместе с ней проскакивает через третью, тоже редкую, сеть и таким образом является как бы заключенною в мешке, из которого никак не в состоянии высвободиться. Рыба, как известно, почти не имеет заднего хода, т. е. не может идти назад не повернувшись и, следовательно, не запутавшись в сетях. Котцы тоже основаны на этом свойстве рыбы.

Итак, мережка состоит из частой провязи, из тонких, некрутых ниток, посаженной с большим запасом и имеющей по обе стороны редкие полотнища из тонкой бечевки, посаженные нормально, т. е. так, чтобы каждая клетка представляла квадрат. Ряж вяжется обыкновенно на дощечку от 6 до 7 дюймов шириной; провязи на дощечку – в 1–1 1/2 дюйма. Так называемые лещовые мережки имеют более крупные ячей, но они употребляются сравнительно редко, так же, как так называемые чебачьи, для ловли мелкой белой рыбы. Провязь садится на тонкую бечевку таким образом, что из полотнища длиною в 30 сажен выходит конец в 15 или даже 10 сажен. Средняя, наиболее употребительная, высота мережки – 2 аршина. Посаженная провязь пришивается вместе с ряжами к веревке, большей частью мочальной, которая почти не крутится. Одновременно с пришивкой на тетиву надевают грузила и поплавки; грузила бывают трубчатые, глиняные или свинцовые, или же берут песок и просто зашивают его в холст. Поплавки делают из коры осокоря или из бересты, которую заваривают в кипятке, отчего она свертывается в трубочки. Конец мережки в 10–12 сажен обходится, смотря по местности, от 3 до 5 рублей. При ловле в одиночку нельзя употреблять более двух концов, так как от постоянного сгибания при выборке и выбрасывании сети слишком устает спина; вдвоем же нагибаться не приходится, концов может быть неопределенное количество, и грест и можно двумя веслами, а не одним.

От лодки для ловли мережкой требуется, главным образом, чтобы она не имела гвоздей и зацепов; затем, в сущности, все равно, будет ли это долбленный челнок или дощаник. Последний большей частью употребляется в небольших и тихих водах.

Главную принадлежность ботальной сети-мережки составляет, конечно, ботало, или ботка. Это деревянный или железный внутри полый цилиндр, надеваемый на

длинный шест; при ударе воздух в ботке спирается и производит оглушительный шум, невыносимый для рыбы, которая стремглав бросается в противоположную сторону – в расставленные сети, где и запутывается. Впрочем, рыба не всегда боится ботки, а щука даже идет на бой. Вообще зимою и во время сильных жаров рыба вяла, особенно перед дурной погодой, и менее чувствительна к ботке, причем очень часто забивается в чашу (траву, хворост) или зарывается в ил. Иногда для удобства ботку соединяют с веслом (правильным).

Мережка й можно ловить и пассивно, без ботанья, самоловом ночью или во время нереста, но такая ловля не представляет ничего заманчивого; притом сеть от долгого пребывания в воде, особенно теплой, скоро созревает. Вообще главная ловля мережками производится летом и в травах, с загонем, когда рыбу трудно взять какою-либо другою снастью, особенно рыбу, живущую в траве, подобно линю, карасю, щуке, красноперке и некоторым другим. Линя ловят исключительно у берегов – в тростнике, осоке и хвоще; на карася и плотву лучше кидать мережку подальше от берега, там, где кончается трава, причем по крайней мере один конец сети должен быть у самого берега.

Мережка укладывается посредине лодки правильными рядами, так, чтобы поплавки и грузила как можно менее сцеплялись между собою и не задевали бы за сеть. Перед каждым выбрасыванием мережки, а также и при выборке ее из воды следует отряхивать снасть и вынимать приставшие листья, палочки и т. п., а также продергивать провязь в верхние ячеи ряжи, чтобы провязь не слишком провисала вниз. Кошели, оставшиеся от вынутой рыбы, надо тщательно распутывать и расправлять. Подъезжая к месту, которое предполагается окинуть, сетку перекидывают наполовину через борт камнями в воду, затем конец ее закрепляют к берегу, втыкая в дно шест, привязанный сбоку, наподобие неводных кляч, и идут тихо вдоль тростника или травы, сбрасывая понемногу сеть, что очень легко, так как она сама и без шума сползает в воду. Выбросив мережку (или мережки), закрепляют (тоже большею частью к берегу) другой конец и начинают загонять рыбу, причем ботают или с лодки от берега, или же прямо с берега; некоторые рыбаки входят в воду, буквально вытаптывая рыбу. По окончании ловли сеть необходимо высушивать, развешивая ее камнями вверх на воткнутых кольях с сучками. Весьма удобен вятский способ сушки, при котором мережку нанизывают на нижнюю тетиву на гладкий шестик (или даже на весла), а затем шест поднимают на колья.

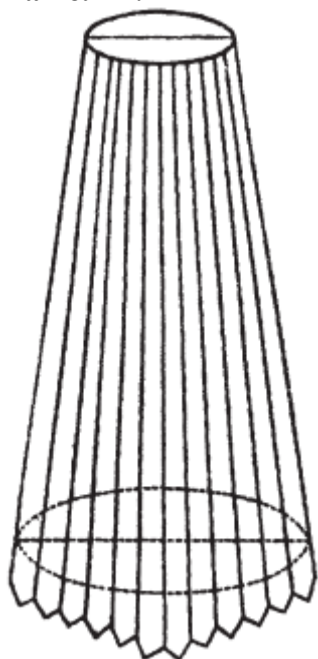

Рис. 145. Кош

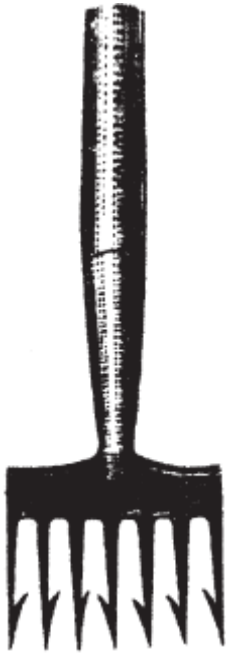

Рис. 146. Острога

В местах с совершенно прозрачной водой от обилия ключей, и особенно когда эти места малодоступны и имеют отвесные берега из плавучего торфа, очень трудно поймать рыбу на какую бы то ни было снасть, кроме мережки, которую надо в этих местах ставить на самолов по ночам.

Ловля мережкой, летняя в травах и весенняя во время нереста, употребляется, кажется, во всей России и в большей части Сибири; практикуется она главным образом в стоячих водах: прудах, озерах и речных заводях. На течении мережкой ловят редко; осенняя и зимняя ловли ею тоже малоупотребительны, хотя местами бывают весьма добычливы. В это время линии попадаются в сети очень редко, так же как караси, но, чтобы не возвращаться более к мережке, опишем ловлю ею в холодное время года.

В конце августа и сентябре, как только вода начнет холодеть и травы осаживаться, мережкой можно ловить и не около берега, а на середине. Это время, особенно перед наступлением морозов, вся рыба стоит на глубине. Ловят обыкновенно на двух лодках, имеющих по несколько концов каждая. Сети связываются (за верхнюю тетиву или за обе) и выметываются по прямой линии; затем лодки отъезжают от мережек на расстояние до 100 шагов; сначала стучат веслами о борт, чем осаживают рыбу на дно, затем начинают ботать, подвигаясь зигзагами к расставленной сети. Самая интересная и вместе с тем самая добычливая осенняя ловля – это по заводям в то время, когда они замерзли, а по реке идет лед. Тогда рыба пугается льдом и охотно ютится в таких местах, особенно в заводях, собираясь здесь большими массами. Обыкновенно при этом сначала перегораживают с лодки несколькими концами мережек устье заводи, на краю льда; но ловить начинают почти от вершины заводи, пропуская другие концы мережки уже через проруби и постепенно подвигаясь к устью.

Зимняя ловля мережкой подо льдом производится следующим образом. На расстоянии 3–4 сажен одна от другой рубят (пешней) небольшие проруби; затем к шести до 12 аршин длиною привязывают бечевку сажен в 20 и шесть пропускают под лед, при помощи деревянных вилок проталкивая его от одной проруби к другой, где каждый раз подхватывают деревянным багром; когда бечевка вся вышла, к концу привязывают мережку за верхнюю тетиву и спускают понемногу в прорубь; опустив один конец, привязывают другой и т. д. С другого же конца выбирают веревку, за

которой тянутся мережки. Когда сети поставлены, то отходят от них, рубят проруби и ботают совершенно так же, как и летом. Зимняя ловля мережкой бывает всего удачнее на зимних становищах рыбы; местами с этой целью устраиваются искусственные притоны, наподобие искусственных нерестилищ. Так называемые букши (в Лужском у. Петербургской губ.) могут служить также для нереста и в качестве летних убежищ (от зноя и солнца), но главная ловля в них производится зимою. Букши бывают довольно значительных размеров; устраиваются они на глубине 1–1½ сажени таким образом: вбиваются кольца кольцом или четырехугольником, и пространство между ними наполняют хвоей или хворостом. Зимою букши эти (через проруби) окружают сначала рядом вятилей (вентерей, фитилей), поставленных один к другому, а отступя немного, еще окидывают мережками в 2 и более рядов. Когда все снасти выставлены, сначала вытаскивают баграми хвою на лед, затем начинают ботать.

Кроме ботальных мереж, линей и в мае очень удобно ловить кошами или корзинами, уже описанными (см. «Щука»). Нечто среднее между этими кошами и мережкой составляет наставка радомысленских рыболовов, описанная г-ном Домбровским. Подобно корзине и малушке, она также набрасывается на стоящую на дне или даже плавающую рыбу, имеет почти такую же форму, как и кош, но наставка делается не из сплошных дранок, а из двух рядов сети, внутренней частью и наружной редкой (около четверти арш. в квадрате), окутывающих сбоку остов из прутьев или пял (шесты), прикрепленных к двум обручам, верхнему большему (1–1¼ аршин диаметра) и нижнему меньшему (¾ аршин). Это уже, так сказать, усовершенствованный кош, так как рыба сама запутывается в сети, проскакивая с частой сетью на голове в крупную петлю режи, и нет надобности ловить ее руками, как в корзине. Ловля наставкой производится также в мелкой воде, заросшей травой, т. е. на прудах, озерах и в речных затоках и в общем не отличается от ловли кошом. Лодка должна быть легкая, гребут одним веслом и, заметив по пузырькам, колебанию травы и другим признакам, где остановилась спугнутая с места стоянки рыба, тихо подъезжают к ней, также тихо поднимают правой рукой наставку, прицеливаются ею и быстро, разом, бросают ее на намеченную жертву, после чего опускают в верхнее отверстие наставки весло и несколько раз там взбалтывают воду с целью загнать иногда упрямящуюся рыбу в сети наставки. Как вид но, наставка требует большой ловкости, силы, сноровки, острого зрения и наблюдательности, а потому должна быть причислена к охотничьим способам рыболовства, наравне с ловлей накидкой (малушка, накидная сеть), ботальными мережами и боем острогою, к которому мы и переходим.

Рис. 147. Лученье

В сентябре как молодые, так и все крупные лини выходят из травянистых заливов и собираются в довольно большие, но вовсе не густые стаи и ищут довольно глубоких мест, где вскоре и залегают, зарываясь большею частью в ил. С этим выходом линя на многих озерах и прудах, например в Пермской и Оренбургской губ., начинается едва ли не самая главная и наиболее добычливая ловля его с лучом и острогой. Иногда этот способ употребляется здесь и раннею весною, а в некоторых очень чистых и прозрачных озерах добывается острогой огромное количество линей летом, во время их нереста.

В числе других способов ловли рыбы для рыбака-охотника охота с лучом и острогой, бесспорно, занимает первое место. Не говоря о том, что эта ловля одна из самых трудных и требует много силы, ловкости, сметки и необыкновенного верного глаза, она имеет еще то значение, что таким образом добывается самая крупная, отборная рыба. Охота с лучом имеет даже в себе много поэзии, и всякий, кто хоть раз был участником, даже свидетелем этой ловли, непременно согласится, что вид этого чуждого подводного мира составляет самое любопытное, самое великолепное зрелище: в черте огненного круга ясно видны все неровности дна, все растения и спящие обитатели озера; далее, во все стороны, – непроницаемая тьма и, по-видимому, безграничное пространство воды, медленно, бесшумно плывет лодка, точно предводимая пламенем, быстро сменяются впечатления и в больших прудах, имеющих столь богатую флору водяных растений и много разных пород рыб, – трудно представить себе большее разнообразие.

Главный снаряд для лученья, острога, – весь ма нехитрое орудие. Большею частью оно имеет 7–10, но иногда 12 зубцов, около четверти длины, четырехгранной, реже цилиндрической формы; все зубцы имеют в ширину около 4–5 вершков и кончаются несколькими зазубринами вроде рыболовного крючка, но с обеих сторон и наверху соединяются в трубку, которая прикрепляется неподвижно к сухому и тонкому шесту около сажени длиною, редко более, а впрочем смотря по глубине, на которой производится лученье.

Второстепенное значение имеет устройство луча. Для этого существует особое, весьма целесообразное приспособление, так называемая коза. Она состоит из

железной изогнутой аршинной рукоятки, к которой с боков привариваются более тонкие железные прутья, которые на конце тоже согнуты, но под прямым углом, так что весь снаряд имеет вид продолговатой жаровни длиной около трех четвертей. Конец рукоятки прикрепляется к носу лодки таким образом, что коза находится несколько выше последнего, по крайней мере на аршин от воды, что необходимо для освещения возможно большего пространства. Вообще при ловле острогой во всем Зауралье употребляются очень легкие лодки, управляемые одним веслом. Гребец сидит здесь уже не в передней носовой части ее лицом к корме, как на гребных лодках, а в корме лицом к носу, где помещается, обыкновенно стоя, главный рыбак с острогой. Самый лучший осветительный материал для луча – так называемое смольё. Это небольшие поленья или щепки, наколотые из смолистых сосновых пней и дающие самое яркое и продолжительное пламя. Смольё всегда заготавливается заранее и высушивается как можно лучше, иначе оно горит гораздо темнее и притом с треском, пугающим чуткую рыбу.

Трудно описать ощущения, которые чувствуешь, когда темною осенью ночью едешь в лодке: кругом мертвая тишина, изредка нарушаемая лаем собак и криканьем уток; ярко горит смольё, освещая путь; на одну минуту мелькнут все мельчайшие подробности разнохарактерного дна озера, малейшие его углубления, каждая ничтожная травинка – и немедленно сменяются новыми: здесь, точно подводное чудовище, лежит огромная коряга, растопырив свои ослизлые и обросшие ветви; здесь желтеет песок, тут чернеет глубокая няша, там опять зеленеет водяной мох, виднеются длинные стебли лопуха и его огромные ползучие корни; вот и целая чаша остролистной горошницы, пожелтевшей от осенних морозов. Всюду неподвижно стоят мелкие окуньки, пестрея своими полосатыми спинками, мелькает неугомонная плотва и бойкие ельцы; тоненькими *censored*чками лежат на дне мелкие щурята; медленно, словно нехотя, плывет широкий желтый линь. Тихо и бесшумно двигается лодка; ни единая капелька не скатывается с весла, не вынимаемого из воды: то осторожно подворачивается оно к корме, то снова выносится вперед в разрез воды, почти касаясь краев лодки. Неподвижно, черною тенью рисуясь на огненном кругу, стоит рыбак посередине лодки, ближе к лучу, и держит наготове острогу. Проворно, но без малейшего шума опускает он ее в воду, вдруг с силою нажимает и вытаскивает пойманную рыбу, ударом другой руки снимает ее с остроги, ловко подкидывает на жаровню свежего смолья и подправляет его зубцами. Трещит огонь, искры и обгоревшие головешки с треском и шипением падают в воду, и снова вспыхивает еще более яркое пламя. Вот и еще новая добыча, другая, третья – чем дальше, тем больше, но чаще становятся и промахи: нередко рыба убегает в то самое мгновение, когда острога готовится пронзить ее. Самое главное в этой ловле – угадать то расстояние, на котором медленное движение остроги должно мгновенно перейти в быстрый удар; притом всегда следует бить рыбу не вертикально, а несколько наискось и сначала опускать острогу как бы мимо рыбы, а на расстоянии полуаршина или менее осторожно переносить ее на цель, т. е. спину рыбы, впереди спинного плавника...

Главный недостаток ловли острогой состоит в том, что довольно много рыбы срывается и уходит с более или менее тяжелыми ранами, почему пропадает без всякой пользы. По этой причине в Западной Европе ловля с лучом и острогой в большинстве случаев запрещена и употребляется сравнительно редко. В последнее время, впрочем, в Англии изобретены особые пружинные остроги (стоктоновские), с которых рыбе почти невозможно сорваться. Рыба ударяется распоркою-насторожкой, которая распирает два стержня с зубьями на концах и сбивается даже от легкого удара, а обе зубчатые половины снаряда, т. е. оба настороженные стержня, с силою вонзаются в бока рыбы под действием пружины. Электрическая острога по своей сложности вряд ли может иметь практическое значение.

Ловля острогой имеет любителей и среди спортсменов и производится ими с большими удобствами и комфортом. Вместо смолья ими употребляются смоляные факелы, нефть или же особые лампы.

Большинство охотников-рыболовов, разумеется, ловят линей удочкой. Ужение линей имеет очень многих любителей, но, как исключительно прудовая ловля, она довольно скучна и утомительна, тем более что линь клюет крайне вяло и продолжительно, так что в состоянии вывести из терпения всякого речного рыболова, не привыкшего иметь дело с такими флегматичными и ленивыми рыбами. Кроме того, линь относительно своей величины принадлежит к числу слабых рыб и состоит в этом отношении почти наравне с лещом, густерой, налимом и карасем. Большого искусства ужение линея также не требует: он берет очень хорошо и на грубые снасти. Главное в этой ловле – не торопиться с подсечкой. Поэтому с истинно-охотничьей точки зрения ужение линей стоит ниже ловли ботальной сетью, наставкой, малушкой и острогой.

Лучшим временем для ужения линей считается всюду конец весны или начало лета, когда эта рыба всего более бродит около берегов, сначала в поисках икреников с созревшими половыми продуктами, а затем, после нереста, отыскивая себе пищу. В мае и в начале июня попадает на удочку по крайней мере 3/4 всех выуживаемых линей. Однако местами, особенно в неглубоких проточных прудах, рано вскрывающихся и скоро нагревающихся, лини отлично берут через несколько дней после того, как растает лед, и притом гораздо вернее и жаднее, чем в мае и июне. Во время нереста клев, по мнению многих рыболовов, прекращается, но это не совсем верно, так как линь, как и всякая другая рыба, не берет вовсе насадки только в момент самого процесса икротетания, а незадолго до него и вскоре по его окончании кормится, хотя и очень вяло и, так сказать, машинально, попутно. С середины лета клев линей почти прекращается; в это время они держатся в травяных зарослях, сыты и притом (в жару), по-видимому, даже зарываются в ил или прячутся под плавучие берега, поэтому попадают в очень небольшом количестве, и то на заранее расчищенных и прикормленных местах. В августе и сентябре, когда похолодеет вода и трава поредет, лини ведут сравнительно бродячую жизнь и начинается их осенний клев, тоже известный не всем рыболовам. Может быть, впрочем, что лини жадно берут осенью только в менее кормных прудах, озерах и затоках. В более южных губерниях этот поздний клев бывает в сентябре и даже в первой половине октября, только в теплую погоду. По некоторым наблюдениям, надо полагать, что осенний клев продолжается только около недели, т. е. весьма непродолжительно, почему легко может пройти незамеченным. В Харьковской губернии, например, местами во время этого жора ловят линей десятками.

Наилучшим временем дня для ужения линея надо считать утро, притом не особенно раннее. Местами, однако, лучший клев замечается под вечер, около заката и до сумерек, но среди дня, около полудня, так же как и ночью, линь попадает на удочку только случайно; последнее обстоятельство довольно странно, потому что эта рыба может быть названа почти nocturna: на это указывают как сравнительно маленькие глаза ее, как у налима, так и то, что линей можно наблюдать гуляющими по ночам иногда у самой поверхности воды, причем, перекувыркиваясь, они производят звуки, напоминающие бульканье падающих в воду комков глины. Весьма вероятно поэтому предположение, что лини не берут или почти не берут ночью потому, что в это время ходят в более открытой, в более глубокой воде и не на дне. Дневная ловля линей тоже является исключением из общего правила, и барон Черкасов ошибается, считая лучшим временем для ужения этих рыб время с 8–9 утра и до 3–4 часов вечера (?). По моим наблюдениям, линь лучше всего берет в промежуток времени от 7 до 9 часов утра; самые частые поклевки, иногда следующие одна за другой, бывают около 8 час. На этом основании, а также по

некоторым другим наблюдениям я пришел к заключению, что лини ночью и ранним утром бродят зря, без определенного направления, но перед тем, как возвратиться на свои обычные места, где проводят день, лини подходят к берегам и идут вереницами, один за другим, большею частью окраинной камышей, тростников и других водяных трав, останавливаясь здесь на дневку. Затем, незадолго до заката, начинается обратный ход линей, и они идут сначала травой, а потом, когда стемнеет, переходят на средину. В небольших прудах лини в мае и в начале июня положительно ежедневно совершают по два, так сказать, кругосветных плавания. Позднее, когда они отъедятся и животная пища станет изобильнее, эти странствования постепенно сокращаются, и, наконец, линь не выходит из района нескольких десятков квадратных сажен. Судя, однако, по тому, что лини редко берут на одном месте одинаково хорошо утром и вечером, надо полагать, что утренний тракт не совсем совпадает с вечерним. Но что линь, как и многие другие рыбы, имеет свои излюбленные водяные пути – это не подлежит никакому сомнению. В изучении этих путей и лежит залог успеха ужения всякой рыбы, линя же в особенности.

Место ловли линей всякий опытный рыболов легко может определить при первом взгляде на арену будущих действий, но оно довольно разнообразно, и точное описание его затруднительно. В подмосковных прудах предпочитают наиболее заросшие или, вернее, зарастающие впоследствии места, не отмелистые, а приглубые, в расстоянии 1 1/2–2 сажен, не глубже, однако, 2 1/2 аршин. При таких условиях всего удобнее ловить с берега, но у мелких, хотя травянистых берегов ловить очень неудобно, а потому приходится удить с лодки и забрасывать поплавок на урезе травы, т. е. там, где она кончается. Вообще можно сказать, что лучше, вернее и удобнее ловить линей около камыша и тростника, особенно когда еще только что начинает подниматься молодой. Дело в том, что в таких местах путь линей не так широк, как около других водяных растений, и здесь почти вся масса мимо идущих рыб идет у краев, почти не заходя в чашу. В большинстве лодку устанавливают (на кольях или веслах) в траве, ближе к берегу, вдоль его, ради того чтобы можно было ловить на несколько удочек. Некоторые рыболовы предпочитают, однако, остановиться на чистой воде, далеко от берега, в 2–3 саженях от травы, и закидывают удочки таким образом, чтобы поплавки стояли около самой травы. Преимущество этого способа заключается в том, что линя сейчас же после подсечки выведут на чистое место, не давая ему запутываться в траве. Линь же, особенно голодный, вовсе не пуглив и лодки не боится, зачастую подходя к ней вплоть даже на аршинной глубине. Позднее, когда разрастутся травы, тростники и камыши, ловить линей можно только в прогалинах или коридорах, которые большею частью приходится делать искусственно, при помощи граблей; местами летом линь недурно берет в окошках между наплывом, т. е. береговой трясинной, но ловить здесь неудобно и даже опасно. Общее правило, что линь ловится только в иловатых местах, почти не имеет исключений, так как песчаного, тем более каменистого дна линь всегда избегает, да таких мест в прудах и большей части травянистых озер очень мало. Однако замечено, что если насыпать на илистое дно слой песка, то ловля становится более добычливою. Это, по моему мнению, зависит от того, что на черном илие обычная насадка для линей – червь – менее заметна, чем на светлом песке. Здесь опять-таки нелишне напомнить, что рыболовы слишком мало сообщают о цвете дна как свои насадки, так и цвет поводка, который, напротив, должен вполне соответствовать цвету почвы.

Погода имеет довольно сильное влияние на клев линя. Эта рыба, покрытая толстым слоем слизи, весьма чувствительная к холоду и имеющая мягкое небо, подобно карпу, обладает отличным осязанием, обонянием, развитым вкусом и хорошим слухом; она не отличается только зоркостью и при отыскивании пищи едва ли не более руководствуется обонянием, чем зрением. Перед переменной погоды,

т. е. при падении барометра, клев лinya всегда ухудшается или даже временно прекращается. Этим объясняется, почему иногда лinya не берет, например, в хороший, тихий вечер и, наоборот, отлично берет в очень дурную погоду – накануне перемены ее к лучшему. Лучшею погодою для уженья лinya считается теплая, пасмурная с накрапывающим дождем. После дождя лinya часто всплывают на поверхность; тоже в очень жаркую погоду они любят подниматься кверху, и на этой привычке основана почти неизвестная у нас ловля их в траве почти поверху.

Если рыболов хорошо знает, каким путем ходят лinya весной и в начале лета, то нет необходимости прибегать к прикормке. Но позднее, когда лinya перестают кочевать и ведут почти оседлую жизнь, трудно обойтись без прикормки, наконец, летом не стоит и ловить без нее. Так как лinya растительную пищу употребляет только в крайних случаях, то лучшею прикормкою для него считаются черви, особенно выползки, нарезанные на куски для того, чтобы они не зарывались в землю. Затем отлично приманивает линией хорошо отжатый творог в мешке из рединок. Лinya охотно сосет творог, да и запах его слышит издали, особенно если к творогу прибавлено конопляное или льняное масло, распаренный колоб или дуранда, т. е. конопляные и льняные выжимки. Некоторые прибавляют к творогу (или заменяют его) тесто из распаренных ржаных корок, а также квасную гущу или солод в мешке. Разумеется, прикормку опускают на дно с камнем и большею частью на бечевке с незаметным наплавом. Некоторые советуют (но вряд ли сами употребляют) прибавлять и вонючую *assa foetida*. По Эренкрейцу, линией будет можно прикармливать зерном, но у нас никто еще такой прикормки не употреблял и действительность ее подлежит сильному сомнению.

Точно так же мне неизвестно, чтобы при уженье линией когда и где-либо у нас употреблялась растительная насадка, хотя я и не могу отрицать, чтобы лinya отказывался брать такую соблазнительную приманку, как, например, тесто с медом, которое рекомендуют (только в жаркое время?) Alquen и La Blanchere. Вряд ли только мед можно заменять дегтем, как полагают эти иностранные авторы. Обычная у нас насадка – черви, большой земляной или несколько красных навозных. Последние, по моему мнению, предпочтительнее, так как они виднее и лinya скорее забирает их в рот, чем крупного выползка. Впрочем, молодой выползок, без узла, мало уступает навозному. Насаживают червей петлями, оставляя короткие хвостики, так как длинные лinya часто безнаказанно обрывают или объедают. Кроме того, выползок с длинным хвостом непременно зароется в вязкий ил, если лежит на дне. Весьма удачно ловят на железняка (очень темного и крепкого червя, живущего в глинистой почве), вероятно, потому, что он представляет более прочную насадку. Лinya превосходно берет на мотыля, который едва ли не составляет, по крайней мере во многих прудах, его главную пищу, но, к сожалению, эта насадка неудобна потому, что требует очень мелкого крючка, а так как лinya приходится всегда ловить в траве и водить круто, то он с мелкого крючка часто срывается. Отличной насадкой служат также раковые шейки; даже в тех водах, где раков нет вовсе, можно скоро приучить линией брать на них, если бросать вместо прикормки ободранных раков. Я полагаю, что лinya хорошо берет на шейку главным образом потому, что она резко выделяется своею белизною на черном иле. В Западной Европе изредка в качестве насадки употребляют опарышей, и теоретически эти последние должны составлять для линией очень лакомую и заметную приманку, а если почти не употребляются у нас, то по той же причине, как и мотыль. Во Франции довольно успешно ловят линией на улиток и светлых слизней, пуская эту насадку очень мелко между листьями кувшинок и других подводных растений и вываживая рыбу очень круто. Так ловят большею частью в жаркие дни, около полудня, когда лinya стоят около поверхности воды. Наконец, мне известно несколько случаев, что лinya попадались (именно на озере Белом, близ с. Косина Московского уезда) на малявку

(верховку – *Leucaspis delineatus*), предназначавшуюся для окуня. Надо, впрочем, заметить, что озеро это, очень глубокое (до 20 и более аршин), не принадлежит к числу кормных вод и рыба в нем растет очень медленно. Впрочем, вряд ли найдется рыба, которая при известных условиях не становилась бы хищной. Даже крошечные карасики очень хорошо ели у меня в аквариуме молодь других рыб.

У нас удят линей почти исключительно на длинные поплавочные удилища; ловля на длинные донные лески без поплавок, с короткими шестиками если и употребляется где-либо, то очень редко, по той главной причине, что линь берет очень тихо, вяло и продолжительно и поклевку его без поплавок очень легко прозевать, тем более что приходится ловить в стоячей воде, и леска провисает. В большинстве случаев катушка для линей не представляется необходимостью, а иногда даже при хорошем клеве и ужении в травах, где требуется крепкая снасть и рыбу приходится водить круто, даже приносит более вреда, чем пользы. Вообще удилище на линия должно быть крепко и не особенно гибко, хотя достаточно упруго; так как закидывать далеко не приходится, то нет надобности, чтобы оно было длиннее 5 аршин. Из цельных удилищ лучшими считаются березовые, не очень толстые в комле; недурны также цельные тростниковые – из желтого японского тростника, появившегося года четыре в продаже в Москве. Из складных предпочитают трехколенные негибкие, такие же, как и для ловли лещей, хотя и более короткие. Обыкновенно ловят линей одновременно на три удилища, но некоторые подмосковные рыболовы, например на Царицынских прудах, ставят по пяти и даже до десяти удочек, сколько позволяет лодка, что вынуждает этих удильщиков употреблять, во избежание путаницы, самые грубые снасти, т. е. крепкие удильники и толстейшие лески, даже бечевки.

Для ужения линей как волосяные, так и шелковые лески пригодны в одинаковой степени, даже последние, пожалуй, лучше. Большею частью ловят на 6–8-волосные лески, а из шелковых всего пригоднее № 4 или 5. Вообще леска должна выдерживать 10 фунтов мертвого веса. При ловле же с катушкой, конечно, леска (шелковая) может быть и тоньше. В поводке нет особой надобности; грузило же должно соответствовать поплавку. Что же касается крючков, то для линия самым лучшим должно считать № 5; крупнее 3-го, равно как и мельче № 6, употреблять не стоит, но при ужении с катушкой можно довольствоваться и 8, даже № 9. Форма и изгиб крючков не имеют большого значения, но прямые, без загиба, кажется, лучше, так как на них линь во время сосания червя меньше имеет шансов преждевременно наколоться. Но крючки отнюдь не должны быть мягки или хрупки. Весьма полезно при глубокой тине ловить на два крючка – один выше другого.

Чем чувствительнее будет поплавок, тем раньше будут замечены его колебательные движения, характерные для нерешительного клева линия, а потому лучшим считается удлиненный пробочный с пропущенной насквозь иглой дикобраза. Он должен быть хорошо огружен и не очень высовываться из воды. Большие грубые наплавы, употребляемые некоторыми даже опытными любителями ужения линей, неудобны потому, что они представляют значительное сопротивление и рыба чаще накалывается. На какую глубину пускать поплавок – это зависит от насадки и свойства дна, но, во всяком случае, линей, за упомянутым исключением (ловля на улитку), ловят непременно со дна. Только одни советуют пускать поплавок так, чтобы насадка слегка касалась дна, другие – чтобы насадка лежала на дне, а грузило почти касалось его; третьи, наконец, считают более правильным, чтобы и грузило находилось на дне. Чаще всего приходится ловить первым способом, всего реже – последним.

Очень часто приходится ловить линей и карасей на прудах и заливных озерах, окаймленных очень широкой полосой травы; лодки же не имеется. В таком случае приходится прибегать к помощи уже описанного скользящего поплавок (см.

«Щука»), хотя и небольших размеров. Но так как успех ловли зависит много от верно поставленной поплавок, а измерить глубину здесь невозможно, то всего лучше употреблять скользящие поплавки, показывающие вместе с тем глубину. Это изобретение известного московского рыболова Н. О. Павловского особенно пригодно при дальнем закидывании. Поплавок, как видно из рисунка 148 (показан в 1/2 нат. вел.), отличается от обыкновенного только более удлиненной деревянной палочкой (ради большей устойчивости), на которую надевается небольшая свинцовая муфточка (в); палочка оканчивается, как всегда, медным колечком; такое же колечко (лучше из стальной проволоки) закрепляется (продеванием насквозь) в середине поплавок. Последний должен быть выкрашен масляной краской и покрыт масляным лаком. Леска (шелковая) пропускается через кольца; на нее надевается маленький поплавок (г) тоже из пробки и затыкается клинушкой; этот поплавок необходимо окрасить в зеленый цвет; затем к леске прикрепляется поводок (ж), оканчивающийся грузом (е), такой тяжести, чтобы вместе с грузом (в) не мог совсем утопить поплавок (а); к поводку привязываются два коротких (дд) вершка, по 2–3 длины, один немного выше другого, так, чтобы груз (е) был ниже крючка не более вершка. Рисунок изображает поплавок в том виде, какой он принимает, будучи заброшен в воду. Попав в воду, груз идет ко дну, большой поплавок остается на поверхности и служит для показания поклевки; назначение же маленького поплавок – поддерживать насадку, чтобы она не опускалась на дно, и не давать грузу всасываться в тину. Два крючка удобнее потому, что нижний часто попадает в траву или мох и рыба может не заметить насадки. Хорошо выверенный поплавок всегда показывает самую тонкую поклевку. Удить с ним можно на длинные удилища с катушкой или без нее, а также и на короткие, но непременно с катушкой. Леска должна быть шелковая, более или менее тонкая, хорошо просмоленная и длиной от 15 (для длинных удилищ) до 25 аршин и более (для коротких).

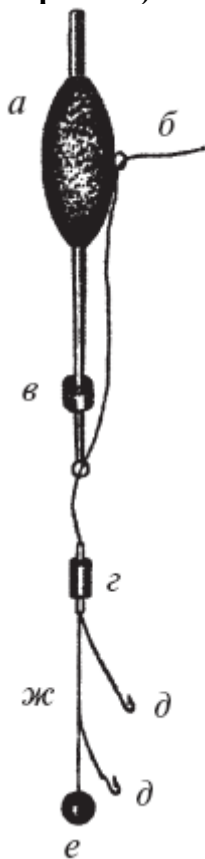

Рис. 148. Скользящий поплавок Павловского

Поклевка линия весьма оригинальна и резко отличается от поклевки других рыб.

За редкими исключениями она выражается в следующем: поплавок, до того времени неподвижный, вдруг качнется один или несколько раз, как будто леска задета рыбешкой; затем он начинает качаться сильнее, с перерывами, что продолжается иногда несколько минут, идет в сторону, иногда ложась на бок, сначала тихо, потом быстрее и, наконец, идет вглубь. Дело в том, что линь сначала пробует, сосет насадку своим маленьким, как бы распухшим ртом, несколько раз бросая ее. При плохом клеве дело и ограничивается этим сосанием, так что червь, например, чаще кончик его, оказывается выдавленным и смятым. Но если линь не очень сыт, то он рано или поздно вберет всю насадку в рот и затем идет дальше, своей дорогой. Поплавок кладет он, только когда грузило лежит на дне или почти достает до него. В редких случаях (большею частью в начале весны) поклевка выражается тем, что поплавок сразу и неожиданно скрывается под водою; обыкновенно же все различие заключается в том, что один линь берет в течение минуты, а другой – по меньшей мере 5 минут. Тут всегда есть время приготовиться к подсечке.

Подсекать надо, как только поплавок поедет в сторону, отнюдь не дожидаясь его исчезновения под водой. В этот момент линь часто накалывается и выплевывает насадку, гораздо реже ее заглатывает. Неопытные рыболовы обыкновенно подсекают слишком рано, когда линь возит поплавок из одной стороны в другую. Подсекать надо в сторону, противную направлению поплавка, и при ужении без катушки довольно резко. Губы у линя здоровые, и он срывается довольно редко; поэтому, если снасть достаточно надежна, нет надобности церемониться с ним и благоразумнее сразу тащить его к лодке и подхватывать сачком.

Крупного линя, свыше 5 фунтов, не мешает слегка поводить на мелких кругах, предварительно выхватив или отодвинув другие удочки, чтобы не перепутались. Линь ходит на удочке очень небойко, слабее окуня одинаковой величины. Но довольно упорист; крупный часто становится перпендикулярно ко дну, упираясь головою, иногда его бывает трудно вывести из этого положения. Если крючок воткнулся в лобковую часть и пришелся на взлом, то его можно переломить. Не менее досадно бывает, когда линь бросится в траву и там запутается, завертевши леску за траву. Следует заметить, что речной линь значительно сильнее прудового и озерного.

Лини почти всегда пахнут тиной, а потому необходимо предварительно выдержать их неделю или две в садке, поставленном на быстрой воде. В крайнем случае можно удовольствоваться обсыпанием линя на некоторое время свежeproкаленным и потухшим углем, а, вероятно, также и вливанием в рот уксуса (см. выше). Уха из линей густа и питательна, имеет особенный, довольно приятный сладкий вкус. Недурны также лини, жаренные в сметане. Линь очень живуч и в этом отношении не уступает карасю и карпу: в сыром мху он проживает до двух суток. Тем не менее линь редко живет в аквариумах долгое время, вероятнее всего потому, что от передряги и перемены воды нарушается правильное отделение слизи, и она начинает отвердевать и разлагаться. У рыбаков в Германии существует поверье, что раненые рыбы трутся около линей и раны быстро заживают; поэтому линь зовется также рыбным лекарем. Весьма возможно, что эта клейкая слизь может заживлять порезы. В Германии и Швеции мясо линя, в особенности печень, считается целебным средством от многих болезней как людей, так и животных; например, его употребляют от лихорадки и от головной боли.

Линь не имеет промышленного значения, подобно карасю и сазану, и служит лишь для местного потребления. Это зависит отчасти от того, что он нигде не ловится массами, отчасти происходит потому, что он добывается в теплое время года, а с наступлением холодов зарывается в ил и недоступен для рыбака. Но хотя линь очень живуч и на зиму зарывается в ил чаще карася, но в неглубоких копаных прудах он, если нет ключей, жить не может. Вообще ключи для него почти необходимы.

Развести линей можно во всяком пруде, если в нем живет какая-либо другая рыба, кроме карася. Для этой цели достаточно выпустить летом или осенью один или несколько десятков линей от 1 до 2 фунтов весом. Линь, впрочем, для рыбного хозяйства менее выгоден, чем карась, так как ценится дешевле его, особенно близ городов; карпия же, которая может быть разведена всюду, где живет линь, растет значительно скорее, стоимость же ее никак не ниже стоимости последнего.

Пескарь

Gobio fluviatilis L. В большей части России – пескарь; местами по Волге, а также в Пермской губ. – пескозоб, пескозубчик; на Дону – пескозуб; на Каме – песчаник; в Вологодск. губ. – пескан; на Урале – пискан; в Пскове – песук, пискушек; в Архангельске (?) – пестуш; в Новой Ладогe – парша, паршик; в Новгород. губ. – мулятка; на Волховских порогах – бараус, в Нарве – крымпа (ижорское назв.); на южной оконечности Онежского озера – гулень; в р. Онеге, по Петрову – сом (?). В Пензенск. губ. (Даль) – скозобщик; по Далю, местами (?) – тугунок. В Воронежск. губ. и в некот. местностях Малороссии неправильно – бобырь; вообще в Южной России – столбец, сталбчик; в Кременчуге – печкур, в Волынской и Подольск. губ. – кобл, коблик, кобель. В Польше – кильб, кольбь, рузик; в северо-зап. губ. – курмель. У эстов – юри-лест, кивви-кала, кёр-юри, грун-дильт; у ижоров – кримпе; у латыш. – попс, грундулис; башк. – ульян; вот. – отра; черем. – шумуран, ошма-кол; чувашск. – ираш-пютры, кутан; тат. – таш-баш.

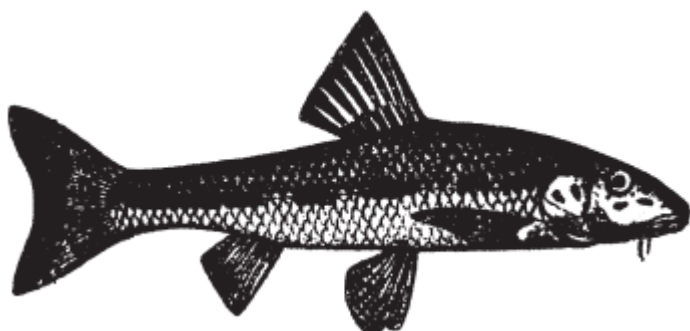

Рис. 149. Пескарь-черныш

См. также названия на след. странице, данные в отличиях обоих видов пескаря.

Наружность этой небольшой рыбки более или менее известна каждому: ее легко узнать по крупной чешуе, цилиндрическому телу и двум небольшим усикам, которые лежат в углах рта. Пескарь в довольно редких случаях достигает 4–4½ с половиною вершков длины и толщины большого пальца, как, например, в Средней Волге; большею частью он бывает не более 3. Брусковатое тело его, лишенное слизи, сверху зеленовато-бурого цвета и покрыто синеватыми или черноватыми пятнами, которые иногда на боках сливаются и образуют темную полосу; брюшко желтоватое, серебристое; спинной и хвостовой плавники испещрены темно-бурыми пятнами, которые обыкновенно расположены в несколько правильных рядов; все плавники сероватые; глаза желтые. Глоточные зубы пескаря (7–8 с каждой стороны) расположены в два ряда (рис. 50), и венчик их на вершине загнут крючком.

Рис. 150. Глоточные зубы пескаря (чер ныша)

Но вообще пескарь представляет большие отклонения как в цвете (старые всегда темнее), так и в форме туловища и головы. Замечено, что в северных частях России пескарь гораздо остроносее, чем на юге; в Московской губ. все рыбаки отличают от обыкновенного пескаря-черныша (в Коломне – старица) – узкоротого пескаря-синца, или песчаника, который меньше ростом, редко более 2 вершков или 4 дюймов, продолговатее, с непрерывной синей полосой на боках и сильно просвечивающими внутренностями; хвостовой и спинной плавники без пятен, и хвостовая часть тела заметно уже, чем у обыкновенного. Этот синец принадлежит к так называемому долгоусому пескарю, который многими зоологами отделяется, и совершенно справедливо, в особый вид – *Gobio uranoscorpus*. Последний, как видно из русского названия, отличается более длинными усиками, которые почти хватают до жаберной щели, более вытянутым телом, узкою головою, меньшим ростом и более цилиндрическою, менее сжатой с боков хвост овою частью туловища. Под Ярославлем долгоусого пескаря рыбаки называют голзаком или холзаком. Кроме того, долгоусые пескари были найдены в Волге и Каме, в Казанской губ., в Могилеве на Днестре и в реках бассейна Дуная. Вероятно, он водится, подобно чернышу, почти во всей России. По собранным мною сведениям, синец весьма многочислен по песчаным отмелям Оки и Волги, местами даже обыкновеннее черныша. Окские и волжские синцы, кроме того, отличаются своею величиною. В последнее время синец найден был также в р. Сердобе Саратовск. губ., а также в Куре и Куме на Кавказе.

Пескарь-черныш имеет довольно обширное распространение. Он весьма обыкновенен во всей Европе и в большей части России. Его, однако, нет в Финляндии, за исключением южных частей Выборгской губ.; в Ладожском и Онежском озерах пескарь редок и водится только в южных частях этих бассейнов, но далее к востоку он найден был Данилевским под Архангельском, также в Мезени и Пезе, а в позднейшее время (Петровым) – в Вытегре и Онеге. Судя по многочисленности пескарей в реках Богословского округа, эти местонахождения имеют за собой большую вероятность. Во всяком случае, пескарь не принадлежит к коренным обитателям рек Белого и Ледовитого морей и, вероятно, распространился здесь уже в позднейшие времена. В «Зоогеографии» Палласа местопребыванием пескаря названа только Европейская Россия, но он встречается в большей части Западной Сибири, так как найден в Иртыше и в Оби (низовьях), а также в Енисее. Кроме того, пескарь (особая разность его) водится в Туркестанском крае (в Сырдарье и ее притоках). Настоящий же пескарь найден только в верховьях Амударьи (в р. Дайравата) на высоте тысячи футов. Заметим, что, по некоторым сведениям, эта рыба очень редка в притоках Дона. В низовьях Волги и Урала она довольно многочисленна, а также весьма обыкновенна в речках Крымского полуострова. В Куме и Куре найден только долгоусый пескарь, в р. Туапсе же – обыкновенный.

Переходим к образу жизни и пескаря. Он живет как в больших реках, так и в самых незначительных речках, реже встречается в проточных озерах и прудах, и то более зимой, но, будучи пересажен и в непроточную, но чистую воду или попав туда случайно, размножается там очень быстро, хотя никогда не достигает такой величины, как в реках. В некоторых исключительных случаях пескарь, по свидетельству Геккеля, замечается не только в болотах и подземных водах (например, в гроте Адельсберга), но даже в теплых источниках, как у Теплица, Карлсбада, Бадена и др. Вообще же он любит воду чистую и свежую, хотя избегает очень холодной и слишком быстрой. Обыкновенно всю весну и лето пескари держатся на перекатах или поблизости их, на местах мелких, с хрящеватым или песчаным дном, откуда и произошло его главное название со своими

многочисленными вариантами. В конце лета и осенью пескари замечаются на более глубоких местах, тоже с песчаным или иловато-песчаным дном, и всего чаще встречаются у самых перекатов, в небольших заливах, где образуется как бы небольшой водоворот. В травянистых местах днем их никогда не бывает, и вообще пескари встречаются в сообществе гольянов и гольцов. В октябре или ноябре, смотря по местности, пескари почти исчезают и уходят зимовать в пруды или озера или же скрываются в самых глубоких речных ямах, и, так как зимою крайне редко попадают в невода, очень может быть, что иногда зарываются в ил.

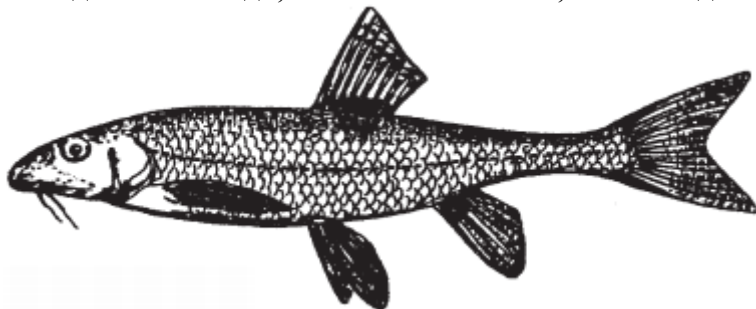

Рис. 151. Пескарь-синец

Пескарь ведет вполне дневной образ жизни и никогда не плавает ночью, а лежит тогда неподвижно на дне, упиравшись грудным, брюшным и заднепроходным плавниками, как на подпорках. В полуденный жар он иногда, тоже по целым часам, стоит на одном месте, приткнувшись к камню или коряге, и эта неподвижность пескаря вместе с брусковатым телом послужила поводом к меткому названию его малороссами – столбец, столбчик. Вообще эта небольшая рыбка и не отличается большой живостью, хотя плавает очень быстро и может оч ень долго держаться и даже плыть против быстрого течения. Впрочем, на перекатах пескарь укрывается за камнями, да и поднимается здесь кверху толчками от одной защиты до другой.

Вследствие предпочтения, отдаваемого перекатам, речной пескарь прежде всех других рыб гибнет от порчи воды какими-либо вредными веществами: остатками газового производства, ядовитыми красками и другими заводскими и фабричными отбросами. В самой Москве пескари снут тоже летом в жару, после дождя, так как не выносят теплой и вонючей воды с раскалившейся мостовой. По-видимому, долгоусый пескарь предпочитает более тихие, глубокие и песчаные места, тогда как обыкновенный пескарь (в теплое время года) держится исключительно на хрящеватом или каменистом дне. Этим объясняется, почему брюхо у него часто имеет кровяные ссадины, особенно во время нереста. Вообще же пескарь-синец значительно слабее и малочисленнее черныша и до сих пор еще ни разу не был найден в озерах и прудах, да и в ручьях и мелких речках, кажется, встречается очень редко. Озерные пескари, по моим наблюдениям, в оз. Белом и Толстовском пруде, имеющих довольно холодную воду, держатся (летом) около берегов, на песках; по Терлецкому же, они, однако, уходят на лето в глубину, на илистое дно и на отмели не выходят, что можно объяснить нагреванием воды около берегов.

Озерный пескарь, во всяком случае, на ночь стоит в глубине и вряд ли прячется в траву, подобно речному. Последний еще до заката забивается в водоросли и другие водяные растения, растущие на перекатах или поблизости их. Здесь пескарь находится в полной безопасности от хищных рыб, в особенности налима, не дающего ему по ночам покоя. В удобных местах опытные рыболовы много ловят в это время пескарей вместе с гольцами и особенно с прятливыми щиповками корзиною или просто ощупывают их руками и вытаскивают вместе с нитчатыми водорослями, в которых вся эта мелочь запутывается.

Как было сказано, пескарь всегда держится н а самом дне, подобно ершу, и крайне редко поднимается к поверхности воды, даже на довольно мелких местах. Впрочем, на перекатах пескарь иногда даже совсем выпрыгивает из воды – торчком, довольно

характерным образом, так что такого играющего черныша нетрудно отличить от других мелких рыб. Выпрыгивание это замечается по временам в течение целого лета. По мнению одних рыболовов, пескари скачут перед нерестом – разбивают икру; другие думают, что выпрыгивание предвещает перемену погоды. Пескари, преследуемые на мели хищной рыбой, тоже выпрыгивают из воды. В больших и средних реках они всего более преследуются шересперами, которые предпочитают пескаря всякой другой рыбе. Вероятно, всякий видел, как бьет шереспер на мелях и перекатах. Можно быть уверенным, что он подплыл незаметно к стайке пескарей, врезался в нее и ударил с целью оглушить какую-либо рыбу и подхватить ее. Следует заметить, что пескари живут между собой очень дружно и встречаются нередко стаями смешанного возраста – прошлогодние со старыми.

Как рыба донная, пескарь всегда отыскивает пищу на дне. Обыкновенно он кормится мелкими червячками, насекомыми, рачками, такими мелкими, как циклопы и дафнии, также частицами сгнивших органических веществ, которые добывает себе из песка или ила. При этом усики, вероятно, оказывают пескарю большую услугу. В иле же он добывает себе мотыля, который в конце лета, кажется, составляет едва ли не главную пищу этой рыбы, разумеется, там, где мотыля много. Я полагаю даже, что уход пескаря в глубину обуславливается не столько свежестью воды, сколько изобилием красных личинок комара-толкунчика. Главную пищу пескаря весной составляет, кажется, икра других рыб, чем они приносят значительный вред. Кроме того, что они перехватывают на перекатах мимо плывущие, большею частью неоплодотворенные икринки, пескари в апреле и частью в мае кормятся икрой, выметанною другими рыбами на перекатах и камнях, отдирая прилипшие икринки своими толстыми губами. По свидетельству многих авторов, пескари едят также животные извержения, даже падаль: Марсигли с увлечением рассказывает, как во время осады Вены турками пескари отдавали особое предпочтение мясу неверных. Тем не менее пескарь менее всеяден, чем мирон-усач, и употребляет главным образом животную пищу, что доказывается практикою удильщиков-рыболовов.

Нерест пескаря во многих отношениях еще не исследован и представляет много темных сторон, требуя более подробных и точных наблюдений. О нересте синца нам даже ничего неизвестно, и можно только предполагать, что он вряд ли представляет какие-либо существенные отличия. Речной черныш начинает, по-видимому, теряться примерно через месяц после того, как выйдет из глубоких мест, где зимовал. Полая вода застает его уже около мелких берегов, где течение тише; затем в скором времени, как только река войдет в берега, он занимает свои летние места, т. е. перекаты, и начинает метать икру. Кажется, что в больших реках, например Волге, Оке и других, большая часть пескаря по причине позднего их разлива входит для нереста в мелкие притоки – речки и ручьи; в Нижней Волге, однако, по уверениям рыбаков, пескари за неимением удобных мест выпускают икру в рачьих норах. В проточных озерах и прудах пескари также уходят для нереста в речки и ручьи.

У нас, в Средней России, пескари начинают метать икру почти одновременно с плотвой – в конце апреля или в начале мая, но нет никакого сомнения в том, что нерест длится очень долгое время, едва ли не весь май и даже июнь, и что икра, следовательно, выпускается частями, в несколько приемов, а не сразу. Мне кажется, что такая периодичность нереста может быть объяснена относительно малым количеством самцов сравнительно с самками. Между тем как у большинства рыб число молошников значительно превышает число икрятников, у пескарей наоборот – самцов бывает очень мало. Отличаются они от самок меньшим ростом, а во время нереста зернистою сыпью на голове, спине и верхней стороне грудных плавников. По словам Бланшара, их будто бывает в 5–6 раз меньше, чем самок. Поэтому можно

дать некоторую веру наблюдениям, что во время нереста самка и самец действительно трутся брюхо с брюхом, одновременно выпуская икру и молоки. Любителям аквариумов – комнатным рыбоведам – с другой стороны, очень хорошо известно, что для оплодотворения икры нет никакой надобности в том, чтобы она была непосредственно облита молоками. В стоячей и тихотекущей воде икра, по теории, должна оплодотворяться целиком, почти без остатка, а чем быстрее течение, тем, очевидно, более молок требуется для оплодотворения.

Как бы то ни было, нерест пескаря производится в речках и ручьях весьма шумным образом и многочисленными стаями – на очень мелких местах, на хряще и мелком камне. При этом пескари высовывают хвост и большую часть туловища, кроме головы и части брюха, и бьют хвостом по воде. В средних реках нерест пескаря менее заметен: в запруженных реках, например в Москве-реке, за недостатком перекатов он трется главным образом под шлюзами, под которыми с конца апреля держится масса, привлекая множество щук и шерешперов. Здесь он выметывает икру между плитами и крупными камнями, которыми выложено дно реки под шлюзом. В больших реках, как сказано, пескари в крайности выпускают икру (попарно?) даже в рачьи норы. В непроточных холодных озерах, например в упомянутом выше Белом, что близ с. Косина, под Москвою, пескари, по собранным мною от арендатора озера сведениям, трутся на песке, на мелких местах около самого берега и собираются здесь в таком множестве, что вода кажется кипящею. В середине же лета здесь замечается любопытное явление, тоже, вероятно, относящееся к нересту: пескарь вдруг начинает собираться на довольно глубоких местах сплошную массу, образуя правильный конус, вершина которого находится на поверхности. О количестве рыбы можно судить по тому, что если своевременно захватят неводом эту кучу, то сразу вытаскивают до 10 и более пудов. Весьма вероятно, что таким способом пескари заканчивают нерест, так как сильно нагретая вода у берегов заставляет их удалиться на глубину.

Икра пескаря, очень мелкая и голубоватого цвета, выпускается на камни, хрящ, реже коряги и, в исключительных случаях, на траву. Здесь она крепко прилипает, иногда устилая дно сплошным слоем. Большая часть икры, однако, делается добычей тех же пескарей, которые истребляют также великое множество и только что выклюнувшейся молоди. Паводок после нереста имеет огромное влияние на урожай пескаря, так как почти вся икра и почти весь малек сносится течением. Но при обыкновенных условиях мальки успевают уйти с перекатов в более тихие, хотя и неглубокие места, именно к мелким, песчаным или, еще чаще, песчано-иловатым берегам, где и держатся в течение всего лета, до середины августа и позднее, питаясь исключительно дафниями, циклопами и другими мелкими животными организмами, которых они отыскивают в иле. Весьма возможно, что молодь пескаря в ранний период своей жизни кормится и гниющими веществами. Мелкие пескарики толкуются около берегов тучами, выбирая самые мелкие места, тыкаясь беспрестанно носами в берег. Растут они с поразительною быстротою, сравнительно быстрее всех других рыб. По моим наблюдениям, в Москве-реке (в 1889 году), пескарь-селеток в конце июля был уже почти в вершок ростом (от головы до конца хвоста), а к концу августа достигал более 1 1/2 вершка. В прошлом, 1890 году, отличавшемся необыкновенно раннею весною, ранним нерестом и, вследствие теплого лета, обилием корма, пескари росли еще быстрее.

В прудах и озерах пескари никогда не достигают такого большого роста, как в реках. Крупный пескарь встречается как в небольших речках (например, в р. Сетуни под Москвой), так и в больших реках. Самые большие пескарей я встречал в Волге, близ Ярославля: они были длиною больше 5 вершков, а толщиной до 2 дюймов. В Москве-реке в августе и сентябре ловится преимущественно трехвершковый пятнадцатимесячный пескарь; пескарь в четверть – это по 3-му

году. Кажется, пескари мечут икру, только почти достигнув 2 лет. Пятилетний пескарь, надо полагать, встречается очень редко: в Москве-реке, где он подвергается большим случайностям, он вряд ли достигает такого почтенного возраста. Что же касается пескаря-синца, то он растет сравнительно очень медленно, и полуторагодовалый не бывает длиннее 11/2 вершка. Следует заметить, что к осени встречаются пескари-селетки обоих видов различной величины, что объясняется продолжительностью их нереста.

По своей величине и месту пребывания пескарь, очевидно, не может иметь ни малейшего промыслового значения. Его ловят снастями только в небольших реках за неимением более крупной рыбы и только для себя, а не на продажу, так как рыночная ценность пескаря незначительна, за исключением, впрочем, столицы и больших городов, где пескарь продается довольно дорого, но в очень незначительном количестве, так как имеет несравненно менее потребителей, чем ерш, да и доставляется на живорыбные садки в малом числе. Там, где пескаря много, его ловят летом или к осени бреднями и недотками из самого редкого холста. Весною в полую воду местами он попадает в наметки; позднее же, во время нереста, массами набивается в частые верши, если место для них было удачно выбрано. Для охотников-рыболовов возможность достать пескаря, составляющего лучшую речную насадку для всех хищных рыб, имеет немаловажное значение, а потому, кроме упомянутых способов ловли, надо указать на другие, хотя и более удобные, но почти у нас неизвестные.

В Западной же Европе, особенно во Франции, где пескарь пользуется большим почетом, гораздо большим, чем у нас ерш и даже налим, эти способы, очень простые и сподручные, весьма распространены. Во-первых, много ловят здесь пескаря особенными маленькими и частыми накидками-малушками, которые набрасывают с лодки или приглубого берега, предварительно взмутьив воду шестом или веслом. Но у нас игра не стоит свеч. Это ловля трудная, и вряд ли кто в России станет ловить этим способом такую мелочь.

Гораздо проще ловля подъемною сетью, которая у нас довольно мало известна. Это, можно сказать, специальный снаряд для ловли пескарей. Последнего часто ловят в эту сеть сотнями зараз; но эти так называемые *carrelets* весьма пригодны также для ловли всякой малявки вообще, а в особенности верховки (*Leucaspis*), хотя с измененными приемами (см. «Верховка»). На Висле, сколько известно, в такие подъемные сети, но больших размеров и в мутную воду попадает и всякая крупная рыба. Для ловли пескаря достаточно частой сети из крепких ниток в 2 аршина в квадрате; сеть эта нанизывается на крепкую бечеву так, чтобы имела тоже форму квадрата, затем к углам привязываются накрест две крепкие и гладкие палки (ореховые, березовые) в 2 1/2 аршина длиною; в точке пересечения палки эти крепко связываются. Получается таким образом неглубокий сетяной мешок, растянутый крестообразно связанными палками. Если теперь к центру сети привязать более или менее тяжелое свинцовое грузило так, чтобы сеть тонула на дно, то, очевидно, если быстро поднять ее за веревку, палки должны согнуться и сетка образует более или менее глубокий мешок, из которого успевают выскочить наружу весьма немногие пескари и ерши, как рыбы, ползающие по дну и неохотно поднимающиеся кверху. На этом и основан весь успех ловли пескаря подъемною сетью. Только обыкновенно сеть, или, точнее, палки, в том месте, где они скрещиваются, привязывается к тонкому концу более или менее толстого и длинного кола, до 3–5 аршин, вроде употребляемого для наметок. Чем тяжелее будет свободный толстый конец жерди, тем легче и скорее будет подниматься намокшая сеть из воды.

Ловят на подъем – со шлюзов, мостов, особенно плавучих, мостков и плотов, реже вброд и с лодок. Прежде чем опустить сеть на дно, воду сильно взмучивают – это необходимо, так как муть составляет, как мы увидим далее, главную приманку для

пескаря. Впрочем, если хрящеватая или каменистая почва не позволяет этого сделать, то можно приманить пескарей, бросая в сеть мелкие куски тины с отрубями; иногда хорошо также бывает привязывать к середине деревянного креста мешок из рединки с глиной же, смешанной с мотылем и мелкими червями. Пескари, стоящие ниже, увидя струи мути, поднимаются по ней до сетки и в непродолжительном времени набиваются в нее десятками, чуть не сотнями. При ловле подъемной сеткой необходимы, конечно, некоторая сноровка и проворство; весьма важно также умение соразмерить толщину и гибкость палок и привязать их к шесту так, чтобы сеть поднималась совершенно правильно, в горизонтальных плоскостях, а не боком. Советую всем любителям-рыболовам обзавестись подъемной сетью, так как она положительно незаменима. Притом она легко может быть сделана разборной: палки могут быть снимаемы и отвязываемы, а длинное ратовище нетрудно сделать складным, из двух частей, так что весь снаряд легко перевозить даже в железнодорожных вагонах вместе с прочими удильными принадлежностями.

Как уже было замечено, у нас пескарей ловят в верши, подобно всем другим рыбам почти исключительно во время нереста. Причина заключается в том, что у нас почти неизвестна ловля в верши на какую-либо приманку. Между тем в Западной Европе последнюю употребляют с большим успехом и ловят в верши всякую рыбу во всякое время года, кроме весны, так как ловля во время нереста, то есть весной, там почти всюду, безусловно, воспрещается. У нас же приманкой служит большею частью сама верша или другое подобное орудие и 3 прутьев и дранок в качестве удобного искусственного нерестилища. В Германии, по Эренкрейцу, для приманки пескаря кладут в верши падаль, жмыхи и сыр. Там же взамен вершей употребляют весьма оригинальную снасть, именно лошадиные и бычьи черепа, которые погружают в воду на известных местах. Пескари входят внутрь черепа через затылочное отверстие и при быстром подъеме не успевают оттуда выйти.

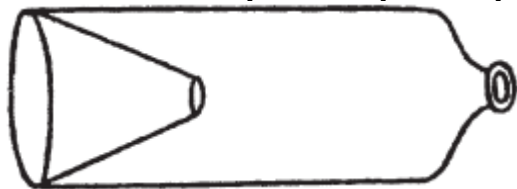

Рис. 152. Стекло́нная верша

Гораздо проще, интереснее и чище французская ловля пескаря в бутылки. В сущности, это та же ловля в верши. Берут простую бутылку, еще лучше бутылку белого стекла, с сильно вогнутым внутрь дном и посредине последнего просверливают отверстие толщиной в палец. В Париже продаются для этой цели особые стеклянные приборы. Горлышко бутылки затыкают просверленную пробкою (или в нее вставляется стеклянная трубка), потом через искусственное отверстие кладут в снаряд мелких червей, мотыля или даже отрубей, за тем осторожно опускают в воду вдоль реки горлышком против течения. Вода, проходя через горло, увлекает с собой часть приманки, которая привлекает пескарей к отверстию на дне; рыбы входят в это отверстие, но выйти из ловушки почти не могут. Иногда в несколько минут в такую бутылку набивается более десятка.

У нас большая часть пескарей, как для еды, так и для насадки, ловится, кажется, удочкою. Особенно любят удить пескарей начинающие рыболовы, так как это самая легкая и веселая ловля, пожалуй, еще более добычливая, чем ужение ершей и окуней. Ловля удочкой начинается со второй половины апреля, чаще в мае, т. е. уже после нереста и в межень, и продолжается до октября и позднее, сначала на перекатах и мелких местах, а с наступлением заморозков – на порядочной глубине. Москворецкие рыболовы ухитряются ловить пескаря чуть не круглый год, так как не только удят его в октябре, но даже в ноябре и в первых числах декабря, когда уже

река стала. По первому льду они, однако, ловят пескаря не на глубине, а на сравнительно мелких местах с хрящеватым дном. В середине зимы пескарь редко делается добычей столичных зимних удильщиков и, очевидно, скрывается на глубине, не принимает пищи, а может быть, пребывает в спячке или даже зарывается в ил. С сильными оттепелями он выходит из своих зимних становищ и в феврале годами ловится уже в большом количестве, как и в марте, до самого вскрытия, переставая брать в дурную и холодную погоду.

Что касается времени дня, то пескарь, как рыба дневная, берет на удочку только с восходом и до заката, и с наступлением темноты клев прекращается. Лучше всего он берет ранним утром вскоре после восхода. Всего хуже клюет он среди дня, особенно в жаркую погоду. Состояние погоды имеет, кажется, небольшое влияние на интенсивность клева этой рыбки, но перед ненастьем ее никогда много не поймаешь. Напротив, после дождя, когда вода несколько помутнеет, пескарь берет жаднее.

В большинстве случаев удят пескаря на самые легкие 4–5-аршинные поплавочные удочки с тонкой леской, большею частью трехволосной, притом с берега. Поплавок берется самый легкий – перьяной, пробочный или осокоревый (еще лучше из куги), а крючок или № 6–8, обыкновенный, если ловят на червя, или № 10, с длинным стержнем, т. е. мотыльный, если насадкою служит мотыль. Так как пескарь рыба вполне донная, то крючок должен непременно идти по дну, задевая его. Впрочем, на очень глубоких иловатых местах пескарь берет выше. Там, где пескарей много, их удят большею частью на два крючка, причем верхний привязан на коротком поводке выше нижнего на вершок.

Насадкою служит главным образом или навозный червь, или мотыль: первый – весной и летом, второй – осенью, с августа. В более тихих местах лучше ловить на целого червяка или на половинку; на перекатах же выгоднее насаживать обрывок красного червя или, еще лучше, кусочек обыкновенного червя-железняка, как и ерша. Мотыль насаживают, как и всегда, продевая жало крючка пониже головки, в количестве 1–3 штук. Что касается других насадок, то они мало пригодны для ловли этой рыбы. Пескари не только не берут ни на какую хлебную насадку (впрочем, я раз поймал 2 пескарей на хлеб в оз. Белом), но не особенно охотно хватают, например, опарыша и муравьиное яйцо; на последнее чаще попадает синец, чем черныш.

Там, где пескаря много, его можно поймать несколько сот штук в день, но не иначе, однако, как с употреблением притравы, что известно не всякому рыболову. Притрава эта заключается главным образом во взмучивании воды: пескарь идет на муть и, забывая при этом всякую осторожность, подходит к самым ногам, что, вероятно, наблюдалось всяким купальщиком. При каждом перерыве в клеве необходимо производить искусственную муть – веслом или шестом, на заостренный конец которого весьма полезно надевать железный наконечник: французы же к концу шеста прибавляют железные кружочки и без этого, так называемого *pilon*, на ловлю пескарей не вые жают.

Москворецкими рыболовами-промышленниками не особенно давно выработан особый, весьма добычливый способ ужения, употребляемый ими всего чаще в конце лета и в начале осени. Отыскав пескаря на перекате, рыболов становится на лодке поперек течения и закидывает две короткие донные удочки (или кобылки) с двойчатками так, чтобы насадка лежала на дне в 3–4 аршинах от лодки. Затем он сильно взмучивает воду, повторяя это возможно чаще. Насадкою служит обыкновенно мотыль, летом же – кусочки червя. При удачном выборе места и хорошем клеве проворный рыболов легко может выудить даже на одну удочку 500–600 штук, причем пескари очень часто попадают парами, как ерши, редко срываясь, так как подсекаются они пулькой. Вообще пескарь берет чрезвычайно верно и редко срывается, тем более что губы у него очень прочные. Впрочем, мелкий синец, у которого рот сравнительно мал, клюет сравнительно очень вяло,

нерешительно и часто сосет мотыля, почему рыболовы, если попадут на синца, немедленно меняют место.

Пескарь принадлежит к очень живучим рыбам и в качестве насадки для хищных рыб почти незаменим. В Западной Европе он считается отличной кормовой рыбой для лососевых, а в Англии его часто подолгу держат в корытах и ваннах. При употреблении описанных воздуходушных приборов (см. «Щука») пескарей можно перевозить на значительные расстояния.

У нас пескари большею частью употребляются для ухи, и то чаще вместе с ершами, так как уха из одних пескарей, почти лишенная слизи, очень не навариста. Реже пескарей едят на сковороде со сметаной. Французы – большие любители пескарей, жаренных в луке или толченых сухарях, в прованском масле. Уха из пескарей составляет очень легкую и удобоваримую пищу и дается даже лихорадочным. Мясо пескаря белое и несколько сладковатое. Озерный, тем более прудовой пескарь всегда несколько отзывается тиной.

Лещ

Abramis Brama L. Во всей России и – лещ, лящ. Крупные лещи в Южной России называются чебаками, на Пейпусе и в Дерпте – щеберка или, неправильно, шабер; на о. Ильмень – чернокрылка. Малые почти всюду подлещики, по Волхову – кляпухи, в Самаре – ширман, ширманщик, на Суре – дубовик, в Новгороде – перечень, в Крыму – беребра, береберка; на низовьях Волги – синяк. В Польше – лящ, клящ, лещолуск (*leszcolusk*), лит. – *karszis*. Финск. – лана, лахна; эст. – латтикас-кала; латыш. – брессенс, шкильтс, алаудис, *kasza*. У татар – чебак, чабар, курбан-балык, в Симб. губ. – курбан – лещ, а подлещик – кара-канат. Калм. – зыби, чыбе, цууба, цюба; чувашск. – олама, хурбан, алаиг, сюба; черем. – ловал, персидск. – сан.

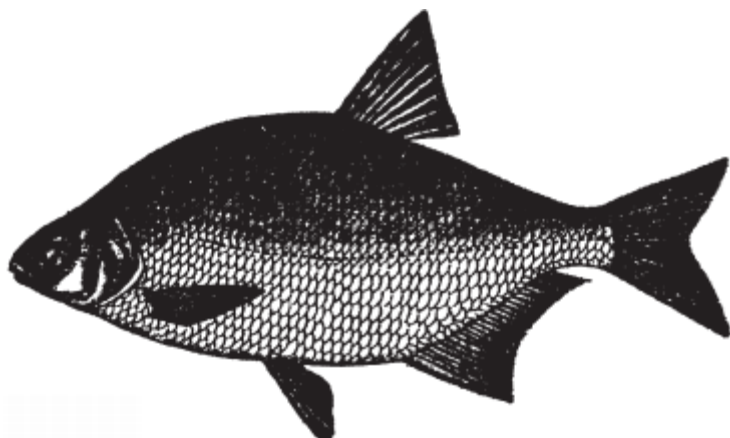

Рис. 153. Лещ

Обыкновенный лещ – самый главный и важный представитель своего рода, к которому принадлежат также сырть, клепец, синец и густера. Все эти рыбы отличаются более или менее сжатым телом, очень высоким и вместе узким спинным плавником, чрезвычайно длинным заднепроходным и тем, что верхняя лопасть хвостового плавника приметно короче нижней. Кроме того, у всех лещей от затылка до спинного плавника тянется бороздка, окаймленная с каждой стороны рядом небольших чешуек, а между брюшным и заднепроходным плавниками брюхо образует острое кожистое ребро. За исключением густеры, у которой 7 глоточных зубов расположены в два ряда и на вершине крючковаты, у всех других видов рода *Abramis* по 5 зубов в один ряд, с сжатым, кососрезанным венчиком, с бороздкой на

жевательной плоскости.

Лещ слишком хорошо известен каждому, чтобы во всех подробностях описывать его наружность. Он легко отличается от других сродных с ним рыб чрезвычайно высоким, как бы сплюснутым телом, составляющим около $1/3$ всей длины, черноватыми плавниками и 29 лучами в длинном заднепроходном плавнике, который, несомненно, как и у камбал, играет как бы роль киля и придает лещу большую боковую устойчивость. Голова у него небольшая, рот очень мал. Мелкие лещи, называемые обыкновенно подлещиками, однако, всегда значительно уже и продолговатее старых, неделимых, имеют относительно большие глаза и представляют некоторое сходство с густерой, от которой, впрочем, с первого взгляда отличаются своими темными плавательными перьями. Цвет тела тоже изменяется с возрастом: молодые лещи серовато-белые с серебристым отливом, потом они постепенно темнеют и получают буроватый или черноватый цвет с золотисто-желтым отливом, который к старости увеличивается. Подлещик до $11/2$ фунта весом имеет бело-серебристый цвет; затем он начинает сереть, а серые плавники его чернеют. Вместе с переходом из серебристого цвета в платиновый замечается под горлом и на животе розовый оттенок, который всего интенсивнее, т. е. ярче, бывает раннею весною. Это – нижеволжские синяки, вероятно, двухлетние особи; трехгодовалые лещи уже принимают желто-золотистый оттенок, более темный на спине, но большую часть золотистую чешую имеют крупные лещи. У последних, кроме того, золотистая радужина принимает коричневатый оттенок. По этим причинам, основываясь также на различном времени нереста, многие рыбаки отличают три породы лещей: самую мелкую – серебристую, среднюю – черноватую и самую крупную – желтую. Цвет леща много также зависит и от свойств воды, в которой он обитает, и в прудах и озерах он бывает всегда темнее, чем в реках. Самцы обыкновенно многочисленнее самок, меньше их ростом и во время нереста легко отличаются по желтым бородавкам, покрывающим почти все их тело; самые крупные бугорки развиваются на голове и у больших экземпляров величиною более булавочной головки; самые мелкие замечаются на чешуе и плавниках. По окончании нереста эти бородавки исчезают, но у некоторых молошников остаются, по-видимому, до осени. Кроме того, во время нереста у самцов места около плавников опухают и делаются наросты красного цвета.

Рис. 154. Глоточные зубы леща

Лещи достигают очень значительной величины, и это в связи с их необыкновенною многочисленностью дает им едва ли не самое важное место в ряду прочих карповых рыб. Обыкновенно они имеют от 1 до $11/2$ фута длины и весят до 10–12 фунтов, но изредка попадаются гиганты более аршина в длину, полуаршина в ширину, 2 вершков в спине и 20–25 фунтов весом. Такие лещи имеют буровато-желтый цвет, и чешуя на них величиною с серебряный двугривенный. Крупными лещами особенно славятся низовья и самые устья Днепра, Дона, также некоторые местности Оки и Самары, многие озера, как, например, оз. Селигер, Лыжмоозеро и пр., но в низовьях Волги они очень редко достигают 6–8 фунтов весу, что, вероятно, зависит от каких-либо особых неблагоприятных условий. Это доказывается тем, что и прежде, в 50-х годах, лещи были немного крупнее, чем в настоящее время. Самые

громадные лещи встречаются, кажется, в озерах Шотландии, где, как говорят, они бывают иногда до 30, даже 40 фунтов весу, но и у нас также встречаются подобные великаны. По крайней мере, Терлецкий свидетельствует, что в озере Вировля Городокского уезда Витебской губ. ему случалось видеть лещей в пуд весом. Такие матерые лещи бывают всегда покрыты значительными бородавками и наростами, особенно на голове и у плавников, а чешуи их темно-красного цвета и местами подернуты как бы седым мхом, вероятно, водорослями. Отсюда само собою разумеется, что продолжительность жизни леща должна быть значительно более 8–9 лет, как это полагает Геккель, основываясь на словах дунайских рыбаков. Обыкновенно только на 3-м или 4-м году лещ достигает величины 2 фунтов, но в кормных озерах он растет значительно быстрее.

Распространение леща довольно обширно. Коренное местопребывание его – Средняя и Восточная Европа; на юге и Крайнем Севере его нет, и он не встречается в Италии, Испании, Исландии, также в северной Швеции и Лапландии. В России он водится почти всюду, но на севере гораздо более редок, чем на юге и, надо полагать, появился там в относительно недавние времена, вероятно, в 18-м столетии, через каналы. Здесь он водится как в Северной Двине, так и в северных озерах, но в Печорском крае уже весьма редок. В Сибири леща вовсе нет, и он встречается только в некоторых зауральских озерах, куда был пересажен из Уфы и Чусовой. Однако в низовьях Сырдарьи и в самом Аральском море лещи довольно многочисленны, хотя и не в такой степени, как в Каспийском, Азовском и Черном; впрочем, они живут только в северных, наименее соленых, частях этих морей. Собственно говоря, в открытом море лещи почти никогда не встречаются: по мнению рыбаков, они слепнут от соленой воды, а потому и в море придерживаются речной воды.

Лещ встречается почти во всех реках, за исключением небольших каменистых и быстрых речек, и во многих больших и заливных озерах. Холодной воды он также избегает, и этим объясняется его относительная редкость в некоторых реках Юго-Западной (например, Днестре, Буге) и Северной России и отсутствие в альпийских озерах Западной Европы. На Кавказе он тоже, по-видимому, принадлежит к редким рыбам. По крайней мере, до сих пор лещ был найден только в морщах около Ленкорани и в озере Палеостоме. Вообще он любит тихую, теплую воду с песчано-иловатым или глинистым дном и потому всего чаще обитает в заливах рек и в проточных озерах. Особенно многочислен лещ на взморье, в устьях больших рек, где собирается огромными массами со второй половины лета. Осенью часть их снова входит в реки и выбирает там глубокие ямы, иногда малейшие углубления дна в затишьях, и залегает там на зиму; но большая часть низовых лещей остается у взморья и, надо полагать, мечет позже, нежели зимующие в устьях. В средних и верхних течениях рек лещи зимуют в глубоких местах заливов и проточных озер, и осеннего хода их, как это бывает на Нижней Волге и, вероятно, в других южно-русских реках, здесь уже вовсе не замечается.

Во всякое время года, кроме лета, лещи живут большими стаями: бывали, да и до сих пор бывают, случаи, что в одну тоню захватывают в низовьях Волги и на взморье до девяноста, даже до ста тысяч штук лещей. Весною во время нереста лещи разбиваются на мелкие стаи, обыкновенно по возрастам, и начинают снова собираться большими рунами с конца июля или в начале августа. По мнению рыбаков, каждая (?) стая лещей имеет своего вожака, который находится всегда впереди и отличается от всех своим цветом и формой тела. Такого вожака, обыкновенно называемого князьком (выродком), они приурочивают очень многим рыбам, ведущим общественный образ жизни, и всегда выкидывают обратно в воду в той уверенности, что он соберет новую стаю. Нередко также встречаются помеси леща с другими рыбами из рода *Abramis*, а также с воблой и густерой (см. далее), что

происходит оттого, что как время, так и места нереста этих рыб почти одинаковы.

Своим постоянным пребыванием лещ выбирает в реках глубокие заводи, еще чаще глинистые ямы под крутоярами; в травянистых же местах они держатся в реке главным образом во время нереста, но в озерах и особенно в прудах кормятся большей частью около камышей и тростников; очень любят они также так называемую гречишницу (*Polygonum*). Вообще лещ любит глинистое, немного иловатое, но не тинистое дно, иногда, напротив, слегка хрящеватое (под ярами), но на песчаных местах встречается сравнительно редко, хотя некоторые и полагают, что он предпочитает песчаное дно какому-либо другому. Вероятно, это мнение произошло оттого, что подлещики действительно держатся большей частью года на песке. В сентябре они, впрочем, уже подходят к глубоким местам на зимовку, но ложатся всегда отдельно от лещей. Взрослые лещи встречаются на песчаных местах только мимоходом, большей частью по ночам, во время своих переходов для поисков пищи. При обилии последней они, впрочем, редко и далеко не ежедневно выходят из своих ям и жируют на месте или поблизости, изменяя этой привычке только после паводка. Пути лещей на жировку пролегают в реке, по наблюдениям Терлецкого, по самым глубоким местам, по оврагам, ямам и лоточинам, которых они старательно придерживаются. При этом стадо лещей всегда почти идет длинной вереницей, имея во главе вожаков, поднимаясь к поверхности при встрече с очень волнистой или неровной местностью. Более подробные сведения о местопребывании лещей читатель найдет далее, при описании мест ужения этой рыбы.

Если лещей не беспокоят, они живут очень долго на одном месте. За редким исключением, эта рыба вполне оседлая, которая только по необходимости бросает раз облюбованное место. В некоторых исключительных случаях лещи, однако, совершают летом довольно далекие странствия вниз по реке, следуя за барками, сплавляемыми с зерном и в особенности с постным маслом. В Оке, например, считающейся лещевой рекой, за каждой баркой с постным маслом следует огромное стадо лещей; мне известно, что близ Каширы бывали случаи, что за остановку такой барки в удобном для ловли неводом месте платили судовщикам несколько десятков рублей.

Это, однако, весьма осторожная, пугливая и смышленная рыба. Даже при незначительном шуме в самый разгар нереста лещи уходят из залива и уж более не возвращаются в него, по крайней мере в этом году; будучи захвачен неводом, лещ редко перепрыгивает через него (как видно из самого склада, он не может делать больших прыжков), а лежит смиренно на дне, ложится боком и, если дно имеет неровности и углубления, нередко успевает подвернуться под нижнюю тетиву. Это вялая и ленивая рыба; движения ее медленны и тяжелы; она большей частью держится на самом дне тихих и неглубоких вод и замечается на поверхности большей частью во время нереста, реже в другое время года. Плавится лещ обыкновенно тихими вечерами, особенно после продолжительного ненастья. Местами на реках стаи лещей периодически выходят на мель, преимущественно в тихие пасмурные дни, причем нередко плывут до самой поверхности. Точно так же лещи полощутся на мелях в жару, особенно перед грозой, даже в полдни. Всего чаще наблюдают лещей во время так называемого падения метлы, которая составляет самую лакомую его пищу. Главным образом они кормятся, однако, водяными растениями, особенно белыми корнями ситника, водорослями, а также червяками и различными личинками и насекомыми, вместе с которыми часто глотают и самый ил, в котором их отыскивают. Весной, до нереста – в марте и апреле, – лещи, несомненно, истребляют много икры другой рыбы, особенно в прудах и озерах – щучьей и окуневой. Кроме того, они очень любят линючих раков, которых иногда вытаскивают из нор. Судя по тому, что лещи очень часто держатся в тех местах реки, куда ходит на водопой скот, надо полагать, что они, подобно карпам, кормятся

и животными извержениями. По замечанию некоторых рыбаков, лещи в озерах очень любят так называемая суровую воду, текущую из лесу.

На юге, в Малороссии, лещи весьма охотно держатся около так называемых сажей, т. е. больших свинарен, в которых откармливаются свиньи. Сажи эти часто делаются над водой, куда попадают и извержения животных, и остатки их пищи. «Подняв пол в сажах, – говорит г. Линтварев, – интересно было наблюдать их (лещей) на расстоянии трех аршин, не более. Они вас не видят и поэтому, не смущаясь вашим близким присутствием, ведут себя совершенно свободно, как у себя дома. Несмотря на их солидность и угрюмый нрав, они, когда в хорошем расположении духа, резвятся и играют между собою, как в пору разве только каким-нибудь шаловливым уклеикам. Беспреданно плавая в районе небольшого круга, они, шутя, толкают друг друга носами в бока и потом гоняются один за другим. Некоторые опускаются аршина на два вглубь и, уткнувшись носом в навозное дно, принимают вертикальное положение, слегка шевеля хвостом. Иногда подплывает к ним лещ из другой компании, тогда они бросаются на него гурьбой и, колотя со всех сторон носами в бока, заставляют его удалиться. В других же случаях приплывшего к ним гостя они встречают радушно и, обнюхав его, принимают в свое общество и продолжают свои игры. Если вы начнете потихоньку сыпать в середину этой разыгравшейся стаи распаренные зерна пшеницы или червей, то лещи, хватая их с разбега, выскакивают почти наполовину из воды. Очень крупных червей они берут осторожно, предварительно обнюхав, и потом уже, взявши в рот за кончик, отплывают кушать в сторону. Наигравшись вволю и наевшись ваших лакомств, они обыкновенно часам к 11 утра опускаются на дно, начинают как бы дремать и делаются неподвижны. Но вот в одно мгновение вся стая дремлющих лещей с быстротою молнии рассыпалась в разные стороны, и через несколько секунд вы видите тихо плывущего громадного сома или щуку. Минут через 10, когда грозная опасность миновала, смущенные, как бы сконфуженные своею трусостью, лещи начинают один за другим появляться на своем месте.

Но не всегда грозная опасность проходит благополучно. Однажды в самый разгар веселья беспечно плавающих лещей громадная щука, тихо и незаметно даже для меня подплывши к стае, быстро схватила в свою огромную пасть одного из лещей и при этом нападении на мгновение выскочила с ним почти вся из воды. Это трагическое происшествие так удручающе подействовало на остальных товарищей леща, нашедшего преждевременную смерть, что они долго не показывались на своем обычном месте.

До чего лещи бывают живучи, или, выражаясь охотничьим языком, «крепкими на рану», можно видеть из следующего. Однажды я выудил на Олдыше леща буквально всего изуродованного, вероятно зубами крупной щуки. Большая половина спины и часть правого бока были лишены мяса вплоть до хребтовых костей; верхняя часть хвоста была отъедена; нижняя губа также отсутствовала. Обкусанная физиономия его совершенно переменила свое выражение и из тупорылой сделалась остроконечной. Кроме этих ран, тело его было покрыто множеством других, более мелких. Раны эти, давно зажившие, были покрыты чешуей, но значительно меньшего размера, чем на уцелевших частях тела. Он был очень тощ и при размере около аршина весил только 4 фунта, тогда как обыкновенно лещи такой величины весят по крайней мере вдвое больше. При вытаскивании его он от слабости почти не сопротивлялся».

Крупные лещи делаются добычей только самых крупных щук и сомов. Изредка, впрочем, они подвергаются нападению скопы, которая большею частью становится жертвой своей смелости. Так, например, в 1871 году была поймана под Москвой, на Москве-реке, скопа, увязившая когти в 131/2-фунтовом леще.

Так как лещ любит медленное течение и довольно теплую воду, то этим отчасти

объясняется нередкость у него различных внутренних и наружных паразитов. Из первых всего чаще бывают у него плоские ленточные глисты, а из последних – карпоед (*Argulus*). Кроме того, в жаберной слизи леща очень часто попадает весьма оригинальный паразит из отряда червей-сосальщиков, т. е. *Gyrodactylus elegans*, хвост которого имеет вид диска со множеством крючков по краям. Величина его, впрочем, весьма незначительна.

На юге России нерест леща начинается обыкновенно со середины апреля. В низовьях Волги ход лещей начинается, впрочем, еще с половины февраля (Яковлев) – всегда подо льдом, и обыкновенно перезимовавшие в реке идут метать далее вверх, а лещи весеннего выхода мечут у самого взморья, в поемных местах. Валовый ход здесь около середины апреля, и последним идет самый мелкий – синяк. В Средней и Северной России лещи мечут не ранее первых чисел мая, но во всяком случае они перед самым нерестом разбиваются (в верховьях иногда и собираются) в стаи одного возраста, т. е. трехгодовалые с трехгодовалыми, четырехлетние с четырехлетними и т. д., что вообще замечается у большинства других стайных рыб. У лещей это разделение по возрастам выражено еще яснее, так как каждый возраст нерестится несколькими днями ранее или позднее другого. Перед нерестом лещ темнеет, что зависит от увеличения числа точек черного подкожного пигмента, а у самцов голова покрывается более крупными, туловище – более мелкими бородавочками, имеющими вид сыпи.

Вообще в России (за исключением небольших речек, где встречаются только мелкие лещи) различают три главных периода нереста этой рыбы, которые отделены один от другого семи–десятидневными промежутками. Обыкновенно рыбаки, которые занимаются ловлей лещей по преимуществу во время нереста их, дают лещам разной величины различные названия, заимствуемые от праздников, с которым совпадает нерест, от деревьев, которые распускаются или цветут в то время, и, наконец, других рыб, которые мечут икру одновременно с ними. По-видимому, прежде всех трутся самые мелкие, трехгодовалые лещи, а оканчивают нерест самые крупные. Так, в Тверской и частью Ярославской губ. сначала мечет икру так называемый березовик, или плотишник, самый мелкий (около 2–3 фунтов) – вместе с распусканием березы и нерестом плотвы. На Волхове это – лещ-сапинник, потому что мечет одновременно с сапою (синцом). За березовиком нерестится лещ-черемшеник во время цветения я черемухи – средней величины. На Волхове, однако, так (тоже – троицким) называется самый крупный лещ, а средний, который трется около Николина дня (9 мая), носит название никольника. В Тверской губернии самые крупные, бьющие икру, когда колосится хлеб и зацветает калина, известны под именем колосовиков или калинников. На Нижней Волге (и, вероятно, на Дону) идет со взморья и трется сначала крупный лещ. Тоже в реке Сердобе (Черкасов) и на Днепре (под Киевом, по свидетельству проф. Кесслера) прежде всех – в середине апреля, во время цветения вербы, – играет самый крупный, 10–18-фунтовый, лещ – вербовик, или вербак; затем около Юрьева дня (23 апр.) во время распускания дуба – средний, 6–8-фунтовый лещ – дубовик, или юровик; самый мелкий, 2–4-фунтовый, называемый никольником или густерным лещом, мечет икру после всех – около 9 мая, вместе с густерой. Трудно сказать, чем объясняется это различие в нересте на севере и на юге, тем более что, по Блоху, в Германии тоже начинают нерест самые крупные лещи, чем вопрос этот еще более затемняется. Во всяком случае, нерест этих рыб во всех местностях продолжается около месяца и, надо полагать, совершается каждою особью не сразу, а в несколько приемов.

Лещи мечут икру всегда на травянистых отмелях, в неглубоких заливах, иногда также в тальниках, затопленных водой.

Кроме низовьев рек, они нерестятся недалеко от всех мест своей постоянной оседлости, но все-таки, несомненно, поднимаются для этой цели вверх по течению на

несколько, даже на десятки верст, смотря по местности и состоянию воды. Судя по некоторым наблюдениям, надо полагать, что сначала в местности, удобные для нереста, приходят самцы, отличающиеся, как сказано, меньшим ростом и многочисленными бородавками, а вскоре вслед за ними являются и более (?) осторожные самки, которые всегда крупнее и втрое, даже вчетверо малочисленнее молошников. Нерест каждой стаи продолжается обыкновенно 3–4 дня, но в дурную погоду он значительно замедляется: лещи снова уходят на глубину, а с разливом (в Нижней Волге) – обратно в русло и выметывают всю икру в первый ясный день. При продолжительном ненастье зрелая икра лещей теряет свой зернистый вид и уже не может быть выметана. Эта так называемая икрная болезнь еще чаще замечается у осетровых рыб, но у них редко имеет важные последствия, между тем как у лещей она, по-видимому, большею частью оканчивается смертью.

Если погода благоприятствует нересту и никакой шум не смущает спокойствия этой рыбы, лещи каждый вечер после заката подходят к травянистым берегам, собираются здесь сотнями, тысячами, особенно в низовьях рек, и каждую ночь поднимают такой шум и плескание, что его слышно на весьма далеком расстоянии. Кто наблюдал только игру карася и плотвы, тот не может себе представить, с какою силою шлепаются, падая плашмя в воду, огромные, 5–10-фунтовые, лещи, и, без сомнения, лёсканье, или лясканье, характерное для этой рыбы, послужило поводом к ее названию – лещ ил и лящ.

По свидетельству В. Е. Яковлева, лещи в низовьях Волги бьют икру утром и кончают к полудню. При этом если лещей мало, то за самкой плывет один или несколько самцов; первая тихо плывет по траве и сеет икру тонкой и непрерывной струей, а самцы поливают выпущенную икру молоками. Судя по всему, за несколько времени до икрометания (за день, за два) лещи предварительно разбивают икру, т. е. приводят ее в жидкое состояние, с какою целью выпрыгивают из воды, полощутся в ней и бегают друг за другом, трутся, толкаются. Особи же, готовые выметать икру, отделяются от общей массы и уходят на более просторные места. Таким образом, плесканье лещей является только предвестником нереста. По моим наблюдениям, в Средней России лещи в прудах ходят взад и вперед около травянистых берегов; в реке же выбирают или затоны (заливы), или заводи и ямы без течения или с водоворотным. В Москве-реке я наблюдал раз (4 мая 1890 года) нерест лещей. Играли от 3 до 10 фунтов, числом около 50. Главные эволюции их заключались в том, что они кружились около одного и того же места (ямы) на пространстве 5–6 квадр. сажен, гонялись друг за другом, иногда выплывая на поверхность и делая всплески. Замечательно, что вместе с лещами все время кружился на одном месте, по-видимому, одинокий судак фунтов 8 весом. Нерест этот продолжался на другой день, тоже вечером от 5 ч. пополудни до заката, и, вероятно, происходил и утром.

Желтоватые яйца леща довольно многочисленны: в 6-фунтовой самке насчитывается почти 140 тысяч икринок, и эта плодовитость объясняет, почему он, несмотря на преследования человека, хищных рыб и птиц, почти не уменьшается в численности. Икра почти всегда прикрепляется к водяным растениям, оставшаяся же на поверхности живо подбирается прожорливыми чайками и мартышками (из рр. *Larus* и *Sterna*); для развития ее обыкновенно требуется не менее 12°C, но оно идет довольно быстро, и зародыш выклеивается из оболочки яйца через 8–10 дней, так что в непродолжительном времени во всех заливах, где лещи метали икру, появляются мириады молодой рыбы. В низовьях Волги она показывается около 5–6 мая. Молодь эта растет, особенно на юге России, крайне быстро: по моим наблюдениям, к осени она достигает 2–2½ вершков длины (полной меры), а годовалый подлещик очень часто бывает значительно более четверти и в три года становится уже настоящим лещом, весит иногда более 2 фунтов и заключает в себе зрелую икру и молоки.

Выметав икру, лещ некоторое время жирует, т. е. кормится на местах нереста, но вскоре сваливается в ямы, где и начинает брать на удочку. В озерах лещи возвращаются с мелких мест в глубину, где и держатся все остальное время года огромными стадами. В реках же, хотя бы и больших и глубоких (кроме низовьев), они, выметав икру, дробятся летом на незначительные косяки, в несколько десятков или сотен голов, и даже разбиваются в одиночку. В низовьях рек, например Волги, лещ вскоре после нереста скатывается вниз в море, а в июле – снова начинает идти вверх на зимовку, и этот вторичный его ход продолжается до холодов. В устьях Волги, на взморье, всего более собирается леща на 2-саженной глубине. В реке он, по свидетельству В. Е. Яковлева, не ложится в ямы, а скопляется на неглубоких песчаных, особенно «застружистых» местах (т. е. где ложе идет ступенями). Впрочем, лещ никогда не засыпает крепко и в теплую зиму часто бродит взад и вперед.

Изо всей бели, куда относятся все карповые и некоторые другие рыбы, лещ занимает почти первое место. Особенно важное значение и наибольшую ценность имеет он в средних и верхних течениях больших рек, также в реках второстепенной величины, вообще там, где лов красной рыбы, т. е. осетровых, сравнительно незначителен и подвержен многим случайностям. Впрочем, в низовьях Волги, Дона и Днепра все-таки ловится несравненно большее количество лещей, особенно в осеннее время, когда они собираются огромными массами в устьях этих рек и на взморье. В одном Каспийском море вылавливается ежегодно вместе с низовьями Волги и Урала, отчасти Куры и Терека, около 20 миллионов штук лещей, и этот улов даже может быть легко увеличен. В других местах главная ловля их производится в конце весны, во время метания икры, большею частью неводами, реже плавными сетями (летом) и ботальными мережами. Последние особенно вредны по отношению к этой робкой и пугливой рыбе, да и вообще ловля ботальными мережами весной должна быть строго воспрещена. Разумеется, для лещей употребляются очень редкие мережи, почти непригодные для ловли какой-либо другой рыбы. Ботальная сеть почти единственный снаряд, которым удастся поймать леща во всякое время года, большею частью, впрочем, ночью. На небольших реках лещи иногда очень хорошо идут в уже описанные сежи. В жоха, нерота и тому подобные снасти лещ почти никогда не попадает, отчасти вследствие своей смышленности и осторожности, отчасти, впрочем, потому, что отверстия этих снарядов (детыш) делаются слишком узкими для такой ши рокой рыбы. Очень большое количество лещей добывается острогой во время нереста, особенно в прудах и озерах. Весенний бой острогой почти нисколько не отличается от весеннего боя сазанов.

За исключением низовьев больших рек, а также некоторых, больших озер, лещ, подобно сазану, едва ли не чаще достается в добычу удильщикам, чем профессиональным рыбакам с неводами и другими снастями, которые ловят его преимущественно весной, незадолго или во время нереста. Ужение леща принадлежит к числу наиболее трудных и требует от рыболова много знания, сноровки, приготовлений и терпения. Поймать леща не менее трудно, чем карпа, хотя вытащить его из воды сравнительно весьма легко. Можно даже сказать, что в средней полосе России, где сазанов нет или они редки, ужение лещей считается чуть ли не самым высоким рыболовным спортом и имеет очень многих любителей. Эти так называемые лещатники занимаются с весны до поздней осени, с небольшими перерывами, специально ужением лещей и нередко достигают в этом настоящей виртуозности.

Место ужения. По самой форме своего тела лещ должен избегать быстрого течения и, напротив, придерживаться тиховодья. Кроме того, осторожность заставляет его выбирать своим постоянным пребыванием глубокие места, более или менее недоступные неводам, а потому распространение леща довольно спорадично, то есть на значительном пространстве реки он может вовсе не встречаться. Лещи не любят

мест с ровным песчаным дном и бывают здесь только проходом: им тут и голодно, и небезопасно. Тем не менее могут нравиться им реки с каменистым ложем, всегда почти очень быстрые. Таким образом, есть много рек, даже судоходных, где они редки, и, наоборот, есть реки, которые могут быть названы лещевыми. Большею частью последние отличаются твердопесчанистым, слегка иловатым или же глинистым ложем; такое дно способствует образованию глубоких ям на заворотах, под ярами, и уступов, т. е. дает лещам защиту и от течения и, главное, от невода. Однако там, где леща сильно ловят во время нереста, мешая ему размножаться, например в Москве-реке, несмотря на все представляемые ею удобства, он встречается сравнительно с другими реками Окского бассейна довольно редко, настолько редко, что здесь лещи ловятся на удочку и снастями, можно сказать, почти случайно.

Вообще лещ встречается и большую часть года живет почти в таких же местах, как и сазан, однако менее ломистых и иловатых, почему обе породы встречаются вместе довольно редко. Лещ любит в особенности ямы с глинистым дном, уступами или с большими глыбами глины; довольно охотно держится он в ямах около мостов, между сваями и устоями, в старых мельничных омутах. Всего многочисленнее бывает лещ в таких местах реки, где находится ряд больших глубоких ям с небольшим течением. Отсюда он выходит жировать на более мелкие места, имея возможность при малейшей опасности скрыться в ближайший омут. Правильное ужение лещей совершается там, где они живут постоянно, а не там, куда о ни ходят гулять, – по той причине, что эта рыба очень ленива и выходит из ямы весьма нерегулярно – при недостатке пищи, перемене погоды и т. п. Впрочем, весной, пока еще лещ не установился и бродит по реке, его иногда, если позволяет дно, глубина воды и течение, бывает выгоднее ловить на не особенно глубоких местах с ровным песчаным дном, разумеется, с прикормкой – так называемым ноттингемским способом. Самые крупные лещи, несомненно, держатся около крутых глинистых берегов, т. е. под крутоярами.

Таким образом, леща следует искать главным образом на глинистых и слегка иловатых, самых глубоких местах реки. На чистых песчаных местах он встречается непостоянно, хотя в реках, текущих в песчаном ложе, разумеется, должен довольствоваться лишь глубиной. В некоторых случаях лещи выбирают для становища глубокие, всегда илистые затоны и заливы, но в большинстве речные лещи избегают глубокой тины, и такие заводи служат им лишь временным местообитанием. Напротив, в прудах и в большей части озер эти рыбы по необходимости придерживаются глубоких и почти всегда тинистых участков, в более или менее значительном отдалении от берегов и травы, к которым подходят лишь по ночам для жировки. То же и в реках, но здесь они привлекаются не столько травой, сколько береговой мутью, образуемой прибоем, в которой находят себе разных червей и личинок. Поэтому в небольших реках с глинистыми или черноземными берегами лещи, а тем более подлещики замечаются около берегов днем в случае сильного ветра и волнения, размывающего плодородную почву. Рыбаки говорят, что «ветер выбивает со дна лещей».

О присутствии леща, отчасти о его количестве, можно, бывает, судить по его характерному плаву. Перед грозой, в жары, а также в ветреные и облачные дни лещи поднимаются кверху, чтобы затем опять скрыться в глубине. При этом они высовывают сначала морду, потом спинной плавник, наконец хвост, который отбрасывают иногда, при всплеске, набок. Нередко также они показываются и на мелях, хотя больше по ночам. Кроме того, леща можно отличить от других рыб, особенно в реке, по его громкому чмоканию, издаваемому ртом и похожому на звук, получаемый от сжатия губ и втягивания в себя воздуха. Чмокание это, или чваканье, происходит от сосания им верхних, молодых побегов растений, также корней ряски.

Чаще всего удается наблюдать это кормление в затонах и курьях. Некоторые опытные рыболовы могут определить присутствие леща в данном месте по мелким пузырькам, которые он пускает, роясь на дне. Как бы то ни было, ловить лещей, не убедившись в том, что они имеются в данном месте, и притом в достаточном количестве, не стоит. Воронежские лещатники употребляют для этой цели весьма оригинальный и, по правде сказать, мало заслуживающий доверия способ узнавать, есть ли лещи. Они производят усиленный шум, проезжая в лодке и барабанив в ней по сухой дощечке, положенной на две чурки. По прошествии некоторого времени после переполюха, произведенного между подводными обитателями под обною музыкою, они будто бы выходят на поверхность и начинают играть и плавать.

Время года. Ужение лещей начинается с ранней весны: на прудах вскоре вслед за тем, как растает лед, а на речках после того, как они войдут в берега. Но этот ранний весенний клев до нереста, как и у других рыб, известен очень немногим, так как он и кратковремен, и неудобен, хотя проголодавшиеся за зиму рыбы берут очень верно и ловля может быть очень добычлива. Под Москвою, в прудах (например, Люблинском) лещи начинают брать в апреле, около середины. Настоящий клев начинается у них, однако, с лишком на месяц позднее – спустя неделю или две по окончании нереста, очень редко в середине мая, а большею частью в конце мая или в начале июня, иногда запаздывая до 10–15 числа. На юге, конечно, весенняя ловля, сообразно времени нереста, начинается на две или на три недели раньше, чем под Москвою, большею частью в начале мая или даже в конце апреля. Таким образом, клев после нереста в средней части России делается уже летним, и главная ловля леща производится в июне, когда на юге она уже кончилась. Продолжается она 2–3 недели, редко более, во всяком случае, прекращается до Петрова дня.

Второй, или, вернее, третий период ужения будет на юге летним, а у нас может назваться осенним. Лещи, отъевшись после нереста, перестают брать на месяц или больше, лишь изредка попадаясь в пасмурные, ветреные или грозовые дни. В Киевской губернии они начинают снова клевать с середины июля, на севере же большею частью в августе. В это время лещи уже начинают собираться в стада, и, при знании мест и привычек рыбы, можно ловить ее весьма удачно в течение августа и сентября в не меньшем, если не в большем, количестве, чем после нереста. Но осеннее ужение лещей известно не всем рыболовам, и некоторые из них даже думают, что они осенью не берут вовсе. Известны случаи, что даже под Москвой попадались на удочку крупные лещи в октябре, но обыкновенно после заморозков берут только мелкие лещи и подлещик. Зимой лещ попадает на удочку лишь случайно, в оттепели, и, кажется, его скорее можно поймать на голые крючки – самодером, чем на приманку, разумеется, там, где он стал на зимовку. Зимует лещ или на ямах, или – еще чаще – на умеренной глубине, там, где глинистое дно идет ступами. Впрочем, местами очень недурно ловится зимою (на мотыля) мелкий подлещик. Верно одно, что лещи не впадают в спячку, подобно сазану, сому, и не зарываются в ил, как линь и карась.

Время дня в ужение леща не имеет такого важного значения, как для ловли сазана. Лещ может брать и утром, и вечером, и в полдень, и среди ночи, и время клева его зависит от местных условий, большей или меньшей осторожности рыбы и от того, когда ее приучили являться на прикормленное место. В некоторых местах можно ловить лещей целые сутки, в других – вечером или утром. Однако нельзя не заметить, что после нереста лучший клев бывает большею частью утром, хотя и не ранним – с 6 ч. утра; когда же разрастется трава, крупный лещ берет только очень рано утром, до восхода, и очень поздно, на закате, особенно в полнолуние, в тихие и теплые ночи. Под Москвою лещ в некоторых прудах, например в Измайловском, берет только ночью, между 10–12 часами, и рано утром, с 1 часу до 2 или 3. В других, например Люблинском, замечаются (в июне) три периода клева: от 2 до 6 часов утра,

затем с 10 до 12 или до 1 пополудни, наконец, с 6–7 вечера до 10–11 часов ночи. По всей вероятности, даже везде можно достигнуть того, что леща удастся ловить в течение целых суток, во всякое время дня и ночи, хотя и с разным успехом, если только знать, где в данное время находятся его стаи, или, еще лучше, если иметь несколько одновременно прикормленных мест. Везде, однако, исключая времени, следующего за нерестом, днем крупные лещи попадаются редко, разве во время ветра или после теплого дождя. Как уже было замечено, ночью лещи подплывают к самым берегам, а потому всего удобнее ловить их прямо с берега. Некоторые для привлечения лещей советуют разводить на берегу костер. Не отрицая пользы огня в качестве приманки, я думаю, что огонь еще полезнее для того, чтобы рассмотреть довольно слабые колебания поплавок или лески заброшенных удочек, и что костер удобнее может быть заменен фонарем с сильным рефлектором.

Погода. Значительное влияние на успех ночной ловли имеет по той же причине лунный свет. Лещи очень хорошо берут в полнолуние, с восходом месяца, в то время, когда большая часть других рыб перестает брать. Я приписываю успех ночного уженья при лунном свете главным образом освещению и большим удобствам ловли. По другим наблюдениям, напротив, лещи (днем?) не берут вовсе дня два накануне полнолуния и дня два позднее. Клев в обычных местах прекращается также на молодую и дня на два после рождения нового месяца. Несомненно, фазы луны имеют сильное влияние на образ жизни лещей, но влияние это еще представляет много темного. Я полагаю, что в эти периоды, т. е. на новый месяц и в полнолуние, лещи выходят из ям на мели и к берегам. По словам Веневитинова, на ямах лучшие уловы лещей бывают ночью в лунные ночи (в полнолуние), на мелких же местах – в новолуние и в первую четверть. Между рыбаками существует поверье, что лещ раз в месяц обязательно идет в разгул и что время это сопадает с теми днями, когда он метал икру, по мнению же других – с фазами луны, что, впрочем, одно другому не противоречит.

Несомненно также, что лещи едва ли не более других рыб чувствительны к изменениям атмосферного давления. При каждом сильном падении барометра, т. е. перед ненастьем, они перестают совершенно брать на удочку; но, по одним наблюдениям, лещи залегают в ямах и даже зарываются в ил, тогда как другие рыболовы утверждают, что они выходят на мели к берегам. Я полагаю, что первое мнение вернее. Кроме того, лещи, перестают брать, когда дует северный или северо-восточный, вообще холодный ветер; но, как уже было замечено, ветер и сильная волна вообще привлекают этих рыб к берегам, да и берут они в ветреную погоду смелее. Уровень воды также имеет влияние на клев лещей; они берут только в среднюю и низкую воду; в прибыль же, т. е. после сильного дождя, тем более паводка, они не только перестают брать, но даже уходят временно из своих ям, поднимаясь вверх. Вероятно, причиной подъема служит, как и весной в полую воду, мутная вода, засоряющая жабры и вынуждающая рыбу стоять или плыть против течения. При спаде воды лещи возвращаются обратно на летние стоянки. В судоходных, незапруженных реках лучший клев их бывает, по-видимому, при спаде воды ниже среднего уровня.

Следует заметить также, что на успех дневного уженья значительное влияние может иметь положение солнца. Лещ – рыба очень осторожная, и если она увидит на воде тень от лодки или рыболова, то близко к тени не подходит, а потому надо становиться или держаться так, чтобы солнце было спереди или сбоку, но никак не сзади.

Удочки. Так как лещ обитает в местах с слабым течением или вовсе без течения, то главным образом его ловят на длинные удилища с поплавком; донные короткие удочки употребляются только для ночной ловли, преимущественно на реках и там, где имеется правильное течение. Что же касается ловли нахлыстом, то оно

употребляется, как мы увидим далее, лишь в редких, исключительных случаях. Из того, что мы имеем дело с очень осторожной рыбой, которая днем не подходит близко к лодке или берегу, если тут не будет значительной глубины, очевидно, что надо забрасывать насадку как можно дальше. Это достигается или очень длинным удилищем, или очень дальним забрасыванием. Одни рыболовы-лещатники употребляют 9– и даже 10-аршинные удильники, цельные березовые или тростниковые, реже складные, пуская от поплавка короткую леску; другие предпочитают 5-аршинные, но очень прочные удилища, дающие возможность забрасывать сильным размахом поплавок далеко от лодки. Наконец, в последнее время начали ловить лещей на английские удилища средней длины, с кольцами и катушкой, забрасывая леску обычным способом (подобрав шнурок и раскатав поплавок с насадкой).

Все эти три разряда удилищ имеют свои удобства и неудобства, более или менее значительные, смотря по местности и, главным образом, глубине воды. С очень длинными удильниками хорошо подсекать, но тяжело водить крупную рыбу и неловко подводить ее к лодке. Легче всех тростниковые (желтого японского тростника), но они не так прочны, как березовые. Средние удильники требуют большой ловкости и сноровки для дальнего закидывания насадки и поплавок на глубине. Обыкновенно это делается таким образом: левой рукой бросают как можно дальше от себя насадку и поплавок и немедленно сильным движением правой руки (или обеих, если удилище тяжело) выхватывают насадку из воды и, откинув ее назад, посылают ее новым взмахом вперед, в намеченное место. Эти размахи бывают настолько сильны, что плохое удилище может разлететься вдребезги. Притом закидывать без шума бывает очень трудно, а тишина при ловле леща представляет самое главное условие, почему настоящие лещатники и ловят всегда в одиночку. Гораздо рациональнее употреблять ради дальнего закидывания удилища с катушкой, но, к сожалению, закинуть далеко можно только тяжелый поплавок, который часто оказывается вовсе непригодным одним. Все удилища должны быть непременно темного цвета и отнюдь не белого или даже желтого.

В довольно редких случаях, именно весной, на порядочном течении и на ровном дне, большею частью песчаном, на глубине 3–4 аршин, приходится ловить лещей на английские удилища по ноттингемскому способу, подробно описанному при ужении мирона, к которому и отсылаем. Ловля эта, очевидно, имеет случайный характер, даже при употреблении прикормки в большом количестве, а потому о ней не стоит и говорить, так же как и об ужении без поплавок с легким грузом на длинное удилище. Таким способом, однако, иногда можно выудить огромное количество подлещиков и даже удастся зацепить порядочного леща, если при сильном прибое бросать насадку на границу мутной воды.

Что касается нахлыстовых удилищ, употребляемых для ловли лещей на овес, то они должны удовлетворять тем же условиям, как для ловли нахлыстом форели и язя. Донные удочки, подробно описываемые далее, при ужении язей, тоже не представляют никаких особенностей.

Лески могут быть как волосяные, так и шелковые. При ловле без катушки, особенно в прудах, где шелковые лески, даже хорошо смоленные, скоро перегнивают, практичнее употреблять хорошие самодельные волосяные лески, причем, если только не приходится ловить в лому и коряжнике, можно и даже должно удовлетвориться 4-волосяными; на леску же в 6 волос нетрудно с умом вытащить и 10-фунтового леща, даже в крепком месте. При ловле с катушкой опытному рыболову следует употреблять самые тонкие лески, выдерживающие не свыше 5 фунтов мертвого веса.

Поплавок должен быть по возможности легок, насколько позволяет течение и отчасти ветер. Лещ большею частью берет слабо, и грубый наплавок часто вовсе не

покажет поклевки. Самым чувствительным поплавком считается, как известно, наплав из ситника (куги). Кусок старой куги, в 1 1/2–2 вершка, кофейного цвета, срезанный осенью и стянутый вверху и внизу ниткой, чтобы внутрь не проникала вода, составляет идеально легкий наплав, нисколько не пугающий рыбу; правда, он очень непрочен, но эта непрочность выкупается его дешевизной. Главное достоинство его заключается в том, что он не делает всплеска при забрасывании и ложится на воду без всякого шума. Все другие поплавки – осокоревые, пробочные, из иглы дикобраза, даже перьяные – уступают в этом отношении простейшему и дешевлешему. Нет надобности, чтобы поплавки прикреплялись к леске в 2 местах – снизу и сверху, а достаточно, если они держатся нижним концом. Скользящие поплавки были бы очень удобны для дальнего закидывания, но, к сожалению, по причине своей грубости могут применяться лишь в редких случаях, так же как и поплавок Павловского, указывающий глубину (см. «Линь»). Если позволяет зрение, поплавки лучше не красить. При ночной ловле (в конце весны и летом) на поплавки полезно надевать небольшие бумажные кружочки из черной бумаги, которые довольно резко выделяются на отсвечивающей поверхности воды.

Грузило при ловле с поплавком, как и всегда, должно соответствовать последнему. Лучшая форма его продолговатая, а не круглая или плоская. В большинстве случаев оно должно лежать на дне. При ловле на донную, взакидку, грузило тоже делается по возможности легким, но иногда приходится употреблять, ради удобства закидывания, особенно в стоячей воде, тяжелое сквозное грузило. Последнее (только непременно плоское) также бывает весьма полезно при ужении с поплавком, так как дает возможность закидывать очень далеко.

Поводок делается из тонкой жилки, иногда даже тянутой; необходимо красить ее в более или менее темный цвет, смотря по свойству дна – в красноватый, темно-коричневый или синий.

Для ловли лещей обыкновенно употребляются крючки средних или даже мелких номеров, но непременно высокого качества и очень острые. Лучшими считаются крючки Пэнэля *speskbent* и с игольным ушком Уарнера, также так называемые кристалевские, из очень тонкой проволоки (преимущественно для опарыша). При ловле на горох очень хороши крючки с коротким стержнем, без загиба, не крупнее № 5. Очень хороши, хотя и грубы, такие крючки для ловли лещей, изготовляемые павловскими кустарями. Размеры крючков, как и всегда, обуславливаются главным образом насадкой. При ночной ловле взакидку – на выползка и на кучу красных червей – следует предпочитать № 2–3, но для дневной ловли с поплавком – чем мельче крючок, тем более вероятности на хороший клев; при ловле на красных червей, хлеб и на горох или кукурузу удобнее всего крючки № 4–6. При ужении с катушкой, как и всегда, можно ловить на более мелкие номера, до № 10, и употреблять более мелкую насадку, от опарыша до мотыля. Некоторые очень жадные подмосковные рыболовы не ограничиваются тем, что ловят лещей, как и линей, на полудюжину удочек, но, кроме того, употребляют еще и двойчатки. Нечего и говорить, что последние требуют более грубого клева, затрудняют закидывание и вообще крайне неудобны. При закидывании двойчатка захлестывается, и насадка, особенно хлеб, нередко сшибается. О насадках, насаживании и собственно ужении будет сказано далее, в своем месте, а теперь перейдем к необходимой подготовительной части ужения лещей – приваде и прикормке.

Привада для лещей едва ли не более необходима, чем для всех других рыб, не исключая и сазанов. Не прикормив предварительно леща, можно поймать его только в самый жор, вскоре после нереста, да и то ночью, когда он бродит всюду; в остальное же время поимка будет чистою случайностью. В большинстве случаев рыболовы устраивают приваду там, где лещи имеют свою постоянную резиденцию; только если это место представляет слишком большие неудобства для ловли, можно

бросать прикормку несколько поодаль; но надо всегда иметь в виду, что чем дальше она от ямы или омута, тем менее шансов на постоянный клев, потому что речной лещ далеко не каждый день выходит на жировку. Правила устройства привады почти те же, как и для сазана: она бросается на 3–4 дня и более, прежде чем начать ловлю; полезно устраивать несколько привад и менять время бросания прикормки и ловли; наконец, никогда не следует бросать очень много и очень вкусного корма. Не надо забывать, что нет никакого расчета закармливать рыбу. Поэтому количество прикормки должно быть возможно умеренное и качество ее ниже качества насадки, т. е. приманки на крючке.

Привада бывает весьма различна, так как лещ, можно сказать, всеяден и крайне прожорлив, но рациональнее всего прикармливать его пареным овсом, ячменем и рожью с небольшим количеством пареного же гороха и пшеницы. Некоторые делают приваду из одного гороха или из черного и белого хлеба, разной каши (гречневой, пшенной, полбенной), но эти прикормки имеют то важное неудобство, что лещи скоро наедаются и уходят, иногда не отведавши насадки. Большею частью приваду приходится разбрасывать, но на течении иногда полезно бывает опускать ее в мешке из рединки, марли или в особом жестяном снаряде, тоже на известном расстоянии от берега или лодки, там, где будут лежать насадки. Иногда также бросают приваду (зерно) с глиной, причем за границей смешивают ее с конским калом. Некоторые рыболовы советуют разбрасывать вокруг привады в мешке небольшие горстки распаренной пшеницы, червей и шариков из теста, приготовленного из размятой массы хорошо распаренных пшеничных зерен, меда и, для скрепления массы, нескольких сырых яичных белков. Тесто это предварительно ставится в печку, минут на 15, в легкий дух, пока не сделается довольно твердым, и сохраняется в леднике. Мне кажется, что эта привада слишком сдобна, как и каша, и может употребляться в небольшом количестве, когда лещ клюет вяло и неохотно. При вялом клеве полезно также прибавлять к прикормке несколько капель анисового или другого эфирного масла, размешанных в ложке подсолнечного, реже льняного и др. Во многих случаях, именно при ужении в иловатых местах (на прудах), весьма полезно бывает высыпать на приваду несколько ведер песка, который сам по себе служит приманкой рыбы и, кроме того, делает более заметными и приваду, и насадку, не позволяя им увязнуть в жидкой тине.

Весьма важно не забывать основного правила – прикормка должна быть свежая, отнюдь не прокисшая и даже, по возможности, теплая, так как она пахучее. Часть прикормки бросается как можно дальше, радиусами, при помощи черпачка. Количество ее может быть от 5 до 10 пригоршней, смотря по клеву и месту. Ловить надо в те часы, в которые бросалась прикормка, и перед началом ужения бросать горсть-другую, также перед уходом; закармливать рыбу во время лова и зря бросать зерно не следует. Местами лещей приваживают главным образом горохом, который очень любят даже мелкие подлещики, но по известным причинам лучше употреблять его, как и русские бобы, в качестве примеси к зерну или как насадку. Черви и опарыши тоже составляют слишком большое лакомство, да и трудно достаются, чтобы служить постоянно главной прикормкою. Читателям необходимо также и для приваживания лещей принять во внимание многое, что сказано относительно приваживания карпов.

Насадка, употребляемая для ужения лещей, сравнительно довольно однообразна: огромное большинство лещатников ловит или на красных навозных червях или на мятый хлеб, причем в одних местностях лещи отдадут предпочтение червям, в других – хлебным шарикам. От чего это зависит – сказать трудно, но вряд ли найдутся воды, в которых лещи не брали бы на кучу красненьких, даже без прикормки, тогда как во многих реках и озерах можно удачно ловить на хлеб только с привадой. Очень может быть, что хлебную насадку лещи предпочитают в таких водах, куда

попадает много зерна, т. е. в судоходных реках, но и здесь первое время лещи ловятся лучше на червей, как, впрочем, и всякая другая рыба. Все другие насадки хотя и могут быть местами еще более привлекательными, но по разным причинам употребляются очень редко.

Лучшею, так сказать универсальной, насадкой для леща я считаю кучу красных навозных червей, пригодных во всякое время года – с весны до поздней осени и во всяком месте. Мелкие земляные черви менее пригодны, хотя так называемые железняки и прочее держатся на крючке. Другие черви, так называемые подлистники, похожие на навозного, но более крупные, вовсе неудобны, так как рвутся еще более, чем последние. Что касается выползков, т. е. больших земляных червей (глистовка, бертыль и пр.), то они употребляются сравнительно редко, притом больше при ночной ловле на донную и на течении, потому что клев леща на эту насадку менее верен и при подсечке бывают частые промахи, хотя, конечно, можно примениться и к ловле на выползка. Это странное явление происходит, кажется, оттого, что лещ, взяв выползка за хвостик, идет в ход, тогда как кучу красненьких он забирает в рот, стоя на месте, как бы опасаясь их растерять дорогой. При ловле на навозных червей чем больше надевается их на крючок, тем лучше; менее трех не стоит надевать даже на маленький крючок. Некоторые рыболовы надевают на крючок № 5 целую кучу – штук 10 и до 20, так что крючок закрыт совершенно. Червей накалывают на крючок в 2 местах – пониже головы и около середины; переплетаясь хвостами, они образуют весьма компактный и с лещевой точки зрения весьма аппетитный ком. Некоторые предусмотрительные лещатники, во избежание продолжительной возни при насадке, особенно при ночной ловле, заблаговременно готовят целые снизки червей, нанизывая их при помощи иглы на отдельную нитку к стержню крючка. Это, впрочем, уже педантические тонкости. При ловле на выползков надо выбирать мелких (без узла) и лучше насаживать 2–3 штуки молодых глист, чем одну крупную. Разумеется, они надеваются на крючок покрупнее, пониже головы и фестоном, с более или менее коротким, смотря по клеву, кончиком. Нечего и говорить, что червей, какие бы они ни были, необходимо, ради большей крепости, выдержать несколько часов или сутки, чтобы они очистились.

Из других животных насадок для ужения лещей употребляются линючие раки, метлица, опарыш и крыска, всего же реже мотыль. Кажется, лещ берет местами и на пискаву – личинку миноги, но, вероятно, лишь случайно, так как хищные наклонности его весьма сомнительны, как и то, что он берет иногда на лягушат. Линючие раки или, точнее, клешни или шейки (хвостики) линючих раков местами составляют весьма употребительную летнюю насадку, на которую превосходно берет всякая рыба. Замечательно, что лещ предпочитает клешню; на целого линючего рака он попадается редко, даже на мелкого, хотя несомненно, что, вытаскивает таковых из нор.

Метлица употребляется в качестве насадки лишь местами и в течение очень короткого времени – во время вылета ее из берегов. Как известно, метлица (*Ephemera*) встречается лишь в реках с глинисто-иловатыми берегами, особенно в синем мергеле, следовательно, очень редко на всем их протяжении. Ловля на метлу практикуется на Шексне, Мологе, Западной Двине, Десне и, вероятно, на некоторых друг их реках. Об этой оригинальной ловле будет говориться далее.

Превосходною летнею насадкой служат также опарыш и крыска, но, к сожалению, эти личинки крупных мух почти не пользуются правом гражданства среди русских рыболовов, отчасти потому, что добывание этих вонючих насадок если не сопряжено с большими затруднениями, то очень противно, отчасти потому, что они требуют очень мелких номеров крючков. Между тем за границей опарыш и крыска составляют почти такую же обычную приманку для рыбы, как черви, и продаются

уже в очищенном виде во всех рыболовных магазинах и лавочках, притом в огромном количестве. В Париже производством опарыша занимается еще большее число лиц, чем добыванием мотыля. Во Франции, как и в Англии, опарыш считается едва ли не лучшей насадкой для лещей, а потому считаю необходимым дать здесь достаточно подробное описание личинок мух, их добывания, хранения и употребления.

Опарыш, или подпарыш, называемый местами сальником, есть личинка мясной мухи и заводится в разлагающихся животных или растительных веществах: в помойных ямах, отхожих местах, на падали, на бойнях и т. п. В этих местах можно их доставать в продолжение всего теплого времени года, но, разумеется, надо предпочесть их искусственное разведение. Для этого подвешивают (на дереве, на чердаке) кусок мяса, баранью голову, но еще лучше печенки и легкого (или рыбу), сделав в нем несколько глубоких надрезов; когда мухи положат в надрезы яйца, кусок кладут в закрытый горшок, в который насыпано несколько пригоршней пшеничных отрубей, куда и вытряхивают выведшиеся через несколько дней личинки. В отрубях они теряют свой противный запах и довольно скоро растут, хотя и не так быстро, как в мясе.

Так как опарыши в теплом месте через неделю-две начинают превращаться в куколки, то необходимо держать горшок на погребнице, закрытым от крыс – больших охотниц до опарышей. На холоде опарыши окостеневают и сохраняются очень долго, так что, сделав за пас их в последние теплые осенние дни, можно ловить на них до поздней осени, даже зимою. Только надо в это время сохранять их на погребе и в глине, в которую опарыши зарываются и окостеневают, быстро оживая от теплоты. Самые крупные опарыши, длиною до 3/4 дюйма, получаются не от обыкновенной мясной мухи, а от большой синей. Опарыш составляет очень бойкую, живучую и соблазнительную насадку; на мертвых рыба берет хуже, но в Англии, например, с успехом ловят на маринованных в уксусе и потом слегка пропеченных на листе в печи. Несомненно, однако, что на опарыша рыба хорошо берет только в густонаселенных местностях, где больше шансов, чтобы он попал в реку. Общее правило, что рыба хорошо берет только на хорошо известную ей насадку, остается неизменным.

Главную причину незначительного употребления опарыша в качестве насадки вообще, а тем более для ловли такой крупной рыбы, как лещ, служит, однако, то обстоятельство, что опарыши требуют мелких номеров крючков – не крупнее № 8, с которых лещи очень часто сходят. Но при ловле с катушкой, позволяющей безопасно ловить на более тонкие лески и более мелкие крючки, опарыш составляет едва ли не лучшую насадку для леща, который берет на него очень верно и жадно, и обыкновенно крупный. Необходимо только нанизывать на крючок как можно больше опарышей – до 12. Надевают опарышей, слегка задевая крючок за кожицу на толстом конце.

Еще лучшей насадкой для лещей служит так называемая крыска, довольно известная между бурлаками и судовщиками. Это личинка большой зеленой мухи, которая кладет яйца в вонючей грязи, образовавшейся от гниющей муки и отрубей на дне барок, по преимуществу. Крыска имеет в длину около дюйма и названа так потому, что имеет довольно длинный и узкий хвостик. Она также сохраняется в отрубях, только сыроватых, и не так вонюча, как опарыш, которого превосходит в подвижности. Рыба на судоходных реках отлично знакома с этой насадкой и берет на нее очень жадно и верно. Надевается к рыска тоже на мелкие крючки, за толстый конец и по несколько штук зараз. Вероятно, ее также можно развести, выставив около воды испортившуюся сырую муку или отруби.

Что касается мотыля, то эта превосходная насадка главным образом употребляется москворецкими рыболовами, а на других реках мало известна.

Несомненно, лещ и подлещик должны хорошо брать на мотыля, так как около москворецких плотин мотыль составляет главную пищу как лещей, так и всех других рыб, но попадаются лещи на мотыля в реке случайно, большею частью под осень, при ловле другой рыбы. В прудах, изобилующих мотылем, по теории, лещи должны были бы брать на него, но сделанные опыты были не особенно удачны потому, конечно, что мотыль требует еще более мелких крючков, чем опарыш, а следовательно, удилица с катушкой.

Перехожу к растительным насадкам. На первом плане должен быть поставлен мятый хлеб, причем черный, как более пахучий и вязкий, следует предпочесть белому, хотя на юге, конечно, пшеничный хлеб (или еще лучше пшеничное тесто) будет сподручнее. На хлеб можно удить только на приваде, но замечательно, что местами на него попадают самые крупные лещи, местами же идет только подлещик около фунта. Хлеб (или тесто) сминается шариками или в форме груши величиною с орех обыкновенный или волошский и надевается на крючки от № 5 и мельче. Очень хорошо берут лещи на новоизобретенное английское тесто, продающееся в виде порошка и состоящее из муки с примесью клейкого и пахучего вещества. Некоторые московские рыболовы ловят лещей в прудах на хлеб, смешанный с гречневой кашей; такая насадка пухлее, легче и не вязнет в иле.

Кроме того, изредка прибавляют у нас к хлебу какого-нибудь эфирного масла, преимущественно анисового и так называемый *liqueur aux carpes*, одна из главных составных частей которого – экстракт богородицкой травы (*Thymus serpyllum*), имеющий очень сильный и приятный запах. Барон Черкасов в последнее время советовал прибавлять (к тесту и хлебу) масла родия (*oleum ligni rodii*), которое можно, вероятно, достать в каждой аптеке, как и *Thymus*. Либериш советует для ловли леща употреблять медовый пряник и коврижку. Я знаю одного рыболова, который весьма удачно ловил на хлеб, к которому был примешан толченый шоколад с ванилью. Последняя, несомненно, должна привлекать леща своим запахом, и вообще сильно пахучие вещества для приманивания рыбы издали вовсе не заслуживают пренебрежения, оказываемого им большинством русских рыболовов. Только, по моим наблюдениям, пахучие вещества рациональнее употреблять в стоячих водах, чем в текучих, по той причине, что в прудах, хотя и медленно, запах распространяется во все стороны, на течении же – только в одном направлении, притом очень узкою струей.

На пшеницу или другую кашу, подобно сазану, лещей если и ловят, то очень редко. Еще реже удят их на пареные зерна пшеницы, ячменя и других злаков, но местами, например в Воронежской губернии, употребляют в качестве насадки круто сваренную кашу из пшеницы и ржи с достаточной примесью мелких отрубей и муки. Надевают эту насадку на крючок плотно смятыми кусочками.

Лучше всего лещи берут на пареный горох, и многие рыболовы употребляют исключительно эту насадку, приваживая тоже горохом. К сожалению, насадка эта весьма капризна в приготовлении: то ее не допаришь, то перепаришь, то она разваливается пополам и не держится на крючке, то слишком жестка. Всего лучше готовить горох для насадки по следующему рецепту. Выбрав крупный горох последнего урожая, насыпают его в мешочек так, чтобы он занял треть, и мочат в воде в течение 6–8 часов. Затем варят на слабом огне 1½–2 часа и, откинув на решете, катают в соленом чухонском масле (Веневитинов). По моим замечаниям, особенно любят горох подлещики и некрупные лещи. Насаживают его на крючок № 5–6, с коротким стержнем, по одной горошине, но лучше по нескольку, так, чтобы жало, будучи спрятано в последней, при подсечке свободно из нее выступало. В Друскениках, как говорят, с успехом ловят лещей на горох, надевая его на стержень крючка так, что не только жало, но даже загиб остаются незакрытыми. Это весьма сомнительно, даже при ловле на течении. По всей вероятности, лещи еще удачнее

будут ловиться на молодой горох или на вареный зеленый горошек, что и советую попробовать.

Во Франции, кажется, гороху предпочитают простой русский боб, на который, по-видимому, берет более крупный лещ. В юго-западных губерниях иногда удят лещей и на кукурузные зерна, преимущественно молодые, молочные; они насаживаются, как и горох. По словам Курбатова, в Августовском канале насадкою служит полусырой картофель. Вообще на картофель в качестве приманки следовало бы обратить побольше внимания, так как его любят многие рыбы. В последнее время барон Черкасов указывал на саго (тапиоку) как на хорошую насадку для плотвы, леща, ельца и голавля. Шероховатые кусочки саго (продающегося 40 к. фунт) обваривают крутым кипятком и оставляют преть в закрытом сосуде часов 12; затем его кипятят, и оно делается совершенно прозрачным. Не думаю, впрочем, чтобы тапиока составляла очень лако мую приманку, да притом на крючке она не может держаться достаточно крепко.

Одни из лещатников-рыболовов ловят лещей исключительно с берега, другие, напротив, предпочитают ужение с лодки. Бывают, разумеется, такие условия, что удобнее ловить сидя на берегу, чем с лодки, особенно под ярами, где сейчас же начинается значительная глубина, но в большинстве случаев выгоднее ловить с лодки, которая дает возможность стать где угодно и бросать приваду только для себя, а не для всякого проходимца. Поэтому береговые лещатники ловят всегда меньше ездовых, и главная добыча их приходится на ночь и сумерки, когда лещи подходят к берегам. Первые, притом по необходимости, должны чаще прибегать к донным, закидным удочкам, чем к поплавочным; ужение же на донную, вообще ужение не совсем правильное, тем более по отношению к такой неверно берущей рыбе, как лещ, и может употребляться лишь в крайности, когда или место или время не допускают ловли с длинным удилищем, поплавочным или нахл ыстовым. Нельзя не принять в соображение, что во многих государствах Западной Европы ловля на донную вообще, а ночная в особенности принадлежит к числу запрещенных.

Некоторые любители устраивают для ужения особые мостки, как и для ловли карпов. Такие полати-седалки удобны, только когда они на виду или под контролем; в противном случае ими будут пользоваться другие. Рыболовы же, имеющие лодки, все на перечете (кроме больших городов), и они редко станут становиться на чужую приваду и притыкаться к чужим кольям. Так как почти всегда приходится ловить лещей в тихой воде и на приваженном месте, то лодку ставят всегда в одном положении, наиболее удобном. Ее или вдвигают (носом) в береговой камыш или тростник, стараясь не очень его ломать и шуметь, или привязывают носом же к берегу, в котором иногда для этой цели прокапывают канаву. Хорошо также прикреплять лодку к лозниковым кустам, нависшим над берегом. Наконец, лодку привязывают к сваям, устоям моста, закрепляют около быков и ледорезов или же вбивают постоянные колья. Во всех случаях необходимо, чтобы лодка была не качка (лучше всего плоскодонная) и чтобы она не моталась от ветра или течения; поэтому лучше всего вбивать не два, а три кола: два по сторонам носа и один у кормы. Воронежские лещатники, по-видимому, предпочитают ловить лещей на перетяжке, т. е. удерживая лодку на веревке, перетянутой через реку. Способ этот очень хорош, но не везде доступен, и о нем я буду еще иметь случай говорить впоследствии.

Лодка ни в каком случае не должна «пускать волны», даже при резких движениях рыболова. На открытых местах ее, кроме того, не только полезно, но иногда почти необходимо бывает маскировать искусственными кучами травы или снопами куги и камыша. Известно положительно, что шум на приваде на более или менее долгое время отгоняет лещей. Есть наблюдение, указывающее, что иногда лещи и остаются на месте, но поднимаются вполводы и, наклонившись мордами по направлению к

приваде, стоят так по несколько часов, пока одному из них не придет в голову опуститься на дно и увлечь за собою остальных. В худшем случае лодка дает возможность занять место, неудобное для ловли с берега. Главная же заслуга лодки заключается в том, что с лодки можно ловить где угодно и притом закидывать удочки гораздо дальше от себя, чем при ловле с берега.

О закидывании удочек уже было говорено выше. Здесь скажу только, что поплавки должно ставить не ближе 6 аршин от лодки, еще лучше аршин на 8–10, и что прикормку следует бросать главным образом туда же, где будут стоять поплавки. Ближе к лодке ходят только плотва да подлещик, присутствие которого часто узнается по игре его поверху, причем он так же «брызгается», как и плотва. Удить следует одному и забрасывать не более трех удочек; товарищ будет только мешать, да и большое число удочек прибавит излишних шума и возни. Поплавки должны быть не ближе сажени один от другого, так, чтобы резко приходилось после подсечки вынимать другие удочки, во избежание путаницы.

Насадка и грузило должны обязательно лежать на дне; на весу лещ берет только в травянистых местах, т. е. случайно. Эта рыба почти всегда, тем более на приваде, ищет корм на самом дне; будучи очень умен и осторожен, лещ даже не подойдет к подозрительно висящей на привязи насадке, и необходимо, чтобы насадка не казалась бы ему нераздельною с стоящею вертикально лескою и находилась бы поодаль от нее. Но слишком длинный поводок делает поклевку менее заметною, что будет ясно далее. Расстояние от грузила до поплавок должно быть несколько более глубины данного места и определяется экспериментально, без помощи лота, который производит слишком много шума. При ветре этот излишек должен быть около вершка, а на течении – значительно больше. При ужении лещей нет надобности, чтобы поплавки стояли торчком и сидели бы глубоко в воде; напротив, при несколько наклонном его положении (если только не мешает ветер) видно бывает самую тонкую поклевку, даже сдвигание грузила с места, не только его поднятие кверху.

Поклевка леща, как и других рыб, несколько варьирует, смотря по величине рыбы, времени года, местности, течению, а всего более сообразно насадке. Но почти всегда при обыкновенной ловле с поплавком лещ кладет поплавок на воду, и эта характерная лещевая поклевка объясняется тем, что лещ, взяв своим сухим ртом, вытягивающимся в виде хобота, насадку со дна, для чего он должен или лечь на бок, или стать вертикально, хвостом кверху, принимает затем горизонтальное положение и поднимает грузило. Очевидно, что последнее не должно быть тяжело и далеко отстоять от насадки, т. е., что поводок не должен быть длиннее 5–6 вершков. Самые крупные лещи имеют, впрочем, пол-аршина в ширину при аршинной длине.

Подняв насадку, лещ некоторое время, иногда минуту-две, держит ее в губах, как бы смакуя, не трогаясь с места; затем или идет в сторону и везет за собой поплавок, заглатывая на ходу, или, что бывает много чаще, нащупывает крючок и выплевывает приманку. Одни рыболовы утверждают, что лещей следует подсекать, как только стоячий поплавок ляжет плашмя на воду, другие – что надо выждать, когда поплавок из горизонтального положения перейдет снова в вертикальное и начнет погружаться в воду. Первое мнение вернее, но торопиться не следует и лучше выждать тот момент, как поплавок закачается; это означает, что лещ, смакуя насадку, начинает вбирать ее в рот, а не держит ее за кончик. Я замечал, однако, что при ловле на хлеб полезнее выждать несколько лишних мгновений, чем при ловле на кучу красненьких. Может быть, впрочем, это продолжительное смакование зависело от прибавления к хлебу пахучих веществ. Иногда, прежде чем поплавок ляжет, он начнет качаться, т. е. рыба толкает носом, пихает насадку, потом берет ее своими губами, вытягивающимися (у крупного) на целый вершок.

Несомненно, что при большом количестве прикормки лещ клюет очень слабо и

вяло. Во-первых, пот ому, что сыт, а во-вторых, потому, что подбирает корм (и насадку) почти не двигаясь с места. Во всяком случае, как только поплавок начал колебаться и принимает лежачее положение, необходимо наложить руку на удочку и быть готовым к подсечке. В редких случаях поплавок вдруг совсем выскакивает или, вернее, выпрыгивает из воды. Это означает, что рыба быстро подняла высоко грузило. Большею частью так клюет крупный лещ, который иногда сразу утаскивает поплавок. На течении же лещ не всегда кладет поплавок, и нередко бывает, что последний (при ужении ноттингемским способом) или задерживается на месте, или плывет в сторону. Но ужение лещей на течении, тем более на плывущую насадку – ловля случайная, еще более случайная и неверная, чем ужение на донную.

На не особенно сильном течении гораздо практичнее ловить на грубый поплавок с тяжелым сквозным, лучше всего плоским грузилом. Впрочем, этим способом можно весьма успешно удить и в стоячей воде, получая возможность забрасывать очень далеко и употреблять скользящие поплавки и очень длинные поводки. Само собою разумеется, что поклевка при таком грузиле, остающемся неподвижным, передается поплавку совершенно иначе, и он не ложится более, а окунается, почему из воды должен торчать лишь его кончик.

Настоящее ужение на донную употребляется как в реках, на течении, так и в стоячей воде. На течении ловить удобнее, потому что леска не провисает и поклевка заметнее; с лодки лучше, чем с берега. Днем на донную ловят редко; насадкою служит выползок, куча красненьких, реже хлеб. На донную лещ почти всегда берет тихо и неверно, и только продолжительная практика укажет время подсечки. Лещ почти никогда не звонит, а если и зазвонит, то немедленно выплевывает насадку. В реке на слабом течении обыкновенно приходится подсекать, когда леска закачается, зачастую. Кроме того, в большинстве случаев, взяв насадку в рот, лещ идет дальше, против течения, ослабляя леску и, следовательно, подсечку. На хлеб в реке лещ берет еще менее верно; большею частью он сначала легонько потянет, раза два качнув слегка удильник, затем везет в сторону или вперед. В прудах тоже на всякую насадку подсекать надо, как только леска закачается и ослабнет. До сих пор никто еще, кажется, не пробовал ловить на донную с тяжелым сквозным грузилом, но такое грузило делало бы забрасывание и подсечку в тихой или стоячей воде более правильными. На течении же, при ловле с просверленным грузилом, вероятно, подсекать еще скорее – как только почувствуется потяжка.

Так как у леща губы очень сухи, а насадку он не только не заглатывает, но редко забирает ее в рот, то подсечка должна быть достаточно сильна и резка. Лещ, очевидно, очень чувствителен к боли и при подсечке шалет, так как даже крупные лещи зачастую покорно идут на поверхность. На первое мгновение крупный лещ после подсечки делает впечатление задева. Сравнительно с другими рыбами одинакового веса он оказывает наименьшее сопротивление и идет очень ходко, становясь то одним, то другим боком. Очевидно, он с перепуга теряет способность управлять плавниками и никак не может сохранить равновесие. Несколько кругов, даже один – и лещ, как доска, всплывает наверх. Держа леску на слаби между двумя пальцами в расстоянии 1–1 1/2 аршина от рыбы, ее осторожно подводят к лодке. Заправские лещатники никогда не станут подхватывать пойманного леща сачком, так как при этом трудно обойтись без возни и шума, который отгоняет других лещей с привады. Поэтому леща вытаскивают за глазные впадины и, прежде чем он успеет очнуться от обморочного состояния, проворно впахивают его в садок и опускают его поглубже в воду, предварительно завязав крышку покрепче; в противном случае лещ умудрится выскочить из заключения. Некоторые рыболовы предпочитают сейчас же прикалывать пойманного леща и класть в солому на лодке. В лодке живой лещ очень бьется и производит страшный грохот. «Первый признак дельного лещатника заключается, – говорит один из рыболовов, – в том, что он ухитряется не

только поймать, снять с крючка, но и опустить добычу в рядом привязанный садок или, иногда прирезав ее в мозжечок, положить под себя, в солому так тихо, чтобы рядом находящийся другой охотник совершенно не услышал бы шороха и не мог бы себе составить идеи о поимке соседом даже крупного экземпляра – калинника. Лещ, как известно каждому, весьма осторожен, а потому если, ожидая его хорошего клева, случайно придется подсечь язя, сазана или какую-либо другую большую или сильную рыбу, то лучше, чтобы не испортить охоты, пожертвовать случайной добычей и даже удочкой, бросив ее в воду на произвол судьбы».

Рис. 155. Поденка

(метла) и ее превращения

Кроме описанных способов ловли лещей, есть еще два малоизвестных и малоупотребительных, но местами чрезвычайно добычливых. Это ловля на метлу и ловля нахлыстом на овес.

На некоторых реках (Северо-Западной, Северной, частью Средней России), имеющих иловатые берега, в берегах этих выводится громадное количество большею частью беловатых перепончатокрылых насекомых, называемых метлицей, мотуликой (так как, появляясь в большом количестве, она напоминает снежную метель) или же поденками, потому что они живут в виде совершенного насекомого один-два дня.

В этот кратковременный период своего существования поденка кладет яйца, из которых выходят личинки – маленькие беленькие червячки, зарывающиеся в глинистый ил или песок и живущие в своих норках до следующего лета; тогда червячки превращаются в куколку, которая вскоре выползает из норки и поднимается на поверхность или влезает на траву, на бревна плотов и на берег; здесь оболочка ее лопаается, и из куколки выходит крылатое насекомое. Вылет метлы (на Немане летицы или отицы) совершается ночью в летние месяцы (в конце июня и в июле, реже в августе и еще реже в мае), смотря по тому, к какому виду она принадлежит, по широте местности, и, наконец, по реке. По-видимому, на каждой реке, представляющей удобства для жизни этого насекомого, живет в большом количестве только один вид поденки, валовой вылет которой совершается почти всегда в одно и то же время года (разница бывает не более недели) и продолжается несколько дней. Местами, впрочем, метлица (вероятно, разные виды ее) продолжает падать гораздо долее, несколько недель, но в небольшом количестве. Обыкновенно

сначала появляются самцы (более темные и с длинным двойным-тройным хвостиком). Затем, через день-два, вылетают самки, более крупные, белесые (вообще более светлые) и толстобрюхие. Большею частью (но не всегда) прежде всего метла начинает падать в устье, и чем далее вверх, тем она вылетает позднее. Поэтому во время падения метлы рыба стаями поднимается вверх по течению и нередко доходит до верховьев реки. Всего больше падают метлы перед восходом; появляется же метла за час до заката, а к 6 часам утра летающей уже не видно. Большая часть метлицы падает в воду и делается добычей рыб, для которых она составляет самую лакомую пищу, так что они нередко объедаются ею и умирают. Рыба, пойманная во время главной валки метлицы, очень скоро снет, покрывается красными пятнами, и мясо ее всегда гораздо рыхлее и безвкуснее обыкновенного. Это не мешает, разумеется, рыболовам ловить ее в огромном количестве как в сети, так и на удочку. Ни на какую другую насадку рыба в это время почти не берет, даже на рака (тем более что тогда, обыкновенно в июле, линючие раки встречаются реже), потому что ночью держится близко от поверхности, а на день, наевшись до отвала, уходит вглубь и лежит там, почти не двигаясь, до заката.

Как только появится метлица в большом количестве, рыбаки делают запасы ее для привады и насадки. Наловить ее можно очень много, махая частым сачком (или из кисеи), даже мокрым решетом. Другие добывают метлу, плывя ночью в лодке и махая пучком зажженной лучины; обожженные насекомые падают в лодку, на разостланное холстинное покрывало. Еще лучше и удобнее делать для этой цели так называемые заплывы. В берег или в вершину язка (см. далее) укрепляют длинное бревно; к противоположному концу бревна привязывается веревка, бревно заводится несколько наискось против течения и удерживается в таком положении веревкой. К этому заплыву течением прибывает масса метлы, которая частью служит прикормкой непосредственно, частью собирается сачками – для ловли и привады, опускаемой на дно в нескольких мешках из рединки и меняемой ежедневно. Для насадки лучше употреблять метлу, только что пойманную сачком, так как она очень нежна и скоро портится. Впрочем, ее можно сохранять на льду в течение 2–3 дней, укладывая в мелкие корзины или, еще лучше, в луночки, делаемые во льду. Многие делают большие запасы метлицы, высушивая ее в печи или на воздухе. Такая сушеная метла годится только для привады.

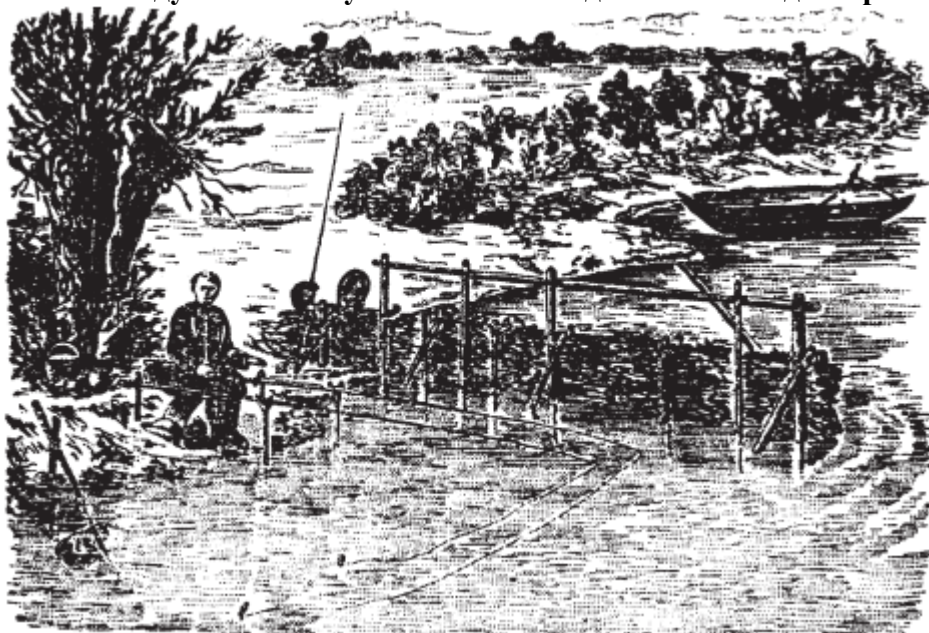

Рис. 156. Язок и

уженья на метлу

Удят на метлу преимущественно с берега или п лотов, на местах с чистым

хрящеватым дном, которое заблаговременно очищают от коряг и задевов. В высокое стояние воды замечено, что рыба берет лучше на песках и более мелких местах, поблизости от омутов и крутояров; в низкую воду, напротив, она берет большею частью на самых глубоких местах. Так как на быстром течении ловить неудобно, то в таких местах весьма полезно устраивать язки или заязки (рис. 156). На Шексне язки делаются из 8 пар кольев, которые идут от берега вглубь, не совсем перпендикулярно к руслу, а несколько наискось против течения; каждая пара отстоит от следующей на аршин; последние три пары для большей крепости поддерживаются подпорками. Между кольями грузят до поверхности воды фашичник, раkitник, связанный снопами, так что образуется заводь, где рыба охотно задерживается, тем более что к язку прибывает много метлы и других насекомых. Очевидно, что это сооружение может принести большую пользу рыболову только в реках с быстрым течением. В таких искусственных заводах обыкновенно ловят с поплавком, пуская насадку немного повыше дна, непременно с донной прикормкой из той же метлы. В местах с медленным течением в заязках нет особенной надобности, но здесь удобнее ловить без поплавка и грузила так, чтобы насадка плавала поверху. Вообще во время падения метлы, когда вся рыба вечером, ночью и ранним утром держится у поверхности воды, ужение в наплавную, ловля на нетонущую насадку – нахлыстом должна быть добычливее ужения с грузилом. Надо полагать, что самоогружающиеся поплавки (см. «Голавль») окажутся здесь весьма полезными. Донные удочки при ловле на метлу почти вовсе не употребляются.

Вся снасть для ужения на метлу на Шексне, особенно внаплавную, делается гораздо тоньше, чем для ужения на рака. Удилище выбирается длинное и гибкое (березовое), леска не толще 6 волос, с тонким поводком и маленьким крючком, не крупнее 10-го номера. Поплавок тоже должен быть легок и чувствителен. Для ловли в наплавную, чтобы удобнее было закидывать леску, необходимо делать так называемый прививок. Насаживать метлу довольно трудно, так как она плохо держится на крючке. Лучше всего выбирать для насадки самцов, которые хотя и мельче самок, но тверже телом и прочнее. Обыкновенно насаживают по 2 штуки с хвостика, но можно также употреблять для насадки (особенно на крючки средних размеров при ловле с поплавком) небольшую щепотку метлы, обматывая и прикрепляя ее к крючку белым конским волосом или ниткой.

Нечего и говорить, что ловля на метлу и внаплавную гораздо труднее ловли с поплавком. Всего более ловят на метлу лещей и язей. Местами вместо метлицы насаживают личинки ее, которые держатся крепче. Добыть их можно сколько угодно сачком из марли.

В конце июля или в начале августа, как только начнет наливаться овес, в некоторых местностях Средней России употребляется особый способ ужения без поплавка – нахлыстом на молодой овес, до которого очень падка большая часть рыб, особенно же лещи, язи и голавл и. Эта едва ли не самая трудная ловля может производиться только на небольших реках (скорее речках), имеющих голые берега, и не иначе как вдвоем, с помощником.

Удилище здесь должно быть легкое, тонкое, гибкое, но вместе с тем чрезвычайно упругое, так, чтобы могло сгибаться в кольцо и потом быстро выпрямляться. (Об ужение нахлыстом и нахлыстовых удилищах см. «Форель» и «Язь».) Наилучшая длина его 6–6½ аршина. Складные удилища здесь не употребляются, а из цельных всего пригоднее березовые. Леска должна быть здесь очень длинная – от 6 до 10 сажен, смотря по ширине реки, в 3–9 волос, непременно волосяная и лучше плетеная, чем витая. Крючок – самых мелких номеров (№ 10–12), поводок – отборный конский волос или самая тонкая жилка (буйволов волос).

Для того чтобы иметь возможность забросить такую длинную и легкую леску, гибкости удилища бывает недостаточно, а потому конец лесы, который

привязывается к удилищу, должен быть гораздо толще всей остальной части. Это достигается тем, что верхний конец лесы обвивают или оплетают несколькими такими же лесками. Этот так называемый прививок бывает толщиной вверху до 40–50 волос, а длиной от одного до 2 и более аршин, причем книзу постепенно утончается в виде круга. К удилищу он привязывается не как обыкновенная леска, а крепкими нитками, так что составляет как бы продолжение верхушки удильника. Вообще при ловле нахлыстом (на кузнечика, метлу, майского жука), когда употребляется леска гораздо длиннее удилища, прививок значительно облегчает закидывание и для малоопытных рыболовов даже необходим.

Самая ловля производится следующим образом. Прежде всего заблаговременно насмурыгивают в мешок овса, примерно восьмушку, и самые крупные зерна отбирают. Затем, часов в 7 пополудни, когда свалит жар, рыболов с удочкой и отборными овсянами отправляется на реку с товарищем-помощником, несущим мешок с овсом. Один из них переходит на другую сторону реки, причем рыболов должен стоять на низменном берегу, в расстоянии 100–200 или более шагов от помощника. Последний бросает горстями овес, стараясь забрасывать его на быстрину (иначе овес прибьет к берегу) через каждые 5 минут; овес этот доплывает до омута, против которого стоит рыболов; в скором времени находящаяся здесь крупная рыба, увидав плывущую приманку, начинает подниматься на поверхность и хватается овес, который обыкновенно тут несколько задерживается. Как только рыба начала болтать, т. е. хватать зерна, рыболов ловким движением закидывает леску так, чтобы отборная овсянка, насаженная на крючок, тихо, без шума, легла в середину или в передних рядах плывущего овса, и тихо идет вниз по течению, до края омута. Необходимо, чтобы крючок весь был спрятан в овсянке и вместе с тем чтобы жало его выходило совершенно свободно. Охотник зорко следит за своей овсянкой и, лишь только схватит ее рыба, подсекает. Подсекать надо не сильно, чтобы не оборвать губы или поводка. Прежде чем тащить крупную добычу, разумеется, необходимо ее утомить; только когда она всплывет наверх, можно подтаскивать к себе леску и подсачить рыбу. Перезакидывая удочку, следует вытаскивать леску как можно осторожнее, чтобы не испугать рыбы, и забрасывать ее снова у верхнего края омута. Перед закатом, когда охотник уже не может видеть своей овсянки, ловля кончается.

Охота эта бывает иногда очень добычлива и по качеству и количеству рыбы, но она требует острого зрения и большой ловкости для закидывания длинной лески. Когда овес созреет, рыба уже неохотно берет на него, и ужение на овес кончается.

Мясо леща имеет более или менее желтоватый цвет и довольно вкусно, хотя и очень костляво. У очень крупных лещей оно, впрочем, уже несколько приторно, грубо и жестко. В продажу идет частью свежая, частью мороженая и вяленая рыба и в средних губерниях и в Малороссии имеет отличный сбыт, так как очень уважается простым народом. Свежие лещи ценятся довольно дорого – до 30 и более коп. за фунт, немного дешевле судаков. В жаркое время лещ скоро засыхает, но в холодной воде или в снегу, особенно если ему, как это делают в Германии, положить в рот кусочек хлеба, смоченного водкой, он легко проживает несколько часов и может быть перевезен на довольно значительное расстояние. Этим иногда пользуются для пересадки его в пруды и озера, но для последней цели гораздо проще и целесообразнее другое средство, употребляемое при пересадке и весьма многих других карповых рыб: достаточно набрать травы, в которой лещи выметали икру, и перевезти ее в бочке с небольшим количеством воды, для того чтобы лет через пять лещи развелись в изобилии. Заметим также, что в последнее время вошла в употребление икра этой рыбы и под названием красной икры теперь служит уже предметом довольно значительной торговли. Главным образом она идет в юго-западные губернии и Дунайские княжества, но ее можно иметь и в столицах, где она

потребляется в большом количестве простонародьем, в закусовых, но только во время постов. Красная икра очень дешева (кажется, коп. 5 фунт), и я рекомендую ее вниманию рыболовов-охотников в качестве превосходной прикормки, самостоятельной или в смешении с другими съедобными веществами.

Сырть

Abramis Vimba. В Западной и Северо-Западной России – сырть, сыреть; в Волхове тоже – сыртина, сыртинка; в Пскове и Дерпте неправильно – подуст, а в Могилеве и Днестре – кефаль; местами – щеберка; в Южной России – рыбец, рыбчик, иногда селява (?). В Польше – церта, подлуста, подлуска, кобыла (?), цирта, цирфка; в приток. Вислы – чаровница. У русинов – синохуба, сынохуб. У эстов – вимбкала, вемкала, вимба; финск. – сулкава; латышск. – вимба, себрис, шауна, цъивс-цирта, коржис.

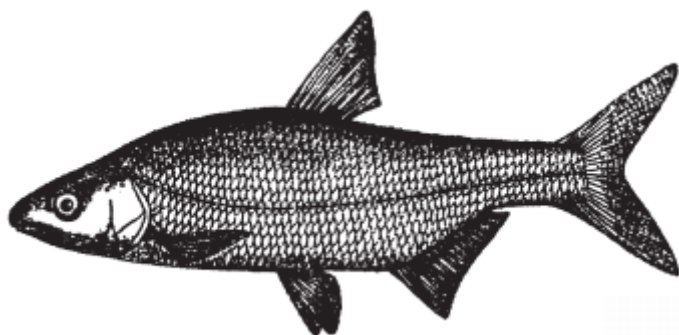

Рис. 157. Сырть

Сырть, иначе рыбец, имеет весьма важное значение для жителей Западной, Юго-Западной и отчасти Южной России; но на севере, равно как и в бассейне р. Волги, он никогда не встречается, и Паллас, вероятно, смешал его с воблой (см. «Плотва»). Из последующих исследователей Волги никто не упоминает об рыбце, хотя и нельзя отрицать возможности перехода его в Волгу через каналы. В Сибири его также нет, хотя Валансьен и утверждает, что он получил эту рыбу из Оби. Вероятно, он смешал его с сырком.

Вообще родина рыба – Средняя Европа. Его вовсе нет во Франции и, по-видимому, в Испании и Италии; но он довольно обыкновенен во всей Германии и Австрии, даже Англии и Швеции. В России сырть достигает северной границы у истока Свири и уже не встречается в Онежском озере; в вершине Финского залива, в южной части Ладожского озера, также в Неве, Нарове и особенно в Волхове она принадлежит к довольно обыкновенным рыбам и заходит отсюда в Мсту, а быть может, и в Верхнюю Волгу. В Ладожском озере, однако, не доходит до Кексгольма, а в Ботническом заливе Биорнеборг служит самым крайним пределом ее распространения. В остзейских губерниях, в северо-западном крае, Польше и Юго-Западной России сырть уже весьма многочисленна, особенно в Днестре и Буге; в Днепре она попадает реже и выше порогов бывает уже в небольшом количестве, хотя доходит до Смоленска. Еще реже рыбец заходит в Дон, но, несмотря на это, в Кубани ловится в очень большом количестве. Кроме того, сырть водится в некоторых больших озерах Северо-Западной России, например в оз. Ильмень, преимущественно в северной его части, куда заходит в небольшом количестве из Волхова.

Рис. 158. Глоточные зубы сырты

< br> По своему удлинённому, выдающемуся носу, который совершенно прикрывает рот, сыръ легко отличается от всех других рыб, и ее можно смешать только с подустом, который действительно представляет с ней некоторое сходство. Но подуст гораздо уже рыба, имеет совершенно другой цвет и узкий заднепроходный плавник (с 15 лучами, у сырты 21–25); притом рот у подуста, будучи раскрыт, имеет не круглую, а четырехугольную форму, брюшина черноватая и чешуя крупнее. Цвет сырты значительно изменяется по временам года. Весною, пред метанием икры, она принадлежит к числу наиболее красивых наших рыб: вся спина делается у нее черною, середина брюха и нижние плавники – красными, а у самцов в это время на голове, жаберных крышках и по краям чешуи развиваются маленькие зерновидные бородавочки. Осенью и зимою спина у рыба голубовато-серая, брюхо серебристо-белое и нижние плавники бледно-желтоватые. По всей вероятности, так называемый лещ-черноглазка (*Abramis melanops*), открытый Нордманом в крымских реках (Салгир), не составляет особого вида, а только видоизменение обыкновенного рыба. Он отличается более коротким и менее выдающимся носом, более узким туловищем, черноватою головою и тем, что на спине его тянется более или менее ясная темная полоса, а плавники, кроме заднепроходного и грудных (белых), имеют черную оторочку. Ростом он редко бывает более фута. По свидетельству некоторых, бывает также помесь сырты с густерой. Нередко рыба представляет более или менее значительные отклонения в цвете, форме плавников и т. п. Так, например, у северной сырты заднепроходный плавник заметно вогнутее, чем это представлено на рисунке.

Сыръ хотя заметно крупнее всех нижеследующих видов лещей, все-таки редко бывает более 7–9 вершков и 2–3 фунтов веса; впрочем, по свидетельству псковских рыбаков, попадаются сырты и в 5 фунтов, но такие составляют уже большую редкость. Эта рыба очень проворная и бойкая: в реках она всегда придерживается быстрой воды и охотно держится на перекатах; вообще она любит свежую холодную и чистую воду, чем отчасти объясняется ее отсутствие в реках Волжского бассейна. Она не боится, однако, солоноватой воды и весьма охотно живет в устьях рек и в больших лиманах, особенно осенью. Пища рыба состоит исключительно из различных насекомых, рачков, червей, моллюсков, реже питается он водяными растениями.

Сырты нерестятся сравнительно поздно – на юге в мае, а в северо-западных губерниях – в конце этого месяца или в начале июня. Перед этим, раннею весною, они собираются в многочисленные и очень густые стаи и из озер, речных устьев иногда идут очень далеко вверх по рекам, так что могут быть причислены к проходным рыбам. Икру мечут они всегда в самом русле в глубоких местах с каменистым дном, на довольно быстро текущей воде; нерест продолжается обыкновенно две недели и, по-видимому, производится только ночью. Икра рыба довольно мелка (с маковое зерно) и довольно многочисленна: в полуторафунтовой самке насчитывается до 30 тысяч яиц. Икра рыбацов прикрепляется всегда к камням, об которые они трутся, и через это, понятно, подвергается гораздо меньшим случайностям и нападениям других рыб, также водяных птиц, чем у рыб, мечущих в траве и на неглубоких местах.

Самые подробные сведения об образе жизни рыба, хотя и довольно разбросанные, мы встречаем у Терлецкого, который наблюдал рыба в Западной Двине и Немане.

Судя по его описанию, сырть названных рек во многих отношениях отличается от сырты Южной России и даже других местностей Северо-Западной России. «Сырть, – говорит Терлецкий, – рыба речная, по крайней мере в Западно-Двинском и Неманском бассейнах; она в озерах не встречается. Как для стоянки, так и ходов летом избирает весьма прихотливые, особенные места, которые определить бывает весьма трудно. Преимущественно держится на воде ходовой, с дном, устланным крупным жвиром или мелким камнем, с различной глубиной. При высоком подъеме воды, впрочем, держится берега и заходит в заводи. Она как дома, так и в походах, которые совершает чаще других речных рыб, постоянно придерживается стада. Самые стада сырты довольно строго группируются по одновозрастности, и в косяках старых или средневозрастных редко встречаются молодые особи и наоборот. Маленькие сыртинки, до двух лет, удалившись на глубокие быстрины, постоянно копаются в песке и между камней, разыскивая яички и личинки водных насекомых, которыми и питаются. Поэтому не только поймать, но и встретить юных рыбок сырты редко удается.

Сырть бросает икру в конце июня или в начале июля месяца. Ни одна рыба пресных вод не готовится к этому торжеству так, как щука или подуст (сырть). Еще недели за две до течки подуст начинает окрашиваться и становится пестрее, блестящее и красивее. Обыкновенно бело-серебристый цвет его чешуи принимает оттенок нежно-палевого и бледно-розового цвета с золотистыми отливами около краев жабр и при соединении плавников.

В Западной Двине замечателен особый ход подуста во время цвета черемухи; во время выколашивания ржи и цвета малины. Велика ли, мала ли вода – подуст поднимается в это время в большие притоки Западной Двины. Надо заметить, что эти подъемы предпринимают сначала малого возраста подусты, потом, во время выколашивания ржи, средние и цвета малины – самые крупные. Говорят: «идет подуст – черемховка, малиновка или путевица». Предполагают, что подуст, готовясь к будущему метанию икры, отыскивает себе заблаговременно удобное для этого место и, как бы ознакомившись с ним, уходит тотчас назад, так что самый ход продолжается только несколько дней.

Подуст для нереста не собирается в стада, а, оставшись в тех самых больших или меньших станичках, в которых его застала (?) самая икра, сначала бродит, отыскивая нерестовые места, а затем, стеснившись за большим камнем, через который, переваливаясь, течение образует падающий каскад, подуст, один за другим, беспрестанно выпрыгивает на самый камень, как бы желая через него переметнуться. Радужные металлические спинки их блестят на солнце, то выдвигаясь, то исчезая в падающей воде, и быстрые взмахи хвостом взметывают беспрестанно светлые вертящиеся струйки. Обыкновенно подуст бросает икру и молоки в течении быстром, каскадном, которое тотчас же их и уносит вниз по течению. Отыскивая удобные места для нереста, подуст нередко заходит в большие притоки рек в значительных станицах, где его и ловят жаками (жожами, мордами), поставленными на быстром месте. Чтобы жак не был так заметен и чтобы образовать около него хотя небольшой каскад, который в это время так привлекает подуста, его обыкновенно оттеняют довольно густо хвоею (?) из ветвей, покрытых листьями или иглами».

Об уженьи рыбаца нам известно еще очень мало, хотя местами, например около Ковно, он составляет чуть ли не главный объект ловли удочкой, так как ценится в свежем виде около 20 копеек штука. Мы имеем только отрывочные и неясные сведения о сырты в северо-западном крае и в Смоленской губ., но до сих пор ни один из киевских рыболовов-охотников не сообщал о том, как ловят эту рыбу на Нижнем Днепре.

Ловят рыбаца весной и летом, реже осенью, когда он лучше берет в озерах, куда,

вероятно, уходит зимовать, чем в реке. В Западной Двине (Терлецкий) он начинает брать с весны (до нереста) на песчаных местах, на донную удочку; летом – на более глубоких, станových или ходовых местах, которые надо отыскать, для чего требуется большое искусство и опытность; в таких местах устраиваются заязки, задерживающие течение и позволяющие ловить с поплавком. В Верхнем Днепре (Корде) сырть ловят больше с лодок или плотов на быстрых, но не особенно глубоких местах (около 2 аршин) на поплавок. Лучшее время дня для ужения – раннее утро и к вечеру. Удят на донную с довольно тяжелым грузилом, сообразно течению (Неман, Западная Двина), особенно весной; также (в Смоленской губ.) на легкие, довольно длинные удочки с небольшим поплавком, груз илом, тонкой и притом короткой (?) леской, так, чтобы расстояние от конца удильника до поплавка не превышало аршина; небольшой крючок с насадкою должен плыть на вершок от дна. В Западной Двине во время падения метлицы, что бывает в конце июля и в начале августа, сырть ходит поверху, и ее ловят на метлику, вероятно, без грузила и поплавка, забрасывая удочку около заязка. Насадкой служит чаще всего червь; в Ковно обыкновенно насаживают на крючок кучу навозных червей, а также, кажется, ловят и на личинку мошкеры (*Phryganea*) – шиворотку. Лучшей насадкой считается раковая шейка, но в верховьях Днепра ловят сырть преимущественно на муравьиные яйца, насаживаемые по 3–4 на крючок (вероятно, не крупнее № 10). В Германии (Ruhlich) рыбки хорошо берут также на печень, нарезанную в виде червяков в 8 сантиметров длиною, но эта насадка вряд ли прочно сидит на крючке, особенно на быстрине; для прикормки же печенька весьма целесообразна, особенно за неимением червей. На хлебные насадки рыба эта вовсе не клюет, хотя на Днепре (Корде) обязательно употребление прикормки из конопляных выжимок, которые кладутся в редкий мешок или частую сетку и с бечевкой опускаются на шесте в воду (с плота или лодки) так, чтобы мешок не доходил до дна на вершок. Вероятно, рыбец привлекается здесь главным образом запахом прикормки. На удочке сырть ходит несравненно бойчее леща одинакового веса (и сильнее даже подуста) и не так скоро утомляется, но вне воды снег скорее последнего.

Из сказанного можно заключить, что ужение рыбеца имеет довольно много общего с ужением подустов, а потому следовало бы попробовать ловить его в проводку и на пробочку (см. «Язь») или – еще лучше – ноттингемским способом (см. «Усач»). Несомненно также, что гораздо удобнее будет ловить эту рыбу на мотыля, который встречается чуть не во всех реках и прудах, хотя не везде его знают и умеют добывать (вымывать из ила), а для прикормки употреблять глину с замешанными в ней мотылями или же муравьиными яйцами.

; По вкусу мяса сырть принадлежит к лучшим и наиболее ценным карповым рыбам. Мясо ее очень бело, нежно, сочно и, прокопченное, мало уступает в достоинстве и цене шемае; в Днепре она обыкновенно ценится почти наравне с вырезубом, а на Немане, как сказано, свежий рыбец (около фунта на круг) продается на месте по 20 к. за штуку.

Во время нереста производится главная ловля сыртей – частью неводами, частью плавными сетями. В остальное время года они крайне осторожны и редко попадают в сети (исключительно плавные), и то только в озерках и устьях рек, куда они возвращаются, выметав икру, притом почти всегда по ночам. В Днепре, также у Таврического берега для рыбеца очень часто устраивают искусственные нерестилища, так называемые гребли, т. е. искусственные каменные гряды. Кучи камней, в виде небольшого мыса, выдающегося на сажень или полторы в глубину реки, наваливаются у крутого берега, где глубина достигает трех сажен и куда прибывает течение. Чтобы эту кучу не размыло, по концам ее вбивают несколько тонких свай и переплетают хворостом. Во время нереста на гребле расстилают сеть, так называемую хватку. Иногда на одной гребле наваливается от четырех до пяти

тысяч штук рыба, и, несмотря на то, надо признать этот лов одним из наиболее безвредных, так как часть рыбы всегда успевает выметать икру в описанном искусственном нерестилище.

Самый значительный лов сырты производится в Азовском море и устьях Кубани, откуда под названием рыба развозят ее в вяленом или копченом виде (причем иногда распластывают пополам) во всей Южной России. Очень может быть, что и самое название сырть, сыреть произошло от того, что мясо этой рыбы очень сочно – сыро.

Синец

Abramis ballerus. В Южной России – синец, иногда – синьга, на Суре иногда тоже – синтепа; в Никополе – кривохвостый (?) синец; в Нов. Ладоге и по Волхову – сопа, сопняк, сопинка, сапа, голуха, гладушка; на Ильмене – сопинка; в Орле – пучеглаз; от Вышнего Волочка до Ржева (на Волге) – сопа; в Казанской – синец, синчик, сопа; местами – волжский лещ и ширманчик, в Саратовской губ. также – сопач; в низовьях Волги – сапа; в Польше – бляя, блик, бляек; у эстов – аббакала; латышск. – турбала, дурба, дуре, дурбала, дурро; калм. – толбонг.

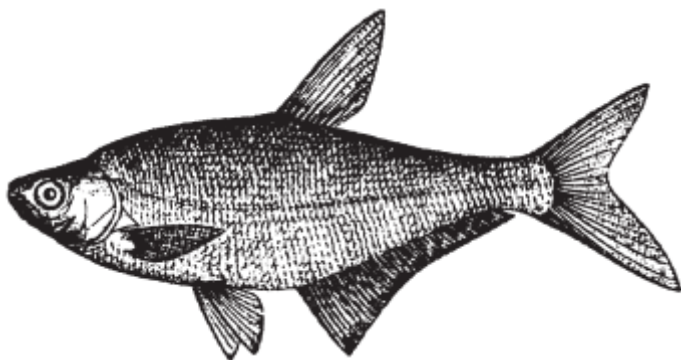

Рис. 159. Синец

По всей вероятности, название «синец» придается этой рыбе потому, что она заметно синеватее прочей бели. Синец легко отличается от других сродных с ним рыб своим необычайно длинным заднепроходным плавником (содержащим от 40 до 44 лучей), мелкой чешуей, также заостренным рылом и несколько обращенным кверху ртом. Кроме того, он еще сильнее сплюснен, чем все другие виды лещей; в особенности хвостовая часть так тонка у него, что просвечивает насквозь; глоточные кости замечательны у него тем, что отростки их очень вытянуты, длинные, узкие, и иногда бывает, что на одной стороне их находится 5 глоточных зубов, а на другой – только 4. Цветом синец сверху синий с зеленоватым отливом; бока и брюхо серебристо-белые с мелким желтоватым или красноватым оттенком; непарные плавники бледно-серые, грудные – желтоватые и тоже с черноватой каемкой. Обыкновенная величина его менее фута и около фунта, но иногда он достигает 2 фунтов веса, а в низовьях южных рек, например в Волге и Урале, даже 3–4 фунтов.

Распространение синца в России значительно обширнее распространения сырты. Он встречается в реках, впадающих в Немецкое, Балтийское, Черное, Азовское и Каспийское моря, а также в малосольных частях самих морей, так, например, в Рижском и Финском заливах Балтийского моря, в Одесском заливе Черного моря, в северных частях Азовского и Каспийского морей. Совершенно недостает этой рыбы в водах Беломорского и Аральского бассейнов, а также, сколько известно, в Закавказском крае. В России синец достигает своей северной границы в

Петербургской губ., не доходя до озер Ладожского и Онежского, в реках Финляндии его тоже нет, но он водится в Швеции и большей части Средней Европы, за исключением Голландии и Баварии. Во Франции, Испании, Италии, а также в Англии синца нет вовсе.

Рис. 160. Глоточные зубы синца

Синец – рыба вполне речная, а потому очень редко встречается даже в больших проточных озерах. Впрочем, по свидетельству академика Бэра, в начале нынешнего столетия он был чрезвычайно многочислен в Чудском озере, из которого исчез только в пятидесятых годах. В настоящее время, сколько известно, он встречается только в Ильмени, но в большом количестве. В небольших реках, также в верховьях, где лещ еще довольно обыкновенен, он уже не водится, разве сюда заходит случайно весной. Так, в Оке под Орлом синец появляется, подобно сомам и чехони, случайно и годом, во время сильного разлива. В наибольшем количестве эта рыба встречается, кажется, в устьях Волги и Урала и на взморье, почему у может быть отнесена к проходным рыбам. Сравнительно с другими дешевыми рыбами в низовьях Волги сапа самая многочисленная; за ней следует лещ, затем густера, количество которой вдвое менее леща и, наконец, белоглазка (глазач). Здесь синец держится или в самом русле реки, или в так называемых чернях, т. е. у морских берегов; в ильменях и заливных озерах он бывает только весной до тех пор, пока вода не пойдет на убыль, почему его никогда не удастся ловить в запираемых старицах. Но вообще он большею частью придерживается берегов или предпочитает тихую, не быструю, хотя и глубокую воду, где и отыскивает себе насекомых, червяков; иногда питается и травой.

В Волгу со взморья синец (называемый здесь обыкновенно сапой) трогается очень рано, так что главные массы его тянутся обыкновенно вслед за воблюю (морскою плотвою), в марте, почему ловцы говорят, что весной впереди всей рыбы вобла и сапа. Мечет икру сапа здесь одновременно с воблой и лещом – во второй половине апреля, как и в Южной России, но в средних губерниях нерест ее бывает значительно позднее – в мае и даже в начале июня. В низовьях Волги сапа мечет икру преимущественно в ильменях и на разливах, а на Средней Волге – в русле и притом на довольно быстром течении. Косяки мечущей рыбы в Волжской дельте бывают так велики и набивается ее в ильмене так много, что человеку нет возможности перейти вброд через те места, где она играет. В это время у самцов почти все плавники покрываются как бы черными точками, а на чешуях у заднего прохода замечаются роговые широкие сплюснутые бородавки. Икру выметывает синец таким же способом, как и лещ; затем (в низовьях) уходит в реку и в черни, а часть выклюнувшейся молоди остается в ильменях. По наблюдениям В. Е. Яковлева, у которого мы заимствуем все сведения, относящиеся к Нижней Волге, пребывание в реке или ильмене имеет огромное влияние на рост рыбы: годовые особи сапы, попадающиеся в мае по ильменям и канавам для орошения садов, имеют в длину около 10сантиметров, речные же экземпляры достигают через год половины нормальной величины, т. е. 20 сантиметров и даже несколько более. У самки, не особенно крупной (в 37 сантиметров), высчитано более 76 тысяч икринок, так что эта рыба по своему плодородию несколько уступает лещу. На Средней Волге ход синца начинается, наоборот, позднее всех рыб, и появление его здесь в большом

количестве считается признаком, что лов хорошей рыбы уже кончился.

На Нижней Волге всегда замечается еще другой осенний ход сапы, который иногда бывает еще значительнее весеннего. Начиная с конца лета и во всю осень, сапа со взморья, куда она удалилась после нереста, сопутствуемая, вероятно, молодыми, еще не метавшими икру особями, идет в реку на зимовку. Замечено, что осенью косяки ее двигаются следом за чехонью, с которой вместе и заходят на глубокие места, под затонами и ярами, где течения почти нет; на среднем течении Волги большие зимние становища сапы замечаются очень редко, но в Урал, ревниво оберегаемый казаками от всего, что, по их мнению, может помешать ходу рыбы в реку на зимовку, синец поднимается в большом количестве очень высоко. Здесь, по свидетельству Северцова, синцы часто встречаются зимой вместе с красной рыбой. Впрочем, и в низовьях Волги рыба эта лежит на ямах не особенно крепко и уже при легких морях (морских ветрах, нагоняющих воду) начинает бродить по реке, поднимаясь исподволь вверх.

В Астраханской губернии, а тем более в Уральской области сапа в свежем виде в пишу не употребляется, да и в торговле лишь недавно получила некоторое значение. Лет тридцать–тридцать пять назад она шла исключительно на жиротопление, которое производилось, как всегда, осенью, так как в это время года вся вообще рыба жирнее и нет такого горячего лова, как весной. Из 42 пудов сапы получался только пуд жира хорошего качества; операция эта за свою невыгодность, а также вследствие увеличившегося спроса на дешевую рыбу теперь уже давно оставлена, и сапа в большом количестве вывозится из Астраханской губ. в сухом виде (карбовкой) и малосолом, а также мороженою – зимой. Карбовка продавалась (в 1880 году) до 5 руб. за тысячу, а малосоль – от 7 до 8 р. В Казанской и Рязанской (на р. Проне) губерниях синца начали солить, а также коптить еще ранее, чем в Астраханской. Количество вывозимой с низовьев Волги сапы в 1873–1874 году только в соленом виде доходило до 10 миллионов штук (80 тысяч пудов), и вообще количество этой рыбы, обращающейся в торговле, следует принять до 20 миллионов штук.

Об уженье синца почти ничего неизвестно, кроме того, что он изредка попадает в тех же местах, где и лещ, и на те же насадки и что клев синца почти не отличается от клева леща. Было бы весьма желательно, чтобы саратовские и другие рыболовы-охотники Средней и частью Нижней Волги дали об уженье этой рыбы хотя бы некоторые сведения.

Густера

Вісса bjorkna. Почти во всей России – густера и ли густыра; в Малороссии – плоскиря (то же в Воронежск. губ.), плоскирка, плоскушка, или ласкиря, ласкирка, мелкая – лупирка, местами – кругляк. В Пскове – беребера, биребра, беребра; в Дерпте – перебра; по Нарове также – морда, быстеря; иногда неправильно – плотва, подлещик; на Зап. Двине – лётка; в Витебской губ. – густерина, подлещик; на Суне (Онежское оз.) – лопарь; в Вытегре – латик, в р. Водле – парик, в р. Ковже – реста и местами (в Олонецк. губ.) – тарабашка (Петров); во Владимирской губ. – карзоха (Даль) и казоха; на Оке (Коломна) – кресня; на Клязьме – лопырь; на Суре – калиновка; местами – бережник, таловирка (на Дону); на Исети – чиклея (?); на Нижней Волге от Самары неправильно – тарань, иногда – плотва; в Цареве – горбыль; в Гродненской губ. – бержела, в Польше (Варшава) – крумпья; также – гущера, лещик, бжела, подлещик; то же (по Бенеке) – пицуш; в верх. Вислы – клапка, клепка, кромп. Лит. – плакис; финск. (Сердоболь) – лоппери (отсюда – лопарь, см. в томе 1), варолайнен; у эстов – нуро-кала, латтикасхора-пойг; у ижоров – латтика;

латышск. – плиухшки; тат. – тром; калм. – хадрик (Гмелин), даара, дарахан; черем., каз. – талдаш.

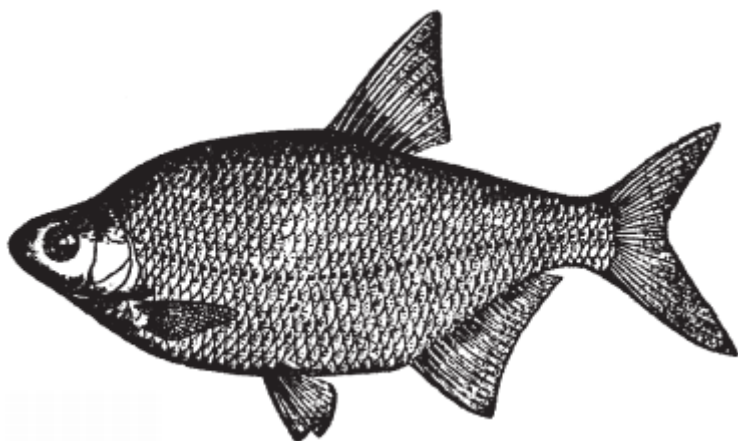

Рис. 161. Густера

Густера отличается от вышеописанных видов лещей исключительно числом и расположением глоточных зубов, которых находится с каждой стороны не по пяти, а по семи, и притом в два ряда. Формою тела она весьма похожа на молодого леща или, вернее, подлещика, но имеет меньшее число лучей в спинном (3 простых и 8 ветвистых) и заднепроходном (3 простых и 20–24 ветвистых) плавниках; кроме того, чешуя у нее заметно крупнее, а парные плавники имеют красноватый цвет. Тело густеры сильно сплющено, и высота его составляет не менее трети всей длины его; нос у нее тупой, глаза большие, серебристые; спина голубовато-серая, бока туловища голубовато-серебристые; непарные плавники серые, а парные при основании красные или красноватые, к вершине темно-серые. Впрочем, эта рыба, смотря по возрасту, времени года и местным условиям, представляет значительные видоизменения.

Рис. 162. Глоточные зубы густеры

Густера никогда не достигает значительной величины. Большею частью она бывает не более 1 фунта и менее фута в длину; реже попадаются полутора- и двухфунтовые, и только в немногих местностях, например в Финском заливе, Ладожском озере, она доходит весом до 3 фунтов.

Эта рыба имеет гораздо более обширное распространение, чем сырть, синец и глазач. Густера встречается почти во всех странах Европы: Франции, Англии, Швеции, Норвегии, во всей Германии, Швейцарии, и ее нет, кажется, только в Южной Европе. Во всех же вышеозначенных местностях она принадлежит к весьма обыкновенным рыбам. В России густера водится во всех реках, иногда даже речках, также в озерах, особенно в северо-западных губерниях, и проточных прудах; в Финляндии она доходит до 62° с. ш.; встречается и в северных частях Онежского озера, а в Северной России идет еще далее – до Архангельска. В Печоре ее, кажется, уже нет, а в Сибири она была найдена только недавно (Варпаховский) в р. Исети, притоке Тобола. В Туркестанском крае густеры нет, а в Закавказье она до сего времени найдена была в устьях Куры и в оз. Палеостоме, у берегов Черного моря.

Густера – рыба вялая, ленивая и, подобно лещу, любит воду тихую, глубокую,

довольно теплую, с иловатым или глинистым дном, почему очень часто встречается с этим последним. Она долго живет на одном месте и всего охотнее держится у самых берегов (отсюда французское название ее— *la Bordelie`re* и русское бережник), особенно в ветер, так как валы, размывая берега, а на мелких местах самое дно, обнаруживают различных червяков и личинок. В небольшом количестве она, по-видимому, держится в устьях рек и на самом взморье, как, например, в устьях Волги и в Финском заливе между Петербургом и Кронштадтом. Весною и осенью густера встречается чрезвычайно густыми стаями, откуда, конечно, и произошло ее общеупотребительное название. Впрочем, она редко совершает очень дальние странствия и почти не доходит, например, до среднего течения Волги, где живет уже своя, местовая, густера. Вообще главная масса этих рыб скопляется в низовьях рек, в море, и, подобно весьма многим другим, она совершает правильные периодические движения: весною идут вверх для нереста, осенью — для зимовки. Входя осенью на зимовку, они ложатся на ямы под перекаты такими большими массами, что в низовьях Волги случается в одну тоню вытаскивать до 30 тысяч штук. Пища густеры почти одинаковая с другими видами лещей: она кормится исключительно тиною и заключенными в ней мелкими моллюсками, рачками и червяками, чаще всего мотылем, но также истребляет и яйца других рыб, особенно (по наблюдениям Блоха) икру красноперки.

Нерест густеры начинается очень поздно, большею частью по окончании нереста леща — в конце мая или в начале июня, на юге несколько ранее. В это время чешуя у нее изменяется в цвете, и парные плавники получают более яркий красный цвет; у самцов, кроме того, на жаберных крышках и по краям чешуи развиваются маленькие зерновидные бугорочки и, которые потом опять исчезают. Обыкновенно мелкая густера мечет икру раньше, крупная позже. В Финском заливе иные рыбаки отличают две породы густеры: одна порода, по их словам, бывает мельче, светлее, нерестится раньше и называется тройскою (по времени нереста), а другая порода — значительно крупнее (до 3 фунтов), темнее цветом, нерестится позднее и называется ивановскою. По наблюдениям же Блоха, в Германии сначала мечет самая крупная густера, через неделю или девять дней — мелкая. Местом нереста густера выбирает травянистые и мелкие заливы и выметывает икру чрезвычайно шумно, подобно лещу, но несравненно смирнее его: в это время иногда даже случается ловить ее руками; в морды же, крылены и бредни ее ловят тогда пудами. Нерестится она обыкновенно с заката до десяти часов утра, и каждый возраст кончает игру в 3—4 ночи, но если помешает холодная погода, то в один день. В самке средней величины Блох насчитал более 100 тыс. икринок. По Зибольду, густера становится способной к размножению очень рано, еще не достигнув 5 дюймов длины, так что надо полагать, что она нерестится по второму году.

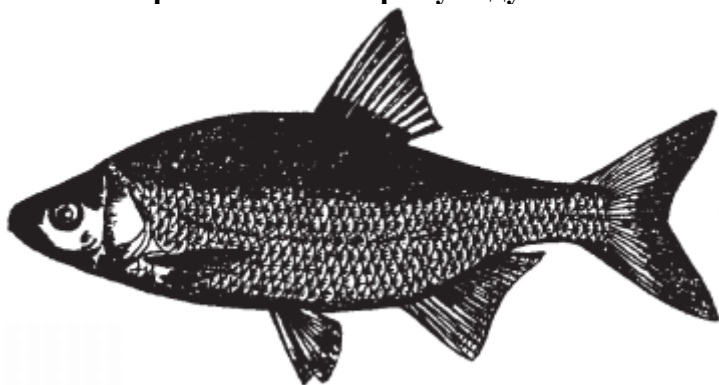

Рис. 163. Вся-рыба

Главная ловля густеры производится весною — неводами, но в низовьях рек, особенно на Волге, еще больший лов этой рыбы бывает осенью. Густера вообще принадлежит к малоценным рыбам и редко готовится впрок, разве когда

ловится в очень большом количестве. Соленая и вяленая густера на Нижней Волге идет в продажу под названием тарани; в остальном Поволжье она большею частью продается в свежем виде и имеет только местный сбыт. Впрочем, она весьма пригодна для ухи и в довольно большей части в приволжских губерниях, где про нее сложилась поговорка: «Крупная густера вкуснее мелкого леща».

Где много густеры, там она очень хорошо идет на удочку, особенно после нереста. Местами удят густеру обыкновенно на червяка, со дна, как и леща, и клев ее сходен с клевом последнего; густера даже еще чаще леща тащит поплавок в сторону, не погружая его, и часто сама себя подсекает. Это едва ли не самая смелая и надоедливая рыба, которая составляет чистое наказание для рыбаков, удящих с прикормкою. Замечено, что она лучше всего берет по ночам. По словам Пospelова, густеру на р. Тезе (во Владим. губ.) ловят будто бы на кусочки соленой селедки (?!). В Германии осенью она также хорошо идет на хлеб с медом, а на Волге ее очень часто ловят и зимою из прорубей (на червя). Зимний клев густеры имеет обычный характер – она сначала дергает, затем слегка топит. Для ловли сомов, щук и крупных окуней густера – одна из лучших насадок, так как она много живучее других видов лещей.

Во многих местностях России, например в Днепре, Днестре, на Средней и Нижней Волге, изредка – обыкновенно в одиночку и в стаях других рыб, большею частью густеры и плотвы (воблы) – попадает одна рыба, занимающая как бы середину между лещами, густерой и плотвой (*Abramidopsis*), на р. Мологе эта рыба называется ряпусой, в Нижнем Новгороде, Казани и на Днепре – вся-рыба, всякая рыба, на том основании, что она походит на разных карповых рыб: на синца, густеру, плотву, красноперку. По мнению рыбаков, а также и некоторых ученых, это ублюдок от леща и плотвы или густеры и плотвы. В Казани один рыбак даже утверждал проф. Кесслеру, что вся-рыба выклевывается из икринок плотвы, оплодотворенных самцами густеры. По форме тела и глоточным зубам эта помесь все-таки ближе подходит к роду *Abramis*. Вышина тела у нее составляет около 2/7 всей длины, рот занимает вершину рыла и нижняя челюсть несколько заворочена кверху; чешуя крупнее, чем у других лещей, и в заднепроходном плавнике насчитывается только 15–18 неветвистых лучей; нижняя лопасть хвостового плавника едва длиннее верхней, чем *Abramidopsis* уже приближается к плотве. Вернее предположить, что это большею частью помесь леща с плотвой.

Подобную же помесь составляет *Bliccopsis abramo-rutilus* *Holandre*, кот орый, вероятно, произошел от густеры и плотвы и изредка был находим там и сям в одиночку, как в Средней Европе, так и в России. По Кесслеру, *Bliccopsis* встречается также в оз. Палеостоме (при устье Риона на Кавказе).

Красноперка

Scardinius erythrophthalmus. Большею частью – красноперка; на Волге (местами) – сорога, сорока, сорожняк, красноперая плотва; в Мологе также – глазач; в Пскове – краснокрылка; в Лужском у. Петерб. губ. – краснокрыл; в притоках Мсты (по Гюльденштедту) – мэндруга (?); по Волхову, в Кинешме и пр. – красноглазка, облущка; в Новгороде – бель; местами – красница, неправильно – плотва, молодая – гарьва, горюга; в Гродненской губ. – кубарь; в Малороссии – черноха, чернуха, чермуха. В Польше – плот, бржега, вздренга, червоно-око, по Блоху также *szarnynkatzegh*. Лат. – рауда, рауди, ручу (?); финск. – сорва; эст. – рузэрг, рудзэрг-кала; зыр. – виршин; бурят. – уланнидын; тат. – тарачан (Блох); калм. – манджисагасс ан. Чувашск. – хирлекос; у черемис. (Каз. губ.) – якшор-синза.

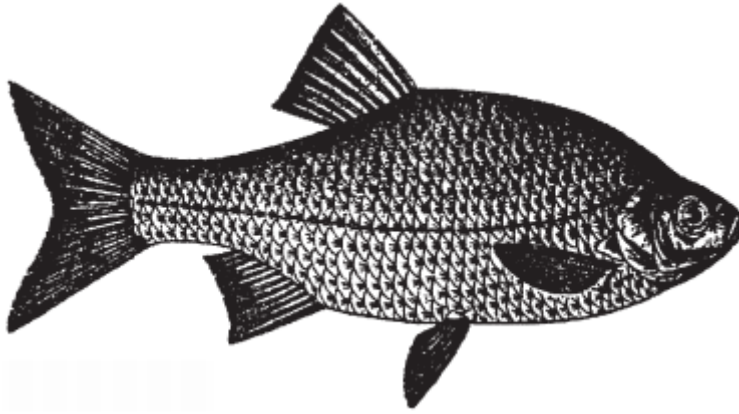

Рис. 164. Красноперка

С первого взгляда красноперка представляет большое сходство с плотвою и, вероятно, часто принимается за последнюю. Но, не говоря о том, что красноперка гораздо красивее плотицы, имеет совсем другие глоточные зубы, она легко может быть отличена по своему косому рту, направленному вверх, по острому выдающемуся ребру на брюхе, по желтой каемке на губах, более мелкой и золотистой чешуе, а также тем, что спинной плавник у нее начинается не над брюшным, как у плотвы, но позади его. Кроме того, красноперка не покрыта слизью, подобно плотве. С каждой стороны у нее находится по 8 зубов, расположенных в 2 ряда, между тем как у плотвы только 6, даже 5 зубов; брюхо, начиная от брюшных плавников до заднепроходного отверстия, образует выдающееся ребро, покрытое чешуями. Красноперка притом всегда несколько толще и шире плотвы и складом более походит на подлещика; кроме того, она желтее, а плавники и глаза ее имеют гораздо более яркий цвет; спина у нее коричневато-зеленая, бока туловища блестящего желтовато-золотистого цвета, а края чешуи с золотисто-коричневой каймой; глаза оранжевые с красным пятном в верхней половине; спинной плавник при основании черноватый, на вершине красный, грудные – серые, на вершине тоже искрасна, а все остальные кровяно-красные, даже малиновые. Вообще, как видно из описания, красноперка одна из самых красивых наших рыб; особенно ярки цвета у крупных во время нереста, молодые же гораздо серебристее, светлее, и плавники у них заметно бледнее. Очень крупные красноперки (свыше 2 ф.) имеют более темную окраску. Изредка попадает особая разность красноперки с красной чешуей, называемая в Вышнем Волочке корольком, т. е. князьком, выродком. Вообще же наши красноперки менее красивы, чем в Западной Европе.

Рис. 165. Глоточные зубы красноперки

<

> Красноперка, хотя несколько крупнее обыкновенной плотвы, принадлежит к довольно мелким и малоценным рыбам. Большею частью она бывает в длину около трети аршина и весом около фунта; более крупные попадаются довольно редко, и только в исключительных случаях она достигает 3 фунтов. Я видел красноперку, случайно попавшуюся в вершу в одном из подмосковных прудов (Шибяевская мельница) почти в 4 фунта весом. По своему складу она больше напоминала линя, цветом была темнее обыкновенного и вообще не так красива. В р. Вороне красноперки достигают даже 5 и более фунтов весу. Она водится почти во всех странах Европы, за исключением северных, также, по свидетельству Палласа, встречается и в Сибири (по крайней мере до Байкала); в зауральских озерах я,

впрочем, вовсе не встречал ее, но весьма возможно, что она водится далее к юго-востоку, так как встречается в озерах, заливаемых р. Уралом, в Закавказье и была найдена в Туркестанском крае. Вообще красноперка обитает во многих реках и озерах Франции, Англии, всей Средней Европы, Швеции; в России северная граница ее с точностью неизвестна, но она встречается в Южной Финляндии (до Биорнеборга), хотя не доходит до Онежского озера. Судя по тому, надо полагать, что ее вовсе нет во всех реках, впадающих в Белое и Ледовитое моря, но это еще требует подтверждения, так как очень может статься, что ее там, как и во многих других местностях, смешивают с плотвой, а иногда и густерой, тем более что нахождение ее на севере России косвенным образом указывает зырянское название ее, приведенное Палласом.

Главное местопребывание красноперки – заливы и старицы рек, также проточные пруды и озера, где в изобилии растет камыш, тростник и другие водяные растения. Здесь она довольно часто встречается в сообществе с карасями, линями и лещами и ведет почти оседлую жизнь, редко отдаляясь от раз избранного ею места. Поэтому она встречается далеко не всюду, а местами и где весьма многочисленна, где составляет большую редкость. Во всяком случае, она, по-видимому, гораздо обыкновеннее в Юго-Западной и Южной России, чем в средних губерниях. Так, например, в низовьях Волги она держится во множестве во всех ильменях и тихих заросших протоках, весьма обыкновенна также во всех больших и средних озерах Западной России. В подмосковных губерниях она держится преимущественно в проточных прудах, хотя и весьма немногих, но зато в большом количестве – в заливных озерах и старицах.

По общепринятому мнению, красноперка довольно вялая и ленивая рыба, по образу жизни занимающая как бы середину между плотвой и карасем. Она постоянно держится на средних глубинах в траве, еще более камышах, особенно в молодом возрасте, не любит сильного течения и в быстрых реках даже вовсе не встречается. Пища ее, как и следует ожидать, состоит преимущественно из растительных веществ, частью насекомых, личинок и червяков. По свидетельству низовых рыбаков, красноперка весной (?) кормится почти одним шелковником, нитчатую водорослью, которая плавает в затишьях и ильменях в виде тонких ярко-зеленых нитей; от этого рыба будто бы принимает более зеленый цвет, а мясо ее приобретает более горький вкус. Действительно, мясо красноперки летом очень горькое, и весьма многие рыбаки объясняют эту горечь тоже ее исключительно растительною пищею. Осенью красноперка обыкновенно уходит в глубокие и тихие места и лежит там в продолжение всей зимы.

По моим пятилетним наблюдениям над красноперкой в подмосковных прудах, это, относительно говоря, довольно сильная, бойкая и осторожная рыба; во всех этих отношениях она превосходит плотву – свою постоянную спутницу, хотя местопребывание их несколько различно. Именно красноперка встречается в наибольшем количестве в самых густых зарослях трав, преимущественно в камышах, тростниках, между лопухами (кувшинкою) и около водяного мха, так что в заросших прудах она всегда многочисленнее плотвы. Подобно линю, она встречается, таким образом, в наибольшем количестве в верховьях пруда и на открытые, незаросшие места почти никогда не выходит; но она не любит, однако, тени и свежей воды и не придерживается дна, как лень и плотва, а потому плавает все лето (с середины мая до середины августа) большею частью вполводы, а в солнечную погоду – в верхних ее слоях, примерно на четверть от поверхности; вообще она любит греться на солнце, в жару даже плавает совсем поверху и ведет еще более дневной образ жизни, чем щука и окунь; ее видно только с восходом и до заката солнца (кроме времени нереста); вечером она уходит в нижние, более теплые слои воды и забивается в траву, большею частью в так называемый водяной мох

или в камыш и тростник. Самая крупная красноперка держится в камышовых и тростниковых зарослях весь день и плавает здесь на самом дне, выходя только на их окраины.

Красноперка никогда не уходит под плавучие берега – любимое местопребывание линия в жару и холод, а также не прячется (в жаркое время) под кусты и корни на берегу, подобно плотве, которая, по крайней мере при совместном жительстве с красноперкой, придерживается более открытых мест и плавает большей частью близко от дна. Красноперка любит плавать около купален, мостов, плотов, но только в том случае, если поблизости их растут травы. Она положительно не отдалается от зарослей и на несколько сажен и не любит даже и слабого течения, хотя охотно держится в более тихих местах мельничного омута, привлекаемая сюда обилием пищи. В быстроте движений она ничуть не уступает плотве, а кто видел, с какой силой она всплескивает или, вернее, кувырывается, играя на поверхности, тот, наверное, скажет, что это всплеск производится более сильной рыбой, чем плотва. Кроме того, красноперка много хитрее и осторожнее плотвы, и ее труднее поймать какую-либо сетью; даже прошлогодняя красноперка, часто плавающая в сообществе мелких плотичек, всегда первая ускользает от бредников и наметок и даже из подъемных четырехугольных сеток с хлебной приманкой. К тому же эта рыба никогда не встречается такими большими и густыми стаями, как плотва, даже во время нереста; обыкновенно плавает вместе по нескольку десятков рыб, большей частью одного возраста и не очень близко одна от другой.

Пища красноперки состоит, по моим наблюдениям, из молодых побегов водяных растений, нитчатых водорослей (*Spirogyra*, *Cladophora* – шелковник, зелень), червей, насекомых, икры других рыб, а также и молоди. Летом красноперки весьма охотно, по-видимому, объедают икру улиток на нижней стороне листьев кувшинок; нередко в зарослях кувшинок слышится повсеместное чмоканье – это красноперки счищают прилипшую к листьям слизистую икру улиток. Подобный же звук часто издает в воздухе и пойманная красноперка.

Нерестится красноперка очень поздно, почти одновременно с карасем и линем – в конце мая или в июне, когда вода достигнет температуры 18 °С. У самцов в это время на голове и спине выступают зернистые бородавочки, и все красноперки принимают более яркие цвета; но сравнительно внешние покровы красноперки изменяются мало, и чешуя у них не получает шероховатости, особенно резко выраженной у плотвы. По Эренкрейцу, сначала к месту нереста идет стайка самцов, потом стайка самок и за ними снова самцы; каждая стая идет густой массой и отдельно одна от другой. Много лет подряд наблюдая красноперок (в прудах между Кузьминками и Люблином, в 7 верстах от Москвы, по Курской ж. д.), я, однако, не замечал ни разу густых стай этих рыб. Крупная красноперка, кажется, нерестится раньше – в камышах и тростнике, средняя и мелкая – всегда в июне в Петровки; икра выпускается в несколько приемов, а не сразу. Самый процесс икрометания совершается весьма тихо, небольшими партиями, и его трудно заметить, тем более что красноперки трутся (хотя днем) почти на дне и не выпрыгивают на поверхность, а только всплескивают. Только качание камышовых и тростниковых стеблей указывает на место нереста. Мелкая красноперка, кажется, иногда трется и в водяном мху, но никогда под берегом. Вообще икру красноперки разыскать почти так же трудно, как икру линя, и надо полагать, что она прикрепляется большей частью к корням водяных растений. Число икринок довольно значительно (в фунтовой самке насчитывается до 100 тысяч), но, вероятно, значительная часть икры пропадает, так как молоди красноперки всегда бывает меньше, чем молодой плотвы, от которой первая отличается с первого взгляда по своему общему красноватому цвету; кроме того, стайки молодой красноперки никогда не бывают многочисленны. Держатся они, конечно, в траве, всегда на солнечной стороне и

почти у самой поверхности воды. Молодая красноперка растет довольно быстро и к осени уже обгоняет плотичек-селетков, выведшихся месяцем ранее. Через год, в июле, красноперка имеет в длину иногда более вершка (в не очень кормных водах), а двухгодовалая – до 2 вершков, и, по-видимому, уже мечет икру. Впрочем, прирост, как всегда, неодинаков в различных местностях, и даже годами в прудах рыба растет еще медленнее. К сентябрю, когда начнут пропадать травы, молодые красноперки переходят в камыши и, вероятно, там же и зимуют. Взрослые рыбы в это время держатся более глубоких мест, все реже и реже показываются у поверхности и, наконец, в октябре залегают на зиму, как бы пропадают и уже не берут на удочку. В прудах и озерах, при зимнем сдыхании воды, красноперка всплывает на поверхность и ловится тогда в большом количестве. Впрочем, это очень выносливая рыба, почти такая же неприхотливая на качество воды, как линь, и много крепче и живучее плотвы.

Как рыба относительно довольно редкая, встречающаяся далеко не всюду, и притом в заросших прудах и травянистых заливах, красноперка почти не имеет промыслового значения и только местами, на юге, ловится в довольно большом количестве для местного потребления. Во вкусе она уступает даже плотве, часто отзываясь тиной и горечью. Ловят ее неводами, конечно, только поздней осенью и зимою, по льду, когда травы не могут препятствовать лову. В другое время года она попадает только в ботальные мережи (трехстенные сети, путаницы), в которые ее загоняют из трав вместе с лнем. Также много попадает красноперки в эти сети, поставленные на ночь, во время нереста; впрочем, идет она, собственно, не ночью, а утром и вечером. В верши, морды и подобные снасти из прутьев и сетки эта рыба почти не идет, разве местами, отчасти по причине своей осторожности, частью потому, что мечет икру и молоки с меньшими усилиями, чем плотва, линь и другие рыбы. В бредни и наметки красноперка также ловится гораздо реже плотвы, опять же по той причине, что не выходит на чистые места и не держится под самым берегом.

Ужение красноперки там, где ее много, может быть очень добычливо. У нас, под Москвой, ловля ее на удочку хотя и не пользуется большим уважением, но все же предпочитается ловле плотвы, которая обыкновенно бывает и мельче красноперки, и менее ее сопротивляется на удочке, вернее, не так упориста; кроме того, красноперка встречается не везде и вдобавок красивее плотвы. В общем, ужение этих двух рыб имеет очень много сходного, так как очень ловятся они в одних и тех же местах и на те же насадки. Удилище, складное или цельное, должно быть довольно длинно, легко, с очень гибким кончиком; леска тонкая шелковая или волосяная (в 3–4 волоса); крючок № 8–12, на тонкой жилке, или, еще лучше, на поводке из отборного конского волоса; поплавок самый легкий – из иглы дикобраза (в 3 вершка длины) или коры осокоря (в вершок), особенно когда приходится удить на глубоких местах или неглубоко пускать насадку. Последняя разнится сообразно времени года и другим условиям. Весною у нас (с первых чисел мая), когда красноперка выйдет ближе к берегам, где уже показывается молодая трава, она прежде всего берет на мелкого червя, лучше всего навозного, со дна; крючок употребляется покрупнее; позднее, со второй половины мая (под Москвой), когда поднимутся травы, красноперка держится вполводы и охотнее берет на шарики мятого хлеба (белого или черного) величиною с мелкую горошину или на пареную рожь, насаживаемые на крючок № 10–12. Насадка пускается вполводы или же на четверть от поверхности, смотря по тому, где красноперки плавают. Летом, в жару, красноперку лучше всего ловить на муху, с легким поплавочком и без грузила, а крупная очень хорошо берет на кузнечика (см. «Язь»).

С конца августа красноперка опять лучше всего берет почти со дна и на червя. Изредка самые крупные красноперки попадают на выползка (большого земляного

червя), большею частью под вечер, и со дна, при ловле линей. Местами, именно в реках, рыба эта хорошо клюет на зелень и на раковые шейки. Кроме того, можно ловить ее на муравьиные яйца, а местами, где ее очень много, а корму мало (как, например, в прудах близ Ропши, в окрестностях Петербурга), красноперка жадно берет на кусочки рыбы, в чем я убедился лично.

Ужение производится всегда в травах, вернее, в прогалинах, с берега, купален, плотов, мост ов или же с лодки. Всего добычливее бывает ловля с берега, так как обыкновенно, поймав десяток-другой, надо переходить на новое место. Впрочем, весной и осенью, когда стайки красноперки многочисленнее, можно поймать их очень много и на одном месте. Крупная красноперка всего лучше берет в прогалинах камыша и тростника. Сколько я мог заметить, прикормка для красноперки приносит мало пользы, вероятно, потому, что летом она не ищет пищи на дне и вообще сыта; но во время ловли не мешает изредка подбрасывать крошки хлеба или понемногу зерен пареной ржи.

Клев красноперки очень верный; только мелкая двухгодовалая рыба таскает и щиплет насадку; средняя же и крупная сразу проглатывает насадку и потому при ловле на мелкие крючки очень редко попадает за губы, которые у нее довольно слабы и, при резкой подсечке и жесткой верхушке, легко могут быть оторваны. При ловле на червя, со дна, клев красноперки имеет некоторое сходство с клевом окуня, но не так резок: поплавок погружается один раз и затем довольно быстро идет в сторону, под водой. Чем мельче пущена насадка, тем поплавок менее погружается и более тащится в сторону, так что при ловле, например, на мух красноперка берет почти так же, как уклейка, но не так стремительно, и притом гораздо вернее. Вытаскивать красноперку надо осторожно, так как при ловле на мелкие крючки легко можно оборвать слизистую оболочку нёба, за которую они обыкновенно зацепляются. Крупную рыбу, около фунта, необходимо поводить несколько секунд, заставить ее сделать два-три круга, не пуская в траву, и, подведя к лодке или берегу, подхватить сачком. Вообще красноперка ходит на удочке бойчее, чем плотва, по крайней мере прудовая, и гораздо упористее ее. Надо принять во внимание, что красноперка, поднятая из воды, сильно трепещется и потому чаще срывается в это время, чем плотва. Когда бросаешь ее в лодку или сачок (заменяющий иногда сажалку для рыбы), то она при этом делает в воздухе такое сальто-мортале, что часто попадает вовсе не туда, куда бы следовало.

По своей живучести красноперка очень хороша как насадка для сома и щуки, только надо ставить ее подальше от травы, иначе она непременно в ней запутается. В травах лучше ловить хищную рыбу на других живцов, которые травы избегают, как, например, на ельца, голавлика, пескаря.

Красноперка, подобно плотве, язю и другим рыбам, нередко делается жертвою окормки кукольваном, которым до сих пор истребляется у нас громадное количество рыбы, б.ч. безо всякой пользы для человека. Кукольван (*Vaccae cocculi indicii*) – это плод красивого ползучего растения *Anamirta cocculus*, встречаемого на Молуккских островах и на берегах Малабара и Индийского архипелага. Плод этот, похожий на лавровую ягоду, содержит белое кристаллическое, весьма горькое вещество – пикротоксин, или коккулин, которое извлекается посредством алкоголя и обладает сильным наркотическим свойством. Принятый внутрь, он производит дурноту и головокружение, в больших дозах – даже смерть. Отвар ягод имеет очень горький вкус и красно-бурый цвет, но действие этого наркотического начала вообще еще мало исследовано. В Россию, несмотря на высокую пошлину, ежегодно ввозится более тысячи пудов этой ягоды, и так как она главным образом подмешивается к пиву, то тем более следовало бы воспретить ее ввоз или по крайней мере еще более увеличить пошлину на нее.

Плотва

Leuciscus rutilus. Плотва, плотица, плоть, плотвица, плотвичка, плотичка, плотушка; в Великороссии также – сорога, сорожка, сорожняк; мелкая в Пскове – горьва, горявка; в Новгородской губ. – гарюга, в Малороссии и по Днепру – библица, библа, бублица, облица; на р. Урале – серуха, серуга, серушка; на зауральских озерах (в Пермск. губ.) – чебак (башк. назв.); в Гродненской губ. – кубарь, площади. Крупная местами – тарань; в Каспии – вобла; в Азовском море – тарань, называемая на Дону салпой (?); около Баку – тарашка; в Польше – плоц, плотка, руменица. Лит. – бруйшис (*bruiszis*); финск. – сэрк, сэрва; эст. – сэрг-кала, рудзэрг-кала; карельск. – торго, мелкая – гоэрюга; у ижоров – серги; лат. – рауда, рудулис; тат. – чебак, кизек; на Енисее – кюзик; башк. – чебак, ассан-балык; черем. – шеренга; вот. – чабар; чув. – хирлезюнат. Бараб. тат. – талох, халок, ост. на Сургуте – милех, потзи (?), на Нарыме – пече, куенти-хуола; на Оби – колзи; на Иртыше – кельше, нёмр-тёншпу-хол, потье, педье-кол; вог. – казив; на Сосьве – якчуль, мотка; перм. – паур-шипшу-шуль; вот. – чабар; чувашск. – герлегес; тунг. – торачан; калм. – цуба; якутс. – чавак. *Var caspius* – вобла, обла; тат. – шиурило, кумнук; башк. – кариа-кузавак; калм. – башанго.

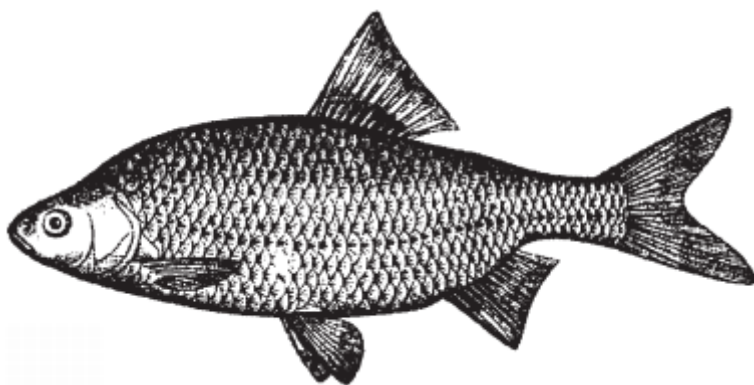

Рис. 166. Плотва

Едва ли найдется другая рыба, которая бы имела такое обширное распространение и всюду была бы так обыкновенна, как плотва. Всюду – и в России и Сибири – она составляет самую многочисленную породу рыб, и немного найдется таких рек, где бы она не составляла главную массу всего рыбьего населения, тем более встречалась бы очень редко.

По всем этим причинам, а также по тому значению, какое плотва имеет в устьях наших рек и многих озерах, она заслуживает гораздо большего внимания, чем многие другие, более ценные рыбы.

Наружность плотвы известна каждому, и потому мы упомянем только о главнейших признаках и главных вариантах, которые, следует заметить, весьма многочисленны. Цвет тела, плавников и глаз этой рыбы подлежит бесчисленным изменениям, которые зависят частью от возраста, частью от состава воды и других местных жизненных условий. Вообще же плотва с возрастом становится шире, толще, а цвет глаз и плавников делается более ярким.

По своему наружному виду плотва приближается всего более к красноперке, которую нередко принимают за первую, но красноперка отличается от плотвы золотистым отливом чешуи, желтыми губами, числом и формой глоточных зубов, тупозакругленным носом и закругленным брюхом с выдающимся ребром. У плотвы обыкновенно бывает на левой стороне 6 (иногда 5), на правой 5 (редко 6) глоточных зубов, и венчик их не надрезан на многие зубчики, как у красноперки. Кроме того, плотва несколько уже красноперки, одинакового роста, длина головы относительно менее, и сама она не так красива, как красноперка. Цвет спины у плотвы черноватый с голубым или зеленоватым отливом, бока туловища и брюха

серебристо-белые, спинной и хвостовой плавники зеленовато-серые с красноватым оттенком, грудные плавники бледно-желтоватые, брюшные и заднепроходные – красные, радужина желтая с красным пятном вверху. Это цвет нашей обыкновенной речной плотвы; каспийская же плотва (вобла) и азовская (тарань), о которых будет говориться далее, имеют некоторые отличия в цвете и форме тела. В окрестностях Киева, по свидетельству проф. Кесслера, встречается также разновидность плотвы, у которой все плавники и глаза ярко-желтого цвета, а изредка, в Волге, по свидетельству В. Е. Яковлева, попадает разновидность плотвы (или, вернее, выродок) с ярко-золотистой чешуей, иногда с красноватым оттенком на спине и боках. Тело плотвы обильно покрыто слизью, особенно у прудовой, и в теплое время года.

Рис. 167. Глоточные зубы плотвы

Обыкновенно плотва имеет незначительную величину и большею частью не достигает более фута длины и 1 1/2 фунта веса. Но при благоприятных условиях, т. е. при изобильной пище и достаточном просторе местообитания, презренная плотва в росте не уступает многим другим карповым рыбам. Впрочем, в реках и трехфунтовая плотва составляет большую редкость; но в озерах, морях Каспийском и Азовском, которые тоже, в сущности, большие солоноватые озера, она достигает еще большей величины, а в некоторых зауральских озерах, как, например, в оз. Чебакуле, на границе Екатеринбургского и Шадринского уездов, имеет неслыханные, гигантские размеры – до 20 дюймов длины и весит иногда 7 фунтов.

Следует заметить, однако, что эта озерная, собственно западно-сибирская, плотва имеет некоторые, хотя и неважные, отличия и всего ближе к каспийской вобле, от которой, быть может, и ведет свое происхождение.

Плотва, как уже было замечено, имеет весьма обширное распространение: она водится во всей Европе, в большей части Сибири, за исключением, быть может, одной Камчатки, в Туркестане, но в кавказских реках еще не была найдена, хотя встречается в Каспии около Баку (собственно морская плотва). Это крайне неприхотливая рыба: она одинаково хорошо уживается как в небольших речках, почти ручьях, прудах и озерах (лишь бы вода в них была достаточно свежа и глубока), так и в больших реках, а вариететы ее живут даже в малосоленых морях, каковы: Азовское, Черное и Каспийское. Притом плотва почти всюду бывает всегда многочисленна и по количеству особей, бесспорно, занимает первое место между всеми европейскими рыбами. Впрочем, нельзя не заметить, что на севере она все-таки гораздо малочисленнее, чем на юге, а в речках с холодной ключевой водой, также в горных встречается очень редко или даже вовсе не попадает. Вообще плотва избегает холодной и очень быстрой воды и более предпочитает тихую и теплую, хотя и не особенно долюбивает очень тинистых и иловатых мест, почему гораздо многочисленнее в озерах с песчаным дном, нежели иловатых, где уже преобладает карась.

Ранней весной, после вскрытия вод, плотва держится около самого берега, как в прудах и озерах, так и в реках; в последних она очень часто выходит на пойму, в старицы и поемные озера, где значительная часть ее остается и по спаде воды. Как и у всех других рыб, у плотвы также замечается стремление подняться вверх против течения, вызываемое мутностью воды, но при первой возможности она старается выйти на разлив или в устья притоков и никогда не уходит далеко от своих

притонов, чем отличается от язя.

Выметав икру, плотва в реках держится сначала повсюду, кроме быстрин, но как только появится трава, переходит в заливы, затоны и протоки, а за неимением таковых, в ямы с слабым течением, к купальням, мостам и другим надводным сооружениям. В летние жары плотва или уходит вглубь, или забивается под берег и в корни прибрежных кустов. Нельзя сказать, чтобы рыба эта особенно любила держаться в травянистых зарослях, подобно линю, карасю и красноперке; большей частью она держится около травы или в больших прогалах и вообще избегает иловатого дна, предпочитая ему песчаное. В противоположность красноперке, плотва держится глубже, хотя и не ползает по дну, подобно ершу, и выходит на поверхность сравнительно редко и периодически. Часто, впрочем, можно наблюдать ее плавающую вполводы, и вообще в этом отношении плотва – рыба очень капризная, хотя в большинстве случаев стоит на 2–4 вершка от дна.

Главную пищу плотвы в реках летом составляет зелень, или шелковник, т. е. нитчатые водоросли, растущие на сваях, реке камнях, на небольшом течении. Кроме того, она, при обилии мальков, подобно другим рыбам, кормится (в мае и июне) молодью, а в некоторых реках также метлицей (июль и август). После каждого паводка, т. е. сильного дождя, стаи плотвы поднимаются против течения, но вскоре возвращаются обратно. После сильных дождей в конце лета, когда смывает водой всю зелень и вода похолодеет, плотва (по крайней мере в Москве-реке) покидает свои ямы и заводи и начинает бродить в поисках пищи, которой с этого времени служит главным образом мотыль, особенно в реках с тихим течением и иловатым дном. В речках плотва держится в бочагах, питаясь водорослями и различными личинками, в особенности личинками мошки (Phryganea).

В озерах мелкая годовалая плотва держится около берегов, в траве, где находит убежище от своего главного врага – окуня, но взрослая предпочитает более глубокие и открытые места. Здесь она тоже кормится летом главным образом растительной пищей, именно водорослями, чаще всего зеленою шарообразною водорослью, обуславливающей так называемое цветение воды, от которого не избавлены и многие реки. Кроме того, пищу плотвы служат, конечно, и различные мелкие животные организмы – до небольших раковин (*Lymnaeus* и др.). Во многих озерах, особенно северных и сибирских, главный весенний, осенний и частью зимний корм плотвы составляет известный мормыш (*Gammarus*, «Ерш»), от обилия которого здесь и зависит главным образом огромный рост чебака зауральских озер. В совершенно непроточных прудах плотва встречается редко, и вообще ей почти везде сопутствуют окунь, щука, и она много прихотливее карася, линя и верховки. Несмотря, однако, на то, что в прудах корма больше, чем в реках и озерах, плотва никогда не достигает здесь больших размеров, кроме, конечно, больших прудов.

С наступлением холодного времени, в октябре или ноябре, плотва, как речная, так и озерная, уходит на зимовку в глубокие ямы, причем снова собирается по необходимости в большие и очень густые стаи. Зимой она кормится периодически, во время оттепелей, которые побуждают ее выходить на более мелкие места, ближе к берегу, и, кажется, подниматься выше. Главным зимним кормом в реках, вероятно, служит мотыль, в озерах – мормыш, но как мотыль, так в особенности мормыш встречаются, к сожалению, далеко не всюду. Хотя зимой плотву и ловят иногда самодером, т. е. багрят на голые крючки, но я не думаю, чтобы она где-либо залегала на зиму и впадала как бы в спячку, наподобие сазана, сома, некоторых осетровых и даже ближайшего своего родича – каспийской воблы. По крайней мере, на нашей плотве зимой, как и вообще в холодное время, с осени замечается гораздо меньше слизи, чем летом, и рыба эта хотя зимой оказывает сравнительно слабое сопротивление, но не имеет на себе и следа так называемая слена, или рубашки, т. е. слоя затвердевшей слизи. С февраля плотва уже начинает понемногу расходиться из

ям и встречается и на мелких местах, где и держится до прибыли воды, заставляющей ее жаться к берегам и входить в заводи.

Плотва нерестится не особенно рано – позднее щуки, язя, шерешпера и некоторых других рыб, но раньше леща, судака, начинает метать икру только после спада воды, когда река почти войдет в межень, а потому всегда в самом русле; в Оке, Волге и Каме плотва, по-видимому, выходит для нереста в пойму и трется преимущественно в старицах и поемных озерах. На Нижней Волге, в Дону и Днепре речная плотва едва ли не кончает икрометание до разлива: по крайней мере, по имеющимся сведениям, она трется в Дону очень рано – в конце марта, но, возможно, что наблюдение это относится к азовской плотве, т. е. тарани. Несомненно, однако, что нерест плотвы находится главным образом в зависимости от температуры воды. Чем южнее местность, чем теплее весна и скорее нагреваются воды бассейна, тем плотва ранее освобождается от икры. Нормальное время нереста плотвы в подмосковных губерниях – конец апреля и начало мая, когда вода имеет от 10 до 15°, причем в Москве-реке она трется около Егорья, в речках, имеющих более холодную воду, – в конце апреля, а в прудах и озерах, на которых лед держится очень долго, – чуть не весь апрель, нередко даже к Николину дню, т. е. 9 мая. На севере, а также в некоторых озерах Среднего Урала плотва мечет икру в середине мая. Годами, при очень ранней весне, нерест начинается на 2 недели ранее обычного срока: например, в 1890 г. в конце марта в Москве-реке уже ловилась шершавая плотва, а в середине апреля большая часть уже выметала икру и 26-го появилась уже масса молоди.

За неделю и за две до начала нереста, но никак не ранее, плотва покрывается твердою сыпью, имеющей сначала вид небольших беловатых пятнышек, которые затем темнеют и твердеют и делают чешую крайне шероховатую на ощупь, вроде подпилка. По-видимому, этот брачный наряд получает далеко не вся плотва, а преимущественно, если не исключительно, одни самцы, которые, в противность большинству карповых рыб, значительно малочисленнее икрыников, чем и обуславливается самый способ нерестования большими и очень густыми стаями. Следы бородавок исчезают спустя около недели по окончании нереста. Шершавые молошники, как всегда, мельче и тоньше икрыников. I. Fisher в своей книге («La pêche à routes lignes») говорит, что плотва перед нерестом поднимается вверх, сначала самки, потом самцы, отдельными несмешивающимися стаями. Мои наблюдения также указывают на то, что перед нерестом оба пола держатся отдельно.

Плотва трется очень большими стаями, заключающими в себе тысячи, даже десятки тысяч особей, так что в этом отношении она превосходит всех других чисто речных, непроходных рыб. Особенно многочисленны бывают стаи нерестящейся плотвы в некоторых зауральских озерах. Здесь, смотря по характеру озера, чебаки собираются массами к песчаным берегам, поросшим камышом, а где последних нет – к камням, валежнику и упавшим в воду деревьям, особенно хвойным, вообще в известные, определенные местности, не меняя их в течение многих лет. В речки и протоки, подобно язям, плотва не входит, за редкими исключениями. Нерест чебака в этих озерах, довольно подробно описанный в статье моей «Зауральские озера», несколько отличается от нереста среднерусской плотвы. Последняя никогда не собирается такими массами и не производит такого шума и плеска, как зауральская. «В утренней или вечерней тишине далеко слышен плеск играющего чебака и видно волнение от множества прыгающих и вертящихся рыб; одни разом, точно по сигналу, взвивают ся в воздух и шлепаются об воду, другие плавают вверх брюхом или боком, описывая крутые зигзаги или небольшие круги. По мнению рыбаков, выпрыгивают и вообще плавают на поверхности большею частью молошники, которые... по-видимому, принуждаются к этому самками, гораздо более многочисленными. Последние неумолимо преследуют молошников и в таком количестве собираются под ними, что выпирают их наружу, и самцы волею-неволею

оплодотворяют вытекающую икру». Действительно, ни одна из чисто речных рыб не играет такой сплошной массой, и про плотву можно сказать, что она трется, и притом не только о подводные предметы, но и друг об дружку. При таком способе нерестования густою массой для оплодотворения икры нет надобности в большом количестве молок, и потому не удивительно, что молошников меньше, чем икряников.

В подмосковных озерах, например в Сенежском, нерест плотвы совершается тоже в больших массах и около берегов, на мелких местах. Менее заметно и менее шумно совершается он в реках, например в Москве-реке, хотя плотва составляет здесь главную массу всей рыбы. Но все-таки он никогда не проходит здесь незамеченным, тем более что и продолжается дольше, чем в стоячих водах, где вся плотва выметывает икру много дружнее, в несколько дней, редко в неделю, и то если теплые дни перемежаются с холодными. В такие дни нерест приостанавливается или совершается только около полудня. Вообще же он продолжается чуть не весь день и всю ночь, но всего интенсивнее, сильнее бывает всюду по утрам, после восхода. В Москве-реке плотва трется большею частью между сваями, на прошлогодней траве и даже по камням, но на небыстром течении; по моим наблюдениям, мечет икру сначала мелкая плотва, затем средняя и самая крупная, в фунт и более. Иногда нерест затягивается здесь недели на две и, начавшись с середины апреля, как в 1890 году, продолжается до первых чисел мая. В прудах плотва трется под берегом в водяном мху и в мочках прибрежных деревьев и папоротника, растущего на плавунах, в хворосте около плотин, реже в траве и камышах. Везде и всюду в это время она делается крайне смелою и не обращает внимания на шум, так что отогнать ее от выбранного ею места очень трудно. Щуки и крупные окуни находят себе обильную поживу и держатся всегда поблизости, готовые схватить ошалевшую плотичку, и нередко даже врываясь в плотные ряды трущейся рыбы и производя в них значительные опустошения. Клев окуня и щуки тогда значительно слабеет, и этих хищников можно поймать только поблизости нерестилищ, всего лучше на плотву же. Последняя на удочку в это время почти не берет и попадает лишь случайно, машинально схватывая насадку, но изредка, однако, попадаются самцы и самки с вытекающими молоками и икрою. Гораздо больше можно поймать их просто руками, войдя для этой цели в воду.

Судя по тому, что вскоре после нереста начинают попадаться рыбы, совершенно лишенные икры и молок, надо полагать, что половые продукты выметываются сразу, в один прием, и созревают единовременно, не так, как, например, у карпов, карасей и других. Однако в июле я наблюдал в Москве-реке массу мелкой, очевидно недавно выведшейся молоди, которая к началу ноября была размером от полувершка до $\frac{3}{4}$ вершка, считая целиком, т. е. была слишком вдвое мельче ранней молоди. Это кажущееся противоречие, мне кажется, можно примирить предположением, что мелкая молодь принадлежит двухлетней плотве, мечущей икру в первый раз, и притом значительно позднее – в июне и даже в июле. Очень может быть, что эта теория, объясняющая появление очень разнокалиберного малька, окажется справедлива и по отношению к другим рыбам.

Икринки плотвы мягки, прозрачны, с зеленоватым оттенком и очень густо прилепляются к подводным предметам, до песчаного и хрящеватого дна включительно. На мхе икринки эти располагаются так тесно, что имеют вид миниатюрных гроздей винограда. В крупных экземплярах количество икры, несомненно, превышает число 84 тысячи, высчитанное Блохом; вероятно, они выпускают не одну сотню тысяч икринок, иначе было бы трудно объяснить многочисленность этого вида рыб. Урожай молоди зависит от благоприятных для нее условий в первое время ее существования. В стоячих водах всего губельнее для нее весенние бури в конце апреля и начале мая, которые выбрасывают икру на берег

и захватывают слабых мальков; последние не боятся волнения, т. е. в состоянии уйти от берегов в глубину не ранее июня. В реках, напротив, ветер вообще имеет сравнительно незначительное влияние на количество малька какой бы то ни было рыбы, но, конечно, в таких больших реках, как наша Волга и даже Ока, весенние бури очень пагубны для молоди в заводях. Все-таки в реках большая часть молоди не выбрасывается на берег, а сносится паводками. Например, в Москве-реке в 1889 году, отличавшемся хотя и поздней, но ровной весной, без сильных дождей в мае, малек всюду кишел, так что служил все лето пищею взрослых рыб, даже ерша и плотвы. Напротив, в прошлом, 1890 году, несмотря на то, что вся рыба вымет ала икру очень рано, по крайней мере недели на две ранее обыкновенного, а может быть, именно по этой причине значительная часть молоди была снесена паводком в конце апреля.

Молодь плотвы выклеывается не ранее недели, при очень теплой погоде; обыкновенно же через 10 дней, а иногда даже через две недели. Тем не менее мальки плотвы появляются во множестве во всех заливах и затонах уже в середине мая (на юге ранее) и черными тучами плавают в траве и камышах, поблизости от поверхности воды. Первое время молодь, впрочем, безвыходно таится в чаще водяных растений, где находит пищу— ракообразных, водоросли — и защиту от бесчисленных врагов. В местах, где происходил нерест плотвы, вода положительно кишит от громадного количества выклюнувшихся рыбок. В реках молодь плотвы держится главным образом около плотов, купален, где находит корм и защиту от быстрины и хищников. По моим наблюдениям, молодь большинства речных рыб, а плотвы в особенности, кормится главным образом не ци клопами и дафниями, которых в проточной воде и не может быть много, а водорослями, именно нитчатými.

В Петровки молодая плотва уже начинает мало-помалу выходить из своих убежищ в открытую воду, а в августе уже окончательно покидает мелкие заливы и переходит в более глубокие, а также и в самое русло реки или середину пруда или озера; в конце сентября или в начале октября вся молодая и взрослая плотва уходит, как уже было сказано, в глубокие ямы, где и проводит всю зиму почти до вскрытия льда. Впрочем, по моим наблюдениям, в зауральских озерах плотва и позднюю осень нередко выходит с глубины в камыши и траву, без сомнения, ради пищи. Вообще она кормится как днем, так и ночью; по крайней мере, плотва, подобно ельцу, находится в движении и постоянно бродит и в полночь, с чем легко согласится всякий, кто ездил лучить рыбу в позднюю осень. В самые сильные декабрьские и январские морозы плотва вряд ли питается чем-либо; по крайней мере, в середине зимы она клюет редко. Прирост этой рыбы по весьма понятным причинам бывает весьма различен, хотя можно принять за правило, что в устьях рек, еще того более в озерах, прирост ее всего значительнее. Особенно замечателен необычайно быстрый прирост плотвы в зауральских озерах, где она иногда в полтора-два года достигает веса одного фунта, даже более; но вообще и здесь годовалая плотичка обыкновенно имеет только 2 вершка в длину, а в Средней России и того менее. Однако в таких кормных реках, как в Москве-реке, селеток годами к ноябрю достигает двухвершкового роста. Вообще прирост здесь бывает тем значительнее, чем теплее лето и больше корму; если же к тому весна была неблагоприятна для молоди и ее вывелось мало, то снетки растут не по дням, а по часам; 2-летняя плотва имеет здесь около 3 вершков длины, а 3-летняя — свыше четверти.

Собственно плотва, несмотря на свою многочисленность, почти не имеет промыслового значения. Это весьма малоценная рыба, имеющая лишь местный сбыт; только озерная плотва зимою в замороженном виде везется за несколько сот верст, например с озер Екатеринбургского уезда, где ценится не свыше рубля пуд, в Вятскую губернию. По своей дешевизне она служит пищею бедного класса населения

и заслуживает внимания именно с этой точки зрения и как самая многочисленная рыба наших пресных вод. Для владельцев прудов и озер главная роль плотвы заключается в том, чтобы служить кормом для хищной, более ценной рыбы, первое время, т. е. на первом или втором году, для окуня, а затем для щуки. Но, разумеется, было бы гораздо выгоднее вместо натурального рыбного хозяйства вести более интенсивное и заменить плотву с ее спутниками более ценную травоядную или всеядную и быстро растущую рыбою, именно карпом.

Главный лов плотвы производится весной во время нереста и поздней осенью и зимой. В первом случае она ловится массами в морды и разные деревянные снасти, до котцов включительно; все эти снасти сами по себе привлекают нерестящуюся рыбу; если же морды или верши будут поставлены на месте сбирища, то в них набивается по пуду и больше рыбы. В Зауралье устраивают во многих озерах искусственные нерестилища из елового лапника или сосновых вершин, устраивая из них помост, который надавливается камнями. Морды ставятся сверху помоста, реже с боков. Очевидно, такой способ ловли не может иметь большого влияния на уменьшение количества рыбы; вообще ловля мордами во время метания икры не может назваться вредною, а при таких нерестилищах, где икра не пропадает даром, а малек находит приют и даже пищу в виде мелких организмов, привлеченных хвостом, весенняя ловля даже полезнее осенней и зимней, когда пойманная рыба не оставляет после себя многочисленного потомства. А потому, повторяем, ловля рыбы мордами, вершами, котцами, если не перегораживается путь поднимающейся кверху рыбе, т. е. не устраивается язов, может быть допущена законом; устройство же нерестилищ, в виде ли наваленной хвои и хвоста, в виде ли кучи камней и т. п. сооружений, должно быть поощряемо. Много можно ловить плотвы весной в мережи, поставленные на ночь, но лов этот несравненно убыточнее, потому что зрелые половые продукты бьющейся рыбы погибают совершенно понапрасну. Летом плотва ловится большею частью уже на удочку, о чем далее, изредка попадаясь в мережи загоном и в морды и верши, если в них будет какая-либо приманка. Главная масса плотвы добывается поздней осенью и зимой – неводами, причем иногда удается сразу захватить несколько сот пудов. Прежде чем перейти к ужению плотвы, считаю необходимым остановиться на образе жизни и ловле морских вариететов плотвы – тарани и воблы, имеющих такое важное промышленное значение. Значение это станет более наглядным, если я скажу, что, по последним исследованиям Хлебникова, в низовьях Волги вылавливается ежегодно до 350 миллионов штук, или до 3 миллионов пудов, каспийской воблы; количество же добываемой тарани, т. е. азовско-черноморской плотвы, должно быть еще значительнее.

Тарань всем складом тела чрезвычайно походит на плотву, только бывает несколько выше ее в спине (вышина тела составляет до 1/3 всей длины его), что замечается, впрочем, и у крупной плотвы; чешуя тарани несколько мельче (VIII/47/V), и в заднепроходном плавнике у нее одним лучом меньше (9–10); кроме того, тарань отличается лишь несколько более толстыми зубами и черноватыми краями парных плавников, из коих брюшные грязно-красноватого цвета, грудные – желтовато-оливково-зеленые; заднепроходный плавник менее широк в основании, чем у обыкновенной плотвы, и такого же цвета, как и брюшной, а спинной – одинакового с грудными. Впервые тарань была описана проф. Нордманом, который принял ее за особый вид и назвал в честь известного немецкого ихтиолога – *Leuciscus Heckelii*, но в настоящее время не подлежит никакому сомнению, что эта рыба с оставляет только черноморскую разность обыкновенной плотвы, так же как и вобла – каспийскую, разница только в том, что тарань обособилась несколько более, нежели последняя. Это доказывается тем, что молодая тарань несколько не отличается от молодой плотвы. По своей величине тарань превосходит воблу и

обыкновенно имеет от 10–15 дюймов длины и очень часто бывает до 4 фунтов весом.

Главное местопребывание тарани – Черное и Азовское моря; в последнем она даже едва ли не многочисленнее, по крайней мере улов ее здесь значительнее. В реки она подымается только раннею весною для метания икры, а также осенью на зимовку, но никогда не подымается очень высоко; так, в Днепре она подымается только до порогов и уже под Екатеринославом бывает очень редка. Весенний ход ее открывается иногда даже зимою подо льдом, именно после Крещения, но вообще главная ловля начинается в марте, когда она идет уже громадными стаями для метания икры. Нерестится она в конце марта (около Благовещенья) или в начале апреля, всегда в камышах и траве, большею частью в заливах, и по окончании нереста уходит в море.

Всего более тарани входит в дельту Кубани, которая одна доставляла прежде до 40, даже 60 миллионов штук этой рыбы: в Дону последняя ловится уже в гораздо меньшем количестве.

В море тарань ловится исключительно летом и осенью. В Днепр она входит в меньшем количестве, а в Днестре и Буге ловля уже весьма незначительна. Самый лов производится, конечно, большими неводами, причем нередко удается захватить по несколько тысяч, даже десятков тысяч этой рыбы. Осенью, обыкновенно с октября, иногда даже в конце августа, тарань снова поднимается в реки и ловится здесь в течение всей зимы; большая часть ее, по-видимому, зимует в самом море у устьев.

Тарань редко употребляется в пищу свежую, и по крайней мере 9/10 ее готовится впрок солением или вялением. В этом виде она развозится по всей Южной России, именно Малороссии и юго-западным губерниям, где составляет летом главную пищу всей массы рабочего люда, частью идет даже в Дунайские княжества. Таранья икра, «тарома», также не пропадает теперь даром: она выпускается в бочонки, солится и отправляется большею частью в Грецию и Турцию. Вообще эта рыба, несмотря на свою дешевизну, занимает в рыбной промышленности Южной России одно из главных мест и по своему количеству, равно как и значению для населения, превосходит каспийскую воблу.

Последняя еще менее отличается от обыкновенной плотвы, нежели тарань, и притом соединяется с сорожкой – коренным речным видом, переходной формой, так называемой жилой воблой, которая живет постоянно в устьях Волги, никогда не удаляясь на морские глубины: по величине и наружному виду последняя напоминает морскую воблу, но по красному цвету нижних плавников приближается к сорожке; кроме того, форма ее глоточных костей, на коих расположены зубы, значительно массивнее и с более укороченными отростками.<

> Настоящая морская вобла (*var. caspicus*) принадлежит к числу рыб проходных, т. е. таких, которые, живя постоянно в море, идут в реки только для метания икры. Зимую вобла проводит в море; однако ж огромные косяки ее подходят к осени близко к берегам и ложатся на ямы перед самыми устьями Волги, в которую на зимовку никогда не входят; напротив, в Урале, по наблюдениям Н. А. Северцова, вобла зимует в большом количестве и идет для этой цели в реки уже с августа месяца.

С ранней весны или даже с конца зимы, когда другая рыба лежит еще на ямах, открывается движение воблы в реку. Разумеется, на ранний или поздний выход воблы из моря в Волгу имеет влияние состояние погоды: при нагонном ветре с моря (моряне), который всегда приносит с собою и тепло, выход воблы, как и всякой другой проходной рыбы, начинается ранее; напротив, холодная погода задерживает ход. Отдельными особями вобла показывается в реке еще подо льдом, именно с конца января; в половине февраля она попадает уже косяками, так что при хороших условиях случается захватывать ее в одну тоню от 10 до 15 тысяч штук; в марте месяце ход ее еще более усиливается; однако же коренной выход открывается

только в апреле, когда реки давно уже вскрылись и лед прошел. Февральские и мартовские косяки воблы принадлежат той рыбе, которая зимовала перед устьями Волги, поздняя же вобла идет из глубины моря, и притом громадными, бесчисленными массами. Косяки воблы тянутся по всем рукавам Волги, иногда до конца апреля; часть ее проходит выше, но гораздо большее количество остается в устьях, где она, отыскивая себе места для метания икры, набивается во все притоки, ерики и затоны, иногда в таком баснословном количестве, что не видавшему это явление своими глазами трудно поверить, что в узких протоках массы воблы бывают часто так густы, что мешают лодкам свободно плыть. Во время хода ее вверх она идет довольно быстро, преимущественно на глубине, в полую же воду или при сильном течении тянется вдоль берега. Интересно видеть, когда громадный косяк воблы, идя свободно по глубокому месту, вдруг наткнется на мель, которая преграждает ему путь; рыба при этом поднимает сильный шум, который несколько не уступает шуму от парохода. Вобла поднимается в Волгу невысоко, около Царицына она играет еще значительными косяками, но не только под Самарой, но даже и под Саратовом встречается только случайно, одиночными особями.

Для метания икры вобла выбирает тихие места и потому заходит в ильмени, в камыши, а также выбирается на травянистые места, залитые полою водою, одним словом, с половины апреля она, по выражению ловцов, полощется всюду, где только есть хотя два вершка воды и какая-нибудь травка. Во время весеннего хода множество ее гибнет от разных причин. Так, например, заходя в ильмени, она часто в них обсыхает; это значит, что морской ветер (моряна), нагоняя воду на низменные места, превращает их на короткое время в ильмени; с прекращением ветра вода из таких временных ильменей, уходит быстро в общее русло реки, а вобла и другая рыба, попавшая в такие ильмени во время моряны, остается на сухом месте и, разумеется, снёт. Точно так же сильное волнение много убивает и выкидывает на берег мертвой воблы. Груды погибшей таким образом рыбы бывают так велики, что хищные птицы выклевают у мертвых только глаза, пренебрегая остальным мясом.

Во время нерестования наружный вид воблы несколько изменяется. Весною, иногда задолго до метания икры, начинается усиленная деятельность наружных покровов тела, вследствие чего выделяющаяся в большом количестве слизь густеет и обволакивает все туловище, не исключая и плавников. За месяц, а в теплую весну и гораздо ранее, на этой слизистой оболочке начинают развиваться как у самцов, так и у самок особые бородавки; в зачаточном состоянии они имеют вид круглых, мелких пятнышек молочно-белого цвета (похожих на бельмо), которые, по мере приближения к нересту, все более и более увеличиваются и принимают к оническую форму с вершиной острой и очень твердой; вместе с тем белый цвет их изменяется в более темный, подходящий к общему цвету тела. Вообще вобла в брачном наряде весьма шероховата; рассказывают, чему можно вполне доверять, что босому человеку нельзя взойти в воду, где трется вобла, потому что голые ноги будут немедленно исцарапаны в кровь. Изредка попадаются экземпляры, на которых чешуя буквально стоит щетиной или даже перегибается в противную сторону; по всей вероятности, это случается только у больной рыбы, то же явление замечено у обыкновенной сорожки покойным проф. Казанского университета П. И. Вагнером. Кроме брачных бородавок, у многих экземпляров воблы, как у самок, так и у самцов, голова покрывается большими беловатыми наростами в виде опухоли; особенно опухают нос, губы, края жаберной и поджаберной крышек, а также спинные и грудные плавники.

Перед наступлением периода нерестования вобла перестает принимать пищу; желудок у нее в это время постоянно пуст или наполнен одной слизью; у очень редких случалось находить только размельченные куски морских раковин, которые,

по-видимому, остаются надолго в пищеварительных органах. Все это время вобла живет за счет своего жира, запас которого бывает тем значительнее, чем ранее она появляется в реке; у поздней воблы жиру уже гораздо менее, так как часть его издерживается также на развитие и формирование икры. Выметав икру, вобла лишается положительно всего жира и потому становится так худа, что, на первый взгляд, трудно узнать в этой истощенной рыбе жирную весеннюю воблу; вследствие потери жира голова воблы становится вдвое толще остального туловища, которое принимает очень узкую, удлинненную форму и более темный цвет. Такая вобла, истративши все свои силы, не может противиться самому медленному течению и потому сносится водою почти без всякого сопротивления вниз, в море, где уже очищается от бородавок и бросается на корм. Всю рыбу, выметавшую икру и уходящую обратно в море, в низовьях Волги называют пократною; такая рыба двигается, или, как здесь говорят, скатывается, вниз хотя в значительном количестве, но уже не такими сплошными косяками, как идущая вверх, и уходит вся мало-помалу почти незаметно. К половине мая морская вобла успеет уже скатиться в море, и затем до следующего года в реке не попадается ни одного экземпляра этой разновидности, за исключением жилой воблы, которая круглый год обитает в устьях Волги.

Выклюнувшиеся из икры мальки воблы в реке не остаются, а тотчас же уходят в море; точно так, как в реке не встречается молодой воблы, поэтому надо полагать, что вобла идет в реку, только достигнув половой зрелости, до той же поры обитает в море, в более отдаленных и соленых частях его.

Что касается жилой воблы, то последняя в июле и августе отъедается до того, что все мясо и внутренности ее, а иногда и основания плавников прорастают жиром; в это время у нее можно наблюдать уже молодую, только что зародившуюся икру. К зиме эта жирная вобла выбирает себе ямы и, подобно другой речной рыбе, залегает в них неподвижно, впадая при этом в спячку; к этому времени столь же жирная морская вобла подходит близко к берегам и перезимовывает перед самыми устьями Волги, для того чтобы при первой весенней моряне начать свой ход в реку. Перед зимней спячкой вобла снова выделяет обильную слизь, обволакивающую все туловище густым слоем; эта слизь известна здесь под именем слёна или рубашки, и ловцы уверяют, что неподвижность рыбы зимою происходит от опасения лишиться именно этой рубашки, предохраняющей рыбу от влияния холодной воды. Зимний сон воблы нельзя назвать полною спячкою – это скорее полусонное, полубоддрственное состояние, при котором рыба ничего не ест и лежит смиренно на дне ям, омутов и рытвин. Рыба, зимующая в реке, лежит на месте очень крепко; напротив, рыба, зимующая в тех частях моря, которые покрыты льдом, хотя редко, но бродит; наконец та рыба, которая находится в открытом море, и вовсе не спит. Существует мнение, которое нельзя не признать довольно вероятным, что зимняя спячка рыб обуславливается главным образом отсутствием воздуха в воде, находящейся подо льдом. Действительно, во время сильных морян, случающихся зимою, когда лед, покрывающий северное взморье и устья Волги, ломается и образует большие трещины, рыба, лежащая на дне, почувствовав приток свежего воздуха, поднимается с ям и начинает двигаться вверх по реке, пока не найдет снова удобных мест для залегания. Поэтому-то рыба, зимующая на взморье, вода которого находится постоянно в соприкосновении с незамерзающими частями моря, имеет менее вялый вид, чаще бродит и, наконец, ранее прочей рыбы открывает весенний ход.

Для продажи вобла готовится в двух видах: копченкой и карбовкой. Первым способом готовят преимущественно раннюю, так называемую подлédную воблу, которая имеет еще малоразвитую икру. Благодаря более раннему, холодному времени подлédная вобла требует меньшего количества соли, поэтому кла дется в

рассол целиком, без всяких надрезов; карбовкой же готовят позднюю воблу, у которой икра уже очень крупная, а часто и совершенно жидкая; на такой рыбе делают с боков надрезы, для того чтобы она скорее и лучше просолилась.

Кроме торгового значения, вобла имеет важность и для промышленников, занимающихся ловом белуги в отдаленных и глубоких частях моря. Белуга вообще предпочитает воблу и даже весной и осенью подходит к устьям Волги следом за нею, пожирая ее во множестве. Для лова воблу насаживают на крючок за спину, так, чтобы она могла свободно плавать в воде; в таком виде она может прожить иногда до трех суток, тогда как другая рыба снёт гораздо скорее, что для ловцов очень важно, так как часто от количества запаса живой рыбы зависит и количество улова белуги.

Уженье плотвы не пользуется большим уважением между присяжными рыболовами, которые большею частью предпочитают ей более мелких ершей, ельца и даже пескаря. С гастрономической точки зрения эта рыба действительно стоит ниже поименованных, особенно летом, когда ее мясо отзывается сильною горечью, но презрение, оказываемое ей удильщиками, не совсем заслуженно, так как ловить ее нелегко и поймать много плотвы, даже при изобилии, могут только искусные рыболовы, притом не потому, чтобы плотва отличалась большою осторожностью, а потому, что она почти всегда сыта, да и голодная берет не так резко и решительно, как другие рыбы. Уженье плотвы – хорошая школа для начинающего рыболова, но и помимо этого воспитательного значения презренной плотички у нас найдется немало вод, где плотва составляет по необходимости главную добычу удильщика. Например, в Москве-реке, в пределах столицы, около половины всей пойманной рыбы составляет плотва; по самому умеренному расчету, в течение года здесь добывается удочкой не менее 500 пудов плотвы. В Англии плотва тоже местами составляет главную породу рыб и имеет и многих любителей и специалистов, которые ловят почти только одну плотву, как и у нас есть ершатники, лещатники и др.

Где искать и ловить плотву – видно из предыдущего, и повторяться не стоит. При употреблении насадок сообразно сезону уженье ее может продолжаться почти весь год, кроме глухой зимы; мало того, я убежден в том, что ее можно с некоторым успехом ловить и ночью – в реке на донные, а в прудах на поплавочные удочки, при освещении, которое вместе с тем служит приманкой рыбы. По крайней мере мои опыты уженья плотвы в купальнях при свете лампы были довольно удачны.

Плотва весьма чувствительна к переменам погоды, держится то глубоко, у дна, то вполводы, а иногда на поверхности. Поэтому клев ее весьма капризен. Несомненно, что перед ненастьем она перестает брать, но верно также и то, что неудача большею частью происходит оттого, что плотву ловят не там, где она есть, и не на надлежащей глубине. Если она часто «плавится», т. е. плавает поверху, разрезая спинным пером воду и оставляя след в виде линии, или же пер еворачивается, пуская брызги, то со дна ловить ее не стоит, а лучше удить или вполводы, а то так поверху, нахлыстом.

Но ловить нахлыстом, т. е. самым трудным способом, мелкую плотву – это оказывать ей слишком много чести. Точно так же не стоит удить ее на донные удочки, взакидку, тем более что она и попадает на них довольно редко. А потому главный, почти исключительный способ уженья плотвы – это ловля на длинное удище с поплавком, практикуемая как в стоячих, так и в не особенно быстро текущих водах. Главная разница заключается в насадках.

Первое условие плотичной удочки заключается в ее легкости, а потому она делается из самого легкого дерева или еще лучше – тростника. При уженье с берега удильник должен быть гораздо, чуть не вдвое, длиннее, чем при уженье с лодки, – до 3 сажень, для более дальнего закидывания. Вообще плотва чуть не единственная

рыба, которую в большинстве случаев бывает удобнее и выгоднее ловить с берега, чем с лодки. Многие английские удильщики и даже некоторые русские рыболовы предпочитают ловить плотву с катушкой, ради возможности употреблять очень маленький крючок, конский волос для поводка и ради удобства укорачивания. По моему мнению, возиться с такой мелкой и слабосильной рыбой в течение нескольких минут, даже четверти часа, не только не стоит, но даже несколько смешно. Но раз вы ловите плотву без катушки, то рациональнее ловить ее не на шелковую, а на хорошую и свежую трехволосную леску, которая, растягиваясь, до некоторой степени заменяет катушку, а главное – дает возможность употреблять мелкие номера крючков и мелкую насадку. Удить же на шелковые лески с крючками ниже № 10, без катушки, совершенно неблагоприятно, потому что рыба покрупнее, в большинстве случаев зацепившаяся только слизистой оболочкой нёба или губ, легко срывается с крючка. Тем более не стоит ловить плотву ноттингемским способом, т. е. отпуская поплавок на расстояние до 30 и даже 50 аршин. Не стоит потому, во-первых, что далеко отпустить поплавок можно только на сильном течении, на котором плотва стоит редко; во-вторых, поплавок должен быть велик и неглубоко сгружен, иначе его не будет видно, а величина поплавка необходимо обуславливает и размеры крючка и величину насадки; в-третьих, плотва не отличается осторожностью, подобно лещу, язю, сазану, и отлично берет у самой лодки. По всем этим причинам благоприятнее ловить плотву упрощенным ноттингемским способом – москворецким, вприводку, с длинной волосяной леской, до 20–25 аршин длины, и легким поплавком. Об этом ужении будет говориться далее, при описании ужения язя и ельца; а здесь скажу только, что при ужении плотвы москворецкие рыболовы не отпускают поплавок и вполтину так далеко, как на подвязка.

В редких случаях ловят плотву на несколько удочек; большую часть необходимость заставляет держать удище в руке и быть постоянно наготове к подсечке. Впрочем, при ловле на зелень в тихих местах можно с успехом ловить на 2, даже 3 удочки, потому что при хорошем улове плотва иногда даже заглатывает крючок.

Крючок никогда и ни при какой насадке не должен быть крупнее № 8, и то только когда насаживается навозный червь, не особенно, впрочем, уважаемый плотвой; специальной же ловли плотвы на выползка, т. е. большого земляного червя, требующего крупных крючков, быть не может. Всего удобнее крючки № 10. Загиб в сторону излишен и даже вреден; при ужении на хлеб, зерно, опарыша практичнее употреблять крючки с короткими стержнями. В Англии есть даже несколько сортов крючков, употребляемых исключительно для ловли плотвы, но так как их у нас достать трудно, то приходится довольствоваться самыми крепкими и острыми крючками Кирби, Лимерик; всего же лучше не раз упомянутые бронзированные крючки Пэнэля с отогнутым ушком. Для ловли на мотыля – местами главной осенней и зимней насадки – самые практичные крючки мотыльные, с длинным стержнем; на обыкновенные крючки мелких номеров насаживать мотыля в холод очень трудно. Для ловли плотвы, замечу, необходимо выбирать крючки, у которых борода начиналась бы как можно ближе к сгибу. Чем длиннее эта часть крючка, тем менее вероятности, что жало крючка будет во рту плотвы.

Поводок может быть при ловле с катушкой из одного волоса, который пристегивается петлею к тончайшему шелковому шнурку. Чаще для поводка берут самую тонкую жилку или так называемую тянутую, т. е. с которой состроган верхний слой; но последняя очень непрочна, скоро изнашивается и всегда менее упруга, чем обыкновенная. Для ловли на волосяные лески практично употреблять волосяной же поводок, но не в один, а в два волоса. Необходимые качества поводка – прозрачность и незаметность. Лучше всего, если он будет желтоватого цвета, почему

волосяные поводки должны быть из солового волоса; некоторые красят поводки в зеленый цвет.

Грузило плотичной удочки всегда легкое и состоит обыкновенно из одной или нескольких дробинки, расположенных не очень тесно, причем более крупные должны быть дальше от крючка. Вместо дробинки еще лучше употреблять тонкие пластинки свинца, которые обертываются вокруг лески (повыше ее конечной петли, к которой пристегивается поводок с крючком) в виде удлиненного узенького цилиндрика. Очень удобно для выверки поплавок грузило из свинцовой проволоки, потоньше булавы. Эта проволочка обертывается вокруг лески спиралью, причем для удобства наворачивания подкладывают тонкую иглу, которая потом, выдергивается; спираль же несколько сдавливается, чтобы не скользила по леске. Более аккуратные рыболовы место привязки груза, во избежание скорой порчи лески окисью свинца, предварительно обматывают шелковинкой, но это уже излишний педантизм, отнимающий слишком много времени. Иногда при ужении на течении необходимо бывает помещать придаточный грузок – небольшую дробинку с булавообразную головку или немного крупнее, и уже на поводке, в расстоянии 2 вершков от крючка. Этот подпасок употребляется москворецкими рыболовами для того, чтобы насадка шла глубже и поводок не составлял бы вместе с леской почти прямого угла. Такое положение легкой насадки невыгодно потому еще, что поклевка становится менее заметной, что всякому понятно.

Поплавок имеет очень важное значение при ужении плотвы, тонкий клев которой вошел в поговорку. Он должен быть насколько возможно меньше и легче и сидеть в воде как можно глубже; иногда необходимо, чтобы верхушка поплавок высовывалась из воды только на 2, даже на одну линию. Пробочные поплавки малоприспособлены, кроме самых маленьких, и притом удлиненной формы; для ловли в стоячей воде очень хороши длинные перьяные поплавки или же из иглы дикобраза. При ужении на течении длинные поплавки, однако, неудобны. Леска здесь всегда более или менее оттягивает верхушку поплавок, между тем как необходимо, чтобы последний всегда находился в вертикальном положении. По этой причине москворецкие рыболовы прикрепляют поплавок к леске только снизу; при таком условии длина поплавок, очевидно, излишня и даже вредна. Большинство столичных удильщиков ловят с небольшими поплавками из коры осокоря (реже ветлы), от 1 до 2 вершков длины и толщиной около четверти вершка или полудюйма. Практичность подобных поплавок и подобного способа соединения их с леской не подлежит никакому сомнению, и я еще буду иметь случай говорить о них при описании ужения ельца. Очень хороши и гораздо чувствительнее, но несравненно менее прочны поплавки из сухого камыша или куги (см. «Лещ»).

Так как плотва рыба сравнительно сытая и малоподвижная, то, для того чтобы обеспечить себе успех ловли, необходимо привлечь ее или даже приучить к данному месту каким-нибудь лакомым кормом. Это достигается прикормкой или притравкой, бросающейся перед ловлей или во время ловли, а в особенности привадой, устраиваемой за несколько дней и постоянно поддерживаемой. Впрочем, привада более необходима в стоячей или полустоячей воде – в прудах и озерах, в реках же можно ограничиться бросанием прикормки во время ловли, стоящая ниже рыба, встречая плывущие мимо частицы корма, поднимается выше, к самому источнику, и встречает тут крючок рыболова с еще более лакомой приманкой. Отсюда легко заключить, что прикормка должна соответствовать силе течения, т. е. быть тем легче, чем слабее течение. Напротив, привада как в стоячей, так и в текучей воде может быть и тяжелой и легкой, на течении даже лучше тяжелая, так как легкая скоро будет снесена вниз. Впрочем, легкий корм может быть задерживаем на более или менее продолжительное время, если будет смешан с глиной или заключен в редкие мешки, кульки или особые жестяные снаряды с отверстиями. Иногда, но

довольно редко, к такому экономическому распределению корма бывает полезно прибегать и при ловле в стоячей воде. В большинстве случаев в прудовом ужении ограничиваются бросанием корма на месте лова в количестве нескольких горстей, если это привада, и одной горсти, если это прикормка. Относительно прибавки каких-либо пахучих веществ ради сдобривания корма следует опять повторить, что они гораздо более достигают своей цели в стоячей воде, так как здесь пахучие частицы распространяются во все стороны радиусом, в проточной же воде только в одном направлении. Однако если прикормка или привада несоразмерно тяжелы, то масла и тому подобные снадобья бесполезны и могут скорее привлечь рыбу своим запахом.

В прудах места, избранные для ужения плотвы, всего лучше заприваживать пареною рожью или же крошками черного хлеба, которые можно заменить распаренными корками; к этому основному корму благоразумно прибавлять ради запаха пшеничных отрубей или толченого конопляного семени, слегка поджаренных. Разбрасывать приваду надо дня 2–3, утром и вечером по 3–4 хороших пригоршни, выбирая глубину около 2 аршин. Перед ловлею бросают немного прикормки. Очень хорошей привадой служит мелко искрошенная конопляная или льняная избоина (жмыхи, колоб, дуранда). Некоторые во время ужения прикармливают поджаренным конопляным семенем – толченым или драным, которое заблаговременно заготавливается в виде маленьких удобопереносных плиточек, причем связью может служить крахмал или клейстер. В очень заросших прудах привада и прикормка не оказывают большого влияния на успех ловли, и вообще надо избегать закармливания рыбы.

При ужении плотвы на слабом течении как хлебная или зерновая прикормка, тем более привада употребляются сравнительно редко. Здесь гораздо более действительной оказывается прикормка в виде мотыля, муравьиных яиц, которые далеко относятся течением и издали привлекают рыбу, между тем как слабое течение, на котором держится плотва, не в состоянии увлечь с собою зерна. Крупные пшеничные отруби, а также драное конопляное семя по своей легкости очень хороши, но летом привлекают слишком много мелочи. Лучшею прикормкою служит все-таки мотыль: весной – в мае, после нереста плотвы, а затем уже в августе или в начале сентября. В конце мая и в июне, когда мотыля достать трудно (в это время он вылетает из воды), можно с успехом ловить плотву, прикармливая ее муравьиными яйцами. Обе эти прикормки хороши тем, что не очень скоро насыщают рыбу. То и другое сминается обыкновенно вместе с глиною, но на очень слабом течении лучше прямо подбрасывать мотыля вместе с сором позади лодки; вообще для прикормки лучше употреблять не чистого мотыля, а вместе с водорослями и сором, в котором он застревает и который отчасти заменяет глину. Чем слабее течение, тем рыхлее и мельче должны быть глиняные шары с прикормкой. Весьма полезно бывает в том случае, когда сильно надоедает мелочь, теребящая насадку, прикормку бросать в виде глиняных пирожков с начинкой из мотыля. При обыкновенном же способе замешивания прикормки вместе с глиной мелочь перехватывает исподволь размываемого водой мотыля, тогда как в пирогах начинка выходит сразу и значительная часть мотыля относится далеко от лодки и привлекает нижестоящую крупную рыбу, которая затем поднимается кверху и отгоняет мелочь. По всей вероятности, летом лучшею прикормкой была бы зелень, т. е. нитчатая водоросль, лакомая летняя пища не одной плотвы, но трудно придумать, как это устроить. В песчаных местах для привлечения плотвы иногда полезно бывает взрывание дна граблями или веслом; образующаяся муть приманивает плотву, хотя и не в такой степени, как пескаря.

Насадки для ужения плотвы довольно разнообразны. Они могут быть разделены на растительные и животные, причем первые употребляются большею частью в

стоячей воде, а вторые в проточной. Главные растительные насадки – хлеб, пареные хлебные зерна, зелень; главные животные – мотыль, опарыш, муравьиные яйца, навозные черви; кроме того, изредка насадкою служат мухи, мелкие кузнечики, шиворотка, т. е. личинка мошкары, раковые клешни и шейки.

В реках на хлеб плотва берет хуже, чем в прудах, а иногда и вовсе не берет, если не будет им же прикормлена. Черный хлеб, более пахучий и вязкий, чем белый, предпочтительнее, но и его не лишнее сминать с различными снадобьями: плотва – самая прихотливая и привередливая рыба, и если ей не понравится насадка, то она выплевывает до подсечки. Вообще всякий, в особенности белый, более безвкусный хлеб лучше сминать с медом и прованским маслом, в которое прибавлено несколько капель анисового или мятного масла. Белый хлеб пригоднее домашнего приготовления, особенно сдобный и несколько сыроватый; можно его также заменять тестом; De La Blanche1re советует тесто немного просаливать, а затем слегка поджарить с салом на сковороде. За неимением сдабривающих веществ можно ограничиться тем, что мякиш сминают с слизью или даже с содержимым желудка пойманных рыб. Кроме того, так как несомненно, что вся рыба питает особую слабость к красному цвету, весьма полезно мякиш белого хлеба окрашивать суриком, сминая его с мелким порошком этой краски. Хлебные шарики могут быть величиною от просяного зерна до горошины; наиболее пригодные номера крючков – от 10 до 12.

Хлебные зерна как насадка уступают мякишу. Лучше всех, по моему мнению, перловая крупа (из ячменя), которая, если не очень разварена, держится на крючке довольно крепко, даже на не очень сильном течении. За ней следует пареная пшеница, рожь и наконец овес. На пареный горох плотву ловить не стоит, но я ловил ее довольно удачно на вареный зеленый горошек, который, вероятно, может быть заменен молодым сахарным горохом, а также и пареной чечевицей; последняя как насадка и прикормка, кажется, никем не употребляется, но во многих отношениях она должна быть лучше пареного гороха, да и лучше его держится на крючке. Ловят обыкновенно на одно отборное и хорошо распаренное (нетреснувшее) зерно. Вероятно, плотва будет хорошо брать и на разваренное настоящее саго (тапиоку), о котором я уже упоминал при описании уженья лещей.

Зелень, как сказано, составляет превосходнейшую летнюю насадку для плотвы. К сожалению, последняя берет на зелень только там, где к ней привыкла. Это – нитчатая водоросль, называемая также по своему виду, напоминающему пряди тончайшего шелка ярко-зеленого цвета, шелковником; по мнению барона Черкасова, научное название ее *Confervula rivularis*. Может быть, можно ловить и на эту водоросль, но москворецкие рыболовы удят на один из видов рода *Cladophora*. Зелень растет как на слабом, так и на умеренном течении, преимущественно на сваях и на камнях, притом на небольшой глубине; на очень слабом течении она всегда бывает очень груба и темна, почему рыба берет ее не особенно охотно. Лучшая, т. е. самая яркая, тонкая и вместе крепкая, зелень растет обыкновенно на сваях под мостами. Растет зелень чрезвычайно быстро и, если не было паводков, которые обыкновенно смывают или обрывают ее, достигает длины аршина и более. Предпочитается, впрочем, молодая короткая зелень – около четверти длины. Водоросль эта имеет очень сильный запах, напоминающий огуречный, и довольно приятный вкус, так что нет никакого сомнения в том, что она сама по себе составляет лакомый корм для рыбы, которая вовсе не ищет в ней мелких организмов, которых на течении бывает очень немного. Что плотва летом питается главным образом зеленью или, за неимением ее, какой-либо другой нежною водорослью, можно убедиться, исследовав содержимое ее желудка, в чем, впрочем, не представляется особенной надобности. Легкая горечь мяса плотвы обязана своим происхождением именно водорослям. К сожалению, зелень летом довольно скоро

портится и даже если хранилась ночью в погребе, на другой день становится квёлою, разлезается и рвется на крючке. То же самое происходит и от хранения ее в банке с водой, хотя она в ней и разрастается. Во время ловли держат ее в мокрой тряпке.

Способ насаживания зелени довольно оригинален. Берут прядку не короче 2, даже 3 вершков, от спички до гусяного пера толщиной, сгибают ее пополам и делают посредине двойную петлю в виде буквы «в»; в отверстия эти продевают крючок, петлю затягивают, и концы обрезают или откусывают так, чтобы длина прядки была не менее вершка. Жало крючка находится, таким образом, совсем снаружи, но это не имеет никакого или почти никакого влияния на клев плотвы, по крайней мере, это объясняется тем, что эта легчайшая насадка плывет впереди крючка, всегда очень маленького (большею частью № 11–12), и по причине своей длины заглывается прежде, чем рыба почувствует крючок. Где течения нет и зелень висит, там рыба очень плохо берет или не берет вовсе.

Ловля плотвы, а попутно подъязка, голавля, ельца на зелень – один из самых добычливых способов ужения. Ни на какую насадку, с привадами, прикормками, притравами, нельзя поймать летом столько плотвы, сколько на зелень без всякой прикормки, если только, конечно, выбрано удачно время и место, а плотвы много. На Москве-реке есть специалисты этой ловли, которые в самое глухое время для ужения таскают на зелень плотву пудами, поддевая изредка и порядочных язей и голавлей. Плотва питает какую-то не совсем объяснимую слабость к зелени. Я даже думаю, не имеет ли она для нее летом значения не только вкусной пищи, но и лекарственного – слабительного – средства. Рыба летом, особенно в жару, вообще болеет и страдает от паразитов.

Ужение на зелень на чинается обыкновенно в конце мая или позднее, как только установится теплая погода и на сваях покажется зелень в вершок, а продолжается до середины августа или первых чисел сентября. Первое время, впрочем, плотва берет плохо; рыболовы говорят, что настоящий клев ее начинается, только когда она въестся в зелень, т. е. привыкнет к ней, а это бывает после первого порядочного паводка, который смывает часть зелени и таким образом приучит к ней рыбу. Хотя плотва и держится в тех местах, где растет зелень, но здесь она берет плохо, вероятно потому, что сыта. Всего практичнее ловить ниже таких мест, на умеренной глубине, так как здесь рыба привыкла сторожить мимо плывущий корм и бросаться на оборванные течением прядки зелени. Надо только «потрафить» глубину, т. е. узнать, где стоит плотва – вполводы или низко. Это можно узнать эмпирически, начав ловлю со дна и постепенно спуская поплавок, но само собою понятно, что если ловят ниже мелкого места, где растет зелень, то ловить со дна не следует, по тому что зелень имеет почти одинаковый удельный вес с водою. Вообще на зелень со дна ловят редко. Очень успешно можно ловить на зелень под плотинами, в ямах, где воду крутит, а также ниже перекатов, где течение сразу ослабевают. На очень быстрых местах и на самых перекатах плотву на зелень не ловят, и здесь скорее можно поймать голавля, ельца или подъязка. Замечено, что при каждом не только усилении, но и ослаблении течения (в шлюзованных реках) плотва начинает брать на зелень жаднее. Втихих местах можно ловить, не перебрасывая, даже на 2 или 3 удочки. Перед тем как забросить удочку, зелень на крючке немного отхлестывают, чтобы она распушилась и имела бы еще более соблазнительный вид. О характере поклевки плотвы на эту насадку будет говориться далее.

Из живых насадок для ужения плотвы самая лучшая – мотыль, конечно, там, где можно доставать его в большом количестве, но на мотыля рыба, худо ли, хорошо, должна брать всюду, так как вид и цвет этой насадки не оставляет ничего желать и он составляет для рыбы любимую пищу, а иногда и лакомство. Трудно представить, чтобы его где-нибудь вовсе не было и рыба была бы с ним совершенно незнакома. Нельзя, однако, не заметить, что в прудах, озерах и вообще в стоячей воде рыба берет

на мотыля хуже, чем на течении и в реках, что я склонен приписать тому, что мотыль, который держится в иле, где течения нет или почти нет, рыбе приелся. Как сказано выше, москворецкие рыболовы, признающие, кстати сказать, только две главные насадки – выползка для ловли взакидку да мотыля для ловли на весу, с поплавком и без него, ловят на мотыля весной – с конца или середины апреля, когда прочистится вода, до середины мая; позднее удят здесь на муравьиные яйца и зелень. Затем с первыми заморозками снова главной дневной насадкой как для плотвы, так и для другой рыбы является мотыль, который удерживает свое первостепенное значение всю зиму вплоть до вскрытия. Для плотвы насаживают на крючок (№ 10–14) по 2 или по 3 мотыля, нанизывая и х пониже головы, у второго сустава; при вялом клеве надевают самого крупного мотыля, как червя, т. е. пропустив жало за голову, надвигают потихоньку пальцем мотыля на крючок. Эта операция при тонком и мелком крючке (№ 12) вовсе не так трудна, как может показаться с первого раза.

На червей плотва берет хуже, чем на хлеб или мотыля, а на больших, т. е. выползков, берет только случайно, большей частью ночью на донную, и еще реже попадает. Местами, впрочем, плотва недурно ловится весной на мелкого земляного и навозного червей. Иногда, при ужении подуста и ерша, она попадает на кусочки червя (выползка и железняка) и берет на эти кусочки сравнительно верно.

Опарыш составляет очень хорошую летнюю насадку для плотвы, но она берет на него не везде, а в прудах почти никогда, вероятно потому, что падаль в пруды попадает реже, чем в реки. Обыкновенно надевают на крючок (№ 12) только одного опарыша. Опарыши окуклившиеся, сходные величиною и цветом с барбарисом, тоже очень хороши, но очень плохо держатся на крючке.

Муравьиные яйца как прикормка и насадка для плотвы не имеют такого важного значения, как для подуста, подъязка и других рыб, но в мае на эти куколки муравьев нередко можно поймать несколько десятков крупных плотвиц.

В небольших речках плотва очень часто не берет ни на какую другую насадку, кроме как на шиворотку. Это личинка мошкары – *Phryganea*. Они бывают различной величины, но для ужения плотвы пригоднее мелкие. Шиворотка – белесоватый червячок с тонкой головкой, заключенный в особой трубочке, составленной из частичек хвоща, *censored*чков, гнилушек и т. п., неправильной формы; из трубочки червячок может высываться до половины. Ловят шиворотку сачком из кисеи около берегов и травы; перед насаживанием на крючок ее вытаскивают из трубочки, для чего удобнее всего предварительно уколоть ее булавкой с заднего конца. На шиворотку хорошо берет на речках всякая бель, в особенности подлещи ки.

Специальной ловли плотвы на раковые шейки и клешни, а также на кузнечика нигде не производится, и на эти насадки она попадает больше случайно. Но на муху – обыкновенную комнатную или мясную – местами можно летом ловить очень много плотвы, если она только ходит поверху. Ужение на мушку может производиться как с поплавком (но без грузила), так и нахлыстом (см. «Форель»). Впрочем, плотва берет недурно и на тонущую муху. Искусственная насадка, какая бы то ни была, для этой рыбы совершенно непригодна.

Барон Черкасов указывал на визигу как на хорошую насадку для ужения плотвы, особенно если визига будет окрашена в красный цвет. Мои пробы были, однако, неудачны, хотя я и не могу отрицать, что на нее рыба должна брать. Но, во всяком случае, это слишком сложная и несподручная насадка, и ловить на нее плотву не стоит.

Клев плотвы крайне капризен: сегодня она берет хорошо, завтра совсем не берет без всяких видимых причин. Но более наблюдательный рыболов, который замечает,

на какой глубине стоит плотва, всегда поймает, хотя немного. Эта рыба очень вяла, и раз она стоит на известной высоте, то, если сыта, неохотно поднимается или опускается за падающей приманкой. На течении, т. е. в реках, если насадка плывет на вершок ниже или выше, чем следует, можно ничего не поймать, тогда как рядом будут таскать плотву десятками. В прудах же плотву большею частью приходится ловить или со дна так, чтобы насадка почти касалась земли, или же поверху (на муху), а вполводы, подобно красноперке, плотва берет здесь редко. Вообще наилучшая глубина для ужения плотвы – 2–3 аршина; место – около (на границе) травы, в прогалинах между травой (в прудах), в заводях и на слабом течении. Что касается погоды, то наиболее благоприятная – серенькая, слегка ненастная, когда дым стелется по земле.

Клев плотвы в большинстве случаев крайне вял и нерешителен, особенно когда она сыта. Дело в том, что эта рыба чаще других и имеет привычку пробовать вкус насадки, и притом довольно оригинальным способом: она подплывает к насадке, втягивает ее в рот и опять выплевывает; это повторяется несколько раз, и притом с такою быстротою, что нельзя даже сосчитать число выплевываний. В стоячей воде эта проба насадки выражается едва заметным дрожанием поплавок и кончается тем, что хлеб или зерно безнаказанно срывается рыбою, но поклевки плотвы весьма разнообразны: иногда она окунает поплавок, иногда даже кладет его на воду. На течении клев всегда вернее, а на быстрых местах, как и все рыбы, плотва хватается приманку с налета, без предварительных раздумываний, рассматриваний и пробований. На слабом течении, как было замечено, всего вернее плотва берет на зелень, большею частью взаглот, но тем не менее поклевка здесь малозаметна: поплавок или как бы начинает затягивать под воду, как будто крючок зацепил, или же замечаются едва заметные последовательные колебания поплавок, который продолжает плыть не останавливаясь. Это самые обычные здесь поклевки. В первом случае рыба схватывает зелень и, стоя на месте, ее заглатывает; во втором – она совершает это на ходу. Во всяком случае, здесь не следует так торопиться подсечкой, как при ужении на другие насадки. При жадном клеве и на более сильном течении, если приноровиться к клеву, на зелень промахов почти не бывает.

Скажу теперь несколько слов о зимнем ужении плотвы, которое резко отличается от обычного и во многом напоминает ловлю ерша. Уже в октябре некоторые москворецкие рыболовы начинают ловить плотву с кобылок, ставя их на борт или скамейку лодки; грузило должно быть довольно тяжелое, с двойчаткой, т. е. перекладкой из щетины и привязанными к ней по концам крючками на волосяных поводках (см. «Ерш»); грузило должно лежать на дне 1–3 аршина от лодки, а иногда отвесно; насадкою служит, конечно, мотыль. Затем, по перволедью, плотва отлично берет на ямах, но позднее клев ее ослабевает, и она иногда вовсе перестает брать, хотя попадает на голые крючки – самодером. Затем в феврале снова начинают ее ловить в большом количестве. Клев плотвы зимою еще слабее, но она часто сама зацепляется и реже срывается. В большинстве местностей России плотву зимою вовсе игнорируют, еще более, чем летом, но в некоторых зауральских озерах ее ловят массами на мормыша, а в других (например, в оз. Кабане под Казанью) – даже на хлеб.

Эта казанская охота весьма своеобразна. Насадкою служит пшеничное тесто, смятое с порошком сурика и называемое здесь просто суриком. Удочка короткая, рукоятка с вставленным китовым усом; леска волосяная с небольшим осокоревым поплавком и оканчивается довольно тяжелым грузом, выше которого прикреплен щетинный двойчатка. Поплавок устанавливается так, чтобы видно было малейшую поклевку. Обыкновенно бросают прикормку, большею частью конопляную избоину. У нас же, на Москве-реке, бросают только мотыля и то очень редко. Замечательно, что казанские рыболовы считают полумрак над прорубью необходимым условием

успешности зимнего лова, а потому над прорубью ставят шалаш; для того же, чтоб прорубь не замерзала, а также для отогревания рук употребляют жаровню. Очень может быть, что именно огонь и привлекает плотву к проруби. По крайней мере, г. Абрамович («Вестн. рыболовства», 1888 год) прямо говорит, что с огнем можно успешно ловить плотву из прорубей, чему можно и поверить.

Пойманная плотва оказывает относительно весьма слабое сопротивление – не только зимою, но и в теплое время года. Она почти вдвое слабее подъязка одинакового веса. Всего бойчее бывает эта рыба в начале осени, когда выходит на мелкие и довольно быстрые места. Но так как плотву всегда приходится ловить на мелкие крючки и мелкую насадку, а крючки часто лишь слегка зацепляют за слизистую оболочку рта, то пойманную рыбу не следует тащить очень круто. Пойманную плотву нетрудно признать, потому что она сначала очень вертится на крючке и трясет леску и кончик удилица, но она очень скоро ослабевает и всплывает кверху доской, подобно лещу; если же ей приподнять голову и дать несколько раз захлебнуться воздухом, то можно и крупную плотву, слегка зацепившуюся, поднять из воды без большого риска. Плотва тем и отличается от язя, ельца и красноперки, что вытаскивается из воды точно окоченелая, подобно судаку, ни разу не трепыхнувшись.

Голавль

Squalius dobula. Всюду – голавль, головль, местами (Кострома) – голов, (Саратов) – головач, головаля, головаля. В Астрахани также – яшень, прыгун, оголов, иногда неправильно – кутум; в Малороссии – головень. В Новгороде и Пскове – мирон (?); в Луге и Нарове – турбак; в Новгор. губ. также – голубль; по Днестру – клень. В Польше – головач, елец (?), дубиль (?), клинек. Лит. – цапальс; финск. – турвас, турппа; эст. – турбас-кала, турба-кала; у ижоров – турбакка. Тат. – бертас, также – бартас (?), кузир (Блох), кумр и азу (Фальк); черем. – трушка (?); чув. – иот-пол.

Рис. 168. Голавль

От других сродных с ним рыб голавль легко отличается своею толстою широколобою головою, почти цилиндрическим туловищем и крупной чешуей. Молодые голавлики, правда, часто смешиваются с ельцами, но их можно признать с первого взгляда по широкой пасти и более тупому носу, большей толщине и более темному цвету спины. Вообще эти два вида – голавль и елец – имеют между собою большое сходство и потому соединяются в один род (*Squalius*), отличительный признак которого число 2.5/5.2 и форма (удлиненные, сплюснутые и крючковатые кончики) глоточных зубов, также толстое, почти цилиндрическое туловище.

Голавль очень красив. Спина у него темно-зеленая, почти черная, бока серебристые с желтоватым оттенком, края отдельных чешуек отненены блестящей темной каймой, состоящей из черных точек; грудные плавники оранжевые, брюшные и заднепроходный – с красноватым оттенком, а спинное и особенно хвостовое перо – темно-синие, иногда несколько искрасна; глаза сравнительно очень большие, блестящие, с буровато-зеленым пятном сверху. Вообще, крупный голавль всего ближе подходит к язю, но гораздо длиннее, толще и широколобее последнего. Следует заметить, однако, что он, смотря по возрасту, местности и времени года, представляет более или менее заметные отличия, почему многие принимают несколько видов голавлей. Все эти разности имеют только маловажные отличия в форме головы и цвета плавников. У т. н. немецкого голавля (*Squalius dobula*) над

боковой линией находится меньшее число рядов чешуй и в заднепроходном плавнике только 8 членистых лучей; кроме того, парные плавники у него заметно светлее. У итальянского голавля (*Sq. cavendani*) все плавники оливково-зеленого цвета. Все плавники (кроме спинного) английского голавля с темной каемкой и ярче окрашены, нос более сплюснен и пасть меньше, чем у французского (*Sq. meunier*). Первая разновидность встречается у нас в Висле и вообще в Польше; голавль, довольно близкий к итальянскому, живет в низовьях Волги; третья разновидность водится исключительно в Средней и Северо-Западной России, а четвертая – в Южной России. Наконец, в Туркестанском крае недавно найден голавль (*Sq. intermedius*), который составляет как бы переход к ельцу: по величине рта и чешуй он похож на голавля, но тело его более сжато с боков, как у ельца.

Рис. 169. Глоточные зубы голавля

Голавль имеет довольно обширное распространение и водится почти по всей Европе – от Испании до Восточной России. Он, по-видимому, не встречается не только в Сибири, но очень может быть, что вовсе не водит ся в реках Белого и Ледовитого морей. Во всяком случае, эта рыба всего многочисленнее в средней полосе России, т. к. в низовьях рек голавль вообще редок и в устьях почти не встречается. В нижнем течении Волги и Дона он попадаетея большею частью случайно, а в море положительно никогда не заходит; в горных речках Крымского полуострова голавль вместе с мареной обыкновеннее всех прочих рыб; в Закавказье же он, кажется, заменяется другими, сродными видами.

Вообще голавль избегает больших, медленно текущих рек, и главным местопребыванием его служат небольшие, быстрые речки с достаточно холодной водой. В Восточной и Северо-Западной России он живет почти в одних местах с форелью (пеструшкою), хариусом и часто держится в таких местах, где по причине низкой температуры не встречается никакой другой рыбы из сем. карповых, за исключением гольца и гольяна. По той же самой причине голавль водится в очень немногих озерах, например в Чухломском (в Костромской губ.), Ильмене, изредка заходит из Волги в Селигер и пр. В малопроточных прудах он тоже довольно редок, держится всегда в самом материке пруда или его верховьях, и то, если вода еще достаточно свежа и прозрачна.

При благоприятных условиях голавль достигает значительной величины и в этом отношении превосходит язя. Десятифунтовые голавли встречаются почти всюду, изредка попадаются 15– и 20-фунтовые; при особенно же изобильной пище эта рыба может достигать гигантских размеров. Известный рыбовод и зоолог Н. А. Домбровский говорит, что ему приходилось наблюдать на р. Ирпене, в Киевской губ., стаю голавлей штук в 20, из коих многие достигали 6–7 четвертей и весили, вероятно, не менее 50–60 фунтов. Хотя голавль относительно роста и очень тяжел, но думаю, однако, что этот вес несколько преувеличен и что даже 7-четвертовые голавли не должны весить более пуда. Несомненно, что голавли растут даже в первые годы своей жизни гораздо быстрее язей и что они живут гораздо долее 18 лет, как полагают и некоторые иностранные авторы. Рыбы же, как известно, растут в течение почти всей своей жизни, хотя с известного возраста прирост их начинает постепенно уменьшаться. Эта непрерывность роста и большая зависимость его от

количества корма резко отличают рыб от птиц и зверей и имеют весьма важное значение для рыбного хозяйства, делая рыбоводство сравнительно более выгодным, чем всякое другое животноводство, что уже давно создано китайцами. Я имею, конечно, в виду только прудово-озерное рыбное хозяйство, так как речное, за редкими исключениями, не может быть ведено частными лицами.

Как сказано выше, голавль предпочитает небольшие, несудоходные реки большим. Он любит песчаное, каменистое или глинистое дно и избегает ила и тины, в чем составляет совершенную противоположность язю. Можно даже принять за правило, что там, где много голавлей, не может быть много язей и наоборот, так что эти две близкие породы рыб находятся как бы в некотором антагонизме. Например, в бассейне Москвы-реки и вообще в Окском голавль преобладает над язем в верховьях Москвы-реки и Клязьмы, также в их притоках – Пахре, Десне, Сетуни, Уче и др., тогда как, начиная со среднего течения первых двух рек (от г. Москвы и с Павлова на Клязьме), голавлей по крайней мере вдесятеро менее язей.

По своему образу жизни голавль довольно сходен с форелью, которую и заменяет в Средней и Южной России. Он очень любит песчаные мели и каменистые перекаты с довольно быстрым течением, также водовороты под крутоярами и охотно держится под береговыми кустами лозы и деревьями ольхи и чернотала, дающими ему обильную пищу – насекомых. В заводи, заливы и старые русла он заходит очень редко и положительно избегает тихих травянистых мест. Даже весной, в водополь, он не выходит из русла в пойму, а обыкновенно поднимается в притоки, где и мечет икру. По этой причине голавли так редко встречаются в поемных озерах, где всегда бывает много язя, леща, плотвы, окуня и шуки, а на юге и сазана. Еще в феврале, с первыми оттепелями и закраинами, голавли начинают выходить из зимнего оцепенения, в котором пребывали с глубокой осени, и из глубоких ям-становищ перебираются на мелкие места и понемногу, исподволь, вместе с прибылью воды, трогаются против течения, охотно заходя в мелкие притоки. Этот весенний ход голавля совершается стаями приблизительно одного возраста, более или менее многочисленными, смотря по местности и величине рыб, но никогда не бывающими такими большими, как стая язей, тем более плотвы. Нерестятся голавли, по моим наблюдениям, уже по 3-му году, достигнув величины около 1/2 фунта, более или менее, что зависит от изобилия корма. Кроме того, следует заметить, что самки значительно крупнее самцов одинакового возраста, и я в Москве-реке не встречал икрыников менее фунта весом. Начинают тереться, кажется, самые крупные голавли, а кончают мелкие, которым только минуло два года. Судя по громадному количеству встречающихся молошников, надо полагать, что самок гораздо менее, чем самцов. Так и следовало, впрочем, ожидать, принимая во внимание место нерестования и, пожалуй, относительно небольшую величину молошников. Голавли почти всегда мечут икру на довольно быстрых и очень неглубоких перекатах, вернее мелях, с хрящеватым или каменистым дном.

На юге России голавли нерестятся в конце марта или в первой половине апреля, а в средних губерниях почти всегда в последних числах. Но время нереста находится в прямой зависимости от погоды и вскрытия реки. Вообще, можно принять, что голавль выметывает икру 7–10 днями позднее язя, когда река уже почти достигнет своего обычного уровня и вода просветлеет. Так, по крайней мере, замечено мною на Москве-реке. В больших же реках, например в Оке и Волге, голавль вряд ли когда мечет икру и для этой цели обыкновенно входит в речки, непосредственно впадающие в эти реки. Самый ранний нерест в Москве-реке наблюдался в 1890 году, когда уже в начале апреля ловили голавлей с вытекающей икрой; однако в том же году небольшие самцы – от четверти до полуфунта весом – с вытекающими молоками встречались до последних чисел мая, из чего можно заключить, что период нерестования продолжается до двух месяцев, быть может и в июне, как

говорят некоторые немецкие рыболовные авторы. Это доказывается и тем, что осенью, в сентябре, можно встретить одновременно в одних и тех же местах стайки голавликов-селетков в 2–3 вершка длины и голавликов в 3/4–1 вершок. Эти голавлики позднего вывода, подобно всем или почти всем рыбам, составляют, так сказать, первый помет, т. е. принадлежат молодым голавлям и вряд ли доживают до весны, т. к. осенью совершенно беззащитны и беспощадно истребляются хищными и полухищными рыбами. Икра голавлей – оранжевого цвета, чем отличается от икры других карповых, и, кроме того, очень мелка – с маковое зерно. Судя по тому, что в полторафунтовой самке было насчитано 100 тыс. икринок, надо полагать, что самые крупные экземпляры имеют их свыше миллиона и что это одна из самых плодовитых рыб. Если же голавли нигде не поражают своей многочисленностью, подобно плотве, сазану, лещу, то это зависит от того, что большая часть икры уносится течением неоплодотворенною, не успев прилипнуть к камням или другим подводным предметам; кроме того, масса оплодотворенной икры поедается рыбами. Впрочем, в не очень быстрых местах и при многочисленности стаи выпускается столько молок, что вода становится белой. Перест каждой стаи непродолжителен и оканчивается в несколько часов. По-видимому, голавли выпускают половые продукты разом, а не в несколько приемов.

Выметав икру, голавли разбиваются на мелкие стайки, а самые крупные – на пары или одиночки, уходят в ямы и некоторое время, около недели, болеют и собираются с силами. Затем они снова выходят на мелкие небыстрые места, на перекаты и под плотины и начинают жадно кормиться. В Средней России этот выход происходит в начале мая, редко в конце апреля. Нельзя, впрочем, сказать, чтобы голавль все лето придерживался перекатов; он выходит сюда только периодически, чаще среди дня, в ясную погоду, а большую часть стоит на границе переката с глубиной, за уступом дна, иногда за камнем. Вообще, он любит близость быстрины и струи, несущей ему пищу, но при всей своей силе не может долго стоять на быри без какой-либо защиты. Он любит также водовороты, особенно в быстрых речках, и мельничные омуты, охотно стоит за мостовыми сваями, а также там, где два течения сливаются в одно, например ниже устоев моста. В речках голавль почти всегда держится под нависшими кустами и деревьями, дающими ему обильную пищу в виде падающих в воду майских жуков и других насекомых, и здесь он встречается нередко и в почти стоячей воде.

Кроме того, местопребывание голавля обуславливается также состоянием погоды. В полдни, в жаркое время, голавли плавают на поверхности, и вообще, чем яснее погода, тем они выше стоят; в холодную погоду они опускаются на дно, а в продолжительное ненастье уходят в глубокие места или забиваются под плоты, барки и (в прудах) даже под наплывы и в траву. Ночью голавль тоже находится в движении и кормится, хотя и не может быть назван ночной рыбой, как язь; в это время он стоит на более глубоких местах и на дне, но в лунные ночи обыкновенно плавится. Ветер летом всегда заставляет голавлей выходить на быстрину и подниматься кверху в ожидании обильной поживы. Замечено также, что они находятся в большом оживлении перед грозой и чрезвычайно жадно берут в это время на рака, что, вероятно, происходит от того, что последний перед грозой выходит из нор. Но как только начнутся гром и молния и пойдет ливень, рыба под влиянием электричества уходит в глубину. Не очень большой дождь побуждает голавлей подходить к ручьям, несущим мутную воду. На Москве-реке, в городе, голавли весьма охотно держатся близ водосточных труб, несущих всякую гадость.

В общем, голавль держится в менее глубоких и более быстрых местах, чем язь, и чаще последнего пла вает на поверхности. По этой причине он кажется более осмотрительным и осторожным, чем его сородич, что несправедливо. Голавль осторожен, только когда видит рыболова или грозящую ему опасность, а т. к. он

чаще держится в верхних слоях воды и в более прозрачной воде и обладает более острым зрением, чем язь, то немудрено было прийти к ошибочному заключению относительно его умственных способностей. При одинаковых условиях голавли всегда оказываются более жадными, смелыми и неосмотрительными, чем язь, в особенности же ночью или в обществе товарищей.

Пища его довольно разнообразна, и голавль может назваться вполне всеядною рыбою, т. к. кормится и насекомыми, и растительною пищею, и рыбою, даже мышами и крысами. Хищным голавль становится большею частью, когда достигнет веса около 2 фунт., а местами, при изобилии раков, еще того позднее, но рыбью мелюзгу летом хватают и небольшие голавлики. Главную пищу голавля, летом почти исключительную, составляют раки мелкие и крупные е. По весне голавль кормится больше червями, попавшими в реку; затем – на небольших реках – майскими жуками и другими насекомыми, падающими в воду; позднее – раками, местами метлицей (поденкой) и кузнечиками, падающими в воду с прибрежных покосов. В сентябре голавли питаются главным образом лягушками, или, вернее, лягушатами, собирающимися в реке для зимовки, а также мелкою рыбою, преимущественно пескарями, на которых иногда устраивают на песчаных перекатах настоящие облавы.

Вообще голавль ведет весьма правильный, методичный образ жизни, то держась на известных местах поверху днем, то на глубине, большею частью около крутых и обрывистых берегов с рачьими норами – именно по ночам. Как сказано выше, голавли держатся после нереста небольшими стайками, которые бывают тем больше, чем они моложе. Рыбы по 3–4-му году, т. е. одно-двухфунтовые, плавают по 10–30 шт. вместе, более же крупные, до 5 фунт., редко более десятка, а крупные, до 10 фунт. и больше, – чаще парами или в одиночку. Нередко можно видеть стаи и смешанных возрастов, вернее, несколько смешавшихся стай; в таком случае впереди идут голавли помельче, а сзади – самые крупные. Каждая стая имеет свой притон на глубоком, сравнительно тихом месте – большею частью в яме, куда скрывается для отдыха, а также от сетей и других опасностей. Отсюда они выходят по нескольку раз в день жировать, т. е. кормиться, поднимаясь кверху иногда на несколько сот сажен и возвращаясь затем обратно. Голавли плывут тогда большею частью поверху, на четверть от поверхности или менее, вереницами, один за другим, изредка опускаясь на дно. Этот путь имеет вид ломаной линии, изгибы которой зависят от свойства дна и силы течения; в общем, если течение не очень сильно, то станица придерживается главной струи, хотя заходит и в затишья, под кусты и деревья. Подъем этот совершается довольно медленно, но в глубоких иловатых местах и на больших быстринах станица обыкновенно прибавляет ходу. Дойдя до какого-нибудь известного пункта в реке – ямы, мели, переката, она возвращается обратно, но это скатывание совершается сравнительно быстро, и голавли подвигаются по воде кругами и чаще погружаются в глубину. Добежав до места своей стоянки, станица некоторое время там задерживается и затем вновь поднимается, аккуратно и точно придерживаясь той же дороги.

Такой образ жизни ведут небольшие и средние голавли все лето, начиная примерно с середины мая (в Средней России) до начала осени. Затем привычки их довольно резко меняются, и плавают они все реже и реже, что зависит, вероятно, от того, что главную пищу их составляют уже не различные насекомые и раки, а преимущественно лягушата и мелкая рыба, в особенности пескари, которыми они не пренебрегают и летом. С наступлением заморозков и увеличением силы течения, вследствие осенних дождей, голавли покидают свои летние стоянки, держатся в сравнительно глубоких местах, обыкновенно поднимаются кверху, к плотинам и шлюзам, а в октябре или в начале ноября окончательно залегают в ямы на зимовку и всю зиму до весны пребывают в полусонном состоянии, подобно сазанам, и

принимают пищу только в исключительных случаях, после продолжительных оттепелей. Этой спячкой голавли отличаются от язей, плотвы, лещей и некоторых других карповых рыб. Следует, однако, заметить, что в теплые зимы голавли даже в декабре и январе встречаются на сравнительно мелких местах и недурно берут на удочку. На Москве-реке, например, их нередко ловят среди зимы с лодки, под Бабьегородской плотиной, где река никогда не замерзает.

Во время своего медленного подъема на жировку станицы голавлей плывут с открытыми ртами и зорко следят за всем окружающим, в особенности на поверхности воды: все упавшее с берега или несомое течением привлекает на себя их внимание, и они бросаются на каждый *censored*чек, лист и соринку, особенно небольшие голавлики, таскают эти предметы и даже пробуют их вкус; крупные голавли менее любопытны и неосторожны, но если заметили, что впе реди их мелкие голавли хватают какой-либо корм, то бросаются к ним, отгоняют их со струи, несущей корм, и нередко отнимают у них пойманное. При виде какого-либо незнакомого предмета, плывущего на воде, голавли обыкновенно круто сворачивают в сторону или погружаются на дно; мало того, даже насекомые – жуки, стрекозы, кузнечики, упавшие или брошенные в открытом месте, и не у берега, а посредине реки, – возбуждают их недоверие и нередко остаются нетронутыми. Между тем эти самые насекомые, упавшие близ берега и кустов, с жадностью хватаются осторожными рыбами, и между ними начинается суматоха и возня. Голавли бултыхаются на поверхности, нередко выпрыгивая наружу, и это бултыхание очень напоминает звук брошенного в воду куска глины. На пути своем они также нередко взрывают носами песок и хрящ, разыскивая тут личинок и рачат, почему нередко дорога стайки обозначается мутными струйками. В местах, изобильных голавлями, стайки следуют одна за другой в незначительном отдалении, и если встретят м ного корма, то смешиваются между собою. Крупные голавли часто встречаются на быстринах, где держатся за крупными камнями. В запруженных, тихо текущих реках голавли держатся главным образом в мельничных омутах и ниже их; в самом же пруде встречаются довольно редко. В стоячей воде голавль становится очень ленивым и неподвижным.

Мелкие, т. ск. несовершеннолетние, голавлики ведут иной образ жизни. Первое время после выхода из икры они держатся около берега, на тихих местах, иногда даже в траве, но большею частью около плотов, пристаней и купален. Но уже в июне, еще не достигнув вершковой длины, юные голавлики начинают мало-помалу подвигаться к середине реки, вообще на струю, хотя еще избегают быри и перекатов; впрочем, они охотно держатся в ближайшем от них соседстве, около свай и камней, поросших шелковником, т. е. зеленью, которая, по-видимому, служит главною летнею пищею большинства речных рыб, особенно ее молоди. Как известно, мелких ракообразных – дафний, циклопов и пр. – в текущей воде бывает очень мало. Под мельницами главною пищею голавликов, как и всякой другой мелочи бели, до голяна включительно, служит т. наз. бус, т. е. мучная пыль, падающая в воду. Стайки голавликов-селетков первое время бывают довольно значительны – несколько сот, даже тысяч особей, но они быстро уменьшаются, т. к. сильно истребляются хищниками, особенно взрослыми голавлями, а также и чайками, ибо мелкие голавлики всегда держатся около самой поверхности, опускаясь на дно только в холод и ненастье. Кроме того, огромное количество селетков сносится водою; привычка их держаться на струе, в мельничных ящиках, ведущих к колесу, а также очень близко к шлюзам, оказывается для них губительной, так как стоит только почему-либо увеличиться течению и голавлики становятся жертвами своей опрометчивости. Однажды я наблюдал на одном из москворецких шлюзов, около берега, стайку голавликов сотни в полторы или две. Она упорно держалась против довольно сильной струи и искусно лавировала, то стремительно бросаясь вперед, то

отступая назад; при этом последнем маневре задние иногда осаживали слишком далеко и попадали в более сильное течение, с которым уже не были в состоянии справиться, и падали вниз. В пять минут я насчитал десять погибших. Сколько молоди рыбы погибает таким образом при каждом паводке на шлюзованных реках, где приходится спускать воду, трудно себе представить. По моему мнению, в этом надо искать главную причину, почему на Москве-реке при каждой прибыли воды вся крупная рыба подходит к шлюзам, поднимаясь сюда чуть не за несколько десятков верст.

Мелкие голавлики с виду очень похожи на ельчиков, но отличаются от них более темным цветом спины и более толстою головою; кроме того, они гораздо ранее последних отходят от берегов на чистые места и затем держатся на более сильном течении. Любимое их место – это наружные углы купален, где течение отбивается в сторону. При благоприятных условиях голавлики растут очень быстро, скорее язиков. В августе они уже достигают двух вершков длины, в сентябре трех, а в мае я редко встречал (в Москве-реке) голавликов, уже перегодовавших, менее 4 верш. и 1/4 фунта весом. О голавликах позднего вывода уже упоминалось выше. К следующему году эти голавлики достигают веса от полуфунта до одного, сообразно корму и полу, и уже способны к размножению. По моим наблюдениям, самцы с зрелыми молоками встречаются даже по второму году. Голавлики-селетки ведут все лето почти оседлую жизнь, не покидая очень тесного, избранного ими района, но к осени уходят на глубину и затем скрываются. Годовалые голавлики тоже летом далеко не уходят и стоят на одних местах – близ купален, плотов, плавучих мостов, иногда под берегом, около кустов и деревьев и даже между лопухами. Есть некоторые основания предполагать, что из небольших малокормных речек голавли по достижении известного возраста переходят в более кормные воды, спускаясь ниже. В Москве-реке замечается обратное явление: большая часть голавлей по причине дурного качества воды из среднего течения уходит кверху. Вообще с порчею воды от фабрик и заводов количество этой рыбы постепенно уменьшается, местонахождения ее суживаются.

Так как голавль держится большею частью в небольших реках, притом или на мелких местах, или на ямах, и значительными стаями не встречается, то при его осторожности и проворстве он редко становится добычею рыбака и нигде не может иметь промыслового значения. Всего более добывается голавлей весной, во время нереста, в верши, куда они идут весьма охотно; в мережи, бредни и невода голавли попадают сравнительно реже других рыб, преимущественно позднюю осенью и зимою (в невода). Если не везде, то в очень многих местностях голавли главным образом составляют добычу не рыбака-промышленника, а охотника-удильщика. К охоте же можно причислить стрельбу голавлей из ружья на перекатах (см. «Язь»). Не помню, в какой иностранной книжке я читал совет стрелять голавлей из арбалета стрелами с зазубринами, как у крючка, привязанными с противоположного конца к тонкой бечевке, намотанной на катушку, которая прикреплена к концу станка арбалета. Это приспособление дает возможность вытаскивать рыбу без лодки и не входя в воду.

Ужение голавля, однако, принадлежит к числу самых трудных и требует в большинстве случаев основательного знания привычек этой рыбы и немало сноровки. Ужение это довольно разнообразно, особенно это касается насадок, которые изменяются сообразно времени года и другим условиям. Прежде чем приступить к описанию этих разнообразных способов ловли голавля, считаю необходимым сделать несколько общих замечаний относительно ужения этой рыбы.

Голавль хотя кормится и ночью, но все-таки более дневная рыба, чем язь, а потому и ловят его больше днем. А так как он держится в чистой и мелкой воде, то всего удобнее ловить его или с берега, с мостов, плотов и купален, или же взабродку;

уженье же с лодки употребляется сравнительно редко. Главное условие успеха – не быть замеченным и услышанным этой рыбой, держащейся в верхних слоях воды, а потому надо ловить из-за прикрытия – кустов, деревьев – и стараться, чтобы тень не падала на воду.

О месте и времени, удобном для ловли, было уже говорено выше. Голавли берут очень жадно после не очень сильного дождя, при первых потоках мутной воды, и подходят тогда к ручьям, оврагам и водостокам. Так как у голавля пасть очень велика, то благоразумнее употреблять возможно большие крючки, насколько это позволяет насадка. Относительно последней надо отметить, что на незнакомую приманку голавли берут весьма неохотно; мало того, для успеха ловли не мешает знать, чем они кормятся в данное время, что достигается вскрытием пойманных.

Прикормка при ловле голавлей употребляется русскими рыболовами сравнительно редко, и очень немногие заранее приваживают эту рыбу. Между тем это единственное верное средство не остаться без добычи. Привадить, т. е. приучить голавлей посещать известное место, можно различными пареными зернами, хлебом, которые иногда сдабриваются маслом и пахучими веществами. Еще лучше – куски или крошки конопляных или льняных выжимок (колоб, макуха, дуранда).

Прикормка же, бросаемая перед ужением и во время ловли, должна состоять из более легких веществ, которые бы могли привлечь рыбу издалека. Лучшей прикормкой надо считать муравьиные яйца, также отруби, особенно для ужения поверху, затем макуха – толченая и кусочками; за границей же в наибольшем употреблении свернувшаяся кровь, которая опускается в начале ловли с камнем в частой сетке и, размываясь водою, привлекает голавлей за многие сотни сажен, однако не насыщая их. Некоторые довольствуются опусканием большой губки, смоченною кровью. У нас эта превосходная прикормка совершенно неизвестна. На все эти прикормки рыба, особенно голавль, подходит не столько потому, что видит их, сколько потому, что далеко слышит по течению шум, производимый рыбами, хватающими плывущий корм. Интересно наблюдать бульканье и возню, поднимаемую голавлями, когда они начинают хватать плывущие поверху муравьиные яйца. Прежде всего появляются мелкие годовалые голавлики, затем подходят побольше, и наконец являются самые крупные. Последних всего лучше привлекать жуками – майскими и хлебными. Так как голавль любит муть, то можно притравлять его, взмучивая воду в устье ручья. Достаточно в течение десяти минут хорошенько взмутить воду в ручье или реке, чтобы на муть подошли голавли, язи и другая рыба. Напротив, если взмучивать воду как на пескаря – с места лова, то этим можно только отогнать крупную рыбу.

Голавль берет насадку с срыву, очень резко и внезапно, так что часто утаскивает удочку, особенно донную. Так как обыкновенно эта рыба ловится во время ее обычного подъема вверх, то и хватает она насадку на ходу, идя с нею дальше. Таким образом, после поимки одного голавля вся стайка разбегается и затем продолжает свой путь, так что большею частью приходится ждать следующей партии. Только лакомая прикормка может задержать станичку на более продолжительное время и, раззадорив аппетит рыб и прибавив им храбрости, побуждает их смелее хватать насадку. В прозрачной воде (особенно с моста) нетрудно наблюдать, как берут голавли. Увидев насадку, стая подошедших рыб останавливается в нерешительности; наконец, один из партии, большею частью самый юный и неопытный, решается схватить насадку; остальные голавли, точно испугавшись смелости товарища, разбегаются во все стороны. Взяв насадку в рот, голавль, если не почувствует никакого препятствия, заглатывает ее на ходу; если же она слишком велика и не помещается во рту, или он почувствует сопротивление, тем более уколется, то бросает ее. На тихом течении, в прудах голавль очень ленив и даже лакомую пищу хватает не торопясь, медленно раскрывая свою объемистую

пасть. Надо быть всегда готовым к подсечке и не зевать – это главное. Подсекать можно посильнее, так как губы у голавля крепкие, а пасть гораздо мясистее, чем у язя. Вообще, голавль срывается сравнительно реже последнего, но чаще его обрывает лески, что, впрочем, больше происходит от неумения и неуместного пугания рыбы шумом. Голавль хотя и сильнее и много упористее язя, но далеко не так вертляв, и при некоторой сноровке вытащить его вовсе не так трудно, как может показаться на первых порах; голавль даже вовсе не часто выскакивает из воды, если его ловят не поверху; напротив, он тогда упорно придерживается дна, в особенности ночью. В силе, бойкости и особенно неутомимости голавль значительно уступает карпу и мирону, даже подусту одинакового веса. Вообще он скорее утомляется и чаще ошалевает после подсечки, чем язь.

Ужение голавлей может быть разделено на весеннее, летнее и осеннее. Каждый сезон имеет свои специальные насадки, оказывающиеся малодейственными в другое время; кроме того, каждая местность имеет свои излюбленные насадки и способы ловли, и незнакомую приманку голавль берет очень плохо, хотя можно приучить его ко всякой. Главные насадки следующие: весной – червь и майский жук, летом – рак, осенью – лягушонок и живец.

С весны некоторое время до и после нереста голавль ловится на донную удочку, на большого земляного червя (выползка, глисту), как и язь. Вообще, он начинает брать несколько позднее последнего, когда установится хорошая погода и распустятся березы. Клев на червя весьма непродолжителен: голавль берет на него большую часть на рассвете и с наступлением сумерек, реже днем, и то, если вода еще мутна; ночью клев реже, но вернее. Удочки употребляются те же, как и для ловли язей (см. далее), но крючки могут быть крупнее, а леска покрепче. Лучше всего становиться на лодке на мелях и перекатах, косах и отмелях с каменным дном и довольно быстрым течением, недалеко от глубокого места, так, чтобы насадка находилась вблизи от ямы. За неимением лодки можно с удобством ловить на донные с плотов, купален, плавучих мостов, в крайнем случае закидывают удочки с берега. Выползка голавль не особенно любит, но местами, где хорошо знаком с ним весной, когда очень голоден и корму мало, берет на него довольно жадно. Поклевка его отличается от поклевки язя тем, что он большей частью берет внезапно, без предварительных постукиваний и пощипываний, а потому необходимо держать удочку (или две) в руках или же класть около себя небольшой запас лески. Еще лучше, конечно, ловить на донную с катушкой. Только при катушке можно быть вполне уверенным, что удочка не будет утащена голавлем в воду. Если же удочка будет привязана, то рыба большей частью срывается, причем обыкновенно стаскивает с крючка всего выползка, чего язь почти никогда не делает. Некоторые рыболовы при вялом клеве нарочно стравливают одного червя, слегка зацепив его за крючок так, чтобы голавль мог безнаказанно его сорвать, или же подбрасывают нарезанных выползков. После подсечки голавль узнается по тому, что он упорно держится на дне, не всплывая сверху, подобно язю, и идет большей частью или вбок, или против воды, т. е. на лодку. Ночью даже крупный голавль, если его не форсировать и не пугать резкими движениями, идет после подсечки очень ходко прямо на лодку и, ошалев, упирается в нее лбом. Этим моментом и нужно пользоваться для того, чтобы выхватить его из воды сачком или руками. Днем, а также если очень шуметь и суется, пойманный голавль очень часто уходит под лодку и затем обрывает леску; в таком случае необходимо отпускать леску (когда голавль идет к лодке, ее подбирают двумя пальцами, держа все время на слаби) сколько возможно далеко; в крайности же лучше бросить шестик и потом перехватить его. В конце мая голавль уже перестает вовсе брать на выползка до поздней осени.

На Москве-реке голавли попадаются при ловле язя с поплавком впроводку на муравьиные яйца (см. «Язь»), но довольно редко, т. к. этот способ ужения

производится в довольно глубоких местах с умеренным и даже слабым течением. В мае весь голавль стоит на перекатах, а потому москворецкие рыбаки ловят его здесь, когда запрут Бабьегородскую плотину или немного ранее взбродку нахлыстом с легким грузилом, сначала на черного таракана вместе с шереспером, потом на шпанку, т. е. большую мясную муху и затем на тополевого червя – мохнатую пеструю гусеницу, во множестве держащуюся на листьях тополя. Но как на шпанку, так и червя попадает больше подъязков, чем голавлей, а потому об этих способах будет говориться в статье о язе. Местами небольшие голавли попадают весной на навозного червя, а также на мотыля.

Самая главная весенняя – майская – и частью летняя – июньская – ловля голавлей – это на майского жука, реже на хлебного, более мелкого. Майский жук и рак, бесспорно, любимейший корм голавля, однако нельзя не заметить, что не только на больших, но и на средних реках голавль берет на жука гораздо хуже, чем на речках, что объясняется тем, что берега последних чаще зарастают ивняком и ольхой, и жуки здесь гораздо обильнее. Местами в мае и первой половине июня голавли кормятся исключительно майскими жуками, особенно при их урожае, который бывает, кажется, через три года в четвертый. Способов ловли на жука очень много; можно ловить на донную с тяжелым и легким грузилом, на поплавок с грузом и без него, с короткой и очень длинной леской, наконец, нахлыстом, поверху и из-за кустов или плавом с лодки. Рассмотрим вкратце все эти методы.

На донную удочку с тяжелым грузилом ловят сравнительно редко, большею частью по ночам, с лодки, на умеренном течении и средней глубине. Правильнее и целесообразнее ужение на перекатах с легким грузилом на длинное удище с довольно длинной лескою, вроде москворецкой ловли язей на кузнечика (см. «Язь»). Жук плывет около дна, и рыба хватается охотнее, чем неподвижного. Удочку более или менее часто переакидывают. Этим способом можно ловить как днем, так и ночью, лучше с берега или взбродку, чем с лодки.

Жук насаживается почти всегда снизу, в грудной щитик, так, чтобы жало крючка (№ 1–3) свободно выходило или даже торчало наружу из зада насекомого. Другие пропускают крючок сбоку в щиток, к которому прикреплены крылья. Эти способы насаживания, однако, неудобны тем, что жука часто объедает или обрывает мелочь. Jobeu советует продевать крючок через спинку между надкрыльями так, чтобы жало выходило тоже в брюхе; этот способ очень хорош для ужения нахлыстом, потому что жук долго плавает и барахтается на брюхе. Еще лучше (особенно когда жуков мало), но несколько хлопотливо, снять поводок и, зацепив его петлю (которою он пристегивается к леске) длинной иглой (для этого ушко немного пропиливается, образуя крючок), пропустить через голову и все тело; крючок таким образом находится наружу у головы. Или же берут не большой якорек (№ 6–8) и точно так же продевают его через задний проход в рот, т. е. через все тело жука, так, чтобы тройничок торчал из хвоста насекомого. Подсеченный голавль выплевывает жука, который вздергивается на леску без изъяна; таким образом на одну насадку можно поймать 4–5 рыб. Кроме того, при продевании иглою жук очень долго живет и шевелит ногами, что весьма важно.

Некоторые авторы (John Fisher) советуют отрывать у жуков надкрылья и (передние) ноги, но это большею частью излишне, особенно отрывание лапок. Для того чтобы жук дольше держался на воде (особенно при ловле нахлыстом), достаточно расправить ему надкрылья, но если голавли мелкие, то можно обрывать надкрылья, т. к. крылья при забрасывании силою воздуха раскрываются, и жук падает на воду очень плавно. Как известно, майские жуки появляются (в средних губерниях) около половины мая и держатся около месяца. Ловят их или с вечера, после заката, когда они начинают летать, кисейной сеткой, а еще лучше – частым сачком или же стряхивают с деревьев ранним утром, когда они еще не успели

оправиться от оцепенения. Хлебные, или июньские, жуки (*Rhizotragus solstitialis*) похожи видом на майского, но значительно меньше и темнее его; особенно многочисленны бывают они на юге, на нивах, во время цветения ржи. Обыкновенно на крючок насаживают трех хлебных жуков. При ужении нахлыстом некоторые западно-европейские, особенно английские, рыболовы предпочитают живым жукам искусственных из гуттаперчи, пробки и мастики, но это предпочтение вызвано главным образом нежеланием возиться с живыми насекомыми; если их нет или очень мало, то на искусственного жука поймать трудно, разве только на быстрине. Кроме того, у нас почти все продажные жуки тонут и вовсе непригодны для верховой ловли, а на искусственную насадку можно ловить только поверху и на глаз.

Рис. 170. Стоячий самоогружающийся поплавок

На жука с поплавком ловят сравнительно редко по той причине, что голавль поплавок боится, да последний большею частью бывает излишен, т. к. эта ловля собственно верховая, без грузила. Но иногда, например при ветре, когда голавли особенно жадно берут на жука, потому что в такую погоду больше жуков падает в воду, приходится употреблять самоогружающиеся поплавки, т. е. поплавки с грузом внутри.

Собственно говоря, самоогружающиеся поплавки с успехом употребляются только в мелкой, быстрой и прозрачной воде на тонущую приманку, которая своим быстрым падением может возбудить опасения осторожной или сытой рыбы. Для того чтобы можно было закидывать удочку без грузила, при ловле с берега почти необходимо, чтобы поплавок был достаточно тяжел и имел надлежащую устойчивость. Для этого поплавок огружают, насколько это требуется, свинцом. Самый простейший самоогружающийся поплавок состоит из гусиного пера или кусочка бузины, из которого вынута сердцевина и один конец заткнут наглухо; в этот глухой конец всыпают несколько дробинок, а чтобы они не катались, прибивают их пыжом из кусочка ваты. Свободный конец поплавок затыкается плотно пригнутой палочкой. Необходимо, чтобы поплавок был так выверен, чтобы кончик его торчал из воды не более как на 1/4 дюйма. Такой поплавок очень хорош для ужения в тихой воде, но для ловли на быстрине необходимо, чтобы поплавок был лежачий.

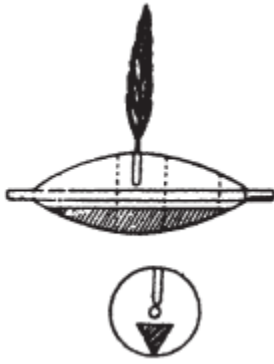

Рис. 171. Усовершенствованный самоогружающийся поплавок

Усовершенствованный самоогружающийся поплавок состоит из удлиненно-овальной пробки, просверленной вдоль; в сделанное отверстие вставляется тонкое перышко (из куриного или утиного крыла), а в эту трубку – клинышек из того же пера или палочки. Груз находится в самом поплавке; это полоска свинца надлежащих размеров, имеющая в разрезе треугольную форму и вставленная в соответственное продольное отверстие внизу поплавок (см. рисунок сбоку и в разрезе). Таким образом, поплавок будет иметь как бы свинцовую подошву. Выверенный поплавок в 4 местах (обозначенных пунктиром) обматывают шелком, чтобы свинец не сдвигался с места; затем его красят снизу в зеленый, а сверху в белый цвет и покрывают копаловым лаком. Для того чтобы поплавок был виднее, иногда сверху делается небольшое отверстие, в которое вставляется маленькое белое перышко (см. рисунок). Леска, разумеется, пропускается в перьяную центральную трубочку и затем заклинивается.

Так как на быстрине такие тяжелые поплавки требуют энергичной подсечки, то удилище должно быть довольно жестко, а леска крепка – лучше всего здесь употреблять леску из связанных жилок. При плохом клеве самоогружающиеся поплавки весьма полезны, особенно когда требуется наловить поскорее живцов. Но во всяком случае ловля с этими поплавками гораздо затруднительнее и менее добычлива, чем т. наз. ужение на пробочку, описанное далее (см. «Язь»).

Лучший клев на жука при ловле поверху бывает после заката и в сумерках; дне же голавль берет гораздо осторожнее, тогда как, напротив, на кузнеца ловится почти исключительно днем. Обыкновенное нахлыстовое ужение голавля с берега на жука мало чем отличается от ужения нахлыстом форели, только закидывать жука приходится сравнительно недалеко, почему оно гораздо легче. Катушка здесь полезна, но не так необходима, как для ловли форели, и практичнее ловить голавля, как язя, на цельные гибкие удилища и тонкие, но крепкие волосяные лески; особенно церемониться с пойманным и распускать катушку, тем более с трещоткой, даже невыгодно, т. к. возня надолго распугивает рыбу и приходится менять место после каждой выуженной, что не всегда бывает удобно. Если жук не шевелится, то надо его слегка подергивать. Ловят или из-за кустов или же лежа на земле, если берег открытый; взабродку ловить нахлыстом на жука не стоит, за редкими исключениями; гораздо удобнее удить на перекатах с легким грузилом, далее, отпуская от себя насадку. По всей вероятности, для этого ужения было бы иногда удобно применить ноттингемскую катушку (см. «Усач»). Некоторые ловят довольно успешно голавлей с плотов, плавучих мостов и купален, пуская длинную леску, к которой, начиная примерно на аршин от насадки – жука или, чаще, крупного зеленого кузнеца, – надеты в некотором расстоянии один от другого от 3 до 12 круглых или овальных, просверленных насквозь поплавочков, выращенных в красную или черную краску. Это называется ловить на пуговицы. Леска должна быть шелковая, крепкая, длиной не менее 10 сажень; привязывается она к длинному крепкому удилищу, т. к. подсекать надо очень сильно. Это ловля бывает весьма

успешна на глубоких местах и на слабом течении. Я полагаю, что здесь также можно было бы пользоваться ноттингемской катушкой, но ловить уже на тонкий шнурок и отпускать пуговки (которых много и не нужно) гораздо дальше – до 50 и более шагов.

Самый верный, весенний и отчасти летний, способ ужения на жука, дающий возможность на одном и том же месте ловить почти ежед невно по несколько штук голавлей, – это ужение с берега на поплавочную удочку в глубокой и тихой воде на предварительно заприваженных местах. Этот метод ловли, очень подробно описанный харьковским рыболовом Н. А. Дублянским, основан на знании образа жизни, привычек голавлей и, вероятно, может быть применен на всех небольших реках с берегами, заросшими кое-где кустами и деревьями. В мельничных омутах на жука и других насекомых голавль берет неохотно, и он здесь всего лучше ловится на хлеб, реже на угря, червя и на живца.

Ловля на жука с поплавком производится в местах, наичаще посещаемых голавлями, – в конце весны и в начале лета, именно там, где над водою нависли деревья, кусты или камыш, с которых падают жуки и другие насекомые.

Всего удобнее, если глубина будет здесь довольно значительна – не менее 2 арш., а течение очень слабо. Таких пунктов надо выбрать не менее двух или трех на расстоянии нескольких десятков сажен. В каждом избранном мес те подчищаются мешающие сучья, ветки и камыш, устраивается сиденье таким образом, чтобы можно было оставаться невидимым рыбе, затем у сиденья вколачивают две вилки – одну на берегу, другую в воде, и кладут на эти развилки длинную палку или негодную удочку с шнурком и поплавком из куги (тростника). Назначение этой фальшивой удочки – приучить рыбу к виду настоящей во время ужения. Суть заключается, однако, в прикормке или, вернее, приваде.

Прикармливают рыбу дней шесть-семь, бросая ежедневно или через день, не ранее 10 ч. утра, на место, где будет впоследствии находиться насадка, смоченную в воде измельченную макуху (конопляные выжимки) и пшеничные отруби; то и дело бросают с перерывами (через 2–3 минуты) небольшими щепотками, отнюдь не показываясь из засады. Когда эта мелкая и легкая прикормка привлечет достаточное количество голавлей, начинают бросать майских или хлебных жуков вместе с небольшими кусочками макухи так, чтобы кусочки эти падали на дно около насадки. Достаточной ежедневной порцией можно считать фунта полтора макухи и десятка два жуков. В последние два-три дня для более верного успеха ловли, прежде чем бросать жуков в воду, весьма полезно привязывать к ним нитки даже с поплавком из куги, прокалывать мягкие места соломинкой, *censored*чком и т. п. Когда голавли станут безбоязненно хватать таких жуков, можно начинать ловлю с полною уверенностью в успехе.

Ловят только на одну удочку, которая кладется на рогульки, на место фальшивой. Удилище должно быть крепкое, легкое, негибкое и возможно более длинное, лучше всего цельное березовое, верхнюю половину его полезно окрашивать зеленою краскою, особенно при ловле из-за тростника. Можно, без сомнения, употреблять здесь и английские складные удилища с кольцами и катушкой, но продолжительная возня надолго отпугивает рыбу, и выгоднее как можно скорее вытаскивать голавля на берег и не давать ему возможности запутаться в траве, т. е. употреблять крепкие и толстые лески. Всего при годнее плетеные шелковые английские шнурки (№ 4 и даже крупнее) или же из кавказского сырца, выдерживающие 12–15 фунтов мертвого веса. Длина лески ни в каком случае не должна быть более длины удилища. Крючок берется средний (№ 4), поплавок делается из зеленой куги (в крайности, из сухого *censored*чка) и прикрепляется таким образом, чтобы насадка была четверти на две от дна, грузило небольшое, а в стоячей воде может и не быть вовсе, так что жук плавает на поверхности, и ловят уже поверху, с поплавком.

Клев голавлей на приваде начинается с 10 ч. утра и продолжается с перерывами почти до 6 ч. пополудни. В ясную и тихую погоду они берут лучше, чем в облачную и ветреную. Рыболов, согнувшись, осторожным и незаметным образом подходит к месту, снимает фальшивую удочку и, стоя на коленях, забрасывает настоящую, заблаговременно насаженную жуком; острие крючка должно быть скрыто в мягких частях насекомого и отнюдь не выходить наружу. Лучше всего закидывать, натянув леску так, что бы удилище согнулось, потом выпустив ее из рук, подают удилище вперед и тихо кладут его на развилки. Затем в несколько приемов подбрасывается макуха с отрубями, а как только послышится плеск, то и жуки. Все внимание рыболова должно быть обращено на поплавок, и руку надо держать на комле удилища в полной готовности к подсечке. Сначала насадку щиплет мелочь, но в скором времени подходят более крупные голавли, и поплавок внезапно исчезает. Первое время, т. е. в первый день, они, впрочем, берут не торопясь, но потом становятся осторожнее и хватают насадку с срыву, совершенно неожиданно, нередко утаскивая удочку и даже выдергивая ее из рук. Этой стремительностью они как бы рассчитывают избежать подозреваемой опасности, в чем иногда и успевают. Подсечка не должна быть резкою, и вставать с места можно только в крайности. Если попался небольшой или даже средний голавль, то во избежание плеска и шума надо держать его как можно круче и как можно скорее поднимать кверху и тащить из воды на берег. Только крупных голавлей по необходимости приходится некоторое время водить стоя и затем подхватывать сачком. В этом случае большею частью клев прекращается, и надо переходить на другое прикормленное место. Если же возня была непродолжительной и нешумной, то, бросив несколько раз на место прикормки, минут через 15–20 можно опять поймать голавля. Ежедневно на одном месте ловить не следует.

По всей вероятности, при этом способе ловли можно вместо жука насаживать и кусочки избоины, но т. к. она почти не держится на крючке, то куски эти обыкновенно или привязываются к нему ниткой, или же кусок кубиком величиною с игральную кость перевязывают накрест тонкой ниткой, за которую и зацепляют крючком. Для усиления запаха избоину не мешает поджаривать на сковороде.

Летнее уженье голавля еще разнообразнее, кроме упомянутых способов и насадок, ловят его на хлеб, на зелень, на ягоды, сыр, большею частью с поплавком, на кузнечика – нахлыстом с берега или ло дки, затем на пиявку, на угря и главным образом на рака.

На хлебную насадку вообще голавль берет только в местах населенных, там, где он привык встречать таковую, – в городах, селениях, на мельницах. Всего лучше ловить его в тихих и глубоких местах, под мостами, плотами, мельницами, также около купален на донную, взакидку, или же на длинное удилище без поплавка и с легким грузилом и с короткою леской – не длиннее удилища. Насадкою служит черный или белый хлеб, к которому не мешает прибавлять различных пахучих и маслянистых веществ или сминать вместе с швейцарским или зеленым сыром в виде груши или шарика величиною с волошский орех. На юге голавлей ловят на галушку и на пшеничное тесто, у нас, в Москве, иногда на драчену, нарезанную кубиками. На зерна пшеницы, риса, гороха голавль идет плохо, преимущественно под мельницами, да и ловить его на мелкую насадку, а следовательно, на мелкие крючки крайне неудобно.

Из других летних растительных насадо к следует упомянуть о зелени, на которую идет, впрочем, больше мелкий голавль; ловят с поплавком на тихих местах, пониже мелей, перекатов и мостов, как и плотву, только крючки надо брать покрупнее (№ 8–9) и прядочки делать потолще. В Германии местами весьма успешно удят (на донную) на мелкий недоваренный картофель, который довольно хорошо держится на крючке. Замечу, кстати, что вареный картофель может служить и для

приваживания всякой крупной рыбы, особенно карпов, язей, миронов. Одною из лучших, хотя и неудобных, насадок служит уже упомянутая избоина конопляная и льняная, о которой было уже упомянуто и о которой будет еще говориться далее (см. «Язь»).

В Западной Европе весьма распространен способ ужения голавлей на ягоды, преимущественно вишню. Эта насадка у нас почти совершенно неизвестна, хотя несомненно, что она может очень удачно применяться во многих местностях, изобилующих фруктовыми садами и огородами, а также в реках, протекающих через города, особенно, если по реке расположены водочные заводы, приготовляющие наливки. Вся ягода, главным образом вишня и рябина, по миновании в ней надобности, спускается в воду, и рыба в таких местах отлично приважена к этому корму и часто бывает набита битком ягодами. Так, например, это постоянно замечается на Москве-реке, близ Каменного моста, около завода Ивана Смирнова, вероятно, и во многих других местах, а потому считаю необходимым остановиться на этом оригинальном способе ловли, который москворецкими рыболовами может быть применен главным образом не для ловли голавлей, а язей (вернее, подъязков), т. к. последних гораздо более. За границей голавли берут на вишню и ягоды чуть не повсеместно, вероятно потому, что в реки здесь часто выбрасывают испортившиеся и, кроме того, употребляют их в виде прикормки или даже приваживают ими, что у нас еще более необходимо.

Ловят на вишню в тихих и глубоких местах, большею частью с берега, на очень длинные удилища с катушкой, реже на донные, с легким грузилом или вовсе без груза; поплавок, кажется, употребляется довольно редко. Для насадки красная вишня предпочитается черной, недоспелая – переспелой и мелкая и средняя – крупной. Некоторые французские авторы (Пуатевен) советуют вынимать косточку оттуда, где прикрепляется стебелек, но в этом виде вишня очень плохо держится на крючке и легко сбивается рыбой, почему целесообразнее не только оставлять косточку, но и черешок. Насаживается вишня тремя способами: если косточка у нее вынута, то необходимо снимать поводок и пропускать его через отверстие, проколотое против места прикрепления черешка, в этом случае предпочитается двойной крючок (№ 6–7) или еще лучше якорек (№ 7–8). Немцы выбирают вишни с самыми крепкими черенками, т. е. незрелые, и черенок этот привязывают шелковинкой к стержню крупного (примерно № 0 или № 1) крючка так, чтобы ягода лежала в сгибе крючка. Всего лучше держится вишня, но требует сильной подсечки, если крючком (№ 1 или 2) осторожно проколоть ягоду около черешка (который не мешает обстричь) и затем пропустить вокруг косточки, при таком способе насаживания вишня может быть причислена к самым прочным насадкам.

Ловят на вишню, конечно, летом – в июле, редко в июне, но несомненно, что ужение это местами может производиться круглый год. Один известный французский рыболов, как рассказывают, купил зимою 6 вишен за 3 фр. и поймал 6 чудесных голавлей (во Франции последние берут и зимою). В вышеупомянутом месте Москвы-реки, вероятно, можно ловить на вишню с весны до глубокой осени, если не на свежую, то из-под наливки или даже на маринованную в уксусе. Из других ягод для насадки, вероятно, всего пригоднее окажется рябина, т. к. она будет крепче держаться на крючке, чем виноград, крыжовник и т. п. Эти последние ягоды надо насаживать как вишню без косточки, т. е. продевая поводок с двойным крючком или якорьком.

Всего удачнее бывает ужение это на небольших реках, причем предварительно бросают какую-либо легкую прикормку, которая бы привлекла рыбу издалека, а затем и некоторое количество ягод. Пуатевен советует ловить с 4–5 небольшими поплавочками и отпускать вишню далеко или идти берегом за поплавками. В Германии на небольших речках ловят также закидывая насадку к

противоположному берегу, подтаскивая к себе небольшими толчками и затем снова перебрасывая. При ужении с лодки всего лучше если есть небольшое течение, позволяющее закинуть вишню подальше от лодки. При этом условии, если медленно переводить длинное удилище направо и налево от себя, то подтаскивая, то отпуская леску, – вишня будет описывать на дне более или менее крутые дуги и привлекать этим рыбу. По Пуатевену, голавли в прудах берут на вишню будто бы с 4 до 6 ч. пополудни, я полагаю, что это скорее ночная, чем дневная насадка.

Голавль берет на вишню очень жадно, резко и верно, очень часто даже успевает проглотить ее. Подсекать надо при первой поклевке и не очень резко кистью. При ужении с катушкой на тонкие лески лучше вываживать голавля, не давая ему, однако, много лески; при надежной же леске выгоднее скорее вытаскивать рыбу на поверхность, к берегу или к лодке.

Чтобы покончить с растительной насадкой, упомянем об одном забавном способе ловли (но не ужения) голавлей на тыкву, упоминаемом Эренкрейцем. Последний рассказывает, как один солдат разрезал тыкву пополам и продевал в нее множество поводков с крючками; поводки он связывал сверху, на корке, а крючок втыкал в мякоть и затем пускал тыкву на воду мякотью вниз. Голавлики и другая мелкая и средняя рыба начинали щипать мякоть и при этом попадались на крючок.

Из летних животных насадок всего менее употребительны мучной червь, подкорыш, опарыш и ракушка. Мучной червь, или костяник, – личинка мучного хруща, которого можно доставать почти во всякой булочной, очень прочно держится на крючке, но рыболовам гораздо менее известен, чем любителям соловьев и других насекомоядных птиц. Не думаю, чтобы он был хуже опарыша или подкорыша. Голавль, однако, берет на костяника не везде, а большею частью где лучше знаком с ними, например под мельницами. Насаживать лучше по нескольку червей, зацепляя их пониже головки на довольно легкий крючок (№ 7–8). Опарыш очень хорошая насадка, но на нее можно ловить без катушки только мелких голавликов, т. к. крупные с маленького крючка срываются. Немногим лучше и подкорыши – личинки жуков различных видов, находимые в большом количестве в старых пнях, а чаще в плотках. Они-то главным образом и привлекают в последние места рыбу, а потому, по моему мнению, с плотов всего лучше удить на подкорыша. Последний в Западной Сибири (на Иртыше, в Омске) служит одною из главнейших насадок, и в Омске замораживают его на зиму в большом количестве. Ракушка, т. е. моллюск большой двухстворчатой раковины (*Unio* или *Anodonta*), – превосх одна насадка для крупных голавлей, но тоже малоупотребительна. На нее ловят исключительно на донную, ночью, тогда как предыдущие насадки требуют поплавок, очень редко на них удят с легким грузилом без поплавок. Кроме того, летом можно ловить голавлей на весенние насадки – черного таракана, тополевого червя, шпанку; некоторые говорят, что голавль и язь очень жадно берут на пустую кожуру личинок стрекоз, но эта насадка очень плохо держится на крючке.

В конце лета местами, где близ реки много огородов, всегда удачно удят голавлей на картофельных и капустных (зеленых гладких) червей (личинок бабочек), которых много попадает после ливней в реку. Всего удобнее употреблять здесь длинные удочки с поплавком или с легким грузилом.

Довольно мало распространено ужение на пиявку, которую голавль берет очень жадно. Чаще употребляются конские пиявки, которых ловят сачком в прудиках и озеринках, но еще лучше настоящие, т. е. медицинские, которых достать ино гда легче, чем первых. Английские рыболовы очень ценят пиявку как насадку для голавля и отчасти язя и иногда пользуются даже сушеными (на солнце) пиявками, которых перед употреблением размачивают в горячей воде. Пиявка насаживается с головы на небольшой крючок (не крупнее № 6) так, чтобы жало выходило наружу, а червь как можно более извивался, возбуждая аппетит подошедшей рыбы, понятно,

сушеная пиявка не может быть такой подвижной, как мертвая; вообще потому нужно поддерживать пиявку в постоянном движении, подтаскивая и отпуская леску, и менять замороженных и замятых на свежих. На пиявку ловят (под Москвою) большею частью днем, реже ночью, в глубоких местах с течением – на донные удочки с легкой пулькой на отnose, т. е. которая бы слегка приподнималась течением. Это делается опять-таки для того, чтобы насадка извивалась и не свертывалась кольцом или не присасывалась ко дну. Можно ловить и на перекате на длинное удилище с легким грузилом, часто перезакидывая леску и по временам подтягивая ее к себе на 2–3 арш. и снова отпуская. С поплавком удят на пиявку редко; в этом случае насадка должна быть летом на пол-аршина от дна или более, смотря по глубине; осенью же и весною ее надо пускать вершка на два от дна. Лучше всего ловится голавль на пиявку в июле и августе, но в хорошую погоду берет иногда на нее до конца сентября.

Гораздо более распространено ужение голавлей на угря, или сальника. Так называются большие личинки крупных жучков, большею частью черного навозного, но также майского и жука-носорога. Личинки последнего в длину и толщину бывают больше мизинца и считаются менее пригодными. О сальнике говорилось при описании ужения карпов (см. т. I). Здесь добавлю, что его надо искать в перегоревшем навозе, в парниках, муравейниках; личинки майских жуков живут и не в жирной земле. Лучшими для ловли считаются молодые белые черви в дюйм длины или немного больше; старые всегда бывают желтее. Перед употреблением необходимо бывает выдавить из них содержимое, и притом в воде, иначе они скоро чернеют. Более предусмотрительные рыболовы заблаговременно кормят червей творогом, отчего они белеют и делаются более твердыми. Насаживают угря на большой или средний крючок, сообразно величине червя; крючком прокалывают немного ниже головы снизу и выпускают жало наружу, немного дальше, не близко к хвосту, т. к. в последнем случае угорь свертывается шариком и на порядочном течении начинает описывать на поводке большие круги, закручивая поводок и самую леску. Во всяком случае, лучше поводок привязывать не непосредственно к леске, а к карабинчику, даже двойному. Ловят на угря только на донные, притом ночью или в сумерки; днем голавль берет на него плохо или вовсе не клюет. Но ночью он очень жадно хватается эту насадку и сразу ее утаскивает, так что надо держать удочку в руке или приделать катушку, как при ужении на выползка. Без катушки голавль часто срывает угря, а с нею всегда сам засекается и почти никогда не сходит с крючка.

С амою главною и всюду в России распространенною летнею насадкою для большинства карповых рыб, в особенности же голавля, служит рак – или цельный, только что скинувший старую скорлупу, или его шейка (т. е. хвост), реже клешни, тоже лишенные твердого покрова. У нас много рыболовов, которые даже не признают никакой другой насадки, кроме рака, начиная с мая и кончая поздней осенью; в Западной же Европе ужение на рака сравнительно мало употребительно, главным образом, впрочем, потому, что это специальная насадка для донных удочек, и притом для ночной ловли, а за границей во многих странах ужение на донную взакидку, без поплавка, тем более ночью, запрещено (в общественных водах) законом и считается не охотой, а промыслом.

Ввиду огромного значения рака в качестве насадки для большинства русских рыболовов считаю необходимым остановиться как на образе жизни, так и на ловле этого черепакожного, насколько это может быть интересно для удильщика. Речных раков известно у нас нес колько видов, но все эти виды очень мало отличаются между собою. В Европейской России раки встречаются почти повсеместно, большею частью в проточных водах, т. к. избегают теплой и загнивающей воды. В Западную Сибирь он проник сравнительно очень недавно и распространен спорадически, т. е.

местами. Самцы отличаются от самок более длинным туловищем, более длинными (и слабыми) клешнями, усами и более узким хвостом; у рачихи хвост плоский, почему он хуже держится на крючке. Весною раки выходят из зимнего оцепенения, но начинают встречаться, только когда река войдет в берега – в апреле или даже в начале мая. Рачихи в это время еще с яйцами (до 100 и более), которые прикрепляются на нижней поверхности хвоста (на хвостовых придатках, т. е. ложных ножках). Рачата вылупляются в мае и остаются на теле матери недели две; затем начинают уже покидать ее, собираясь при опасности под хвостом; в Петровке их уже можно найти под камнями, большей частью на мелких местах. Линька раков начинается в мае (в средине полосы – в конце месяца), по приметам рыбаков, когда рожь начнет колоситься, и продолжается все лето. Каждый рак в отдельности кончает весь процесс линьки – с момента линьки до затвердения нового панциря – недели в две, но дело в том, что сначала линяют самцы и из них первыми – мелкие, затем средние и, наконец, самые крупные; самки же начинают линять месяцем позднее самцов, когда уже выведут рачат, почему линяющие рачихи встречаются до середины августа. Линька совершается таким образом: сначала приподнимается панцирь, прикрывающий головогрудь, и скидывается через голову; затем трескается скорлупа на хвосте, рак ложится на спину и стаскивает с себя клешнями и ногами. Всего дольше и болезненнее лупятся клешни. Вылупившийся рак сначала покрыт очень нежной синеватой кожицей и вовсе не выходит из норы, пока кожица эта не затвердеет, что бывает через неделю.

Во время линьки раки почти безвыходно сидят в норах или под каким-либо прикрытием. У каждого рака имеется своя отдельная нора или даже несколько нор, которые большей частью выкапываются ими в крутобережье, в более или менее глинистом грунте; в реках с песчаным или каменистым дном раки укрываются большей частью под камнем, делая под ним углубления; иловатого грунта в реках они избегают, но в поемных озерах и в некоторых проточных прудах (например, в Царицынских, под Москвою), где бывают едва ли не многочисленнее, чем в реке, они постоянных нор почти не имеют, а при опасности, а также на зимовку, закапываются в ил. При благоприятных условиях, т. е. при не очень крепком грунте, рачьи норы бывают длиною до полуаршина и даже аршина; кажется, большие норы всегда имеют дугообразную форму и два выхода, а иногда и два побочных хода. Такую большую нору рак выкапывает (хвостом) в течение многих лет. В крепком грунте норы иногда имеют вид небольших углублений, в которых не помещается даже все туловище. Живет рак очень долго, не один десяток лет, и, по общепринятому мнению, растет очень медленно; однако известно достоверно, что если взять раков средней величины и давать им (в корзинах или вершах, в текучей воде) пищу в избытке, то они в два-три месяца вырастают до гигантских размеров. Раки всеядны и едят хлеб, зерна и прочие растительные вещества, но главным образом кормятся трупами животных, попавших в воду, – от самых мелких до самых крупных. При отыскивании пищи рак руководится главным образом обонянием, которое у него чрезвычайно развито. Видит он плохо, но слышит превосходно, что необходимо иметь в виду при его ловле: заслышав шум, он спасается в нору и сидит в ней, грозно выставив свои клешни, которыми иногда ловит и проходящую мимо рыбешку. Рак может называться ночным животным и выходит из нор кормиться большей частью по ночам.

Осенью, в октябре или конце сентября (в более северных местностях), самцы отыскивают самок, а вскоре затем (кажется, до рекостава) те и другие скрываются в норах или зарываются в ил на зимовку и, по-видимому, перестают принимать пищу, хотя самки кладут икру в ноябре и даже декабре.

Невылинявших, а в особенности перелинявших голодных раков ловить очень легко, т. к. они идут на всякую приманку; последние не только ночью, но и днем.

Они нередко попадают в верши, но самый лучший способ ловли их – это в рачевни. Рачевня, как видно из рисунка, – неглубокий сачок на проволочном (редко деревянном) обруче (не менее полуаршина диаметром), привязанном к более или менее длинной палке так, чтобы находиться в равновесии. Поперек обруча прикрепляется одна или две тонкие проволоки, к которым привязывается насадка – попортившееся мясо, печенка, рыба, даже соленая, хлеб, избоина и т. п. вещества. Чем они будут пахучее, тем лучше. Рачевня закидывается так, чтобы проволочный обруч лежал на дне, – обыкновенно с более или менее обрывистого берега и на довольно глубоких местах; палка втыкается в берег наподобие жерличной. Местами (в некоторых озерах и прудах) ставят рачевни в открытой воде. Снаряд этот может варьироваться: обруч, например, иногда делается деревянный, но т. к. таковой не тонет, то с этою целью деревянный обруч соединяется в виде диаметра перекладиной, к которой уже крепко привязывается в вертикальном положении заостренная на конце палка, которая втыкается в дно и удерживает здесь обруч с сеткой и приманкой, подвязанной к перекладине. Раки, привлеченные приманкой, собираются около нее, и если вынуть рачевню, то падают в сетку. Иногда из одной рачевни вынимают более десятка. Всего лучше идут они (в июне) перед дождем или грозью, особенно к вечеру.

Рис. 172. Рачевня

Простейший способ ловли раков заключается в том, что в удобных для ловли местах втыкают в дно палку, к которой, немного отступя от нижнего конца, привязан непосредственно или на коротеньком поводке из бечевки длинный кусок мяса, вершка в два, еще лучше печенки. Раки крепко вцепляются в приманку и бросают ее, только когда будут уже почти вне во ды, так что их нужно подхватывать сачком. Некоторые раколовы считают лучшею приманкою лягушку, с которой содрана и завернута часть шкуры; это делается потому, что лягушка в коже почти недоступна рачьим челюстям и клешням, а затем при вытаскивании раку есть за что крепко уцепиться.

Весьма интересный, но малоизвестный способ ловли раков – это осенняя ловля на рачиху, которую привязывают на бечевке под клешни и спускают в воду там, где предполагается рак (около норы) или где его заметили. Самцы идут на рачиху только в конце сентября или октября, смотря по местности, т. е. во время совокупления. Рак немедленно бросается к рачихе и крепко обнимает клешнями, не выпуская ее из объятий даже на воздухе. Можно ловить и на рака, т. е. на драку, но необходимо подхватывать вцепившегося соперника сачком.

В некоторых местах очень много ловят раков, особенно весною, собирая их ночью, когда они выйдут на жировку, с огнем (горящей лучиной, смоляным факелом и т. д.). Ловят или руками, или палкою с расщепом, заложным клинышком и заостренными рожками, которые осторожно надвигают на туловище рака. В Витебской губернии в последнее время стали ловить в огромном количестве для отправки за границу так называемыми бутами, тоже получаемыми из Германии. По-видимому, это не что иное, как маленькие верши из лучинок. Приманкою служит

рыба, а также огонь, разводимый на берегу.

Раки, готовые скинуть скорлупу или только что успевшие вылинять, т. е. еще мягкие и наиболее пригодные рыболову для его целей, из нор не выходят, а потому добываются в норах. Щупают их в тихую погоду, большею частью после восхода и перед закатом, т. к. ветер и муть мешают видеть норы. Идти поэтому следует всегда против течения. Если нора имеет два отверстия, то правую руку запускают в главное, большое, а левую – в малое или же этот ход заступают ногою. Вытаскивать рака надо (чтобы не уколоться об острый шип на лбу его), подводя руку под брюшко, ладонью кверху, так, чтобы пальцы шли по дну норы. Более предусмотрительные рыболовы для того, чтобы всегда иметь под рукою запас линяющих раков, заблаговременно кладут в воду, на небольшой глубине, старые доски, рогажи, бересту и т. п. предметы, на которые, чтобы их не сносило водою и не поднимало кверху, накладывают камни. Раки, собирающиеся линять, весьма охотно собираются под это прикрытие. Последнее надо только поднимать как можно осторожнее, против течения, т. е. начиная снизу вверх, исподволь и бесшумно обирая притаившихся раков. Еще удобнее отбирать или покупать раков с скорлупой пожелтевшей (и потемневшей) и сажать их в корзины или верши, которые ставятся на течении. Хорошо при этом давать им какую-либо защиту в виде камней, а еще лучше – глиняных трубок или продырявленных кирпичей, могущих заменить им норы. Рака, готового к линьке, которого легко можно облупить, узнают по тому, что скорлупа с отломанной у него клешни снимается свободно, как бы футляром.

За неимением таких и едолупков и мягких раков приходится довольствоваться обыкновенными и употреблять в дело только хвосты и клешни самых крупных. Для того чтобы эти части крепче держались на крючке, необходимо: 1) или выбирать более жестких раков и, прежде чем насаживать очищенную шейку или клешню, помочить их в воде, чтобы окрепли, или 2) для большей легкости чистки предварительно ошпарить раковые шейки соленым кипятком, кипящим ключом, и затем облить холодной водою, или, наконец, 3) шейки и клешни раков класть в уксус, который поглощает известь и делает их мягкими. Без сомнения, рыба будет брать и на консервы из раковых шеек, продающиеся в гастрономических магазинах. В больших городах мягких или линяющих раков нетрудно доставать (по заказу) у крупных торговцев, которые обыкновенно таких выбрасывают. Раки довольно долго живут в корме лодки, а еще дольше – в корзинах, переложенные белым мхом или крапивой. Если корзину держать на льду, то жесткие раки могут прожить с месяц и больше, а мягкие – 2–3 недели, если будут сидеть отдельно.

Уженье на раков начинается вместе с их линьанием, большею частью с первых чисел июня, и продолжается почти до конца августа. Все это время, в особенности же во второй половине июня и весь июль, крупная рыба ночью и по зарям держится почти исключительно около рачьих нор, т. к. рак составляет тогда ее главную пищу. Днем, в жаркую погоду, рыба уходит в глубокие места, где холоднее. На рака берет большая часть рыб, начиная со щуки и кончая плотвой (впрочем, последняя берет только на шейку и клешни), но всего более ловят на него голавлей, яззей и окуней.

Смотря по тому, какая рыба берет – крупная или средняя и мелкая, – для насадки употребляют или цельного рака, вернее, его туловище, или же его части, т. е. клешни (крупных раков) и шейку, которая может быть разделена на 2, даже 4 части. Иногда, впрочем, крупную рыбу ловят, насаживая на крючок по 2 больших или 3 небольших раковых хвостика. Всего удобнее ловить на рака, гот ового линять или только что вылинявшего, еще мягкого (на вылупка), но за неимением таковых можно довольствоваться жесткими раками, еще не готовыми к линьке, выбирая из них самых темных и жестких, или раками с уже затвердевшей молодой кожей. Последние хуже, т. к. облупить их очень трудно.

Рак, готовый к линьке или мягкий, насаживается на крючок (средних или лучше

крупных номеров) в разных местностях различно. Во всяком случае лапки обрывают, а у жестких, кроме того, предварительно обламывают клешни. Лапки бросают в воду для приманки, также и клешни, но более крупные из клешней лучше приберечь для ловли мелкой рыбы на мелкие крючки. Всего удобнее насаживать рака таким образом, чтобы острие крючка было спрятано в шейке, потому что рыба почти всегда хватается рака с хвоста, и, следовательно, подсечка будет вернее. Так насаживают большую часть мягкого рака. Крючок втыкают в (левый) глаз и выдергивают около второй пары ног, потом немного спускают рака на поводок и уже окончательно заправляют крючок в хвостик. Хорошо также насаживать рака, продевая крючок в бока, в края молодой кожи, два раза. Последний способ всего пригоднее для раков, готовых к линьке, которых приходится предварительно облуплять. Это делается так: у рака отламывают клешни и лапки, почти вплоть, и отрезают хвост, но не совсем, а оставляя один-два сустава или звена (иначе легко выпустить печень); затем подрезают немного острие на лбу, после чего старая, черная кожа сама собой снимается со спины рака.

Многие рыболовы, имея в виду, что обыкновенно на крючок насаживается или такой недолупок без хвоста и клешней, или же цельный мягкий рак с мягкими клешнями, продевают крючок сначала в середину хвоста, вдоль по кишечному каналу; потом, вынув его внизу первой пары ног, так что шейка будет продета поводком, снова отступая на полпальца, впускают крючок во внутрь рака так, чтобы острие его выходило или под глазами, или под верхнюю кожицу между глаз, причем стараются не проткнуть ее.

По моему мнению, всего удобнее и надежнее цельного рака насаживать на снасточку из двух крючков (№ 4–5), из которых верхний привязан к поводку на 3/4–1 д. от нижнего. Последний продевается в хвост у последнего сустава, верхний – в брюхо у последней пары ног, так что вся передняя часть остается свободной. Этот способ, кажется, самый употребительный в Западной Европе, где, впрочем, большую часть ловят на шейки или клешни, надевая их на крючки средней величины. Иногда, ради большей крепости, эту насадку привязывают к крючку волоском, ниткой или шелковинкой. Напомню, кстати, что хвост рачихи мало пригоден для насадки и что свежее облупленную шейку прежде насаживания надо подержать в воде. Цельная шейка насаживается посередине – червяком. Клешни годятся для насадки только от мелких раков или готовых лупить; их отрывают от туловища и (очистив от скорлупы) насаживают во всю длину с верхнего узкого конца, а крючок прячут в клешню, при ее раздвоении.

Как было сказано выше, голавлей, язей и других рыб большую часть ловят на рака ночью и на донные. Днем там, где раков много, рыба берет на них сравнительно редко; во-первых, потому, что она сыта, во-вторых, потому, что смелость рака возбуждает ее опасения, наконец, что видит леску, а иногда и рыболова. Не оттого ли прудовая рыба ловится на рака и его шейку реже, чем в реках, что ночью ее там не ловят? Вообще, как известно каждому, успех ночной ловли в пруде крайне сомнителен, и, по-видимому, прудовая рыба ночью почти не кормится, т. к. в темноте ни видеть, ни слышать и осязать по течению предмет, подобно речной рыбе, стоящей на струе, не может, а должна руководиться только обонянием. На длинное удище с поплавком ловят редко – на клешни и шейки, а не на цельного рака.

Надо полагать, что на шейки и клешни можно будет довольно удачно ловить ноттингемским способом (см. т. II), отпуская насадку на 30–50 и более аршин от лодки, если только на таком пространстве будет не очень большая (от 2 до 3 аршин) и ровная глубина с довольно сильным течением. По крайней мере, на р. Мологе ловят на рака (шейку) с поплавком и грузилом, но без удильника, пуская насадку на четверть от дна и на значительное расстояние от лодки, причем леску (волосяную)

наматывают прямо на пальцы или просто спускают ее из лодки; подсекают же очень сильным размахом руки.

В медленно текущих реках и в глубоких заводях иногда довольно успешно ловят с поплавком на длинные удилища, пуская насадку (шейку) тоже на 3–4 верш. от дна. В некоторых приволжских губерниях в таких же местах ловят иногда без поплавка, на весу, с так называемым клевом, т. е. так, чтобы клев непосредственно передавался кончику удилища, которое обыкновенно кладется поперек лодки или на развилках около берега у рачьих нор, или же закидывать леску с берега. Ловят, как на значительной глубине.

При ужении на донные надо становиться на лодке недалеко от берега у рачьих нор или же закидывать леску с берега. Ловят, как водится, не менее как на 2–3 удочки, крепко втыкая их комлями (заостренными) в берег или привязывая к довольно длинным бечевкам (в лодке). Крупная рыба, в особенности голавль, берет на рака чрезвычайно резко, сильно и верно и большею частью сама себя засекает, нередко при этом утаскивая шестик или обрывая леску. Поэтому при ужении на рака ночью необходимо потреблять сравнительно очень толстые волосяные лески (в 10–12 волос) или крепкие шелковые (№ 3 и 4). Подробности об ужении на донную читатель найдет далее (см. «Язь»).

Во вторую половину лета, обыкновенно после сенокоса, когда уже совсем выросшие кузнецы и мелкие скачки подгоняются косцами к берегам и оттуда часто попадают в воду, рыба, в особенности голавль, част о стережет их, стоя неподалеку и близко от поверхности воды. С этого времени начинается весьма добычливая ловля голавлей и язей на кузнечика, с берега или забродку. В общем, ужение голавля на кузнеца мало отличается от такового же ужения язя, которое будет подробно описано в своем месте, но голавля чаще, чем язя, приходится поймать на кузнеца из-за кустов, пропуская насадку через ветви. Местами, где голавлей много и они не напуганы, их можно удачно ловить из купальни, высматривая стоящих поверху около ящика и осторожно подводя к ним кузнечика на коротком поводке, привязанном к упругой стальной проволоке. Но так можно поймать только мелких или небольших голавлей, не свыше 2–3 фунтов.

Специальная охота на голавля – это ужение на кузнеца плавом в лодке – ловля крайне трудная и малоизвестная. Она производится главным образом в юго-западных губерниях по небольшим быстротекущим речкам, по песчаному или каменистому ложу, в которых язи малочисленны и главное рыбье население составляют голавли. По той же причине ловят здесь плавом, спускаясь вниз, и притом на очень легких и небольших лодках – челноках, дубах, в которых можно было бы поместиться вдвоем с гребцом. Взапруженных, медленно текущих реках с широкими плесами ловля плавом применяется очень редко. Ужение плавом начинается в июле, бывает всего удачнее в августе и продолжается иногда весь сентябрь, если стоит теплая погода. Всего лучше ловить в тихие безветренные дни, т. е. большею частью по утрам и под вечер, потому что около полудня всегда почти поднимается ветер: но, собственно говоря, середина дня еще выгоднее для всякой ловли нахлыстом, т. к. рыба тогда чаще стоит на поверхности, особенно в конце лета.

Удилище для этой ловли выбирается легкое, цельное березовое, длиной около 2 сажен, которое бы могло гнуться в дугу. К нему привязывается тонкая волосяная леска в 4, много в 6 волос ссученных (или сплетенных), без узлов, из отборнейшего материала, длиной 1 1/2–2 раза более удил ища; чтобы она не намокала и не тонула в воде, ее намазывают салом. Ни груза, ни поплавок нет; величина крючка зависит от размеров кузнечика, который насаживается через голову в грудь, но редко можно употреблять крючки крупные № 4 и никогда мельче № 8. Крючки привязываются к тонким жилковым или волосяным (в 3 волоса) поводкам. Предпочитаются крупные

кузнечики, особенно такие, которые посуше и полегче; самцы лучше самок. За неимением больших кузнецов можно довольствоваться мелкими или, вернее, средними кузнечиками, т. е. скачками, которых надо насаживать по 2–3 штуки и более. Надо полагать, что всего надежнее крупных кузнецов насаживать на два небольших крючка, из которых один навязан немного выше другого.

Для того чтобы замаскировать рыболова, сидящего (большею частью на коленях и согнувшись) в носу лодки, последняя спереди утыкается камышом, сеном, на дно лодки, во избежание шума, тоже кладут травы; борта же челна у кормы, по той же причине, полезно оббивать войл оком или кожей. Гребец должен грести как можно тише, одним кормовым веслом, не вынимая его из воды и не плеская им (почему края лопасти должны быть острые), не стуча об лодку; во всяком случае лучше, если между веслом и бортом лодки будет всегда кисть руки (левой), придерживающей за середину весла. Успех ловли почти вполне зависит от умения гребца управлять лодкой и согласовать ее движения с движением рыболова и пойманной рыбы: необходимо спеться и вовремя догадаться двинуть лодку взад, вперед или в сторону. На все это требуется практика и, главное, – смекалка.

Еще большей сноровки требует забрасывание насадки на ходу лодки. Неудобная поза рыболова, близость гребца и зачастую кустов и камыша делают это движение более затруднительным, чем при обыкновенном закидывании нахлыстовой удочки. Рыболов не должен ни очень высовываться из лодки, ни качать ее резким движением, т. к. этим пускает волну, которая побуждает рыбу настораживаться. Обыкновенно размах делают таким образом, чтобы насадка описывала кривую высоко над головами плывущих, но в узких местах приходится сначала кое-как выбрасывать вперед леску и на дороге, не давая кузнечнику коснуться воды, останавливать его падение обратным взмахом удилица и только тогда забрасывать вперед, в назначенное место. Как и при всяком нахлыстовом ужении, насадка должна падать на воду раньше лески, с тихим всплеском, а леска – ложиться прямо, т. е. стрункой; рябь, произведенная падением насадки, скрывает от глаз рыбы леску. Забросив насадку, дают ей проплыть вместе с лодкой некоторое пространство; вообще, перезакидывают каждую минуту и чаще, смотря по условиям местности. В хороших местах, особенно в конце переката, где начинается глубь и где стоит крупная рыба, необходимо бывает задержать лодку на одном месте и перебросить последовательно насадку 2–3 раза.

Голавль хватает кузнечика большею частью в момент его падения на воду; иногда это совершается почти незаметно, и рыболов подсекает только потому, что насадка исчезла из глаз, и леска начинает опережать течение. Подсекать надо довольно легко – кистью руки; затем начинается вываживание рыбы, успех которого зависит более от гребца, чем от рыболова. Последний должен стараться о том, чтобы конец удилица был как можно дальше от воды. Значительная растяжимость волосяной лески, гибкость удилица, рука рыболова и в особенности лодка, управляемая искусным гребцом, вполне заменяют катушку и делают употребление ее излишним, тем более что в небольших реках нельзя спускать много шнура, не рискуя задевом. Обыкновенно пойманный голавль бросается вниз к берегу. Обязанность гребца – не давать рыбе слишком пригнать удилице к воде, подгонять лодку вперед и отводить лодку и рыбу подальше от травы и камышей. Во многих отношениях этот способ ловли нахлыстом плавом выше даже ужения на искусственных насекомых, т. к. мало того, что это самая ходовая и веселая ловля, но и самая трудная. Ужение плавом с катушкой может практиковаться лишь на более широких и медленно текущих реках, где необходимость заставляет бросать насадку возможно дальше от себя (большею частью к берегу, к кустам), а простор позволяет далеко отпускать пойманную рыбу.

Утомленную рыбу подводят к лодке, перехватив леску и держа ее на слаби двумя

пальцами, в готовности отпустить ее при новом порыве. Обыкновенно подведенную добычу опрокидывают в мелко сидящую лодку рукой, охватывающей рыбу под брюхом; сачок употребляется реже. Чтобы рыба не билась в лодке и чтобы не сажать ее в садок или на кукан, что неудобно, ее лучше всего прикалывать в голову длинной острой иглой, тем более что такая рыба и вкуснее.

Еще труднее ужение плавом в одиночку, без гребца. Это искусство дается очень немногим, т. к. требует очень большой опытности и ловкости. Челнок должен быть еще легче; рыболов сидит почти у кормы и левой гребет, а правой забрасывает удочку. Обыкновенно ручку весла упирают в левое плечо, под мышку, а рукой охватывают за средину, ближе к лопасти; двигая веслом вправо и влево, можно передвигать лодку в соответствующие стороны; двигая им назад, можно приостановить челнок и даже отгресться в направлении, противоположном первоначальному. Работа облегчается тем, что большею частью приходится, собственно, не грести, а только управлять лодкой, плывущей по течению. Пустые, безрыбные пространства проплывают обычным манером, положив удочку в лодку. При большой воде, после дождей, управление лодкой затруднительнее, т. к. часто приходится отгресться назад, особенно в хороших местах и во время перенасаживания. При всякой ловле нахлыстом на живых насекомых последние часто слетают во время закидывания или срываются с крючка рыбой. Отсутствие кузнечика замечается или глазами, или рукою, которая чувствует некоторую легкость в леске. «В этих случаях левою рукою сильно отгребают вбок или назад, а правой – привычным движением бросают леску прямо на колени в лодку, насаживают свежего кузнечика, и, прежде чем лодка приобретет обычное движение, леска готова, и ее остается забросить вперед». В надежных местах рыболов может придержаться рукою за камыш, тростник и траву и несколько раз бросить насадку в намеченное место.

К числу летних способов ловли голавля принадлежит также ужение его при помощи ветра на различных крупных насекомых. Известно, что голавль в ветреную погоду не так осторожен, потому что рябь и волна маскируют рыболова и леску. Этот вариант нахлыстового ужения весьма удобен в тихих и глубоких местах, тем более что он не требует обычного искусства забрасывания и доступен всякому: закидывает насадку ветер. Удят при помощи ветра – разумеется, попутного – и с берега, большею частью открытого, сначала на жука, потом на кузнеца, стрекозу и бабочку. Последние две насадки удобнее, т. к., подхваченные ветром, имеют вид летящих насекомых и еще естественнее падают в воду. Можно ловить при помощи ветра и с плавучего моста или с лодки, если ветер дует вдоль течения, но леска должна быть в этом случае значительно длиннее, а лодка должна стоять совершенно неподвижно; в противном случае рыба близко не подойдет. В верхнем течении Москвы-реки один московский рыболов весьма удачно удил летом 1890 года крупных голавлей на белых капустных бабочек. Она становится на двух приколах поперек реки (лучше было бы становиться вдоль); удилище длинное, легкое; леска до трех и даже более раз длиннее удилища, сообразно силе ветра; на небольшой крючок насаживались две бабочки – одна снизу, другая сверху (обе через голову в грудь) для того, чтобы дальше не намокали. Если поблизости оказывался голавль, то он нередко брал, как только насадка касалась воды, т. к. подходил еще в то время, когда бабочки были в воздухе. Белый цвет бабочек, хорошо видный издали, значительно способствует успеху этого ужения. К сожалению, бабочки – непрочная и сравнительно трудно добываемая насадка.

Неудобства ужения на живых насекомых давно заставили западно-европейских рыболовов при ловле голавлей пользоваться искусственными насекомыми. Но всегда и везде голавль берет на последних хуже, чем на живых, гораздо хуже, чем форель, лосось и хариус, а местами вовсе не берет. Вообще голавля можно поймать

на поддельное насекомое только под вечер и на порядочном течении, где он часто хватается насадку с разбега. Кроме того, он охотнее берет на искусственных жуков и кузнечиков, чем на искусственных мух; ввиду того же, что и настоящие жуки и кузнечики встречаются в большом количестве и относительно крепко держатся на крючке, вовсе нет необходимости прибегать к искусственным. Во Франции иногда ловят голавлей просто на кусочек черного сукна, подбрасывая его к кустам с лодки, плавом, обыкновенно после заката.

Для осенней ловли голавля употребляются уже совершенно другие насадки, в свою очередь малопригодные в другое время года. В Западной Европе с сентября или октября удят голавлей большей частью на сыр, на кровь, на вареную говядину и печенку, на сало, бараний мозг, рубцы, куриные кишки, наконец, на лягушку и на живца или искусственную рыбку. У нас осенью ловят голавлей преимущественно на лягушку и живца, реже на выползка; все же прочие насадки, можно сказать, почти неизвестны.

Что касается ужения на живца, а также на искусственную рыбку, то оно очень мало отличается от такового же ужения шереспера, которое описано далее. Только голавль чаще берет на живца ночью, чем жерех, а днем попадает только на быстром течении. Где мало раков, голавли берут на живца и летом, даже некрупные, но вообще они становятся хищными в конце лета и в начале осени. Лучшим живцом считается пескарь, затем голец, местами же, например в Воронежской губ., на р. Воронеже и Дону, голавль лучше всего берет (и летом) на пискаву – слепого вьюнчика, безглазую личинку речной миноги (см. «Минога»). Ельчик, а тем более уклейка очень недолго живут и плохо держатся на крючке. Прожорливость голавля осенью замечательна: в трехфунтовом голавле, кроме массы разло жившихся пескарей, однажды было найдено более десятка только что проглоченных пескарей. Так как голавль хватается рыбу с хвоста и часто его откусывает или срывает живца с крючка, то лучше употреблять два крючка и один задевать за губы, а другой за хвост; некоторые советуют в крайнем случае насаживать (пескаря) на один крючок за хвост, а не за губы, но это еще менее надежно. На искусственную рыбку голавли берут обыкновенно со шлюзов и плотин, на сильной струе, всего лучше после паводка. С лодки, на перекатах и мелях, также ходом они берут гораздо хуже шересперов, но чаще последних попадают на переметы, наживленные мелкой рыбой. За границей ловят голавлей на живца ноттингемским способом, пуская на перекатах живца вершков на 8 от поверхности воды и поплавка (лучше в виде круглого шарика), без грузила или с очень легким. Леску отпускают от лодки на 10 и более сажен. По свидетельству г. Пospelова, голавлей (в Владимирской губ.?) весьма успешно ловят на глаз соленой селедки; будто бы это самая лакомая для них насадка, на которую они берут, даже когда их нельзя поймать ни на какую другую. Вероятно, голавлей привлекает не столько глаз, сколько вкус соли, очень любимый всеми рыбами. Окские рыбаки недаром кладут в верши для приманки рыбы куски соленой селедки.

Ловля на лягушек, вернее на лягушат, начинается у нас обыкновенно в конце августа или в начале сентября, когда последние подрастут и начнут собираться к ручьям и канавкам для зимовки. На болотистых речках голавли берут на лягушку и летом. Крупных лягушек следует избегать, и всего лучше прошлогодние обыкновенные, земляные лягушки (*Rana platyrhina*) величиною (в комке) немного более грецкого ореха; для некрупных же голавлей пригоднее лягушата-селетки, которых весьма полезно насаживать по две на стюартовскую снасточку, описанную выше. При таком способе насаживания рыба редко не попадает на крючок; но еще лучше надевать небольшую лягушку на три крючка, из которых два нижних привязаны на коротких поводках (жилковых) под верхним; крючки средних номеров (№ 4–6) мельче обыкновенно употребляемых; верхний крючок (коренной)

зацепляется за обе губы снизу или через рот за нижнюю губу, а боковые – за ляжки. За что ни ухватит голавль – за ногу или за голову, – он если не попадется, то не сорвет лягушки, что часто бывает при обыкновенном способе насаживания. Ловят на лягушонка у нас только ночью, на донные (с берега или с лодки) или на переметы; всего целесообразнее закидывать поближе к берегу и траве. В Западной Европе, напротив, ловят на лягушат раньше, чем у нас, на донную реже, чем с поплавком или из-за кустов и нахлыстом. С поплавком ловят лишь на быстрине, причем грузило ставят на расстоянии не менее 6 вершков от крючка. Из-за кустов ловят большею частью с катушкою и тяжелым грузилом. Лягушка насаживается за кожу спины так, чтобы не причинить ей серьезного вреда. Рыболов наматывает затем леску так, чтобы грузило дошло до концевого кольца удилица, и, пропустив последнее между ветвей, спускает лягушонка на воду и начинает водить его на самой поверхности (не опуская в воду грузила) так, чтобы он находился в постоянном движении. Если есть поблизости голавль, то он редко не соблазнится этой приманкой. Неудобно только выводить в таких местах крупную рыбу. Во избежание этого некоторые рыболовы делают в местах, любимых голавлями, искусственные защиты из ветвей или камыша, к которым затем подкрадываются почти ползком так, чтобы тень щитка закрывала бы их тень. Пойманную рыбу отводят подальше от места ловли, стараясь по возможности не показываться. Вообще же начинают удить снизу, постепенно идя берегом вверх. Это делается ради того, что сорвавшаяся рыба бросается всегда вниз по реке и может распугать других голавлей, стоящих поблизости. Ужение на мертвого лягушонка нахлыстом удобнее всего производить с лодки; в общем оно мало отличается от обыкновенной ловли нахлыстом на мушку, жука и кузнечика. Лучше всего насаживать лягушонка на небольшой якорек (№ 4–6) с опилленным стержнем. Для этого поводок снимается, и петля его посредством иглы пропускается между передними лапками, насквозь тела, и выводится между задних ног. Стержень якорька прячется в туловище, один из крючков втыкается в горло лягушки, задние лапки в колене крепко привязываются к поводку, остальная же часть их отрезается.

Сыр для голавля, как и для мирона, составляет большое лакомство и местами в Западной Европе принадлежит к числу обыкновенных насадок. Швейцарский, не старый, предпочитается другим; его прямо режут кубиками, но часто приходится его предварительно вымачивать, варить или даже разминать в молоке и потом высушивать; еще пригоднее, как говорят, для насадки сыр, распущенный на слабом огне. Насаживают сыр (кубиками или шариками с орех) на крючки средней величины (№ 4–5) и закидывают осторожно на длинном удилице с поплавком или без поплавка, с легким грузилом. Удить можно на местах глубоких со слабым течением. Ловить на донные с этой непрочной насадкой крайне неудобно. К непрочным насадкам принадлежат также шкварки, т. е. сальные вытопки. Лучше всего бараньи; сначала кладут их в горячую воду, чтобы размягчить, и для насадки выбирают самые белые куски. Еще хуже в отношении крепости спинной и головной мозг (бараний и коровий), слегка обваренный, хотя все это очень лакомые насадки. Недурно берет голавль и на коровью (самую крепкую) печенку, сырую и вареную; ее режут на длинные червеобразные куски в 8 сантиметров так, чтобы можно было спрятать весь крючок и оставался бы еще хвостик. Говядину (вареную) тоже режут на куски и привязывают к крючку. В крайности можно ловить даже на колбасу, вареную и копченую. Немцы (Эренкрейц) ловят иногда на рубцы, которые, надо полагать, должны держаться на крючке очень прочно, а также на куриные кишки.

Одною из лучших насадок считается за границей свернувшаяся кровь. Голавли, а также язи необыкновенно жадно берут на нее, особенно осенью; но, кроме того, что кровь крайне непрочна держится на крючке, это самая нечистоплотная насадка. Вдобавок и доставать ее не всегда бывает возможно. Но как прикормка или привада

спекшаяся кровь незаменима: медленно растворяясь в воде, уносимая течением, она привлекает рыбу с огромных расстояний (нескольких верст) и не насыщает ее, подобно другим прикормкам. Кровяной сгусток, опущенный в воду с камнем в частой сетке или продырявленной жестянке, составляет идеальную приманку, и на нее следовало бы обратить внимание русским рыбакам, имеющим возможность ею пользоваться.

Как для привады, так и для насадки годится всякая кровь, но лучшею считается баранья, которая гуще и долго сохраняет красный цвет, не темнея; за ней следует телячья. Брать надо по возможности совершенно свежую, а для того, чтобы она дольше не портилась, на дно ведра (жестяного), в которое ее наливают, насыпают слой соли и потом постепенно сбивают жидкость палочкой. Иногда, кроме того, с тою же целью французские рыбаки вливают рюмку абсента. Затем спекшаяся кровь кладется под пресс (доски с камнями), чтобы выжать из нее сукровицу, и оставляется здесь на 12–15 часов. Самые твердые и яркие части отделяют для насадки; остальное служит прикормкою. Можно бросать сгусток рукою, кусочками, но обыкновенно его кладут в частую сетку, которую опускают с камнем на дно. Иногда довольствуются и опусканием в воду губки, смоченной кровью. Кстати, надо сказать, что губка при ловле на кровь необходима, иначе совершенно измажешься.

Ловят на кровь не иначе, как на длинные удочки с поплавком, чаще с берега, чем с лодки: в последнем случае лучше всего ноттингемским способом (см. «Усач»). Обыкновенно употребляются крючки № 4–6, но для ужения мелких голавликов и ельцов можно пользоваться и № 10. Поплавок и грузило должны соответствовать течению; удилище берется легкое, тростниковое; при ужении с берега катушка не необходима. Леска по возможности тонкая и не длиннее, чем в 1 1/2 раза против удилища, т. е. эту насадку очень трудно забрасывать. Обыкновенно насадку полегоньку раскручивают, но некоторые авторы советуют забрасывать ее, пользуясь упругостью кончика удилища, т. е. уперев комель удилища в пах, натягивают леску и, согнув кончик, выпускают ее из пальцев. Ловят на умеренном течении, на глубине 1–2 аршинов. Если есть прикормка, хотя бы неоднородная, то стараются бросать насадку в ту же струю, которая несет прикормку. При ловле с берега обыкновенно идут вниз, шагов на 100–150, затем возвращаются обратно. Рыба берет на кровь очень жадно, но часто сбивает эту насадку; подсекать надо немедленно – при первой поклевке, так что необходимо быть очень внимательным. Поплавок выверяется насколько возможно, так, чтобы виден был лишь его кончик. При ловле ноттингемским способом, для того чтобы можно было видеть поплавок подале, на верхушку обыкновенного (или скользящего) поплавка надевается круглая пробочка с орех величиною, выкрашенная в белую или красную масляную краску. Эта пробочка должна наполовину погружаться в воду и вообще может быть весьма полезна при ноттингемском способе ужения. Насадка должна идти на 1–2 вершка от дна, почему надо выбирать возможно более ровные места. Рыба – голавль, режа язь и другие породы – нередко хватает насадку и на лету, прежде чем она дойдет до дна. Особенно хорошо задерживать поплавок так, чтобы он лег, затем сразу опустить леску и, как только поплавок стал вертикально, подсекать. Рыба, впрочем, берет и в момент задержки поплавка, когда насадка приподнимается течением кверху. Если голавль вертелся около насадки в нерешимости, то в минуту задержки поплавок он поднимается тоже кверху и следует за нею; когда же поплавок отпустят, то насадка сразу падает на дно, и редкая рыба в состоянии удержаться, чтобы не схватить ее. Нечего и говорить о том, что для каждого проплава требуется свежая насадка.

Белое мясо голавля очень костляво, но вкуснее, чем мясо язя, вероятно, потому, что голавль живет большею частью в хорошей воде. Впрочем, московские

голавли, держащиеся около водосточных труб, почти несъедобны.

Язь

Idus melanotus. Всюду – язь или вязь, молодой – подъязь, подъязок, подъязык. На петербургских садках – русский карп, в р. Онеге – туржа; местами по Оке – молвец; в Пензе (неправильно) – белесть и шпиор (?) (Паллас); на р. Вороне – ожирок. В Польше – язь, языка, гущера, яж, яжвен, яжвица; в верх. Висле – язлица, иж; лит. – мекнис, топар; карел. – шэвны, подъязык – пангани; лат. – уппитс, сига; эст. – сейнас, сейнас-кала; у ижоров – льяуна; зыр. – син, финск. – сейне, сейнея. Черем. – пардаш; чув. – партас, хирлезинат бартас; перм. – сиг (!); вогульск. – холым-хал, арт; на Чусовой – арен; тат. – упта, ясь; башк. – опто; калм. – манджи-сагассун; у енисейских татар – мыра-балык; у барабинцев – алабуга (?); у телеутов – бора-балык; ост. – нейде, мет; на Сургуте – агрен; на Нарыме – лы; у самоедов – лыссу, лангге; тунг., на Байкале – полувана. Инородческие наз вания в Сибири, может быть, принадлежат также видам, близким к настоящему язю.

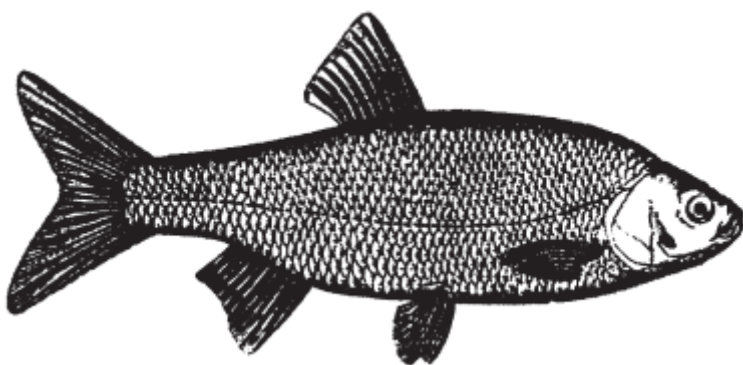

Рис. 173. Язь

Это, бесспорно, одна из наиболее известных рыб. Язь легко отличается своим толстым телом, довольно широкою, укороченною головою, маленьким косым ртом и цветом плавников. Всего более походит он на голавля, но у последнего голова гораздо шире, туловище имеет почти цилиндрическую форму, чешуя крупнее и пасть шире. Глоточные зубы язя (3.5/5.3) почти такие, как у шереспера, но он гораздо шире и короче последнего и заднепроходной плавник у него значительно уже (3/9–10).

Язь очень красив, особенно весной. В это время почти все тело его принимает металлический блеск: жаберные крышки (щеки) и голова кажутся как бы вылитыми из золота; когда он поворачивается на солнце, цвета его быстро меняются, и он представляется то серебристым, то золотым, то почти темным; нижние плавники как бы окрашены киноварью, а иногда и спинное и хвостовое перо принимает красноватый оттенок. Вообще спина у него иссиня-темная, хотя и светлее, чем у плотвы и голавля, бока туловища беловатые, брюхо серебристое, спинной и хвостовой плавники темные, все остальные красные; глаза зеленовато-желтые с темным пятном наверху. Следует заметить, однако, что язь, смотря по местности, а также и возрасту, представляет иногда более или менее значительные различия. Молодые язи, называемые обыкновенно подъязками, значительно светлее и серебристее, и плавники их заметно бледнее.

Рис. 174. Глоточные зубы язя

По своей величине язь принадлежит к крупным карповым рыбам: обыкновенная длина его 8–12 верш., а вес 5–7 фунтов; он редко весит более 10 фун., но попадаются язи-гиганты – в 15, даже 20 фунтов. Такими огромными язями славится, например, озеро Сиг, в окрестностях города Осташкова (Тверск. губ). Очень крупные язи встречаются, по свидетельству Домбровского, также в небольших реках Киевской губернии.

Язь в большем или меньшем количестве водится во всех странах Европы и в большей части Сибири; его нет только в Южной и Юго-Западной Европе, начиная с Восточной Франции. В России он имеет весьма обширное распространение и встречается почти всюду, за исключением самого Крайнего Севера; в Финляндии он найден выше Полярного круга; также довольно обыкновенен в Северной Двине и, по Кесслеру, доходит до Печоры. В Закавказье язь не найден, а в Туркестанском крае он заменяется другим близким видом и изредка попадает в Печоре. Всего многочисленнее он, по-видимому, в реках Волжского бассейна и в Средней и Восточной России, а на юге водится уже в меньшем количестве; в низовьях больших рек даже и очень редок, а в Днестре, кажется, вовсе не встречается. За Уралом он принадлежит к самым обыкновенным рыбам, особенно в озерах Пермской и Оренбургской губ., и идет очень далеко на восток, по крайней мере до Байкала, а быть может, и далее. В Туркестанском крае язь заменяется другим близким видом, а на Кавказе тоже не был найден.

Язь избегает горных, очень быстрых и холодных рек и предпочитает более глубокие реки с довольно тихим течением, также речные пруды и проточные озера. Особенно изобилует язями, или, вернее, подъязками, среднее течение Москвы-реки, где эта порода является почти преобладающею. В Средней России довольно много т. наз. язевых рек. Например, в р. Истре Клинского уезда Московской губ., по свидетельству сведущих рыболовов, водятся в большом количестве только две породы рыб – щуки и язи, притом преимущественно крупные, т. к. мелочь подъедается щуками.

Вообще, по моим наблюдениям, язь находится как бы в некотором антагонизме с голавлем и там, где последний многочислен, встречается лишь в небольшом количестве и наоборот. Несомненно, однако, что язь, как рыба менее прихотливая, всюду мало-помалу вытесняет голавля, но и в настоящее время у нас он повсеместно имеет, как в промысловом, так и в охотничьем отношении большее значение, чем голавль. В Западной Европе напротив: язь почти всюду более редок, чем голавль, а местами даже совсем неизвестен. Кажется, западную границу его распространения составляет Рейн со своими притоками, а на юг – Дунай с второстепенными реками.

Язь принадлежит к самым выносливым рыбам и легко выносит резкие перемены температуры и, до известных пределов, порчу воды без вредных последствий. Так как он ловится на удочку почти круглый год, за исключением одного или двух зимних месяцев, вернее, за исключением периода лютых морозов, то настоящей зимней спячки, как у сазана, сома, осетровых, мирона, отчасти голавля, у него быть не может. С первыми признаками близкого наступления весны, в средней полосе уже в феврале язь начинает мало-помалу выходить из глубоких мест, где зимовал, к закраинам или полыньям. Едва ли в это время он не собирается в еще более значительные стаи по возрастам, чем зимой. Настоящий его ход, или, точнее, подъем

вверх по течению, начинается со вскрытием реки, раньше всех рыб, не исключая даже щуки (которая часто выходит в заводи и поймы). Во время ледохода, когда река начнет разливаться, язь держится около берегов, но из русла в пойму, однако, не выходит, за исключением поемных озер, соединенных с рекой протоками. Так как притоки большею частью очищаются от льда и вступают в берега ранее рек, в которые впадают, то язи весьма охотно входят в эти притоки и затем уже здесь нерестятся.

Как далеко поднимаются язи вверх по течению – сказать трудно, и мнения относительно этого довольно противоречивы. Подмосковные рыболовы полагают, что большая часть язей, или, вернее, подъязков, приходит в черту столицы из Оки, т. е. верст за 150–200. Очень может быть, что некоторая часть язей действительно приходит сюда из Оки, но, по моему мнению, огромное большинство этой рыбы вряд ли поднимается здесь больше чем на 20–30 верст. Доказательством служит большая редкость ловимых весной (как и в прочее время года) крупных язей, между тем как в нижнем течении язи, т. е. рыбы не менее 2 1/2–3 фунт., попадаются на удочку всегда чуть ли не чаще, чем подъязки; столичные рыболовы ловят на одного язя по крайней мере 100 подъязков, не давая им достигнуть большого роста. Весьма вероятно, что язи, особенно несколько раз побывавшие на крючке, спускаются здесь в низовья реки, более безопасные от рыболовов. Известно достоверно, что язи попадают столичным рыболовам в течение очень небольшого промежутка времени, вскоре после нереста; затем они пропадают, т. е. скатываются вниз, на прежние места, и тем скорее, чем сильнее вода пойдет на убыль. Напротив, после теплых весенних апрельских дождей выход язя всегда бывает значительнее, и рыба ловится более крупная. По замечанию одних рыболовов, язей и подъязков поднимается тем больше (и дальше), чем долее вода шла на прибыль и чем медленнее она сбывала. Другие же, наоборот, приметой обильного выхода и хорошего весеннего лова считают очень высокую воду и ее быструю убыль. Первое замечание должно быть вернее, но весьма возможно, что внезапная и сильная убыль воды заставит язей укрываться временно на глубинах.

Что касается скорости, с которою совершается подъем язя вверх по течению, то есть некоторые основания думать, что она должна быть весьма незначительна, вероятно, около десятка верст в сутки. Кроме того, он часто задерживается в удобных местах, а при сильной убыли воды, несомненно, даже уходит назад, хотя бы еще не успел выметать икру, как бы инстинктивно опасаясь остаться на мели. Нерестятся ли язи ежегодно на одних и тех же местах – достоверно неизвестно, но это весьма вероятно ввиду того, что удобные места для нереста вообще довольно редки.

В больших реках, например Оке, Волге, Каме и подобных, можно положительно сказать, что язь икры вовсе не мечет, кроме верховьев. Для этой цели он поднимается во второстепенные притоки, даже в небольшие речки, но не особенно высоко, хотя дальность подъема и находится в зависимости от созревания половых продуктов, а именно особи, которые должны выметать икру раньше, поднимаются выше по реке или ее притоку. В Москве-реке и, вероятно, во многих других небольших, хотя и судоходных, реках язи нерестятся всего ранее в верховьях и в притоках, если последние не перегорожены каменными плотинами.

Причину изобилия этой рыбы в Москве-реке надо искать как в благоприятных условиях ее существования, именно количестве корма, так и в том, что Москва – единственная река в губернии, где рыба весной имеет свободный доступ от устья почти до верховьев, т. к. плотины Москворецкого пароходства разбираются поздней осенью, а последняя – Бабьегородская (в черте города) – перед вскрытием. Все притоки Москвы-реки почти недоступны для язя и других рыб, т. к. запружены, и, таким образом, большая часть москворецких рыб по необходимости вынуждена

нереститься или в самой реке, или в поемных озерах, подобно, например, щуке. Язь в озере нерестится только в том случае, если оно не имеет протоков, что бывает редко, или если оно имеет каменистые гряды, а впад ающие в него речки не имеют удобных мест для нереста. В поемных озерах они тоже не выметывают икры, а только в притоках, соединяющих их с рекою. В речных прудах язи весной со вскрытием уходят для нереста или в верховья пруда к следующей плотине, которую (при большой воде) иногда им удается миновать, или (что бывает чаще) в речки и даже ручьи, впадающие в реку.

По-видимому, язи всегда идут руслом реки, не вступая в пойму, но собирают, конечно, более слабое течение, у пологих берегов, почему чаще встречаются весной на песчаных или хрящеватых местах. Это не мешает язям преодолевать довольно сильное течение и значительные препятствия в виде, например, заколов и язов. Если последние выдаются над водою не более аршина, то большинство язей перепрыгивают через преграду. При этом они, как мы увидим далее, выказывают немало ума и сноровки. По мнению некоторых рыболовов, прыжки язя могут достигать до двух аршин вышины, но это, конечно, преувеличение.

По дъем язей вверх по реке и в ее притоки обуславливается не столько мутью полной воды, засаривающей жабры рыбе и заставляющей ее уходить на пойму или плыть против течения, сколько необходимостью своевременно приискать удобное место для нереста. Язь вместе с щукой, окунем и ельцом принадлежит к числу рыб, мечущих икру ранней весной, но как на юге, так и на севере он нерестится, лишь когда река войдет в берега, очистится от мути и несколько потеплеет, т. е., когда лед совсем растает. А т. к. в притоке и верховье реки эти условия наступают ранее (тоже в озерах, которые долго остаются покрытыми льдом), то понятно, почему во многих больших реках и озерах язи вовсе не выметывают икры и почему они так настойчиво лезут даже в незначительные ручьи. По моим наблюдениям, язь начинает нереститься вместе с набуханием березовой почки, когда сойдет почти весь снег даже в хвойных лесах, прекратятся утренники и вода достигнет температуры 12 °С, река войдет в берега и прибылой воды (например, в Москве-реке) останется менее аршина.

В средних губерниях это обыкновенно бывает около середины апреля, ранее или позднее, смотря по весне. На Москве-реке в большинстве случаев язь нерестится во второй половине апреля, редко в последних числах, но в исключительно теплые весны гораздо ранее. Например, в 1890 году почти весь язь выметал икру в конце марта, начиная с Благовещенья. На юге язи постепенно мечут икру в марте, входя с этою целью в небольшие реки; на севере же, а также в некоторых озерах средней части Уральских гор нерест замедляется до начала, а быть может, и середины мая. Язь играет довольно дружно: при благоприятной, теплой, хотя бы и дождливой, погоде в данной местности он кончает нерест в 2–3 дня; но разница времени нереста в верховьях и низовьях реки (например, Москвы-реки), между рекою и ее притоком, с другой стороны, может по упомянутым выше причинам достигать 7, даже 10 дней. Резкая перемена погоды значительно затягивает нерест, т. е. особи, не успевшие еще выметать икру, выпускают ее, когда минет холодное ненастье, но это бывает относительно редко. Судя же по тому, что молодь язя никогда не бывает так разнокалиберна, как, например, у плотвы, сазана и голавля, надо полагать, что вся икра выпускается в один, а не в несколько приемов и добавочного нереста у язя, по-видимому, не замечается.

Поднимается вверх по течению и нерестится только рыба, достигнувшая половой зрелости, – не менее полуфунта, а большею частью в 3/4–1 фунта весом; мелочь же остается на местах или заходит в пойму и в заливные озера. Молошники всегда заметно менее ростом и многочисленнее самок, но далеко не в такой степени, как у голавлей. Несомненно, что язь, или, вернее, подъязок, нерестится, достигнув 2-

летнего возраста. Прежде всех трутся самые крупные язи, от 5 фунт. и выше, затем средние и, наконец, мелкие – подъязки, конечно, и самые многочисленные. Некоторые полагают, что сначала трутся мелкие, но это мнение опровергается тем, что на удочку попадаются сначала язи без икры, а потом уже подъязки. Мелкие подъязки, или подъязюки, от 1/2 фунт. до 3/4 фунт., кажутся, трутся почти одновременно с плотвой, т. е. неделей-двумя позднее нерестования язей. Так как прирост рыбы даже в одной местности бывает различен и зависит от изобилия летнего корма, то один год идет более мелкий, в другую весну более крупный подъязок, и разница эта может быть весьма значительна.

Численность стай зависит также от этих условий, но вообще стаи бывают тем больше, чем рыба мельче. Мелкий язь, или подъязь, идет иногда тысячными рунами, особенно из озер; настоящие же язи, т. е. рыбы 2 1/2 или 3 фунт., поднимаются весной и трутся лишь сотенными стаями, и то не всегда, а крупные встречаются только десятками. Нерест всегда совершается одновременно всею стаею, а не семейно, как у щук, сазанов и других рыб, но с большим шумом и плеском, которые часто, впрочем, проходят незамеченными, потому что нерестилищем служат большею частью довольно бурливые перекаты с крупными камнями, реже хрящем. Кроме того, язи очень охотно выпускают икру около старых свай, оставшихся от разных подводных сооружений (мостов, купален), а в реках на корнях прибрежных деревьев, в корягах, на упавших в воду деревьях и т. д., но непременно на течении; в камышах и тростнике (прошлогодних) язи вряд ли когда выпускают икру, разве в крайних случаях.

Самый нерест совершается главным образом вечером и утром, но в теплую погоду продолжается всю ночь без перерыва. Разгар игры бывает все-таки в сумерках и на рассвете и выражается в выпрыгивании и плаве, тем более частых, чем мельче самое нерестилище. Кажется, плавают и прыгают преимущественно молошники, которые многочисленнее, тоньше, мельче и светлее самок; притом голова и чешуя у самцов усеяна множеством мелких бородавочек, однако не таких крупных и жестких, как у самцов плотвы, и сравнительно очень быстро исчезающих. В это время язи теряют свою обычную осторожность и легко становятся добычей рыбаков с их сетями.

Икра язей желтоватого цвета, величиною с мелкое просяное зерно, и ее вообще трудно отличить от икры других карповых рыб. Количество этой икры довольно значительно: у трехфунтовой самки насчитывается около 70 тысяч икринок. Оплодотворенные икринки прилипают к указанным подводным предметам, но значительная часть уносится течением и становится добычей налимов и пескарей, хотя и не в таком количестве, как икра рыб, нерестящихся позднее. Вообще можно принять за правило, что чем позднее нерестится рыба, тем больший процент икры поедается другими рыбами.

Молодь выклеивается, смотря по состоянию погоды, через 7–10 дней и первые дни держится на местах вывода, укрываясь за камнями и другими подводными предметами. Примерно через неделю мальки переходят в более тихие и безопасные места, к берегам, и держатся около плотов, купален, на слабом течении. Урожай молоди язя, да и многих других рыб, в небольших, хотя и судоходных, реках Средней России зависит главным образом от весенних, т. е. майских, паводков. Эти последние сносят вниз и забивают большую часть еще не окрепшей рыбешки и гораздо гибельнее для нее, чем все хищники.

Выметав икру, язи в озерах скрываются в глубину, откуда через несколько дней выходят жировать на песчаные отмели. В реках же они обыкновенно начинают медленно скатываться вниз, на свои обычные летние (и зимние) становища. Скатывание это совершается днем, не стаями, а вразбивку – поодиночке, но к вечеру они снова собираются на ближайшей яме, вообще глубоком месте, откуда ночью

выходят жировать на мели, выше ямы. Так как к этому времени на шлюзованных реках, например, Москве-реке, уже начинают ставить плотины, до этого разобранные, то очень часто случается видеть покатных язей, прыгающих вниз с забираемой плотины. При этом они не выпрыгивают торчком, как это делают в таких случаях голавли, а как-то перекувыркиваются через голову. Нередко им случается падать в лодки, поста вленные под плотиной. Наоборот, язь, уже остановившийся ниже плотины, как только слышит, что течение значительно уменьшилось, снова идет кверху, и если плотина еще невысока – не выше аршина, то успевает перепрыгнуть через эту преграду. Впрочем, число соскакивающих значительно превышает число перепрыгивающих, между тем как у голавлей замечается обратное.

Вообще, как во время нереста, так и в некоторое время после него, язи держатся на относительно мелких и притом песчаных или хрящеватых и каменистых местах. В ямах и на иловатом дне весной, до межени, они встречаются редко, что очень хорошо известно удильщикам. Я имею в виду Москву и подобные ей реки. В ледоход рыбе, конечно, не до еды, но перед нерестом и сейчас же после его окончания язи жадно хватают все съедобное, начиная с червей, вымываемых из берегов и приносимых водой с поймы, и кончая овсом конского помета с последним включительно. В культурных местностях, изобилующих садами и огородами, весенние дожди уносят в реку огромное количество навозных и больших земляных червей – выползков, составляющих местами любимую пищу язей.

Пока вода еще мутна и язи очень голодны, они кормятся весь день, но затем они жируют только по ночам, поздним вечером и ранним утром, а когда вода совсем очистится и они отъедятся, – только ночью. В Москве-реке, в черте столицы, достойна внимания жировка язей, или, вернее, подъязков, около устьев Неглинки и Яузы, несущих массу корма. Я полагаю, что по этой причине здесь останавливается так много самых неприхотливых к качеству воды рыб – плотвы и язя. На первый взгляд, мыльные воды Неглинки и черные – Яузы должны быть смертельны для всякой рыбы, однако эти воды служат как бы естественной притравой очень многим, даже довольно прихотливым рыбам. У всех водостоков на Москве-реке, хотя бы самых зловонных, всюду, где спускают краску с фабрик, всегда, особенно же весной, она служит притравой очень многим, даже довольно прихотливым рыбам. За исключением очень немногих ядовитых веществ, отбросы фабрик и заводов или безвредны, или даже полезны для рыбы. Даже нефть, плавающая по нашим рекам в изобилии и смущающая многих ученых, вредна только тем, что сильно портит вкус рыбы, которая начинает отзывать керосином. Последний, как известно рыболовам, может даже служить для сдобривания приманки, т. е. запах его привлекает рыбу. Даже мелочь несколько не смущается нефтью и другими плавающими на воде гадостями и охотно плавает около. Язи в особенности любят почему-то мыльную воду, и весной в банные дни (т. е. за исключением постных и праздничных дней) около впадения Неглинки их ловят в огромном количестве. Весьма странно, что рыба может пребывать довольно продолжительное время в воде, издающей такое зловоние, что не всякий рыболов в состоянии его вынести. Наблюдения показывают, что для многих рыб температура воды гораздо важнее ее качества и что в грязной, но холодной проточной воде рыбы уживаются зачастую лучше, чем в чистой, но теплой стоячей. Какое огромное влияние имеет температура воды, видно из того, что та же рыба, которая живет недели в небольших садках удильщиков-рыболовов весной и осенью, летом снет через несколько часов. Теплая грязная вода с мостовых после летнего дождя в Москве влияет на рыбу самым губительным образом, особенно на пескарей и раков.

Окончательно устанавливаются язи на летних становищах, по-видимому, через 3–4 недели по окончании нереста; в Москве-реке, например, около середины мая, после

того как совсем запрут все плотины. В больших судоходных реках, в которых прибылая вода держится гораздо долее, по всей вероятности, эти рыбы, как и все другие, становятся оседлыми позднее, чем в притоках. Повсеместно, как в реках, речках, так и проточных прудах и озерах, язь выбирает своим постоянным местопребыванием глубокие и непременно иловатые места, избегая песчаных и каменистых. В общем становища язей аналогичны со становищами сазанов, и даже по образу жизни эти рыбы имеют много сходства: язь по праву называется местами, например в Петербургской губ., русским карпом. В более северных местностях, в Европейской России, примерно от 55° с. ш., язь вполне заменяет недостающего здесь сазана. Между этими двумя рыбами замечается как бы некоторый антагонизм: они вместе не уживаются, и на севере преобладает язь, а на юге – сазан.

Любимым становищем язей служат: в небольших реках – мельничные омута, в больших – глубокие иловато-глинистые ямы под крутоярами; кроме того, язи охотно держатся под мостами, около свай, под купальнями, пристанями и плотами на глубине около 4 аршин. Как рыба крайне осторожная, язь предпочитает места, недоступные неводу, т. е. заваленные корягами, глиняными глыбами и с неровным дном – уступами. Мелкие язи, т. е. подъязки, менее прихотливы и держатся на меньшей глубине, часто в травах, вместе с плотвой; что же касается прошлогодних подъязиков, то, по моим наблюдениям, в стоячей воде они стоят всегда около берега, в траве, а в проточной воде – на мелях с слабым течением, где собираются в огромном количестве. В среднем течении Москвы-реки, например, такое становище годовалых подъязиков находится у Краснохолмского моста, напротив Комиссариата. Мелкие подъязки, иногда, впрочем, и язи, нередко подходят, как и сазаны, к местам, где полднюет скот, который, хотя в воде, вырывает из земли личинок насекомых. Но еще более привлекает сюда рыбу коровий помет.

В ямах и глубоких, сравнительно тихих местах язи держатся также стаями, но уже менее многочисленными и густыми, чем весной; отдельные особи ведут здесь относительно более самостоятельный образ жизни. Отсюда язи нередко, особенно в тихие утра и вечера, выходят на поверхность – плавают, но жируют, т. е. кормятся они главным образом по ночам и на более мелких местах или даже на перекатах, вообще на течении, которое приносит им пищу. В Москве-реке, около столицы, эти ночные выходы на струю зависят как от дурного качества тихой воды летом, так еще более от того, что почти вся масса пищи, даваемой городом, несется струею. Понятно, что рыба становится вереницей на течении и перехватывает плывущие мимо съедобные вещества, имеющие мало шансов попасть в заводи. Рыбы потому и любят ямы на заворотах реки, что образующийся здесь водоворот задерживает или даже поглощает все, приносимое течением. Очень многие почти не покидают таких ям и выходят из них только в исключительных случаях; при резкой перемене погоды, при больших паводках, после сильных дождей.

Несомненно, что каждая прибыль воды имеет большое влияние на жизнь язей. Особенное значение имеют паводки в таких шлюзованных реках, как, например, Москва. Усилившимся течением приносится огромное количество пищи, а потому не только язь, но и многие другие рыбы временно покидают свои становища и начинают понемногу двигаться вверх по струе, привлекаемые главным образом естественной прикормкой, отчасти мутью, побуждающей рыбу двигаться против течения и отыскивать чистую воду. Надо иметь также в виду, что в тихой и мутной воде рыбе уже трудно добывать себе пищу на глаз и гораздо удобнее подстергать мимо плывущую, частью на слух, частью на осязание. Значение мути доказывается тем, что после каждого паводка в мелкие притоки, очищающиеся от мути ранее, заходит много рыбы, особенно мелкой и селетка, труднее выносящих муть и сильное течение. При более продолжительной прибыли воды язи и многие другие рыбы поднимаются на десятки верст и подходят к плотинам, и начинают возвращаться

обратно, на прежние места, как только вода начнет сильно убывать или (на москворецких плотинах) ее запрут, и течение сильно уменьшится. Каждая, даже незначительная, прибывь воды и усиливающееся течение вызывают некоторое движение рыбы и побуждают ее выходить на струю даже в неурочное время, а из ближних ям подвигаться к самым плотинам.

В прудах и озерах дожди не имеют такого влияния на образ жизни язей, и они здесь еще более оседлы. Впрочем, они также выходят здесь на ближние мели не только ночью, но и днем. В некоторых озерах, например Чудском, замечено, что стаи язей охотно посещают ночью каменистые берега на прибое, особенно после бури. Вероятно, их привлекает сюда обильная животная и частью растительная пища, выбиваемая волною из-под камней. Подобно большинству других рыб, язи в стоячей воде, однако, кормятся больше днем, чем ночью, т. е. руководствуются при искании пищи преимущественно зрением, а не слухом, осязанием и обонянием, которые служат им на течении. Даже подъязки в реках ведут все лето и большую часть осени почти такой же ночной образ жизни, как налимы.

Осенью язи ведут уже сравнительно более кочевую жизнь, что вызывается частыми дождями и паводками. С наступлением холодной погоды язи уже редко выходят на мели и перекаты, хотя охотно держатся под шлюзами и плотинами. Во время замерзания рек или озер язей всегда застаешь подо льдом, иногда даже на неглубоких местах, хотя бы середина реки оставалась свободной. Вообще очень многие рыбы питают какое-то особенное пристрастие к первому льду и начинают искать глубоких мест и полыней, только когда вся вода замерзнет и им станет душно. Я объясняю это пристрастие тем, что нижняя поверхность льда первое время покрыта множеством пузырьков воздуха.

Язи зимуют больше на ямах и на илу, в озерах вместе с окунями; мелкий подъязок живет зимою там же, где и плотва, ближе к берегу и держится иногда под самым льдом. Первое время язи еще кормятся главным образом, вероятно, мотылем, но в середине зимы, в большие морозы, подвергаются некоторого рода спячке и стоят почти неподвижно на ямах. Отсюда они начинают выходить на мели и перекаты с первыми февральскими оттепелями. Очень может быть, что с этого времени и начинается постепенный подъем их кверху. На мели и перекаты язи, несомненно, привлекаются налимьей икрой.

В большинстве случаев язи держатся и кормятся на дне, не ползая по нему, подобно налиму, подусту и пескарю, но и не поднимаясь высоко, почти в полводы, как плотва. Приблизительно язь ходит, как окунь, на 3–4 верш. от дна. Однако если дно идет уступами, то он стоит на уровне уступа, стоящего выше по течению. Поверху язи ходят реже голавлей и плаваются не ежедневно. Обыкновенно плавание замечается в тихую погоду и вызывается преимущественно падающими в воду насекомыми. Ночью язи ходят поверху реже, чем вечером и ранним утром, но при сильном лунном, даже искусственном освещении, например от электрических фонарей (на Большом Каменном мосту в Москве) и недалекого пожара, они, подобно другим рыбам, плаваются и в глухую полночь. По замечанию некоторых рыболовов, даже свет фонаря вызывает рыбу на поверхность.

Плавание язя начинается как только установится теплая погода, вскоре по окончании нереста, и прекращается с осенними утренниками, губящими всех летающих насекомых. Язи выпрыгивают из воды сравнительно редко, хотя и чаще голавлей, и ограничиваются всплесками и бульканьем. Поднявшись на поверхность, играющий язь круто поворачивается и производит глухой всплеск, подобно брошенному камню, но без брызгов. Этот всплеск, однако, не так силен, как у голавля, и менее слышен, но, конечно, сила его зависит от величины рыбы. Некоторые высовывают только морду, другие же, но редко, выворачиваются совсем наружу. Мелкий подъязок, не свыше полфунта, плавится, подобно плотве, с брызгами.

Пища язей весьма разнообразна, и они могут быть названы всеядными рыбами, т. к. питаются всеми съедобными органическими веществами, начиная с растений и кончая мелкой рыбой. Корм этот разнообразится соответственно времени года и местности, и при описании ужения и насадок придется говорить о нем подробно. Здесь же скажу, что в большинстве случаев язи и подъязки (от фунта) весной едят главным образом червей, частью икру других рыб, особенно подуста, голавля и плотвы; летом – различных личинок насекомых, например, опарышей (из падали, попадающей в реку), крысок, личинок другого вида крупной мухи, выкидываемых в воду из барок, где они заводятся; личинок различных жуков из гонок, в прудах же и озерах – личинок стрекоз, мошкары и комаров. Из взрослых насекомых добычей язя всего чаще делаются майские жуки, на которые он, впрочем, не так падок, как голавль; затем (больше в прудах) стрекозы, временно метлица или поденка, падающая местами во множестве в течение нескольких дней, кузнечики (в небольших реках с прилегающими заливными лугами), другие насекомые, падающие в воду: ночные бабочки, мошкара, мошки, комары-толкунчики и пр. Раки, преимущественно линючие, служат любимую летнюю пищу более крупных язей. Осенью, после кузнечиков, лакомым кормом служит мотыль, личинка комара-толкунчика, местами же, но редко – лягушата. Взрослый язь всюду принадлежит к числу хищных рыб, но обыкновенно довольствуется мелкими рыбками всех видов; при урожае молодежи ею, впрочем, питаются не только подъязки, но даже ерши и плотва. По моим наблюдениям, на Москве-реке язь и подъязок подходят к плотинам после паводков главным образом ради массы мелкой рыбы, уносимой течением. Особенно много мелочи падает вниз после внезапного открытия шлюзов.

Несомненно, однако, что если не везде, то во многих водах язи главным образом кормятся растительной пищей. Эта последняя имеет вообще гораздо большее значение, чем пища животная, и очень странно, что, между тем как на суше это принято за аксиому, многие ихтиологи и рыбоводы полагают, что главную пищу большинства рыб служат животные организмы, начиная с инфузорий и кончая позвоночными. Между тем несомненно, что растительные организмы очень часто служат главной и постоянной летней пищей многих хищных рыб. Не будь травы и водорослей, не было бы и низких животных организмов, с насекомыми включительно, которые в большинстве случаев являются лакомством, изредка, правда, весьма изобильным. Всякому известно, что добывание животной пищи требует большего труда и энергии, чем добывание растительной, всегда находящейся под рукою.

Последние наблюдения показали мне, что язи, как и большинство карповых, – рыбы более травоядные, чем насекомоядные. По крайней мере, в Москве-реке, во всех прудах и озерах главное содержимое желудков нехищных рыб, за немногими исключениями, состоит летом из зеленой кашицы растительного происхождения, всего чаще нитчатых водорослей родов *Cladophora* и *Spirogyra*. Шелковник положительно составляет местами главный и любимый рыбий корм, которым не брезгают даже судаки и ерши. Это доказывается тем, что на зелень ловят все лето не только плотву, но даже подъязков и язей, притом днем, когда последние ни на какую другую насадку не берут. Нитчатые водоросли весьма обыкновенны во всех стоячих и проточных водах и, кроме того, отличаются от всех других водяных растений необыкновенно быстрым ростом, составляя таким образом в жаркое время года почти неиссякаемый источник рыбьего продовольствия. Я могу положительно сказать, что в реках, почти не имеющих мелких ракообразных (циклопов, дафний), тончайшие нити зелени служат главной пищей молодежи большей части рыб. Более взрослые рыбы, кроме зелени, едят также молодые побеги различных водяных растений, но уже с меньшей охотой.

В судоходных реках, где растения ютятся преимущественно в заливах, затонах и

протоках, весьма важное значение для корма рыб имеют семена хлебных растений. Тысячи пудов пшеницы, ржи и ячменя выбрасываются в воду водоливами, а сколько, кроме того, тонет барок с зерном. За каждым хлебным караваном следуют многочисленные стаи разных рыб: лещей, язей, подустов, которые таким образом ведут своеобразную кочевую жизнь. Этот факт хорошо известен всем волжским и окским бурлакам и рыболовам и еще очень недавно, лет 25 назад, до постройки Рязанской и Курской дорог, наблюдался и на Москве-реке, когда по ней ходили барки с хлебом.

В настоящее время москворецкие язи и другие рыбы имеют гораздо меньше зернового корма, чем прежде, но все-таки временами его попадает в реку немало. Каждый сильный дождь приносит в реку целые пруды полупереваренного овса вместе с конским калом, который, в свою очередь, может служить пищею: язь, подобно сазану, голавлю, охотно ест всякие животные извержения, даже человеческие, и спуск этих нечистот в реку для рыбы только полезен, конечно до некоторых пределов. Еще более лакомым кормом язей и голавлей служит (или, вернее служила) кровь из боен, спускавшаяся прежде в реку, но кровь уже ни в каком случае не принадлежит к растительной пище. К последней вполне относятся ягоды, местами довольно часто попадающие в реку, большею частью уже негодные для употребления. Кроме испортившихся ягод, в реку иногда попадают ягоды из наливок: вишни, черная смородина, рябина и пр. В Москве, у Каменного моста, около спуска из завода Ивана Смирнова, всегда держится много плотвы и язя, и попадающиеся здесь летом подъязки зачастую оказываются битком набитыми ягодами. Принимая во внимание, что они попадают здесь на удочку и днем, несмотря на обилие корма, надо полагать, что этот корм имеет опьяняющее действие, и язи попадают на удочку «не в своем виде».

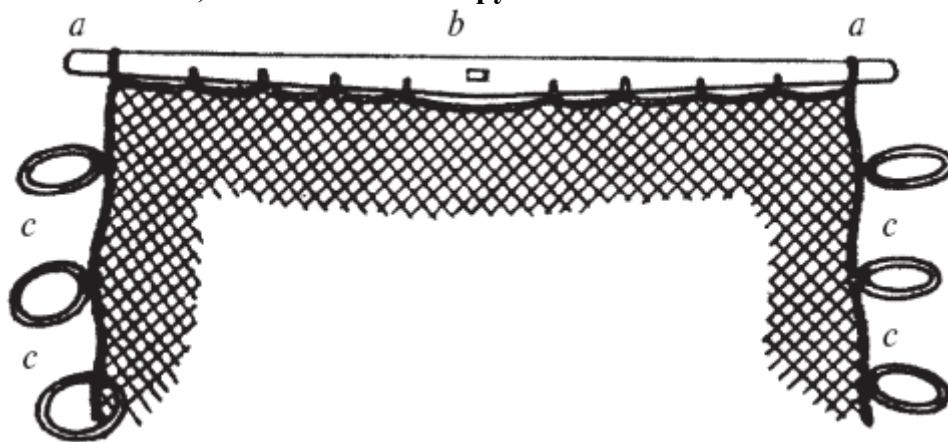
Язь крайне умная и осторожная рыба, хотя и не такая пугливая, как лещ. Проезжая в лодке, можно видеть в прозрачной воде, как язи отходят в сторону и затем возвращаются на прежнее место. Умом они не уступают сазану и, пожалуй, его превосходят. Ни одна рыба так ловко не вывертывается из рук, ни одна не выскакивает так часто из плохо прикрытых садков. Увертливость язя даже вошла в поговорку. Следует, однако, заметить, что после морозов язи уже не могут выпрыгивать из садка – по той причине, что они сильно слабеют и перья, т. е. плавники, теряют свою подвижность и растяжимость. Все чувства у язя развиты превосходно: он отлично видит, слышит и чует, а потому перехитрить его довольно трудно. Язи попа даются в сети и другие снасти или весною во время нереста, либо подо льдом, на зимовках. На удочку эти хитрецы берут преимущественно ночью, днем же попадают лишь в мутную воду или когда очень голодны, что со стоевой рыбой бывает редко, на удочку попадают преимущественно ходовые язи и подъязки, пришедшие издалека и, как у других видов, легко узнаваемые по своей белесоватости и сравнительной худобе.

Язь принадлежит к числу сравнительно быстро растущих рыб и в этом отношении уступает лишь немногим рыбам. Разумеется, прирост у язей зависит от большего или меньшего количества пищи и может поэтому сильно варьировать не только по местностям, но и по годам. Первые годы язь растет гораздо быстрее карпа и в некоторых случаях, как, например, в такой кормной реке, как Москва, достигает в следующую весну 1/4 фунта весом; поздней осенью эти подъязки весят здесь уже 1/2 фунта и более, а двухлетние икрняники бывают уже в 3/4 фунта. К осени последние достигают уже 1 1/4–1 1/2 фунта: главная масса нерестящихся подъязков по третьему году полуторафунтового веса; нерест мелких двухгодовалых совершается, как сказано, позднее и проходит как-то незаметно. Я полагаю, что мечут икру далеко не все двухлетки. С достижением совершеннолетия язи растут уже гораздо медленнее, чем сазаны. Четырехлетний язь примерно в 2–2 1/2 фунта, 5-летний – 3 и 3 1/2 фунта

и уже всюду называется язем, а не подъязком. Самые крупные язи, в 8–10 фунтов весом, имеют не менее 15, даже 20 лет.

Вообще возраст непрудовой рыбы определить весьма трудно и возможно только для первых трех-четырех лет. Между тем большинство рыб почти не принимает зимой пищи, а потому они должны расти подобно дереву – периодически. Я полагаю, что если заняться приисканием критерия для определения возраста, то, наверное, найдутся на внутренних или наружных органах какие-либо слои, число которых будет соответствовать числу лет. Недавно одним из германских рыбоводов было указано, что возраст карпа может быть определен по чешуе: у годовалых оказывается в середине только блестящая точка; у двухгодовалых эта точка окружена кольцом, у трехлетков – двумя и т. д. Не думаю, однако, чтобы у 50-летнего карпа оказалось 49 колец.

Трехлетние наблюдения мои (в 1889, 90 и 91 годах) на Москве-реке над ростом язей, или, вернее, подъязков, дают мне полную уверенность в том, что последние действительно растут здесь крайне быстро. Уже в середине мая около плотов, пристаней и купален появляется много мелких подъязиков, покинувших места вывода; они уже имеют в длину от носа до конца хвоста около 1 1/2 дюйма. Сюда привлекает их обилие пищи, главным образом опять-таки водоросли – зелень, которою начинают обрастать подводные части деревянных сооружений, в чем я имел случай много раз убедиться. В противоположность голавликам, мелкие подъязки избегают сильного течения и никогда не держатся на самой струе. В июле, достигнув величины более вершка, молодежь отходит от плотов и купален на средину реки (на слабое течение), хотя подходит кормиться к берегу – опять-таки зеленью. Молодых подъязиков нетрудно отличить от мальков плотвы по более светлому цвету, большей толщине, плавному маханию хвостика, а от ельцов – брусковатостью; голавлики же темнее, толще и головастее подъязков. В самом юном возрасте подъязики выказывают большую вороватость, и в середине лета их уже очень трудно поймать сачком. К Ильину дню подъязочки большею частью уже достигают полутора вершка, в середине августа – 2, в сентябре же – 3, даже 4, как например, в 1890 году. В сентябре трехвершковые селетки уже начинают иногда крайне надоедать рыболовам и попадают на мотыля. Говорю «иногда», потому что в 1891 году мелких подъязиков почти не было видно, вероятно потому, что язи нерестились выше или ниже города Москвы. Как и следует ожидать, при большом урожае молодежь растет медленнее. Годовалые подъязики следующую весну и лето держатся, по-видимому, на песчаных отмелях, откуда осенью выходят на обычные язевые места, т. е. с иловатым грунтом и слабым течением.

вязки сетей

Рис. 175. Способ

Несмотря на то что язь в большей части России принадлежит к числу самых распространенных рыб, он нигде не имеет промыслового значения. Причиной тому

его осторожность: язи попадают в сети и разные ловушки преимущественно весной, редко зимою, на становищах – в невода и в подледные мережки. Рыбаки всего более ловят яззей во время хода их на нерестилища – мордами и фитилями и подобными им прутяными и сетяными ловушками. На небольших реках и в речках, особенно в их устьях, ловля эта бывает иногда весьма добычлива, но требует больших приготовлений, именно устройства т. наз. заколов или заязков. Нередко язи перепрыгивают через эти преграды, благополучно минуя расставленные им западни. Иногда, во время нереста, язи попадаются в мережки, т. е. трехстенные сети, о которых уже не раз упоминалось выше. В остальное время года, за исключением глухой зимы, язь бывает очень редко добычей промышленника; он очень ловко минует невода и сети, перепрыгивая через них или залегая в углублениях дна.

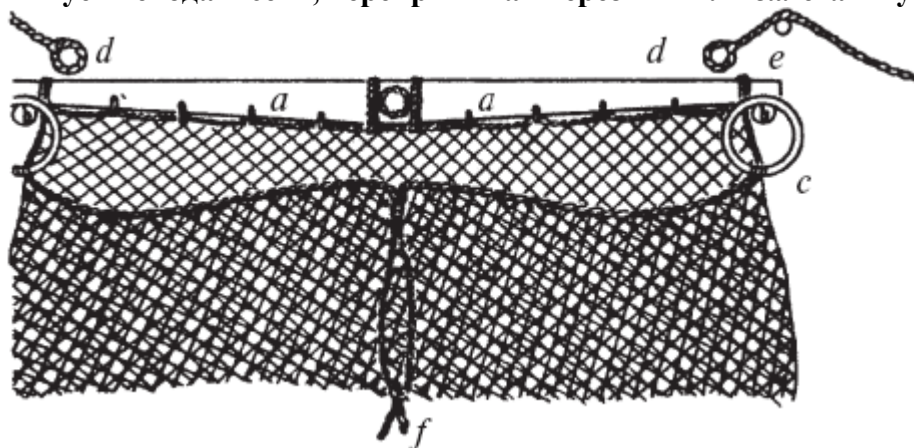

Рис. 176.

Постановка сежи

К числу весьма добычливых и вместе охотничьих способов ловли яззей, а также и других рыб, принадлежит ловля сежей, к сожалению, весьма мало известная между любителями. Во многих отношениях сежа должна быть поставлена выше мережки или путаницы, о которой уже говорилось несколько раз. О летней сеже на помосте говорилось уже при описании ловли белорыбицы, а также леща, но эта ловля требует постоянного места и различных приспособлений, а потому во всех отношениях уступает зимней ловле тем же снарядом, подробно описанной г. Саблиным в мартовской книге журнала «Природа и охота» за 1887 год (с. 19–24), откуда и делаю краткое извлечение.

Сежа состоит из большого сетяного мешка, от 3 до 5 саж. длины (в сложенном виде). Сеть вяжется из крепких, некруто сученных льняных и пеньковых ниток, на дощечку от 1 до 1 1/4 д. и в горле имеет от 200 до 250 петель; таким образом, без убавки провязывают до 3 сажень, а затем начинают убавлять сначала по 1 петле в ряду и проходят так ряда 3, а затем проходят 3 ряда, убавляя по 2 петли в каждом ряду, потом по 3, по 4 и, наконец, по 5. Чтобы сеть была не видна в воде, ее обыкновенно опускают сначала в раствор дубильной кислоты, а потом в раствор железного купороса. Горло насаживается несколько на слаби на бечевку длиной от 10 до 12 аршин; четвертая часть этой бечевки пришивается к легкому еловому бруску, утончающемуся к краям. Брусок этот (рис. 175) выстругивается начисто, и дерево выбирается белое, чтобы всегда можно было увидеть переходящую через него рыбу, почему называется белилом; концы его должны быть вершка два длиннее, для опоры на колья. В середине белила вырубается отверстие *b* для вставки в него особой жердочки (деточника). К сторонам бечевки, оставшимся свободными, привязываются по 4–5 деревянных колец 4 верш. в диаметре; во время лова эти кольца надеваются на особые шмыковки.

Снасть ставится подо льдом следующим образом. Лед прорубают ручьем поперек реки, не шире четырех вершков; затем на расстоянии 2–3 аршин вбивают колья и по

обеим сторонам ворот, оставленных для сежи, опускают старое неводное крыло, наскоро починенное, которое течением прижимается к кольям. Сежа ставится обыкновенно на плесах, ниже омутов и в некотором от них расстоянии, глубиною от 1 1/2 до 3 арш., причем ворота оставляются в самом глубоком месте закола. Вся постановка сежи будет иметь в плане вид, показанный на рис. 176: а – белило, б – шмыковки, с – кольцо, d – крайние кольца, к которым пришиты крылья, е – дополнительные кольца, не дающие крылу наседать на кольца, f – верхний край бечевки, выбрасываемый на лед, где он примерзает. Кольца надеваются на шмыковки, белило прижимается деточником ко дну, а сежа раздувается водою. Рыбу высматривают и стерегут лежа на подст илке из соломы или хвои, накрываясь рогожей или одеялом; чтобы вода не отсвечивала, с боков на прорубь кладут тоже солому или хвою. Заганивать рыбу начинают не менее как за 100 саж. от сежи и до версты. Для этого рубят проруби в шахматном порядке, за рубильщиками идет человек с жердью, который мутит дно, а за ним ботают ботками. При ширине реки не более 2 саж. и 2 сетях надо не менее 6 человек гонщиков, т. е. 3 пешни, 1 жердь и 2 ботки.

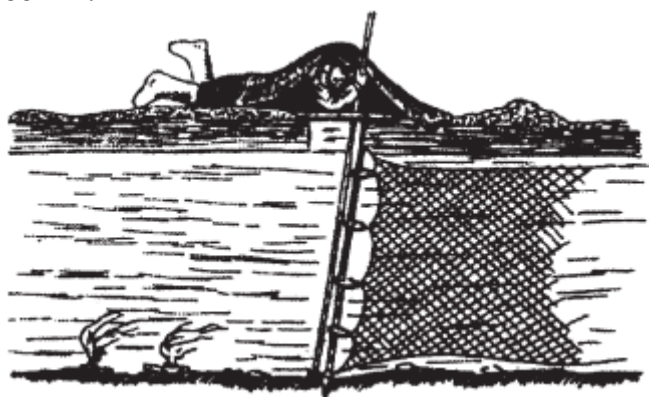

Рис. 177. Ловля на сежу

Гонка имеет большую аналогию с облавой, тем более что гонщики обыкновенно кричат. Первым из ямной рыбы приходит осторожный язь, и впереди всегда идет почтенный коновод – головной язь, как его называют; идет он осторожно и высматривает опасность. Этого – не зевайте, иначе весь табунок потерян. Как только головной язь пойман, сейчас же подваливает и стадо; случается, что оно так велико, что не умещается в сеже, т. е. передние, не найдя выхода, начнут возвращаться, а сзади будут подходить новые; этот момент удобнейший, чтобы встать, иначе весь табун уйдет назад. Поднявши белило на поверхность, деточник откидывают назад и прижимают его коленом ко льду, а сежу выбирают руками. Как только лежащий на сеже встает, гонщики, разумеется, прекращают гон. Кроме язей, попадает в сежу и другая бель, также окуни и иногда щуки. В ноябре попадается иногда налим, который не плывет, а катится кубарем, т. е. может быть принят за комок сена или чего-нибудь подобного.

Большая часть пойманных язей почти всюду добывается при помощи удочки, а потому эта рыба имеет весьма важное значение для охотников-рыболовов, нередко составляя главный объект их охоты. В значительной части Европейской России и Западной Сибири ужение язей имеет очень многих поклонников и отчасти заменяет здесь ужение карпов, которые, однако, крупнее, много сильнее язей и достаются труднее. О роли язя для ужения можно судить по тому, что в Москве-реке в настоящее время ловится на удочку, в пределах столицы, от 300 до 400 пудов в течение года, главным образом весной и осенью, причем очень многие ловят ежегодно до 10 п., а некоторые – до 20–25 п. Точно так же ужение язей во многих других местностях настолько добычливо (например, на Волге, в Самарской и Саратовской губ.), что, как увидим далее, приняло почти промысловый характер.

Способы ужения язей весьма разнообразны, но все эти способы могут быть сведены к трем или четырем главнейшим типам, а именно: ужению на длинные удочки с поплавком; на длинные удочки без поплавка – нахлыстом; на короткие удочки с длинной леской – взакидку и на короткие удочки с короткой леской – в отвес.

Еще более разнообразны насадки, употребляемые для ловли этой всеядной рыбы, питающейся как растительным кормом, так и беспозвоночными и высшими животными. Распаренные зерна пшеницы, ржи, овса, ячменя, гороха и кукурузы, картофель, хлебные шарики, смятые комочки всякой каши, тесто, масляны е выжимки и, наконец, зелень – вот насадки первой категории. Ко второй принадлежат различные земляные черви, начиная с выползка и кончая навозным, раки, личинки жуков (угри, подкорыши), двукрылых (крыски, опарыши, мотыль), бабочек (тополевыи, капустный и др. черви), муравьиные яйца (куколки), взрослые насекомые – мухи, пчелы, кузнечики, стрекозы, метлица, тараканы. Наконец, местами язи изредка берут на лягушат (осенью), гораздо чаще на малявку и мелкого живца, даже на блесну и небольшую искусственную рыбку. Так как язь среди дня кормится редко и его вернее можно назвать сумеречной рыбой, то большая часть его добывается удочкой под вечер, ранним утром и ночью. Днем он обыкновенно попадает в более или менее мутную воду, преимущественно весной и осенью, когда голоден. Поэтому едва ли не большая часть язей выуживается у нас на ночные донные, взакидку. Язь слишком осторожен для того, чтобы взять насадку, когда видит леску. Поэтому надо принимать все меры к тому, чтобы он ее не заметил, и дневная ловля язей весьма трудна, требует большого знания и немалой сноровки. Вообще, это весьма осторожная и вороватая рыба, дающаяся не всякому. Особой силы сопротивления при вытаскивании она не оказывает, но очень при этом кувырчется, причем зачастую, при значительной величине, перешибает этим маневром леску или успевает отцепиться от крючка или оборвать губы, которые у нее почти так же слабы, как у окуня и леща. Особенно часто уходит язь в момент вытаскивания его из воды. Замечательно, что ночью и в сумерки он гораздо смирнее и идет на леске ходчее, чем когда совсем светло, и что язи, пойманные на кузнечика, даже днем барахтаются сравнительно менее и очень поводливы. Чем объяснить последнее – право, не знаю. При ловле на донные и поплавочные удочки подсеченный язь поднимается кверху, на мелях даже выскакивает из воды, некоторое время кувырчется почти на одном и том же месте, не отходя далеко в стороны, затем, сравнительно скоро утомившись, всплывает, т. е. совсем выходит на поверхность. В это время его можно осторожно подтаскивать к себе тем или другим способами, о которых будет речь впереди, но во всяком случае надо помнить, что при виде человека, по-видимому, совсем утомившийся язь выказывает большую энергию и снова начинает кувырчаться и извиваться.

Для более успешной ловли язей весьма полезна, а иногда даже необходима бывает предварительная привада или прикормка во время ужения. Для ловли в стоячей воде привада удобнее прикормки и наоборот – последняя на течении лучше и скорее достигает своей цели. Ночью можно успешно ловить и без всяких подманиваний, но только при удачном выборе места, на тракте, т. е. на пути, или когда стоишь около водостоков, при впадении ручьев и речек, т. е., в сущности, ловишь с даровою, натуральною прикормкою. Вообще прикормка и приправа должны соответствовать насадке.

Наибольшим разнообразием, по отношению к насадкам, приманкам и принадлежностям ужения, отличается, однако, ловля с поплавком, хотя, по известным причинам, все способы, сюда относящиеся, не дают таких постоянных результатов, как донное ужение, взакидку. Есть много местностей, где ужение не только язей, но и всякой крупной рыбы, иногда по уважительным причинам, но чаще по рутине, производится только на донные. В большинстве случаев удят с

поплавком весной и осенью, очень редко – летом, вообще ходового голодного язя, а не местного, который жирует преимущественно по ночам.

Всего совершеннее, по-видимому, москворецкое ужение с поплавком, которое производится несколькими различными способами, которые применяются здесь в большей или меньшей степени для ловли других главных москворецких рыб: плотвы, ельца, подуста и отчасти голавля. Главнейшие – ужение в проводку, чаще называемое просто ужением на поплавок, ловля на пробочку, на зелень, т. е. нитчатую водоросль, и ужение под плотинами.

Ужение в проводку, пользующееся наибольшей известностью, есть, в сущности, упрощенное ноттингемское, только без катушки, почему поплавок не может быть отпущен далеко и не делает такие большие проплавы. В общих чертах ужение в проводку почти не отличается от ужения подуста на поплавок. Производится оно почти всегда с лодки, в умеренном течении, на глубине не менее 2 и не более 4 арш., с прикормкой, подбрасываемой во время ловли. Удилище должно быть легкое и очень гибкое, тем гибче, чем тоньше леска и мельче крючок. На Москве-реке употребляются обыкновенно 4-волосные лески из отборного белого прозрачного волоса, любительской работы; некоторые артисты ловят не только подъязков, но язей на трехволосные лески собственного изделия. Крючки всегда мелкие, не крупнее №7, но не мельче 10-го, непременно самого высокого достоинства, т. е. не хрупкие и не гибкие; лучше всего бронзированные пэнэлевские с колечком, уарнеровские с игольным ушком и т. наз. Sneek. bent, без лопаточки. По водок делается или из очень тонкой жилки, или тонкого 3-волосного коленца. Некоторые предпочитают волосяной на том основании, что тонкая жилка очень скоро размокает в воде, теряет упругость и начинает захлестываться за грузило и даже завязываться в петли. Грузилами служат 2–3 крупные дробинки, изредка картечины, или расплюснутые листики свинца. Груз прикрепляется обыкновенно на леске, сверху покрупнее, снизу мельче; на поводке же, на 1 1/2–2 верш. выше крючка, у нас всегда защемляется небольшая дробинка средних номеров (английского счета). Этот т. наз. подпасок не позволяет поводку при легкой насадке на мелком крючке образовать слишком большой угол с лескою и делает подсечку более верною. Размеры поплавка (а вместе с ним и груза) должны соответствовать течению и глубине так, чтобы он становился в расстоянии двух аршин от лодки; Впрочем, если леска отпущена не очень длинно, то можно ловить и на более легкий поплавок. У москворецких рыболовов в употреблении осокоревые поплавки (неправильно называемые цоколевыми) удлиненной формы, от одного до двух вершков длины и от карандаша до мизинца толщиной. Поплавок этот прикрепляется к леске только с нижнего конца, за шишечку которого леска захлестывается тремя простыми петлями; поплавки с колечками удобнее, но волосяные лески в месте прикрепления часто пересекаются, и испорченное коленцо приходится выбрасывать и снова отмеривать глубину. Другие поплавки (из пробки, пера, иглы дикобраза, куги) мало употребительны, но тоже вполне пригодны, при условии прикрепления лески только к нижнему концу. Если поплавок соединен с леской сверху и снизу, то он, оттягиваемый на течении леской, плывет в наклонном положении, а не вертикально; притом подсечка всегда бывает при первом способе соединения правильнее и сильнее. Некоторые с этими же целями употребляют подвязные поплавки, на вершковых шелковых поводках, которые, с помощью петельки на конце, передвигаются вниз и вверх по леске.

На Москве-реке для ужения в проводку с тановятся на лодке поперек реки, спуская с носа и кормы камни или рельсы, как при ловле на донную (см. далее). Такое положение лодки не совсем, однако, удобно, т. к. требует большого груза для удержания ее на месте и нарушает правильность течения. А потому при ужении в одиночку лучше ставить лодку вдоль реки, кормой вниз, спуская с носа более или

менее длинную, а с кормы, чтобы ее не мотало течением, – короткую веревку, в отвес, т. е. «в упор». Лодка, поставленная вдоль течения, менее заметна и не так пугает осторожную рыбу.

Ловят на поплавок, как сказано, в местах с умеренно сильным течением, на небольшой глубине. Слабое и очень сильное течение, малая или слишком большая глубина неудобны, и их надо избегать. В большинстве случаев выбирают места с иловатым дном, причем весьма важно, чтобы оно было совершенно ровно, на расстоянии не менее 9 арш. от лодки или даже слегка приподнималось, но отнюдь не опускалось, т. е. имело бы почти те же условия, как и для ноттингемского уженья. Поэтому дно надо предварительно тщательно вымерить впереди и сбоку, при помощи лота или, по-московски, отмера. Затем поплавок прикрепляется к леске в таком расстоянии от крючка, чтобы насадка плыла на вершок или два выше дна. Язи не ползают на дне, тем более на иловатом, и стоят выше пескаря, налима и подуста. Обыкновенно, если на поводке есть подпасок, приходится ставить поплавок так, чтобы во время измерения глубины при помощи лота (в виде усеченной пирамидки или конуса из свинца с впаянным медным ушком вверху и пробочной пластинкой внизу) кончик поплавка едва высывался из воды. Насадка ни в каком случае не должна волочиться по дну позади, а должна идти немного впереди груза. Так как даже подязок от полуфунта весом не берет насадку у лодки, подобно ельцу и подусту, разве только глубина будет свыше 4 аршин или вода очень мутна, то при уженье в проводку леска должна быть не короче 6 аршин.

Ловля эта начинается на Москве-реке спустя несколько дней после окончания нереста язей, когда вода несколько просветлеет и когда проголодавшаяся рыба соберется массами в наиболее кормных местах для жировки, главным образом ниже устья Яузы и Неглинки. Весеннее уженье на поплавок продолжается обыкновенно недели две, от двадцатых чисел или середины апреля до первых чисел мая (не позднее Николина дня), когда запрут Перервинскую (ниже города) и Бабье-городскую (городскую) плотины и течение станет очень слабым. Раньше и позднее язи попадают на поплавок редко и большею частью случайно. С запором плотин они, уже отъевшись на столичных отбросах, отходят от устьев вонючих московецких притоков и устанавливаются на глубоких местах, большею частью около купален, и кормятся преимущественно ночью.

Несмотря на натуральную притраву, весенняя ловля язей с поплавком дает верные результаты только с прикормкою. Так как весной мотыля добывают у нас, за неудобством промывания, в небольшом количестве, то для прикормки употребляются преимущественно муравьиные яйца, сначала мелкие сушеные, а потом, когда потеплеет, и свежие крупные. Сушеные яйца предварительно обваривают кипятком (в противном случае они будут всплывать кверху). Муравьиные куколки, бесспорно, лучшая прикормка для рыбы, в особенности на слабом течении, т. к. имеют два весьма важных достоинства – они не насыщают рыбу и плывут очень далеко, не задерживаясь на дне. Отличную прикормку для язей составляет также обваренная перловая (ячменная) крупа, удобная тем, что не требует продолжительного приготовления (парения), подобно пшенице, ржи, овсу и гречневой крупе. Но она хороша только на довольно сильном течении и в небольших дозах, потому что рыба очень скоро ею наедается. Что касается гречневой каши из крупной ядрицы, то она далеко не оказывает такого полезного действия при ловле язей, как при ловле подустов, то же самое можно сказать и о сдабривании прикормки различными маслами, хотя масло, бесспорно, придает ей вкус и запах, кроме того легкость и некоторые слабительные свойства. Весьма вероятно, что одною из лучших прикормок окажутся здесь мелко истолченные жмыхи (конопляные и льняные), называемые также выжимками, избоиной, макухой, колобом и дурандой. Я с большим успехом употреблял также соленую красную икру

(стоящую около 5 коп. фунт в Москве), смешивая ее с глиною или с отрубным тестом. Последнее (2 ч. отрубей на 1 часть муки – пшеничной или ржаной) иногда приходится употреблять за неимением под рукою глины, которая, конечно, никакой рыбы, кроме пескаря, привлечь не может.

Во всяком случае прикормка, даже тяжелая, предварительно смешивается с глиной, которая бросается затем комками или шарами в воду. Чем сильнее течение, тем эти глиняные шары должны быть крупнее (не толще, однако, кулака) и плотнее; всего лучше, если они будут ложиться в одном направлении прямо перед сидящим рыболовом и в 2–3 арш. от лодки. При таком условии рыбы располагаются ниже прикормки вереницей, поджидая вымываемого течением корма, иногда, разрывая глиняные комья. Отсюда следует, что нет никакого расчета ни разбрасывать прикормку по сторонам, ни ловить вдвоем или втроем, причем рыба, очевидно, должна разбредаться. Для полного успеха ужения в проводку необходимо также, чтобы течение было совершенно правильное и лодку не мотало бы в стороны. Если течение и положение лодки меняются, то, очевидно, невозможно всегда «попасть» так, чтобы крючок с насадкой проходил около прикормки. Изредка глиняные шары опускают в сетках или продырявленных жестянках, на бечевке, но язи боятся этих предметов и держатся в некотором от них отдалении. Если лодку сильно мотает ветром или течением – вбок или назад, то становятся или вдоль, или, если течение не позволяет стать поперек реки с грузом (камнями или рельсами около пуда), спущенным в упор, то опускают против середины лодки третий груз, тоже в отвес.

Только в начале ловли следует травить, т. е. бросать прикормку, не скупясь, т. к. весьма возможно, что рыба находится лишь в нескольких десятках сажен ниже и надо ее заставить подняться выше, к лодке. Но раз рыба показала свое присутствие, прикормкой злоупотреблять не следует и лучше бросать ее в малом количестве и только когда клев несколько переমেжится, т. е. когда или вся прикормка размыта, или рыба, испугавшись возни при вытаскивании, спустилась ниже. Само собою разумеется, что, если прикормка привлечет только мелочь – ельца, плотву и уклейку, то надо или вовсе переменить место, или спуститься на несколько сажен ниже.

Насадкою при весеннем ужении язей в проводку служат главным образом крупные муравьиные яйца, насаживаемые кисточкой за кончик так, чтобы из них не вытекло содержимое в количестве от 3 до 5 шт., причем жало крючка остается свободным. Всего лучше употреблять крючок № 9, но если берет настоящий язь или крупный подязок, то благоразумнее ловить на № 8 и четырехволосную леску. Хорошая четырехволосная леска, белого волоса, средней толщины, должна держать четырех– или даже пятифунтовую гирию и может удержать в воде, не оборвавшись, какого угодно язя. Муравьиное яйцо сидит на крючке очень крепко и не так часто сбивается рыбой и течением или слетает при закидывании, как зерновая или хлебная насадка, и представляет поэтому немаловажное удобство, уступая в прочности только лишь опарышу и крыске, которых весною не бывает.

Процесс ловли в проводку довольно утомителен, т. к. требует постоянного перезакидывания, а потому даже не очень тяжелая удочка очень скоро дает себя чувствовать. При длинной леске надо иметь немалую сноровку для того, чтобы каждый раз выхватить из воды поплавок таким образом, чтобы насадка тонула около лодки и притравы. Вообще, это ужение требует если не острога, то не слабого зрения, тем более что поплавок не должен высываться из воды больше чем на полдюйма. Некоторые рыболовы красят кончики своих поплавков черною краскою (иногда чернилами) или белилами: первые виднее в ясную погоду, при сильном освещении воды, вторые – в пасмурную погоду или в тени, например моста.

Отпустив поплавок возможно дальше от лодки, обыкновенно подсекают легким движением кисти, затем сильным движением выхватывают леску из воды,

откидывая удильник таким образом, что он кончиком почти касается воды позади лодки; т. к. в этот момент насадка находится или в воздухе, или близко к поверхности воды, то наблюдают, есть ли что на крючке.

Подсекать каждый раз, как поплавок начинает затягивать, необходимо потому, что рыба, как известно, охотно хватается насадку в тот момент, когда она приподнимается кверху течением, вытягивающим леску. Это называется у нас – рыба берет на вытяжке. Временами большая часть рыбы берет на вытяжке, что иногда бывает очень неудобно, потому что крупная рыба часто при этом срывается или обрывает леску. Так как такой клев большею частью показывает, что рыба стоит выше от дна, то лучше спустить поплавок ниже; благоразумнее также «держать запас», т. е. не отпускать поплавок очень далеко и не вытягивать удочку и руку параллельно воде, как это делает большинство, а держать шестик под углом не менее 45°.

Кроме выносливости и сильного зрения, ужение в проводку, т. е. на плывущую насадку, требует немалой быстроты соображения, т. к. здесь необходима такая же быстрая, немедленная подсечка, как и при ловле на искусственных насекомых. Некоторые очень хорошие прудовые рыболовы долго или даже вовсе не выучиваются этой ловле, потому что слишком опаздывают с подсечкой: речная рыба, схватив на течении насадку, как только почувствует некоторое сопротивление, тем более если наколется, большею частью успевают выплюнуть приманку, если подсечка не последовала почти одновременно с погружением поплавка. Подсекать надо не сильно, но резко – только кистью руки, и тем резче, чем гибче удильник. Жесткий шестик вовсе непригоден для ловли в проводку на мелкие крючки, т. к. рыба мало-мальски покрупнее с них срывается и допускаются, только когда насадка и крючки крупны. Подсекают у нас, впрочем, различно: один прямо кверху, другие вбок, вправо или влево, с каким-то вывертом кисти, третьи только как бы встряхивают леску, причем этого встряхивания достаточно для того, чтобы мелкий крючок вонзился в губу или слизистую оболочку рта рыбы. В последнем случае, если удилище не очень гибкое, а рыба попала покрупнее или побойчее, она большею частью срывается. Тем не менее у нас на Москве-реке почти нет расчета ловить в проводку даже на самые легкие английские удилища с катушкой. Последняя имела бы смысл только в том случае, если бы у нас ловился главным образом не подъязок, а настоящий язь свыше 3 фунтов весом.

Следовало бы ожидать, что можно было бы весьма успешно ловить весной усовершенствованным способом проводки, так называемым ноттингемским, при котором насадка отпускается на десятки сажен от лодки. Практика показала, однако, полную неприменимость этого способа на медленно текущих реках. В Москве нет ни больших ровных, в общем удобных для этого мест, ни достаточно сильного течения, которое давало бы возможность употреблять большой груз и крупный, издали видимый поплавок. На умеренном же, тем более на слабом течении необходимо пользоваться легким, очень чувствительным поплавком, скрывающимся из глаз в 3–5 саж. от лодки.

Поклевка язя и подъязка, особенно весной, довольно резкая. Обыкновенно поплавок сразу исчезает под водою, но сытая или очень напуганная рыба, разумеется, начинает щипать насадку и безнаказанно срывает ее с крючка. Поэтому поздним утром, часам к 9–10, клев, начинающийся с рассвета, почти совершенно прекращается. Вечернее ужение бывает далеко не так удачно; начинается оно незадолго до заката и продолжается не более 2 ч. Пойманный подъязок сразу сказывается своим барахтанием на одном месте, затем всплывает на поверхность; язь только упористее и дольше не всплывает. Это самый критический момент; но если рыба выдержана на шестике в достаточной мере, можно без опаски перехватывать леску и, держа ее двумя пальцами, тащить к себе рыбу. Последняя, если только не сильно ее дергают, идет ходко до самой лодки, где, как бы

опомнившись, собирает последние силы и оказывает довольно большое сопротивление. Нередко приходится снова отпускать рыбу и снова подтаскивать к себе, но обыкновенно бывает достаточно приподнять ей голову так, чтобы она, глотнув воздуха, несколько очумела, и выхватить ее из воды при помощи сачка, почти необходимого при дневном ужении, хотя некоторые свободно обходятся без его помощи. Само собою разумеется, что если леска длиннее удильника лишь в полтора раза или, вернее, равняется удильнику плюс рост рыболова, то последний должен все время держать рыбу на шестике, не трогая лески.

Почти одновременно с ужением на муравьиное яйцо начинается на Москве-реке ловля на навозного червя. Всего удачнее бывает эта ловля в таких местах, где черви являются естественной прикормкой, т. е. попадают в реку в большом количестве. Массу навозных червей, иногда целыми клубками, вносит весной Неглинка, а потому около самой трубы, в которую она заключена, по утрам, реже вечером, особенно же в банные дни, когда течет мыльная вода, сюда собирается множество подъязков и даже язей. Ужение здесь отличается от описанного только тем, что ловят, по причине мутности воды, на более короткие лески, что прикормка почти излишня и что крючки должны быть номера на два– на три крупнее, т. е. № 6–7. Лучше насаживать целого червя, но при нежадном клеве выгоднее ловить на кусочки.

Подобным же образом ловят у нас, несколько позднее, в водоотводном канале, когда он, с запором Бабьегородской (городской) плотины, снова начнет наполняться водой, и в него бросится сверху масса всякой рыбы, привлекаемой обилием пищи. Если в конце апреля и в первую половину мая стояла хорошая погода, то на дно канавы, сохранившей сырость, переселяются с берегов массы всяких червей, преимущественно железняка, но также подлистника (похожего на крупного навозного), навозного и выползка. Вода застигает их врасплох, и они делаются добычей рыбы, которая жадно берет и на удочку. Приманкою служит или цельный навозный червь, или, чаще, кусочки железняка или выползка величиною до дюйма. Крючки те же; ловят всегда с берега и, кажется, удачнее под вечер, чем утром.

Ужением в канаве оканчивается весенняя ловля язей на поплавок. Летом они берут днем сравнительно редко, большею частью после сильных дождей и паводка, когда вода сильно помутнеет. Впрочем, известно, что если бросать постоянную прикормку в глубоком месте, именно выползков, то можно почти каждое утро ловить по несколько подъязков, тоже на выползка, следовательно, с довольно большим поплавком и крупным (№ 5–6) крючком. Кроме того, подъязки и крупные язи попадаются рыболовам при ужении плотвы на зелень, т. е. шелковник, но специальная ловля язей на зелень бывает лишь годом и то не на поплавок, а на пробочку.

Ловля на пробочку составляет весьма оригинальный и вместе с тем крайне остроумный и добычливый способ, вошедший в употребление вряд ли более 10 лет назад. Кажется, он впервые стал применяться Т. Г. Силиным, одним из лучших московских рыболовов.

Происхождение ловли на пробочку, несомненно, обуславливается невозможностью применить обыкновенный метод ужения в проводку с поплавком на местах с крайне неровным или крупнокаменистым дном, притом еще в настолько мелких и быстрых, что нужно было отпускать леску очень далеко от лодки. Насадка часто цепляла за камни или за траву, а крупная рыба пугалась лески и поплавок.

С пробочкою все эти неудобства совершенно устраняются. Насадка идет далеко впереди наплава, его поддерживающего, т. к. расстояние между последним и пробочкою более глубины и груз состоит из дробинки, прикрепленной высоко от крючка; таким образом, насадка, легко приподнимаемая течением вместе с грузом, более или менее минует все препятствия, не задевая за них. Затем пробочку видно

издалека, а потому ее можно отпускать на значительное расстояние. В сущности, этот способ представляет как бы соединение ловли с самоогружающимся поплавком с ловлею ноттингемским способом.

Очевидно, вся снасть должна быть здесь самых высоких качеств, начиная с удильника и кончая крючком; в общем же она не отличается от уже описанной выше. Но ловить на пробочку гораздо труднее, т. к. леску отпускают на 15–20 и более аршин, насколько позволяет зрение или состояние воды. Для того чтобы перезакинуть пятисаженную леску, надо иметь ловкость и сноровку. А потому кто не имеет этой сноровки или же рассчитывает на очень крупную рыбу, тому лучше пользоваться легчайшим английским (нахлыстовым) удилищем с катушкой, на которую приходится каждый раз наматывать около половины спущенной лесы.

Ловля на пробочку бывает удачна только после паводка, вообще, когда в Москве-реке сильно пущена вода и вся рыба, особенно подъязок и елец, выйдет из зат ишья на струю и начнет подниматься кверху. В сущности, это осенняя ловля, т. к. всего удачнее бывает она в сентябре, когда и рыба голоднее, и вода мутнее, чем летом. Предвестником удачной ловли служит всегда плав на перекатах. Местом ловли служат, как сказано, перекаты, причем становятся обыкновенно несколько выше того места, где образуется так называемое зеркальце, т. е. спокойное течение. Дело, впрочем, не столько в силе течения, которое может быть и слабым, сколько в неровности дна и незначительной глубине, т. к. на пробочку весьма удачно ловят у Каменного моста, пуская ее к старым сваям, где течение бывает, только когда вода прибудет на четверть или пол-аршина выше обычного уровня. Можно, конечно, ловить на пробочку и на глубоком месте с неровным дном, но это уже не совсем удобно.

Сама пробочка состоит из пробочного шарика от вишни до китайского яблока величиною, что зависит от силы течения. Чем правильнее этот шарик, тем лучше; для большей видимости его можно окрашивать в белую, черную или красную масляную краску, причем белая виднее в тени и в пасмурную погоду, а черная – когда вода сильно отсвечивает. Для того чтобы прикрепить к леске пробочку, кругом последней, по ее экватору, вырезают неглубокий желобок; леску захлестывают обычным порядком, тремя простыми петлями, точно так же, как прикрепляют ее к осокоревому поплавку без колечка или к кончику удилища. Для большей верности хода пробочки, чтобы она не соскакивала, а леска в скреплении не пересекалась, весьма полезно, чтобы последняя захлестка делалась с противоположной стороны, т. е. если захлестывают первые две петли тою частью лески, которая находится ниже пробочки, то третью петлю делают верхнею частью. Очевидно, такой способ соединения пробочки с лескою при шелковом шнурке очень неудобен, т. к. шнурок не имеет упругости волоса и пробочку, подобно вышеописанному поплавку, трудно бывает снять с шелковой лески. В этом недостатке упругости и в трудности передвижения поплавка и надо искать причину того, что поплавки обыкновенно соединяются с леской с обоих концов: леска продевается в нижнее колечко, а в верхнем кончике поплавок зажимается перьяным колечком. Между тем этот способ соединения поплавка с леской положительно невыгоден, особенно на течении.

Некоторые пробовали заменить пробочку осокоревыми и пробочными поплавками удлиненно-яйцевидной формы с колечком или же приделывали колечко к обыкновенной пробочке, но эти видоизменения оказались на практике менее удобными, потому именно, что не имеют такой чувствительности. Хотя язь и подъязок хватают насадку на перекатах резче ельца, тем более плотвы, но т. к. насадка идет иногда на аршин впереди, то поплавок редко погружается в воду и круглый поплавок незаменим. При нем видна, особенно на гладкой поверхности воды, тончайшая поклевка, которая сказывается в легком содрогании пробочки; она

как бы мигнет или скользнет, сделав на воде заметный кружок, причем иногда как бы повернется на оси. Пробочка же с колечком при тонкой поклевке лишь слегка и незаметно погружается в воду. Замечу кстати, что необходимо, чтобы пробочный шарик во всяком случае сидел очень неглубоко, менее чем наполовину.

Употребительнейшая насадка для ужения на пробочку – это мотыль, который необходимо подбрасывать в виде прикормки, но без глины, лучше всего так называемый сорный мотыль, который не мог быть отделен от травы и прочего сора при промывке. Летом иногда язь берет на опарыша или зелень на такие же крючки. На зелень, как я уже сказал, он попадает иногда и в тихой глубокой воде. Главная летняя пища подъязка, как и плотвы, – эта самая зелень, что доказывается содержимым желудка. Вообще, повторяем, зелень на Москве-реке и, вероятно, на многих других реках имеет гораздо большее значение для большинства карповых рыб, чем это предполагают ихтиологи.

При удаче и навыке на пробочку ловят по несколько десятков подъязков и язей – утром или вечером, кроме другой рыбы. Это, бесспорно, один из самых тонких и добычливых русских способов ужения, заслуживающий известности и большого распространения. Крупную рыбу на мелких местах днем почти невозможно поймать иначе. На сильном течении пойманный язь очень упирается, согнувшись в дугу, и иногда его почти невозможно бывает свернуть с места. Между тем всего чаще берет он на вытяжку, когда почти нечего ему поддать.

Изредка язь попадает летом, большею частью ранним утром или поздним вечером, на пареную пшеницу, при ужении подуста. По-видимому, в устьях Москвы и Коломны и на Оке эта приманка весьма употребительна. Теоретически обе рыбы должны всего лучше ловиться на пареный овес, т. к. в реку попадает, особенно после сильного дождя, огромное количество конского навоза. Однако верность этой теории была проверена на практике лишь минувшим летом. Мелкого подъязика (прошлогоднего) летом местами ловят в Москве-реке на мелях, на простую муху, с самым легким пробочным поплавочком. Напомним кстати, что самый лучший способ иметь всегда живых мух под рукою – это пришить к левому обшлагу тряпочку, смоченную кровью или вареньем.

Обыкновенно в сентябре же начинает попадаться на мотыля, при ужении в проводку ельца, плотвы и подуста, также мелкий прошлогодний, иногда даже летошний подъязик, менее 3 вершков общей длины. Изредка берут и крупные, а если с паводком много подошло подъязка снизу, то эта осенняя ловля бывает иногда весьма добычлива, хотя и не может быть сравниваема с весенним ужением в проводку или даже ловлею на пробочку. После морозов язь сильно слабеет и выказывает уже ничтожное сопротивление, барахтается меньше и не сейчас после подсечки, а спустя секунду или две, как бы озадаченный подсечкой.

Сравнительно с другими московскими рыбами язь попадает не в рот, а за какую-либо другую часть тела довольно редко, отчасти потому, что берет вернее, частью оттого, что, зацепившись зобом или боком, почти всегда срывается. Однако весной при ужении на муравьиное яйцо редкое утро не удастся вытащить (или по крайней мере подтащить к лодке) подъязка, зацепившегося брюхом или около грудных плавников, реже под нижнюю губу.

В последнее время на Москве-реке начали довольно удачно ловить подъязков под Перервинской плотиной, если воды много, – пуская с плотины, реже с лодки, длинный поплавок с красной верхушкой, которая бы высовывалась из пены и резко выделялась от последней. Насадкою служил главным образом пареный овес, а также малявка. Дело в том, что, как сказано, подъем рыбы к плотинам во время паводка главным образом зависит от того, что паводок несет много пищи, в особенности овса и мальков. В урожайные на мелочь годы снесенною водою и убившейся молодью кормятся не только подъязки, но даже ельцы, ерши и плотва. Так, например, это

наблюдалось в 1889 и 1885 годах. На сильном течении, под всеми плотинами, кроме Бабьегородской, язи и подъязки очень хорошо берут на небольшую искусственную рыбку, пускаемую с поплавком. Всего пригоднее оказались для этой цели легкие перьяные рыбки на тонких жилках или, еще лучше, на поводках из тончайшей стальной проволоки. В общем, эта ловля на рыбку с плотин ничем не отличается от такой же ловли шерешперов, но требует, пожалуй, уменьшенной рыбки. Изредка подъязки попадают и на живых гольцов и пескариков, гораздо чаще срывая их с крючков.

Что касается ловли язей в подмосковных проточных прудах, то, сколько мне известно, эти рыбы попадают здесь на удочку лишь случайно, большею частью на червя. В притоках Москвы-реки, в верховьях Клязьмы и впадающих в нее речках язь тоже сравнительно малочислен и встречается и попадает на удочку реже голавля. Исключение составляет, кажется, лишь одна речка Истра в Клинском уезде, где язь является преобладающей породой.

Описав москворецкое ужение язей с поплавком, перехожу к рассмотрению способов их ловли на длинные поплавочные удочки в других местностях России.

Замечательно, что в большинстве случаев для этой ловли язей употребляются различные хлебные насадки. С поплавком на червей, и асекомых и раков удят очень редко: это или донные, или верховые насадки. Впрочем, местами, например на Шексне и, кажется, на Клязьме, ловят язей летом на раковые шейки с поплавком, которые, кстати сказать, местами называют шепталками. Моложские рыболовы удят на эту насадку нередко без удилица, отпуская леску с руки, на которую она наматывается, и становясь на лодке вдоль течения, очень быстрого. Способ этот есть, конечно, первообраз ноттингемского. В Архангельской губ. (на Двине) язей ловят также преимущественно на рака, большею частью у самого увала, перед мелью; всего лучше берет здесь эта рыба около Петрова дня или несколько позже. В Псковской губ., по свидетельству г. Воронина, язей ловят (с поплавком?) на червя, с прикормкою из ржаного солода. Большое количество язей, лещей и всякой другой бели ловится на так называемую метлу или поденку (*Ephemera*), которая употребляется также для наплавного или нахлыстового ужения. Эта оригинальная ловля была уже описана выше (см. «Лещ»), а потом у я не стану к ней возвращаться.

Об ужении язей с поплавком на хлебные насадки в различных местностях России имеются довольно краткие, неполные и иногда сбивчивые сведения. Очень часто удят и без поплавка, хотя на длинные удочки. В общем, можно сказать, что хлеб и всякого рода зерна составляют скорее летнюю, чем весеннюю, насадку. Впрочем, на Клязьме, у Владимира, язь хорошо начинает идти на черный хлеб с цветения черемухи. Здесь, кажется, и не знают другой насадки для язей и употребляют ее как днем с поплавком, так и ночью на донных удочках. По другим замечаниям, клев начинается с цветения калины. В Пензенской губернии, по словам г. Алыбина, крупные язи с начала весны охотнее берут на кусочек умятого черного хлеба, тесто и пшеничную кашу. Здесь, по слитии воды, места приваживаются пареной рожью и тестом из ржаных отрубей, которое, по-видимому, имеет особенную привлекательность для язей. Это можно заключить из того, что на Волге в последнее время стали вылавливать о громное количество этой рыбы на отрубяное тесто, так что ужение язей сделалось для многих горожан-ремесленников немалым подспорьем в летнее время.

Ловля на отрубяное тесто, по-видимому, весьма недавнего происхождения и, кажется, изобретена самарскими рыболовами. Начинается она близ Самары в начале июня, после спада воды, и продолжается до середины октября. Удят на глубине 2–3 аршин, на быстром течении, конечно, с лодки, которая, вероятно, ставится вдоль реки. Прикормкою служат крупные пшеничные отруби, которые набиваются в частую сетку и с камнем опускаются в воду. Удилище употребляется

легкое, в 3–4 аршина длиною; поплавок (и груз) должен быть большим, так, чтобы торчал из воды на вершок или 3/4 и его было бы видно далеко; леска пускается возможно длиннее. Насадка – довольно жидкое тесто из пшеничного теста с пшеничными отрубями, половина на половину; иногда берут 2 части отрубей на 1 часть муки. Насадка эта плохо держится на крючке и после каждой подсечки слетает. Язь берет на нее очень жадно и скоро подходит на прикормку, которая привлекает также густеру, лобача (сапу), сорожку (плотву) и голавля.

Ужение язей с навесу в Хвалынске, в сущности, отличается от описанного только отсутствием поплавка. Ловят здесь по утрам и вечерам, с лодки, становясь на якорь (кошке), который обыкновенно оставляется на месте. У каждого рыбака своя кошка, и это место считается его собственностью. Носовую часть лодки прикрепляют к кошке, а с кормы опускают камень пуда в два. Ловят большей частью (но не всегда) без поплавка с тяжелым грузилом, на вязовые удилища около 5 арш. длины, волосяные лески в 6–10 волос и крючки № 6. Вымерив предварительно глубину, пускают насадку, начиная от носа, так, чтобы она шла вершка на два от дна. Когда леску снесет и начнет вытягивать, обязательно подсекают, причем случается, что рыбу зацепляют за бок, за жабры и пр. Насадкою служит здесь жидкое белое тесто, прикормкою же – комья из размоченных (пшеничных) отрубей, бросающиеся с завернутым внутри камнем. Изредка берет с навесу жерех (шереспер), а в сумерки и ночью, особенно ближе к берегу, попадается и лещ.

Как видно, волжское ужение на тесто есть то же ужение в проводку, только на более быстрых местах. Несомненно, что это один из лучших способов ловли язей, который может быть применен всюду, с заменой местами пшеничного теста и отрубей ржаными. Причины его добычливости зависят главным образом от консистенции прикормки и насадки. К прикормке, довольно медленно размываемой течением, рыба подходит с очень дальних расстояний, привлекаемая плывущими отрубями, затем, подойдя, она щиплет самые комья прикормки и стоит около нее. В свою очередь, насадка, в течение проплава, отделяет частицы, как бы тает, чем возбуждает жадность рыбы, которая не может воздержаться от искушения. Несомненно, что самая лучшая насадка есть тающая, поэтому спекшаяся кровь считается за границу самой привлекательной для рыбы (хотя и самой неудобной для рыбака) насадкой. По теории, следовало бы весьма удачно ловить на куски желатина или, еще лучше, густо сваренного столярного клея, но, кажется, еще никто их не пробовал. Клей может, конечно, служить и хорошей прикормкой. Во всяком случае, он несравненно удобнее крови.

Неудобства ужения на какую бы то ни было тающую и слабодержащуюся на крючке насадку заключаются в том, что она часто слетает и приходится менять ее после каждой подсечки. Эти неудобства отчасти ослабляются употреблением тройничков и ноттингемской катушки. Тройнички или мелкие якорьки, № 8 до 12, вообще незаменимы для ловли на хлеб, тесто и мятую кашу. Затем, на быстром течении, если только позволяет дно, выгоднее отпускать насадку как можно дальше, на десятки сажен от лодки, а потому, вероятно, ноттингемский способ ужения окажется на Волге, Днепре и других реках, более быстрых, чем Москва-река, более применимым на практике. Сколько известно, ноттингемский способ для ловли язей применялся весьма успешно Н. Н. Ермоловым, хотя только весной и на большого земляного червя (выползка).

Ужение язей на тесто применяется, вероятно, почти повсеместно. В верховьях Наровы, в Чудском озере, по словам г-на Румянцева, язей ловят на кусочки теста, приготовленного из солодяной муки. В Воронеже язей ловят, как и лещей, на плотные смятые комочки круто сваренной каши из ржи или пшеницы с примесью муки и мелких отрубей, также на моченый, пареный горох. Местами горох составляет

любимую насадку язей, или, вернее, подъязков, например, в Уфе, где для ужения на горох употребляются самодельные крючки с очень тонким жалом, обращенным внутрь. Кстати, скажу, что в Омске, на Иртыше, язей ловят также на особые крючки, делаемые из швейных иголок. Поводок (волосяной) продевается в ушко, завязывается на конце узелком, так что крючок составляет с леской почти прямой угол. Г. Мельников говорит, что на такие крючки язи берут гораздо лучше, чем на обыкновенные. Теоретически это совершенно верно, т. к. если крючок с насадкой плывет почти параллельно дну, то жало его скорее может оказаться во рту рыбы, чем если крючок висит почти перпендикулярно. Я не раз пробовал при ужении в проводку надевать таким образом на поводок (волосяной и жилковый) уарнеровские крючки, а также пэнэлевские с отогнутым колечком, но не заметил видимого улучшения в клеве не только язя, но даже ельца и плотвы, которые гораздо чаще сосут и щиплют насадку за кончик, чем язь.

В большинстве случаев на горох ловят язей, как лещей, на тихих местах, с предварительной прикормкой. Весьма оригинальный способ ужения на Днепре (под Киевом) описывается в журнале «Природа и охота» за 1890 год в VII книге (с. 55). Ловля производилась на быстром месте, на глубине до 3 или 4 аршин, с лодки, укреплявшейся на кольях. Для прикормки изредка подбрасывался горох, который служил и для постоянной привады. Удочка без поплавка и грузила, так что насадка – распаренная горошина – держалась на поверхности. Язь, привлекая емый плывущей (тоже на поверхности) прикормкой, хватал насадку с разбега и сам себя подсекал, почему удочку надо было держать поперек течения. Этот, так сказать, наплавной способ ужения язей на горох очень добычлив и может быть применен и на других, сравнительно быстрых реках.

На Вятке и, вероятно, многих других реках весьма успешно удят язей на конопляную дуранду (жмых, выжимки, избоина, колоб), которая может быть заменена и льняною. Начинается эта ловля по спаде воды, около 5 июня; удят на быстрине, устраивая предварительно мостки на берегу, из трех жердей. Привадою и прикормкою служит тоже дуранда, смешанная с глиною в очень большие комья. Удильник (березовый) длиною до 6 аршин, причем кончик его, чтобы леска не путалась, согнут крючком и слегка подсушен; леска на аршин длиннее, черная, из 15–18 (!) волос; на леску насаживается несколько мелких (?) грузил по 3 золотника. Насаживается дуранда кусками в ноготь большого пальца и по своей хрупкости держится на крючке не прочно и слетает при каждом переакидывании. Забрасывают леску вверх по течению и, когда ее вытянет, – переакидывают. Ловля эта, распространенная между вятскими крестьянами, очень утомительна, но весьма добычлива, т. к. нередко удается в день поймать до 2 пудов.

Настоящее ужение язей на донную, т. е. на короткие удочки с длинными лесками, по-видимому, более распространено, чем ловля с поплавком, по крайней мере в Москве-реке и в средних губерниях очень многие рыболовы, даже непростого звания, не знают или не признают другого способа ловли крупной рыбы, иначе как на донную и, кроме того, большею частью ночью. По крайней мере, три четверти москворецких язей и подъязков попадает на донные удочки, а т. к. другие рыбы, кроме налимов, ловятся на донные сравнительно редко, то можно сказать, что ужение на донную в Москве-реке есть специально язевое. А потому считаю необходимым дать его подробное описание. Главные основания донной ловли одинаковы для всех рыб, и различие бывает лишь в мелочах, которые указаны в своем месте.

Вообще, ужение на донные удочки, взакидку, едва ли не самый распространенный способ ловли крупной речной рыбы в большей части России. В прудах и озерах по многим причинам донные мало применяются. Они требуют течения и вызваны именно неудобством ловли с поплавком на быстрых и глубоких местах, тем более

ночью. Это преимущественно речной и вместе ночной способ ужения, который многими хорошими рыбаками считается, хотя и совершенно несправедливо, единственно верным способом поимки крупной рыбы. Это пристрастие их к донному и ночному ужению вполне оправдывается грубостью их снастей, на которые крупная рыба берет днем очень редко, особенно при употреблении поплавок, когда вся подводная часть лески на виду; кроме того, надо также принять во внимание, что предпочтение донной удочке перед поплавочной нередко бывает вынужденным, т. к. большинство горожан-рыболовов днем заняты службой или делом и по необходимости удят только по ночам. В сущности же, донное и ночное ужение, безусловно, предпочтительнее других способов только для ловли вполне донной и ночной рыбы – налима и угря; все же остальные рыбы крупных видов с не меньшим успехом могут быть ловимы и днем, только с усовершенствованными снастями. Никто не станет оспаривать, что ужение с поплавком, тем более нахлыстовое, несравненно приятнее донного, которое по праву может быть названо «слепым», т. к. поклевка рыбы познается чаще слухом или осязанием. Вообще это такая же стариковская, спокойная ловля, как и поплавочное ужение в стоячей воде, к которому так презрительно относятся «слепые» рыбаки, называя любителей лией, карасей, щук и окуней «лягушатниками». Но лягушатники по ночам не ловят, за весьма редкими исключениями. Ночное же ужение на донные, подобно всякой ночной ружейной охоте, даже не может быть названо охотой, а скорее промыслом, и очень мало отличается от ловли на переметы и подпуски. В Западной Европе уже давно ловля взакидку, без поплавок, считается недостойным настоящего спортсмена, а ночное ужение местами даже преследуется законом.

Типичная донная закидочная удочка состоит из короткого прочного удильника, длинной крепкой лески, более или менее тяжелого грузила и крупного крючка. Донной она называется потому, собственно, что груз и насадка (не всегда) лежат на дне; закидочной – потому что закидывается на возможно далекое расстояние от рыбака. Правильная ловля на донную может производиться только с лодки, с берега же можно успешно удить лишь при очень жадном и верном клеве. Грубость снастей в общем зависит не столько от величины насадки, сколько от силы течения.

Удильник, или шестик, для донной должен иметь от 1 1/2 до 2 аршин длины, при значительной крепости, соединенной с упругостью. Впрочем, жесткость его находится в прямом отношении с толщиной лески. Длинные удочки, от 3 и более аршин длины, употребляются при донном ужении сравнительно редко. Заграничная донная удочка состоит из рукоятки, около полуаршина, в нижний конец которой воткнут железный шкворень, а в верхний – китовый ус или камыш, почти такой же длины. Такие удочки почти непригодны для ужения осторожной рыбы и между русскими рыбаками-специалистами носят пренебрежительное название «скалок». Действительно, при этих скалках вовсе не слышать тонких поклевок и предварительных пощипываний рыбы. Для этого необходимо, чтобы вся удочка составляла как бы одно нераздельное целое. В настоящее время более тароватые московские любители ловят на удочки, состоящие из приблизительно аршинной деревянной (большею частью кленовой или березовой) или камышовой (из так называемого красного толстого камыша) рукоятки, в которую глубоко вставлен 5–8-вершковый китовый ус. Рукоятка к концу утончается таким образом, чтобы вся удочка имела вид очень удлиненного конуса. Китовый ус вставляется на клею и закрепляется при помощи медной гайки (в виде усеченного конуса) или шелком, который густо покрывается несколько раз лаком. Камышовые рукоятки, как более гармонирующие по упругости с кончиками китового уса, предпочтительнее деревянных. Длина кончика зависит от толщины уса, который редко бывает у нас толще карандаша, а также от того, какой шестик желательнее иметь – более жесткий или более жидкий. Идеальная гибь данного удильника изображает параболу, и

верхняя часть рукоятки обязательно должна гнуться. Толстый конец рукоятки обыкновенно заостряется, ради удобства втыкания, причем иногда на него надевается медная (или жестяная) коническая трубочка с впаянным железным шкворнем. В нижней же половине рукоятки, на расстоянии около 5 вершков один над другим, ввинчиваются медные крючки для наматывания лески или же привязываются шелком надлежащим образом изогнутые толстые булавки (более вершка длины), употребляемые для китайских билиардов; острыми кончиками эти булавки втыкаются (неглубоко) в рукоятку. Для втыкания рыболовных крючков надевают на рукоятку вдвое сложенную бечевку, по которой передвигается просверленная круглая или овальная пробочка. Подобные удочки обходятся от 1 до 3 руб., смотря по толщине уса (продающегося от 15 до 20 коп. золотник), и, при своей элегантности, отличаются большою прочностью, так что могут служить по несколько лет.

Большинство московских и среднерусских рыболовов ловят на можжевельные шестики. Действительно, можжевельник самый сподручный материал для коротких удочек, не по одной своей дешевизне. Насколько редко можно найти хороший можжевельный кончик для длинной удочки, тем более длинное можжевельное удилище, настолько часто попадаются почти идеальные донные шестики из этого упругого дерева. Лучшим, т. е. более жестким, считается боровой можжушник с красноватой корой; по моим замечаниям, самый твердый всегда корявый, с черной сердцевинкой. Выбирать надо более закомелистые и избегать хлыстоватых; всего лучше, если комель будет толщиной с большой палец, гибь при сильной тяге не будет переходить на нижнюю половину, а длина не превышает $13/4$ арш. Самое важное, однако, качество кончика, который должен быть тонок, прям, с возможно меньшим количеством сучков и без всяких изъянов. Для ершей употребляются более жидкие и короткие удильники, а для шересперов более длинные (до $21/2$ арш.) и жесткие. Кору снимать не следует, но весьма полезно шестик протереть несколько раз стеклянной бумагой и затем слегка промаслить (постным маслом или глицерином). Комель заостряется; прикрепляются крючки. Очень хорошо красить кончики в белую краску; они гораздо виднее ночью, хотя и становятся несколько более хрупкими. Чтобы леска не соскакивала при подсечке, необходимо на кончике донного шестика, особенно с китовым усом, делать небольшую шишечку из нитки или шелка и эту шишечку покрыть лаком. Так как случается, что рыба берет с срыву, то, во избежание риска лишиться дорогой или любимой удочки, к комлю ее привязывают короткую (до 3 аршин) бечевку, иногда продевая ее в колечко, ввинченное в нижнюю часть рукоятки.

В последнее время некоторые, очень, впрочем, немногие, москворецкие рыболовы начали ловить на короткие донные шестики с катушкой, прикрепляя последнюю к самому комлю, так что она находится ниже его; в этом случае употребляется особая, большею частью деревянная, катушка, ось которой лежит перпендикулярно к медной пластинке, которая и прикрепляется к комлю. Гораздо проще пользоваться обыкновенными продажными медными катушками самых малых размеров (от $11/2$ д. в диаметре), прикрепляя их к комлю обыкновенным способом (при помощи двух колец), или же просто резиной (резиновыми кружками, употребляемыми для портсигаров, бумажников и для других целей), даже бечевкой. Чем больше будет колец на удильнике, тем лучше, но число их не должно быть менее пяти. Кольца делаются из медной проволоки, непременно стоячие.

Такие усовершенствованные донные, обыкновенно с кончиком китового уса, весьма удобны для ловли крупной рыбы, а также при ночной ловле на шелковые лески, но на Москве-реке, за редкостью рыб свыше 3 фунтов, менее пригодны, чем в других реках. Здесь всего важнее, что катушка дает возможность быстро укоротить или удлинить леску и не позволяет рыбе стащить шестик в воду или, наколовшись,

выплюнуть насадку. По моему мнению, целесообразнее, по крайней мере на Москvereке, удить с катушкой, когда к шелковому шнурку привязана волосая (тонкая) леска в 15–20 арш. длиною; леска наматывается на крючки, а не на катушку. При такой составной леске соединены удобства и катушки, и волосающей лески. Ранее катушки я приспособлял к донному шесту тонкую резиновую трубку (черную, в карандаш толщиной или менее), пропуская ее в канал, просверленный наискось в рукоятке, начиная от донышка комля (см. «Карп»). Такая удочка была выставлена мною еще на первой московской рыболовной выставке в 1887 году. Резиновые трубки хотя и проще, но менее полезны, чем катушки, которые до некоторой степени позволяют ловить даже на движущуюся (волочающуюся) насадку.

Большинство рыболовов употребляют для донных волосающие лески, и понятно почему: их легче достать, они менее путаются, чем шелковые, и имеют большую эластичность, которая часто вполне успешно заменяет крепость. Ночью ловить на длинную шелковую леску в 20–30 арш. очень неудобно, если только она не чрезмерно толста. Крутятся и завязываются в петли даже самые лучшие (тонкие) английские плетеные лески. О ловле же на несмоленные лески нечего и думать: это будет чистейшим наказанием. Надо, впрочем, сознаться, что за последние годы число поклонников шелковой лески для донных значительно увеличилось: для горячих охотников, с тяжелой на подсечку рукой, шелковая леска незаменима по своей крепости. Всего более, кажется, распространены дешевые лески из кавказского сырца, которые просмаливаются домашними средствами, некоторые ухитряются, однако, ловить на несмоленные, проваживая их или же натирая варом или яичным белком перед ловлей.

Для ловли на донные обыкновенно употребляют шелковые лески средней толщины, выдерживающие не более 20 фунт. мертвого веса (т. е. такую же гирию); в редких случаях, на очень быстрых реках или при ловле очень крупной рыбы (мирона, шук, сомов), пользуются самыми толстыми лесками, выдерживающими более пуда. Москворецкие рыболовы для ужения язей, вернее подъязков, довольствуются леской, выдерживающей всего около 10 фунт., № 6 в малую воду и № 5 весной, в полую воду. При пользовании катушкой можно брать на тихом течении, конечно, еще более тонкие шнурки. Хорошая волосая леска любительской работы как для поплавочной, так и для донной ловли без катушки положительно незаменима потому именно, что она своею эластичностью отчасти заменяет катушку. Хорошая волосая леска, прежде чем оборваться, должна вытянуться почти на четвертую долю: рыбе надо сделать из 20-аршинной 24-аршинную леску. Можно сказать, что опытный рыболов на леску в 6–8 волос может смело ловить (на донную) всякую рыбу до 10 фунт. весом, кроме сазанов, миронов, вырезубов и, конечно, лососей и форелей. Необходимо только, чтобы леска была сделана из очень ровного и крепкого волоса.

Некоторые предпочитают лески плетеные без узлов, но хотя такие очень удобны в паводки, когда плывет трава и всякий нанос, но надо отдать преимущество обыкновенным крученым, связанным из отдельных колен, выдержавшим основательную пробу. Как скручивать лески, как связывать колена – опытный рыболов из простых покажет на деле, и я считаю нужным только дать некоторые практические советы для выбора и приготовления волоса. Лучшим считается волос от сытого степного или купеческого жеребца (или мерина); кобыльи хвосты вовсе не годятся. Главное, чтобы волос был совершенно ровен, крепок и кругл, а не плосковат. Вполне эти качества познаются уже в коленцах: если волос безукоризнен, то виток на колечке совершенно правилен, напоминая нанизанный бисер, и колечке очень тянется, не пересекаясь. Для большей растяжимости не мешает волос предварительно вымочить в молоке. Большинство предпочитают белый волос, но обыкновенно это самый слабый; кроме того, он виднее в обыкновенной воде, чем ж

елтоватый, соловый волос, который, по моему мнению, наилучший по ровности и крепости. Черный волос бывает толще и крепче, но он грубоват и вовсе непригоден для поплавочных удочек, хотя незаменим для донной ловли в местах с илистым, темным дном. Вообще цвет лесок надо сообразовать с цветом дна. Белый волос, без особого ущерба крепости лески, можно окрашивать в желтоватый цвет слабым раствором *Kaliumi hypermanganicum*, имеющимся во всякой аптеке.

Чтобы волосная крученая леска даже не имела поползновения крутиться, необходимо скручивать колена в разные стороны и коленице, закрученное направо, связывать с коленом, закрученным налево. Таким образом закручивание одного колена будет парализоваться закручиванием смежных колен в обратную сторону. На Москве-реке большею частью ловят (язей) весной на 6-волосные, а летом на крепкие 4-волосные лески. Весною, в утренники и ночные морозы, чтобы лески не смерзались и не прилипали при вытаскивании, полезно предварительно намазывать их салом или маслом. Зимой, при ловле на кобылки, это смазывание еще необходимее. Длина как шелковой, так и волосной лески для донной не должна быть менее 20 аршин, а большею частью бывает около 30, а при ловле шерешперов свыше 50.

Крючки для ужения на донную в большинстве случаев употребляются крупных номеров, соответственно насадке. На Москве-реке язя и подъязка обыкновенно ловят весной на крючки от № 1 до № 3, в конце весны – 4–5, а летом иногда даже на № 8–9. Чаще всего для донного ужения идут обыкновенные крючки Кирби с загибом, также Лимерик, но лучшими я считаю крючки *Sneck bent*, без лопаточки, которые поэтому труднее привязываются к поводку. По мнению некоторых рыболовов, для донной прямые крючки без загиба удобнее на том основании, что при нерешительном клеве рыба имеет меньше шансов наколоться. Может быть это и справедливо, но верно и то, что крючок с загибом всегда лучше задевает на дне – более цепок, чем прямой, который при подсечке чаще вылетает изо рта рыбы, ни за что не зацепив. Крупные пэнзлевские крючки с отогнутыми ушками очень хороши, но чересчур грубы и удобны лишь для ловли крупной рыбы. В последнее время некоторые москворецкие рыболовы начали весьма успешно ловить взакидку на снасточку в 2 или 3 крючка, навязанные на поводок один выше другого, на расстоянии в 1–1½ д. При насаживании крупных червей (выползков) эти снасточки иногда оказывают большие услуги. Крючки употребляются средних и даже мелких номеров. Очень немногие также ловят на донные с двойчатками (см. «Ерш»), т. к. ночью и при тяжелой насадке они очень путаются.

В большинстве случаев крючки привязываются непосредственно к леске, и только более состоятельные рыболовы употребляют жилковые поводки. Последние, конечно, гораздо удобнее, т. к. менее заметны для рыбы, особенно если они не белые, а синеватые. Необходимо только всегда помнить, что поводок должен быть всегда несколько слабее самой лески и что чем он будет длиннее, тем лучше. Способы прикрепления крючка к леске или поводку известны, и их довольно трудно описать без рисунков. Простые рыболовы делают на конце лески две петли в виде восьмерки и, сложив их, затягивают ниже лопаточки; некоторые складывают лески вдвое и, сделав несколько оборотов, пропускают конец в образовавшуюся петлю, которую затягивают. Самый правильный способ – это привязывание шелком, натертым варом, почти тем же способом, т. е. с тайным узлом. Наконец, крючки с колечками очень удобно привязывать, пропустив поводок в колечко и затем сделав несколько (не менее 3–4) простых петель. Жилковый поводок соединяется с леской таким образом: на конце лески делается глухая петля; петля поводка надевается на леску, затем в петлю лески продевается крючок.

Грузила для донной бывают довольно разнообразны по весу, форме и даже способу прикрепления. В быстрой воде необходимость заставляет употреблять груз до фунта,

даже более; напротив, на слабом течении достаточно бывает крупной дробинки, а в некоторых случаях, при тяжелой насадке, ловят даже вовсе без грузила. На Москве-реке самый тяжелый груз (в полую воду) редко равняется пуле 12-го калибра, а затем, когда запрут плотины, то бывает достаточно небольшой картечины с горошину. На Волге, Днепре, Неве груз всегда бывает в несколько лотов. Что касается формы груза, то чаще всего она круглая – пуля или картечь; реже свинец имеет вид цилиндра (большею частью скатанного из свинцовой пластинки) или очень удлиненного овала, еще реже – форму пластинки. Всего оригинальнее груз, употребляемый на Куре, где ловят только на донные. Он имеет вид небольшой репы, выдолбленной внутри, и бывает весом более фунта. С одной стороны, к отверстию в крае, прикрепляется длинная бечевка (леска), а с противоположной – более короткая (поводок) с несколькими крючками, так что это, собственно, уже подпуск (см. далее); крючки, завернутые в бумажку, укладываются с поводком в углубление, а самая леска наматывается на репку, так что вся снасть занимает очень мало места.

Чаще всего грузило неподвижно защемляется на леске, у поводка, на расстоянии 5–6 и более вершков от крючка. Иногда груз (большею частью круглый) привязывается (к леске, у поводка) на отдельном поводке около вершка длиной, причем этот поводок должен быть слабее лески (на случай задева). Проще всего прикрепляют груз к свободному кончику лески, оставшемуся от петли, т. е., когда делают мертвую петлю на леске, то оставляют длинный кончик. Многие москворецкие рыболовы употребляют передвижной груз – просверленные пульки и картечины, которые скользят по леске, от поводка, на более или менее значительное протяжение; чтобы пулька не соскальзывала на крючок, немного повыше поводка, на леске, защемляется дробинка; такую же дробинку прикрепляют на 1–2 аршина выше поводка, на леске. Подобные же скользящие грузы употребляются, по-видимому, с давних времен и в других местностях России, например, в Клязьме, в пределах Владимирской губернии, и на Немане, в Ковенск ой. За границей для донных чаще употребляют просверленные удлиненные, овальные или плоские грузы, но такие менее удобны, чем пули, т. к. чаще задевают и их труднее отцепить.

Как привязные, так и передвижные грузила употребляются с целью сделать поклевку более чувствительною, потому что при очень большом, по необходимости, грузе нерешительный клев и пощипывание насадки не передаются леске и шестуку. Скользящее грузило в этом отношении предпочтительнее привязного, которое, однако, зато имеет то преимущество, что насадка не лежит на дне и играет – вертится на некотором от него расстоянии. Поэтому передовые москворецкие охотники начали недавно употреблять привязное грузило (пульку), которое скользит по леске с помощью крошечного костяного колечка, к которому привязан поводочек с грузом. По моему мнению, на сильном течении привязной груз излишен, т. к. насадка так быстро вертится, что поводок и леска закручиваются, подсечка становится неверною, а жилковый поводок даже перекручивается. Без употребления известных карабинчиков, парализующих закручивание, ловить при таких условиях невозможно. Некоторые ловят с скользящим грузилом, а для того чтобы насадка не лежала на дне, между грузилом и крючком прикрепляют небольшую пробочку. Не думаю, однако, чтобы она приносила большую пользу.

Скользящие, а отчасти и привязные грузила имеют еще то удобство, что могут быть сравнительно тяжелее и не соответствовать течению. Но правильная ловля на донную требует, чтобы груз не был слишком велик и чтобы его временами даже слегка приподнимало течение, т. к. только при этом условии леска всегда будет натянута и можно всегда почувствовать в руке (или увидеть глазом) малейшую потяжку. Грузило считается вполне достаточным, когда, подтянув леску и сразу отпустив ее, слышно по руке, как стукнет свинец, коснувшись дна. Всего лучше, если и пулька, и насадка всегда чувствуются осязанием и после подтягивания или

подсечки относятся течением на прежнее место. Само собою разумеется, что на одном и том же течении более толстая леска должна иметь больший груз, чем более тонкая, и что чем длиннее отпущена леска, тем меньшего груза она требует.

Обыкновенно городские рыболовы прикрепляют к своим донным удочкам звонки в виде игрушечных бубенчиков, редко колокольчиков. Назначение этих звонков – дать знать зазевавшемуся, уснувшему (а иногда и удалившемуся) рыболову, что на удочку берет какая-то рыба. В некоторых случаях, например, при ловле с берега, когда удочки расставлены широко, бубенчики необходимы, но при ужении с лодки они чаще бывают бесполезны, даже вредны. Лучшие москворецкие рыболовы их не употребляют. Во-первых, более нежели вероятно, что при нерешительном клеве звонки отпугивают рыбу, т. к. они должны телефонировать; во-вторых, частый звон смущает других рыболовов и побуждает их занимать место впереди или сбоку счастливого рыболова и отгонять рыбу. Поэтому благоразумнее ловить с очень глухими бубенчиками, а иногда даже залеплять их воском, затыкать отверстие бумагой, надевать на них колпачки из гуттаперчи или, наконец, совсем снимать. Большею частью бубенчики прикрепляются к кончику шестика (надеваются на кончик или привязываются к нему толстым шелком), но на тихом течении и при слабом нерешительном клеве лучше захлестывать бубенчики за леску, на четверть или две от верхушки удильника, т. е. леску просовывают петелькой в ушко бубенчика и в эту петельку пропускают самый бубенчик. При этом лучше, если звонки будут посеребренные, т. е. белые, т. к. ночью они виднее. При таком способе привязки бывает если не слышна, то видна малейшая поклевка, которую уже никак нельзя смешать с качанием лески ветром. На Москве-реке подъязка иначе и нельзя удачно ловить летом, как с подобным грузом у кончика, так, чтобы леска образовала здесь тупой угол, увеличивающийся при поклевке. Одни рыболовы прикрепляют звонки, другие дробинки или небольшие картечины, третьи довольствуются привязыванием кусочков стеарина или бу маги, которые очень хорошо видны ночью. По той же причине предпочитается белая леска, если не вся, то, по крайней мере, верхняя ее часть.

Насадки, употребляемые для донной, весьма разнообразны, и о них уже упоминалось при описании ужения отдельных рыб. Для ловли язей – главные: червь, рак и хлеб. Изредка (местами) насаживаются: угри (личинки навозных жуков), пшенная каша (мятая), тесто, картофель, дуранда (см. выше). На Немане, около Ковно, язей и другую крупную рыбу весьма успешно ловят на молоки соленой селедки, которые обертывают кругом крючка и закрепляют белым волосом или ниткой. Изредка язь берет на пескаря (на Неве также на слепого вьюнчика), но попадает редко, если только пескарь не на двух крючках (один во рту, другой около хвоста). В Петербургской губернии весной язь берет на так наз. «жамку», ленту из замши, принимаемую им за червя или, всего вероятнее, за миногу и ее личинку. Еще реже берет он на лягушат, на которых так хорошо идет осенью голавль. Од нако, по словам г-на Румянцева, язи около гдовских берегов Чудского озера берут очень хорошо на лягушат в августе и в начале сентября, по ночам, преимущественно на переметы (см. дальше). Иногда язь недурно берет со дна на майского или (в прудах) на навозного жука, которого, вероятно, принимает за плавунца или водолюба, а также на кузнечика, но последняя ловля будет описана ниже. На угря язь берет не особенно охотно, особенно на крупного или если угорь насажен клубком. Может быть, это зависит от того, что у язя, тем более подъязка, рот гораздо меньше, чем у голавля.

Гораздо более употребительной донной насадкой служит хлеб, или, правильнее, шарики смятого хлеба, преимущественно ржаного, который хотя и не так заметен, как белый, но много его пахучее. Здесь также лучше употреблять якорьки, только больших размеров, чем при ужении на хлеб с поплавком. Прикормкой служит при

этом ржаной солод или квасная гуща, опускаемые в мешках.

Еще чаще ловят язе й на рака – цельного линючего или на шейки (шепталки), на которые они берут охотнее и вернее. Это ужение ничем не отличается от такого же ужения голавлей, но кстати укажу на вариант этой ловли, употребляемый на Клязьме, во Владимирской губернии. Здесь удят на длинные, очень гибкие (березовые?) цельные удильники с очень длинной леской в 12–18 волос и с передвижным грузилом. Леску закидывают с берега, преимущественно на средней глубине и быстрине, с хрящеватым или каменистым дном. Ловят ночью, особенно лунною (?) и рано утром. Это называется «ловить на лески».

Но самую главную, иногда даже почти единственную насадкою для ловли язей и другой крупной бели, по крайней мере в культурных местностях, служит большой земляной червь, живущий в садах, огородах, парках, вообще в самой жирной почве. Он встречается почти повсеместно под различными названиями (дождевой, росовой червь, росник, выползок, выползень, буртыль, щур, глиста, глистовка), легко может быть добыт в большом количестве и хорошо сохраняется довольно продолжительное время. Впрочем, старые московские рыболовы еще помнят то время, когда за выползка платили по 5–6 коп. штука, т. к. лет 30 назад его не умели собирать по ночам, а выкапывали заступом. Теперь в Москве соби́рание выползка составляет почти такой же промысел, как и промывка мотыля. В настоящее время, вероятно, почти всюду известно, что выползка надо собирать поздно вечером или ночью, после дождя или сильной росы, обходя дорожки и гряды с фонарем. Они начинают выползать, как только растает земля, иногда при 3° тепла; столько же градусов достаточно бывает и осенью, так что у нас их можно иметь с середины марта до конца октября. Так как червь этот довольно чуток (особенно в лунную ночь) и редко весь выползает из норки (в холодную погоду он только высовывает головку), то ловля его часто требует немалой сноровки и большого проворства. Главное – ухватить его как можно ближе к норке и тащить потихоньку, чтобы не оборвать хвоста. В засуху, ко гда черви совсем не выходят из нор, можно вызвать их, поливая в сумерки избранный участок, причем полезно это место прикрыть соломой или рогожами. В крайнем случае можно немедленно набрать червей, поливая жирную землю соленой водой или, еще того лучше, настоем зеленой скорлупы обыкновенных лесных орехов (раздавленные молодые орехи кладутся на сутки в воду), чего выползки вовсе не выносят. Такие черви, впрочем, живут недолго и требуют немедленного израсходования. Можно развести червей там, где их не было, выпустив несколько десятков в сад или огород и почаще поливая это место помоями.

Сохранять выползков можно весьма продолжительное время – неделями, даже месяцами, содержа их в прохладном месте (в подполье осенью и зимою, на погребице летом), в плотных деревянных ящиках или больших глиняных корчагах, прикрытых досками с тяжестью, во избежание нападения крыс, очень лакомых до всяких червей и личинок. Земли не требуется, сырая же вовсе непригодна, и всего лучше на дн о ящика или горшка насыпать слой песка, а сверху прикрыть этот слой мохом, дерном или же обрывками гнилых рогож, мешков, старыми кухонными мочалками. Мох и дерн необходимо почаще слегка смачивать или водою, или, еще лучше, молоком, также несоленым бульоном; при употреблении рогож и мочалок достаточно, если есть хоть небольшая сырость, и поливание молоком и бульоном почти излишни, т. к. черви имеют достаточный запас пищи. Больных червей (распухших и вытянувшихся) следует немедленно выбрасывать. В небольшом количестве – около сотни – выползки отлично и довольно долго сохраняются в мешке из очень толстой холстины, предварительно вымоченном в бульоне (несоленом), в молоке или даже в конопляном масле. Конопляное масло (и льняное) служит также для быстрого очищения свежепойманных червей, как бы

наполненных землею. Рыба не так охотно берет на неочищенного червя, да он, кроме того, не так крепко держится на крючке, как очищенный. Обыкновенно выползок очищается от извержений на 2-й или 3-й день, но если положить его в масло, то он становится прозрачным и крепким спустя несколько часов. Для того чтобы он принял очень красный цвет, более привлекательный для рыбы, мох или рогожу посыпают тертым кирпичом или порошком краски, известной под названием красный бол.

На рыбную ловлю червей берут всегда в толстых холщовых мешочках, вовсе без земли или с сырым мохом и мочалками; жестянки ржавеют и дном сильно нагреваются. В Москве цена на выползка колеблется от 11/2 до 3 р. за тысячу и от 20 до 50 к. за сотню, смотря по времени года и обилию дождей. Ранней весной и в начале зимы сотню не достать и за рубль. Замечено, что выползок всего многочисленнее на огуречных грядках, затем в капустниках. Величина выползка доходит до 5 вершков длины при толщине мизинца.

Кроме выползка (*Lumbricus terrestris*), у нас, в Средней России, встречается не менее четырех видов различных земляных червей, которые все служат отличною насадкой. Южно-русские и западно-сибирские черви, по-видимому, отличаются от наших, но выползок и обыкновенный навозный червь там, кажется, принадлежат к тем же видам.

Навозный червь имеет несколько разновидностей – красный и желтый кольчатый; первый называется в Москве просто красненьким. К навозному близко подходит подлистник, называемый также пыльником или подглистником. Первое название происходит от того, что он встречается во множестве в кучах старого, полусгнившего листа в садах и парках, а подглистником потому, что несколько похож на глисту, т. е. выползка. Это самый плохой для насадки червь, т. к. он очень крив и рвется на крючке даже сам собою, особенно если он недавно вырыт. Изредка встречается в глинистой почве беловатый или розоватый червь с круглой головою, но он не имеет значения для рыбной ловли. Для ужения на донную, кроме выползков, часто употребляются лишь так называемые железняки, довольно крупные (до 3 вершков.) черви, отличающиеся очень острою головою, тонкою переднюю частью с синеватым отливом и плоским беловатым хвостом. Они замечательно крепки, почему очень прочно держатся на крючке и некоторыми рыболовами даже предпочитают выползку. При ловле на кусочки ершей и другой рыбы железняк незаменим. Все черви перед ловлей должны быть выдержаны.

Насаживание червей на крючок производится различными способами, смотря по величине крючка и червя. Как насаживать навозных червей – в одиночку, кучею – уже говорилось выше. Выползки по своей величине и вертлявости насаживаются на крючки с большим трудом. Самый простой способ – проколоть его немного ниже головы и насадить на крючок, пустив длинный хвостик. На крючках помельче крупная глистовка не может держаться, а потому ее необходимо насаживать петлями, прокалывая в нескольких (3–4) местах и вздергивая головную часть на поводок. Так же насаживаются на крючок несколько (2–3) выползков, причем жало прячется в самом коротком хвостике. Тут уже трудно обойтись без помощи сухого песка, в котором черви становятся менее скользкими. Самый рациональный способ насаживания – на два или три крючка (снасточку), один выше другого, причем, зацепив головку верхним крючком, нижний крючок пропускают в т. наз. узел (это половой пояс, находящийся примерно в первой трети длины всего червя) и, проткнув червя еще раз два, скрывают в хвостике. При самом тонком, нерешительном клеве на Москве-реке ловят язей и подъязков только на мелкие крючки (№ 8–10), которыми задевают за голову или середину выползка, как показано на рисунке. Самую оконечность головы протыкать не следует, т. к. такой червь недолго извивается. Если мелочь часто щиплет и обрывает хвостик, то полезно

надевать выползка с хвоста, оставляя голову совсем свободною. Некоторые рыболовы, прежде чем насаживать, макают выползка в конопляное масло. Запах этого пахучего масла привлекает рыбу, по струе, с значительного расстояния. Вероятно, подобное действие оказывает и керосин; несомненно, что черви, обмакнутые в керосин, скорее и охотнее хватаются рыбою, чем вовсе запахнувшие. Полагаю, что весьма полезно также окажется натирание или вымачивание поводков (жилок) в анисовом и других пахучих маслах.

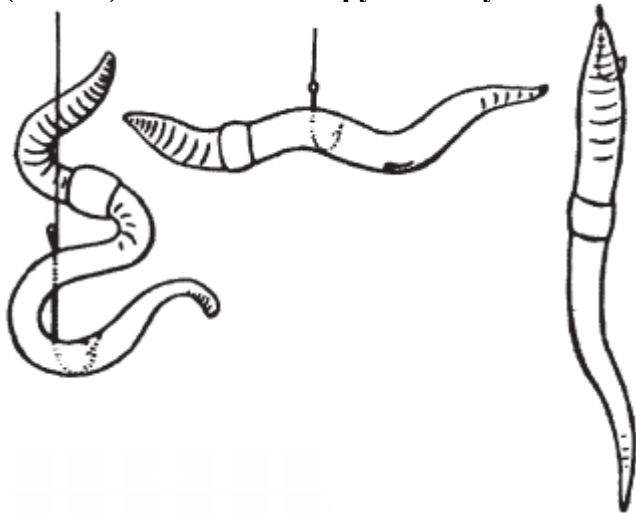

Рис. 178. Различные способы

насаживания выползка

При ужении на донную привада и прикормка употребляются редко. Большею частью, по крайней мере у нас на Москве-реке, рыболовы довольствуются естественной привадой, становясь около устьев речек, ручьев, близ родников, водосточных труб и т. п. Однако заблаговременная привада или даже одновременная с ловлей прикормка имеет не менее огромное влияние на успех донного, преимущественно ночного, ужения, как и на дневное ужение с поплавком. Материал для прикормки может быть также весьма разнообразен: кроме различных зерен, рыбу привлекает ржаной солод, кусочки дуранды (жмыхов). Некоторые валят в намеченное место конский и всякий другой кал, но самой лучшей прикормкой при ужении язей на выползка служат сами выползки, и чем больше их будет выброшено, хотя бы за 2–3 ч. до ловли, тем последняя будет удачнее. Эту истину москворецкие рыболовы познали только очень недавно: года 2–3 назад выкинуть какую-нибудь сотню непрокисших выползков считалось чуть не безумием.

Для полноты очерка ужения на донную скажу несколько слов о некоторых принадлежностях этой ловли, употребляемых москворецкими охотниками. Последние редко ловят рыбу с берега, только в крайней необходимости, а почти всегда с лодки. Прежде ловили большею частью с обнабоенных челноков, т. наз. полотнянок, выдолбленных из осины; но за их непрочностью, валкостью и относительно дороговизною (их привозят в Москву за сотню и более верст, на лошадях) последние годы их почти вытеснили плоскодонки, или, вернее, дощаники, гораздо более покойные, хотя и более тяжелые. Последнее не имеет, впрочем, здесь большого значения. Теперь, можно сказать, уже вполне выработался тип москворецкого рыболовного дощаника с острою кормою, но подробное описание его заняло бы слишком много места. Уключины находятся почти посередине лодки; сиденье одно; на правом борту, ближе к корме и носу, привинчены так называемые утки.

Якоря у нас употребляются редко (часто задевают за камни) и заменяются или просверленными кусками рельс около пуда весом или пудовыми гириями старого образца (гранеными). Камни служат грузом только в крайности. В последнее время в

обоих московских рыболовных обществах якорями служат чугунные, в пуд весом, гири же, не имеющие форму, так сказать, усеченной крыши, с толстой рукояткой. Эти якоря, сделанные по моему образцу, оказались очень удобными и держат лучше, чем гири и рельсы одинакового веса. Веревки для якорей употребляются самые лучшие, притом, во избежание закручивания, вытянутые; некоторые рыболовы стали пользоваться гораздо более легкими и менее гниющими в воде, хотя (если они совсем белые) и более дорогими, т. наз. джутовыми веревками, употребляемыми больше для гимнастических снарядов. Кажется, однако, они делаются не из джута, а из жил листьев маниллы, лиственного дерева вроде алоэ. Длина веревок никоим образом не должна быть менее 15 аршин, а еще лучше, если она вдвое больше, т. к. на длинных веревках можно удержаться и на быстром течении, при сравнительно легком грузе. У нас на Москве-реке становятся на лодке почти всегда поперек течения, опуская с обоих концов лодки гири: на слабом течении – в упор, т. е. в отвес, а на быстрине более или менее далеко от лодки. Веревки эти, равно как сачки, кружки и всякого рода сетки, ради большей долговечности весьма полезно, даже необходимо, продубить в растворе коры дуба или так называемого корья, а всего лучше катеху, который можно достать в любом аптекарском магазине (40 коп. фунт).

В других местностях России становятся или на больших камнях, или на маленьких якорях, чаще кошках (в виде когтей), а на очень быстрой воде (например, на Днепре, на Волге) – на приколе, т. е. на одном или двух шестах с железными наконечниками; эти колья глубоко втыкаются или вбиваются в дно, в вертикальном или наклонном положении. Иногда, если река неширока и на ней если и ходят барки, то очень редко, всего удобнее бывает ловить на перетяжке. Это толстая, крепчайшая бечевка или тонкая веревка, один конец которой укрепляют к колу одного берега, а другой – к колу на другом берегу и затем натягивают. Лодка при этом свободно может передвигаться по веревке, которая, таким образом, вполне заменяет всякого рода якоря и веревки к ним. Самая укладистая из перетяжек делается у нас из бечевок (немного толще тонкого карандаша) с сердцевинкой из очень мягкой медной проволоки. Такие бечевки, употребляемые для пломбирования вагонов, можно доставать в магазинах железнодорожных принадлежностей. Для перетяжки годится также всякая мягкая железная проволока достаточной толщины, всего лучше телеграфная. В видах портативности некоторые возят с собою на ловлю, взамен гирь и камней, прочные холщовые мешки, которые набиваются песком или землей на месте лова.

К числу более или менее необходимых принадлежностей как донного, так и почти всякого другого ужения принадлежат: сачок, отцепка, чехол или ящик для удочек, а для ночной ловли – фонарь.

Сачок употребляется при донной ловле в закидку далеко не всеми москворецкими рыболовами, особенно ночью, т. к. крючок и пулька запутываются в петлях сетки. Обыкновенная форма сачка – железный (редко медный) обруч, около полуаршина в диаметре, насаженный на 1–1½-аршинную палку; к обручу привязывается сетка глубиной около аршина. Недавно эти сачки у нас стали заменяться подхватками, остов которых состоит из обыкновенного белого камыша (идущего на приготовление мебели и корзин) толщиной почти с палец и согнутого в форме овала, причем рукояткой служат концы того же камыша, связанные бечевкой на протяжении 4–8 вершков. Обыкновенно рукоятка несколько отогнута, т. е. находится в другой плоскости, чем овал. К последнему привязывается (бечевкой) неглубокая (редко свыше полуаршина) редкая сетка, связанная из крепких ниток или тонких бечевок; чтобы крючки и грузила не очень цепляли за ячеи и не путались, сетка эта иногда просмаливается. Главное удобство этого сачка заключается в том, что он ни в каком случае потонуть не может; кроме того, при ужении с лодки на короткую удочку обыкновенные сачки неудобны своей чересчур длинной рукояткой.

Отцепка для донных употребляется редко, но иногда бывает необходима. Обыкновенно выжидают, что крючок отцепится сам собою, силою течения, что большею частью и случается. Одни рыболовы (москворецкие) пользуются, в случае задева крючка за корягу или другой тяжелый подводный предмет, дощечкой (или поленом), к которой привинчено кольцо; последнее пропускают через удильник, и доска, плывя по течению, силою его тянет крючок в противоположную сторону и почти всегда отцепляет его. Некоторые отдевают, или, вернее, отбивают, крючок, обыкновенными кольцеобразными (медными или железными) отцепами на длинной бечевке, спускаемыми по леске через шестик, или же простыми фунтовыми гирьками старого образца (гранеными).

Чехол для донных удочек, пожалуй, еще необходимее, чем для поплавочных, потому что первых берется с собою очень много и они больше путаются, причем он не может быть глухим, подобно ружейному, а должен быть обязательно распашным, с загнутыми клапанами на концах (чтобы удочки не вываливались). Всего лучше делать чехол из виксатина или какой-либо непромокаемой материи, на тиковой подкладке. Длина его не должна превышать 2 арш.; ширины – около аршина. Для того чтобы не повредить нечаянно кончики шестиков, необходимо с одного из длинных боков вшить тонкую камышовую или какую другую негибкую палку. Шестики кладутся большею частью комлями в одну сторону, верхушками в другую, однако не кучею; чехол завязывается ремешками или тесемками в трех местах; на одном конце его полезно также пришивать петлю, чтобы можно было вешать его на гвоздь, а не ставить в угол. Этот же чехол может служить во время ночной ловли как бы фартуком, на котором, во избежание задевок, складывают леску при ее выборе из воды.

Что касается фонаря, то всего удобнее или хороши и большой фонарь с рефлектором, или самый простой, оплетенный проволокой. Для устойчивости необходимо, чтобы он был тяжел, для чего на дно приливают свинцу или олова. Лампочки, масляные или керосиновые (без стекла, разумеется), менее удобны, чем стеариновые свечки, которые будут чем толще, тем лучше. Фонарь необходим в темные безлунные ночи, чтобы не наехали на лодку, а главным образом для распутывания лески, привязывания крючка и отцепливания его с петель сачка. Замечу, что для всякой ловли, на донную в особенности, весьма полезно, а в холодное время даже необходимо, иметь под рукою большую тряпку или толстое полотенце для вытирания рук. Ужение язей на донную начинается на Москве-реке очень рано, вскоре после того, как пройдет лед, и вода тронется на убыль. Замечено, что язь берет только после первых теплых ночей и когда температура воды достигнет 6°. За исключением налима, язь первая рыба, которая начинает попадаться на удочку. В большинстве случаев это бывает около 10 апреля, но иногда начало клева задерживается до 15–20 апреля или начинается в конце марта (как в 1890 году). Прежде всего ловят у нас выше Бабьегородской плотины (разбираемой перед вскрытием), а потом спускаются все ниже и ниже, до Устьянского и даже Краснохолмского моста. Вообще, чем ниже по реке, тем клев язя начинается позднее, что зависит от большей высоты и низшей температуры воды. Язи под Коломной, по видимому, берут почти на неделю позднее, чем около Москвы, а на Оке ужение этой рыбы начинается, или, вернее, становится возможным, гораздо позднее. Первые дни язи берут на донную (на выползка) днем даже лучше, чем ночью, но по мере того как вода очищается от мути, они все чаще и чаще попадают ночью, а вскоре, по окончании нереста, их скорее можно поймать (днем) на поплавочные удочки (см. выше), чем на донные. В первой половине мая, ранее или позднее, язь совершенно перестает брать днем на выползка, да и ночная ловля его становится все менее и менее добычливой, находясь в зависимости от дождей или, вернее, от того, как много идет воды поверх плотины. Летняя ловля язя на донную подвержена многим

случайностям и требует большого внимания и проворства, т. к. поклевка сытого язя почти незаметна. В сентябре, редко с Ильина дня, после обычных осенних дождей, вызывающих подъем рыбы к плотинам, начинается более или менее удачная ловля пришлого – ходового, голодного язя и продолжается, все усиливаясь, до окончательного замерзания реки, что бывает в конце октября, большей частью в начале ноября. При этом чем ближе к зиме и чем чаще выпадают дожди, тем более вероятности на успех ловли язей днем. Однако они в это время редко берут (на выползка) среди дня, а большей частью с рассвета до 9–10 ч. утра или под вечер.

Выбор места для ужения на донную зависит от времени года и состояния воды. Весною, когда вода только что вошла в берега, ловят на песчаных отмелях с сравнительно слабым течением, большей частью у самого берега; с дальнейшей убылью воды становятся все ближе к середине реки, т. е. на воду. С запором плотины, когда язи окончательно установятся, их ловят там, где они стоят, т. е. на глубоких иловатых местах со слабым течением. Среди лета язей нередко удят на выползка без всякого грузила, нередко с предварительной прикормкой. После паводков летних, и в особенности осенних, москворецкие охотники становятся на ходовых местах, большей частью на самой струе, перехватывая таким образом мимо идущую рыбу. Тракт этот бывает очень неширок, даже настолько узок, что не только рядом стоящая лодка, но даже один из рыболовов (на донную ловить можно только вдвоем), сидящий на другом конце лодки, рискует ничего не поймать или очень мало. Вообще в знании и изучении этих рыбьих путей лежит залог успеха почти всякого ужения, и зачастую никакие привады и прикормки не могут заставить рыбу уклониться от дороги.

Что касается погоды, наиболее удобной для ловли язей на донную, то не лишнее здесь повторить, что язь всего лучше берет весною в теплые апрельские ночи, летом в холодные, пасмурные ночи с небольшим дождиком; если дождь усилился и вода сильно замутилась, клев временно прекращается (рыба от сильной мути как бы шалеет), но затем снова усиливается. В это время, при упомянутой погоде, всего выгоднее становиться около таких мест, которые доставляют рыбе натуральную приваду, т. е. около канав, водостоков, речек и ручьев. Осенью язи снова всего лучше ловятся в теплые, пасмурные ночи, а позднее, перед замерзанием, очень верно, хотя и вяло, берут на выползка, когда идет мокрый снег и даже идет так называемая шуга, или сало. Лунные ночи не благоприятствуют ужению на донную, главным образом потому, что язь держится тогда в верхних слоях воды и плавится.

Как уже было сказано, москворецкие рыболовы устанавливают лодку на якорях, вернее на различного рода грузах. Эта установка требует, на течении, некоторой сноровки, т. к. можно рисковать стать вовсе не на то место, на которое следует.

Обыкновенно выезжают на десяток сажен выше намеченного места и, повернув лодку вниз по течению, кормою вполборота, сбрасывают сначала кормовой груз, затем как можно проворнее опускают якорь с носа, прежде чем нос станет ниже кормы. Веревки выравнивают, подергивая к себе груз, и, отпустив их, сколько позволит его тяжесть и быстрота течения, закрепляют за утки, наматывая на них 2–3 восьмерки. При боковом ветре или очень неправильном течении, которого следует избегать, полезно бывает спускать спереди, посредине лодки, третий груз.

Правильная ловля на донную возможна только с тремя удочками, при частом клеве лучше ловить на две, даже на одну. У нас большинство ловит на 4–5, некоторые даже на 10 удочек, причем оправдывают свою жадность или лень тем, что, при многочисленности насадок, рыба имеет более шансов наткнуться на прикормку. Особенною склонностью к подобному шкурятничеству отличаются повсюду береговые рыболовы, которые, наткнувшись на берегу, иногда почти на полуростное протяжение, чуть не десятки шестиков со звонками, совершенно спокойно отправляются если не спать, то отдыхать, чтобы бежать опроретью при первом

звонке. Чем эта охота отличается от промысла или ловли переметом? Рыба должна сама зацепиться за крючок, и удочка является тут ловушкой, а всякая ловушка недостойна истинного охотника. Язь, однако, сравнительно редко попадает на донные самоловом, подобно голавлю и другим, еще более хищным и большеротым (кроме угря) рыбам, а потому, чем больше будет заставлено на него удочек, тем хуже. При хорошем клеве самое лучшее – держать в каждой руке по удочке и по временам (чем чаще, тем лучше) потихоньку подтаскивать к себе насадку (на аршин или два) и затем снова отпускать ее. Шестик при этом держат наискосок, верхушкой вниз, как можно ближе к поверхности воды. Такого рода подтягивание рыба слышит издали и сбоку, тем более если стоит на струе, а потому оно вполне возмещает немногочисленность удочек. Во всяком случае, при ужении язя с лодки шестики не следует затыкать в доски лодки, а надо или класть их (на сиденье, нос, корму) наискось, или же класть на борт перпендикулярно к нему, но так, чтобы кончики немного (на четверть) высывались из-за него. Последний способ хуже первого. Если есть какой риск, что удочка может быть утащена в воду, то вместо того, чтобы крепко затыкать ее, надо привязать к комлю шестика 2–3-аршинную бечевку. При ужении с берега шестики по необходимости втыкаются в землю.

Обыкновенно при ловле с лодки, прежде чем закидывать донную, разматывая леску, опускают ее в воду, чтобы она несколько намочила вместе с поводком и чтобы проверить, насколько соответствует тяжесть грузила течению. Затем или меняют грузило на другое, или, если оно состоит из нескольких картечин и дробинок, отбавляют сколько следует; еще чаще довольствуются тем, что отпускают (при чересчур тяжелом грузе) леску короче или (при чересчур легком) длиннее. Закидывание лески требует большого навыка, особенно когда дует проливной или сильный боковой ветер. Чем тяжелее груз, тем оно менее затруднительно. У нас закидывают большей частью так: леску укладывают, начиная почти от верхушки шестика, более или менее правильными и небольшими кругами на скамейку, нос или корму (иногда к борту приделывается для этого особая подъемная доска на шалнерах), реже на колени (тогда необходим клеенчатый или кожаный фартук). Затем берут за леску немного выше грузила и, не вставая с места и стараясь не качнуть лодку, сделав несколько размахов, резким и сильным движением посылают насадку перпендикулярно к лодке, соразмеряя силу этого размаха с длиной лески, т. е. в противном случае шестик вылетит из лодки. Во всяком случае, необходимо сейчас же схватить шестик, подать его вперед, встряхнуть леску и подтянуть для того, чтобы убедиться, что она не запуталась и на ней не образовалось петель. Неопытные рыболовы сначала всегда закидывают стоя в лодке.

Рис. 179. Червь, насаженный на снасточку в два крючка

Это самый употребительный способ закидывания; некоторые, впрочем, леску собирают наполовину кругами в левую руку, а в правую – остальную часть с насадкой наверху, которую кидают от себя. Так закидывают большею частью живца. По моему мнению, самое спокойное и правильное, хотя и несколько мешкотное, закидывание состоит в том, что леску с насадкой спускают до тех пор, пока не будет слышно в руке, что пуляка лежит на дне. Этот способ особенно удобен, даже незаменим, при очень легком грузе или при сильном ветре.

Закидывание с берега производится тоже собиранием лески в кольца, только насадку бросают таким образом, чтобы леска легла почти перпендикулярно к берегу. Чтобы насадку не прибило к берегу, грузило должно быть сравнительно тяжелее, что не может не отозваться на верности поклевки. Вообще, береговая ловля на донную, язей в особенности, очень неудобна и неправильна и не может быть сравнима с ужением на лодке.

Поклевка язя на донную довольно разнообразна и обуславливается насадкой, временем года и силою течения. Всего вернее берет язь на хлеб и раковую шейку, т. к. тут почти не бывает предварительных пощипываний: он сразу берет насадку в рот и более или менее резко дергает удильник, который иногда при этом выскакивает. Летом, в жару, язь берет сравнительно вяло и менее порывисто. Такую сравнительно крупную насадку, как выползок, язи, тем более подъязки, редко берут сразу, всем ртом, а сначала щиплют за хвостик губами. Весною до нереста и после него, примерно до середины мая (на Москве-реке), язи берут на выползка довольно резко, срыву, хотя редко утаскивают шестики, подобно голавлям. Чаще всего это делают покатные язи, которые мимоходом берут насадку в рот и плывут вниз. Поклевка язя в это время далеко не такая смелая, как у голавля, но резкая, сильная, отрывистая, однако не без вороватости. Слышно по руке, как он дергает за червя. Это называется – «подъязь стучит». Чаще всего он стучит два раза, а на третий уже тащит, совсем забрав червя в рот, и это есть настоящий момент для подсечки, как, впрочем, и во всех других случаях. Подсекать надо всегда довольно резко, но не сильно, лучше кверху, чем вбок. При небольшом грузиле, слегка приподнимаемом течением со дна, эти постукивания не так ясно заметны, как при тяжелом, и язь часто (весной) сразу берет насадку в рот, без предварительных пощипываний, и тащит ее в сторону или прямо (вверх по течению). Чем мельче язь, тем дольше

продолжается стучанье.

Летом язь берет на выползка совсем иначе, поклевка его гораздо осторожнее и тише, особенно в тиховодье, так что бубенчик редко звенит; почувствовав малейшее сопротивление, в слишком ли тяжелой пульке или в шестике, он большею частью бросает насадку. Клев его можно заметить лишь по легкому качанью лески, почему (ночью) и необходимы с одной стороны привязанные звонки или белые маячки, а с другой – возможно легкое грузило и возможно меньший крючок (иногда № 10), которым зацепляют червя за головку. Сытая и вороватая рыба потихоньку, как бы исподтишка, забирает его в рот и тащит вместе с тем вниз по течению, так что приходится как можно более поддавать шестик, вытягивая вперед руку. Неудачные подсечки происходят всего чаще потому, что они по необходимости бывают преждевременными. Следовательно, катушка может в этом случае очень пригодиться, и весьма полезно было бы насаживать червя на снасточку в 2 или в 3 маленьких крючка (рис. 179 и 180). Иногда бывает слышно, как пулька приподнимается и опускается, – это значит, что язь сосет червя; тогда надо потянуть слегка леску на себя и этим подзадорить рыбу. Это подзадоривание вообще весьма полезно при вялом, нерешительном клеве. При летнем ужении в особенности необходимо соблюдать правило брать шестик как можно тише, не спеша подавая его слегка вперед. Осенний клев язя на выползка иногда напоминает весенний, т. е. язь сначала резко стучит раза два, затем тащит на себя. Но чаще, особенно после морозов, клев даже ходового язя бывает довольно вял и неслышен, хотя и очень верен. Это происходит потому, что язь берет насадку мимоходом и плывет потихоньку далее вверх; в таких случаях подсекать надо, лишь только – после предварительного, очень легкого пощипывания – леска ослабнет.

Рис. 180. Тройная снасточка

Как вытаскивать язя из воды, как он идет на удочке – говорилось выше. Замечу только, что ночью он барахтается и кувыркается гораздо менее, чем днем, и вообще гораздо смирнее. Выползок всегда оказывается или совсем сдернутым с крючка, или как бы изжеванным. Елец же и подуст, поклевка которых мало отличается летом от поклевки язя, всегда обрывают кончик; голавль же узнается по тому, что всегда берет срыву.

Местами, например, на Клязьме и на Неве, язей довольно удачно ловят на подпуски, т. е. донные с очень тяжелым грузилом и большим числом (не менее 5) крючков, привязанных на отдельных поводках (см. «Налим»). На Клязьме во Владимирск. губ. подпуск для язей делается в 20–40 волос, длиною в 30–60 арш.; через каждые $1\frac{1}{2}$ –2 арш. привязываются колена (от 6 до 12 волос, непременно белых) в $\frac{3}{4}$ арш. длины. К концу подпуска прикрепляется пробка, для того чтобы он не тонул совсем на дно и быстрее шел по течению, когда его спускают («Ох. газ.»),

1889, №18). Ловят здесь на подпуски, конечно, с лодки, обыкновенно вдвоем, причем один спускает свой с носа, другой – с кормы. У нас, на Москве-реке, ужение на подпуски неупотребительно по причине сравнительно тихого течения, да и вообще этот способ ловли имеет много неудобств, хотя его все-таки нельзя сравнивать с переметом, уже почти вполне промысловую снастью, не требующую притом присутствия рыболова и подсечки, как на подпуске.

На переметы язи попадают реже голавлей, чаще на рака, червя, изредка на пескаря или кусок рыбы. На Чудском озере, около гдовских берегов, как уже было упомянуто, переметы на яз я насаживаются лягушатами. Переметы эти (крючков около 150) ставятся здесь в августе и начале сентября, по ночам, на мелких каменистых местах около берега, в бурунах, куда язи выходят жировать. Всего лучше язи идут на лягушку в темную ночь, после утихшей бури. В других местностях язь если и берет эту насадку, то очень редко; по крайней мере, в реках Московской губернии на лягушку всегда попадают только голавли и налимы, редко щука.

Зимнее ужение язей имеет уже более случайный характер. На Москве-реке, по перволедью, они еще иногда весьма хорошо ловятся на выползка или красного червя, из лунок, на известные уже кобылки (см. «Ерш» и «Налим»), но с длинным прутиком (или китовым усом). Ловят, как всегда, в отвес, с очень тяжелым сравнительно грузилом и так, чтобы червяк висел у дна. Язь (чаще подъязок) берет вяло и, забрав всю насадку в рот, часто сосет ее, оставаясь без движения. Позднее, с прочным льдом, клев язей почти прекращается, возобновляясь урывками, с сильными оттепелями, а также перед вскрытием. На ямах, вообще, где язи зимуют, можно ловить их (например, на Москве-реке в яме у Каменного моста и в устьях Пахры) на голые крючки (якорьки) самодером. Местами, например, в Иртыше, также и в некоторых реках Европ. России, крупные язи временами идут на блесну.

Перехожу теперь к описанию самой интересной ловли язей – ужению нахлыстом на насекомых. Ловят язей нахлыстом преимущественно на небольших реках, притом на настоящих, а не на искусственных насекомых. Последнее объясняется тем, что эта рыба редко берет сразу всю насадку в рот, подобно голавлю, хариусу, форели, а сначала пробует ее губами. Затем следует заметить, что ужение производится в большинстве случаев без катушки, на волосяные лески, что зависит от того, что, во-первых, язь рыба сравнительно небожкая; во-вторых, от того, что вовсе не требуется, чтобы насекомое (естественное или искусственное) находилось на поверхности; очень часто язи лучше берут насадку под вод ой, даже со дна.

На Москве-реке и, вероятно, в других местностях выработался даже особый способ ловли язей, который можно бы назвать полунахлыстом, а москворецкие рыболовы называют или нахлыстом, или почему-то ловлею брандахлыстам. Эта ловля представляет те существенные отличия от настоящей нахлыстовой ловли (см. «Форель»), что производится почти всегда в сумерки или ночью и большею частью с небольшим грузилом, так что насадка плывет вполводы или почти ко дну. Таким образом, эта ловля имеет некоторое сходство с уже описанною ловлею язей на дуранду (вятским способом), на горох (днепровским способом) и на рака (клязьминским) и составляет переход от этих донных методов ужения к ужению поверху. Настоящая ловля нахлыстом, описание которой будет далее, на Москве-реке вовсе не практикуется, даже вряд ли возможна, потому что язи здесь подходят к берегам или перекатам и плавают только по ночам.

Снасть, употребляемая для москворецкого брандахлыста, существенно не отличается от обыкновенных (не английских) удильников и лесок, служащих для настоящего нахлыста. Удилище очень гибкое, хлыстообразное, длиною редко более 5 аршин, лучше цельное, чем складное; в последние три года начали входить в употребление цельные удильники желтого тростника (японского) со слегка закругленными подпилком узлами. Леска в 4, редко в 6 белых волос, самого

высокого достоинства. Употребление прививка (см. «Лещ») здесь неизвестно, но, конечно, он весьма облегчил бы дальнейшее закидывание. Груз или отсутствует, или это дробина не крупнее № 1. Поводок из тонкой жилки или волосяной. Крючок – мелких номеров, № 8–9, реже – 6–7; лучшие – пэнэлевские без загиба с ушком. Леску редко отпускают более чем на 10–12 арш. и закидывают обыкновенным способом, стараясь при выхватывании ее, чтобы насадка не коснулась поверхности воды позади рыболова.

Ловят чаще взабродку, до полуторааршинной глубины, никогда с берега, редко с лодки, которую в этом случае ставят вдоль течения. Надо заметить, что ловят брандахлыстом главным образом в пределах Москвы, на участке реки между Каменным мостом и Бабьегородской плотиной, именно у моста, около свай, и на перекатах, что пониже плотины и ниже моста. Удобных мест для этого ужения очень немного, но и занимаются ею не более десяти охотников, из которых только трое могут назваться ее специалистами. Быстрота течения составляет менее необходимое условие, чем небольшая глубина (не свыше 2 арш.), и всего удачнее бывает ужение на слабом течении (около свай).

Москворецкие рыболовы начинают ловить брандахлыстом очень рано, иногда ранее запора плотин, вообще же когда вода достигнет летнего уровня, примерно около Николина дня (9 мая), и продолжают с некоторыми перерывами, зависящими от состояния погоды, высоты воды и недостатка в насадке, удить до октября или середины этого месяца, пока не начнутся сплошные ночные морозы. Всего удачнее бывает эта ловля после больших дождей, когда вода пойдет на убыль и прочистится. Вообще же ловят, только когда бывает плав, т. е. рыба, в данном случае язь, ходит поверху и притом на неглубоких местах. Ловят, как сказано, в сумерки и ночью, довольно редко сейчас после заката или ранним утром; засветло хлещут только весной, когда чаще попадаются голавли, чем язи. Однако, несомненно, что в очень темные ночи язи берут насадку реже, вероятно, потому, что не видят; всего же жаднее и вернее они хватают ее в лунные ночи. Прежде, лет десять назад, ловля полунахлыстом производилась только в светлые ночи, но с устройством электрического освещения на Каменном мосту – она стала гораздо доступнее и добычливее. Электричество в данном случае заменило луну и имело некоторое благоприятное влияние на ночную донную ловлю, т. к. дало возможность рыбе руководствоваться при отыскивании пищи не только осязанием, слухом и обонянием, а также и зрением.

Насадки, употребляемые москворецкими охотниками для ловли брандахлыстом, довольно разнообразны и соответствуют сезону. Самую раннюю насадку служит черный таракан, но это жирное и тяжелое насекомое требует для своего закидывания большого искусства и потому употребляется немногими артистами нахлыстового ужения, преимущественно для ужения шерешперов и голавлей; на пиявку также язи идут редко. Во второй половине мая начинается ужение на майского жука, с небольшим грузом, на перекатах, но на Москве-реке язи берут его не так охотно, как на небольших реках. Это зависит от того, что жук чаще попадает в небольшие речки с прибрежных деревьев, чем в голобережную Москву-реку, а также и от того, что для москворецкого подъяза это слишком крупная насадка, которую он не может сразу взять в рот, подобно большеротому голавлю или настоящему язю. Настоящее ужение подъязка на брандахлыст начинается после сильных жаров, когда появятся в большом количестве мясные мухи, выведшиеся из опарыш а. Эти мясные мухи, называемые у нас шпанками, составляют для язей лакомство, и они предпочитают их всякому выползку и опарышу, который, впрочем, изредка употребляется и для нахлыстового ужения. Ловля на шпанку очень проста, т. к. не требует постоянного перезакидывания, производится иногда с берега и вообще в очень многих местностях реки (также на водоотводной канаве) и очень напоминает

летнее донное. Отличие в длинном удильнике, постоянном подтягивании и частом сравнительно перезакидывании. Очень удачна бывает ловля на шпанку поблизости водосточных труб (после дождя), вероятно потому, что этих мух (только что выведшихся из окуклившихся опарышей) много попадает в водостоки. На более мелких и тихих местах, например, около свай под Каменным мостом, ловят иногда на шпанку и без дробинки – чистым нахлыстом, т. е. совсем поверху. Насаживаются обыкновенно по 2 или по 3 мухи на крючок № 8–9. Шпанок ловят заблаговременно, днем, привлекая мясом, и сохраняют в пузырьке. Очень редко шпанку заменяют пчелой или шмелем.

Еще позднее, уже в июне, подъязь охотнее начинает брать на тополевого червя, которого всегда можно бывает набрать массами на тополях. Это темно-пестрая мохнатая личинка какой-то сумеречной белой бабочки. Насаживают его по одному на крючок № 8–9, как всякого червя. Иногда тополевого червя заменяют крапивным. Удят на эти насадки так же, как и на шпанку, но преимущественно на перекатах и вообще мелких, хотя бы и тихих местах. Как на шпанку, так и на мохнатых червей (личинок бабочек) довольно часто ловят с лодки.

Самой главной насадкой для полунахлыстовой ловли на Москве-реке служит мелкий кузнечик, которого можно доставать начиная с Петровок, сначала бескрылых, – и до больших октябрьских ночных морозов. В сентябре, впрочем, некоторые заменяют кузнечиков желтым капустным червем, которого собирать гораздо легче. Больших кузнецов у нас избегают, потому что подъязок берет на них неверно и часто срывает брюшко, да и сам кузнец плохо держится на крючке и часто слетает при перезакидывании. Так как приходится удить в темноту, то пузырьки и коробочки, в которых обыкновенно хранятся кузнечики (с травой, чтобы не перегрызлись), очень неудобны, т. е. много их выскакивает. Поэтому всего целесообразнее держать кузнечиков в стеклянной банке (или цилиндрической жестянке), к которой привязана частая сеточка или марля с короткой жестяной трубкой на конце, которая затыкается пробкой. Когда надо переменить насадку, опрокидывают баночку, нащупывают в сетке кузнечика и пропускают его в откупоренное отверстие трубки. Крючки берут покрупнее, чем для шпанки, именно №6–7; насаживают по два или по три кузнечика, смотря по их величине. В большинстве случаев употребляется грузило в виде одной-двух дробин, соответственно течению. Ловят большею частью на неглубоких местах с небольшим течением, близ травы (особенно шелковника, т. е. нитчатых водорослей), чаще забродку, чем с лодки, которая на мелком месте пугает рыбу, т. к., качаясь при перебрасывании, дает волну. Некоторые рыболовы нарочно заблаговременно расчищают прогалинки в траве. Забрасывают кузнечика всегда почти поперек течения, но на слабом течении – наискось. Когда леска совсем вытянется, ее перебрасывают или предварительно (в тихой воде) несколько раз подтаскивают к себе толчками и снова отпускают. Язь иногда охотнее берет кузнечика поверху, даже иногда хватает его прежде, чем он успеет коснуться воды, но в большинстве случаев хватает насадку под водою, почему необходимо, чтобы она тонула, хотя и медленно. Бескрылые кузнечики мясистее и тяжелее (и прочнее на крючке) крылатых, а потому на них часто ловят без грузильца. Кстати скажу, что у нас изредка ловят на кузнечика и на простую донную.

Рис. 181. Метлица

Подсекают при ловле брандахлыстом на слабом течении всегда, как только зашевелится леска: когда язь потащит леску, то большею частью бывает уже поздно. На течении поклевку слышно очень ясно, но вообще язь берет кузнечика под водою

тихо, не торопясь, губами, а не всем ртом; напротив, поверху, когда насадка еще не потонула, он хватается ее проворнее, и надо подсекать немедленно после того, как рыба сделает кружок около кузнеца. Очевидно, для подсечки на глаз, а не на ощупь надо иметь острое зрение, при естественном и искусственном освещении, т. е. лунном или электрическом, и необходимо, чтобы леска была непременно белого волоса. Пойманный язь идет ходко и оказывает почему-то менее сопротивления, чем пойманный на донную. Вываживают и вытаскивают его обыкновенным порядком – при ужении на лодке чаще с сачком, но при ловле взабродку или тащат пойманную рыбу волоком на берег, или же, утомив ее, берут за леску и, подтащив рыбу к себе, схватывают ее под жабры указательным и средним пальцами правой руки, пропуская эти пальцы по леске. Более крупную рыбу берут обеими руками, взяв предварительно леску в зубы или зажав ее коленями. Наконец, очень большую рыбу (большею частью голавлей и шерешперов) подводят к ногам и, зажав между коленями, хватают руками и выносят на берег. Любители ловли взабродку редко берут с собой корзинку, т. к. она только мешает, и рыбу чаще сажают на кукан.

Ужение брандахлыстом годами, при большом выходе подъязка, бывает крайне добычливо. Нередко, при хорошем плаве, в 2–3 ч. специалисты этой ловли вытаскивают по 25–30 штук, т. е. около пуда, а бывали случаи и более удачных уловов. В 1889 и 1890 годах двое известных рыболовов поймали этим способом с мая по октябрь один не менее 20, другой 25 пудов рыбы, главным образом яззей. В других местностях ловят яззей нахлыстом на метлицу (например, на Шексне) во время ее падения на воду (см. «Лещ»); в конце июля и в начале августа отличной насадкой для ужения поверху на небольших реках служит молодой овес (см. «Лещ»). На Десне, по словам Вербицкого, удят много крупных яззей лунными ночами на майского жука. На некоторых небольших реках, также в проточных прудах, их ловят на мошкарку (*Ph ruganea*), которая вообще может часто заменить кузнечика. Мошкарку эту нетрудно наловить (в июне) сачком, всего лучше с лодки. Насаживается она на маленький крючок (№9–10), причем лучше, если острие крючка находится в голове, а не в туловище насекомого.

В юго-западных губерниях, по-видимому, довольно распространена ходовая ловля яззя нахлыстом, причем рыболов едет в челноке вниз по течению, постоянно перезакидывая длинную леску с майским жуком или кузнецом. Этот способ ужения, уже описанный выше (см. «Голавль»), по-видимому, может быть применим только на небольших реках с более или менее заросшими берегами.

В некоторых местностях Средней и отчасти Северной России, например, во Владимирской, Петербургской, вероятно, и других губерниях, весьма успешно ловят яззей нахлыстом на стрекозу, именно весною – в мае и в начале июня, до появления кузнечиков. Язи очень любят этих насекомых и часто хватают их, когда они садятся очень близко от воды, причем иногда высоко выпрыгивают за ними. В Павловском Посаде, на Клязьме, ужение на стрекозу (стрельцов) начинается около Николина дня, как только они начнут выходить из личинок. Стрельцов (вероятно, это тонкобрюхие, синие стрекозы) собирают по утрам, до солнца, пока еще не обсохла роса, когда только что вылупившиеся неподвижно висят на осоке у берегов, прудов и озер. Хранят их в корзинах, перекладывая травой в погребах, на снегу, где они могут лежать недели две и более. Ловят по утрам или вечером, в ясную погоду, с лодки или взабродку, на длинное гибкое удилице с крепкой шелковой (?) леской с легким грузилом. Стрелец насаживается так, чтобы крючок проходил через голову и хвост. Насадка не должна вовсе тонуть на дно, а находиться на аршин от поверхности. Берет здесь большею частью крупный язь, и довольно верно, сразу, так что руке сообщается довольно чувствительный толчок. Ловля эта прекращается к концу мая. В Петербургской губернии (на небольших реках, а не в Неве) яззей тоже ловят нахлыстом на стрекозу, чаще на так называемых шаркунов – больших

толстобрюхих стрекоз. Замечательно, что, по уверению Либериha, рыба берет на пустую куколку, оставленную уже вылетевшею стрекозою, еще лучше, чем на последнюю. Насаживается здесь стрекоза так: жало втыкают в туловище под самое горло; пропускают крючок сквозь все насекомое и выводят жало, не доходя полувершка до конца хвоста. Иногда полезно бывает, для большей верности клева, обрывать длинную пару крыльев.

Рис. 182. Превращение стрекоз

Перехожу теперь к описанию самой распространенной ловли язей нахлыстом – на кузнечика днем и поверху.

Так как это уженье вполне верховое и поэтому требует взрослых крылатых насекомых, то оно редко начинается ранее Петрова дня. Обыкновенно время ловли вполне совпадает с началом сенокоса по той причине, что косцы как бы загоняют кузнечиков, называемых также скачками, во множестве к самым берегам, откуда они и ередко попадают в воду. В небольших речках язи в сенокос всегда держатся около травянистых берегов, в особенности приглубых. Когда трава уже вся скошена и кузнечиков сильно поубавится, что бывает в середине или конце августа, язи берут их поверху довольно неохотно или вовсе не берут, т. к. уже редко выходят играть на поверхность. Удят обыкновенно рано утром, часов до 9–10 утра, редко около полудня, затем вечером перед закатом и до сумерек. Самый лучший клев бывает около заката. Местом ловли служат всего чаще глубокие места – ямы, в заворотах реки, недалеко от переката, мельничные омота, вообще т. наз. становища, где язи живут постоянно все лето и о которых говорилось уже не раз выше.

Рис. 183. Синяя стрекоза

Снасть для этой ловли должна быть очень легкая и тонкая. Некоторые рыболовы удят на кузнечика обыкновенными английскими нахлыстовыми удильниками с катушками и тончайшим шнурком (см. «Форель» и «Голавль»), но особенной необходимости в этих дорогих снарядах нет, и можно успешно заменить их цельным березовым удильником со сросшим длинным, гибким и тонким рябиновым кончиком (всего длиною до 7–8 аршин) и волосяною лескою в 4–6, редко в 8 волос, высшего достоинства и любительской работы. Для того чтобы она дольше держалась на воде, ее полезно натирать салом. Чем длиннее пущена леска, тем лучше, и она ни в каком случае не должна быть короче чем в 1 1/2 раза против удильника. При неумении закидывать надо делать прививок, т. е. подвязывать

начиная от вершушки особую волосяную леску, сплетенную (или скрученную) в виде постепенно утончающегося пастушьего кнута (см. «Лещ»). Крючок берут мелких номеров – 8-й, даже 10-й, при употреблении катушки, но для большого кузнеца необходимы более крупные. Предложенный бароном Черкасовым двойной крючок с задвижной проволочкой очень сложен, хотя кузнечик держится на нем очень крепко и не слетает так часто, как с обыкновенного. По моему мнению, все-таки гораздо проще наловить кузнечиков, чем заниматься приготовлением таких крючков.

Насадкой служат обыкновенные серые и зеленые кузнечики небольшой величины, но и не самые мелкие. На крупных кузнецов язи берут редко, обыкновенно лишь очень крупные, а потому ловить на них не стоит. Если же скачков теревит мелочь, то лучше переменить место. Добывание кузнечиков (особенно крупных) весьма хлопотливо. Всего лучше отыскивать их по нескошенным местам, среди дня и в ясную погоду, т. к. рано утром и в сырой пасмурный, тем более дождливый день они сидят, притаившись, и даже не стрекочут. Всего удобнее ловить небольшим и неглубоким сачком из марли или кисеи на длинной палке. Если они не будут помяты, то могут жить в неволе очень долго – несколько недель. Я держал их в старом, разбитом аквариуме, сверху прикрытом кисеею, причем менял через день или два траву. Для ловли их всего проще класть в большой пузырек, сколько надо; коробочки же и ящички без особых приспособлений весьма неудобны. Насаживают скачка целиком, по одному, у большого же кузнеца лучше отрывать ноги. Крючок втыкают в грудь, оставляя голову свободной, и проводят в брюхо; еще лучше, т. к. язь берет кузнечика с головы, крючок (мелкий), проведя наискось через грудь, выпускать сверху из правого, а не левого щитка шеи. Жало крючка нет никакой надобности прятать, и даже лучше, если оно будет торчать наружу.

Ловля производится с берега или плота, реже взабродку (т. к. на мелких местах язи днем не плавают) и не с лодки, которой они боятся. Но если кто может далеко закидывать, особенно с катушкой, тот может удить и с лодки, тем более если будет стоять в более укромных местах: у тростников, камышей или кустов. На берегу тоже надо придерживаться таких прикрытий. Закидывают обыкновенным способом. Скачок, особенно крылатый самец (тонкобрюхий), – очень прочная насадка, и при умении его можно перезакинуть раз десятков, прежде чем он слетит с крючка. После нескольких перебрасываний скачок начинает слегка тонуть, но это небольшая беда; впрочем, если это нежелательно, его можно просушить, заставив его сделать в воздухе несколько туров. Разумеется, надо стараться бросить кузнечика в то место, где только что всплавился язь. Иногда он немедля хватается приманку, иногда же, всплавившись, проходит мимо, как бы не замечая ее, потом круто поворачивает и хватается скачка. Поклевка язя чаще всего обозначается кружочком или воронкой вокруг кузнеца, который затем исчезает. Эта рыба большею частью берет очень тихо и осторожно, губами, и нередко только пробует и выплевывает насадку. Но в жор язь берет очень верно; после исчезновения скачка слышно, как за леску точно кто трогает, затем она начинает как бы крутиться и идет не туда, куда следует, и как будто, вместе с тем, зацепила за корягу. Крупный язь тащит за леску, «как малый ребенок». Подсекать всего лучше, когда леска натянется, причем подсечка не должна быть очень сильною и резкою; затем потихоньку ведут рыбу к себе. Язь, пойманный на кузнечика, странное дело, идет очень ходко и почти не кувыркается; только мелкий – подъязок около 1 1/2 фунта, – сопротивляется довольно бойко и может порядочно нашуметь; настоящий же язь только упирается и идет плавно, на кругах, стараясь уйти в траву или в берег. Поймав несколько рыб или после порядочной возни надо переменить место или же переждать, пока язи снова поднимутся кверху и начнут плаваться.

Рис. 184. Котцы

В некоторых местностях играющих поверху язей весьма удачно стреляют из ружья. Еще лучше стрелять с приманкой, которою может быть сначала майский жук, стрекоза, а позднее кузнец, лучше крупный, чем мелкий. Иногда бьют пулей (из монтекристо), но чаще из дробовика дробью средних номеров. Эта охота производится, главным образом, в небольших реках из-за кустов или деревьев с мая по сентябрь, всего лучше в ясные дни, утром или под вечер. Высмотрев плавающих язей, охотник осторожно бросает по тому направлению жука или другое крупное насекомое и готовится к выстрелу. Обыкновенно один из язей стремительно бросается на брошенную приманку так, что высовывает голову из воды. В это мгновение охотник спускает курок, целясь в голову, большею частью в расстоянии около 10–15 шагов. Убитый язь или всплывает брюхом вверх, или же идет ко дну; вероятно, это зависит от того, когда захватит выстрел рыбу – тогда, когда она поднималась или когда уже опускалась, т. е. уже сжала свой плавательный пузырь. Во всяком случае необходимо иметь при себе или сачок, насаженный на длинную жердь, или острогу. Выстрел на некоторое время прекращает игру: испуганные язи уходят на дно, а потому приходится переждать несколько минут, не более получаса, или переходить на другое место поблизости. Всего лучше охотиться таким способом с помощником, который бросает приманку и вытаскивает убитых. Самая удобная стрельба, по малому шуму – это стрельба из монтекристо. Чтобы жуки не улетали, необходимо надламывать им надкрылья.<

> Как было указано, язь почти не имеет никакого промыслового значения, т. к. добывается в значительном количестве только весной, во время нереста. Это, можно сказать, чисто охотничья рыба, потому что ее выуживается больше, чем вылавливается. Притом ее удят у нас всюду, т. к. она имеет весьма обширное распространение, еще более обширное, чем лещ. Мясо язя довольно вкусно, но костляво; оно несколько розоватого цвета и летом, почти всюду, отзывает травую.

Добавим, что большая часть язей, ловимых рыбаками-промышленниками, попадает весной в верши, морды, также в фитили (вятели, крылены). Местами, в озерах, много язей заходят в так называемые котцы (рис. 184), представляющие лабиринт из дранок, где зашедшая рыба не может повернуться и выйти обратно. Котцы, подобно мережке, также основаны на том, что рыба почти не имеет заднего

хода. Они употребляются главным образом для ловли линей, щук и карасей, для которых этот лабиринт делается у самого берега в перпендикулярном к нему направлении. Язи попадают в котцы, если они загораживают какой-нибудь проток.

Интересно было бы знать, какая рыба, похожая на язя, под названием катуна встречается в р. Воронеже. Голова у нее, по описанию, как у язя, туловище шире, перья сизые; редко бывает более 4 фунтов. Может быть, это *Abramidopsis*.

Уклейка

Alburnus lucidus. Во многих местностях – укляя, уклейка, местами (Тверь, Серпухов и пр.) – верховодка, верхоплавка, верховка, но название это, собственно говоря, принадлежит еще более мелкой рыбке *Leucaspius delineatus* (см. д.); в Яросл. губ. – баклейка; во Владим. губ. – баклея; в Казанск. и Нижегород. губ. – башклея, а также (по Варпаховскому) – синявка, синька, обманщица (9%), табачница, синтяпа; в бассейне Свияги – сентя, синтя, сентявка, синявка, сентяга; в Саратов. губ. – баклешка; на Каме – шаклейка и (неправильно) вандыш; в Вятке – шаклея, шклея; в Уфимск. губ. – бакла, баклея; в Оренбургск. губ. – синтявка, белоглазка; в Оренбурге – сига; на р. Урал – конюх, гармак; в Астрахани – дергунец; местами на Верхней Волге и по р. Ловати крупная – селява; на Оке (и в Твери) – сикла; в Пензенск. и Ковенск. губ. – калинка; в Самаре – чебанчик. В Малороссии – себель (то же на Десне), сибелик, сибиль; по Бугу и Днестру местами – швия; на Днепре местами (большие) неправильно – селедка и (маленькие) оселедчики. В Олонец. губ. – салага, салагушка. В Литве – аукшле. В Польше – уклей. Финск. – салакко, салкко; эст. – виддикит-кала, валле-кала, майлин; у ижоров – уклекка; карельск. – шелака; латышск. – майле, вике. Татарск. – башклея и (в басс. р. Свияги) – альдока; черемисск. – муляшка (?); чув. на р. Цивиль – шиучи; вог. – станки.

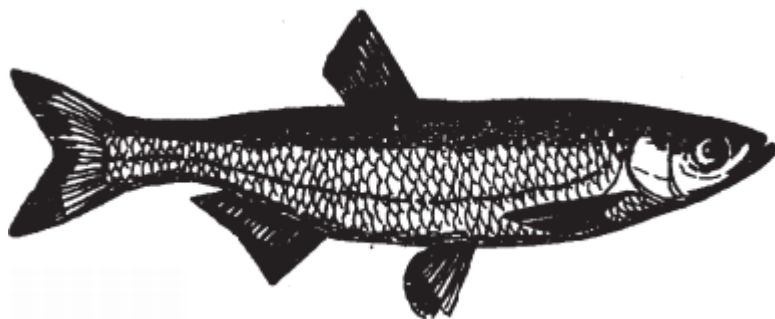

Рис. 185. Уклейка

Это, бесспорно, одна из самых обыкновенных и многочисленных наших рыб, почему, несмотря на свою незначительную величину, она пользуется всеобщей известностью. Большею частью уклейка имеет в длину около 6 дюймов, в редких случаях достигает более четверти аршина, и от всех других сродных с нею рыб легко отличается своим удлинненным, узким, сильно сжатым телом, сильно завороченною кверху нижней челюстью и большим числом ветвистых лучей (16–20) в заднепроходном плавнике.

Рис. 186. Глоточные зубы уклейки

Вообще уклейка служит главным представителем особого рода уклеек, к которому в России относятся еще 3–4 вида небольших рыб, из числа коих только одна шемая пользуется некоторым промышленным значением. Род этот характеризуется длинным, очень сжатым телом, острым ребром на брюхе, между заднепроходным и брюшными плавниками; верхняя челюсть у нее содержит выемку, в которую входит кончик удлинненной и завороченной кверху нижней челюсти; глоточных зубов с каждой стороны по семи; они расположены в два ряда (5/2), и венчик их сплюснен, слегка зазубрен и на верши не загнут крючком.

Уклейка очень красива, особенно когда поворачивается на солнце и сверкает своею серебристою чешуею. Спина у нее серовато-голубая с зеленым отливом; бока и брюхо серебристо-белые с сильным блеском; верхние и нижние плавники серые, только последние при основании желтоваты; глаза серебристые. Чешуя отлиывает сильным серебристым металлическим цветом, отличается своею нежностью и так слабо сидит на тебе, что слетает при малейшем прикосновении или прилипает к рукам. Рыба эта представляет, однако, множество видоизменений, которые отличаются между собою незначительными отклонениями в относительных размерах тела, более или менее косым ртом, более или менее тупым носом, даже числом глоточных зубов, которых иногда бывает по 6 (4/2); в Нарове, например, встречается вариант уклейки с более коротким и тупым носом, нежели у обыкновенной формы, и с полосой свинцового цвета, которая тянется с боков от верхнего угла жаберного отверстия к середине основания хвостового плавника.

В оз. Ильмене недавно найдена также широкая разновидность уклейки с резко заметными черными точками, расположенными над боковой линией в виде полосы. Кроме того, уклейки многих проточных и иловатых прудов под Москвой (Кузьминки, Люблино, Царицыно) резко отличаются от речной (москворецкой, князьминской) своею шириною, толщиной в спине, малозаметным ребром на брюхе, сравнительно крепкой (неспадающей) и толстой чешуей, а также и своими привычками. Может быть, эта разновидность уклеек тождественна с уклейками прудов р. Свияги, о которых упоминает г. Рузский.

Распространение обыкновенной уклейки гораздо обширнее распространения других видов того же рода *Alburnus*. Она встречается почти во всей Европе, за исключением самых южных стран; в России доходит до Архангельска, в Финляндии – до 65° с. ш. Кроме того, она водится также в Крыму и на Кавказе, но в Сибири и Туркестанском крае заменяется другими, родственными ей видами. На восточном склоне Урала, в Пермской губ., например, в Каслинской даче (озера Иткуль), она попадается как величайшая редкость и перешла через Уральский хребет, через болота на самом перевале, из которых вытекают речки двух различных бассейнов – Волжского и Обского.

Уклейка живет решительно во всех как самых больших реках, так и самых небольших речках, почти ручьях: ее можно встретить как в истоках, так и низовьях, например, Волги, Днепра и пр. Кроме того, она очень часто встречается тоже в очень большом количестве в проточных и заливных озерах, в проточных прудах с чистою и светлою водою и песчаным дном. Обыкновенно она выбирает тихую и довольно глубокую воду, реже живет в быстрых местах реки, и на мелких перекатах замечается очень редко. Очень любит она держаться у свай, мостов, плотов и купален, а в городах особенно многочисленна бывает около сточных труб, приносящих различные нечистоты, даже краски. В прудах и речках с берегами, поросшими деревьями, уклейки охотно плавают под нависшими ветвями, но в травах почти никогда не встречаются, кроме молодых селетков и годовалых, которые часто встречаются в сообществе верховок. Последнее наблюдение, впрочем, относится к прудовой уклейке. Начиная со вскрытия реки до поздней осени, когда уходит на глубину и скрывается в глубоких ямах, эта рыба всюду замечается в

огромном количестве, тем более что она более других держится на виду. Без всякого сомнения, каждому не раз приходилось наблюдать, как стаи уклек проворно мелькают в воде, то сверкая своей яркой серебристой чешуей, то синяя своими темными спинками. Обыкновенно она держится на глубине не более аршина, в ясную же погоду плавает в самых верхних слоях воды и беспрестанно выскакивает, гоняясь за насекомыми, падающими в воду, даже близко летающими над ее поверхностью. Иногда вдруг вся стая стремительно выскакивает из воды и рассыпается дождем во все стороны – это явный признак, что появилась хищная щука, окунь или жерех, который в особенности любит лакомиться ук лейками.

Вообще это чрезвычайно живая и проворная рыбка. Уклейка находится в беспрестанном движении, и кажется, ни на одну минуту не остается в покое. Она очень прожорлива и потому постоянно, с утра до вечера, даже ночью, занята добыванием пищи и бросается за всякой упавшей или мимо плывущей крупинкой. Главная пища ее, впрочем, состоит из насекомых, особенно мух и перепончатокрылых. После заката солнца, когда тучи комаров и мошек толкуются над самой водой, часто можно видеть, как уклейки, стаями плавающие у поверхности, одна за другой выпрыгивают из воды; вероятно, этот маневр косвенным образом имеет целью ловлю этих насекомых: обрызганные комары или мошки падают в воду и делаются добычей рыбы. По этой причине уклейка всего более выпрыгивает и плавится по утрам, вечерам, перед грозой или дождем, когда насекомые от сырости летают ближе к поверхности воды. Обыкновенно уклейка плавает некоторое время то в одну, то в другую сторону, потом вдруг перевортывается на бок, сгибается, уд аряет по воде хвостиком, отчего вспрыгивает над поверхностью, описывает в воздухе полукруг и с брызгами падает обратно в воду. Кроме того, уклейка нередко кормится и самыми молоденькими рыбками других видов, особенно плотвы, также икрой и потому должна быть причислена к вредным рыбам, тем более что от нее очень мало толку: она имеет некоторое значение только в самых верховьях больших рек и в незначительных реках, где мало другой, более ценной, рыбы. Впрочем, она едва ли не чаще других достается в пищу хищным рыбам, а чайки, крачки, гагары и прочие водяные птицы почти исключительно кормятся уклейкой, которая чаще всех держится на поверхности. Отсюда, конечно, и произошли названия ее: верховка, верховодка – названия, которые, собственно, принадлежат другой, еще меньшей рыбке, называемой также овсянкой (*Leucaspius*). Самое же название уклейки, хотя и может быть произведено от клейкой чешуи этой рыбы, вероятно, имеет финское или татарское происхождение. Несмотря на преследование рыб и птиц, частью и человека, уклейка всюду водится во множестве, особенно в верхних течениях рек и небольших реках. Она размножается очень быстро и мечет свою очень мелкую и многочисленную икру с двухлетнего возраста. Нерест ее начинается довольно поздно – на юге в начале мая, а на севере – в конце этого месяца, даже в июне, и продолжается почти целый месяц. По замечанию оstashковских рыбаков, из которых многие, подобно большинству (?) верховых рыбаков, занимаются специально ловлей этой рыбы, уклейки нерестятся в первый раз, когда колосится рожь, во второй (в 3-й) – когда закладывается в ней зерно, а в третий (во второй) – когда она начинает цвести (Кесслер). О. А. Гримм также передает, со слов рыбаков Никольского рыбопроизводного завода (Валдайск. у. Новгородской губ.), что уклейка мечет икру в три приема. В первый раз – после плотвы, когда цветет черемуха, во второй раз – когда колосится рожь и в третий раз – когда наливаются. По мнению этих рыбаков, вполне вероятно, что в эти три раза нерестуют не одни и те же, а различные особи, быть может, разных возрастов.

Мне лично приходилось много лет наблюдать нерест в подмосковных прудах уклейки, и относительно ее я могу сказать, что нерест ее продолжается иногда от середины мая почти до Петрова дня с весьма значительными, одно– и

двухнедельными перерывами. При хорошей погоде в мае и начале июня вся уклейка выметывает икру очень дружно, в два приема – до 10 июня, сначала крупные особи (иногда в первой половине мая), затем, примерно через 2 недели, – мелкая (трехлетки и, может быть, и двухлетки); при периодических холодах нерест затягивается почти до Петрова дня и производится в 5–6 приемов, причем, несомненно, что одни и те же особи выметывают икру не всю сразу. Происходит это явление потому, что для нереста уклейки требуется известная, довольно высокая температура воды (14–15°), ясная погода и 3–4-дневный срок; если же наступит ненастье или холод, то нерест прекращается и возобновляется, только когда снова наст упит хорошая погода. Замечание это может быть отнесено и ко многим другим рыбам. Вообще, при продолжительной теплой погоде рыба нерестится дружно, хотя, несомненно, не вся сразу, а по возрастам (в 2–3 приема); наоборот, при часто повторяющихся ненастьях и холодах рыба выметывает икру не сразу, а в несколько приемов.

Что касается места нерестования, то уклейка мечет икру всегда в тихой и неглубокой воде, на траве, хворосте, реже в камнях. В реках уклейка, по-видимому, прилепляет свои яички в травах заводей, изредка выметывает икру прямо на песок (тоже в тихих заводях); в озерах Новгородской губ., со слов рыбака (передаваемых Гриммом), нерест происходит в камнях, по кряжам и в траве, по лукам, где сплавина по воде, т. е. где трава лежит на дне. Икра ее будто бы ложится слоем до 1 вершка, так что «ребятишки собирают ее в торбочки для рыбников» (пирогов).

По моим наблюдениям, прудовая уклейка нерестится в траве у самых берегов, на солнечной стороне, предпочитает плавуны или трясины, заросшие папоротником, к подводным мочкам которых и прилепляет свои мелкие, беловатые икринки, которые немного мельче, чем у плотвы. Реже выметывает она икру на мелкие корни прибрежных деревьев, которые составляют здесь любимое место нереста плотвы. Самый процесс икрометания совершается в ясные солнечные дни, когда уже совсем обогрел, в полном разгаре бывает около полудня и прекращается задолго до заката солнца, до следующего утра. Продолжается он, как сказано выше, 3–4 дня; сначала нерестится самая крупная уклейка (5-летняя и старше, до 4 вершков длины), которая начинает обыкновенно тереться, когда кончается нерест мелкая плотва. При этом все нерестующие особи ходят огромными узкими вереницами вдоль берега, взад и вперед, не выпрыгивая из воды, – это только готовящиеся к нересту рыбы; совсем готовые к этому акту уклейки уходят или под берег, в мочки корней папоротника (*Polystictun Thelypteris*), отличающиеся своею густотою, или в вырезы плавучего берега, причем происходят сильная возня и плеск. В это время уклейка, обыкновенно шустрая и осторожная, становится очень смелой, и не только наметкой, но простым сачком можно ловить ее (с берега или с лодки) десятками, не сходя с места. Прыгая в густой траве и стараясь забраться в самую гущу корней, нерестующие уклейки часто погибают, т. к. в первом случае попадают в траву вне воды, а во втором – вязнут и не могут высвободиться. По окончании нереста все мочки папоротников, растущих на краю плавучего берега, оказываются унизанными прилипшею к ним, уже оплодотворенною икрой, и я сильно сомневаюсь, чтобы уклейка нормально выметывала икру слоем в вершок; по всей вероятности, это бывает в том случае, когда уклейка нерестится на песке и когда значительная часть икринок, как оплодотворенных, но большею частью неоплодотворенных, сбивается волнением, образуя таким образом целый слой. По моим наблюдениям над прудовой уклейкой, икра ее (в прудах) всего более истребляется красноперкой, которая в большом количестве встречается в это время между вереницами уклейки. Кроме того, последние подвергаются нападению небольших щук, преимущественно 2–3-летних.

Молодые рыбки выклеваются через 7–8 дней, сообразно погоде, и в первые дни

не выходят из корней; затем они держатся около берегов, между водяными растениями, близ поверхности воды, нередко в сообществе прошлогодних и нынешних верховок, от которых (и от других прудовых рыб) легко отличаются продолговатостью и темным (синеватым) цветом туловища. Растут уклейки быстро и через год сравниваются с плотвою и красноперкою однолеткою, достигая длины (от носа до конца хвоста) до 21/2 дюйма, а в реках (например, в Москве-реке) – до 2 вершков, 2-летняя уклейка бывает величиною около 4 дюймов (в Москве-реке около 3 вершков) и уже способна к размножению, только нерест ее совершается очень поздно – около середины июня и позднее.

За исключением верховьев больших рек, также небольших речек, почти нигде не занимаются ужением, тем более ловлею этой рыбы сетями: уклейка слишком мала и незначительна и не заслуживает внимания при другой, более крупной и ценной рыбе. Весною, в полоую воду, ее ловят наметкою; осенью, в конце августа и начале сентября, на Верхней Волге ловят частыми плавными сетями, называемыми уклейницами: при удаче иногда зараз попадает по два-три пуда этой рыбы, так что вся сеть серебрится от уклек. Бывает, впрочем, и так, что уклейками, как рыбами верхоплавными, унижается только верхняя часть сети, а в нижнюю часть ее попадают пескари, ерши и мелкие окуньки. Впрочем, подобным способом, едва ли не в большем количестве, можно ловить уклек и в конце весны, во время ее нереста. С этой целью замечают днем, где нерестится укля, и ночью ставят с лодки перпендикулярно к берегу тонкую и довольно частую сеть (ячей не более полувершка) аршин двадцать длиною, а шириною в аршин с поплавками и легкими грузилами, чтобы она не тонула. Затем лодку и сеть пускают по течению иногда на верс ту и более, иногда вынимая попавшуюся рыбу тысячами. В стоячей же или медленно текущей воде эту сеть надо завозить и вытаскивать каждый раз на берег. Так же точно, но с меньшим, конечно, успехом можно ловить и днем во время нереста. Местами тоже ставят для ловли уклек большие сачки, а для приманки привязывают на дно их так называемую дуранду, т. е. льняную избоину. В Мологе (Яросл. губ.) фунт уклек стоит от 2–4 коп., смотря по более или менее обильному лову. В Псковской губ. местные жители солят их, а из внутренностей вытапливают белый прозрачный жир, который очень хорошо горит.

Ужение уклек начинается вскоре по слитии полой воды – большею частью с середины мая (Москва), обыкновенно на комнатную муху; кроме того, они хорошо берут на метлу (поденку), особенно во время падения ее в воду, и на муравьиные яйца. Муха насаживается всегда с головы; леса делается в два волоска, большею частью без поплавок и грузила, длиною в 6 аршин, и на конце ее привязывается самый маленький крючок (№ 10–13); удильник выбирают длинный, гибкий, т. к. он всегда чувствительнее для подсечки.

Во Франции, где ловля и даже ужение уклейки составляет довольно значительный промысел, уклейку удят обыкновенно на легкие удочки и тонкие лески, к которым привязаны 3–4 и более самых мелких крючков на расстоянии 20–30 см один от другого и на коротеньких поводках, чтобы не путались. Удят с поплавком и без него, с легким грузильцем и без грузила, смотря по обстоятельствам, поверху и вполводы. Насадкою служит там почти исключительно опарыш (подпарыш – личинка мясной мухи), причем от времени до времени бросают по несколько опарышей для прикормки. Очень хорошо местами берут уклейки на муху поверху. Остроумные французы, чтобы не возиться с ловлею мух, пришивают к левому обшлагу свежеснятую шкурку или замшу, пропитанную кровью, привлекающую мух. Хорошею прикормкою считается там же давленная конопля, но в особенности отруби, смоченные бычачьей кровью. Последнюю прикормку обыкновенно опускают в воду заблаговременно, в корзинке или частой сетке. Употребление прикормки для ловли уклейки весьма рационально, т. к. только при этом условии можно поймать ее в

большом количестве. В прудах я с большим успехом ловил уклек на маленькие шарики смятого черного и белого хлеба, а также на распаренные зерна ржи, но в реках на эти насадки уклея берет довольно редко.

У нас, в России, ужением уклеи занимаются немногие (преимущественно юные) рыболовы, за недостатком другой рыбы; большею частью она ловится попутно, вместе с ельцом, ужение которого и у нас, под Москвой, имеет многих любителей. Во всяком случае, ловля уклеи и труднее, и занимательнее ловли мелкой плотвы, хотя бы и вдвое большего роста. Как справедливо замечает барон Черкасов, хотя и, видимо, недолюбливающий уклею, эта рыбка имеет для начинающих рыболовов воспитательное значение, т. к. приучает их к быстрой и легкой подсечке; уклея берет с разбега и если не подсечена немедленно, то сшибает насадку, а т. к. она имеет слабые губы, то при обычном маневре неопытных удильщиков – вытаскивать пойманную рыбу через голову – она редко будет доставаться ему в добычу, пока он не утратит этой скверной привычки. Вероятно, всем рыболовам не раз приходилось выуживать «курносых» уклек, плотиц и красноперок, у которых верхняя губа была оторвана.

Всего лучше ловить уклек с моста, плотов или обрывистого берега, вообще на глубоких местах, и пускать насадку как можно мельче, соображаясь, впрочем, со временем года, дня и состоянием погоды. Клев уклеи быстр и крайне неверен, почему и удобнее удить ее с навеса; она налетает с разбега и сразу утаскивает поплавок в сторону, иногда совсем погружая его. Подсекать надо как можно проворнее, однако не сильно; всего лучше только подать вперед удилице и, если рыба не попалась, не вынимать лесы из воды. При некоторой сноровке можно поймать огромное количество уклек, потому что они берут беспрестанно; впрочем, выудив несколько десятков, лучше перейти на другое место. На червяка они тоже клюют довольно хорошо, но тогда уже несравненно чаще срываются. Где их очень много, там они при ловле других рыб надоедают еще более плотвы: едва закинешь удочку в воду, как они стремглав бросаются на наживу и щиплют, треплют ее до тех пор, пока она не опустится почти на самое дно.

Позднею осенью, после сильных морозов, уклея укрывается в глубоких ямах с песчаным дном и начинает брать только со дна; в это время она ловится едва ли не в большем количестве, чем в конце весны. Москворецкие рыболовы ловят ее в сентябре и октябре в большом количестве на красного червячка – мотыля, пуская большею частью насадку вполводы.

В свою очередь, уклея составляет отличную приманку для хищных рыб, особенно жерехов и лососей (иногда даже в соленом виде, как, например, в Финляндии), т. к. издали заметна своей сверкающей белизной, но, вынутая из воды хотя бы и на самое короткое время, к сожалению, очень быстро снет, особенно насаженная обыкновенным образом – за спинку; поэтому лучше всего продевать ей крючок через рот в ноздрю, не прокалывая рта.

Следует заметить, что прудовая уклея очень мало уступает как живец плотве и вообще далеко не так хлипкая, как речная.

Уклеи принадлежат к самым малоценным рыбам и употребляются в пищу только простонародьем, и то в случае недостатка в другой, лучшей, рыбе. Они очень сухи и потому почти вовсе не годятся для ухи, но изжаренные в сметане и высушенные, еще лучше прокопченные, как сельдь, довольно вкусны. Всего более потребляется уклея в Малороссии, верховых волжских губерниях, но промышленное значение ее самое ничтожное.

Во Франции и на Рейне уклея служит, однако, предметом довольно значительного промысла. Из чешуи ее добывается так называемая жемчужная, или восточная, эссенция (Essence d'Orient), которая употребляется на подкраску поддельного жемчуга. Приготовление рыбьей чешуи с этой целью было известно

китайцам, но в Европе жемчужная эссенция была открыта французским монахом Жакеном (Jasquin) в 18-м столетии. В настоящее время она готовится следующим образом. Соскобленную (тупым ножом) чешую кладут в воду и мешают до тех пор, пока на чешуях вовсе не останется серебристой пленки, которая отделяется в виде небольших кристаллических пластинок и падает на дно; все чешуйки вынимают, воду сливают, и на дне сосуда остаются эти кристаллы, смешанные с небольшим количеством воды, как бы голубовато-серебристая жидкость, которая и составляет восточную эссенцию. Жидкость эта очищается от всех органических примесей, и в нее прибавляют (для связи) немного рыбьего клея. Затем делают маленькие стеклянные шарики, большую часть синеватого цвета, и в отверстие каждого осторожно через тонкую трубочку впускают каплю эссенции, шарик несколько раз встряхивают, в него для крепости вливают воск, и жемчуг готов.

Приготовление искусственного жемчуга достигло такой высокой степени совершенства, что его весьма трудно отличить от настоящего. В Париже находятся целые фабрики, которые готовят его ежегодно на миллион франков: добыванием чешуи занято очень много рук, и многие рыбаки во Франции и на Рейне кормятся исключительно ловлею уклек, как сетью, так и удочкой.

Обыкновенно на один фунт чешуи стоимостью в 10–12 франков требуется около четырех тысяч уклек, а из фунта чешуи выходит только 1/4 фунта эссенции. Нет никакого сомнения, что этот промысел легко может быть введен и у нас и доставил бы более значительные выгоды, чем одна ловля уклек, которою мало кто и занимается. Выгоды тут тем более верны, что рыба, очищенная от чешуи, могла бы также готовиться впрок вялением и копчением. От вылова же этой не только почти бесполезной, но даже очень вредной рыбы, надо полагать, увеличилось бы количество другой, более ценной рыбы.

Верховка

Под Москвою – верховка, малявка, иногда неправильно – уклейка; под Коломною – рогатка (?). В Новочеркасске – кульдичка. В Казанск. губ. – овсянка, синявка, сняток. В Малороссии – овсянка; местами – малявка, милька (названия, общие для всех небольших и молодых рыб), верховодка; на р. Суре – немор. В Польше – овизек, мрзевка, вирховодка, вирхолodka, tysiabraci, блыскотка; в верх. Днестра – качорына; в верх. Вислы – кулейс, слонечница.

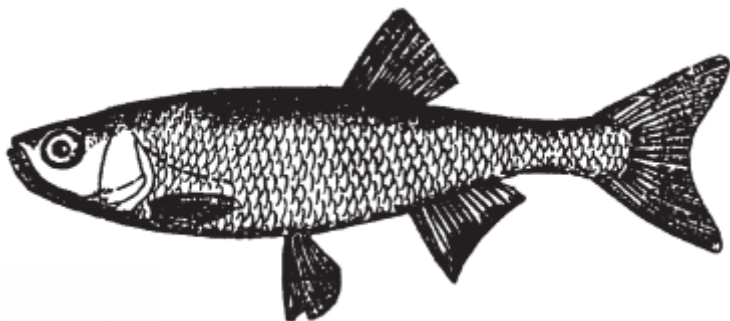

Рис. 187. Верховка

Из всех наших рыб верховка, конечно, имеет наименьшую величину. Поэтому распространение ее в России еще мало известно, тем более что ее часто смешивают с молодой уклейкою, с которой она действительно представляет большое сходство. При всем том ее нетрудно отличить от последней; не говоря уже о том, что она несравненно менее уклейки и в редких случаях достигает величины более трех

дюймов (от глаза до начала хвоста), как на рисунке, верховка имеет отнюдь не более широкое туловище, более широкую спину и несравненно более толстую голову. Число глоточных зубов у верховки не всегда постоянно, как у других карповых рыб, но всегда их бывает менее, нежели у уклейки; всего нагляднее отличается эта рыбка от молодой уклейки своею очень короткою боковою линиею, которая редко идет далее 12-й чешуи. Все это служит причиною, что верховку относят к совершенно особому роду *Leucaspius*. Кроме того, следует заметить, что нижняя челюсть овсянки, поднятая кверху, очень широка, плоска и входит в выемку верхней челюсти. Голова ее окрашена более темным цветом и довольно резко отделяется от зеленовато-желтой спины; цвет этой рыбки, как всегда, изменяется сообразно свойствам воды и дна водоема, и в озерах с мергелистым грунтом она светлее, белесее, чем в иловатых прудах. Бока и брюхо (острое между брюшным и заднепроходным плавниками) покрыты серебристою, очень легко спадающею чешуею; от глаз до конца хвоста, выше середины тела, идет тонкая синеватая полоска, не всегда, впрочем, заметная; плавники все бледного цвета.

Овсянка встречается, по-видимому, в более южных частях Средней Европы, а также и Средней России. Она водится во многих местностях Германии и Австрии, а у нас – в Польше, остзейских и некоторых великорусских губерниях и Малороссии. По Кесслеру, она найдена и в Закавказском крае. Впервые она упоминается Аксаковым под названием верховки, затем она была открыта в Полтавской губернии проф. Чернаем, который назвал ее *Aspius owsianka*. Северную границу ее составляет, вероятно, бассейн Западной Двины и северные притоки Волги, где она известна до сих пор только в водах Московской, Владимирской, Казанской и Симбирской губ. В Оренбургской губернии (Уфимской) Аксаков никогда не встречал верховки, но очень может быть, что рыбка, найденная Арендтом в Пермской губ. (в р. Березовке), названная им *Cyprinus Fischeri*, принадлежит к этому виду. За Уралом, в озерах, я не замечал ее. Распространение этой небольшой рыбки почти так же мало известно у нас (ее обыкновенно смешивают с молодью другой рыбы, а большею частью с молодой уклейкой), как распространение горчача, и потому обращаем на них внимание любознательных читателей. В окрестностях Москвы верховка весьма обыкновенна и встречается как во всех реках, так и озерах и больших прудах и замечается там в огромном количестве начиная с ранней весны до поздней осени. Иногда даже она замечается в ямах у кирпичных сараев и в болотах; по моим наблюдениям в центральных губерниях, она встречается там, где может жить только карась. Овсянка выбирает вообще глубокие и тихие места реки (заводы и старицы) или пруда с песчаным, еще лучше иловатым дном и постоянно держится на самой поверхности. Здесь она плавает иногда (в больших озерах) огромными стаями, беспрестанно снует взад и вперед и то выставляет голову из воды, то ложится на бок, блестя на солнце синевато-серебристой белизною – точно как будто всплыла уснувшая рыбка. Пища верховок состоит из насекомых и всяких мелких частиц, падающих в воду: они схватывают решительно все, что им попадает; стоит только бросить что-нибудь в воду, как они стремглав бросаются на шум и всплеск, окружают упавший предмет – будь это хоть щепка; куски хлеба верховки быстро разрывают на мелкие части, гоняются друг за другом, отнимают крошки, подхватывают тонущие на дно. Вообще они находятся в беспрестанном движении, отличаются своею прожорливостью, крайним любопытством и менее всех рыб смущаются присутствием человека. Судя по всему, они очень вредны для прудов, т. к. сами не приносят почти никакой пользы, а между тем в большом количестве истребляют икру карасей. Чрезмерному размножению их препятствуют наружные и внутренние паразиты. Так, например, в пруду Петровской академии верховки, прежде весьма многочисленные, теперь почти совсем перевелись (кажется, от паразитов на жабрах). В Сенежском озере Клинского уезда в 1887 году почти все

пойманные верховки казались пузатым – так они были набиты плоскими глистами (в 1/2 в. и более), которых бывало до 7–10. Вероятно, эти глисты были причиной мора, т. к. теперь в Сенеже нет и десятой доли того количества верховок, какое было прежде.

Рис. 188. Глоточные зубы верховки

Нерест верховки замечается в апреле (?) или в мае, под Москвою даже не ранее конца этого месяца, а большею частью в июне, причем затягивается до начала июля, почему надо полагать, что верховки выметывают икру в несколько приемов. Самка всегда много крупнее молошников и шире их. Икру верховок я находил на корнях папоротника, там же, где и икру прудовой уклейки; икринки очень малы (с маковое зерно) и бесцветны, и (в аквариуме) рыбки выклеваются из них через 5 дней. Мечут икру только двухгодовалые (позднее 3–4-летней), а годовалые рыбки (достигающие 11/2дюйма) икры и молок не имеют. Замечательно, что в некоторых прудах верховка после нереста совершенно как бы пропадает на 2–3 недели (например, на пруду Шибаевской мел ьницы, близ Кузьминок, под Москвой). Кажется, она уходит в верховья пруда. Перед нерестом стаи верховок совершают какие-то странные эволюции на поверхности, а именно вся стая (иногда в несколько десятков тысяч, как, например, на Сенежском озере) движется на самой поверхности, так что издали кажется темным пятном, зигзагами, причем рыбки часто выпрыгивают. Если в это время выстрелить или ударить веслом, вся стая, как по команде, выпрыгивает из воды. Впрочем, верховка, как и все рыбы, плавающие на поверхности, всегда весьма восприимчива к резким звукам и при выстреле, например, разом выпрыгивает на воздух. Кажется, самый нерест совершается ночью или ранним утром. Летом, по крайней мере, верховка ночью бывает так же оживлена, как и днем, но замечается уже не около травы, а на самых открытых местах; присутствие этой рыбки сказывается небольшими водоворотами, оставляемыми ею после того, как она схватит что-нибудь на поверхности. В ветреную погоду верховка держится всегда у берегов в затишье, на пол-аршина от поверхности и более; в это время ее можно найти только на подветренной стороне. Позднею осенью, незадолго до замерзания, верховка исчезает; вероятно, она зимует в камыше и тростнике. Впрочем, зимою ее ловят в большом количестве для аквариумов из прорубей в небольших прудах и даже в кирпичных ямах.

По причине своего небольшого роста верховка почти нигде не ловится ни сетями, ни на удочку и в пищу не употребляется. Ее ловят частыми бреднями и наметками только для насадки на окуней, для которых она составляет любимую пищу. Но т. к. верховка местами (в больших озерах, например, в Сенеже) встречается в огромном количестве и даже в бредни попадает чуть не пудами, то в таких местах ее было бы не безвыгодно ловить (вместе с окунем-селетком) осенью и сушить на продажу. В качестве насадки для окуня (в прудах и озерах) верховка незаменима, ибо дольше других мелких рыбок (молоди плотвы, уклейки и др.) живет на речке и ее легко перевозить живую на большие расстояния, почти так же легко, как карасиков, на которых, однако, окунь берет далеко не так жадно. Где много верховки, там окунь почти не обращает внимания на червей. По этой причине меньше добыть ее вовремя и в достаточном количестве весьма важно для охотника-рыболова.

Кроме бредня, снасти слишком громоздкой и неудобной, верховку у нас под

Москвой ловят частыми наметками или сачками. Прудовая верховка так проста и смела, что стоит, заметив стаю, взмутить воду наметкой или даже поболтать ею в воде, как стайка бросается в эту муть и образовавшийся водоворот, и можно бывает зараз выхватить из воды несколько десятков рыбок. Ловить наметкой надо или с купальных мостков, или с плота, или же входить в воду, т. к. верховка редко подходит к самому берегу и вообще не любит очень мелкого места и густой травы. Иногда удается наловить верховок небольшим сачком из марли, но случается (в небольших озерах верховка всегда дичее и на шум почти не идет), что верховка таким образом не ловится. Тогда приходится ловить ее иначе и уже не выжидать, пока она набежит в сеть (опускаемую на четверть от поверхности, почти параллельно последней), а стараться прижать стайку к траве, берегу, купальне и затем разом выхватить сетку. Так как верховка очень проворная и увертливая рыбка, то поймать ее таким образом гораздо труднее, чем, например, прошлогоднюю молодь плотвы, и необходимо действовать наметкой быстрее и притом поворачивать то один, то другой угол наметки. При ловле загоном наметка должна идти глубже, чем при ловле подъемом. Еще лучше ловить верховку и вообще малявку, как она у нас зовется под Москвой, наметкой с подъема, положив в нее комок смятого хлеба и подбрасывая крошки или манную крупу. Иногда верховку ловят весьма успешно, опуская на палке решето, натертое мукой. Но всего более можно изловить ее четырехугольной подъемной сеткой с прикормкой (см. «Пескарь»), причем дно сетки должно быть очень часто (чтобы только проходил карандаш). Сетку эту опускают также на четверть или пол-аршина от поверхности. Главное при ловле малявки – это не замять ее и отнюдь не брать ее пальцами, т. к. такая скоро засыпает, особенно в жаркую погоду. Я всегда приделываю внизу наметки жестяную чашечку или сломанную воронку (вершка в 1 1/2–2 диаметром) с несколькими небольшими дырочками, так что пойманные верховки могут плавать в этой чашке, и затем, взяв ее руками, опрокидываю в ведро.

Немятая верховка может быть неделями в чанах, особенно осенью, но следует заметить, что после нереста и в очень жаркие дни она много хлипче обыкновенного. Кроме того, в одних прудах верховки крепче, чем в других (чем белесее, тем слабее). Перевозить ее на место ловли, как и живцов, т. е. более крупных рыбок, лучше всего в деревянных (дубовых) ведрах, а если в железных, то обмотанных мокрой тряпкой; при этом необходимо, как только все рыбки всплывут и начнут глотать воздух (если нельзя переменить или подлить свежей воды), продуть воду (отрывисто, конечно) гуттаперчевой или другой узенькой трубкой; весьма удобно, если гуттаперчевая трубка оканчивается шаром, во многих местах проткнутым тонкою иглою. Продувание может совершаться рукой. Окунь, впрочем, хорошо берет и на мертвую малявку, и особенной надобности в подобной возне не имеет я.

Гораздо удобнее, если место лова отдаленно и на нем можно рисковать не достать вовсе малявки, возить свежепросоленную, на которую окунь берет гораздо лучше, чем на снулую, побелевшую и со вспученным животом. Для этого накануне или за день до лова только что пойманных верховок надо опустить в самый крепкий рассол. Такая соленая верховка не теряет своего цвета и держится (через день и два) на крючке не слабее, чем давно уснувшая. Соленый вкус ее, по-видимому, весьма нравится окуням. Верховка, пойманная бреднями (вообще если она выбирается руками), долго не живет, и, запасая ее на месте лова с вечера, нельзя рассчитывать на живую, а потому выгоднее складывать ее без воды на ледник. Зимой, особенно ближе к весне, верховок можно ловить массами из прорубей в прудиках и ямах.

Чехонь

Pelecus cultratus. Почти по всей России – чехонь или чеша; на Ильмени также – чеся, в Белоозере – чешка, местами – боковня, боковица, костурь; в Малороссии неправильно – оселедец, а в Казанск. губ. – бешенка; в Брянске – сельдь; по Сяси – сигава мать (!). От Твери до Углича – сабля, сабляница; от Рыбинска – чехонь и косарь (тоже в Орле); в Саратове – русская; на Дону – бандыш (Даль) и саблюка; в Новороссии и Подольск. губ. – сабля, шабель; в Очакове – свистуха. В Польше – коса, коштур, костурь, боковица. Лит. – ошка, ошас; латыш. – казе. Финск. – миеккакала; тат. – кильчак; калм. – улдое, ульдон, ульдю-сагассан.

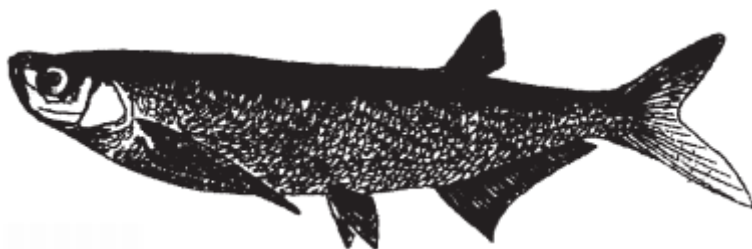

Рис. 189. Чехонь

Как видно из названий и по рисунку, чехонь имеет некоторое сходство с саблей, или, вернее, косарем, и отчасти напоминает селедку. Коренное же название этой рыбы, по мнению некоторых, происходит от слова «чешуя», которая у нее легко спадает и потому обращает на себя внимание, но вернее предположить, что и чеша и чехонь даны ей тоже по форме тела и происходят от тесать, теша, где трудно выговариваемое т заменилось буквою ч.

По форме своего удлинённого и сильно сплюснённого тела чехонь легко отличается от других карповых рыб; спина у нее почти совершенно прямая, брюхо очень выпукло, остро, и вся рыба представляет большое сходство с бердышом или короткою саблею. Боковая линия у чехони лежит очень близко к брюху и притом идет не прямо, а зигзагами. Спина у нее серовато-бурая, бока и брюхо серебристо-белые, спинной и хвостовой плавники серые, нижние имеют красноватый оттенок; глаза серебристые. Чехонь достигает значительной величины – до аршина, но никогда будто не бывает тяжелее трех фунтов; большею частью она имеет в величину около 1 1/2 фута и весит не более 1 1/2 фунта.

Рыба эта имеет довольно ограниченное распространение. Она встречается исключительно в реках Черного, Азовского, Каспийского морей, также в Аральском море и в среднем и нижнем течении Сырдарьи. В реках Балтийского моря она встречается уже гораздо реже, а на севере ее нет вовсе. Вообще чехонь принадлежит исключительно Средней и особенно Южной России, и здесь, за исключением Кубани, в которую входит в небольшом числе, Куры и некоторых других собственно кавказских рек, принадлежит к числу самых обыкновенных рыб. В Германии она редка и замечается большею частью у устьев рек, впадающих в Балтийское море (Эльба, Висла); в Австрии попадается в Дунае, где изредка доходит до верхнего ее течения; весьма замечательно, что она всего многочисленнее здесь в Платенском озере, где ловится и употребляется в большом количестве в пищу бедным классом населения. На запад чехонь, по-видимому, не доходит до Рейна, а также вовсе не встречается в Швеции, Англии и всей Южной Европе. У нас северная граница распространения этой рыбы проходит по Финскому заливу, Неве, южной части Ладожского озера и р. Свири; в озере Ильмень она нередка, особенно зимой, и встречается даже в его заливах. На Мсте чехонь попадается изредка весной, в Онежском озере она уже никогда не замечается. В южно-русских реках, а также Волге чехонь водится в наибольшем количестве в низовьях, в устьях, а также в самом море, т. к. не избегает соленой воды, даже, пожалуй, предпочитает ее речной;

однако в Южном Каспии она встречается очень редко. В Тереке она обыкновенна, но неизвестно, как часто попадает в Урале. Из Волги она заходит во все более значительные реки: Уфу, Белую, Каму, Вятку до города Вятки, в Оку до Калуги, а годом и до Орла, в Свиягу, в Унжу, Ветлугу, Кострому, Шексну до Белоозера, Мологу и даже Тверцу, но выше Твери чехонь уже вовсе неизвестна. В северной части Азовского моря чехонь весьма многочисленна и идет отсюда в Дон, откуда заходит изредка в Донец до Изюма, но в Кубани ловится в весьма небольшом количестве. В Днепре она тоже весьма обыкновенна только в низовьях и лимане и не доходит до Смоленска, хотя нередко замечается в Десне под Брянском; около Чернигова же она прежде по крайней мере замечалась во множестве. В Днестре, Буге, Пруте и Дунае эта рыба встречается значительно реже.

Вообще чехонь любит простор и держится преимущественно в больших реках, внутренних морях, реже в больших озерах (Ладожском, Ильмене, Платенском), а в небольшие реки почти никогда не заходит. Осенью и весной она совершает очень большие путешествия вверх и вниз по рекам, собирается тогда в огромные табуны и ловится в громадном количестве. Большею частью она живет в самых глубоких и быстрых местах реки и в самых широких рукавах (в низовьях Волги), летом также в чернях и морских заливах и никогда не заходит в поемные места, заливные озера и ильмени. Плавает очень быстро и нередко выскакивает из воды, гоняясь за насекомыми и мелкими рыбками, которых очень часто находят в ее желудке. Большею частью ей достаются в добычу мелкие уклейки и молодь некоторых других рыб, но главную пищу чехони все-таки составляют разные черви и насекомые; во время падения метлицы на Шексне, Мологе и других второстепенных реках Средней России она кормится исключительно этими перепончатокрылым и. Продолжительность жизни ее незначительна, но все-таки она живет не менее десяти лет, а не 4–5, как это предполагает Геккель. Плодовитою чехонь делается, по-видимому, еще не достигнув двухлетнего возраста, т. к. растет чрезвычайно быстро. По крайней мере в низовьях Волги в январе, т. е. на 9-й м. своей жизни, она достигает уже почти половины своего роста, именно 20 см.

Главный лов чехони происходит весной, также осенью, исключительно в низовьях рек, – неводами и другими сетями. Иногда попадает она и на удочку, наживленную червяком и закинутую на быстрине и глубоких местах реки. Клев ее сходен с клевом уклейки, но гораздо вернее; удочка также пускается очень мелко, т. к. чеша держится у самой поверхности воды. Где ее много, она берет беспрестанно, особенно в начале лета, так что в короткое время можно выудить несколько сот штук этой рыбы. Данилевский был однажды свидетелем, как хорошо ловится она на удочку. При переправе через Миусское горло (в Азовском море) ему пришлось ждать парома, бывшего на той стороне пролива, и в это время мальчик успел натаскать с плота обыкновенной удочкой более полутора десятков чехони. Он их нанизывал на веревку и, чтобы иметь живыми, опускал в воду. От тяжести веревка оборвалась, и рыба пропала. Мальчик, однако, не унывая, продолжал свой лов и в течение менее трех часов наловил более прежнего. Еще в большем количестве ловится чехонь во время падения метлы. На Мологе, по свидетельству Фенютина, иногда случалось, что часа в полтора наживали с последней крайней гонки, ближе к середине реки, до двух пудов этой рыбы. Арсеньев тоже говорит, что на Шексне ему удавалось ловить по 500 штук чехони.

На Десне, в Черниговской губ., не так давно еще чехонь ловилась на удочку во множестве – ночью, когда она стаями подходит к берегу, причем слышно издали ее чмокание. Удят здесь нахлыстом («на свист»), наживляя удочку червяком. Чехонь клюет чрезвычайно резко и всегда сама себя подсекает.

Несмотря на свою костлявость, чехонь очень вкусна, и нежное сладковатое мясо ее весьма уважается на юге, особенно в Малороссии, куда соленая чехонь с давнего

времени привозится с низовьев Днепра и берегов Азовского моря и заменяет для простонародья селедку. По этой причине она принадлежит к довольно ценным карповым рыбам, тем более что сбыт ее с каждым годом увеличивается. До 1868 года в Нижней Волге чехонь шла только на топку жира, и то исключительно осеннего лова, но теперь и здесь ее готовят исключительно малосолом (причем на 1000 рыб полагается до 8 пуд. соли) и отправляют в большом количестве в юго-западные губернии. Изредка ее также готовят впрок вялением и копчением. Улов чехони в Нижней Волге в настоящее время, вероятно, превосходит за увеличением сбыта количество улова в семидесятых годах, когда он доходил до 5 миллионов шт. В свежем виде она может быть сохранена весьма недолгое время и после того, как вынута из воды, засыпает едва ли не скорее других карповых рыб, почему никогда не употребляется для наживы.

Весенний ход чехони в Нижней Волге, под Астраханью, по наблюдениям В. Е. Яковлева, начинается с ранней весны, причем отдельные косячки ее состоят обыкновенно из рыб одного возраста. Трогается она с зимних ям уже в феврале, когда еще Волга бывает покрыта льдом. Эти ранние косяки состоят из мелкой чехони, не крупнее 30–35 сантиметров; крупная же идет позднее – в марте и апреле. Относительно икрометания чехони известно очень мало, и даже время ее нереста не определено с достоверностью. По-видимому, в Южной и Средней России она мечет икру после спада воды в мае, но в Нижней Волге значительно ранее, вероятно в конце марта или в апреле, до разлива, который начинается здесь много позже, чем в верховьях и средней части реки. Во всяком случае, чехонь нерестится всегда в самой реке, на очень быстрой воде, по перекатам, отмелям и песчаным косам; по словам сведущих ловцов, нерест происходит по утренним зорям, перед восходом солнца, преимущественно в туманную погоду. В это время она выпрыгивает из воды на поларшина и выше и толчется на одном месте до того густо, что вода кажется кипящей, как в котле. Низовые рыбаки говорят про нее: «Чеша икру бьет, точно огонь сечет». По некоторым наблюдениям можно заключить, что чехонь мечет икру неодновременно; именно более мелкая раньше, а крупная позднее, как это замечается у других рыб. Идущая со взморья чехонь поднимается по Волге невысоко, ибо вступает в реку почти со зрелыми половыми продуктами; за Енотаевск заходят уже очень немногие косяки, так что главная масса рыбы нерестует в самых устьях. Надо полагать поэтому, что чехонь, встречающаяся весной в Средней и частью Верхней Волге, принадлежит уже к оседлым, а не проходным рыбам, как нижеволжская. О ходе и нересте чехони как в Средней Волге, так и на Дону и Днепре почти ничего неизвестно, и здесь требуются наблюдения. В Дон она идет, по словам Данилевского, в мае и продолжает идти до Покрова, но эта продолжительность хода показывает, что, вероятно, речь идет о ходе чехони после нереста. По другим сведениям («Статистическое описание Донск. обл.»), чехонь трется в мае, иногда в начале июня. Икра чехони, конечно, не прикрепляется к подводным предметам и сносится течением вниз, так что развитие мальков совершается во время этого путешествия и молодь вылупляется на сотни верст ниже места нереста. В самой средней величины насчитывается до 100 тыс. икринок (яички прозрачные, в 2 мм диаметром), так что чехонь принадлежит к числу сравнительно весьма плодовитых рыб.

Выметав икру, рыба вместе с выклюнувшимися по дороге мальками скатывается в черни, т. е. на взморье. На некоторое время чехонь в Нижней Волге как бы совершенно пропадает; она начинает входить в нее вновь с конца июля и идет всю осень до заморозков. Впрочем, на зимовку главные массы ее в Волгу не входят, а располагаются в чернях, перед самыми устьями. Зимует чехонь всегда на тиховодных местах, где и залегают огромными косяками, в несколько десятков тысяч штук. Если зима теплая, то рыба лежит некрепко и переходит с места на

место, подвигаясь исподволь ближе к реке. Ловцы считают чехонь предвестницей хода судака; если она тронулась, вслед за нею тотчас же трогается судак. Вероятно, эта связь между чехонью и судаком зависит от того, что чехонь составляет любимую пищу судака низовьев Волги.

Вьюн

Cobitis fossilis. Вьюн, красный, краснобрюхий вьюн, также – пискун, пищуха (Сура). В Осташкове – пискарь, местами неправильно – угорь, а в Невельск. у. Витебской губ. – голец. В Польше – пискорж. Лит. – пиписис, тат. – эт-балык (собачья рыба). У казанск. чуваш. – кутан, черемис. – кышка-кол.

Рис. 190. Вьюн

Вьюн служит главным представителем небольшой группы рыбок, которые характеризуются удлинённым телом, покрытым очень мелкою, гладкою чешуею, а иногда и вовсе без чешуи, небольш ими глазами, небольшими жаберными отверстиями и нитевидными усиками на мягких губах. По этим, а также некоторым анатомическим признакам все вьюны отделяются в семейство *Acanthopsides*.

По своему наружному виду вьюн несколько напоминает угря или змею; самое название его показывает его способность извиваться подобно последним. По этой причине он употребляется в пищу только местами и вообще находится в большом пренебрежении, чего, однако, вовсе не заслуживает. Тело вьюна очень длинное, спереди почти цилиндрическое; несколько обращенный вниз рот окружен десятью усиками, из коих 6 самых больших находятся на верхней, а четыре на нижней губе; все плавники у него более или менее закруглены, брюшные лежат далеко позади грудных и имеют незначительную величину; чешуя очень мелка и т. к. всегда бывает покрыта толстым слоем слизи, то и вовсе незаметна. Спина у вьюна желтовато-бурая с черными крапинками, брюхо желтое, иногда даже красноватое, а по бокам туловища тянутся три продольные черные полосы, из которых средняя гораздо шире крайних; все плавники бурые с черноватыми крапинками; глаза желтые, очень маленькие. Вьюны, перемещенные в проточную или чистую воду, получают более яркие цвета. Изредка встречаются белые выродки – вьюны-альбиносы. Обыкновенная величина вьюна около 8–9 дюймов, но иногда он достигает более фута в длину и бывает толщиной в большой палец.

Распространение этой рыбы довольно ограничено. Вьюн встречается только в Средней и Восточной, а в Северной, Западной и Юго-Западной Европе, кажется, вовсе не водится, т. к. крайне редок в Восточной Франции, вовсе не замечен в Англии и в Северной России. В Сибири и Туркестанском крае его вовсе нет, но, по некоторым сведениям, вьюн встречается под Екатеринбургом и в некоторых речках восточного склона Екатеринбургского Урала; вероятно, он перешел через хребет весьма недавно. Возможность этого перехода подтверждается тем, что он чаще всех других рыб встречается в почти пересыхающих болотах, а болота в Уральских горах нередко дают начало речкам, принадлежащим к двум различным бассейнам – Обскому и Волжскому. На западном склоне Урала вьюн довольно обыкновенен во всех иловатых и болотистых речках; в реках, изливающихся в Белое и Ледовитое

моря, также в Финляндии его недостает; даже в Петербургской губ. он принадлежит к редким рыбам и несколько чаще встречается в Кронштадтском заливе и Пейпусе. В наибольшем количестве вьюн водится в болотистых речках, болотах и канавах того огромного края, который известен под названием Пинских болот и Полесья; во множестве ловится он также на Днепровских плавнях (заливах); весьма странно, однако, что не был еще до сих пор найден в низовьях Волги. В Кубани эта рыба еще довольно обыкновенна, но вовсе не встречается в крымских и кавказских реках. Под Москвой вьюн встречается во многих заливных озерах, в болотистых прудах, но в реках очень редок. Всего многочисленнее он в Дмитровском уезде.

Вьюн любит тихую воду и тинистое дно, и потому главное местопребывание его составляют болотистые, медленно текущие речки, тихие заводи больших рек, глухие протоки, иловатые пруды и озера, часто каналы и болота, где уже немислимо существование какой-либо другой рыбы, не исключая и карася. Вьюн еще живучее последнего и может очень долго прожить во влажной тине, остающейся на дне высохших озер, ям и болот. Вообще он постоянно держится на дне воды, часто совсем зарывается в тину и здесь же отыскивает себе пищу, которая обыкновенно состоит из червяков, личинок насекомых, мелких двустворчатых моллюсков, а также и самого ила. На поверхность он выходит только перед наступлением ненастья или грозы, и по этой способности предугадывать погоду иногда за сутки его нередко держат в комнатах в банке с водой. Для рыбакова это самый лучший, верный и дешевый барометр. Другая замечательная особенность вьюна, послужившая к названию его пискуном, заключается в том, что он, если его взять в руки, издает слабый писк. Это, очевидно, происходит от способности набирать воздух в щеприемный канал, что подтверждают вьюны, которые содержатся в банке с не совсем свежей водой: тогда они время от времени выходят на поверхность, высовывают голову из воды, глотают воздух и сейчас же с шумом выпускают его через заднее отверстие. Это пропускание воздуха через щеприемный канал как бы заменяет собою дыхание жабрами.

Время нереста вьюна достоверно неизвестно. По одним наблюдениям, он мечет икру зимою, в декабре, по другим – весною, по третьим – два раза в год – зимою и в мае; но всего вероятнее, что он начинает нереститься очень рано весною – в марте и что нерест его длится весьма долгое время. Буроватые яйца вьюна весьма многочисленны (около 150 тыс.) и прикрепляются обыкновенно к водяным растениям. Такое количество яиц объясняет необычайное множество вьюна в тех местностях, где он находится в безопасности от хищных рыб, особенно щук и налимов.

В Средней и Восточной России никто не занимается ловлею вьюнов и весьма немногие употребляют его в пищу, но в Юго-Западной и Северо-Западной России, особенно в Минской губ., они составляют главную рыбную пищу крестьян и ловятся в тамошних болотах и болотистых реках в громадном количестве, так что фунт сушеных вьюнов не так давно стоил 1/2 коп. Как, однако, ловят их в этих местностях – неизвестно; вероятнее всего, в частые морды, а зимою сачками из отдушин-прорубей, к которым вьюны собираются в большом количестве, выходя из ила, в который закопались на зиму. Этим последним способом ловят как в Смоленской губ., где вьюнов тоже множество в болотистых речках, так и во Владимирской губ., откуда мелких вьюнов привозят в Москву для аквариумов. Впрочем, вьюнов много и в болотах Дмитровского уезда Московской губ., о чем упоминал еще Озерецковский. В приднепровских озерах и плавнях, по словам Середы, вьюны будто бы имеют обыкновение собираться в мелководные болотистые места, чтобы своим скоплением в несметную массу препятствовать замерзанию воды. Это заключает он из того, что обыкновенно в тех местах, где зимний притон их, лед бывает очень тонок, так что не выдерживает тяжести человека. Однажды,

провалившись в таком месте, он имел случай наблюдать, как вьюны не только не старались уплыть, но с писком и суетою стремились в образовавшееся отверстие; масса вьюнов все увеличивалась и увеличивалась, и можно было брать их чем угодно и сколько угодно. Весьма возможно, что вьюны массами зарываются в ил в родниках. Под Москвою вьюнов ловят в поемных озерах, опуская в проруби корзины с паклею, куда они и забиваются.

Там, где вьюнов много, они отлично берут на удочку, на червя, со дна на небольшие крючки и легкие поплавки; иногда они даже хватают голый крючок, и наловить их можно сколько угодно. Клюют вьюны как днем, так и ночью. Но охотников до ловли этой рыбы немного; больше, кажется, ее удят в качестве очень хорошей и крайне живучей насадки для щуки, сома и в особенности угря, который едва ли не предпочитает вьюнов другой рыбе. С этой целью их можно держать в запасе в большом количестве целую неделю. Только надо наливать в ведро не более одного-двух вершков воды, положить сверху свежей травы – пырея, крапивы, осоки – и менять воду раза два в день.

Мясо вьюна очень жирно, мягко, но легковаримо и имеет сладковатый вкус, хотя почти всегда отзывается тиной, почему их лучше некоторое время продержать в сажалке в проточной воде или счистить предварительно слизь золой. У нас вьюнов, где их много, больше варят для ухи, реже жарят; немцы обыкновенно варят их в уксусе или пиве. Во Франции, где вьюн вообще редок, он почему-то особенно уважается гастрономами, по мнению которых, будто «ничто не может сравниться с вьюном, уснувшим в вине или в молоке» (J. Fisher).

Голец

Sobitis barbatula. Большею частью – голец, оголец, иногда – подкаменщик, неправ. – пескарь; на Онежском оз. – усатый подкаменник; в Нарве – крымпа; в Тверск. губ. – голый вьюн, усач; в Романовск. у. Ярославск. губ. – косач; в Роси (у Белой Церкви), также в р. Сити (Моложск. у.) – лежень, леженок, на Сити также – менек; в Пензенск. губ. (Даль) – музляй; на Суре – лашки; в Малороссии – авдюшка, авдотка, евдотка, евдюшка, удотка. В Польше – шлиз, шлизик. Финск. – яуготурпа, кивеннуолянен, кутуриима; эст. – вингриас; у каз. черемис. – пигол, пондербе, а у чуваш. – тюкле-шамба; тат. – ит-балык, у Фалька – еланча, таш-беш. На р. Кондоме Кузнец. окр. – селем или сагалак.

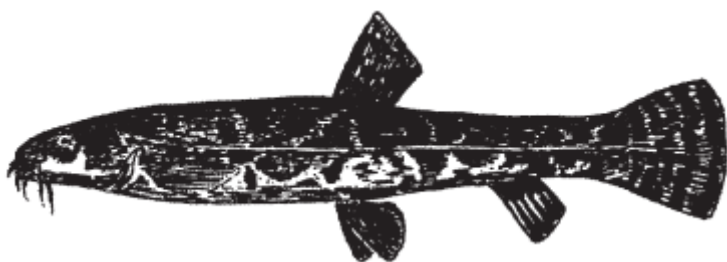

Рис. 191. Голец

Голец легко отличается от других вьюнов своим брусковатым и почти голым телом, откуда, конечно, и произошло его название; только бока туловища покрыты чрезвычайно мелкими чешуйками, которые притом лежат отдельно, не накрывая одна другую; боковая линия тоже голая; высота тела немного только больше толщины; на верхней губе находится 6 усиков, из которых 4 средних очень сближены между собою, а 2 крайних сидят в углах рта.

По своему цвету голец подвержен значительным изменениям, которые зависят как от возраста, так и его местообитания. Так, в речках с песчаным и каменистым дном

он бывает всегда светлее, желтее, нежели, когда живет в непроточной тинистой воде; молодые же всегда значительно пестрее взрослых; кроме того, гольцы, живущие на юге, всегда бывают несколько бурее, нежели на севере. Обыкновенно спина и бока туловища серовато-желтые с зеленовато-бурыми пятнышками различной формы и величины, которые большею частью сливаются с каждой стороны в продольную широкую ленту, а иногда образуют поперечные полосы; на голове с каждой стороны от края глаза к основанию средних усиков идет темная полоска; на нижней части основания хвостового плавника с каждой стороны находится черноватое пятно. Все плавники бывают испещрены рядами темных пятнышек или же сплошными темными полосками и только брюшные и заднепроходный остаются иногда желтовато-белыми без пятнышек. По величине своей голец принадлежит к самым небольшим рыбкам и в весьма редких случаях достигает трех вершков длины и толщины большого пальца; обыкновенно он бывает вдвое менее.

Рыба эта водится почти во всех странах Европы (за исключением, быть может, только самых южных частей ее), также в Западной Сибири. У нас он водится повсеместно как на севере, так и на юге и в Финляндии доходит до 65° с. ш. Притом он, за исключением немногих местностей, как, например, в Зауральском крае, встречается решительно всюду как в речках и ручьях, где вместе с гольяном доходит до самых истоков, так и в проточных озерах и прудах. Гонец крайне неразборчив относительно качества воды и живет одинаково хорошо и в холодных родниковых источниках, и в тинистой теплой воде копаных прудов, где иногда размножается до невероятного множества. Так, по крайней мере, у нас в России, но в Средней Европе, также в Пермской и Оренбургской губерниях, за Уральским хребтом голец живет исключительно в проточной воде и в стоячей воде вовсе не попадается; за Уралом он крайне редок, даже в проточных озерах, и придерживается исключительно небольших речек. Североуральские гольцы, впрочем, несколько отличаются от среднерусского гольца и, вероятно, составляют другой вид.

Но как в тинистых стоячих, так и чистых быстротекущих водах голец держится постоянно на дне воды и хотя плавает очень быстро, но большею частью лежит неподвижно и прячется между камнями, корягами и мохом, часто зарывается в тину, песок, под берег или делает себе норки под камнями и залезает в трещины, отчего у него плавники кажутся иногда как бы обитыми. В небольших речках голец редко встречается стаями, а больше – в одиночку в заливах, у перекатов, обыкновенно на небольшой глубине; в прудах и озерах он, напротив, встречается в гораздо большем количестве и придерживается уже более глубокой воды, особенно зимою; тогда он собирается большими массами в омуточках рек и глубоких ямах на прудах, зарывается в тину и выходит оттуда только к весне, перед вскрытием; впрочем, в незамерзающих речках он, кажется, всю зиму встречается на перекатах. В мелких прудах, вымерзающих почти до самого дна, но очень иловатых, голец выдерживает зиму так же хорошо, как и карась. Вообще он отличается своею живучестью и при пересыхании болотистых ручьев еще долго живет во влажной земле. Когда вода в прудах очень нагревается летом, голец всплывает кверху и начинает метаться на поверхности. Этим пользуются вороны и ловко, на лету, выхватывают их из воды. Пища его состоит из водяных насекомых, червяков, также икры других рыб; в особенности вреден он в копаных прудах, где размножается во множестве и истребляет икру карасей в таком количестве, что иногда вовсе переводит эту рыбу. Особенно многочислен голец в некоторых подмосковных прудах (Кусковском, прудах Петровской академии и др.), и ввиду вреда, им приносимого, в пруды эти следовало бы пустить, хотя бы на лето, шук или окуней. Несомненно, что сравнительная малочисленность гольца в речках, составляющих его коренное местопребывание, объясняется его беззащитностью от этих хищников, также налима, форели, даже голавлей; если голец еще встречается здесь, то благодаря тому,

что днем прячется и выходит кормиться только ночью. В прудах же он, несомненно, ведет более открытый, дневной образ жизни. Беззащитность этих рыбок очевидна из того, что они не могут спастись бегством, ибо в состоянии проплыть очень небольшие расстояния, хотя и очень быстро. Подобно вьюну, голец весьма чувствителен к переменам погоды. Тогда он беспрестанно поднимается со дна к поверхности, вернее, взвивается кверху, набирает в рот воздуха и затем обратно падает в воду, подобно палке. Особенно беспокоится он перед началом и во время грозы. Несомненно, электричество оказывает более сильное действие на рыб, живущих на самом дне, чем на рыб, придерживающихся верхних слоев воды.

Рис. 192. Балхашский губач

Гольцы нерестятся довольно рано, большею частью в апреле, реже в мае, и икра их весьма многочисленна. В речках они мечут икру на перекатах, а в прудах для этой цели входят в весенние ручейки и канавки. В апреле я встречал их во множестве в канавах, сообщающихся с прудами Петровской академии. Они, несомненно, в это время нерестятся, но как происходит нерест – мне подметить не удалось. По Лейнису, самец вырывает в песке яму, в которую самка кладет икру; оплодотворенная икра будто оберегается самцом до вылупления молодых. Наблюдение это, однако, требует проверки. По незначительной величине гольца на него мало обращают внимания и редко занимаются его ловлею. В большом количестве они ловятся как бредниками и наметками, так и удочкой только в прудах; в речках гольцы всегда малочисленны и редко берут на удочку. В прудах же, где голец, как мы уже говорили, разводится до невероятного количества, он клюет беспрестанно, во всякое время дня, с мая до поздней осени, всего лучше на красного навозного червяка с небольшим хвостиком или на мотыля, очень редко на хлеб, но не иначе как со дна. Клев его довольно верен, но очень тих, так что поплавок едва погружается в воду или медленно плывет в сторону.

По своей живучести и мягкости голец всюду, бесспорно, составляет самую лучшую насадку для хищных рыб, особенно налимов и форелей; местами, где его много, окунь берет преимущественно на эту рыбку, также и голавль. Насаживают гольца или за спинку, причем крючком осторожно задевают кожу в двух местах, или за губу. При ловле на гольца надо иметь в виду, что он имеет привычку забиваться в камни и вообще прятаться. При ужении голавлей и окуней на сильном течении, где они берут с срыву и часто стаскивают живца, гольцов благоразумнее насаживать на известную снасточку из трех небольших крючков на поводке из жилки. Это, бесспорно, один из самых прочных живцов во всех отношениях: гольца при мясистости его губ сорвать трудно, а живет он еще дольше пескаря. Его нетрудно сохранить довольно долго живым в мокрой траве на погребке.

Гольцы очень вкусны и удобоваримы и местами употребляются в пищу в большом количестве; всегда лучше уха из них, особенно рекомендуемая для больных и выздоравливающих, но гольцов также жарят и маринуют. В Германии эта рыба пользуется большим уважением, и здесь гастрономы, так же как и вьюна, советуют класть их живыми в молоко или вино; затем, сварив их в соленой воде с лимоном, поливают уксусом, отчего гольцы принимают красивый голубой цвет. В некоторых местностях Средней Европы (например, в Богемии) гольцов даже разводят в ключевых ямах, от 6 до 10 арш. длины, 2–3 глубины и 4 ширины, причем дно

устилают мелким хрящом и кладут сюда несколько крупных камней. Проток из ямы перегораживают плетнем (чтобы не ушла рыба), который по краям обкладывается овечьим пометом, служащим пищею разводимой рыбе. Впрочем, ее также кормят, кроме того, различного рода масляными выжимками (избоиной), маковым семенем и даже плитками клея. Для скорейшего размножения этих рыбок, очень падких до своей икры, лучше всего содержать их в трех ямах, находящихся в связи: одна служит для нереста, другая для молоди, третья для откармливания взрослых гольцов.

Остается сказать несколько слов о близких к гольцу видах. Из них в Крыму и на Кавказе встречается так называемый вырезохвостый вьюн (*Cobitis merga*), который отличается сравнительно более длинным туловищем, более широкою и короткою головою и более коротким хвостовым плавником, посредине приметно вырезанным. Вьюн этот водится во множестве в крымских речках, также в окрестностях Пятигорска и иногда достигает величины 6 дюймов. Очень может быть, что это только горный вариант обыкновенного гольца. Довольно близок к последнему также долгохвостый вьюн (*Cobitis longicauda*), найденный в Акдарье; он отличается еще более удлиненным телом, еще большею величиною, чешуйками на брюхе и очень развитым хвостовым плавником, разделенным вырезкою на 2 неравные лопасти. Кроме этого вида, в Туркестанском крае был и найдены еще два гольца (*Cobitis uranoscopus* и *dorsali*), очень близкие между собою и отличающиеся от вышеозначенных своим совершенно голым телом.

В среднеазиатских озерах (в Балхаше и Алакуле) водятся особые вьюны, отличающиеся толстыми губами, а потому названные губачами и причисленные проф. Кесслером к особому роду (*Diplophysa*).

Подуст

Chondrostoma nasus. По всей Волге – подуст; на Вятке – подузд, на Свияге – монах-рыба; местами (Ярославль) неправильно – клевец, (на Цне) – сиг, конь; в Роси (у Белой Церкви) – хват, на р. Буге – чичула; в Тереке – чернобрюшка, чернопуз (*Ch. oxurrhynchum* (?) Kessl.). В Польше – белорыб, свинка, кривошок, подуста; вог. – багтон (?); груз. – лопота и тоби.

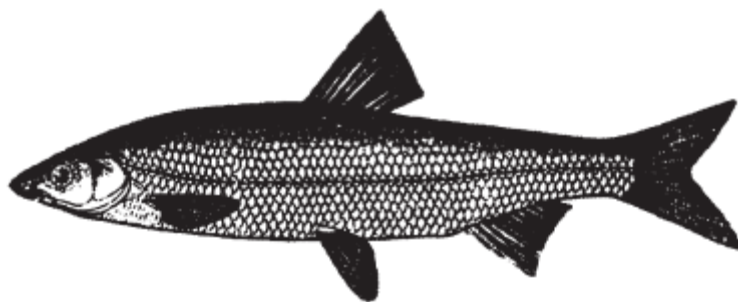

Рис. 193. Подуст

Название «подуст», употребляемое в большей части России, указывает на главную особенность этой рыбы – положение рта, который находится под сильно выдавшимся коническим и хрящеватым носом, в чем он с первого взгляда несколько напоминает уже знакомого нам рыбка, или сырть. Но подуст легко отличается от рыбка своим более брусковатым телом, почти как у голавля, прямым ртом, небольшими глазами и коротким заднепроходным плавником. Кроме того, число глоточных зубов (обыкновенно 6/6) у него более, и зубы эти имеют совсем другую форму и гораздо толще; нижняя губа хрящеватая. Спина у подуста зеленовато-черная, бока и брюхо блестящего серебристого цвета; все плавники, за

исключением черноватого спинного, более или менее красноваты, а хвостовой, кроме того, сверху и снизу имеет черную кайму. Во время нереста, особенно у самцов, все цвета становятся ярче и на углах рта, на жаберной крышке и у основания грудных плавников замечаются оранжевые желтые пятна; с боков, начиная от глаз до конца хвоста, тянется темная полоса, а на чешуях, в свою очередь, образуются черные пятнышки, через что подуст принимает довольно оригинальный вид. Москворецкий подуст, однако, почти вовсе не изменяется в цвете, и никаких полос и пятнышек я на нем не замечал.

Внутренности подуста замечательны тем, что брюшная плева у него более или менее темного черного цвета, который всего интенсивнее кажется во время нереста; отсюда, конечно, и произошли названия чернопуз, чернобрюшка, и по этому признаку его легко можно отличить от всех других рыб.

По величине своей подуст принадлежит к небольшим рыбам и редко достигает более 3 фунтов веса и свыше 10 вершков длины, хотя в исключительных случаях попадаются 4-фунтовые подусты; обыкновенно он бывает значительно менее – около фунта весом и фута длиною. Местопребыванием этой рыбы служат почти все большие реки Европы, за исключением северных ее частей. Сколько известно, подуст водится в Северной Франции, в Бельгии, Германии, Австрии и Италии; в России северную границу его распространения составляет, вероятно, Западная Двина, куда он, быть может, перешел из Березины через Лепельский канал и большие притоки Волги; в Северной и Северо-Западной России он уже вовсе не встречается. В больших реках Каспийского и Черноморского бассейнов подуст принадлежит к более или менее обыкновенным рыбам, но, кажется, нигде не попадает такими массами, как в некоторых местностях Германии и Швейцарии. Всего чаще подуст (вероятно, другой вид – *Ch. variabilis*) встречается, по-видимому, в Куре и Тереке и, вероятно, в Днестре и Буге; по свидетельству проф. Кесслера, подуст весьма многочислен в Днепровских порогах; в Дону он, несмотря на то, что весьма обыкновенен в Донце, довольно редок, а в низовьях Волги если и встречается, то крайне редко и, вероятно, не доходит до устьев. Во всяком случае, обыкновенный подуст вовсе не встречается как в Каспийском море, так и в Черном.

В Каспии встречается уже другой вид или, быть может, сорт подуста – *Chondrostoma variabilis*, отличающийся своими изменчивыми признаками и изменчивым количеством глоточных зубов; по форме тела он более приближается к язю. *Chondrostoma variabilis* изредка заходит в устья Волги, и очень может быть, что уральский подуст принадлежит к этому же виду. О нахождении подуста в Урале до сих пор почти неизвестно. Из письма ко мне г. Зуева видно, однако, что эта рыба в известное (?) время ловится в Урале и Сакмаре в громадном количестве.

В кавказских реках водятся другие виды подуста – остронос (*Chondrostoma oxyrrhynchum* Kessl), который близко подходит к *Ch. variabile*, отличаясь от него более широким телом, приметно большими глазами и более высоким спинным плавником, и *Chondrostoma sugi*, мелкий, тупоносый подуст. Первый вид найден в Куре, Сунже и, вероятно, во всех реках северного склона Кавказского хребта, изливающихся в Каспий, и есть именно чернобрюшка, чернопуз р. Терека. *Chondrostoma sugi* найден в Куре и ее притоках, а также в горных речках западной части Закавказья. Грузинский тоби из бассейна Риона, вероятно, принадлежит к последнему виду, а не к *Ch. oxyrrhynchum*.

В Сибири и Туркестанском крае наш обыкновенный подуст вовсе не встречается, но в Восточной Сибири, в реках, впадающих в Амур, Лену, Индигирку, Колыму и, вероятно, во многих других, он заменяется совершенно особым видом – *Chondrostoma laleo*, называемым в Даурии конем, у якутов и тунгусов – чокучан, у юкагиров – онуча. Он отличается более тупым носом и меньшим количеством лучей в заднепроходном плавнике (7 вместо 10), живет в каменистых и быстрых реках

большими стаями и плавают весьма быстро. В последнее время в Азии найден Потаниным еще вид подуста, названный проф. Кесслером *Chondrostoma Potanini*.

Образ жизни русских подустов известен очень мало; иностранные авторы дают весьма отрывочные сведения о западно-европейских подустах, которые, впрочем, несколько отличаются от наших. Поэтому при описании жизни и ужения этой рыбы я буду руководствоваться главным образом своими собственными наблюдениями на Мо скве-реке.

Подуст в Москве-реке, а также в Оке принадлежит к числу весьма обыкновенных рыб, т. к. уступает в этом отношении только язю и плотве, и то только в более тихих и иловатых участках реки; что же касается голавля, то подуст всюду превосходит его численностью. По-видимому, подуст многочисленнее в среднем и верхнем течении реки, чем в нижнем. В притоках Москвы он, кажется, вовсе не встречается, хотя и заходит в устья. По крайней мере, я не встречал его ни в Пахре, ни в Десне, ни в Сетуни. Его нет также в верховьях Клязьмы и ее притоке – Уче. Вообще он, кажется, встречается в Европейской России только в судоходных реках, не имеющих постоянных плотин, которые препятствуют его подъему. Подуст не любит стоячей воды и придерживается почти всегда более или менее сильного течения, хотя и не встречается у нас на мелких и быстрых перекатах так часто, как голавль. Его любимое место – там, где кончается бырь и переходит в более спокойное и глубокое течение, где волна сменяется уже легкими водоворотами. Подуст очень редко держится на песчаном, тем более иловатом дне, а всего чаще встречается там, где есть хрящ или даже крупный камень, не избегая также глинистого дна, особенно если оно твердо и идет уступами, вообще неровно. Неровность дна составляет одно из главных условий присутствия подуста, почему и затрудняет его ловлю сетями, а также и удочкой. Притом он, подобно пескарю и налиму, большей частью ходит по самому дну, касаясь его брюхом, хотя плавится, т. е. выходит на поверхность, почти так же часто, как язь и елец.

Полая вода застает москворецкого подуста на песчаных отмелях, вместе с язем; обе эти рыбы в разлив не уходят, а постепенно поднимаются вверх по реке, придерживаясь берегов и более слабого течения. Судя по некоторым данным, подъем подуста начинается еще подо льдом, и весьма вероятно предположение некоторых рыболовов-охотников, что он приходит издалека, за многие десятки верст, даже из Оки. Несомненно, что выход по дусту бывает годами очень велик, годами же незначителен. Чем дольше стоит полая вода, не убывая, тем больше поднимается этой рыбы. Муть и стремление отыскать место, удобное для нереста, заставляют подуста подниматься все выше и выше до тех пор, пока река не войдет в берега, вода не очистится и вместе с тем не наступит теплая погода, благоприятная для нереста.

Подуст в Москве-реке мечет икру несколькими днями позднее язя, около середины апреля, а чаще в конце этого месяца. В 1890 году, отличавшемся необычайно раннею весною, нерест, по моим наблюдениям, начался 10 апреля, а в 1891 году – 21 апреля. Как долго он продолжается – не знаю, но вряд ли более трех дней, и, кажется, вся икра выметывается одновременно, а не в несколько приемов. По крайней мере, молодь подуста, т. е. селеток, отличается ровностью. Икра выпускается большей частью на крупных камнях, но не на особенно сильном течении, также на сваях, почти в тех же местах, которые служат нерестилищем для всех почт и москворецких рыб. Главные места икрометания в городских водах – около Каменного моста и Бабьегородской плотины.

Икра подуста беловатая, довольно крупная (с просыное зерно), несколько крупнее, чем у язя, голавля и плотвы, но все-таки многочисленна. По Борне, яиц бывает от 50 до 100 тысяч, и надо полагать, что количество это близко к истине. Иначе трудно было бы объяснить обилие подустов местами. Старинные немецкие авторы

насчитывали у подуста средней величины (в 3/4 фута) только 8000 икринок, но всего вероятнее, что наблюдение это относится к мелкому ручьевому виду.

Выметав икру, подуст некоторое время держится на местах нереста, где кормится отчасти своею, но главным образом икрою других рыб, нерестящихся позднее: голавля, плотвы, пескаря и, может быть, шереспера, который, кажется, у нас, на Москве-реке, мечет с ним одновременно. Киевские рыбаки рассказывали проф. Кесслеру, что подуст в особенности любит икру шереспера и весной постоянно ходит за ним следом, так что если удастся захватить несколько нерестующих жерехов, то всегда вместе с ними попадается и несколько штук подустов. В середине мая подуст скатывается вниз, но в это время москворецкие (разборные) плотины бывают уже поставлены, и пришедшая сверху рыба поневоле вынуждена выбирать летним местопребыванием пространство между двумя плотинами. Спрыгивать вниз с плотины, подобно голавлю, язю и судаку, подуст не решается, хотя и собирается у самой плотины в большом количестве. У нас, в городском участке, почти весь подуст собирается или между плотиной и устьем Неглинки, или немного выше плотины; ниже Неглинки подуст попадается редко, и специальной ловли удочкой его не бывает; около Каменного моста, выше и ниже его, держится большею частью только мелкая, годовалая и двухгодовалая рыба. Главный притон трех- и четырехлетка – довольно глубокое место с изрядным течением, у левого берега Москвы-реки, выше так называемой речки Синички (выше храма Спасителя); но крупный подуст охотно держится почти под самой плотиной, там, где начинается более ровное течение. Выше плотины (Бабьегородской) собирается к лету тоже масса подуста, вероятно, не одна сотня пудов, но т. к. дальше плотин уже нет и чаще попадаются каменистые места, то, в общем, подусты здесь многочисленнее, чем ниже Бабьегородской плотины.

Подуст всегда держится более или менее многочисленными стаями, в несколько десятков, а чаще несколько сот штук; большею частью одного возраста; других рыб, меньших ростом, он не выносит и всегда отгоняет. В малую воду, т. е. когда воды пущено с плотины мало и течение слабо, подуст разбредается и ходит зря, большею частью на глубине; но как только течение усилится, он выходит на струю и стоит здесь довольно густыми вереницами. Выше города, где плотин нет и течение ровнее, выход подуста на струю зависит больше от времени дня, чем от силы течения, хотя паводок и здесь имеет большое влияние на количество поднимающихся на воду подустов.

Это чисто дневная рыба, которая кормится преимущественно днем. Основная пища ее летом – водоросли, которыми обрастают камни и сваи; эти водоросли подуст весьма искусно соскабливает своими хрящеватыми губами. Весною он истребляет, как сказано, икру других рыб, преимущественно тех, которые нерестятся не в траве, а на камнях, хряще, сваях. В этом отношении подуст приносит немало вреда, т. к., подобно пескарю и налиму, ест преимущественно оплодотворенную икру, которую сдирает с подводных предметов. Прочие виды рыб (кроме гольцов) обыкновенно только подбирают пlyingшие, большею частью неоплодотворенные, икринки, которые все равно бы погибли. Кроме икры, подуст ест весной червей – земляных и навозных, но с середины или конца мая желудок у него постоянно туго набит тою же зеленоватою кашицею, как у плотвы, так что это одна из наиболее травоядных рыб. Лет 20 назад, когда по Москве-реке ходили многочисленные барки с хлебом, зерна пшеницы, ржи и овса имели для подуста не меньшее значение, чем водоросли; теперь же ему достается здесь разве овес из конского кала, попадающего в реку в немалом количестве после каждого сильного дождя. В прежнее время, когда не было еще москворецких плотин и шлюзов, подусты поднимались к Москве круглый год и летом их приходило еще более, т. к. каждая хлебная барка имела стаю подустов, которые неотступно следовали за нею, привлекаемые постоянною прикормкою,

выбрасываемую водоливами. Эта прикормка заключалась в подмоченном зерне и в личинках крупной мухи, кладущей яйца в сырую муку, сенную труху и прочий барочный сор, и называемых, по очень длинному хвостику, крысками. Теперь хлебных барок в Москву почти не приходит, но, судя по всему, на Оке, на Волге значительная часть подустов ведет кочевую жизнь, поднимаясь кверху вместе с караванами судов. По словам Эренкрейца, немецкие подусты очень любят, подобно голавлям, человеческие экскременты, но это довольно сомнительно, так же как и его хищность: устройство рта и его малая величина не позволяет ему успешно преследовать мелкую рыбешку. Под осень подуст переходит в более тихие и иловатые места, вероятно за недостатком растительной пищи, и разыскивает здесь в иле мотыля, избегая, однако, очень глубокого и вязкого ила и предпочитая ему иловатый песок и хрящ. В октябре он уже почти не встречается на сильном течении и перестает выходить на перекаты, а в ноябре, с замерзанием реки, становится на зимовку в глубокие ямы, откуда выходит только после продолжительной оттепели. У нас главное зимовье подуста – все та же большая яма у Каменного моста, имеющая до 5–6 саж. глубины.

Подуст – очень сильная, но вместе с тем довольно простая и доверчивая рыба. Местопребывание ее почти одинаково с местопребыванием голавля, но она менее прихотлива, менее осторожна и гораздо многочисленнее, так что при благоприятных условиях можно поймать более сотни подустов. Подобно пескарям, эти рыбы очень любят муть, которая привлекает их с большого расстояния. Купаясь в реке, часто можно видеть, как подусты, и не мелкие, подходят чуть не к самым ногам. Несомненно, в мути они ищут личинок насекомых, вырытых из песка или ила. Взрослыми насекомыми, падающими в воду, подусты кормятся относительно редко; большею частью они плавают на мелких местах – мелях и перекатах. Всего чаще можно видеть их на поверхности во время нереста и затем в мае и июне, во время вылета мотыля. В первом случае они, как говорится, разбивают икру, что действительно надо понимать в буквальном смысле слова; во втором – они плавают, привлекаемые обилием вылетающих из воды и падающих в нее комариков-толкунчиков. Вообще, всякая рыба выходит на поверхность, только когда может найти здесь насекомых, и даже во время самого нереста никогда не плавится бесцельно. Положение рта, несколько напоминающее положение рта у стерляди, заставляет подуста при схватывании чего-либо на поверхности переворачиваться кверху брюхом, почему плав его легко отличить от плава других рыб. Выпрыгивает из воды подуст редко, но мелкий подуст на неглубоких местах часто выскакивает торчком наподобие пескаря. Как рыба дневная, подуст ночует на глубине или же уходит к берегу, под кусты, где нередко попадает вместе с плотвой в наметки и даже корзины. В солнечную погоду при известном освещении с крутого берега реки видно, как подуст стоит стаями, длинными рядами, на струе, касаясь дна. Стаи эти иногда бывают очень густы и многочисленны. Интересно наблюдать, с какою быстротою при виде щуки подусты рассыпаются во все стороны. К каким хитростям и обходным движениям ни прибегает хищница, но, вероятно, ей довольно редко удается тут поживиться, разве слабыми и больными особями. Подуст довольно чувствителен к порче воды, вероятно потому, что, подобно пескарю не уходит с переката, по которому идет какой-либо ядовитый, растворяющийся в воде отброс приречных фабрик и заводов, а затаивается за камнями. Почти каждое лето, в июньские жары, вместе с дохлым пескарем плывет по Москве-реке очень много полумертвого и сонного подуста, достающегося в добычу коршунам и воронам.

Молодые подусты ведут несколько иной образ жизни, чем взрослые. Молодь показывается у нас, на Москве-реке, около середины мая, но около берега, у плотов купален и пристаней они встречаются лишь в незначительном количестве. Главная масса ее стоит все лето на перекатах, но не на быстрине, а вернее, на каменистых

мелях с слабым (летом) течением, а потому густо зарастающих известною травой – водяною сосенкою, шелковником и другими растениями, здесь селеток находит себе приют и обильную пищу, тоже почти исключительно растит ельную, и растет очень быстро, тем быстрее, чем жарче лето и менее урожай молодежи. По моим наблюдениям, селетки подуста к концу лета достигают роста (полной меры) до 2, даже, как, например, в 1890 году, 3 верш. В сентябре молодежь переходит уже на глубокие места и после морозов на перекатах вовсе не встречается. К концу октября попадаются даже 4-вершковые селетки. Годовалый подуст не превышает этой меры и весит в июне около 1/8–1/6 фунта, достигая в конце осени веса полуфунта. Главная масса подустов, выуживаемых летом москворецкими рыболовами, от 3/4 до 1 фунта – это трехлетки, которые поздней осенью отъедаются иногда до 1 1/2-фунтового веса. Самые крупные подусты, достигающие у нас веса 2 фунтов, пятилетнего возраста, более же крупные и старые встречаются в виде редкого исключения, не потому, конечно, что эта рыба не живет более продолжительное время, а потому, что вылавливается сетями и удочкою до пятилетнего возраста. Двухлетний подуст уже способен к размножению, но нерестится несколько позднее трехлетка и четырехлетка.

Подуст не имеет почти никакого промыслового значения, частью потому, что нигде почти не встречается в значительном количестве, частью оттого, что держится в местах, неудобных для неводной ловли, и притом на самом дне. Подобно язю и голавлю, он чаще достается в добычу охотнику-рыболову с удочкой, чем рыболову-промышленнику со снастями. Во время нереста подуст идет в морды и подобные им снаряды не особенно охотно. У нас, на Москве-реке, он, по-видимому, все чаще ловится по ночам небольшими неводами и бреднями.

Уженье подуста имеет в среде столичных рыболовов очень многих любителей, хотя число их по крайней мере впятеро менее числа охотников ловли язей на донную. Специалистов по уженью подуста, ловящих его пудами, найдется десятка два, не более. Это зависит от того, что ловля подуста, большею частью дневная, гораздо труднее ловли ельца, язя и даже плотвы по следующим причинам: клев его очень неверный, требующий быстрой подсечки; он очень силен, или, вернее, боек, и часто срывается, и, наконец, требует обильной прикормки. Без нее трудно поймать и десяток подустов, между тем как ельца на перекате и плотву в затишье (на зелень), подызка на пробочку или на кузнеца можно временами наловить изрядное количество без всякой прикормки. При большом выходе подустов, который бывает годами (например, в 1886 и 1890 годах), в небольшом районе Москвы-реки, начиная от Каменного моста до Воробьевых гор, выуживается этой рыбы не менее 200 пудов в год. В 1890 году я один поймал с мая по 10 ноября 26 пудов подуста, с лишком половину всего улова в этом году, весом от 3/4 до 1 1/2 фунта и десятка два штук до 2 фунтов. Мелочь до 1/2 фунта в этот счет не входит. Третья часть, около 8 пудов, поймана, впрочем, мною на даче, тоже в Москве-реке, но около Кунцева и Крылатского, верст на 20 выше по реке (водою). Но уже в конце июня мужики здесь переловили и разогнали неводами, бреднями и недотками всю рыбу, и пришлось ездить на охоту с дачи в Москву, где ловят сотни рыболовов, но только удочкой. Правда, крупнее 3 фунт. (от 2 до 10 фунт.) было поймано только 12 рыб, но 55 пудов рыбы за 7 месяцев ловли – цифра довольно почтенная, свидетельствующая о рыбности Москвы-реки. В Москве найдется 5–10 рыболовов, которые ловят и больше рыбы, правда изо дня в день, зимой и летом, сделавшие уженье промыслом и продающие рыбу, большею частью жидам, по 10–20 к. за фунт.

Уженье подуста привлекательно еще в том отношении, что оно главным образом производится среди лета, в самое глухое время, когда язь и другая рыба покрупнее попадает, можно сказать, случайно и приходится ловить ельца (на муравьиное яйцо и опарыша) и плотву (на зелень). Настоящее уженье подуста начинается в

конце мая и даже позднее; раннею весною он попадает лишь случайно, при ужении другой рыбы, и поймать его в это время много нельзя, потому что он, во-первых, сыт (икрою других рыб), а во-вторых, еще не установился, т. е. не собрался на известных местах. Во второй половине апреля, вскоре после нереста, подуст иногда недурно берет на донные при ужении язей, днем и в сумерки, но попадает редко, потому что насадка (выползок) слишком велика – не по его маленькому рту. Если на донные набредет стайка подустов, то она испортит немало крови рыболову непрерывным клевом. Поклевка подуста на донную сходна с поклевкою ельца: подуст тоже берет с срыву, но чаще совсем стаскивает выползка с крючка. Обыкновенно звонок резко задребезжит, затем кончик удильника начинает кивать. В это время и надо подсекать, не дожидаясь потяжки, т. к. подуст не тянет насадку к себе, подобно язю. Попадают, однако, лишь крупные подусты, свыше фунта, а потому благоразумнее переменить крючки на более мелкие (№ 6–7) и насаживать или навозного, а еще того лучше – более крепкого железняка. На донной удочке подуст ходит далеко не так бойко, как на поплавочной, отчасти потому, что после нереста он очень слаб, но больше оттого, что насадку он часто заглатывает и крючок реже задевает за хрящеватый нос – «хрюкалку» или «нюхалку», как его называют москворецкие рыболовы, а за губу или нёбо, почему рыба ощущает более сильную боль и идет ходчее, менее упираясь и мотаясь, чем обыкновенно.

Все-таки весною как на донные, так и на поплавочные удочки подуст попадает случайно. Специальное ужение его начинается в Москве-реке, когда совсем кончится ужение язя, на муравьиное яйцо, недели две спустя после того, как окончательно запрут Бабьегородскую и Перервинскую плотины. К концу мая почти весь подуст собирается, как было сказано выше, или ниже Бабьегородской плотины, или выше ее, притом очень большими стаями, в несколько десятков пудов. Главных летних становищ подуста в пределах столицы, собственно, два или три: около заплава (цепь из связанных бревен поперек реки для задержки плотов и купален, сорвавшихся с якорей, во избежание полома плотины) выше Бабьегородской плотины, под плотиною и выше купальни, что у храма Спасителя. Немало подуста, но большею частью мелкого, стоит годом немного выше и немного ниже Каменного моста, но дальше вниз по течению подуст редок и на удочку почти не попадает, хотя несомненно, что каждая значительная прибыль воды после дождей несколько пополняет поредевшие ряды столичных подустов. Выше Бабьегородской плотины подустов ловят в значительном количестве во многих местах: у Дорогомиловского моста, у Андреевской богадельни; затем у Воробьевых гор, у так называемой Черной горы (близ Шелепихи) и, наконец, около Крылатского.

Удочка для ужения подуста у нас почти ничем не отличается от удочки, употребляемой для ловли язя, ельца и плотвы, днем – на течении. То же самое, очень легкое 3–5-аршинное удище, 2–3-коленное или, еще лучше, цельное из желтого японского или темного перцового (который надежнее) тростника, 4-волосная леска отборного волоса, более или менее легкий осокоревый поплавок, захлестываемый леской только снизу, соответственный груз с добавочной дробинкой близ крючка, так называемым подпаском, и крючок № 9–10. Некоторые рыболовы придерживаются того мнения, что для ужения подуста лучше употреблять более жесткие удища и шелковые лески на том основании, что это дает возможность делать более сильную подсечку, необходимую будто для того, чтобы засадить крючок в хрящеватый нос рыбы. Опыт, однако, убедил меня, что при употреблении мелких крючков гораздо целесообразнее ловить на очень гибкие удильники и на растяжимую волосную леску, т. к. при этом условии подуст гораздо реже соскакивает с крючка, хотя бы он только слегка зацепился за нос: гибкость удильника и растяжимость лески парализуют резкие движения пойманной рыбы. Шелковая леска, даже самая тонкая, конечно, может быть крепче четырехволосной,

но она полезна только при ловле на более крупные крючки, которые действительно требуют более энергической подсечки, или же, наоборот, при ловле на самые мелкие – № 11, 12, но уже с катушкой. К катушке полезно прибегать, только когда до вольно крупный подуст берет очень вяло и его приходится ловить на одного мотыля, одного опарыша, одно яйцо, а следовательно, на мельчайший крючок. Москворецкие подусты не достигают таких больших размеров, чтобы катушка была необходима, но изредка, на быстрых перекатах, без нее на мелкий крючок, даже № 10, подуста поймать довольно трудно: из 10 подсеченных на быри девять сходят с крючка. Так как подуст очень смел и берет почти у самой лодки, то, чем короче будет леска и шестик (не менее, однако, 2 аршин), тем лучше. Впрочем, длина лески и удильника находится в некотором отношении с силой течения и глубиной места ловли.

Всего удобнее ловить подуста на глубине около 2 арш., но чаще приходится удить его у нас на четырех аршинах. Было уже сказано выше, где он обыкновенно держится, а потому и становиться надо (на лодке) там, где волнение и быстрина уменьшаются и глубина сразу увеличивается. Чем ровнее и правильнее будет течение, тем лучше, но, к сожалению, это бывает очень редко, и большею частью приходится становиться на местах с изменчивым и водоворотным течением. Впрочем, выше плотины течение очень слабое и довольно ровное, но здесь можно ловить с успехом, только когда сильно пущена вода, а еще того лучше – открыто одно или несколько окон, вследствие чего против этих мест образуется не только верховое, но и донное течение. На удачу ужения, впрочем, и ниже плотины можно рассчитывать, только когда вода не заперта; при уменьшении силы течения обыкновенно клев ослабевает, т. к. подуст, вышедший на струю, расходится, или, вернее, возвращается, в глубокие места (под купальню). С берега подуста никто не ловит, и он попадает здесь только случайно, но с плотов (а в прежние времена – барок) его удят довольно успешно. Лодка необходима, но нет никакой надобности ставить ее поперек течения, а чаще бывает выгоднее становиться вдоль. При этом и течение, и подсечка бывают правильнее, да и проплав при одинаковой длине лески может быть длиннее.

Подуст начинает брать летом с раннего утра, еще до восхода, но т. к. надо еще его подманить, то обыкновенно самый сильный клев бывает часа два после того, как покажется солнце. К 11 час. клев почти прекращается, главным образом потому, что рыба к этому времени очень наедается прикормки. Клев снова возобновляется с 2, 3 или даже 4 час., но, за редкими исключениями, подуст к вечеру берет хуже, чем утром того же дня, опять-таки потому, что он бывает очень сыт. После заката он перестает брать раньше ельца и плотвы, тем более подъязка. В октябре подуст держится уже более глубоких мест и на перекаты почти не выходит; в это время он едва ли не всего лучше берет среди дня.

Самая существенная часть ужения подуста заключается в прикормке. Без прикормки ловить его у нас положительно не стоит. Это самая привередливая и избалованная в этом отношении рыба, в чем виновата, впрочем, излишняя тароватость некоторых москворецких рыболовов, не жалеющих припаса и закармливающих рыбу. Однако недостаточно бросить прикормку, хотя бы и в большом количестве. Надо, чтобы она была брошена в надлежащее место и мало того раньше других рыболовов. Кто первый стал где следует и притравил, тот ловит: весь подуст из ближайших окрестностей и издалека снизу собирается около его лодки и упорно игнорирует прикормку, в изобилии бросаемую справа, слева и впереди. Эти злосчастные рыболовы обречены быть только свидетелями ловли более счастливого, или, вернее, предусмотрительного, соседа. Единственное средство быть с рыбой – это стать позади последнего и переманить к себе рыбу более лакомою прикормкою. Сплошь и рядом бывает, что даже из сидящих на одной лодке ловит только один, не столько потому, что поплавок ходит у него правильнее, сколько

потому, что его насадка плывет в той же струе, которую увлекается размываемая прикормка.

Прикормка, как известно, бросается во время ужения или незадолго до него, чем отличается от привады, назначение которой приучить рыбу к известному месту. Но привада действительно полезна только в стоячей или тихой воде, где прикормка, в свою очередь, приносит только вред. Кроме того, надо иметь всегда в виду, что привадой почти всегда может воспользоваться постороннее лицо, что, конечно, не входит в расчеты рыболова.

Самую обыкновенную прикормкою для подуста служит у нас гречневая каша-ядрица (цельным зерном), смешанная с глиной и иногда сдобренная конопляным или льняным маслом. Но каша хороша не везде и не всегда, хотя несомненно, что подуст любит эту прикормку больше всех других рыб. На очень слабом или, наоборот, на сильном течении гречневая каша не вполне достигает цели в качестве прикормки, т. к. в первом случае она ложится у лодки, а во втором уносится очень далеко. Кроме того, при гречневой каше надо употреблять и соответствующую насадку, а именно кусочки выползка, железняка или же навозного червя, нарезаемых «под кашу». Варить кашу надо умеючи, т. к. она должна быть и крутою, и рассыпчатою, чтобы зерно отделялось одно от другого. Обыкновенно ее, еще горячую, откидывают на решето, поливая холодной водой. Так как кашу приходится варить накануне и приготовление ее довольно продолжительно, то для экстренных случаев весьма полезно иметь запас так называемой обварной крупы, т. е. уже сваренной и потом высушенной. Такая крупа продается в больших московских колониальных магазинах, например Егорова, в Охотном ряду, и хотя стоит вдвое дороже, но имеет то важное преимущество, что может быть приготовлена в пять минут. Достаточно заварить ее крутым кипятком в кастрюльке и эту кастрюльку поставить на самовар.

Некоторые москворецкие рыболовы отрицают пользу промасливания каши, но, по-моему, совершенно напрасно. Масло каши никогда не испортит по следующим трем причинам: оно придает очень сильный запах, слышимый рыбой издали, оно делает насадку более легкой и, наконец, имеет, несомненно, довольно сильное слабительное действие, почему наевшаяся рыба скоро опять подходит кормиться. Кроме того, масло в глине полезно тем, что поздней осенью дает возможность не мыть рук после каждого подбрасывания прикормки, а только обтирать тряпкой или толстым полотенцем, заметим кстати, необходимою принадлежностью ловли. Некоторые прибавляют к коноплянному или льняному маслу несколько капель какого-нибудь эфирного масла, мятного, анисового или какого другого. Всего выгоднее употреблять масло дерева родия (*oleum rhodii*), потому что оно не так скоро сохнет, а потому спoreе других. Польза этих эфирных масел подвержена, однако, некоторому сомнению, потому что как конопляное, так и льняное масла достаточно пахучи сами по себе. Иногда, за неимением под рукою простого масла, я ограничивался прибавлением к каше 10–15 капель эфирного масла.

Самая лучшая прикормка для привлечения подуста издали, даже при слабом течении, – это отруби и муравьиные яйца. Неудобство их, правда только на первых порах, заключается в том, что эта прикормка сначала приманивает много мелочи, особенно под осень. Но если выждать время, то рано или поздно подошедший подуст прогонит всю мелюзгу. Отруби и яйца хороши тем, что не могут насытить рыбу. Самую лучшую приманку для подуста, по личному опыту, я считаю ту же, как и для ельца – крупные пшеничные отруби, лучше поджаренные, муравьиные яйца свежие или даже (осенью) сухие и предварительно обваренные кипятком (сухие будут всплывать); все это замешивается с глиной: на быстрине – повязче, на слабом течении – порыхлее.

В последнее время я стал предпочитать глине, как цементу для прикормки, творог,

смятый с жидковатым тестом (пшеничным или ржаным); яйца и отруби сминаются с этой массой, в свою очередь, служащей отличною прикормкою, действительною на дальнее расстояние и не особенно сытною, если ее спускать в воду в частой сетке или в жестянке с дырами (в карандаш диаметром), и притом временами с ослаблением клева. Надо иметь также в виду, что в Москве часто труднее бывает достать глины, чем муки и творогу. Насадкою служат муравьиные яйца (свежие), реже опарыш.

При ловле на мотыля прикормкою служит или мотыль с сором, бросаемый позади лодки, или мотыль, замешанный на глине (можно заменить глину творогом с тестом). Прикормкою для подуста мотыль служит лишь поздней осенью, когда каша малодействительна, но на мотыль подходит больше елец и плотва. Лучше всего бросать, как при ловле плотвы, пирожки из глины с начинкой из мотыля, по той причине, что начинка выходит разом и стоящая у лодки мелочь не успевает перехватывать всего мотыля, который плывет дальше и приманивает рыбу, стоящую много ниже.

На глубоких и довольно быстрых местах, если тут стоит много подуста, весьма практично употреблять более тяжелую прикормку, а именно: пареные рожь, ячмень или пшеницу, всего же лучше перловую крупу (т. е. драный ячмень), которая и вкуснее и распаривается гораздо скорее на самоваре. С первыми прикормками ловят на пшеничку, при перловой же крупе большею частью или на муравьиное яйцо, или на опарыша, которые, как говорится, приходятся ей «под масть». В крайнем случае можно насаживать на крючок 2–3 перловки. Некоторые бросают зерновую приманку без глины позади лодки, но это полезно лишь на умеренном течении и в начале ловли.

Более тяжелых прикормок у нас не употребляют. Притрава всегда должна более или менее соответствовать силе течения и отнюдь не оставаться на месте, а медленно, с задержками, плыть по дну далее; в противном случае можно рисковать или вовсе не подманивать рыбу, или закормить ее. Легкая прикормка всегда действительнее. Поэтому на Москве-реке подустов никто не прикармливает горохом и не ловит на пареный горох, как на Оке, Днепре, Сосне и других быстрых реках. На Днепре, впрочем, и при ловле на горох прикормкою служат тоже отруби и каша с глиной. Горох – чересчур сытный корм, и нет никакого расчета бросать его в воду. Кроме того, и московский подуст несколько мелковат для такой крупной насадки.

В Германии одною из лучших прикормок для подуста считаются человеческие извержения, вероятно, тоже смешиваемые с глиною; но вряд ли у нас найдутся охотники испытать действительность экскрементов.

В конце весны ловят большею частью на крупные муравьиные яйца (куколки крылатых, половых, особей), насаживая по 1–2 шт. за кожицу, чтобы не выпустить молочка; лучше задевать крючком поперек, а не за кончик яйца, потому что клев тогда будет вернее. Выбирать надо свежее, белое, незасиженное яйцо. Так как уже в июне крупные муравьиные яйца встречаются в муравейниках редко между мелкими куколками обыкновенных рабочих муравьев, то их приходится отбирать или отсеивать на решетке, через которое бы проскакивало мелкое яйцо, которое идет на прикормку. Ловить подуста на последнее не стоит и удобнее насаживать опарыша. Обыкновенно летом удят на кусочки червей – под кашу, величиною в 1/3–1/2 д., прихватывая крючком (№ 9) поперек; для этой цели всего пригодно упругий и жесткий железняк. При вялом клеве весьма полезно уже насаженный кусочек червя обмакнуть в родиево или другое эфирное масло, чистое или с прованским маслом (на чайную ложку прованского – несколько капель эфирного). Это очень действительное снадобье надо иметь под рукою в маленькой широкогорлой склянке или жестянке. Подуст не менее плотвы и других травоядных рыб соблазняется летом острыми насадками: пресный корм им, очевидно, надоедает. Нелишнее сдабривать

таким образом и пареную пшеницу, которая также составляет хорошую, хотя и менее прочную, летнюю насадку при ужении на более глубоких и быстрых местах. Лучше насаживать по одному отборному зерну. Рожь держится на крючке хуже пшеницы, которая притом круглее. Для насадки надо покупать тонкокожую, самую крупную пшеницу, в семенных магазинах и, прежде чем парить, мочить ее часов 12 или целые сутки. На мятый хлеб у нас почти никто не ловит, по той причине, что эта насадка не выдерживает и двух перезакидываний и вообще для ужения в проводку почти непригодна. На зелень, т. е. нитчатые водоросли, подуст хотя и берет, но попадает редко; во-первых, потому, что на зелень большей частью ловят не со дна, а почти что вполводы, а во-вторых, по той причине, что он вбирает в рот прядку шелковистых нитей еще медленнее, чем плотва.

Превосходною и необыкновенно прочною летнею насадкою может служить известная крыска. При ужении подуста с барок она положительно незаменима – на десяток крыски можно ловить чуть не целый день. К сожалению, достать ее очень трудно. О горохе уже говорилось выше, и у нас он неприменим, но я довольно успешно ловил подустов на зеленый горошек – сырой и сушеный, конечно уже размоченный и распаренный. Эренкрейц говорит, что в Баварии подустов ловят на виноград, но это весьма сомнительно, хотя здесь, в речках, несомненно удят их на мушку поверху. Наш москворецкий подуст, сколько известно, на муху и подобных насекомых если и берет, то очень редко и случайно; по крайней мере, я да же не слыхал, чтобы он попадался при ловле на шпанку ельца, голавля и подъязка – полунахлыстом, с легким грузильцем.

С сентября подуста удят главным образом на кусочки, реже на мотыля, которого очень теребит подросшая мелочь – селетки-ельцы, подустики, голавлики, подъязики, пескарики, а в тихой и глубокой воде – молодые ерши, так называемые «глаза», в вершок, много – полтора ростом. В сентябре вообще клев подуста слабеет, может быть потому, что к этому времени успевают переловить всю рыбу. Надо полагать, однако, что позднею осенью, в ноябре, когда разберут Перервинскую и все нижние плотины, немало подуста приходит в городской район зимовать, т. к. в начале зимы он очень недурно берет на кобылки, на мотыля и берет притом очень бойко, нередко утаскивая кобылки под лед. В середине зимы подуст попадает редко. По-видимому, главное зимнее становище его в Москве – яма у Москворецкого моста, но тут он на насадки не берет, а на голые крючки-тройнички – самодёром – попадает редко, потому что стоит на самом дне и не так густо, как ерш. Весною перед вскрытием, в конце февраля и в начале марта, подуст опять начинает ловиться у нас на мотыля, преимущественно в оттепель. По словам г. Ремезова, подуст в р. Самаре тоже берет в марте (подо льдом) именно в ясную погоду.

Хотя клев подуста начинается утром довольно поздно, но полезно, а иногда даже необходимо, выезжать на ловлю еще затемно. Для того, чтобы собрать рыбу в известное место, надо по меньшей мере час времени, иногда более трех. Кроме того, при обилии конкурентов и малом числе удобных для ловли мест не следует забывать, что здесь вполне оправдывается действительность поговорки: «Кто раньше стал да палку (читай удочку) взял, тот и капрал». Укрепившись на избранном месте, прежде всего самым тщательным образом (при помощи свинцового отмера-лота) измеряют глубину воды на возможно дальнем расстоянии от лодки вниз; если дно оказывается очень неровным, передвигают лодку в сторону, вниз или вверх. Для успеха ужения подуста необходимо, чтобы по крайней мере на 4 арш. от лодки была почти одинаковая глубина, не менее 13/4 арш., и чтобы дальше было немного мельче, но не глубже. Крупных камней следует избегать, но присутствие мелких даже необходимо. Всего вернее – попасть на ложбинку, т. е. на подводный ровик, где всякая рыба держится охотнее. Этими ложбинками и пролегают подводные пути ее – рыбы тракты; притом подобные промоины имеют

более ровную глубину и течение.

Только вполне удостоверившись в том, что место выбрано удачно или что оно то же самое, на котором удачно ловился подуст ранее (полезно для этого делать какие-либо не видные постороннему глазу, большею частью подводные, заметки), окончательно и неподвижно закрепляют лодку так, чтобы она отнюдь не моталась. У нас обыкновенно спускают с носа и кормы два груза (камни, рельсы, чугунные гири и т. п.), но иногда, именно при боковом ветре или неправильном течении, третий груз необходим, иначе крючок с насадкой будет часто ходить далеко в стороне от прикормки. Этот третий груз, довольно тяжелый (не менее пуда), всегда спускают в упор, т. е. в отвес с середины лодки, впереди или позади ее.

Предполагается, что лодка поставлена поперек течения; при продольном же ее положении можно крепко стоять на двух грузах, спуская один с носа на более или менее длинной веревке, а другой – с кормы в отвес. Этот способ постановки всего применим на большой быстрине, где, впрочем, и неудобно, а иногда даже невозможно стать (на тяжелой плоскодонке) поперек.

Москворецкие рыболовы редко становятся вдоль, даже при ужении в одиночку (вдвоем ловить с лодки, стоящей вдоль, очень неудобно), отчасти из рутины, но иногда, впрочем, из желания занять место пошире и не дать возможности ловить рядом другим, очень завистливым рыболовам, любителям ловли на чужую прикормку, а таких бесцеремонных шкурятников, жалеющих потратиться на прикормку, у нас немало. Стоит одному из них увидеть, что кто-нибудь таскает рыбу, и можно быть уверенным, что жадный не замедлит присоединиться и если не будет выруган, то станет или совсем рядом, или ниже сажени на две; сам он почти ничего не поймает, а рыбу всю зря распугает. Вообще на Москве-реке ловить тесно, а в праздник и хорошую погоду иногда хоть и вовсе не выезжай. На пространстве 3/4 в. от Каменного моста до плотины случается становится до 30 лодок, больше 50 рыболовов, да еще большее число ловит по берегам. Вечером на воде бывает временами (весною и осенью) еще теснее, чем днем. Иногородние рыболовы да не посетуют на меня за такие неинтересные для них подробности и отклонения в сторону. Я пишу об ужении подуста главным образом для москворецких рыболовов-охотников. Полагаю, однако, что мои практические советы могут пригодиться и для многих других любителей ужения подустов. Вымеряв глубину, а также поставив поплавок как следует, бросают прикормку, обыкновенно замешанную в глине, большими или меньшими комками, сообразно с обстоятельствами. На первых порах, особенно при ужении ранним утром, прикормки жалеть не следует, если только она не будет чрезмерно тяжела. При употреблении жестяного снаряда тоже нелишне, чтобы прикормка шла из него в изобилии, для чего необходимо жестянку или другое вместилище почаще встряхивать. Всего рациональнее бросать глину с прикормкой сначала на большое расстояние от лодки, сажени на пять и больше, и притом широко, небольшими комками; потом кидают глину все ближе и ближе к себе и на все бол ее и более суживающемся пространстве; самые большие и жирные куски – главная масса брошенной прикормки – должна находиться не далее сажени от лодки, против места сиденья, т. е. против середины лодки. Такой способ прикармливания сектором, вершина которого находится почти у борта, даст возможность разыскать главную прикормку и той рыбе, которая стоит далеко сбоку, так сказать на чужой стороне. Но как только будет констатировано присутствие крупной рыбы, прикормку надо бросать крайне экономно, только после большой возни с пойманной рыбой или когда рыба отойдет от лодки и поклевки заставят себя долго ждать. При послеполуденном ужении, когда приходится иметь дело с более сытою рыбою, прикормки и в начале ужения следует бросать как можно меньше, притом менее питательной. Самое главное – это заставить рыбу стоять вереницей в той струе, где ходит насадка, и стоять на таком расстоянии, чтобы можно было удобно подсекать ее

при клеве, т. е. ни очень близко, ни чересчур далеко от лодки. Выше было у же сказано, что подуст лодки не боится и что ловить его вдали от нее, на расстоянии более трех сажен, подобно язю, голавлю, даже ельцу и плотве, положительно не стоит, а при обычных москворецких снастях и крайне неудобно.

Так как подуст – рыба донная, рот у него расположен снизу и к тому же сравнительно мал, то понятно, что он может с удобством, не поднимаясь кверху и не переворачиваясь кверху брюхом, брать только ту насадку, которая плывет касаясь или почти касаясь дна. Если же она будет идти даже на вершок выше, чем стоит подуст, шансы на поклевку будут довольно ничтожны. Вообще не надо забывать, что только голодная речная рыба поднимается или опускается с той глубины, на которой стоит, за плывущим кормом. В верной постановке поплавок лежит залог успеха ужения всякой рыбы, подуста в особенности. При отмеривании на слабом течении надо, чтобы верхушка поплавок торчала из воды, т. е. если крючок будет просунут в петельку обыкновенного продажного лота в виде усеченной свинцовой пирамидки и выгнут в пробочную пластинку на ее основании, то поплавок должен быть под водою только на две трети. Чем сильнее будет течение, а дно ровнее, тем расстояние между насадкой и поплавком может быть более. Главное, надо, чтобы поплавок только не затягивало под воду. По замечанию некоторых рыболовов, подуст рано утром берет только со дна на волочащуюся насадку, но часов с 9 берет лучше, когда она ходит примерно на вершок выше, т. е., другими словами, он днем ходит не по дну. Это наблюдение может быть и верно, но, по-видимому, далеко не всегда, т. к. иногда во всякое время дня подуст берет только со дна, особенно на сильном течении. При сильном ветре и волнении тоже надо пускать насадку глубже обыкновенного, но в ветер подуста ловить очень трудно и, пожалуй, даже не стоит вовсе.

Дело в том, что подуст берет насадку еще, так сказать, нежнее, чем плотва. Он не втягивает в себя плывущую приманку, подобно последней, но задерживает ее своими хрящеватыми губами, долго ее не проглатывая. Поэтому на слабом течении не всегда можно разобрать, подуст ли клюет или насадка цепляется за какую-нибудь неровность.

На быстрине поклевка выражается, как всегда, внезапным исчезновением поплавок, который, само собою разумеется, должен сколь возможно менее торчать из воды – на 3, даже на 1 линию, т. е. с самым тонким клевом, особенно в тихой воде. Мелкий подуст-годовичок часто даже не окунает поплавок, а только трясет его, т. к., взяв насадку за кончик, плывет с нею вниз. Подсекать надо как можно быстрее, вместе с погружением поплавок, и тем энергичнее, чем слабее течение, иначе подуст успеет выплюнуть насадку или же жало крючка только скользнет по его крепкому носу. При хорошем клеве подуст, погрузив поплавок, т. е. задержав насадку, немедленно отходит с нею в сторону, от чего поплавок принимает под водою косое направление. В большинстве случаев он зацепляется «нюхалом», иногда – в ноздрю, редко – углом рта, а еще реже – за нижнюю губу. В первом случае он срывается гораздо чаще, чем в других. Едва ли на какой-либо другой ловле, даже плотвы, бывает столько осечек, промахов, столько наколотой и спущенной рыбы, сколько при ужении подуста, особенно если он не особенно крупен (меньше фунта), сыт и берет вяло и неохотно. На десять поклевок обыкновенно приходится не менее шести-семи промахов, а из 3–4 подсеченных иногда удается вытащить только одного.

Случается, что подуст берет так вяло и неохотно, только прижимая насадку, что у большей части пойманных крючок оказывается не во рту, а в самом носу или же снизу, под нижней губой, даже под грудными плавниками. За глаз, подобно плотве, подуст попадает редко. Такая незаконная ловля «за хрюкалку и за зобок» служит явным доказательством многочисленности рыбы и ее сытости и, вместе с тем, значения прикормки. Особенно часто попадает не в рот мелкий подустик, т. к.

крупный большею частью срывается.

Крупный подуст очень силен и боек и в этом отношении превосходит всех московских рыб, кроме карпии, которая составляет у нас почти редкость. Подсеченный подуст немедленно бросается в сторону, противоположную подсечке; крупный начинает упираться на дне и ходить зигзагами, делая резкие движения и крутые повороты; подуст, говорят рыболовы, дергает «как собака на цепи» и мотает головой, стараясь освободиться от крючка, что ему очень часто и удается. Это самая вертлявая рыба, хотя она никогда, Впрочем, не кувыркается, подобно язю, или, вернее, подъязку.

Вообще подуст очень крут в поворотах и резок в движениях, но довольно скоро утомляется. Если удочка гибка, а леска прочна и первый натиск выдержан, то подуст идет довольно ходко, продолжая метаться из стороны в сторону и не всплывая кверху, подобно подъязку, к самой лодке. Замечено, что он, видимо, старается удариться об нее носом и соскочить с крючка, почему не следует пускать его (на удильнике или перехватив леску пальцами, если она очень длинна) под лодку, а, заставив сделать несколько небольших кругов, поднять на поверхность и быстро ловким движением подхватить сачком. Можно вытаскивать подустов, даже крупных, на подъем без сачка, но только в том случае, если он достаточно утомлен и если очевидно, что крючок крепко зацепился.

Сорвавшийся подуст скоро опять подходит к прикормке, и случается очень часто ловить этих рыб с свежеразорванной губою и даже с недавно оборванным крючком в носу. Неудивительно поэтому, что на Москве-реке эти рыбы вылавливаются удочкой почти начисто, так что едва ли уцелевает десятая часть. Однако нельзя отказать подусту в некоторой смышлености, т. к. он довольно искусно выпрыгивает из садков-кружков и рыболовных корзин. В воде он, пожалуй, несколько живучее плотвы и ельца, но в жаркую погоду брюхо его очень быстро краснеет, а спина светлеет и становится светло-рыжею. Ни одна рыба, уснувши, не портится так быстро: подуст, пойманный летним утром, к вечеру совсем разбухает и протухает. В гастрономическом отношении подуст уступает даже язю и голавлю и довольно вкусен лишь в копченом виде. У московских разносчиков он часто сходит за сига.

Сом

В России повсеместно – сом, большой иногда – сомина, малый (иногда до 30–40 ф.) – соменок, сомок. Польск. – сум; лит. – szamas. По-фински – сэке, сэкие, монни; тат. – джайм, джайн, дяин, джейен-балык; у сартов – джайм; хив. – лакка; туркм. – лякка, наханьго; калм. – чалбурту, чалбол-тух; арм. – локо, локо-цугна; перс. – шайтан. *Silurus asotus* у ходзенов на Уссури – сефа; у китайцев – нью-ю. *Bagrus sinensis* у ходзенов – качакта и чичяха; у китайцев – нью-и-ба.

Рис. 194. Сом

Из всех наших пресноводных рыб первое место по величине принадлежит,

бесспорно, сому. В этом отношении его превосходит только одна белуга, но она, как известно, рыба проходная, которая входит в реки только для икрометания.

Наружность сома крайне оригинальна и безобразна. По общей форме тела он имеет некоторое сходство с налимом, но голова у него гораздо шире и плосче и составляет почти 1/6 часть всего голого тела, покрытого густым слоем слизи. Пасть у него огромная и вооружена по краям многочисленными, очень мелкими, но довольно острыми зубами, имеющими вид короткой щетки; на верхней челюсти находятся два длинных беловатых уса, а на нижней, несколько выдавшейся, – 4 желтоватых усика, втрое короче первых; глаза несоразмерно малы с ростом и очень придвинуты к верхней губе. Хвост, сильно сплюснутый с боков, особенно к заднему концу, занимает более половины всего тела; заднепроходный плавник очень длинный. Цвет сома изменяется, смотря по воде, также по возрасту и времени года, но всего чаще спина у него бывает черная, брюхо желтовато-белое или несколько красноватое и почти всегда испещрено крапинками голубоватого цвета; бока туловища черновато-зеленые и покрыты оливково-зелеными пятнами; глаза бледно-желтые и с черными пятнышками, плавники темно-синие, грудные и брюшные с желтоватой полоской посередине. У молодых сомов цвет кожи и плавников резче и ярче. Озерные сомы всегда темнее речных, и брюхо у них серо-голубоватого цвета. Наружность старого, крупного сома отвратительна: голова из беловатой становится грязно-желтой, и к ней прилипает множество водяных червей, вроде пиявок, покрывающих и тело, и голову.

Сом – единственный европейский представитель семейства сомовых, виды которого довольно многочисленны в Южной Азии и тропической Африке. Впрочем, он водится далеко не во всей Европе: во Франции, Испании и Италии его нет, и р. Рейн составляет западную границу распространения этого хищника. В Западной Сибири, сколько известно, сом не найден, а в Восточной Сибири, в р. Ингоде, Шилке, Ононе и пр., появляется уже другой вид – *Silurus asotus* Pall., отличающийся темным цветом всего тела, 4 усиками и небольшою величиною – около 3/4 арш. По всей вероятности, восточную границу его распространения следует искать в Средней Азии, где он был найден в Сырдарье, Амударье, Зеравшане и пр.; здесь, однако, встречается разновидность его, отличающаяся почти единственно меньшим числом лучей в заднепроходном плавнике. Недавно, впрочем, в Туркестане найдена форма сомов из рода *Exostoma*, названная Герценштейном *Exostoma Oschanini*. В бассейне Амура обитают два вида из р. *Bagrus*. Каменный сомик, *Bagrus calvarius* Bazil, очень небольшого роста (5–8 д.), с 8 усиками и двумя спинными плавниками, из которых первый с зазубренным шипом, второй – жировой; *Bagrus ussuriensis* Dub., – около 3 ф. ростом, с очень длинным, цилиндрическим туловищем и 8 усиками. Обыкновенный сом обитает у нас преимущественно в реках Арало-Каспийского и Черноморского бассейнов, причем всего многочисленнее бывает в нижнем их течении, особенно Волги и Куры; в реках же, впадающих в Балтийское море, он сравнительно малочислен и не достигает таких больших размеров, как на юге России. Причиной ою тому более усиленное преследование, сравнительная малорыбность, т. е. недостаток корма при более продолжительном зимнем покое. Весьма вероятно, что сом, подобно карпу, распространился в Средней Европе уже в исторические времена. Вообще географическое распространение этих рыб в России почти одинаково и продолжает все более и более расширяться, хотя в этом отношении сом несколько опередил сазана. В Онежском озере, например, сом появился не более 25 лет назад. В Финляндии он найден до Тавастгуста. В северных реках наших сома нет вовсе, и вряд ли он даже встречается в северных притоках Камы. В устьях наших южных рек, особенно Волги, Куры, Дона и Днепра, сомы принадлежат к числу самых обыкновенных рыб; в самом море они придерживаются, однако, речной воды. Сомы иногда встречаются в большом количестве и в глубоких

проточных или поемных озерах, соединенных с рекой.

При благоприятных условиях сомы достигают огромного роста. В реках Балтийского бассейна, равно как и в притоках Верхней Волги, они редко бывают свыше 5 п.; однако на Одере, славящемся обилием сомов, еще в 1830 году был пойман экземпляр, весивший 400 кг, т. е. почти 25 п. У нас самые крупные сомы водятся или, вернее, водились, кажется, в Днепре, где, по свидетельству Кесслера, был пойман (в пятидесятых годах?) сом, имевший в длину более 2 саж. и весивший 18 п., и в Днестре, где, по словам того же ихтиолога, он достигает даже 20 п. В Десне, притоке Днепра, до сих пор попадаются 10-пудовые экземпляры (Вербицкий). Хотя известный астраханский охотник г. Витте и упоминает о соме в 15 п., но вообще нижеволжские сомы сравнительно мелки, и в небольших реках Волжского бассейна сомы бывают крупнее и многочисленнее, чем в самой Волге, исключая ее низовьев. В настоящее время замечание это можно отнести и к Днепру, и Дону, в котором (Попов) крупнее 12 пудов сомы, кажется, не встречаются. В р. Урал (и, по-видимому, в Куре) крупные достигают 10 пудов. Озерные сомы всегда бывают относительно мельче соседних речных.

Сом – одна из самых оседлых рыб и очень редко предпринимает далекие путешествия. Большею частью он десятки лет, с молодых лет до глубокой старости, почти круглый год живет в одной и той же яме, выходя из нее для приискания пищи поблизости, и то далеко не всегда. Только весной, в полоую воду, сом временно покидает родную яму и несколько подымается вверх по реке, часто заходя при этом в пойму и поемные озера, где нередко и нерестится.

На Нижней Волге (вероятно, и в низовьях других русских рек) весенний ход сомов начинается вместе с началом разлива, в данном случае около середины апреля. Почувяв теплую воду, они пробуждаются от своего зимнего сна и выходят из ям в затоны, озера, иногда и в море, чаще, однако, подымаясь кверху. Очень мутной воды сом не выносит и, подобно судаку, иногда даже погибает от нее, а потому каждый более значительный паводок заставляет его покидать свою яму и искать более чистой воды в устьях мелких притоков. По той же причине в полоую воду он редко встречается в русле реки и до самого спада держится на пойме и в поемных озерах. Подобно всем другим рыбам, сомы заходят тем дальше вверх по течению, чем разлив реки больше и продолжительнее. Вообще, чем меньше река и чем менее продолжителен ее разлив, тем более оседлую жизнь ведет эта рыба и тем чаще нерест ее совершается в самом русле реки, а не на пойме. Во второстепенных реках Средней России сомы и не могут метать икры на пойме, т. к. они входят в берега к началу мая, задолго до начала нереста. Всего чаще сомы нерестятся на разливе в низовьях Волги, где главная прибыль воды начинается в конце весны.

Между пробуждением и началом нереста сома проходит немало времени, не менее месяца. В течение этого периода бродячей жизни сомы усиленно кормятся рыбою, особенно мечущей икру, и таким образом вознаграждают себя за долговременный пост. Первое время он также питается и червями, на которых летом не обращает почти никакого внимания, даже не особенно крупный. Вообще же пища сомов довольно разнообразна, хотя исключительно животная. Основным кормом служит, конечно, рыба всех видов и разной величины, от самой мелкой до самой крупной. Но, как, впрочем, нетрудно видеть из его сложения, сом не способен к продолжительному преследованию и ловит рыбу почти всегда из засады, стремительно врываясь в мимо идущую стаю или с быстротою молнии хватая близко плывущую одиночную рыбу. Несомненно, что этой стремительностью сом обязан своему могучему и гибкому плеску, т. е. задней половине тела с хвостом, и что этим же плеском он иногда оглушает несколько рыб в стае. Гоняясь за живцами, сом иногда выскакивает из воды, неуклюже, мешком, падая обратно, разбрасывая при этом кучей воду и отклоняя несколько набок хвост.

Крупные сомы, свыше двух пудов, очень неуклюжи и неповоротливы, а потому рыба, особенно крупная, достается им в добычу сравнительно редко. Однако известно, что такие гиганты прибегают к довольно оригинальной уловке для ловли мелкой рыбы, а именно: они выходят на мель или становятся под берег в таком месте, где много снует мальков-селетков, также ельчиков, уклеек, и лежат здесь неподвижно, полураскрыв свою огромную пасть. Как только стая мелочи приблизится к хищнику, не подозревая об угрожающей ей опасности, сомина вытягивает воду, и десятки рыбок, увлекаемые внезапно образовавшимся сильным водоворотом, исчезают в пасти. Кроме того, сом, притаившийся за камнем или корягой, несомненно, пользуется своими усами в качестве приманки: рыба, прельщенная этими нежными, мясистыми, напоминающими червяков придатками и не видя самого сома, подходит вплотную, и хищник, улучив свободную минуту, стремительно хватает неосторожно приблизившуюся рыбу.

Так как этот способ добывания не особенно надежен, то за жиревшие сомы кормятся большею частью лягушками, раками и ракушками, т. е. крупными речными моллюсками из рода *Unio*, *Anodonta*, а в море и устьях, вероятно, и многими другими. Лягушки, преимущественно зеленые (*Rana viridis*), составляют для сома лакомство; лежа на дне, он всегда внимательно прислушивается, не квакает ли где лягушка, немедленно подплывает к певичке и стремительно, заблаговременно открыв свою огромную пасть, бросается на нее. Эта слабость к лягушкам побуждает сома не только посещать речные травянистые заводи, но нередко застревать в поемных озерах; на ней же основана самая добычливая и интересная ловля, так называемое клоченье. Сомы, особенно крупные, не дают спуска ничему живому, плавающему на поверхности, и истребляют большое количество утят, гусенят, а также и взрослых водяных птиц. Нередко они топят плывущих собак, даже телят, и известно несколько примеров, что крупные сомы утаскивали в воду и топили купающихся детей. Так, например, не очень давно в Астраханской губ. был случай, что трехпудовый сом стащил в воду одиннадцатилетнего калмычонка, свесившего ноги с плота, и утопил его, но подавился и вскоре всплыл вместе со своей жертвой. И. Попов рассказывает, что таким же образом сом стащил в воду взрослого человека (его деда), который, однако, успел с большим трудом высвободить ноги из пасти сома, ободравшего с них всю кожу. В Уфимской губернии ходит легенда о соме, утащившем в воду переплывавшего реку медведя. Сомы едят также всякую падаль, попавшую в реку, а с голоду бросаются даже на сгнившие тряпки и даже выхватывают белье из рук полоскающих его баб. Поблизости рыболовных ватаг (промыслов) в низовьях южно-русских рек, особенно на Куре и Волге, сомы кормятся почти исключительно остатками от приготовления рыбы и в известные часы, когда выбрасываются эти остатки, собираются около плотов в таком множестве и хватают корм с такою жадностью, что представляют ужасное зрелище.

Нерест сомов начинается сравнительно очень поздно, когда вода достигает температуры не менее 18° или даже 20 °С, вообще почти одновременно с сазанами, большею частью в мае. Сомнительно, чтобы где-либо в Южной России, кроме Закавказья, сомы терлись в начале апреля. По Варпаховскому, сомы в Казанской губернии нерестятся в первой половине мая, что, принимая во внимание наблюдения в низовьях Волги и Дона, несколько рано. На Клязьме, во Владимирской губ., сом начинает тереться во время цветения шиповника – в начале июня. Только нижнеднепровские сомы могут метать икру в начале мая, может быть, даже в конце апреля. По Яковлеву, под Астраханью нерест сомов или, вернее, приготовление к нересту начинается во время разлива – в мае, а по словам Попова, на Дону сомы трутся с конца мая до начала июля. Этот продолжительный срок зависит, вероятно, от того, что здесь подразумевается начало икрометания и

окончательный вывод молоди и уход старых сомов с нерестилища.

По всей вероятности, сомы делаются способными к размножению на четвертом или даже на третьем году, т. к. уже пятифунтовые экземпляры содержат икру и молоки. Самцы, как и всегда, заметно менее ростом и тоньше самок одинакового возраста, но большой разницы между нерестящимися особями не замечается, т. к. самцу может угрожать опасность быть проглоченным самкою. Те сомовьи стаи, которые нередко замечаются весной, еще до нереста, тоже состоят из особей одинакового возраста и приблизительно одинаковой величины.

Нерестилище, или тырло, сомов бывает в довольно различных местах, сообразно условиям местности, но, по-видимому, очень редко замечается в той яме, которая служит их постоянным обиталищем. Исключение составляют, быть может, только небольшие реки, где сомы по необходимости ведут вполне оседлую жизнь. В Юго-Западной России сомы нерестятся большею частью в глубоких, но тихих промоинах и протоках, наполненных затонувшими корягами; на Дону сомы трутся около камыша, куги или другой травы, на мелких местах; на Нижней Волге – всегда на разливе, на затопленных лугах, преимущественно там, где плавают старое сено и прошлогодний камыш. В заливных озерах нерест сомов замечается не так часто, как в протоках, но и здесь они иногда замечаются перед нерестом в большом количестве, целыми стаями. В озере Рамзе, близ Кирсанова и р. Вороны, в одну тоню было захвачено однажды, по словам г. Торчилло, семьдесят сомов до пуда величиною. Но хотя эти сомовьи сборища в местностях, изобилующих сомами, сопровождаются необычайным всплеском и раскатистыми ударами, которые можно сравнить только с шумом, произведенным загнанным в воду табуном, хотя сомы гоняются друг за другом и даже обвиваются, подобно змеям, но это еще не настоящее тырло, а только, так сказать, прелюдия нереста. Сомы собираются стаями и производят описанные эволюции с двумя целями: во-первых, они разбивают икру, а во-вторых, здесь происходит выбор супругов сомихами. Сомовье тырло в некотором роде токовище, на котором, однако, первенствует женская половина. Там же, где сомов немного, за самкой обыкновенно плывет 3–4 самца, из которых сомиха выбирает одного, вероятно сильнейшего; затем общими усилиями пара прогоняет заштатных кавалеров. Между многими промысловиками Средней и отчасти Южной России распространено убеждение, что сомиха клохчет, призывая самцов этим клохтаньем. Некоторые даже полагают, что так называемое клохченье сомов основано на подражании клохтанью сомихи, а не кваканью лягушки. Может быть, сомы-самцы действительно идут иногда на клоч, полагая встретить самку, т. к. в способности сомов производить звуки, кажется, нет никакого сомнения, но т. к. клохченье производится почти всегда летом, после окончания нереста, то, очевидно, сома привлекает не сомиха, а лягушка. Во всяком случае, желательны в этом отношении более точные наблюдения, а не одни голословные мнения.

Выбрав себе самца, сомиха удаляется с ним в уединенное место на разливе или в протоке, как сказано выше, и грудными перьями (кулачками) вырывает ямку. Эта ямка, так называемое мазло нижеволжских рыбаков, бывает иногда до 3 1/2 и более футов глубиною. Подробности икротетания неизвестны, но сюда, в это мазло, сомиха складывает свои икринки, довольно крупные и сравнительно немногочисленные. Икринки эти имеют в диаметре 3 миллиметра; что же касается их числа, то относительно этого мнения разногласят: у старинных авторов сомиха имеет только до 20 тысяч икринок, что для крупных экземпляров совершенно невероятно; О. Freiherrn насчитал у пятифунтовой сомихи 60 тыс. икринок, а Борне полагает, что число их достигает 100 тыс. Если вычисление О. Freiherrn'a верно, то, разумеется, у крупных сомов должна быть не одна сотня тысяч икринок. Во время нереста сомы часто плавают на поверхности, переворачиваясь вверх брюхом. В жаркий день они лежат на солнце в таком положении довольно долго и время – «распаривают тешку»,

на жаргоне рыбопромышленников. По всей вероятности, нерест совершается не в один, а в несколько приемов, но, как почти и у всех других рыб, он имеет еще много темного и неисследованного.

Сомовья парочка живет в большой дружбе, и, встретив одного, можно быть уверенным найти поблизости другого. Этого мало: самка и самец не покидают мазла до тех пор, пока не выклюнется вся молодежь, и оберегают икру от нападения лакомой до нее мелочи, отгоняя ее от мазла ударами плеска. По этим ударам рыбаки узнают о близости нерестилища и, подъехав к нему, часто убивают (сандовьем) одного или обоих сомов, т. к. они, во время нереста в особенности крайне смирны, подпускают человека очень близко, и если будет убит один, то другой в скором времени возвращается на прежнее место.

Молодые сомики выклеваются из яйца через 7–10 дней и первое время остаются на ямке, питаясь илом и растительными веществами, но скоро разбредаются, причем на Нижней Волге огромное количество сомят, оставшихся в мелких калужинах и болотах, обсыхает или достается в добычу птицам. Тем не менее трудно объяснить, почему сомы при особенно благоприятных условиях для сохранности икры встречаются относительно реже других рыб. Весьма возможно, что большая часть выведшихся мальков поедается сомами же, даже своими родителями. Последние, впрочем, выполнив свои обязанности, возвращаются на свои обычные места, в ямы, причем в низовьях Волги скатываются в реку. Конец нереста здесь всегда совпадает с убылью воды. По моим наблюдениям в р. Сити, одном из притоков р. Мологи, сомята здесь держатся первое время на перекатах, за камнями, в сообществе гольцов, подкаменщиков и пескарей, которыми через месяц или два начинают питаться.

Молодые сомы, особенно первые 5–6 лет, растут крайне быстро. Через месяц они имеют уже четверть в длину, даже в Москве-реке в июле попадаются 5-вершковые сомики-селетки, выведшиеся здесь, вероятно, в конце мая. Осенью, в сентябре, сомики достигают веса одного, даже полутора фунтов, г. Воронин говорит, что в сентябре в Псковское озеро идет из реки Великой прибылой сом, около фунта весом, притом сплошной массой, вероятно на зимовку. По Брему, годовалый сом тоже весит до 1 1/2 фунт., а двухгодовалый – до 3 фунт., причем, однако, на прирост имеет большое влияние низкое или высокое стояние воды (в западноевропейских реках): при малой воде сомята растут вдвое медленнее, чем при большой. На основании некоторых отрывочных наблюдений я полагаю, что первые пять лет прирост сомов совершается почти в геометрической прогрессии, т. е. с каждым годом сом увеличивается в весе вдвое; трехлетний соменок в конце мая весит при росте без малого в аршин 6 ф., четырехлетний – 12, пятилетний – 20–24. Пудовому сому, имеющему около 2 аршин длины, не менее 6, но вряд ли более 8 лет от роду. Матерый сом увеличивается в весе все медленнее и медленнее. Основываясь на том, что сомик, пересаженный из Оки в Архиерейский пруд бл из г. Коломны, в 35 лет достиг почти 5-пудового веса, и приняв также в соображение, что прудовые и озерные сомы растут медленнее речных, даже при более обильной пище, я полагаю, что 2-пудовому сому не менее 12, 4-пудовому не менее 24, 8-пудовому не менее 50 лет и что самые крупные сомы, в 15–20 пуд. весом, имеют не менее столетия. Очень может быть, что при более внимательном наблюдении впоследствии можно будет совершенно точно определить возраст сома, тем более что он, вовсе не принимая пищи в течение 5–6 мес., растет вполне подобно дереву. Замечу здесь кстати, что возраст щук можно, по Домбровскому, узнавать по числу выемок на щеке; сколько этих ямочек – столько щуке лет.

После вывода мальков сомы, как сказано выше, возвращаются в ямы, служащие их постоянным пребыванием, причем, вероятно, пары разлучаются. В Нижней Волге около середины июля идет массами покатной сом, после нереста, из ильменей

обратно в море. Там, где сомов мало, они живут постоянно в самых глубоких ямах, причем чем она глубже и недоступнее, тем сомы, в ней живущие, многочисленнее и крупнее. Сомята до 20–30 фунт. не особенно придерживаются глубоких мест, и их можно встретить местами на 2–3 арш. Для сомов важна не столько глубина, сколько недоступность места и тень, а потому их очень часто можно встретить, особенно на юге, под так называемыми плавами, т. е. плавучими берегами, под нависшими кустами, береговыми навесами, корнями ив и верб, под плотинами и т.д. В скалистых реках, например Днестре и Буге, сомы часто встречаются между камнями и в больших расщелинах в сообществе с налимами, которых они настойчиво преследуют.

Образ жизни сома нельзя назвать вполне ночным, т. к. он все-таки больше бродит по зорям, чем в глухую полночь, и временами выходит на поверхность и вообще заявляет о своем существовании и днем. Как во время нереста, так и после него в тихие жаркие дни можно наблюдать сомов, выплывших на поверхность и, перевернувшись вверх брюхом, греющихся на солнце. В большинстве случаев появление сомов днем предвещает ненастье, грозу или перемену погоды. Очень мутная вода после продолжительных дождей и сильный паводок тоже вызывают сома на поверхность, заставляют его временно покинуть свою яму и переселяться в тихие места, заводи с песчаным дном и иногда в устья притоков, ранее очищающихся от мути. Но теплую дождевую воду после непродолжительного летнего дождя сом очень любит и подходит к образовавшимся ручейкам даже днем. Особенное беспокойство сом выказывает во время грозы и перед ее началом. В это время он уже не может лежать спокойно на дне, а держится верхних слоев, совершенно бесцельно плавая взад и вперед по своей яме; в ночную грозу он плавает всю ночь, и в такую пору поднимаются со дна омута даже самые древние его обитатели, самые крупные великаны сомовьего царства, олицетворяющие водяных. Действительно, они поднимают такую возню, что трудно приписать ее рыбе. Плавая поверху, сомы перевертываются боком, редко высывая голову, особенно днем. Всего чаще они заявляют о своем присутствии характерным сильным всплескиванием, дающим иногда большую волну. Сом выставляет вертикально свой могучий плес и затем с силой ударяет им вправо и влево по поверхности. Плещется сом, кроме самых крупных, впрочем, почти каждую ночь по зорям, выходя из ямы на жировку и возвращаясь в нее обратно. Иногда, как говорят, сом на заре дремлет, высунув голову на поверхность и плывя по течению.

Хотя, по мнению южно-русских рыбаков, жор сомов бывает на новолунии (по другим, также на ущербе), но тем не менее сомы кормятся ежедневно или, вернее, каждую ночь, хотя, может быть, и не с одинаковою жадностью. Каждый мелкий и средний сом, до пуда и двух весом, выходит из своего дневного убежища около заката. Обыкновенно сом прежде всего обходит кругом всю яму, иногда несколько раз, затем поднимается вверх по течению, посещая преимущественно те места реки, которые изобилуют живцами. Случается, что за поисками пищи голодный сом очень удаляется от своего притона, но тем не менее к утру непременно возвращается домой. Надо полагать, что сомы, которые наблюдаются иногда дремлющими, выставив голову на поверхность, и плывущими по течению, – это те усталые странники, которые поднялись очень высоко. Вообще пути сомов на жировку, как и всякой другой рыбы, более или менее постоянны и известны каждому наблюдательному местному рыболову. Сомовьи тракты тем легче могут быть определены, что, даже плывя не на поверхности, а на дне, сом оставляет наглядные признаки своего присутствия. Когда он плывет мелким местом, то оставляет за собой светлую полосу, обозначающую его след, а на мелях впереди его идет как бы небольшая волна. Кроме того, сом чуть не постоянно бурунит, т. е., плывя по дну, задевает разные предметы, из-под которых, так же как из-под доставаемых им раков

и ракушек, выходят пузырьки воздуха. Эти пузырьки замечаются очень часто даже там, где грунт довольно твердый, а не илистый, что зависит от строения плавательного пузыря этих рыб, сообщающегося с пищеводом, почему сом может произвольно выпускать воздух из заднего прохода, подобно вьюну. В холодную погоду, ближе к осени, сом лежит на дне, целыми днями не выходя из ямы.

Относительно умственных способностей сомов существуют два совершенно противоположных мнения. Одни рыбаки, волжские, куринские и донские, считают сома чуть ли не самой умною и хитрою рыбою, между тем как в Юго-Западной России о нем очень невысокого мнения. Может быть, это разногласие объясняется недостатком пищи: там, где сом сытее, он всегда будет умнее, да и хитрость и понятливость его подлежат некоторому сомнению. Рыбаки Нижней Куры удивляются, например, тому, что сомы являются к ватажному плоту именно в те часы, когда с них выбрасываются внутренности уже вычищенной красной рыбы; между тем к этому может быть приучена всякая рыба. Защитники ума сомов говорят, что никогда или очень редко попадаются сомы с обрывком лесы с крючком во рту, подобно щуке или на лиму. Однако мнение это неверно, и голодный сом в жадности и неосторожности мало уступает щуке. Вавилов, например, рассказывает случай, которому был свидетелем, что сом (в 25 фунт.) сразу взял на три рядом поставленные удочки, а когда его вытащили, то нашли в желудке еще четыре заржавленных крючка. Тем не менее нельзя отказать сытому сому в некоторой смьшленности: большие сомы, увидев себя окруженными неводом, с разбега пробивают его и, попав в мотню, стараются уцепиться и оборвать ее; другие залегают в ямки или даже, забежав вперед, зарывают голову в ил, так что нижние подборы невода скользят по его телу. Другие перекидываются через невод, если только имеют какую-либо точку опоры. По этим причинам крупные сомы попадают в невода очень редко, тем более что они и живут в местах, более или менее неудобных для лова. Пойманный сом легко выскакивает из лодки: стоит ему только поставить свой плес, или плеск, на борт, и он перекидывается в воду. Существуют довольно правдоподобные рассказы о том, что сомы во время разлива (на Нижней Волге) сшибают хвостом с затопленных деревьев (небольших) вороньи гнезда с целью поживиться воронятами. Молодые сомы, сомята прожорливы до глупости; что же касается крупных, то они, подобно большому карпам, часто слишком уже надеются на свою воловьую силу. Прожорливость сомов видна из того, что, обсидевшись на кукуане, они пытаются даже заняться охотою и, проголодавшись, стремительно хватают подведенного им живца на тонкой гнилой нитке (Веневитов). Точно так же сомы зачастую срывают, подобно щукам, рыбу, посаженную на кукуан. Иногда также сом, придя на прикормку, лежит здесь так упорно, что его трудно бывает прогнать и можно забагрить (Курбатов). Такая прожорливость и жадность не говорят, конечно, в пользу больших умственных способностей этой пресноводной акулы. О неосторожности сомов во время нереста и оберегания икры уже говорилось выше.

Сом, как рыба умеренных и даже теплых стран (почти все виды семейства сомов принадлежат к тропическому климату), весьма чувствителен к холоду, а потому перестает кормиться и залегает раньше всех рыб, иногда даже (в средних губерниях) в сентябре. На Нижней Волге в августе и сентябре сомы, месяц-два назад вернувшиеся в море после окончания нереста, опять поднимаются в реку и ложатся в глубокие ямы. Судя по словам Воронина, подобное же осеннее движение, только обратное, замечается и на Псковском озере. Прибылой сом, как известно, идет в сентябре массами в озера на зимовку. В октябре все сомы уже на зимних становищах. В прежние времена в днепровских омутах, донских холовертях и волжских ямах сомы ложились сотнями, сплошными массами, но теперь даже в низовьях Волги трудно найти зимою более пятидесяти штук в одном месте. В Урале,

где всю рыбу вообще мало беспокоят осенью, сомовьи становища, без сомнения, многочисленнее, но настоящее сомовье царство находится на Нижней Куре. Здесь, близ Сальян, расположена огромная и глубокая яма, в которой еще в семидесятых годах каждую зиму добывалось от 10 до 15 тыс. крупных сомов. Всего охотнее сом ложится под глинистыми крутоярами, где берег подмыт и образовались большие пещеры. Впрочем, кажется, большею частью сомы вырывают себе для зимовки отдельные ямы, или, вернее, ложбины, глубиною иногда до 4 фут., зарывая в ил всю голову с кулаками. Таким образом, вся стая лежит почти сплошной массой, в один ярус, причем на них нередко ложится в несколько слоев другая крупная белая рыба, всего чаще сазаны, постоянные спутники сомов, которые, по причине своей быстроты, редко достаются в добычу даже летом. Зимой же сом вполне безопасен для всякой рыбы, т. к. совершенно неподвижен, ничего не ест и спит настолько глубоким сном, что не успевает опомниться и выказать сопротивление, когда его зацепили багром и вытаскивают на лед.

Промысловая ловля сомов производится специально только в низовьях наших южных рек, притом главным образом позднюю осенью или зимой, когда сомы залегли в ямы на зимовку. В средних течениях, тем более в верховьях рек Черноморского и Арало-Каспийского бассейнов, сомы уже не имеют никакого промыслового значения и попадают рыбакам большею частью в летнее время или случайно в невода, или на переметы и жерлицы. Большое количество сомов добывается летом лишь на азовских промыслах (неводами) и в низовьях Волги (сомовниками).

Кроме неводов, употребляемых большею частью на больших промыслах, на юге России мелкие рыбопромышленники ловят некрупных сомов ручными сетяными снастями: на Дону и вообще на юго-востоке – известными малушками или накидными сетями, обыкновенно когда сомы уже залягут; в Малороссии – так называемыми топтунами – большим сакон на длинной рукоятке, почти ничем не отличающимся от великорусской наметки. Топтуном сеть эта называется потому, что рыба загоняется в нее из-под берега, кустов и плавов вытаптыванием, так же как и в наши летние наметки (настоящие употребляются лишь в полную воду) в полдневную жару или (преимущественно бель) ночью. В крыльены (фитили), трехстенные ботальные мережи (пересыпи, мережки) и другие сети сомы попадают сравнительно редко, но довольно часто заходят в так называемые котцы, или коты, лабиринтообразные загородки, наиболее распространенные в Юго-Западной России.

На Амударье узбеки, большие любители сомовины, ловят сомов довольно оригинальным способом, основанным на том наблюдении, что сом очень любит водоворотное течение и, если встретит таковое на своем пути, не преминет остановиться здесь и полежать некоторое время, на что обращаем внимание любителей сомовьей охоты. С целью образования обратного течения делается закол, который аршина на два или на три идет от берега перпендикулярно к течению. Самый же снаряд керси представляет нечто среднее между наметкой, сежей (см. «Белорыбица») и отчасти норотом. Керси – довольно большая сетка в виде мешка (сажени в две?), которая насажена своим отверстием на треугольнике из толстых палок, из которых нижняя значительно короче. Отверстие это заплетается, как паутиной, крепкими, но тонкими бечевками, причем в центре оставляется широкое круглое отверстие для входа рыбы. Сеть ставится следующим образом: несколько ниже запруды (язка) в берег вбиваются два крепких кола, скрепленные перекладной; к этой перекладке привязываются бечевками концы длинных палок треугольника так, чтобы последний, двигаясь как на шарнире в вертикальной плоскости, мог быть легко опущен в воду до самого дна и вытаскнут оттуда. Вытаскивается он с помощью толстой веревки, прикрепленной к верхнему,

свободному углу его. Керси ставится так, чтобы открытая сторона треугольника направлена была вниз по реке, против струи водоворота, а глухой конец мешка располагается ближе к плотине и притягивается тонкой бечевкой к колышку, вбитому в берег у плотины. Это делается для того, чтобы течение не свертывало сеть и мешки ее сохранили надлежащее положение. Кроме того, от середины мешка идет тонкая бечевка-сторожок, свободный конец которого держит сидящий (лежащий) на берегу рыбак. Керси в таком виде готова и установлена. Как только зайдет сом в мешок и сторожевая бечевка даст знать об этом рыболову, он бросается к передней толстой веревке, быстро поднимает ею треугольник из воды, чтобы не ушла добыча, и затем при помощи товарища подтягивает мешок к берегу. Подтянув керси, рыбак, вооружившись крепкой веревкой, спускается в воду, еще в сетке ловит сома за жабры, пропускает под них веревку, завязывает и тогда уже при помощи ее выводит осторожно рыбу из керси, предварительно прикрепив другой конец веревки (кукана) к колу на берегу. Весьма вероятно, что этот способ может быть применен во всех местностях, изобилующих сомами, но его бы следовало несколько усовершенствовать или даже заменить настоящей сежей, которая едва ли даже не применяется для ловли сомов в Уральской области.

Рис. 195. Самодер

По-видимому, большая часть сомов на юге добывается в Южной России на зимних становах ищах самодерами и садовьями. Самодер состоит из трех больших железных крюков, привязанных к веревке с грузилом. Этим самодером сонная рыба поддевается как бы багром и вытаскивается в лодку или на лед. На Урале, кажется, сомов багряют такими же баграми, как и красную рыбу; в низовьях же Днепра и Волги (и других рек) сомов бьют двузубыми острогами, так называемыми садовьями. Садовье (см. «Карп») или неподвижно прикрепляется к ратовищу, или же делается съемным, на веревке. Последняя необходима при ловле крупных сомов, но с этой целью она может быть привязана также и к свободному концу дровяка. На Нижней Волге сомов бьют садовьями и в конце весны, на разливах, во время метания икры, иногда даже топорами. Особенным искусством в бою садовьями отличаются калмыки и татары, которые попадают в плывущего сома, даже не видя его; в мелкой воде они кидают острогу в след, оставленный рыбой, а на более глубокой руководствуются выпускаемыми ею пузырями. В Витебской губернии, по словам Терлецкого, сомов так же бьют острогами во время нереста, но подманивая их (самцов?) на клочок, в виде деревянного стакана на палке (вроде ботала), при ударе которым производятся звуки, похожие на крик выпи, тем более глухие, чем ниже его опускают; надо полагать, этим вабленьем подражают призывному голосу сомихи.

Вабят ли где в других местах сомов на клочок во время нереста – достоверно неизвестно, но, как уже было замечено выше, если будет убит один из пары, то уцелевший вскоре возвращается на мазло.

Не подлежит никакому сомнению, что во время нереста сомов всегда удобнее было бы стрелять, но вряд ли где способ этот употребляется систематически. Лучше всего было бы стрелять картечью или разрывными и разрезными пулями, целя в голову.

В устьях Москвы-реки, недалеко от Коломны, одним местным рыбаком, живущим около последней москворецкой плотины (на Песках), употреблялся чрезвычайно оригинальный способ летнего добывания сомов, способ, давший ему не один десяток довольных о крупных рыб – до двух и более пудов. Заключается он в следующем. Рыбак, заметив, что в яме под плотину завелся крупный сом или несколько (они приходят сюда из Оки), предварительно прикармливает их в течение нескольких дней, бросая крупные куски круто сваренной гречневой каши. Когда же удостоверится, что сом или сомы привыкли к подачке, ставит в печь одновременно несколько маленьких горшков и, когда каша сварится, разбивает горшки, и эти большие, правильной формы комы каши поджаривает так, чтобы кругом образовалась крепкая и довольно толстая кора, долго не пропускающая внутрь воду. Затем он вынимает из печки один из комов и подвешивает его (вечером или рано утром) на нитке (при помощи небольшого крючка), привязанной к воткнутому шесту. Большею частью сом не заставляет себя ждать и не позднее как через минуту срывает привычную приманку с крючка и проглатывает ее, как пилюлю. Но проглоченная сгоряча каша в желудке начинает сильно жечь, и рыба вскоре от нестерпимой боли выходит на повер хность и начинает плавать почти на одном месте вверх брюхом. Тогда рыбак выезжает на лодке и бьет рыбу дубиной. Если первой порции пришлось долго висеть в воде, меняют ее на свежий горячий ком, иногда неоднократно.

Рис. 196. Киевский сомовий крючок

Ловля сомов на крючки с насадкой производится довольно разнообразными способами: сомовниками и переметами с большим количеством крючков, жерлицами, на донные и поплавочные удочки и, наконец, плавом, с клочком. Но прежде чем перейти к описанию этих более или менее охотничьих методов ловли сомов, считаю необходимым дать более подробные сведения о времени и местах ловли, насадках и указать общие правила вытаскивания.

Лучшее время ловли бывает летом, по совершенном окончании нереста, т. е. после вывода сомят. Весенняя ловля, до нереста, подвержена многим случайностям и не везде бывает удобна; смотря по местности, она иногда продолжается (с апреля) до конца мая и даже начала июня (например, на р. Вороне). На Свияге, как говорят местные рыболовы, сом лучше всего берет в конце мая и начале июня, но это слишком поздно для весеннего и слишком рано (по местности) для летнего периода.

С конца мая начинается летняя ловля только на юге (на Днепре и др.) и совпадает здесь с временем линяния раков; в средних же губерниях сомы начинают брать лишь в июле, даже в конце месяца (р. Ворона); по замечанию клязьминских рыболовов, клев начинается с цветением шиповника и с того времени, как сом начнет донимать пиявка, но дело, конечно, не в пиявках. Даже в низовьях Волги главная ловля производится с половины июля, когда идет обратно в море покатной сом, выметавший икру в ильменях и на речных разливах. Летний клев сома продолжается весь август и большую или меньшую часть сентября, смотря по погоде. Ловля бывает успешна только в теплую погоду, в холод же и продолжительное ненастье сомы лежат на дне и на жировку из ямы не выходят. По замечанию одних рыбаков (например, на Кубани), сомы всего лучше берут приманку в лунные ночи; хотя нельзя отрицать того, что в такое время сомы охотно выходят на мелкие места, где и ловятся, но вернее принять, вместе с большинством, что жор бывает около новолуния и на ущербе, вообще в темные ночи. Впрочем, местами, в мае, т. е. до нереста, сомы лучше берут днем, чем ночью, да и в летнее время они всего чаще попадаются на утренней заре, перед восходом. Во время ночной грозы они жадно хватают насадку, если она только пущена близко от поверхности. Ночи, когда моросит небольшой дождь, должно считать самым удобным временем для ловли сома: сомы любят свежую и тепловатую дождевую воду и попадаются в эту пору на снасти всего чаще (Домбровский).

Определить место ловли, т. е. где надо ставить переметы, жерлицы и удочки, довольно трудно, т. к. это зависит от многих условий. Только наблюдение и опыт могут безошибочно указать те пункты, где сомы бывают постоянно или только проходом. Опытный рыболов всегда определит, есть ли сомы, по их характерному всплеску и «броханью», но без предварительной рекогносцировки ловить сомов не стоит. Можно сказать только, что ставить крючки разного рода выгоднее не на самой яме, где живут сомы, а в тех пунктах, которые лежат на пути ночного путешествия сома, идущего всегда одним и тем же «трактом». Всего проще ставить переметы, особенно в небольших реках, с одного берега на другой.

По мнению Домбровского, лучше ставить крючки около травяного переката, богатого живцами, или около неглубокого переката, на котором живца мог бы видеть и донный, и верховой сом, или на светлой стороне берега, т. е. выходящего на северо-запад. Хорошими местами считаются углы ям и перемела, места со слабым течением, с небольшими зарослями травы, в которой держатся красноперки, плотички и голавлики – т. наз. (на юго-западе) «закабаи». «Если дно «закабая» илистое, то сом изредка идет по дну; здесь он рассчитывает найти или рака, или карася и линька, но чаще все-таки идет поверху. Далее, хорошими сомовыми местами должны быть признаны глубокие перекаты, зарастающие хоть с одной стороны лентообразной, реже какой другой травой, не доходящей до поверхности воды и над которой любят плавать голавли и красноперки. Весьма часто недурными местами могут быть названы короткие берега ям, вдающихся в какую-нибудь сторону; эти ямы почти всегда круглые, имеют один берег окружностью в 300°, а другой – короткий, почти прямой и соединяющий смежные перекаты; сом, переходя из одной ямы в другую, идет мимо этого берега напрямик, а не по довольно длинной дуге ямы; таких мест на небольших реках, текущих извиристо, очень много; если такой берег нечист, вследствие кустов ивы или поднимающихся вверх водорослей, то рыбаку следует перед постановкой крючка позаботиться о прочистке этого места рыболовной косой или просто веслом, и затраченный труд очень часто будет награжден хорошей добычей. Хорошими местами для постановки крючка нужно считать перемелы – ямы, имеющие между своими углами и собственно перемелами кусты лоз, обнаженные корни деревьев, живых или засохших. Вообще верховой крючок удобнее всего пристраивать там, где есть живцы: это лучший признак,

могущий указать в 2–3 ближайšie ночи на существование или отсутствие сома в данном месте; так, сорванный живец укажет, что сом есть; живой – что еще нужно попробовать счастья одну или две ночи; только там, где много черепах, беле зны, язей и наколовшихся сомов, которые хвостами сбивают насадку крючка, бывает трудно определить качество ямы. Что касается донных крючков, то их вообще ставят на перекатах таким образом, чтобы насадка (живец, рак, тараний пузырь) приходилась на соединении ямы с перекатом и недалеко от дна; места соединения перемелов и глубоких ям зачастую служат местопребыванием сомов, которые и не замедлят увидеть насадку».

Насадки для ловли сомов довольно разнообразны, но почти всегда бывают животного происхождения. Хотя сом неприхотлив на пищу и ест все съедобное, вряд ли где его удят на куски хлеба или круто сваренной каши, которыми, однако, несомненно, можно прикармливать. Предварительная прикормка сомов если где и употребляется, то лишь в исключительных случаях, хотя она, несомненно, полезна. Чаще всего переметы, жерлицы и удочки насаживаются живцами. Живцами могут быть почти все породы рыб; они не должны быть только очень мелки или чересчур крупны, а самое важное – необходимо, чтобы они были живучи, т. е. обладали способностью долго не снуть, даже в теплой воде. В каждой местности существуют рыболовы свои любимые живцы, которые будто бы предпочитаются сомами всем другим. Очень хороши голавлики, также караси и небольшие линьки; на р. Вороне почему-то предпочитают всем подлещика, потому, собственно, что он не любит прятаться в траву; в других же местах – налима, вьюна, небольшую щуку и миногу или ее личинку – слепого вьюнчика; на р. Воронеже на сомовьи переметы насаживают 2–3-фунтовых язей. Большею частью при ловле на весу и в тихой воде живцов насаживают, зацепляя крючком под спинной плавник, реже за губу (на течении при ловле на донную) и еще реже пришивают живца к крючку или (на Оке), пропуская поводок (медный) через рот и задний проход так, чтобы крючок торчал изо рта. Превосходною насадкою для ужения на донную служит вьюн, но т. к. она насаживается за губы, то сом часто его срывает; вьюнов (и налима, а на западе также угря) следует надевать на крючок, предварительно обернув тряпкой, т. к. эти рыбы крайне скользки. Под Смоленском ловят на веретеницу (слепого вьюнчика), тоже зацепляя ее за губу; сом берет ее с хвоста и часто жует.

Некоторые рыболовы предпочитают насаживать для ловли сомов очень крупных живцов, в несколько фунтов весом, на том основании, что эти хищники берут на них охотнее. Мнение это, однако, совершенно ошибочно. На Нижней Волге сомовники насаживают обыкновенно мальками, т. е. мелкой рыбой. Кроме того, очень крупный и свежий живец слишком бойко ходит на крючке, и не всякий сом принаровится его поймать. Домбровский рассказывает, что был два раза очевидцем, как даже полуфунтовый карась оказывался настолько сильным и ловким, что оставался невредимым до утра. Сом останавливался перед быстро вертящимся кругом на бечевке карасем, метился в него и бросался, но обыкновенно промахивался, т. к. целился всегда в карася и не принимал во внимание его круговое движение. Но, бросаясь на карася, сом обыкновенно открывал пасть и потому, вероятно, проглатывал каждый раз небольшое количество воды. Повторив безуспешно несколько раз попытку, он отходил в сторону и отдыхал, а затем опять принимался за безуспешную охоту.

Эта история продолжалась с утренних сумерек до 6–7 ч. утра: сом все продолжал бегать и прицеливаться в живца. Впрочем, такая неудача, всего вероятнее, вызывается крайнею живучестью и неутомимостью карася: все другие рыбы должны очень скоро выбиваться из сил. С очень крупного живца, которого не может одолеть, сом иногда (если не сорвет с крючка) сдирает чешую, как щеткой, вроде окуня, но еще чище его.

Кроме живых рыб, насадкою служат рыбы и птичьи потроха, особенно тараний пузырь, жареный воробей, скворец, галка или другая птица, что, вероятно, для сома совершенно безразлично; наконец, всякое мясо большим куском, не менее как в кулак величиною. Почти все эти насадки не особенно крепко держатся на крючке, почему приходится их пришивать. При ловле на мясо для того чтобы крючок лучше выходил из него при подсечке, полезно наполовину разрезать кусок, вложить крючок в разрез и связать мясо ниткой. Чтобы сделать мясо более мягким, его иногда разбивают палкой. Лягушка (преимущественно зеленая, постоянно живущая в воде) почти всюду составляет одну из любимых, если не самую любимую, приманок для сомов, но местами, где лягушек нет вовсе, они (например, в р. Вороне) вовсе не употребляются. Мнение, что с лягушек лучше сдирать шкуру, – совершенно ошибочно, т. к. сом, конечно, предпочтет живую полумертвой. О способе насаживания лягушки будет говориться далее, при описании жерлиц и клоченья.

Что касается насадок из числа беспозвоночных, то самая употребительная из них – рак, лучше линючий, но пригоден также и твердокожий. Мелкие сомы отлично берут на раковую шейку, притом (кажется, 1–2-годовалые) и в то время, когда взрослые еще ни на что не ловятся. Некоторые советуют вылинявших раков сохранять на льду, где они долгое время сохраняются. Рак насаживается как всегда (см. «Голавль»), но Есипов рекомендует для ловли сома следующий способ: крючок с частью лески пропускают, начиная от конца шейки (хвоста) к ее основанию, через задний проход; затем крючок пропускают вторично с половины шейки, так, что поводок образует петлю, и прячут его в теле рака, а леску поддевают. Сорвать рака, таким образом насаженного, весьма трудно. Для ужения собственно на донную или с поплавком рак и раковая шейка незаменимы. На червя или, вернее, кучу червей (преимущественно красных навозных) берет только мелкий сом, и притом весною. Ракушка, или устрица (речная раковина – *Unio* и *Anodonta*), местами очень уважается сомами, но ее и труднее доставать, и труднее насаживать. Изредка сомята берут на угрей или сальников. В низовьях же Волги самою лучшею насадкою для покатога сома при ловле его сомовниками (переметами) считается саранча, которую низовые рыбаки запасают целыми корзинами или мешками, разыскав ее в камышах по стаям грачей и коршунов, кружащихся над местом, где она вывелась. Собирают саранчу самым ранним утром, на заре, когда роса еще не обсохла, т. к. она смирнее и не улетает. Держат ее на ледниках, где насекомое впадает в оцепенение и не подает признаков жизни, однако вскоре оживает на солнце. Надо заметить, однако, что покатоной сом настолько здесь голоден, что хорошо берет даже на куски старой прокоптившейся кошмы (войлока), мало того – на старые пробки, которыми рыбаки также заблаговременно запасаются в Астрахани.

Перейдем теперь к общим правилам ловли, или, точнее, вытаскиванию сомов. При значительных размерах рыбы манипуляция эта требует немалой сноровки. Сом – рыба очень сильная, но все-таки он не может бросаться с такою стремительностью, как сазан, усач, вырезуб, и относительно слабее: он оказывает сопротивление главным образом массою, т. е. своей тяжестью; затем, как рыба донная, он сильно упирается внизу, залегая или задевая за подводные предметы. Сила сопротивления много зависит, однако, от того, за что зацепил крючок: если в пасть или в губу, то сом, почти не чувствуя боли, идет напролом и часто рвет довольно крепкую снасть; сом же, заглотивший крючок, много смирнее и идет сверху ходчее. Не следует только слишком форсированно тащить его, т. к. иногда случается, что сгоряча большой сом, даже проглотивший насадку, не только обрывает бечевку-леску, но крючок выскакивает из его нутра с куском кутыря (желудка). Вообще сом срывается редко, т. к. крючок всегда хорошо зацепляет в его мясистой пасти, но рыба, раз побывавшая на крючке, очень долго не идет на приманку и может быть поймана в этом году только другим, а не тем же способом и на другую насадку с крючка.

Самый лучший способ вытаскивания небольших сомов заключается в том, что тащат его на поверхность, к лодке, как можно ровнее и вместе медленнее, без толчков и торопливости, безостановочно перебирая бечевку двумя пальцами обеих рук по очереди. Сом, уже замаявшийся и а перемете или достаточно утомившийся на удочке, идет кверху очень ходко, особенно если крючок у него в желудке: он виснет, как гиря, опустив вниз хвост и изредка помахивая головой. Мелких сомят, до десяти и более фунтов, надо вытаскивать без всяких церемоний и как можно скорее, если, конечно, они не попали на снасть, предназначенную для еще более мелкой рыбы; в сачке особенной надобности нет, и лучше тащить добычу прямо в лодку или на берег. Сачки при вытаскивании сомов употребляются редко, и рыболовы чаще пользуются (для крупных) багром, который подводится со стороны хвоста к голове и зацепляется под нижнюю челюсть; средник, около пуда, всего удобнее тащить или за жабры, особенно с берега, или же (с лодки) следующим, очень простым в сущности, приемом: подтащив утомленную рыбу, всовывают ей в рот четыре пальца руки, а большим сильно вдавливают в рот подбородок, обхватив таким образом нижнюю челюсть сверху и снизу, и, этим отгибанием парализуя силу челюстей рыбы, вваливают ее через борт в лодку. Некоторые (Радкевич) полагают, что даже полупудовый сом, если сунуть неловко в рот руку, может не только отдавить, но даже раздробить руку, но это чистейшая нелепость: самое большее, что неутомленный сом при судорожных движениях сдерет своей зубной щеткой часть кожи с пальцев. Сомов покрупнее приходится тащить обеими руками, подхватывая другой под жабу, а помельче, около полупуда, – вкладывая в рот большой палец и вдавливая указательным подбородок.

Матерых рыб большею частью приходится предварительно оглушать ударами обуха или колотушки по голове, отчасти ради большего удобства втаскивания в челнок, но также и потому, что крупный сом в лодке, опомнившись, легко перекидывается через борт; кроме того, он иногда наносит плесом очень сильные удары и даже сбивает рыболова с ног. Никогда не следует забывать, что 2–3-пудовый сом может стащить рыбака с лодки или опрокинуть последнюю, а потому, не утомив предварительно гиганта до полного изнеможения, нельзя под таскивать его слишком скоро, хотя бы он и шел (от боли, вызываемой заглотанным крючком) очень ходко. Убедившись в неминуемой гибели и увидав руки рыболова, сом забывает о мучительной боли и, неожиданно рванувшись, или обрывает снасть, или заставляет рыбака принять невольную ванну. Некоторые второстепенные правила вытаскивания пойманных сомов будут приведены при описании их ужения и клоченья.

Самый употребительный и добычливый способ ловли сомов на крючки с насадкой – это ловля на перемет, употребляемый преимущественно в более широких и глубоких, хотя бы и не судоходных, а запруженных реках. Хотя ловля переметом не принадлежит к числу охотничьих способов добывания рыбы и не может быть сравнима с настоящим ужением на удочку, но нельзя, однако, не согласиться с любителями этой собственно-промысловой снасти, что крупных сомов в некоторых местах иначе как на перемет не поймает. Впрочем, я полагаю, что такие неблагоприятные условия встречаются очень редко и мало найдет ся таких изобилующих сомами рек, в которых бы нельзя было применить плавного способа ужения на клоковую уду.

Настоящий нижневожский сомовник, употребляемый в Астраханской губернии для ловли покатного сома, т. е. возвращающегося (в июле) в море, по окончании нереста, едва ли не самый практичный перемет для некрепких, т. е. нехланных и не очень глубоких мест. Он имеет перед другими переметами то важное преимущество, что совершенно скрыт от посторонних глаз. Сомовник состоит из толстой бечевки или веревки-хребтины в 50 маховых сажен длины; на каждой сажени прикреплен

полуаршинный поводок с крупным крючком. Устанавливается он на дне, конечно поперек реки, на двух деревянных якорях, привязанных к концам хребтины; якорь состоит из двух рогуль, которыми крепко зажимается камень, привязываемый к ним бечевкой. Для удержания сомовника на известной глубине, т. е. для того, чтобы насадка не лежала на дне, через 7–10 крючков, на полуаршинных поводках, привязываются пучки балб ер (поплавков, большею частью осокоревых). Таким образом, сомовник представляет большое сходство с самоловным стерляжьим переметом, который отличается только тем, что поводки с крючками привязаны чаще и крючки не имеют насадки (см. «Стерлядь»). Каждый рыбак ставит сомовники десятками, иногда сотнями. Приманкою служат, как уже было сказано, мелкие живцы, раки и в особенности саранча, а за недостатком этих насадок – даже куски старой прокоптившейся кошмы и старые пробки. Покатной сом настолько голоден, что хватает дорогой все, что ему попадает на встречу.

На больших реках Донского и отчасти Окского бассейнов, например, на Вороне, Хопре, Цне и Мокше, перемет перетягивается большею частью на берег и прикрепляется на обоих берегах к кусту, дереву или, если место голое, к прочно вбитому в землю колу. При таком способе установки снасти она не ложится на дно, а висит над водою, образуя дугу. Поводки привязываются через одну или две сажени, обыкновенно когда бечева уже не ретянута, причем перебираются по ней на лодке, длина каждого поводка зависит от глубины места, но живец ни в каком случае не должен доставать дна и соседних живцов. Насаживаются живцы или тогда, когда уже привязаны все поводки, или одновременно с привязкой поводков. В омуты, находящиеся в крутом изгибе реки, причем противоположный берег большею частью бывает мелкий и песчаный, выгоднее ставить перемет не поперек, а почти вдоль течения, так, чтобы он по отношению к дугообразной линии крутого берега представлял собою хорду, стягивающую конечные точки дуги. При такой постановке перемета ловля бывает всегда много удачнее.

В р. Воронеже, по-видимому, переметы ставят совсем на весу, так, что бечева его не касается воды. Так, г. Веневитинов говорит, что воронежские рыболовы ставят переметы под мостом, в пролете, почти на сажень от поверхности, прикрепляя бечеву к лозовым кустам. Насадка большею частью язь в 2–3 фунта, надеваемый на крючок под спинной плавник; на кусте – колокольчик. Сом, не видя ничего подозрительного ни в воде, ни на дне, т. е. ни веревки, ни камней, берет живца с разбега. Кроме того, такой верховой перемет не дает возможности сому залечь на дно и тем долее сохранить свою силу. Очевидно, воронежский перемет весьма пригоден в таких местах, где сомы чересчур осторожны, и представляет некоторое усовершенствование против вышеописанного. Что касается поводков, то надо всегда иметь в виду, что сом может перетереть своей зубной щеткой бечевку, а потому лучше, если крючки будут привязаны не непосредственно к ней, а к баску или медной проволоке.

Ловля сомов на жерлицы, в сущности, мало отличается от ловли переметами, т. к. тоже не требует присутствия рыболова. Только жерлицы менее добычливы и ставятся или с берега, или в сравнительно мелких местах. Устройство жерлиц известно: главная составная часть ее – рогулька. Разница между щучьими и сомовьими жерлицами заключается в том, что все части последних делаются прочнее: ше сты (тычки) толще, рогульки больше, бечевки толще, а крючки крупнее; затем сомовьи жерлицы ставятся большею частью не на мелких и травянистых местах, а на ямах или поблизости ям. Лучшими шестами считаются березовые и рябиновые, а лучшие рогули делаются из жосты (жимолости); бечевка, предпочтительнее голландская, должна выдерживать не менее двух пудов мертвого веса, и ее необходимо просмолить, т. е. вымочить в составе, где главную роль играет масляный лак, или, по крайней мере, продубить (в отваре дубовой, ивовой коры или

кагэху). Это необходимо как для того, чтобы предохранить ее от гниения, так и потому, что на светлую или белую бечевку всякая хищная рыба берет неохотно. Что касается крючков, то они должны быть на басках (или на поводках из медной проволоки) и иметь значительную величину (нолевых номеров), а главное – прочность. В двойных или тройных крючках нет необходимости. Самыми лучшими крючками для ловли сомов считаются обыкновенно самодельные, ручной работы из косной стали, но это мнение происходит оттого, что рыболовам вовсе неизвестны высокие сорта английских крючков для ловли крупной, преимущественно морской, рыбы. Эти крючки, например Virginia hocks, не уступают кирсановским и иным прочим самодельным, но гораздо их дешевле. Размеры крючка зависят, конечно, главным образом от величины насадки. Тычки, которые могут быть длиною до 3 саж. и более, втыкаются или в берег, или в дно; бечевка, накручиваемая на рогульку, не должна быть особенно длинна, т. к. в противном случае сом заведет ее за коряги. Насадку пускают различно – иногда около дна, иногда вполводы, а иногда и почти на самой поверхности (на 1/4–1/2 арш. от нее) – смотря по местности, погоде и прочим условиям. Вообще надо иметь в виду, что со дна в глубоких ямах берут большею частью самые крупные сомы, а потому на донных жерлицах насадка должна быть крупнее. Приманкою служит чаще всего живец, насаженный или за спинку, реже (как, например, в Рязанской губ.) пришиваемый к крючку в двух местах – у головы и у спинного плавника. Кроме того, употребляются и все другие, уже известные, сомовьи насадки. Для того чтобы живец не мог описывать слишком больших кругов, избегая этим сомовьей пасти, грузило должно иметь соразмерный вес. Местами, именно где много травянистых заливов, лучшею насадкою для сомовьих жерлиц служит зеленая лягушка. На нее, однако, лучше ловить совсем поверху, без грузила, зацепляя крючком (сравнительно небольшим) за спинку. Обыкновенно ставят такие жерлицы неподалеку от листьев лопушника и других водяных растений. Стремясь доплыть до этих листьев, лягушка будет постоянно огребаться задними ногами, производя довольно сильный плеск, который и привлекает сома издали, почему этот способ может назваться самым совершенным из всех жерличных.

Так как при ловле на рогульки часто бывает, что сом, смотав леску, уходит в коряги и там запутывается, а во всяком случае лежит на дне, сберегая свои силы, то в Юго-Западной России настоящие жерлицы заменяются так называемыми крючками, которые, в сущности, представляют упрощенную жерлицу. Рогульки тут не имеется, и ее заменяет небольшой запас лески, аршина в полтора, защемляемый в расщеп на конце тычки. Последняя несколько отлична от жерличного шеста или жерди и имеет более общего с удильником, т. к. должна быть очень крепка, довольно гибка и упруга. Очень крепко втыкать ее в берег или дно, подобно шесту, не следует, чтобы крупный сом не мог ее сломать или оборвать бечевку, а только бы выдернул. Тычки эти, как и жерличные шесты, отнюдь не должны быть белого цвета, а темного (липовые, вербовые), почему иногда их приходится чернить, как и бечевку. Самые крючки, употребляемые в Киевской губернии, несколько отличаются от обыкновенных и готовятся здесь на месте самими рыболовами или слесарями из толстой телеграфной проволоки. Преимущества этого крючка перед другими, однако, весьма сомнительны, и между сотнями образцов английских крючков можно найти немало гораздо более надежных и более цепких. Тычки втыкаются таким образом, чтобы свободный конец их находился на 1–1 1/2 арш. от воды; насадка же, почти всегда живец, должна быть или на 1/2–3/4 арш. от поверхности воды, или на 1/4–1/2 арш. от поверхности дна. Обыкновенно ставят и донные, и верховые крючки, причем первые имеют грузило, а последние его не имеют.

Для ловли в крепких местах крючки незаменимы, т. к. сом, особенно попавшийся на верховой крючок, остается большею частью на месте; сдернув запас бечевы, он

подсекается упругою тычкою и, побарахтавшись более или менее продолжительное время, беспомощно виснет на крючке; если даже тычка и будет им выдернута, он все-таки редко успевает забиться в лом и коряги. Сходство ловли на крючки с ужением сомов еще более увеличивается тем, что рыболову всегда приходится вываживать попавшегося хищника на тычку, так же как и на удилице, что при данной, в несколько сажен, жерличной бечевке совершенно невозможно. Небольшой запас бечевки, по моему мнению, однако, необходим, главным образом для более надежной подсечки. Крупный сом, от пуда весом, возит лодку взад и вперед по яме, так что надо быть очень осторожным и держать тычку обеими руками по направлению к носу; но и тогда, если сому вздумается «ударить на дно», нос начинает погружаться, и лодка зачерпывает воды.

К числу жерличных способов следует отнести ловлю сомов, преимущественно крупных, на бочонки и пузыри, а также на ворот и блоки. Первые заменяют до некоторой степени так называемые щучьи кружки и поставушки, вторые – катушку. На бочонки, сколько мне известно, ловят сомов в верхнем течении Дона. На ведерный крепкий бочонок наворачивается несколько оборотов бечевы, способной выдержать 3–4 пуда мертвого веса, достаточного для того, чтобы утопить бочонок. Этот последний прикрепляется на тонкой бечевке к кусту или крепко вбитому колу, на омутах; насадка крупная, т. к. снаряд предназначается для самых крупных обитателей ям. Попавшийся сом редко уходит далеко, а остается тут же, по временам утапливая оригинальный поплавок. После более или менее продолжительного преследования зацепившегося сомину общими усилиями выволакивают на берег. Бочонок может заменяться бычачьим пузырем, но пузырь хуже тем, что при нем неудобно делать запас бечевы. На Десне крупных сомов, от 5 пуд. и более, ловят, утверждая на плоту (лесной гонке) нечто вроде ворота; на Дону же на плотках, барках и лодках укрепляют с этою целью деревянные блоки или катушки с рукояткою, при помощи которой то подтаскивают, то отпускают попавшегося великана. Здесь нередко вместо бечевы приходится употреблять почти веревку, а крюки привязываются самые крупные, самодельные из косной стали, размерами до 4 верш.

До сих пор, однако, сколько мне известно, еще никто из русских любителей сомовьей ловли не употреблял настоящих английских катушек при ужении сомов на ручные удилица. Причина тому не столько малоизвестность этого остроумного снаряда, необходимого при ловле очень крупной или чересчур осторожной рыбы, сколько мнение о непригодности катушки для ужения в крепких местах. Бесспорно, в лому и корягах катушка совершенно неуместна, но дело в том, что и вообще удить в таких местах нельзя ни на обыкновенные удочки с поплавком, ни тем более на донные с длинной леской.

Ужение сомов каким бы то ни было способом возможно только на чистых местах, свободных от задевов на более или менее значительное расстояние, т. е. большею частью не на самых ямах, а несколько поодаль, на местах, которыми сомы постоянно ходят на жировку. Почти всегда удят сомов с берега, крепко втыкая удильники в землю или стлань плотины при ловле в мельничных омутах; ужение с лодки, укрепленной на месте, почему-то вовсе не употребительно, хотя сом вовсе ее не боится; несомненно, однако, что с лодки ловить гораздо удобнее, особенно на удилица с катушкой. На короткие донные удочки ловят обыкновенно только небольших сомов, около полпуда, т. к. больших очень трудно выводить на коротких шестиках. Насадкою служит рак или раковая шейка, реже вьюн или голавлик, зацепляемый за губы, причем грузило должно быть настолько тяжело, чтобы живец почти не мог бы сдвинуть его с места. Следует заметить, что на течении даже соменок очень сильно упирается, согнув кольцом свой широкий плес, так что его очень трудно сдвинуть с места. Сомята же очень часто встречаются даже на

довольно порядочной быстрине и на незначительной глубине.

Гораздо практичнее ставить на сомов длинные удилища, они должны быть довольно длинны, а главное, очень прочны и упруги, почему предпочитают березовые, которые, однако, необходимо подчеркивать. Толщина удильника у заостренного конца должна быть не менее вершка, а у кончика – в карандаш. Лескою служит более или менее толстая и просмоленная пеньковая бечевка, выдерживающая двухпудовую гирию; весьма пригодны также толстые шелковые лески из желтого кавказского сырцу. В большинстве случаев выгоднее пускать леску не очень длинно и, привязав ее сначала к комлю, обвить вокруг удильника до верхушки. Размеры поплавка зависят от величины насадки, большею частью живца, который пускается на пол-аршина или немного более от дна с очень тяжелым грузилом, редко вполводы. Таких удочек, почти ничем не отличающихся от киевских крючков, великорусские сомятники ставят иногда по нескольку штук. Изредка, на тот случай, если крупный сом вырвет удильник, хотя и крепко втыкаемый в берег под углом в 30–45 градусов, к комлю удовья привязывают доску или большое полено, по которому и разыскивают утащенную рыбою снасть. Кстати, следует заметить, что сома, забившегося в коряги, лучше не форсировать, даже оставить в покое и выждать, пока он сам не выйдет из своей засады. Бывают такие случаи, что сом затаскивает удильники и жерличные шесты в такие крепи, что совершенно запутывает бечеву, обвивая ее вокруг коряг. Некоторые рыболовы, хорошо знающие дно ямы, однако, ухитряются какими-то путями, распутать бечеву и извлечь сома на поверхность.

Настоящим охотничьим, вполне активным, способом ловли сомов может быть названо только так называемое клоченье, при котором рыболов постоянно перемещается, всегда держа леску в руке. Клоченье сомов известно на многих реках Средней, Юго-Восточной и частью Северо-Западной России, но весьма странно, что в Юго-Западной России о нем почти не имеют никакого понятия, по крайней мере я нигде не мог найти никакого на этот счет указания. Вообще ужение на клоковую уду распространено как-то местами и не всегда практикуется даже в реках, изобилующих сомами, как, например, на р. Вороне. Объяснить такую странность можно скорее всего незнанием, чем предположением, что местами сомы почти не берут на лягушку – главную, хотя вовсе не исключительную, насадку при клоченье. Самая идея клоченья, как я уже заметил выше, до сих пор не выяснена с достаточною ясностью: по мнению одних рыболовов, например, западно-двинских, неманских, клязьминских, уфимских и других, идут на клоченье самцы, и клохтуша подражает голосу (овдовевшей?) сомихи, которая будто на заре троекратно клохчет или уркает, призывая самцов. По этой причине и ловля на клоковую уду производится здесь (также на р. Свияге) очень рано, начиная со времени нереста, уже в конце мая. Весьма странно, однако, что южные рыбаки, живущие в местах, гораздо более изобилующих сомами, ничего не говорят о клоченье во время нереста, а полагают, что сом идет на клоченье потому, что оно на поминает ему кваканье лягушки, или даже оттого, что полагает, что тонет какое-либо животное. Только Потехин говорит вскользь, что употребляемый в Саратовской губернии клок производит звук, который делает сом. Настоящее вабление сомов производится, однако, сколько известно, только в Витебской губ., где, по словам Терлецкого, на звуки, производимые вабом, очень скоро подходят к лодке сомы, и тогда их бьют острогами. В других же местностях клочат всегда с насадкой.

Рис. 197. Обыкновенный клок

Главная принадлежность или особенность клоченья сомов – тот инструмент,

которым приманивают сомов. Принцип его тот же, как у известного ботала, и витебский сомовий ваб, или вабик, мало от него отличается, т. к. это тоже род деревянного стакана, насаженного на палку. Простая среднерусская клокуша, или клок, имеет вид небольшой дощечки, в 6–8 верш. длины, полвершка толщины и в вершок ширины, с одного конца которой выдалбливает ся углубление в виде воронки не глубже полудюйма, а с другого стесывается и привязывается к пятивершковой рукоятке. Настоящая охотничья клохтушка, клокуша, или сомовка, – несколько изогнутый костыль, около 10 верш. длиною, из черемухи, рябины, вяза или яблони; на одном конце костыля делается небольшое углубление, величиною с трехкопеечную монету.

Гораздо более совершенную, или, вернее, более практичную, клокушу представляет клоковая снасть, употребляемая на Немане и Вилии. Удобство ее заключается в том, что удочка, т. е. бечевка с крючком и наживой, соединена вместе с клокушей, которою служит коровий рог. Для этой цели выбирается небольшой и по возможности прямой рог; он внутри вычищается, и края его обравниваются, а в остром конце просверливается насквозь, вдоль, а не поперек, отверстие, через которое пропускается бечевка; на конце бечевы прикреплен крючок, а для того, чтобы рог не сдвигался с места, ее закрепляют в роге узлами или палочками. Рог держится от крючка на расстоянии, равном глубине, на какой хотят ловить, чтобы он, т. е. рог, при опускании снаряда в воду всегда ударял по ней нижними своими краями и производил бы известный, приманивающий сомов звук; на бечевку, ниже рога, надевается тяжелое свинцовое грузило. Таким образом, при ловле на эту снасть у рыбака занята только одна рука: он одновременно опускает уду и ударяет клокушей по воде. Замечательно, что о подобном клоченье сомов, несомненно, говорится еще в «Илиаде» Гомера, как указывал на это А. Курбатов, давший описание неманской клокуши. Гомер, говоря (24 песня) об Иресе, посланной Зевсом за Фетидой, так сравнивает стремительность опускания богини в морскую глубину:

Быстро, подобно свинцу, в глубину погрузилась богиня,
Ежели он, прикрепленный под рогом вола степового,
Мчится, коварный, рыбам прожорливым гибель несущий.

Рис. 198. Сомовка

Что касается насадки, то самую лучшую для клоченья считается лягушка; на Дону, однако, приманкою служат чаще всего рак и голова сухой тарани, также угорь (белая личинка навозного жука), воробей, кусок мяса; на Немане и Вилии личинка миноги – пескоройка; на Уфе – устрица, т. е. большая ракуша (*Unio*), вынутая из раковины; на Клязьме тоже, но не очень большое количество – до 3–4 десятков (!). Это разнообразие не говорит в пользу того предположения, что сом идет на клокушу потому, что она подражает кваканью лягушки. Но само собою разумеется, при ловле на лягушку весьма полезно, чтобы клокуша действительно как бы квакала.

Почти всегда клочат плавом, очень редко заякориваются на яме. Лодка должна быть легкая; ловят вдвоем или в одиночку, но всегда с одним правильным веслом, причем сначала поднимаются вверх, а затем спускаются по течению. На Клязьме в нос ботника обыкновенно ввертывают железное кольцо; сквозь это кольцо продевается удочка, свободный конец которой (т. е. комель) привязывается к корме. Это делается для того, чтобы крупный сом не мог опрокинуть челна. Рыболов, прибыв на место (яму, где держатся сомы), левой рукой управляет веслом, а правой берет леску, привязанную к прикрепленному, как сказано, удильнику и, отпустив

неглубоко крюк с насадкой (устрицы), слегка заматывает бечевку на пальцы и тою же рукою мерно ударяет клохтушей. Клохтуша производит такой звук, как если бы опрокинутым стаканом ударять по воде, только гораздо громче (?); после трех ударов рыболов поводит рукою, чтобы двигалась приманка. На этот звук «сом подходит к ботнику (случается, что подходят их несколько), наваливается на весло так, что весла не сдвинешь с места, насмотрит приманку и не сразу глотает ее, а как бы сосет, причем виснет, точно гиря; в этот момент рыболов спускает с руки понемногу лесу, затем уже подсекает сильнее, чтобы приманка не удержала (?) крючка. Если сом невелик, его сейчас же надо тащить в ботник; если же он очень большой, то необходимо спустить бечевку, чтобы она отошла к носу ботника; таким образом охотник старается достигнуть понемногу до отлогого берега, где выходит из ботника и вытаскивает добычу, что, впрочем, одному удается нескоро». Иногда большой сом сначала слабо тащится к ботнику, потом, у самого борта, вдруг выкидывает свое плесо наружу, задевает за борт и, головою книзу, стремглав опускается на дно. Вероятно, таким маневром ему удается опрокидывать лодку, примеры чему бывают нередко. На клохтушу сомы ловятся в Клязьме только до половины июля.

На Дону клочат несколько иначе. Бечевка – крепкий льняной или конопляный шнур, называемый здесь урезом, – наматывается на небольшую толстую ручку, которую и держат в руке, опустив крюк с насадкой на надлежащую глубину. Ловят тоже с легких лодок-баркасиков вдвоем или в одиночку, но сначала заезжают далеко вверх, держась около берега; затем рыболов выплывает на середину реки, кладет весло, перестает грести и крюк с насадкой опускает в воду; левой рукой он держит урез, а в правую берет клокушу, потому что клочить правую гораздо удобнее. Здесь принято за правило никогда не заматывать бечевку на руку, т. к. если шнурок нескоро смотается, то крупный сом может сдернуть рыбака с лодки. Всего лучше сом ловится здесь на неглубоких быстринах, куда он выходит поохотиться за рыбой. Но положительно и точно определить, где сом берет лучше, невозможно, потому что ловят его и на глубоком месте, и на мелком, что зависит от погоды и от времени года. Когда рыбак почувствует, что сом на крючке, то начинает вытаскивать добычу. С сомятами, конечно, не церемонятся, но если же сом большой или сильно рвется, то рыбак не подтягивает его вовсе, а несколько попускает урез, т. е. дает рыбе смотать часть бечевки с рукоятки. Таким образом, эта последняя почти вполне заменяет катушку. Однако чересчур попускать урез не следует, т. к. сом может забежать под корму и там залечь. В таком случае к рукоятке привязывают чурбан или доску и бросают урез в воду. Сом, почувствовав себя более свободным, спешит уйти; рыбак ловит урез и снова начинает водить рыбу. Утомив сома, который нередко долго водит лодку взад и вперед, его осторожно подводят к лодке и, оглушив ударом обуха (топора), втаскивают в баркас. Если же сом не будет достаточно вывожен, то он ударом хвоста по краю лодки иногда опрокидывает ее вверх дном. Пойманного сома оглушают по голове обухом для того, чтобы он не мог выпрыгнуть из лодки и вообще не мешал бы продолжать ловлю. Ошеломленный сом лежит спокойно или вовсе засыпает, но нередко приходит в себя, начинает биться, и рыбак опять прибегает к обуху. В один вечер здесь редко удается поймать более четырех сомов.

Всего лучше ловятся сомы на Дону в тихую погоду, по вечерам и по утрам; вечером он хорошо идет на клоч, с того времени как садится солнце и до самых сумерек; утром же – до восхода солнца. Тихая погода – необходимое условие при ловле сомов: в дурную или ненастную погоду сом лежит на дне, не поднимаясь, и не слышит клоченья. В верховых станицах клочат больше вечером, чем утром. Сом попадает на Дону и днем, но не на клоч, а крюк просто закидывается в омут. Близ станицы по вечерам можно видеть на Дону несколько баркасов; на каждом из них сидит

рыбалка (рыбак) и клочет; снесет его течением – он возьмет весло, поворотит с середины к берегу и, упираясь, снова заедет вверх, и снова повернет на самую середину, и клочит, пока его опять не снесет вниз или пока не сядет сом на крюк.

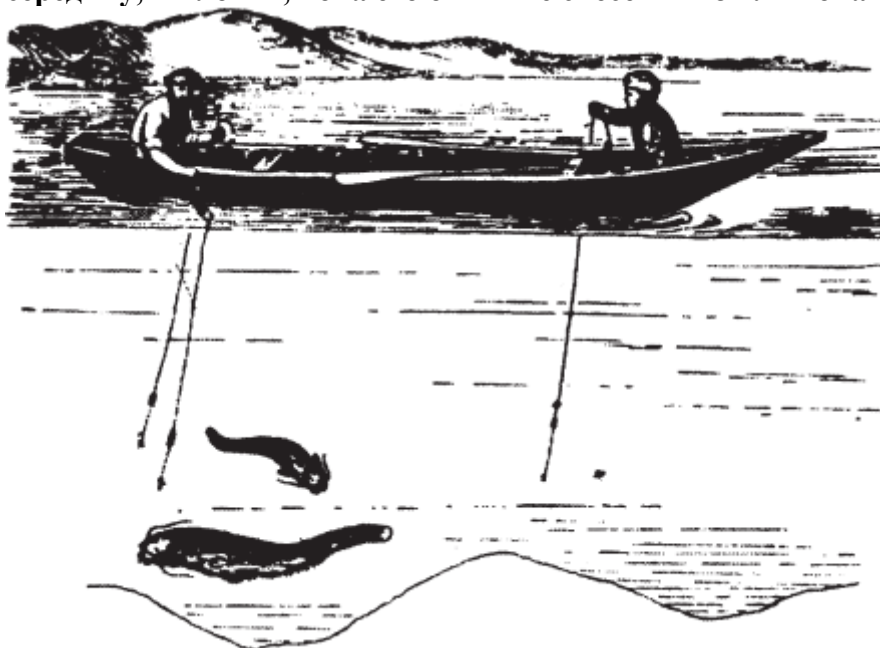

Рис. 199. Клоченье

сомов

На юге России, в низовьях рек Черноморского и Арало-Каспийского бассейнов, сом добывается преимущественно зимою в довольно значительном количестве, вероятно свыше полумиллиона пудов. Значительная часть южнорусских сомов отправляется в соленом виде в Румынию и Турцию; а в средние губернии идет, кажется, мороженая сомовина. На местах лова мясо сома находится в большом пренебрежении, но кал мыки, киргизы, узбеки, сарты, вообще все азиаты очень любят сомовину, даже едва ли не предпочитают ее всем другим рыбам; в средних губерниях сомовина (мороженая и соленая) также имеет хороший сбыт и пользуется большим уважением в качестве начинки для пирогов. Мясо сома очень жирно, до приторности, но довольно вкусно, особенно у молодых. На Дону казаки крупных сомов вовсе не едят, а вытапливают из них жир, а у средних берут только хвостовую часть; мелких же сомят, не более аршина, нередко сушат, т. е. вялят. Жир употребляется здесь для смазывания сапог и ремней. Из сомовьего пузыря готовится очень хороший рыбий клей, известный под названием сомовьего; в низовьях Волги из пузыря (кутыря) делаются сосуды, для хранения жидкостей, преимущественно рыбьего жира, употребляемого в качестве приправы. Кутырь при этом очищают, вытягивают, надувают и потом сушат. Свежий же кутырь считается в Астраханской губернии лакомым блюдом и в Красноярском уезде считается необходимою принадлежностью свадебного стола, почему красноярцев называют кутырниками. В прошлом столетии, во времена Палласа, шла в дело только кожа сомов, употреблявшаяся вместо стекла. Этот т. назыв. паюс до сих пор делается в низовьях Волги. Сырую сомовью кожу натягивают на доску и жир с нее счищают глиной; затем промывают, снова натягивают и сушат на солнце. Хорошо приготовленный паюс бел и прозрачен, как стекло, и настолько прочен, что выдерживает удары палкой.

Белуга

Acipenser Huso L. Всюду – белуга; польск. – виз. Тат. – киорпа, кырпа, улу-балык;

черем. – кугу-кол; калм. – хорба, хорбе. Считаю необходимым заметить, что дополнения, сделанные мною к осетровым рыбам, как рыбам исключительно промысловым, весьма незначительны. Большие подробности, кроме того, значительно бы увеличили размеры книги, предназначенной для охотников-рыболовов.

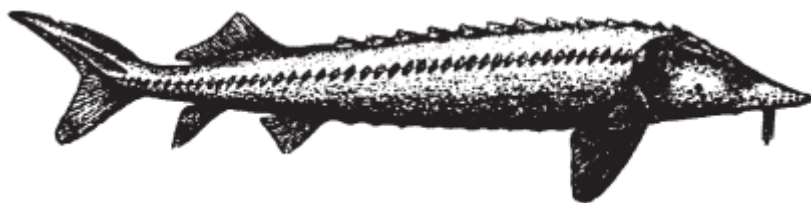

Рис. 200. Белуга

Это самая крупная рыба, встречающаяся в пресных водах, т. к. в некоторых случаях она достигает длины нескольких сажен и веса до 70, даже 80, а в прежние времена более 100 пуд.

Кроме величины, белуга легко отличается от всех других осетровых рыб своим толстым цилиндрическим туловищем и коротким заостренным носом, который несколько просвечивает, т. к. не покрыт костяными щитиками; рот у нее огромный, занимает всю ширину головы и окружен толстою губой; усики отличаются своею шириною и хватают до рта. Кроме того, костяные щитики на голове и жучки, особенно боковые и брюшные, представляются относительно мало развитыми: спинных бывает большею частью 12–13, боковых – 40–45 и брюшных – 10–12. Общий цвет тела пепельно-серый, брюхо серовато-белое, нос желтоватый.

Каспийское и Черное моря с реками, в них впадающими, составляют почти единственное пребывание этого великана пресных вод, который, таким образом, составляет исключительное достояние России. Волга, Урал, Кура, Дон, Кубань – главные местности ловли белуги, и только в Дунае она еще довольно многочисленна. Собственно говоря, белуга большую часть своей жизни проводит в море и в реки входит по достижении известного возраста – для метания икры, что, как мы увидим далее, бывает не каждый год, а затем возвращается обратно в море, так же как и мальки ее. Тем не менее она заходит очень далеко, и есть даже некоторое основание предположить, что чем больше белуга, тем далее идет она нереститься. Всего более относится это к Волге и ее главным притокам. Так, лет 20 назад в Шексне под Череповцом были пойманы две белуги, одна в 18, другая в 30 пудов; по моим расспросам, огромная белуга была поймана в 1860 или 61 году в Вишере (близ дер. Сыпучих) – одном из больших северных притоков Камы. Кроме того, эта рыба заходит в Оку (до Муром), в Суру (Сталь, Пензенская губ.) и Самару. Изредка она замечается в р. Вятке, где еще в 1876 году была поймана белуга в две сажени длины (около 20 пудов). О других притоках Волг и не имеется никаких сведений, но надо полагать, что белуга встречается изредка в Белой, Чусовой и некоторых других реках. Во всяком случае, в прошлом столетии в верховьях Волги она подымалась значительно выше и встречалась чаще, нежели в настоящее время.

Далеко не на такие большие расстояния подымается белуга в прочие реки Каспия, Черного и Азовского морей, что, впрочем, совершенно понятно. В Урале она изредка встречается до Оренбурга, в Куре – до Тифлиса, в Дону – до впадения Донца (?), в Днепре заходит выше Киева и иногда в Десну и Рось, в Дунае, по Геккелю, редко далее Пресбурга. Изредка, наконец, белуга заходит из Черного моря в Средиземное и Адриатическое, и еще не так давно (1850) была поймана одна в окрестностях Венеции.

Несмотря на это обстоятельство, коренное местопребывание этой огромной рыбы составляет не Черное, а Азовское и Каспийское моря, что доказывается как величиною белуг, так и их количеством. То и другое зависит, вероятно, от изобилия

пищи, особенно раковин, в Каспии. В Азовском море, по свидетельству С. Н. Алфераки, лет 25–30 назад встречались огромные белуги, в 50–70 и даже до 100 пудов; в Черном море и Дунае (по Геккелю), белуги крайне редко достигали 30–40 пудов. В Каспии и в Волге встречаются белуги гораздо большей величины: 28 лет назад (в 1864 году) были пойманы под Саратовом две громадные рыбы, из которых одна весила 52, а другая 69 пудов. Принимая же во внимание, что белуги входят в реки для метания икры, необходимо предположить, что в глубинах Каспийского моря старые, уже бесплодные белуги достигают еще большей величины.

Штраленберг уверяет, что он видел в 1730 году громадную белугу, имевшую в длину 8 сажен, а в толщину 18 англ. футов. По свидетельству Кожевникова, еще в середине этого столетия в Ставропольских водах Всеволожского попалась белуга такой величины, что когда стали вынимать ее через блок, укрепленный к мачте, то мачта от тяжести лопнула; ловцы видели только голову белуги с нарощи ми на ней ракушками – и поспешно отсекли кукан, чтобы спастись самим.

Отсюда легко вывести заключение, что продолжительность жизни этих рыб должна быть гораздо более тридцати лет, как принимается это Геккелем. Косвенным образом это доказывается свидетельством уральских казаков, которые говорили Северцову, что годовалая белуга весит до 6 фунт. Но т. к., по наблюдениям Геккеля, в Нижнем Дунае крайне редко встречаются не только 20-фунтовые белуги, но даже 70-фунтовые, то надо полагать, что главная масса белуг, входящих в Волгу, Урал, Куру и Дон, средний вес которых 3 пуда, состоит, как и следует ожидать, из рыб, нерестящихся в первый или второй раз. Не имея сведений о наименьших размерах белуг, входящих в наши реки для нереста, и о приросте молодых в море, мы все-таки, имея в виду вышеприведенные факты, должны прийти к предположению, что рыбы эти мечут, достигнув веса не менее 1–1½ пуд., и что молодь белуги живет в море не менее 6 лет, быть может, мечет только на десятом году.

Также мало известен нам и образ жизни этой замечательной рыбы, да и те немногие имеющиеся сведения, по-видимому, не всегда достойны полного доверия. Все эти факты, также время и способ нерестования требуют основательной проверки. Несмотря на эти неблагоприятные условия, мы попытаемся, однако, представить краткий очерк жизни белуги, имеющей для нас больший интерес, нежели самая ловля ее.

Так как все молодые белуги не встречаются в реках и т. к. известно, что взрослые рыбы мечут икру через год, о чем, впрочем, далее, то для нас очевидно, что главная масса белуги во всякое время года, тем более зимою, живет в море. Из исследований Северцова, не подлежит никакому сомнению, что в Урале зимует не та красная рыба, которая нерестилась весной, а та, которая метала икру в третьем году и поднималась в реку в конце лета и в начале осени. С своею обычною проницательностью, основываясь на ходе рыбы, ее величине, степени зрелости икры, частью по показаниям уральских казаков, наш известный биолог почти вполне разъяснил периодические явления жизни красной рыбы в уральских водах, где эти явления находятся в наиболее благоприятных условиях, так сказать, в наиболее естественной обстановке. Благодаря ему мы знаем теперь, что большинство осетров, шипов, белуг, частью севрюг, входящих в море весной, суть особи, только что достигнувшие половой зрелости; рыба же, зимующая в реке, в т. назыв. ятовях, есть уже более взрослая, которая входит сюда из моря с тою целью, чтобы со вскрытием реки подняться выше и выметать икру.

Таким образом, в реке зимует только незначительная часть красной рыбы, долженствующей выметать икру весной. Молодая рыба, достигнувшая половой зрелости, а также вся мелкая зимует в устьях рек или на небольших морских глубинах; в более же глубоких местах зимует холостая рыба, вернувшаяся из рек в конце лета и начале осени; наконец, на самых больших глубинах постоянно обитают

белуги, уже неспособные к размножению. Весьма возможно даже, что более крупные особи этой рыбы выходят из моря только один раз в несколько лет: редкость очень крупных белуг и большая разность в их весе отчасти служат доказательствами этого мнения. Трудно предположить, чтобы, например, тридцатилетняя белуга могла, если считать, что впервые она метала икру на десятом году, десять, а считая ее обратный ход, двадцать раз избежать тех сотен снастей и сетей, которые ее ожидают в реке.

Еще меньшее количество белуг зимует в низовьях Волги, тем более в реках Черноморского бассейна, где также лов продолжается непрерывно все лето и осень и притом пароходы распугивают рыбу, собирающуюся на зимовку. В Урале нет ни одного из этих препятствий, а потому зимний сон белуги и вообще всей крупной красной рыбы бывает здесь всего глубже, и она покрывается более толстым слоем слизи, так называемым сленом, или шубою, который мешает ей свободно двигаться. В море же, где лед часто заламывается и рыба редко нуждается в свободном притоке воздуха, этот слён, по крайней мере у белуги, вовсе не замечается и последняя ходит и даже кормится здесь круглый год. А т. к. главную пищу белуги, как и прочих крупных осетровых рыб, составляют раковины, то ясно, что молодая рыба должна держаться около устьев реки, где раковины мельче и имеют более тонкую скорлупу, нежели на больших глубинах открытого моря.

Кроме раковин, белуг, как рыб хищных, привлекает также та масса проходной белой рыбы – воблы (каспийская плотва) и бешенки (астраханская сельдь), – которая зимует в открытом море. По-видимому, белуга не ест в море только в декабре и январе, да и то не всегда, т. к. даже на ятовях, т.е. в реке, в желудке ее находят еще не переварившуюся пищу. По Северцову, она начинает кормиться в феврале, после первых взломов льда, но еще там, где зимовала; в тамаке – желудке белуги – находят тогда исключительно бокоплавов – мелких рачков, раковины, иногда уток, зимующих на Каспии, – большею частью так называемых лаек (*Narelda glacialis*); в это же время они пожирают новорожденных тюленей. Но затем главную пищу белуги составляет вобла, огромные косяки которой входят раннею весною в Урал и Волгу – в первый иногда в конце февраля. Следом за ней идут к морским берегам, играя на поверхности, стайки белуг, входят в реки, а иногда уходят под лед. Этот так называемый белужий беляк замечается в Волге большею частью в марте; главный ход белуги здесь около Благовещения, в Урале же значительно ранее. Вслед за воблой белуги уходят под лед реки и продолжают подниматься все выше и выше, сначала под самой поверхностью льда, так что трутся об него спинными жучками, но затем, по вскрытии, идут уже более по дну.

Вообще белуга входит в реку раньше прочей красной рыбы, и этот факт, в связи с необычайною прожорливостью ее, объясняет, почему она в противоположность прочим осетровым не ест, только когда торопится выметать созревающую икру, так что пост ее сравнительно непродолжителен. Около того же времени вместе с беляком, который, судя по всему, состоит исключительно из молодых рыб, однако не менее (?) 2 арш. и 11/2 п. веса, трогается и уцелевшая на речных зимовьях более крупная белуга, которой, таким образом, приходится выметывать икру выше, нежели молодой. Многие факты положительно говорят в пользу того мнения, что, чем крупнее белуга, тем далее она подымается. Быть может, это обуславливается тем обстоятельством, что крупная рыба вообще нерестится позднее и половые продукты ее созревают в больший промежуток времени.

Это явление, в свою очередь, объясняет нам некоторое разногласие в месте нереста как белуги, так и вообще всей красной рыбы, за исключением стерляди. По мнению уральских казаков, большинство белуг, осетров и севрюг мечут икру в самом море; того же мнения отчасти придерживается и сам академик Бэр. Но не камыши и тростники, не каменистые отмели морских побережий составляют главное место нерестования красной рыбы, даже не выбойные места побочных русл Урала, где дно

очень неровно, много корней и растет тростник, как полагает Данилевский, а глубокие и быстрые места реки с каменистым или хрящеватым дном – так называемые гряды, в Урале же, по свидетельству Северцова, красная рыба мечет на твердых глинистых плитах с лежащей на них галькой из той же плиты, а такое дно встречается больше у яров, откуда сваливаются глыбы плотной глины.

Нерест красной рыбы у берегов моря, в култуках, ложных устьях, что всего чаще замечается в низовьях и устьях Урала, изобилующего последними, есть явление исключительное и зависит от того, что молодая рыба плутает в многочисленных протоках реки и лабиринте островов и поневоле мечет икру в местности, вовсе для того непригодной и им несвойственной. Камыш, корчи, стало быть, по необходимости заменяют камни и помогают красной рыбе выпустить икру. Если же рыба не найдет себе и этих условий, в таком случае она вовсе не мечет икры, и последняя начинает всасываться организмом. Вероятно, поэтому более старая и опытная рыба входит в реки еще задолго до нереста – летом и осенью.

Настоящие нерестилища красной рыбы в Волге начинаются, по-видимому, у Каменного Яра, немного выше Сарепты, в Куре – в 500 верстах от устья, в Урале – немного выше Гурьева. Всего же ближе находятся эти местности в Дону (в 30 верстах от устьев), вероятно Днепре и Днестре, откуда само собою следует, что красной рыбе и незачем подыматься очень высоко.

Несмотря на свой ранний ход, белуга мечет все-таки не сколько позже осетра, хотя срок нереста ее и неизвестен с точностью. Во всяком случае, она мечет икру довольно продолжительное время, быть может, около месяца; в Волге, всего вернее, в течение всего июня; в Урале нерест ее начинается, по-видимому, в мае.

Как производится самый процесс нереста – на это существуют только предположения. Известно только, что белуги часто выпрыгивают во время нереста, что делают с видимою целью облегчить выход икры, а главное, освободить яйца из мешочков. Но, с другой стороны, краснота брюха нерестящихся белуг и прочей красной рыбы показывает, что эта цель достигается исключительно трением о камни. Очень может статься, однако, что это трение о каменистое ложе, чему способствует твердость и величина брюшных жучков, служит только для рытья ям в камнях, которые они, как полагает Бэр, выкапывают подобно некоторым лососевым рыбам. Что же касается самого процесса нереста у красной рыбы, то Северцову говорили, что во время выхода икры из тела самки самец трется об нее и выжимает из себя молоки. По Михайлову, красная рыба трется «тешка об тешку».

Икра белуги, да и всей прочей красной рыбы, выпускается непременно в несколько приемов и, по всей вероятности, большими клубками. На последнее указывает одно наблюдение, сообщаемое Данилевским со слов уральских казаков. Масса икры белуги громадна, несмотря на то, что она вообще имеет довольно значительную величину, именно почти с горошину. Но т. к., по свидетельству Бэра, величина икры красной рыбы постоянна и не зависит от возраста, с другой стороны, имеются вполне достоверные сведения, что из 70-пудовой белуги вынимают более 20 пудов икры, то оказывается, что эта рыба принадлежит к самым плодовитым рыбам. По всей вероятности, самые большие экземпляры ее заключают в себе до десяти миллионов яиц, если не более, и вес икры у них относится как 1:4, даже 1:31/2; у более мелких как 1:5.

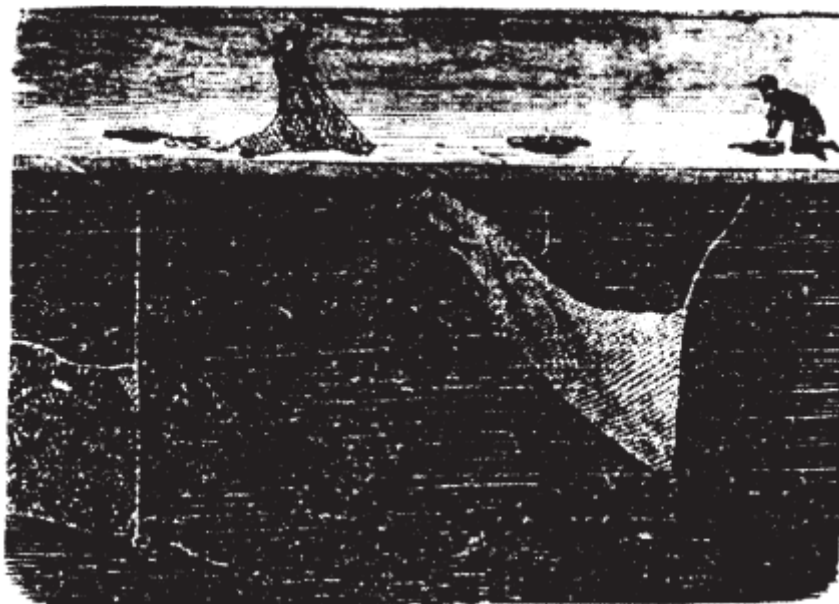

Рис. 201. Ловля аханами

Казалось бы, что при такой необычайной плодовитости белуга должна быть гораздо многочисленней всей прочей красной рыбы, но на деле выходит совсем иное, и количество пойманных белуг далеко ниже количества стерлядей, осетров и севрюг. Это, однако, легко объясняется тем обстоятельством, что по своей величине весьма немногие особи этой рыбы успевают избежать сетей и прочих рыболовных снарядов, да и эти уцелевшие белуги, не найдя вовремя надлежащего места для нереста, нередко не выметывают икры. Последняя, в свою очередь, подвергается многим случайностям. Без сомнения, на грядах, где течение так быстро, что весной не только сносит все мелкие частицы дна, но даже заваливает драгу камнями, как показали это опыты Бэра, громадное количество неоплодотворенной икры сносится вниз, частью раздавливается, так сказать, растирается между камнями. То же ожидает и зародышей, даже молодь, а затем сколько еще опасностей ожидает последнюю в то время, когда она начинает кормиться на более мелких местах, затем когда скатывается в море, и, наконец, в самом море. Мы не будем очень далеки от истины, если примем, что только 1/100 белуг, входящих, например, в Волгу, успевает выметать икру и что из ста тысяч икринок вылупляется и входит в море только один малек. Но и здесь эти немногие рыбы, оставаясь в течение многих лет, погибают от различных случайностей, делаются добычей взрослых, попадают в сети, так что навряд ли одна десятая их достигает зрелости и входит в реку.

Сколько времени продолжается развитие яйца белуги, сколько времени живут выклюнувшиеся белужки – сначала в камнях, а потом вообще в реке, – когда именно возвращаются в море – ничего этого неизвестно, и остаются только одни догадки. По аналогии со стерлядью и осетром надо полагать, что молодые белужки выходят из яйца не позже 10-го дня, около месяца остаются в местах нереста, затем выходят на более кормные места и начинают скатываться в море. Большинство белужек уходит туда, по-видимому, осенью и зимуют, вероятно, весьма немногие, но это требует еще дальнейших исследований. Достоверно известно только, что большинство молодых белужек ловятся в море на небольших глубинах, где первое время они кормятся раковинами, мелкими рачками, но вскоре, наверное на 2-м году жизни, начинают питаться рыбою, именно бешенкою и воблюю.

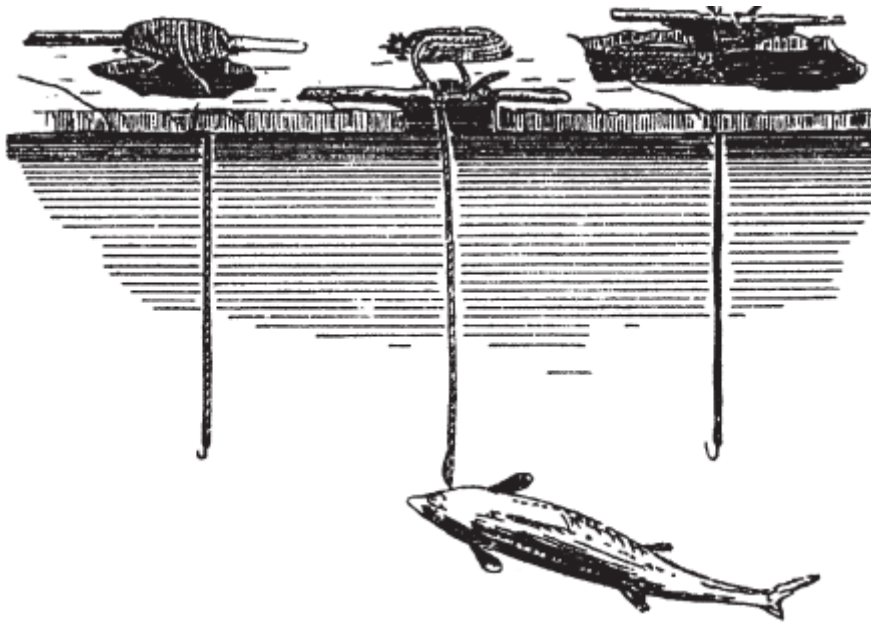

Рис. 202. Ловля на кусовую снасть

Но если молодые белужки остаются в реке менее продолжительное время, чем, например, осетрики и, быть может, севрюжки, то этого никак нельзя сказать о взрослых белугах. Последние, напротив, скатываются в море позднее прочей красной рыбы и иногда даже, если находят достаточное количество рыбы для пищи и глубокие ямы в реке, остаются здесь на зиму.

В июле, т. е. в то время, когда начинают входить в реки более крупные белуги для того, чтобы, прозимовав на ятовых, весной подняться выше для нереста, белуги, только что выметавшие икру, уходят в самые глубокие и самые холодные места реки и с жадностью хватают все, что ни попадется. Таких голодных белуг называют на Нижней Волге обжорами и приписывают им необычайную прожорливость. По рассказам рыбаков, белуга пищу будто втягивает ртом, и если последняя лежит на дне, то махалкою, т. е. хвостом, делает «суводь» – водоворот – и поднимает ее, чтобы удобнее втянуть. По другим, она часто роется носом в иле и вообще постоянно держится на самом дне и только на рассвете выходит на поверхность. Голодная белуга летом, как говорят, глотает иногда камни, дрова и прочие вовсе не питательные предметы, но из слов Гмелина надо, однако, заключить, что подобная прожорливость белуг есть болезненное явление и свойственна весьма немногим особям. Именно обжорою, или хлагуши (?), он называет только очень старую, уже бесплодную белугу, которая никогда не имеет икры, встречается только в море и, вероятно, страдает несварением желудка. Она отличается большой величиной, большою головою и х. удобою тела; в ней находят дрова, тюленей, камни в несколько пудов, целые пачки товара и т. п., и она круглый год ловится на животную снасть. Во времена этого путешественника таких белуг не употребляли в пищу, но сухое и невкусное мясо ее, однако, совершенно безвредно, что противоречит мнению доктора Берковского, который полагает, что ядовиты только взбесившиеся белуги.

Здесь мы встречаемся с весьма любопытным, но тем не менее еще не разрешенным вопросом о так называемом белужьем яде. Вопрос этот имеет для нас тем больший интерес, что случаи отравления соленою красною рыбою, особенно соленою белугою, повторяются ежегодно. Но до сих пор еще неизвестно ни о природе самого яда, ни о причинах его развития, да и вообще причины ядовитости многих рыб почти не исследованы. Известно только, что так называемый рыбий яд встречается и у свежей рыбы, у многих развивается во время метания, что чаще всего ядовита печень (макрель) или только икра (усач, налим); ядовита также колюшка после

смерти. Основываясь на примере рыбаков, что ядовитая рыба светится впотьмах, некоторые медики, как, например, Кох, в отравлении красною рыбою находят большое сходство с отравлением фосфором. Как известно, сначала чувствуется сжатие и боль желудка и горла, головокружение, тошнота, запор, осиплость; предметы кажутся красными или желтыми. Если не принято вовремя надлежащих мер и не дано рвотного, слабительного, разведенного уксуса, глотание становится невозможным, и смерть наступает тихо, большею частью при полном сознании. Замечательно, однако, что ядовитая рыба не оказывает никакого действия на собак и кошек, или же это бывает очень редко. Предположение, что яд в красной рыбе развивается от гнилостного брожения, как показали опыты, тоже не выдерживает критики.

Но неувловимый для медиков, вообще мало знакомых с химиею, белужий яд составляет, однако, весьма редкое явление, и случаи отравления соленою белугою так же исключительны, как и нахождение белужьего камня, который, напротив, по словам рыбаков, отличается необычайною целебною силою. Это универсальное лекарство от всех болезней. Белужий камень имеет даже таинственную силу предохранять людей от порчи, глазу и прочего колдовства и служит суеверному приволжанину самым надежным амулетом. Эти чудесные свойства, а также и редкость – причины высокой стоимости камня. По свидетельству Палласа и Фалька, белужий камень находится всегда в почках, никогда не достигает величины более куриного яйца и 8 унций веса, большею частью овальной плоской формы, редко продолговатой, неправильной, и сначала мягок, но скоро твердеет, как кость, и обнаруживает слоистое и вместе лучистое строение. Вероятно, это не что иное, как отложения извести при болезни почек. Камень этот встречается изредка и у осетра, а насколько он дорого ценится, можно видеть из того, что еще в прошлом столетии камень величиною с лесной орех не отдавали Фальку за 4 р. асс. Что касается способов ловли белуги, то мы не станем слишком рас пространяться о них. Белуг, зимующих в речных ямах, или багрят, как в Урале, или же вылавливают неводами, как в Волге; весною, во время хода их в реку, употребляются частью невода, но большею частью плавные сети с крупными ячейками (рысаки); летом и осенью в Волге белуги попадают также на переметы и животные снасти, так называемые переметы, наживленные рыбой; главный лов этой рыбы производится в открытом море зимой так называемыми аханами, осенью – неводами и крючьями. В жаркое время года белуга чрезвычайно сильна, и случается, что при вытаскивании крупных белуг рыбаки подвергаются на море смертельной опасности и иногда даже жертвуют жизнью. Крупная белуга, попавшаяся на крючья, тащит за собою ловецкий подчалок с необычайной скоростью и непременно на ближайшую глубину, причем случается, что опрокидывает и затопляет судно. После первого порыва белуга смирна и податлива, и ловцы осторожно подводят ее к лодке или проруби и, как только покажется голова ее, чакушат, т. е. оглушают баграми по башке и набрасывают аркан, который зацепляется за жабры и продевается потом в рот. Небольших белуг вынимают двумя баграми, а больших – посредством ворота или блока.

Белуга вообще ценится дешевле осетра, и только более крупная икра ее дороже икры прочей красной рыбы.

Севрюга

Accipenser stellatus Pall. Севрюга, на Днестре – пестрюга, шпага (?), в Ямполье – пидстриуга; местами – шеврюга, шеврига, пеструха, яловая на Кубани – чалбух; на Волге – чалбуш. Польск. – гвездец, тат. – сырьск, сиуринк; калм. – цахур, захур,

чуохул, цоохул, чагар; арм. и груз. – джумчи, джуги.

Рис. 203. Севрюга

От всех других осетровых севрюга легко узнается по своему необычайно длинному носу, который почти имеет форму кинжала и придает ей весьма странный вид. Лоб у нее довольно выпуклый, усики гладкие и узкие, не достигающие рта, на котором нижняя губа мало развита, туловище ее также вытянуто в длину, и все жучки на теле стоят довольно тесно, спинные (12–18) и боковые (30–40) к заднему концу возвышаются и бывают вытянуты в крючковидные отростки; брюшные жучки (10–12) относительно весьма развиты. Цвет тела красно-бурый с синевато-черным оттенком, бока и брюхо белые. Длина и форма носа, однако весьма изменяются; так, у самок и молодых он всегда короче, а в Азовском море севрюги, которые вообще достигают здесь наибольшего роста, отличаются коротким рылом, имеющим притом несколько другую форму (*var. donensis*); вероятно, к этому же варианту относится и так называемая пестрюга, которую рыбаки юго-западных губерний считают особой породой от севрюги; у нее, однако, жучки (скоба) расположены чаще, и она редко достигает одного пуда. Вообще по своей величине и весу эта рыба занимает средину между стерлядью и осетром. При одинаковом весе севрюги всегда значительно длиннее прочих осетровых рыб, и полуторапудовая севрюга (Гримм) имеет длину до сажени.

Область распространения севрюги еще ограниченнее распространения белуги, которая изредка заходит в Средиземное море, также осетра, встречающегося в Западной Сибири, тем более стерляди. Каспийское и Черное моря, в особенности же Азовское, и большие реки, в них впадающие, составляют единственное местопребывание этой рыбы, которая тем не менее по своей численности значительно превосходит своих сородичей, за исключением одной стерляди. В наибольшем количестве севрюга входит в Урал, Куру, Кубань, Днестр и Буг, но нигде, однако, не подымается очень высоко: в Урале она редко заходит выше Уральска, в Волге – выше Самары и Симбирска и в крайне редких случаях замечается в Верхней Волге (до Ярославля и Рыбинска) и в Каме (до Чистополя); в других же притоках Волги ее, по-видимому, вовсе не бывает; в Кубани она весьма многочисленна и идет выше Лабы и даже мечет в последней; из южных частей Каспия она входит во все реки, даже небольшие, как, например, Атрек. На Дону ее замечали до Павловска, в Днепре же она редко подымается выше порогов и под Киевом уже почти никогда не ловится. Наконец, в Дунае, куда она, впрочем, входит в сравнительно небольшом количестве, севрюга почти никогда не замечается в Австрии, хотя и заходит в Драу и Тейс.

По своей величине севрюга значительно уступает осетру и никогда не бывает более 7–8 арш. длины и 3 пудов весом. Средний вес этой рыбы в Каспии 13–14 фунт., в Азовском море, где она многочисленнее, – 20 фунт.

Редкость севрюги в верхних течениях рек зависит частью от того, что она подымается вверх во время самого половодья, когда вообще лов становится крайне затруднительным, но главным образом от ее нерестования в низовьях и весьма кратковременного пребывания в пресной воде. Выметав икру, в противоположность осетру и особенно белуге, которые еще некоторое время жируют в реке и скатываются очень медленно, с большими остановками, севрюга немедленно возвращается обратно в море; что же касается осеннего хода ее в реку, то он почти всегда гораздо менее весеннего и не простирается далее низовьев, и то

исключительно в Урале. Большая часть севрюги зимует в море или перед устьями, редко в речных ятовях, и главный лов ее производится в открытом море.

Здесь она, таким образом, держится большую часть времени года, и пресная вода имеет для нее меньшее значение, чем для прочей красной рыбы. Впрочем, она редко встречается на больших морских глубинах и, судя по всему, выбирает здесь, подобно осетрам, места, изобилующие раковинами, составляющими ее исключительную пищу. Севрюга почти никогда не кормится рыбами, и то, кажется, только в таком случае, когда достигает весьма большой величины. Тем не менее быстротою и проворством своих движений она превосходит всех красных рыб: первый натиск севрюги, по замечанию рыбаков, всегда резвее, чем у белуги, да и вверх по реке она поднимается весной с значительной скоростью, так что в сутки проходит 25–30 верст. Вниз же она скатывается обыкновенно боком, предоставляя себя на волю течения.

Этот весенний ход севрюги начинается всегда позднее хода белуги и осетра. В Каспийском море она трогается в конце марта или в начале апреля, главный лов ее бывает в Урале во 2-й половине этого месяца, около Егорья (23 апреля). В это время она большими косяками вступает в реку и идет неглубоко, ближе к поверхности, придерживаясь берегов и держа нос кверху. Этот первый привал севрюги к берегам известен у уральских казаков под названием егорьевского беляка. Второй выход ее из моря уже значительно уступает первому и т. к. бывает большею частью около Николина дня, то и называется Никольским беляком. По Северцову, севрюга первый год идет из моря в низовья Урала и мечет там икру, затем скатывается в море и осенью идет снова в низовья, зимует там, поднимается несколько выше и, выметав здесь весной икру, снова скатывается в море, зимует на морских ятовях и т. д. Таким образом, севрюга мечет, подобно стерляди, каждый год. В Дон она входит в марте и апреле.

Судя по тому, что в реке не попадаются или очень редки севрюги в 8 фунтов весом и аршин ростом, надо полагать, что только такие рыбы достигают половой зрелости; все же меньшие пребывают в море. По крайней мере, молодые севрюжки очень недолго остаются в реках, да и то попадают исключительно в самых низовьях; например, их замечали в 46 верстах выше Гурьева (в Урале).

Время нереста севрюги почти совпадает с временем нереста стерлядей – именно в Волге (под Симбирском), по Овсянникову, бывает около 10 мая; в Урале она мечет с первых чисел мая до середины июня, главным образом в конце мая. Это обстоятельство объясняет, почему из помесей осетровых всего чаще замечается так называемый стерляжий шип, т. е. помесь севрюги со стерлядью. На Дону нерест севрюги происходит в начале мая. По словам Потехина, в саратовских водах севрюга мечет на правом берегу Волги в камнях. Саратовские рыбаки уверяют, что самка при метании икры сильно бьется и трется о камни.

Икра севрюги весьма многочисленна, и средним числом насчитывается в ней около 400 тысяч икринок величиною с крупную дробь. Вообще севрюга при одинаковом весе с прочими красными рыбами дает относительно большее количество икры. Самое метание икры производится, как уже было замечено, в самых низовьях рек, иногда даже, по-видимому, почти в самом море, что, впрочем, есть ненормальное явление, вызванное обилием ложных устьев реки Урала. По свидетельству рыбаков, севрюги мечут всегда большими стаями, в гораздо большем количестве, чем прочие красные рыбы, и в это время толпятся и часто выпрыгивают из воды. Однако севрюга, уже остановившаяся для нереста и чем-нибудь обеспокоенная, нередко уходит обратно в море, хотя, вероятно, опять возвращается. Молодые севрюжки в год вырастают в 6–8 верш. (рыбацкой меры), и надо полагать, что эта рыба делается способной к размножению на 4-м году.

Ловля севрюг производится, понятное дело, в низовьях рек, главным образом в

Дону, Урале и затем уже Волге, исключительно весной и плавными сетями. Осенний и особенно зимний лов их имеет гораздо меньшее значение, и в Урале ее никогда не багрят, как толстую красную рыбу, которая и подымается на зимовку значительно выше. Затем, северюг ловят также неводами, поездухами, ярыгами, переметами и т. п. Замечательно, что в последнее столетие относительное количество этих рыб значительно возросло в сравнении с количеством осетров. Обстоятельство это, по нашему мнению, объясняется очень просто – тем, что северюга не подымается для нереста так высоко, как другие осетровые, и (также и мальки) скоро уходит обратно в море.

Северюжий пузырь доставляет самый лучший клей, но икра этой рыбы ценится дешевле икры осетра и белуги.

Для объяснения различных терминов и указания способов измерений рыбы прилагается рисунок рыбы из семейства карповых, а именно клепца (*Abramis sapa* Ра II):

- ab – длина тела от носа до конца хвоста;
- ac – длина тела от носа до основания хвоста;
- ag – длина головы от носа до жаберного отверстия;
- de – продольный диаметр глаза;
- ad – расстояние от носа до переднего края глаза;
- ef – расстояние от заднего края глаза до заднего края предкрышечной кости;
- eg – расстояние от заднего края глаза до заднего конца жаберной крышки, или до жаберного отверстия;
- kmnl – спинной плавник;
- kl – длина основания спинного плавника;
- km – высота спинного плавника;
- п – задний угол спинного плавника;
- oprq – заднепроходный плавник;
- ор – длина основания заднепроходного плавника;
- оq – высота заднепроходного плавника;
- г – задний угол заднепроходного плавника;
- stvu – грудной плавник;
- su – длина грудного плавника;
- wyxx – брюшной плавник;
- wx – длина брюшного плавника;
- h – вершина верхней лопасти хвостового плавника;
- i – вершина нижней лопасти хвостового плавника;
- ab – боковая линия;
- gd – высота головы около затылка;
- es – наибольшая высота тела перед спинным плавником;
- hq – наименьшая высота тела перед хвостовым плавником.

При счете лучей в грудных и брюшных плавниках, а также в плавниках спинном и заднепроходном показывается обыкновенно отдельно число жестких лучей (у рыб колючеперых) или число простых лучей (у рыб мягкоперых) и отдельно число ветвистых лучей, входящих в состав каждого из них, хотя бы передние жесткие или простые лучи и были очень малы; напротив того, для хвостового плавника приводится большею частью только число полных лучей, крайние же лучи, верхние и нижние, не достигающие вершины лопастей плавника, в расчет не принимаются. Так, например, у клепца в каждом грудном плавнике считается 1 луч простой и 16 ветвистых, в каждом брюшном – 1 луч простой и 8 ветвистых, в спинном – 3 луча простых и 8 ветвистых, а в заднепроходном плавнике – 3 простых (из которых

первые два очень мало развиты) и 37 лучей ветвистых; наконец, в хвостовом плавнике 19 полных лучей. В сокращенном виде эта так называемая формула рыбы обыкновенно пишется следующим образом:

Гр. 1 | 16. Бр. 1 | 8. Сп. 3 | 8. Зд. 3 | 37. Хв. 19

Число лучей, входящих в состав каждого отдельного плавника, не всегда бывает совершенно постоянно у различных неделимых одного и того же вида, но, с другой стороны, обыкновенно только немного изменяется, а потому может служить хорошим признаком при определении рыб.

Весьма важное значение при определении рыб имеет также вышеупомянутая боковая линия, т. е. узенькая полоска, которая с каждой стороны тела проходит от верхнего края жаберного отверстия к середине основания хвостового плавника и составляется из разных трубочек, плотно прилегающих к соответственным чешуйкам. Число этих трубочек, образующих боковую линию, или же число чешуек, по которым проходит боковая линия, бывает очень различно для различных видов рыб, но более или менее постоянно для особей одного и того же вида. Поэтому число чешуек, занимающих боковую линию, равно как и число продольных рядов чешуек, лежащих над боковой линией, между нею и основанием спинного плавника, и число рядов чешуек, лежащих под боковой линией, между нею и основанием брюшного плавника, также могут служить важным пособием при определении рыб. Само собою разумеется, что чем чешуя рыб мельче, тем более чешуек будет находиться в боковой линии и тем более будет рядов чешуи над и под нею. У клепца, например, число чешуек в боковой линии изменяется от 51 до 53, число рядов между боковой линией и основанием спинного плавника простирается от 9 до 11, число рядов чешуек между боковой линией и основанием брюшного плавника – от 7 до 8. Выражаются эти числа следующей формулой:

$$41 \frac{IX-XI}{VII-XII} 53.$$

Русский осетр

Осетр русский (*Accipenser Guldenstaedti Brandt*). Всюду – осетр, в Оби (по Третьякову) менее 25 фунта – чалбыш. Молодые осетрики на Дону – турпак, на Волге и Оби – костяки, костера, костеренки и костерята; на Рионе неправильно – чечуга. Тат. – того, тага, уголак (Фальк), бекра; калм. – бекере и чара-буха; башк. – бикре; кирг. – бикриа; хив. – бекре; мордовск. – пулла; черем. – пекра-кол; вог. – чуббы; вотяцк. – бикре; телеутск. – фан-булик (!); чулымск. тат. – сари-балык; томск. тат. – цалбыш; ост. – остыр; у берез. ост. – ез, у других – еоох; на Нарыме – кыгон, куогар; ост.-самоедск. – квэокор; инбацк. – йез; самоедск. – бэган, йена, ягана, тунг. – тина, танна; вог. – чуббы; монг. – килема; бурятск. – килиме, кёлме; юкаг. – ича; юрацк. – беганна, эна; койбал. – сиггевулла; тавгинц. – буаконну, бахконну; армянск. – цугун; перс. и бухарск. – мега-мурзин. У ходзенов на Уссури – кирфу; у китайцев – цилифу.

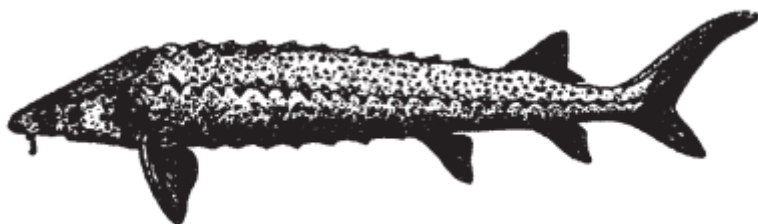

Рис. 204. Русский осетр

Вид этот, составляющий исключительную принадлежность русской фауны, в

общих чертах представляет значительное сходство с немецким осетром, к которому прежде и относился, но, тем не менее, легко отличается от него своим более коротким и тупым носом и более широким ртом, раздельно стоящими боковыми щитиками и зачаточной нижней губой. В росте наш осетр, по-видимому, значительно уступает немецкому и в настоящее время редко достигает более 5 п. Впрочем, в прежние времена в Урале, а по Кривошапкину, и в Енисее, изредка попадались в 7–8 п. весом и до 5 арш. длины; средний вес этой рыбы (в Урале) 25–30 фунт. Впрежние годы осетры достигали еще большей величины. Так, например, Кожевников упоминает об осетрах до 13 п. (в Волге); а по словам С. Н. Алфераки, в Азовском море еще в 50-х годах попадались осетры до 12 п.

Осетр встречается почти во всех больш их русских и сибирских реках. В северных реках Европейской России, несмотря на свою многочисленность в Оби и Енисее, он составляет, однако, большую редкость и заходит случайно. Данилевский, например, рассказывает, что раз у Усть-Цильмы как большая диковинка пойман был обский осетр. Этот обский, или, вернее, сибирский, осетр имеет некоторые отличия от настоящего осетра Каспийского и Черноморского бассейнов и достигает очень большой величины (до 13п.). В Аральском море, Сырдарье и Амударье из наших осетровых (не считая лопатоноса) водится, как уже было замечено, только один шип. Всего многочисленнее осетр в Волге, по которой поднимается довольно высоко, и в Урале; в реках собственно Черноморского бассейна он уже попадает в гораздо меньшем количестве. По исследованиям проф. Кесслера, осетры изредка встречаются в Волге до Ржева, но уже с Ярославля, даже Рыбинска, мелкие осетрики становятся довольно обыкновенными, что доказывает, что они здесь нерестятся по крайней мере до впадения Шексны. Настоящий лов осетра начинается, впрочем, уже в пределах Нижегородской, или, вернее, Казанской, губернии, именно со впадения Камы; далее вниз количество его все более и более увеличивается. Это следует приписать отчасти той причине, что в Каму вообще идет гораздо более осетров, нежели в Верхнюю Волгу, что рыбаки объясняют более холодной водой и более быстрым течением последней реки.

Несмотря на то что осетр, как и большинство рыб своего семейства, принадлежит к числу проходных рыб, он составляет в открытом море весьма редкое явление и придерживается более устьев рек и пресноводных частей моря: в Каспийском море – в северной его части. Факт этот замечен еще в прошлом столетии Палласом, по словам которого осетр составляет зимой, при ловле белуги в Каспии, такое исключительное явление, что становится собственностью поймавшего.

Тем не менее не подлежит сомнению, что главная масса осетров держится в самом море, хотя и в пресноводной или малосоленной его части. Отсюда, начиная с апреля, он начинает входить в реки для икрометания. Идет он обыкновенно малыми косяками и придерживается, как и в другое время, самых глубоких и быстрых мест реки; бег его тише севрюги, но быстрее, чем у шипа. В Днепре в мае начинается уже обратный ход его, но в Урале и Волге он остается в реке значительно долее, а в Енисее (по Кривошапкину) возвращается вниз к 25 августа. По свидетельству Северцова, осетры, которые здесь многочисленнее белуг, начинают входить в Урал с середины апреля. Ход их зависит, как и у всех проходных рыб, от попутного ветра: при противном ветре они также толпятся у мелей перед устьями и ждут моряны, чтобы вместе с волной войти в реку. Число их особенно увеличивается с половины мая, но осетры, входящие в реку в конце этого месяца и в июне, уже не мечут здесь икры, а остаются зимовать на ятовях и нерестятся уже в следующую весну.

По всей вероятности, ход этих рыб представляется в следующем виде: молодые осетрики (костерята), скатившись в море, через несколько (4–5?) лет достигают там половой зрелости, входят весной в реку, мечут в низовьях, а затем в скором времени скатываются обратно в море; на следующий год они также входят в реку, но уже не

весною, а летом, остаются в нижнем течении, кормятся там и зимуют в глубоких речных ямах; на третий год поднимаются из ям и мечут в более верхних течениях реки. Отсюда, конечно, следует заключить, что все или же большая часть осетров, мечущих икру в Каме, в верхнем течении Волги, например в Ярославской губ., пришли сюда не из моря. Но почему здесь осетры мечут ранее, нежели в низовьях, – это объяснить довольно трудно и остается предположить, что икра у осетров, зимующих в реке, развивается быстрее, нежели у таких, которые входят для нереста из моря. В Волге, начиная от Рыбинска до Самары, осетр нерестится почти одновременно с стерлядью или немного позже – в первой половине мая. Это подтверждает как проф. Кесслер, так и акад. Овсянников, которому именно в это время удалось получить зрелые молоки осетра и даже оплодотворить ими икринки стерляди. Между тем, по исследованиям академика Бэра, в низовьях Волги, около Сарепты и Царицына, а также в реке Куре осетр мечет икру не раньше конца июня и даже (?) преимущественно в июле. То же самое замечено О. А. Гриммом и под Саратовом. Однако в Урале и Сефид-руде вся красная рыба, по Бэру же, начинает нереститься в исходе апреля и оканчивает в начале июня, что противоречит высказанному нами предположению о влиянии пресной воды на развитие икры красной рыбы.

По-видимому, осетры достигают половой зрелости по достижении 1 1/2-аршинной длины, но на этот счет еще нет точных наблюдений; по Третьякову, (в Оби) икра замечается только у 13-фунтового, а по Кесслеру, осетры достигают половой зрелости, когда бывают ростом от 3 до 4 футов или весом в 20–30 (?) фунт. Количество икры весьма значительно: Бэр насчитал в небольшом (?) осетре 260 т., в другом, большем – 664 т. икринок; но, веро ятно, в самых крупных (в 4-пудовом осетре до пуда, в 7-пудовом – до 1 1/2 пуда икры) яички следует считать миллионами. Вычисление это не составит особенного труда, если определить вес, например, сотни зрелых икринок.

Как производится нерест – еще очень мало известно, и можно только сказать, что он происходит, как и у других осетровых, на глубоких и быстрых местах реки с каменистым или хрящеватым дном. Один рыбак рассказывал Данилевскому, что он вытащил раз сеть каменья, весь облитый икрой: икринки имели несколько удлиненную форму с заостренными кончиками, и видно было, что рыбки близки к выходу. Он положил камень на мелком месте и несколько часов дожидался, пока рыбки не выскользнули и начали необыкновенно быстро двигаться в воде. Он хотел поймать их горстью, но не мог. Однако рыбки эти, оказавшиеся молодыми осетриками, очень быстро умирали, что, вероятно, зависело от того, что жабры их засорялись илом.

Рис. 205. Мелкий

паразитический рачок осетровых рыб

По новейшим исследованиям Н. Бородина, одно из главнейших нерестилищ осетра в р. Урале находится верстах в 17–18 выше г. Уральска, недалеко от Трекинского посада, где левый берег реки образует довольно значительный обрыв. Дно реки в этом месте завалено меловым щебнем и большими меловыми валунами. Нерест осетров замечается здесь во время самого сильного водоразлития (около 20 апреля) и происходит в этих камнях. Место набора отмечается тем, что на нем осетры довольно часто поднимаются (мечутся). Нерест осетров весьма непродолжителен – 3–4 дня. Созревание и метание икры происходят весьма быстро, и вся икра делается совершенно зрелой почти одновременно у каждой особи и одновременно же вся

выметывается. Это доказывается тем, что как в начале, так и в конце периода метания икры встречаются осетры с вытекающими молоками и икрой.

Молодые осетрики довольно долгое время живут в тех местностях, где выклюнулись из яиц, а затем скатываются в море, где и пребывают до достижения ими половой зрелости – по всей вероятности, пяти лет, даже более. Сколько времени остаются осетрики в реке – достоверно неизвестно; по словам академика Бэра, они уходят по достижении одного года, и двухлетки никогда в реке не встречаются; но это навряд ли верно, т. к. почти везде в реках, где нерестятся осетры, можно встретить большее или меньшее количество молодых осетриков более фута, которых по причине густоты и шиповатости костяных жучек называют шипами (Верхняя Волга), костяками, костеренками, костюшками и костерятами. По всей вероятности, это двухлетки. Замечательно притом, что эти костерята, как показывают рыбаки, держатся вместе с стерлядями, что показывает, однако, что они как будто бы отбились от своих однолеток и что, следовательно, все-таки главная масса молодых осетриков уходит в море, быть может, в ту же осень или, вернее, в весеннее половодье, т. е. не достигнув годового возраста.

Молодые осетрики первое время кормятся, вероятно, мелкими ракообразными, а затем уже раковинами. Последние составляют главную пищу даже взрослых осетров, которые, по-видимому, только достигнув значительного роста, быть может 2 аршин, начинают глотать других рыб.

Несмотря на чрезвычайную плодовитость осетра, количество его значительно уменьшается с каждым годом, и в Верхней Волге, например, он составляет теперь большую редкость. Между тем, как видно из указа царя Алексея Михайловича от 1672 года, в XVII столетии вменялось каждому из 50 дворцовых рыбаков в Рыбинске доставлять ежегодно ко двору по 30 штук осетров (всего 1500 штук). Главным истребителем этой рыбы является человек, т. к. хищники опасны для нее только первое время. Вероятно, тогда он всего чаще делается добычей сомов. К числу врагов осетра следует причислять также и мелкого паразитического рачка – *Dibcelestium sturionis*, который встречается, впрочем, и на всех осетровых.

Вкус осетра известен каждому. Заметим здесь, что всего вкуснее яловые осетры и притом средней величины. Из молок осетра в Сибири, а также и в Южной России добывается жир, употребляемый в пищу.

Стерлядь

Acipenser ruthenus L. Почти всюду – стерлядь, местами в Южной России – чечуга; в Днепре также – красная рыба (исключительно); на Припяти (Бельке) мелкая – оческа, а в Зап. Сибири – веретешка. Польск. – чечуга, стерла, стерлеть. Каз. тат. – чуге; тат. (Фальк) – севьюк (!) и оской, у сибирск. тат. – сурук-балык, сугья-балык; на Чулыме – освей; кирг. – чуга; калм. – сугурлуг, сурлик, у Фалька – чукурло и цаканбухо; арм. и груз. – чука; черем. – суга; вот. – карей; перм. – йойз-джери; ост. – нодин; берез. ост. – кырре, кирре; на Сургуте – карри, Нарыме – нодок, на Енисее – ук; ост. инбацк. – ок; у берез. ост. – ук; юрацк. на Енисее – хоянадзик; на Мангазее – коя; телеут. – оска-балык; самоедск. – хырри; на Енисее – хрикокку; ост. самоедск. – ноты; тунг. на Енисее – шодоки, келдехчон, шенэко.

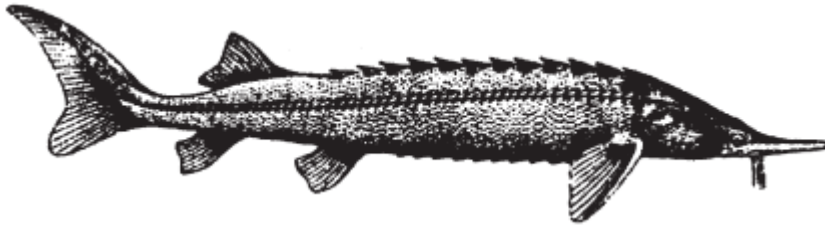

Рис. 206. Стерлядь

Несмотря на свою сравнительно небольшую величину, стерлядь составляет едва ли не наиболее замечательный вид из всего семейства осетровых, имеющего у нас такое громадное промысловое значение. Конечно, в этом последнем отношении стерлядь значительно уступает своим родичам, но она имеет высокий интерес потому, что в настоящее время встречается почти во всех реках России и Сибири и рыба вполне пресноводная, а не проходная, как осетр, белуга, шип и севрюга; во-вторых, потому, что образ жизни, нерест и история развития благодаря наблюдениям Овсянникова, Кноха, Гримма и Пельцама известны нам гораздо лучше, нежели других осетровых.

От всех других рыб рода осетров стерлядь легко отличается как по своей величине, так и по своему удлинённому узкому носу, длинными бахромистыми усиками, достигающими до рта, двухраздельною нижней губою и соприкасающимися боковыми щитиками. Как сказано, все осетровые рыбы взамен обыкновенной чешуи покрыты костяными щитиками (у рыбаков – жучки), расположенными в 5 продольных рядов, из которых один занимает середину спины, два тянутся по бокам и два по краям брюха; в промежутках между этими щитиками кожа остается или голою, или же покрыта мелкими костяными щитиками разнообразной формы. У стерляди, кроме того, спинные щитики тесно между собой смыкаются; их насчитывается 13–17, и каждый оканчивается позади довольно острым шипом. Боковых щитиков очень много – от 60–70, брюшных – 13–15, и последние между собой не соприкасаются.

Цвет стерляди изменяется, смотря по местности и бывает то желтее, то темнее, но обыкновенно спина у нее серовато-бурая или темно-бурая, брюхо желтовато-белое, плавники серые. Длина носа стерляди тоже подлежит значительным изменениям, и во многих местах рыбаки различают стерлядь остроносую и стерлядь тупоносую, в Твери же первую называют ходовою, а тупоносую – стоялою на том основании, что первая постоянно переходит с места на место, тогда как последняя придерживается определенной местности, почему бывает сытее и желтее. Очень может быть, что тупоносые стерляди – зажившие яловые рыбы. Это косвенно доказывается тем, что в озерах-садках стерлядь всегда имеет тупое рыло.

Кроме этих разностей, между которыми, впрочем, встречаются всякие переходные формы, между стерлядями попадаются альбиносы светло-желтого или желтовато-белого цвета, которых рыбаки называют обыкновенно князьками, т. е. выродками. Эти выродки составляют, впрочем, весьма редкое явление, и гораздо чаще попадаются ублюдки стерляди с осетром, реже севрюгою, которые известны под названием шипов, иногда костеряков (так называются собственно молодые осетрики). Смотри по тому, к какой рыбе подходит ублюдок, т. е. по величине носа, форме, величине и расположению жучек, его называют стерляжьим, осетровым и севрюжьим шипом. По показаниям рыбаков, типы эти плодовиты и нерестятся вместе со стерлядью. Стерляжььи шипы отличаются также своею величиною. В Иртыше и Оби карышом или чалбышом называют, кажется, помесь осетра и стерляди. В оз. Нор-Зайсане живет особая разновидность стерляди – тупоносая, очень жирная и крупная (до пуда), называемая зайсанкой. Вероятно, это только отъевшиеся в озере экземпляры.

Что же касается размеров стерляди, то средняя величина этой рыбы не превышает

12 вершков (считая всю длину тела) при 2–5 фунтах весу; впрочем, 10–20-фунтовые стерляди не составляют редкости; в Нижней Волге, Каме, Оби и Енисее попадаются даже 30-фунтовые, а в исключительных случаях 40–42-фунтовые стерляди до 2 аршин длиной. В Иртыше стерлядь (вернее, сибирский вариант ее) достигает даже двухпудового веса. Следует заметить, что, подобно всем другим рыбам, она первые годы растет очень быстро, но, достигнув половой зрелости, растет уже более в толщину, так что только вес ее увеличивается пропорционально годам, хотя и тут много значит время года: перед нерестом стерлядь весит больше, нежели после него, а затем вес опять увеличивается в течение лета; к осени стерляди, долго сидевшие в прорезных садках и исхудалые, иногда даже теряют половину своего первоначального веса.

У нас стерлядь сравнительно с другими видами осетровых имеет весьма обширное распространение, и притом область этой рыбы постепенно расширяется. Первое место по изобилию стерляди занимает Волга со всеми главными и второстепенными притоками, реки бассейна Оби и Енисея, затем реки, впадающие в Черное море и Дон; в Днестре, Днепре, Буге и Дунае, стерлядь, однако, очень редка в Кубани и реке Урале, а в Куре, Риони и Тереке, так же как и в открытом море, встречается в виде исключения, одиночными особями, хотя замечалась в Бакинском, Краснодарском и Кизил-Агачском заливах.

Таким образом, коренная область распространения этой рыбы захватывает большую половину Европейской России и Сибирь до Енисея с его притоками. Но в настоящее время стерлядь многочисленна и в бассейне Северной Двины, куда перешла из Камы через Екатерининский канал, вероятно в начале тридцатых годов: сначала она появилась в Вычегде, потом вниз от нее, в Двине и, наконец, в Сухоне и Ваге. В пятидесятых годах она водилась здесь уже в весьма значительном количестве, а теперь служит предметом значительной торговли. Этого, однако, нельзя сказать о реках Балтийского бассейна, в которые, несмотря на то, что многие из них соединены каналами с притоками Днепра и Волги, стерлядь проникла, по-видимому, благодаря простым случайностям. Все стерляди, встречающиеся в Неве, Кронштадтском заливе, Волхове, Сяси, Ладожском и Онежском озерах, хотя и замечались там еще в конце прошлого столетия (Паллас), происходят, по-видимому, с разбитых бурей барок, в которых перевозились в Петербург по каналам, и, судя по редкости их, надо полагать, что они не нашли здесь удобных мест и еще не успели размножиться. Впрочем, необходимо заметить, что при незнании способов и времени лова этой рыбы весьма может случиться, что она там обыкновеннее, нежели это может показаться с первого взгляда.

Дело в том, что стерлядь по преимуществу обитает самые глубокие места реки и притом держится постоянно на дне, так сказать, пресмыкается по дну, ведет очень скрытный образ жизни, а потому очень редко попадает в невода и вообще сети. Только по вечерам или ночам она выходит на мелкие места – в траву и к берегам – и обыскивает все углубления и норки прибрежья или же всплывает наверх и робко, точно крадучись, перевертывается вверх брюхом и ловит ртом падающих в воду насекомых, особенно метлу, во время падения которой нередко удается поздно вечером наблюдать этот маневр обыкновенно весьма осторожной рыбы.

Кроме глубины, для нее необходимы еще многие другие условия: свойства дна и воды имеют весьма важное значение для стерляди и обуславливают различия как в цвете, так и вкусе ее. Она, видимо, избегает медленно текущих, иловатых, притом всегда мелких рек и никогда не нерестится там, а заходит туда, как и в озера, только кормиться. Вот почему в Суре, где по вкусу не уступают знаменитым шекснинским, камским и вятским, они, по-видимому, вовсе не размножаются. Стерлядь любит песчаное или хрящеватое дно, чистую, прохладную и быстротечную воду, хотя и избегает самой стрежи, если там проносятся корчи и ил. Как говорят, она имеет

какое-то особенное пристрастие к красноватому песку, но не знаем, насколько справедливо это наблюдение (Левшина). Обыкновенно она держится на четверть (4–6 в.) от дна, на чем основана ловля ее переметами и самоловами, но иногда своими брюшными жучками касается земли; в некоторых случаях, например, когда, скатываясь вниз после нереста, заходит на песчаные мели, она нередко совсем зарывается в песок так, что выставляет только нос. В теплую погоду стерлядь иногда ходит верхом или вполводы и попадает в сети.

Во всякое время года стерлядь ведет более или менее общественный образ жизни и в одиночку встречается довольно редко. Хотя она и не совершает таких больших переходов, как другие осетровые рыбы, в чем ей и нет особенной надобности, т. к. она круглый год живет в пресной воде, тем не менее, начиная с ранней весны, именно вскрытия реки, и до поздней осени она кочует с одного места на другое и только зимою держится на одном месте. В это время она избирает для своего пребывания самые теплые, а следовательно, самые глубокие слои воды и залегает иногда на глубине 12 и более сажен; в такие ямы она собирается на зиму из весьма отдаленных местностей и в очень большом количестве, иногда тесными рядами, даже в несколько слоев, и большую часть зимы лежит почти неподвижно, почему, относительно говоря, редко попадает на крючковые самоловные снасти. Притом, очевидно, эти зимние становища стерляди находятся исключительно в нижнем течении рек, и вот почему эта рыба в холодное время года встречается довольно редко в верховьях, где, однако, весной, частью летом ловится в более или менее значительном количестве.

Но со вскрытием реки стерлядь выходит из своего зимнего оцепенения и, как только начнет прибывать вода, начинается ход, или бег, ее. Стремление вверх против течения есть явление общее всем рыбам и обуславливается главным образом потребностью быстрого движения против воды, т. к. увеличившаяся сила течения сносит стоящую на месте рыбу, приисканием мест, удобных для нереста, так отчасти и потому, что муть полной воды мешает свободному дыханию рыбы, плывущей вниз. Это отчасти доказывается тем наблюдением, что стерлядь, да и многие другие рыбы, при случайной, например, осенней, прибыти воды снова поднимаются вверх по течению. Притом, по свидетельству рыбаков, в половодье подымается и молодая – годовалая и двухгодовалая – стерлядь, еще не достигнувшая половой зрелости, которая наступает на третью весну, когда рыба имеет в величину не менее 6 вершков (рыбачьей меры) или одного фута и веса 1/2 фунта.

Ход стерляди, обуславливаемый первою внешнею прибылью воды, начинается на Средней и Верхней Волге несколько ранее, нежели в Нижней, куда прибылая вода, понятно, приходит гораздо позже. Различие это было бы еще значительнее, если бы стерлядь, зимовавшая в низовьях, не должна была пройти значительное расстояние, прежде чем достигнуть местностей, удобных для нереста.

Ход стерляди зависит, как известно, от состояния погоды и времени вскрытия, а кончается, как только вода пойдет на убыль, что опять-таки указывает, что это движение не имеет того исключительного назначения, которое ему обыкновенно приписывается. Вообще бег продолжается, по-видимому, несколько более месяца, иногда полтора.

Судя по всему, стерляди поднимаются очень большими косяками, почти всегда одинакового возраста и величины, откуда очевидно, что косяки эти тем многочисленнее, чем моложе составляющая их рыба. Особенно многочисленны стаи стерлядей в Нижней Волге, где они содержат иногда до 10 тысяч, даже более, неделимых. Во всяком случае, стерляди идут правильными вереницами. Это доказывается тем, что нередко значительное количество их попадает и в одиночную вершу. В Средней, тем более в Верхней Волге количество поднимающейся стерляди значительно уменьшается; последние стаи ее редко содержат сотню-другую особей.

Впрочем, многочисленность этой рыбы весьма много зависит от высоты воды. В сильное половодье, когда вообще лов рыбы сильно затрудняется и она имеет более шансов избежать сетей и снастей, расставляемых для ее лова, стерлядь подымается в верховья в большом количестве и успевает выметать икру. Потому сильный разлив рек иногда оказывает гораздо более пользы, нежели многие предохранительные меры для рыболовства, и влияние его простирается на несколько лет, т. к. увеличивается масса молоди, которая впоследствии, достигнув половой зрелости, по инстинкту, свойственному и не одним рыбам, большею частью возвращается для нереста в те же места, где вывелась. Относительно стерлядей это мнение, безусловно, разделяется всеми рыбаками.

Сильный разлив рек, по всей вероятности, обуславливает и некоторую аномалию в месте нереста стерляди. Обыкновенно она мечет икру в самом русле реки, но есть некоторые указания, что стерлядь иногда нерестится и на заливных лугах, образующихся глубоких рытвинах и промоинах, в которых полая вода течет иногда еще с большею скоростью, нежели в русле реки, и, т. сказ., вводит в заблуждение рыбу. А т. к. эти весенние протоки находятся на луговой стороне реки и при малой воде не всегда доступны, то, вероятно, отсюда и произошло мнение некоторых рыбаков, что стерлядь один год идет левым берегом (луговым), другой – правым (нагорным). Но нерест ее на лугах все-таки составляет исключительное явление, и он как бы застигает ее врасплох во время обхода ею излучин. Как известно, в излучинах реки самое сильное течение во время водополья бывает не в русле реки, а т. к. вода течет с наибольшей быстротой в прямом направлении, то, следовательно, главная струя находится на луговой стороне. Этим объясняется весенняя ловля стерлядей вандами исключительно на затопленных местах. Доказательство этому приводит сам Овсянников, который, основываясь на этой ловле вандами, полагает, что стерлядь всегда мечет икру на заливных лугах. Именно оказывается, что в ванды попадает исключительно стерлядь или с недозревшей икрой, которая резорбируется, или же в ванды попадает стерлядь, уже выметавшая.

Главные места нереста стерляди – не поемные луга, а каменистые гряды, т. е. подводные бугры, сложившиеся из валунов и щебня, вообще глубокие и быстротечные места самого русла, покрытые крупным песком, хрящом, гравием или камнями; сюда прикрепляются многочисленные икринки рыбы так крепко, что их не может смыть и самая сильная струя воды. Быстрота течения составляет необходимое условие, т. к. иначе яички заносились бы илом. Глубина этих нерестилищ, из коих многие сделались известны благодаря исследованиям Кесслера и других ученых, иногда весьма значительна, тем более что стерлядь, по-видимому, мечет в самое высокое стояние воды – именно 3–10 сажен. Всего же замечательнее то обстоятельство, что около Васильсурска и Самары эти местности находятся как раз у пароходных пристаней, чем совершенно опровергается мнение, что пароходы распугивают стерлядей.

Наибольшая масса стерлядей, как сказано, нерестится в то время, когда вода достигла самого высокого уровня и остановилась прибывать или даже пошла на убыль (Овсянников), большею частью в первой половине мая. Весь нерест продолжается около двух недель, по приметам рыбаков на Верхней Волге (Ярославль) – с цветения черемухи до цветения яблони. В очень раннюю и теплую весну стерляди начинают метать на Средней Волге во второй половине апреля, и здесь (например, под Симбирском), надо полагать, стерлядь нерестится всего ранее. На Нижней Волге, напротив, начиная с Самары, нерест стерляди кончается всегда несколько позднее; около Сарепты стерлядь нерестится, по изысканиям Бэра, даже в исходе мая и в начале июня. Как известно, количество самцов гораздо значительнее количества икрыников. Это правило относится, впрочем, к большинству наших рыб и имеет особенное значение для рыб, нерестящихся на быстринах, т. к. большая

часть молок уносится водой и не выполняет своего назначения. Притом следует принять в соображение кратковременную жизнь живчиков, которые, по наблюдениям Овсянникова, в большом количестве воды двигаются в течение немногих минут (2–3), а в реке же, вероятно, еще того менее. Но этот избыток самцов объясняет нам, почему молошники со зрелыми половыми продуктами встречаются и по окончании нереста, и дает основание предположить, основываясь на более позднем времени нерестования осетров и севрюг, что все помеси стерлядей с этими рыбами произошли из икры последних, оплодотворенной этими запоздавшими молошниками.

По-видимому, самцы всегда имеют относительно меньшую величину и вес, нежели самки. Последние всегда толще, нос у них, по Геккелю, немного длиннее, тоньше и несколько приподнят кверху, лоб плоский, но насколько верно это наблюдение немецкого ихтиолога – неизвестно, т. к. оно еще никем не было проверено.

Самый процесс нереста стерляди почти вовсе неизвестен. Оно и понятно, т. к. в мутной и глубокой воде наблюдения над ним по меньшей мере крайне затруднительны, если не вовсе невозможны. Вероятно, сперва мечет икру самка, и икра эта обливается молоками самцов, что и говорит д-р Кнох, но неизвестно, однако, выскакивают ли они торчком из воды, как это говорили мне рыбаки на Шексне; это подлежит весьма большому сомнению, как по той глубине, на которой они нерестятся, так и потому, что, надо полагать, они освобождаются от половых продуктов скорее посредством трения о камни. К тому же об этом явлении не упоминает ни один из исследователей, которым рыбаки, конечно, не преминули бы прежде всего сообщить об этом факте. Известно достоверно, что стерлядь выпускает икру в несколько приемов.

Икра, подобно икре всех осетровых рыб, отличается (зрелая) своею несколько продолговатою формою и темным цветом, относительно мельче, чем у осетра, севрюги и белуги, и, по-видимому, малочисленнее, чем у последних, хотя, впрочем, никто не вычислил приблизительно этого количества. Вероятно, у крупных самок оно достигает до ста тысяч, если не более. Цвет икры, по наблюдениям Пельцама, согласуется с цветом стерляди, и чем темнее последняя (т. е. менее изнурена), тем лучше развивается. Развитие икры совершается весьма быстро, значительно быстрее, нежели предполагает Овсянников, основываясь на своих опытах искусственного оплодотворения; не на 8-й день, а гораздо скорее – через 4 дня. Интересно наблюдение Пельцама, что особенно быстро развивается икра во время грозы.

Выклюнувшиеся стерлядки первое время держатся в хряще, если не до самой осени, как предполагает проф. Кесслер, то все-таки весьма продолжительное время. Стерлядки могут выходить в иловатые – самые кормные – места реки, только когда совсем окрепнут, по прошествии двух или более месяцев. По наблюдениям Середы, молодая стерлядь от 4–5 1/2 вершков в низовьях Днепра выходит вечером жировать выше каменистых гряд, и мальки некоторое время упорно держатся места своего рождения, но позднею осенью поднимаются кверху в большем или меньшем количестве. По приметам рыбаков, когда осенью идет много мелкой чечуги, в эту осень и зиму будет плохой улов другой рыбы.

Самостоятельное питание молодых рыбок, как показали наблюдения Овсянникова, начинается через две недели после их выхода, как только они лишатся желточного пузыря. В аквариумных условиях их кормили циклопами, дафниями и другими мелкими ракообразными, также мелкими личинками насекомых; по всей вероятности, стерляжьих мальки питаются на каменистых грядах личинками мошек. Кесслер вообще полагает, что первоначальную пищу их составляют инфузории и микроскопические ракообразные. Во всяком случае, осенью ловятся уже стерляди, достигшие величины вершка; вероятно, в год они достигают величины 2–3

верш., в два – 4–5, перед нерестом на 3-ю весну – 6 или 7 верш. Что же касается взрослых стерлядей, то они, едва успев выметать икру, лишь только вода тронулась на убыль, выходят из русла на пойму и начинают быстро откармливаться – нагуливаться, по выражению рыбаков. Дело в том, что не только во время своего бега, но, по-видимому, и перед началом хода, тем более зимою, стерлядь ничего не ест; истощенная и исхудалая, она жадно бросается в затоны, заливные озера, к берегам рек и островов, где под нависшим ракитником, в камышах и тростниках к тому времени, т. е. во второй половине мая, кишат мириады мелких организмов. Но главную пищу их весной, во время нагула, составляют личинки двукрылых насекомых, преимущественно комаров и мошек. Стерляди до того набивают ими после нереста свои желудки, что они кажутся икрами: в 6-вершковых рыбах Гримм насчитывал иногда до 35 тысяч личинок комаров. Личинки мошек (*Similia*), которые держатся на быстринах, по д камнями, где ползают подобно пиявкам, составляют, вероятно, главный корм молодых стерлядок. Немалое значение имеет для стерляди метла (поденка), особенно на Шексне, Суре, а также на Иртыше, вообще в таких реках, где это насекомое падает большими массами. В Иртыше, по словам г. Мельникова, постоянную пищу стерляди составляют какие-то желтоватые червячки длиной в 1/3 вершка и толщиной в 2 мм, которых она отыскивает под камнями при помощи своего хрящеватого носа. В озерах и прудах стерлядь питается едва ли не исключительно личинками мотыля; по крайней мере, московские живорыбные торговцы пускают стерлядей для нагула только в озера и пруды, изобилующие мотылем. Вероятно, также она кормится икрой других рыб; осенью главную пищу ее составляют черви и личинки насекомых, но вряд ли она ест мелких рыбок, которых ей и не поймать.

После нереста половые органы стерляди занимают весьма небольшое пространство, и новая икра имеет первоначально вид очень мелких беловатых зернышек. У тех же особей, которые по какому-либо случаю не нашли себе удобного места для нерестования, старые половые продукты подвергаются процессу обратного метаморфоза, который, по-видимому, не имеет почти никакого влияния на здоровье рыбы. В обоих случаях новая икра через 2–3 недели почти достигает своей нормальной величины, окрашивается в буровато-серый цвет – одним словом, принимает вид почти зрелой икры, которая к осени еще более чернеет и просвечивает сквозь брюшные покровы в виде тонкой полоски. Это обстоятельство служит причиной ложного убеждения, особенно распространенного между верховыми рыбаками, что стерлядь мечет икру два раза в год – весной и осенью.

Весенний нагул стерляди непродолжителен, и в начале лета она уже начинает скатываться вниз по реке и все реже и реже попадает в верховьях. Но этот обратный ход рыбы совершается весьма медленно, тем более что она часто выходит в заливы, на песчаные мели, именно по ночам и продолжает кормиться. К осени в Верхней Волге остается лишь небольшая часть стерлядей, поднимавшихся для нереста, и главная масса этой рыбы собирается в ямах и под ярами Нижней Волги, где и зимует иногда на глубине 12 сажен, причем ложится в несколько ярусов. В это время она ничего не ест, хотя все-таки, надо полагать, зимний сон стерляди отличен от спячки прочей красной рыбы и не так глубок. К тому же она, как говорят, вовсе покрывается в это время т. назыв. сленом. В Иртыше, по Мельникову, стерлядь, как и осетр, будто ложится в ямы еще в августе, что совершенно невероятно.

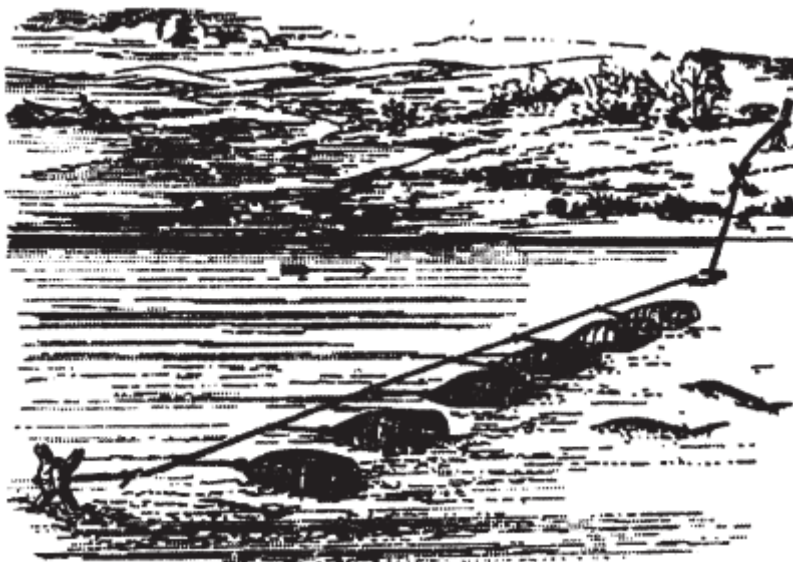

Рис. 207. Ловля вентерями

Стерлядь, как рыба постоянно вращающаяся на дне, крайне редко попадает в невода. Потому ловля ее производится, смотря по времени года, или вандами, в сущности, теми же мордами, или вершами, вентерями, напоминающими среднерусские крылены или фитили, плавными сетями; главным же образом – крючковыми снастями.

Прежде всего, как только начнется бег, стерлядь ловится плавнями. Плавная сеть состоит из двух сетей – передней с крупными и задней с мелкими ячейками. Она спускается вниз по течению, и стерляди, подымающиеся вверх, проходя головою и передними плавниками через крупные ячейки, наталкиваются на мелкие, поворачивают назад и запутываются.

Лов плавными сетями показывает, что стерлядь, подобно прочей красной рыбе, перед нерестом поднимается в высшие слои, что обусловливается большею потребностью воздуха.

Не так давно на Дону вошел в употребление очень нехитрый снаряд для весенней ловли стерлядей, названный разиней. Это довольно большой мешок, натянутый на железный прут и две деревянные распорки. Разиню тянут за веревку. Закинув разиню в воду с баркаса, отъезжают к берегу во всю длину привязанной к раме веревки и, заякорившись, тащат к себе поперек течения, причем разиня идет, задевая дно железным прутком, и загребают стоящую тут стерлядь.

Как только вода пойдет на убыль и стерлядь, выметавшая икру, бросается нагуля в затоны и займища, плавню бросают и начинают ловить вандами или вентерями. Как те, так и другие укрепляются еще заблаговременно до разлива реки в глубоких рывтинах и промоинах, вырытых половодьем, целыми рядами, и количество ванд зависит от ширины ямы. Эта ловля гораздо добычливее ловли плавнями, но пойманная стерлядь здесь также непрочна и только немного ценнее по качеству своего мяса, между тем как в плавных сетях она часто так запутывается, что для освобождения ее требуется много времени. Непрочность стерляди, пойманной в ванды, зависит главным образом от давки и тесноты, которая происходит в том случае, если в снасть попало много рыбы. А это бывает весьма часто, т. к. стерлядь идет вереницами.

Ловля вандами продолжается почти до тех пор, пока река войдет в берега, обыкновенно до июня. Летом начинается самая главная, добычливая ловля самоловами, которая доставляет наиболее вкусную и жирную, а потому и самую ценную рыбу. Совершенно напрасно полагают, что раны, причиняемые крючками, долго не заживают и что много стерлядей, сорвавшихся с самоловов, погибает без всякой пользы для человека; эти раны бывают смертельны лишь в том случае,

когда поражают главные органы рыбы, в особенности визигу.

Самоловная снасть, как известно, состоит из ряда очень острых крючков, привязанных к небольшим бечевкам, которые, в свою очередь, прикреплены на полуаршинных расстояниях к более или менее длинной бечевке, смотря по количеству крючков (иногда несколько сот); крючки эти посредством поплавков и камней удерживаются в известном расстоянии от дна (4–6 вершков) так, чтобы плывущая рыба, проходя между крючками, зацепляла за какой-либо из них, а затем и за соседние. Заметим, впрочем, что стерлядь, почувствовав вонзившийся крючок, очень мало бьется и обыкновенно лежит очень смиренно, почти не двигаясь, так что почти всегда имеет одну и ту же небольшую ранку. Вред от ловли самолов ами, как и всегда, лежит не в самой снасти, а в злоупотреблении ею – загороживании всего русла и в часто расположенных крючках, через что вылавливается громадное количество молодой стерляди.

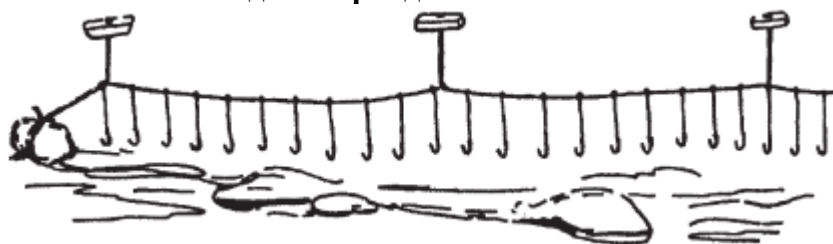

Рис. 208. Самоловная

снасть

Потехин («Лов красной рыбы в Саратов. губ.») свидетельствует, что из ста стерлядей, пойманных крючками, в садке в течение нескольких месяцев уснуло только 4. Данилевский тоже против запрещения крючковой самоловной снасти для стерлядей. Эти рыбы крайне живучи и выносливы, и раны, нанесенные крючками, очень скоро заживают. По словам петербургских рыботорговцев, в крючной рыбе не замечается большей смертности, чем в ловленной сетями. По мнению рыбаков, ловля самоловами, называемыми на Дону накатными переметами, основана на том, что рыба, заинтересованная однообразными движениями колыхающихся поплавков (бабашек), начинает играть с ними, ударяя по ним хвостом и в конце концов зацепляется за крючок.

Ловля стерлядей переметами на приманку употребляется реже самоловов, с которыми, конечно, меньше хлопот. Специально стерляжьих переметы употребляются лишь местами. Крючки перемета должны лежать на дне и насаживаются обыкновенно красным червем (навозным). Ставят снасть на глубине около фарватера, на быстрине, причем, однако, предпочитается мягкий и чистый грунт (Ромадинов). Фарватера избегают, т. к. здесь крючки заносит илом, песком и сором. На Иртыше крючки делаются из мягкой, незакаленной проволоки, очень тонкой, т. к. рыбаки убеждены в том, что на грубый и закаленный крючок стерлядь не возьмет. Во время падения метляка крючки насаживают этими насекомыми. Лучше всего берет стерлядь после нереста – на Иртыше с половины июня до половины августа, в реках Европ. России – в мае и июне; всего чаще она попадает на переметы перед закатом и рано утром до восхода. Снимать рыбу с перемета надо осторожно, взяв ее за голову, т. к. в противном случае можно обрезать жучками. По замечанию иртышских рыбаков, крупная стерлядь попадает всего лучше в бурную погоду.

Рис. 209. Ловля

кивками

На Дону промышленники и рыболовы-охотники ловят стерлядей в большом количестве т. назыв. кивками, которые, в сущности, мало отличаются от перемета и могут быть названы закидными переметами. Кивок состоит из волосяной редконитяной лесы длиной от 10 до 15 сажень; конец лески в 1–3 саж. делается всегда из белого волоса, и на ней привязываются полуаршинные поводки числом от 4 до 7 с крючками, как показано на рисунке, т. е. так, чтобы поводки лежали в направлении, обратном привязанному на конце грузу. Грузило делается обыкновенно из свинца (из 3–4 пуд) и пирамидальной формы, которое не катится по дну и не может быть прибито к берегу, подобно круглому, и не заволакивается песком, как плоское. Обыкновенно грузило привязывается на отдельном, более слабом поводке. Что касается крючков, то донские рыбаки предпо читают простые русские крючки без бородки лучшим английским на том основании, что они гораздо уловистее. Действительно, на крючки с бородкой стерлядь мало попадает; по причине особого устройства своего рта она, несомненно, часто преждевременно на них накальвается. У каждого рыбака бывает не менее трех кивков длиной каждый от 12 до 18 саж., которые аккуратно наматываются на особую дощечку – кивочницу.

Закидывают кивок с берега, подобно донной удочке, только не приносившись, очень легко зацепить крючками за платье или за окружающие предметы. Обыкновенно охотник берет двумя пальцами за леску выше первого крючка и, раскачав грузило, бросает его в реку, одновременно выпуская леску из левой руки. Чтобы леска и поводок несколько размокли и выпрямились, кивки бросают сначала без насадки и держат в воде минуты три. Так как Дон течет быстро, то грузило некоторое время катится по дну и перемещается иногда довольно близко к берегу, почему кивки надо забрасывать в некотором друг от друга отдалении. Свободный конец натянувшейся лески прикрепляется вместе с кивочницей к развилинам рогульки, втыкаемой в прибрежный песок. По рогульке можно скорее найти кивок и видно, попала ли на него рыба.

Ловят на кивки донские рыболовы с весны до осени, особенно с конца апреля до конца июня, вообще после нереста. Местом ловли выбирается здесь песчаный берег или коса, причем необходимо, чтобы противоположный берег был крутой и состоял из чернозема с глиной, вероятно, потому, что эти места и служат постоянным местопребыванием стерляди, и она выходит отсюда на ближайшую отмель только по ночам для жировки. По этой же причине она попадает на кивки преимущественно среди ночи, особенно если она тиха; по вечерам же и утром на кивки ловится большею частью разная бель. Присутствие последней на крючке легко узнается по усиленным содроганиям рогульки, между тем как стерлядь, попавшая на кивок,

рвется только в первые моменты и при вытаскивании почти не сопротивляется и иногда идет до того спокойно, что кажется, что на кивке ничего нет. Это едва ли не самая поводливая и чувствительная к боли рыба. На пять кивков с семью крючками каждый, осматривая их несколько раз, с вечера до утра можно бывает поймать до 80 шт. стерлядей. Изредка, местами, например в станице Цимлянской, также на р. Самаре, ловят стерлядей на подпуски, с 4–10 крючками, становясь на якорь.

В Средней России ловят также стерлядей на донные закидные удочки. Насколько мне известно, у нас в верхнем течении Волги и в ее притоках, от Оки, специально ужением стерляди никто теперь не занимается, хотя на Клязьме и был рыболов, удивший почти одних стерлядей. На Иртыше же, близ Омска, ужение стерлядей на донные удочки-закидушки составляет любимый спорт местных рыболовов-любителей.

Эти омские закидушки очень напоминают донские кивки, т. к. имеют тоже от 4 до 8 крючков. Грузило весом до 3/4 фунта здесь тоже делается в форме прямоугольника или в лоского овала, чтобы оно не могло катиться по дну и крутить леску. Последняя делается из 10–24 белых волос; крючки тоже местной выделки (тобольские); белые, мягкие, иногда из очень толстой проволоки, но очень острые.

Удочки (3–5) ставят главным образом в таких местах, где главная борозда реки находится в расстоянии 10–15 сажен от берега. Стерлядь здесь всегда держится в самой глубокой борозде русла реки с быстрым течением по устланному галькою и щебнем известняковому дну. Лучший лов начинается с половины июня и длится до половины августа. Рыба берет обыкновенно с рассвета до 6 часов утра и потом после обеда – с 4 до 8 час. вечера, что объясняется местом лова. Стерлядь берет очень тихо и вяло, не хватая наживу, подобно другой рыбе, а понемногу всасывает ее, почему клева почти не видно. Рыболов вытаскивает леску наугад или когда попавшаяся на крючок стерлядь, относимая изредка течением, слегка зашевелит леску.

Самая крупная стерлядь продается на месте от 20 до 50 р.; гигантские, полторааршинные, рыбы не имеют даже определенной стоимости, хотя, не в обиду сказать нашим гастрономам, и уступают во вкусе средним. Это только редкая диковинка.

Но стоит только принять в соображение, что крупная и непременно живая стерлядь составляет предмет роскоши, что снулая ценится дешевле прочей красной рыбы, что мелкая стерлядь продается за бесценок, чуть не дешевле мелкой бели (по 15–20 к. за пуд ниже Царицына), и для нас станет совершенно ясным, что эта рыба не имеет настоящей торговой ценности. Всякому понятно, что только та рыба будет иметь промышленное значение, которая имеет определенную, а не случайную ценность, которая легко сохраняется и заготавливается впрок. Подобно тому как заячий или беличий промысел имеет несравненно большую важность, чем соболий, так точно и промышленное значение стерляди стоит гораздо ниже значения не только прочей красной рыбы, но и многих других видов бели: судака, леща, речной сельди, тарани и воблы. В семидесятых годах в Петербург привозилось стерлядей всего на сумму до 75–80 т. рублей; Москва же, надо полагать, потребляет ее не в большем количестве. Крупная стерлядь ценится в столицах действительно дороже всякой другой рыбы – около 5р. за фунт. При перевозке сажают мелкую отдельно от крупной, потому что первая, как более вертлявая, подрезывает крупных, отчего у них краснеет брюхо и они могут уснуть. При перевозке (водою) двинских стерлядей в каждое отделение прорезной лодки, по словам Арсеньева, пускается несколько налимов, которые будто «прочищают дно в судне и, обладая обильной слизью, предохраняют стерлядей от ушибов о стенки и от порезов одной об другую о хребтовые жучки».

Так как стерлядь живет только в глубоких судоходных реках, то об искусственном

разведении ее с помощью искусственного оплодотворения и вывода мальков не стоит и говорить, тем более что это оплодотворение гораздо затруднительнее, чем для лососевых, даже карповых рыб. Развести стерлядей не только в прудах и озерах, но даже во многих притоках Волги, Днепра и др. рек невозможно, т. к. в первых они плодятся не будут, а из последних уйдут ниже (например, в Москве-реке). Там же, где стерлядь уже имеется, искусственное разведение тоже не имеет никакого смысла, т. к. гораздо проще и рациональнее охрана нерестилищ и запрещение продажи на рынках мелкой стерляди. Тем не менее стерлядь имеет очень важное значение для прудового хозяйства, т. к., оставаясь всегда яловой, очень быстро в них растет и жиреет. Это давно, с незапамятных времен, было известно всем торговцам живую рыбою, которые и пускали мелкую 2–3-летнюю, еще совсем бесценную стерлядь в арендуемые ими озера-сажалки. Здесь, если эти озера и пруды изобиловали кормом, в особенности же мотылем, стерляди в 1–2 года увеличивались в ценности вдесятеро. В былое время в редких помещичьих прудах приволжских губерний не было пущенных туда стерлядей; московские живорыбные торговцы большую часть своих стерлядей всег да выпускают и выпускали в озера. Кто желает иметь стерлядей в пруде, тот должен достать через рыботорговца мелких стерлядок, а не только выведшуюся молодь, которая очень непрочна и беззащитна от хищников.

Минога

В некоторых местностях миног зовут также вьюном, угрем (на Верхней Волге); личинки – пескоройки, вьюнчики, слепые вьюнчики; на Неве – живчики, на Днепре – веретеницы, в Воронеже – пискавка. По-фински – накийнен, сильму; у ижоров – сильмуд; у латышей – негес, суттини; у эстов. – сильмуд, аггексасильмад. В Польше – миног, ссач, миножек; лит. – неге, девинакис.

Рис. 210. Речная минога

К числу наиболее интересных рыб России, как по некоторым весьма важным особенностям в организации, размножению и образу жизни, так отчасти и по своему промышленному значению, принадлежит, бесспорно, минога, которая (конечно, только в маринованном виде), без сомнения, хорошо известна и нашим читателям.

По своей форме и общему виду минога имеет весьма мало общего с нашими обыкновенными породами рыб.

Длинное, цилиндрическое, змееобразное тело ее, хотя и напоминает несколько вьюна, а еще более угря, почему названия эти иногда даются и ей, имеет весьма важные и резкие отличия: вся кожа миноги совершенно лишена тех мелких чешуй, которые при внимательном осмотре оказываются у этих последних рыб: у миноги нет ни грудных, ни брюшных парных плавников и имеется только одно носовое отверстие, лежащее посредине головы, немного впереди глаз; рот у нее кольцеобразный и довольно сходный со ртом пиявки.

Рис. 211. Морская минога

Самые важные, а также наиболее бросающиеся в глаза отличия миноги заключаются в особом устройстве ее жабр. При первом взгляде на эту замечательную рыбку с каждой стороны переднего, более толстого, конца ее вальковатого туловища замечаются по семи небольших отверстий, которые и послужили к меткому названию ее на Каме – семидыркой, единственному русскому, т. к. настоящее название «минога», очевидно, происходит из немецкого Neunauge – девятиглаз, в котором, как видно, немцы выказали немного наблюдательности. Эти четырнадцать отверстий, расположенных в двух неглубоких желобках, или бороздках, ведут в небольшие кожистые мешочки, которые и есть жабры. Таким образом, последние устроены совершенно иначе, чем у других рыб. Также отличен и самый процесс дыхания миноги. У всех других рыб вода, заключающая воздух и служащая для дыхания, проходит через рот; у миног же она при каждом расширении входит, а при каждом сжатии мешочков, что производится особенными мускулами, выходит из отверстия. Мы увидим впоследствии, что подобного рода дыхание находится в прямой связи и зависимости с образом принятия пищи.

Рис. 212. Ручьевая минога

Наконец, есть очень важное отличие этой рыбы от громадного большинства других. Всякий, кто ел миногу, очень хорошо помнит, что в ней нет вовсе ни костей, ни ребер, как у наших обыкновенных рыб, и что она съедается целиком, еще с меньшим усилием, чем осетровые, у которых скелет состоит из хрящей. Это происходит оттого, что позвоночный столб миноги почти вполне заменен так называемой визигою, встречаемую и у осетровых, но уже в относительно меньшем развитии, и почти только одна голова состоит из хрящей.

В Европ. России встречается, собственно, два или три вида миног. Одна из них живет в речках и ручьях, другая – в реках, и потому первая называется ручьевой, вторая – речной миногой. Главное и наглядное различие между ними заключается в ро сте: ручьевая (*Petromyzon Planeri*), значительно менее речной и очень редко достигает одного фута длины; в большинстве случаев бывает вполовину менее, между тем как речная иногда достигает полуторафутовой длины и толщины двух пальцев. Другой, тоже наглядный, отличительный признак заключается в том, что у речной миноги спинной плавник отделен довольно значительным промежутком от хвостового, а у ручьевой оба плавника представляются почти слитыми. Третий вид (*Petromyzon Wagneri Kessl.*), или каспийская минога, встречающийся в бассейне Каспия, очень сходен с речной (*Petromyzon Fluvialis*), которая принадлежит собственно бассейну Балтийского и Ледовитого морей и имеет только несколько иное строение рта. Неизвестно, к какому виду принадлежит минога бассейна Днепра и Дона, доходящая до Смоленска (Жорде) и Воронежа (Веневитинов), где, впрочем, найдены лишь ее личинки; в морях же, и у нас в Балтийском, водится минога еще большей величины, но в реках, по крайней мере в России, она никогда не встр

ечается и даже ни разу не была найдена и в Финском заливе.

Обе речные миноги встречаются как в море, так и в больших озерах, как, например, Ладожском, Онежском, Псковском и местами, особенно в бассейнах первых трех морей, в таком несметном множестве, что нередко вычерпываются из прорубей саками, черпаками и ведрами, хотя до сих пор, как увидим далее, только в немногих местностях составляет предмет промысла. Ручьевая минога, напротив, была замечена только в немногих речках России, что, конечно, зависит как от того, что ее, вероятно, иногда смешивали с речной, так и от ее местопребывания. До сих пор ее наблюдали только в Финляндии (до 64° с. ш.), остзейских губерниях и в немногих речках, впадающих в Днепр, а из средних и приволжских губерний только мне удалось найти ее в одной из речек Ярославского уезда. Отсюда легко, однако, заключить, что она распространена в большей части Европейской России, за исключением, быть может, наших северных рек. Вообще эта последняя не имеет у нас никакого промышленного значения, но она важна потому, что над ней в Западной Европе были сделаны весьма важные и интересные наблюдения, касающиеся ее размножения и образа жизни, к которому мы и переходим.

Несмотря, однако, на эти важные наблюдения, многочисленность и распространенность миног, жизнь их все-таки представляет многие пробелы, что обуславливается весьма скрытным образом жизни этих рыб. Соответственно своему червеобразному телосложению, отсутствию плавательного пузыря и парных плавников, миноги держатся всегда на дне, так сказать, пресмыкаются на дне рек и озер. Это обстоятельство в соединении с ночной жизнью их делает еще более затруднительными наблюдения над ними. Днем увидеть миногу, неподвижно присосавшуюся к подводным скалам, камням и корягам, а тем более зарывшуюся в ил, очень мудрено; притом в обыкновенное время года она никогда не встречается большими и густыми стаями, а большею частью замечается поодиночке. Только перед нерестом, когда только начинается самый главный, самый добычливый лов ее, она замечается в огромном количестве, целыми массами.

(пескоройка)

Рис. 213. Личинка миноги

На дне же отыскивает минога свою пищу, состоящую частью из органических веществ, заключающихся в иле, но, по-видимому, исключительно из мяса как мертвых рыб и других утонувших животных, так и живых рыб. Некоторые рыбаки Ладожского озера уверяют, что в иное время почти совсем нельзя заниматься ловом сига на крючья, потому что пойманные сии за ночь буквально начисто съедаются миногами. Такое исключительное питание мясом рыб или падалью доказывается, во-первых, тем, что в желудке миног вовсе не находится никаких остатков насекомых и они никогда не берут на червяка; во-вторых, самым устройством рта, позволяющим принятие пищи исключительно посредством присасывания к предмету, служащему им пищей. Своими многочисленными зубами, сидящими на кольцеобразной губе и о sobых хрящеватых пластинках, как бы соответствующих челюстям, миноги пробуравливают кожу рыб и потом глубоко в них въедаются при помощи языка, на переднем краю тоже усаженного зубами и действующего вместе с тем наподобие поршня. Такой способ питания, не встречающийся у других рыб, очевидно, возможен только при вышеописанном устройстве жабр: в противном

случае кормящаяся и вообще присосавшаяся минога не имела бы никакой возможности вбирать воду в рот, следовательно, дышать. Далее мы увидим, однако, что ручьевые миноги, быть может, вовсе не употребляют никакой пищи. Все же сказанное нами относится к речным миногам, над которыми и были сделаны все вышеупомянутые наблюдения.

В свою очередь, по своей неподвижности и относительно медленным движениям (что опять служит доказательством, что они кормятся преимущественно падалью или уже пойманною рыбою) миноги нередко достаются в пищу другим, более крупным и хищным, рыбам, в особенности таким, которые, подобно им, более придерживаются дна. К таким главным врагам миног принадлежат сом, налим и в особенности угорь, впрочем исключительный обитатель рек, впадающих в Балтийское море. В объемистом желудке угря средней величины легко помещается более дюжины миног, а т. к. он обыкновенно проглатывает их целиком и, будучи пойман и сжат руками, изрыгает их обратно, то это служило частым поводом к рассказам рыбаков о живородности угря. Этому заблуждению, по всей вероятности, способствовало и то обстоятельство, что речные миноги отличаются необыкновенною живучестью и не только остаются живыми в течение многих часов, будучи закупорены в наглухо закрытую банку, совершенно без воды, но продолжают шевелиться еще долгое время спустя после того, как у них было вскрыто брюхо. Отсюда очень может статься, что свежепроглоченные миноги еще не успевали подвергнуться разлагающему действию желудочного сока и выжимались из рта угря еще живыми.

Наблюдения над нерестом более полны и достоверны относительно ручь евых миног. О них мы знаем наверное, что они в Западной Европе мечут в апреле; у нас же, вероятно, позднее – именно в мае, что можно заключить из того, что в 1866 году 5 мая я нашел одну ручьевую миногу с еще не выметанной икрой, а 29-го числа следующего года они, по-видимому, начинали нереститься, т. к. собирались вместе и присасывались по десятку к одному камню. Оба раза я встречал их на мелких и каменистых перекатах речки, откуда следует заключить, что ручьевые миноги нерестятся в этих местах, с чем согласны и давнишние наблюдения Бальднера. Август Мюллер, давший самое подробное описание нереста этих рыб и развития их яйца и молодых рыбок, видел, как самцы-молошники присасывались к затылку икрятников и изгибались таким образом, что брюхо самца прижималось к брюху самки; тогда последняя начинала выпускать свои яички, а самец в то же время выпускал свои молоки. Самка, впрочем, никогда не мечет всех яичек разом, а выпускает их в несколько приемов. Яички эти цветом бледно-желтые, имеют в поперечнике почти пол-линии и относительно крупнее и малочисленнее, чем у большинства наших рыб и даже речной миноги, хотя все-таки их следует считать тысячами.

В конце того же дня в яйце начинается образование зародыша и через две с половиной недели оболочка яйца лопается и из него выходит молодая рыбка.

Последняя, однако, резко отличается как от своих родителей, так и вообще от всех других рыб. Прежде всего обращает на себя внимание совершенное отсутствие желточного пузыря, какой замечается первоначально у всех молодых рыбок и в первые дни жизни, когда они еще слишком слабы для отыскания себе пищи, поддерживает их существование. Это обстоятельство легко объясняется тем, что в яичке миноги весь желток, подобно тому как у лягушек, идет на образование зародыша. Затем у молодой миножки глаза, которые у других рыбок всегда бывают несоразмерно велики, являются в виде двух малозаметных черных точек, и наконец, и самое устройство головы ее оказывается весьма отличным от такового же устройства у старых миног.

Таким образом, молодая миножка имеет отдаленное сходство со старой, и мы

видим здесь замечательный и единственный пример существования личинки у рыб. При дальнейшем развитии не остается уже никакого сомнения, что эта личинка есть та самая рыбка, которая долгое время, до конца пятидесятих годов, когда вышли упомянутые исследования Августа Мюллера, считалась под названием пескоройки совершенно отдельным видом, причислявшимся даже к другому роду. Это будет весьма понятно, если мы скажем, что очень маленькая голова пескоройки вовсе лишена зубов, столь многочисленных у взрослой миноги, и снабжена не одной кольцеобразной губой, а двумя – верхней и нижней, из которых первая несравненно шире и с боков вполне закрывает последнюю, что глаза их, первоначально являющиеся в виде двух черных точек, вскоре становятся уже вовсе неприметными. Отсюда, конечно, и происходит название их – слепые вьюнчики, употребительное у большинства русских рыбаков, считающих их совсем другой рыбой, даже не рыбой, а червяком.

Эти слепые личинки ручьевых миног – пескоройки – ведут совсем отличный образ жизни. Они постоянно живут в подводном песке и иле, где выбуравливают себе бороздки и дырочки и иногда даже выползают частью на сушу. Пища их тоже состоит не из животных веществ, как это было наблюдаемо у речных миног, а исключительно из растительных остатков, добываемых ими в иле. Устройство рта, очевидно, не позволяет пескоройке присасываться к каким бы то ни было предметам, и она питается и дышит обыкновенным способом. Хотя пескоройки тоже ведут весьма скрытую жизнь, но все-таки они замечаются гораздо чаще самих ручьевых миног, которых все наблюдатели видели исключительно весной, т. е. во время нереста, когда плавники их бывают очень развиты, реже осенью и зимой. После нереста ручьевые миноги совершенно исчезают до осени, и весьма вероятно предположение многих ученых, что после окончания нереста взрослая ручьевая минога умирает, подобно взрослым формам многих насекомых, и вообще живет очень недолгое время, не более 9–10 мес. Это доказывается, во-первых, тем, что ручьевые пескоройки превращаются в миног в начале осени, затем – чрезвычайно узким пищеприемным каналом последних, который, по-видимому, вовсе не может служить для принятия пищи, и, наконец, тем, что до сих пор никто не видал ручьевых миног летом.

Но в виде личинки, т. е. в форме пескоройки, ручьевая минога живет гораздо долее. Исследования Мюллера показали, что ручьевая минога сохраняет форму личинки не менее трех лет; только по прошествии этого времени пескоройки, растущие весьма медленно, достигают величины, одинаковой со взрослой миногой, т. е. 5–7, иногда даже 8 д., и обыкновенно в начале осени начинают превращаться в настоящих миног.

Превращение это совершается довольно быстро, но вместе постепенно и заканчивается в конце осени или в начале зимы. Прежде всего, верхняя губа начинает срастаться с нижней, и рот получает мало-помалу круглую форму, хотя первоначально бывает еще очень узок. В то же время голова начинает сильно расти в длину, глаза выдвигаются из своих ямочек, прорывают прикрывающую их кожицу и значительно увеличиваются в объеме. Кольцеобразная губа делается все шире и шире; на ней, а также в полости рта и на языке развиваются зубы, а самая губа обрастает мелкими и густыми нитевидными усиками, замечаемыми у взрослых миног. Параллельно с преобразованием головы идет преобразование жаберного аппарата: жаберные мешочки, существующие и у пескороек в том же числе, перестают наполняться водой через внешние дырочки, короче, прекращается сообщение мешочков с полостью рта.

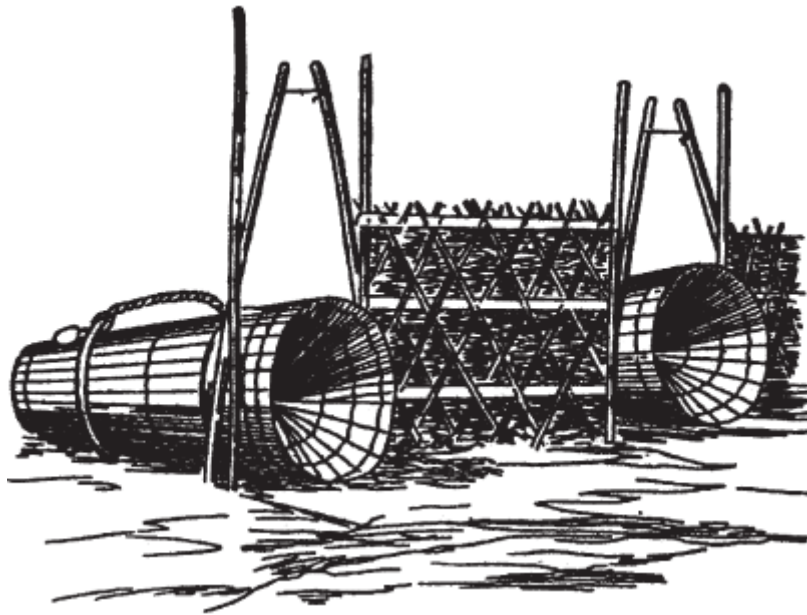

Рис. 214. Бьюницы

После всего начинают увеличиваться плавники пескоройки, внутри их развиваются хрящеватые лучи, более желтый цвет кожи изменяется в серебристый, и, наконец, получается уже совершенная минога.

Но одно обстоятельство делает весьма вероятным предположение, что даже пескоройки, т. е. личинки, могут метать икру и что превращение ручьевой миноги, быть может, сопряжено с переменой поколений, т. е. личинки миног производят сначала таких же пескороек, которые уже затем превращаются в настоящих миног!

К такому заключению приводят следующие обстоятельства: во-первых, уже на втором году, по наблюдениям Мюллера, у пескороек развивались икра и молоки, в особенности первая. Во-вторых, возможность нереста пескороек на 3-м году своего существования доказывается свидетельством русского ихтиолога Кесслера, по словам которого в одной из речек Киевской губернии почти ежегодно в первой половине апреля повторялось следующее странное явление: в один ясный день покажутся пескоройки в огромном количестве, вращаются туда и сюда по песчаному грунту, выползают частью на сушу, пробуравливают дырочки в песке, а потом на другой день опять исчезают. Много численные бороздки эти видел и сам Кесслер.

Но есть еще косвенные подтверждения того, что, весьма вероятно, пескоройки, достигнув двухлетнего возраста, ежегодно мечут икру и производят подобных себе личинок. Пескоройки вообще достигают заметно большей величины, чем самые ручьевые миноги, которые иногда бывают всего в $4\frac{1}{5}$ д. длиною, откуда можно заключить, что не все личинки превращаются в миног, достигнув известного возраста. Затем нетрудно сообразить, что если мы примем, что все пескоройки на 4-м г. превращаются в миног, то необходимо допустить, что нерест миног, да и самые ручьевые миноги должны замечаться и нереститься через каждые четыре года, что ни с чем не сообразно и чему противоречат и мои наблюдения.

Таким образом, весьма возможно, что и пескоройки ручьевых миног, достигнув известного возраста, нерестятся каждый год и производят таких же, но уже бесплодных пескороек, которые по прошествии некоторого времени, быть может, и не на четвертом году, превращаются в миног, которые опять производят размножающихся пескороек.

Вообще же естественная история ручьевой миноги до сих пор представляет много пробелов и потому требует дальнейших наблюдений. Ямогу прибавить еще личное свое наблюдение, что личинки ручьевых миног, вероятно, сменяют кожу, подобно змеям, т. к. нашел раз такую шкурку.

По наблюдениям немецких ученых, ход речной миноги в реках Балтийского моря

начинается еще с осени, метание же икры производится весной, в первые теплые майские дни, в речках же и ручьях – на быстрой воде и между камнями. К последним миноги присасываются партиями штук по 10–50 и выбивают тут же небольшие ямки для помещения икры. Икру мечут в полдневные часы, и нерест легко наблюдать, потому что рыбы настолько смиренны, что можно подбирать выпускаемую ими икру. Обыкновенно самка присасывается к камню, а самец к ее затылку, и оба извиваются. Это совокупление повторяется несколько дней. Яиц 9–10 тыс. сероватого или желтоватого цвета в 1 мм диаметром; большею частью они забиваются течением под камни. Окончив нерест, рыбы вскоре умирают. Молодь выходит через 3 недели и имеет вид желтовато-белых червей, которые вскоре зарываются в песок или ил. В виде личинок она остается 4–5 лет, достигая величины до 20 сантиметров. Личинки сходны с ручьевыми пескоройками, но отличаются от них синеватым цветом спины и раздельными спинными плавниками, у ручьевой пескоройки слитыми. Так как нередко попадаются очень небольшие речные миноги – менее 4 д., между тем как наибольшие из них достигают более полутора фута в длину, то надо полагать, что личинки речной миноги подвергаются превращению раньше, нежели личинки ручьевой.

Речные пескоройки местами весьма многочисленны, и они-то по преимуществу известны на Волге и Неве под названием слепых вьюнчиков. В огромном количестве держатся они в последней реке и в устьях ее, где наподобие червей живут постоянно в подводном иле, откуда пете рбургские рыбаки добывают их для наживки крючков. Осенью, по-видимому в сентябре, по свидетельству Кесслера, между ними уже встречаются, так сказать, переходные формы, т. е. начинается их превращение в речных миног.

Первое изменение, происходящее с этими личинками, когда они еще бывают в длину не более 2 д., заключается в том, что показываются глаза, первоначально еще очень мало заметные, но затем развивающиеся все более и более вместе с другими частями тела. Эти противоречивые наблюдения требуют проверки, и желательно было бы получить от рыболовов-охотников более подробные сведения о веретеницах и пискавках, служащих им одною из лучших насадок.

Получив свою настоящую форму, речные миноги, по всей вероятности, остаются на тех же местах, где совершилось их превращение, и только почти через год (?) – в конце будущего лета, именно в последних числах июля или в начале августа, – начинают идти вверх по реке. Это подтверждается тем, что у мелких речных миног вскоре после окончания превращения икра и молоки в особенности представляются весьма мало развитыми, а также потому, что с этого времени начинается и наиболее обильный лов миног, причем они чаще всего бывают от 9 до 13 д. длиной. Этот осенний и зимний ход молодых миног и послужил, вероятно, поводом к весьма распространенному мнению большинства рыбаков, что минога нерестится зимою, в январе и феврале.

При этом ходе против воды речных миног останавливают не только быстрые перекаты, но даже самые водопады. Напротив, она даже выбирает при этом самую стремнину и, по уверению нарвских рыбаков, бывает в состоянии при помощи своей присасывательной губы взобраться на отвесные скалы, образующие Нарвский водопад.

До сих пор правильный миножный промысел и маринование их производятся, притом с давних времен, только в Неве, Нарве и вообще во всех более значительных реках, впадающих в Финский залив, в остзейских губерниях и в р. Онеге, впадающей в Белое море; только весьма недавно начали вытапливать жир и мариновать миног в низовьях Волги, где до шестидесятых годов, как, например, под Саратовом, их вычерпывали из прорубей черпаками и ведрами и выбрасывали на лед без всякой пользы. Первые опыты маринования миног были сделаны в Астрахани только лет

двадцать назад, но огромное количество их в низовьях Волги дает надежду на обширное развитие тамошнего миножного промысла. В нижних частях Куры миноги тоже встречаются в громадном количестве: еще в пятидесятых годах их там сушили и продавали за бесценок бедному населению Кавказа, которое употребляло их вместо свеч.

Вообще следует заметить, что речные миноги всего многочисленнее в нижних частях течений рек и потому главный лов их производится в низовьях. В Волге, например, речная минога попадает в множество никак не выше Казани; под Ярославлем она уже далеко не так обыкновенна, и здесь, а тем более еще выше вверх по Волге навряд ли когда разовьется этот новый промысел.

В настоящее время ловля миног в наиболее обширных размерах производится в Нижней Волге, в Куре, Неве, Нарве, затем Онеге, но только в трех последних реках вся масса добываемых миног маринуется и составляет весьма важную и выгодную отрасль рыбной промышленности. Прежде всего, этот промысел получил свое развитие под Нарвою, и потому в большинстве случаев маринованные миноги известны в торговле под названием нарвских. Под Петербургом ловля миног началась уже лет семьдесят назад, когда сюда пришли некоторые рыбаки, успевшие познакомиться с миножным делом в Нарве. В настоящее время миножный промысел сосредоточивается, по-видимому, около Петропавловской крепости, на Петербургской стороне, где ежегодно поселяется несколько приезжих (из внутренних губерний) хозяев-миножников с своими артелями.

Ловля миног производится здесь исключительно снарядами, называемыми бураками или мордами. Бурак имеет форму сахарной головы и состоит из конической трубки около аршина длиною, которая делается из бересты или лучины; в широкий конец этой трубки вделывается воронка из бересты, а узкий конец затыкается деревянною пробкою. Известное число таких бураков – от 90 до 100 шт. и более – привязывается к одной длинной веревке в расстоянии около аршина друг от друга и вместе с веревкою опускается на ночь на дно реки, где эти морды ложатся таким образом, что широкий конец их с воронкою бывает обращен вниз, по течению воды. Миноги, которые поднимаются осенью вверх по реке, встречая на своем пути бураки, заползают в них через воронку и уже не могут выйти оттуда. При сильном ходе этих рыб случается, что в один бурак набирается их до 50 шт. и более. В р. Онеге ловят их так называемыми вьюницами, которые имеют форму не конуса, а бочки, составленной из лучин, в 1 1/4 арш. длиною и имеющей около 11 вершков в диаметре. Лучины эти скреплены между собою в трех местах веревочками, и на них набиты еще два обруча; в открытый конец бочки вставляется горло или так называемый ятынец, т. е. воронка, в 9 верш. длины и тоже составленная из лучинок, скрепленных между собою веревочками: основание этого горла пришивается веревками же к самому устью бочки, и узкое отверстие имеет не более полувершка в диаметре. Лов миног начинается здесь с 1 августа и продолжается только до заморозков. Обыкновенно вьюницы ставятся по десяти в ряд вдоль берега, преимущественно около камней и в отверстиях небольших заборов, называемых городками и сделанных из ивовых ветвей. При удачном лове в вьюницу иногда попадает до 800 миног, но вообще здесь навряд ли налавливается более 100 п., что, впрочем, зависит более от малочисленности рыбаков.

Большое количество миног, по несколько сот тысяч штук, вывозится ежегодно за границу на судах, приходящих в С.-Петербург с фруктами, так что, весьма вероятно, количество добываемых миног здесь следует считать тысячами, а может быть, и десятками тысяч пудов.

В еще большем количестве, хот я более случайно и без настоящих миножных снастей, добываются миноги на Нижней Волге и Куре, но здесь по крайней мере 3/4 улова идет для добывания рыбьего жира. Лов миноги начинается в 50 верстах ниже

Саратова (выше она попадает редко, т. к. почти вся вылавливается). Ниже Астрахани миноги показываются в октябре, и ход ее продолжается до декабря. Ловля производится, как и везде, частыми неретами (мордами), сплетенными из тальника. Ловцам платят по 1р. 50 к. за пуд. Количество миног, вылавливаемых в Нижней Волге, весьма значительно, и его должно считать десятками тысяч пудов. За пуд жира платят от 2 до 4 р.

Личинки речных миног, известные на Неве под названием живчиков и слепых вьюнчиков, на Днепре – веретениц и в Воронеже – пискавок, служат местами, где они встречаются в большом количестве, одною из лучших насадок для ловли хищной и даже не хищной рыбы на донные удочки и переметы, в особенности для голавля, соменка, окуня и налима. На Неве слепые вьюнчики попадают в большом количестве на взморье в иле, откуда их достают, зачерпывая какой-нибудь посудой и промывая. В бассейне Сев. Двины они встречаются в большом количестве в заводях и озерах, образуемых рекой, где их ловят прямо руками под берегом. В р. Воронеже главное местопребывание пискавы – близ мостов, по илистым с перегноем затончикам, вообще там, где при среднем течении или почти заводи дно очень рыхло, вязко и унавожено. В таких местах встречается самая крупная и жирная пискава, но обыкновенно очень вялая и квёлая, почему охотники предпочитают ей средних и почти мелких пискав, которые главным образом добываются под коблами (глыбы чернозема, оторванные во время половодья от берега), на быстрых мелких местах и песчанистом грунте. Воронежские рыболовы добывают пискав, доставая перегной широкой лопатой или выворачивая со дна коблы и разбирая содержимое на берегу; но всего удобнее доставать эту насадку прочным саком. Последний делается здесь из самого большого кухонного рогаца, на концы которого, несколько разведенные, приделывается железная полоска вроде скребка, а рукоятка, согнутая под углом, укрепляется к длинному легкому шестуку. К самому рогацу и скребку пришивается редкий, вместительный мешок с пробитыми для стока воды дырочками. Такими гребками можно добывать пискав прямо с берега, не заходя в воду, что осенью крайне неудобно.

Пискава – один из самых прочных живцов и при благоприятных условиях может жить дней 7–8. Всего лучше держать их в деревянной садке, опущенной с камнем на средину или почти на дно в свежую, проточную воду. Можно по суткам держать их в большом мешке из рядна, натиская в него травы и опустив (с камнем) у берега под куст, в тени или под лодку. На ночь, если в воздухе холоднее, чем в воде, лишнее мешок помещать на поверхности, развязывая его край, несколько поднятый выше уровня, чтобы не ушло содержимое. При свободном доступе свежего воздуха количество необходимого кислорода увеличивается и уже начинавшие было засыпать приобретают и силу, и замечательную вертлявость. Замечено, что пискавы, делающиеся в садке красноватыми, живут гораздо дольше; те же, которые белеют, недолговечны, и их надо или немедленно употребить в дело, или выбросить. Заснувшая пискавка разлагается чрезвычайно быстро и губит здоровых. На небольшое расстояние пискав очень легко перевозить в цинковых (во избежание ржавчины) посудинах, набитых свежей, смоченной травой или, еще лучше, на которую положен сверху кусок льда.

Приложения

Список сокращений

- алеут. – алеутски й (алеуты)
- англ. – английский
- апр. – апрель

ар., арш. – аршин
арм. – армянский
арханг. – архангельский
Астрах. – Астраханский

б. ч. – большею частью
бар. – барон
бараб. – барабинский (барабинцы)
башк. – башкирский
берез. ост., берез. остяк. – березовские остяки (остяки)
библ. – библиографический
бл. – близь
бол. – большой
Брест-Литов. – Брест-Литовский
бурят., бурятск. – бурятский
бух., бухарск. – бухарский (бухарцы)
быстр. – быстрый

в., вер. – верста
в. – вершок, век
великор. – великорусский (великороссы)
верх. – верховая
весен. – весенний
внутр. – внутренний
вог., вогульск. – вогульский (вогулы)
вот., вотяцк. – вотяцкий (вотяки)
выс. – высочайше

г. – город, год, господин
гг. – годы, господа
гиляк., гиляцк. – гиляцкий, гиляцкий (гиляки)
голичн. – годичный
гольд. – гольдский (гольды)
горн. – горный
гр. – грамм
грамм. – граммов
Гродн. – Гродненская (губерния)
груз. – грузинский
губ. – губерния

д. – дюйм, далее, доля (мера веса)
д. б. – должен быть
дальн. – дальность
дол. – доля (мера веса)
др., друг. – другой, других, друг ие, дробь
дроб. – дробина
дюйм. – дюймовый

европ. – европейский
енис. тат. – енисейские татары

ж. д., жел. дор. – железная дорога

з., зол., золотн. – золотник
зам. – заметки
замеч. – замечания
записн. – записной
зим., зимн. – зимний
зыр. – зырянский (зыряне)

ижорск. – ижорский (ижора)
изготовл. – изготовлен
изд. – издание
иностр. – иностранный
инбацк. – инбацкий, правильное – инбакский (инбаки)

к., коп. – копейка, копеечный
к. с. – копейка серебром
каз. тат. – казанские татары
каз. черемис. – казанские черемисы
к ал., калиб. – калибр
калм. – калмыцкий
камчад. – камчадальский (камчадалы)
карельск., корел. – карельский
карт. – картина
кач. тат., качинск. тат. – качинские татары
квадр. – квадратный
кет., кетск. – кетский (кеты)
кил., килогр. – килограмм
кирг. – киргизский
кн. – князь, книга
койб., койбал. – койбальский (койбалы)
кол. – колено (удочки)
корел. – то же, что и карельский
коряцк. – коряцкий (коряки)
кредит. – кредитный
крымск. тат. – крымские татары

л., лин. – линия (мера длины)
лак. ост. – лакские остяки
ламут., ламутск. – ламутский (ламуты)
лат., л атыш. – латышский
лист. – листок
лит., литовск. – литовский
лит. – литература
любит. – любитель, любительский

м. – месяц, метр
м. б. – может быть
мал. – малый
малор. – малороссийский (малороссы)
мандж. – манджурский (манджуры)
мандус. – мандусский (мандусы)
мелк. – мелкий

мест. – местный
мет., метр. – метров
милл., миллим., мм – миллиметр
милл. – миллион
мн., мног. – многие
могущ. – могущий
монг. – монгольский
москов. – московский

назыв. – называемый
напр. – например
начал. – начальная
неб. – небольшой
недозволен. – недозволенный
незапис. – незаписанный
нек. – некоторые, некоторый
необ. – необычный
нижегор. – нижегородский
Новгор. – Новгородский
Новорос. – Новороссийский (край)

о-в – остров
обз. – обзор
обоз. – обозрение
общ. – общество
оз. – озеро
ок. – около
окр. – округ, окрестности
окрест. – окрестности
«Олон. г. вед.» – «Олонецкие губернские ведомости», газета
опис. – описание
оренб. тат. – оренбургские татары
осен. – осенний
ост., остяц., остяцк. – остяцкий (остяки)
ост. инбацк. – остяки инбацкие
> ост.-вог. – остяко-вогульский
ост.-сам. – остяко-самоедский
отд. – отдел
откр. – открытие
относ. – относительный
относит. – относительно
ох. – охота
очер. – очередной

п. – пуд
памятн. – памятник
перепеч. – перепечатано
перм., пермяцк. – пермяцкий (пермяки)
перс., персидск. – персидский
подробн. – подробный
политип. – политипаж
полт. – полтавский

польск. – польский
пр. – прочие, прочее
«Пр. и ох.», «Пр. ох.» – «Природа и охота», журнал
принадл., принадлежн. – принадлежности
проч. – прочее
пуд. – пудов
путеш. – путешествие

р. – река, рубль, ружейный, ружья
р. ассигн. – рубль ассигнациями
р. с., р., сер., руб. сер. – рубль серебром
разн. изв. – разные известия
результ. – результат
рис. – рисунок
руб. – рубль
руковод. – руководство
«Рус. вед.» – «Русские ведомости», газета
русинск. – русинский (русины)
рыбол. – рыболовный

с. – село, сажень, сантиметр, страница
с. ш. – северная широта
С– – Сент– (в географических названиях)
С-т – Сент-, Санкт– (в географических названиях)
саж. – сажень
сам., самоедск. – самоедский (самоеды)
сант., сантим. – сантиметр
сарт . – сартский (сарты)
СВ – северо-восток
сев. – северный
сек. – секунда
сем. – семейство
Сергачск. – Сергачский (уезд)
серебр. – серебряный
скор. – скорость
след. – следующий
см. – смотри
снар. – снаряжение
собр. – собрание
сосв. вог. – сосьвинские вогулы
Спб – Санкт-Петербург
справ. – справочный
средн. – средний
средств. – средством
ст. – статья, станция, станица
ст. ст. – старого стиля
ставроп. – ставропольский
сторубл. – сторублевый
стр., стран. – страница

т. – тысяча, тысяч, том
т. е. – то есть

т. д. – так далее
т. к. – так как
т. н., т. наз. – так называемый
т. п. – тому подобное
т. с. – тем самым
т. ск. – так сказать
тавгин., тавгинц. – тавгинский (тавгинцы)
тат. – татарский
тат.-башк. – татаро-башкирский
телеут. – телеутский (телеуты)
температ. – температура
товар. – товарищество
томск. тат. – томские татары
тунг. – тунгусский (тунгусы)
туркм. – туркменский
тыс. – тысяча

у. – уезд
уд. – удельный
удил. – удилице
удобн. – удобный
уж., ужен. – ужение
узб. – узбекский
унц. – унция
утв. – утвержденный

ф. – фунт, фут
финск. – финский
фр. – франк
франк. – франков
франц. – французский
фун., фунт. – фунтов
фут. – футов

Хвалыинск. – хвалыинский
ходженск. – ходженский (ходзены)
хив. – хивинский (хивинцы)
хищн. – хищный

центр. – центральный
цилиндрич. – цилиндрический

ч. – часть, час
чер. – чертеж
черем. – черемисский (черемисы)
черем. каз. – черемисы казанские
четв. – четверть
чув., чувашск. – чувашский
чулымск. тат. – чулымские татары
чус. вог. – чусовские вогулы

шаг. – шагов

шереш. – шерешпер
 шил. – шиллинг
 шомп. – шомпол
 шт. – штука

эст. – эстонский

ю. – южный
 юго-вост. – юго-восточный
 юго-зап. – юго-западный
 юкаг., юкагирск. – юкагирский (юкагиры)
 юрацк. – юрацкий (юраки)

якутс. – якутский
 японск. – японский
 Яросл. – Ярославская (губерния)

Таблица нумерации крючков

Старая нумерация	Современная нумерация	Старая нумерация	Современная нумерация
Одинарные		Двойные	
№ 17 («мушинные»)	Не выпускаются	№ 22	№ 5
№ 16 («заглочные»)	Не выпускаются	№ 21	№ 6
№ 15	№ 2,5	№ 20	№ 7
№ 14	№ 3	№ 18	№ 8,5
№ 13	№ 3,5	Тройные	
№ 12	№ 4	№ 10	№ 5
№ 10	№ 5	№ 7	№ 6
№ 8	№ 6	№ 2	№ 8,5
№ 6	№ 7	№ 1/0	№ 10
№ 4	№ 8,5	№ 2/0	№ 12
№ 2	№ 10	№ 5/0	№ 14
№ 2/0	№ 12	№ 7/0	№ 20
№ 5/0	№ 14	№ 10/0	№ 20

Старые русские и зарубежные меры

Меры длины

Аршин (16 вершков) = 71,12 см

Верста (500 сажений) = 1,0668 км

Верста межевая (1000 сажений) = 2,1336 км

Вершок = 4,45 см

Дюйм = 2,54 см

Линия = 2,54 мм

Линия английская = 2,12 мм
Миля = 1,609 км
Пядь (4 вершка) = 17,78 см
Сажень (3 аршина) = 2,1336 м
Точка = 0,25 мм
Точка английская = 0,35 мм
Фут = 30,48 см
Четверть (аршинная) = 18 см
Ярд = 91,44 см

Меры веса

Берковец (10 пудов) = 163,8 кг
Гран = 62,2 мг
Гран английский = 64,8 мг
Доля = 44,43 мг
Драхма аптекарская = 3,732 г
Драхма аптекарская английская = 3,888 г
Золотник = 4,266 г
Лот (3 золотника) = 12,8 г
Пуд (40 фунтов) = 16,38 кг
Скрупул = 1,244 г
Скрупул английский = 1,296 г
Унция аптекарская = 29,86 г
Унция аптекарская английская = 31,103 г
Фунт (96 золотников) = 409,51 г

Меры сыпучих тел

Гарнец = 3,28 л
Мера = 26,24 л
Полуштоф = 0,615 л
Четвертик = 26,24 л

Меры объема

Бочка (40 ведер) = 491,96 л
Ведро = 12,3 л
Галлон английский = 4,546 дм³
Четверть (1/4 ведра) = 3,08 л
Штоф = 1,23 л

Меры площади

Десятина (2400 кв. сажений) = 1,09 га

Календарь

Алексея – 17 марта ст. ст. – 30 марта нов. ст.
Благовещение – 25 марта ст. ст. – 7 апреля нов. ст.
Великий пост – период между Масленицей и Пасхой.
Вешний Никола – 9 мая ст. ст. – 22 мая нов. ст.
Воздвижение – 14 сентября ст. ст. – 28 сентября нов. ст.
Димитрий – 26 октября ст. ст. – 8 ноября нов. ст.
Егорьев день – 22 апреля ст. ст. – 5 мая нов. ст.
Иван Постный – 29 августа ст. ст. – 11 сентября нов. ст.

Ильин день – 20 июля ст. ст. – 2 августа нов. ст.
Казанская Божия Матерь – 8 июля ст. ст. – 21 июля нов. ст.
Крещение – 6 января ст. ст. – 19 января нов. ст.
Масленица – древнеславянский языческий многодневный праздник проводов зимы, отмечается в последнюю неделю перед Великим постом.
Михайлов день – 8 ноября ст. ст. – 21 ноября нов. ст.
Николин день (Вешний Никола) – 9 мая ст. ст. – 22 мая нов. ст.
Пасха – древнейший христ ианский праздник, отмечается в первое воскресенье после полнолуния после 21 марта.
Петровки, Петров день – 29 июня ст. ст. – 12 июля нов. ст.
Покров – 1 октября ст. ст. – 14 октября нов. ст.
Рождество (православное) – 25 декабря ст. ст. – 7 января нов. ст.
Рождественский пост – соблюдается с 15 ноября по 24 декабря.
Святки – время между Рождеством и Крещением
Сретенье – 2 февраля ст. ст. – 15 февраля нов. ст.
Флора и Лавра – 18 августа ст. ст. – 31 августа нов. ст.
Царя Константина – 11 мая ст. ст. – 24 мая нов. ст.

Словарь редких и устаревших слов

Аск – поводок.
Ассафетида, или чертов кал – вонючая смола растения *Ferula assafcefigida*.
Враг – вражек, враговина, овраг, овражек, глубокая водороина.
Галаган – икра судака, вынутая из рыбы целиком, в оболочке (ястык) и посоленная сухой солью; служит предметом экспорта.
Дунет – самая мелкая ружейная дробь № 12.
Ерик – протока, соединяющая реку или отдельные рукава с пойменным озером или пойменные озера друг с другом; ложбины временных потоков, образующихся на пойме при разливах рек.
Животка – мелкая рыбка, посаженная на крючок для приманки.
Ильмень – «озеро, особенно образующееся от широкого разлива реки; озеро, в которое впадает река и из него снова вытекает... разливы, поймы среди камышей. Вообще же у ильменяберега в камышовых, тростниковых, мокрых зарослях; голое озеро не ильмень» (В. Даль).
Кнея – отъемный лесок, лесной остров, сплошной кустарник.
Коблы – подмытые течением и упавшие в воду куски земли (берега).
Косная (сталь) – сталь для изготовления кос, т.е. качественная. < br> Кочешный – кочанообразный.
Луда – небольшой каменистый остров, лишенный растительности; длинная мель; выход в русло реки коренных скальных пород.
Маренник – марена, растение, произрастающее в прикаспийских степях и разводимое на Кавказе.
Мешкотный – медлительный, вялый, неловкий.
Миологический – относящийся к миологии, ученье о мышцах.
Петролиум – петролеум, нефть.
Поводливая – легко вываживаемая рыба.
Полба – вид пшеницы.
Станица – то же, что стая.
Суртан – щука.
Томпак – сплав меди с цинком.
Трепел – тонкопористая осадочная горная порода, состоящая из микроскопических зерен опалового кремнезема.

Урёма – лес в болотистой низине, кустарник по берегу речек.
Упористая – трудно вываживаемая рыба.
Хрящ – крупный песок с самой мелкой галькой.
Чакан – местное (Астрахань, Дон) название болотного растения Турфа.
Черепки, черепа – ледяной слой на земле или на снегу, гололед, наледь.
Чилим, водяное растение *Typha patens* и его орехи – чертовы, или водяные, орехи.
Чумичка – железная или большая деревянная ложка для стряпни.

Этнографические названия

Барабинцы – барабинские татары, потомки народностей, входивших в XVI в. в Сибирское, или Кучумово, царство.

Бухарцы сибирские – группа татар, переселившихся в XV – XVI вв. из Средней Азии в северные районы современной Омской и частично в Тюменскую обл.

Вогулы – прежнее (до 30-х гг. XX в.) название народа манси – коренного населения Ханты-Мансийского (до 1940 г. Остяко-Вогульского) национального округа Тюменской обл.

Вотяки – прежнее название удмуртов, коренного населения современной Удмуртии.

Гиляки – прежнее название нивхов, живущих по нижнему течению Амура (Хабаровский край) и в северной и средней части о. Сахалин.

Гольды – прежнее название нанайцев – одной из народностей Приамурья, живущей по обоим берегам Амура вниз от устья р. Уссури и по правым притокам р. Уссури (Приморский край).

Зыряне – прежнее название народа коми, живущего в основной массе на территории современной республики Коми.

Ижора, ижорцы – небольшая неславянская народность, жившая в бассейне притока Невы – Ижоры.

Инбаки – одна из групп народности Кеты (см.).

Камчадалы – с XVIII в. так называли в России коренное население Камчатки – ительменов, впоследствии также их потомков – коряков и чуванцев, слившихся с русскими, и русских переселенцев XVIII – XIX вв., живших на Камчатке, Чукотке и Охотском побережье.

Кеты, также енисейские остяки, енисейцы – небольшая по численности народность, обитающая в районах среднего и нижнего течения Енисея – по рр. Кеть, Сым, Кас и др. (Красноярский край).

Койбалы – этнографическая группа в составе современных хакасов, живущая между средним течением Абакана и Енисеем в Хакасии.

Коряки – коренное население Корякского национального округа Камчатской обл.

Ламуты – ранее (до 1930 г.) употреблявшееся название эвенов, живущих на северо-востоке Якутии, на Чукотке, в Корякском национальном округе Хабаровского края и в Быстринском районе Камчатской обл.

Манджуры, правильное маньчжуры – коренное население северо-восточных районов Китая.

Остяки – прежнее (до 30-х гг. XX в.) название хантов – коренного населения Ханты-Мансийского (до 1940 г. Остяко-Вогульского) национального округа Тюменской обл.

Остяко-самоеды – прежнее (до 30-х гг. XX в.) название селькупов – народности Западной Сибири, живущей на севере Томской обл., Красноярского края и Ямало-Ненецкого национального округа.

Самоеды – старое название целой группы народов, говорящих на самодийских языках. Собственно самоедами (а также самоедами-юраками и просто юраками) называли ненцев, живущих к западу от реки Таз (Тюменской обл.). Кроме того,

енисейскими самоедами называли энцев, самоедами-тавгийцами (или тавгинцами) – нганасанов, остяко-самоедами – селькупов.

Сарты – так прежде называлась группа оседлого населения узбеков Ташкентского, Хорезмского и Ферганского оазисов, а также Южного Казахстана.

Татары – собирательное название некоторых тюркоязычных народов (кроме татар – основного населения Татарстана): поволжские татары (казанские, касимовские и астраханские), сибирские (тобольские, чулымские, енисейские, качинские, томские и барабинские), оренбургские, башкирские, крымские.

Тунгусы – устаревшее название эвенков, живущих главным образом в Эвенкийском национальном округе Красноярского края, частью в Томской, Иркутской, Читинской, Амурской и Сахалинской обл., Хабаровском крае и Якутии.

Ходзены, ходзяны, ходжены – народность, жившая на р. Уссури (Дальний Восток) и к началу XX в. практически растворившаяся среди других народностей Приамурья.

Черемисы – прежнее (до 1918 г.) название марийцев – коренного населения Марийской республики. Живут также в Башкортостане, Удмуртии и Татарстане, в Вятской, Нижегородской, Пермской и Екатеринбургской обл.

Юкагиры – народ севера Восточной Сибири, живущий в Нижне-Колымском районе Якутии и в верховьях р. Колымы в Магаданской обл.

Объяснение терминов, употребляющихся при определении рыбы

Для объяснения различных терминов и указания способов измерений рыбы прилагается рисунок рыбы из семейства карповых, а именно клепца (*Abramis sapa* Pall):

ab – длина тела от носа до конца хвоста;

ac – длина тела от носа до основания хвоста;

ag – длина головы от носа до жаберного отверстия;

de – продольный диаметр глаза;

ad – расстояние от носа до переднего края глаза;

ef – расстояние от заднего края глаза до заднего края предкрышечной кости;

eg – расстояние от заднего края глаза до заднего конца жаберной крышки, или до жаберного отверстия;

kmnl – спинной плавник;

kl – длина основания спинного плавника;

km – высота спинного плавника;

п – задний угол спинного плавника;

orgq – заднепроходный плавник;

ор – длина основания заднепроходного плавника;

оq – высота заднепроходного плавника;

r – задний угол заднепроходного плавника;

stvu – грудной плавник;

su – длина грудного плавника;

wyzz – брюшной плавник;

wx – длина брюшного плавника;

h – вершина верхней лопасти хвостового плавника;

i – вершина нижней лопасти хвостового плавника;

ab – боковая линия;

gd – высота головы около затылка;

es – наибольшая высота тела перед спинным плавником;

hq – наименьшая высота тела перед хвостовым плавником.

При счете лучей в грудных и брюшных плавниках, а также в плавниках спинном и заднепроходном показывается обыкновенно отдельно число жестких лучей (у рыб колючеперых) или число простых лучей (у рыб мягкоперых) и отдельно число ветвистых лучей, входящих в состав каждого из них, хотя бы передние жесткие или простые лучи и были очень малы; напротив того, для хвостового плавника приводится большею частью только число полных лучей, крайние же лучи, верхние и нижние, не достигающие вершины лопастей плавника, в расчет не принимаются. Так, например, у клепца в каждом грудном плавнике считается 1 луч простой и 16 ветвистых, в каждом брюшном – 1 луч простой и 8 ветвистых, в спинном – 3 луча простых и 8 ветвистых, а в заднепроходном плавнике – 3 простых (из которых первые два очень мало развиты) и 37 лучей ветвистых; наконец, в хвостовом плавнике 19 полных лучей. В сокращенном виде эта так называемая формула рыбы обыкновенно пишется следующим образом:

Гр. 1 | 16. Бр. 1 | 8. Сп. 3 | 8. Зд. 3 | 37. Хв. 19

Число лучей, входящих в состав каждого отдельного плавника, не всегда бывает совершенно постоянно у различных неделимых одного и того же вида, но, с другой стороны, обыкновенно только немного изменяется, а потому может служить хорошим признаком при определении рыб.

Весьма важное значение при определении рыб имеет также вышеупомянутая боковая линия, т. е. узенькая полоска, которая с каждой стороны тела проходит от верхнего края жаберного отверстия к середине основания хвостового плавника и составляется из разных трубочек, плотно прилегающих к соответственным чешуйкам. Число этих трубочек, образующих боковую линию, или же число чешуек, по которым проходит боковая линия, бывает очень различно для различных видов рыб, но более или менее постоянно для особей одного и того же вида. Поэтому число чешуек, занимающих боковую линию, равно как и число продольных рядов чешуек, лежащих над боковой линией, между нею и основанием спинного плавника, и число рядов чешуек, лежащих под боковой линией, между нею и основанием брюшного плавника, также могут служить важным пособием при определении рыб. Само собою разумеется, что чем чешуя рыб мельче, тем более чешуек будет находиться в боковой линии и тем более будет рядов чешуи над и под нею. У клепца, например, число чешуек в боковой линии изменяется от 51 до 53, число рядов между боковой линией и основанием спинного плавника простирается от 9 до 11, число рядов чешуек между боковой линией и основанием брюшного плавника – от 7 до 8. Выражаются эти числа следующей формулою:

$$41 \frac{IX-XI}{VII-XII} 53.$$